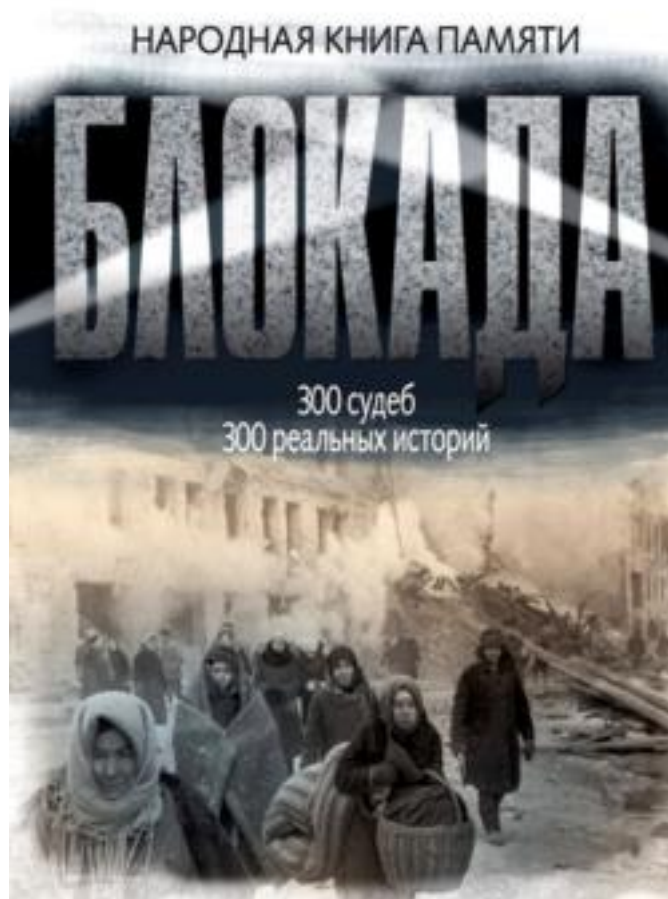


Блокада Ленинграда

Народная книга памяти



В данной книге изданы материалы, собранные в рамках проекта Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» «Блокаде.нет»

Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» выражает большую благодарность за помощь в организации сбора воспоминаний: Общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» (г. Санкт-Петербург) в лице председателя *Скрипачевой Ирины Борисовны*;

Российской общественной организации «Ленинградский Союз „Дети блокады 900“» (г. Санкт-Петербург) в лице президента *Кокряковой Галины Васильевны* и лично членам организации *Годиной Светлане Яковлевне* и *Луговой Ольге Сергеевне*;

Региональной общественной организации воспитанников детских домов Блокадного Ленинграда (г. Санкт-Петербург) в лице председателя *Фадеевой Нины Владимировны*;

Общественной организации «Московская организация ветеранов– блокадников» в лице председателя *Астафьева Олега Африкановича* и лично члену Совета организации *Моисеенко Татьяне Аркадьевне*;

Алтайской краевой общественной организации «Жители Блокадного Ленинграда» в лице председателя *Ерыгиной Светланы Михайловны*;

Симферопольскому городскому обществу «Жители блокадного города-героя Ленинграда» в лице председателя *Кундобы Ирины Александровны*;

Севастопольской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» в лице председателя *Ивановой Галины Александровны*;

Творческому Союзу «Севастопольский фотосалон» в лице руководителя *Желток Светланы Александровны*

Принято считать, что Россия – страна с непредсказуемой историей. В этой иронической метафоре есть большая доля правды. Потому что в этой большой Истории на цепочки фактов часто накладываются мнения специалистов и интерпретации ученых.

Эта книга – попытка создать Историю великой русской трагедии через сотни историй жизни тех, кто пережил блокаду. Как любые истории, которые подразумевают под собой описания и факты из жизни простых людей, они не претендуют на объективность. Для авторов данной книги блокада – это хроника жизни и смерти. Это дневники тех, кому посчастливилось выжить, и тех, кому пришлось умереть. Ради нее. Ради Победы.

Председатель Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» Радик Батыршин

Предисловие

Я необыкновенно горд тем, что мне поручена такая почетная миссия – выступить со своеобразным предисловием к этой книге, потому что для меня это очень важное личное событие.

Как журналисту мне очень много приходится ездить по разным городам и у нас, и за рубежом, и не так давно в одной очень благополучной западной стране,

которая, по большому счету, не участвовала в войне, но теперь является своего рода центром Евросоюза, случилась одна дискуссия на военную тему. Представитель журналистского цеха этой самой замечательной страны с досадой сказал:

– Почему вы все время так эмоционально вспоминаете войну и сколько вы будете на эту тему спекулировать в нашей нынешней действительности двадцать первого века?

Меня это страшно поразило... а он добавляет: «Это же все уже история». И я тогда ему ответил, что это для вас история, а для нас это никакая еще не история, потому что все, что происходило тогда, это то, что происходило с моей семьей и еще с теми, кто не ушли, с теми, кто жив.

В моей семье блокада, вообще война, значит очень много, поскольку у меня оба деда воевали, и воевали очень круто, начали войну лейтенантами, закончили подполковниками, они, может быть, не были какими-то супергероями Советского Союза, но у них по три ордена и по три боевых медали за войну, и всю войну на фронте – с лейтенанта до подполковника, и остались живы. Один был артиллерист – Константинов Павел Игнатьевич, чью фамилию я использую как псевдоним, а Баконин Виктор Дмитриевич был связистом.

У моих дедов – и Сталинград, и Курская битва... А Константинов Павел Игнатьевич просто участвовал в прорыве блокады, и он точно при этом не знал, что с семьей... А семью эвакуировали на Алтай в Бийск – моя мама и мой дядя Сережа чудом остались живы – их вывозили по Дороге жизни, и машина, которая шла перед ними, погибла, потому что был налет авиационный...

Я не могу сказать, что в моей семье много говорят о блокаде, поскольку это страшные воспоминания. Но все то, что говорится, запоминается мгновенно. Я помню с детства страшный рассказ мамы о том, что, когда в сорок втором стало совсем голодно, страшно... она с голодухи маленького дядю Сережу укусила за пальчик... А он – типичный блокадный ребенок, потому что родился уже в блокадном Ленинграде, когда немцы замкнули кольцо, и в сентябре сорок первого он и родился, а в сорок втором мама... И хотя она сама была совсем маленькая, она в тридцать девятом году летом родилась. Моя бабушка, когда еще была жива – Ольга Константиновна, – рассказывала, как мама маленькая, не могла еще толком выговаривать, и она кричала не «тревога!», а «туога, туога!»... Чудом моя бабушка умудрилась выжить с двумя маленькими детьми, когда они эвакуировались на Алтай. А маленькая мама на всю жизнь запомнила, как она укусила своего братика за палец. Вроде бы ничего такого нет в этой

истории, но она передает весь ужас и все то настоящее страшное, что было в те дни.

А еще мама запомнила, как умирала бабушка, моя прабабка, и запомнила, как в последний раз пришел с работы дедушка – мой прадед. Бабушка умирала уже в поезде, когда везли в Бийск, а дедушка умер на работе. Он был очень интересным человеком – ведущим конструктором Охтинского химкомбината, одним из тех, кто создавал этот комбинат, еще до революции получил звание почетного потомственного гражданина за создание пороховых смесей.

Прадед был уже совсем стареньким, мать запомнила, как однажды он пришел, принес кулечек какой-то еды, а потом вернулся на завод и не смог уже уйти домой, просто умер на рабочем месте от голода. Ему было семьдесят два года. И бабушка всегда говорил моей маме – ты должна помнить, чья ты внучка.

У меня близких родственников блокаду прошли, а в основном не прошли – восемнадцать человек. А из восьми моих прадедушек и прабабушек в блокаду умерло шесть. А двое не умерли в блокаду только потому, что одна прабабушка умерла от тифа еще в Гражданскую... а прадед, который остался жив, он вообще был не в Питере.

В основном умирали на работе, двоюродный брат моего отца умер не на рабочем месте, потому что ему было семь лет, он от голода умер...

Наверное, больше рассказывать тут нечего. Я могу, конечно, перечислять всех своих замечательных родственников, но это может почти каждый ленинградец...

Помню как мать с трогательным умилением восприняла новость о том, что поставили, наконец, памятник детям войны. Потому что это особая история. Они, конечно, на фронте не уничтожали немцев, но пережить то, что им выпало пережить...

Тот журналист из спокойной европейской страны, который мне в командировке сказал такие слова... он, наверное, читал что-нибудь о блокаде, но понимать – он не понимает. А у нас в семье понимают, поэтому у нас обязательно девятого мая все – и я, и брат, и наши дети... мы ходим девятого мая на Пискаревку на один из рвов сорок второго года – мы разные их выбираем, потому что мы не знаем, где именно похоронены наши, знаем, что многие – на Пискаревке и в сорок втором году... И мы бросаем сломанные гвоздики, выливаем немножко водки из фляжки, кладем хлеб, потому что мы их помним и мы ими гордимся.

Это очень светлая и важная гордость, потому что все равно семья уцелела – не под корень вырубил – прошла это страшное испытание, прошла достойно, значит, потомки тех, кто выжил и тех, кто погиб, обязаны эту память хранить. Это не пафосные слова, повторю, любой, у кого в семье это было, он это разделит...

Я беседовал с губернатором нашего города – Георгием Сергеевичем Полтавченко – об этой книге. Он попросил найти какие-то правильные слова, потому что его мама тоже была блокадницей, и он тоже ею очень гордится.

Я не знаю, будет ли эта книга иметь коммерческий успех, но думаю, что она издается не поэтому. Есть вещи, в которых совсем не важна коммерция. И если мы хотим оставаться людьми, и если мы хотим оставаться людьми одухотворенными, если мы хотим, чтобы нас уважали, соответственно мы должны уважать и себя, и своих предков, и память о таких невероятных событиях мировой истории – единичных, таких было очень мало, таких, как питерская блокада.

Воспоминания блокадников могут быть в разной степени интересными, в них может не быть приключений, без которых мало что интересует в текстах современную молодежь. Но они очень важны для того, чтобы мы оставались людьми. Эти горькие страницы обязательно нужно читать. Лекарство, оно необязательно должно нравиться. Лекарство может быть горьким, некомфортным, неприятным, но лекарства существуют для того, чтобы люди оставались здоровыми. В физическом, и самое главное, в нравственном смысле. Поэтому я очень горд, что у меня была возможность сказать такие, может быть, немножко корявые, но самые искренние слова.

Андрей Константинов

Августович (Чурина) Людмила Николаевна
До войны мы жили хорошо

Я, Августович Людмила Николаевна (Чурина), родилась в Ленинграде 31 марта 1937 года. Когда началась война, мне было 4 года.

Жили мы с мамой и бабушкой на улице Рузовская, дом 33, кв. 10. Мама работала на заводе – делала снаряды, а папа был на войне.

Я какое-то время ходила в садик на углу Серпуховской улицы. Меня хотели эвакуировать, но я заболела коклюшем и осталась на все время блокады в Ленинграде.

Когда из садика меня отправили на лето на станцию Бернгардовка – мама привезла мне туда лепешек из одуванчиков, и я чуть не умерла, еле спасли, как сказали потом маме.

Помню, как мы с мамой на санках ездили за водой и брали ее из Обводного канала.

В наш дом на улице Рузовской попала бомба, и нас выселили в подвал-бомбоубежище, где мы с бабушкой лежали, так как у нас от голода отказали ноги.

Из подвала на улице Рузовской нас переселили на улицу Бронницкая, дом 10, кв. 20 (1-й этаж во дворе-колодце).

Помню, когда я гуляла на улице, как везде народ кричал и радовался, говорили, что выступал Калинин и что сняли блокаду Ленинграда. Это было 27 января 1944 года.

На радостях моя бабушка испекла круглый хлебец из картофельных очисток. К сожалению, я не уточняла, где она взяла очистки, но до сих пор помню.

Помню, как мама с бабушкой везли меня на санках и уронили и не заметили. Я до сих пор вспоминаю с ужасом, как я лежала на снегу, не могла ни кричать, ни двигаться, но, слава Богу, они заметили, что уронили меня, и вернулись. Помню даже место и улицу, где это было.

Видела, как горели дома, как на саночках везли умерших.

До войны мы жили хорошо, так как мама работала, а папа мой – морской офицер, и у нас было все необходимое для жизни, а после войны остался только кованный, обитый железом бабушкин сундук, но хорошо хоть сами остались живы, хотя у всех была дистрофия.

Моя мама награждена медалью «За оборону Ленинграда», папа умер в 1946 году после всех ранений и болезней.

Аксенова Тамара Романовна

Ни одной жалобы, недовольства, малодушия – только надежда

Война началась внезапно, на второй день после выпускного вечера. Все сразу изменилось, стало тревожным, людей интересовали только фронтовые сводки. Началась мобилизация. Правительство предоставляло возможность эвакуироваться, но этим воспользовались не все: люди надеялись, что враг не дойдет до города.

В июле – августе ленинградцев стали направлять на оборонительные работы. От нашего дома поехали я и еще две женщины. Мы рыли противотанковые рвы. Жили в огромном бараке, где нам отвели на троих небольшой квадрат земли. Немцы обстреливали с самолетов и наш барак, и нас во время работы.

Фронт приближался, вскоре наши войска подошли к нам. Нам приказано было возвращаться домой. Мы шли пешком к первой станции по дороге через лес. По одной стороне идем мы – цепочкой по десять человек с интервалами, по другой навстречу идут солдаты – прямо в бой. Обувь пришлось снять, так как ноги распухли, шли в чулках. Иногда звучала команда отдыхать, и мы просто падали в мокрую от ночной росы траву. Но земля снова начинала качаться от разрывов снарядов, нас поднимали, и мы шли дальше.

Первую станцию на пути уже взяли немцы, пришлось идти к следующей. Наконец, дошли до станции Рауту, где нас спешно погрузили в вагоны. Люди в вагонах стояли вплотную друг к другу. Женщины теряли сознание, но упасть не могли. Так и стояли, бледные, с закрытыми глазами, зажатые телами других людей.

И вот Ленинград. Хмурый, совсем военный. Но трамваи еще ходили, и мы доехали на свою Выборгскую сторону.

10 сентября я решила поступать в университет. Поступила. Начались занятия. Блокада, бомбежки, обстрелы. Хлеба все меньше. Перебралась от мачехи (отец был на фронте) к тете, которая жила в центре, у Главпочтамта. Муж и старший сын моей тети умерли от голода. Младший сын умер в госпитале.

Когда в марте 1942 года наш факультет эвакуировался в Саратов – я осталась с тетей в Ленинграде. Поступила работать в почтовое отделение на Васильевском острове.

Страшная выдалась зима. В комнате (к тому времени дом тети разбомбили немцы, и мы жили в комнате эвакуированных) нет ни одного стекла, окна забиты фанерой. В подвале дома капает вода, за водой стоит очередь. Люди делятся фронтовыми новостями. Поразительно: ни одной жалобы, недовольства,

малодушия – только надежда. Вера и надежда на то, что прорвут блокаду, что дождемся, что доживем.

Чувства стали тупыми. Я иду через мост, впереди медленно, шатаясь идет высокий мужчина. Шаг, другой – и он падает. Я тупо прохожу мимо него, мертвого, – мне все равно. Я вхожу в свой подъезд, но подняться по лестнице не могу. Тогда беру двумя руками одну ногу и ставлю на ступеньку, а затем – вторую ногу на следующую ступеньку... Тетя открывает дверь и тихо спрашивает: «Дошла?» Я отвечаю: «Дошла».

А потом весна. Из подтаявших сугробов торчат ноги мертвецов, город замерз в нечистотах. Мы выходили на очистительные работы. Лом трудно поднимать, трудно скалывать лед. Но мы чистили дворы и улицы, и весной город засиял чистотой.

Весна. Можно есть листья деревьев. Мы проворачиваем их через мясорубку и лепим лепешки. У нас пухнут животы.

Пришло время, когда я почувствовала, что сил уже больше нет. Ну день, ну два... и я лягу, как ложились все блокадники перед смертью. Меня вывезли через Ладожское озеро. Я попала в Уфу к своей эвакуированной из Москвы тете. Она откормила меня. Я осталась жива...

После эвакуации вместе с тетей я приехала в Москву, а в 1945 году – в Севастополь. В 1946 году вышла замуж.

Алаева Лидия Павловна
По ошибке причислили к мертвым

Лейтенант запаса. Защитник Ленинграда. Ударник восстановления Севастополя, исследователь его истории.

Когда началась война, Лидия Павловна была студенткой. С первых же дней она участвовала в строительстве оборонительных сооружений. Голодала, как все. Когда силы кончились, то она оказалась в тяжелом состоянии, слегла. **По ошибке ее причислили к мертвым и вместе с трупами отправили на платформе к дальней окраине Ленинграда – месту массовых захоронений. Только случайность спасла ее за несколько минут до захоронения.** Она застонала, ее услышали, вытащили из кучи трупов и отправили в госпиталь. А дальше – опять на защиту родного Ленинграда.

Алиева Валентина Васильевна
Люди шли по улице, падали и умирали

Когда началась война, мне было 12 лет, я все хорошо помню. 8 сентября немцы подошли вплотную к Ленинграду, началась блокада. Во-первых, конечно, начался голод, особенно зимой. Зимой давали по 125 грамм хлеба в день и ничего больше. Шли непрерывные бомбежки – все ночи напролет, днем немножко меньше, а ночью – непрерывно. Одни самолеты прилетали, сбрасывали бомбы, затем прилетали другие и снова бомбили. Мы не успевали даже спуститься в бомбоубежище. Только спустимся – дают отбой, поднимаемся в квартиру – новая тревога. Ночью даже не могли спать. Потом привыкли и перестали спускаться в бомбоубежище. Обстреливали и из дальнотойных орудий, так как немцы были прямо на окраине Ленинграда.

Не было электричества, не было тепла, не было воды, за ней ходили на Неву. Было очень страшно. Люди умирали ежедневно, особенно зимой. Погибали от обстрелов, бомбежек, от голода... трупы лежали на улицах, и некому было их убрать. Люди шли по улице, падали и умирали. Не дай Бог никому такое пережить. Я хочу, чтобы молодежь знала нашу историю и делала все, чтобы такое не повторилось.

Александрова Маргарита Борисовна
Помню постоянный голод и бомбежки

Родилась в 1935 году.

В блокаду я ходила в детский сад на Каменном острове. Там же работала моя мама. Помню, как в сад поступил умирающий от голода младенец. Чтобы его спасти, мы заворачивали в марлю кусочек хлеба, получалась соска, и так кормили его. Выкормили, ребенок выжил.

Помню постоянный голод и бомбежки. Однажды один из ребят рассказал другу свою заветную мечту – это бочка с супом. Мама услышала и отвела его на кухню, попросив повариху придумать что-нибудь. Повариха разрыдалась и сказала маме: «Не води сюда больше никого... еды совсем не осталось. В кастрюле одна вода». От голода умерли многие дети в нашем саду – из 35 нас осталось только 11.

Алексеева А. В.
Вшей было больше, чем волос

Когда началась война, мне не было еще и 13 лет, я только окончила 5 классов школы № 23 на Петроградской стороне, которая находилась на улице Олега Кошевого. Меня и моего брата эвакуировали вместе со школой на Урал. Но привезли нас в город Боровичи, совсем недалеко от Ленинграда. В Ленинграде

осталась мама с шестимесячным братом и папа, который был закреплен за заводом им. Сталина. Он недоумевал, почему мы вместо Урала находились в Боровичах.

Через несколько дней, после того как нас эвакуировали, мама поехала на Урал, поскольку с маленьким ребенком ей было практически невозможно оставаться в Ленинграде. На Урал отвезли двоих старших детей, их адресов мама не знала, поэтому она сошла во Владимире, где жила ее старшая сестра. Так в Ленинграде остался один папа.

Вскоре по радио объявили, чтобы родители забрали детей, которых эвакуировали в Боровичи, иначе они попадут к немцам. Папа нас забрал.

Началась блокада. Днем он был на заводе, а я на чердаке дома № 33 по Большому проспекту, тушила зажигательные бомбы и отоваривала карточки. Братишка из капризного своенравного мальчика превратился в тихого и печального ребенка. Он сидел дома, и мне было очень жалко его. Я чувствовала, что ничем не могу ему помочь. Выехать уже было невозможно, а главное, не с кем. Куда я только не ходила: и в поликлинику, и в больницу, – но мне везде отказывали.

В начале зимы начался страшный голод. На моих глазах днем от голода умер братик, а той же ночью папа. У меня к тому моменту были отморожены руки и ноги. Мамы с нами не было, и позаботиться о нас было некому, еды не было совсем.

Утром пришла соседка тетя Настя и сказала, что одна я не выживу, и что меня лучше отвести в ближайшую больницу, а она возьмет три мои карточки на хлеб. Я согласилась. Благодаря ей я осталась жива. У нее тоже был сын лет шести. Тетя Настя одела меня с большим трудом, поскольку практически ничего мне на ноги не налезало, и привела меня в больницу. Там ей сказали, что мест нет, но, после того как я попыталась встать и тут же упала, меня поместили в палату, куда предварительно поставили раскладушку.

Наверное, я была первым блокадным ребенком, который попал в эту больницу. Там лежали больные дети еще с мирного времени, у них были проблемы с сердцем, почками. **Когда нянечка начала меня раздевать и сняла мою шапку, она ужаснулась – вшей у меня было больше, чем волос. Был не только голод, но и холод, поэтому шапку я не снимала где-то полгода. В те времена вода была в виде льда, поэтому помыть голову я не могла. Меня побрили наголо.**

У меня была страшная дистрофия, и врач прописал мне 3 грамма сливочного масла в день и питание как у остальных детей. Но из-за голода мой организм уже ничего не усваивал, и бедным нянечкам приходилось постоянно менять за мной белье. У меня до сих пор очень трепетное отношение к врачам, я считаю эту профессию наиболее нужной и важной в жизни.

Еще помню, как скрывала свою бессонницу, которая продолжалась целый месяц. Слава Богу, что сейчас я сплю хорошо, а тогда думала, что это навсегда. Я очень полюбила больницу и врачей на Песочной набережной и горько плакала, когда узнала, что меня переводят в другую. У меня были сильно отморожены ноги, а там, как утверждали врачи, лучше знали, как лечить обморожения. В ту больницу меня, как грудного ребенка, перевозили в конвертике из одеяла.

Как только я попала в новую палату, то сразу поняла, что там лежат дети блокады. Палата была примерно человек на 100. Кровати были железные и сдвинуты по две. Дети лежали поперек, чтобы больше уместилось.

Возраст был от 6 до 8 лет, и у всех один диагноз – цинга. На детей было невозможно смотреть, стоило им открыть рот, как сразу лилась кровь, выпадали зубы. Все эти дети были такими же дистрофиками, как и я. У них были пролежни, кости кровоточили. Это было ужасно.

В этой палате я пробыла не более трех дней. После чего меня перевели в палату, где лежали дети с обморожением рук и ног. Палата была не такая темная, как предыдущая, но кровати были также сдвинуты, и были узкие проходы, чтобы мы могли сползти на горшок. Мы не могли даже сидеть, когда нам приносили еду.

На моем жизненном пути в дни блокады встретился только один плохой человек – это была медсестра из палаты для обмороженных. Когда она приносила хлеб, намазанный маслом, она ставила поднос на окно, прикрывалась дверью и начинала ножом смазывать себе масло, а то и вовсе отрезала весь верх куска. Но самое главное, что она вообще не давала нам воды. Напротив меня лежал мальчик, его звали Эдик. Он так хотел пить, что умолял поменяться с ним на еду. Помню, за стакан чая он отдавал мне лапшу. Я, чтобы растянуть удовольствие, складывала ее в чемоданчик и скрытно ела. Вскоре Эдик умер от истощения. Врач, узнав, что медсестра не дает нам воды, сказал, чтобы сегодня же была отварная вода, иначе ее уволят.

Все, кто мог, в моей палате каждое утро приползали к окну и наблюдали, как приезжают грузовые машины, и в них загружают детские трупы. Прямо из нашего окна был виден морг.

Потом меня перевели в другую палату, поскольку нога сильно кровоточила. В новой палате мне подвязали ее к потолку, так я пролежала несколько месяцев.

Еще один пример, насколько совестливо к нам относились врачи. Мне лечили отмороженную ногу синей лампой. Когда рана затянулась, она перестала кровоточить, но почему-то на пальце появился нарост. Меня решили показать профессору. Сейчас мне трудно такое даже представить – вокруг массовый голод, идет война, а меня, какую-то девчонку, ведут показывать профессору. Женщина-профессор сказала, что меня неправильно лечат синим светом, прописала мазь и велела делать раз в неделю перевязку, предупредив, что это будет очень больно. Во время перевязки больно было не только мне, но и медсестре, поскольку вместе с бинтом ей приходилось отдирать наросшее мясо. Так врачи сохранили мне ноги. Несколько дней потом я ходила на костылях.

Когда я смогла передвигаться без костылей, из больницы меня отправили в детский дом, потому что из родных у меня никого не осталось. Хочу отметить, что до сих пор в Детской городской больнице им. К. А. Раухфуса дела поставлены очень хорошо. Мне нужно было получить блокадное удостоверение. Спустя 50 лет я пришла к главврачу, мне нашли мою медкарту, где значилось, что я страдала дистрофией и обморожением ног и пролежала около 8 месяцев.

При эвакуации нас погрузили в открытые машины и повезли к Ладоге. Нас подвезли к воде, а дальше уже переносили на руках прямиком в катера. Когда мы проснулись, то были приятно удивлены – на улице стояли деревянные столы, а на них глубокие тарелки с горячим супом, и рядом лежал хлеб. Мы не ели горячий суп года полтора, для нас это было экзотикой. Потом кто-то сказал, что на поле убрана не вся капуста. Мы, человек 200, разбежались по полю, нас еле оттащили, мы отбивались, как могли.

Потом подошел наш поезд, и мы поехали как можно дальше от блокады. Спасибо тем ответственным людям, которые решили эвакуировать детей. Нас везли в Алтайский край. Ехали туда мы около месяца, а может, и больше. Поезд был хороший, у каждого была своя полка.

Когда мы прибыли на Урал, в Свердловск, местные женщины организовали нам встречу. Я ее не забуду до конца своих дней. Как только поезд подошел к платформе, женщины с ведрами, в которых был суп, тарелками и ложками стали

заходить в вагоны, разливать нам суп и раздавать хлеб. Они плакали, смотря на нас. Потом они раздали каждому по банке сгущенки и сделали в них дырочку, чтобы мы сразу могли сосать сгущенное молоко. Для нас это было что-то невероятное! На всем пути из Ленинграда на Алтай никто больше такого приема нам не оказывал.

Когда мы приехали в Алтайский край, нам показалось, что мы в сказке. Так для меня закончилась блокада.

Я мало написала об ужасах артобстрелов и бомбежек. О том, как днем и ночью мы бегали в бомбоубежище. Но все равно умереть от голода для нас было намного страшнее, чем от бомбежки.

Алешин Евгений Васильевич
Мы воевали самоотверженно!

В 13 лет награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Родился 1 сентября 1930 года. «Отличник здравоохранения СССР, «Заслуженный врач Украины», кандидат медицинских наук, полковник медицинской службы в отставке. Воспитанник детского дома № 17. Все 900 дней оставался в блокированном Ленинграде.

Героическая оборона Ленинграда явилась легендарным событием не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. В истории войн не было города, который бы в течение 900 дней в условиях голода и холода, бомбовых ударов и артиллерийских обстрелов прямой наводкой не только выдержал столь длительную осаду, но и победил, сдержав натиск почти одной трети фашистских армий. Участником такой обороны мне пришлось быть.

Когда началась война, мне еще не было одиннадцати лет. Прекрасно помню этот ясный солнечный день, воскресенье. На углу улицы Пестеля и Моховой из репродуктора слышали выступление В. М. Молотова. Наверное, я еще не смог оценить, насколько все страшно, но помню, что в душе поселилась тревога. Во дворе дома увидел шестилетнего двоюродного брата, который бегал с противогазом и кричал: «Ура! Мы победим!» Так мы были воспитаны с детства и в победе были уверены. Эта эйфория передалась и другим мальчишкам, и мы тотчас начали строить планы быстрой победы.

На фронт нас, мальчишек, естественно, никто не пустил, но взяли в отряд местной обороны. В свои 10 – 11 лет мы были достаточно политизированы и

интересовались международной обстановкой. Я прекрасно помню войну с Финляндией, в результате которой граница, бывшая в 30 км от Ленинграда, отодвинулась далеко за Выборг. Город перестал быть приграничным.

Никто из нас не ожидал, что уже в первые дни немцы будут бомбить город и придется прятаться в подвалах и специально вырытых траншеях. Вначале было страшно. Свист бомб, взрывы и рушащиеся дома – все это вызывало ужас. Но очень скоро мы, мальчишки и девчонки, к этому привыкли и уже без страха дежурили по ночам на улицах и крышах домов. На чердаках гасили песком зажигательные бомбы, которые сбрасывали с самолетов не поштучно, а пачками. Бомбочки были маленькими, легкими, даже ребенок мог специальными щипцами захватить и сбросить их в безопасное место или забросать песком. Иначе, начиненная термитом, она прожигала насквозь перекрытия, вызывая сильные пожары.

Вспоминаю эпизод из фильма «Два бойца»: горит здание госпиталя. Этот факт я видел не в кино – горел госпиталь на Суворовском проспекте, недалеко от Смольного. Здание не было разрушено, но было все объято пламенем. Пожар вызвала зажигательная бомба. Из окон, завернувшись в матрасы и одеяла, выбрасываются раненые. Высокое пятиэтажное здание, построенное из серого гранита, стоит и сейчас – ничто его не сломало. Оно восстановлено, как и весь город. Но в 1941 году до этого было еще далеко. Тогда надо было готовиться к обороне.

Вместе со взрослыми я и дети моего возраста рыли окопы и противотанковые рвы на подступах к Ленинграду. Наверное, не один боец сказал нам за это спасибо. Но враг очень быстро подходил к городу и уже в сентябре окружил его плотным кольцом. Связь с Большой землей прекратилась. На Пулковских высотах, там, где сейчас аэропорт, немцы установили тяжелые дальнобойные пушки и систематически методично обстреливали город, который был перед ними как на ладони. Спасибо морякам кораблей, стоявших на Неве и в Кронштадтской базе, которые огнем своих орудий подавляли вражеские батареи и на время прекращали обстрел.

Гитлеровские войска были остановлены даже не на ближайших подступах, а в отдельных местах и в черте города. На фронт можно было ездить на трамвае. Фашистам не удалось взять Ленинград штурмом, и они перешли к длительной осаде и уничтожению города бомбовыми ударами и артиллерийскими обстрелами. К этому вскоре присоединился жесточайший голод. Становилось все труднее и труднее. Иссякло продовольствие. Город переходил на все более голодный паек. Ленинград был окружен еще одним – внешним – кольцом

блокады, отвлекая на себя огромное количество немецких войск. Но город не сдавался.

Наступила самая тяжелая для ленинградцев зима 1941 – 42 годов, когда морозы достигали 40 градусов, а не было ни дров, ни угля. Съедено было все: и кожаные ремни, и подметки, в городе не осталось ни одной кошки или собаки, не говоря уже о голубях и воронах. Не было электричества, за водой голодные, истощенные люди ходили на Неву, падая и умирая по дороге. Трупы уже перестали убирать, их просто заносило снегом. Люди умирали дома целыми семьями, целыми квартирами.

Все питание для работающего на производстве человека составляли 250 граммов хлеба, выпеченного пополам с древесными и другими примесями и оттого тяжелого и такого маленького. Все остальные, в том числе и дети, получали 125 граммов такого хлеба. Не было сил ходить, но нельзя было и расслабиться – иначе смерть. Мы с мамой получали на двоих 250 граммов хлеба и больше ничего, кроме «чая» из талой воды. И, тем не менее, нельзя было ложиться и ничего не делать. Кто ложился, тот больше никогда не вставал.

Ребенком, опухшим от голода, пока были силы, я, как и мои сверстники, продолжал работать в отряде местной обороны: сбрасывал с крыш и тушил зажигательные бомбы, работал у станка, растачивая стволы для автоматов, патрулировал по ночному городу, собирал трупы на дорогах. И в эти дни думал: если удастся выжить, хорошо бы написать книгу о том, что пришлось пережить ленинградцам в дни блокады. Искренне благодарен А. Маковскому, В. Инбер, О. Берггольц – они увековечили подвиг ленинградцев.

Ольга Берггольц читала свои стихи жителям города по радио в перерывах между бомбежками и артобстрелами простуженным голосом, вселяющим бодрость, ненависть к оккупантам и веру в победу. Мне приходилось встречаться с ней и другими работниками радиокомитета, которые хоть как-то пытались скрасить тяжелую жизнь ленинградцев, приглашая в застывшие студии голодных, истощенных артистов театров, которые не ушли на фронт из-за тяжелых болезней. Здесь же давали концерты и мы – участники художественной самодеятельности.

Город жил не только борьбой, но и искусством. Знаменитая Ленинградская симфония Дмитрия Шостаковича, транслируемая из концертного зала Государственной филармонии, произвела «взрыв» в умах не только союзников, но и врагов. Войска ПВО тщательно подготовились к этому концерту: ни одному вражескому самолету не удалось в этот день прорваться к городу.

Работал и один театр – Театр музыкальной комедии. Спектакли проходили в Александринке, как любовно называли, да и сейчас называют ленинградцы театр имени А. С. Пушкина. Помню, был на спектакле «Давным-давно» («Гусарская баллада»). В холодном зале голодные актеры пели и танцевали, как в мирное время. Разве это не подвиг?

Но главным «театром» по-прежнему оставалась война. Немцы неистовствовали. Задачу, поставленную Гитлером – «сровнять город с землей», – они выполняли день и ночь. Но мы уже ничего не боялись – все притупил голод. Иногда казалось: «Все, больше нет сил, это конец!» Но, преодолевая и голод, и холод, я поднимался (мама уже не вставала), шел, с трудом передвигая ноги, за этим драгоценным кусочком хлеба. На что-то еще сил уже не хватало. Да и отряд самообороны стал редеть, постепенно умерли друзья-мальчишки. Из нашего двора я остался один.

Облегчение принесла Дорога жизни по льду Ладожского озера. Колонны машин прорывались сквозь бомбежки и обстрелы. Сколько их погибло, наверное, никто не скажет, но они спасли жизни тысячам ленинградцев. Тоненькой струйкой в Ленинград потекло продовольствие.

Весна 1942 года принесла много радостей, надежд и какое-то питание. Ели все, что только можно, любую траву. Крапива и лебеда считались деликатесом. Помню, ездили мы на места сгоревших продовольственных складов, в вещмешках привозили землю и съедали ее, пропитанную расплавленными после пожара продуктами.

Сейчас иногда заслуженные фронтовики высказывают сомнения в правильности приравнивания жителей блокадного Ленинграда к участникам боевых действий.

Напрасно вы, наши дорогие фронтовики, сомневаетесь. Ленинград был фронтом, и каждая улица была передовой позицией. Нас нещадно бомбили и обстреливали из орудий почти непрерывно. Мы гибли не только от бомб и снарядов, но и от страшного голода. Сегодня я, как врач, не сомневаюсь, что тяжелейший голод, дистрофия нанесли организму не меньшую травму, чем ранения. 800 тысяч из нас похоронено только на Пискаревском кладбище. А всего из трехмиллионного города к концу блокады осталось лишь около 900 тысяч. Ленинградская блокада сильно повлияла на психику людей, и отголоски этих расстройств сохраняются до сих пор. Нет! Мы воевали! И воевали самоотверженно, тем более что многие из нас к тому времени еще не достигли совершеннолетия.

Весна 1942 года принесла не только траву для «подножного» корма, но могла обернуться и страшной бедой. Под снегом сохранилось множество трупов, и это грозило массовой эпидемией. Весь город, изможденные голодом женщины, старики и дети совершили титанический труд – улицы были полностью очищены.

Но блокада продолжалась, и началась грандиозная подготовка к новой зиме. На топливо пошли все деревянные строения, каждый клочок земли был использован под огороды. Окрестных совхозов и деревень не было – там находились немцы. Там, где сейчас клумбы цветов, росли репа, морковь, картофель. Это был большой общественный огород, с которого, кстати, никто не воровал. Работали старики да дети. Нашей 160-й школе был выделен обширный участок под посадку картофеля. Неподалеку были воинские части, поэтому падали бомбы и снаряды и на нас.

Любую порученную работу мы выполняли честно, за что отдельные ученики впоследствии были награждены медалями «За оборону Ленинграда». В их числе был и я. Медаль мне была вручена в 13-летнем возрасте. Потом было много наград, но эта – самая дорогая.

Приближалась вторая блокадная зима. Фашисты, расвирепевшие от стойкости ленинградцев, которых не удалось задуть голодом, продолжали тактику сравнения города с землей. Не прекращались бомбежки и артобстрелы. Однако, если нас не сломил голод, никакие бомбы и снаряды нас уже не могли сломить. Мы уже ничего не боялись. Город оживал: по улицам пошли трамваи, открылись школы, но от холода замерзали чернила в чернильницах, писать приходилось на старой газетной бумаге. И хотя с питанием стало чуть лучше, люди продолжали умирать от голода и его последствий. Мы с мамой остались вдвоем в огромной ранее многонаселенной коммунальной квартире. А когда я от тяжелого истощения перестал вставать, то попал в спецбольницу для детей-дистрофиков. Здесь еще в декабре узнал от отца, что готовится крупное наступление по прорыву кольца блокады. Но отец в этих боях погиб, а мама умерла от голода.

С этого времени я стал воспитанником государства. Из больницы я был направлен в детский дом № 17, которым в этот период руководил Михаил Николаевич Рюмин, а после ухода его на фронт – Мария Константиновна Хожева, или «мамаша», как мы ее любовно называли. В детском доме мы встретили отеческую и материнскую заботу. Воспитатели, многие из которых были в свое время воспитанниками Макаренко, жили с нами одной семьей. Я не помню, чтобы кто-нибудь из них уходил домой, а у многих и не было этого

дома – их разрушила война. Здесь нас обучали ремеслу, развивали культуру и общий кругозор. С утра школа, а после нее старшие ребята – ученики 5 – 6 классов – работали для фронта. Из каких-то складов в нашу мастерскую привозили старого образца винтовки. Нашей задачей было обрабатывать их под стволы для автоматов – сбить лишние детали, укоротить и расточить стволы, отправить на спецзавод. Хотя блокада и была прорвана, но на узком перешейке и оружия, и хлеба по-прежнему не хватало.

Всегда с чувством благодарности вспоминаю детский дом. Все наше поколение в результате войны было лишено детства, но особенно дети Ленинграда – мы не играли в детские игры, мы не баловались и не**censored**ганили, как положено мальчишкам. **Лозунг «Все для победы!» жил даже в школе: получил «пятерку» – убил Ганса (офицера), получил «четверку» – убил Фрица (солдата), получаешь «двойку» – значит, стреляешь по своим.**

Каждый старался не ударить лицом в грязь. В 1942 – 1943 годах мы еще не знали, когда закончится война, но были готовы принять в ней участие с оружием в руках, как только прикажут. Но пока – война на картах. Небывалый интерес у школьников, особенно у нас, детдомовцев, вызывали события, происходившие на фронтах. Не знал Верховный главнокомандующий, что существует в блокадном Ленинграде еще одна Ставка Верховного главнокомандования, созданная заведующей библиотекой нашего детского дома. Были среди нас и Жуков, и Василевский, и Ватутин, и другие командующие фронтами. Ваш покорный слуга дублировал любимого всеми К. К. Рокоссовского. Вечерами, когда оканчивались занятия и работы, каждый «командующий» у карты докладывал о событиях, флажками обозначались освобожденные и взятые города.

С особой теплотой вспоминаю духовой оркестр, участником которого был со дня его основания. Еще в начале 1943 года пришел к нам маленького роста человек, бывший воспитанник этого детского дома, прекрасный музыкант, солист оркестра Ленинградского военного округа Михаил Терентьевич Парфенов. Он организовал детский духовой оркестр. И уже через месяц мы играли на торжественных собраниях на заводах и в клубах, в госпиталях и просто на улицах. Весть об оркестре быстро разнеслась по городу, ведь это был единственный в осажденном городе оркестр, да еще детский, в красивой полувоенной форме зимой и в пионерской форме – летом.

Детский оркестр вызывал, по-видимому, не только любопытство, но и удивление и даже восторг. Помню, при обслуживании активов подходили известные люди: А. А. Жданов, его ближайшие помощники, известные артисты.

А однажды во Дворце пионеров произошла встреча с супругой тогдашнего премьер-министра Англии У. Черчилля. Встреченная громкой музыкой оркестра и увидев детей, она подошла к нам, о чем-то разговаривала с сопровождающими, постоянно вытирая глаза платочком, а затем, помахав нам на прощание этим же платочком, прошла дальше, но еще не раз оглянулась.

Но самыми большими событиями были победы на фронтах – освобождение и взятие городов, сопровождавшиеся салютами. Тогда от Смольного, где располагался наш детский дом, по Суворовскому и Невскому проспектам, по всем главным улицам шагала колонна детского дома во главе со своим оркестром. Люди любовались и радовались. Так было при снятии блокады. Последний такой марш, «парад по улице с оркестром», мы совершили утром 9 мая 1945 года. Это был день нашей победы, в который каждый ленинградец от мала до велика внес свой вклад, часть своего здоровья, а многие и жизнь.

С самого начала войны и в тяжелые дни блокады мы верили: «будет и на нашей улице праздник», и пройдут наши войска по главным улицам Берлина с оркестром.

Алёхина Антонина Павловна

Из всех желаний осталось только одно – поеть!

Антонина Павловна Алёхина родилась и жила в сердце Ленинграда – на Невском проспекте. Ей было 14 лет, когда на мирных жителей города обрушился град военных снарядов и вражеских бомб. Отовсюду были видны огромные клубы дыма с длинными языками пламени, вздымавшиеся на сотни метров над городом – горели продовольственные склады. Сжималось гитлеровское железное кольцо, блокирующее Ленинград.

Зима 1941 – 1942 годов была страшной. Осенью Антонина начала учиться в ремесленном училище при заводе имени Свердлова и ежедневно ходила пешком через Литейный мост на другую сторону Невы. Посещать занятия она перестала только тогда, когда сил совсем не стало. Из всех желаний осталось только одно – поеть.

В дни блокады группа ленинградских ученых разработала рецепт изготовления пищевой целлюлозы из опилок хвойных деревьев – ее добавляли в хлеб. В годы блокады ее потребление составило 16 тысяч тонн.

В хлеб добавляли и жмых из хлопковых семян, предназначенный для сжигания в корабельных топках. Четыре тысячи тонн этого жмыха, содержащего ядовитые вещества, нашли в порту и добавили к пищевым

запасам. Эта смесь спасла тысячи человеческих жизней, несмотря на то что 125-граммовая норма хлеба на день исчезала порой уже при делении этого кусочка на дольки.

В семье Алехиных, как и во многих других ленинградских семьях, варили мужские кожаные ремни и обувь. Несмотря на все старания, голод оказался сильнее. Отец Антонины умер.

Ее мать Анна Ивановна погибла при ударе снаряда. Гитлер решил стереть Ленинград с лица земли. Фашисты составили схему города, чтобы вести артиллерийский огонь более целенаправленно, особенно по историческому центру. Огневой точкой № 192 был Дворец пионеров, № 295 – «Гостиный Двор». На площади Искусств, недалеко от «Гостиного Двора», мама Антонины и попала под обстрел.

После этого семья осиротела. Маленького брата и сестру знакомые определили в круглосуточный детский сад, а Тоню устроили на Ленинградский инструментальный завод имени Воскова учеником токаря.

Она стояла на подставленном к токарному оборудованию ящике и едва дотягивалась до станка. Управляться с деталями было очень трудно, но Антонина старалась изо всех сил. Вскоре аккуратную и шустрюю девчонку заметил директор завода и предложил ей пойти на курсы шоферов. После трехмесячного обучения 17-летняя Антонина получила права стажера и самостоятельно ездила на небольшие расстояния. Как только ей исполнилось 18 лет, она уже с постоянными правами лихо водила полуторку с газогенераторным оборудованием. На этой машине она и проехала по своей дороге, ведущей к Победе.

Амосова Галина Михайловна
Мой папа был летчиком

Амосова Галина Михайловна – член Региональной общественной организации воспитанников детских домов блокадного Ленинграда.

Родилась я в 1932 году, до войны окончила первый класс. Когда началась война, папа у меня был летчиком – похоронен в Выборге в братской могиле. В 1941 году, когда начались первые обстрелы, мы жили на проспекте Максима Горького в Петроградском районе. Так получилось, что маму во дворе ранило осколками снаряда. У нее были иссечены все ноги, я лежала с ней в больнице,

пока она ходила в гипсе. Дома осталась бабушка, которая меня так и не дождалась – ушла из жизни. Она захоронена на Пискаревском кладбище.

После того как маме сняли гипс, я попала в детский дом в Петроградском районе, на Большом проспекте, угол Большого и Бармалеева, – сейчас там находится отдел народного образования. И потом нас оттуда уже в 1942 году сначала довели до мыса Кабона, после этого на машине по Ладоге. Машина, следовавшая за нами, ушла под лед – такое тоже бывало. Потом нас посадили в товарные, «телячьи» вагоны, довели до Костромы, потом из Костромы по Волге, на другую сторону – в санаторий «Козловы горы». И мы там жили до 1945 года, там был наш детский дом.

Учились в двух километрах от санатория в «Минской» школе, ходили пешком. Муж директора нашего детдома был музыкальный человек, у нас устраивались спектакли, организовали хор, мы даже выезжали на концерты в Ярославль. В 1945 году вернулись. Я приехала к дяде в Ленинград поступать в музыкальную школу – до войны я там уже училась. Но не получилось. В общем, попала в лесное училище на Фонтанке, 14. Училище я окончила, потом встала на очередь, чтобы получить жилье. Работала, попала в монтажное управление, была монтажницей. В январе этого года мне исполнился 81 год.

Андряшина Ольга Владимировна Водила машину через Ладогу

Ольга Владимировна очень любила путешествовать. До замужества она работала на железной дороге смазчицей и исколесила полстраны. А потом ездила с мужем: сначала – на Дальний Восток, потом – в Прибалтику. Там, в Лиенае, их и застало известие о начале войны. Муж отправился на призывной пункт, а Ольга с маленькой дочкой – в Ленинград, домой.

В 1941 году она окончила курсы шоферов и стала водить машины. Грузы были разные. Возила хлеб по городу, боеприпасы через Ладогу, а обратно – продукты и снаряды на передовую (линия фронта проходила в конце Московского (Международного) проспекта, сразу за заводом «Электросила»).

Эти рейсы Ольга Владимировна считает самыми «счастливыми», ведь с передовой она всегда возвращалась с маленькой кружкой каши, которой ее там угощали. Кашу она везла своей маме и дочке, которые жили в блокадном городе и голодали, как и все.

Однажды, когда она с напарницей возвращалась из рейса, началась бомбежка. Машину не оставить, и они продолжали ехать. Рядом с ними разорвалась бомба.

Ольга, не задумываясь, закрыла собой свою совсем молоденькую напарницу и была ранена осколками снаряда. Почувствовала боль в руке и увидела, как рукав телогрейки набухает от крови. Еле-еле добрались до госпиталя. Когда сняли ватник, то оказалось, что со спины он весь испещрен мелкими осколками. Просто чудом остались живы.

Организм был истощен голодом, рука долго не заживала да так и не вылечилась окончательно. А после войны вернулся муж, родился сын. В 1963 году они приехали в Севастополь.

Аншелес Ирина Иосифовна
Страшно не было, пугала неизвестность

Ирина Иосифовна Аншелес родилась в 1924 году в Ленинграде. Окончила оперное режиссерское отделение в Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова, работала в оперных театрах Новосибирска, Куйбышева. Ветеран труда.

Когда началась война, мне было 15 лет, я заканчивала учебу в школе и жила вдвоем с мамой. Моя мама была хорошей хозяйкой, сама шила одежду и очень вкусно готовила. Она также работала в лаборатории, растила кварцы, которые во время войны использовали как звукоулавливатели. Мой папа сделал открытие, что кристаллы кварца можно искусственно выращивать, и этим как раз и занималась мама.

В конце лета – начале осени всех девятиклассников и десятиклассников отправили копать окопы. Мы собрались, пошли на вокзал и просидели там всю ночь. Нас должны были отправить под Лугу, там была хорошая оборона, но как раз в это время немцы ее все же взяли. Где-то под утро нас посадили в пассажирский поезд, и вместо Луги мы оказались в Великом Новгороде. А те школьники, которые поехали в Лугу, погибли. Недели две мы копали окопы, потом неожиданно ночью нас собрали военные и куда-то повели. Мы оказались в окружении, но, слава Богу, ночь была темная, и нас вывели обратно в Ленинград.

Мальчишкам ввели уроки боя, и не позже ноября они ушли на фронт добровольцами. Они попали в окружение в болоте, и из нашего и параллельного классов домой вернулось всего человек десять.

7 ноября 1941 года я слышала речь Сталина из Москвы по радио, в которой он говорил, что ничего страшного не произошло. Хотя Бадаевские склады, на которых хранились запасы продовольствия для Ленинграда, сгорели еще 8 сентября, и очень чувствовался голод, все думали, что месяца через два все закончится. Но позже оказалось, что война затянулась на четыре года!

Когда люди поняли, что немцы хотят сровнять Ленинград с землей, стали спасать культурные ценности: памятники заколачивали деревянными щитами, что-то закапывали в землю, первые этажи зданий закрывали мешками с песком. Многие ценности вывозили в Сибирь, на Урал, Дальний Восток. Были разбомблены дворцы в Петергофе, Павловске, Пушкине, в роскошных залах Екатерининского дворца немцы устроили конюшни, а уникальную Янтарную комнату вывезли в неизвестном направлении, и судьба ее до сих пор неизвестна.

8 нашем доме всех жителей призвали на ночные дежурства по 4 часа, каждый знал свой день, и при возникновении опасности мы поднимались на крышу. Эти дежурства длились довольно долго, но в декабре их отменили, потому что не было воды и не работали телефоны.

Какое-то время мы ходили в школу, там нам выдавали еду: щи из черной капусты, а если очень повезет, то суп из черной лапши. Всю еду мы несли домой. Но это еще были не самые худшие дни блокады, трагедия началась, когда мы начали питаться по карточкам. Маме дали рабочую карточку – 250 граммов хлеба, а мне детскую – 125 граммов. Хлеб готовили в основном из коры, муки в нем было мало.

Очереди за хлебом, сильные морозы, артобстрелы и налеты, многочисленные жертвы – такова была блокадная жизнь. Но даже в этих условиях работали заводы, мастерские. В Ленинграде оставались известные деятели культуры – писатели, поэты, музыканты, практически каждый день их голоса и произведения звучали по радио, чтобы придать силы людям. Я очень хорошо помню в эфире голос поэтессы Ольги Берггольц, постоянно звучала симфоническая музыка.

Страшно ли было в блокадном городе? Нет, страшно не было, пугала неизвестность. Было очень плохо, когда умерла мама. 1 января она не вышла на работу, и я вызвала врача. Он выписал ей больничный лист с диагнозом дистрофия, и вскоре ее не стало. Одна женщина согласилась помочь мне похоронить маму, при условии, что я дам ей два килограмма хлеба. И за 40 дней я накопила эти два килограмма. У мамы было несколько золотых вещей:

браслеты, медальон, часы – я отдала их в обмен на баночку крупы и белый хлеб. Так я осталась одна.

Чуть позже мамина приятельница, узнав о моей беде, предложила мне работать в садике уборщицей, и я согласилась. Я работала там до конца 1942 года и получала в день дополнительную тарелку супа, она мне очень помогла.

Весной, чтобы не вспыхнула эпидемия, нужно было очистить улицы от трупов и помоев, которые накопились из-за того, что канализация не работала. Вышел указ о том, чтобы все люди после работы выходили убирать снег и отвозили его на Неву, чтобы он быстрее таял. И мы ходили с большими санками и сгребали снег.

В апреле улицы были уже чистыми и, наконец, пошел первый трамвай. Я не могу передать вам, какой это был праздник для всех! Люди выходили на стук рельсов, радовались, аплодировали. Когда отогнали немцев от Москвы, у нас салюта еще не было, а вот когда одержали победу под Курском и Орлом – был. Он вселял в людей радость и надежду.

Где-то в мае или июне ко мне пришла мамина сослуживица и предложила работать на маминой работе, так что вскоре я устроилась работать помощницей в лабораторию. Но в августе мой папа, узнав, что мама умерла, вызвал меня в Саратов. Три недели я добиралась из Ленинграда до Саратова. Когда я приехала, папа привел меня к профессору медицинских наук, чтобы тот меня осмотрел. Тот сказал, что в 17 лет весить 32 кг – ненормально. Тогда меня отправили в санаторий, и после этого мое здоровье улучшилось. Через какое-то время папа снова привел меня к тому же профессору. А у отца была еще одна дочь от первого брака, старше меня на 10 лет. Так вот, я вошла в кабинет, профессор меня осмотрел, и я вышла. Потом профессор спросил у папы: «Это ваша старшая дочь? А та девочка, которую вы приводили ко мне, она что, умерла?» Когда папа сказал, что привел ту же девочку, что и в первый раз, профессор схватился за голову и сказал, что такого не бывает.

Когда я была в 9-м классе, нас отправили в семхоз (семенное хозяйство), там мы помогали сажать растения. Нам давали арбузы, дыни, картофель, капусту, и мы все это увозили домой. А профессорский состав, в том числе мой отец, получал в качестве дотации масло и сахар.

Я была в 10-м классе, когда блокада была прорвана. Весной 1944 года мы с папой вернулись из Саратова в Ленинград, и там я поступила в университет на искусствоведческий факультет. Через год война закончилась.

Айзин Маргарита Владимировна
Бриллиантовое ожерелье – за буханку хлеба

Когда началась война, я была в пионерском лагере. Мама приехала и забрала меня домой, мы тогда жили на Моховой, на седьмом этаже. В начале войны, когда все стали эвакуироваться, уезжать, она меня спросила: «Может, и нам стоит уехать?» А куда мы можем ехать? Некуда было. Мы жили на седьмом этаже, и нам предлагали переехать вниз. Но я подумала, что, если мы перевезем вещи, а потом хозяева той квартиры вернутся обратно, им негде будет жить. Так мы там и остались.

Осенью начались бомбежки, обстрелы. Как только объявляли воздушную тревогу, мы спускались с седьмого этажа в бомбоубежище, потом, когда был отбой, мы поднимались наверх. Бывало так, что налет повторялся через пять часов, а бывало, что и через полчаса. Только поднимешься, хочешь перекусить, опять тревога, опять спускаться, и так весь день.

Однажды объявили воздушную тревогу, а нам с мамой надоело по двадцать раз спускаться, и мы остались дома. Мы сидели на углу стола, перед нами стояло налитое в блюдечко подсолнечное масло, мы макали в него кусочки хлеба с солью и ели. Вдруг слышим – летит немецкий самолет, мы уже по звуку научились отличать, и потом какой-то шум и глухой стук. Дом закачался, а так как это был седьмой этаж, то было очень ощутимо. Мы побледнели, посмотрели друг на друга и решили, что сейчас все рухнет. Тут мы уж все бросили, масло это, и побежали в бомбоубежище, там нам сказали, что в соседнем дворе упала неразорвавшаяся бомба.

Когда мы сидели в бомбоубежище во время налетов, все вечно вспоминали, как мы вкусно кушали до войны. И моя подружка мне говорит: «Когда кончится война, я буду самая богатая, буду шикарно одеваться. Буду есть чечевичную кашу, хлеб и сладкий чай, а все остальные деньги потрачу на тряпки!» Такие вот разговоры мы, дети, вели в бомбоубежище.

Было очень холодно, в комнате стояла самодельная металлическая буржуйка, и труба от нее выходила в окно. Почему-то ветер всегда дул в окно, весь дым валил в комнату, и мы ходили чумазые, со слезами на глазах. Спали, накрывшись и одеялом, и пальто, и всем, чем только можно.

Холод нас очень мучил. Мама работала на мебельной фабрике на другом конце города, там накопились всякие стружки, деревянные отходы, чем и топили печку. А у нас дома печки не было, только центральное отопление. Мама предложила переехать туда. Там был «красный уголок», его заняли под жилье:

поставили козлы, диваны с матрасами, набитыми стружками, вот там мы и спали. Между дверей стояло ведро, параша, куда люди ходили ночью. Рядом была маленькая кладовка, стоял какой-то стол. Там мы снимали с себя все, что было надето для тепла, раздевались догола и молотком отбивали одежду, убивали вшей. На какое-то время помогало.

Утром надо было идти брать по карточкам хлеб. У мамы была служебная карточка, у меня иждивенческая. Однажды был такой случай: я стояла в очереди за хлебом, получила на свою карточку маленький кусочек хлеба, 125 грамм, и сверху маленький довесок – точность тогда на весах была аптечная.

Продавщица подает мне этот хлеб, и в этот момент какой-то мальчишка, который стоял рядом, хватает этот довесок и сует в рот. Он его моментально съел – что с ним сделаешь?

Когда мы жили в этом «красном уголке», то нам давали папиросы. Недалеко, на Обводном канале, была барахолка, и мама послала меня туда поменять пачку «Беломора» на хлеб. Помню, как женщина там ходила и просила за бриллиантовое ожерелье буханку хлеба. Потом ко мне подскочил милиционер, спрашивает: «Ты что тут делаешь?» Там была какая-то арка во двор, он меня туда повел, взял эти папиросы, спрашивает: «Ты что тут спекулируешь?» Я вижу, что моя жизнь в опасности, бросила эти папиросы и убежала. Пришла домой – ни папирос, ни хлеба.

Еще делали четверговую соль: ее надо было бросить в мешочке в золу, чтобы она почернела, и тогда она приобретала запах сваренного вкрутую яйца. Ее сыпали на хлеб, и казалось, как будто ешь хлеб с яйцом.

Мы ели столярный клей, как-то его растапливали и делали студень, это еще на Моховой. А в октябре – ноябре мы ходили на сгоревшие Бадаевские склады. Там песок перемешался со сгоревшим сахаром, и вот этот песок мы где-то доставали и разводили в чае. Песок отстоится и осядет на дно, а чай становится сладким. Была всякая дуранда (выжимки от растительного масла. – *Ред.*), уж не знаю, откуда мы ее доставали, и на Новый год делали лепешки. Очень любили чечевичную кашу, тогда это был деликатес.

Может, потому, что я всегда мало ела, мне было немного легче. Мама переживала блокаду тяжелее, у нее был хороший аппетит. У нее началась ужасная дистрофия, ее определили в стационар для дистрофиков, она там недели две была. А у меня начался голодный понос с кровью, но как-то обошлось.

Воды дома не было, за ней ходили с ведром. Людям, которые брали воду из Невы, еще повезло, она была чистая. А мы жили рядом с Обводным каналом, воду приходилось брать оттуда. Она была ужасно грязная, и, может быть, именно из-за этой воды у меня открылся понос. Мама в это время лежала в стационаре, а меня почему-то взял к себе домой один ее сотрудник. И когда у меня начался понос, он меня выгнал, а мне идти было некуда. Ходили в туалет тогда в ведро, и у людей потом не было сил спуститься на улицу, чтобы вынести его. Выливали прямо от дверей по лестнице, потом все это замерзло, и лестницы были покрыты замерзшими нечистотами. Запаха особого не было, стояли страшные морозы, до – 30 градусов и даже ниже. В бомбоубежище мы тогда обсуждали, что вот ожидаются крещенские морозы, потом сретенские, потом еще какие, все приметы выучили.

Мама узнала, что один ее дальний родственник работает в госпитале в помещении Лесотехнической академии. И она сказала мне: «Собирайся и иди туда. Дойдешь, значит, дойдешь, нет – значит, судьба такая». Она хотела, чтобы я там устроилась на работу, и вот я собралась, надела валенки, замоталась потеплее. Вышла я с Лиговского проспекта, было еще рано, и пошла пешком в академию. Когда я дошла, было уже темно, все закрыто, это был конец февраля, зима. Я позвонила, говорю, что попросите такого-то, он там врачом работал. Я жду, а его все нет и нет. Звоню еще раз, а мне отвечают, что тот врач сказал, что у него нет никакой племянницы, что все в эвакуации. А я была ему не родная племянница, седьмая вода на киселе. Потом он, наконец, спустился и все-таки узнал меня. Я говорю: «Устройте меня на работу». А он: «Куда же тебя устроить?» Маленькая, худенькая – мне только 16 лет тогда исполнилось. «В палату тебя не отпратишь, судно раненым подавать, ты же девочка, на кухню – ты котел не повернешь», – в общем, решили меня устроить в лабораторию, и там я проработала всю войну.

Это был 1942 год, нас тогда в лаборатории работало человека три. Потом госпиталь стали перебрасывать то на Флюгов переулок, то на улицу Мира, размещали по-разному – в землянках, в палатках. Наконец нас перевели на Ладогу, а после снятия блокады – в Красное Село. Жителей там не было, Село стояло пустое. Рядом была Воронья Гора, с нее нас обстреливали немцы. В Селе находились бывшие казармы, и вот в этих казармах расположился госпиталь.

Фронт располагался от нас километрах в пяти, и мы принимали раненых с передовой. Их привозили на машинах типа фургонов, внутри крепились носилки в три ряда. Стояла целая вереница фургонов, и мы их разгружали. Носилки надо было снять с петель: я снимала с одной стороны, в ногах, там полегче было, а в головах стояла девочка-рентгенолог. Мы подавали эти

носилки вниз, на улицу, где стояли врачи. На животе у раненых лежала очень коротко написанная история болезни, где было указано, куда его ранило. Сил не было, и однажды я, снимая носилки с петель, уронила верхнего раненого на нижнего. Нижний ругался на меня как только можно, многоэтажно, всеми известными словами. Когда я подала его из машины на улицу, врач у него спрашивает: «Куда ранение?» Тот продолжает ругаться. Посмотрели в историю, а там написано «ранение в пах». А я ведь на него еще и другого уронила. Вот эта история мне запомнилась.

В казармах был широченный коридор, мы осматривали раненых и развозили по палатам – кто ранен в руку – в одну сторону, в ногу – в другую и так далее. Бинтов не хватало, их приходилось стирать. Это было где-то в 1943 году.

Потом наш госпиталь отправили в Польшу, уже в январе 1945 года. Это было под Варшавой, зимой. Нас выгрузили на вокзале, мы поставили самодельные брезентовые палатки, разложили кровати. У нас были грелки для больных: такой пакетик, куда клали угли, и вода нагревалась. И вот мы ложились спать на этих железных кроватях и обкладывались грелками. Так мы прожили примерно неделю, прямо на вокзале.

До конца войны мы работали в Польше, потом часть работников госпиталя направили на войну с Японией, а нас, тридцать человек, отправили обратно в Ленинград. У нас был всего один вагончик-теплушка, и мы ехали очень долго. Прицепят к составу, сколько-то проедем, потом загоняют в тупичок, и стоим неизвестно где. Собирали по рублю, шли к начальнику станции и просили прицепить нас, чтобы ехать в Ленинград. И вот мы пересекли границу Украины, проснулись – солнце, тепло, смотрим – подошел какой-то эшелон. Нам надо идти просить, чтобы нас подцепили, и ехать дальше. И вдруг из этого эшелона выбегают военные в непонятной форме – в куртках, беретах.

Потом мы узнали, что это едут освобожденные американцами пленные, их везли в Сибирь на проверку. Они слышали, что стоит вагончик медсестер и врачей из Ленинграда, и они захотели узнать, как идут дела в городе. Мы им стали рассказывать, потом нашим девочкам надоело, и они ушли в вагончик, осталась только я. Один из них оказался директором моей школы, он у нас работал историком. Он тогда сказал мне: «То, что я вам рассказывал про рабовладельческий строй на истории, это ерунда по сравнению с тем, что мне пришлось пережить в плену». Вот такой был момент.

Потом мы 13 суток добивались до Ленинграда. Город изменился. Там, где были газоны, разбили огороды: на Марсовом поле, везде, где только был кусочек земли. Делали грядки и сажали все, что только можно, – и картошку, и

морковку, один раз посадили огурцы, а выросли какие-то маленькие арбузики. Потом открыли бани. Мы как-то пришли мыться: вот как показывают Освенцим, вот такое же зрелище было в этой бане. Мы мылись и наслаждались горячей водой.

Сейчас я помню все как во сне. Блокаду не описать: представьте, что вас не будут кормить неделю, что будет холодно и голодно. Люди ходили еле-еле, падали и умирали. Когда мы жили на мебельной фабрике, там стоял кожаный диван. Люди приходили, садились, помню, сел один мужчина и вроде как заснул, а потом оказалось, что он умер. Смерть была, в общем-то, легкой. Нас жило там человек пятнадцать, и на козлах спала мама с ребенком. Однажды слышим, он плачет: «Мама, мама!» Потом утром выяснилось, что она умерла, а он этого не понимал и звал ее. У меня вот был кровавый понос от голода. Не знаю, как пережили.

Артеменюк Людмила Владимировна **Туда, где я стояла, упала бомба**

Родилась 24 июля 1936 года в Ленинграде (на Фонтанке). Родители уехали в Казахстан по месту службы отца, Любочка осталась с бабушкой в Тосно. При отступлении наших войск уехала в Ленинград с теткой (сестра мамы), в блокадном городе оставались до 1943 года. Проживали на Московском проспекте, д. 61. Тетя каждый день добиралась на работу на трамвае № 19, потом, когда перестал работать транспорт, переехали жить к дальним родственникам на ул. Чайковского.

Людмила Владимировна рассказывала, как «пошла погулять» и началась «воздушная тревога», сандружинница схватила её и бросила в подвал бомбоубежища, а туда, где она стояла, – упала бомба. Больше тетя не отпускала её от себя ни на шаг, боялась.

После войны Людмила Владимировна окончила 283 школу в Ленинском районе, жила с матерью, которая вернулась из Франции, где почти всю войну содержалась в концлагере. Трудовой стаж Людмилы Владимировны более 40 лет, Ветеран труда. Вырастила дочь, есть два внука. В Стрельне поселилась в начале 50-х годов, сейчас живет в Петергофе. Ведет большую общественную работу, казначей в Обществе жителей блокадного Ленинграда 2-го микрорайона.

Артюхевич Галина Александровна **Война пришлась на мою юность**

У войны свои дороги, и каждому досталось сполна... Великая Отечественная пришла на нашу юность. В 1941 году я как раз окончила школу в Ленинграде и решила поступать в пединститут, но вместо этого получила направление на работу в детский сад воспитателем. В тот год была создана комиссия по выявлению детей, потерявших родителей, и начали массово открываться детские дома. На долю воспитателей выпали тяжелые испытания. Ежедневно в детские учреждения поступало огромное количество истощенных ребятшек, а потом началось сокращение продуктов и хлеба. Город уже находился под огнем артиллерии врага. **19 сентября 1941 года фашистская авиация сбросила на Ленинград полтысячи фугасных и почти полторы тысячи зажигательных бомб, а где-то через неделю последовало новое сообщение о сокращении норм хлеба: рабочим полагалось по 300 граммов, служащим и детям – по 125 граммов.** Да, это уже была ленинградская блокада...

Опасаясь вражеских налетов на Ленинград, детей начали вывозить в южные районы области, однако не учли угрозы оккупации этих районов. Наш детский сад получил направление на станцию Неболочи в Ленинградскую область. Детям сказали, что едем на дачу, но жить там пришлось недолго. Однажды, гуляя с воспитанниками на нашей любимой поляне у леса, я услышала немецкую речь и поняла, что надо быстро возвращаться к дому. Передо мной стояла задача – быстро собрать детей. Тогда я сказала ребятам: «Кто быстрее добежит до дома, получит приз». Я их только и видела! Проходя мимо вышки воинской части, я увидела солдата, несшего дежурство. Предупредила его, что в лесу немцы. Он сказал, чтобы мы собирали вещи и что в ночь на подводах нас отвезут на вокзал. Дачники в поездах покатали обратно на свою родину. А нас там встретили частые обстрелы и бомбежки. Детей из сада уже не разбирали по домам, и нас всех распределили по интернатам. Я получила назначение в детский дом № 11 Калининского района.

Приближалась зима. В тот год она была очень холодной, а отопления не было. Наш детский дом занимал помещение бывшей школы на Полюстровском проспекте. Обогревались буржуйкой, которую топили школьными партами. Ночевали только в бомбоубежищах. Ко всему привыкли, кроме голода. Голод косил всех: и взрослых, и детей. Работникам детских учреждений пришлось специальное распоряжение: «Отвлекать детей от разговоров и рассказов о пище». Но, как ни старались это делать, не получалось. Шести- и семилетние детишки, как только просыпались, начинали перечислять, что им варила мама и как было вкусно. В итоге все шишки сыпались на нашего повара. Тогда она придумала свой рецепт и назвала его «витаминчики». Повар жила у лесопарка и по дороге на работу рвала сосновые иголки, кипятила их. Я же вечерами ходила в госпиталь, который располагался в здании Лесотехнической академии,

помогала раскладывать порционно для раненых бойцов сахарный песок и масло. За это мне давали две столовых ложки песка, который мы добавляли в «витаминчики». Давали детям по полстакана этого напитка, и все были довольны. Но и это вскоре прекратилось, а следовательно, возобновились разговоры о «маминой еде». Тогда я нашла решение: сказала детям, что знаю, почему у нас нет прежней еды. Все притихли, а я продолжила: потому что все съел Гитлер и его армия. «Когда его поймут и разобьют армию фашистов, тогда у нас опять все будет, но для этого надо, чтобы вы перестали говорить о еде! – сказала я. – Для этого ваши папы и мамы ушли на фронт». И они мне поверили. А когда кто-то забывался, на него все ополчались, и он замолкал. В 1942 году для ослабленных детей стали выделять диетическое питание. Спасала Дорога жизни, через которую со всех сторон Большой земли приходило подкрепление. Зимой на подводах, а летом – баржами. Борьба за сохранность жизни детей блокадного Ленинграда была трудной, но благородной. Сейчас стесняются писать и говорить о многом: например, правду о количестве детей и взрослых, лежащих на дне Ладожского озера, о массовой вшивости и дистрофических поносах. Но для нас, работников детских учреждений, это навсегда осталось в памяти.

В третий этап эвакуации в 1942 году наш детский дом отправился по Дороге жизни, пролежавшей по льду Ладожского озера. Работа проходила в темпе – медлить было подобно смерти. Строй солдат образовал живой коридор, по которому из рук в руки передавали каждого ребенка и укладывали в барже на матрасы. Вот так мы отправились на противоположный берег, где нас ждал вкусный обед. Дальше путь пролегал по Большой земле на поезде до реки Волги, а оттуда – на красивом пароходе до Ульяновска. Свое 19-летие я встретила, проплывая мимо живописного местечка Жигули. Детей поместили в детский дом ульяновского села Бекетовка, а нас расселили по избам. Местные жители, зная, что мы ленинградцы, очень сердечно к нам относились, старались чем-нибудь угостить, много помогали и местный совхоз – снабжал парным молоком. Однажды нам привезли подарки из Америки. Слух быстро разнесся по селу, и все пришли посмотреть, чем пожертвовали «господа». Когда распечатали тюки, нашему удивлению не было предела. Для детей-сирот прислали туфли на каблуках, поношенные платья с кринолинами, шляпы с перьями и посуду с фашистскими знаками. Посуду мы сразу разбили, а детей нарядили и выпустили к народу, чтобы все знали, что нам дарят.

В марте 1945 года я получила повестку и мобилизационный листок. Мне было предписано в трехдневный срок явиться в Ленинград на восстановительные работы на завод металлоконструкций. Со мной в дорогу собирались еще

несколько ленинградцев. Расставание с детьми было очень печальным. Отправились в путь, но до Ленинграда так и не доехали, только до Волховстроя, что на реке Волхов. От нас потребовали пропуск для проезда по мосту, но у нас его не было. В результате нас оставили на местном заводе, сказав, что это филиал головного. Мы чувствовали, что это обман, но в военное время рабочие руки были нужны везде. Нас определили в общежитие и отправили в литейный цех плавки на работу. У некоторых женщин были дети, и они, уходя на работу, оставляли своих чад в общежитии. Однажды, возвращаясь со смены, мы увидели у здания большую толпу. Оказалось, что все дети погибли, – в куче мусора они нашли снаряд, постучали по нему камнем, и все взлетело на воздух. Мы собрали все куски в ящик и похоронили ребяткишек, а на следующий день не вышли на работу. Я составила телеграмму в Ленинград, написала про гибель детей, но ее не приняли. Тогда я решила в ответ на обман придумать хитрость. Познакомилась с девушкой, которая работала на телеграфе. Погуляла с ней, разработали обоюдный план за моей подписью, и телеграмма была отправлена в Министерство цветных металлов в Москву. Спустя четыре дня в общежитие зашли двое мужчин и приказали нам собираться. Мы решили, что это конец, а оказалось – спасение. Нас усадили в грузовик, повезли через мост, на середине у патруля сделали остановку, выставили ящик с водкой и поехали в Ленинград. На заводе всех определили на работы и предлагали обеспечить жильем. Я отказалась и поехала на свою квартиру, но она была занята новыми жильцами, а вещи мои разграблены. В итоге вернулась на завод и определилась в общежитие на Обводном канале. В отделе кадров мне сказали: раз сумела послать такую телеграмму, будешь работать помощницей коммерческого директора. Так я получила новую специальность.

День Победы я встречала в Ленинграде с огромным букетом полевых цветов. Это был настоящий праздник – солдаты-победители, уставшие и улыбающиеся, и жители блокадного города, труженики тыла – все были невероятно счастливыми, кричали «Ура!», обнимались, целовались, как старые знакомые. Мы поднимались, жили, нас называли одуванчиками, а город мы свой сохранили. В награду мне дали медаль – «За оборону Ленинграда».

Аспенников Александр Тихонович

Мы хвастались – у кого какой осколок

Когда началась война, мне было 8 лет, я должен был идти в первый класс. Я не сразу понял, что произошло, – были бомбежки, воздушные тревоги, но мне, восьмилетнему, казалось, что это не страшно. Мы, ребята, бегали, собирали осколки, хвастались между собой, у кого какой осколок.

Потом началась блокада. В это время эвакуировали детские сады, школы, но мама нас не отпустила. Первое время мы ходили в бомбоубежище, а потом мама просто сажала сестру и меня на кровать и садилась сама, чтобы если убьет, то сразу всех. Однажды меня контузило взрывом. Дом был разрушен, и нас переселили в барак рядом, в одной комнате жило несколько семей.

Мать ходила, искала где что поесть. Доставала детскую присыпку, пекла ее на сковородке. Брали горчицу, заливали ее водой, через несколько дней горечь сходилась, и из нее тоже пекли лепешки.

Я уже не мог ходить, лежал на кровати. Над кроватью на гвоздике висело пальто. Когда приходила мать и давала мне кусочек хлеба, я клал его в карман пальто и по крошечке доставал и ел. Сестренка была помоложе и более пухленькая, она еще бегала. Голод я уже не очень хорошо помню, все притупилось.

Наш сосед работал на военном заводе, семью он отправил в эвакуацию. Помню, что он разводил и ел резиновый клей. Потом тоже умер.

Мама сумела достать нам эвакуационный билет. Сестра отца помогла нам добраться до вокзала, меня везли на санках, я сам идти не мог. Началась тревога, и все убежали с перронов, бросив вещи. Когда вернулись, вещей не нашли. Нас погрузили в теплушки и повезли к Ладожскому озеру, там быстро, бегом, пересадили в грузовик-полуполторку с тентом. Перевезли через озеро, посадили в вагоны. Ехали долго, на остановках давали суп, иногда манную кашу и круглый хлеб в дорогу. Кто-то умирал, их сразу выгружали – двери были все время приоткрыты. Посередине теплушки стояла чугунная печка с трубой. Как-то я сушился у печки и сжег себе штаны. Состав гнали мимо Москвы, и мы вышли, поехали к бабушке в Томилино в Подмоскowie. Там же я пошел в школу, потом в железнодорожное училище.

Бабуркина Галина Александровна (Бойкова)

Выжили только мы с сестрой

У нас была большая семья, а в войну выжили только мы с моей сестрой Тамарой. Соседка по квартире так все организовала, что нас забрали в один детский дом.

Увезли нас под Тюмень, в деревню Антипино. Помню, как местные жители кормили нас хлебом. Они плакали, когда смотрели на нас.

Нас кидало из одного детдома в другой, так мы и объехали практически все сибирские детские дома. Я прожила в них с 2 до 16 лет. Все наши воспитатели были коренными ленинградцами, очень добрыми и порядочными людьми. О них остались исключительно добрые и трогательные воспоминания.

Багадыров Урунбек

До конца блокады защищал Ленинград

Мой отец Багадыров Урунбек воевал с 1942 года у генерала Марецкого. В боях получил ранения в ноги, но, несмотря на это, до конца блокады защищал Ленинград. Получил офицерское звание. Отец не любил говорить про войну. Единственное, что он рассказывал, – историю о том, как у него на глазах убили друга, который полез первым готовить проход, а сослуживцы не смогли оказать ему помощь, чтобы не выдать всю группу. Награжден медалью «За оборону Ленинграда». После войны служил в Невельской дивизии. Умер в 1980 году.

Хочется, чтобы и его небольшой вклад не был забыт.

Базилевич Валентина Григорьевна

Нас обстрелял немецкий самолет

Валентина Базилевич родилась в Ленинграде. Во время блокады от голода умер ее отец. Она вспоминает, как умирали на улицах люди, как немцы бомбили эшелоны, увозившие эвакуированных блокадников. В 1954 году вместе с мужем Валентина Базилевич переехала в Крым.

Сейчас волею судьбы мы оказались за границей – в Украине. А родилась я в Ленинграде, где прошли мое детство и часть юности. Вспоминаю тяжелые дни блокады, в которые мы потеряли многих своих родных. От голода умерла мамина сестра, мои двоюродные брат и сестра. А самое больное – в 39 лет умер мой папа. Умирая, он попросил что-нибудь покушать. Но нам нечего было ему дать. Страшно. Все мы уже ходили как тени.

Голод, холод. Ни воды, ни света. Бесконечные бомбежки. В бомбоубежище мы не ходили, хотя оно и было у нас во дворе. За водой ездили с саночками на застывшую Неву. Помню, однажды мама дала мне корочку хлеба, я проглотила ее и не почувствовала вкуса. Мне было так обидно, что я заплакала. Однажды мама шла по улице, и ее вдруг кто-то толкнул, она посторонилась, и человек упал прямо рядом. Он умер.

Полуживых, 9 марта 1942 года нас эвакуировали. Ехали мы на машине по застывшей Ладоге. Было очень страшно, так как лед уже подтаивал и машина могла в любой момент уйти под воду. Когда мы уже ехали на поезде, нас обстрелял немецкий самолет. Бомба попала прямо в паровоз. Мы все выскочили из поезда и спрятались в поле среди травы.

Эвакуировали нас с воинскими частями на Северный Кавказ, в г. Орджоникидзе, а затем в Тбилиси. Там я поступила в ремесленное училище, где мы работали по 12 часов и выпускали продукцию оборонного значения. По окончании училища я вернулась в Ленинград. Там я пошла работать на завод «Трубосталь». За хорошие успехи была выбрана депутатом в городской совет Ленинграда. В Ленинграде познакомилась с моим будущим мужем, который приехал в Ленинград из Крыма. В 1954 году мы с ним переехали в Крым.

Балицкая Ирина Михайловна **Из моей родни погибли 24 человека**

Мой папа в первые же дни Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. До войны он был начальником отдела в большом ЦКБ. В Ленинграде я осталась с мамой и братом, который был младше меня на год. Во время войны мама работала в военном госпитале, и иногда ее сутками не было дома. Хорошо, что с нами по соседству жила бабушка, которая иногда заходила и приглядывала за мной и братом. Мы жили в Ломанском переулке (теперь это улица Комиссара Смирнова), в доме, где находился Выборгский Дворец культуры.

В первые дни войны, когда начиналась бомбежка, все убегали с детьми в бомбоубежище. У нас у всех за спиной были рюкзаки, в которых лежали подушки. Кушать уже было практически нечего. В 1941 – 1942 годах на город обрушивались сильные обстрелы и бомбежки. Около нас находилось здание Военно-медицинской академии, которую очень часто бомбили. В нашем доме тоже был военный госпиталь. **Часто, когда мы бежали в бомбоубежище, мы видели в небе зеленые цепочки – это были следы от ракетниц, из которых пускали специальные снаряды, сигнализирующие летчикам, какие дома надо бомбить. То есть госпиталь был для фашистов как раз нужным объектом.**

В нашем доме все время было очень холодно. Мы жили в комнате площадью 26 метров. Место, где мы спали, было отгорожено буфетом и шкафом. Однажды снаряд попал в здание напротив, у нас в комнате вылетели все стекла. Мы спаслись только потому, что на нас не упали буфет и шкаф. Потом мы заделали окна простынями и одеялами.

Чтобы хоть немного нас с братиком отвлекать, перед уходом на работу мама говорила, чтобы мы рисовали. **Я, как и все девочки, всегда рисовала цветочки, принцесс, а братишка рисовал только подбитые самолеты и танки, причем и наши, и вражеские. Весной 1942 года брат умер от голода.**

Когда уже было тепло, я ходила к маме в госпиталь. Там я читала раненым бойцам стихотворения и что-то перед ними танцевала. Однажды один из раненых угостил меня сухарем, в середине которого была дырка. Боец сказал, что этот сухарь был пробит, и он собирался оставить его на память, но я так хорошо танцевала и пела, что он решил его отдать мне. Это был такой подарок.

На первый салют, который был во время прорыва блокады, мы не ходили, сил просто не было. Но мы его слышали и уже знали, что скоро победа.

Помню день окончания войны – был очень солнечный день, шли войска, им навстречу бросали полевые цветы. Все окна были открыты. Люди встречали солдат кто с радостью, кто со слезами, потому что очень многие погибли. Из моей родни во время войны погибли 24 человека. Четверо из них лежат на Пискаревском мемориальном кладбище: мой дедушка, бабушка, дядя и брат. Другие наши родственники жили в разных районах Ленинграда, и мы даже не знаем, на каких кладбищах они похоронены.

Папа пришел с войны больной, он был серьезно ранен.

Я считаю, что в таких жестоких условиях холода и голода, бомбежек и обстрелов столько людей сумело выжить и сохранить город только благодаря вере в победу, мужеству и тому, что мы все время держались вместе и помогали друг другу.

Сейчас основная задача общества – это связь поколений. Мы, блокадники, часто бываем в школах и лицеях и общаемся с подростками. Эти встречи всегда получаются очень радостные и трогательные. Каждое 27 января, в день снятия блокады Ленинграда, мы со школьниками возлагаем цветы, ребята выступают перед нами, рассказывают стихи. В такие минуты сразу вспоминается собственное детство.

Баранов Юрий Леонидович

Я помню, как это выглядело, – живые скелеты

Юрий Леонидович родился в Ленинграде, закончил «Военмех». Работал мастером-технологом в Новосибирске, затем вернулся в родной город и

защитил диссертацию. Позднее занимался подготовкой оборудования для производства числового программного управления (ЧПУ). Имеет сына.

Когда началась война, мне было пять лет. Перед этим я отдыхал в летнем детском садике в Толмачево, куда меня направили от работы отца. И вот началась война, приехал отец, чтобы забрать меня домой. А по закону того времени детей в детских садах и школах должны были перевозить организованно, никуда их развозить было нельзя. И вот отцу отказали, но все-таки с большим трудом ему удалось меня оттуда вытащить и, как оказалось потом, таким образом спасти меня от смерти. Детей, которых тогда повезли на Большую землю в эшелонах, накрыло во время бомбардировки, и все они погибли.

Помню, когда мы приехали в Ленинград, я помогал матушке клеить на окна бумажные кресты для того, чтобы при взрывах стекла не вылетали. Окна также зашторивали, чтобы не проходило ни лучика света. Когда включалась сирена, сообщавшая о начале воздушной тревоги, мы бежали в подвал, где пережидали налеты. **По радио в эфире на частоте сердцебиения тикал метроном, на углах улиц стояли раструбы громкоговорителей и, когда начинался налет, объявляли: «Внимание, внимание, начинается воздушная тревога».** Как-то рядом с нашим домом взорвалась бомба, и мы, обрадовавшись, что освободилось место, потом играли на этой площадке в футбол.

Электричества и отопления не было. В квартире топили печку и камин. Мы заготавливали дрова, и я таскал эти полешки из подвала, где они хранились, на пятый этаж.

Тогда ленинградцы сильно голодали, но в нашей семье было немножечко полегче. Мой отец был военным, служил на Балтийском флоте и пересылал нам продукты, которые ему полагались. В 1940 году родилась моя сестра, и моя мама сидела с ней. У нас были иждивенческие карточки, на них получали, по-моему, по 200 грамм хлеба. Я плохо помню, что мы ели, мальчишке трудно запомнить, потому что забота об этом лежала на родителях. Мой дед работал на хладокомбинате и тоже нам помогал. До революции он был приказчиком, затем перешел на сторону большевиков и занял пост начальника Наркомпроса. Ему дали трехкомнатную квартиру, где мы и жили. Потом он перешел работать на склады, и ему удавалось доставать где-то еду.

Запомнился такой случай. В нашем же доме жили мои родственники, сестры бабушки. У них была собака, великолепная овчарка. Что меня

поразило, так это то, что, когда наступило голодное время, они ее не съели. Не смогли. Собака в результате умерла, и они ее где-то похоронили.

В 1942 году, после того как мы пережили самый тяжелый зимний период, нас отправили в эвакуацию. Мы поехали в Ярославскую область, в местечко Коровники. Там тоже жили плохо. Чтобы заработать, матушка ходила сдавать кровь, работала на сборке плотов для сплава древесины, сажала картошку. В это время моя сестра простудилась, заболела воспалением легких и умерла. Так я потерял сестру.

Помню, когда нас бомбили, мы с мальчишками собирали осколки и хвастались ими друг перед другом. Еще запомнилось, что, когда мы были в эвакуации в Ярославле, матушка потащила меня на спектакль «Волки и овцы» в драматический театр, почему-то она думала, что мне, мальчишке, эта взрослая пьеса будет интересна.

В 1944 году мне исполнилось 8 лет, и пора было идти в школу. Матушка решила забрать меня в Ленинград. И вот, чтобы добраться до поезда, она тащила меня 20 километров от деревни до станции в тридцатиградусный мороз.

Всех людей, которые приезжали в Ленинград, первым делом заставляли проходить санобработку. Все вещи, в которых люди приезжали, сжигались, чтобы уничтожить вшей. Потом все шли в баню, и я помню, как это выглядело, – живые скелеты!

В 1944 году в Ленинграде ситуация тоже была сложная. Помню, я ходил отоваривать карточки, и как-то у меня их чуть не украли. Ели и дуранду. После войны меня признали дистрофиком, но я не могу сказать, что сильно страдал в блокаду, все ужасы того времени отразились в основном на взрослых.

Бардышева Галина Викторовна

Немецкие самолеты кружили так низко, что казалось, вот-вот заденут березу

Я родилась в Ораниенбауме в 1932 году. Мы жили большой семьей в Красной (бывшей Троицкой) слободе, у дороги, в деревянном доме под номером 5. В 1938 году мой брат тяжело болел. Его выходил дедушка Иван Федорович Казаков. Сам он умер в сентябре, не дожив до 54 лет. Годом раньше развелись наши родители... Пожалуй, именно в связи с этими событиями я очень рано шагнула в мир взрослых и ощутила, что в их жизни давно и прочно поселилась тревога.

В сентябре 1941 года мама работала на строительстве оборонительных сооружений. Их команда рыла окопы на Гостилицком шоссе, многие оттуда не вернулись, когда наша оборона была прорвана и Петергоф пал. Маме, по счастью, удалось выбраться.

В первый год войны школы в Ораниенбауме были закрыты. Некоторые ораниенбаумские блокадники утверждают, что учились тогда в подвале дома № 51 по проспекту Юного ленинца. Я не согласна с такой трактовкой событий. Действительно, в 1942 году в подвале-бомбоубежище дома № 51 какое-то время собирались жившие поблизости школьники средних классов, приходили и некоторые их учителя. Они беседовали, обменивались впечатлениями, читали книги, многие приносили с собой учебники. Учителей уважали, их с интересом слушали, но это общение было неформальным, не являлось обязательным, не было массовым и организованным, то есть его нельзя расценивать как учебный процесс.

В воскресенье 22 июня 1941 года у нас были гости – дядя Вася с семьей. Кадровый военный Василий Васильевич Казаков был дедушкиным племянником. В тот день мы рано сели обедать, так как потом собирались идти в парк. Вдруг по радио сообщили, что началась война. Я только окончила первый класс «парковской» школы – так называли обычную школу, размещавшуюся в старинном здании Картинного дома в Нижнем парке. Мне было тогда 9 лет, моему брату Вове (Владимир Викторович Тумашев) – 6,5 года.

С первых дней войны через жилищные конторы развернулась бурная деятельность по обеспечению самообороны. Прежде всего готовились к воздушным налетам и бомбежкам. К нашим деревянным домам подвезли песок, глину, бочки для воды и противопожарный инвентарь (ведра, багры, щипцы). Все это надо было перетаскать на чердаки. Дети помогали взрослым. Мы разводили глину с водой и обмазывали ею балки на чердаке: считалось, что это должно защитить деревянные конструкции от огня. На оконные стекла мы клеили крест-накрест полоски бумаги.

Июльским днем в небе появились два немецких самолета. Они кружили так низко, что казалось, вот-вот заденут березу возле нашего дома. Вероятно, это были самолеты-разведчики. В конце лета или начале сентября в Ораниенбауме появились первые беженцы, многие из них пришли из Петергофа.

Городское население мобилизовали на разные работы, в том числе на рытье щелей-укрытий, там жители должны были укрываться при воздушных налетах. Поначалу так и поступали – женщины хватали детей и бежали под вражескими

самолетами в укрытие. Бабушка же сразу заявила, что это – дурь, и наотрез отказалась от такой «самозащиты».

Летом 1943 года мою маму Антонину Ивановну Тумашеву-Казаккову наградили медалью «За оборону Ленинграда», а в конце 1945 года – медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.». Нашей бабушке Марии Прохоровне Казаковой-Студийской медали и почести не полагались, так как она считалась домохозяйкой-иждивенкой. Хотя и до войны, и в войну она была так называемой «уполномоченной», то есть помощницей участкового. Она следила за порядком в районе и за соблюдением светомаскировки. Бабушка умерла в апреле 1953 года, похоронена рядом с дедушкой на Троицком кладбище в Красной слободе.

Батова Зинаида Ивановна

Мама снимала одежду, брала молоток и била им по всем швам

О блокаде Ленинграда мне рассказывала моя мама, Батова Зинаида Ивановна. Ее родители – жители Ленинграда – поженились сразу после революции, а в 1923 году у них родилась дочь Зина. Через девять лет у моей мамы появился брат Василий. Дедушка и бабушка всю жизнь работали на ткацкой фабрике. Сначала они жили на Митрофановском шоссе в четвертом доме, потом переехали на улицу Курляндскую, в дом № 24/27, кв. 50.

Когда началась война, моей маме было 18 лет. Потом блокада Ленинграда... Мама работала на ткацкой фабрике, той же, что и ее родители. Первым умер отец. Мама (моя бабушка) слегла осенью 1942 года. Брат Вася оставался дома с мамой. Когда можно было пораньше уйти с работы, Зина торопилась к своим. Иногда приносила свой паек – бидончик похлебки, который получала на фабрике. Попасть в дом было непросто. Не было воды, не работала канализация. Все испражнения люди вываливали прямо в подъезд. А зимой все это свисало сосульками и бугрилось глыбами. Добравшись до своей квартиры, Зина делила все, что у нее было из еды, с братиком и мамой. Братик, съев свое, начинал хныкать: «Я кушать хочу». Мама отдавала ему свою еду.

В блокаду было очень много вшей. Мама снимала с себя одежду, брала молоток и била им по всем швам. Потом одежду вытряхивала и надевала на себя.

Как-то мама пришла с работы, но дверь была заперта, на стук никто не отзывался. Она постучала к соседке, ее брат находился там... Она взяла ключ и открыла дверь, а там лежала ее мама, накрытая простыней. Бабушка умерла зимой 1942 года. Первый раз в жизни Зина упала в обморок. Наревевшись, зашила свою мамочку в простыню, положила на санки и увезла.

Брат Вася оставался дома один. И в бомбежки Зина сильно за него переживала. На работе ей предложили оформить Васю в детский дом – там и присмотрят, и накормят. Зина согласилась. Теперь по вечерам после работы она торопилась навестить брата.

Однажды Зина пришла в детдом, а детей нет! Ей сказали, что их вывезли. Кто вывез, куда, как это произошло, до сих пор неизвестно. Так моя мама потеряла своего брата – Батова Василия Ивановича (1931 – 1932 г. р.). Искала она его всю жизнь, ищем его теперь и мы, надеясь получить хотя бы какую-то информацию о нем.

Зимой 1944 года маме предложили уехать в город Пушкин. Ехали в грузовиках. Все свои вещи она положила в кабину, на место рядом с водителем, а сама забралась в кузов машины. **По дороге их начали бомбить, снаряд упал рядом с кабиной водителя... Зина упала на пол кузова, успев лишь прикрыть руками голову. Мягкие ткани рук у нее срезало осколками. Все вещи, документы и фотографии сгорели в кабине. Осталась в чем была.**

После этого случая мама попала в госпиталь, где долго лечилась. Там она и познакомилась с молодым офицером, своим будущим мужем, моим папой. В 1946 году они поженились. Папа – кадровый военный, поэтому им пришлось помотаться по гарнизонам.

Мама всегда очень уважительно относилась к еде. И нас, своих детей, приучила к этому. В нашей семье никогда не выкидывали хлеб. Это грех.

Умерла мама в 1966 году, здоровье у нее всю жизнь было слабое.

Когда мы бываем в Петербурге, обязательно посещаем Пискаревское кладбище. Светлая память всем безвременно умершим! В моей душе до сих пор теплится надежда, что мы когда-нибудь узнаем, что случилось с моим дядей – Батовым Василием Ивановичем.

Батенина (Ларина) Октябрина Константиновна Мы вступили в народное ополчение

Октябрина Константиновна уехала из Ленинграда во время войны, окончила философский факультет Московского университета, затем вернулась в родной город. Ее муж был слепым, и она всю жизнь помогала ему в научной работе – переводила с латыни, польского, читала книги, делала выписки в библиотеке, водила его на выставки и фильмы, помогала увидеть мир ее глазами.

Сейчас мне 88 лет, а к началу войны едва исполнилось 18. Я только что закончила школу № 107 на Выборгской стороне. 21 июня у нас был выпускной вечер, мы полночи прогуляли и потом проспали часов до 11. Утром я мылась на кухне, а в комнате меня ждала подруга. Мы с ней собирались ехать в ЦПКиО (Центральный парк культуры и отдыха), на Кировские острова. Вдруг она мне говорит, что по радио должны сообщить важное известие. Мы стали ждать. Вскоре Молотов обратился к народу, сказав, что на Советский Союз напали фашисты. Вот так я узнала о войне.

Был прекрасный день, и через открытую балконную дверь тюлевая занавеска надувалась от ветра, как парус. Еще накануне у меня было ощущение начала новой жизни – впереди университетские годы, вся жизнь... И этот летящий тюлевый парус остался в памяти как воспоминание о последнем мирном дне, о последнем мирном часе.

Вместо парка культуры и отдыха мы пошли в военкомат. Оттуда нас шуганули, поскольку у нас не было военной специальности, мы даже близко не смогли подойти – стояла большая очередь, пришло много мальчишек. Тогда мы надумали бежать в нашу школу. Во время финской войны там был госпиталь, и очень многое из оборудования еще осталось. Моя подруга подумала, что там будут снова устраивать госпиталь. И правда! Мы пришли, сказали главврачу, пожилому мужчине, что хотим что-нибудь сделать. Он послал нас выносить из классов парты, и мы вытаскивали их из всех комнат этого большого здания, устали до того, что я почувствовала во рту вкус крови. Так у меня прошел первый день войны.

Потом я все-таки пыталась попасть в военкомат, но это была инициатива на пустом месте, поскольку и зрение у меня было плохое, и стрелять я не умела. Я была максималисткой – ну как же, я же комсомолка, вот сразу побегу и стрелять начну. Но меня хорошо остудили в военкомате. Тогда я решила – ах так?! До этого я успела подать документы в университет, так я рванула туда, забрала их и решила идти на завод, поскольку было ясно, что с заводов рабочих заберут на фронт, а тут тоже кто-то должен работать. Я пошла на телефонный завод «Красная заря», который был шефом нашей школы. Меня взяли ученицей-монтажницей делать полевые телефоны. Мама у меня работала там же, но я пошла в другой цех, чтобы никто не подумал, что она мне помогает.

Через несколько дней было объявлено о создании отрядов народного ополчения. Я тут же побежала домой оставить маме записку, куда я ухожу, и встретила ее на лестнице. Она говорит: «А я иду за тобой, чтобы мы пошли записываться в народное ополчение». И мы вступили в народное ополчение. В школе, кажется в

№ 96 на Большом Сампсониевском, сделали казарму, ночевали мы там, дома практически не жили. Там тоже оставались кровати и столы со времен финской войны. Утром мы уходили строем на завод и работали до позднего вечера. Обедать нас водили в столовку напротив «Красной зари», там давали похлебку – водичку, в которой плавала какая-нибудь макаронина. После работы мы возвращались в казармы и там учились. Изучали телефон, азбуку Морзе, владение станковым пулеметом и винтовкой. Меня записали в отряд связистов – с моими физическими данными я больше никуда особенно и не годилась.

Ополчение просуществовало несколько месяцев, и осенью нас прикрыли. Кого могли, переводили в армейские части. Как-то я работаю, ко мне подходит дядька и трогает за плечо. Я говорю: «В чем дело?» А он говорит: «Наши все погибли». **Целый отряд из ополчения послали под Лугу, и почти все там полегли, этот мужчина был одним из немногих, кто вернулся. Уже в мирное время я приезжала под Лугу. Меня спрашивали: «Что ты все в землю смотришь?» А я говорю: «Ищу, где лежат наши ребята». Если бы меня послали с ними, тоже бы там лежала.**

8 сентября, когда горели Бадаевские склады, я вылезла на крышу. Мы гасили зажигалки, и я лазила почти ежедневно – мне было проще подняться наверх, чем спускаться с пятого этажа вниз, в подвал, куда нас всех загоняли. Вместе со мной на крыше сидел один парень, он помогал нашей дворничихе тушить зажигалки. И вот мы сидим на крыше, а перед нами синее пламя! Я очень удивлялась, почему оно такого цвета. Но красиво было, скажу я вам! Тогда мы еще не чувствовали голода, позволяли себе роскошь не выкупать что-то по карточкам. В магазинах стояли баночки с консервированными крабами, и никто не брал. Мы как-то не очень знали, что такое крабы, была селедка – и ладно. Яйца, масло, сахар были – а крабы – это как-то не про нас. И вдруг это все из магазинов смели!

Помню, я привела ребятшек, брата и двоюродного брата, в столовку. Мы взяли еду по карточкам, а братик, ему года три было, не доел котлетку, и потом, во время голода, он мне все говорил: «Ты помнишь ту котлетку? Дай мне ее». Брат ходил в очаг – так тогда назывался детский сад, на Выборгской улице. Это был особенный детский сад: за всю блокаду там не умер ни один ребенок, ни у одного ничего не украли! Заведующую Татьяну Яковлевну назначила в свое время на эту должность Надежда Крупская, и она взялась за это дело с таким энтузиазмом и ответственностью! Она говорила, что у нее могут умереть все сотрудники, но не умрет ни один ребенок. Хлеб, который им был положен, дети получали весь. В детских учреждениях давали не 125 грамм, а 150, заведующая делила этот хлеб на три части, и дети получали его трижды в день. Печка,

старинная изразцовая, еще дореволюционная, всегда была горячая, к ней подходили по несколько детишек и грели спины и ручки. Погреемся одна группа, потом другая, и затем их всех укладывали под одеяло. Мы приносили брату часть своего хлеба. Детский сад находился в большой коммунальной квартире, и на лестнице сидели бабушки и мамы, у которых не было сил подняться к ребенку. Некоторые так и умирали на лестнице. Брат выжил, сейчас он ученый, изучает низкие температуры, разъезжает по всему миру. И когда я на него обижаюсь, я в шутку говорю: «И зачем только я тебе свой хлеб отдавала?»

Мне было легче, так как я работала на заводе, многого не видела и не знала. Когда выходила из завода, то шла в булочную выкупать хлеб. До сентября на заводе еще кормили. Вырезали из карточек талоны на крупу, на мясо, а давали супчик, где плавала одна макаронинка. Я запомнила этот суп, поскольку как-то раз привела в столовую свою подругу, которая имела только иждивенческую карточку. Мы ели из одной тарелки и отталкивали эту макаронину друг другу: «Твоя карточка, ты и ешь!» – «Нет ты, ты голоднее!» Вот так и толкали ее обе, пока не размочалили ее вконец.

В сентябре и октябре еще было терпимо. Седьмого ноября по карточкам давали пирожные в «Норде», сейчас это кафе «Север» на Невском проспекте. У меня был выходной, и я с ночи стояла в очереди. Утром я выкупила эти пирожные, а потом оказалось, что они вовсе и не вкусные, сделанные из отмытого жженого сахара, который сгорел на Бадаевских складах.

Помню одного мужчину, который ходил в столовой и облизывал за всеми тарелки. Я поглядела на него и подумала, что он скоро умрет. Не знаю, может, он карточки потерял, может, ему просто не хватало, но он уже дошел до такого. Как-то я видела женщину, у которой украли все карточки, в том числе детские. Она каталась по полу и кричала, и никто ничем не мог ей помочь. Потом кто-то сказал, что ей надо идти в райком партии, может, там ей помогли. Но вот эта картина – как она катается по полу – осталась у меня в памяти на всю жизнь!

В конце января на хлебозаводах не было воды, и они не могли сделать хлеб. И вот представьте: люди получают всего 125 грамм, рабочие – по 250, и несколько дней вообще никакого хлеба! Тут-то народ много умирал.

В булочной было немножко теплей, чем в квартирах, в домах вообще был сплошной лед. Если у кого-то стояла печурка, можно было обогреться, но мы печурку купили довольно поздно, где-то в феврале, когда перестали ночевать на заводе. Потом завод вообще остановился, поскольку не было электричества.

Мы топили буржуйку книгами. У кого была пила, тот мог распилить мебель, а у нас ее не было. Тут-то и выяснилось, какие книги самые ценные: сначала сожгли журнал «Крокодил», потом «Огонек», потом всякие научные, потом дошло дело до беллетристики. Кончилось дело тем, что у нас остались только классики марксизма и что-то из русской литературы. Перед тем как сжечь книги, я их читала. Когда на заводе не было тока и останавливалось производство, я сидела и читала. Меня спрашивали: «Ну что ты сидишь, глаза портишь при этой копилке?» Я отвечала: «Я боюсь, что умру и так и не дочитаю Стендаля – „Красное и черное“, „Пармскую обитель“». Когда я взяла книжку «Последний из могикиан», я сказала: «Вот интересно – последняя из ленинградцев сжигает „Последнего из могикиан“». Я не очень жалела западную литературу, а немцев вообще сожгла первыми. В школе мы учили немецкий, и у меня были немецкие книги – их я сожгла сразу.

Весной я заболела, у меня была сильнейшая дистрофия. Мама вызвала врача, и он выписал мне бюллетень. Маме дали предписание уехать из Ленинграда. Она была довольно значимым партийным работником, и еще в начале войны ее хотели направить на организацию партизанской работы в области. Но кто-то из тех, кто ее посылал, вспомнил, что у нее есть маленький сын. Мама хотела, чтобы он остался со мной, но ей отказали. Это апрель, числа я помню плохо, в это время я уже довольно часто теряла сознание.

До Финляндского вокзала нас проводила одна женщина, которую мы наняли за хлеб, чтобы она довезла на саночках брата. Нас погрузили в плацкартный поезд – на вокзале до сих пор есть надпись, что «С этого перрона уходили поезда по Дороге жизни». Вагон был настолько переполнен, что одной ногой я стояла на полу, а другой на каких-то вещах. Ни прилечь, ни опереться нельзя было. А маму запихали в другой вагон. Потом меня спросили, почему я одна, и, когда я сказала, что мама в другом вагоне, меня выгнали. Я побежала по пустой платформе к тому вагону и услышала мамин голос. А проводница ее тоже внутрь не пускает. Брата запихнули, передали по людям, а нас не пускают! С мамой совсем плохо стало, она говорит: «Слушайте, что же вы делаете! Мы же потеряем трехлетнего мальчишку, он там, в вагоне! У нас ни вещей, ни документов – все там!» Проводница все-таки смилостивилась, и нас пустили. Мы простояли еще несколько часов и в этом вагоне, и только ночью поезд, наконец, поехал. Тихо-тихо, беззвучно, крадучись. Каждые 15 минут мы останавливались, и на остановках из вагонов выносили трупы и складывали вдоль дороги, и, когда мы доехали, в вагоне стало уже довольно просторно, можно было даже сидеть на полочке.

Рядом с нами сидела одна семья: папа, мама и двое детей – мальчик лет восьми и младенец. Маленький ребенок рот открывает-закрывает, стали искать врача, нашли какую-то женщину, а ребенок уже умер. И эта женщина сказала, что, если бы нашли ему хоть немного водички, он бы выжил. Он пережил всю блокаду, а умер на Дороге жизни. Мы сидели с мамой в разных концах вагона, я написала ей записку, что надо им как-то помочь. И мама отрезала кусочек от нашего пайка на несколько дней и передала по вагону в наш конец. Если бы я была режиссером, я бы сняла фильм: люди передавали этот кусочек ладонью кверху, и каждый говорил: «Я этот хлеб передаю» – и следующему. Несколько минут хлеб кочевал по вагону, и представляете – голодные умирающие люди, и никто не откусил, не утаил ни крошки! Я была счастлива, что мы могли помочь хотя бы старшему брату этого умершего младенца.

Когда поезд доехал до Кабоны, все вышли. С собой в школьном портфельчике у меня были только фотографии и документы. Мама говорит: «У нас с тобой вещи в вагоне остались». Я говорю: «Да ну их, что мы без смены белья не проживем?» И мы ничего не взяли. Потом нас посадили в открытые грузовики, и мы кое-как проползли по Дороге жизни через Ладогу, колеса были все в воде.

Затем мы поехали в Алма-Ату. Еще до блокады в Ленинграде висело обращение казахского акына: «Ленинградцы – братья мои! Ленинград – гордость моя! Ближе брата, ближе сестры Ленинграду Алма-Ата!» Вот мы и решили, раз мы им ближе брата и сестры, поедem в Алма-Ату. По приезде мама как партийный работник пошла в райком партии устраиваться на работу. Когда там узнали, что мы из блокадного Ленинграда, все забежали – кто стакан кипятка несет, кто конфетку, кто что. Жена одного из генералов очень хорошо организовала там питание блокадников.

После приезда я провалялась в нескольких больницах – сначала с дистрофией, потом с тифом. Оттуда уже я поехала в Москву поступать в университет. Это был 1943 год.

Беляева Валентина Владимировна
Я не боялась смерти!

Мое детство закончилось в 10 лет. С началом войны отец сразу же ушел добровольцем на фронт, а мы с мамой и бабушкой остались в Ленинграде. Мы жили рядом с Московским райсоветом в окружении крупных предприятий, которые выпускали оружие, танки, обувь, – словом, все для фронта. Немцы знали об этом, поэтому и бомбежки были целенаправленными. Поначалу с

сигналом тревоги мы еще спускались в бомбоубежище, а потом сил не осталось совсем.

Мама работала на фабрике «Скороход» и была на казарменном положении, приносила нам с бабулей паек (2 кусочка хлеба по 125 грамм) и строго наказывала принимать как лекарство – по частям, которые она сама нарезала. Бабуля почти все отдавала мне и в феврале 1942 года умерла от голода. Два дня я лежала в пустой холодной квартире одна с мертвой бабушкой, пока не пришла мама и на саночках не увезла труп на кладбище. Я маме помогала завернуть бабушку в простыню и спустить с 4 этажа вниз. Мое здоровье подорвалось, я заболела воспалением легких и лежала, закутавшись во все, что мама могла найти. Я не боялась смерти и, чтобы занять себя, считала секунды, складывая в минуты и потом в часы. Ждала включения радио, оно стало для многих изможденных ленинградских ребятишек членом семьи, добрым другом.

В сентябре 1942 года я пошла в школу, в 3-й класс. На уроках литературы учительница Александра Ивановна рассказывала о долге и ответственности перед Родиной. Мы верили в победу. Помню, как увидела в последний раз отца, заскочившего домой на несколько минут, когда его полк переводили на другую линию фронта. При прорыве блокады в 1943 году отец погиб.

Весной 1943 года нас, школьников, посылали копать траншеи на Пискаревке. И теперь я никогда не забываю в памятные даты обязательно возложить цветы и помянуть тех, кто лежит в земле Пискаревского мемориала.

Блат Зинаида Моисеевна

Меня откинуло воздушной волной к стенке!

Наш дом был огорожен металлическим заборчиком, там росла акация, липы, дикие яблони. Когда началась блокада и голод, мама рвала в этом саду лебеду, крапиву, листья липы, смешивала их с чем-то и пекла что-то вроде булочек. Мама была запасливой женщиной, у нас дома хранилась картошка, квашеная капуста.

До войны папа построил сарайчик, мы держали там кур и зерно для корма, и вот за счет этих кур и зерна мы и выживали. Рядом с моей школой находились скотные дворы, люди держали там коров. Когда началась война, кормить их стало нечем, надо было резать. В городе остались в основном женщины, и они просили резать скот моего папу, давали взамен какие-то куски.

В столовую привозили баланду – воду, разбавленную мукой. Мама брала бидон этой баланды, кидала туда что-то от курицы, овес или еще что-то, вот так мы и питались.

Часть еды я носила моему дяде, маминому брату. Было холодно, идти приходилось далеко. У брата было трое дочерей, одна из них девятимесячная, жена и мать, и я предложила родителям взять эту маленькую девочку к нам. Они согласились. Я пошла к брату, и, когда проходила мимо трамвайной остановки, где стояли люди, началась воздушная тревога. Спрятаться в бомбоубежище мы не успели, начался обстрел. Многих убило – кому голову снесло, кому что. Меня откинуло воздушной волной к стенке.

Через неделю я снова пошла к дяде навестить девочек, прихожу, а мне говорят, что их отправили в госпиталь с дизентерией. Я пришла в больницу, а они уже умерли. Дядя умер еще накануне, его тело завернули в одеяло и положили во дворе к стенке – так тогда хоронили. Тогда многие бросали трупы прямо на улицах, в сугробах, чтобы сохранить карточки умершего.

Блюмина Галина Евгеньевна

Мы помогли взрослым гасить зажигалки

Когда немецкие войска вплотную подошли к Ленинграду, мне только исполнилось 11 лет. Из немецких окопов на окраине города была видна конечная остановка трамвая – так нам говорили в те дни по радио. Это было в сентябре 1941 года, а до этого город подвергался постоянным обстрелам и бомбежкам. В те дни мы в школу уже не ходили, а жили в бомбоубежище, в подвальном помещении нашего дома.

Во дворе нашего дома на Васильевском острове, на 9-й линии, находилась зенитная батарея с бойцами. Она все время стреляла по самолетам, которые сбрасывали зажигательные бомбы на крыши домов. Город был замаскирован сетками, чтобы с самолетов не было видно, где находятся самые главные памятники и мосты. Это Зимний дворец – Эрмитаж, Адмиралтейство, Петропавловская крепость, Невский проспект, Исаакиевский собор и многие другие. В домах создавались детские бригады, которые помогали взрослым гасить зажигалки. **Мы были в брезентовых рукавицах и в защитных касках на голове, так как зажигательные бомбы пробивали крыши, падали на чердак и крутились, как волчок, исторгая из себя море искр, вызывая пожар и освещая огнем все вокруг. Мы – дети с 10 лет и старше – брали в рукавицах бомбы и выбрасывали их в окна чердака на брусчатку двора (тогда асфальтированных дворов еще не было), где они тухли.**

По приказу горисполкома надо было разбирать сараи, находившиеся во дворах домов, так как на Васильевском острове в ряде домов было печное отопление. Взрослые и дети выходили во двор и работали там до темноты, разнося доски и дрова в квартиры. Наша мама освободила целиком одну комнату, которую мы заполнили дровами. Это, скорее всего, и спасло нас от гибели, так как мы были хоть и голодные, но жили в тепле – буржуйка топилась у нас круглосуточно. А нас было 6 человек в семье – папа, мама и четверо детей, младшему из которых было 4 года.

В начале войны многие школы и детские сады выехали на Валдай и в окрестности Ленинграда, чтобы переждать бои. Все без исключения люди считали, что война вот-вот кончится, ведь между СССР и Германией был подписан мирный договор о ненападении. Но этого не случилось, и наши родители приехали в сентябре последними составами, чтобы забрать нас домой. Эти два месяца, пока нас не было, наша мудрая мама доставала продукты по завышенным ценам, где только могла, так как четверых детей нужно было кормить каждый день. Горели от бомбежек Бадаевские склады, сахар тек, пропитывая землю, и все жители города собирали этот сахар вместе со снегом и землей.

В пригороде оставались неубранными колхозные поля. Мы с мамой ходили туда и собирали картошку, брюкву, свеклу, капусту и турнепс. Мои родители работали в то время на заводе им. Калинина, папа – инженером, а мама – товароведом. С начала войны у папы была бронь, то есть от военной службы он был освобожден (у него были больные легкие), но на рытье окопов он уехал. А через месяц отца привезли домой, он начал кашлять кровью, так как сильно там простудился. Положили его в больницу, но кормить больных там было нечем. Мама его выхаживала в больнице, но, когда отца выписали, он был очень слабый.

Все мы пухли от голода и слабели с каждым днем. Запасы маминых продуктов давно кончились, а пополнять их было нечем. Собирали во дворе грязный снег и делали из него чистую воду. Ежедневно кипяток и 125 граммов хлеба на одного человека. На продуктовые карточки ничего не давали. К тому же в тот год была удивительно суровая и снежная зима. В бомбоубежище мы уже не спускались, не было сил, лежали на кроватях в одной комнате, где теплилась буржуйка.

В один из дней мама нам сказала, что у нее нет больше сил бороться и так жить, что мы затопим буржуйку, закроем трубу и ляжем спать, чтобы утром не проснуться. Это была бы самая легкая смерть – мы все дружно согласились с ней. **Спорил лишь отец, который не хотел умирать. Прямо при нас он**

сказал маме: «Мы с тобой должны жить, и поэтому все те продукты, что дают нам на всю семью, должны съесть мы, а дети у нас еще будут». Это было очень жестоко, от голода у него помутился рассудок. Но мама с отцом не согласилась, мы все были ей очень дороги. Моему отцу в тот момент было 43 года, а маме 37 лет.

И в этот день к нам пришли люди, которых прислали с завода известить маму и папу о том, что нас эвакуируют на Большую землю.

С Финляндского вокзала отходили поезда в сторону Ладожского озера, по Дороге жизни. Но до этого надо было набраться сил и добраться до завода пешком, чтобы выписать на всех нас документы на дорогу. Папа еле оделся, так как он был очень болен и слаб, и ушел. Пришел ночью с документами, мы взяли большие санки у дворника и отправились на вокзал. В санки мама сложила кое-какие вещи, которые мы потом в дороге меняли на продукты.

Но вот мы отправились в эвакуацию и добрались до станции Ладожская. Папа встретил шофера с завода, и тот помог нам перебраться на ту сторону по льду, на его машине. **Сверху очень хорошо днем и ночью просматривалась эта дорога, немцы бомбили ее, а воронки припорошивало снегом, и их было не видно. Мы чудом уцелели – перед нами машина угодила в воронку и ушла под лед вместе с людьми.** Мы добрались до противоположного берега, и там нас поместили в бараки в ожидании поезда на Большую землю. Это были теплушки для перевозки скота.

В каждом вагоне были нары и буржуйка, правда, без дров. Дрова на остановках мы должны были добывать сами. На вокзале станции Жихарево нас накормили горячим обедом. Он состоял из ячневого супа, ячневой каши с бараниной и хлеба. К тому же каждому давали по одному куску сырокопченой колбасы и по одной плитке шоколада. Люди съедали все это сразу и тут же умирали, так и не поняв причины страшных мучений. Опять же наша мудрая мама, получив все это, послала отца за кипятком. Он не пошел – боялся, что она все это съест сама, и даже полез с ней драться, отбирать еду. На все это было очень тяжело смотреть. Две мои старшие сестры взяли бидон и принесли кипяток. Мама разводила одну ложку выданной каши с кипятком и каждый час кормила нас. Ведь баранина – очень тяжелое мясо даже для здорового человека.

Посадили нас в теплушки, из всех щелей дуло и сквозило, а единственная буржуйка, стоявшая посреди теплушки, не могла обогреть всех людей. На остановках, разъездах, когда поезд останавливался, наиболее здоровые бежали в лес за хворостом для печки. Иногда в такие моменты состав трогался без предупреждения, и люди, измученные голодом, отставали от поезда. Так и моя

мама через 10 дней пути, решив выменять немного картошки, отстала от поезда. Догнала она нас через сутки, счастливая и с картошкой в подоле – ее подобрал воинский эшелон с ранеными, которых везли в тыл.

Папа лежал на нарах, больной и слабый. Старшая сестра, которой было восемнадцать, заразилась в поезде сыпным тифом и лежала с высокой температурой. Мама увидела все это и сказала, что мы выходим на ближайшей станции. Это была станция Свега Кировской области, где мама нашла начальника. Сестру и папу осмотрел доктор, а нас отправили за 10 км в деревню, в колхоз. А ведь конечным пунктом нашего маршрута была Казань, куда был эвакуирован завод им. Калинина.

Все мы стали работать в колхозе, зарабатывать трудодни. Денег нам не платили, но председатель выписал нам муку, картошку и другие продукты. Так я в 11 лет научилась запрягать лошадь – возила навоз на поля.

Папа выздоровел, да и сестра поправилась от хорошего питания. Отец уехал в Казань на завод, а мы остались. Но через три месяца папа опять приехал к нам, и снова он был очень сильно болен. Мама все вещи обменивала на продукты, чтобы кормить отца.

Когда война шла уже на территории Германии, мы стали собираться домой, но нас долго не пускали в Ленинград. Когда приехали, квартира наша была уже занята. В 1945 году папа умер – ему было 47 лет. Сестра поступила в Институт железнодорожного транспорта, мама прописалась в общежитии от работы. Потом мы с сестрой вышли замуж за лейтенантов Военно-морского училища им. Фрунзе – так мы оказались в Севастополе. Здесь я живу уже 50 лет.

Богатырев Николай Федорович **Участвовал в прорыве блокады**

Богатырёв Николай Фёдорович в начале Великой Отечественной войны служил на полуострове Гангут (Ханко) в составе отряда моряков и участвовал в его обороне. После эвакуации с полуострова – в обороне Ленинграда. В составе 136-й стрелковой дивизии, образованный из 8-й морской бригады, участвовал в прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года. Был ранен. Позднее сражался за освобождение Эстонии. В 1945 году участвовал в боях по освобождению Венгрии, Австрии и Чехословакии. После войны Н. Ф. Богатырёв работал в народном образовании и на партийной работе.

Богданов Юрий Иванович **Мы несли вахты на крышах**

Мой отец был летчиком, а мать – врачом. Когда война началась, родители ушли на фронт, и я в возрасте 10-ти лет остался с бабушкой. Жили мы на Васильевском острове.

Вместе со сверстниками я тоже оборонял город от фашистов. Мы несли вахты на крышах, тушили зажигалки, вычисляли шпионов-ракетчиков. Когда мы выявили 15 ракетчиков, нас наградили. В 11 лет я получил медаль «За отвагу».

Днем мы работали – обтачивали болванки для снарядов, потом на фабрике Урицкого паковали махорку для бойцов на фронте. После трудовых смен ходили по госпиталям, ухаживали за ранеными и пожилыми ленинградцами.

Очень запомнился на всю жизнь «тракторный» Дворец Кирова. Там был ожоговый госпиталь. Мы ходили туда в 1942 и 1943 году, поили, кормили раненых, читали им письма, газеты.

Был там летчик Саша, ему перестала писать его девушка. Чтобы его поддержать, мы каждую неделю писали ему письма – якобы от нее. И он всегда ждал это письмо – оно было для него как лекарство.

В первый и второй год войны мы дежурили в булочной, чтобы никто не смог отнять у совсем ослабевших людей хлеб. Мы же провожали самых слабых до дома, брали у них бидончики и с Невы привозили воду. Находили дрова и топили буржуйки. Когда не было дров – топили книгами.

Во время тревог дежурили на чердаках, тушили зажигалки, ловили вражеских сигнальщиков. Обезвредили 15 человек.

В 1941 году умерла бабушка. Я получал на нее иждивенческую карточку. Не рассказал в ЖЭКе, что она скончалась, так она и лежала в нашей комнате до мая 1942 года.

Зимой мы собирались по 3 – 4 человека и на саночках ездили на Ладогу. Там иногда были убитые лошади, но солдаты туши забирали себе, а ноги оставляли. Вот поедем и пару ног привезем, потом в буржуйке осмолим их и варим.

В 1944 году я попал в школу юнг на Соловки, а затем был переведен в такую же школу в Кронштадт. После завершения обучения меня юнгой взяли на Балтийский флот на катерные тральщики. В 1945 году перевели в часть охраны водного района в Севастополь.

В ОВРе Черноморского флота я и прослужил 30 лет, сначала как моторист, позже – старшиной команды мотористов.

Корабли ОВРа воевали и после войны. Катерные тральщики месяцами планомерно разминировали севастопольские фарватеры, уничтожая вражеские якорные и донные мины. Корабль, на котором я служил, расчищал морские дороги на Одессу и Новороссийск, справлялся с вражескими минами в бухтах главной базы. Части ОВРа главной базы ЧФ после войны постепенно начали пополняться новыми кораблями.

На малых противолодочных кораблях я прошел шесть боевых служб – все они были в Средиземном море. Боевые службы длились иногда до 8-ми месяцев. Если учесть, что бытовые условия были, можно сказать, никудашными, то легко представить, как трудно приходилось нашим морякам в горячей «средиземке».

Отслужив положенное, в звании мичмана ушел в запас. Работал в севастопольском порту сменным диспетчером.

Бок Екатерина Андреевна Холодец с человеческими ногтями

Моя бабушка, Екатерина Андреевна Бок, рассказывала, что люди в блокаду умирали везде: в подъездах, на улицах... У нее самой отец умер голодной смертью, но его жена, бабулина мама, сумела договориться и похоронить его в чужом склепе на Волковском кладбище... А еще она говорила, что на рынке продавали холодец с человеческими ногтями... жутко даже представить себе весь этот ужас, который пришлось ей пережить...

Болдырева Александра Васильевна Я чуть не стала мясом для котлеты!

Наша семья не эвакуировалась, мы остались в Ленинграде. Голод пришел с первых же осенних дней, ведь запаса продуктов у нас не было никакого, за исключением одного мешка зеленых капустных листьев, которые мы с мамой собрали после уборки овощей на полях.

Пришла зима, и стало совсем плохо. 125 граммов хлеба надо было разделить на 3 раза. И вот эта третья часть хлеба (вернее, того, что называлось хлебом) и большая чашка подсоленной воды – такое питание было у нас всю зиму.

Зимой 1941 – 1942 годов в школу мы не ходили, так как помещение не отапливалось. Как только наступало раннее утро, я сразу же шла в булочную,

чтобы получить свою порцию хлеба. Когда я ложилась спать, то представляла, что в комнате стоят шкафы, а на полках лежат буханки хлеба. И с этой мыслью засыпала.

К весне мое состояние ухудшилось, появилась отечность в ногах, ходить стало трудно, а потом и вовсе на второй этаж, где мы жили, приходилось подниматься ползком по ступенькам.

Однажды наша соседка по квартире предложила моей маме мясные котлеты, но мама ее выпроводила и захлопнула дверь. Я была в неопишемом ужасе – как можно было отказаться от котлет при таком голоде. Но мама мне объяснила, что они сделаны из человеческого мяса, потому что больше нигде в такое голодное время достать фарш.

Однажды я сама чуть не стала мясом для котлеты. Это было в начале зимы, видно, я еще не сильно отошала. Когда я возвращалась домой из булочной, за мной увязались двое. Из их разговоров я слышала: «Смотри, эта девочка, видно, не с пайка живет». Они стали меня звать с собой, но хорошо, что рядом шли другие люди, да и дом наш был совсем близко.

Кое-как мы дожили до весны. Все очень ждали появления травы, из которой потом мы делали и суп, и борщ, и лепешки. В мае школьников прикрепили к столовой, и мы ходили туда питаться. Кормили нас, в основном, соей. Суп соевый, лепешки соевые и молоко соевое. Мама моя не выжила, умерла в конце мая.

Воспоминания и эпизоды перед глазами встают только страшные. Рядом с нашим домом была больница, из окна был виден большой сарай – морг, к которому каждый день подъезжала машина, и в нее как дрова забрасывали умерших от голода людей. Когда пришла весна, и стал таять снег, открылась вся антисанитария. За зиму много покойников было брошено в траншеи, у людей не хватало сил донести тела до кладбища.

И все-таки мы дожили до долгожданной травы, это было наше спасение. Люди стали копать огороды, сажать овощи, используя каждый кусочек земли. Еще было много трудностей, но самую страшную зиму мы пережили.

А позже пришло время, когда наш город освободили от блокады. Это была безграничная радость. Мы выжили.

Бордюкова Светлана Владимировна (Кромачева)
Мое блокадное детство прошло в госпитале

Родилась 02.02.1942 в городе Ленинграде.

Мое блокадное детство прошло в госпитале, где мама работала медсестрой. Во время войны наш дом был разрушен, поэтому нас приписали к госпиталю и обеспечили всеми видами довольствия.

Мама сутками находилась на операциях, а за мной присматривали легкораненые. Они носили меня из палаты в палату, поэтому, когда моя мама освобождалась, ей приходилось искать меня по всему госпиталю.

После снятия блокады в 1944 году госпиталь эвакуировали. Наш состав подвергся бомбежке на станции Бологое. Дальше мама решила не ехать, так как в 40 километрах от Бологое, на станции Баталино, жили ее родители.

Там я в семь лет пошла в первый класс. В 1950 году мы вернулись в Пушкин, и я стала учиться в местной школе. Окончив техникум общественного питания, устроилась на работу поваром. Также работала на заводе «Электросила».

Бриллиантова Ольга Николаевна
Я занималась эвакуацией детей

В воскресенье 22 июня была хорошая погода. Я помогала делать маме прическу – завивала локоны. Тут вбегает сосед: «Объявили войну!» У меня на щипцах локон сожженный так и остался.

После 22 июня начались разговоры об эвакуации, о бомбежках. Я не помню первую бомбежку в городе, но запомнила, как в сентябре сгорели продовольственные Бадаевские склады.

Меня призвали в райком комсомола, и я занималась эвакуацией детей из Ленинграда. Нас было несколько человек, каждому давали свой участок. Мне надо было охватить всех детей в Куйбышевском районе. Не все родители хотели расставаться с детьми, были и проклятия. Как-то один эшелон с эвакуированными детьми немцы разбомбили, а со второго они кое-как добрались пешком обратно в Ленинград.

Напротив нашего дома было бомбоубежище. Я видела, как мужчина вышел из него покурить, а в бомбоубежище попала бомба, и вся его семья – жена и двое детей, все погибли, он остался один. Но в целом город больше страдал от обстрелов.

Карточки ввели, по-моему, еще в июле. Мы ходили с проверками по пунктам, где выдавали карточки, там шла определенная регистрация. К сентябрю у людей, которые не делали запасов, стало не хватать еды, а с ноября начался голод. В декабре уже массово начали умирать мужчины, в марте – женщины. В декабре, несмотря на то что на иждивенческую карточку давали всего 125 грамм хлеба, на служащую – 250 грамм, а на рабочую – 400 грамм, никаких других продуктов не давали вообще. Поскольку я работала в райкоме комсомола, у меня была рабочая карточка (по тем временам эта работа требовала много сил), а у мамы – иждивенческая. Люди ходили, как моя мама, занимать очередь в магазин в 4 – 5 утра. В 8 утра я ее подменяла, потом открывался магазин, и выяснялось, что ничего за ночь не завезли.

Приходилось ходить на рынок, менять вещи на еду. Покупали клей в плитках, одна плитка столярного клея стоила десять рублей, тогда сносная месячная зарплата была в районе 200 рублей. Из клея варили студень, в доме остался перец, лавровый лист, и это все добавляли в клей. Хлеб купить на рынке было почти невозможно, так дорого, хотя, вообще, его продавали. Торговали хлебом около булочных, меняли на вещи, вот я тоже меняла. Все, что было в доме хорошего, все сменяли на еду. Вещи клали на землю, люди смотрели и на что-то там меняли. Как раз перед войной мне подарили шифоновый отрез на платье, очень красивый, его я поменяла на две столовые ложки собачьего жира. У меня было колечко, сережки – все пошло на обмен. Мамину брошь с сапфирами и бриллиантами мы отдали нашей знакомой, и она четыре раза передавала нам по полкило хлеба, в целом получилось два кило хлеба.

Поленья было найти сложно, так что сожгли всю мебель. У нашего дома стоял дровяной склад, и то ли из-за диверсии, то ли осколок попал, но все наши дрова сгорели. Это был декабрь, дома оставаться было очень страшно, и мы собрали документы в маленький чемоданчик, стояли во дворе и смотрели на пожар.

Уже с декабря начали возить саночки с умершими, вы, наверное, видели такие кадры. Транспорта не было, ходили пешком, все было завалено снегом. Идет по улице человек, качается, прислонится, потому что идти дальше нет сил, да так и остается. Трупов на улицах было очень много, их собирали и увозили.

Помню, как-то началась бомбежка, я была на улице Марата. На проезжей части лежала женщина, которую убило осколком, у нее откинулось пальто, и было видно, что вырваны куски мяса и торчали кости. Эту картинку я запомнила навсегда.

В первых числах апреля я получила повестку из военкомата, и меня призвали на фельдшерское обучение. Нас стали готовить к отправке на фронт, обучали во

Дворце работников искусств, сейчас это Дом актера. Распорядок дня был такой: утром приходим на завтрак, после завтрака шла строевая подготовка во дворе. В Михайловском саду учились ползать по-пластунски, это потом нам очень пригодилось. После строевой подготовки нас вели в Карельскую столовую, там стоял огромный стол, и мы учились разбирать и собирать станковые пулеметы и револьверы. Потом нас вели обедать в ресторан «Москва», к которому мы были прикреплены, на углу Невского и Владимирского проспектов. После обеда мы, девчонки, шли работать: разбивали ломом лед, чистили улицы, вывозили мусор на санках. К 20-м числам мая мы закончили уборку нашего района.

Когда мы закончили обучение, нас стали распределять по частям. Я попала в 90-ю Краснознаменную стрелковую дивизию. Мама у меня уже не поднималась, я сказала в военкомате, что не могу оставить ее одну. Мне дали бумажку с разрешением, и 29 мая мы с соседкой отнесли ее на носилках в «Октябрьскую» гостиницу напротив Московского вокзала, там размещался стационар для родных военнослужащих. 30 мая нас собрали и повезли на почтово-полевую станцию Ленинградского фронта.

Бубненко Александра Тимофеевна

Когда мама везла дедушку на кладбище, провалилась в Неву

Моя мама Бубненко Александра Тимофеевна рассказывала, что они работали на оборонном заводе вместе с сестрой моего отца Бубненьковой Клавдией Константиновной, с мамой жила моя старшая сестра Бубненко Зоя Борисовна, ей было три года, и родители моего отца. Дедушка умер там же, его похоронили в общей могиле и, когда мама везла его на кладбище, провалилась в Неву. С тех пор у нее страшно болели ноги, а бабушка умерла по Дороге жизни через Ладожское озеро, тетя после блокады ушла на фронт. Мама никогда не рассказывала, наверное, не хотела говорить про ужасы. Родители мои и тетя уже давно умерли, а сестра жива и почти здорова.

Бубнов Григорий Михайлович

Самый печальный месяц

У меня нет ни одного позитивного впечатления о войне и блокаде, все только страшные. Мы жили в Люблинском переулке, в доме № 7, квартира 14. Я был тогда совсем маленький и ходил в детский сад. Однажды воспитатели вывели нас из-за столов прямо во время обеда. Как мне потом рассказала мама, вскоре в это здание попала бомба. Это было около Египетского моста.

После того как садик разбомбили, я оставался дома один. У семьи не было никаких возможностей куда-нибудь меня определить. Апрель 1942 года стал

самым печальным месяцем для нашей семьи. 16 апреля на Балтийском заводе умирает мой отец. 20 апреля умирает его родная сестра, моя тетя. В конце апреля – начале мая умирает мой дед. Большую часть блокадных дней мне пришлось коротать наедине с черным репродуктором. Мама круглосуточно работала в морском порту телефонисткой. Во время тревоги, если мама была дома, она брала меня на руки и вставала между дверей.

Когда блокада была снята, мама взяла меня на салют. Мы наблюдали его у Базового Матросского клуба на площади Труда.

Когда наши войска возвращались с победой и шли от Нарвского проспекта в сторону Невского, мы с мамой встречали их напротив Никольской церкви.

Буй Ольга Павловна

Мы их помним!

Моего дедушку звали Буй Даниил Павлович. Его старшая сестра Буй (девичья) Ольга Павловна во время блокады жила в Санкт-Петербурге. Она родилась в Белоруссии, в Минской губернии, в Новогрудском уезде, д. Долгиново. Во время Первой мировой войны долгое время фронт стоял между Турцом и Кореличами. И, может быть, поэтому в Белорусском национальном историческом архиве не сохранились метрические книги турецкой церкви. Возможно, они хранятся в Санкт-Петербурге.

В 1939 году, после освобождения Западной Белоруссии, дедушка получил письмо из Ленинграда. Ольга Павловна писала, что у нее три взрослые дочери. Дедушка послал домашних продуктов. В ответ Ольга Павловна прислала деньги. Тогда дедушка пошел на рынок, купил продукты и послал еще одну посылку. А потом была война. Дедушка умер 3 июля 1942 года, на 54-м году жизни от сердечного приступа. Деревня Долгиново сохранилась, и сохранился адрес Ольги Павловны. На письмо в Ленинград пришел ответ, что все умерли. Писал тот, кто знал. Мы их помним.

Букуев Владимир Иванович

Над ленинградом стояло зарево от горящих продуктов

Владимир Иванович закончил Ленинградский военно-технический техникум по специальности «радиоэлектроник», отучился в Ленинградском зенитно-артиллерийском военном училище. В 1959 году закончил Киевскую академию противовоздушной обороны Сухопутных войск по специальности «инженер по радиоэлектронике». После окончания академии преподавал в ней 20 лет на должности старшего преподавателя. 30 лет прослужил в Советской армии,

вышел в отставку с воинским званием инженер-полковник. Кандидат технических наук, доцент, участник боевых действий. Пишет стихи и песни. В настоящее время проживает в Киеве.

Я, Букуев Владимир Иванович, родился в городе Ленинграде 17 июля 1931 года в семье служащего. Мой отец Букуев Иван Васильевич ушел на фронт 23 июня 1941 года и воевал всю войну. Я, моя мать Букуева Наталья Петровна и моя младшая сестра Татьяна не эвакуировались, хотя у нас была такая возможность. Мы жили в Выборгском районе вблизи Финляндского вокзала, в Ломанском переулке, с нами в квартире проживала моя тетьа, которая была моей крестной матерью, и моя бабушка.

Блокада Ленинграда продолжалась 900 дней: с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года, два с половиной года. В памяти хорошо сохранились все ужасы блокадной жизни. Я и моя сестра выжили в блокаду благодаря нашей матери, которая была мудрой и энергичной женщиной.

Июль и август 1941 года мы жили в сельской местности под Ленинградом, пили много молока и ели собранные в лесу ягоды, особенно землянику. Это помогло в дальнейшем нам выжить в блокаду.

8 сентября 1941 года немцы разбомбили крупные продовольственные Бадаевские склады, и трехмиллионное население города было обречено на голодное вымирание. Над Ленинградом стояло зарево от горящих продуктов. Я хорошо запомнил это событие, поскольку был день именин моей матери.

До начала блокады мы успели сделать небольшие запасы муки, крупы, сахара и овощей (три ведра картошки и три ведра квашеной капусты), мать сварила ягодное варенье. Съедая понемногу, нам удалось растянуть этот запас продуктов на полгода, с ноября по май.

В комнате, где мы жили, было тепло, так как в квартире стояла печь, и в подвале дома всегда имелся большой запас дров. Еду – жидкую похлебку без жиров и мяса – варили в солдатском котелке в печке, разжигали самовар и постоянно пили горячий кипяток. Тепло в комнате и наличие горячей воды очень помогли нам выжить.

У нас с матерью в результате длительного голодания началась дистрофия. **Помню, как пугало меня мое отражение, когда я смотрел в зеркало. Я выглядел маленьким тощим старичком с глубоко**

ввалившимися глазами и скулами, с висящей на лице, руках и даже на пальцах кожей. Через кожу отчетливо проступали кости. Однажды в конце декабря 1942 года, вынимая котелок с похлебкой из печи, я сильно обжег руку о раскаленную дверцу. В городе не было лекарств, а я был истощен, так что ожог не заживал полгода, а шрам, «блокадное клеймо», остался на всю жизнь.

Особенно страшной, голодной и холодной была первая блокадная зима 1941 – 1942 годов, когда норма хлеба на одного блокадника с ноября составляла в сутки 125 грамм для детей и иждивенцев, 250 грамм для рабочих. Другие продукты мы почти не получали. В январе 1942 года суточную норму хлеба увеличили на 75 грамм, узнав об этом, я плакал от радости.

Тетя Маруся, родная сестра матери, и бабушка Наташа жили в других комнатах нашей квартиры и питались отдельно от нас. У тети был гораздо больший запас продуктов, но с нами она не делилась и в отличие от нас не голодала. Она работала старшим дворником при домоуправлении и имела существенный доход (в это время умирали целые семьи). Мои родные по отцу, тетя и дядя, который был моим крестным, работали на хлебозаводе и поэтому не голодали, но за всю блокаду ни разу не помогли нам продуктами питания.

31 декабря 1941 года наша мать откуда-то принесла домой маленькую елку. Мы установили ее в нашей комнате и нарядили самодельными елочными игрушками, сохранившимися у нас с довоенных лет. На ветвях елки укрепили маленькие свечи в специальных елочных подсвечниках, похожих на бельевые прищепки, – об электрических елочных гирляндах тогда еще не имели представления. На елку мы также повесили несколько маленьких кусочков хлеба и сахара. Ровно в полночь мать зажгла на елке свечи, и мы встретили Новый год, выпив горячего кипятка и съев свои порции хлеба и сахара, висевшие на елке. Свет горячих свечей разогнал сумрак от слабо горящей коптилки – привычного осветительного прибора блокадного времени. Коптилка представляла собой зажженный маленький фитилек, опущенный в баночку с керосином. В комнате стало светло, а на душе радостно. Но хотя окно комнаты было зашторено маскировочным затемнением, чтобы свет из комнаты не проникал на улицу, мы вскоре погасили свечи, чтобы сохранить их на будущее, и комната опять погрузилась в сумрак. Вскоре я и мать заснули. Это была первая блокадная ночь, которая прошла спокойно, без бомбежек и обстрелов. Последующие новогодние ночи проходили так же спокойно, хотя в течение 30 месяцев блокады немцы систематически бомбили и обстреливали Ленинград.

23 февраля 1942 года по радио объявили, что наступил День Советской Армии, и на улицах были вывешены флаги. На улице я увидел лошадей, запряженных в сани, на них лежали мешки с продуктами, которые везли на продовольственный склад, расположенный вблизи нашего дома. Вдруг я заметил, что из некоторых мешков высыпаются крупинки пшенной крупы. Тогда я быстро принес из дома стакан и столовую ложку и, ползая на коленях за лошадиным обозом, стал ложкой собирать крупинки пшена. Мне удалось собрать полстакана, и я принес свою драгоценную добычу домой. Мы сварили в печке в солдатском котелке пшенный бульон и с удовольствием съели. После этого я и мать стали мечтать, как после войны мы будем досыта есть пшенную кашу с подсолнечным маслом.

Я написал следующее четверостишие:

Я жил в военном Ленинграде
И голодал тогда в блокаде,
Боясь голодной той беды.
С тех пор я славлю культ еды.

Зимой 1941 – 1942 годов жители Ленинграда ели все, что было можно съесть: технические масла, олифу, специи, вазелин, глицерин, всевозможные отходы растительного сырья (кожuru от подсолнечных семян), мучной клей от обоев, переплетов книг, вываривали кожаные ремни и даже меховые шубы и шапки. Съели всех канареек, попугаев, кошек и собак. Были зафиксированы случаи людоедства – я неоднократно видел на улицах города человеческие трупы с отрубленными ягодицами, а на черном рынке продавали студень из человеческого мяса. И, даже зная это, люди покупали его.

Однажды весной 1942 года мать купила нам на черном рынке три блина по 25 рублей за штуку. Черный рынок в Ленинграде работал всю блокаду, там можно было купить что угодно, но цены были очень высокие. Блины были белоснежные, но толщиной с бумажный лист. Они оказались очень вкусными и прямо таяли во рту. Я отрывал маленькие кусочки от своего блина, клал в рот и подолгу сосал, пока кусочек полностью не растворялся. Незадолго до этого случая мать испекла нам оладьи из вымоченного горчичного порошка. Оладьи были очень горькие, но с большим трудом мы их все же съели.

Транспорт в городе не работал. На улицах не было освещения, в дома не подавалась вода, электричество и паровое отопление, канализация не работала. Для отправления естественных надобностей пользовались ведрами, а нечистоты сливали в канализационные люки во дворах домов.

Воду для приготовления пищи возили на санках с Невы за несколько километров от дома, для умывания растапливали снег, собранный на улицах.

Для пополнения запаса дров ломали заборы, сжигали домашнюю мебель и паркет. Жители, имевшие паровое, а не печное отопление, устанавливали в комнатах маленькие железные печки с отводом дыма через трубу в форточку – буржуйки. Буржуйки практически не сохраняли тепло и не обогревали помещение, а только давали возможность согреть воду.

Вой летящих при артобстрелах фашистских снарядов и грохот взрывов сохранились в моей памяти навсегда. При бомбежках содрогалась земля и стены зданий. Я неоднократно помогал взрослым тушить зажигательные бомбы, сброшенные с немецких самолетов во двор нашего дома, поднося песок.

В дом, где я жил, попал снаряд и разорвался под окном нашей комнаты. Осколками были изрешечены все стены и потолок, пол засыпало битым стеклом и землей, а раму взрывной волной забросило на середину комнаты. Мы чудом остались живы и невредимы, поскольку спали у стены.

В этот период в подвале нашего дома и на улицах нашего города я видел большое количество окоченевших, занесенных снегом трупов, которые не убирали до весны. Много трупов лежало в неоттапливаемых квартирах – вымирали целые семьи. Весной силами оставшихся в живых ленинградцев была организована уборка всей территории города, и все трупы были похоронены.

В это же время ленинградцам выдали рассаду овощей – картофеля, капусты, кабачков, огурцов, помидоров, которую высаживали на грядках в скверах и дворах, сняв булыжное покрытие. На таких дворовых и парковых огородах ленинградцы продолжали выращивать овощи все годы блокады, а в пригородах Ленинграда – и после войны. Весной и летом жители города также ели крапиву, лебеду, одуванчики и другие травы, молодые листья деревьев.

Летом 1942 года я, мать и сестра жили два месяца на станции Проба в 20 км от города, в домике подруги нашей матери тети Клавдии и ее сына Кости. Эта местность немцами не обстреливалась. Тетя Клавдия и Костя в блокаду не голодали, так как их домик находился на полпути от Ладожского озера до Ленинграда, и у них оставались на отдых водители грузовиков, доставлявших с Ладоги продукты в блокадный город. За отдых они платили продуктами питания.

Вокруг были леса и болота, в которых мы собирали ягоды и грибы. Ходить за ними приходилось ежедневно, в любую погоду, за 10 – 20 км. Сестра, которой тогда было четыре года, оставалась дома одна, запертая в маленькой комнате. С собой в лес мы брали немного хлеба, а на ночь ели грибы, сваренные с лебедой, капустой и мукой. В лесах и на болотах было очень много гадюк, но, к счастью, обошлось без их укусов, поскольку противоядий тогда не было. Собранные ягоды наша мать и тетя Клавдия раз в неделю отвозили на поезде в Ленинград, где продавали на рынке, а на вырученные от продажи деньги покупали немного хлеба, сахара и других продуктов. В дни этих поездок мы, дети, отдыхали от многокилометровых изнурительных походов за ягодами. Двухмесячное пребывание в пригороде, ягоды и грибы способствовали восстановлению нашего здоровья.

В 1942 году в дома ленинградцев подали воду и электроэнергию, в городе начали ходить трамваи. С января увеличили суточные нормы хлеба, в школах учащимся стали выдавать небольшое количество соевого молока и соевой каши. Осенью 1942 года начали работать школы. Школьникам приходилось пилить дрова для отопления классов. В это время моя 94-я средняя школа Выборгского района взяла шефство над ранеными, находившимися на излечении в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Мы писали под диктовку письма родным раненых и читали им вслух.

В мае 1943 года после окончания 3-го класса мне дали похвальную грамоту «За отличные успехи и примерное поведение» на красочном бланке. Эту грамоту я впоследствии отдал в Музей обороны блокадного Ленинграда в Санкт-Петербурге в качестве экспоната.

В сентябре 1944 года я, как отличник учебы, был направлен с группой ленинградских школьников-блокадников в пионерский лагерь Артек на Южный берег Крыма. В Европе еще шла война, и любимыми занятиями у мальчишек были сбор и коллекционирование осколков от разорвавшихся снарядов и бомб. Тем, у кого были самые большие осколки, очень завидовали остальные ребята – дети всегда остаются детьми, даже на войне.

Зимой 1943 года от истощения и болезней умерла моя бабушка. Мать и моя тетя отвезли ее на санках на Богословское кладбище и похоронили рядом с моим дедом. В это время в Ленинграде уже не хоронили в братских могилах, как в предыдущую зиму. Мать устроилась работать санитаркой в Военно-медицинскую академию, и до конца войны с сестрой сидел я.

Всю блокаду в Ленинграде на улицах и в квартирах круглосуточно работало радио, по которому передавали сообщения о начале и окончании бомбежек, известия с фронта, литературные и музыкальные программы.

Блокада была прорвана в январе 1943 года у Ладожского озера в районе Шлиссельбурга, что позволило несколько улучшить снабжение продуктами питания, а полностью Ленинград был освобожден 27 января 1944 года. В городе по этому случаю был проведен торжественный салют.

После снятия блокады я видел около кинотеатра «Гигант» повешенных немцев. Зимой 1944 – 1945 годов, возвращаясь из школы домой, я также часто видел пленных, охраняемых нашими конвоирами. Они очищали от снега каток, и у них был очень несчастный вид. Мне их было жалко, и иногда я отдавал им оставшийся от завтрака хлеб, который они с благодарностью принимали и при мне съедали.

По расчетам немцев все жители и солдаты, защищавшие Ленинград, должны были умереть от голода и холода. Но Ленинград выстоял, разгромив немцев и отбросив их от своих стен.

Значение героической обороны Ленинграда летом и осенью 1941 года огромно – немецко-фашистская группа армий «Север» не только не захватила Ленинград, но и оказалась надолго скованной на подступах к городу, а это, в свою очередь, означало, что замысел плана «Барбаросса» перебросить войска на московское направление потерпел крах.

На мой взгляд, подробно и правдиво (утверждаю это как очевидец, переживший блокаду) изложена жизнь и быт блокадного Ленинграда в «Блокадной книге» Алеся Адамовича и Даниила Гранина.

Бураков Леонид Митрофанович Воевал на балтийском фронте

Бураков Леонид Митрофанович воевал на Балтийском фронте. Капитан-лейтенант в отставке. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Был лучшим другом и школьным товарищем Героя Советского Союза летчика Сергея Литаврина. Леонид Митрофанович является автором картины «Последний залп», подаренной клубу «Подвиг» липецкой гимназии № 12. На ней изображен линкор «Октябрьская революция», на котором в дни блокады служили липчане Л. Бураков и В. Мигалкин.

Булацель Геннадий Сергеевич

Все ценные вещи и мебель были конфискованы НКВД

Родился 8 февраля 1931 года в Одессе в семье служащего. Моего отца звали Савченков Сергей Михайлович, он происходил из семьи донских дворян города Новочеркаска. При регистрации брака отец взял фамилию жены, которая происходила из княжеского молдавского рода. Брат отца, Михаил Михайлович, работавший после революции главным инженером Ростсельмаша, был арестован ЧК в 1923 году за якобы «контрреволюционную деятельность». Его расстреляли.

Отец матери, мой дед, Булацель Василий Александрович, – полковник Терского казачьего войска, происходивший из княжеского молдавского рода, – выехал в эмиграцию в Югославию, где в 1937 году умер в нищете в доме для престарелых эмигрантов.

После того как я родился в 1932 году, был арестован отец, который в ходе следствия в тбилисской тюрьме (Метехском замке) был подвергнут пыткам, заболел и был отправлен в психиатрическую клинику на станцию Удельная под Ленинград.

Все ценные вещи и мебель были конфискованы НКВД. Наша семья очень нуждалась – мы жили на бабушкину пенсию и маленькую зарплату мамы, работавшей счетоводом на дровяном складе.

Матери только в 1934 году дали паспорт, и в этом же году мы с матерью и бабушкой по приглашению сестры отца переехали в Ленинград, поселившись у нее. Мы надеялись, что отца по болезни освободят и мы сможем забрать его домой. Но нам с мамой позволили только один раз увидеться с отцом – фактически только тогда, в возрасте пяти лет, я впервые увидел папу и посидел на его коленях. Больше мы его не видели.

Сестра отца сумела выхлопотать нам комнатку с подселением на ул. Марата, д. 16, кв. 5, где мы жили с матерью и бабушкой. Затем к нам переехала сестра мамы с дочкой. Мы с двоюродной сестрой ходили в детский сад, затем пошли в школу.

Объявление о начале войны застало меня в парке на Кировских островах, где я гулял с тетей. Первые месяцы войны я еще учился в школе, в 4-м классе, занятия проходили в бомбоубежище. Мне было тогда 10 лет, и я еще не ощущал тяжести войны. Мы, подростки, лазили по чердакам во время бомбежек и смотрели, как заходят на бомбометание немецкие самолеты, собирали

коллекции патронов, гильз, осколков бомб. Бегали смотреть военную технику, зенитные установки. И недоедание на меня до января 1942 года мало действовало, так как я был физически здоров.

ЖЭК Куйбышевского района организовал нас, подростков, по домовым комитетам тушить зажигательные бомбы. Это происходило так: когда бомба попадала на крышу и, пробивая ее, крутилась на деревянном полу чердака, прожигая его, то мы ее засыпали песком, а затем поддевали лопатой и опускали в кадушку с водой, после чего она становилась совсем безвредной.

Кроме того, в мои обязанности входило обеспечение семьи дровами. В комнате стояла железная маленькая печка, на которой мы готовили и при помощи которой обогревались. А газ в дома уже не поступал, так как газовый завод разбомбили. Дрова мы с друзьями доставали из разбитых после бомбежки домов и из брошенных и вымерших квартир – на дрова шли стулья и мелкая мебель. А мертвецов из квартир, где не оставалось живых, собирали бригады из комсомольцев, получавшие повышенный хлебный паек.

Помню, как горел газовый завод, было большое зарево. Затем после бомбежки горели Бадаевские склады.

Мы с двоюродной сестрой, ее матерью и бабушкой получали по 125 грамм хлеба, а моя мать, работавшая в роддоме им. Снегирева, получала 250 грамм хлеба. Запасов у нас не было, и было очень трудно. Мы превращали эту пайку в сухари, чтобы растянуть на день. Иногда на вещи удавалось выменять подсолнечный жмых, куски столярного клея. Воду часто привозили в посуде на санках с Фонтанки. К весне стало легче, так как собирали лебеду и варили из нее суп.

Сначала умерла бабушка, затем сестра матери, и мы увезли их на санках на кладбище. В сентябре 1942 года мы получили повестку на эвакуацию. Везли нас с Московского вокзала поездом до Ладоги, затем на катерах переправляли до эшелона и в товарных вагонах с нарами и печкой везли нас до места.

Наше место назначения было – Алтайский край, Острож-Туринский район, с. Майма. Там жили год, затем жили в Чистополе на Каме, потом я ушел в армию.

Булина Ирина Георгиевна

Эвакуация по сути была из блокады в блокаду

Мне 8 лет было, когда война началась. Я тогда жила в Колпино с родителями и бабушкой с дедушкой. Дедушка работал на Ижорском заводе – и в воскресенье рабочие предприятия на пикник выбрались на Усть-Ижору. Рано утром мы на автобусе поехали, все было прекрасно. Лето было жаркое и для Ленинграда с его дождливой погодой не очень характерное. В Усть-Ижоре – разливы такие большие, камыши. Мне подарили заводной катер, и я с ним играла в тот день.

Вдруг по громкоговорителям сообщают – всем собраться к автобусам, мы уезжаем. Никто не понимал – ведь было всего лишь 12 часов дня. Когда уже подъезжали к Колпино – смотрим, там возле громкоговорителя стоит народ: сообщают, что началась война.

Отец и дедушка работали в танковой промышленности (бабушка и мама были учительницами). И они сказали, что это ненадолго, что танков и самолетов у нас гораздо больше, нечего паниковать. Мы поняли, что стоит паниковать, только когда начали заводы эвакуировать. Дед мой работал главным инженером по боевому производству на Ижорском заводе. Он автор брони для первых советских танков «Клим Ворошилов». И он остался на заводе, хотя часть людей уехала в Челябинск. А отец работал тоже на военном заводе – но уже в самом Ленинграде при Адмиралтействе. Он просто перестал приезжать домой – так как завод был на казарменном положении. А мы сидели в окопе.

В Колпино уже невозможно было жить, когда началась зима. Мы сперва пришли пешком в Обухово, а оттуда уже ходили поезда в Ленинград. Эвакуация по сути была из блокады в блокаду, но в Колпино было лишь два километра до линии фронта: обстрел завода шел прямой наводкой. Мы перебрались в Ленинград – родственники уехали в эвакуацию, и мы въехали в их квартиры.

Меня записали в школу, и вместе со школой меня должны были эвакуировать. Привели на медосмотр за три дня до отъезда – это был последний эшелон с детьми, который уходил из Ленинграда. А у меня как раз начался коклюш, и врач сказал, что я могу заразить весь эшелон. И я осталась дома, а этот эшелон разбили под Лугой.

Мы остались на Петроградской стороне, на Кировском проспекте. Там мы на пятом этаже и жили. Сначала все было нормально. Столовые коммерческие работали, продукты были. Не было ощущения, что нас ждет голод. Поняли, что все плохо, только когда сократили продуктовые нормы, после того как сгорели Бадаевские склады. Хотя и говорят, что в тот момент там продуктов было всего на 17 дней.

За водой мы ходили на реку. На весь день мы набирали ведро воды плюс я – бидончик. Топили снег. За хлебом надо было встать в очередь очень рано. Находили поводы для веселья – бегали со взрослыми на крыши тушить зажигательные бомбы. Нас оттуда выгоняли, правда – ведь толку от нас было мало. Надо было ухватить щипцами зажигалку и бросить ее в ведро с песком. Я вот, когда в прифронтной полосе сидела в окопе, – одну зажигалку собственноручно потушила. Но это для нас всё была игра – как и то, что дети собирали осколки от немецких снарядов и хвастались ими.

У нас в доме поселилась семья: отец на фронте, две четырехлетние девочки-близнецы и мальчишка 13-летний – он в ремесленном училище учился. Мать работала на хлебозаводе. Она оставляла девочек дома, а я приходила к ним читать книжки – читать я уже умела, а в школу ходить перестала. Сначала они ходили, потом просто лежали. Затем одна из них перестала открывать глаза, но еще продолжала дышать. А их брат – Женька – приносил им каждый день с другого конца города в авоське баланду и кусочек хлеба – ему их выдавали как рабочему. Мама девочек говорила: «Женька, зачем ты им носишь – они все равно умрут». Она сама ничего не могла своим дочкам с хлебозавода принести – ее бы расстреляли.

Потом умерла одна из двух девочек. Мама завернула ее и положила на широкий подоконник. Сказала, что когда умрет вторая – то уже одним махом всех отнесут вместе. Отец мой был крупным инженером, и эта женщина его попросила отнести тело своей дочери на сборный пункт. И у отца слезы текли, когда выполнял ее просьбу. Их в итоге на Пискаревском кладбище похоронили.

А потом как-то раз объявили, что будет выдача крупы, и моя мама с этой женщиной, которую звали Лида, пошли получать. **Спускались по лестнице, и вдруг раздался страшный крик на весь подъезд: они споткнулись о тело старшего сына этой женщины – Женьки. Он лежал на лестнице, сжимая авоську с баландой, – не дошел лишь три этажа до квартиры. Кричала его мать Лида, которая похоронила только что двух девочек, а еще раньше – старшего сына, погибшего на фронте. Она, работая на хлебозаводе, не могла принести даже кусочек хлеба своим умирающим детям. Продавцы не могли даже крошки забрать – каждый довесочек был на счету.**

Умирили люди прямо на ходу. Вез саночки – и упал. Появилось отупение, присутствие смерти рядом ощущалось. Я ночью просыпалась и щупала – живая мама или нет. Спали в одежде – во всем, что у нас было, и топили буржуйку. Нам еще повезло, что папа работал на заводе, где строили цех – и там были

заборы и леса. Их разобрали и раздавали работникам завода. Мы с мамой ходили с саночками за досками. А без буржуйки было ужасно холодно.

Потом снаряд попал в соседний дом, и вышибло окна. Мы закрыли окно фанерным листом, но все равно дуло сильно. Выходили на улицу редко. Выйти на улицу – означало, что потом придется подниматься на пятый этаж.

Мама и папа однажды поехали хоронить маминого брата – и не успели вернуться до комендантского часа. Я осталась с бабушкой и дедушкой. Деда парализовало, бабушка сидела и плакала. Пить было нечего. Я пошла с бидончиком снега набрать и забыла вареники. А найти чистый снег было тоже очень трудно. В итоге нашла, руки отморозила, обратно поднимаюсь. Плачу, думала, что родителей уже нет в живых... Они вернулись только через два дня. Мы без них бы умерли сразу.

Потом отец перестал ходить. У него от дистрофии распухли ноги, но он не мог бросить завод, и мама его на саночках возила на работу. Были в городе такие курсы – клали человека в диспансер, кололи ему витамины и давали питание. Вот отца туда положили, но он приносил мне ту баланду, что ему в этом оздоровительном стационаре выдавали.

Вдруг повысили норму хлеба – со 125 до 250 граммов.

Мама ходила, пыталась обменять свои вещи на продукты. Она очень хорошо до войны одевалась, потому что мужчины в семье работали на заводах. Один раз она ушла в каракулевой шубе, а вернулась радостная в телогрейке. Она встретила какую-то свою бывшую соученицу – та ее узнала и сказала: давай мне шубу, а я тебе дам овса и еще кое-что. Любовник этой женщины был фуражир Конной армии Ворошилова. Она нам приносила жмых – спрессованная кожура от семечек – и овес. Мама все свои вещи им в итоге отдала.

1 апреля была последняя дорога по Ладоге – уже четвертого числа ладожская дорога закрылась. В апреле эти люди пришли помочь нам доехать до вокзала. И вдруг эта женщина – вся в маминой одежде – спрашивает у мамы: «Тебе, наверное, неприятно на меня глядеть?» А мама ответила, что готова ей ноги целовать, потому что выжили мы благодаря ей. Так что были в Ленинграде и те, кто наживался на блокаде...

Через Ладогу нас на машине везли. Помню как на ногах у меня стояла швейная машинка – и кто-то кричал: «Уберите эту машинку, кто ее с собой везет?!» А на грудь мне ребенка запеленутого положили. Вся семья в разные машины попала. А все же детское какое-то восприятие было у меня. **Трассирующие пули**

освещали дорогу, осветительные фонари висели на парашютиках, а когда снаряды падали в озеро – поднимались огромные фонтаны. Я смотрела на это всё и твердила: «Прямо как Самсон».

А еще очень остро запомнилось, что, когда нас перевезли на ту сторону – станция Борисова Грива – нам там выдали паек: большую луковицу, кусок хлеба серого. Я вцепилась в луковицу, начала есть, а папа начал отнимать – он очень боялся, что будет заворот кишок. Что у многих и происходило: когда мы ехали в эшелоне до Свердловска 17 дней, то там вообще неопишимо что творилось вдоль путей: кровавый понос был у всех. И все ноги были в нарывах – цинга началась. Но все же нас вывезли.

Голод закончился как только нас по Ладоге перевезли. На каждой станции давали какие-то пайки. Надо было бегать за кипятком. Многие отставали.

А везли нас так: товарный вагон с закрывающимися дверями, посередине дырка – в роли туалета, промерзшие стены и нары. В середине буржуйка, на которой можно было воду разогреть. Умирали и в вагонах люди. Была полная атрофия – ни испуга, ни страха.

Спустя много лет я переехала в Москву, окончила строительный институт, защитила диссертацию, работала в МГУ, работал на «оборонку».

Но хлеб мы никогда не выбрасываем – даже теперь.

Бабуркина (Байкова) Галина Никандровна
Все детдома были очень хорошие!

Бабуркина (Байкова) Галина Никандровна – член Региональной общественной организации воспитанников детских домов блокадного Ленинграда.

До войны в нашей коммуналке жило очень много народу. Когда началась война, люди начали постепенно умирать. В нашей семье были – папа, мама, бабушка, тетя и три сестры. В результате осталась только я с сестрой Тamarой. Когда умерла мама, наша соседка (спасибо ей большое) устроила нас с сестрой в один детдом, иначе мы бы потерялись. Она привела нас к поезду и сказала, чтобы нас эвакуировали только вдвоем. Когда мы приехали в Тюмень, нас стали развозить по селам. Мы приехали в деревню Антипино. Там нас встречают старожилы, смотрят на нас – и плачут, и хлеб нам суют. Мы были худые-прехудые: живот, голова, руки-ноги как спички. Нас местные так и называли «спичка-мордочка».

Потом нас переводили из одного детского дома в другой. Так мы по детдомам всей Сибири и ходили-бродили. Все воспитатели у нас были ленинградские, все очень хорошие. Они так хорошо к нам относились! Они нас всему научили: читать, писать, танцевать, петь, стихи рассказывать, играть на гитаре и балалайке. Таким образом, я с двух до 16 лет была в детских домах. И я не могу пожаловаться! Все детдома были очень хорошие.

Васильев Леонид Георгиевич

Мы чувствовали лицемерие его слов!

Сейчас, когда пишу эти строки, могу судить вполне осмысленно о прожитом и пережитом, хотя, признаться, сделать это очень непросто. Воспоминания о страшных картинах в блокадном Ленинграде не могут оторвать от воспоминаний о счастливейших днях, проведенных до войны и после ее победного окончания в самом красивом городе мира – центре российской культуры, науки и искусства. В результате сопоставления этих воспоминаний возникает предельно контрастная картина жизни города, которая дает приблизительное представление об ужасах блокадного периода, о мужестве и героизме ленинградцев, не сдавших город врагу. Поэтому начну с самого начала.

В Ленинграде мы жили с 1930 года, когда отца перевели туда на работу из Старой Руссы, где я родился в 1920 году. Старая Русса – один из древнейших городов России, первое упоминание о нем относится к началу XII века. Там же окончил два класса школы и приобрел первых друзей, в их числе самого близкого друга – Георгия Левцова. Он погиб в первые месяцы войны под Ленинградом, но перед уходом в бой успел в августе 41 года навестить меня в ленинградской квартире – в д. 22/14 по ул. Правды, что на углу Звенигородской.

Улица Правды (бывшая Кабинетная) – одна из первых улиц города, возникшая одновременно со строительством на ней Священного синода. На углу Звенигородской и ул. Социалистической (бывшая Ивановская) расположена школа № 321, в которую меня приняли в 3-й класс. Мне очень повезло – там преподавали учителя, хранившие лучшие традиции 1-й петербургской гимназии, построенной в 1817 году. Об этой школе-гимназии Гнедич, который учился там, написал известную «Книгу жизни». В школе учились многие известные люди, в их числе Всеволод Вишневский и поэт Роберт Рождественский.

С 8-го класса всех перевели во вновь построенную образцовую школу имени академика Павлова, что расположена на ул. Бородинской. В школе большое внимание уделялось эстетическому воспитанию учеников, приобщению их к ленинградской культуре. Над школьным хором шефствовал композитор И. Дунаевский. Институт мозга имени академика Павлова организовывал нам экскурсии по своим лабораториям, где мы видели собак и обезьян с живявленными в их мозг электродами. Там же нам показывали макет мозга В. И. Ленина.

В этой школе я приобрел друзей – преданных и незабываемых. С Василием Городничиним мы дружили до его ухода в 41 году на фронт – сразу после окончания второго курса 1-го мединститута. Он погиб в лесах Карелии, воюя в составе лыжного десанта. С Олегом Фишером – талантливым живописцем – дружили до начала войны. Его вместе с родителями – коренными ленинградцами – выслали как немцев в Зауралье, откуда он не вернулся.

С Володей Федотовым, который писал прелестные стихи, мы расстались в первые дни войны, с которой он не вернулся. Мне повезло с Володей Доломановым, который пережил всю блокаду и после войны создал ультрасовременную кинофотолабораторию в институте, которым было поручено руководить мне. Теперь нет в живых и этого друга. Одним из моих ближайших друзей был сосед по квартире Владислав Томашевич. Это он – житель Ленинграда в третьем поколении – познакомил меня с дворцами и парками пригородов Ленинграда. За школьные годы мне посчастливилось побывать на галерках знаменитых академических театров города, быть зрителем первого в городе джазового концерта Леонида Утесова, побродить по музеям Ленинграда.

Закончив школу с «золотым» аттестатом, я получил право быть принятым в любой вуз без вступительных экзаменов. Но в Институт гражданской авиации меня не взяли – подвела болезнь сердца, не прошел медкомиссию. По совету школьного товарища Д. Зайцева подал документы в один из престижных вузов страны – в Ленинградский кораблестроительный институт (ЛКИ), где тогда читали лекции выдающиеся ученые и педагоги, в том числе и основатель корабельной науки – академик Алексей Николаевич Крылов. Не все они пережили блокаду. При эвакуации, не доехав до Вологды, умер от дистрофии проф. Н. Заботкин, читавший курс теоретической механики. Погибли и другие.

Как праздник встретил 1 сентября 1939 года. Учеба захватила меня. Однако юношеский пыл к знаниям был охлажден известием о призыве студентов первых двух курсов в армию. В тот день – 1.09.39 г. в Европе началась Вторая

мировая война. Учеба была заброшена. В конце ноября нас повели на призывную медкомиссию в клуб им. Газа. Без замечаний прошел всех врачей, но терапевт завернул меня, поставив диагноз «недостаточность митрального клапана», после чего я был признан годным к нестроевой службе и отправлен в институт продолжать учебу. Из группы нас осталось трое ребят: Евгений Павлов, Карл Янович Маркс и я. Осталась и одна девушка, Соня Кокош, но она вскоре поступила в авиационное училище, окончив которое летала на боевых самолетах, была награждена орденами.

В ЛКИ объявили дополнительный прием, на курс пришли почти одни девушки. Женя Павлов пережил блокаду, был эвакуирован, окончил ЛКИ, работал в ленинградском ЦКБ. Карл Маркс не был эвакуирован, окончил юрфак Ленинградского университета, был направлен в Эстонию, где позже занимал должности заместителя министра юстиции Эстонии, заместителя генерального прокурора республики. Наша дружба продолжалась всю их жизнь.

После вступления наших войск в Польшу, после присоединения к СССР Эстонии, Латвии и Литвы, мы понимали, что дела подошли к краю военной пропасти, но все же еще не возникало ощущения неотвратимости катастрофы. Когда же 14 июня 41 года, за восемь дней до начала войны, появилось печально известное сообщение ТАСС, в котором делалась безнравственная и губительная по своим последствиям попытка обмануть себя, народ и армию, то тревога достигла апогея. Стало ясно, что война уже началась, хотя Сталин еще и пытался этим заявлением уверить Гитлера, что мы не хотим войны, и более того – давал понять, что мы к ней и не готовы!

Еще 1 мая я шел в колонне ЛКИ на первомайскую демонстрацию. Шел снег. Когда колонна вышла на Исаакиевскую площадь, то мы увидели на крыше консульства Германии флаг фашистской Германии: в белом круге в центре красного полотнища чернела свастика. Этот символ фашизма возвышался над колоннами демонстрантов и был прямым вызовом самой идее демонстрации. В речи командующего Ленинградским военным округом ни слова не было сказано об обеспокоенности, о возможной угрозе со стороны фашизма, как будто их и не было.

Именно в те дни у наших границ завершалось сосредоточение 240 немецких дивизий, в том числе 20-ти танковых. Наша военная академия хорошо подготовила генерала Гудериана. И все это после Испании, Мюнхена, озера Хасан, Халхин-Гола, 100-дневной войны с Финляндией. Мы – студенты – недоумевали...

В мае 41-го я проходил практику на заводе «Судомех», работал на токарном станке «ДИП-200». **22 июня начальник цеха приказал закончить работу и в 11 часов выйти во двор завода. Уже немцы бомбили Москву, Киев, Минск, Севастополь, а Молотов говорил о вероломности «внезапного» нападения, мы чувствовали лицемерие его слов и вспоминали убаюкивающее сообщение ТАСС недельной давности.**

Студентам приказали покинуть завод и явиться в институт. В институте несколько дней царила неразбериха, но затем из студентов 3-го и старших курсов, не подлежащих мобилизации, собрали группу и направили на строительство метро у Нарвских ворот. Со стройкой явно опоздали, и нас направили рыть противотанковый ров в районе Белоострова, на старой границе с Финляндией. Работали по 12 – 14 часов, спали в палатке, еще не было бомбежек и обстрелов. Ров мы сделали длиной около километра, глубиной 2,5 м.

Затем нас отправили поездом в район поселка Волосово, где приказали рыть окопы – на противотанковый ров времени уже не было, – немцы были недалеко, слышны были артиллерийские раскаты. Спустя неделю или чуть больше нас начали обстреливать из минометов, волнами налетали «мессера». Было уже не до окопов, и мы стали уходить вместе с нашими отступавшими войсками. Россыпью добрались до города на Неве, явились в институт, рассчитывая начать учебу. На крыше института установили зенитные орудия для отражения атак вражеских самолетов на завод им. Марти (теперь Адмиралтейский) – здание института одной стеной выходило на территорию завода.

Занятия начались 1 сентября, как всегда. В это время немцы уже жестоко бомбили город, доставалось и заводу, и институту. Занятия часто прерывались тревогами, все уходило в подвальные бомбоубежища. Вскоре занятия прекратили, студентов распустили по домам.

В школах занятий также не было, моя младшая сестра Лилечка оставалась дома. Отец, Георгий Васильевич, не подлежал мобилизации первой очереди по возрасту, но он решил идти добровольцем. Получил назначение в артиллерию. Куда в первые недели войны направилась его часть, нам было неизвестно, писем от него мы не получали. Мама – Екатерина Никитична – продолжала работать на заводе им. Марти, уходила туда в 7 часов утра, добиралась пешком вдоль р. Фонтанки до Калинкина моста, перейдя который оказывалась у проходной завода.

Братья мамы – Петр, Павел и Сергей – были призваны в первые дни войны. Петр вернулся домой без единой раны и с двумя орденами Славы на груди.

Павел тоже вернулся после войны, но весь побитый, с одной рукой, висевшей как плеть. До ухода на фронт я встретился только с дядей Сережей. Он находился на призывном пункте на Бородинской улице, уже носил форму солдата. Офицер отпустил его, и мы, выйдя на Загородный проспект, имели возможность поговорить. На прощание он сказал: «Ленька, не ходи в армию. Там сейчас такой беспорядок и такая растерянность командиров, что трудно представить. Воевать в такой обстановке – самоубийство». Это были его последние слова. В августе 41-го он был смертельно ранен под Пушкиным и похоронен на Пискаревском кладбище. На его гранитной плите надпись: «Анушин Сергей Никитович. 1911 – 1941». Вечная ему память! Старший брат мамы, Николай, погиб в первые дни войны, выводя эшелон из Старой Руссы, где он работал паровозным машинистом-инструктором.

В августе нашу семью навестили родственники из Голино. Сначала пришел троюродный брат Анатолий, в военной форме. Мы с ним не виделись с 1939 года, когда я был в Голино перед учебой в ЛКИ. Толя повзрослел, стал похож на своего отца – лесничего, который угощал меня теплым, только из улья, медом с соленым огурцом. Мы с братом радовались встрече, грустили о предстоящей разлуке, не зная, сколько она продлится. Толя рассказал, что по пути в Ленинград он видел горе людей, покидающих родные места, бросающих имущество, лишь бы не остаться у немцев. Больше мы с ним не виделись – он погиб под Ленинградом, в то время когда одна винтовка приходилась на двух солдат. Ему было тогда 18 лет.

Навестила нас и моя троюродная сестра Тонечка Моисеева. Она с трудом добралась из Новгорода, который сдали 20 августа 1941 года – на 6 дней позже Смоленска. Она рассказала, что к Ленинграду тянутся массы беженцев. Тоня прошла через горнило войны, работала на лесозаготовках в Карелии, санитаркой в госпиталях. С ней я встретился в 1978 году, когда она приехала в Ленинград из Светлогорска, что на Полтавщине, на похороны моей сестры. Тогда-то она и рассказала о своих мытарствах во время войны.

В июле – августе Ленинград наводнили беженцы из-под Новгорода, Луги, Нарвы, пригородов. Город готовился к обороне. Строили доты, засыпали песком памятники и витрины богатых магазинов, вывозили музейные ценности. К Нарвской заставе по Московскому проспекту в сторону Пулковско-го к Колпино шли ополченцы. наших танков и самолетов мы тогда не видели. Как теперь стало известно, Ворошилов и Жданов в Смольном обсуждали меры по подготовке города к сдаче фашистам. В те дни Сталин направил в Ленинград Г. К. Жукова. Это он организовал оборону города, собрал народное ополчение и принял другие меры, не позволившие немцам с ходу ворваться в Ленинград.

1 сентября 1941 года немецкий десант в районе станции Ивановская отрезал город от остальной части страны, а уже 8 сентября Ленинград оказался в полной блокаде. В этот день фашисты вели ожесточенные бомбардировки с воздуха. «Юнкерсы» шли волнами с перерывами в час-полтора. **Из окна моей комнаты, выходявшего на юг в сторону Обводного канала, я восьмого сентября вместе с сестрой и ее подругой Ниной наблюдал, как восемь «юнкерсов» среди бела дня с небольшой высоты пикировали на Бадаевские склады, сбрасывая на них бомбы. День стоял солнечный, видимость прекрасная, и нас эта картина безнаказанного уничтожения основного продовольственного склада города удивила и возмутила – в небе не было ни одного нашего истребителя, не было слышно ни одного разрыва зенитных снарядов. Отбомбив, немцы все на той же высоте, демонстративно, не торопясь, ушли в сторону Пулково.**

Над складом поднимался столб черного дыма – горел сахар и другие продукты. Блокадники потом долго собирали перемешанный с землей сахар, собирали даже тогда, когда оставалась только сладковато-жирная земля.

Вскоре начался настоящий свирепый голод. Появились умершие от истощения. Продовольственные карточки ввели в конце июля, закончив составление списков. В октябре на карточку иждивенца полагалось 200 граммов хлеба (если он был в булочных). С ноября выдавали уже по 125 граммов – за ним с ночи стояли в очереди. Голод был в разгаре, но ленинградское радио 12 ноября довело до сведения горожан, что им только еще «предстоит угроза голода»!

17.09.41 г. радио сообщило, что в зоопарке смертельно ранен единственный слон в городе. Город бомбили 4 – 5 раз в сутки. После того как 18.09.41 г. наши войска оставили г. Пушкин и отступили к Средней Рогатке, начались беспощадные артобстрелы. Они велись теперь уже из района Пулковских высот. Обстрелы велись по расписанию и усиливались в часы, когда люди шли на работу и с работы, обстреливались места скопления людей, заводы. Мама пряталась в то время вместе с другими рабочими завода в трубах большого диаметра, которые лежали недалеко от их цеха.

Мы с сестрой навек благодарны нашей мамочке за спасение от голода. Она питалась в заводской столовой, а свою рабочую карточку отдавала нам. Как кормили на заводе, она не рассказывала, но мы знали, что, кроме жидкой баланды, там ничего не было.

Город наполнялся тревожными слухами. Удручало положение Москвы, с 20 сентября находившейся на осадном положении. К вечеру устанавливали аэростаты воздушного заграждения. По радио слушали Ольгу Берггольц.

Слушали призывы к бдительности, выявлению немецких шпионов-диверсантов, переодетых в милицейскую форму. По ночам во время бомбежек и обстрелов я из окна наблюдал следы ракет, указывающих цели.

18 сентября немцы почти полностью разрушили мою родную улицу Правды от Разъезжей до Социалистической. Многие дома были разрушены, мостовая разворочена. Помню, как отовсюду слышались крики и стоны раненых. В мой дом попало 4 бомбы. Одна из них весом 250 кг (позже я нашел во дворе стабилизатор от бомбы) пробила стену дома на уровне седьмого этажа над нашей квартирой. С верхних этажей неслись крики раненых. Вскоре прибыла санитарная машина. Вместе с сестрой мы выносили раненых женщин и детей. В стене нашей комнаты образовалась трещина, свет через нее не проникал, но зимой мороз выводил вдоль нее снежные узоры. Трещину заделали уже после войны.

В одну из сентябрьских ночей немцы подожгли зажигалками, сброшенными с «юнкеров», семиэтажный дом на углу ул. Марата и Звенигородской. Мне довелось из окна наблюдать жуткую картину горящего дома. В квартирах металась люди, некоторые выпрыгивали из окон в горящей на них одежде. Дом выгорел сверху донизу и долго дымился после пожара.

Вскоре мы с сестрой пережили еще один налет, когда бомба, вопреки теории вероятности, попала снова в тот же дом, где находилась наша квартира. Сестра, ее подруга и я услышали свист бомбы и устремились к выходу. Девочки успели выбежать на лестничную клетку, где их бросило взрывной волной на решетку, ограждающую шахту лифта, и поранило осколками стекла от выбитого вместе с рамой окна. Меня в прихожей бросило вместе с дверью в комнату соседа. Мы были контужены, долго не могли прийти в себя, но к врачам с такими «пустяками» не принято было обращаться, да мы и не знали, работает ли поликлиника № 37, что была рядом с нашим домом на ул. Правды.

После сухой и солнечной осени наступила ранняя и небывало суровая зима. Морозы стояли по тридцать градусов, дома не отапливались, за водой ходили к проруби, образовавшейся в месте взрыва бомбы на ул. Звенигородской, недалеко от гаражей бывшего Семеновского полка, в которых теперь складывали мертвецов, собранных на близлежащих улицах. Заледенелые тела привозили военные на грузовиках и складывали вплоть до отправки на Пискаревское кладбище. Настало страшное для всего живого время: голод и холод. Меня с сестрой и бабушкой Машей спасала мама. Она неведомо где достала чугунную буржуйку, а я проделал в стене, где шел вентиляционный канал, отверстие и установил трубу, сделав ее из куска водосточной трубы.

Поэтому мы жгли всю нашу скромную мебель и книги, поддерживали хоть какое-то тепло ночью.

В комнатке при кухне появились первые трупы наших соседей, сначала умерли родители сестер Раевых, потом туда же положили супругов Горяевых. Вывезти их ни у кого не было сил. На кухне и в этой комнатке стоял такой же холод, как и на улице, – окна и рамы там были выбиты при взрывах бомб еще в сентябре.

Однажды, когда в доме стало совсем плохо с едой, решил добратся до складов на Пискаревке, где блокадники добывали гнилую квашеную капусту из развалившихся бочек. Там я ничего не нашел, кроме перерытого песка вокруг бочек. Уныло брел к дому в тот солнечный день, когда увидел летящих вдоль шоссе «мессершмиттов» на бреющем полете. Они стреляли из пушек и пулеметов. Я бросился на обочину дороги, спасся и, переждав, когда стервятники улетели, снова побрел, думая, что немцы знали эту дорогу в районе больницы им. Мечникова, по которой голодные горожане ходили за гнилой капустой. Вспоминал об отце, не зная где он, на каком фронте, жив ли он. А через десять лет, в октябре 1951 года, в сумрачный и дождливый день, мы провожали отца в его последний путь на Пискаревское кладбище. Он ушел, не дожив до 58 лет, отдав всю жизнь родине, семье. Он лежит на Командирской площадке Пискаревки, что слева от Вечного огня, по пути к монументу Матери-Родины.

Осенью 41-го, возвращаясь с Пискаревки и думая об отце, мне представлялась противоестественной, противоречащей самому духу ленинградцев, россиян, видевших на своем веку немало потрясений, мысль о сдаче города, об объявлении его «открытым городом», как это сделали французы с Парижем и другие европейские страны со своими столицами.

По дому в мои обязанности, кроме обслуживания буржуйки, пополнения запасов воды, входила покупка пайка. За хлебом ходил в булочную, что между улицами Социалистическая и Глазовская (ныне улица Константина Заслонова). В ноябре дали по 100 г крупы и 125 г хлеба на мою карточку и карточку сестры. Сейчас, спустя 60 лет, невозможно найти слова, чтобы описать те трагические картины, что иногда совершались около булочной. Там люди падали мертвыми, подростки вырывали у немощных людей пайку хлеба и тут же ее заглатывали, чтобы не успели отнять...

Со второй декады декабря мне было положено 200 г хлеба, на мамину рабочую карточку – 350 г. С 25 декабря 1941 года работала Дорога жизни – от Жихарева на западном берегу Ладоги до Борисовой Гривы на восточном берегу. В январе вывезли 11 тыс. человек, затем – все больше и больше. Спасибо Косыгину,

который, побывав в Ленинграде в январе 1942 года и увидев, что там творится, доложил Сталину о необходимости организовать срочную эвакуацию жителей города.

Под Новый 1942 год на нашу семью свалилось огромное и неожиданное счастье. Вечером 28 декабря на 190-й день войны, когда мы сидели в комнате, освещенной коптилкой, в парадную дверь раздался стук. Когда я открыл дверь, то в темной прихожей едва разглядел молодого, очень худенького старшего лейтенанта. Он, не заходя в комнату, вручил мне письмо от отца и небольшой матерчатый мешочек, в котором оказались ржаные армейские сухари. Отец, отрывая от себя, сушил хлеб, чтобы при случае передать нам. Радостно мы встречали новый 1942 год, зная, что отец жив, пили кипяток с самыми вкусными в мире сухарями и мечтали о времени, когда снова соберемся все вместе.

В письме отец сообщал, что, выйдя с частью из окружения в районе Сортавалы – на северном побережье Ладоги, стоит теперь в районе Новой Ладоги. На здоровье, как всегда, отец не жаловался, но писал, что все изрядно устали.

Голод продолжал свирепствовать. Исчезли голуби, не стало видно ни кошек, ни собак. На Кузнечном рынке можно было купить хлеб, табак или поменять их на золото и драгоценности. Продавали фарш из кошачьего или собачьего мяса. Довелось видеть около склада умерших на ул. Марата тело маленького ребенка с вырезанными мягкими частями тела... Вспоминать это трудно, а писать просто невыносимо... Но ленинградцы не сдавались, отдавая последние силы, чтобы фашистам не удалось выполнить директиву их бесноватого фюрера: «...стереть город Петербург с лица земли...».

В один из дней января ко мне пришла Нина Х. – моя первая чистая юношеская любовь. Ее было не узнать – закутанная в платки, сморщенная от голода и холода, покрытая копотью. Она плохо говорила, но едва слышно сказала, что пришла потому, что умирает ее любимый старший брат Юрий. Он работал в Институте гражданской авиации над автопилотами, уже имел ученую степень и звание доцента. Их отец – профессор Х. – был директором филиала Московского института металлов. Их семья продала все, чтобы спастись от голода. Тем не менее сначала умер отец, теперь умирал Юра. Моя помощь – майонезная баночка перловки – не смогла никого спасти. В следующий раз мы встретились с Ниной после войны. Она была замужем за офицером, у них была дочь Женечка.

После этой тягостной встречи с Ниной в январе 42 года, я пошел на Верейскую улицу к Владу Томашевичу. Встреча была безрадостной. Владик уже не мог

ходить, в его помутневших глазах стояла смертная тоска. В комнатке стоял жуткий холод, но он очень хотел жить. Надежда и самоотверженность его матери спасли его.

Потом сдал и я – заболел голодной дизентерией, слег, и не было сил даже подняться. Стал совсем «доходягой», как тогда говорили про дистрофиков. Если бы так продолжалось еще несколько дней, то меня можно было бы заворачивать в простыню и отвозить на сборный пункт, а оттуда – к братской могиле. Но и на этот раз спасла меня моя мамочка. Она умудрилась (неизвестно за какие средства, наверное за свое обручальное кольцо, которого я позже у нее не видел) достать бутылку токайского вина. Мама давала мне утром, перед уходом на работу, и вечером, возвратившись с работы, по столовой ложке вина. В итоге мама поставила меня на ноги. Сестра тоже чувствовала себя еще сравнительно бодрой – женщины стали падать от голода позже мужчин.

В начале февраля 1942 года меня навестил мой однокашник Борис П. Он сообщил, что в институте идет запись на эвакуацию, но без членов семьи. Мама была рада такой возможности, но у меня не было сил, чтобы тронуться в путь. Так я остался в Ленинграде до 16 июля 1942 года. Вспоминать этот период не имеет большого смысла – самое страшное было позади. 16 июля во время второй очереди эвакуации дорога запомнилась мне на всю жизнь. На Ладоге нас бомбили, в Борисовой Гриве, где бесплатно кормили по эвакоудостоверениям, наш эшелон тоже подвергся бомбежке. Но все же эшелон удалось вывести со станции, хотя у многих вещи были потеряны.

Васильев Валентин Леонидович

Все перекрывал сплав малознающей юности и мудрой старости!

В условиях блокады стойкими, как я полагаю, становились, прежде всего, те женщины, которые смысл своей жизни находили, главным образом, в заботе о семье, что в условиях невысокого уровня довоенной жизни не могло не быть сопряжено с преодолением бытовых трудностей. **Постоянное, каждодневное преодоление препятствий как бы выковывало специфические черты характера женщины, что и являлось необходимыми предпосылками для проявления женщиной в условиях блокады высочайшего уровня стойкости и мужества.**

Для мамы, как и для многих других питерцев-ленинградцев, имело значение также и то обстоятельство, что еще в детстве (в 1917 – 19 годах) она оказалась в условиях жизни, напоминающих блокадные. Вот тогда-то она узнала впервые, что представляет собой осьмушка – суточная нормовыдача хлеба на душу населения. Однако в те годы имелись альтернативные пути облегчения условий

жизни, а в 1941 – 42 годах – никаких альтернатив. Первая (и основная) появилась лишь с 22 января 1942 года – когда началась массовая эвакуация горожан по ледовой Дороге жизни.

В блокаде для выживания многое имело значение, в том числе и местожительство. Казалось бы, какое значение в блокаде может иметь месторасположение дома, в котором мы проживали, то есть его географическое положение, а также архитектура, специфика постройки? А оказалось, имеет. И этот фактор оказал непосредственное влияние на выживаемость его жильцов в экстремальных условиях.

Мы проживали в весьма известном (по архитектурным признакам) доме эмира Бухарского, расположенном на Кировском проспекте: дом 44-б, кв. 13, 4 этаж. Дом, по критериям мирного времени, находился в одном из самых фешенебельных и озелененных (ныне сказали бы: экологически чистых) районов города, где до 17 года проживали аристократы, а после 17-го гнездилися в большинстве пролетариат. Ну если быть точным, то сравнительно недалеко от дома, за мостиком через Карповку, действовала небольшая фабрика, «обладающая» высокой фабричной трубой, которая частенько портила воздух, о чем народу поведал к/ф «Простая история». Но в блокаду критерии оптимального месторасположения жилища для горожан стали совсем иные.

Наш дом оказался в одном из наиболее благоприятных в военное время районов города. Это во многом следовало из того, что район (как и некоторые другие, например Лесной) географически был расположен так, что от артиллерийских позиций противника (расположенных в районе Дудергоф – Красное Село) он был удален на предельное расстояние для стрельбы. А в подобных условиях прицельная точность стрельбы низкая. Поэтому, учитывая это, а также отсутствие в нашем районе каких-либо объектов военного назначения, частота и интенсивность артобстрелов, а также бомбежек была сравнительно невысокая. Но все же и наш район получал порой свою «порцию», например 17 октября на его территорию была сброшена «полоса» зажигательных бомб. Немало нам повезло и с архитектурной конфигурацией дома, построенного в восточном стиле. В таком доме обязательно имеется «внутренний колодец» и окна всех соответствующих квартир выходят в него. Высота этого колодца (шестиэтажного дома с высокими потолками в квартирах 4,1 метров) около 30 метров, а площадь сечения немного более чем на один порядок была больше площади нашей комнаты. Поэтому, например, для того чтобы выбить все стекла из окон комнат, выходящих в колодец, необходимо было снаряд или бомбу забросить в площадь колодца, вероятность чего была чрезвычайно мала (что и подтвердила блокадная практика). Вместе с тем уже в сентябрьских бомбежках

41 года в городе было выбито множество оконных стекол. Понятно, что в условиях блокады в городе не нашлось «лишних» оконных стекол, а позднее и фанеры и досок, чтоб закрыть оконные проемы. Поэтому температура в комнатах многих домов практически мало отличалась от уличных. И это зимой, при температуре порой ниже 30 градусов мороза.

Судьба оказалась к нам благосклонной и в том, что наружные стены дома имели двойную кладку. Поэтому, а также из-за отсутствия ветровой нагрузки на окна, выходящие в колодец, в нашей 30-метровой комнате даже в лютый мороз температура была близка к нулю. Я об этом ныне часто вспоминаю, когда, живя во вполне современном кирпичном доме, архитектура которого ориентирована на проявление своих преимуществ в северных районах страны, задерживают с открытием отопительного сезона или же рано его прекращают. В подобных обстоятельствах порой создается впечатление, что наш современный дом как бы не имеет внешних стен. И еще, в нашем ленинградском доме, даже когда перестал работать городской водопровод, вода продолжала истекать тонкими струйками из кранов в помещениях на нижнем этаже.

О маминной дачной корзине

Начало этого эпизода можно отнести к марту 41 года. Но вначале напомним о летних мучениях дачников, о которых еще давным-давно рассказал нам А. П. Чехов. Это они чуть ли не каждодневно, пробиваясь сквозь городскую толчею и изнывая от духоты в железнодорожных вагонах, привозят из города на дачу все, чего не хватило их родным и близким, отдыхающим на лоне благодатной природы. Для того чтобы избежать подобной участи, которая могла бы выпасть на долю мужа (моего отца), мать начинала уже с весны запасаться продуктами на дачно-летний период. Продукты закупались постепенно, дабы резко не обременять семейный бюджет. Ко времени отъезда на дачу корзина оказывалась заполненной всевозможными крупами (каша – пища наша), мукой, сахаром, мясными консервами, растительным маслом, пачками чая. Эти познания о содержании дачной корзины (ДК) я приобрел позднее, в июле – августе 41-го, когда уже непосредственно знакомился с продуктами. ДК весила, по-видимому, что-то около 20 – 25 килограммов. Вот эта-то корзиночка и оказалась к середине июня 41-го на станции Лисий Нос (где родители сняли дачу). А тут – война! Уже через несколько дней после ее объявления ДК вновь заняла свое обжитое место на Кировском.

Почему же ДК приобрела для нас такое исключительно важное значение? Быстрый уход отца на фронт (уже 7 июля) привел к тому, что с июля и почти до октября эта корзина оказалась в эпицентре нашего внимания. Иначе и быть не могло. Первую зарплату можно было получить, только проработав месяц на

заводе, после оформления документов и зачисления на производство. Компенсационную выплату за «кормильца»-добровольца оформить отец не успел. И последнее: в квартире не осталось жильцов-«кредиторов». Одни ушли на фронт: Гаврилова Тамара, ее муж, Нина... Некоторых призвали на оборонительные работы, кое-кто эвакуировался (Беляев), в одну из пустующих комнат вселили многодетную (шесть детей) семью беженцев. Но кушать надо! Вот тут и сыграла свою роль эта корзиночка. Ее «сухопродукты» в умелых руках мамы, после того как они приправлялись зеленью, специями и чуть-чуть (за копейки) овощами, превращались во вкусную и питательную еду. Значение ДК состояло не только в том, что мы «прорвались» из более чем двухмесячного крутого безденежья. Главное было в том, что с ее помощью удалось предотвратить возможность преждевременного истощения организма еще до вступления в свои права смертельного голода. Все когда-то оканчивается, и наконец опустела и корзина. Вот тогда-то крутящиеся шестеренки бюрократического аппарата – бухгалтерия завода – выдала в руки мамы что-то около десяти тысяч рублей. Но наступил октябрь: давно уже была введена карточная система на продукты, и на рынках продукты практически уже не продавали. Случайно удалось купить, отдав все деньги, десять плиток шоколада. И это было удачей, позволившей продержаться до ноября месяца. А в ноябре смертность от голода становится массовой, ударили сильные, в 20 – 25 градусов, морозы, город погрузился во мрак. Первыми стали умирать мальчики 14 – 15 лет. Я, во многом благодаря ДК, не попал в этот «первый поток» и добрался до третьей декады января 42 года. А здесь выяснилось, что дистрофия серьезно взялась и за меня. И если не изменить режим, долго мне не протянуть. Но уже появилась реальная жизненная альтернатива: началась эвакуация из города «доходяг».

Можно обоснованно утверждать: не будь этой маминой корзиночки, мне не удалось бы дотянуть до 6 февраля, а это отразилось бы и на маме.

У буржуйки втроем

Бабье лето в сентябре как бы явилось продолжением жаркого лета 41-го. Листки календаря срывались один за другим. Мне, как и большинству населения, и в голову не приходило: на носу зима в заблокированном городе, то есть наступают холода, а топлива в городе нет. Что делать? Наступил октябрь. Первые его дни также были теплыми. Я с товарищем беззаботно бегал в свободные от бомбежек часы по городу, рассматривая следы разрушений и пожаров. К тому же наконец-то мама получила свою первую получку и все, что положено в связи с уходом отца на фронт. Как-то полегчало. Но еще не проникла в каждого простая истина: топливо и энергия находились за пределами кольца окружения. Кто же

и чем будет отапливать дома в холода? Не знаю, что об этом думала мама, но известно, что она предприняла целенаправленные меры, позволившие в дальнейшем все же ослабить влияние холода – второго по значимости врага для блокадников после голода. Возможно, голодные и холодные 17 – 19 годы в Петрограде запрограммировали характер ее действий в 41 – 42 годах, что и проявилось в начале октября.

От холода нас могла бы спасти маленькая жестяная печурка, называемая «буржуйкой». Об этом я где-то читал, но не сумел преломить прочитанное применительно к нашим условиям. Но это знала мама, и она поняла нереальность подобного проекта для нашей комнаты, общие трехмерные размеры которой были порядка 130 кубометров. Обогреть с помощью печурки такую комнату было бы занятием малоперспективным. И мама приняла единственно правильное решение и обратилась с предложением к нашей соседке по квартире. Та была врачом-педиатром, профессором в возрасте за 60 лет, вежливой, корректной и строгой женщиной, как и мы, из «старых» жильцов этой квартиры. Предлагалось создать что-то вроде коммуны из трех человек с целью более успешного и совместного преодоления ожидаемых трудностей, для чего предполагалось установить в ее 11-метровой комнате эту самую буржуйку. В таком случае можно было надеяться, что в комнатенке мы вдвоем не замерзнем (что и подтвердила затем практика жизни). К маме все в квартире (кроме одной) относились уважительно и с доверием. Поэтому «взаимно договаривающиеся стороны» быстро пришли к обоюдному согласию. На другой же день она буржуйка была приобретена и установлена. При этом, что также важно, были вырезаны отверстия в двух стеклах форточек, не повредив стекла и без излишнего допущения. Мастер делал работу не спеша, добротнo, так как еще ничего не поджигало...

Буквально через несколько дней после этого ударили первые морозы, и вот тогда-то в городе возник бум с приобретением и установкой этих «спасительниц». И последний штрих к этому: дровишками мы обзавелись в квартирной кладовой, где хранились сломанные стулья, этажерки, столы и прочее. Кое-что приносил иногда и я, находя у разрушенных зданий, заборов и т. д.

Это всё технические аспекты маминого предложения, а есть еще и организационно-бытовые. Организация подобным образом условий каждодневного быта трех человек предполагает автоматически (при условии, что это родственники или высококультурные, интеллигентные люди, как профессора) и единое питание. Нельзя было кому-либо одному в условиях голода приобретать съестное только для себя одного и потом пользоваться едой

в присутствии других голодных. Исходя из этих предпосылок мама сразу же предложила нашей соседке и организацию единого питания, включая получение, приготовление и раздачу еды. Вот так и случилось, что во всех фазах единого процесса питания главную скрипку все месяцы нашей блокадной жизни играла мама.

Итак, группируясь втроем около буржуйки, мы проводили все время (за исключением времени хождения за продуктами, дровами и т. д.) в комнате соседки. Спали же мы в своей комнате, соорудив из двух постелей две берлоги, созданные из одеял, пальто, ковров.

В дальнейшем я упомяну также еще об одном последствии этой маминой инициативы: морально-психологическом эффекте принятия сложных условий блокады на плечи не одного, даже не двух, а трех человек...

О пище насыщенной в условиях блокады

До войны, частенько по воскресеньям, я с родителями посещал кондитерский магазин, в котором мы покупали пирожные: эклеры, трубочки с кремом и др. Они выделялись своими вкусовыми качествами, схожими с продуктами знаменитого магазина «Норд», что «врос» в Невский. Наш же магазин располагался на первом этаже здания напротив памятника Максиму Горькому, и все это прилегало к Кировскому проспекту. **До 9 сентября 41-го можно было наблюдать сквозь зеркальные окна (бесплатно, а на большее не имелось денег), как в магазине бойко раскупали пирожные. Но уже после 9-го витрины всех магазинов, в том числе и этого, перестали дразнить глаза и тревожить желудки горожан. Отныне продукты, спички и т. д. можно было приобретать только по продуктовым карточкам.**

Однако, по-видимому, многих, таких как я, не насторожили, не «стреножили» ни бомбежки, ни обстрелы, ни карточно-продуктовая «игра».

И все же начало октября запомнилось экзотическим для меня продуктом. В эти дни один из маминых знакомых продал (точнее говоря, отдал почти даром) ей кусок конины, весивший несколько килограммов. Он объяснил маме, что ему конина досталась случайно, и он, уже вникнув в складывающуюся ситуацию, решил сотворить доброе дело для доброго человека. Я отнесся к этому неизвестному мне продукту по-пижонски, без всякого энтузиазма: голод еще не был не теткой. Но когда я вкусил на голодный желудок котлеты, приготовленные мамой из этой самой конины, то сразу изменил свое отношение к этому продукту и не меняю его и поныне.

Ноябрь отложился в памяти холодами, которые донимали всюду, за исключением пяточка около буржуйки, и постоянным чувством голода. Последнее, памятуя, что даже «волка ноги кормят», заставляло присматриваться ко всему, что могло бы иметь хоть какое-нибудь отношение к пище или топливу для буржуйки. И вот однажды, роясь в кладовке, я нашел мешочек с какими-то пластинками органического происхождения. После некоторого раздумья отнес находку женщинам для проведения экспертизы. Мама быстро разобралась с пластинками: это были плитки столярного клея. Она заверила нас в том, что вскоре мы будем лакомиться вполне отвечающей блокадным условиям едой. И вот, в наиболее тяжелый период блокады (ноябрь – вторая декада января), наш обеденный стол украсило новое блюдо, приготовленное из нового исходного продукта. Мама, как искусный иллюзионист и отменный повар, ухитрилась изготавливать из «топора суп». В результате творческого преобразования исходного материала появлялось что-то вроде застывшего холодца, украшенного лавровым листком, горошком перца. К блюду полагалось немного (!) горчицы. Апофеозом для каждого был маленький поджаренный кусочек хлеба (менее трети от осьмушки, ведь он поджарен).

При активной игре воображения, опьяняясь запахами специй, ты как бы забывал, что это подделка еды. И даже твой желудок на какое-то время поддавался обману. И так каждый из нас троих трижды в день в течение почти трех месяцев вел не совсем честную игру со своим желудком, демпфируя обман тем, что в процессе любых разговоров мы никогда не касались тем, способных вызвать выделение желудочного сока.

Как-то в середине января 42-го, когда «мадам дистрофия», не скрываясь, стала подбираться ко мне, мама стала пытаться как бы невзначай подкладывать мне лишний (вне нормы) ломтик хлеба и т. п. Однако, не зная тогда фундаментального закона материи, я эмпирически осознал, что если съестного у кого-то (меня) прибудет, то в другом месте (от маминой пайки) столько же убудет. К тому же я понимал, что наши рационы были настолько ничтожно малы, что было бы недопустимо уменьшать его на ломтик-другой; иначе, пытаясь поддержать меня за счет своего жизненного ресурса, можно было бы добиться лишь одного: угаснут оба. В общем, я не поддался на эти уловки и предложил строго чтить законы блокадной дележки продуктов. Вместе с тем как-то зримо, воочию, вживую, без лишних слов я воспринял расхожую истину: мать ради ребенка готова поступиться своей жизнью. В дальнейшем, к сожалению, уже в условиях запредельных для существования человека я наблюдал (вне нашей триады) подчас совсем иное. Что ж, эти исключения только подтверждают общеизвестную истину.

В память запал эпизод, который, хотя и имел отношение к продуктам – пище, для меня же был, главным образом, свидетельством проявления высоких моральных качеств человека в аномальных условиях жизни.

В предпоследний день 41 года утром ко мне зашел школьный и закадычный друг Худницкий Евгений Евгеньевич. Он пояснил: вспомнил о том, что в этот день впервые раздался мой писк, нарушивший этим благодное состояние мира и известивший всех, что появился новый человек. Но если В. В. Маяковский в голодную пору нес любимой морковку, то Евгений принес другу немного картошки (с десятков штук, каждая из которых по размерам подобна или чуть больше грецкого ореха) и кулек с рисом (граммов 150). Но настоящий «вес» этого подарка полностью на весах жизни мог бы оценить в те дни только блокадник. Мама изготовила праздничный супец, в котором кроме этих даров нашли свое место всяческие специи и еще что-то. Вот было славно для троих.

И последний здесь аккорд: в конце января увеличили норму выдачи хлеба, и вместо 125 граммов мы стали получать 250 в сутки. К тому же хлеб был выпечен уже без добавок и стал походить по вкусу, цвету, запаху и весу на настоящий хлеб.

Ноги – средство к общению в городе в 41 – 42 гг.

Мама в июле, главным образом, была занята трудоустройством, а с августа приступила к работе на заводе «Красная заря». Я же, предоставленный самому себе, вместе с другом носился по городу где только было можно, и главное, нельзя: в районах только что подвергнувшихся сентябрьским бомбежкам. Для дальних путешествий традиционные средства передвижения: трамваи, автобусы и конечно же ноги. С 8 сентября ситуация стала резко меняться: встали на мертвый якорь и трамваи, и автобусы. Ведь в городе не оказалось никаких источников электроэнергии: электросвязь с Волховской и Свирской ГЭС была нарушена, а угля или каких-либо других видов топлива в городе не было. Естественно, что остановились практически все производства города, в том числе и завод «Красная заря». И мама оказалась вновь вне завода – в роли домоуправительницы.

Долго мы не получали известий от Ани – самой близкой подруги мамы. Ее муж – старый приятель отца, был на фронте. И вот как-то я и мама отправились в дальнюю дорогу к Ане. Путь был пешочком неблизок – куда-то на Старо-Невский. Я бы не смог точно запомнить, какой это был день, если бы не обстоятельства, связанные с этим и предыдущим днем.

Как-то, когда прошло уже много лет, читая о действиях ПВО Ленинграда в 41 году, я натолкнулся на упоминание о том, что в сентябре одна из самых массированных бомбардировок была 19 сентября. Вот события этого дня я запомнил достаточно крепко. В этот день я в первый (и последний) раз увидел, как ведут прицельную бомбежку. Бомбардировка проводилась при двухэшелонном построении самолетов: верхний (на высоте 4 – 5 км) и нижний (на высоте 2 – 3 км). Самолеты нижнего эшелона, подойдя к цели, переходили в пике и, сбросив бомбы, резко взмывали вверх, выходя из него под углом не менее 45 градусов (сие, если не ошибаюсь, именуется кабрированием). Все это происходило сравнительно недалеко от нашего дома (2 – 2,5 км) и, если смотреть из окна ванной, в правом квадранте. Это зрелище я наблюдал, лежа на подоконнике, и был так захвачен им, что мне и в голову не пришло, какие последствия могут иметь эти бомбежки для меня лично. А одно из них было обязано тому, что город стоял не на обычном грунте, тем более какой-нибудь скальной подушке, а на болоте. А посему и радиус действия ударной волны, проявляемой, в частности, в форме вибрации почвы, был очень значительный. И несмотря на то, что бомбы падали в 2 – 3 километрах от нашего дома, наш массивный дом колебался. Я же, засмотревшись на самолеты, на взрывы бомб, не обращал никакого внимания на эти колебания, потихоньку все более и более вылезал из окна, пока не увидел под собой пустоту. Я даже не успел испугаться (это было уже потом), но, на мое счастье, в эту минуту в ванную зашел сосед Гаврилов. Он, схватив меня ноги, вернул на твердь, заявив при этом: «Не сглуду ль ты съехив, ведь, вылетев из окна, как птица, не полетишь?»

Это было 19 сентября, а на другой день мы отправились к Ане. Путь к ней только в один конец занимал не менее часа. Ее дом, как и наш, имел колодец, попасть внутрь которого можно было только пройдя арку. Эта арка прикрывалась массивной железной решеткой с врезанной в нее калиткой.

Когда мы подошли к дому, то не увидели уже привычную для глаза решетку. Зато узрели посредине улицы немного сдвинутую от арочного входа воронку от разрыва бомбы с тротиловым эквивалентом в несколько сотен килограммов. Очевидцы поведали нам, что же случилось 19 сентября. Группа жильцов, среди которых была и Анна, не захотели пережидать бомбежку в душном бомбоубежище. Они посчитали, что, находясь под защитой массивной арки, им и «сам черт не будет страшен». За эти две недели бомбежек люди еще не прониклись истиной: война не прощает легкомыслия – за это расплачиваются жизнью. Взрывная волна разорвавшейся бомбы ударила со страшной силой по решетке, которая буквально размазала всех, стоящих за ней, по стене арки. От Ани, как сказала ее соседка по квартире, можно было идентифицировать только маленький кусочек ее платья. Так погибла Аня – добрая и красивая женщина,

хорошая подруга – первая в длинном списке наших блокадных потерь среди родных и близких.

Прошла первая половина октября. После жаркого лета и осеннего бабьего лета ударили морозы. Долгие хождения по улицам при обжигающем холодном ветре на пустой желудок и отсутствии перспектив становились все более обременительными. Вместе с тем, начиная с ноября, смерть все чаще и чаще выискивала свои жертвы среди блокадников. В условиях, когда не работала телефонная и телеграфная связь, почта, а смерть выкашивала уже сотнями и тысячами людей, естественно возникали обоснованные опасения за жизнь родных и близких, проживающих далеко от нашего дома и о жизни которых ничего было не известно. Живы ли они, может, им нужна какая-либо помощь? Сидя дома, эти опасения не развеешь. Следовательно, наряду с такими последствиями блокады, как голод, холод и мрак, добавилось еще одно: отсутствие нужных сведений, то есть информационная неопределенность (та же блокада – только моральная). Выход был только один: нет технических средств передвижения, но еще рано «списывать в расход» ноги. Значит, нужно, пока еще есть ресурсы, отклеиваться от нагретого места у горячей буржуйки – и на чистый воздух (в городе заводы практически не работали), хотя он и возбуждал здоровый аппетит, ублажить который не представлялось возможным. Итак, несмотря ни на что, мы стали прокладывать тропы по известным нам адресам, пытаюсь хоть как-то разорвать кольцо неопределенности и наладить общение в замерзающем городе. Пока еще морозы не были столь свирепыми (от 30 градусов мороза и ниже) и удавалось управлять ногами, мы навестили многих. Так, в частности, несколько раз мы побывали на Выборгской стороне у родственников мамы: ее отца, приемной матери, двух ее сводных сестер. В середине ноября они были живы, но к январю все они погибли, за исключением Большой Людмилы.

В первых числах декабря мы направились в район, примыкающий к Невскому проспекту. Дошли до середины Кировского моста. Внизу – Нева, закованная в ледяные путы, мост и его сооружения в инее, на солнце льдинки мерцают как драгоценности. Вдоль Невы знакомые здания, вдали высится Исаакий... Тишина, как будто все вымело. Холод, ощущаемый как будто зримо. Красиво, но беспощадно сурово. И вдруг разрыв снаряда – попадание в дом, расположенный от нас метров за 800. И тут же второй снаряд. Он ударил посередине реки, метрах в 200 от моста. Бесшумно вырос серебристый конус, сооруженный из льда взрывом снаряда. Установилось какое-то замороженное и оцепенелое состояние, и шевельнулась мысль: «Было бы неинтеллектуально падать с моста в холодную воду». Бррр. Мама же не повела и глазом, и мы

неторопливо продолжали двигаться вперед. Быстрее идти уже не могли. Нам повезло – обстрел прекратился.

С каждой последующей неделей ходить становилось все опаснее. Иссакали силы, свирепели морозы, дорожки становились все более труднопроходимыми. Идти можно было, в основном, по узеньким тропинкам, проложенным ранее в сугробах снега. Во многих местах эти тропки покрывались наледью с нечистотами, выбрасываемыми из квартир ближайших домов. Все чаще стали попадаться вмерзшие в лед и засыпанные снегом трупы горожан. Угнетало состояние своей беспомощности, исключающее возможность оказания помощи другим.

Особенно запомнились два случая. **Рядом с нашим домом, у входа в кинотеатр Дома культуры промкооперации, упал красноармеец тыловой службы. Он был так истощен, что, схватив зубами поданный ему сухарик, затих, как будто израсходовав все свои жизненные силы в этом последнем движении. Я ощутил тогда масштаб и размеры голода. Если уж от голода гибнут бойцы...** И второй. Пешеход шел как пьяный и, наконец, медленно завалился в снег. Из проходивших мимо только один подошел к нему и протянул руку, пытаясь его поднять. Но упавший руку в ответ не протянул и, чуть-чуть покачав головой, сказал: «Не надо, бесполезно». Мама потом пояснила: помочь уже ничем было нельзя. К тому же, если подошедший сам очень ослаб, то на снегу остались бы вместо одного уже два трупа.

В декабре морозы достигли 30 (и ниже) градусов. Я не видел на улицах ни одного человека, который не был бы обморожен, даже предохраняясь от мороза.

В связи с этим напомним, что ленинградские морозы при повышенной влажности (что характерно для этого района) переносятся значительно тяжелее, нежели в более сухом климате, например в Сибири. Так воздействие блокадных 37 градусов мороза при влажности тех дней, впрочем типичной для города, соответствовало бы влиянию на человека холода в 50 градусов в районах с нормальной влажностью. В общем, складывались условия, не способствующие значительному удалению от дома, так как можно было и не вернуться обратно.

По этим и другим причинам наши длительные передвижения по городу практически прекратились с начала января 42-го и ограничивались необходимыми: отоваривание хлебных карточек, рабочие контакты с «Красной зарей».

Если мыслишь, значит, существуешь, а если существуешь, мысля, значит, надеешься...

Даже изложенное «пунктиром» выше позволяет представить, в каких исключительно сложных условиях оказалась каждая семья и любой человек в блокаде. Для сохранения стойкости человека важнейшее значение приобретало его морально-волевое и психологическое состояние. **Без радио, телефона, газет, писем и прочих источников информации, без коллективов предприятий (неработающих) поддержание и сохранение этой стойкости могло быть связано только с семьей.** Наша мама и создала все предпосылки для этого, соединив трех человек в небольшой коллектив для совместного преодоления трудностей и взаимной поддержки. Получился как бы сплав природной смекалки и жизненного опыта мамы, научно-профессионального опыта профессора и моего мальчишеского задора и уверенности в своем понимании всех и вся на базе отсутствия каких-либо знаний и какого-либо опыта. Но зато здесь не было места унынию, неуверенности в своих возможностях или в нашей окончательной победе. Не было места слезам и соплям... Сооруженная мамой площадка позволяла часами проводить время за чтением книг у буржуйки. В наше время многочисленные «аналитики», историки и т. п. дружно отмечают, что в блокаду люди буквально захлебывались чтением классиков, поэтов, историков. Они, по-видимому, не могли поставить себя на место блокадников. А ничего удивительного в «запойном» чтении нет. Нормальному человеку (испытывающему ежедневно повышенные стрессовые нагрузки и постоянное ощущение голода, холода, опасности при обстрелах и т. п.) для того, чтобы предотвратить опасную трансформацию своей психики и форм жизнедеятельности, необходимы были эффективные средства, отвлекающие его на время от суровой действительности и стимулирующие поддержание на достойном уровне его мужества и стойкости. Таким средством и являлись книги. Конечно, тогда я так не думал, но необходимость прикасаться к источнику знаний и идеологического воспитания – книгам, как к пище, ощущал и чем-то там осознавал. Я не читал в те месяцы классиков. Я грыз Ж. Верна, Ф. Купера, А. Гайдара... Последней книгой, которую я прочитал в блокаде, был роман А. Дюма «Граф Монте-Кристо». Наши посиделки и чтения обычно завершались между 10 – 11 часами вечера.

Полагаю, что своими разглагольствованиями в перерывах, когда не читал, я весьма потешал нашего профессора, эту мудрую женщину, слушавшую мои сентенции о том, в чем я ничего не понимал, но зато произносимые с задором и ничем не обоснованной уверенностью. Мне все прощалось. Все перекрывал сплав малознающей юности и мудрой старости.

У буржуйки

У буржуйки, сутулясь, втроем,

Смерть презрев, мы о жизни мечтали:
Всё былое вернется в наш дом,
Что война и блокада отняли.
Канут в лету обстрелы, бомбёжки.
И не бьёт по ушам метроном.

Свет от ламп, а не блики от плошки
И тепло: холод лишь за окном.
Вновь на хлебе глаза не ломают.
Жизнь красна ведь не только едой.
«Братья младшие» рядом гуляют,
Не рискуя своей головой.
Отпадут и заботы с водою.
Кран открыл – и ванна полна...
В ней последний приют свой зимою
Нашла приезжих семья.

* * *

Не успев открыть с ночи глаза,
Мы одно с нетерпением ждали:
Сообщения ТАСС: «Наша взяла!»
Без надежды – и выжить? Едва ли...

1950 г. В. Л. Васильев

Дистрофию не обмануть

С 13 ноября 41-го рабочим и иждивенцам (таким как я) была урезана норма выдачи хлеба. С 20 ноября, после очередного уменьшения, суточная нормовыдача на двоих измерялась 375 граммами. Такое резкое (на одну треть) сокращение не могло не сказаться на истощенных, ослабленных людях. Наступил обвальный голод. Старуха с косой взялась за работу, и скончавшихся от голода в месяц можно было исчислять сотнями тысяч. Точные цифры этих жертв, как полагаю, не будут когда-либо известны: такое было время и такие были условия.

О масштабах происходящих событий каждый блокадник мог составить собственное, субъективное представление. Этого можно было добиться, сопоставляя, в частности, то, что привлекало внимание на улицах города ранее, с тем, что видел там же в последующие месяцы блокадного бытия. Уже в конце октября можно было изредка встретить на улице горожанина, который покачивался из-за слабости от недоедания так, будто он невзначай «перебрал».

А уже через месяц можно было, если не повезет, повстречаться с покойником, которого на салазках (как бурлаки) тащили на кладбище близкие ему люди. В конце ноября уже ничего необычного не было в том, чтобы увидеть лежащего на улице мертвеца. Декабрь: зима входила в свои права, и теперь частота возможных встреч с покойниками зависела от длины пройденного тобой пути и от того, шел ли ты по проспекту или же передвигался по «занюханной» боковой улочке. Трупы выносили из жилых домов, сбрасывали из окон нижних этажей, складывали в нежилых помещениях. Важнейшим для каждого было его собственное самоощущение, которое, к сожалению, не могло быть объективным. Истощенный организм долго голодающего человека жил, по сути, за счет собственной энергомассы. Это неизбежно подводило человека к предельному состоянию организма, который долее всего сберегал нервные клетки мозга. Поэтому человек мог осознать, что с ним в общем происходит, отметить изменения в своем организме: нарастающую слабость, постепенное угасание всяческих желаний... Но никто, включая врачей, не мог в тот период (возможно, и ныне) точно оценить, насколько близко человек подошел (или даже переступил) к той черте, за которой истощение организма становится смертельно опасным. О том, как сложно было понять реальное состояние истощенного человека, свидетельствует, в частности, случай с маленькой девочкой – последней оставшейся в живых из большой семьи Савичевых. Ее, несмотря на все усилия врачей, не удалось спасти. А смерть наступила через три месяца после того, как ребенка вывезли из блокадного Ленинграда на Большую землю.

Как и все, спасаясь от холода, который настигал нас повсюду, за исключением небольшого пространства около печурки, мы надевали на себя теплое белье, свитер, куртки, ещё что-то. По внешнему виду такой «куклы» трудно было судить, насколько человека деформировала дистрофия. Как-то, в конце декабря, проводя под нажимом мамы смену нижнего белья и обмывая своё небогатырское тело теплой водичкой, я случайно мазнул взглядом по своему животу, и мне показалось, что сквозь кожу я вижу сочленения позвоночника. Что ж, зрелище было не для слабонервных, и я не нагружал больше свои нервные клетки подобными впечатлениями. Спустя многие годы я узнал, что скелет как бы выползает наружу, пропадают мышцы и икры ног. Но бывает, что болезнь проявляется и по-иному: человек опухает, его ноги становятся как тумбы, отвисают щеки, заплывают глаза. К третьей декаде января мне показалось, что процесс моего истощения вроде бы завершился, и вместе с тем я медленно-медленно стал наливаясь полнотой. Это заметила мама, ей не понравились также и мои глаза. Не раздумывая долго, она попросила нашего профессора взглянуть профессиональным оком на мои мощи. Педиатр внимательно меня осмотрела и, подумав, изрекла свой вердикт: «В запасе у вас

имеется не более 8 – 12 суток, и если за это время ничего не изменится, то вторая моя консультация вряд ли уже понадобится».

Мама

Мама чуточку гордится, потому что стара.

Мама вечно в движении и в заботах с утра.

До чего ж мама гордая: «Все сама да сама».

Были б счастливы дети – ей забота одна.

1950 г. В. Л. Васильев

Нам стало известно, что с 22 января 42-го началась массовая эвакуация блокадников на Большую землю. Она проводилась по предприятиям и учреждениям в каждом районе под общим руководством районных эвакуационных комиссий. На другой же день мама отправилась на Выборгскую сторону, на свой завод «Красная заря». Маму и меня включили в список эвакуантов завода. В конце января мама получила эвакуодостоверения и посадочные талоны на поезд, отправляемый с Финляндского вокзала 5 февраля в 9 часов утра.

Блокадные объятия не ослабевают первые недели и на Большой земле

О процессе эвакуации здесь показано фрагментарно, в форме нескольких кадров, характеризующих запомнившиеся мне события.

Утром 5 февраля 42 года поезд с эвакуантами, в вагонах которого разместились и наша группа, отошел от Финляндского вокзала. Но не прошло и полутора часов в движении, как поезд внезапно остановился: от него отцепили паровоз и угнали куда-то в неизвестном (для нас) направлении. Проходил час за часом, а непредвиденной остановке не виделось конца. У большинства пассажиров не было с собой никаких продуктов (где их возмёшь в городе?) и, что не менее важно, воды. Пошли вторые сутки, как мы «загорали», а во рту не было и маковой росинки. Незаметно, но неумолимо темнело; наше будущее оставалось всё таким же неопределенным, одно связывало с жизнью – тепло, излучаемое печуркой. И тут у меня начались сильные рези в желудке, и я при ясном, как мне казалось, сознании молча повалился на пол вагона, корчась от боли. Мама, без слов оценив обстановку, обменяла одну из пачек махорки (единственная наша валюта) на лепешку у какого-то пассажира. И как только я немного полакомился ею, запив водой, боли прекратились. А тем временем в вагонах объявилась инициативная группа людей, осознавших, что если эта «остановка» продлится еще на сутки, то тогда поезд можно будет отправлять не к

Ладожскому озеру, а на кладбище. И нам повезло. Недалеко от нашей стоянки стоял бронепоезд. Наша группа договорилась с машинистом паровоза, что он за чемоданчик с деньгами и махорки доставит нас до озера. Но надо торопиться. И в вагонах быстро прошел добровольный сбор «злата и наркотиков». Мама возглавила процесс в нашем вагоне, положив на «алтарь жизни» последнюю пачку махорки. После вручения машинисту ласкающего его взор чемоданчика уже через 20 минут мы прибыли на берег Ладоги.

Ладогу преодолевали в открытой грузовой машине, на ней я и мама оказались на разных скамейках. Ехали не так чтобы быстро: километров 30 – 35 в час. Мороз был градусов 15 – 18, холодный воздух обжигал лицо. На первых километрах пути вдоль трассы движения попадались снежные холмики – последний приют тех блокадников, которые отправились на Большую землю пешком. Женщина, которая сидела рядом, видя, что моя экипировка не защищает лицо от ветра, притянула меня к себе и закрыла мою голову своей теплой накидкой, что предотвратило обморожение. Поэтому за тем, что происходило во время движения, я мог наблюдать только урывками. Как-то подняв голову, я увидел, что девочке, сидящей на скамейке у заднего борта машины (лет одиннадцати), с красивым, но каким-то безжизненным и белым как мел лицом кто-то подал сухарь, который выхватила ее мать и тут же стала его грызть. Позднее я узнал, что девочка находилась в состоянии агонии, а мать – в полубезумном состоянии. Когда прибыли на станцию Жихарево девочки в машине уже не было. Одни потом говорили, что она, незаметно для других, вывалилась, а другие, что её столкнула за борт мать...

Итак – мы на Большой земле – на станции Жихарево. Ох и трудно было разобраться, что же на ней происходило. Это усугублялось и вечерней темнотой. Скопление стоящих, подъезжающих, отъезжающих автомашин; люди, снующие в разных направлениях, беспорядочно разбросанные строения, много указателей, дымы из труб, пар от дыхания людей, крики и жестикауляция говорящих людей. Куда и к кому обращаться, что надо предъявлять и что получать на пунктах питания? Вскоре мама сумела разобраться в обстановке. Ей выдали две буханки хлеба и другие продукты.

Эх, Ладога!

За дело правое тогда

Отдать он всё сумел.

А, кроме жизни, ничего

Ценнее не имел.

По Ладоге машины мчались,

А вдоль дороги тут и там
Порой сугробы попадались:
Приют последний мертвецам.

Не осуждай порыв отчаянья.
Пешком к Кобоне, встать на лед
Людей бросала жажда жизни,
Кто был в блокаде – их поймет...
Мотора рёв и ветра свист,
Метель слепила нам глаза.
Мерцали звёзды. Путь тернист,
С открытым кузовом езда.
Но рвали шины снег дороги,
И скрылась «малая земля».
От смерти к жизни нас, как многих,
Дорога жизни повела.
Всё та же снежная равнина,
И вдруг строения вразброд.
Машины, люди: рой в движенье,
Вот он – Большой земли отсчет.

Васильева Лидия Николаевна
Прятались в развалинах Английского дворца

Родилась 29 марта 1938 года в Петергофе, до войны проживали на ул. Манежной, д. 26. По воспоминаниям матери, помнит, как прятались в развалинах Английского дворца перед оккупацией, а на огороде отец сделал окоп, где можно было укрыться от бомбежки, «только нас оттуда выгнали, окоп был неправильный, с одним входом, а должен был быть и выход».

Семья пыталась уйти от стремительно наступающих фашистских войск из Петергофа, через Ораниенбаум, Ижору, «нам просто повезло, что всех подобрал грузовик с углем, так мы и попали в город», рассказывает Лидия Николаевна.

Началась блокада, Лидочка была слишком мала, чтобы помнить, что отец был на фронте; уже после войны семья узнала, что он занесен в Книгу Почета похороненных на Пискаревском кладбище еще в феврале 1942 года.

В эвакуации жили в Воронежской области, затем мать писала самому М. И. Калинину, и по вызову семья вернулась в Ленинград.

С 1947 года, почти 15 лет, жили на Лиговке, в подвале, мать работала ночным сторожем. После расселения в 1961 году получили квартиру в Стрельне. Вырастила 2 сыновей. Начинала свой трудовой стаж Лидия Николаевна в типографии, затем в литейном цехе кладовщиком на 55 МОЗ. Ветеран труда.

Васильчикова Галина Михайловна

Картина была одна и та же – кто-то еле шел, а кто-то лежал

Галина Васильчикова родилась в Ленинграде в 1937 году. Родители погибли в блокаду, а сама Галина, прожив 8,5 месяца в блокадном городе, летом 1942 года была эвакуирована на Кубань. В 1944 году после депортации крымских татар семью Галины переселили в Крым.

Я родилась в Ленинграде в 1937 году. В семье нас было четверо – мы с сестренкой и родители. Еще накануне войны к нам приехала учиться мамина сестра Ольга. Когда началась война, отец работал на Кировском заводе. У него была бронь, поэтому его и не забрали на фронт. Когда началась блокада, отец уговаривал маму эвакуироваться, но она не поддавалась на уговоры.

Помню, как вскоре после начала блокады заболела и умерла сестренка. В холодной квартире, убитая горем, заболела и мама. Я пыталась укутывать ее какими-то простынями – приходилось жить без воды и хлеба по несколько дней. Помню, как однажды пришел отец, взял все хлебные карточки и ушел за продуктами. Долго ждали его возвращения... Через два дня нам сказали, что он погиб во время бомбежки. Оставшись без карточек, ослабевшая мама взяла кое-какие вещи и пошла менять на хлеб. Поменяла, принесла домой и слегла окончательно. Когда о болезни мамы узнала тетя Оля, она стала получать наши карточки, приносила в дом хлеб и воду. Мама уже ничего не ела, лишь пила теплую воду, которую ей вливали в рот. Почти всегда молчала.

Помню, что в бомбоубежище спускались только один раз, а после всегда оставались дома. В холодной квартире я была постоянно одета в пальто с двумя воротниками, в красную шапку и, к счастью, валенки, которые тетя Оля привезла из деревни. Очень боялась бомбежек – во время воздушной тревоги пряталась в шкаф и закрывала голову подушкой. Выходила из него лишь тогда, когда по радио звучал метроном. Значит – отбой.

Мама все спала, а я подходила к столику у маминой кровати, брала кусочек хлеба и часами стояла у заклеенного полосками окна и смотрела на улицу.

Картина была всегда одна и та же: кто-то еле шел, а кто-то лежал. Когда в следующий раз к нам пришла тетя Оля, мама уже была мертва.

С тех пор я оставалась в доме одна. Хлеб и воду приносила тетя Оля. Изредка она же оставалась со мной на ночь.

Долго моя тетя добивалась разрешения увезти меня к бабушке на Кубань. Наконец 23 июня 1942 года было получено удостоверение от районной эвакукомиссии. Помню, как бомбили отъезжающий поезд, как прятались мы под вагонами. Помню и то, как на каждой станции ленинградцев кормили и отмечали в удостоверении, какую станцию мы проехали. В конечном итоге мы благополучно приехали к бабушке в станицу Старокорсунскую на Кубани.

Бомбежка, блокада, недетские переживания имели свои последствия: я стала сильно заикаться. Родные вылечили меня. Разве кто-то думал тогда, что это лишь начало испытаний?

Вскоре на Кубань пришли немцы...

Вдовиченко Леонид Игнатьевич

Мы увидели троих настоящих немцев в военной форме

Родился 22 августа 1933 года.

Я родился в обычной рабочей семье. Отец и мать трудились на Кировском заводе. Мы жили в коммунальной квартире с круглой печкой, расположенной в бревенчатом доме-бараке за больницей. Наша семья, как и все остальные, жила от получки до получки. По Ленобласти ездили трамваи, другого транспорта в то время не было. Когда родители ехали с работы, весь трамвай был обвешен людьми, а самое удобное место называли колбасой. Лето 1941 года выдалось очень жарким. Вся пригородная зона была в цветах и яблонях, а живность разгуливала по дорожкам между заборами. О том, что началась война, знали все, но я еще не понимал, что это такое, потому продолжал жить беспечно. Мы с другими мальчишками ходили купаться, играли в войну, у меня даже была военная форма – короткие штанишки, куртка, на воротнике нашитые петлицы и синяя пилотка.

После начала войны отец сразу оказался в народном ополчении, где-то на Ленинградском фронте. Мать получила от него одно письмо в сентябре 1941 года, а в декабре или январе 1942-го пришло извещение о том, что отец пропал без вести в одном из боев. Потом мать стала реже приходить ночевать домой.

Меня поручили сначала одной, потом другой соседке. Но поскольку у них были свои дети, то я большей частью был предоставлен сам себе. Вечером приходил на общую кухню поужинать, а потом ложился спать в пустой комнате. Днем, болтаясь по поселку и вдоль трамвайных путей по дороге, я наблюдал возрастающие колонны людей, идущих пешком в сторону Ленинграда. В августе 1941 года начались обстрелы. Горожане прятались от них где только возможно. Количество прохожих резко уменьшалось. В бараках остались лишь пожилые люди и дети. Всех по возможности увозили в Ленинград. Взрослые объясняли мне, что на заводах введено казарменное положение, и поэтому моя мать не может ежедневно приезжать домой ночевать. В один из дней я с соседскими ребятами отправился купаться к больнице имени Фореля. В этот момент около пруда остановилась военная машина. Из кабины вышел шофер, открыл задний борт, и мы увидели трех настоящих немцев в военной форме. Шофер и военный с оружием сняли одного немца с машины (видимо, он был ранен, поскольку у него были ноги перебинтованы) и уложили на траву. Внезапно набралось много любопытствующих. Немцы были хорошо выбриты, форма на них была в хорошем состоянии. Я стоял рядом и с большим любопытством рассматривал их в упор. Многие живущие рядом подходили к немцам и угощали их разной едой. Немцы, мягко говоря, недоумевали. Я смотрел на них и думал: так что же такое война и почему их называют фрицы и гансы? Начался обстрел, их быстро погрузили на машину и увезли. А мы, мальчишки, врассыпную побежали по домам. Я подумал тогда: если они не такие уж страшные, то, может быть, скоро и отец вернется домой. Вскоре возле моего дома вырыли землянку, а затем накрыли шпалами и засыпали землей. Внутри из досок сделали скамейки. Туда помещалось человек 13 – 15. Больше и не нужно было, потому что остальные уже были в армии или ушли в Ленинград.

Когда начался обстрел, никто не осмеливался оставаться в домах. 8 сентября было полностью замкнуто кольцо блокады. Большую часть времени мы проводили в землянке. Домой бегали только по необходимости, когда темнело. К обстрелам уже начали привыкать. Я тогда не очень понимал, что значит «убьют». Мне казалось, что от снаряда можно как-то увернуться. В один из жарких августовских дней пришла с работы моя мама. Она посмотрела, что дом опустел, заглянула в землянку и обрадовалась, найдя меня там. Мама взяла меня за руку и предложила пойти выпить чай в нашу комнату. Вскоре, после того как мы сели за стол, прозвучало несколько свистящих звуков и разрывов, от чего мы инстинктивно выскочили из-за стола. Следующий разрыв прозвучал совсем рядом с нашим баракком. Мама быстро схватила со стола все съестное. Я стал ей помогать и увидел, как над столом клубится густой пар, а когда он рассеялся, там лежали разбитые чашка с блюдцем и осколок. Перепуганные, мы

прибежали в землянку и некоторое время не могли говорить. Разрывы снаряда в землянке слышались несколько приглушенно и такого страха не вызывали.

В конце августа 1941 года обстрелы стали постоянными. Люди уже и в светлое время суток боялись выходить из землянок. Там стоял смрад, запасы продуктов подходили к концу, хлеба взять было негде, а в пригород уже давно ничего не завозили, так как местные маленькие магазины были давно закрыты. Наступил момент, когда взрослые принесли свои остатки еды в землянку и решили делить поровну между собой. Было небольшое количество консервов, крупы, макарон, яиц. Готовили на двух керосинках. В поселке народу практически не осталось, кое-где оставались люди в таких же землянках, как и мы. Чтобы как-то занять нас, одна из женщин приоткрывала землянку и читала нам книжки. Питание наше становилось скудным, и как-то я придумал устроить всем сюрприз. Пока все спали, я пошел в ближайший огород, чтобы поймать там курицу для супа. На мне была моя «военная форма». Я так увлекся ловлей курицы, что не заметил, как отошел на километр от нашей землянки. В какой-то момент я увидел за таким же занятием немца в форме и сапогах. Мне стало очень страшно. Я спрятался в пуще кустов. Помню, стало темнеть, и я услышал, как меня ищут. Меня нашли и привели в землянку, я пытался объяснить взрослым, что хотел порадовать их и принести им курицу. Все молчали. Ночью, проснувшись, я снял с себя куртку, спорол с пришитых петлиц треугольнички и сами петлицы. Все это сложил в кобуру с самодельным деревянным наганом и выбросил из землянки. Наутро все стали на меня смотреть – поняли, что я изменил свою форму. А я сидел и думал, когда же за мной придет мать и заберет отсюда. Когда мать пришла забрать меня из землянки, обстрелы стали хаотичными – угадать их было невозможно. Наш двухэтажный барак был разбит снарядами и сгорел. Уходить в город затемно было страшно, поскольку неизвестно откуда могли появиться немцы, да и весь пригород был в воронках. Мама пересидела ночь в землянке, а утром решила уходить. Она собрала наши скудные вещи, и мы отправились в путь вниз по дороге к шоссе. Трамваи не ходили. Петергофское шоссе, переходящее в проспект Стачек, было пустынным. В сторону города редко брели прохожие, кто с сумками, кто с чемоданами. По дороге я увидел, что из маминого тюка идет дым, но она взяла меня за руку, и мы быстрым шагом направились к железнодорожной станции. Прибежав к бастиону с нашими солдатами, мы сбросили тюки и увидели уже остывший снаряд. Отдохнув, мы направились к Кировскому заводу. Оттуда нас послали в распределитель, находящийся около Кировского райсовета. Там нам дали комнату на временное жилье.

Наступил сентябрь 1941 года, в школу никто не пошел, они все были закрыты. Мать по-прежнему находилась на казарменном положении, а я был

предоставлен сам себе. **Мы, дворовые мальчишки, сбивались в группы и, не обращая внимания на артобстрелы, бродили по району в поисках съестного и патронов. Иногда ходили на разведку. К концу осени начал прижимать голод. Военные на линии обороны Автово стали отгонять нас от укреплений, даже грозя оружием. После войны я узнал, что в связи с жестким карточным нормированием поступил приказ, по которому каждый военный обязан был сам съесть свои 500, а потом 400 граммов хлеба, иначе он не мог защищать город.** Готовилась эвакуация детей по Ладожскому озеру. Школы не работали, мамы, в основном, были на казарменном положении, а нас, подростков, собрали и со старшим распределили по подвалам школ в расчете уберечь от артобстрелов. Самое страшное началось в декабре 1941 года. Тогда норма хлеба сократилась до 125 граммов, а зимой 1942 года 35-градусный мороз и голод сковали все живое. В сентябре фашисты разбомбили Бадаевские склады, где был сосредоточен весь неприкосновенный запас Ленинграда. Выдача по карточкам сразу резко сократилась. Не было дров, воды. Началось массовое вымирание и людоедство. На ладожскую Дорогу жизни везли, в основном, умирающих пожилых, не подлежащих использованию в армии, и детей. Дом, куда меня с другими ребятами переселили в Кировском районе, к этому времени был разбит, и мы ночевали в каком-то бомбоубежище. Ко мне изредка приходила мать. Это был сборный эвакуационный пункт. Нас по 20 человек сажали на полуторки с одной старшей женщиной и, накрыв сверху брезентом, везли по Ладоге. По дороге нас сопровождали обстрелы. Было очень холодно и голодно. Когда машина приехала и нас, заочеченевших, стали выгружать, я увидел, что мы снова оказались в Ленинграде. Меня нашла мать и сказала, что никуда не пустит. Забрала меня и увела, не помню куда.

В январе 1943 года нам дали комнату на Петроградской стороне. В комнате из мебели, как ни странно, было все необходимое. Мать пошла за хлебом, но достаточно скоро пришла, села и зарыдала – в очереди у нее украли все карточки. **Мы легли спать и ночью проснулись от безумного взрыва. Немцы ночью, видимо, скинули огромную бомбу на фабрику «Красное знамя», напротив которой находился наш дом. Сколько мы проспали, я не помню, но, когда проснулись, вся комната была в инее. Время тянулось очень медленно.**

В полуобморочном состоянии мы пребывали 9 дней. Я уже не говорил и не поднимал глаза. Не понимаю, какая сила подняла мать с кровати. Она ушла куда-то и примерно через день вернулась с бидончиком супа. Она вливала в меня эту жидкость, пока я не стал что-то лепетать. Затем подняла меня, переодела, переобула и, собрав всю волю в кулак, отвела через весь город к себе

на работу. Какой-то период я не разговаривал, не мог прийти в себя. Обстрелы продолжались. Мы уже привыкли к ним и не прятались. Голод достигал таких пределов, что казалось, если меня и убьет – это будет облегчением. Только хотелось, чтобы убило сразу насмерть, без мучений. Так работало мое сознание, а все остальное было неважно.

Вениаминова-Григорьевская Нина Андреевна
Даже деревья помогали изможденным горожанам

О войне объявили в воскресный солнечный день. Мы, дети, в это время бегали во дворе, играли с мячом. И услышали, что надвигается «гроза». Помню взрослых – они стояли возле репродукторов и с озабоченными лицами слушали выступление Молотова. Через несколько дней мама, я и младший брат провожали отца на фронт. Он шел в стороне от колонны и командовал, выравнивая шаг. Тогда я впервые увидела отца в военной форме.

Немцы стали активно бомбить город и с воздуха, и с орудий. Рушились дома, склады... Фашисты основательно окружили Ленинград. Я жила тогда на Большом проспекте Васильевского острова.

Особенно трудной выдалась зима 1942 года. Водопровод не работал. Чтобы выпить несколько глотков воды, нужно было брать санки, ставить ведро или кувшин и идти на Неву. Делали лунки и черпали из Невы живительную влагу. Света не было – мастерили коптилки. Также в каждой комнате тогда появились маленькие печурки-буржуйки. Свидетелями горя ленинградцев были все. Даже деревья помогали изможденным горожанам – если прохожий уже не мог идти, он облакачивался на столб, подпирая свое ослабшее тело.

Отец был в госпитале, мама некоторое время не появлялась дома, а брат лежал без движения. Я к тому же потеряла продуктовые карточки. Безумно расстроенная, пошла к отцу в госпиталь, и он вынес мне кое-что съестное. Как выяснилось, мама оказалась в больнице. В итоге мы с братом остались в квартире одни. В какой-то из дней пришел отец и отвел нас в детский дом, который находился около училища Фрунзе. Я помню, как папа шел, держась за стены домов, и вел двоих полуживых детей, надеясь, что, может быть, чужие люди их спасут.

Нас сразу привели на кухню, накормили и уложили спать. А **10 апреля 1942 года** сказали, что повезут через Ладожское озеро по Дороге жизни. На следующий день детей блокадного Ленинграда погрузили в машины и отправили в путь. По дороге число попутчиков заметно уменьшалось. На каждой станции выносили маленькие трупы. Вагон-изолятор был полон

детьми, страдающими дистрофией. Там лежал и мой брат. Кто-то мне подсказал, что ему может помочь картошка. Я взяла свои галоши и на станции поменяла на несколько картофелин. Накормила брата сырыми клубнями, а ему стало еще хуже. Он был похож на скелет. Но положение наше все-таки улучшалось. Мы были вырваны из кольца голода, холода и смерти.

В пути мы провели около месяца. Где-то в мае прибыли на Северный Кавказ, в станицу Николаевскую. Нас расселили в нескольких домах. Есть почти не давали – мы питались подаяниями местных жителей. Самых смелых сообща одевали и отправляли в другие станицы просить кусочки еды. Посланцев ждали с большим нетерпением. Каждый получал кусочек в зависимости от того, что он дал надеть в поход. Помню, недалеко от нашего поселения немцы оставили повозку с яблоками. Мы, как саранча, налетели на нее, и через несколько минут лошадь стояла с одинокой телегой.

Через несколько месяцев нас перевели в другую станицу – Барсуки. Разделили на группы – младшие, средние и старшие. Меня определили в среднюю группу. Шел уже 1943 год. Многие из нас умирали от тифа.

Весной 1943 года немцы отступили. После освобождения пришла телеграмма, что мои родители живы и разыскивают нас. Получив послание, я и обрадовалась, и огорчилась. Огорчилась, потому что потеряла младшего брата – не знала, где он, жив ли. В результате мы сговорились с подружкой Валей, которую прозвали «цыганка» за то, что она хорошо умела просить, и отправились на поиски. В конце концов нашли моего братика у одной женщины, которая его усыновила. Брат не хотел возвращаться, но я настояла.

В 1944 году нас перевели в город Железноводск. Воспитательница нашей группы – очень красивая женщина – отлично владела вокалом. Она организовала кружок, где мы вместе пели песни. Часто приходили в городской госпиталь и выступали перед ранеными. Воспитательница пела лирические песни, а я в свои 12 лет читала стихи Симонова «Жди меня, и я вернусь...» и, конечно, плясала под русскую гармошку. Раненые с радостью и благодарностью смотрели на нас и радовались как дети.

Война закончилась, но мы все, кто был в детском доме и пережил блокаду, встречаемся практически каждый год, сохраняем наше братство. Уже стали бабушками и дедушками, но все равно не забываем военные дни. Хотим, чтобы и будущее поколение знало про мужество и страдания жителей нашего города.

Викторова Нина Алексеевна

Три дня я лежала в кровати с мертвым братом

Я родилась в Ленинграде, на Фонтанке. 16 июня 1941 года мне исполнилось 8 лет. Тем страшным летом меня отдали в школу, в которой учился мой старший брат, он к тому времени окончил 4-й класс. А 22 июня началась война. Детей только в июле в срочном порядке начали эвакуировать. Нас с братом отправили в Тихвин, а потом должны были перебросить на Урал.

Однажды в тихвинском лесу ребята увидели немецкого радиста и сообщили об этом в сельсовет. Кагэбэшники его взяли. Фашистский радист сообщил, что через два дня от Тихвина ничего не останется. Позвонили нашим родителям в Ленинград и сказали, чтобы забирали детей. Как мама приехала за нами, как нас вывезла... Обратная дорога была очень тяжелой – где ехали, где шли пешком, я не все помню. Помню, что дорога была усеяна трупами. С тех пор я всю блокаду была в Ленинграде.

Первым в нашей семье умер отец, у меня сохранилось удостоверение о его смерти. Он работал за Кировским заводом, ходил на работу пешком – с Фонтанки – в Кировский район. На фронт папу не взяли: когда он был футболистом, получил травму ноги. Зимой, это был январь или февраль, он шел с работы, нес столярный клей, что-то из еды. И вдруг упал... Его увидела соседка, притащила домой. Папа пролежал три дня, а потом умер. Ему было 40 лет. Его тело унесли в общий приемник, тогда покойников еще регистрировали.

Через месяц от голода умер брат, ему было 13 лет. Три дня я лежала с ним, мертвым, в кровати, потому что мама не могла его стащить, я тоже была не в силах. Потом люди нам помогли... Тело брата, как дрова, стащили и положили в кучу.

Не знаю, как мы с мамой выжили в блокаду. Я попала в больницу с гепатитом, заболела из-за крыс. Впрочем, это меня и спасло. У меня была последняя стадия дистрофии, но меня вытащили. Мне тогда было все равно – жить или умереть, в голове крутилась только одна мысль – поесть. Хотя и это было невозможно, пища уже не усваивалась.

Помню, как стояли в очереди за хлебом, кругом лежали трупы, мы через них перешагивали. Люди не выстаивали... умирали на месте.

За водой мы ходили на Фонтанку. Стекол и дверей в доме не было. Мама поставила буржуйку, в окно вывела трубу. Пока топишь, тепло, через два часа вода превращалась в лед. Морозы были лютые.

Моя мама прожила 88 лет. До войны она не работала, нас воспитывала, а когда умерли отец и брат, и мы остались вдвоем, ей пришлось искать работу. Она

пошла в литейный цех на завод. Мужчин не было, и она латала дыры при температуре 80 градусов. Металл нужно было плавить круглосуточно для изготовления снарядов. На этом заводе она проработала 15 лет, потом ушла на пенсию.

Я пошла в школу в 10 лет. В классе было много переростков, их называли шуба-дуба, тачка – рыжая собачка. Такие здоровые детины приходили в первый класс. Я училась в 283-й школе Ленинского района. После окончания школы я поступила в техникум, а потом в институт. Отучившись, вышла замуж и уехала с мужем-военным на Север. В Заполярье мы прожили семь лет. Вернувшись в Ленинград, я пошла работать в институт.

Винер Валентина Шарифовна
Просто ждали, когда нас убьют

Валентине Шарифовне Винер в 1941 году исполнилось 14 лет. Семья – мать и трое детей – чудом избежала немецкого плена. В 1942 году все четверо были эвакуированы по Дороге жизни.

Конец августа 1941 года. Наш эшелон три дня стоял на Московском вокзале, шел проливной дождь, а нас все не отправляли и не отправляли. Вдруг выглянуло солнышко, и поезд тронулся. Это был последний эшелон – немцы были уже около Мги. И вот, не доезжая Мги, нас разбомбили. Ленинградцы, которые выскочили налево от полотна, попали в плен, потому что по ту сторону железной дороги уже стояли немцы. Мы выскочили направо. Очень хорошо помню, что по Октябрьской железной дороге вдоль полотна проходили так называемые валовые канавы, наполненные водой по колено. Мы перешли их вброд, вошли в лес, а там стояла военная кухня. И военные говорят: «Граждане, вы что, с поезда? Подходите, обогрейтесь, обсушитесь». И в этот момент прямое попадание бомбы или снаряда! От этих солдат не осталось ничего. (Плачет.) Я своими глазами видела – где рука, где нога... Отец и мать накрывали нас своими телами.

После этого мы начали пробираться в Ленинград. Мы шли под проливным дождем, ноги утопали в грязи, а мы все шли и шли. Мы добрались до села Ивановское – там брошенные дома, брошенные вещи... Военные предлагали покушать, переодеться, а мама сказала, что хотя мы потеряли все вещи под Мгой, но чужого ничего не возьмем. Запомнились кринки, в каких молоко раньше в деревнях держали. Из них мы наливали молоко, ели крупные огурцы и сало. Сало было большими кусками, а еще хлеб, круглый черный хлеб, был не

порезан, а поломан на куски. Наше счастье, что мы ушли от немцев: мы были в этом селе Ивановское в шесть часов, а в девять часов там уже были немецкие войска. И вот мы вернулись в Ленинград, босые, голые, грязные. С этой минуты кончилось мое счастливое детство, мне было четырнадцать лет.

Я была старшая в семье, мама моя уже ходить не могла. Во время блокады мы, все иждивенцы, получали на четверых полкило хлеба. И я за этим хлебом шла по длинной улице Чайковского на Выборгскую сторону. Там хлеб был с бумагой, он был полегче, и кусочек был побольше. А на нашей стороне хлеб был с дурандой (остатки семян после выжимания масла. – *Ред.*). У меня были ботиночки из свиной кожи, на шнурочках, ноги мои примерзали, а мама мне говорила: «Ты крошечку за щеку положи, и тебе легче будет идти». Я приносила этот кусочек, и мы его делили и ели.

Мы всей семьей ходили рыть окопы. Раз пришли, мама с нами тремя, а военные ей сказали: «Вы, тетя Шура, больше не ходите с семьей». Больше мама не ходила. Началась страшная бомбежка, мы уже не ходили ни в какое бомбоубежище, не могли двигаться. Просто ждали, когда нас убьет. Лежали, сохраняли последние силы, заворачивались в тряпье, и нас заедали вши – страшное дело. У меня были очень хорошие длинные косы, и мама обстригла меня лесенкой.

Восьмого сентября сгорели знаменитые Бадаевские склады, где хранились все запасы продовольствия. Зарево было вполнеба! Там было очень много сахара, и весь этот сахар сгорел. Мама моя ходила туда с такой котомочкой на плечах, на веревках, приносила эту землю с Бадаевских складов, мы ее кипятили, оттаивали и пили. Еще столярный клей ели, но это в том случае, если его удавалось достать или выменять на что-то, даже не помню, на что мы меняли.

Как-то я шла по улице Воинова, смотрю – мальчик в подворотне дает какой-то девочке большой батон, не такие, как у нас сейчас, узенькие, а широкий батон. Я подошла, говорю: «А мне можно купить такой батон?» А он говорит: «Девочка, приходи завтра, я и тебе дам батон». Стоил он 5 рублей. И вот я к нему раза два в эту подворотню бегала, блокада еще только начиналась, а потом мальчик этот пропал, и никаких батонов уже не стало.

Мы жили на Чайковского, 2, угол Моховой, там продовольственный магазинчик, и последнее, что осталось в этом магазине, это консервы «Снатка» (консервированные крабы. – *Ред.*) и шампанское. И вот мы купили две баночки «Снатки» и шампанское и хранили до 7 ноября.

По улице Чайковского стоял большой шестиэтажный дом, там в подвалах были сводчатые потолки, и местные жители говорили, что эти своды очень прочные, даже бомба не пробьет. Там было бомбоубежище, и очень страшно было сидеть в этих подвалах. Ни звука – такая стояла тишина, мы просто сидели и слушали, где взрывается, и ждали стук метронома, который означал конец воздушной тревоги. Потом мы поднимались наружу, и это было такое счастье – ощущать, что мы живы! Когда мы выходили после бомбежки, кругом висели провода, вокруг лежали разорванные трупы... В Ленинграде мы пережили голод, холод и страх! Нас бомбили, нас обстреливали, нас морили голодом, нас просто уничтожали! Мы не раздевались, спали в пальто с вшами, не мылись. Удивительно, но мы не болели. Я в этих ботиночках ходила за хлебом на Литейный мост и не обморозила ноги.

Когда нас эвакуировали, то подвезли к Ладоге. Было еще не очень темно, и мы ждали ночи. Приезжали машины, с них разгружали продовольствие, и мы садились в них. Нас было трое, я и брат забрались в машину, а младшая сестра, она была тихоня, стояла и плакала. А машина уже должна была тронуться, и места не было. Но шофер – какие люди тогда были! – увидел, что мать с двумя детьми села в машину, а третья дочь – нет, он ее схватил и в кабину посадил. Мама всю дорогу кричала, что у нее ребенок на том берегу остался, а когда приехали, и он ее из кабины выпустил – какая радость была!

Там был большой храм, по-моему, он называется храм Лавра, внутри грудями лежали покойники. Нас там же поселили и накормили. И какая же это была вкусная пшенная каша, гороховый суп! И люди объедались и тут же многие умирали!

Когда нас эвакуировали в поезде, нас было тысячи полторы, а привезли шестьсот – умирали в пути. Кого захоронили, кого на ходу выбрасывали. Иногда было, что поезд встанет где-то на полустанке, а накормить не могли, и вот в этот момент люди погибали. У нас на дорогу был сырой горох и почему-то сахарный песок. Мама ставила на полустаночке два кирпича, разводила костер, горох закипит – вот мы его ели. Клюкву покупали, или на что-то меняла мама, ели клюкву с сахаром.

Когда наступает 27 января, или 8 сентября, или 9 мая, я всегда думаю – неужели это я? Я жива? Страшные были дни. (Плачет.) До сих пор я не оставляю еду на тарелке. Мои дети, особенно старший, всегда хлебцем еду с тарелки собирают, так и говорят: «Вы меня извините, но моя мама терпеть не может оставлять пищу в тарелках». Да, хлеб – это святое, каждая крошка.

Винниченко Иван Моисеевич
В наш линкор попала полутонная бомба

Гл. старшина в отставке.

По комсомольскому набору меня в 1939 году направили служить на Балтийский флот. Попал радистом на линкор «Марат». С первых же дней войны враг пытался уничтожить этот современный боевой линкор. Нас ужасно сильно обстреливали: день и ночь звучала боевая тревога, одни налеты авиации сменялись другими. Противник пытался во что бы то ни стало вывести из строя флагманский корабль флота, который мощным артиллерийским огнем поддерживал наши войска на суше.

Немцы подходили к Ленинграду. Везде шли ожесточенные бои. Линкор был заведен в канал и оттуда вел прицельный огонь по противнику. Наши артиллеристы здорово стреляли – только на моих глазах было сбито 6 самолетов.

Целую неделю мы простояли в канале. Это были кошмарные дни – для отдыха и сна не было ни минуты. Но моряки выдерживали эти нечеловеческие нагрузки.

30 сентября 1941 года мы вышли из канала и взяли курс на Кронштадт. По пути следования «Марата» облеты и атаки авиации не прекращались, но поход завершился успешно. А потом был роковой день, когда в корабль попала полутонная бомба. От сильного взрыва на линкоре погибло 800 человек. Это была ужасная картина. Много прошло лет с той поры, но забыть это невозможно.

Волкова Антонина Ивановна
Меня вместе с трупами погрузили на машину и отвезли в морг

Когда началась война, я жила в Ленинграде со старшей сестрой, братиком и мамой. В августе, во время бомбежки, был разрушен наш дом, и нас переселили на Васильевский остров, дали большую комнату с двумя большими окнами и красивым камином, но мама загрустила: «Где же взять столько дров?»

Старшая сестра принесла буржуйку, и мы жгли в ней мебель, которую смогли сломать, а также ходили собирать дрова по улицам после бомбежек. Ходили и на Смоленское кладбище, где после бомбежек валялись деревья, кусты, куски гробов и кресты.

Мама лежала, она совсем сдала. Меня с братиком хотели определить в детский дом, но они не захотели оставить маму и решили – помирать так вместе. Однажды, когда мы зашли на кладбище за дровами, началась очень сильная бомбежка. Я упала. Когда очнулась и стряхнула с себя засыпавшую меня землю, то почувствовала, что не могу стоять на ногах – падаю. Я долго звала своего братика, а потом на четвереньках поползла домой. По дороге мне несколько раз помогли встать, но я все равно падала. Так я и доползла до дома.

Брат уже был дома. Увидев меня, они с мамой очень обрадовались. Два дня я не могла встать с кровати. Потом еле-еле встала, выкупила хлеб, растопила буржуйку, вскипятила воду. А братик на третий день умер. На маленькой фанерке, перевязав веревкой, я отвезла его на край кладбища и сама свалилась на гору трупов. Там и нашел меня проходивший мимо военный. Он проводил меня домой и дал мне кусочек сахара. На следующий день мы с мамой пили чай с сахаром.

А потом умерла мама. Но отвезти ее я уже не могла, так как сама еле двигалась и все больше спала. Как-то на часок к нам заехала на военной машине старшая сестра и отвезла меня в детский дом № 76. Там меня из-за вшей остригли наголо, а вот мыть не стали, из-за того что все тело у меня было в струпьях и язвах. Вместо этого начали лечить – через несколько недель я смогла сидеть.

Летом меня эвакуировали – на катере по Дороге жизни – через Ладогу. Затем нас повезли в г. Юрьев, но очень много детей по дороге умирало. **Как-то я потеряла сознание, и меня вместе с трупами детей погрузили на машину и отвезли в морг. Когда очнулась, вокруг было темно, на мне лежали чьи-то ноги. Я закричала – меня услышали дежурившие санитарки, вытащили и отнесли в больницу. Я напоминала живой труп, меня лечили почти месяц.** В итоге я окрепла, начала ходить, но язвы на ноге заживали плохо. Возникла угроза, что ее придется ампутировать, иначе гангрена будет распространяться. Меня отправили в Иваново, а после лечения я опять вернулась в детский дом.

В 1943 году вышел приказ – всех детей старше 15 лет направить в ФЗО. Мне еще не было 15 лет, но я уговорила директора отправить и меня. Нас привезли в город Вичуга Ивановской области на ткацкую фабрику им. Ногина.

В 1944 году, когда была снята блокада, я стала проситься в Ленинград, но смогла вернуться только летом 1945 года, уже после войны. Работала ткачихой. Вышла замуж. А в 1979 году переехала в Севастополь.

Галяпина Антонина Васильевна

Все ушли на фронт, мы с сестрой остались вдвоем

Антонина Васильевна Галяпина в годы блокады работала в госпитале, затем поступила медсестрой на один из военных заводов. Награждена медалью «За доблестный труд». Сейчас Антонина Васильевна живет в Казахстане.

Восьмого сентября мы как всегда шли в техникум, он находился на Фонтанке недалеко от Невского. Вдруг небо почернело, начался налет. Все растерялись, кто кричал, кто плакал, вокруг рушились дома. Из техникума нас сразу отправили в госпиталь, где уже были раненые и убитые. В этот день бомбили Бадаевские склады, где находилось все продовольствие. Уже через несколько дней мы ощутили нехватку продуктов. К октябрю снизили нормы хлеба по карточкам, сняли пайки, дошло до 125 грамм на человека. Только служащие получали по 250 грамм. Об учебе мы уже не думали, работали в госпиталях, помогали врачам, ухаживали за ранеными. До декабря как-то дотерпели, а потом с приходом морозов начался такой голод, что трудно было ходить, у многих началась дистрофия. На разгромленных складах были сахарные запасы. Мы ездили туда, с камушков собирали сладкий обгоревший сахар. Так началась наша блокада.

Все ушли на фронт, мы с сестрой остались вдвоем, позже к нам приехала тетя с двумя девятимесячными дочерьми. А зима была такой суровой, какой не было сто лет. Не было ни отопления, ни освещения, люди приобретали буржуйки, а их надо было чем-то топить. За дровами ходили сестра с тетей, а девочки лежали у меня под одеялом и плакали, и я вместе с ними...

Детей кормили соевым молоком, потом и его не стало, больше кормить было нечем... Одна девочка умерла, мать унесла ее на кладбище, а сама ушла на фронт, и ее тут же убило снарядом. Остались моя сестра, маленькая девочка, еще одна дочь тети, и я. Девочка вскоре умерла, сестра попросила меня отнести ее тело туда, где все трупы, недалеко от улицы Надеждинской и Невского. И вот мы ее завернули в одеяльце, и я ее за веревочку потащила. Сестра велела положить ее между большими трупами, не бросать вниз, я туда залезла кое-как, положила, оттуда сползла и с трудом пришла домой. Так мы стали с ней вдвоем коротать. Потом пошли в военкомат, чтобы нас взяли на фронт, сестру взяли, а меня нет. Я осталась одна.

Был такой случай: прибегает ко мне соседка с третьего этажа, просит о помощи, говорит, у нас в подъезде умерла женщина, у нее двое детей осталось. Дочь, ей

года не было, ползает вокруг тела своей мамы, ищет грудь, мальчик маленький рядом. Мы сообщили об этом, их забрали в детский дом.

Паек у иждивенцев был 125 грамм, давали 200 грамм пшенной крупы, и из этой крупы мы варили суп. Замутишь немножко – и как будто это суп. Как закроешь глаза, видишь пшенную кашу и хлеб, о большем мы и не мечтали, такое было состояние. В булочную ходили – каждый себе брал, даже дети не доверяли родителям. В булочной были маленькие окошки, через них подавали хлеб, потому что его могли выхватить и сунуть в рот. **Если отбирали карточки – это была смерть. Карточки не восстанавливали, если их теряли – все, лишились этих 125 грамм. Хлеб был с бумагой, туда чего только не домешивали. Сметали пыль там, где хранился хлеб, пекли с бумагой – все шло в дело. Когда хлеб был с бумагой, его было больше, и он был белее.** А мы не понимали тогда, что это была бумага, и, когда сестра шла за хлебом, я ее просила брать белый хлеб, а не маленький черный. И, конечно, мы его сразу съедали.

Наступило весна, начало пригревать солнце, люди стали приходить в себя. На втором этаже жил дед один, он работал на военном заводе и устроил меня туда медсестрой. Там были подростки из ФЗО, до войны было фабрично-заводское обучение, их привезли в Ленинград учиться. Эти мальчики тоже голодали и умирали. На этом заводе я и проработала до эвакуации.

Глебов Борис Иванович Бесстрашный разведчик и дерзкий снайпер

Вспоминает бывший командир 301-го отдельного артиллерийского дивизиона генерал-лейтенант в отставке Г. Кудрявцев.

«Наш 301-й дивизион принимал активное участие в отражении сентябрьского штурма Ленинграда, а затем – во всех боевых действиях по прорыву блокады и разгрому немцев. Мы занимали позиции в районе Невской Дубровки, а штаб располагался на окраине небольшого поселка Северная Самарка.

Я стал замечать, что в расположении дивизиона часто появляется мальчик. Это был Боря Глебов из поселка. Его отец и старшие братья ушли на фронт, а мать умерла. Боря остался один в опустевшем доме. В сентябре сорок первого фашистский снаряд лишил мальчика родного крова. В тяжелую блокадную зиму его спасли от голодной смерти матросы дивизиона, среди которых оказался, по счастливой случайности, один из братьев Бориса – разведчик Николай Глебов.

Эвакуироваться на Большую землю Боря отказался наотрез, да и брат был против. Мы с комиссаром дивизиона С. А. Томиловым решили соответствующим приказом оформить Бориса Глебова и пришедшего вместе с ним Владимира Михеева воспитанниками части. Вначале их определили вестовыми, а в июле сорок второго, вместе с молодым пополнением, они приняли военную присягу. Боре в тот момент было только 13 лет.

Обстановка на нашем участке фронта была тяжелой. В дивизионе развернулось широкое снайперское движение, одним из зачинателей которого стал Николай Глебов. Вместе со старшим братом Боря Глебов не раз принимал участие в смелых снайперских вылазках. А однажды прямо заявил: „Не хочу быть вестовым, хочу заниматься боевой работой“. Учитывая, что он хорошо знает местность, его сделали связным при штабе, а вскоре – телефонистом, и он исправно нес вахты. Я видел, что под вражескими пулями и снарядами Боря вел себя так же мужественно и смело, как и его старший брат – бесстрашный разведчик и дерзкий снайпер.

Помню, послали Бориса вместе со старшиной Н. Ковальковым на промежуточный пост – исправлять повреждение линии связи. Оба хорошо понимали, как важна связь командного пункта со всеми батареями дивизиона. Перебитую линию они восстановили, но тут же прервалась связь с другой батареей. С КП мы требовали немедленно восстановить связь с этой батареей, не зная, что Ковальков тяжело ранен. И Боря Глебов с катушкой, которая была немногим меньше его самого, под вражескими бомбами пополз к месту повреждения провода.

Через некоторое время мы продолжили управлять огнем батареи. Это лишь один боевой эпизод из фронтовой биографии нашего сына полка».

А дальше судьба Бориса Глебова сложилась так. С медалью «За оборону Ленинграда» на груди маленький солдат стал одним из первых воспитанников только что созданного в Ленинграде Нахимовского военно-морского училища. Затем окончил Высшее военно-морское училище им. Фрунзе. После этого он более десяти лет прослужил на кораблях Черноморского флота, и только болезнь помешала продолжить военную службу.

Сейчас Борис Иванович Глебов, уйдя в отставку, работает преподавателем в детской морской флотилии.

Немногим менее четырех десятилетий назад на бывшем тральщике взвился флаг. С той минуты это уже была не «старая посудина», а отремонтированное в доках Севморзавода судно «Юный севастополец». С первого дня существования

в задачи детской морской флотилии входило обучение ребят азам флотских специальностей. Но она подарила им нечто большее – романтику. В добрые времена численность флотилии достигала полутора тысяч юных моряков. Ребята сами ходили вдоль морского побережья, несли вахту, вязали морские узлы, учились быть самостоятельными. Более 30% юношей – бывших воспитанников морской флотилии – призвавшись на срочную службу, направляются служить по уже полученным специальностям.

Гогин Адриан Александрович
Военные дети взрослеют быстро!

Я родился прямо перед войной – 11 мая 1941 года. Мать – Тамара Петровна, отец – Александр Иванович, сестра и бабушка.

Началась война, отца забрали на фронт – он был капитаном медицинской службы. Служил на Северном фронте, там, где финны стояли. Там было попроще – меньше военных действий было все-таки, чем на западе и юге. Однажды он приехал домой на полutorке с солдатами и сказал матери: «Собирай вещи и езжай в Лугу». То есть, по сути, навстречу к немцам – мы уже потом только узнали, что многих чуть ли не в приказном порядке отвозили в Новгородскую, Псковскую области. Отвозили почему-то к фронту, а не от фронта. Чье это было распоряжение?.. Не знаю.

Мать категорически отказалась, сославшись на детей и старушку-мать. И мы остались в Ленинграде на всю блокаду. Нас никуда не вывозили – мать даже не ходила в бомбоубежище. Говорила: попадет – так попадет.

Хотя, в общем-то, подвал у нас под домом был.

Жили мы в центре – на Международном проспекте, дом 6. Напротив – известный институт ЛИИЖТ – Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. У нас была огромная квартира – коммуналка на 7 комнат. К нам даже приходил во время войны Шостакович, ведь по соседству с нами жил либреттист Исаак Гликман – композитор даже подарил ему золотые американские часы...

Выжили мы вот за счет чего. До войны отец был заядлым охотником, и у него было две легавые. Как медалисты собаки получали паек – крупу. Собак мы, естественно, до войны кормили «со стола» – тем, что оставалось. А мать всю эту крупу, что им причиталась, складывала в шкаф.

Самое страшное время в блокаду было с октября 1941 до февраля 1942 года. Сперва 200 граммов хлеба, потом 125 граммов. Я хорошо помню вкус клея.

«Военные» дети очень быстро взрослеют. Я помню себя с двух лет, я родителям рассказывал, что я помню... Когда около стены стояла моя кроватка – металлическая, желтого цвета. Отец берет меня на руки, переносит на большую кровать, а на ней лежит портупея, и я с ней играюсь.

Комната была большая – 28 квадратных метров с широкими окнами. Я любил смотреть, что происходит на улице. Потом очень любил я на сундуки забираться и слушать детские передачи по радио – очень уж они интересные были. А потом, как только начинались бомбежки и звучал метроном, – мы уже знали, что надо куда-то прятаться. А прятаться некуда, потому что мать сказала нам: «Нет, лежите в кровати, и всё. Попадет – попадет. Не попадет – значит, не попадет».

Нас не эвакуировали потому, что мать не хотела расставаться ни с кем. Потому что родителям надо было остаться в Ленинграде работать, а детей забирали и увозили. А у меня разница с сестрой – 12 лет.

У матери еще были родственники на Васильевском острове. Они не выдержали и в конце блокады умерли.

Отец на фронте был. Его иногда отпускали, и он даже получил несколько выговоров за то, что привозил свой паек в семью. Выговоры шли «за подрыв собственного здоровья». Питались тем, что он приносил, плюс крупа была, и я очень хорошо помню чечевицу. Иногда отец привозил тушенку. Ну и, естественно, клей с намешанным хлебом – такой вот студень получался. Я рано начал писать и читать – в три года уже освоил. В нашем доме жила учительница из Кронштадта. Она-то меня и научила грамоте.

Конец 43 – начало 44 года. Утро. Мать встает, платком меня запеленает. На углу нашего дома была булочная, где выдавали муку и всякую всячину. Меня ставят в очередь. Когда очередь подходила, либо сестра, либо мать прибежала. И вот я таким образом помогал семье.

Не было к пленным немцам какой-то ненависти особенной. Хотя в Ленинграде в 1946 году немцев вешали возле кинотеатра «Гигант». Казнили генералитет и тех, кого поймали партизаны – предателей. Меня туда звали сверстники, но я туда не ходил.

А после войны мы остались жить по тому же адресу в Ленинграде. И я там жил вплоть до 73 года. Закончил сначала радиотехническое училище № 3 на Старо-Невском. Потом меня распределили в центральный НИИ – там я проработал 10 лет. Там же учился в институте – в ЛИАПе. Потом в очень закрытой организации проработал еще 15 лет – всю Россию объездил, потому что мы ставили зенитно-ракетные установки по всем границам Советского Союза.

Голосова Галина Ивановна
Машина перед нами ушла под лед

Родилась в Ленинграде 16 мая 1936 года. Жили на улице Съезжинской, д. 12.

Когда началась война, Галочке было 5 лет. Хорошо запомнился первый день войны: выходной день, отдыхали всей семьей в Удельном парке, гуляли, любовались природой. Вернувшись домой, узнали, что началась война. В сознании ребенка поселилось чувство страха, состояние постоянной тревоги, страшный черно-серый дом, бомбежки... Этот застывший кадр преследовал Галину всю жизнь. Помнит бомбежку: как дрожал дом, а сестры прятались под кроватью, очень сильный шум, хлопки, взрывы. Мать успокаивала дочерей, говорила, что это грузовик разгружает дрова.

Мать с двумя дочерьми эвакуировалась только 10 апреля 1944 года. Такая задержка случилась потому, что серьезно заболел отец, он лежал в больнице, и мать ждала его выздоровления. Поправившись, отец сразу же ушел на Ленинградский фронт, воевал на Карельском перешейке, погиб 8 июля 1944 года. Галина помнит, как их везли на грузовых машинах по Ладоге. Дочери сидели в углу кузова, от страха прятали глаза, наклоняясь к коленям матери. Было очень страшно видеть мутную воду и впереди машину, которая ушла под лёд. Проскочили... Это было второе рождение. Прибыли в Волховстрой, затем через Бологое в Калининскую область. Две недели жили на станции Овинище, пока их разыскала и забрала к себе бабушка (мать отца) совсем ослабленных от голода и холода.

После войны вернулись в Ленинград. В Стрельне стали жить с 1995 года, разъехались по обмену. По профессии Галина Ивановна инженер-конструктор. Много лет отработала в ВПТИ «Энергомаш» (Всесоюзный проектно-технологический институт тяжелого машиностроения).

Гончаренко Лариса Ивановна
Отец сказал, что у нас страшнее, чем на фронте

Многие не верят, что мы пережили в блокаду такое. Внучка меня спрашивает: «Ну как же так, бабушка, что совсем нечего было есть? Как же вы жили?» Вот так и жили. Вам, молодым, этого не представить. Недаром говорят, что нигде, кроме Ленинграда, не было такой блокады.

У меня есть дача в Мельничном Ручье, еще 40-х годов. Мы ее строили всей семьей, купили сруб и все там делали. Когда началась война, мы все были там и узнали о блокаде где-то в 2 часа. Дети воспринимают все совсем по-другому, поэтому мы поняли только, что родители плачут. Быстро собрались и вернулись в Ленинград. Тогда думали, что война закончится быстро, что мы их шапками закидаем, а оказалось все не так.

Помню, всех детей собрали в школе, нас с братом тоже, и повезли в город Боровичи Новгородской области. Там нас с братом хотели разделить, но я так плакала, что мне разрешили поселиться вместе с мальчиками. Мы спали на матрасах на полу в школе. Голода как такового еще не было. Брат был на три года старше меня. Он писал письма маме, рассказывал, как нам здесь плохо. В итоге она забрала нас из Боровичей обратно в Ленинград. Состав, который шел за нами, разбомбили, а мы как-то успели проскочить.

Мы жили в коммунальной квартире на Петроградской стороне, на Мичуринской улице, дом 19. Бомбежки были жуткие. Сначала мы спускались в бомбоубежище, в подвал нашего дома. Он был кирпичный, там хранился уголь и находились котлы парового отопления. Туда мы отнесли старые кровати и спускались при бомбежках. Сначала это все было в новинку, брат бегал на крышу и собирал осколки от снарядов. А когда стало часто засыпать подвалы, ведь снаряд или бомба обрушивает здание, подвал становится могилой, мы уже никуда не стали уходить. Все окна были закрыты, завешены одеялами, электричества не было, жгли коптилки, топили печку. Кухня была большая, метров 12 – 14, там стояло две кровати. Мы с мамой спали на одной кровати, на второй – соседка со своей дочкой. У соседки был сын такого же возраста, как мой брат, он спал на кухонной плите.

Дверь в квартиру не закрывали, никто ни на кого не нападал, но иногда ночью мы слышали какие-то крики, как будто кто-то за кем-то бежал...

У одной соседки пропала дочка, не пришла домой. Ей, наверное, было лет 12, куда она пошла – не знаю, но не вернулась. Видимо, в каком-то районе была бомбежка, и она под нее попала.

Отец ушел в народное ополчение добровольцем 29 июля. Брат ездил к нему в воинскую часть. Электрички ходили только до Ржевки, а дальше надо было

идти пешком. Солдаты нам очень сочувствовали и передавали кто что может. Помню, нам брат привез хлеб.

Однажды отец приехал с фронта домой, и как раз началась бомбежка. Он лег и мы тоже, я с одной стороны, брат с другой. Отец сказал тогда, что у нас страшнее, чем на фронте, потому что, когда идет наступление, ты знаешь об этом, а когда бомбежка начнется, мы не знали, были слышны одни завывания сирены, а они шли все время.

Помню, мы брели мимо разгромленного Народного дома. Как там было страшно! Мама думала, что я тронусь умом, – везде лежали трупы, у кого оторвана рука, у кого нога. Ребенку это все было очень тяжело видеть.

Рядом с нами была булочная, туда свозили трупы. Я видела, как из нее выносят трупы и грузят в машину. Тела были раздетые, их грузили как дрова.

Мне тогда было 9 – 10 лет. Мама надевала мне на ноги сапожки и папины валенки, на зимнее пальто повязывала платок... я выглядела как маленькая старушка. А брат все время лежал. Мама думала, что он умрет, мальчики менее закаленные.

Мама пошла работать нянечкой в госпиталь, ухаживала за ранеными. А мы с братом там пели. Солдаты нас угощали кашей. Видимо, вспоминали, что у них где-то тоже есть дети...

Все время хотелось есть, мы все думали о том, что, когда кончится война, мы наедемся хлеба! Почему именно хлеба, не знаю. Когда дома еще были какие-то запасы, то такого мы еще не ощущали, а уж когда началась блокада, ощутили полностью. У меня была детская карточка, на нее давали продукты получше, даже шоколад, толстый маленький кусочек.

Хлеба давали по 125 грамм, это кусок приблизительно с палец толщиной, полкирпичика, он был черный, с шелухой от овса. Потом, когда паек увеличили, хлеб стал получше. Мы ставили самовар, наливали в кружку кипятка и бросали хлебушек туда.

Когда ходили за хлебом, его надо было сразу брать с прилавка, иначе украдут. При мне мальчишка схватил кусок и тут же засунул в рот, его бьют, а он хлеб жует. Это был нехороший поступок, но он собой не управлял, им руководило внутреннее состояние голода, он хотел есть, и в данном случае ему было неважно, что он у такого же, как он, крадет.

Пойдем с братом за хлебом – разделим маленький кусочек пополам, чтобы тут же съесть. Голод – страшное дело, все время, постоянно хотелось есть. Мы ходили в парк, собирали траву, лебеду, она сладкая. Мама делала что-то из кофейной гущи, из столярного клея варили студень. Отец закончил Лесохозяйственную академию, работал на предприятии, и мы с мамой ходили туда и просили, чтобы нам дали клея. Мама где-то доставала дуранду – ее лошадям дают, – у меня потом температура поднялась. Важно, чтобы что-то было во рту. Это ощущение осталось надолго, и поэтому нам и сейчас надо обязательно знать, что и на завтра, и на месяц вперед у нас есть еда.

Гончарова Зинаида Дмитриевна (в девичестве Петрова)

Я точила штыки

Я родилась в Выборгском районе Ленинграда. Когда война началась, наш дом разбомбили. Нас переселили в дом на Удельном проспекте, где жили служащие психиатрической больницы. Отец, мать, я, сестра и три брата поселились в пристройке. Мы и так были небогаты, а в доме, куда мы переехали, вообще ничего не было.

Вскоре началась страшная блокада. Есть было нечего, давали только хлеб. Запасов у нас не было. Отец нашел какое-то хозяйство, в котором был столярный клей. Мы его размочили, процедили, посолили и сварили из него суп. Потом мы этот суп ели несколько дней. Помню, как-то в декабре по Фермскому шоссе шла лошадь и упала без сил. Люди тут же вышли на улицу. Отец, несмотря на то что был очень слаб, тоже вышел, взял топор и отрубил у лошади часть ноги чуть повыше копыта. Мы принесли эту ногу домой, опалили в печке и потом несколько дней варили ее и ели.

Менять вещи на еду мы не могли, у нас просто ничего не было. Однажды я выхожу, вижу, стоит очередь за хлебом, а на снегу лежит раскрытая бумажка. А в бумажке лежит селедка: голова и хребет с хвостом. Я скорее схватила эту бумажку, принесла домой. Голову мы как-то разделили, хребет и плавники покрошили. Это было великое счастье, что попалась такая находка. Иногда солдаты, у которых тоже был очень слабенький паек, ходили по домам, стучали в двери и спрашивали, нет ли чего-нибудь. У нас ничего не было. Однажды я вышла за хлебом и увидела, как какой-то солдат споткнулся, и у него из котелка вылились щи. Я тут же побежала домой, взяла миску и вместе со снегом собрала эти щи.

Первым умер отец. Это случилось 10 января 1942 года. Он был совсем слаб. 16 августа у сестры родилась девочка, она хотела эвакуироваться, пришла в военкомат и попросила, чтобы взяли и нас, двух ее сестер. Но там отказали. У

мамы случилось помешательство, ее положили в больницу по соседству, но не признали ее сумасшедшей. Ее положили в отделение «слабых», этих больных уже готовили к эвакуации. Маму увезли в Рязань.

Я осталась с сестренкой Ниной, которая была младше меня на два года. Мне было 14, а ей 12 лет. У нас в комнате было две кровати: одна низкая, а вторая повыше. Однажды я пришла, а моя сестра Ниночка лежала на этой высокой кровати. Она шевельнулась, может быть, хотела слезть, но упала и вскоре умерла. Потом к нам пришел папин отец – он был уже очень слаб, фактически он пришел к нам умирать. И умер. Недалеко от нашего дома, тоже в Выборгском районе, жила мамина сестра с мужем и сыном. Они все трое тоже погибли.

К весне я поступила в училище и пошла навестить сестру, которая жила на Кировском проспекте. У нее был мальчик Ваня, 1934 года рождения. Я осталась у них переночевать. Мы с сестрой легли на одну небольшую кровать – я у стены, она с краю. Вдруг ночью меня будит племянник и говорит: «Зиночка, мама умерла». Она, как лежала на краю, так и осталась лежать в таком положении, пока не пришла свекровь. Мы отвезли сестру на Серафимовское кладбище.

Мое училище находилось на проспекте Энгельса. Меня поселили в общежитие, там я немного поправилась. В училище меня посадили за шлифовальный станок, я выучилась точить инструменты. Когда мне было 15 лет, наш завод перевели на выполнение заказов для действующей армии. После термической обработки я точила штыки. Меня признали участником Великой Отечественной войны.

В блокаду я выжила только за счет училища. Утром все группы завтракали в столовой и ехали на завод, там мы работали четыре часа, а потом возвращались в училище. Во второй половине дня мы проходили теорию. Так как я была одна, мне давали талоны на щи из хряпы, то есть из темной капусты. Позже стали давать молоко. Вечером мне давали ужин.

Сытой я почувствовала себя еще очень не скоро, даже не в 1946 году.

Горячев Анатолий Александрович

Все мои родственники работали на авиационном заводе

1930 года рождения.

Когда началась война, я находился в пионерском лагере в живописном местечке Тюресево на Карельском перешейке. После того как по радио с грозным заявлением выступил Молотов, нас срочно посадили на автобусы и вернули в Ленинград. Однако в городе мы пробыли недолго. Нас, школьников, посадили на поезд, и вскоре мы прибыли на станцию Окуловку, где было очень много военных составов.

Оттуда нас также вывезли – малышей посадили на подводы, а 11 – 12-летние дети и постарше шли пешком. Было уже поздно, и быстро стемнело. Мы шли по лесной дороге, а вокруг мелькали огоньки светлячков. Утром мы прибыли в совхоз «Красное Китово», где нас разместили по домам местных жителей. Вскоре туда стали наступать немцы, и нас срочным образом вернули в Ленинград.

Все мои родственники работали на авиационном заводе № 23 на берегу Невы, в том месте, где в нее впадает Черная речка. В связи с началом войны рабочих сформировали на станции Новая Деревня, возле места дуэли Пушкина, для эвакуации в Новосибирск. Мама в это время была в положении, и ее положили в роддом. Я провожал состав с рабочими и оборудованием один. После этого начал жить в двухэтажном доме № 21 по Мигуновской улице, который опустел после отъезда родственников. Еще оставался пристроенный к нему одноэтажный домик, где раньше жила моя бабушка с младшим сыном.

Мой дядя, который работал машинистом на паровозе при Финляндском вокзале, а позже на бронепоезде, построил нам землянку из шпал на заднем дворе, в которой нам пришлось жить после того, как дом изрешетило фугасным снарядом, разорвавшимся напротив. Но блокада дала о себе знать – в декабре малыш умер. Несколько дней его нечем было кормить, а когда мы получили по карточкам горох и пытались его покормить, он уже не принимал ничего и умирал от голода мучительно долго. Затем мы получили извещение и о смерти нашего дяди-машиниста – он умер на работе. Мы переехали в квартиру на Заусадебной улице, где было немного теплей. Мама слегла, а я еще немного двигался. Ходил с саночками за водой на Невку, отоваривал карточки, добывал дрова.

29 марта 1942 года, когда мне исполнилось 12 лет, мама умерла, и я остался один, без карточек на еду – их забрала тетя, проживавшая у нас последнее время. У меня была только хлебная карточка. Иногда соседка, работавшая при поликлинике на молочной кухне, давала мне разбавленное соевое молоко.

8 апреля меня отвели в детский распределитель на Песочной набережной. Я успел взять с собой только 3 фотокарточки – отца, матери и бабушки. Но эти

фотографии у меня изъяли при приеме в учреждение. Из распределителя меня вскоре перевели в 6-й детский дом на улице Профессора Попова, где раньше располагался институт слепых. Фотографии, несмотря на мои слезные просьбы, мне так и не отдали.

Из детского дома с истощением и цингой я попал в больницу на Новолитовской улице. Но оттуда меня забрали, посадили в эшелон и повезли через разрушенный Тихвин в Сибирь, в Омскую область.

В Омске нас временно разместили в школе. Потом посадили на двухэтажный теплоход «Коммунист» и повезли по Иртышу, а затем по Оби на север. По пути некоторые группы из детских домов высаживали в различные поселки. Мы же пополняли дрова для теплохода и двигались дальше. Наш детский дом высадился последним в поселке Большой Камень Кандинского района. Пробыв в пути около месяца, на место назначения мы прибыли поздним вечером 5 сентября 1942 года.

Несмотря на то что было темно, нас торжественно встречала местная школа. Ленинградцев разместили в поселковом клубе, переоборудованном под жилье. Зимой мы учились в местной школе, а летом работали в колхозе и на своем приусадебном участке. Заготавливали на зиму грибы и ягоды, ловили на удочку рыбу для столовой, собирали кедровые орехи и дрова. За эти труды колхоз выделил нам корову и лошадь для нашего пользования, а также снабжал нас продуктами.

В комсомол я вступил в соседнем селе Кандинское. Туда мы отправились еще засветло на большой лодке, так называемом неводнике – на ней мы перебирались из поселка на другой берег реки, где были расположены поля. К нам в лодку попало много воды, девочки собирали ее огромными черпаками, а ребята тем временем налегали на весла. Стихия разыгралась не на шутку, но все-таки мы, хоть и мокрые до нитки, добрались до села. Там мы согрелись и обсушились, а уже на следующий день стали комсомольцами.

В 1945 году окончилась война. В Ленинград мы возвращались на теплоходе «Ленин» и по дороге подбирали детей из детских домов в обратном порядке, но уже через Тюмень. По прибытии в город я обнаружил, что дома в Новой Деревне снесли, жить было негде, поэтому я поступил в ремесленное училище и поселился в общежитии на улице Марата, 25, в доме, где, по преданию, жила няня Пушкина Арина Родионовна.

Григорьев Владислав Григорьевич
Траншеи стали братскими могилами

Я родился в 1930 году, и к началу войны мне исполнилось уже 11 лет. Помню, что 22 июня был хороший летний день, мы собирались идти гулять, и вдруг по радио объявили, что немецкие войска вероломно напали на нашу землю. Началась война!

Народ сразу засуетился: приходили повестки, кого не призвали, пошли в военкомат записываться в армию самостоятельно. Начальник штаба местной противовоздушной обороны полковник Лагуткин распорядился вырыть в парках и садах щели-траншеи для укрытия мирного населения. Все, кто мог держать в руках лопату, вышли на работу. Нам, подросткам, лопаты не дали, так что мы рубили топором корни деревьев. Затем траншеи покрыли накатом из бревен, и во время обстрелов и бомбежек они служили убежищем, но в то время никто и не думал, что эти укрытия понадобятся на самом деле. Зимой, когда стало совсем туго с едой, и люди умирали от голода, эти траншеи стали братскими могилами, куда складывали покойников. Была зима, холодно, топить нечем, и тогда вспомнили, что траншеи перекрыты бревнами. Бревна вытащили, земля обрушилась, а покойники так там и остались. Кости до сих пор там лежат.

Пока было тепло, мы, мальчишки и девчонки, работали в бригадах местной противовоздушной обороны – дежурили на крышах и чердаках. Когда начинался налет, мы должны были следить за разрушениями и пожарами и докладывать о них старшим, а также тушить зажигательные бомбы. Это небольшие бомбы весом примерно в два килограмма, их необходимо было быстро потушить – окунуть в воду, закопать в песок или выбросить через слуховое окно во двор. В 1943 году многие из таких же, как я, мальчишек и девчонок были награждены медалью «За оборону Ленинграда» – это самая дорогая награда. Всего в годы войны этой медалью было награждено более 15 тысяч подростков.

Когда стало совсем голодно и холодно, стало тяжело подниматься с постели. Водопровод и канализация не работали, света не было, только радио работало постоянно и не выключалось ни днем ни ночью. Просыпаешься, слышишь размеренный стук метронома в эфире и понимаешь, что все спокойно, тревоги нет. Приемников тогда было очень мало, в основном ламповые, и, согласно специальному распоряжению, с началом войны они подлежали сдаче в милицию для предупреждения шпионажа. Если в те годы у кого-то находили приемник, у него могли быть большие неприятности.

Запомнилось несколько моментов, связанных с радио. В то время была такая диктор – Мария Григорьевна Петрова, мы ее очень любили. У нее был очень мягкий, нежный голос, и она читала в эфире рассказы и сказки. Дети ее всегда с

большим удовольствием слушали. Были другие передачи: приходили с фронта какие-нибудь солдаты, политработники, красные командиры (тогда не было еще офицеров) и рассказывали, как идут дела на фронте, старались ободрить жителей. Были и музыкальные передачи. Несмотря на все трудности, радио работало все время.

Наша семья состояла из мамы, папы, бабушки и меня с сестрой. Папа был инженером путей сообщения и до войны работал на изысканиях на Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Летом 1941 года он не успел уехать в экспедицию, и его отправили на оборонительные рубежи в районе озера Селигер, там строили дороги, противотанковые рвы, надолбы и так далее. Этот рубеж немецкие войска так и не смогли одолеть.

Мама была инвалидом и не могла работать, бабушка работала в Главсевморпутье, была такая организация. Главсевморпут занимался вопросами эксплуатации Северного морского пути, руководил ей Папанин, наш известнейший полярник. Когда немец подошел к Ленинграду, приняли решение эвакуировать эту организацию в тыл. Бабушка была единственным трудоспособным человеком в нашей семье, потому она осталась с нами.

Бабушка с мамой получали иждивенческие карточки, мы с сестрой – детские, на всех нас приходилось около 450 грамм хлеба. Запасов у нас, к сожалению, не было. Перед войной нас уверяли, что запасы делать не надо, что все будут обеспечены пайками, а бабушка была очень законопослушна. Но все оказалось не так. Часть скудных запасов, которые были в городе, эвакуировали на восток, Бадаевские склады, которые могли прокормить город еще пару месяцев, сгорели. Город всегда снабжался с колес, и больших запасов продовольствия не делали. Когда они оказались исчерпаны, начался лютый голод. Октябрь, ноябрь и часть декабря 1941 – 1942 годов были самыми тяжелыми месяцами, многие люди умирали прямо на работе или на улице – шел-шел человек, упал и умер. У меня началась дистрофия и туберкулез легких, настолько я был ослаблен.

Нас спасла счастливая случайность. Один наш родственник работал доцентом в Лесотехнической академии, их эвакуировали, но по каким-то причинам он вернулся в Ленинград. В этой академии был разработан способ получения дрожжей не помню из чего именно. И однажды дядя Володя пришел к нам домой и принес пачку дрожжей по килограмму каждая. Бабушка удивилась, зачем нам они, ведь муки нет, печь нечего. Он объяснил, что дрожжи можно употреблять в пищу – прокручивать в мясорубке, подсушивать и затем варить как макароны. До сих пор вспоминаю, какое это было удовольствие, есть не просто слегка мутную теплую водичку, а с дрожжами. Запах этой похлебки

напоминал грибной суп! Потом оказалось, что дрожжи очень хорошо способствуют восстановлению сил.

Также ели столярный клей. Сейчас это звучит дико, но это действительно так. Столярный клей тогда делали из костей животных, раньше была даже такая профессия – старьевщик, они собирали кости, тряпье – все, что можно потом еще раз использовать. Из костей вываривали клей красно-коричневого цвета и высушивали его плитками. Плитку такого клея надо было расколоть, размочить в воде и выварить – получалось что-то вроде студня. Для вкуса в него добавляли соль, клали уксус, горчицу, перец – получалось вкусно. Зимой мы пили хвойный напиток – резали хвою и настаивали ее в воде, он спасал от цинги.

Однажды кто-то сообщил, что пришла маленькая посылочка от отца, за ней нужно было идти на Большую Пушкарскую улицу, в дом 37. В этом доме жил папин сотрудник, который приехал на несколько дней в командировку, его фамилия была, по-моему, Соколов. Мы с бабушкой медленно пошли по засыпанным снегом улицам в неблизкий для нас, по тем временам, путь. Дойдя до нужного дома, мы поднялись в квартиру. У них было тепло, Соколов сидел за столом и пил чай с чем-то вприкуску. После короткого разговора он передал бабушке небольшой свёрток, и мы ушли. Он не предложил нам даже стакана чая, хотя знал, что здесь жестокий голод, а он приехал с Большой земли, где пайки были несравненно большими и кроме хлеба давали приварок: сахар, масло, крупу, муку и мясо с рыбой – то, что нам могло привидеться только в голодном обмороке. Эта маленькая папина посылочка нас немного поддержала, там были масло, сахар, крупа и сушёный лук.

Как-то во дворе слышался крик: «Григорьевы! Григорьевы! Есть кто живой?» Бабушка выглянула в разбитое окно и, увидев девушку в полувоенной одежде, ответила: «Здесь! Здесь!» Девушка поднялась к нам на пятый этаж и рассказала, что пришла посылка с Большой земли от отца, нужно прийти в контору БАМ-проекта, которая размещалась на галерее «Гостиного Двора» по Садовой улице, и с собой взять мешочки для продуктов. Это было в середине или конце января 1942 года. Бабушка быстро собралась и, взяв маленькие мешочки, в которые отбирают геологические пробы и образцы, отправилась в путь. Каково же было её удивление, когда ей выложили несколько килограммов гречневой крупы, сахара, сливочного масла, сушеного лука и ещё чего-то. Бабушка просто опешила: у неё не было ни мешков, ни санок, а в руках такое богатство не унести. Возле здания «Гостиного Двора» нашлись брошенные санки, нашелся и большой мешок, какие-то наволочки, верёвки, и бабушка отправилась в обратный путь. Ее преследовала одна мысль: вдруг кто-нибудь догадается, что

она везет продукты, при переходе через Неву по Кировскому мосту её ударят по голове, продукты украдут, а семья умрёт с голоду. Но всё окончилось хорошо.

Когда началась война, нашу школу закрыли, и внутри разместился госпиталь. Парты выбросили на улицу, потом их, конечно же, сожгли, и до весны 1942 года мы не учились. К весне детей осталось мало – многие умерли или были эвакуированы, и в нашем районе для оставшихся организовали объединенную школу. У нас было четыре урока в день, а днем нас водили в столовую, где давали дополнительный паек. Там давали шроты – не шпроты, а именно шроты, остатки жмыха от растений, из которых выжимали масло – подсолнечное, льняное... Жмых размельчали и лепили из него колобки. Еще давали соевое молоко, сделанное из выжимок пищевых отрубей.

Как-то сидя в школе, мы почувствовали приторный запах, а выглянув в окно, увидели большую грузовую машину, на которую из подвала грузили трупы. Нагрузив полную машину, скорбный груз облили какой-то жидкостью, накрыли брезентом и повезли в последний путь. Кто они были, их фамилии, имена, даты рождения и смерти вряд ли кому известны. Это безымянные жертвы войны и блокады Ленинграда.

Когда наступила весна, стали таять замерзшие нечистоты, усилился запах от разлагающихся трупов, которые лежали в подвалах, парках и садах. Было объявлено о массовой уборке города, все, кто мог, вышли на улицы и во дворы. Ломами долбили груды смерзшихся нечистот, грузили глыбы на машины, грузовой трамвай или просто на листы фанеры и отвозили к местам свалки, а чистый снег – в парки и к берегам рек и каналов.

Годы блокады тяжело вспоминать, в памяти сразу всплывает весь пережитый ужас. Наш район сильно бомбили, и мы уже по звуку узнавали, чьи летят самолеты – наши или немецкие. Зениток сначала было мало, слышались лишь отдельные выстрелы, но ближе к зиме появились английские скорострельные автоматы, они стреляли кассетами по пять патронов. Небо защищали и аэростаты высотного заграждения – баллоны, наполненные газом, которые поднимали над городом. Если посмотреть с крыши, то можно было увидеть, что все небо над Ленинградом было закрыто этими аэростатами. Тросов в темноте не было видно, и немцы не могли спуститься ниже без риска разбиться. Кроме того, аэростаты минировали, чтобы при столкновении с самолетом причинить противнику как можно больше повреждений.

Наступило лето 1942-го. Прошел слух, что скоро прекратится эвакуация населения. Мы не думали уезжать, казалось, что всё самое страшное уже

позади: неоднократно увеличивались нормы выдачи продуктов питания, стали выдавать керосин, вновь работает трамвай, а к бомбёжкам и артобстрелам мы уже привыкли, авось пронесет. Но от отца пришло извещение, что все сотрудники их организации вместе с семьями должны быть эвакуированы, и мы собрали самое необходимое – вещи и ручную швейную машину «Зингер». За нами пришла грузовая машина и довезла до Финляндского вокзала. Там нам выдали эвакопак – кашу с кокосовым маслом, которое присылали в СССР по ленд-лизу, хлеб и что-то еще. Бабушка была из семьи врачей и знала, что после голодовки нельзя есть сразу помногу. Она давала нам еду буквально по ложечке, и благодаря этому мы выжили. Многие же из наших соседей не успели доехать даже до Ладожского озера, умерли от заворота кишок прямо в пути. Их выносили из поезда и закапывали вдоль путей. Мы добирались до Ладоги четыре дня, затем пересели на баржу. Только через месяц мы добрались до Свияжска в Татарской ССР, куда нас отправили.

В 1943 году, когда закончилось строительство Волжской железной дороги, мы поехали к отцу через Сталинград, уже после того, как город освободили. В Ленинграде было множество разрушений, но с тем, что было в Сталинграде, – не сравнить! Город практически полностью был уничтожен, остались либо пустые коробки стен, либо развалины. Посреди руин стоял чудом уцелевший центральный универмаг, где находился штаб фельдмаршала Паулюса.

После войны мы вернулись в Ленинград, я закончил 7 классов средней школы. Дальнейшее образование в школе тогда было платным, и я пошел в энергетический техникум, где давали стипендию. В техникуме готовили техников-энергетиков разного профиля, и я стал гидротехником по специальности «топография», нас готовили для работ для изыскания гидроэлектростанций. Работать я пошел по специальности, техником-гидротехником, несмотря на туберкулез, добился назначения в приполярную экспедицию на Игарку и каким-то чудом победил болезнь, вернулся абсолютно здоровым, загорелым и окрепшим. Работали мы в лесотундре, там был чистейший хвойный воздух. Кормили тоже замечательно, так называемым «папанинским пайком» – давали и масло, и колбасу – все на свете, и на меня сначала недоуменно посматривали, когда я кидался на еду. Благодаря этой поездке я выздоровел, смог преодолеть блокадную болезнь и с тех пор и дальше работал в экспедициях.

Григорьева Зинаида Федоровна
Крыс мы боялись больше, чем трупов!

«Мы знаем, что значит война» – эта строка из песни имеет прямое отношение к детям блокадного Ленинграда. О блокадниках написано немало книг. Но и

сейчас, к сожалению, можно слышать разговоры о неправомерности приравнивания блокадников к участникам войны. Мне кажется, что это связано с тем, что еще не все рассказано о бедствиях людей в экстремальных условиях. Как образно и очень метко подметила в своем стихотворении Мария Терентьева:

С годами чувствовать острее дано
Бег времени и смену поколений,
Все чаще говорим: «Давным-давно!»
И жизнь становится понятной
С высоты сравнений.

В 1990-е годы появились интересные публикации и новые архивные документы о героической обороне Ленинграда. Историки открывают неизвестные страницы блокадного бытия, ученые анализируют поведение человека в аномальных условиях жизни и борьбы.

Во время страшной блокадной зимы 1941 – 1942 годов мне было 11 лет, а брату – пять. Мы с родителями в 1940 году переехали в новый дом на Московском шоссе, ныне это площадь Чернышевского. В первые месяцы войны мы вместе с подростками из нашего дома помогали в дежурствах самообороны, разносили повестки из райвоенкомата, приводили в порядок чердачные помещения.

Особо запомнился такой случай: ребята засекли сигнализацию светом из соседнего дома. Меня послали сообщить об этом факте в контору. Контора была закрыта. Тогда я разыскала дворника тетю Полю и рассказала о случившемся. Мне показалось, что эта информация ее не заинтересовала. Тогда я разыскала управляющего домом. Потом он меня и дежуривших ребят очень благодарил за внимательное отношение и помощь в поимке диверсанта.

Меня и моих сверстников тогда называли мелюзгой. Моя внучка в таком возрасте играла в куклы. У нас же интерес к играм пропал сразу после начала войны, мы быстро переключились на реальную жизнь. Детство закончилось, началось быстрое взросление, и вскоре наступила сложная сиротская юность. В первую блокадную зиму мне не удалось определиться даже в школу.

С сентября 1941 года линия фронта проходила около Пулковских высот, в нескольких километрах от нашего дома. По окружной линии железной дороги проходил передний край внутренней обороны. Всех, кто жил южнее железнодорожной линии, переселили в северные районы города.

В октябре 1941 года нашу семью подселили в двухкомнатную квартиру, расположенную на первом этаже в доме № 12 на улице Мира. При переезде родители взяли с собой лишь теплые вещи и постельные принадлежности. Нам обещали, что эвакуация будет ненадолго. В квартире нам выделили проходную комнату. Из занавесок мама соорудила угол для сна. На одной постели спали отец-инвалид и я с братом. Мама работала на заводе цветных металлов имени Ворошилова и приходила домой один раз в неделю, так как была на казарменном положении. Три месяца мы жили в ужасных условиях. Не только голод, но и пронзительный холод сковывали нашу жизнь. Натопить проходную комнату первого этажа без прихожей было практически невозможно. За водой нужно было ходить на Неву. Отец чувствовал себя плохо и физически, и морально. Поскольку он был инвалидом, его уволили с работы, и вместо рабочей карточки он стал получать иждивенческую. Все работы по дому лежали на мне.

В ночь на 1 января 1942 года папа умер. Два дня мы спали с умершим отцом в одной постели. В этот же день умерли и хозяева квартиры. Три трупа находились в комнате. Уходя на работу, мама предупредила дворника, что в квартире осталось двое детей и нужно убрать тела умерших.

Ночью открылась дверь, и двое мужчин закричали: «Где лежат трупы, мы их заберем!» Я вылезла из постели и, рыдая, просила их не забирать тело отца. Я пыталась им объяснить, что мама скоро придет, и мы сами похороним папу. Труп папы оставили, а остальных забрали. На следующий день мама пришла с гробом, и мы повезли папу на Серафимовское кладбище. За хлебную карточку нам удалось похоронить отца в чью-то могилу. После войны я пыталась разыскать место захоронения, но в кладбищенских документах не было сведений об отце. У нас даже нет свидетельства о его смерти.

Я помню, что нам с братом было не страшно находиться в одной комнате с трупами, но мы очень боялись крыс. Они обгрызали у покойников кисти рук, ноги и носы. Мы отказывались оставаться одни в комнате. Мама, плача, объясняла нам, что она на казарменном положении и ей надо идти на работу.

Через неделю мы решили возвращаться в наш дом на Московском шоссе. Встала проблема получения пропуска в зону обороны города. Через неделю мама принесла полбуханки хлеба, это был трехдневный паек, укутала брата в тряпку, посадила на санки, и мы пошли пешком в свой дом. Я не знаю, какое расстояние от улицы Мира до площади Чернышевского, но нам для этого перехода потребовался целый день. Мама беспокоилась о том, пропустят ли нас через КПП, ведь у нас не было пропуска. Помог наш вид, справка о том, что

мама работает на заводе и находится на казарменном положении, и, конечно, хлеб. На следующий день мама пошла на работу. Потом через это КПП я каждый день ходила в булочную у Московского райсовета, а мама раз в неделю приходила к нам домой.

До сих пор не могу понять, зачем надо было переселять жителей южной части Московского района в северные районы города. Судя по мытарствам нашей семьи, такое переселение было не подготовлено и принесло много бед. В нашем доме не было бомбоубежища, зато были сараи с дровами. Что касается воздушных тревог, то уже в сентябре 1941-го к ним относились без особых опасений. Люди привыкли к артиллерийским обстрелам, снаряды летели мимо нас в центральные районы города. Я всего раз шесть была в бомбоубежище, и то только потому, что воздушная тревога заставала меня в пути.

Возвращение в свой дом было самым радостным событием в суровую блокадную зиму для нашей уже маленькой семьи. Стекол в окнах не было, и мы закрыли их фанерой и одеялами. Жить мы стали на маленькой кухне в 8 квадратных метров. Там была плита и кухонные столы соседей, которые были хорошим топливом. Также нам пришлось сжечь книги и деревянную мебель.

На нашей лестничной клетке жили пять человек. В соседней с нами квартире жили две женщины: Меджубовская Нинель Францевна и тетя Лиза – они были военнотруженицами и занимались стиркой белья для воинской части. Иногда я им помогала в этом деле. За такую работу нас с братом, бывало, кормили похлебкой.

Мама приходила раз в неделю, приносила жмых, клей, дуранду. Особенно нам повезло с бочкой хряпы – это грубые капустные листья. Еще в конце сентября мы с папой ходили на поля за Среднюю Рогатку, собирали оставшиеся капустные листья. Мы их порубили, посолили, и получилась хорошая приправа к супу. Вместе с дурандой это было единственное наше горячее блюдо. Так мы жили вдвоем с братом еще три месяца.

Из-за работы и постоянного волнения за нас мама сильно ослабла. Чтобы попасть домой, ей надо было идти пешком от набережной реки Пряжки до площади Чернышевского. По нашим подсчетам, это примерно 10 километров. Однажды она не пришла домой, и нам сообщили, что ее положили в стационар при заводе. С каждым днем она слабела все больше. Затем маму перевели в больницу на Средней Подьяческой улице. Теперь уже я ходила к ней раз в неделю за хлебушком, который она нам отдавала.

У меня распухли ноги, обострился довоенный ревматизм, и я с трудом обувалась. Тетя Лиза иногда шутила, что я стала похожа на маленькую сухонькую старушку. Но мне надо было держаться, чтобы успокоить маму и поддерживать брата Гену, которому исполнилось 6 лет. На вид он был страшеньким, рахитичным ребенком, с очень большой головой, с тонкими, как палки, ногами и руками, с провалившимися, грустно смотрящими карими глазами. Он все время лежал или сидел на плите и слезал с нее только во время топки. Игрушек у нас никаких не было. Он мало разговаривал, а меня часто звал мамой. Однажды, входя в парадную, я почувствовала сильный запах гари. Я поднялась в квартиру и увидела, что в коридоре лежит мой Гена. Соседки приводили его в сознание. Оказалось, что он решил истопить плиту, подпалил свое пальто, испугался и пошел искать помощь, но сил не хватило, и он упал. Хорошо, что рядом были люди и спасли моего братишку.

На поход в больницу у меня уходил целый день. Последний раз у мамы я была 17 мая 1942 года. Был теплый весенний день. Проходя мимо рынка у Фрунзенского универмага, я обменяла мамино обручальное кольцо на бутылку морса, ведь надо было хоть раз принести маме что-нибудь. В больнице меня уже знали в лицо. Ко мне вышла сестра, посадила меня на скамейку и сказала, что мама недавно умерла. Она оставила мне записку и кусочек хлеба. Я сильно плакала, просила разрешения похоронить ее на Серафимовском кладбище. Рассказала, как мы хоронили в январе папу, говорила, что знаю, как это нужно делать. Мне отказали, сославшись на мой возраст. Мне сообщили, что все трупы они увозят в Московский район на кирпичный завод и там сжигают.

В записке мама писала, чтобы я с Геной пошла в детский дом, что она написала письмо своей сестре Гагариной Марии Александровне с просьбой разыскать нас и взять к себе на воспитание взамен двух сыновей, погибших в 1938 году во время ее ареста. Я показала мамино письмо женщинам, которые жили в квартирах на нашей лестнице. Они сказали мне, что кирпичный завод находится почти напротив нашего дома.

Я решила посмотреть, как происходит сжигание трупов. Скажу откровенно, что более жесткого зрелища, я в своей жизни не видела. Прошло уже более 50 лет, а в зрительной памяти сохранились даже мелочи. **Деревянный забор почти полностью разобрали на дрова, поэтому подойти к печам можно было довольно близко. Во дворе завода стояла вереница машин с трупами, они ждали разгрузки. Рабочие укладывали покойников на транспортер, включали машины, и трупы падали в печь. Создавалось впечатление, что они шевелят руками и ногами и таким образом противятся сжиганию. Я**

простояла в остолбенении несколько минут и пошла домой. Такое у меня было прощание с мамой.

Мы с братом остались сиротами. Дворник тетя Поля дала нам адрес детского приемника на Разъезжей улице. Я собрала вещи, помылась сама и искупала Гену, ведь мы не мылись всю зиму и накопили не только много грязи, но и вшей, хотя периодически жарили их на плите.

Наиболее ценные вещи я отдала на хранение соседке Н. Ф. Меджубовской. В конце войны она уехала в Киев. Возвратившись в Ленинград из детского дома, с которым мы были эвакуированы, я писала ей, просила вернуть вещи, но ответа не последовало.

Я не знала, как довести брата до детского приемника. Он был очень слаб, а транспорта не было. Я выкупила хлеб, в июне 1942-го давали уже по 400 грамм, взяла сменную одежду, документы и маленький ножик. Брату я объяснила, что нам надо идти в детский дом, поскольку мы остались сиротами. Я ему сказала, что дорога длинная, и за каждые пройденные три дома я буду давать ему маленький кусочек хлеба. Шли мы очень долго. На Лиговском проспекте он упал и не мог встать. Проходивший мимо мужчина взял его на руки и донес до детдома.

Брата сразу поместили в больницу, где он пролежал целый месяц с дистрофией. Весенние и летние месяцы придавали нам сил. Детский распределитель находился у Волковского кладбища. Ребята часто собирали там лебеду, крапиву и многие другие травы, ели липовые листья и особенно любили жевать хвойную смолу.

Эвакуироваться без брата я отказалась. Поэтому только в конце июля 1942 года, после того как брат поправился, нас определили в 75-й детский дом и эвакуировали в город Пучеж Ивановской области. Там была уже совсем другая жизнь.

В Ленинград мы возвратились в 1946 году. Мне было 17 лет. Я взяла опеку над братом и отсудила родительскую комнату. Началась взрослая жизнь, полная проблем, забот и всего остального.

**Григорьева Марина Павловна
Эвакуацию запретили!**

Когда началась война, мы жили в Ленинграде на проспекте Динамо, д. 8, кв. 7. Мы – это наша семья: дедушка – Шмидт Мартин Иванович, бабушка – Шмидт

Ольга Ивановна, я – Марина Шмидт, и моя мама – Самсиель Валентина Мартиновна. Перед самой войной я окончила первый класс на «отлично». Мечтала стать актрисой.

Помню, как меня подготовили к эвакуации. Мы просидели целый день с вещами, но к вечеру всех распустили. Эвакуацию запретили!

В марте 1942 года умер дедушка, а в мае умерла бабушка. У мамы страшно распухли ноги, у меня была ужасная цинга. Мы обе уже были дистрофиками. В июне 1942 года слегли – молча лежали и умирали. В блокаду не мылись, страшно представить, что на нас было и в каком количестве.

Однажды в дверь постучали, вошли военные и передали от отца посылку. Увидев нас в тяжелейшем состоянии, помогли нам, осторожно подкормили. А по окончании командировки, оформив на нас документы, 7 июля 1942 года увезли нас в город Боровичи. Военврачи поставили нас на ноги, вернув жизнь.

В 1943 году мама пошла работать в эвакогоспиталь № 1326. Я была при ней, пошла учиться. Позже в моей жизни были Новгород, Псков, Пушкинские Горы, Ленинград. Теперь Севастополь.

А родной Ленинград намертво связан с мучительными воспоминаниями о блокаде.

Гридюшко (Сахарова) Эдиль Николаевна Нам повезло!

Я Гридюшко Эдиль Николаевна, моя девичья фамилия Сахарова. Я родилась 10 февраля 1934 года в деревне Давыдовская Хановского района Вологодской области. Мать моя Анастасия Денисовна Сахарова, отец Сахаров Николай Анатольевна. Отец ушел от нас, когда мне было полтора года, и мы с мамой уехали в деревню в Ленинградскую область, сейчас она называется Сосновый Бор.

В 1941 году началась война, немцы бомбили нас с самолета. Я и мать чудом остались живы.

В 1942 году мама заболела, ее положили в больницу, а меня отдали в детский дом № 53. 26 июня нас эвакуировали по Ладоге в трюме парохода. Три парохода с маленькими детьми затонули, подрываясь на минах. Но нам повезло. Потом нас посадили в поезд, и всю дорогу нас сопровождал самолет. Привезли нас в Горьковскую область, Семеновский район, деревня Беласовская.

После этого меня перевели в детский дом в деревне Озерки. Все это время, в течение шести лет, я болела и лежала в больнице в городе Горьком. Несколько раз меня отправляли в санаторий.

Свою маму я разыскала только в 1947 году. 24 июня 1948 года мы наконец встретились.

Гришина Лидия Алексеевна
Она казалась нам божеством!

Я родилась в Ленинграде в промышленном районе (паровозоремонтный завод, заводы Ленина и Большевиков). 21 июня мне исполнилось 7 лет, а 22-го началась война.

В нашей семье было четверо детей. Меня и старшую сестру Тамару отправили в лагерь. Нас привезли в Окуловку, но через несколько дней исчезли воспитатели и обслуживающий персонал, мы бегали одни. К счастью, многие родители успели забрать своих детей. Те, кто остался, – погибли. Наша мама успела взять нас, и мы вернулись в Ленинград последним поездом в товарном вагоне. Поезд дошел только до станции Обухово.

Всю жизнь я прожила (родилась, выросла и состарилась) в Невском (бывшем Володарском) районе и на одной и той же улице Крупской (Московской). Дома на нашей улице были деревянные, и они быстро были разгромлены. Во время блокады мы были вынуждены жить в общежитии, так как оно располагалось близко к работе родителей.

Хорошо помню зарево над городом 8 сентября, когда горели Бадаевские склады. Началась блокада. Зима (1941 – 1942 гг.) выдалась очень холодной. Голод, холод, бомбежки, в основном ночью, смерть соседей на глазах – вот что нас окружало.

Меня и мою младшую сестру Валентину устроили в детский сад, что было подспорьем для семьи. Спасало только то, что в доме были две рабочие карточки. Отец ушел на фронт 17 мая 1942 года.

Помню вкус блокадного хлеба, хотя хлебом это назвать было нельзя: из сырой массы торчали желтые куски картона. Родители и родственники все делали для того, чтобы спасти нас, детей. Они ходили в Овцынскую немецкую колонию через Неву, где удавалось что-то выменять. Однажды отец принес оттуда небольшой кусок конины, за который отдал золотые швейцарские часы с золотой цепочкой. В доме был праздник.

Весной 1942 года я нашла подорожник и одуванчик. Мама испекла лепешки с дурандой. Как это было вкусно...

Помню февраль 1942 года, когда первый раз на карточки прибавили хлеба. В 7 часов утра открыли магазин и объявили о прибавке хлеба. Люди так плакали, что мне казалось, дрожали колонны. С тех пор прошел уже 71 год, а я не могу войти в помещение этого магазина.

Младшей сестре не было еще трех лет, когда началась блокада. Она была очень терпелива и не просила, в отличие от нас, есть. Вставала на коленочки перед кухонным столом, нажимала пальчиком на полочку в столе, а потом несла этот пальчик в ротик: ей казалось, что там были крошечки. Не зря она стала педиатром с ученой степенью.

Нам повезло, что мы жили в комнате с бабушкой, которая отдала нам 1/3 мешка ржи в нафталине, хранящейся с 1918 года. В школу я пошла в 1942 году, но проучилась недолго – обучение прекратили. В 1944 году пошла учиться в 3-й класс. В блокаду поддерживал голос нашей МУЗЫ – Ольги Федоровны Берггольц, а также акына Джамбула: «Ленинградцы, дети мои!» Училась в школе № 329 с 1944 по 1949 год, где когда-то получала образование О. Ф. Берггольц. В декабре 1947 года Ольга Федоровна пришла на встречу с нами. Это было незабываемо. Ольга Федоровна – скромный человек, она казалась нам божеством. Её светлый образ и сегодня перед нами. Доброта, духовность, нравственность свойственна нам, ленинградцам, пережившим блокаду.

Хорошо помню ночь, когда Левитан объявил окончание войны. Несмотря на то что это было раннее солнечное утро, народ вышел на улицу. Незнакомые люди обнимались, плакали. Это были слезы радости и горечи.

Отец пришел с фронта в конце 1945 года. Прожил недолго и умер от ран, полученных на войне. А мама после блокады стала инвалидом. Мои сестры Тамара и Валентина были в обществе «Дети блокады – 900 дней». Они уже ушли из жизни.

Я получила высшее образование. Более 37 лет проработала в Научно-исследовательском институте радионавигации и времени. Прошла путь от инженера до ведущего инженера.

Грущинская Анна Николаевна
Самые страшные дни

Родилась 22 мая 1932 года (в день рождения отца) в Калининской области. До войны жили в Ленинграде на Пороховых, ул. Коммуны. Родители работали на Охтинском комбинате. Мать смогла в блокаду сохранить семью. Дом разбомбили, переехали жить на Невский, 2 (Главный штаб).

Анна помнит, как мама послала её за хлебом в магазин, и она несла его в мешочке, многие так носили хлеб, вдруг какой-то мужчина попытался отнять, вырвать её мешочек с хлебом. Но Анна крепко держала драгоценную ношу, и попытка не удалась, чему девочка была очень рада. Самые страшные дни, когда в сараи около их дома со всего города свозили умерших ленинградцев, а потом приходила специальная машина, и их вывозили... Было очень страшно.

Судьба отца Николая Васильевича долгое время была неизвестна, на фронте он был связистом, спустя годы семья узнала, что он был ранен в бою, попал в плен, остался жив. В послевоенное время 5 лет отработал на Беломорканале, а семья считала его пропавшим без вести. Анна Николаевна вышла замуж за петергофца, ветерана войны, с 50-х годов живет в Стрельне.

Грязнова Валентина Васильевна **Только трупы и мы с мамой!**

Ни один документальный фильм не раскрывает всех ужасов ленинградской блокады. Это нужно пережить...

На международном Нюрнбергском процессе был зачитан дневник ленинградской блокадницы Тани Савичевой. Мир содрогнулся от злодеяний фашизма. Дневник представлен в музее на Пискаревском кладбище и запечатлен в памятнике по дороге на Ладожское озеро.

Моя жизнь в блокаду – повторение этого дневника. Из нашей семьи в 6 человек я осталась одна. Мне, как и Тане, было 8 лет. Жили в коммуналке, в одной комнате. Первым умер от голода мой родной брат Леня – ему было 3 года. Мама на саночках отвезла его на кладбище, захоронила в снегу. Через неделю пошла на кладбище, но там валялись лишь его останки – все мягкие места были вырезаны. Его съели.

В январе 1942 года от голода умерла тетя Шура, мамина родная сестра. Ей было 32 года. Через 2 дня умерла от голода ее дочь Нюра, ей было 12 лет, через день умер сын тети Шуры – Ваня, ему было 9 лет. Трупы лежали в комнате – не было сил их вынести. Они не разлагались. В комнате были промерзшие насквозь

стены, замерзшая вода в кружках и ни крупинки хлеба. Только трупы и мы с мамой. Потом дворник вынес тела – мертвецов из нашего дома складывали во дворе дома штабелями. Их была целая гора. Мама уже не могла ходить. И я пошла за хлебушком в магазин.

Булочная на пр. Чернышевского, д. 17. Длинная очередь за 125 граммами хлеба. Но его нет уже несколько дней – не привезли. Людей много, но никто не разговаривает, нет сил. Эти люди похожи на привидения. Закутаны во что попало. Артиллерийский обстрел. Воет сирена. Всех загоняют в бомбоубежище. Содрогаются здание. В любой момент может рухнуть дом. К счастью, звучит отбой. Молча очередь вновь выстраивается за хлебом. И так – по несколько раз в день.

На пятые сутки привозят хлеб. Навсегда перед моими глазами сохранилась сцена, когда старый обросший мужчина, качающийся от дистрофии, с обезумевшими глазами, схватил с весов кусочек чужого хлеба и запихнул его в рот. Он его не жевал, а глотал. Толпа молча била его, но он ел чужой хлеб, хлеб того, кто где-то тоже умирал. Его били, пытаюсь отобрать хлеб, из носа двумя струйками текла кровь, а он трясущимися руками ел хлеб вместе с кровью и слезами.

Мама умерла от голода в марте 1942 года. Ей было 29 лет. Совершенно больную дистрофией, меня отвезли в детский дом. Так я осталась одна.

Мы остались живы, чтобы помнить о них, скорбеть, поклоняться им, возлагать цветы на Пискаревском кладбище. И рассказывать правду о блокаде, о том, как она подорвала наше здоровье, о том, как блокада исковеркала наши судьбы. Ни один из нас не может даже сегодня, спустя 60 лет, спокойно говорить о блокаде, мы все плачем.

В Севастополь я приехала с мужем – Грязновым Александром Сергеевичем, которого в 1967 году назначили на Черноморский флот. Я работала в школах № 34, 43, преподавала историю. Имею звание «Отличник народного образования».

Гудилкина Надежда Александровна

От голода все были близки к помешательству

Родилась в 1940 году. О блокаде знаю по рассказам моей мамы, Владимировой Ольги Владимировны.

В нашей семье жили мама, ее четыре брата и их мама – моя бабушка. Жили все дружно в большой квартире, у всех братьев были свои семьи. Моя мама работала в типографии. В 1938 году она вышла замуж, а в 1940 году родилась я.

Когда началась война, три брата ушли на войну, а один брат вместе со своей семьей уехал в Нижний Тагил (так как туда эвакуировали его завод из Ленинграда). Остались в квартире только бабушка, мама, я и невестка с детьми. В тот год зима была на редкость суровая, всю мебель сожгли, начался жестокий голод. Я день и ночь плакала и просила хлеба, а мама (как она мне потом рассказывала) отбила мне всю руку, которую я протягивала.

Мама устроилась на завод, но ходила на работу редко – не было сил. Бабушка уже не вставала от голода, а своей порцией делилась со мной, чтобы я осталась жить. Все вещи и драгоценности какие были – меняли на хлеб. **А однажды мама принесла немного мяса за пазухой, бабушка сказала, что это человечина, но мама не послушала и съела.**

От голода все были близки к помешательству, доходило до того, что бабушка, невестка и мама сидели за столом и грызли каждый свою сторону. Как-то мама пошла за хлебом, на обратном пути какой-то мальчик пытался выхватить хлеб, но у него не было сил. А мама все твердила, чтобы он ее не трогал. Первой умерла невестка Вера. Ее детей – Костю и Зину – мама отдала в детский дом, что спасло их от смерти. Ближе к весне умерла бабушка, а потом, когда стали прибавлять пайку хлеба, маме приказали уехать. Она не хотела, но ей пришлось уехать в Нижний Тагил, где жил ее брат с семьей. Там мы прожили год, а потом брата направили работать в Москву, и он взял нас с собой.

В Москве мама устроилась на завод, а я пошла в детский сад. Я была слабая, но, когда воспитатели узнали, что я из блокады, то стали давать мне больше еды и не будили меня – я много спала и днем и ночью. Потом закончилась война, но маму не отпускали из Москвы, так как нужны были рабочие руки. Мама пошла на прием к Калинин, и тот дал разрешение на выезд. В декабре 1945 года мы с мамой приехали в Ленинград.

Все комнаты в нашей квартире были уже заняты. В 1946 году мама устроилась на военный завод, проработала там до 1967 года в бюро пропусков. И я на этом заводе тоже отработала 20 лет.

В 1967 году мама вышла на пенсию, а я с мужем в 1950 году переехала в Севастополь.

Гусева Анна Степановна
Прадеда и соседа забрал наряд милиции

Воспоминания прислала внучка Анны Степановны Евгения Филонова (Иванченко).

Моя бабушка Гусева Анна Степановна (в девичестве Казанская) родилась в 1923 году в деревне Медведково под Ржевом. После очередной смены председателя колхоза в 1938 году, опасаясь ссылки, мой прадед, бывший «кулак», решает уехать в Ленинград к родному брату, за ним переезжает вся семья. Переезжали в несколько этапов, последними переехали прабабушка с младшими детьми. Моей бабушке для того, чтобы уехать, пришлось прибавить себе год и стать одногодкой со старшей сестрой с разницей в дате рождения на три месяца, иначе не выпускали из колхоза по возрасту. Так летом 1939 года моя бабушка приехала в Ленинград. Сначала все жили в комнате брата прадеда, потом прадед получил свою комнату в коммуналке на Майорова, сейчас это Вознесенский проспект. Дом сохранился, с советских времен по сей день в нем работает известная на весь город чебуречная.

В семье младенчество пережили пятеро детей: старший Сергей в 1939 году ушел в армию, Елизавета, моя бабушка Анна, Лариса и младшая Таисия.

Приехав в Ленинград, Елизавета и бабушка поступили в медучилище.

По рассказам бабушки, уже в августе 1941 года, когда немец подбирался к городу, стало ясно, что наступают тяжелые времена, и прабабка со всеми детьми выезжала в пригород на колхозные поля собирать хряпу. Хряпа – это то, что остается после уборки капусты с полей – кусок кочерыжки и несколько листьев. Прабабушка потом это солила и хранила в привезенных из деревни бочках. Бочки на 200 – 300 литров хранились в простенках между дверьми – такой толщины были стены в доме на Майорова. Бабушка часто рассказывала мне о том, как смеялась над прабабкой соседка, говорила, что это пустой труд и готовит прабабка гадость, которую никто есть не будет. Зимой 1941 – 1942-го эта же соседка приходила с блюдечком и просила прабабку дать ей ложечку. Бабушка говорила, что прабабка смогла хоть что-то заготовить потому, что не только была деревенской женщиной и знала и умела как и что делается, но не раз голодала и терпела нужду в Гражданскую войну и после.

С началом блокады учебу моя бабушка прекратила, пошла работать медсестрой в институт им. Бехтерева (это его нынешнее название), он принимал раненых, и всю блокаду отработала там, приезжая домой, только чтобы привезти паек семье.

В декабре 1941 года у соседа умерла дочка, он хотел ее похоронить, но разрешенные для захоронения кладбища были слишком далеко, оставлять тело на улице сосед не хотел, и за буханку хлеба он уговорил прадеда помочь ему похоронить дочь на ближайшем кладбище (увы, не помню названия), прабабушка пошла с ними помогать. **Прадеда и соседа забрал наряд милиции, не дав даже закопать тело. Месяц прабабка и бабушка ходили по разным отделениям милиции, тщетно пытаясь найти прадеда. Его или расстреляли, или он просто умер в камере от голода. Я узнала это совсем недавно, «официальная» семейная версия была, что прадед погиб во время бомбежки, возвращаясь со смены домой.**

Елизавета оставила учебу и работать не смогла, ее подкосил голод и, по словам бабушки, брезгливость. Не могла пить воду из Невы, и, когда она слегла, ей ввали, что вода из колонки. Она умерла зимой 1941 – 1942-го. Чтобы не отдавать ее карточки, о смерти заявили только в конце месяца, до этого тело лежало в неотопливаемой комнате.

Младшие дети – Таисия и Лариса – с начала ноября слегли, остались живы чудом да благодаря запасам прабабки и бабушкиным пайкам за круглосуточную работу в госпитале.

Семья всю блокаду прожила в Ленинграде, прабабушка отказалась от эвакуации, хотя была возможность, кажется, в начале 1943 года, сказав, что, если судьба выжить, выживем и здесь, а если умереть, умрем и в эвакуации.

Старший сын Сергей без вести пропал под Ржевом, его судьба до сих пор неизвестна.

Блокаду и войну пережили прабабушка, бабушка и две ее сестры.

Всю свою жизнь моя бабушка так и проработала в институте им. Бехтерева. Главным словом считала слово «надо», а самым вредным для жизни качеством – брезгливость.

Гусятникова Ольга Николаевна
Голод забрал всю мою семью

Дата рождения 1939 год.

Во время войны отца не забрали на фронт, потому что он был ведущим инженером Кировского завода. Я, бабушка, дед, мама и папа жили на

набережной Рошалья (ныне Адмиралтейская набережная). У меня была еще сестренка, ей было 2 года, но, к сожалению, в январе 1942 года из-за голода она умерла.

Из воспоминаний и дневников отца следует, что его дневная продуктовая норма состояла из 15 граммов мясной котлеты, 20 граммов картофельной и 200 граммов хлеба.

Как-то с мамой мы вышли летом на улицу, и я увидела кошку. Первая мысль была, что ее можно съесть.

Жили мы все на кухне. У отца началось воспаление легких. Он слег, потом умер. За ним голод забрал дедушку. Похоронить их у нас не было сил. Все трупы, завернутые в простыню, относили к прачечной, откуда их увозили. Я даже не знаю, где они похоронены... Потом умерли мама, дядя, тетя, бабушка...

Гущина Зинаида Петровна

Отрезала от него кусочки, варила суп и кормила им остальных детей

Зинаида Петровна Гущина родилась в Ленинграде в 1924 году. Закончила Свердловский педагогический институт, 55 лет проработала в школе учителем истории. Имеет звания «Отличник народного просвещения», «Ветеран труда», «Ветеран атомной энергетики и промышленности», награждена медалями «За доблестный труд» и «За трудовую доблесть». Она не только сохранила детские и юношеские воспоминания о войне, но и собирала исторические материалы: фотодокументы, карты военных действий на Ленинградском и других фронтах, таблицы норм блокадного хлеба по годам и месяцам и многое другое. У Зинаиды Петровны собраны тематические альбомы о довоенной жизни семьи, о военных годах и другие. Но самое большое впечатление произвела на нас ее рукописная книга, которая называется «Десять чудес», где она рассказывает о десяти чудесах своей жизни и утверждает, что в жизни каждого человека должно быть хотя бы одно чудо.

Главный план Гитлера состоял в том, чтобы взять Москву и Ленинград, поэтому большая группа войск вышла к Финскому заливу, заняла Ладожское озеро. Они перекрыли все железные дороги, а на севере союзники немцев финны перекрыли и водные пути. Получилось так, что немцы отрезали нас и с юга, и с севера, и с суши, и с воды, тем самым взяв Ленинград в кольцо, которое сомкнулось 8 сентября 1941 года. Гитлер надеялся, что этой блокадой, этим кольцом, сквозь которое, как он говорил, даже птица пролететь не сможет,

заставит ленинградцев от голода сожрать самих себя. Кроме этого шли непрерывные бомбежки и обстрелы.

Город защищали бойцы Ленинградского и Волховского фронтов. Они пытались прорвать блокадное кольцо около Шлиссельбурга, и там происходили самые кровопролитные бои. Мне кое-что рассказывал муж: войска Волховского фронта пошли в наступление, пытаюсь прорвать блокадное кольцо, но сил не хватало. Командир предал нас и наше дело, перешел на сторону немцев, и бойцы стали отступать. Там было одно местечко, оно называлось Мясной Двор. Фашисты стреляли в наших в упор, и там полегло просто невероятное количество солдат. До сих пор по всей Ленинградской области, вокруг этого местечка, в лесах и в болотах лежат их останки.

Попытки прорвать блокаду и в 1941, и в 1942 годах были безуспешны, но, наконец, в 1942 году по Ладожскому озеру была проложена Дорога жизни, которая дала возможность хоть какой-то связи с внешним миром, и в Ленинград стали привозить продовольствие. В 1943 году блокаду частично прорвали, но только 27 января 1944 года блокада была снята окончательно.

Отец был мобилизован, а все, кого по каким-либо причинам не взяли на фронт, записывались в добровольные отряды народного ополчения. Остались мама, я, двенадцатилетняя сестра и младшенькая Вика, ей тогда было 2 года.

Наша семья жила при Военно-медицинской академии, тогда все клиники были превращены в военные госпитали. Нам повезло, поскольку в клинике было электричество и работал водопровод. В других домах не было ни электричества, ни воды, воду брали на Неве, а когда река замерзла, делали проруби и везли воду домой на санках или несли ведра в руках. От усталости, от холода люди часто падали, вода расплескивалась, и приходилось возвращаться обратно к проруби.

Дрова в Ленинграде были на вес золота, печи топили и книгами, и бумагой. Но самым страшным был голод. Передать эти ощущения просто невозможно: утром открываешь глаза, и тут же начинает ныть в животе. Затем это ощущение нарастает, и появляется ноющая, непрекращающаяся боль, будто какой-то зверь когтями рвет. Многие люди сходили из-за этой боли с ума. Постоянно старались хоть что-нибудь съесть, наполнить желудок. Если есть кипяточек – уже хорошо, выпьешь и чувствуешь, как он внутри все заполняет. Еды, после того как сомкнули кольцо блокады, не осталось. Хлеб давали только по карточкам, и его было очень мало. Все наше питание составляло лишь 600 грамм хлеба. Чего только в него не подмешивали для веса! Были карточки и на другие продукты. Я плохо помню, кажется в июле или в августе 1941-го еще выдавали какую-то

крупу, но после 8 сентября уже питались только хлебом. За ним нужно было идти с карточками в магазин. **К прилавку, где резали хлеб, стояло две очереди: взрослые с карточками и дети. Когда хлеб отрезали, от куса падали крошки, и дети подцепляли эти крошки пальцами и ели. Один свою крошку получил – пропускает следующего. Люди умирали от голода, их лица и тела сначала распухали, а потом высыхали.**

А вообще в Ленинграде творились жуткие вещи. **Мне рассказали один случай: в городе жила семья – мать с детьми. У нее умер грудной ребенок, а было очень холодно, и мать положила его между окон, как в холодильник. Потом она отрезала от него кусочки, варила из них суп и кормила им остальных детей.**

Ночи были бессонные – постоянные обстрелы не давали заснуть. Отец перенес наши кровати в коридор, и во время бомбежек все бежали в бомбоубежище. Чтобы добежать до бомбоубежища, нужно было перейти двор, а затем спуститься по лестнице в госпитале. Обстрелы, наоборот, пережидали в доме. Иногда ночью я просыпалась от ужасного свиста. Звук все нарастал и нарастал, а я лежала и слушала – если звук начинает затихать, значит, снаряд перелетел. И только после этого успокаивалась и засыпала.

Запомнились и другие случаи. **Фашисты не только обстреливали нас, но и занимали наши радиоканалы и вещали свою информацию. Они пускали пластинки с нашими артистами и говорили, что те перешли на их сторону. Предлагали нам сдаваться, иначе, мол, перемрете там все от голода.** Где-то в начале ноября, когда снег тонким слоем лег на землю, я вышла в магазин за хлебом с моей маленькой сестренкой Викой. Весь двор был усыпан листовками, на которых русскими буквами было написано: «Мир измученной родине! Мир измученной родине!» А дальше обращение к нам: «Ленинградцы, вас предали большевики! Вы все умрете! Сдавайтесь!» Но самое ужасное, что они стали сбрасывать нам хлебные карточки. Ведь что сделает тот, кто найдет хлебные карточки? Конечно же, побежит получать по ним хлеб, а потом кому-то может не достаться вовсе. Потом к нам пришли женщины из ЖЭКа и попросили всех прийти в ЖЭК со своими карточками. На карточки поставили большие печати, на которых было написано «Перерегистрировано», и потом получить хлеб можно было только по ним.

В нашей компании были мальчишки, и как-то раз они сказали, что больше не будут бегать в убежище, а сделают свой окоп. Вырыли, обложили его досочками, сделали дверь, замок повесили. Тогда был только сентябрь 1941 года, и над ними все смеялись.

Фашисты были очень пунктуальны, начинали бомбардировку ровно в 19.00. Звучал сигнал тревоги, я хватала двухлетнюю Вику, сумку с карточками и бежала через двор в убежище. Как-то к нам тогда приехала бабушка, тогда в сентябре еще ходили трамваи, и она приехала на самом последнем. Начался налет, и бабушка с моей двенадцатилетней сестрой остались дома, а я с Викой на руках побежала в убежище. Из клиники туда спустились все раненые, способные ходить, и медперсонал. Стояли лавки, и люди сидели. Ну вот мы сидим, Вика бегает где-то вокруг меня, а я разговариваю с подружками. И вдруг земля под ногами затряслась, коридор стал наполняться пылью. Все побежали к двери, а я наперерез – искать Вику. Кричу ей: «Вика! Вика!» – ведь ее могли затоптать. И тут вижу, что она сидит на скамейке. Я к ней побегаю: «Вика, ты?» – а она мне таким слабеньким голосочком: «Я...» Я взяла ее на руки и побежала к двери. Пыль забивала нос, рот, глаза, наконец мы выбрались наружу. Господи, как же было страшно!! Прожекторы горят, бомбы свистят, в небе самолеты летают, непонятно, где наши, а где немецкие. Просто ад какой-то!!

И я вспомнила про окоп, который вырыли мальчишки. Со мной были мои подруги Женечка и Рая, я им говорю: «Побежали в окоп!» А мама с сестрой и с бабушкой вышли из дома намного позже меня, и их ударило взрывной волной от бомбы, но каким-то чудом они уцелели. Мы им крикнули: «Мы здесь, в окопе!» – и они тоже побежали к нам. О, боже, так страшно было! Потом все кончилось, немцы улетели. Они всегда больше всего бомбили один район, поскольку там были клиники и госпитали.

Когда ленинградцы стали умирать, мертвых увозили на кладбище. Возили в основном на санках, и то только те, кто еще мог ходить. Потом, когда не стало сил возить на кладбище, тела так и оставляли на улице. Умирили целыми семьями. По домам стали ходить специальные команды, которые вывозили мертвых и хоронили их в общей могиле. Сначала их вывозили к самому близкому кладбищу, потом сделали братское захоронение – сейчас это мемориальное Пискаревское кладбище, где покоятся почти 500 тысяч погибших. Могилы там идут рядами: один ряд – 1941 год, второй – 1942-й, третий – 1943-й, четвертый – 1944-й. Могилы безымянные, просто плиты и указан год. На этом кладбище хоронили не только ленинградцев, но и защитников города, павших солдат, которых привозили сюда с мест боев.

Мои подруги Рая и Женя рассказали мне страшный случай. Когда показывают документальные фильмы о блокадном Ленинграде, там часто появляется такой кадр: две девочки тянут сани, а на них лежит покойник. У моих подруг не было матери, они жили с отцом, он работал в гараже. Зимой он умер. Рая и Женя вытащили его труп на улицу к подъезду, а сами пошли в гараж просить, чтобы

ему сделали гроб. В гараже его очень любили и отказать девочкам не могли. По городу ходили команды, которые собирали покойников, и, пока девочки бегали, их папу увезли. Они пошли обратно и видят, едут сани, а с них свисает рука в отцовском кителе. Девочки прямо на колени встали: «Отдайте нам папу!» Надо было все трупы с саней снимать, их отец лежал практически в самой середине. Рая с Женей долго умоляли, плакали, наконец кто-то сжалился, и девочкам отдали их отца. Они опять потащили его к подъезду и приковали на ночь цепью, а наутро принесли гроб. Девочки положили в него труп и довезли своего папу до кладбища на санях.

Чтобы спасти людей, во второй половине ноября было принято решение проложить дорогу по льду Ладожского озера, ленинградцев стали эвакуировать из города на грузовиках. В январе 1942 года наша семья тоже уехала. Мы ехали на грузовике, почти ничего не было видно, слышен был только треск льда. Мы были все закутаны в одежду и одеяла. На той стороне озера стоял наш полк. Нас привели в деревянный дом, там стоял стол, на столе – алюминиевые миски, и в этих мисках был налит суп из конины, горячий, с кусками жилистого мяса. Ой, как мы на этот суп набросились! Как будто ничего вкуснее никогда не ели!

Потом опять сели в грузовики, и нас повезли к железной дороге. Ехали в товарном поезде, в вагоне, как заходишь, был такой маленький проход и нары с обеих сторон – сколько людей в вагон влезло, столько и ехало. Мы поехали к маминой сестре в Свердловск. Поезд то едет, то останавливается, нет ничего вокруг, а он стоит. Вдруг дернулся, поехал. И вот на одной из остановок мать одной из семей решила сходить за кипятком на станцию, а поезд взял да и поехал. И она осталась там! У нее было три дочери, и моя мама забрала этих девочек к нам. Мы должны были добраться до Военно-медицинской академии, но не доехали, потому что одна из этих девочек заболела дизентерией.

Нас высадили на станции Зуевка, дали лошадь и сани, чтобы мы смогли доехать до деревни. И вот мы едем, а наша маленькая Вика взяла да и выпала по дороге. Мы едем, едем, мама говорит: «Где Вика?» – а ее нет. Мы остановились и побежали ее искать. А Вика лежит и даже не откликается, от голода сил совсем не было. Подняли ее и поехали дальше. Ну вот, приехали в деревню и жили там недели три или четыре, там каждую семью подсаляли в какую-нибудь избу к хозяевам.

Мама тех трех девочек, что ушла за кипятком, потом нас нашла. Она все-таки доехала до этой академии, и там ей сказали, что нас там нет. Она поехала обратно тем же маршрутом, спрашивая про нас у комендантов каждой станции. Наконец она добралась до станции Зуевка, и там комендант сказал, что мы

уехали в деревню Терехи. Как-то утром моя мама говорит: «А я, ребятки, сегодня сон видела, как будто бы Марья Арсентьевна к нам идет». И действительно через день или два она дошла.

Когда мы поехали в Свердловск, комендант этой станции сказал: «Скоро поезд подъедет, ждите, сами найдите себе места и устраивайтесь». Мама сказала мне стоять с Викой, а она пойдет искать место, а затем вернется за нами. Я стою на платформе, жду, а поезд тронулся. Платформа уже пустая, мамы все нет. Мимо меня шел последний вагон, в котором обычно сидит кондуктор, в этот вагон я и села. Вышла я на следующей станции и там нашла маму. А вы представляете, если бы я осталась в Зуевке?

Мы ехали в Свердловск с ленинградцами. На них было страшно смотреть, они все молчали, смотрели в одну точку, будто не видя. Как остановимся на какой-нибудь станции, они бежали на платформу, обменивали свои вещи на еду. Потом они возвращались и начинали молча кушать. Покушают и опять молча сидят. На их лицах не выражалось никаких чувств, никаких эмоций – ничего, но после того, что они пережили, они не могли выглядеть иначе. Мы-то целый месяц прожили в деревне и как-то уже отошли от этого состояния.

В Свердловск мы приехали почти летом. Я пошла в 10-й класс, после окончания школы училась в институте и работала в школе учителем истории. Потом, когда я окончила институт, из специальностей учителя русского языка, литературы и истории я выбрала историю.

Давыдова Лидия Николаевна

Я могла стать для кого-то «лакомой конфеткой»

Давно это было. Ленинград задыхался в кольце блокады. Голод и холод свирепствовали в нем, ежедневно унося в могилу сотни человеческих жизней.

Первая военная зима подошла к концу. На дворе март 1942 года. Снег потемнел и осел, но таял с трудом, было еще холодно, особенно ночью. Днем же, в затишье, солнышко грело по-весеннему. Но на улице не было слышно ни человеческих голосов, ни птичьего щебетания. Город встречал весну тишиной.

В те дни я, мама и мамина родная сестра Лена с маленьким сыном жили в темной сырой квартире на первом этаже. Окна ее выходили во двор, напоминающий глубокий колодец, в который никогда не заглядывает солнце. Мама работала на заводе им. Кирова, а тетя – в больнице. Где-то в середине зимы, когда из-за сильных морозов и снежных заносов остановился весь

городской транспорт, маме пришлось уволиться с работы – сил уже не было ходить далеко пешком.

Мама осталась дома на хозяйстве, а тетя Лена продолжала работать. Я хорошо помню ее молодой – это была маленькая, худенькая женщина, очень подвижная, веселая, напоминающая задиристого воробья, со звонким голосом. С ее появлением в доме начинался шумный праздник. Мне казалось, что вместе с ней в квартиру врывается еще кто-то невидимый и сразу начинал двигать стол, стулья, греметь тарелками и вилками. После ухода тети Лены в квартире вновь воцарялась тишина. Теперь голод уничтожил ее тело, но ему не удалось сломить ее дух. В самые тяжелые минуты она поддерживала нас своим оптимизмом.

– Дети, – говорила она простуженным, хриплым, но твердым голосом, – верьте мне, мои дорогие, все будет хорошо! Родина никогда не оставит нас в беде, помните об этом всегда!

Ее слова согревали души, надежда воскресала в наших сердцах – и смерть отступала.

Характер мамы отличался от характера тети Лены. Высокая, спокойная, до войны полная, очень красивая женщина. Друзья и знакомые называли ее императрицей. Голубые с поволокой глаза смотрели ласково и чуть-чуть печально. На губах изящного рта всегда была таинственная улыбка. Необыкновенной доброты человек, она, сама еле-еле держась на ногах, в те голодные годы отдавала мне последнюю крошечку хлеба. Милая, родная моя, я никогда не забуду тебя!

В тот памятный мартовский день мама, поставив на санки ведро, ушла на Неву за водой, наказав нам с братом никуда из квартиры не выходить. Но желание увидеть солнышко, почувствовать его ласковое тепло было так томительно, что мы не могли больше противиться ему.

Буквально полуживые, выползли из квартиры, в которой провели долгую, суровую зиму. От свежего воздуха еще сильнее закружилась голова. Поддерживая друг друга, направились под арку, ведущую на улицу: в то время дня одна стена ее была освещена солнцем. Ноги дрожали от слабости и не хотели идти, а солнечное пятно манило нас, обещая вознаграждения за наши усилия.

Часто останавливаясь в изнеможении, кое-как добрались до освещенной солнцем стены и, прижавшись к ней, подставили свои изможденные голодом лица его теплым лучам. В те минуты казалось, что большего блаженства, чем

греться на солнце, на земле не существует. Я вспомнила, как летом в деревне спала на сеновале, и солнечные лучи, проникнув сквозь щель в крыше, по утрам будили меня, а я прятала от них лицо под одеяло.

– И зачем это надо было делать? – подумала вслух. Брат с удивлением посмотрел на меня, не понимая вопроса, но я не стала ему пояснять. Тепло погрузило нас в забытие...

Вдруг тень закрыла солнце, и сразу стало холодно. Недовольная этим, я открыла глаза и увидела женщину, стоящую напротив нас. Лица ее рассмотреть не удавалось из-за разноцветных пятен от солнечного света, которые плавали в моих глазах, и я вновь закрыла их в надежде, что женщина сейчас уйдет и не будет нам мешать греться.

Но незнакомка не собиралась уходить. Она заговорила с нами, и ее голос поразил меня. Он зазвучал прелестной музыкой, тихо и нежно унося в далекое, казалось в сказочное, прошлое, где были мама, папа, любимая кошка Мурка с мягкой, как шелк, шерсткой и еще что-то очень приятное, но, что именно, я никак не могла вспомнить. Очарованная голосом, не сразу поняла, о чем женщина говорила. Наконец смысл ее слов дошел до моего сознания.

– Ах, какие милые деточки, только не желают со мной разговаривать, – щебетала она. – Ну как же вас зовут? Скажите тете!

По-видимому, этот вопрос она задавала уже не один раз.

Вера, – ответила я, смущенная своим молчанием.

А тебя, мой маленький принц, как зовут? – обратилась она к брату, взяв его за руку и ласково заглядывая в лицо.

Вова, – буркнул тот себе под нос.

Сколько тебе лет, мой замечательный малыш? – как бы радуясь встрече, продолжала она расспрашивать. Но Вовка молчал.

Мне скоро будет десять, а брату только осенью исполнится четыре года, – ответила я за двоих, втайне радуясь своему «великому» возрасту.

Какое счастье, что я вас встретила, – не переставала лепетать чародейка с такой искренней любовью, что я невольно прониклась к ней симпатией. – Сейчас пойдем ко мне в гости, я вас угощу конфетами, печеньем с маком, грецкими орехами.

От этих слов у меня перед глазами поплыли коробки с разноцветным мармеладом, вазочки с печеньем, которые мама до войны ставила на стол, когда садились пить чай. Голова моя совсем пошла кругом, на зубах что-то захрустело, потом растаяло на языке, и вот густая, теплая масса потекла внутрь меня. Я была готова идти куда угодно, лишь бы все повторилось наяву. Облизав сухие губы, едва дыша, чуть слышно спросила:

Далеко идти?

Нет, – ответила та и погладила меня по щеке. От прикосновения холодной руки мне стало неприятно. – Но если тебе, Верочка, трудно двигаться, то можешь подождать нас здесь, а мы с Вовочкой быстренько сходим ко мне и принесем очень много всего вкусенького.

Она замолчала. **Я вдруг испугалась, что женщина уйдет, не выполнив своего обещания, открыла глаза и впервые увидела ее лицо, бледно-серое, как стена, возле которой мы стояли. Широко раскрытые глаза горели лихорадочным огнем и с жадностью смотрели на Вовку, ноздри раздувались, с шумом втягивая воздух, руки дрожали, а в углах полуоткрытого рта белыми пузырьками кипела слюна. Я в ужасе отшатнулась, схватив брата за рукав пальто. Но женщина быстро справилась с собой, и ее голос вновь зазвучал сладкой, убаюкивающей музыкой. Только мне он уже не казался приятным. Одно желание овладело мною – скорее уйти! Но как это сделать? Тетя Валя (так себя назвала непрошенная гостья, знакомясь с нами) тянула брата за руку, стараясь увлечь за собой, но я изо всех сил держала его.**

– Пусти, – хныкал Вовка, – я пойду с тетей!

Силы покидали меня, чувствовала, что вот-вот выпущу брата из рук. С надеждой посмотрела на дорогу, не идет ли кто, чтобы позвать на помощь. Вдали шел человек, медленно, как ходили тогда все в блокадном городе. Трудно было понять, кто это – мужчина или женщина. В отчаянии я закричала:

– Папа идет!!!

До сих пор не могу понять, почему произнесла именно эти слова, зная, что отец погиб в начале войны. Наверное, потому, что в тот момент очень желала, чтобы именно так было. Другого объяснения этому нет. К счастью, мои слова произвели на «благодетельницу» пугающее действие: отпустив Вовкину руку, она втянула голову в воротник рваного пальто, бесшумной тенью выскользнула из-под арки и, не оборачиваясь, скрылась за углом дома.

Вовка перестал плакать, удивленный таким стремительным исчезновением «доброй» тети. Я посмотрела на дорогу, но случайного прохожего не было. Взявшись за руки, мы потащились с братом, едва переставляя ноги, вглубь двора, к своему парадному. В то время чувство радости и страха настолько в нас было притуплено из-за голода, что мы очень скоро забыли о той роковой встрече. И только через много лет, когда я потеряла брата, эта встреча вновь взволновала меня.

Сейчас страшно подумать, что мы могли стать для кого-то той «лакомой конфеткой», которой нас соблазняла лиходейка. Не могу с уверенностью сказать, что действительно видела тогда идущего по дороге человека, но с твердой верой свидетельствую: «В те решающие в нашей с братом судьбе минуты Господь был с нами, и только Он спас наши жизни от неминуемой смерти».

Слава Ему великая и вечная!

Давыдова Галина Георгиевна

Пока мы чистили дворы, ребята постарше увозили мертвых

Когда началась война, мне было 11 лет. Я была уже не маленьким ребенком, но еще и не взрослой. Я была пионеркой и на все задания отвечала: «Всегда готов!»

Я и мои сверстники дежурили на чердаках, чтобы сбрасывать зажигательные бомбы в песок, дежурили в бомбоубежище, ездили со взрослыми разбирать на дрова деревянные дома, на Ржевке копали окопы. После зимы 1941 года мы очищали дворы. Туалеты не работали, и все бросали нечистоты в форточку. Весной все это стало бы гнить, и могла начаться эпидемия. Пока мы чистили дворы, комсомольцы – ребята постарше – увозили мертвых.

В 1941 году под Ленинградом погиб папа, он был кадровым офицером. Умерла и бабушка. Мама лежала с распухшими ногами и без зубов, у нее была цинга. Все заботы легли на меня. Работать меня никуда не брали, так как выглядела я лет на 7 – 8.

В 1943 году мамы не стало, и я тоже легла умирать. К счастью, по домам ходила комиссия, меня нашли и отправили в детдом.

После войны мы, комсомольцы, расчищали завалы и сажали на их месте деревья, приводили в порядок Петергофский парк. Думаю, все, что смогла в свои годы, я сделала для своего Ленинграда.

Давыдова (Слѣзкина, Колесова) Анастасия Александровна
Продукты добывали, отбивая трофеи у немцев

Моя тѣтя Колесова Анастасия Александровна, 1921 года рождения перед войной вышла замуж за офицера Слѣзкина, которого направили на службу в Кронштадт. Меня в её рассказе поразило то, что блокада Кронштадта началась раньше ленинградской и позже была снята, он был в самостоятельном кольце немецкой армии, и там не было ни складов продуктов, ничего, кроме гарнизона и небольшого городка гражданских лиц с обслуживающим персоналом. То есть блокада была более длительной и более суровой.

С началом блокады всё гражданское население перевели на военное положение, объявив военнотрудовыми. Продукты питания добывали, лишь отбивая трофеи у немцев. Пайки были очень скудные. Слѣзкин отдавал свой паѣк жене и маленькому сыну, поэтому вскоре умер от голода. Сын его сейчас живѣт под Пятигорском, а также жив второй муж моей тѣти, тоже участник войны, но не кронштадтской блокады, усыновивший после войны этого мальчика, живущий сейчас в Саратове.

Дарманчева Евгения Петровна
Никогда не забывала блокадное детство

Я встретила войну четырехлетней девочкой. Мой отец Петр Ильич Житков был рабочим в порту. Мать Клавдия Михайловна Житкова до войны работала на табачной фабрике им. К. Цеткин.

Отец ушел на фронт буквально в первые дни войны. Он пропал без вести. По словам его сослуживца-очевидца, отец погиб в июле 1944 года.

Всю блокаду я прожила в городе Ленинграде. Когда умерла мама, я осталась сиротой. Меня хотели определить в детский дом, но к тому времени меня разыскали сестры отца: Житковы Мария Ильинична и Татьяна Ильинична. Они взяли меня на воспитание. Житкова Мария Ильинична в то время работала в госпитале медсестрой.

Сначала я жила на Петроградской набережной, а потом мы стали жить все вместе на 6-й Красноармейской улице – две тетушки, брат и я.

Перед пенсией я работала в Ленводоканале машинистом-оператором. Я никогда не забывала свое блокадное детство, всегда старалась ценить жизнь и работать на совесть. Сейчас я живу вместе с семьей сына, у меня подрастает внук. Дай Бог, чтобы они никогда не испытали, что значит блокада.

Даха Семен Михайлович

Мы не плакали по родным, наши сердца словно очерствели

Я, Семен Михайлович Даха, 1939 года рождения, воспитанник детского дома № 23. В самом начале блокады Ленинграда наша семья жила в одной из комнат большой 13-комнатной коммунальной квартиры на проспекте Добролюбова. Нас было пятеро: двое детей (я и моя двоюродная сестра), ее мама, моя мама и наш дедушка.

Жили мы на седьмом этаже и по мере наступления голода и дистрофии все реже спускались на улицу. Подниматься было очень тяжело, особенно взрослым, поскольку частью своего скудного пайка они делились с нами, детьми. С каждым днем запасы продуктов таяли вместе с нашими силами.

В какой-то момент наш страх притупился. Мы уже не спускались вниз во время бомбежек и артобстрелов.

С 25 декабря 1941-го по 4 января 1942-го голодная смерть унесла жизни трех членов нашей семьи. За 10 дней мы с сестрой стали сиротами. Когда мы остались одни, наши соседи отвели нас в детский распределительный приемник, который располагался на площади Льва Толстого, где был кинотеатр «АРС».

Через несколько дней нас перевели в детский дом № 23 на Большом проспекте Петроградской стороны, детдом размещался в здании бывшей школы. Детей там было так много, что мы спали валетом – по двое на одной кровати. Из воспитательниц я лучше всего помню Ядвигу Яковлевну Колосовскую. Своих детей у нее не было, и мы все были для нее родными. Разговоры у нас тогда были только о еде. Мы не плакали по нашим родным, наши сердца словно зачерствели.

Так мы прожили около трех месяцев, а после нас эвакуировали из блокадного города. Сначала повезли на Финляндский вокзал, откуда мы доехали до Ладожского озера. Там нас пересадили на грузовики, а тех, кто послабей, – в автобус. По Ладоге мы ехали очень медленно. Страх не было, был постоянный голод.

Когда мы приехали в Кострому и шли по улице, то слышали, как про нас говорили, что мы дистрофики и выглядим как скелеты. Такими тощими мы были.

Спустя какое-то время нас, немного окрепших, погрузили вместе с нашим scarбом на баржу, и мы поплыли вниз по Волге в Козловы Горы – на место

нашего постоянного жительства. Природа встретила нас грозно, словно не хотела пускать на этот прекрасный высокий берег Волги. Разразилась чудовищная гроза. Громадные сосны вырывало с корнями. Были отчетливо видны разрушенные гнезда грачей.

Нас распределили по группам и помещениям, и мы начали обживать. Наша воспитательница Клотильда Иосифовна стала нам мамой. Она со всеми была по-доброму строга и заботлива.

Чувство голода покидало нас очень медленно. Мы жевали все, что жевалось, даже грачей, которые падали из своих гнезд на соснах, мы жарили на кострах.

Директор нашего детдома Анна Григорьевна Вайнштейн была очень энергичной женщиной. Она сумела так все организовать, что мы заранее начали готовиться к зиме, заготавливать дрова.

Осенью мы пошли в школу, которая находилась в трех километрах от детского дома. Все старались хорошо учиться. Местные ребята приносили нам в школу турнепс, дуранду и жмых. К счастью, теперь эти слова детям незнакомы. А для нас это было лакомством. В столовой мы выстраивались в очереди, чтобы получить хлебные горбушки. Иногда мы ездили в пекарни – это было для нас настоящим праздником.

Летом мы ходили за грибами, выращивали капусту и другие овощи. Это было уже на второй и последующие годы. Я до сих пор ничего не могу выбрасывать из еды.

Мы учились, работали, а еще выступали с концертами – у нас был отличный хор. Жили мы очень дружно, и иногда нам даже было весело. Некоторые из наших ребят потом стали юнгами Военно-морского флота. Вот так в труде и обороне протекала наша жизнь до окончания Великой Отечественной войны.

Дмитриева Людмила Сергеевна
Мой дед был убит в «разведке боем»

Начало блокады наша семья встретила практически в том же доме недалеко от нынешнего метро «Черная речка» (надстроен и реконструирован после войны), который ранее имел каменный первый этаж и 2 – 3 этажи из дерева на набережной Малой Невы (ныне Приморский проспект около Ушаковской развязки). До войны моя семья жила в комнате на 1-м этаже (мать с сестрой и братом, ее родители – мои дед с бабушка), а я родился у матери уже в далеком 1970 году. После войны выжившим моей матери (Дмитриева Людмила

Сергеевна 19.07.1932 года рождения) с ее мамой (моя бабушка) дали 1 комнату на 3-м этаже. К началу 2000-х годов я с родственниками расселил эту большую коммунальную квартиру с огромными материальными и моральными усилиями и сейчас там проживаю вместе со своей семьей (мать Дмитриева Людмила Сергеевна проживает сейчас с нами). Нашумевшим и спорным президентским проектом о предоставлении квартир всем ветеранам ВОВ и блокады, соответственно, мы воспользоваться не могли, так как уже 10 лет расселяли и ремонтировали квартиру сами и за свой счет. В 1941 – 44 годах в этом (Приморском) районе умирали больше от голода, чем от артобстрела и бомбежек, так как вдоль Невки стояло много деревянных домов, а они уже быстро сгорели при первых налетах в 1941 году (но долго горели). Воду брали из Невы, а первую осень ходили через весь город собирать землю с остатками еды Бадаевских складов. Аэродром в районе нынешнего метро «Пионерская» также был основательно выведен из строя, поэтому эта часть Приморского района далее в блокаду мало подвергалась обстрелу и налетам авиации, было сравнительно тихо. Мой дед (полный тезка) Сергей Дмитриев имел бронь на Кировском заводе, как опытный мастер, но все равно в срочном порядке попал в ополчение прямо с завода и убит той же осенью 1941 года в «разведке боем» (по письму товарищей выяснилось, что его тело просто не смогли забрать с поля боя, поэтому в похоронке написано «пропал без вести»). Надеюсь, что такое «ополченец» в домашней одежде и со старой винтовкой, мне как бывшему офицеру (сейчас я офицер на пенсии) вам не стоит объяснять... В самом начале войны имелась возможность у семьи переехать и жить у самого Кировского завода, но из-за соображений безопасности и возможного приближения фронта они остались в этом адресе. Пока отец матери писал с фронта, это так и вышло, вокруг Кировского не было «живого места». В первую же зиму – весну 1941 – 1942 годов от голода умерли сестра и брат моей матери: Рая (14 лет) и Владимир (5 лет). Они похоронены в общей братской могиле на Серафимовском кладбище Приморского района, недалеко от мемориального комплекса с Вечным огнем. В следующую зиму моя мать (Людмила Сергеевна) по дороге из школы попала под обстрел, и далее ее увезли в больницу. Ее матери (моей бабушке) сообщили, что она погибла, и та уехала по эвакуации. Далее они встретились лишь после войны в Ленинграде. В больнице мать кормили, поэтому часть блокады ей удалось прожить. После больницы мать жила одна в доме и работала при служебной столовой. Примечательно, что недалеко от моего дома у перекрестка ул. Шиманского и ул. Савушкина (называется так ныне) Ленинграда был «блошиный» рынок, который работал и в ВОВ. **Как-то раз над Летним садом самолет разведки фашистов «рама» был сбит зенитчиками, летчик успел выпрыгнуть с парашютом, и его снесло на наш район. По приземлении он попал на этот самый рынок. Сотрудники НКВД**

еле отбили его и уже без сознания «разорванного почти в клочья», так как «поблагодарить его» со всего района сбежались все дети и вдовы – блокадники, в том числе моя мать-ребенок... Брат деда – Василий, прошел всю войну до полковника, но был убит фашистским снайпером при посадке в свою штабную машину в Берлине 8 мая 1945 года уже после прекращения огня и завершения основных боевых действий. Каждый пережил блокаду по-своему, например, для моей матери это закрытая тема, она сама смотрит часто фото близких, но не говорит об этом и о блокаде...

Дерезова Валентина Андреевна

Ее мать зарубила сына и наделала котлет

Случай на Левашовском проспекте

В декабре 1941 года стояли лютые морозы. Обстреливали нас уже меньше, но голод стоял страшный, унося каждый день человеческие жизни.

Продовольственные карточки в магазинах не отоваривали, поскольку не было продуктов. Но можно было прикрепиться к столовой и на крупяные талоны получать скудный обед. Наша семья, состоящая из мамы и четверых детей, так и сделала.

Я была старшим в семье ребенком, мне тогда было 12 лет, и поэтому все хозяйственные дела были на мне. Однажды я, как всегда, взяла кастрюли и пошла с Крестовского острова на Большой проспект в столовую. Я шла по Левашовскому проспекту мимо хлебозавода, и вдруг где-то совсем неподалеку разорвался снаряд, разрушив стену дома. Но меня это не остановило, я не обратила на это почти никакого внимания. Возвращалась я тем же путем. На улице никого не было, стояла тишина, и белоснежные хлопья снега ложились на землю. Но вдруг меня что-то насторожило, я обернулась и увидела шагах в 10 – 12 от меня мужчину. Он еле шел, шаркая ногами, но, увидев меня с едой, стал более уверенно ко мне приближаться. Испугавшись, что он хочет отобрать у меня еду, я прибавила шаг и упала. Весь обед вылился из кастрюли. Я стала быстро собирать его руками и посмотрела на мужчину – у него были алчные глаза и черное лицо. Я понимала, что он хочет отобрать у меня остатки еды. Но я передвинула кастрюльку, собрала последние остатки лапши, выпрямилась и быстро пошла домой, оставив голодного мужчину на тротуаре.

В марте 1942 года мы на автобусах приехали на Ладожское озеро. Там нас разместили в вагонах, чтобы ехать дальше. Мы, дети, были очень слабые, на каждые 10 детдомовцев полагался воспитатель, который присматривал за нами. Я попала в число детей, которые не поместились в вагон, и нас разбили на две пятерки. В моей пятерке осталась воспитательница Елена Михайловна, а в

другой старшим был назначен мальчик по фамилии Столярский. Он должен был рассказывать своей воспитательнице о жизни ее подопечных, поскольку она болела и не могла сама ходить.

Нам дали полную алюминиевую миску лапши с омлетом и 250 грамм хлеба. В нашей группе все обошлось благополучно, а вот в другой не совсем. Одна девочка отломил кусочек хлеба и положила под подушку, чтобы потом съесть. Но хлеб исчез. Столярский рассказал воспитательнице о пропаже хлеба. Она отнеслась к этому очень негативно и велела разыскать того, кто это сделал. В конце концов выяснилось, что вором оказался сам Столярский. После этого поступка мы его страшно возненавидели. Вскоре его ссадили с поезда, как и других мальчиков, которые сходили с ума от голода.

В эвакуации в детском доме в Ярославской области мы ожили после голода. У нас был свой огород, где росли овощи, кроме того, продуктами нам помогал и колхоз. Мы тоже ему помогали по мере сил. Жили мы в школе, в одноэтажном здании на реке Обноре. Жизнь потихоньку налаживалась, мы спали на матрацах, которые набивали сеном. В столовой стояли сколоченные столы и длинные ряды досок, заменявшие нам стулья.

Во время обеда мы все друг за другом входили в столовую и занимали свои места. Однажды на обед нам подали суп, а на второе котлету с гарниром. Вдруг сидящая рядом со мной девочка Нина упала в обморок. Ее привели в чувство, и она снова потеряла сознание. Когда мы ее спросили, что происходит, она ответила, что не может спокойно есть котлеты из мяса своего брата. Оказалось, что в Ленинграде **во время блокады ее мать зарубила сына и наделала котлет. При этом мать пригрозила Нине, что если она не будет есть котлеты, то ее постигнет та же участь. Несмотря на пережитые страдания, Нина росла умной девочкой и хорошо училась. Потом за ней с фронта приехал папа и забрал ее одну из первых.**

Дегтярев Александр Емельянович
Детей спасла красная рыба

Александр Дегтярев родился 19 октября 1919 года в Саратовской области. В 1937 году, окончив среднюю школу, поступил в Московский текстильный институт на энерго-механический факультет. Начало Великой Отечественной войны встретил на преддипломной практике в Подмосковье. Окончить институт не смог, так как был призван в московское ополчение. Потом был эвакуирован в Саратов, где окончил автодорожный институт по специальности инженера-механика. К этому времени Александр уже был женат на своей школьной подруге – однокласснице Лидии Толочковой.

Лида успела до войны окончить Московский институт геодезии и картографии и весной 1941 года поехала на студенческую практику в белорусский город Барановичи, где ее застала война. Под бомбежками погибли почти все ее однокашники. Она уцелела и добралась до Москвы, где успела попрощаться с мужем перед долгой разлукой. По окончании института Александр был направлен в блокадный Ленинград на завод им. Козицкого – старейшее радиотехническое предприятие страны, завод был основан в 1853 году на Васильевском острове. В период блокады завод поставлял Ленинградскому фронту телефонную и радиоаппаратуру, в том числе портативную радиостанцию «Север» для партизан и разведчиков. На 19-й линии В. О. размещались заводские цеха по ремонту автотехники и танков. 24-летний Александр работал технологом, мастером механического цеха, инженером-нормировщиком. Изнуренные тяжелым трудом и голодом люди часто оставались ночевать в цехах, где было все же теплее, чем в промерзших квартирах. Александр жил сравнительно недалеко – на 6-й линии, рассказывал, что жители окрестных домов ходили рубить полы в ближайший кинотеатр «Балтика», чтобы добыть дров... Сейчас в здании завода установлена мемориальная доска: «1941 – 1945. Трудящимся завода им. Козицкого...» – в память о сотрудниках, самоотверженно помогавших фронту. После освобождения Ленинграда от блокады приехала семья – жена с двумя сыновьями, мать и брат жены – подросток. Здесь же родился и третий сын. Но дети были так истощены и так сильно болели, что родители всерьез опасались за их жизнь и в 1947 году приняли решение уехать на Дальний Восток, в порт Ванино. Заключили трудовой договор, забронировали комнату, где Александр прожил блокадные месяцы, и покинули Ленинград, полагая, что не навсегда. Детей спасла красная рыба – основная пища в те годы в тех краях. А. Е. Дегтярев работал инженером в управлении Дальстроя до 1954 года, а затем семья переехала в Южно-Сахалинск. К этому времени уже появилась долгожданная дочь. Жили благополучно и счастливо. Александр Емельянович много лет трудился на опытном механическом заводе рыбной промышленности главным инженером и директором. Лидия Сергеевна до пенсии успешно работала в управлении городской архитектуры. В Ленинград они не вернулись... Их не стало в 1992 году – они умерли в один день на 73-м году жизни. Дети, внуки и правнуки живут в Петербурге.

Диброва Варвара Арсентьевна
Она упала и поэтому спаслась

Война застала Варвару Арсентьевну Диброву в городе Пушкине, затем она вместе с семьей бежала в Ленинград. Работала в жилищно-коммунальном

отделе: проверяла чердаки, искала и вывозила умерших из квартир. В 1942-м была эвакуирована. В настоящее время проживает в Казахстане.

В сентябре начались массированные воздушные налеты на город Ленинград, на Бадаевские склады. В Выборгском районе бомба упала на пятиэтажный дом, где был детский садик и ясли, погибли триста человек!

Десятого числа мне предложили немедленно забрать детей, уволиться и уезжать из Пушкина в Ленинград – немец рядом. Я уехала к матери на Выборгскую сторону, на улицу Земледельческую, там еще по проспекту Карла Маркса была огромная конфетная фабрика. А потом мы услышали по радио, что всем пригородным приказано немедленно выехать к себе домой, иначе полагается штраф 3 тысячи рублей и 6 месяцев тюремного заключения. И вот мы снова уехали.

Когда приехали, в квартиру не заходили, а прямо пошли в бомбоубежище. Два дня провели в бомбоубежище, выйти было невозможно. 14-го я забрала детей, пушкинский вокзал уже уничтожили, поезда не ходили. Армия начала отступать. Помню, когда мы вышли на поле, все кругом горело – Павловск, Славянка, Колпино, женщины бежали. И вот мы ночью добрались до Ленинграда. У матери в квартире все окна вылетели, так близко взрывались бомбы. Было очень страшно: черная ночь, все небо в самолетах, все горело, все трещало. После этой бомбардировки нам дали маленький домик, так мы с матерью и сестричкой и жили.

Мы с матерью по очереди дежурили на чердаках, помогали выносить мертвых людей. Когда мать и сестра работали, я была с детьми. Страстей много было: однажды я с двумя детьми была в бане, начался налет, и всем крикнули идти в бомбоубежище. Мы схватили детей, все шкафчики открыты, на детей намотали простыни, сами голые, мужчины с одного края, мы с другого, все бегут в бомбоубежище. Было очень страшно, что взорвутся котлы.

Как-то мать стояла в очереди за хлебом, услышала свист, и мужской голос крикнул: «Ложись!» Она упала и поэтому спаслась, а тех, кто не успел лечь, ранило или убило. Я потом пошла посмотреть: там был дом, в углу стояла железная черная печка, рядом кровать и дверь, а стенки нет. И в уголке годовалый мальчик лежит. Страшно было. Пришла машина с солдатами, в общем, сумели его спасти. Он легонький был, солдатик его выхватил и только до машины успел донести, как стенка рухнула.

Через Ладогу стали вывозить детей и стариков. 5 марта 1942 года эвакуировали и нас. Привезли на Ладогу военной машиной, всего было несколько семей, нас пять человек – сестра, мать и двое детей. И только наша машина пошла на лед – и раз, каким-то образом перевернулась, а она была закрыта брезентом. Там два солдата было, один вскочил, выхватил детей, и мы как-то вывалились, потом двое суток жили в лесу. В итоге нас все-таки посадили в машину, и мы благополучно уехали.

Долинер Мария Яковлевна
Слез было много!

Для нашей семьи Ленинград – особый город. Здесь судьба свела двух студентов, приехавших учиться из разных уголков России. Мой будущий муж – Кузнецов Иван Трофимович – учился в Ленинградском институте гражданской авиации, а я – в Ленинградском планово-экономическом институте народного хозяйства. Здесь родилась наша счастливая семья, здесь появилась у нас дочь Элеонора. После окончания института мы с мужем работали на авиационном заводе № 23, дочка ходила в детский сад этого завода. Я работала экономистом, а муж – старшим технологом завода. Муж – очень толковый инженер – был выдвинут на повышение – на должность директора другого авиационного завода – в городе Таллине.

В апреле 1941 года Ивана Трофимовича направили в командировку в Таллин на авиационный завод с целью ознакомления с положением дел на этом заводе.

19 июня 1941 года к нам в Ленинград из Симферополя приехала моя мама – Долинер Анна Александровна. У нее было очень больное сердце, и мы упростили ее приехать к нам в Ленинград на лечение.

22 июня 1941 года, в воскресенье, оставив дочку с бабушкой, я поехала на Большой проспект (мы жили на Петроградской стороне) по хозяйственным делам. Там я и услышала из репродуктора выступление товарища Молотова о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

Все было забыто! В слезах сразу же вернулась домой. Слез было много... Я плакала, так как понимала, что мне больше не видеть Ивана Трофимовича. Слышу, бабушка плачет, что ей больше не увидит своего мужа, который остался в Симферополе. Дочка, видя, что все взрослые плачут, тоже – в слезы...

Первой очнулась я, взяла себя в руки, поняла: что будет – не знаю, но сейчас я – глава семьи и должна заботиться о больной маме и своей дочурке.

С первых же дней войны руководство города Ленинграда, заботясь о спасении детей города, приняло решение: вывезти на лето всех детей города в сельские районы – на отдых. По опыту ведения совсем недавней финской войны, правительство города считало, что война будет недолгой, а город Ленинград немцы, возможно, будут бомбить раньше и больше, чем сельские районы, и, таким образом, ленинградские дети будут спасены и защищены от бомбежек. Школьников вывозили в пионерские лагеря, а дошкольников – на дачи, в самые красивые уголки Ленинградской области.

Я тоже, вопреки настоятельным возражениям своей мудрой мамы, отправила дочку на дачу в Крестецкий район вместе с детским садом своего завода. Но все обернулось иначе... **Фашистская разведка не дремала. Немцы знали, как легче сломить дух ленинградцев, – надо уничтожить их детей... И они начали бомбить не город, а именно те районы, куда были вывезены дети...**

Когда это стало известно в Ленинграде, тысячи родителей кинулись спасать своих детей. Что там началось!!! Люди осаждали вокзалы, а поезда дальнего следования уже не ходили, так как были мобилизованы на перевозку войск и техники на фронт. Люди добирались кто как мог, чтобы забрать детей. Только по утрам и поздно по вечерам еще ходили пригородные поезда, которые возили людей на работы по строительству укреплений. Так я вместе с другими родителями, бабушками и дедушками на рабочих поездах поехала за нашей дочкой...

Это была очень тяжелая и опасная дорога... Но об опасности не думали... С огромным трудом добрались до станции Большая Вишера. Пошли узнавать, как двигаться дальше, но начальник станции сказал, что поезд дальше не пойдет, так как там бомбят станцию. И мы сами уже видели страшные следы бомбежек. Начальник станции посоветовал пройти 5 – 6 км пешком до сортировочной станции Медведка, где нас, возможно, смогут отправить дальше в Крестецкий район.

Я, тогда молодая и боевая, с еще одной такой же женщиной пошли в Медведку, чтобы договориться с начальником этой сортировочной станции о поезде для всех остальных, ехавших в Крестецкий район.

Но когда мы дошли до Медведки, то увидели, что у платформы стоит поезд, в окнах которого виднелись детские головки... Мимо нас пробежал мальчик лет двенадцати. Я спросила его: «Кто это едет?» «Крестецкий район», – ответил он. «А не знаешь, не едет ли детский сад завода № 23?» – «Едет в хвосте поезда». Я – бегом туда... Меня узнала заведующая нашим детским садом Софья Мироновна. Она с ходу не могла мне ответить, жива ли моя дочь. Мы вместе

вбежали в вагон, стали звать мою дочку, но ее там не было. Я была в ужасе. Но Софья Мироновна потащила меня в другой вагон их же детского сада. Здесь я и увидела своего ребенка. Дочка была страшно изменившаяся, голодная и очень перепуганная. Как потом сообщила заведующая, их бомбили немцы, часть детей погибла, а живых воспитатели похватили и погрузили в эшелон и даже не знают толком, кто жив, кто мертв.

Главное было – вывезти в этой страшной заварухе всех живых из-под бомб.

Я схватила дочку на руки и поскорее выскочила из вагона на платформу, ведь поезд мог тронуться без всякого предупреждения, в любую минуту.

Когда мы уже были на платформе, заведующая попросила нас подождать, так как воспитатели и нянечки писали своим родственникам в Ленинград письма с указанием места назначения, куда их увозил эшелон. До самого отхода поезда мне несли и несли письма.

Вернулись с дочкой в Большую Вишеру пешком. А там нас ждала толпа родителей, ожидавших вестей из Медведки. Когда они увидели, что я вернулась с ребенком, они кинулись к дочке расспрашивать о своих детях. Я с трудом отбила от них перепуганного ребенка. Рассказала родителям то, что сама узнала об эшелоне, и главное – что в Крестецкий район им уже не надо ехать, так как всех живых детей оттуда уже вывезли, и эшелон едет в город Оричи Горьковской области.

Нужно было возвращаться в Ленинград. Начальник станции сказал, что надо дожидаться ночного военного эшелона, который пойдет на Ленинград. С ним мы и возвратились на рассвете следующего дня в Ленинград. Было так рано, что трамваи еще не ходили. Дождались утра, приехали домой. Мама уже не спала. Она не верила своим глазам, что видит нас живыми. Накормили, помыли и уложили спать ребенка. И, только когда все было уже позади, я ужаснулась от мысли, как совсем случайно мы с дочуркой могли разминуться навсегда... Так впервые нам в глаза заглянула эта страшная война.

О муже я ничего не знала. О Таллине говорили, что там все с землей и кровью смешано. Списались мы с мужем позже, он уже был в действующей армии. Успел выслать нам всю наличность и денежный аттестат.

Но деньги в блокаде ничего не значили, так как продуктов в продаже не было, не могли отоварить даже то, что было положено по продовольственным карточкам; только эти 125 – 200 граммов хлеба и давали.

Завод сразу начал эвакуироваться в Новосибирск. Я попала в списки на эвакуацию в 17-й эшелон, но его уже не подали к погрузке, так как предыдущий, 16-й эшелон разбомбили в дороге. Так моя семья оказалась в ленинградской блокаде.

Наступило страшное время: пайки все снижались, пока не дошли до 125 – 200 граммов хлеба, не было воды в кранах, света; систематические бомбежки и обстрелы. Мы стали дистрофиками, меня разрушала цинга, начались голодные обмороки. Моя мама умерла 9 января 1942 года. Завод поддерживал – давал небольшой кусок жмыха. С весны ели всякую зелень: подорожник, лебеду, липовые листья.

Летом 1942 года начали вывозить из блокады по Ладоге женщин с детьми (дистрофиков). Я получила командировку на завод № 639 в г. Тюмень и, собрав последние силы, 10 июля 1942 года эвакуировалась вместе с дочкой.

Ехали долго. Очень хорошо было организовано в пути за Ладогой наше питание и медицинское обслуживание, я стала приходить в себя. Ехали более двух недель, пока не приехали в Тюмень. Там уже, еще живя в общих бараках, я на третий день после приезда вышла на работу. Работала как все по 12 часов в сутки, и так вплоть до лета 1946 года, когда я вернулась из эвакуации в Крым, в Симферополь, где я росла в родительской семье и где после войны жила моя старшая сестра – Александра Яковлевна. Я сразу устроилась на работу – начальником финансовой части в лагерях немецких военнопленных. Последний такой лагерь был в Севастополе. После ликвидации лагерей я по специальности поступила старшим инженером-экономистом на завод им. С. Орджоникидзе – Севморзавод, где и работала до ухода на пенсию, став ветераном труда, заслужив награды и поощрения.

Дорожко (Грибова) Татьяна Павловна
Мы никогда не ныли! Были уверены, что выстоим!

Татьяна Павловна Дорожко родилась в 1932 году. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт, работала в Центральном конструкторском бюро (ЦКБ) № 17, в Невском проектно-конструкторском бюро на Васильевском острове. Имеет дочь, двоих внуков.

В июне 1941 года мне было девять с половиной лет. Мои родители работали в колхозе «Малиновка», он находился там, где сейчас расположен район «Ржевка – Пороховые», на слиянии речки Малиновка с Охтой. Раньше там была дача

Безобразова, жили крепостные крестьяне, и когда создавались колхозы, то они попросили себе тот участочек.

Так как было лето, в первые дни войны взрослые продолжали работать в полях. Отца сразу взяли в армию, а мама осталась в колхозе. Все население было мобилизовано на работы, дома остались только дети и старики. Мы, как тимуровская команда, сидели с малышами от месяца до полутора лет, такое у нас было задание.

В какой-то момент в наше село пришла воинская часть, и вдоль речки построили противотанковый рубеж с блиндажами, с огневыми точками и ходами сообщения. Ленинград обстреливали, бомбили, бросали большие бомбы на парашютах. В бомбоубежище мы не ходили – только в первый день, 8 сентября, когда начались бомбежки, посидели в каком-то окопе. Как-то раз, когда бросали зажигательные бомбы, нас, ребятшек, посадили в какой-то подвал, чтобы не мешали тушить пожары, не путались под ногами.

В пятый класс я пошла уже в городскую школу, а начальную малиновскую школу закончила в колхозе. Весной, летом и осенью мы работали на полях – выращивали урожай, косили, ворошили сено, а зимой учились. Электричества не было, мы занимались при свете коптилок и лучин. В феврале 1942 года наша учительница даже устроила нам праздник в честь 105-й годовщины смерти Пушкина. Ее сын был художником, и он нарисовал иллюстрации к «Сказке о царе Салтане». Эти картины были развешены на стене, а мы, ученики, подходили к ним и читали всю сказку наизусть.

Конечно, все понимали, что учительнице надо помогать, обеспечивали ее дровами. Она учила сразу четыре класса, но у нее была и помощница, тетя Паша. Тетя Паша топила печку и ставила огромный ведерный самовар, чтобы мы были в тепле и напоены кипятком. Вместо чая тогда заваривали хвою, какие-то травки, и это тоже помогало выжить.

Карточек у нас не было. В 1943 году, так как я еще была ребенком, на меня дали детскую карточку. Но, так как у нас в селе не было магазина, где бы ее можно было отovarивать, мама отдала ее своей сестре. Та работала на железной дороге, там, где сейчас Ладожский вокзал. 18 января 1943 года блокаду только прорвали в районе Шлиссельбурга, а сняли ее полностью лишь в 1944 году, и на поездах ленинградцев вывозили к Ладожскому озеру. Муж тети погиб на пороховом заводе в декабре 1941 года, и у нее осталось трое малых детей. Старшая дочь была на год младше меня, а младший только родился. Мама сказала тете, чтобы та шла работать на железную дорогу, там давали рабочую хлебную карточку и больше хлеба. Моя карточка тоже стала подспорьем их семье.

Зимой снега выпало очень много, дорожки были как туннели в снегу. По весне, чтобы не началась эпидемия, все от мала до велика, кто мог хоть как-то двигаться, выходили на уборку территории, убирали трупы и нечистоты.

К голоду понемногу привыкаешь, но все равно все время хотелось есть. Первой зимой еще оставался какой-то урожай – у нас были приусадебные участки, картошка, но зима была настолько суровой, что вся картошка замерзла. Ели мерзлую картошку, еще в колхозе давали какое-то зерно, помню, мы ходили к соседу молотить это зерно на жернове. Домашнее хозяйство в основном вели мы с братом. Он был постарше и до 1944 года работал в колхозе, а потом был призван в армию.

И брат, и папа выжили в войну. Папа строил аэродромы – Комендантский, Ржевский, Янинский, потом его отправили на запад, а затем еще и на войну с Японией. Дядя служил на Ладоге при авиационной части шофером: летчики помогали машинам пройти по Ладоге, не пускали фашистов. Дядя привозил на машине раненых солдат в город и отвозил обратно подлечившихся.

Мы никогда не ныли! Все были уверены, что мы выстоим, и разговора не было о том, что немцы могут войти в город.

Доценко Анна Михайловна

15-летние девочки выполняли норму на 150–180%!

Когда началась война, мне было 15 лет. А близкое знакомство с ней началось на десятый день блокады Ленинграда. Во время артобстрела снаряд попал в наш дом, была разрушена наша квартира и погибла бабушка.

К счастью, меня не было дома, я ходила в магазин. А когда возвратилась, то увидела маму, которая вырывалась из рук соседки и кричала, что там осталась дочь. Рядом с мамой на носилках лежала бабушка. Нам дали комнату в этом же доме.

Я училась в школе в 8-м классе. С первых дней блокады в домах были созданы группы самозащиты. Мы дежурили на чердаках, тушили зажигательные бомбы, учились оказывать первую помощь раненым. Несмотря на тяжелое положение с продуктами в городе после пожара на Бадаевских складах, школьникам давали по 200 граммов жидкого супа.

Папа в январе 1942 года строил аэродром на Черной речке. 18 января он вернулся домой чуть живой, а 22 января его не стало. Я пришла из школы и принесла ему в баночке суп, но он его уже не дождался. Вечером пришла с

работы мама, ахнула и свалилась. Утром она не могла встать. Так закончилась моя учеба, и пришлось взять на себя все заботы: похороны отца и выхаживание мамы.

Мы жили на бульваре Профсоюзов, а тетя – у Московского вокзала. Мне пришлось везти маму на санках к тете Груше, так как у нее была маленькая комната (18 кв. м), которую было легче обогреть. Как я довезла маму – не могу понять. А тело папы осталось в нашей комнате. Только 1 февраля папина сестра и ее сын помогли мне отвезти его на сборный пункт на Крюковом канале.

Мама после нервного шока не поднималась. Мне пришлось три раза ходить на завод «Электроприбор» на 24-й линии Васильевского острова, чтобы получить за папу страховку. Эта страховка помогла нам выжить. Покупая по вязаночке дров, мы поддерживали тепло.

Когда я последний раз ходила на завод за деньгами, со мной случился голодный обморок. Меня поднял офицер. Первой моей мыслью, когда я пришла в себя, было: «Что будет с мамой и тетей Грушей, ведь у меня их карточки на хлеб...»

27 – 28 января 1942 года в городе вообще не выдавали хлеб. Ждали, когда встанет лед на Ладоге, чтобы доставить продовольствие в Ленинград.

Мама поднялась и 1 апреля пошла на работу, на Прядильно-ниточный комбинат. Она была еще очень слаба, и я провожала и встречала ее с работы. В апреле началась уборка города, на которую вышли все, кто мог хоть как-то передвигаться.

24 апреля 1942 года я устроилась работать на Прядильно-ниточный комбинат им. Кирова, готовила маскировочные сети. Это был заказ фронта – сети использовались для маскировки важных военных и гражданских объектов на фронте и в городе. Этими сетями был замаскирован и Смольный.

Работали здесь в основном 15-летние девочки, но норму выполняли на 150 – 180%.

В ноябре 1942 года меня избрали секретарем комитета комсомола (а мне только в сентябре исполнилось 16 лет). Я была худенькой, с косичками, совсем не походила на руководителя. Сажу как-то в комнате и размышляю, с чего начать работу, как ее организовать, а тут входит старшина, представляется комиссаром с военного корабля «Коралл», стоящего на Неве рядом с комбинатом. Он пришел договориться о совместной работе.

Из молодежи комбината были организованы бригады, которые после работы дежурили в эвакогоспитале, расположенном в Александро-Невской лавре, помогали выгружать раненых, ухаживали за ними, ремонтировали белье. Бригады работали в подсобном хозяйстве, участвовали в разборке завалов после обстрелов и бомбежек; разбирали на дрова разрушенные деревянные дома и развозили их наиболее нуждающимся семьям; шефствовали над воинской частью и детским домом. Комсомольская организация в ноябре 1942 года была небольшая – всего 70 человек.

Несмотря на бомбежки и артобстрелы, стали восстанавливать производство. В цехах было холодно, на полу лежал лед, к машинам невозможно было притронуться, но комсомольцы взяли обязательство отработать внеурочно не менее 20 часов. Уже в мае 1943 года некоторые цеха вошли в строй. Я находилась на казарменном положении, наши делегации выезжали в действующую армию на разные участки фронта.

Особенно запомнилась поездка в День Военно-Морского Флота в июле 1943 года. Рано утром 23 июля мы собрались в Смольненском райкоме комсомола. За нами должны были прислать машину, но в городе начался артобстрел, и пришлось добираться пешком до Финляндского вокзала. Оказалось, что поезда пойдут только ночью. Под утро мы добрались до станции Горская, где несколько часов ждали катер.

Когда пришел катер, он не смог подойти к берегу, и матросам пришлось переносить нас в шлюпку, а затем поднимать на катер. Прибыли после обеда прямо к торжественному собранию, успели лишь умыться и немного привести себя в порядок. С ходу пришлось выступать перед матросами и вручать подарки. И только после этого мы смогли поесть, попить и немного отдохнуть. Больше суток во рту не было ничего.

На следующий день нас отвезли на маяк, затем показали хозяйство части. И вдруг неожиданно на бреющем полете выскочил немецкий самолет и обстрелял батарею из пулемета. Нам повезло: лишь обсыпало комьями земли и осколками бруствера.

Моя мама была переведена с комбината на военный завод на Ржевке, где работала весовщицей, управляла мины и снаряды. Когда она входила в трамвай, от нее шарахались, так как она вся была желтая, как при желтухе.

Вспоминая те блокадные дни и нашу работу, мы понимаем, каким это было суровым испытанием на мужество и стойкость.

27 января 1944 года была снята блокада Ленинграда, город торжествовал, в клубе МВД проходил вечер районного актива, на котором я познакомилась с Сашей, моим будущим мужем. В декабре 1944 года мы сыграли свадьбу.

С января 1945 года я работала инструктором райкома комсомола, затем – секретарем комитета комсомола Ленинград-Московского пассажирского узла. В 1949 году, имея двоих детей, пошла учиться в библиотечный техникум, а затем – в Библиотечный институт им. Н. К. Крупской, который окончила в 1956 году.

Саша с 1946 года учился в Военно-морской академии им. Крылова, затем – в адъюнктуре, в 1954 году защитил кандидатскую и два года работал в НИИ ВМФ. В октябре 1956 года его направили в Севастополь, в ЧВВМУ им. П. С. Нахимова – начальником факультета кораблестроения и вооружения, и наша семья переехала вслед за ним.

Доценко Александр Иванович
Моряки погибали с пением «Интернационала»

Капитан I ранга в отставке.

Я поступил в Севастопольское Черноморское высшее военно-морское училище им. П. С. Нахимова в 1937 году. 29 июня 1941 года из двадцати выпускников 12 направили в Ленинград, назначили командирами отдельных огневых точек артдивизиона специального назначения.

Дивизион был сформирован из двух отдельных батарей – «Аврора» («А») и «Большевик» («Б»). Первая состояла из 9-ти 130-мм пушек, снятых с крейсера «Аврора», который был перед войной учебным кораблем – на нем проходили практику курсанты и готовились старшины-командиры. Батарея «Б» имела десять 130-мм орудий типа Б-13-2С, полученных непосредственно с завода «Большевик».

На батарею «А» я и попал служить. Первая батарея занимала оборону на участке порядка 15 км: Воронья Гора (Дудергоф – ныне ст. Можайская) – Кирхгофская Гора (дер. Пелгала) – пос. Пелле (на шоссе Гатчина – Пулково); вторая располагалась на высотах Глиняная Горка – Пулковская высота – дер. Пулково (примерно такой же протяженности участок, как и батареи «А»). Дивизион предназначался для обороны Ленинграда с юго-запада, с гатчинского направления.

В конце августа – первых числах сентября развернулись ожесточенные бои в районе Гатчины. Дивизион вел огонь по целеуказаниям высшего командования по дальним целям, нанося большой урон противнику и задерживая его наступление. В расположении противника наблюдались многочисленные взрывы и пожары. В ответ авиация и артиллерия врага ежедневно интенсивно бомбили и обстреливали наши батареи, выводя из строя технику и личный состав.

Особенно ожесточенные бои развернулись с 9 по 12 сентября 1941 года. Батарея «А» вела огонь непосредственно по Гатчине, по вражеской мотопехоте и танкам, рвущимся к Красному Селу.

Вечером 10 сентября командир батареи «А» Д. Н. Иванов возвращался на свой командный пункт (КП). С ним ехал комиссар артдивизиона В. А. Иванов. В темноте машина была обстреляна немцами, в перестрелке погибли комиссар и шофер. Комбат, получивший серьезное ранение в ногу и руку, поздней ночью дополз до своего командного пункта на Вороньей Горе. Он поднял тревогу на батарее, доложил комдиву об обстановке. По его приказу дали распоряжение лейтенанту Смаглию составить разведгруппу из 15 человек – разведать обстановку у Дудергофа и оказать помощь расчету 1-й ОТ. После этого комбат был эвакуирован на запасной КП, в район 5-й огневой точки (на Кирхгофской Горе).

Всю ночь в районе 1-й ОТ шел ожесточенный бой. К рассвету он прекратился. По рассказам очевидцев стало известно, что нескольких тяжелораненых матросов и их командира немцы привязали колючей проволокой к орудию, облили бензином пушечный дворик и подожгли (настил был деревянным). Погибали моряки с пением «Интернационала». На месте 1-го орудия под Вороньей Горой после войны школьники 289-й школы установили небольшой обелиск, ухаживали за ним, встречались с ветеранами. Теперь здесь встал величественный монумент личному составу батареи «А».

На рассвете 11 сентября 1941 года личный состав 3, 4, 5, 6 и 7-й огневых точек встретил врага на Кирхгофской Горе ураганным огнем, уничтожая танки и бронетранспортеры с пехотой. Примерно 15 часов шел ожесточенный бой. Расстреляв весь боезапас, расчеты вывели орудия из строя, дав по одному выстрелу, предварительно засыпав песок в стволы. Затем уничтожили приборы управления, подожгли погреба боезапаса, землянки и под обстрелом танков и бронетранспортеров противника, неся на носилках раненого комбата, отошли к восьмой и девятой ОТ. Оттуда по приказу комдива прибыли на батарею «Б» на Пулковскую высоту.

В результате боев 9 – 12 сентября от батареи «Аврора» осталось 6 человек командно-начальствующего состава и примерно 90 человек личного состава.

При стрельбе по целям, невидимым с огневых позиций, но наблюдаемым с КП батареи «Б», расположенном на водонапорной башне Пулковской обсерватории, я по приказу комдива выполнял функции корректировщика артогня.

К 18 сентября фронт в районе Пулковской высоты стабилизировался. Батарея «Б» с участием личного состава батареи «А» продолжала бои, уничтожая живую силу и технику противника по целеуказаниям армейского командования. В боевой летописи ВМФ есть такие строки: «Отлично действовали флотские батареи у Дудергофа и на Пулковских высотах. Начальник артиллерии флота, отмечая доблесть наших артиллеристов, писал: „Удержание высоты «Пулково»“ в большой степени обязано батареям Балтийского флота...»

К концу октября 1941 года из примерно 650 человек личного состава артдивизиона специального назначения ВМФ осталось около 125 человек. Из них был сформирован экипаж отдельного бронепоезда № 30 КБФ.

11 ноября 1941 года бронепоезд был окончательно достроен и 12 ноября успешно прошел испытания на Ржевском полигоне. 21 ноября БП был направлен на свою первую базу – 4-й овощной комбинат (ст. Александровская).

Я был назначен командиром минометной бронеплощадки, лейтенанты Ш. Дельник, С. Скоробогатько и Н. Гринспон – командирами 1, 2 и 3-й артбронеплощадок соответственно (все мы – выпускники ЧВВМУ 1941 года). Старшиной минометной бронеплощадки был главстаршина Грибков Василий Кузьмич.

В течение ноября 1941 года мы занимались обучением боевых расчетов бронеплощадок, тактической подготовкой и сколачиванием экипажа БП. В декабре активизировались боевые действия противника в районе станции Саперная – Колпино. Бронепоезд получил задачу поддержки артиллерийским и минометным огнем боевых действий наших армейских частей с позиций в районе станций Северная – Понтонная, действующих в излучине Невы у Ивановских Порогов, и Усть-Тосно.

В начале января 1942 года бронепоезд перебросили в Колпино. С позиций непосредственно на территории Ижорского металлического завода мы уничтожали огневые точки и живую силу противника во время ожесточенных боев наших частей и рабочих завода у стен Колпино. Полковые минометы в этих условиях были весьма эффективны.

Известны героизм, самоотверженное выполнение своего патриотического долга рабочими и инженерами завода, которые не прекращали работу, находясь непосредственно в зоне боевых действий: ремонтировали танки, изготавливали броневые листы, бронеколпаки для дотов, делали мины, снаряды и другую военную продукцию и одновременно обороняли свой завод (этот период хорошо отражен в кинофильме «Ижорский батальон»).

С февраля 1942 года по конец января 1943 года БП участвовал в оборонительных боях на Карельском перешейке, взаимодействуя с частями 23-й армии в районе станция Васкелово – Лемболовское озеро. Военная задача: поддержка артиллерийским и минометным огнем разведывательных операций, борьба с огневыми точками противника, блокада шоссежных дорог, действия по скоплениям вражеской пехоты.

Учитывая ограниченную дальность стрельбы полковых минометов (до 7 км), я предложил командиру БП установить их на нашем, восточном, берегу Лемболовского озера и действовать координированно с занимавшим там позиции армейским артдивизионом. Идея была одобрена. Я со своим подразделением в течение ряда месяцев участвовал в выполнении боевых задач БП со своей стационарной позиции. Выполнял также задания командования 101-й морской бригады и комдива армейского артдивизиона. Занимался и «вольной охотой» за огневыми точками и живой силой противника. Против нас действовали смешанные финско-немецкие части, которые отвечали активным огневым противодействием.

Бронепоезд активно действовал на Карельском перешейке до конца января 1943 года. С продуктами было плохо. Осенью – зимой 1942 года наступило самое голодное время: стали получать по 400 граммов сухарей и кипятков. Многие стали страдать дистрофией. Появились авитаминоз, цинга. Чтобы уменьшить их действие, весь личный состав пил в обязательном порядке отвар хвои, жевал хвойные иголки, кору сосны...

Несмотря на эти трудности, коллектив БП был сплоченным, бодрым, полным оптимизма, веры в победу. Показателем этого, в частности, была организация хорошего ансамбля. Организатором и душой его был М. Гринспон. Он еще в ЧВВМУ проявил себя как способный музыкант.

В конце января – начале февраля 1943 года БП № 30 КБФ был отозван в Ленинград, где на Московском железнодорожном вокзале был сформирован 14-й Отдельный дивизион бронепоездов. В его состав вошли наш бронепоезд, переименованный в «Стойкий», и мотоброневагон «МБВ-2» с двумя

прицепными бронеплощадками ПВО, названный бронепоездом «Стремительный».

После формирования дивизион был перебазирован на железнодорожный участок Токсово – Грузино и передан в распоряжение бронетанковых и механизированных войск (БТМВ) Ленинградского фронта (командующий – генерал-лейтенант Баранов В. И.).

Мы, кадровые офицеры ВМФ, рвались на корабли, подали рапорты о переводе нас в действующие морские части. Несколько моих однокашников откомандировали на флот. Меня, к большому огорчению, оставили в дивизионе. Причина была в том, что майор Михайлов М. А., вступив в командование 14-м ОДБП, добился разрешения назначить капитана Богданова А. Н. начальником штаба дивизиона, а вместо него командиром БП «Стремительный» назначили меня.

19 июля 1943 года Указом Президиума ВС СССР от 22.12.1942 г. весь личный состав дивизиона был награжден медалями «За оборону Ленинграда».

Отсутствие сухопутного общения со страной не давало возможности полностью удовлетворять потребности войск и населения. Верховное главнокомандование решило провести операцию по прорыву блокады Ленинграда – встречными ударами Ленинградского и Волховского фронтов разгромить группировку противника в районе Шлиссельбургско-Синявинского выступа и соединиться южнее Ладожского озера. К концу дня 8 января южное побережье Ладожского озера было освобождено (глубина кольца блокады в этом месте была 12 – 16 км, а «коридор прорыва» – 8 – 11 км). Очень быстро была построена свайная переправа и железнодорожная ветка, связавшая Ленинград с Большой землей.

В первые дни стало ясно, что движение поездов в светлое время суток осуществить не удастся: путь проходил в 4 – 5 км от линии фронта. Было крайне необходимо отодвинуть линию фронта от железной дороги для ее нормального функционирования. Для усиления маневренной артиллерией частей 67-й армии Ленинградского фронта, начавшей здесь наступательные бои, 14-й ОДБП был передислоцирован на железнодорожный участок Шлиссельбург – Бумкомбинат. Здесь была организована база дивизиона.

Огневые позиции были по возможности приближены к линии фронта.

Бронепоезд «Стремительный» был более легким, маневренным, действовал ближе к переднему краю. Огнем БП приходилось управлять или непосредственно с его командного пункта, или, чаще, – с КП командира одного

из армейских дивизионов, с которым мы взаимодействовали, расположенного у побережья Невы против деревни Арбузово. Правый берег Невы в районе Невской Дубровки, насыщенный армейской артиллерией, постоянно находился под интенсивным огнем врага. Деревоземляное перекрытие нашего с командиром армейского артдивизиона НП за день основательно разрушалось – сносилось по несколько слоев бревенчатого наката. По ночам солдатам приходилось его снова восстанавливать.

Особо ожесточенные бои развернулись в середине августа – наши части стали штурмовать Синявинские высоты и одновременно продвигались по берегу Невы на юг, в район деревни Анненское и далее – к Усть-Тосно.

За успешное выполнение боевых задач по поддержке нашей армии многие офицеры, старшины и рядовые были награждены боевыми орденами и медалями. В сентябре изрядно поизносившийся в указанных выше боях БП «Стремительный» был отправлен на ремонт в депо «Ленинград-Московская», а я – в госпиталь. 10 октября я с бронепоездом вернулся на выжидательную позицию на платформу Каменка. 19 октября комдив сообщил, что мне присвоено воинское звание «капитан-лейтенант», и при построении личного состава дивизиона вручил орден Красной Звезды.

В январе 1944 года началось наступление наших войск по всему Ленинградскому фронту. 12 января от командующего БТМВ 67-й армии получен приказ об отбытии нашего дивизиона в Колпино, в распоряжение командующего 47-й армией. Дивизион был передан в оперативное подчинение 116-го стрелкового корпуса для выполнения боевых задач в направлении Красный Бор – Саблино (ныне – Ульяновка). Мы успешно выполнили боевые задачи, сопровождая артогнем армейцев до Саблино. За ст. Красный Бор полотно Октябрьской железной дороги было полностью разобрано противником – сняты рельсы и шпалы. Мы отошли на выжидательные позиции в Колпино, затем, 27 января, на нашу базу – на Московский вокзал. А уже вечером меня пригласили в клуб МВД на бал, посвященный Дню снятия блокады Ленинграда.

Дроздова Клара Семеновна

Военные пристреливали тех, у кого оторвало руки, ноги

В 1941 году, когда началась блокада, нам выделили огородик на ул. Моховой в школьном саду. Грядки копали ложками... Однажды смотрю летит самолет. Хотите верьте, хотите нет, но я помню глаза немецкого летчика, который нас расстреливал. Настолько низко он летел. Мама накрыла нас с сестрой. Как мы выжили, не знаю. До сих пор фильмы про войну не могу смотреть – в голову лезут эти его очки...

Много было разного, недетского. Свои карточки я отоваривала водкой и потом ею торговала... Как-то к нам домой зашел летчик и спросил: «Мама дома? Водка есть?» Я ему: «Водка есть, но мама на работе». Он менял хлеб на водку. Пока ждал маму, накормил меня хлебом. Но оказалось, что количество нашей водки было несоизмеримо больше, чем можно было обменять на его количество хлеба. Он в залог оставил свои перчатки и карточку сдачи белья со своей фамилией. Он так и не вернулся. После войны мы узнали, что он погиб...

Мы с детьми очень часто развлекались тем, что придумывали казнь для Гитлера. Что мы только не придумывали! И сжигали, и топили, и голодом морили.

Помню, как-то мама одну вещь обменяла на кусок мяса. Пришла домой – дала понюхать нашей собаке, у нас был шпиц, а она попятилась. Как оказалось, это было человеческое мясо. Мама его выкинула... Такое часто бывало – идешь по улице, лежат трупы, возвращаешься обратно – мягких частей тела уже нет...

Когда нас повезли в Старую Руссу, я поймала в вагоне муху, поместила ее в коробок, хожу по всему вагону, даю послушать, как она жужжит. В это время падает бомба – и полвагона нет. Из всего вагона уцелело 7 человек. Отчетливо помню, как военные пристреливали тех, у кого оторвало ноги, руки...

Потом мы шли обратно в Ленинград. Пешком. Я в 4 года была седая...

Дружинина Мария Александровна
Выжить всем смертям назло!

Когда началась война, мне было 14 лет. В семье я была одна. На защиту Ленинграда брали мальчишек с 16 лет, а девчонок постарше. Мне прибавили один год и вместе с мамой отправили на защиту Ленинграда. Мы дежурили в шахтах и рыли окопы. Хлеб – почти одна солома. Всех кошек и собак поели. За водой ездили на Неву. По улице с левой стороны не ходили, потому что был обстрел. Все купола были покрашены в синий цвет, так чтобы не было видно для самолетов. Умирало очень много людей. Зимой мертвых закрывал снег, а весной, когда снег растаял, на улицах оказалось много трупов.

День Победы Мария встречала в Ленинграде. У Кировского моста был салют. Все друг друга поздравляли, целовались, обнимались со слезами на глазах. Каждой из них пришлось вместе с остальными жителями осажденного Ленинграда пережить голод, замерзший водопровод, бомбежки, смерть на

каждом шагу. Но, наверное, именно в таких обстоятельствах и проявился настоящий русский характер. Выжить всем смертям назло сумели эти женщины-блокадницы.

Мария Александровна Дружинина привезла в школьный музей кусочек хлеба (125 граммов!), который после войны был испечен по блокадному рецепту. Дети в школьном музее изумленно спрашивают: «А где же хлеб?» Этот хлеб она получила по карточке на всю семью, в которой не всем удалось выжить. С 14 лет М. А. Дружинина работала на строительстве оборонительных сооружений. Она рассказывала, как зимой, прежде чем рыть окопы, жгли костры, отмораживали землю. Среди книг, подаренных Марией Александровной, – альбом рисунков детей блокадного Ленинграда. Его трудно смотреть без слез. Еще недавно эта молодая женщина участвовала в «Поле чудес», посылала приветы своим друзьям-ветеранам в Липецке и Ленинграде, куда она собиралась съездить на место захоронения своих близких. В сентябре 2011 года ее не стало.

Друзь Софья Михайловна

Меня назначили старшей медсестрой хирургического отделения

Софья Михайловна Друзь родилась в 1920 году, 35 лет работала научным сотрудником в Институте травматологии и ортопедии в Ленинграде. Награждена орденом Отечественной войны, имеет медаль «За оборону Ленинграда», медаль «За победу над Германией».

Сейчас в живых осталось очень мало людей, которые проработали всю войну от 23 июня 1941-го до 1945 года. После окончания педагогического вуза нас заставляли заниматься на курсах медсестер, и в начале войны мы были призваны. Меня призвали 23 июня медсестрой запаса. Пункт располагался на Каменноостровском проспекте, дом 21, в Александровском лицее. В 1844 году лицей был переведен сюда из Пушкина, а в 1917 году, после революции, его закрыли. Там собрались сестры и врачи, и начальник госпиталя дал приказ в 24 часа развернуть работу госпиталя. Было открыто три хирургических отделения, одно глазное и одно ушное. Меня назначили старшей медицинской сестрой третьего хирургического отделения. Народа было мало, так что пришлось выполнять и палатные обязанности, и в операционной работать. И представьте, как жить, и не просто жить, а тяжело работать три года в блокадном городе без воды, без еды, без света, без тепла! В сентябре город был полностью окружен, началась блокада. 125 грамм хлеба – и все! Работа медсестры – это большой

труд. Раненых надо поднять, перевязать, накормить, каким-то образом обтереть, надо с ними поговорить, как-то подбодрить.

Немцы бомбили и обстреливали город постоянно, и по тревоге мы обязаны были спускать раненых в бомбоубежище. И вот две медсестры с носилками, одна впереди, другая сзади, относили этих раненых в бомбоубежище с третьего этажа, по окончании тревоги мы поднимали раненых обратно в палаты. Мужчина весит самое малое 70 килограмм, так что это было очень трудно.

Как-то одна из бомб разорвалась в саду нашего госпиталя. Полетели стекла, рамы, сестры и врачи были контужены, но раненые, к счастью, не пострадали. Мы были очень этому рады, потому что прилагали все усилия, чтобы вылечить их и вернуть обратно в строй. Смерть подстерегала нас на каждом шагу, но страшно не было. Мы не боялись смерти, мы верили в победу и относились ко всему добросовестно, работали честно.

В этот день я дежурила. Мы жили на казарменном положении в домике неподалеку, работали сутки через сутки – не через двое, как положено. Когда я пришла с дежурства домой и стала снимать одеяло с кровати, чтобы лечь, то увидела, что ручкой от окна насквозь пробило матрас. Если бы я в это время спала, меня бы уже не было в живых, а главное – не было бы моего Сашеньки, моих внучек – самого главного для меня, моей семьи.

Как-то после очередного обстрела привезли раненых. Мы их относили сразу из приемного покоя в операционную и потом в палату, потоком. Вечером я делала обход и вижу, что у меня раненый на полу лежит. Это был Мачульский Иван Петрович, мой земляк из Белоруссии, он был ранен, потерял оба глаза, имел ранения в руку и в ногу. Ему было только 22 года, но он решил, что не хочет больше жить, обвязал полотенцем себя за шею и решил повеситься на спинке кровати. Я вовремя подоспела. Подняли мы его с сестрами, положили на кровать, я говорю: «Ваня, как тебе не стыдно? Ты живой, а люди умирают на фронте! Ты же молодой, у тебя все еще впереди». Поставила пост караулить его... Он сказал, что у него есть невеста. Я написала ей письмо, и она его забрала в Иваново. Это было в 1944 году. В 1967 году, то есть через 20 лет, я читаю в «Ленинградской правде», что Мачульский Иван Петрович награжден орденом Трудового Красного Знамени. Я сразу подумала, что это мой Ваня. Муж нашел номер телефона, и я позвонила. Трубку взяла жена, я попросила Ивана Петровича. Он взял трубку, я говорю: «Ваня?» А он: «Сестра Соня??» Даже через 20 лет он меня узнал! И после этого мы с ним дружили всю жизнь. Он был директором завода, на котором слепые люди делали мелкие

выключатели, розетки и прочее, там только главный инженер был зрячий. И вот его наградили за трудовую доблесть орденом. Он также долгое время возглавлял ленинградское общество слепых. Раненые даже написали мне стихотворение «Сестра», там были такие строки:

Вечно хлопочет, мила и скромна,
Зовут ее просто – товарищ сестра.
И сколько б ни длился день трудовой,
Звучит ее голос, нежный такой.
И если больному от боли не спится,
У постели его стоит уж сестрица.
А на заре с ранним рассветом
Проснулась палата – сестрица, с приветом!
Везде успевает, всюду она,
Сестрица, сестрица, сестричка моя.

Моя девичья фамилия Хазанова. В 1943 году к нам приезжали с радио и телевидения, и радиожурналист написал обо мне, что Хазанова всегда могла ободрить, рассказать, рассмешить, помочь.

В блокаду было безумно трудно – бомбежки, обстрелы, но самое страшное – это голод! Мы были молоды, и нам все время хотелось есть. Люди умирали на улицах, но оптимизм у нас, работников госпиталя, был колоссальный, потому что мы верили в победу и работали с большим энтузиазмом, с большой отдачей сил. И конечно, помогала молодость, нам ведь было по 21 – 22 года.

Моих родителей эвакуировали из Ленинградской области на Урал. Где-то в начале 1943 года нам был дан приказ в 24 часа свернуть госпиталь и эвакуировать его в тот же регион. Я была очень рада, думала, увижусь с родителями. Свернули, погрузились, но на станции Мга перед нами был подорван состав. Нам велели возвращаться обратно. Вернулись, развернули койки, снова начали поступать раненые.

Когда в 1944 году была снята блокада, начальник госпиталя дал мне за успешную работу отпуск на 15 суток, чтобы съездить к родителям. Была зима, конец февраля, я ехала в теплушке в город Первоуральск. На станции меня отец встретил на санях и с тулупом. Он работал главным инженером на заводе «Динас», где изготовляли стойкий огнеупорный кирпич. Каждый квартал на собрании, хозактиве, делали отчеты. И, узнав, что я приехала из Ленинграда, они меня пригласили на этот хозактив. Меня попросили рассказать про блокаду. Когда я рассказала про голод, про холод, про бомбежки, люди плакали. Меня

больше всего тронуло, что они – в феврале – преподнесли мне маленький букетик ландышей! Где они их взяли – не знаю. Потом я вернулась в Ленинград и продолжала работать дальше.

Евдокимов Николай Васильевич

Я играл в духовом оркестре и работал на токарном станке

Детский дом № 17

Во время блокады мне было 12 лет. Из-за дистрофии я не мог ходить. Моя тетя, которая была врачом, спасла меня и принесла на руках в свою больницу. Летом 1942 года моя мать и брат были эвакуированы с заводом в город Горький. К этому времени отца уже не было, он погиб на Ленинградском фронте.

После больницы я попал в детский распределитель, а оттуда в детский дом № 17. В детском доме я играл в духовом оркестре на альте и до сих пор помню мелодию песни «Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе».

Вечерами я и мои товарищи по детдому работали на токарных станках, которые были у нас в подвале. Мы делали черновую обточку стволов. Летом 1943 года, после прорыва блокады, я и часть детей из детдома были перенаправлены ночью на барже через Ладогу на Большую землю. В июле 1943 года мы уже были в городе Барнауле. Там в детском доме поселка Горбуновка я был почтальоном, дергал на полях пшеницы полынью двухметровой высоты, пас овец, свиней и телят. Лучшие из нас в качестве поощрения за хорошую работу и учебу ходили в кино в Барнаул – 20 километров туда и 20 обратно. На почту в поселок Михайловское я ходил около трех километров по Кулундийской степи. Зимой там было жутковато – метель и вой степных волков.

Осенью 1945 года моя тетя из Ленинграда сделала мне вызов, и я вернулся в свой родной город.

Евстигнеева Надежда Викторовна

В экстремальных ситуациях открываются запредельные силы человеческой души!

Надежда Викторовна Евстигнеева – корреспондент «Флага Родины» 60 – 80-х годов. Журналист милостью Божьей. Первые репортажи и хроники она начала писать ребенком в блокадном Ленинграде...

Сытый голодного не разумеет. Разный угол зрения. Даже нам, пережившим блокаду, сегодня трудно поверить в то, что мы перенесли. Что же говорить о

тех, кто не слышал слова «дистрофия», кто не знает, что происходит с человеком, когда пустой желудок съедает сначала подкожные запасы, потом – мышцы, затем – мозг.

И все-таки... Многие ленинградцы даже в то ужасное время не только стойчески переносили трудности, но и вели записи о том, что видели, слышали и переживали. Не стало электричества – писали при свете коптилки, замерзли чернила – писали карандашом. Зачем? Чтобы дети и внуки знали: в экстремальных ситуациях открываются запредельные силы человеческой души, силы, о которых мы и не подозреваем в относительно благополучное время. Чтобы поняли нас.

День «Ч» наступил 8 сентября 1941 года. Вечером истошно заголосили сирены, завывли гудки заводов, по радио отрешенно-холодный голос повторял: «Воздушная тревога! Воздушная тревога...»

К тревогам мы привыкли давно. С 27 июня в каждом доме Ленинграда круглосуточно дежурили ответственные по МПВО, во дворах и на чердаках стояли бочки с водой и песком – для тушения зажигалок. Окна с наступлением темноты маскировались. С июля тревоги стали объявляться чаще, но фашистским самолетам прорваться к городу не удавалось.

И вот 8 сентября. Самым страшным казался вой сирен – хотелось заткнуть уши, только бы его не слышать. Но к этому вою вдруг присоединились мощный, нарастающий гул и усиленная стрельба зениток. Я выглянула в свое окно и увидела: в небе на наш город шли не отдельные самолеты с черными крестами на крыльях, а в четком, грозном порядке шла целая их туча. Рядом с самолетами то и дело появлялись белые облачка зенитных разрывов, но фашисты неодолимо продолжали налет на город.

Где-то далеко загрохотали взрывы, появилось огромное облако дыма. Оно все разрасталось и разрасталось вширь, а в высоту достигло сотни метров. Долго полыхал пожар, а зарево от него еще несколько часов пламенело в темноте ночи. На следующий день «Ленинградская правда» писала: «8 сентября немецко-фашистские самолеты произвели налет на Ленинград. К городу прорвалось небольшое количество самолетов, которые сбросили в отдельных районах зажигательные бомбы. В городе возникло несколько пожаров жилых зданий и складов. Имеется небольшое количество убитых и раненых. Нашей авиацией и зенитной артиллерией сбито 5 немецких самолетов».

Прочитав эту бесстрастно-спокойную информацию, мы сначала возмутились: как же можно назвать сотни самолетов «небольшим количеством»? Как же

можно ужасающую бомбежку назвать «сброшенными в отдельных районах зажигательными бомбами»? Только спустя некоторое время поняли, что это была «святая ложь», «ложь во спасение». Нужно было любой ценой предотвратить панику, которая могла натворить не меньше бед, чем бомбежка.

А основания для возникновения паники были. Сгорели не просто склады, а Бадаевские склады – там хранились основные запасы продовольствия города. Сколько же тонн муки, масла, круп превратилось в дым и пепел, если, по рассказам очевидцев, целые реки растопленного огнем сахара текли по прилегающим улицам? Под струями пожарных брандспойтов они превращались в смешанную с землей стекловидную массу, которую потом, во время блокады, горожане откапывали и ели.

Восьмого сентября сгорели не просто Бадаевские склады, а 2 632 253 человеческие жизни...

Беспокойство с каждым днем все больше охватывало душу. По радио звучали призывы: «Превратим город Ленина в неприступную крепость обороны!», «Все как один на защиту родного города!» Все тревожнее становились сводки Советского Информбюро. Мы поняли: враг действительно у самого города. Бои шли уже у Колпино, у Пулковских высот, в четырех километрах от Кировского завода. 8 сентября, когда фашисты захватили Шлиссельбург, отрезав Ленинград от Большой земли, кольцо блокады замкнулось.

Грозные события всколыхнули всех – от мала до велика. Но **не было в горожанах ни чувства обреченности, ни страха, ни паники. Мужчины, в силу различных обстоятельств не ушедшие на фронт, теперь вступали в ряды народного ополчения. По официальным данным, 160 тысяч ленинградцев ушли добровольцами на защиту своего города.** Вновь стал атаковать военкомат и мой папа. Он, старший научный сотрудник одного из научно-исследовательских институтов Ленинграда, имел бронь, и наша семья должна была эвакуироваться вместе с институтом в Среднюю Азию. Но папа не захотел и буквально осаждал военкома, требуя отправки на фронт. Доказывал, что его опыт бывшего командира Красной армии особенно нужен Родине. Тщетно. Ему определили должность главного химика на оборонном заводе.

Трудоспособные женщины встали к станкам. А до этого они самоотверженно рыли окопы, строили доты и дзоты, возводили баррикады и устанавливали эскарпы (в народе их называли «надолбами») в черте города. Одних только противотанковых рвов было вырыто 700 км – больше, чем расстояние от Ленинграда до Москвы. О том, как тяжело было на окопах, рассказывала мама. Немцы постоянно бомбили работающих женщин, обстреливали с брешющего

полета, а иногда забрасывали издевательскими листовкам: мол, копайте-копайте, нам пригодится!

В нашем шестиэтажном многоквартирном доме остались только старики, больные да дети. Но и мы не сидели без дела. Как только была объявлена всеобщая обязательная подготовка населения к ПВО, все, включая детей с восьмилетнего возраста и пожилых людей, учились тушить зажигалки, оказывать первую помощь пострадавшим. Мы уже знали, что один бомбардировщик может сбросить до сотни зажигательных бомб весом от двух до пяти килограммов. Что бомба, пробив крышу, за три – пять минут горения успевает поджечь даже самые трудновоспламеняющиеся предметы. Много важного мы узнали на занятиях по самообороне, что вскоре пришлось применить на практике.

Стремительно менялся облик города. Мы давно привыкли к тому, что не сверкают позолотой купол Исаакиевского собора и шпили Петропавловской крепости, Адмиралтейства – они были закамуфлированы серыми чехлами, сливающимися с фоном неба. Укрыт мешками с песком легендарный Медный всадник. На Невском и других центральных проспектах витрины магазинов забиты досками. А на гастрономе № 1 (известном как Елисейевский) открыты «окна ТАСС» – специальные щиты, на которых размещались сообщения Совинформбюро, телеграммы, боевые карикатуры и стихи, а также снимки, отражающие боевую жизнь Красной армии и Военно-морского флота. В подъездах многих домов – надписи: «Бомбоубежище», «Штаб МПВО», «Пункт медицинской помощи», «Пост охраны общественного порядка».

Бомбежки стали повседневным явлением. Вот что писала я в дневнике, который регулярно вела с первого дня войны: «11 сентября. Третий день немцы бомбят Ленинград. По десять раз в день бывают тревоги, и мы сидим в бомбоубежище. Бомбы рвутся где-то далеко от нас, в других районах. Кто-то пустил слух, что Васильевский остров бомбить не будут, потому что здесь якобы родился один из фашистских главарей – Розенберг. А еще потому, что со времен Петра I здесь живет много немцев».

Во вздорности этого слуха мы убедились очень скоро. А после окончания войны узнали о других «благих намерениях» фашистов. Оказывается, Гитлер издал секретную директиву от 29 сентября 1941 года за № 1-а 1601/4 «О будущем города Петербурга», которая приписывала стереть его с лица земли.

Еще записи из дневника: «Сегодня в „Ленинградке“ прочитали сообщение о сдаче Киева и о том, что идут бои за Одессу. Какой неудачный день! У нас было 12 тревог. Много раз я бегала в штаб МПВО – носила донесения. Проходила

мимо своей школы, и душа так сжалась: сегодня 24 сентября, а мы еще не начинали учиться. В школе сейчас лазарет. Все ученицы 8 – 10-х классов стали сандружинницами и помогают выхаживать раненых. Нас, семиклассников, в дружинники не принимают, говорят, что надо подрасти».

«В ночь с 6 на 7 октября рядом то и дело рвались бомбы. Стены сотрясались от гула, стекла звенели. Теперь у меня есть опыт: если слышен свист, значит, бомба летит мимо. От каждого взрыва идет такой гул по земле! Теперь уже точно знаем: бомбят Васильевский остров... Немножечко затихло, и мы вышли во двор посмотреть, что же пострадало. За несколько кварталов от нас горит трамвайный парк Леонова. На улице догорает штук шесть зажигательных бомб. На чердаке одну зажигалку уже потушили наши дежурные. Через пять минут опять началась бомбежка».

«В ночь с 10 на 11 октября опять бомбили Васильевский остров. Недалеко от нас упало пять фугасных бомб. На наш чердак попала одна зажигалка, а сколько во двор – и не сосчитать. Но все они были быстро погашены. Опять во время вечерней тревоги где-то совсем рядом разорвалась бомба. Как и вчера, сильно стал качаться наш дом...»

Помню тот дом, в который попала фугасная бомба весом в одну тонну. В нем жила моя подруга, а во дворе была колонка, к которой мы ходили за водой, когда у нас замерз водопровод.

«...И вот я стою перед грудой развалин, которые еще вчера были таким же домом, как наш. Там так же, как мы, жили, страдали и надеялись дожить до конца войны люди. А сегодня их извлекают из-под груды камней, уносят на носилках, прикрытых кое-как, и грузят в машины. Может быть, и с нами скоро произойдет то же.

Странно, но одна секция дома почти сохранилась и стоит, как свеча, от подъезда до шестого этажа. Как будто гигантская гильотина отрезала этот кусок и оставила для обозрения. Одна комната, где-то на третьем этаже, сохранилась лучше других. Даже голубенькие обои только кое-где порваны и обожжены. На стене – какая-то картина и чудом не разбившееся овальное зеркало. Кто смотрелся в него? Может быть, моя подружка заплетала косу?

Но больше всего потрясла детская кроватка с сеточкой, одной ножкой висевшая над бездной. Ну точно такая же, в какой спала раньше моя маленькая сестричка! Где же сейчас тот малыш, который почмокивал во сне в этой кроватке?»

Я долго сидела перед этим домом. И, кто его знает, может быть, именно тогда впервые начала понимать, что все людские заботы о тряпках, коврах, мебели и хрусталях – суета сует, что все это ничтожно и эфемерно, что не на них надо тратить свою дорогую и такую короткую жизнь.

Это чувство не покидало меня и тогда, когда в апреле 42-го уезжали мы из Ленинграда, увозя на детских саночках только самое необходимое. Сколько же брошенных вещей попадалось нам по дороге, сколько огромных домов, до верха набитых всяким барахлом, оставленным погибшими или уехавшими хозяевами, оставалось за спиной!

Это равнодушие к желанию «жить красиво» я пронесла через всю жизнь.

Тихой сапой подкрался к нам другой жестокий враг – голод. Его сопровождали невиданные морозы. В отдельные дни они доходили почти до сорока градусов. И это притом, что давным-давно ни в одном окне не было стекол (свои мы забили фанерой и завесили ковром). Для нас в самый яркий солнечный день была бесконечная темная ночь, жизнь шла при свете коптилки. Ни о каком электричестве и отоплении речи вообще не было.

С сентября по ноябрь пять раз снижался продовольственный паек. 20 ноября была установлена минимальная норма выдачи хлеба: 250 граммов в сутки для рабочих и 125 – для служащих, иждивенцев и детей. И больше – ничего...

Продовольственные карточки были введены еще 18 июля. Сначала нормы устанавливались божеские: 800 граммов хлеба на рабочих, по 600 – на служащих и по 400 – на иждивенцев и детей. Крупы, сахара, мяса, растительного масла тоже полагалось в достаточном количестве. Мы даже не съедали всего и сухари впрок сушили. Но с рокового сентября все пошло иначе. Резко были снижены все нормы, а на октябрь, получив карточки, мы совсем пали духом: хлеба на иждивенцев полагалось по 200 граммов. А мяса, если раньше полагалось по 100 граммов в декаду, теперь предстояло получать всего по 50. Сегодня даже представить себе невозможно кусочек такой величины, да еще на десять дней! А тогда за ним надо было еще выстоять огромную очередь. Точно так же обстояло дело и с другими продуктами: на декаду полагалось 200 г крупы, 100 г рыбных продуктов, 50 г сахара и 100 г растительного масла.

Сначала я не обращала внимания на то, что из нашего двора исчезли голуби и кошки. Даже тощей Мурки, обитавшей на лестнице, не стало видно. Потом догадалась, в чем дело. Стоя в очередях, я слышала советы, как можно приготовить студень из столярного клея или кожаного ремня, что хлеб можно

поджаривать на олифе. Еда готовилась из каких-то еще более немыслимых вещей.

Но мы благодаря папе, Виктору Дмитриевичу Угрюмову, до такого состояния еще не дошли. Ему выдавали для поддержания сил дрожжи, а иногда – небольшое количество спирта и махорку. Спиртное он никогда не употреблял, а курить бросил в начале войны, поэтому спирт мы меняли на рынке на самое необходимое: на буржуйку например, и в нашей квартире появилось тепло, на дрова меняли, которые тоже трудно было достать (в ход давно уже пошли не только всякие деревянные строения вблизи дома, но и мебель, паркет, вообще все, что могло гореть). Из дрожжей, растертых с сахаром, получался великолепный, как нам тогда казалось, крем – очень питательный и вкусный.

Живописную картину представлял наш Андреевский рынок. За хлеб, спирт и махорку здесь можно было купить хоть короля шведского! Картины, иконы, старинные самовары и антикварные вещи, яркие дореволюционные рождественские и пасхальные открытки, обувь, одежда – все-все, что захочет душа. А душа-то хотела одного: хлеба!

Только хлеб – всякие булочки, батоны, кренделя и просто буханки самого черного хлеба видели мы во сне. Сны стали почти исключительно гастрономическими.

А еще очень помогал нам выжить в это ужасное время мой двоюродный брат – моряк-подводник, служивший в Ленинграде. Он иногда приносил нам свой сухой паек (получал его, когда заступал на вахту) – то галеты, то хлеб, то кусочек масла. От себя экономил – морякам тоже приходилось несладко. К тому же он вселял в нас уверенность в победе, благодаря ему мы узнавали, что Балтийский флот помогает выстоять ленинградцам. Однажды он сказал, что получен приказ Сталина идти на прорыв блокады. И ушел в морскую пехоту.

Потом, когда поступили сообщения о том, что партизаны прорвались с помощью моряков через линию фронта и привезли ленинградцам обоз с продовольствием, мы восприняли это как добрую весточку от нашего Леонида. Седьмого ноября по радио весь день звучали патриотические песни, веселая музыка, и это поднимало настроение: традиция праздника не нарушена. Потом стали передавать репортаж с Красной площади, где, оказывается, шел парад! Выступал товарищ Сталин. Он говорил медленно, видимо волновался. Как никогда чувствовался его грузинский акцент. Но как слушали мы это выступление! Может быть, кто-то не поверит теперь, но в нас с каждым его словом вливались утраченные силы. И не потому вовсе, что были мы, как

нередко сейчас слышишь, «зомбированными фанатиками», а потому, наверное, что слова эти звучали очень вовремя и падали в благодатную почву.

До сих пор, когда по телевидению показывают кадры того парада, у меня мороз пробегает по коже. И вспоминается, как затопила душу радость: жива, жива Родина, и скоро погонят, погонят фашистов, как Наполеона когда-то гнали, будут они так же погибать в снегах России!

Значит, не совсем еще разучились мы тогда радоваться, значит, грозный командир и безжалостный цензор наших поступков и мыслей – его величество желудок – не до конца убил в нас человеческое. Это, человеческое, как подземный родник, то журчало в душе еле слышно, то бурно вырывалось наружу.

В самые трудные дни блокады продолжала выходить наша любимая «Ленинградка», почти регулярно работало радио, и нередко мы слышали живой и трепетный голос «музы блокады» – Ольги Берггольц, читавшей свои стихи...

В блокаде под прицелом артиллерии, под непрерывными бомбежками продолжали работать некоторые кинотеатры. Ленинградцы смотрели и пересматривали прекрасные фильмы: «Большой вальс», «Моя любовь», «Музыкальная история» и «Антон Иванович сердится». Наполненные светом, музыкой, радостью жизни, они вселяли в нас оптимизм, отвлекали от мрачных мыслей.

В невыразимо трудных условиях в трех театрах Ленинграда шли спектакли. Мы были на одном из них. Смотрели «Дворянское гнездо» моего любимого Тургенева. Боже, какое осталось впечатление, его даже не определить однозначно! Это был совсем не тот театр, который «начинается с вешалки». Не потому, что в буквальном смысле вешалка не требовалась – зрители шли в зал прямо в шубах и валенках. Но потому, что не могли мы на вешалке оставить все обыденное и окунуться с головой в мир праздника, света, сильных страстей и волнующих проблем. Света не было, не было праздника. Даже большого искусства не было, потому что и для его появления на сцене все-таки нужны условия... Было чувство щемящей жалости к очень худой, с ввалившимися глазами героине – Лизе Калитиной, дрожавшей от холода, как лист осинный, в легком летнем платье, когда мы дрожали в шубах. И было невольное восхищение подвигом артистов, пытавшихся вернуть нас из омута пещерного бытия в мир светлых чувств и человеческих взаимоотношений.

А еще в том спектакле был длинный антракт. Объявили тревогу, и зрители вместе с актерами сидели в одном бомбоубежище. Но даже это не уничтожило чуда искусства.

Почти как в довоенное время, толпились в библиотеках люди. Читали Шекспира и Диккенса, Льва Толстого и Тютчева, Пушкина и Блока... А в букинистических магазинах на Невском вспыхивали словесные баталии между библиофилами. Книга была нужна! Ведь мы по праву оставались самой читающей страной в мире, любовь к книге и чтению впитывалась в нас с молоком матери. Невозможно было представить, что кто-то вынес бы книги на помойку, сдал бы классику в макулатуру или сжег. Выбрасывалась только выслужившая периодика. Или, в самом отчаянном случае, книги менялись на хлеб. Во имя жизни!

Такой отчаянный случай обрушился и на нас. В январе не стало папы, окончательно слегла с дистрофией мама, Валентина Петровна. Есть было совсем нечего, и я решила распродавать нашу прекрасную библиотеку. Она горой лежала теперь на полу, потому что книжные полки мы давно сожгли. Папина научная литература по химии, конечно же, никому не была нужна, многочисленные книги на немецком и французском (папа владел этими языками) – тоже. Оставалась классика, прекрасно изданные детские сказки Андерсена, братьев Гримм, Кота-Мурлыки, другие книги, подходить к которым нам разрешалось только с тщательно вымытыми руками, смотреть или читать их только за столом, листы перевертывать аккуратно, только сверху... И вот теперь повесила объявление, что меняется на хлеб и продукты «Жизнь Земли» Мейера, «Жизнь животных» Брэма и Энциклопедия издания Эфрона и Брокгауза.

Долго никто не приходил, но однажды в дверь тихо постучали. Открыла. Передо мной стояло невысокого роста существо, закутанное с ног до головы в большой клетчатый плед, снизу торчали большие валенки. Я и понять не могла, кто это – старичок или бабушка, мальчик или девочка. Оно еле слышно проскрипело: «Извините, у вас продается Брэм?»

Я провела покупателя к Монблану книг. «Оно» остановилось у этой горы и долго молчало. С валенок начинали растекаться ручейки. Оно заметило это, ойкнуло и опять извинилось. Потом размотало свой необъятный плед и превратилось в мальчика-старичка лет пятнадцати, возраст определить было очень трудно. У него, как и у всех блокадников, горели на желтом пергаментном лице огромные ввалившиеся глаза. Он протянул к книгам черные грязные руки, и я невольно вскрикнула. Поняв в чем дело, мальчик опять

извинился и сказал: «Нам так трудно носить воду с Невы. Далеко». Да, теперь очень многие не умывались, потому что добывать воду было почти так же трудно, как хлеб.

Взяв том Брэма, в котором рассказывалось о бабочках всех континентов, мальчик-старик полностью отключился от действительности. Я заглянула через его плечо в книгу, и меня буквально бросило в жар: он рассматривал яркий мир Южной Америки, пестрый мир бабочек Центральной Африки, который так любил папа! Сколько интересного рассказывал он о черной с ярко-синими полосами на верхних крылышках нимфалиде, о красавице-уралии, о носатке – бабочке с длинным носом...

Теперь и я, забыв о том, что сижу в нетопленной комнате, голодная, увидела перед собой вечнозеленые леса Центральной Африки, где так тепло и солнечно, где растут необыкновенные деревья, где возвышается гора с красивым названием Килиманджаро, где порхают сказочные бабочки...

Мальчик-старичок сидел долго-долго, а потом вынул бережно завернутый в бумагу кусочек хлеба и начал, отщипывая по крошке, медленно-медленно его жевать.

Я молча стояла рядом и глотала слюнки. Сегодня у нас во рту не было ни крошки. Он съел весь хлеб и снова стал бережно перевертывать страницы, осторожно отделяя папиросную бумагу, прикрывающую каждую иллюстрацию. Потом спохватился и виновато сказал: «А я, кажется, весь хлеб съел... А сколько вы за все десять томов хотите?»

Я не знала что и сказать. Собиралась запросить килограмм хлеба. Всего по сто граммов за одну книгу. Казалось, что это очень мало, – вон за хороший рояль просили две буханки, это я прочитала в объявлении. Или, скажем, туфли, они стоят на рынке 150 – 500 граммов, так их поносил и выбросил. А тут Брэм, да еще дореволюционное издание! Он – на всю жизнь и себе, и внукам...

Так рассуждала я и смотрела на мальчика. Ему-то, получающему по 125 граммов в сутки, копить килограмм хлеба надо было целых восемь дней. Это была цена жизни. И все-таки он хотел уплатить эту цену!

«А можно, я буду ходить к вам, пока не выплачу все?» – спросил он. Я сказала, что можно. И он снова пришел, и опять повторилось все сначала. Вновь, забывая обо всем, он съедал свои 125 граммов и уходил виноватым. Потом однажды попросил взять книгу домой, и я ему разрешила. Вернулся он дней через десять – уже совсем похожий на привидение, снова попросил разрешения

прийти. Но больше не появился. Я даже не уверена, что он дошел домой... Может быть, как очень многие, упал в снег и больше не встал... Может быть, это погиб будущий крупный ученый-энтомолог. Может быть...

Брэма мы так и не продали. Он погиб вместе с нашей квартирой, когда туда попал снаряд.

Возможно, кому-то из нынешнего прагматического поколения эта история покажется невероятной или даже смешной, как то, например, что наша соседка по квартире (профессор-микробиолог) не захотела эвакуироваться только потому, что не могла взять с собой Пушкина, без которого и дня не проводила. Но это было! Не хлебом единым жив человек, даже если этот хлеб становится на вес золота.

Кстати, о золоте. Когда над Ленинградом нависла смертельная угроза, население стало сдавать в фонд обороны ценные вещи. Вот одна из инфомаций, опубликованная в «Ленинградской правде»: «Кулон с бриллиантами и сапфирами, изделия из серебра и золота внесла в фонд заслуженная артистка республики Т. Вечеслова, заслуженный артист Н. Середа – золотые часы, чемпион СССР по шахматам гроссмейстер М. Ботвинник – хранящиеся в Госбанке 250 голландских гульденов, академик Е. Павловский – 16 300 рублей, художница Р. Великанова – золотую медаль весом в 55 граммов». И так далее.

Так и хочется сказать: «А ну-ка, „новые русские“, размахнитесь, подайте государству на больных и детей-сирот!»

Молчат. Нет ответа...

Есть официальные данные: в декабре 1941 года в Ленинграде иссякли запасы топлива. Прекратилось отопление зданий. В январе 1942 года встал городской транспорт. Прекратилась подача в квартиры электричества. Замерз водопровод, перестала действовать канализация. Это, повторяю, – официально. На самом деле в районах, подвергшихся усиленному обстрелу и бомбежкам, все это произошло в ноябре. Но опять-таки официальные данные: «В условиях блокады непрерывно работала промышленность. За период войны ленинградцы создали более двухсот видов оборонной продукции, дали фронту две тысячи танков, тысячи пушек и пулеметов, 12 тысяч минометов, около 10 миллионов снарядов и мин».

Каким героическим трудом все это давалось, я знаю на примере моего папы, который ежедневно проходил на свой боевой пост – на оборонный завод – 16

километров в любую погоду, а в декабре морозы доходили до 35 градусов. Под обстрелами. Голодный. Прямо за их заводом проходила линия фронта, постоянно слышались пулеметные очереди. А иногда, когда кто-то из рабочих по необходимости оказывался совсем близко к той полосе, за которой начинались вражеские окопы, немцы поднимали на штыке хлеб и кричали: «Рус, сдавайся!»

А внешне город выглядел совсем вымершим. На улицах стояли вмерзшие в рельсы трамваи. Занесенные снегом, они походили на большие сугробы. Транспорта – никакого, только брели по утоптаным тропинкам, а то и целым траншеям в сугробах черные фигурки людей. Эти фигурки передвигались так, будто шли против ветра: полусогнувшись с наклоном вперед. Все – похожие на скелеты, обтянутые темно-желтой кожей, с огромными остановившимися глазами. Иногда эти люди падали. Кто-то из бредущих мимо пытался помочь упавшему встать, но чаще всего эти усилия были безрезультатны: человек, пройдя несколько шагов, снова падал...

В январе 1942-го умер и мой папа.

«28 января, – пишу я в дневнике, – стою в очереди за хлебом с четырех часов утра. Светит луна, мерцают звезды, трещит тридцатиградусный мороз. В шесть булочная открылась, и я получила хлеб сразу за два дня. Вчера хлеба во всем городе не было, так как стоял из-за отсутствия воды (она замерзла) хлебозавод. На ногах пока держусь только я. Ходить в магазин, за водой, выносить помои (теперь мы выливаем их прямо из окна на лестницу подъезда), топить буржуйку и готовить так называемый обед – вот мои обязанности. Мама только вздыхает и очень жалеет меня, но помочь не в состоянии: она лежит с распухшими ногами, до которых дотронуться больно. Это – вторая стадия дистрофии. А сегодня слег и папа. Если раньше он хоть вставал для того, чтобы обтереться (не изменял этой привычке даже в лютые морозы), то с сегодняшнего дня он только спит и иногда просит горячей воды к холодеющим ногам. А 30-го получать карточки на февраль. Как же быть?»

«30 января. Папа пытается встать и пойти на завод за карточками. Мы с ужасом смотрим на него: папа ли это? Это какой-то старик, похожий на мумию. А ведь ему только-только исполнилось 50. Все вместе – мама, я и сестренка Викочка – уговариваем его лечь и никуда не ходить, но он упрямо одевается... Сел. Долго смотрел неподвижным взглядом куда-то вдаль. И будто не слышал наши мольбы.

Пошли... На лестнице папа так налег на меня, что я чуть не упала. И вдруг неожиданно для себя заплакала. И снова стала просить вернуться. Напрасный

труд! Так дотащились мы до Среднего проспекта, впереди еще восемь километров! Через каждые два-три шага папа останавливался, наваливался всем корпусом на меня. Дошли до Большого. У меня наступил пик отчаяния. Пытаюсь повернуть его обратно и сама чуть не падаю. А потом он упал в снег. Пробую поднять – никак. Сил нет. Он лежит, закрыв глаза, а мне так страшно, так страшно... Подошли моряки. Попробовали его поднять, но он упал как подкошенный. Моряки ушли, покачав головами, подошла какая-то женщина и спокойно так сказала: „Умрет“. Что же мне, ну что мне делать?! Я попросила каких-то женщин постоять рядом, пока я „сбегаю“ домой, за саночками.

И я побежала! Действительно побежала, хотя до этого передвигалась, считая шаги.

Не постучала – с грохотом забарабанила в дверь. И непонятно как вставшая с постели мама сразу все поняла и только успела меня спросить: „Где?“ – потеряла сознание...»

Декабрь 1941 и январь 1942 года считаются пиком смертности ленинградцев.

Сначала умирали мужчины. Восемьдесят процентов. Почему? Врачи объясняли это явление тем, что они мускулистее, у них мало жира. У женщин, даже маленьких девочек, жировая прослойка больше – так уж предусмотрела природа. Когда человек голодает, уничтожается жировой слой, потом – мышечный. Алиментарная, третьей степени дистрофия – это не только скелет без жира и мышц, но и пожираемый желудком мозг.

Если в октябре частенько можно было видеть, как по улице везли на саночках гроб, то в ноябре и декабре везли людей в последний путь завернутыми просто в одеяло или простыню. В январе и это стало редкостью. Люди умирали там, где их заставала смерть: на работе, на улице, дома, на лестнице. Специальные команды, состоявшие из таких же полуживых людей, не всегда успевали убирать умерших: и сил не было, и транспорта. Да и как обнаружить труп: упадет человек вечером в снег, а к утру заметет его метелицей...

Этот страшный мор был, оказывается, тоже запланирован гитлеровцами: «Мы в дальнейшем не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом», – заявлял Геббельс.

Этот «научно обоснованный метод» обсуждался нацистами на самом высоком уровне, когда немецкое наступление на город захлебнулось. Обдумывалось, как скорее уморить голодом ленинградцев. Для консультации в гитлеровский генеральный штаб были приглашены лучшие специалисты в области питания, в частности, один из выдающихся ученых профессор Цигельмайер.

«Цигельмайер рассказывал мне, что они точно знали, сколько осталось у нас продовольствия, сколько людей в Ленинграде (это я цитирую два абзаца из „Блокадной книги“ А. Адамовича и Д. Гранина), правда, он сделал ошибку, я потом ему сказал, что у нас положение было еще хуже. Вы не учли, сколько с армией пришло населения из Ленинградской, Новгородской и других областей. Цигельмайер изумлялся и все меня спрашивал: „Как же вы выдержали? Как вы выдержали?! Как вы могли? Это совершенно невозможно! Я писал справку, что люди на таком пайке физически не могут жить. И поэтому не стоит рисковать немецкими солдатами. Ленинградцы сами умрут, только не надо выпускать ни одного человека через фронт. Пускай их останется там больше, тогда они скорее умрут, и мы войдем в город совершенно свободно, не потеряв ни одного немецкого солдата“. Потом он еще говорил: „Я все-таки старый пишевик. Я не понимаю, что за чудо у вас там произошло?“

Цигельмайер не понимал, в чем он просчитался. Он не мог объяснить генеральному штабу, почему его расчеты не оправдываются. Почему, уничтожая нас планомерно и методично, с немецким хладнокровием и педантизмом, уничтожая не только огнем, но и голодом, враги так и не смогли покорить Ленинград, не смогли сломить дух его жителей и защитников».

А обстрелы продолжались. Велись круглосуточно, начинаясь утром с восьми, а вечером – с 19.30. По началу воя сирены можно было сверять время. Тревоги длились по шесть часов, немцы буквально перемалывали город.

Фронтвики говорят, что редко когда снаряд дважды попадает в одно место. Но в наш дом попал дважды. Один раз еще в декабре, и мы еле остались живы, а второй раз угодил прямо в нашу комнату. Но мы в это время уезжали по Дороге жизни. Не решишь на это семья, погибла бы полностью.

Мы уезжали седьмого апреля. Уезжали с большими сомнениями. Ведь самые трудные месяцы позади. Впереди весна – тепло, зеленая трава, в конце концов, и ее есть можно. Но каждый день приходила представительница райисполкома и требовала, чтобы мы согласились на эвакуацию. Убеждала, что с приходом тепла усилятся бомбежки (в морозы у немцев замерзало авиационное горючее, и они только обстреливали нас), что возможно возникновение эпидемии – город

утопает в нечистотах. А что под снегом творится, мы и сами представляли, если люди на ходу падали. И так далее... Показывала постановление горисполкома об обязательной эвакуации женщин, стариков и детей. Даже угрожала, что карточек продовольственных выдавать не будут.

Под таким напором мы, наконец, уступили. Оформили необходимые документы, погрузили на детские саночки узлы с самым необходимым... И вот в последний раз стоим перед нашим домом.

Сиял безоблачный, ясный день. В воздухе носились еле уловимые запахи весны. Как хорошо было вокруг, а мне хотелось плакать. Мама стояла молча и смотрела на наши окна, выходившие на 15-ю линию. О чем думала она? Я это узнала потом, случайно открыв томик стихов Ольги Берггольц. В поэме «Твой путь» были подчеркнуты маминой рукой слова:

И все осталось там – за белым-белым,
За тем январским ледовитым днем.
О, как я жить решилась, как я смела!
Ведь мы давно условились: вдвоем.

Не с домом мама прощалась – с некогда счастливой жизнью, с папой, навсегда оставшимся на Смоленском кладбище...

Егорова Елена Дмитриевна
Шкаф защищал от осколков

Родилась 29 мая 1925 года в Новгородской области, жила у бабушки, а с 1938 года проживала с родителями в Ленинграде. Детей в семье трое (Елена – младшая).

В 1941 году ей уже 16 лет. Работала на телефонном заводе, сутками дежурила на вышке и докладывала в штаб, куда летят вражеские снаряды, какую часть города бомбят. После бомбежек из домов вылетали стекла, рамы были перебиты. В доме ставили к окну шкаф как защиту от осколков. Всю блокаду семья жила в городе. В начале 1942 года у мамы украли карточки на хлеб, жили на половинку нормы карточки дочери, а норма была 350 граммов хлеба на день. Отец успокаивал мать, что выживет, продержится, родители варили клей... Надеялись на февраль, на новые карточки. Он не дожил 2 дня, 29 января 1942 года отца не стало. Елена была на работе, а в марте умерла мама. Дочь хоронила

мать сама на Волковском кладбище. После смерти матери заболела, не смогла выйти на работу. Её уволили. Осталась одна. Старший брат погиб под Севастополем, другой воевал.

2 ноября 1945 года награждена медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны» и медалью «За оборону Ленинграда». После войны, в 1946 году Елена Дмитриевна вышла замуж за ленинградца, ветерана войны, жили на Лиговке, 162, в 9-метровой комнате коммунальной квартиры, которую для неё выхлопотал брат, вернувшийся с фронта. Более 17 лет Елена Дмитриевна отработала продавцом в Доме военной книги, ветеран труда. В Стрельну, на Санкт-Петербургское шоссе переехали после расселения в 1996 году. Вырастила двух сыновей.

Емельянова Тамара Андреевна

В городе не было ни птиц, ни кошек, ни собак

Воспоминания о 900-дневной блокаде Ленинграда

Мы знаем, что значит война,
Мы знаем, что значит блокада,
Раз выжили, видно, так надо,
Жизнь нам, как награда, дана.

Я родилась 6 сентября 1936 года в Ленинграде и все 900 дней блокады прожила вместе с мамой на Ржевке – в то время это была окраина города. Отец ушел добровольцем и пропал без вести.

Началась война... Я хорошо помню, как бежала за отцом, уходящим на фронт. Мама всю войну работала в воинской части. Она была на казарменном положении, а я ходила в детский сад при этой воинской части.

В начале войны всех детей эвакуировали и наш сад тоже – в Тайцы, пригород Ленинграда. Немец подошел почти к Тайцам, мама узнала и взяла увольнение, поехала забирать меня, так я все 900 дней провела с ней в Ленинграде. Вместе познали все ужасы войны – голод, холод, бомбежки. Нам все время хотелось есть.

Около нашего дома упала бомба, снесло крышу, ремонтировать некому, все мужчины ушли на фронт, женщины – это мама и еще одна, как-то закрыли дыру, но все равно, когда шел дождь, на нас капала вода. Мама накрывала клеенками, ставила тазы на кровать, чтобы не промокнуть. Вот такой ужас! Но все-таки мы спали. Во время бомбежки мы скрывались вначале в

бомбоубежище, но потом мама сказала: «Не будем больше укрываться, убьет так убьет!» Обнимемся и сидим, пережидая тревогу. Но в детсаде нас коллективно выводили в бомбоубежище пережидать тревогу и обстрел. Самым любимым лакомством у меня были подсушенные тоненькие очистки от картошки (что осталось от заготовок, у нас был огород), мы сушили их на буржуйке, топив ее, мы обогревались и что-то варили, какую-то похлебку. Мама мне постоянно говорила, чтобы я не ходила ни с какими дядями. В городе не было ни птиц, ни кошек, ни собак.

Я часто спрашивала маму: «Почему человек сидит прямо на земле?» Она отвечала: «Он уснул, у него нет сил».

Помню хорошо черную тарелку на стене – это было радио. Я любила его слушать, особенно когда подросла – передачу Марии Петровой – диктора.

После прорыва блокады стало легче жить, прибавили хлеба, маме увеличили паек.

В заключение хочу сказать, что только благодаря настойчивости, терпению, любви к нам – наши мамы сохранили нам жизнь – мы выжили в этой страшной войне.

Вечная память нашим Матерям!

Моя мама Комарова Анна Дмитриевна дожила до глубокой старости. Умерла на 96-году жизни.

Я приложила все силы, чтобы сохранить ей жизнь, ведь она сохранила мою жизнь в годы войны.

Ефимов Анатолий Анатольевич

Найти цветной карандашик было просто счастьем!

Я иногда не помню, что было вчера, но годы блокады не забуду никогда. Для меня это было губительное состояние. Мать уходила копать окопы, и я оставался один с маленькой сестренкой. Ей было полтора года. Она была очень болезненной. У нас была коммунальная квартира. Кроме нашей семьи, в квартире было еще три.

Сейчас я не люблю смотреть архивное видео о блокаде. Я не хочу снова видеть голод, холод, убийства.

В Москве я живу уже несколько десятков лет, но родным городом до сих пор считаю Ленинград. Я родился не в самом Ленинграде, а в бывшем Царском Селе. В детстве мне казалось, будто я нахожусь в сказке. Все эти дворцы создавали такое ощущение. Это было что-то особенное. Я помню, как в 2 года гулял по этой сказке с бабушкой. Ее звали Раиса Капитоновна. Она была дворянкой по происхождению. Она преподавала русскую словесность и латынь и знала три языка.

Моя школа была в том самом месте, где находился лицей, в котором учился Александр Пушкин. Я помню, бабушка брала меня с собой в парк, показывала Екатерининский дворец. До войны все это богатство было цело. Я помню, как она просила меня что-то нарисовать на песочке. И вот я рисовал какие-то домики, парашютики, самолетики. На тот момент мне было 2,5 года.

В 1938 году родители переехали в Ленинград и жили в доме деда, бывшего помещика Хвостова. До советской власти у него были свои поместья в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге и Твери. За все это богатство он сел потом в тюрьму. Он отсидел два года, потом его освободили, и он стал директором кирпичного завода в Твери. Он еще прожил два года и умер. У меня есть родовое древо, его сделала моя сестра. Наша родословная начинается с XIII века. Я узнал, что мой прадед был адъютантом у Кутузова во время войны 1812 года. Он был третьим адъютантом по иностранным языкам. Он знал три языка.

Наш дом находился на Садовой улице. Мы там жили с 38 года по 66 год. В Спасской церкви, которая находилась на углу, меня крестили. Это было еще до войны. Потом местные власти снесли ее.

Моя мама была парашютисткой. Она очень любила кататься с отцом на коньках. А отец очень любил русский хоккей. Русский хоккей отличается от канадского тем, что там клюшки кривые. И вот он все время ходил с перебитым носом. Отец женился на матери, когда она еще была несовершеннолетней. Ей было всего 16 лет. Маму звали Мария Алексеевна. Она безумно любила отца. Отец работал на заводе. Он изготавливал всевозможные двигатели и имел право проезда на всех видах транспорта. Во время войны он оказался в танковых частях.

Во время войны папа не сидел за рычагами и не стрелял, а был в отделе технического контроля. Он ремонтировал подбитые танки на полях. В армию отца взяли только после того, как матери исполнилось 18 лет. А чуть позже началась Великая Отечественная война.

У меня было пристрастие к живописи. Отец приносил мне с завода красивые картонные лощеные бумаги. На них я рисовал. Отец тоже любил рисовать, он писал плакаты. У него была акварель, тушь, краски. Меня трясло от запаха красок. Во время блокады найти у кого-то цветной карандашик было просто счастьем.

Я помню, когда была первая бомбежка. Я с матерью и маленькой сестренкой спустился в подвал. Отец в то время был на фронте. В этих подвалах была вода. Люди прыгали по ящикам, которые там лежали. Кажется, это был ноябрь месяц. Мы были там несколько раз. Но существовать в таких условиях было просто невозможно. И поэтому в этот подвал мы потом больше не бегали. Мы спускались с третьего этажа на первый в надежде на спасение от бомбежек в стенах родного дома. У здания нашего дома были метровые стены. И никакая пушка бы не пробила эти стены. Там было надежнее, чем в убежище.

У нас был шанс перебраться на Большую землю. И наш отец сделал все, что смог, для этого. Я помню, что отец появился внезапно, он был в комбинезоне танкиста. Папа собрал семью так же мгновенно и на последнем эшелоне отправил нас в путь. Но мы совсем недалеко отъехали от Ленинграда.

Я помню еще одну бомбежку. Все бежали под откос. Были выстрелы. Была осень, было очень холодно, но снег еще не выпал. До сих пор помню, как два самолета летели очень низко и расстреливали всю толпу, которая разбегалась в разные стороны. Меня трясло. Мать прижимала меня к груди. Сутки-двое мы просидели на каких-то вокзалах, полустанках, на пригородных остановках. Было много народу. Все с детьми. Я, мама и маленькая сестренка сидели какое-то время на вокзале. А потом нас увезла машина. И мы снова попали в Ленинград и остались там. Потом начался голод. Несмотря на то что нам давали карточки, мать еще где-то подрабатывала, чтобы дополнительно получить еще хлеба.

В 43 году я пошел в первый класс. Мать мне сшила кожаную сумку. Портфели тогда нельзя было купить. У нас потом только появились деревянные ранцы, обшитые материей. И вот я с этой сумкой, которую мне сшила мать, и с букварем пошел в первый класс.

К школе было очень сложно подойти. Так как дом напротив был разрушен, то мы брали по кирпичику и складывали их с тротуара в кучу. Никто больше не мог это сделать. Так начинался каждый наш день. А потом мы садились, и нам читали книги, потому что зимой чернила замерзли, и мы не могли писать.

Мы съедали все, что нам давали, – хлеб размером в спичечный коробок и гидрожир. Это такая полупрозрачная масса. Если грубо говорить, то из ведра воды делали 6 грамм масла. Мы с матерью спускались вниз, и кассирша, которая была маминой знакомой, давала мне порцию хлеба, намазанного этим гидрожиром. И я шел в школу пешком через Сенную площадь и через канал Грибоедова. Надо было сразу съесть этот бутерброд, потому что иначе старшеклассники уже ждали возле школы, чтобы отобрать этот кусочек. Если ты его не съедал – то все, они отбирали у тебя бутерброд, и ты оставался голодным на полдня.

В 43 году отец ненадолго приехал домой. Но я этого не помню. Об этом мне потом рассказывала мать. В 44 году у матери родилась еще одна девочка. Сейчас обе сестры живут в Санкт-Петербурге.

Я помню, как в парках сажали овощи. Рядом стоял часовой с ружьем. Попробуй подойди – сразу расстрел. Вот такие были порядки. Иначе было не выжить. Все парки были заполнены.

Я до сих пор не могу забыть весну на Неве. На больших каналах по воде плыл лед. А на льду трупы. Это жуткое зрелище. Мы иногда выходили весной на улицу, но тоже под страхом, что будет обстрел. На Невском проспекте висели доски, на которых было написано: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» Водолазы доставали трупы из реки. Корюшка весной проедала тело и всасывалась в него. Мы голодали, но не ели эту корюшку. Мать ее возненавидела, она даже не покупала ее, какая бы она дешевая ни была.

Отец прошел войну от первого до последнего дня. Он прислал нам из Германии посылку. В ней лежала кукла с закрывающимися глазами. Он писал нам, что прямой наводкой из Берлина отправился на японскую войну. И все эшелоны с танками шли мимо Москвы прямо по югу в Китай. Отец остался жить в Китае. Потом он вызвал нас в Китай. В 46 году за нами прибыл адъютант отца. И уже из Москвы, где формировался товарный состав, мы две недели добирались до Владивостока. Потом на военном корабле под названием «Родина» мы прибыли в Порт-Артур и, наконец, оказались в Китае, который для нас был просто раем.

Офицерам давали хороший паек. У нас была большая многодетная семья, и нам давали ведро красной икры и чуть меньше черной. Я помню, мы получали крабы. Пайки были просто потрясающие. Мы были настолько поражены этим пайком после того голода, что нам казалось, что мы в раю. А сколько было фруктов! Магазины, рынки просто ломались от такого количества еды.

Из Китая отец был направлен на повышение в танковое училище в Казань, и мать, не задумываясь, вместе с детьми отправилась в дорогу за папой. После Казани мы уже не вернулись в Китай, как бы об этом ни мечтала мама. Мы остались во Владивостоке. Именно в этом городе я мечтал о профессии моряка.

Я помню, как мы ходили с отцом по воскресеньям на рыбалку. Он ловил рыбу, а я строил подводную лодку и делал макеты. Сейчас все модели можно купить, склеить и собрать, а я все делал сам. Меня этому еще учил отец.

Школу я закончил в Ленинграде. Со мной жила моя вторая бабушка Агриппина Фадеевна. Она окончила французскую школу кулинарии и работала в санатории Териоки. Это была финская территория под Ленинградом. Сейчас это Зеленогорск. Мы туда уезжали на лето. У бабушки там была своя квартира прямо на берегу Финского залива. В свое время в этом санатории останавливался Ворошилов, и моя бабушка готовила ему цыпленка табака. Она очень хорошо готовила. Она меня даже научила делать торт «наполеон».

Потом я окончил архитектурный факультет Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени института живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина. Отец к тому времени вышел в отставку и вернулся с семьей в Ленинград.

Ждан-Пушкин Александр Сергеевич

Мой отец защищал Ленинград, мать работала на лесозаготовках

Мой отец Ждан-Пушкин Александр Сергеевич, гвардии полковник. В 1941 – 44 годах был защитником блокадного Ленинграда (в то время был лейтенантом) на Ленинградском фронте. Мой дядя Бобров Сергей Григорьевич 1906 года рождения был защитником блокадного Ленинграда на кораблях ВМФ (вылавливали мины), Боброва Мария Григорьевна 1901 года рождения рыла окопы. Штыкова Ксения Ивановна 1912 года рождения была на лесозаготовках (для топок паровозов).

Жиронкина Кира Владимировна

Бабушкины дрова нас спасли

Кира Владимировна Жиронкина родилась в городе Ленинграде в 1926 году. В 1943 году была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Участник трудового фронта, ветеран труда, ветеран атомной энергетики и промышленности, участник ликвидации последствий аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк». Уже несколько лет Кира Владимировна передвигается по дому с помощью костылей и не выходит на

улицу, она справляется сама с бытовыми проблемами, ни на что не сетует и ни у кого ничего не просит. Блокадная привычка жить достойно в любых обстоятельствах.

Петроградская сторона – один из самых старых районов Ленинграда, отсюда пошли первые улицы города. И здесь, на улице Шамшева, мы жили в дружной коммунальной квартире. Мама была учительницей, историю города знала хорошо. Она рассказывала, что наша улица была названа так по фамилии хозяина местного питейного заведения. Это название до сих пор сохранилось. Довоенная жизнь у нас, ребят с Петроградской стороны, была очень интересной. Недалеко от нас был огромный кинотеатр «Великан», парк с американскими горками, театр имени Ленинского Комсомола, зоопарк. Школа, в которой я училась, тоже была рядом.

Когда началась война, мне было 15 лет, я только что окончила 7 классов и собиралась поступать в техникум. Но все планы рухнули в одночасье. За несколько месяцев до войны умер мой папа, и мы остались с мамой, сестрой Ниной и ее маленькой дочкой. Моего младшего братишку эвакуировали с детским садом.

Начались бомбежки. Кроме тяжелых авиабомб и снарядов, на город летели зажигательные бомбы, поэтому на крышах постоянно дежурили, а на чердаках стояли ящики с песком. Первую бомбежку я увидела и прочувствовала, когда во время такого дежурства находилась на крыше нашего дома.

В сентябре маму отправили рыть окопы, строить оборонительные сооружения. А мы с сестрой пошли в магазин за продуктами, там уже ничего не было, кроме ячневой и перловой крупы, продовольственные склады сгорели. А вскоре в магазинах остались только пустые полки. Начался страшный голод, хлеба давали всего 125 грамм. Я первая в семье заболела от голода, не могла даже встать с кровати. Мама тоже еле ходила. Сестра моя была покрепче, она укутывала маму в одеяло, сажала на санки и везла ее на работу в механическую мастерскую. А я оставалась дома одна. Потом они возвращались с работы и первым делом проверяли, жива я или нет. Но мама меня выходила, если бы не она, я, думаю, не выжила бы. Так я пролежала всю зиму.

Отопления, конечно, не было, а достать дрова было практически невозможно. **Нас очень выручала бабушка: она жила на Каменном острове, есть такой район в Ленинграде, мимо ее дома по Неве шли баржи с бревнами, и часто бревна плавали в воде. И бабушка, хотя ей было уже**

больше 80 лет, из последних сил цепляла багром бревно и вытаскивала на берег. Так что бабушкины дрова нас спасали.

Та первая блокадная зима 1941 года была самая тяжелая. Бабушка умерла, следом за ней моя племянница и тетя. Главной опорой семьи стала старшая сестра. Она все время выменивала на продукты что-нибудь из вещей.

Наступил март 1942 года, хлеба немножко прибавили. Город стали очищать, чтобы не было эпидемии. Ни водопровод, ни канализация не работали, и всюду на улицах, на трамвайных путях, на льду Невы лежали трупы людей. Все это надо было вывозить. И мама сказала: «Вставай! Пойдешь чистить двор». И я целую ночь проплакала: «Как я пойду? Я лом держать не могу, я ходить не могу». За 200 грамм хлеба мне купили рыженькие валенки, одели меня и сказали: «Как сможешь, но надо помочь». А во дворе как раз чистили люки, и я в этих валенках в люк провалилась. Пальто спасло, смягчило удар. Меня принесли домой, и я несколько дней не ходила. Когда меня вывели, поставили на ноги, мама сказала: «За хлебом будешь ходить, а довесок твой». И так я потихоньку поправилась.

В марте я встала, а в июне уже пошла на работу на военный завод, мне еще не было 16-ти лет. Он назывался завод револьверных станков и автоматов. Там и сестра моя работала, и моя подружка. Мы делали снаряды. Меня поставили на фрезерный станок, на третью операцию. Снаряд весил 23 – 24 килограмма. А я маленькая, худенькая, бывало, чтобы снаряд поднять, сначала укладывала его на живот, потом вставала на цыпочки, на фрезерный станок ставила, потом заверну, проработаю, потом опять на живот и обратно. Норма за смену была 240 снарядов. Вся куртка на животе у меня была рваная. Сначала, конечно, было очень тяжело, а потом я их швыряла как картошку и делала тысячу снарядов за смену. Смена была 12 часов. Домой шли грязные, мыться было негде. В 1943 году меня наградили медалью «За оборону Ленинграда». На этом заводе я проработала семь с половиной лет.

Тем, кто работал на заводе, хлеба давали 700 грамм, чтобы такую тяжелую физическую работу выполнять, силы были нужны. Чуть позже стали желудочникам давать белый хлеб. Однажды меня обманули, пообещали белого хлеба и выманили все карточки. В результате – ни хлеба, ни карточек. Когда стали работать бани, я свою обидчицу увидела там и узнала, она меня тоже. Не скрою, огромное желание было облить ее кипятком, да она убежала. У меня был такой случай. Я только что получила хлеб по карточкам, один целый кусок и довесок, а неподалеку стоял очень худой, высокий парень, он схватил этот довесок, быстро сунул его в рот и с жадностью стал жевать. Люди, стоявшие в

очереди, накинулись на него, но я сказала: «Оставьте, пускай ест». Так что всякое бывало, и не у всех хватало сил выносить голод.

Денег в те годы мы и не видели. Однажды меня вызвали к начальнику и сказали, что я могу получить аванс. А я и слова такого не знала, но получила пачку денег: сто рублей рублями. Счастливая и довольная, я побежала домой. Тогда кое-где уже давали свет, мама сидела за столом, над которым горел абажур, я с гордостью положила эти деньги перед ней, а она заплакала. Зимой 1943 года блокаду прорвали, а еще через год город был освобожден полностью. Мы всегда верили в победу, даже тени сомнения не было, вера и сил придавала. А когда пришла весть о победе, директор нашего завода по фамилии Хижняк отпустил нас всех домой. Гуляли на площади Урицкого, теперь она называется Дворцовая. Весна, солнце, я в крепдешиновом платье, счастье было – словами не передать! Там, на Дворцовой площади, я ближе познакомилась со своим будущим мужем. Мы видели друг друга до этого, на одном заводе работали, но только здоровались. Стали встречаться, полюбили друг друга и после войны поженились. Руки у него были золотые, станки знал очень хорошо, все умел. Когда его в 1947 году на Урал направили, начальник вызвал меня и отговаривал ехать за ним, говорил: «Оставайся, ведь не вернешься потом оттуда, а если останешься, он все равно к тебе приедет». Но молодость все решает по-своему. В ботиках и шляпке подалась в неизвестность, так здесь и осталась. Работала на заводе в КИПе. Все могу сама, да вот ноги не ходят. Муж мой давно умер, живу одна. Кому старики нужны...

Журкина Людмила Григорьевна Чудом осталась жива!

Перед самой войной мы жили на полуострове Ханко. Отец был командиром торпедных катеров. Нам объявили, что началась война, дали 24 часа на сборы и погрузили всех на теплоходы. В основном там были женщины и дети – семьи военнослужащих. Повезли в Таллин, но на подходе к нему узнали, что он уже занят немцами. Нам сказали, что немцы расстреливают семьи военнослужащих, поэтому мы срочно стали уничтожать документы.

Теплоход, шедший первым, был обстрелян и затонул. Второй теплоход, на котором плыли мы с мамой, развернулся и пошел в Петергоф. Ночью выгрузились и разместились в окопах. В этих окопах пришлось находиться больше двух недель, так как немцы не давали никому из них выбраться. Делали они это для того, чтобы через эти окопы не могли пройти наши танки, которые шли на позиции врага.

Однажды ночью мы (18 человек) смогли выбраться из окопов и направились в Ораниенбаум. До него смогли добраться только 6 человек, в том числе мы с мамой. Позже нас разыскал отец и отвез в Ленинград. В Ленинграде я была ранена в руку и голову. После лечения были очень сильные головные боли, и я не могла учиться, только несколько лет спустя смогла закончить 7 классов. Раненую руку чудом удалось спасти. Уже начиналась гангрена, и ее хотели ампутировать, но все же в госпитале руку удалось вылечить и сохранить.

Мама работала и находилась на казарменном положении. Я часто к ней приходила. В мастерской, где она работала, стоял большой стол, на котором я любила лежать и рисовать. Однажды в мастерскую попала бомба, прямо в то место, где стоял стол, и только по счастливой случайности (я искала укатившийся в угол карандаш) я осталась жива.

Мы жили в Ленинграде до 1950 года. Потом из-за плохого состояния здоровья мамы переехали в Севастополь. Отец вернулся с войны в звании капитана 1-го ранга. Заведовал кафедрой в Высшем военно-морском училище им. Нахимова.

Жукович Нонна Георгиевна

Отец погиб на Синявинских болотах

Родилась в Ленинграде 26 сентября 1934 года. До войны семья проживала на Пороховых, по ул. Ильинская слобода, д. 1, кв. 3 (ныне Ржевка). Потомственная ленинградка. Всю блокаду 900 дней и ночей находились в городе, жили у бабушки в Александро-Невской лавре (дед был священником) по адресу набережная реки Монастырки, д. 1 – потому что при первых бомбежках города дом, где жили семьей, – разбомбило. Отец с первых дней войны ушел на фронт (военный), погиб в 1942 году на Синявинских болотах. Мать всю блокаду работала. «Однажды она долго искала нас после работы, а мы с сестрой и бабушкой находились в бомбоубежище. **Дружинники, когда объявили воздушную тревогу, заставили всех спуститься туда, у самого входа разорвалась бомба, нас засыпало, потом откапывали. Было очень страшно**», – вспоминает Нонна Георгиевна. А еще самые страшные картины всплывают в памяти, когда ленинградцы возили умерших на Никольское кладбище, каждый день, целый день... У бабушкиной сестры жила охотничья собака Найда, потом она пропала, позже узнали, что ее съели соседи.

В декабре 1942 года Нонна пошла в 1 класс, ей было 8 лет, средняя школа № 169 находилась в Смольнинском районе на ул. Харьковской. Было холодно, на уроках сидели в пальто, замерзали чернила, урок прерывался, если начиналась бомбежка, всех вели в бомбоубежище, было очень страшно. Очень хорошо помнит прорыв блокады Ленинграда: все смеялись, целовались, плакали и

поздравляли друг друга. В 1944 году мать направили на работу в Ораниенбаум, дочь училась в местной школе, там и встретили радостное известие об окончании войны. В Стрельну переехали по расселению из Ленинграда в 1995 году.

Жучковский Михаил Львович **Мама думала, что пухнет с голода!**

Я родился во время блокады Ленинграда в роддоме у метро «Чернышевская», он существует до сих пор, а во время войны там был госпиталь.

;Мама не знала о том, что она беременна, думала, что пухнет с голода. Отец воевал на Ленинградском фронте на флоте, потом работал шофером. Он иногда приезжал в Ленинград по Дороге жизни. Моя жена тоже родилась здесь и прожила в Ленинграде всю жизнь. Родилась в июле 1941 года, и ее мать говорила, что если бы не дочка, то она бы наложила на себя руки. Папа моей жены сгорел в танке, он ее так и не увидел, у нее осталась только похоронка.

Моей маме было легче, так как она жила вместе с семьей – с ее родителями, моими бабушкой и дедушкой, моей старшей сестрой. Мама работала бухгалтером в организации на 2-й Советской. Бабушка с дедушкой нигде не работали. Отца призвали в армию за два месяца до начала войны, у меня осталось бумага, где его вызывали на переподготовку на 60-дневный сбор. Из родственников у меня воевал еще дядя, он был офицером на флоте на Ленинградском фронте. Думаю, что наша семья выжила еще и потому, что, когда бывала какая-нибудь оказия, они оба присылали нам свой паек.

Однажды из госпиталя приехал офицер, чтобы что-то передать бабушке. Увидел у нас дома фотографию дядьки и говорит: «О, я этого мужика знаю, я с ним только что в палате лежал!» А бабушка с дедушкой не знали, что их сын ранен и лежит в госпитале в Ленинграде. Дядя и в штрафбате был. Их там куда-то послали, а до сих пор существует порядок, что надо исполнять последний приказ. И вот его вытащили из строя и куда-то послали, а остальные ушли на задание и погибли. Из-за этого дядя попал в штрафбат. После ранения его отправили обратно в часть с восстановлением звания – закончил войну морским капитаном. Папа демобилизовался в июле – августе 1945 года, ему тогда уже исполнилось 38 лет, и он не подлежал службе в армии, так что он не участвовал в советско-японской войне. В армии осталась в основном молодежь.

Город был сильно разрушен. Очень много разбомбленных домов было в районе площади Восстания. Перед войной там была очень красивая Знаменская церковь, которую снесли при постройке метро. Немцы пытались разрушить

Московский вокзал и ориентировались на этот храм. О том, что его снесли, немецкая разведка не знала, и поэтому вокзал остался цел. Наш Смольнинский район не сильно пострадал, может, потому, что мы были в глубине города, но разрушенные дома я помню. Самый первый дом был восстановлен на улице Ракова, недалеко от Театра музыкальной комедии, его восстановили в 1945 году силами жильцов.

Каждый вносил свою лепту. Сестренка была на десять лет старше меня, она бегала на крыши, гасила фугасные бомбы, сбрасывала с крыши и тушила. В нашем доме жила одна женщина, тетя Маня Путятинна, она работала при штабе у маршала Говорова. И она в каждую квартиру приносила то чуть-чуть крупы, то еще что-то, делилась всем, уж не знаю, от своей пайки или от офицерских. Первым от голода в нашем доме умер ее сын. Сама она умерла где-то в 1970-х. Старые жильцы всю жизнь были ей благодарны. А могла бы жить за счет этих продуктов, в блокаду на черном рынке торговали продуктами, можно было обменять золотое кольцо на хлеб, например. Все было: и продуктами торговали, и спекулянты, и мародеры...

Люди были разные. **Моя бабушка рассказывала, что в доме напротив жила женщина, бывшая его владелица, она каждый день выходила из дома с цветами встречать немцев. Она выходила встречать несколько дней, потом пропала, и ее никто больше не видел. И такие были – некоторые пострадали при большевиках, хотели вернуть свое, но не получилось.**

Бомбоубежище находилось в подвале, там было большое помещение с освещением и вентиляцией. Практически все бомбоубежища были оборудованы в подвалах. Когда я родился, дедушка решил, что это на счастье, и наша семья больше не будет ходить в бомбоубежище, так что больше мы в подвал не спускались.

Сестренку должны были два раза вывезти из города со школой, но так и не получилось. Первый раз они с подругой опоздали на сбор, а второй раз ее дед не пустил, и часть тех вагонов попала под обстрел.

Мы все втроем: и я, и брат, и сестренка – учились у одной учительницы. Тогда школы были отдельные – мужские и женские. И вот у сестры во время уроков в эту школу на Кирилловской попала бомба. Она не взорвалась, а прошила все здание насквозь и застряла в подвале здания. Взрывной волной учительницу откинуло к стенке, и с тех пор она не могла сесть, вела все уроки стоя. В 1957 году соединили обучение мальчиков и девочек, и эту учительницу перевели к нам. Потом у нее учился и мой братишка.

В самом начале войны были сожжены Бадаевские склады, и люди ходили собирать землю там, где сгорел сахар, просеивали ее или разводили в воде, потом пропускали через марлю и пили. Если снаряд попадал в лошадь, ее тут же разделывали, каждый пытался взять кусок. Но наш кот прожил с нами всю блокаду. По нему мы узнавали, когда начинается бомбежка: еще до того, как по радио объявляли тревогу, кот чувствовал приближение самолетов и начинал выть. Он умер только в 1947 году, его отравили наши новые соседи, которые не любили животных. Тогда дедушка скотил гроб и похоронил нашего кота.

В те годы люди мало говорили и о войне, и о блокаде, старались эту тему не поднимать, не беречь. Отчим моей жены никогда не смотрел фильмов о войне и никогда о ней не рассказывал, несмотря на то что он был летчиком, и медалей у него был полный иконостас. Это сейчас стали делиться этим, рассказывать, а в те годы старались об этом не говорить.

После блокады тоже было тяжело. Есть такая болезнь – дистрофия, и я ей болел уже в 1947 году. У нас до сих пор сохранились карточки тех времен, но не на еду, а на разные материалы – тогда их было не отоварить. Когда в 1947 году их отменили, они так у нас и остались.

Первое празднование Дня Победы, который отмечали именно как праздник, прошло 9 мая 1965 года, я как раз только вернулся из армии. Тогда прошел первый военный парад и был объявлен выходной, раньше это был обычный рабочий день. Я взял братишку, который был на 8 лет младше меня, и мы пошли на Невский проспект, залезли там на одну из машин напротив Казанского собора и смотрели парад.

Залеская Валентина Михайловна
Мечтала быть балериной

В 13 лет награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Родилась 16 ноября 1930 года в Ленинграде в многодетной семье рабочего. Жилось трудно, но дружно. Жили в любви и заботе.

Когда началась война, мне было 10 лет и 7 месяцев. О том, что Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз, узнали мы так же, как и все ленинградцы, – стоя на улице и слушая радио. С первых же дней войны добровольно ушли на фронт сестра Анна, братья Константин и Василий. Чуть позже добровольно в ополчение ушел и отец. Хотя он не подлежал призыву в

Советскую армию по возрасту (он был 1898 года рождения) и по многодетности.

Я и многие дети нашего дома, которые не эвакуировались из Ленинграда, самостоятельно оборудовали в доме № 11 по Дерптскому переулку бомбоубежище в подвале. Сколотили ящики из досок, отнесли на чердаки, носили туда песок, собрали ведра, корыта, выварки и заполнили водой. Ходили по квартирам и помогали жильцам нашего дома принести воды с Фонтанки, натопить печь, пока было чем, получить продукты. Дежурили на чердаках во время тревоги, в парадных, помогали ловить сигнальщиков. Во время бомбежки тушили и сбрасывали зажигательные бомбы, а после отбоя спешили с докладом на пр. Газа, с донесением о том, что произошло.

До войны мы занимались во Дворце пионеров. С началом войны занятия прекратились, но те, кто мог, ежедневно приходили в наш любимый Дворец, клеили окна, просто беседовали. Потом все меньше и меньше ребят приходило. Но администрация Дворца пионеров заботилась о нас, поддерживала. В костюмерной были лари, наполненные грецкими орехами, сухофруктами. Нас оделяли этими дарами, давали по стакану горячего молока.

Аничков мост. Кони Клодта. Как же было больно, когда их сняли... Но мы, дети, верили, что все это ненадолго, что все будет так, как было до войны.

Моя родная 265-я школа на Курляндской улице. Не задумываясь, ехали на рытье окопов. Полуголодные дети, с 5-го по 10-й классы. Никто никого не заставлял. Это было святое – для Родины.

На Лермонтовском проспекте школа № 280. Там были горячие обеды. Пристроили меня туда. Учились. По тревоге спускались в подвал школы. Только ушли – буквально через несколько минут снаряд влетел в окно класса.

Моя старшая сестра служила в 106-м пограничном полку на 7-й заставе у Красненького кладбища. Я к ней ходила. Есть хотелось. Дойду до Кировского завода, у завода застава – никого не пропускают. Иной раз упрошу пустить, а чаще – через насыпь перебиралась. Приду в землянки, меня накормят и с собой что-то дадут. А дома мама и братишка мои 125 граммов хлеба съедят.

Слегли мама и брат. Я получила муку из макухи. Прихожу домой, а там едой пахнет, да так вкусно, что я тут же сознание потеряла. Оказалось, что папа пришел на побывку с пайком, подкормил нас. А на Новый 1942 или 1943 год (точно не помню) муж сестры был по делам в Ленинграде и привез нам вязанку

дров и по целой луковице. И никогда, ни разу не возникала мысль уехать, «окопаться», как тогда говорили.

Разбомбили дрожжевой завод на моей Курляндской улице. Удалось притащить домой дрожжи; и свежими их ели, и на сковороде жарили.

Когда в училище меня спрашивали, о чем я мечтаю, я всегда отвечала четко: «Хочу белого хлеба с молоком и с сахарным песком». А о том, что мечтала быть балериной, старалась не думать, ведь ранение изуродовало мою левую ногу. Мечты не все и не всегда сбываются.

А однажды пришла домой, а на входной двери замок сорван. Боялась входить в квартиру. Пришла мама и обнаружила, что украли все наши карточки. Вот тогда нам досталось!

Осенью 1941 года ходили с мамой на Международный проспект, к Дворцу Ильича, где-то в районе Средней Рогатки, за капустными листьями, за кочерыжками. Мама их насолила. Вот и пригодилась нам наша «хряпа». И соседей подкармливали ею.

Когда началась война – все магазины вмиг опустели. На прилавках осталась соль каменная и уксусная эссенция в треугольных бутылочках. Я три дня носила все домой. Потом чай пили с этой солью. Возьмешь в рот и пьешь чай. Вкусно. Только во рту ранки образовывались.

Ходили весной на Митрофаньевское кладбище. Собирали лебеду и тростничок. Очень вкусный. Однажды нас туда не пустили – фашисты десант на кладбище сбросили, немцы в склепах окопались. Слышна была перестрелка.

На всю жизнь запомнился такой эпизод. Шла я с саночками по Таракановке за водой на Фонтанку, к заводу Марти. Навстречу мне прошла женщина. Возраст я не могла определить, да и кто обращал на такие мелочи внимание. Несла она никелированный чайник с водой. Шел очень сильный снег. Я прошла немного, остановилась отдохнуть, поправить ведерочко. Оглянулась – что-то блеснуло из холмика. Я подошла. Раскопала. Оказался носик чайника и уже окоченевшее тело женщины. Но тогда страшно не было, я ничего не боялась.

Вставала в три часа ночи и шла в магазин занимать очередь за продуктами. Однажды очень долго не могла открыть дверь. Что-то мешало. Когда я наконец-то приоткрыла дверь, то увидела, что кто-то лежит. Посветила «жучком» – сосед из квартиры № 9. Простояла в очереди до 9 утра. Заведующая сказала, что

нечем отовариваться. Пришла я домой, столкнула соседа вниз, подвинула саночки, положила и отвезла в морг на 10-ю Красноармейскую.

Весной 1942 года вместе со всеми жильцами расчищала снежные сугробы, глыбы нечистот. Разве можно забыть лица людей, которые, держась одной рукой за стены домов, в другой держали совочки или лопатки и очищали тротуары; кто покрепче – впрягались в сани из фанеры и веревок и свозили снег, сбрасывали в Фонтанку.

Очень было горько, когда возвращалась домой с пустыми руками, не получив ничего по карточкам. Встречали меня голодные глаза моего младшего братишки, Толика, которому было 3 года. Я не знала, что сказать, и опять ходила по городу, искала магазин, в котором можно было взять хлеб вперед на несколько дней.

Брат мой – 1926 года рождения учился в ФЗО на Курляндской. Началась война, и их сразу же перевели на казарменное положение. Как-то пришли и сказали: «Забирайте, он умирает». Мама взяла саночки, и мы пошли, привезли живой труп. Выходили, отмывали, немножко щами откормили. Пришли из военкомата и отправили его на фронт. На острове Эйзель он был ранен в левую лопатку. Одним словом – всем досталось. Война никого не пощадила.

В 1942 году прибежала после бомбежки к школе. Оцепление. Из окна лестницы всегда выглядывала подружку – Людю Королеву. Она жила в корпусе в школьном дворе. Разбит, разбомблен дом, смотрит пустыми глазницами. Сколько было пролито слез... А потом узнала, что их семья осталась жива, их переселили на пр. Огородникова.

В нашем доме в квартире № 4 жила семья Леоновых, тоже многодетная. Тетя Полина, мать этой семьи, работала в школьной столовой, которая была открыта от фабрики им. Дзержинского на пр. Огородникова. Так вот, я ходила туда и на мусорной куче собирала кое-какие отходы. А потом нас прикрепили к этой столовой, как-то достали из Ладоги машины с рисом, пшеном. Рис распухший, синий, но необыкновенно вкусный. Это сильно помогло нам всем. Под Ленинградом, защищая его, служили папа, старшая сестра и ее муж. Кое-что и от них перепало нам из еды.

Помню страшный налет на Ленинград. Как летели полчища самолетов, низко-низко, на бреющем полете, как все гудело и стонало от разрывов бомб. Как одна из бомб упала на наш дом, пробила крышу и легла прямо на кровать в квартире № 22 к Крушининым. Не разорвалась. Но я получила контузию – долго гудело в голове и тошнило.

Потом обстрелы стали частыми. Однажды, не услышав сигнала тревоги, пошли с подружкой-одноклассницей Ниной Леоновой из квартиры № 4 на пр. Огородникова и попали под шрапнельный огонь. Снаряд попал в трамвайную линию напротив Гознака. Страшный треск, казалось, земля уходит из-под ног, меня волной откинуло, Нину ранило.

Ужасная боль в левой ноге и душераздирающий крик Нины: «Валя, что с моей ногой?»

Я подошла. Своей боли уже не ощущала, видимо, был шок. А Нина лежит на тротуаре и руками окровавленными держит что-то. Оказалось – куски своей левой ступни. Ее сразу отвезли в больницу, а я пошла домой, за мной – две сандружинницы с носилками. У дома стояла соседка. Она взяла меня за руку, привела домой. Наложили повязку, и я несколько дней была дома. Потом нога распухла, почернела, и мама меня отвезла в больницу им. Урицкого, на Фонтанке, во 2-ю хирургию.

Если бы вы только знали, как все живо в памяти, как больно все это вспоминать. И не всегда находятся слова, чтобы положить все на бумагу. Разве можно выразить словами то, что 10 – 12-летняя девочка ждала с нетерпением отбоя, чтобы тут же бежать к обломкам разбомбленного дома, тащить оттуда доски, балки. Ведь мы сожгли все, что можно было: книги, паркет, мебель.

Зима 1941 – 1942 годов. Шли с мамой по 10-й Красноармейской на 6-ю Красноармейскую к крестному. По тропке вдоль домов шел мужчина. Еле-еле, держась за стены домов.

Когда возвращались обратно, человек лежал, пальто задрано, брюки приспущены и вырезаны ягодицы. Картина ужасная. Сейчас вспоминаю, и мне становится жутко.

Объявлена воздушная тревога. Дежурю в подъезде. Идут «мессеры». Идут натужно. Визг, свист, грохот. Эти гады сбрасывали шпалы, рельсы, костыли железнодорожные, бочки с горючим. Загорелся дом № 50 на пр. Огородникова. Все было объято пламенем, горючее разлилось по всему дому. Ох и страшно было на все это смотреть. Помогали людям, чем могли. Кто просил о помощи, кто звал маму или детей. А кто и просто просил водички.

Ходила я в госпиталь на 7-й Красноармейской, носила раненым газеты, папиросную бумагу, которую брала из книг с иллюстрациями. Пела, плясала, писала письма родным раненых. Они давали мне что-нибудь из съестного.

14 марта 1943 года на правом берегу Невы погиб папа, Леонов Михаил Леонович. Похоронен был сначала в Купчино. Позднее перезахоронили на Пискаревском кладбище.

Часов у нас дома не было. Остановились, а починить некому было. Сплю я и сквозь сон слышу: шум за окном, крики, музыка, выстрелы и плачь – громкий женский плач. Это объявили о победе. Нашей победе. Все проснулись – и на улицу. Друг друга люди обнимали, целовали, плакали, пели, танцевали. А вечером – праздник на Дворцовой площади. Салют, прожекторы, море людей.

Да, в 1945 году в мае к нам во Дворец пионеров приезжали Уинстон Черчилль и его жена Клементина. Общались в Голубой гостиной, госпожа Черчилль написала: «Самые лучшие часы своей жизни провела во Дворце пионеров». Очень приятно.

Я поступила в ремесленное училище № 71 на Измайловском проспекте в группу наборщиков, учебу окончила в 1947 году. До 1952 года работала в Госфиниздате им. Котлякова на Садовой. А вообще-то всю молодость я занималась в самодеятельности, по конкурсу попала в училище к мужу – в танцевальный коллектив. В 1948 году мы познакомились, а в 1952 году поженились. В марте 1952 года приехала в Севастополь к мужу, Залесскому Владиславу Васильевичу, который в 1950 году окончил училище в Ленинграде и получил назначение в Севастополь, в училище им. Нахимова.

Засеелева Вера

Меня никто не узнал!

Со своими друзьями по детдому № 8 я встретила через 45 лет после возвращения в Ленинград из эвакуации. Наш детдом был эвакуирован из поселка Токсово под Ленинградом на Северный Кавказ, Краснодарский край, Выселковский район, станица Березанская.

Жизнь после войны опять была голодная и трудная, поэтому было не до встреч и разговоров, надо было выжить в трудной послевоенной жизни, создать семью, вырастить детей, получить образование и найти работу.

Я часто в то тяжелое время вспоминала детдом, где все проблемы за нас решали наши воспитатели и Елена Константиновна, которая увезла нас в эвакуацию и потом привезла обратно в Ленинград всех уцелевших.

Суета встречи, волнение, радость узнавания друг друга... Правда, меня никто не узнал. Я и сама, признаться, мало кого помню. Я была рыжая, веснушчатая

девочка и всегда обижалась, когда меня дразнили, я часто плакала, дралась, а меня наказывали за это.

Мы смотрели старые детские пожелтевшие фотографии, вспоминали свою жизнь в детдоме. Потом мы подошли к столу, где на белой скатерти было угощение и лежал кусочек черного блокадного засушенного хлеба. Рядом стояла ваза с букетом красных гвоздик и горела большая свеча в память обо всех погибших детях и родителях. Пока мы разговаривали, одна гвоздика склонилась над свечой и медленно начала тлеть. Для нас это был символический знак.

Мы вспомнили всех погибших по дороге из блокадного Ленинграда в эвакуацию, как мы складывали трупы в простыни. Главное, что мы выжили в те трудные годы. Наша великая благодарность тем, кто был с нами тогда, направлял и заботился о нас. Светлая память Елене Константиновне Блохиной.

Зараковский Георгий Михайлович

Работали от темна до темна и жили в палатках

Зараковский Георгий Михайлович родился в 1925 году в Ленинграде. В первые месяцы Великой Отечественной войны участвовал в строительстве оборонительных сооружений и патрулировании по городу (помимо учебы, сначала в 83-й средней школе Петроградского района, затем – в техникуме точной механики и оптики). С октября 1941 года работал санитаром в эвакогоспитале № 2011 (в здании школы на углу ул. Скороходова и Кировского проспекта). В феврале 1942-го был эвакуирован в Кировскую область. Там учился и работал столяром. В январе 1943 года был призван в Красную армию и направлен на Дальний Восток. Там служил в стрелковых частях в Приморье. В августе – сентябре 1945 года участвовал в войне против японской Квантунской армии в качестве бронебойщика (наводчик противотанкового ружья) в составе 1049-го стрелкового полка 300-й стрелковой дивизии 1-й Краснознаменной армии 1-го Дальневосточного фронта. За участие в штурме укрепленного района и города Муданьцзян награжден медалью «За отвагу». В 1946 году поступил в Ленинградскую военно-морскую медицинскую академию. После ее окончания в 1951 году по 1987 год служил на флоте, затем в научно-исследовательских подразделениях Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова и Государственного научно-исследовательского испытательного института авиационной и космической медицины (Москва). Участвовал в создании и освоении в войсках разных образцов вооружения и военной техники. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2 ст. и орденом «За службу Родине в вооруженных силах» 3 ст.

После выхода в отставку работал гражданским специалистом в оборонной промышленности и в Вооруженных силах СССР, потом России. Лауреат премии Госкомобороны России. В настоящее время – полковник медицинской службы в отставке, доктор психологических наук, профессор. Георгий Михайлович Заракровский является ведущим научным сотрудником одного из подразделений Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Участвует в мероприятиях по переводу комплектования Вооруженных сил с призывной системы на добровольную (по контракту). Кроме того, в качестве главного научного сотрудника Всероссийского НИИ технической эстетики Минпромнауки России занимается информационно-аналитической работой, связанной с решением социальных проблем российского общества.

Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица,
А память, как колодец, глубока,
Попробуй заглянуть – наверняка —
Лицо – и то – неясно отразится.
Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд,
Осторожно с прошлым, осторожно,
Не разбейте глиняный сосуд.

В. Высоцкий

Война началась, когда мне было 16 лет. Только что окончились экзамены за восьмой класс в 83-й средней школе, что была на улице Профессора Попова Петроградского района. Но, узнав о начале войны, почти все ребята и девочки нашего класса уже через день собрались в школе и стали решать, что нам делать, как принять активное участие в этой войне. Быстро выяснилось, что все-таки мы недостаточно взрослые, чтобы нас взяли в Красную армию или хотя бы в ополчение. Тем не менее дело нашлось. Через некоторое время ребятам, в том числе и мне, предложили поехать на строительство аэродрома на северном берегу Финского залива за Ораниенбаумом. Конечно, мы с большим энтузиазмом согласились. Работали от темна до темна и жили в палатках. Там я впервые воочию понял, что такое война.

Начались налеты немецкой авиации на военно-морскую базу Кронштадт. **Перед моим взором (Кронштадт был прекрасно виден с нашего берега), как в фантастическом фильме (невольно возникает ассоциация с транслировавшейся по телевидению картиной терактов в Нью-Йорке 11**

сентября 2001 года), одна за другой пикировали армады немецких бомбардировщиков. Весь Кронштадт был окутан клубами черного дыма. И не было заметно никакого противодействия врагу. Это было ужасно и непонятно.

Вскоре наш подростковый отряд вернулся в Ленинград. После этого каждый ученик из нашего дружного 8 «Б» класса действовал самостоятельно. Была попытка начать занятия первого сентября. Но ничего не получилось. Некоторые преподаватели пошли в ополчение, часть школьников уехала из Ленинграда. А после начала блокады вообще было не до учебы. Но учиться хотелось. И я поступил в техникум точной механики и оптики. Помимо занятий, студентов учили слесарному делу. Когда немного подучили, стали давать серьезную работу: выпиливать курки для револьверов и мастерить кинжалы. Этими кинжалами вооружали членов отрядов самообороны, которые патрулировали по городу. Их задачей было помогать милиции поддерживать порядок, особенно когда объявляли воздушную тревогу или начинался обстрел улиц со стороны Пулковско. По ночам ставились задачи вылавливать ракетчиков, которые давали целеуказания немецким бомбардировщикам, и ликвидировать зажигательные бомбы. После месяца учебы занятия в техникуме резко пошли на убыль, а из студентов создали отряд самообороны (вооруженный нами же изготовленными кинжалами). Я был его членом. Мы патрулировали в районе Обводного канала, где находился наш техникум. Как правило, дежурили ночью, а под утро шли по домам отдыхать.

Возвращение домой для меня было самой большой проблемой, поскольку надо было топать пешком через весь город на Петроградскую сторону (я жил на Инструментальной улице около завода «Красногвардеец» и Ботанического сада). **Была в этом и романтика: интересно было идти по пустынным улицам, площадям и набережным темного, без огней, настороженного города, наблюдать как разводятся и сводятся мосты (мой путь проходил через Дворцовый или Кировский мост и прилегающие самые красивые места Ленинграда), смотреть на предрассветное небо. Из-за разведенных мостов иногда приходилось останавливаться и дремать, завернувшись в плащ, на ступенях Исаакиевского собора. Особых приключений во время патрулирования у меня не было. Проверял документы, помогал ослабевшим гражданам дойти до дома, следил, чтобы люди не лезли в опасные места.**

Постепенно ходить так много стало невозможно. К тому же пришлось сосредоточиться на проблемах выживания семьи. Эта проблема в октябре – ноябре стала главной для большинства жителей города. Как добыть пищу,

помимо скудного пайка по карточкам, как согреть жилье, где взять воду? Разные способы находили люди – вплоть до перехода за пределы веками выработанных в цивилизованном обществе табу. Так, уже зимой, когда наступили морозы, проходя по набережной Карповки, мимо ограды 1-го Медицинского института, я увидел в штабелях трупы с отрезанными мягкими частями. Ели кошек и собак, в качестве масла использовали олифу, делали студень из столярного клея.

Почти все мои родственники, жившие в разных районах Ленинграда, умерли или были убиты осколками снарядов в первые месяцы блокады. Моей семье (помимо меня в ней были два младших брата, отец, мачеха, ее мать) удалось выжить. Отец был хирургом, его призвали на военную службу – он жил и работал в госпитале. Папа иногда приносил домой сэкономленные кусочки своего пайка. Но главное, что он сделал для выживания семьи, – договорился со своим приятелем-ветеринаром о передаче нам собак, оказавшихся в ветлечебнице.

Собаками пришлось заниматься мне. Это было очень тяжело и психологически, и физически. Только сознание того, что от меня зависят жизни всех членов семьи, двигало мои ноги и руки. Я ходил на Конюшенную площадь, брал на поводок собаку и шел с ней обратно через Марсово поле, Кировский мост, по Кировскому проспекту, далее – домой. И я, и собака еле передвигали ноги. Навстречу попадались люди, тащившие на саночках своих покойников. Вот такая была невеселая картина, запечатлевшаяся у меня в памяти.

Но, помимо забот о выживании, хотелось что-то делать сверх того. Во время воздушных тревог я дежурил на крыше своего дома. Навещал и, как мог, помогал (дрова, вода из Невки, которая, к счастью, находилась недалеко, и другое) семьям своих товарищей по дому. Потом попросил отца найти мне работу в госпитале. Эвакогоспиталь № 2011 находился сравнительно недалеко: он размещался в здании школы на углу улицы Скороходова и Кировского проспекта. Меня взяли в качестве бойца военизированной охраны, доверили оружие (винтовку), чем я был страшно горд и с удовольствием нес дежурство. Так работал до конца декабря, пока основательно не ослаб. Тогда меня перевели на должность санитаря приемного покоя. Там было полегче, можно было периодически отдыхать.

Но дистрофик есть дистрофик (этот медицинский термин в блокированном Ленинграде вошел в обычный бытовой лексикон), в конце января 1942 года я слег. Отец принял решение эвакуировать меня из города по Дороге жизни. В погожий солнечный день 12 февраля мой четырнадцатилетний брат Владимир

(оказавшийся более устойчивым к голоду) подвез меня на саночках к зданию Петроградского райсовета. Там собравшуюся команду посадили в автобус и отвезли к Финляндскому вокзалу. Далее был путь поездом к берегу Финского залива до станции Борисова Грива. Оттуда по льду озера везли ночью в открытом кузове грузовика, не зажигая фар. Это было тяжелое испытание. При общей хорошей организации эвакуации посадка на грузовики была ужасной. Машин было мало, людей много. Когда подходил грузовик, к нему бросался народ, отталкивая и давя друг друга. Брату все же удалось втащить меня через борт кузова. А сверху навалились еще люди. Так и ехали вповалку, по морозу и все время думали как бы не началась бомбежка и автомобиль не провалился бы в полынью.

Нам повезло – все обошлось. При высадке на свободном от немцев берегу оказалось, что несколько человек умерли. Впрочем, к таким событиям ленинградцы уже давно относились равнодушно. Смерти и трупы вокруг стали обычным явлением повседневной жизни. Такая «повседневность» продолжалась еще некоторое время, пока мы ехали в эшелоне в Кировскую область. Не могу не сказать несколько слов о людях конечной точки нашего с братом путешествия из заблокированного Ленинграда. Мы приехали к нашей приемной матери Нине Алексеевне Петровой – заведующей ленинградским детским садом, эвакуированным еще до замыкания кольца блокады. Ей удалось не только вывезти несколько десятков маленьких ленинградцев в село Спасо-Талица и организовать им нормальные условия жизни, но и потом привезти их всех в разблокированный Ленинград. Конечно, ей, детям помогли и местные власти (в районном центре Оричи), и жители села.

Несмотря на военные и блокадные условия была еще одна сторона жизни, свойственная шестнадцатилетним. Это – лирика. Я дружил со своей одноклассницей Верой (Верой Васильевной) Фурсенко. Когда прекратились занятия в школе, мы продолжали изредка встречаться, гулять в парках, обмениваться впечатлениями, чувствами и мыслями. Нам удалось даже один раз сходить в Театр музыкальной комедии, где артисты играли, пели, танцевали так, как будто не было ни голода, ни холода. А в конце октября уже не было возможности для встреч. Мы встретились последний раз и обещали не потерять друг друга. Обещание сдержали. Я был вывезен из Ленинграда в феврале, а Вера – в апреле 1942 года. Оказались в разных местах страны: я в Кировской области, потом на Дальнем Востоке, она – сначала на Кавказе, затем в Сибири. И все же сложным путем нам удалось найти друг друга и наладить переписку. Переписка продолжалась всю войну. Письма от Веры очень помогали мне преодолевать трудности, которые преподносила жизнь вплоть до 1946 года –

года моего возвращения в Ленинград. Потом мы поженились и, слава Богу, продолжаем жить вместе.

Захарова Людмила Сергеевна
Люди бежали кто куда, теряли детей

Людмила Сергеевна в школе пела в хоре, занималась в драмкружке, играла в струнном оркестре, участвовала в соревнованиях по лыжам, легкой атлетике, баскетболу. После школы окончила электромеханический техникум, но и на работе участвовала в художественной самодеятельности, ездила с концертами в Москву. Муж Людмилы Сергеевны – офицер, с ним она 30 лет ездила по СССР: Ленинград – Актюбинск – Байконур – Камчатка – Украина – Санкт-Петербург. В 2001 году пришла в хор «Жители блокадного Ленинграда» и по сей день поет в нем. Имеет звание «Ветеран труда», знак «Житель блокадного Ленинграда».

Родители мои – уроженцы деревни Холм Вологодской области. Семья была большая, четверо детей. В праздники собирались родственники, пели и плясали под гармошку. Я пела свою любимую «Самара-городок». Когда началась война, мне был 1 год и 2 месяца. Мы жили в двух километрах от железнодорожной станции Ржевка. На путях стояли составы с боеприпасами. Немцы бомбили станцию, и в домах по соседству вылетали рамы со стеклами, гибли люди. Мама рассказывала, что я лежала в кровати вся усыпанная осколками, лицо в крови.

Люди были страшно обессилены, в сараюшках лежали замерзшие трупы. По весне их вывозили в братские могилы, чтобы не было эпидемии. С нами жила тетя с маленьким ребенком. Она пошла пешком за карточками в порт и на следующий день вернулась, но ее мальчик уже умер. Мама работала на полигоне в детском саду. Однажды она пришла с работы, а бабушка лежит мертвая, и я ползаю рядом. Отец все 900 дней работал на полигоне, опух от голода, но маме удалось его выводить. Он прожил 89 лет, а мама – 63 года.

Нас с мамой эвакуировали через Ладогу. Мама рассказывала, что нас погрузили в трюм баржи, тут налетели немецкие самолеты и стали бомбить. Когда переправились на другой берег, начался артобстрел. Люди бежали кто куда, теряли детей. Каким-то чудом мы остались живы. Потом всех накормили кашей из походной кухни. Какое же было счастье!!!

Когда отец остался один, он приходил с работы в холодную квартиру, садился ужинать и делил свой скудный ужин с мышкой.

После войны жилось трудно и взрослым, и детям. Приходилось много работать. Мы, дети, собирали для супа крапиву и лебеду, работали на делянках для заготовки дров, мы, три девчонки, помогали отцу. В лесу собирали ягоды, грибы, сажали овощи. Помню пленных немцев. Они строили у нас бараки и часто просили хоть какой-то еды.

Зензерова Валентина Владимировна

Каждый свободный клочок земли в Ленинграде, все скверы, газоны, сады превратились в огороды

В 14 лет награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Я жила в блокадном Ленинграде вместе с мамой. От бомбежек в окнах вылетели все стекла – пришлось закрыть их матрасами, но ветер все равно проникал в комнату. Тепла буржуйки не хватало, было холодно и голодно. Свои 125 граммов хлеба мы делили на кусочки и подсушивали их, чтобы не есть, а сосать как можно дольше. Когда сгорели Бадаевские склады, то растеклись ручейки расплавленного сахара, впитываясь в землю. Мы с мамой собирали сладкую землю и сосали – вместе с землей – как конфеты.

Сначала я продолжала учиться. Из-за постоянных бомбежек уроки часто прерывались. Но тяжелее было возвращаться из школы – фашисты знали, что уроки заканчиваются после 13 часов, и именно в это время начинали интенсивно обстреливать город.

Однажды ночью объявили воздушную тревогу, и все укрылись в бомбоубежище. Обстреливали именно наш район – мы поняли это по тому, как содрогалась прямо под нами земля, погас свет, а потом хлынула вода – прорвало водопровод. Все рванулись к выходу, а дверь заклинило. Когда вышли, то увидели, что из трех домов остался только один, два были разрушены до основания.

Вместе со всеми школьниками весной меня направили на сельскохозяйственные работы. **Каждый свободный клочок земли в Ленинграде, все скверы, газоны, сады превратились в огороды. Обстрелы не прекращались, но мы выращивали овощи, пололи, поливали, собирали зелень. И так до самой осени. Зимой опять учились – до весны, а потом – снова на огороды. Так и жили. И слушали сводки Совинформбюро, стихи Ольги Берггольц, которые вселяли в наши души надежду на победу. И дождались.**

Зимарина (Шпагина) Любовь Александровна
Маму забрали на аэродром заправлять бомбы в самолеты

У нас была большая семья: я родилась в 1932 году, а моя сестренка Верочка в 1934-м. Во время блокады ей было семь лет. В 1937-м появились двойняшки – девочка Надя и мальчик Боря. Нам выделили большую комнату в коммунальной квартире на углу улицы Пестеля и Литейного проспекта.

Наш папа, Шпагин Александр Давыдович, работал в милиции, был регулировщиком на перекрестке Невского проспекта и улицы Садовой. В 1939-м его отправили на войну с Финляндией, вернулся сильно простуженный: заболело ухо. Его положили в госпиталь, была операция – долбили ухо.

А 22 июня 1941 года началась война с немецкими захватчиками. После операции отцу дали «белый билет», поэтому его направили на завод «Красный выборжец», который работал на войну. Там ему предоставили койку в общежитии, так что домой он совсем не приходил: много работы, город без конца бомбили, а есть дома нечего. Отцу и на работе не хватало еды, а ведь его здоровье уже было подорвано. Он сильно простудился, заболел и слег в постель, а 1 января 1942 года скончался на своем заводе. Нам не сказали, где он похоронен, только дали справку о смерти. И моя мама, Шпагина Татьяна Сергеевна, осталась одна с четырьмя детьми.

Я была старшей, мне было 9 лет, моей сестре Вере – 7 лет, а двойняшкам Наде и Боре – по 4 года. Мама сидеть с нами не могла, поэтому мне пришлось взять на себя малышей. Маму бросали на разные оборонные работы, она была согласна на все, лишь бы прокормить нас.

Начались сильные бомбежки города. **Когда завывали сирены, мы бежали в бомбоубежище – оно находилось в нашем доме под аркой в подвале. У каждого из нас были свои нары, сделанные из досок, и мы порой даже ночевали там. Однажды вышли из убежища, а дом напротив нашего полностью разбит: ни потолков, ни пола, одни стены остались. А в углу, на маленьком пятачке, стоит железная кровать, рядом оконный проем – так из этой дыры развеивается тюлевая занавеска. Было очень страшно.**

На крышу нашего дома немцы все время сбрасывали «зажигалки», и девушки из группы МПВО тушили их, иначе бы был пожар.

Мы почти не мылись, появились вши и гниды. Но мама все время подстригала нам волосы.

Порой, когда город обстреливали, мама не могла попасть домой с работы: все улицы и переулки были заставлены зелеными грузовиками, в центр никого не пропускали. Тогда мы сидели голодные. Рядом с нами жила мамина сестра, Сергеева Наталья Сергеевна. До начала войны она работала кладовщицей в школьной столовой. В войну в этой школе варили похлебку для голодных. Я туда часто ходила. Проходила пешком Литейный, Невский до Казанского собора и сворачивала на улицу Плеханова. Там я съедала порцию супа, но должна была принести домой еще три порции малышам. У меня не всегда получалось: бидончик часто вырывали из рук. Мама думала, что я их накормила, а они оставались голодными.

Наступил январь 1942 года. Зима была очень суровая. Мои малыши заболели дистрофией, слегли в постель. Они уже не могли глотать грубую пищу, отдавали мне. В начале марта умерла семилетняя Вера. Она лежала без сознания, все время бредила и говорила, что очень хочет кушать. У меня ничего не было, кроме маленького кусочка масла. Я ложечкой отковырнула немножко и попыталась накормить ее, но зубы были стиснуты. Я кое-как запихнула этот кусочек. Она замолчала. Мама вернулась с работы, а Вера была мертва. Рот приоткрыт, а на язычке лежит этот кусок масла. Мы отнесли ее тело в Куйбышевскую больницу – там во дворе все трупы складывали как дрова. Мы просто ее положили, поплакали и пошли домой.

Через две недели умер Боря. Его двойняшка Надя рыдала: «Хочу к Боре». А в апреле она и сама умерла, и остались мы с мамой совсем одни.

Маме в 1942 году было всего 35 лет. Ее забрали на аэродром заправлять бомбы в самолеты. Она работала в Левашово, Углово, на Комендантском аэродроме. А после войны она стала ночным сторожем, 6 лет проработала у кинотеатра «Баррикада» на Невском проспекте возле реки Мойки, а потом в «Доме книги» – тоже на Невском, у канала Грибоедова.

Зиновьева Татьяна

Жажда нас мучила постоянно

Война меня застала на острове Эзель в Эстонии. Там я была с моим старшим братом Николаем, кадровым офицером, его женой и сыном Вовкой. Ранним летним утром я впервые услышала страшное слово «тревога». Нас подняли и в считанные минуты сбора посадили на катера и отвезли на материк. После этого нас посадили в товарные поезда, и мы поехали. Но продолжалось это недолго. Вскоре нас загнали в какой-то железнодорожный тупик, где мы стояли до тех пор, пока не прилетели немецкие истребители, которые, как шмели, кружились над нами и стреляли по нашим вагонам. Все, кто мог, спрятались под вагонами

на рельсах, чтобы нас не достала пуля. Когда немецкие самолеты улетели, мы спешно вернулись в вагоны, и нас повезли дальше. Но мы вновь приехали в тупик. Ночью прилетели самолеты и стали бомбить станцию. Цистерны с горючим загорелись и стали взрываться.

В нашем товарном вагоне ехало порядка 40 человек – молодые женщины с детьми и беременные, которые там же преждевременно рожали. Все друг другу помогали, кто как мог. Так продолжалось шесть дней и ночей, ни минуты покоя, немного проедем и опять встаем, пока не улетят стервятники. На шестой день нас довели до станции Мга и сказали, что дальше эшелон не пойдет, добирайтесь до Ленинграда самостоятельно. Мы пошли пешком, невестка с ребенком на руках, а я с большим эмалированным чайником литров на шесть. Я с ним все время бегала за водой, где только можно, жажда нас мучила постоянно. Пока мы шли пешком, над нами вновь кружили стервятники. Я и сейчас с ужасом это вспоминаю и удивляюсь, как мы уцелели. Нас Бог спас, помощи нам ждать было неоткуда.

Мы добрались до Ленинграда, потеряв счет времени. До войны у нас была большая дружная семья. Но отец и мать умерли. Старший брат Николай остался на острове Эзель, брата Дмитрия призвали в армию в апреле 1941 года – он служил в Николаеве под Львовом, там фашисты нанесли самый первый удар, после которого он и погиб. Таким образом, у меня в Ленинграде остался один брат Виктор. Ему было 16 лет, он работал на заводе имени Калинина на Васильевском острове. Он каждый день ходил на работу, а я с двоюродными сестрами ходила в Рыбацкое, где у них был дом и огород. Там уже была передовая линия фронта, где стреляли и убивали. Мы копали там картошку и находили убитых лошадей, отрезали от них сколько могли мяса и потом то ползком, то бегом бежали домой вдоль Невы по проспекту Обуховской обороны на Кузнечный.

В это время у нас там была комната в 24 квадратных метра в большой коммунальной квартире. Сестры мои были старше меня, и их эвакуировали. В городе у нас было много родных, и я ходила к ним. Помню, я как-то была на Большой Зелениной улице на Петроградской стороне, и в это время как раз горели Бадаевские склады. Было такое зарево, что три ночи было светло как днем. Потом люди стали ходить туда собирать сладкую землю, но я не была в их числе.

Мы, дети-подростки, ничего не боялись – бегали по крыше, дежурили на чердаках, сбрасывали зажигалки. Я была предоставлена сама себе и думала, как помочь людям.

Потом настала страшная блокадная зима. Я еще ходила тогда к тете Лизе, маминой родной сестре, она жила в Люблинском переулке. В ее доме было 5 или 6 этажей, и в момент воздушной тревоги мы бежали в бомбоубежище и отсиживались там несколько ночей. Потом я опять ночевала дома на Кузнечном. На улице Марата была толкучка, там люди продавали и меняли все что могли. Я тоже сначала продавала фотоаппараты, мои братья до войны занимались фотографией, а потом и скатерти. Все ценное я обменивала на хлеб. Помню, одной соседке, которая тогда работала в булочной, понравилась моя стеклянная горка, и она ее у меня выпросила, сказав, что тут ей не место, а у нее, мол, есть своя комната. У другой соседки муж был железнодорожником и привозил с работы сгущенку. Так она за банку сгущенки выменяла у меня шкатулку, полную антикварных статуэток, которым теперь цены нет. Ну да ладно.

Брат был на казарменном положении и приходил домой только сменить вшивое белье на чистое. Скажет мне, сходи к тете Маше, посиди у нее, а сам около буржуйки сядет, оботрется горячей водой, наденет чистое белье, а старое в буржуйке сожжет и греется. Буржуйку он принес с завода. Я всю зиму сидела у нее, сожгла все стулья и шкафы, которые были нами разобраны. Однажды утром в январе 1941 года пришел дядя и сказал, что тетя Лида просит ее навестить. Брат тогда ночевал дома, и мы с ним пошли по пустому, темному городу. Единственный свет был от снега, лежащего под ногами. Я пришла к тете Лиде, она сидела у холодной буржуйки и пожаловалась мне на дядю, что он пришел, съел весь хлеб и даже дров не принес. Я пошла в подвал за дровами, затопила буржуйку, вскипятила воду и вымыла тете лицо. Отварила картошку, мы покушали, а после я легла с ней спать на одну кровать. Утром я стала ее будить, но она мне не отвечала. Потом я поняла, что она мертва. Я так испугалась, что позвала соседей, а сама убежала. Меня очень сильно трясло. **Весной брат пошел на завод, попал под обстрел и, не дойдя до завода, погиб. Через какое-то время я потеряла свои карточки, и соседи мне сказали, чтобы я шла в детский дом, чтобы не умереть с голода. Мне было всего 11 лет.**

В итоге наш детский дом эвакуировали в Алтайский край, в село Завьялово. Там мы прожили три года.

Зинченко Вера Петровна (Смирнова)

Баржу с нашими вещами, на которой тоже были дети, сразу потопили

Мы с родителями, сестрой и братом проживали на станции Мартышкино. Когда началась война, мне было 9 лет. Начались обстрелы и бомбежки, хлеба в магазине стали отпускать мало, и мне приходилось бегать за ним в соседнее

село. Запаса продуктов у нас не было: наша мама не работала, а нас было трое. Старшей шел 14-й год, а младшему брату было всего 2 года. Работал один отец.

Недалеко от нашего дома проходила железная дорога. Ее часто бомбили, поскольку по ней ходил бронепоезд. У нас в Мартышкино стояла воинская часть, и я часто убегала из дома посмотреть, как стреляют, – из Мартышкино было хорошо виден Кронштадт. И вот, 14 октября 1941 года, был обстрел. В это время я возвращалась домой и вдруг почувствовала, как меня что-то ударило в локоть. Попала в госпиталь, там мне удалили осколок снаряда, который застрял в кости.

Через два дня меня из госпиталя привезли на пристань, а оттуда – в Ленинград, в детскую больницу имени Святой Марии Магдалины. В больнице я находилась долго. Из окон были видны аэростаты и частые обстрелы и бомбежки. Мы больше находились в бомбоубежище – там стояли раскладушки, нам показывали кинофильмы.

Когда я выздоровела, меня отдали в детский дом № 81. Там пришлось многое испытать. Как и другие дети, я болела цингой. **В июле нас эвакуировали, и мне запомнилась дорога. Вместе с детьми из Фрунзенского района нас посадили на баржу, вещи наши погрузили на вторую, а мы за плечами несли рюкзаки. Как только отплыли от берега, начался обстрел, и баржу с нашими вещами, на которой тоже были дети, сразу потопили.**

И вот мы на другом берегу Ладоги, нас повели к поезду. С нами была директор Капитолина Назаровна с матерью Сусанной Артемьевной и воспитатели Татьяна Ивановна и Серафима Ивановна. Когда поезд делал остановку, нам приносили еду. Воспитатели делили ее на две порции, чтобы кормить нас понемногу, но чаще. Мы все доехали до места назначения живыми. А из другого детдома на каждой остановке выносили на носилках мертвых, потому что истощенным детям нельзя давать сразу много еды.

Нас привезли в город Данилов Ярославской области и распределили кого куда. Я попала в деревню Хабарово. Нас поселили в сельской школе, и спали мы первое время на соломе.

При помощи воспитателей я узнала, что отец погиб на Ленинградском фронте в 1942 году, а маму с детьми эвакуировали в Сибирь. Мы стали с ней вести переписку. Когда пришло первое письмо, воспитательница читала его всей группе, и мы все вместе радовались.

В 1943 году нас из Хабарово перевели в город Данилов, в детский дом имени Карла Маркса, где я находилась до июля 1946 года. День Победы мы встретили там, была построена линейка, на которой наш завуч Иван Петрович со слезами на глазах сообщил нам эту новость.

После этого дети стали уезжать по домам, но необходимо было получить вызов, иначе из детского дома не отпускали. Мама вернулась из эвакуации, и жить ей было негде. Наш дом в Мартышкино разбомбили, и мама работала на стройке, где ей дали комнату в общежитии. В этой комнате жили две семьи с детьми, и поэтому в исполкоме маме не давали вызова. Но в 1946 году меня и еще нескольких девочек привезли в Ленинград и доставили по адресам – так и началась моя новая жизнь.

Сейчас у меня двое детей – сын 1964 года рождения и дочь 1961-го, трое внуков и правнучка.

Золотухина Инна Ивановна

Работали мы наравне со взрослыми – выполняли норму

В 15 лет награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Я помню этот самый страшный, несчастливый и трагический день в моей жизни – 22 июня 1941 года. Мне в то время уже исполнилось 14 лет. Училась я в самой лучшей школе Ленинграда – на Невском проспекте, 14. Ее пятиэтажное здание соорудили всего за 54 дня по проекту молодого архитектора Б. А. Рубаненко, который затем получил Государственную премию. 6 октября 1939 года она приняла первых учеников Куйбышевского района. Я тогда училась в школе № 3 на Мойке, 38, – и целый год наш класс боролся за звание лучшего, чтобы заслужить право на перевод в новую школу. Но проучились в новой школе мы всего лишь два года.

Закончились экзамены, нас только перевели в 7-й класс, как 22 июня началась война... Уже 26 июня по распоряжению городских властей часть учащихся вместе с директором школы Басовым Сергеем Яковлевичем и учителями эвакуируются в поселок Малая Вишера. Я поехать не могла: мой отец умер в 1936 году, мама работала, а у меня был младший брат – ученик третьего класса школы № 3. Но вскоре и его школу эвакуировали вместе с учащимися младших классов. Когда мы с мамой провожали моего младшего брата, к нам подошла директор школы и предложила мне поехать вместе с братом – пионервожатой.

Жили мы в соседнем доме, и через 20 минут я уже была готова. Уезжали как на дачу: смена белья, кофточка шерстяная и одно одеяло разрезали пополам на двоих. Никто не думал, что это надолго.

С нами уезжали: завуч школы, две учительницы, медсестра, три пионервожатые (по 14 лет), и еще в пути прибились две девушки – Инна и Нина, 18-ти и 19-ти лет. Привезли нас на станцию Веребье, там погрузили на подводы вещи и малышей и повезли в деревню Морконницы. Разместили нас у кладбища, недалеко от деревни. В церкви колхозники соорудили нары, в часовне – библиотеку, на поляне сделали плиту на три котла: один для воды, другой для каши, третий – для супа или щей. Нарубили дров, привезли воду, и началась наша «партизанская жизнь».

Книги нам приносили местные жители, они же обеспечивали продуктами. В ближнем селении был сыроваренный завод, который снабжал нас сыром. Местность красивая, рядом река, маленький паром, перевозивший людей на противоположный берег. Детям такая вольная жизнь поначалу нравилась, но через месяц мы заскучали.

А из Ленинграда на Урал и в Сибирь эвакуировали заводы. Некоторых детей забирали ехавшие в эвакуацию родители. Но в основном школы начали возвращаться в Ленинград. Когда в нашем лагере осталось меньше сотни детей, за нами приехала мама. Уже на станции Веребье нас несколько раз бомбили. Всюду чувствовалась прифронтовая жизнь. На станциях ходили женщины в белых фартуках с корзинами наперевес, раздавали детям хлеб, печенье, вареные яйца и другие продукты питания. Через два дня нас посадили в теплушки. Несколько раз состав останавливался. Объявляли: «Воздух!» – все люди выскакивали из поезда и бежали прятаться в лес. После отбоя тревоги собирали по лесу испуганных детей, снова грузили в теплушки – и в путь!

Вернулись мы в конце августа. Уже на подъезде к Ленинграду чувствовалось напряжение. Все окна домов и заводов были заклеены крест-накрест белыми полосками, чтобы при обстрелах не вылетали стекла. Начались бомбежки. Первая бомба, о которой мы слышали, упала на Старо-Невском. Люди бежали смотреть, помогали раскапывать завалы. Мы тоже с друзьями там были, предлагали свою помощь, но за оцепление нас не пускала конная милиция.

Продуктов питания в городе уже не было, ввели продовольственные карточки. **Сгорели самые крупные продовольственные склады – горели всевозможные продукты и черными лохмотьями летали над городом, горел сахар и растекался ручьями, пропитывая землю. Эту землю позже люди откапывали, разводили в воде, а когда земля оседала, пили подслащенную**

воду. В эти несколько дней накануне 1 сентября я с соседями по двору ездила на оборонные работы, мы рыли противотанковые рвы, окопы.

Моя школа тоже вернулась в Ленинград. Город уже готовился к обороне от гитлеровских войск. Формировались отряды добровольцев, дивизии народного ополчения. Тысячи учащихся старших классов становились в строй и уходили на фронт. Мы, оставшиеся подростки нашей школы, рыли окопы под Стрельной и Гатчиной, дежурили на крышах своих домов, тушили зажигательные бомбы.

Перед финской войной в подвалах нашего дома были построены бомбоубежище и газоубежище. Все чердаки были очищены и засыпаны толстым слоем песка, оборудованы клещами для зажигательных бомб и разными другими приспособлениями для защиты нашего дома. Когда началась война и фашисты начали бомбить город, в бомбоубежище и в газоубежище поставили кровати и разместили бабушек и дедушек с маленькими детьми. Все трудоспособное население и подростки были объединены в противопожарные команды, которые вели круглосуточное дежурство на крышах и чердаках. Только днем из бомбоубежища могли выйти люди. Бомбежки были так часто, что иной раз мы не успевали добежать до квартиры.

Я была направлена в противопожарную команду и наравне со взрослыми проходила занятия по освоению техники тушения зажигалок. Сначала даже не могла поднять эти металлические клещи с длинными ручками, чтобы захватить ими зажигалку и выкинуть в окно. Она шипела и разбрызгивала огненные искры, но со временем я всему научилась. Когда зажигалки попадали на песок, их было легче накрывать асбестовыми полушариями: под ними быстро выгорал кислород, и они затухали.

Кроме участия в дежурствах на крыше на мне была еще забота о добывании пищи для семьи. Мама работала и приходила домой поздно вечером, старший брат тоже работал на оборонном заводе и приходил домой раз в неделю, а младшему брату было 11 лет. Я ездила с соседями в сторону Озерков и Парголово, там в деревнях мы меняли вещи на картофель и молоко. Возвращались уже затемно, и тут начиналась бомбежка. Первое время было страшно, но постепенно мы привыкали, и я сама удивлялась: как это я, 14-летняя девчонка, с рюкзаком за плечами, с бидоном в руках, ничего не евшая в течение дня, могла пройти многие километры по деревням? Если никто из военных не подвезет, то шли пешком до дома, в самый центр города – на Мойку, 36. Позже – ездили на Среднюю Рогатку, там было огромное картофельное поле между Пулковскими высотами и городом. Это была уже прифронтовая полоса, картофель валялся вырытый взрывами снарядов и бомб.

Мы пролезали под заградительной колючей проволокой и по-пластунски собирали в рюкзаки картофель. Но длилась эта операция недолго, так как военные объездчики на конях прогоняли нас, спасая наши жизни. Но еды катастрофически не хватало.

Вскоре ввели продовольственные карточки. Но по ним мы получали только хлеб – да и то нерегулярно, к тому же норма уменьшалась стремительно. Позже, когда уже выпал снег, мы с друзьями ездили в Парголово. Упросили военных пропустить нас на нейтральную полосу, на капустное поле. Капуста была убрана, но на поле оставались кочерыжки и нижние зеленые листья, которые мы собирали. Однажды увлеклись, зашли далеко и наткнулись на небольшое овсяное поле. Зерна овса лежали на снегу. В перчатках собрать их было невозможно, и мы работали голыми руками. Домой явились с обмороженными руками, но все же принесли капусту и овес.

Мои походы за продуктами немного помогали семье, но это было очень недолго.

С 1 сентября 1941 года я поступила в ремесленное училище № 14 Главного управления профтехобразования г. Ленинграда и Ленинградской области в группу слесарей. Занимались мы в училище недолго. Во втором полугодии 1941 года обучение было прекращено согласно приказу №... по Ленинградскому городскому управлению трудовых резервов. Учащиеся были отправлены на оборонные работы. Занятия были полностью подчинены производственному обучению на выполнение оборонных заказов. 14 – 15-летние девчонки и мальчишки были направлены в цеха промышленных предприятий. Рабочие уходили на фронт, уступая свои места подросткам. Чтобы дотянуться до верстака или станка, нам рабочие подставляли ящики. Работали мы наравне со взрослыми, выполняли норму. Впервые на заводе услышав слова «штангенциркуль» и «микрометр», через очень короткое время уже уверенно ими пользовались, с предельной точностью выполняли ответственные заказы. Это про нас бывший школьник поэт Юра Воронов в своих стихах сказал:

В блокадных днях мы так и не узнали:
Меж юностью и детством где черта?
Нам в сорок третьем выдали медали,
А только в сорок пятом – паспорта.

Блокадную зиму 1941 – 1942 годов особенно тяжело переживали деревенские ребята. Норма хлеба была снижена до 250 граммов для рабочих и 125 граммов для других групп (детей и служащих и детей иждивенцев). Но этот брусочек

хлеба не был хлебом в обычном понятии. Муки в нем было только третья часть, остальное – примеси: обойная мука, целлюлоза, отруби, жмых. В общежитиях, как и во всем городе, не работало отопление, не было света, воды. В комнатах стояли железные печурки-буржуйки. Во дворе были дрова метровой длины, но ослабленные ребята даже не в силах были их распилить или расколоть. Почти все лежали опухшие от голода. Моя мама с 1 сентября 1941 года работала комендантом общежития того же ремесленного училища, где я училась. Очень важно было топить титан и поддерживать его, чтобы постоянно была горячая вода. Я после работы приходила к маме и с ней дежурила всю ночь. Те из ребят, кто мог передвигаться, собирались вокруг этого титана, пили горячую воду, согревались и вспоминали свою сельскую жизнь. Говорили: «Вот приманили нас ленинградские огоньки. В деревне что-нибудь да нашли бы поесть, откопали бы какие-то мерзлые овощи или траву, а здесь гранит не погрызешь». Опухшим ребятам врачи не разрешали много пить. Но как же не дать глоток горячей воды, когда на тебя смотрят голодными горящими глазами изможденные, с провалившимися щеками, похожие на скелеты дети?

Утром я уходила на работу в мастерскую, вечером получала дневную порцию горячего питания, и вместе с мамой мы шли домой, чтобы покормить братьев, разделив на всю семью принесенную мной еду. **По утрам комендант обходил комнаты, смотрел – кто умер. Закутав умерших в простыни, ребята с трудом выносили их и складывали рядом с поленницей, как дрова. Те рабочие и ученики, что были покрепче, домой не приходили – ночевали прямо в цехах, то есть находились на казарменном положении.** К весне стали понемногу увеличивать норму хлеба, но это не помогало. Дистрофия косила людей. Умирали на улицах, дома, в заводских стенах. Идет человек, прислонился к стене и замерзает. Кто мог – вывозил трупы своих родных на детских саночках на кладбище. А у кого совсем не было сил – оставляли во дворах.

Был такой случай. Хлебные магазины открывались в 6 часов утра, было совсем еще темно. Мама меня очень тепло одевала: поверх верхней одежды и шапки закутывала большим пуховым платком, концы которого завязывала за спиной. На ноги надевала шерстяные носки, детские валенки вставляла в другие валенки большего размера, а потом я их надевала на ноги. Получался такой «колобок». Но зима стояла лютая, а нужно было долго стоять в очередях за хлебом или за другими продуктами. Спустилась я по лестнице с 6-го этажа, подхожу к воротам, а у калитки стоит, прислонясь, высокий мужчина. Я его попросила меня пропустить, а он молчит, не двигается. Я стала протискиваться, а он так на меня и повалился. Хоть и притуплены были все чувства, но тут я испугалась! Возвращаюсь с хлебом, а он так и лежит замерзший. Попыталась его подвинуть

– сил нет, пришлось перешагнуть. Домой на 6-й этаж поднималась в кромешной темноте на четвереньках, а сумочку с кусочком хлеба держала в зубах. Пока я ходила за хлебом, мама и старший брат кипятили самовар. Дров не было, поэтому жгли мебель, какую под силу было разломать. Пили чай, заваренный веточками вишни или сосны, с кусочком хлеба.

После «завтрака» я шла в ремесленное училище на смену. А дорога была длинная: от Мойки, 36, мимо Казанского собора по улице Плеханова, по проспекту Майорова, по Измайловскому проспекту, до 7-й Красноармейской улицы, что почти у Варшавского вокзала. Там находилось наше училище.

Однажды вечером возвращалась одна домой с работы и несла свою дневную норму еды. **Недалеко от нашего общежития на меня напали двое парней из нашего ремесленного училища. Они оба одновременно ухватились за сетку, в которой находились два маленьких бидончика: в одном была тарелка супа, в другом на дне плескалась порция каши и кусочек хлеба. Оба парня вырывали из моих рук сетку, тянули ее каждый в свою сторону. Я сопротивлялась как могла. Потом они упали на снег и стали наклонять бидончик с супом, чтобы хоть немного чего-нибудь попало в рот. Хорошо, что в это время проезжал на лошади, запряженной в сани, военный в белом полушубке. Он спрыгнул с саней и оттащил ребят, хотел их побить, а они и встать-то не могут. Тогда он их поднял, поставил к стене дома, дал им по сухарю и спросил меня, куда мне идти. Я рассказала, что далеко. Военный пожалел, что нам не по пути – он возвращался из штаба на фронт, что-то вез на санях. Я тоже огорчилась, ведь сама еле-еле передвигала свои уставшие ноги. По дороге вспомнила, как ребята на меня напали. Видимо, они заметили, что я днем не ем, а получаю свой обед для того, чтобы поделиться им с мамой и братьями. Так я и жила: в шесть утра – за хлебом, потом – на работу, через день с мамой, а через день – одна.**

Я уже писала, что все чувства были притуплённые, но все же о самых близких людях заботилась. А вот, встретив своего двоюродного брата Борю Семенова, как-то бесчувственно отнеслась к тому, что их дом разбомбили. Жили они на улице Почтамтской. Наверное, целились в почтамт, а попали в жилой дом. Мама его – Мария Георгиевна Семенова – болела дистрофией. Боря вызвал для нее врача. Сперва пришла какая-то женщина, а через несколько дней пришли в белых халатах еще два «врача» – женщина и мужчина. Они осмотрели ее и сделали заключение, что нужно класть Марию Георгиевну в госпиталь. Сказали, что для оформления нужно сдать продовольственные и хлебные карточки – якобы в госпитале ее зачислят на трехразовое горячее питание. Забрали карточки, пообещав, что завтра за ней приедет санитарная машина, чтобы она

приготовилась к восьми часам утра. Наутро никто за ней не приехал. Боря пришел в поликлинику узнать об этих врачах – оказалось, что это не врачи, а просто жулики. Через несколько дней Мария Георгиевна умерла. Борю приютили в детском доме.

В марте 1941 года моя мама тоже заболела и не могла больше ходить на работу. Я продолжала каждое утро ходить за хлебом, а потом на целый день уходила на работу. Ежедневно приносила домой свой обед. Маме становилось все хуже и хуже, у нее начала развиваться водянка. Врачи приходили, откачивали воду, но через несколько дней она опять скапливалась. Сначала распухли ноги, вода все поднималась вверх, ужасно распухал живот. В апреле маму положили в госпиталь.

У нашей тети – маминой родной сестры Кичевой Наталии Михайловны, погиб муж на финской войне, остались пятеро детей, и моя бабушка перешла жить в их семью, так как тетя пошла работать, а за маленькими детьми нужно было ухаживать. В итоге вся семья погибла. Первой умерла бабушка, Калашникова Мария Алексеевна, за ней – 5-летняя Роза, потом – 11-летний Георгий, 13-летняя Тамара погибла от осколков снаряда. Сама тетя умерла от дистрофии. Старший сын – 20-летний Виктор – погиб в бою 15.02.1944 г. и захоронен в братской могиле в деревне Табары Середкинского района Ленинградской области.

Моя мама Иванова Мария Михайловна умерла в Ленинграде в госпитале 5 августа 1942 года от дистрофии. Старший брат Владимир был на фронте. Я осталась одна с младшим 12-летним братом Георгием. Мы постоянно получали повестки, что нам необходимо эвакуироваться. Был приказ Комитета обороны вывезти всех детей из блокадного Ленинграда.

Через Ладожское озеро нас перевозили на военных катерах. Всюду по воде плавали тюки, чемоданы и прочие вещи. Сопровождающие нас моряки рассказывали, что сегодня нам повезло: низкая облачность дает нам шанс добраться до противоположного берега, где ждет горячий обед и набор продуктов на дальнейшую дорогу. **В ясную погоду Дорогу жизни с одного берега обстреливали и бомбили немцы, а с другого – финны. Плавающие вещи вытаскивали баграми на берег, но никто их не брал. Истощенные, голодные люди мечтали только о еде.** На противоположном берегу из рупоров беспрестанно предупреждали, чтобы люди не ели много, что это может очень плохо кончиться – истощенный организм может не справиться, и человек умрет. Но сдержать себя могли не все. Медицинские работники оказывали помощь, но спасти удавалось не всех.

Иванов Юрий Ильич

Я внес свою крупинку в дело освобождения города

В городе чувствуется тревога, напряжение. Мы с мамой идем по переулку Смирнова, который тогда назывался Ломанский, что на Выборгской стороне. «На нас напал нехороший дядя, началась война», – сказала мама и показала куда-то вверх. Я посмотрел вверх, ничего там не увидел, кроме верхних этажей зданий, но понял, что у нас что-то неладно. С этого момента началась новая жизнь, жизнь во время войны.

Родился я в Ленинграде, в рабочей семье в 1937 году. Отец – модельщик высокой квалификации. Зарабатывал хорошо – так что мог освободить мою маму от работы, и я воспитывался в семье, в детский сад не ходил. Как и большинство людей в те времена, и отец и мать родились в деревне, в город уехали от «Великого перелома», то есть убежали от колхоза.

Мы ходили по булочным, где народ начал скупать хлеб. Везде стояли очереди. Я стал просить у мамы булочку за 40 копеек, то есть сдобную булочку типа нынешней свердловской, облитой сахаром. Мама обещала, но сдобных булочек, да и вообще белого хлеба уже не выпекали. Это было первое лишение, которое я испытал. Если бы я знал, что еще ждет нас впереди! И вот начались военные будни. Всех обязали заклеить окна полосками бумаги, вырезанными из газет, что и выполнили родители. Кроме того, купили черные бумажные шторы, которыми следовало закрывать окна, как только будет включаться свет.

Жили мы в коммунальной, но хорошей квартире. Всего два жилья. Нашими соседями была интеллигентная бездетная семья инженера-строителя. Жили довольно дружно, хотя вряд ли нашим жильцам нравилось, как по праздникам у нас собирались деревенские гости, которые крепко выпивали, после чего пели свои псковские песни и частушки, а также плясали, громко топая, как привыкли у себя в родных краях. В школе, находящейся во дворе нашего дома, организовали сборный пункт мобилизованных в армию. В садике поставили стойки в человеческий рост с вплетенными в них прутьями, которые изображали вражеских солдат. Новобранцы с учебными винтовками, изготовленными из дерева и соответствующим образом выкрашенными, кололи эти стойки штыками и били прикладами. Хочу заметить, что винтовки были сделаны очень искусно. Даже вблизи они выглядели как настоящие.

После войны, когда я был подростком, мне каким-то образом попала одна такая винтовка, и я гордо носился с ней по двору до тех пор, пока какой-то бдительный товарищ не подбежал ко мне и не выхватил это оружие. Он был очень удивлен, увидев, что это деревянное изделие, похвалил его и вернул мне.

Во дворе поставили также выполненный из фанеры макет танка в настоящую величину. В него солдаты, тогда их называли бойцы, бросали гранаты. Танк, который был выкрашен в зеленый цвет, мне очень нравился. Я все время ходил вокруг него и часто залезал внутрь.

Однажды во двор въехала машина и высыпала кучу песка, предназначенного для тушения зажигательных бомб. Взрослые стали носить этот песок ведрами на чердаки. Подошел и я со своим детским ведерком. Мне его насыпали, и я тоже полез на чердак, где и высыпал песок в одну из куч, которыми было заполнено все пространство чердака. Признаюсь, подниматься по крутой лестнице, а этажи тогда были высокие, второй раз мне не хватило сил. Тем не менее таким образом я внес свою крупинку в дело обороны города, чем и безмерно горжусь. Здесь хотелось бы еще отметить, что крыша нашего обычного пятиэтажного дома была почему-то покрыта не кровельным железом, а рубероидом. Наверно, это был единственный такой дом в городе. Нам просто повезло, что зажигалок на нашу крышу не попало. Как-то у соседа собрались гости, все военные моряки. Они сидели на кухне, выпивали. Я вертелся тут же и с восхищением глядел на них. И вот один из них заметил меня и сказал: «Хочешь пострелять из пистолета». Я замер от такого предложения и не поверил своим ушам. Тем не менее моряк вынул пистолет из кобуры, разрядил его и дал мне. Я сделал из него, как сейчас помню, четыре щелчка, которые мне казались настоящими выстрелами. Из своей комнаты вышла соседка и долго ругала легкомысленных моряков.

Хорошо помню, что, несмотря на свои четыре с небольшим года, я легко удерживал пистолет на вытянутой руке. Вот что значит деревенская закалка. Вскоре начались бомбежки и артобстрелы. Бомбежки еще как-то предупреждали по радио (как мне показалось, радио у нас работало всю блокаду, без перерыва). Сначала включался ужасный звук сирены, а затем какой-то металлический голос начинал говорить, повторяя: «Воздушная тревога, воздушная тревога...» Все бежали в бомбоубежище. Но это поначалу, а потом, по крайней мере в нашем дворе, в бомбоубежище никто не ходил. По окончании бомбежки весело звучал горн, и опять тот же голос говорил: «Отбой воздушной тревоги, отбой воздушной тревоги...» На душе сразу становилось весело.

Артобстрелы предупредить было нельзя. Они начинались неожиданно. Так погибла наша соседка. На ткацкой фабрике «Октябрьская», что на Большом Сампсониевском проспекте, который тогда назывался проспект Карла Маркса, где она работала, закончилась смена, и все работницы собрались домой. Тут и начался обстрел. При артобстреле все прячутся за северные стены домов.

Спрятались на фабрике и женщины. Однако вскоре им надоело ждать, и группа женщин решила перебежать открытое пространство под защиту других домов. Здесь их и настиг снаряд. Всю группу разметало. Почти все погибли. У соседки оторвало голову и кисть руки. По окончании артобстрела всех погибших снесли в Сампсониевскую церковь. На опознание пришел брат соседки. На руке без кисти остались золотые часы, которые продолжали ходить. Брат их снял. Тогда это было большое богатство.

Сосед наш вскоре эвакуировался, и мы остались в квартире одни. Постепенно приходил голод и холод. Но мы справлялись. Семья наша была молодая и крепкая. Все были здоровыми, выросли на хороших деревенских продуктах. Отца в армию, как высококвалифицированного специалиста, не взяли. Мать, практичная деревенская женщина, в отличие от нашего «мудрого вождя», знала, что война будет, и заранее засушила мешок сухарей и мешок картошки. Сушить сухари было опасно. Сосед все время грозился донести на мать «куда следует» за то, что она сеет панику. Тем не менее сухари были засушены, и благодаря этому мы выжили. Надо сказать, что картошка вообще-то не поддается сушке. Она у нас почернела. Вкус у нее был ужасный. Но мы ее съели. С холодом тоже справились. Поставили буржуйку. Трубу вывели не в окно, как это делали обычно, а в вентиляционную шахту, которую отец нашел в стене коридора. Он выбил кирпичи и вставил туда трубу от буржуйки. Это было очень хорошее решение. Шахта имела сильную тягу, и поэтому печурка у нас никогда не дымила. Те же, кто вывел трубу в окно, при сильном ветре страдали от дыма. Буржуйку, сделанную из листового железа, обложили кирпичом, и получилась очень хорошая теплая печка. С дровами у нас проблем не было. Отец на работе набрал отслужившие свой срок деревянные модели, которыми мы и топили. Принес он также несколько плиток столярного клея, из которого мы варили знаменитый блокадный студень.

Хорошо помню продуктовые карточки. Их выдавали на каждую декаду месяца. Делалось это специально для того, чтобы в случае, если кто-нибудь потеряет карточку, десять дней он, возможно, смог бы продержаться. Потерянные карточки не возобновлялись. Карточки берегли как свою жизнь. За них могли ограбить и убить. Карточки отоваривали только в определенных магазинах. К ним нужно было заранее «прикрепиться», то есть зарегистрироваться в качестве покупателя. Был такой случай. На заводе выдавали карточки. Было это в заводской столовой. Мама получила карточки, положила их на стол и на секунду отвернулась. Когда она повернулась обратно, карточки исчезли. Это означало почти верную смерть. Мать закричала страшным голосом. В столовой нашлись активные люди, которые сразу закрыли все двери и начали обыск. Первой под подозрение попала приятельница мамы, которая в тот момент была

рядом. Она не признавалась. Тогда женщины начали ее раздевать. И карточки нашлись. Пока мать отвернулась, воровка мгновенно сняла платок с головы, развернула его, положила туда карточки и снова надела. Такие вот были люди.

Несмотря на то что у нас были кое-какие запасы и тепло, силы постепенно таяли. Все становились дистрофиками. Не выдерживал разум. Иногда появлялись различные галлюцинации. Особенно по ночам. После войны два человека рассказывали мне, что у них были какие-то видения, такие страшные, что они не хотели об этом говорить. Было такое видение и у меня, но я о нем расскажу. Однажды ночью, а спали мы все вместе на одной кровати, я проснулся от какой-то тревоги. И вот оно, кошмарное видение. На стене я увидел свою смерть. Это был череп со скрещенными костями размером со всю стену. Сейчас я понимаю, что ничего мистического в этом не было. Очевидно, я запомнил изображение, которое рисовали на трансформаторных будках. Но тогда я об этом не знал и такую картину принял всерьез. Почувствовав ужас, я закричал, как мне казалось громко, но мама мне впоследствии сказала, что я что-то прошептал своим слабым голосом. Я попытался встать и даже встал, но ноги меня не держали. Мне казалось, что ступни мои не плоские, а какие-то круглые, а лежу я не на кровати, а на какой-то куче жердей, которые подо мной рассыпаются. Мама проснулась, увидела мое состояние и сразу все поняла. Она меня спасла. У нее была привычка опытного блокадника не съесть весь хлеб, а всегда оставлять небольшой кусочек на всякий случай. Такой случай наступил, и она сунула мне в рот этот кусочек. Я успокоился и заснул. Так я выжил. Потом открыли Дорогу жизни, и стало немного легче. Помню, как мама принесла половину буханки хлеба и радостно сообщила, что норму прибавили. От хлеба она отломала кусочек и дала его мне. Впоследствии мама рассказывала, что я чуть не откусил ей палец. Как это ни странно, зубы у меня были крепкие. Вкус этого хлеба я помню до сих пор. Хлеб в те времена был немного сыроватым, видимо его не допекали.

Наверное, не я один, а все блокадники вспоминали что-то вкусное, которое они до войны не доели. **Всю блокаду я, мучаясь, задавал себе вопрос, почему же я не съел до конца тот торт, который мне как-то купили. Этот торт я помню до сих пор, он был круглый и ступенчатый. Также я постоянно вспоминал и ту гречневую кашу, которую мне положили в масленку с остатками масла, чтобы не пропали. Каша была очень уж масляная, и, конечно, ребенку было ее всю не одолеть. Да, были и такие муки. А тогда люди чего только не ели! В районе Пискаревки до войны был овощной склад. Есть он и сейчас. Это овощная база Калининского района на проспекте Непокоренных. Вся земля этого склада была пропитана гнилыми овощами. И вот эту землю собирали, как-то отмачивали и ели. Люди называли эту еду**

«творог». От этого «творога» многие поумирали. Там даже выставили охрану из милиционеров, но люди все равно пробирались на это поле и пытались что-то откопать. Мама ходила туда и набрала этой земли, но есть ее она не смогла. Видела она и такую картину. Проехал кавалерийский отряд. После него остался лошадиный помет. Некоторые прохожие набросились на этот помет и стали выбирать оттуда непереваренные зерна овса.

В последнее время стали писать все больше правды о блокаде. Долгое время запретной была тема людоедства. А такое было, и было это не редким. Одна такая людоедка работала в литейном цеху «Русского дизеля». Ее быстро вычислили. Она была упитанной и много пила воды. Люди сообщили в милицию. К ней пришли с обыском. Доказательств в ее комнате было более чем достаточно. Одна из работниц литейного цеха, которая была понятой при обыске, рассказала, какую страшную картину она увидела. Преступница рассказала, что она приглашала домой какого-нибудь одинокого солдата на чашку чая. Технология ее убийства была жестокой. По рассказу людоедки, первую чашку она давала солдату выпить спокойно. Солдат расслаблялся, начинал пить вторую чашку, и тут она подходила сзади и ударяла его обухом топора по голове. Вот такая правда о блокаде.

Окна наши выходили на север, и поэтому артобстрелов мы не боялись. На глазах у отца в купол Сампсониевской церкви попал снаряд. Отец даже видел этот снаряд. Он был на излете и летел уже не так быстро. После папа рассказывал, как он увидел какую-то черную точку, которая показалась ему вороной. Это и был снаряд. После попадания купол покосился, и он оставался таким вплоть до самой перестройки, когда его начали ремонтировать поляки. Жили мы на последнем, пятом этаже. Ко всем нашим мукам добавлялся и подъем по крутой лестнице. На лестнице мы оказались одни, все эвакуировались. Поднимаясь на свой этаж, мы видели, что все квартиры вскрыты и разграблены. Кто-то ломал двери и уносил все ценное. Возле одной из квартир лежали грампластинки. Мать унесла их к себе. На одной из них был записан знаменитый фокстрот «Рио-Рита». После войны я оказался счастливым обладателем модной пластинки.

В нашем дворе долго стояла детская педальная машина. Но это была не простая машина для маленьких детей, а солидный агрегат для подростков. Машина была явно иностранного происхождения. Длиной она была около двух метров. Она блестела черным лаком как настоящая. Видимо, кто-то пытался ее увезти, но не смог. Я стал просить у родителей забрать ее. Но, даже если бы они и захотели это сделать, сил затащить такую машину в квартиру у нас не было. Интересно то, что после войны я помню, как какие-то дети вытащили ее на улицу и

пробовали на ней покататься. Но, видимо, она была сильно повреждена, и у них ничего не вышло. Больше эту машину я не видел. **Почему мы не эвакуировались? Нам предлагали это сделать и даже присылали строгие повестки на эвакуацию. Но мы всеми возможными способами избегали ее. Дело в том, что если эвакуировалась семья, в которой нет военнослужащего, то у нее отбиралась жилплощадь. Помню, что после войны, приезжая в свой город, люди ютились по разным углам. Семья моего дяди, например, жила в одной комнате с другой семьей за загородкой из занавески. При этом пропадала не только комната, но все вещи в ней: мебель, одежда и все остальное.**

Теперь о главном. Все эти события, голод и холод для моей мамы были тяжелыми вдвойне. Она была беременна. Роды намечались на январь. Прежде чем пойти в родильный дом, она разделила все наши запасы крупы на семь кучек и строго-настрого приказала отцу ежедневно варить из них кашу. Отец справился с этим заданием. Мы с ним выжили, пока мама была в больнице.

5 января 1942 года мама родила девочку. Роды прошли нормально, и девочка оказалась здоровой. Она даже прожила самое трудное время. Умерла она в апреле, но не от голода. Ее покормили в яслях соевым молоком, которое оказалось для нее смертельным. Недавно по телевизору выступала блокадница, которая родила в декабре 1941 года. Ее ребенок тоже отравился соевым молоком в яслях, и тоже в апреле. Я хорошо помню это соевое молоко, так как оно было настолько отвратительным, что, даже несмотря на голод, пить это молоко я не мог. Меня от него тошнило. Одно время это молоко продавали уже в мирное время. Оно было невкусным, но пить его было можно. Видимо, тогда привезли какую-то неудобоваримую смесь. Некоторое время у мамы даже было молоко. Помню, она нацедила его в блюдечко, макала в него хлеб и кормила меня. Это была необыкновенно вкусная еда. Побывал в больнице и я. Заболел скарлатиной. Это было уже в конце блокады. Мама увидела на мне какую-то сыпь и повела в поликлинику. Там сразу определили болезнь и вызвали скорую помощь. Представьте себе, по городу уже ездили кареты скорой помощи не только для раненых, но и по вызову для больных. Мне было непонятно, почему меня назвали больным, так как чувствовал я себя хорошо. Однако с большим удовольствием прокатился на машине. Привезли меня в больницу Раухфуса, где и пролежал несколько дней, все еще не понимая, почему меня лечат. Рядом со мной лежал мальчик, которого когда-то очень некстати назвали Адольф. Дети его часто дразнили. Но я с ним подружился, не обращая внимания на такое страшное тогда имя. В больнице хорошо кормили. Было только очень тяжело смотреть на искалеченных детей, которых там было много. Но вернемся к первой зиме. Постепенно жизнь даже и в таких условиях начала налаживаться.

Стали работать и некоторые социальные учреждения. При заводе «Русский дизель», где работал мой отец, открылся круглосуточный детский сад. Дети находились там всю неделю, а в воскресенье их забирали домой. Мама пошла работать на завод, а меня отдали в этот детсад, который тогда назывался очаг. Сообща кормить детей было легче, и мы там начали кое-как приходить в себя. Иногда нас подкармливали дополнительно.

Помню, один раз нам сказали, что из госпиталя (рядом находилась Военно-медицинская академия) раненые прислали нам хлеба. Нас всех посадили за маленькие детские столики по 4 человека и на каждый стол поставили таз (помню даже цвет этого таза, он был зеленый) с кусками хлеба в нем разных размеров. Был это только черный хлеб, белого там не было. В нашем тазу один кусок хлеба (вот чудо!) был намазан тончайшим слоем масла. Дети стали брать из таза эти кусочки и есть. Никто не решался взять хлеб с маслом первым. Мне стыдно до сих пор, но этот кусок взял я. Все укоризненно посмотрели на меня, но никто ничего не сказал. Маленькие, мудрые дети-старички, как я вам благодарен! Вспоминается и такой эпизод. У нас был обед, на который подавали жидкую кашу, что-то вроде супа из крупы. Всех рассадили за столики и положили по куску хлеба. Удержаться было трудно, и я, не дожидаясь каши, откусил кусочек и начал его жевать. Но этот хлеб оказался не мой, а сидевшей рядом девочки. Она подняла страшный шум. Я предложил ей свой кусок, но она сказала, что ее кусок хлеба был толще. Поразмыслив, я предложил ей откусить от моего хлеба. И она постаралась. Ее кус был намного больше моего. Тут уже громким голосом завопил я. Разразился скандал, который вскоре утих, так как начали раздавать кашу. Одна бомба упала совсем рядом с нашим детсадом. Дом не пострадал, но все стекла были выбиты. Мы в это время спали. Взрыва не помню, но помню, что нас стали одевать, куда-то вели, и под ногами хрустели стекла. Воронку от бомбы хорошо помню. При этом были выворочены два дерева из ряда деревьев, которые росли вдоль забора нашего детсада. Воронку вскоре засыпали, а на месте погибших деревьев посадили новые. После войны эти деревья выросли, но было видно, что они резко отличались размерами от остальных деревьев. Несмотря на то что нас подкармливали, мы были очень слабы. Я вспоминаю, как шли мы с мамой по нашему двору уже весной. Было солнечно, тепло, на душе было весело, мы пережили зиму, мы живы. И мне захотелось побегать. Я выпустил мамину руку и попробовал побежать. Но смог сделать только несколько медленных шагов. Я очень этому удивился. В моей детской голове, как сейчас помню, пронеслось: «Ведь я же помню, что до войны я бегал! Почему я не могу сделать это сейчас?!» Такими мы были. Из всего нашего большого дома по Лесному проспекту, 20 (это знаменитый «нобелевский дом», построенный Нобелем для своих рабочих), в детский сад ходили только две девочки. Как умудрилась их мать, маленькая женщина,

работавшая уборщицей, в одиночку выходить этих малышек в первую блокадную зиму, представить невозможно. Памятник надо бы поставить таким матерям. Тем не менее семья эта пережила всю блокаду, и я хорошо помню их всех и после войны. Фамилия девочек была Щербаковы, а звали их Рая и Нина. Хотелось бы узнать их судьбу. Жизнь продолжалась. И вот нам объявляют новость. Наш очаг отправляют на лето на дачу! Кругом война, голод, а мы едем на отдых. Какими словами можно выразить благодарность организовавшим все это людям? В это трудно поверить, но так все и было. Два блокадных лета 1942 и 1943 годов мы отдыхали на даче. Дача наша находилась в парке Лесотехнической академии. Там стоял большой деревянный дом, в котором мы все и разместились. Жизнь на даче я вспоминаю как обычное детсадовское событие. Блокады как бы и не было. Мы гуляли парами по парку, было тепло, голода я уже не помню. Нам читали книжки, мы разучивали песни. Водили в знаменитую круглую баню на площади Мужества, которая и до сих пор работает. Воспитательницы разбили огороды, посадили кое-какие овощи. Один раз война все-таки напомнила о себе. Во время нашей прогулки над парком появились самолеты, и начался воздушный бой. Самолеты ходили большими кругами и беспрерывно строчили из пулеметов. Деваться нам было некуда, и мы стояли и глазели, подняв головы. Я еще тогда подумал, что звук стрельбы похож на стрекот маминой швейной машинки. Слава богу, тогда никого не подбили, и все разлетелось по своим аэродромам. Наша дача находилась недалеко от работавшего тогда 10-го хлебозавода. И вот однажды дети нашли в кустах кем-то вынесенный из завода и припрятанный мешок с несколькими буханками хлеба. Мы торжественно отнесли этот мешок на кухню. В обед у нас был десерт. Каждому достался кусочек поджаренного на постном масле хлеба. Нам показалось, что у нас какой-то праздник. Весь день в садике только об этом и говорили. На этом самое страшное кончилось. Как рассказывала мне мать, тяжело было только в первую зиму, а дальше было уже более-менее нормально. Продукты подвозили летом на баржах, зимой по льду. Наши научились воевать, и захвата города уже никто не боялся. Бомбежек уже почти не было, были только артобстрелы, но и они были не такими серьезными, так как с нашей стороны сразу же начиналась ответная стрельба.

Блокадников становится все меньше, и такие воспоминания, наверное, будут очень ценными. Хотя бы потому, чтобы никому не захотелось испытать такое. К сожалению, это не так. Люди вновь и вновь повторяют свои ошибки. Почему?..

Финляндия, г. Вейккола, февраль 2009 года. Иванов Юрий Ильич, пенсионер, эксперт ООН в 1975 – 1977 годах.

Иванов Борис Павлович

Чувство голода заглушило все эмоции, включая страх

Я родился в пригороде Ленинграда – теперь это Кировский район Санкт-Петербурга. К началу войны мне исполнилось 4 года. Когда немцы подошли к Ленинграду, мы с мамой жили на ул. Шкапина, недалеко от Балтийского вокзала. Папа ушел на фронт еще в 1939 году и воевал на Ленинградском фронте. Мама работала сторожем на фуражном складе.

Летом 1942 года я, моя мама, ее сестра и мой двоюродный брат были эвакуированы из Ленинграда через Ладогу. Мне было уже 5 лет, и я хорошо запомнил эту поездку. Мы сидели на палубе, на тюках вещей. Была хорошая погода, и караван из барж медленно двигался по спокойному озеру. Но вдруг начался обстрел. Немцы вели огонь из пушек по судам, перевозившим детей. Вокруг барж вверх взлетали фонтаны от рвущихся снарядов. Шедшая следом баржа затонула, а нам повезло, и мы прибыли на конечный пункт. Помню, что страшно не было, – чувство голода заглушало все остальные эмоции, включая страх.

Но больше всего мне запомнился эпизод, случившийся с нами в Ленинграде во время зимы 1941 года. На побывку к нам с мамой пришел отец. Он, после лечения в госпитале, возвращался на фронт и принес нам гостинец – маленькую баночку с маслом. Я не помню отца, не помню его лица. Я его больше не видел, он погиб под Кингисеппом в 1944 году. Но я помню эту баночку с маслом. Может, именно она спасла мне жизнь. Больше ничего о блокаде у меня в памяти не сохранилось, но эта баночка прочно врезалась в память.

После войны, когда мамина сестра прислала нам вызов, мы с мамой возвратились в Ленинград. Мама работала на восстановлении фонтанов Петергофа. Я пошел учиться в школу в Петергофе, мы жили в общежитии, так как наш дом был разрушен. После школы я окончил университет, отслужил в армии, женился. У нас родились две дочки. Жена моя во время блокады тоже была в Ленинграде.

А теперь мы живем в Севастополе и помогаем нашим детям растить внуков.

Иванов Виктор Петрович

Я выжил благодаря матери!

Иванов Виктор Петрович – член организации «Дети блокады – 900».

Мое блокадное детство началось в августе 1941 года, когда дети работников военного завода «Краснознаменец» были эвакуированы из Ленинграда в поселок Неболчи Новгородской области. Там мы находились не более недели, так как вблизи уже шли бои, немцы рвались к городу Тихвину. В окрестностях поселка были замечены отдельные группы немецкой разведки на мотоциклах. Об этом узнали наши родители, и было решено срочно вернуть нас в Ленинград. Заводу выделили открытую платформу для детей и родителей. На этой платформе мы с матерью возвратились в город в начале сентября 1941 года. Как позже оказалось, это был последний поезд, который дошел до Ленинграда. Следующий за нами состав, тоже с детьми, попал под бомбежку и был уничтожен.

В Ленинграде мы жили в деревянном доме, который по решению правительства в 1942 году был разобран на дрова для отопления в городе. Нас переселили в одну из освободившихся комнат в Смольнинском районе – в тот голодный год было много освободившихся комнат и квартир. К тому времени мы похоронили отца, который работал на железной дороге и сопровождал поезда от Ржевки до Ладожского озера.

Моя мать, работница опасного цеха на заводе «Краснознаменец», ежедневно добиралась с Калашниковской (теперь Синопской) набережной на Ржевку, а я оставался один в запертой на ключ комнате до ее возвращения. На день она оставляла мне скудный блокадный паек, который приходилось закрывать в печке, так как повсюду бегали крысы. Когда мама была дома, я выходил во двор к таким же ребятам. Во время объявления тревоги по радио мы во дворе крутили сирену для оповещения прохожих.

Мой брат, который старше меня на 10 лет, в 1943 году ушел добровольцем в армию. Ему не было еще 17 лет. Воевал на Ленинградском фронте, трижды был ранен, но остался жив и прожил до 85 лет.

В 1943 году работники «Краснознаменца» перешли на казарменное положение (работа круглосуточная), а я находился в детском саду при заводе. Я помню, что нас часто привозили в госпитали – мы выступали перед ранеными, за что нас тепло благодарили и даже угощали.

В 1942 году я сам попал в больницу имени Раухфуса (у Московского вокзала) и помню, как во время бомбежки медсестры выносили нас в бомбоубежище. Каждый ждал своей очереди, а вокруг все грохотало.

Я выжил в то суровое время только благодаря своей матери, которая жертвовала всем ради сохранения моей жизни. Ее работа в блокаду была отмечена многими

наградами, среди которых была и высшая государственная награда – орден Ленина. В моей памяти она остается не только как мой спаситель в те суровые годы, но и как защитник нашего любимого Ленинграда.

Иванова Зинаида Петровна

Мы варили суп из кожаных сапог

Когда началась блокада, мне было четыре с половиной года. Я не помню начала блокады, зато очень хорошо запомнила период до начала войны. Это был Первомай. Помню, как папа нес меня на плечах во время праздничной демонстрации. Мы тогда жили на Московском проспекте. До войны и во время войны он назывался Международный проспект, а после – проспект Сталина, и все шествия всегда проходили именно там. И я очень хорошо помню этот радостный момент. Я держала шарики и флажки. Было оченьлюдно и весело. Но вся эта радость резко сменилась страхом и ужасом.

У нас была многодетная семья. У мамы было пятеро детей, а я была самой маленькой. Самая старшая сестра была 1924 года рождения, а я – 1937-го. Мама поначалу не хотела меня рожать, потому что фактически я была не пятым ребенком, а восьмым. Дело в том, что во время первых родов мама потеряла двоих малышей, а еще один мой брат умер в возрасте четырех лет. Поэтому я самый последний ребенок, как говорят, «поскребыш». Мама уже стеснялась меня рожать. А папа ей сказал: «Как ты так можешь! Это же наша любовь!» Так что получилось, что я – дитя любви. И очень рада этому.

Во время блокады, как мне тогда казалось, мой папа был уже пожилой. Он родился в 1899 году. Когда началась война, ему было 42 года. Папа участвовал и в Первой мировой, и в финской войне. Его не должны были брать на войну, но в августе 41-го его все-таки взяли в ополчение. Мама трижды его провожала на сборы. Первые два раза она провожала его и плакала, но папа вечером возвращался домой, так как либо отряд был не сформирован, либо не было одежды или винтовок. И вот когда мама в третий раз пошла его провожать, то она уже не плакала. Мама почему-то была уверена, что папа вернется. А вот он в этот последний раз заплакал и сказал: «Я уверен, что ты сможешь сама воспитать наших детей, и они все будут живы и здоровы». И маме действительно удалось одной воспитать нас всех и уберечь от войны. У мамы был очень сильный и властный характер. Она приучила нас к дисциплине. У меня было две сестры и два брата. Я помню, если мама говорила, что надо что-то сделать, значит, и правда надо, и мы подчинялись ей. И я думаю, что именно благодаря такому жесткому характеру она смогла нас вытянуть.

Во время блокады старшие сестры работали. **Ситуация в Ленинграде была такая, что для того, чтобы выжить, нужно было встать и пойти работать. Это было самое главное – найти в себе мужество, силу и волю.** Моя мама работала на знаменитой швейной фабрике имени Володарского – это было недалеко от нашего дома. А сестры учились в школе: одна закончила 10-й класс, а другая – восьмой. Несмотря на свой юный возраст, все равно все работали. Для тех, кто работал, паек был больше.

Борьба за Ленинград началась не 8 сентября 1941 года, как говорится в официальных источниках, а 9 июля. 9 июля немцы стояли на Лужском рубеже. Это находится под Ленинградом, где течет река Луга. Немцы прошли расстояние в 600 километров за 19 дней. А оставшиеся 100 км до Ленинграда они шли еще 2 месяца. Это были страшные бои, как со стороны наших войск, так и со стороны немецких.

Сейчас многие историки, которые родились в 50-е годы, пытаются оспаривать тот факт, что была оборона. Они утверждают, что никакой обороны не было. На самом деле она была, причем очень сильная. Очень многие умирали, в том числе и мой отец. Его взяли 13 или 14 августа, а 11 сентября он погиб. Очень страшные бои шли на Синявинских высотах. И неизвестно, было ли у наших солдат оружие или нет. А вот у немцев были укрепления.

Буквально в прошлом году я выяснила, что под Ленинградом есть город Колпино, где происходили захоронения останков воинов. Там каждый год поисковики находят тела и хоронят их. Я обратилась к поисковикам с просьбой найти информацию об отце. Я объяснила им ситуацию, и через некоторое время они мне прислали ответ, где было сказано, что мой отец погиб 11 сентября в боях. А до этого у нас была информация о том, что наш отец пропал без вести, и мы из-за этого не могли получить повышенный паек. Те, кому приходила повестка о том, что их отцы погибли во время войны, получали повышенные пайки, а родители получали повышенную пенсию. Повышенная пенсия составляла 200 рублей, а те, кому приходила повестка о том, что их отец пропал без вести, получали всего 20 рублей. Вот такая была несправедливость.

Только в 80 году, когда я переехала в Москву, я написала письмо в Подольск. Оттуда мне пришел ответ, в котором было сказано, что мой отец погиб 11 сентября в 10-ти км от города Мги под Ленинградом. Только потом я узнала, что наши войска в боях 11 – 12 сентября были просто «разутюжены» немецкими танками. В тех боях ни одного нашего солдата не выжило. И вот папа тоже попал в такую мясорубку.

Так как у нас семья была очень большая, то мама заранее запасалась продовольствием еще в мирное время. Нам всего нужно было в 3 – 4 раза больше, чем другим семьям. У нас была крупа, по которой мама вела учет. Она каждому делала по ложечке каши в день. А кусочек хлеба она разрезала на маленькие дольки и говорила, чтобы мы его сосали как леденец. За счет этого выделялась слюна, и мы могли продлить удовольствие. Маме помогал бабушкин брат, который работал директором механического завода. Он практически не выходил с завода, почти сутками там работал.

В то время все, так или иначе, работали. Моя мама сначала шила ватные штаны для фронта, а потом помогала делать снаряды. Я помню, как мои братья беззаботно бегали по крышам. Все думали – завтра закончится война и все будет как раньше...

В первое время мама брала меня с собой на работу, так как там было тепло. А в комнатах было холодно, окна были заклеены газетой, для того чтобы, если разобьется стекло во время бомбежки, стекла не разлетались по всей комнате. А было время, когда наступал 40-градусный мороз, – тогда мы приобретали буржуйку: сугубо ленинградский отопительный прибор. Я помню, как мама ставила кирпичи, обкладывала меня теплой одеждой и уходила.

Нужно было обязательно найти в себе силы, чтобы пойти работать. Там, где мы работали, всегда была теплая вода и хлеб. Канализация в то время не работала, поэтому все нечистоты выбрасывались через окно. И вот в 40-градусный мороз стояли ледяные горы высотой 2 – 3 метра желтого цвета. Вот таким был в то время Ленинград.

Надо сказать, что немцы на это и рассчитывали. Они знали, что люди голодают, что нет света и тепла. Поэтому они были уверены, что Ленинград к весне уже весь вымрет или настанет эпидемия. Врачи, конечно, боролись, но иммунитета у людей не было. Люди ели все, что попадется под руку. Ведь не секрет, что к **Новому году в городе не было ни собак, ни крыс, ни кошек. Люди были вынуждены съесть любимых домашних животных, с которыми прожили бок о бок по 10 – 15 лет. Про птиц – вообще говорить нечего. Я знала, что, если мама варит суп, значит, кто-то поймал или кошку, или крысу. Кроме того, мы варили суп из кожаных сапог.** Так как раньше сапоги были только из натуральной кожи, то мы разрезали голенища на узкие полоски и варили их, чтобы хоть какой-то навар получился. Нам казалось, что это суп с мясом. Ну, может, иногда еще горсточку какой-нибудь крупы бросали. Голодали все. Когда мы ложились спать, то надевали на себя все, что было, чтобы сохранить тепло.

Я хочу еще рассказать о влиянии Седьмой симфонии Шостаковича. Когда началась война, Дмитрий Шостакович начал писать симфонию. Он жил в Ленинграде. Эта симфония тогда еще не имела названия. Если послушать мелодию, то с первых же аккордов чувствуется, что идет агрессивная черная чума, черная армия. Симфония практически в октябре уже была написана. Но Шостакович не знал, чем закончится война. Все знали, что немцы практически без боя прошли несколько стран и дошли до Ленинградской области почти за 19 дней. Даже это говорило о том, что, скорее всего, все сдадутся.

Шостакович в октябре очень сильно заболевает. И было принято решение эвакуировать его в Куйбышевскую область. В Куйбышеве он продолжает работу над симфонией. В первых числах декабря наша армия победила и защитила Москву. И Шостакович понял, что если не сдали Москву, то ясно, чем все закончится. И он дописывает Седьмую симфонию. Ее первое исполнение было в Куйбышеве в 42 году. Второе исполнение было в Новосибирске. Третье – в Свердловске, а четвертое исполнение было 9 августа 42 года в Ленинграде. Дело в том, что на этот день гитлеровцы запланировали праздник. Они даже распечатали пригласительные билеты на ужин в ресторан «Астория». Они еще за год до этого были уверены, что Ленинград падет, и разослали эти приглашения практически во все страны. Конечно, и весь немецкий генералитет получил их. Наши, зная эту ситуацию, в июле присылают из Куйбышева тетради с рукописью симфонии Шостаковича. Это был очень ценный груз, который надо было сохранить. В июле партитура была уже в Ленинграде. А так как в городе почти все музыканты были эвакуированы, то начинается поиск нового состава оркестрантов. Руководству Ленинграда было дано распоряжение найти двойные экземпляры этих инструментов и двойной состав музыкантов. Музыкантов искали везде – в подвалах, в бомбоубежищах. Некоторые из них были уже полуживые. Когда состав собрали, началась репетиция. Оркестр репетировал до 9 августа. А 9 августа в Ленинграде устанавливаются усилители вдоль линии защиты города. Был указ, чтобы на всех площадях включили радио. И вот начинается трансляция.

Несмотря на то что немцы без остановки бомбили город, но в этот момент они прекратили бомбежку. Была полная тишина. Все слушали только музыку. **Как только немцы услышали первые аккорды симфонии, они решили, что Ленинград сдастся. В течение двух часов, пока играла музыка, немцы молчали. Не пролетело ни одного снаряда. Они были на 100% уверены, что Ленинград сдастся.** Первые аккорды, в которых присутствует явная агрессия, давали четко это понять. Тут не нужно даже иметь музыкального образования, чтобы понять, что это аккорды, символизирующие немцев. И вот, когда симфония закончилась, какое-то время была пауза. Ленинград в это время

ликовал, ленинградцы все воодушевились. После этого исполнения мелодию стали называть «Ленинградской». После того как симфония закончилась, в городе снова началась усиленная бомбежка.

В 43 году уже начали ездить поезда. Вдоль Ладожского озера образовалась узкая полоска от 8 до 12 километров. И это тоже была «дорога жизни», но уже по железной дороге. Из Ленинграда шло много поездов с детьми. В поезд их сажали еще живыми, а на Большую землю они нередко приезжали уже мертвыми. Кто-то не переносил дороги, кто-то умирал от заворота кишок.

Потом мы попали на Большую землю. Здесь, конечно, тоже была борьба, но уже было легче. Когда мы переехали, нам давали и воду, и хлеб. И мы все это хватали, особенно дети. Мы пытались наесться. И вот я помню, когда мне дали булку, мне казалось, что я ее сейчас всю проглочу. Я запихала ее в рот, а моя сестра со слезами на глазах говорит мне: «Нельзя есть все сразу».

Действительно после такого голода нельзя было съесть все сразу, надо было по чуть-чуть отламывать, жевать и потом проглатывать. Я помню, как сестра вырывала у меня изо рта эту булку. А я не могла понять, почему она плачет и делает это. И я сердилась, говорила, что расскажу все маме...

Иванова Регина Фердинандовна **Снаряд попал в наш класс**

Все 900 дней блокады я находилась в Ленинграде. В 1942 году меня и еще нескольких ребят назначили связными между домоуправлением и штабом МПВО. Мы поочередно под обстрелом и бомбежками носили списки дежуривших на чердаках и возле домов жильцов в МПВО. Мама с 1941 года работала дворником, и я ей помогала убирать снег, даже ночью. Наскребём снег, положим на фанеру, и я тащу его к Неве, где прошу кого-нибудь из взрослых высыпать снег в реку.

Но это было в 1942 – 1944 годах, а зимой в 1941 году были сильные морозы – до 40 градусов. Начался голод, вымирали семьями, в соседней квартире девочка пяти лет сутки лежала между мёртвой мамой и сестрой. В марте 1942 года умерла моя тётя. Мы с мамой и соседями завернули её в одеяло и отвезли на санках в так называемый приёмный пункт, где в большом сарае складывали трупы.

В 1943 году у соседки родилась девочка, и я приносила из детской кухни искусственное молоко и рисовый отвар. Девочка выжила. **Однажды кто-то выбросил во дворе картофельные очистки, мама подобрала, вымыла и поджарила их на олифе. В основном же ели отруби, дуранду, варили**

столярный клей, из сосны делали отвар и пили его, так как свирепствовала цинга. В домах не было электричества, в вёдрах замерзала вода, которую я с мамой носила из Невы.

В 1943 году я поступила в школу, но при объявлении тревоги нас уводили в бомбоубежище – во время одного из обстрелов снаряд попал в наш класс. Вместе со школьниками я также ходила в госпитали, где мы давали концерты для раненых.

**Извекова Кира Васильевна
Нас учили обращаться с бомбами!**

Кира Васильевна Извекова родилась в Ленинграде 30.10.1928 года. Ветеран труда, ветеран атомной энергетики и промышленности, участник ликвидации последствий аварии 1957 года на производственном объединении «Маяк».

Наша семья жила в Ленинграде на Васильевском острове. Я больше всего люблю этот район, может, потому, что он самый родной, там прошло мое детство. Квартира у нас была очень интересная, она находилась в бывшем доходном доме, построенном каким-то купцом, а до революции в ней жил дворник. Мама, папа, я; сестры были старше и к тому времени уже вышли замуж и жили отдельно. Мы были очень дружной семьей и, как все, строили планы на будущее, мечтали... Война все перечеркнула.

1 сентября 1941 года я должна была пойти в 6-й класс. Но о школе пришлось забыть на 2 года – началась блокада. Папа работал, мама была со мной. В сентябре уже были страшные бомбежки. У нас в доме организовали дежурство на крыше – немцы сбрасывали зажигательные бомбы, их нужно было тушить. Мне нравилось дежурить. Нас обучали обращаться с такими бомбами. Но самой тушить мне не довелось. Уже в сентябре продуктов в магазинах не было. Хлеб выдавали по карточкам. У папы была карточка служащего, у мамы и у меня – иждивенческая. Помню, как мы с мамой ездили на трамвае на самую окраину города, там были картофельные поля, урожай, конечно, был давно убран, но мы перекапывали землю и собирали оставшуюся кое-где мерзлую картошку. А настоящий голод был еще впереди. Когда скудные домашние запасы закончились, то, кроме кусочка хлеба, который и хлебом-то трудно назвать, мы не ели ничего. Порция была маленькая, и мы иногда отоваривали карточки на день вперед, это разрешалось, но на день, не больше. Иногда вечером к нам приходила соседка попить чайку. Ну, разумеется, это так говорилось, а пили на самом деле кипяток. Свой хлеб она у себя дома съедала. Приходила к нам, а мы

еще не ели, и мама на ее долю тоже отрезала. Папа потом маме сказал, что так нельзя, ведь у нее такая же норма, как у нас. Вот говорят, что люди от голода звереют, но я вспоминаю маму и даже вообразить себе не могу ее такой. Она еще и часть своего хлеба мне отдавала, я уже потом это поняла. Вспомнила, как однажды в очереди за хлебом мальчишка лет 10 схватил чей-то кусок хлеба, и люди начали его бить. Я тогда очень плакала. Помню, как зимой 1941 года нам однажды выдали леденцы. Они были сделаны из горелого сахара, который во время пожара на Бадаевских складах расплавился. Его на этом пепелище как-то собрали. Мне тогда казалось, что вкуснее я ничего не ела в своей жизни. У нас была кошка, это еще в начале зимы. **Как-то раз пришла соседка и попросила нашу кошечку, так как у нее якобы были крысы. Проходит день, два, папа посылает меня к ней, чтобы кошку забрать, а соседка даже дверь мне не открыла, сказала, что она убежала. А когда соседка умерла весной и ее комнату вскрыли, мы нашли голову нашей кошечки.**

Зима 1941 года была очень холодной. В квартирах было как на улице, на стенах – иней. От голода и холод сильнее ощущался. У нас была печка-буржуйка. Топили ее всем, чем придется. В ход пошла и родительская дубовая кровать. Помню, как мы с сестрой ее распиливали на дрова. Древесина дубовая как камень, тяжело было ее пилить. **В ту зиму люди умирали тысячами. У нас на первом этаже была прачечная, так туда свозили трупы из нашего района. Я помню, тело одной девушки так почему-то и оставалось лежать во дворе, а дворы там, как колодцы, и все нечистоты сбрасывали туда прямо на нее. Я потом долго не могла там ходить. А напротив было ремесленное училище, и я видела, как оттуда выносили трупы мальчишек, складывали на землю, а потом грузили в машины.**

В первую блокадную зиму умер папа. Мама с сестрой зашили его в одеяло и повезли на Смоленское кладбище. Похоронили его за карточку в братской могиле. Тогда уже отдельные могилы не копали, рыли траншеи. Так что лежит мой папа в братской могиле, на которой только плита без имен и фамилий. Мама после его смерти очень сдала, лежала в постели. Мы вызвали доктора. А она сказала, что нужно пойти в кино и посмотреть фильм «Свинарка и пастух», чтобы положительные эмоции получить. Морозы лютые, кругом смерть, а кинотеатры некоторые работали. Мы пошли смотреть фильм «День святого Йоргена» с И. Ильинским и Кторовым в главных ролях. Это была комедия. В зале сидело 5 человек. Не скажу что мы смеялись, но настроение и правда улучшилось.

Вскоре мама пошла работать в детские ясли. Кое-какие детские сады и ясли работали. Туда даже подбрасывали детей, чтобы они выжили. Все-таки деток

там чуть лучше кормили, был даже иногда творожок, соевое молоко, кисель варили из казеинового клея. Мама тоже дома делала холодец из такого клея. Я потом 10 лет после войны холодец видеть не могла. Мама была на работе, а я оставалась одна дома. Когда начиналась бомбежка, было страшно. Но я не самой бомбежки боялась, а того, что дом рухнет, и я останусь под завалами, потому что мы жили на первом этаже. **Однажды, мне кажется, это было 4 апреля 1942 года, была просто жуткая бомбежка. Говорили, что 80 самолетов прорвались, и бомбы летели сплошной стеной. Я проснулась от того, что дом ходуном ходил, вой стоял ужасающий. А мама накануне еще сказала такую фразу: «Спи спокойно, сегодня бомбить не будут. Гитлер ведь тоже христианин». Может, была Пасха, и поэтому мама так сказала. Но такой бомбежки я больше не припомню. А вообще-то, немецким самолетам наши зенитчики воли в небе над Ленинградом не давали.**

Весной разрешили прямо в городе вскапывать землю и сажать огороды. У мамы на окне стоял ящик с какими-то хилыми росточками, она все шутила, что даже растения как дистрофики.

В соседнем доме у нас жила актриса. Я помню, как она работала на этих грядках: сама чумазая, а губы покрашены и руки в перчатках.

Так мы пережили две блокадные зимы, а летом 1943 года эвакуировались по Ладоге в город Балашов на Волге. Там я снова пошла в школу и окончила 6-й класс.

Потом мы вернулись в Ленинград еще до окончания войны, видимо, это было после снятия блокады. Нашей квартиры уже не было, в нее попала бомба. Нам выделили другую в этом же доме.

День Победы мы встречали на Дворцовой площади. 9 мая было очень жарко. В Ленинграде в начале мая такого вообще-то не бывает. Я помню, как шли по Невскому проспекту солдаты, мы с подружкой покупали им мороженое.

Потом я окончила школу, поступила в газотопливный техникум. После окончания техникума меня направили на Урал. Вот так я оказалась в Озерске Челябинской области. Тогда в наш город отправляли самых лучших, отбор был серьезный. Нужны были грамотные специалисты и надежные люди.

Изюмова Нина Васильевна

В блокаду умерли все мои родственники!

Война застала меня проживающей на улице Ракова, в доме 5. В блокаду от голода умерли все мои родственники – мама, Прасковья Яковлевна Кашкина, папа, Василий Васильевич, и двое братьев – Леонид и Александр. Их тела я оставила на Невском проспекте, где был наскоро сколочен из досок сарайчик около магазина «Пассаж». Туда мне помогли их отвезти. А куда увозили тела оттуда, я не знаю до сих пор.

Ильина Валентина Алексеевна

Самолетов было так много, что солнца стало не видно!

22 июня был прекрасный солнечный день: кто-то поехал за город, а мы с подружкой были на экскурсии. Как гром среди ясного неба прозвучало объявление войны! Город сразу преобразился: мужчины с вещмешками бежали в военкоматы, мы тоже ринулись туда. У военкомата стояли военные и отправили нас домой со словами: «Молодцы, но подрастите сначала».

Мы с подружкой тогда учились в ФЗУ фабрики «Красное знамя». Все поехали на оборонительные работы в район города Луги, нас тоже не хотели брать, но мы настояли! Работали на сооружении противотанкового рва. Когда ров был уже почти готов, послышался зловещий гул, который быстро приближался. **Вскоре мы увидели первый налет немецких самолетов на Ленинград – их было так много, что солнца стало не видно. Самолеты летели так низко, что видна была свастика и лица пилотов. Первые минуты мы стояли оцепенев. Раздалась команда: «Ложись!» – мы плюхнулись, стараясь плотнее прижаться к земле-матушке! Нас не тронули, а вот на обратном пути – они уже гонялись за каждым, кто двигался. Не все вставали с земли после этих налетов...**

Нам пришлось очень много копать траншей и пулеметных гнезд. Мы часто переходили с места на место. Последний переход мы шли с раннего утра по лесным дорогам по колено в грязи. К вечеру нас неожиданно осветили прожекторами, последовала команда: «Немцы! Ложись! Отползай без звука!» К следующему утру мы вышли к Красному Селу. Людей там не было. Дом открыт, на столе еще горячий самовар, еда разная. По-видимому, здесь бомбили – это было первое людское жилище, потревоженное войной. Мы ничего не тронули, хотя очень хотелось и есть, и пить. Напились мы у колонки на улице.

Глядя друг на друга, мы не узнавали самих себя: глаза ввалились, грязные, ноги замотаны тряпками. До Ленинграда нас довезли военные. Город мало напоминал тот, что мы покидали. Ночами небо в аэростатах. Постоянные бомбежки, усиливающиеся в то время, как люди шли на работу и с работы. Нас из ФЗУ выпустили и перевели на фабрику «Смена» на Васильевском острове.

Сгорели Бадаевские склады. Урезали пайки. В домах не стало света, тепла, воды. Спасаясь от холода, мы жгли мебель, книги.

Я жила на ул. Плеханова, 6, кв. 55 (около Казанского собора). За водой ходили на Садовую. Морозы были крепкие. На улицах появлялись люди с саночками, в основном, женщины и дети, везущие в простынях своих умерших родных на пункты, где их складывали, как дрова. **Тела умерших были высушены до предела и напоминали кости, обтянутые кожей. Один из пунктов приема покойников был у Казанского собора. Приходила машина, грузили так, чтобы тел поместилось побольше, то есть ставили тех, кто был повыше ростом, по углам.**

На фабрике работали в одной комнате, посередине – коптилка и круглая печка-буржуйка. Требовалось очень много перчаток с двумя пальцами (для стрельбы) и шерстяных носков. За смену надо было обязательно изготовить одну пару. Вставали мы рано – до бомбежки. Шли от Казанского собора до Исаакиевского, Сенатской площади, по набережной Лейтенанта Шмидта на Васильевский остров. Далеко и страшно было, но думали в первую очередь о том, что надо! При бомбежках и артобстрелах всех загоняли в бомбоубежища, мы с подружкой старались прошмыгнуть мимо, но однажды милиционер нас буквально затолкнул в бомбоубежище и приказал дворнику нас не выпускать. Ой, как мы потом ему были благодарны! Возвращаясь, увидели, что набережная Лейтенанта Шмидта была разбомблена. Этот милиционер спас нам жизни!

Много было разных ситуаций. Шли мы по Сенатской площади, кругом было даже красиво, падал легкий снег. Одна тропинка, а рядом лежала в коробке девочка месяцев 6 – 7-ми, хорошенькая, одета красиво. Снег падал на личико и не таял – это было так ужасно! Мы и сами еле двигались, нам давали рабочий паек – 250 граммов хлеба и суп дрожжевой, дети же и вовсе получали 125 граммов хлеба. Где ее мать? Что стало с ней? Кругом тишина...

Идет человек, упадет – и все. Были команды – подбирали. Появились пустые квартиры, все открыто. Кто-то там еще чуть живой, а кто уже и нет. Больше всего доставалось старикам и женщинам с детьми – они старались свой мизерный паек отдать детям. Стали исчезать кошки, собаки, крысы. У нас в булочной часто сидел красноармеец, а рядом с ним собачка рыжая – дворняжка – она всегда стояла на задних лапах и смотрела на каждого; люди многие не могли отказать им, отщипывали и давали и тому и другому. А потом и их не стало. В прачечной появились трупы, которые уже не было сил вывозить на приемный пункт. Когда на следующий день приходили люди, чтобы узнать об

их дальнейшей судьбе, то обнаруживали, что не все части тела были на месте, кто-то промышлял и там.

Мы дежурили на крышах, обходили квартиры и сообщали, где есть люди, где уже нет. Все ленинградцы жили надеждой! Помогали друг другу кто чем мог. На руке у каждого был записан адрес родных и близких. Однажды я тоже упала, идя на работу (или с работы), только получив карточку. Все документы и карточка, конечно, исчезли. Как только я пришла в себя, то услышала, как кто-то рядом кричит: «Прорвали блокаду!» Люди поднимались! Кто плакал, кто смеялся.

На карточки прибавили хлеба, который все больше походил на хлеб. Рабочий паек вырос до 500 граммов. В Ленинград начали поступать продукты, из города увозили ослабевших, изможденных людей. Меня тоже вывезли. Ехали ночью стоя в грузовике, обтянутом брезентом, прижавшись друг к другу, чтобы больше вошло в него людей. Не всем удавалось проскользнуть через Ладогу, но нам повезло – мы проскочили. Борисова Грива, Кобона – на том берегу нас встречали походные кухни с обедом. И снова проблемы: желудки отвыкли от нормальной пищи, пошли фурункулы и прочее. Всю дорогу местные люди старались хотя бы что-то нам дать.

Когда я добралась до деревни к матери, то все вокруг мгновенно узнали об этом. Взглянув на меня, люди запричитали: «Ой, Мария, ты готовься – это же кости, обтянутые кожей». Но мать выходила меня, я стала работать. Поступила разнарядка – послать двух человек от деревни на лесозаготовку. Послали меня и еще одну деревенскую девушку. Работать было очень трудно: снег до пупа, ели в два обхвата, надо было их повалить, очистить, распилить и уложить – норма 1,5 кубических метра на человека. И, тем не менее, – справлялись!

Летом пришла новая разнарядка – нас отправляли на окопы в Калининскую область. Отработали мы и там. Тут из сельсовета повестка – явиться! Послали на курсы советских партработников в город Кашин. Прошла обучение, вернулась. Через несколько дней новый приказ: «Направляетесь на работу в Крюковский сельский совет – это в 25 – 30 км, на границе с Ярославской областью, там нет председателя». Собрали председателей колхозов, меня приехал представлять член райисполкома. Один председатель – 79 лет, с бородой, сказал, глядя на меня: «А что, моложе не нашлось?» На него зашикали. Отработала я там два года.

Закончилась война! Отец вернулся в Ленинград, забрал мать с детьми, а мне прислал вызов. Меня уговаривали остаться, но без своего города я не могла! В Ленинграде в 1951 году вышла замуж за Ильина Льва Петровича – курсанта

второго курса Военного института физкультуры и спорта. По окончании муж получил назначение на Черноморский флот, и мы уехали в Севастополь.

Ильина Мария Фоминична
От взрывов вздымалась земля!

После окончания семи классов в 1940 году я поступила в ленинградское ФЗУ № 13 при заводе им. Жданова («Северная верфь») по специальности «пазовая разметка». Мы закончили 1-й курс училища и сдавали экзамены. Помню, сдали второй экзамен и пошли на обед в столовую. Дежурные разлили всем по тарелкам борщ, как вдруг по радио объявили о вероломном нападении врага на нашу Советскую Родину. До сих пор помню запах того борща и жалею, что не съела его. У всех тарелки с борщом остались нетронутыми.

Все сразу затихли, приуныли, поднялись со своих мест и безмолвно разошлись по своим группам в классы. Нам объявили, что нас отправят на рытье окопов. Тут же старших ребят с завода и училища строем отправляли в армию. Нас, девчат и ребят помоложе, ставили на их рабочие места в заводские цеха. Я работала по специальности в цехе пазовой разметки. Через некоторое время нас посадили на поезд и отправили под Кингисепп на рытье окопов. На какой станции нас высадили – не знаю, но мы шли пешком до деревни Жабино. Во время этого перехода несколько раз попадали под бомбежки, прятались под кустами, но все остались целы и здоровы. Когда рыли окопы, нас тоже бомбили. Не помню точно, сколько времени мы копали окопы, но однажды нам сказали, что враг приближается, и что нам надо уходить. До станции шли пешком по лесу – вышли вечером и к утру добрались до станции. Погрузились в вагоны, и нас привезли в Ленинград на родной завод. Мы продолжали работать на заводе – его постоянно бомбили.

Однажды после смены я ехала трамваем домой в Стрельну. Было 4 часа дня, я проехала две остановки, когда начался воздушный налет. Трамвай со скрежетом остановился. Мы стали выбегать из трамвая врассыпную – кто куда. Я сидела в трамвае, мне кричали: «Выбегай!» – кто-то потянул меня за руку. Я побежала, передо мной от взрывов вздымалась земля. Я побежала в сторону стоявшей полуторки. Люди, находящиеся на этой машине, подхватили меня в кузов, и машина тронулась. Очнулась я в Кировской больнице с перевязанной головой. Было это ранней осенью 1941 года.

Во время бомбежек всех больных спускали в бомбоубежище, а меня не трогали, в палате я оставалась одна. Я не понимала, почему всех лежачих на носилках спускали в бомбоубежище, а меня нет, и даже обижалась. Сколько лежала в больнице не знаю, только помню, что, когда выписалась, на улице лежал снег.

Идти было очень трудно, ноги меня плохо держали, голова кружилась. Я, держась за забор, дошла до общежития – оно было недалеко от больницы.

Завод «Северная верфь» был полностью разбит врагом, нас перевели работать в филиал завода, который находился на Петроградской стороне. Там же работал слесарем седьмого разряда мой родной брат Финоженков Мирон Фомич. Ему было 25 лет. В один из дней я увидела с трудом передвигающуюся высокую фигуру брата, я догнала его, тронула за руку. Он обернулся: его худое лицо было покрыто желто-синими пятнами. Он умирал. Я как раз только получила двухдневный паек – 0,5 кг черного хлеба, испеченного из ржаной муки наполовину с опилками, 20 г сливочного масла и 4 конфеты «Батончик». Я протянула ему кусочек хлеба, он слабо оттолкнул мою руку. Я заплакала и стала его упрашивать, чтобы он взял хлеб. Он взял и хрипло сказал: «Спасибо, сестренка, завтра часиков в шесть утра зайди в цех, может, ты меня похоронишь». В тот день его мастер дал ему еще добавочный паек, и Мирон выжил.

Прошло совсем немного времени, и я, ослабевшая от голода, поползла по крутым ступенькам на чердак дома умирать. У меня начался голодный понос. Я забилась в угол чердака, была в сознании, все понимала, но меня охватила полная апатия и безразличие, хотелось лежать и не двигаться. В это время Мирон пришел домой; по открытой двери на чердак он догадался, что я там.

Когда надо мной склонилось лицо брата, я решила, что у меня начались галлюцинации. Он меня взял на руки, занес в комнату и положил на кровать. Его, оказывается, от завода мобилизовали на Ладогу – отгружать продукты для жителей Ленинграда. Он получил махорку, но, так как не курил, обменял ее на кусочек мяса. Это мясо он сварил в литровой кастрюле и бульоном меня напоил.

Утром второго дня я пошла провожать его на Финляндский вокзал. Шли пешком, по дороге везли укутанных покойников на санках. Мирон мне отдал свою карточку на продукты. На вокзале ему выдали обмундирование: новый светлый полушубок, новые валенки и новую шапку. Оружия я у него не видела. Брат отправил меня домой – не захотел, чтобы я его проводила до вагона. Сказал, что сядет в вагон и сразу же напишет мне записку. Эту записку я жду по сегодняшний день...

Продуктовую карточку брата я отдала своей двоюродной сестренке Меркуловой Марии, так как у нее была мать-старуха и маленькая дочка Верочка четырех лет. Эта Верочка и сейчас живет в Ленинграде.

В Ленинграде были всем известные Бадаевские склады, где якобы запас продуктов был на 10 лет. Их разбомбили. Люди ели землю, перемешанную с сахаром. Мы бегали с девчонками и ребятами за этой землей, очень хотелось сладенького – но уже вся земля к тому моменту была съедена. За водой жители осажденного города ходили на Неву. Кололи лед, складывали в бидончики и несли домой, кто был посильнее – набирал ведро. Люди умирали везде: на улицах, во дворах, в квартирах, в бомбоубежищах. Много наших ребят лежало в общежитии и по домам с обмороженными ногами. Всех от голода, холода и болезней заедали вши, некоторые лишались рассудка – их отправляли в больницу. Все были очень слабы, у девушек прекратились месячные. У всех была дистрофия.

Я была на казарменном положении, жила в общежитии. К нам однажды зашла старшая медсестра, лет 55-ти, очень боевая женщина. Осмотрела все общежитие, оказала кому надо помощь, произвела санобработку в помещении. В комнате нас было три девочки, у меня были хорошие косы. При осмотре всех обрили наголо, девочкам разрешили оставить чубчики. У меня же вшей не было. После санобработки, когда все были остриженные, а я с косами – то мне было очень неловко перед другими девочками, но вошь меня и правда не ела.

Медсестра позднее взяла меня к себе в ассистенты. Дала сумку с медикаментами, и я с ней стала ходить к больным ремесленникам в общежития и по квартирам. В основном обрабатывала раны, которые образовались от обморожения. Помню, однажды зашла в квартиру, комната пустая, вся мебель сожжена в самодельной печи (буржуйке). У печи стояла кровать. Под ворохом одежды лежал мужчина. Его глаза на исхудавшем лице казались очень большими. Он без надежды, равнодушно смотрел на меня. Я сняла с него ботинки, ни один мускул не дрогнул на его лице, когда я обрабатывала его обмороженные ступни, с которых почерневшими лохмотьями свисала кожа и видны были серые кости фаланг пальцев. В следующей квартире были только умершие от голода и холода жильцы. Вместе с другими сандружинницами мы укутали трупы и уложили на сани. А однажды при посещении лежачего больного по длинному темному коридору за мной кто-то погнался, но я успела выскочить, был первый этаж. Пришла, рассказала об этом случае медсестре, и она больше не посылала меня одну по квартирам.

Помню еще ужасное зрелище. Шла я рано утром на завод. На проходной дежурных уже не было. Сама проходная была в виде длинной кабины с двумя дверьми. Открыла дверь в кабину, смотрю, лежит скелет. Я подумала, что учебное пособие кто-то притащил. Когда подошла ближе, увидела, что скелет обтянут кожей – это был умерший голый человек. В то время были созданы

отряды МПВО, они собирали мертвых людей в бомбоубежищах, на улицах после бомбежек и хоронили их в общих могилах на Пискаревском кладбище. Умерших людей грузили на машины, трупы складывали один на другой.

Мы были очень слабы. Врачи нас предупреждали: «Двигаться, не залеживайтесь, если хочется лежать – пересиливайте это желание, поднимайтесь и идите». Очень хотелось пить, особенно соленого.

Некоторые выпивали много соленой воды или чая, опухали и умирали. Весной 1942 года нас от училища посылали убирать чердаки от грязи и фекалий, ребята скалывали лед с асфальтовых дорожек. Все это вывозилось на свалку, чтобы в городе не было вспышки инфекционных эпидемий. Старший мастер был все время с нами и вместе с нами работал.

Летом 1942 года был приказ об эвакуации оставшихся в городе учащихся ремесленных училищ. Перед эвакуацией меня и еще некоторых человек приняли в комсомол. Под руководством нашего директора Уманцева Леонида Семеновича всех учащихся (человек 70) и мастера Павла Ефремовича отправили в Казань. Только переплыли через Ладогу и погрузились в эшелон, как на Ладоге начался сильный бой. Из эшелона нас пересадили на пароход и там же погрузили продукты. Трех девочек – меня, Надю Шахову и Валю Ланцеву – поставили раздавать продукты. Мы плыли до Казани трое суток по заминированной Волге. Наверное, нас всех хранил Господь.

В Казани нас поселили в общежитии рядом с заводом. До работы сперва не допускали, вначале откармливали. Началась вспышка конской чесотки, которая сопровождается высокой температурой. Нам троим снова выдали медикаменты, и мы под руководством врачей всех лечили. Почти три месяца боролись с недугом. Постепенно стали крепнуть, поправляться, все становились красивыми, появилась сила, нам уже не трудно было подниматься по лестницам. В это время к нам в училище набирали учеников из местной молодежи. Работали все кружки: хоровой, балетный, драматический. Через три месяца после приезда в Казань завод наш заработал. Нас, девочек постарше, поставили мастерами над вновь прибывшими учащимися. Мы обучали новичков и сами работали по 12 часов в день, точили для фронта снаряды. В выходной день были заняты в кружках. В дни праздников 7 ноября и 1 мая участвовали в демонстрациях, маршировали вместе с жителями Казани.

Летом 1944 года приехал представитель из Ленинграда и забрал молодую рабочую силу в наш родной город. Местной молодежи тоже было предложено ехать с нами, некоторые девочки и мальчики поехали. Перед отъездом нас

построили и повели на вокзал. Как только мы начали движение, из-за угла здания нас забросали палками и камнями, почему – до сих пор не знаю.

В Ленинграде нас поселили в общежитии на Петроградской стороне, недалеко от морского дивизиона. Первый месяц я работала токарем, мы выпускали военную продукцию. Потом меня перевели в цеховой инструментальный склад. Работали только в первую смену – затем с музыкой шли разбирать завалы разрушенных от бомбежек зданий. Очищали, облагораживали, озеленяли свой любимый город. Мы же расчистили и заложили парк Победы.

В один из дней пришла на завод, смотрю, все веселые, ликуют! Победа! Конец войне! Рабочего дня, конечно, не было, все целуются, обнимаются, плачут от радости и боли утрат, чувства этого словами не передать. Все двинулись на Дворцовую площадь. До вечера на площади танцевали, веселились, радости не было конца. На следующий день в заводской столовой столы были накрыты скатертями, на каждой тарелке была булочка, и у каждой тарелки стояла бутылка сладкой воды, спиртного я не видела, а после работы мы с девчонками побежали на концерт в дивизион.

В 1947 году вышла замуж и уехала с мужем в г. Кизляр ДАССР. А мои подруги, Надя и Валя, продолжали работать на заводе, стали инженерами.

Калери Антонина Петровна

Слов «не хочу, не буду» тогда не было, было только слово «надо»!

Я жила во Ржеве с родителями, там же окончила среднюю школу и поехала поступать в Ленинград. Хотела учиться в Ленинградском медицинском институте им. академика Павлова. Успешно сдав вступительные экзамены, была принята на первый курс лечебного отделения.

К началу войны я уже закончила третий курс. Сперва студентов направили на оборонительные работы. Война набирала обороты, и нас – медсестер – направляли в госпитали и больницы ухаживать за больными и ранеными. С июля 1941 года я работала в госпитально-терапевтическом отделении больницы Эрисмана. Работа была разная. При объявлении тревог приходилось эвакуировать в бомбоубежище раненых. Слов «не хочу, не буду» тогда не было. Было только слово «надо».

До сентября сильных бомбардировок Ленинграда не было. Но восьмого сентября был очень сильный налет – немцы разбомбили продовольственные Бадаевские склады. Была страшная ночь. Дым от горящих продуктов окутал весь город, трудно было дышать. Этот ужас остался в памяти на всю жизнь.

В конце сентября на территорию больницы упала тяжелая бомба, гром был страшный, но бомба не взорвалась. Несколько дней кадровики старались ее обезвредить, но она поддалась не сразу. На все это время участок, где лежала бомба, был огорожен, а из ближайших палат раненые были переведены в другое здание.

Во время учебы в институте (и во время блокады) я жила в общежитии Ленинградского мединститута, которое находится на Петропавловской улице. У нашего общежития было опасное окружение: с одной стороны Ботанический сад, с другой – Гренадерские казармы, через Малую Невку находился номерной завод и слева от нас было предприятие военного значения. Когда были налёты фашистских самолётов на соседей, нам тоже доставалось от зажигательных бомб.

После того как разбомбили продовольственные склады, в городе стало плохо с питанием. К бомбёжкам и артобстрелам добавились голод и ранние морозы. От голода и холода люди падали прямо на улице, оказать помощь им не было сил. Как тяжело и больно было видеть, когда люди (сами едва державшиеся на ногах) везут в санках трупы близких, завернутые в одеяло или в какую-нибудь ветошь, на сборные пункты или кладбище. Очень тяжёлое было время, но надо было пережить его и защитить наш родной Ленинград. И мы выстояли.

Калинин Георгий (Юрий) Михайлович
Звуков жизни не было!

Калинин Георгий (Юрий) Михайлович (15.3.1930, Ленинград – 18.3.2011, Москва) родился в семье потомственных петербуржцев. Отец – железнодорожный служащий, мать – машинистка. Пережил тяжелейшую блокадную зиму 1941 – 42 годов, когда потерял отца и близких родственников. С больной матерью был эвакуирован летом 1942 года через Ладогу, до лета 1944 года жил в Пермской области. С 1957 года пишет художественную прозу. Главным потрясением в его судьбе явилась блокада Ленинграда. «Тогда бухнула на чашку весов моей жизни столь тяжелая гирька, что прошедшие десятилетия не смогли дать ничего такого, чтобы ее перевесить. Одним словом, я – человек блокадный», – пишет Калинин.

Вот отрывки из очерка «Блокада на всю жизнь», опубликованного в итоговом сборнике произведений Георгия Калинина «День един» (Москва, 2011).

«...Блокада являлась мне видением мглистых, безжизненных улиц. Чуть-чуть светящее пространство между рядами черных домов, заполненное застывшим, морозным туманом, под валенками – сухой треск смерзшегося,

твердого, как штукатурка, снега. Перед глазами – цокольный плитняк стен, запорошенных инеем, зарешеченные провалы подвальных окошек, из которых тянет еще более жутким, промозглым холодом.

Блокада являлась мне тишиной, такой тишиной смерти и запустения, что кричать хочется. Грохот обвалов, разворачиваемой металлом земли – не в счет. Звуков жизни не было. Всё по-прежнему на своих местах, как и год, как и сто лет назад: петербургские дворцы, проспекты, мосты, мостики через замерзшие реки, речки, канавки, – но уже не возвышает, а отягощает душу какой-то своей зловещей призрачностью, своей обнаруженной внезапно способностью не только принять смертное запустение, царящее вокруг, но и стать необходимой его принадлежностью. И будто могильный памятник, вознесенный ввысь, – ангел, зашитый в брезент, распростер с Петропавловского шпиля крест над городом, в мор и глад погруженным.

Блокада являлась мне ощущением страшного вселенского холода, убившего все живое. Закаменелая земля. Скелеты деревьев в Ленинском парке с обреченно раскинутыми сучьями, будто застывшие в этом предсмертном движении. Занесенные снегом груды щебня и кирпича, зияющие пустотой коробки сгоревших домов.

Безотчетная уверенность в какой-то свершившейся природной катастрофе, остыло солнце, сместились полюса Земли. Нарушен порядок чередования времен года. Я бы, наверное, не удивился, если бы мне сказали, что весна уже никогда не наступит. Но для тысяч и тысяч она действительно не наступила. Я же умирать всё-таки не собирался, в безнадежности, когда казалось, даже вслух говорилось – нет, не выжить, внутренне меня не покидала непоколебимая, алогичная уверенность, что, вопреки всему, выживу, останусь в живых.

Блокада наплывала на меня постылым гнусным запахом старых лежалых вещей, но не тем идилично-нафталиновым, каким тянет из бабушкиных сундуков, а специфически блокадным, грязным запахом разложения. Как будто вещи впитали в себя смрад свершавшейся вокруг смерти.

Блокада являлась мне как отголосок мертвящего, тошнотворного ощущения, которым зимой 42 года было окрашено всё, на что бы ни падал взгляд. Оно разъедало, разрушало смысл любой вещи, любого желания или усилия, исключая, разумеется, тех, что были направлены к утолению никогда не стихавшего голода. Это была твоя резко ослабленная воля к жизни, твое отвращение к человеку, вдруг открывшемуся во всем несовершенстве – в физической уязвимости и в нравственной несостоятельности. Это было

преломление обостренного во сто крат из-за массовости смертей впечатления брэнности и ничтожества человеческой жизни.

Трупы в домах, на лестницах, на улицах, в моргах под открытым небом, куда их свозили и складывали, как дрова, получая хлебную надбавку за перевыполненные нормы уборки мертвецов. Наверное, до самого поднебесья эта штабель вавилонская могла дорасти, а всё никак не поспевали за смертью...

...Я почти не знаю случаев доброты, великодушия, самоотверженности. Одно из немногих исключений: когда отец в январе 42-го, возвращаясь с работы, находившейся на другом конце города, упал от слабости на Биржевой площади, незнакомая женщина помогла ему подняться и, держа под руку (их пути совпадали), довела через мост Строителей до самого дома.

Еще одно из немногих исключений – моя учительница Екатерина Степановна Рыжова. В тяжелейшее время она собрала нас, своих учеников, обойдя сама темные глухие подъезды домов, и, единственная из преподавателей, занималась с нами в пустой, промерзшей школе (№ 26, Петроградский район). До конца, не побоюсь сказать – до последнего вздоха, исполняла она то, что почитала своим долгом, в чем видела свое призвание (умерла в середине декабря 41 года)...

...Блокада принесла одним – только смерть, другим, более жизнестойким, – сначала нравственное разрушение, а потом смерть, третьим, еще более жизнестойким или попавшим в лучшие условия, – только нравственное разрушение.

В первую очередь погибали физически немощные, либо по возрасту, либо по здоровью, затем – честные, добрые, великодушные натуры, органически не способные примениться к обстановке, где ожесточение, зверство, окаменелость души были необходимым условием выживания. Эти две категории людей были заранее обречены.

На то, что давалось по карточкам, выжить не мог никто. Наверное, если бы провести подсчеты, сколько человек могло бы прокормиться, получая выдававшиеся тогда жалкие пайки, то оказалось бы, что выжить мог лишь один из четырех-пяти, а то и из шести-семи человек...

Всё решал либо случай, либо смерть. Хищник, более сильный и подлый, выкрадывал карточки и, обрекая на гибель слабого, выживал сам. Смерть, уносившая тех из семьи, кто оказывался менее выносливым, давала возможность уцелеть другим. Как я теперь понимаю, вопрос выживания

состоял в том, чтобы продержаться до смерти кого-нибудь из близких, и, чем больше вокруг тебя умирало, тем повышались твои шансы уцелеть.

После мертвых оставались карточки, которые спасали живых, чья пайка удваивалась, утраивалась, учетверялась. Трупы месяцами держали в комнатах, продолжая получать карточки на мертвые души...

...Мое выздоровление от блокады затянулось почти на десятилетие. Да я так и не знаю, наступило ли оно окончательно.

До сих пор живо во мне ощущение, что блокада расколола надвое мою жизнь, отщепив, оторвав от нее первые мои детские годы, и до сих пор никак не может прирасти ко мне этот десятилетний доблокадный осколок. До сих пор я не люблю, не могу без боли вспоминать свое доблокадное детство: те неизбежные его прекраснодушные иллюзии, обычно изживаемые постепенно и безболезненно, были выдраны из меня с кровоточащим мясом, будто проглоченный крючок с лакомой наживкой...

Карпычев Александр Витальевич
Моя кровать рухнула в пропасть!

Мы не были эвакуированы. Отца оставили на заводе «Красный треугольник» руководителем предприятия: резина была нужна фронту. Меня, маму, бабушку и сестру должны были эвакуировать, но в эшелоне был карантин из-за дифтерии, а у меня нашли дифтерийную палочку.

Жили мы на Чкаловской улице. Отец навещал нас раз в неделю, так как трамваи не ходили. В первый раз он пришел, когда угол дома оторвало снарядом. Комната находилась на четвертом этаже, и в проеме виднелась спинка детской кровати. Отец влетел в комнату, вытащил меня из кровати, которая рухнула в пропасть. Так он спас мне жизнь.

Новую комнату нам дали на Большом проспекте. В очередное посещение он не застал никого: умирающую от дистрофии жену отвезли в больницу, она умерла в марте 1942 года. Бабушка и сестра были на Пискаревском кладбище, а **меня сдали в детдом. Отец побежал искать этот детский дом, нашел, а накануне в него попал снаряд – остались лишь руины. Отец в отчаянии начал вместе с другими разбирать завалы. На третьи сутки под металлической сеткой кровати он нашел меня без сознания. Я спрятался под кровать, когда летели самолеты. На Петроградской был госпиталь, но крови от отца не хватало, и многие раненые сдали кровь, чтобы спасти мне жизнь – уже во второй раз.**

Я не говорил до 17 лет, в школе отвечал письменно, а затем стал говорить с заиканием. Звуки сирены и треснувших обоев, когда рушился дом, не выношу до сих пор. На месте ранения выросла злокачественная опухоль. Сейчас я инвалид 1-й группы, почти не хожу.

Карпычева Марина Петровна
Снаряды разрывались рядом!

Я родилась 5 февраля 1940 года и помню себя уже с двух лет. Когда началась война, я жила с мамой и родственниками в Павловске (тогда город Слуцк). Немцы подходили к городу быстро. В августе было решено бросить дом, хозяйство и перебраться с последним поездом в Ленинград. Помню, как мы с братом гуляем, а взрослые собираются в дорогу. Брат испугался и побежал домой, а я не нашла калитку, полезла под забор и застряла под ним. Мы поселились в квартире дяди, которого вместе с 56-ю взрослыми и двумя детьми эвакуировали на Урал.

В Ленинграде мы жили на 1-й Советской улице, д. 12, кв. 55, прямо напротив Московского вокзала. Немцы начали обстреливать вокзал, но карта, видимо, у них была неточной, поэтому снаряды разрывались рядом. В итоге был разрушен соседний дом. Осколки разорвавшегося снаряда летели нам прямо в окна.

После нескольких таких бомбежек детская кровать была сломана, а ее прутья перебили переносицу маленькому двоюродному брату, родившемуся в 1943 году. Его младенческая травма оставила след на всю жизнь – брат сильно храпел, а его нос был с горбинкой.

Первое время, когда начались бомбежки, мы с бабушкой спускались в бомбоубежище с 4-го этажа, потом она заболела и сказала, что мы больше не пойдем туда, так как, если мы окажемся под завалами разрушенного здания, нас потом не откопают.

От голода и крайне скудной пищи я дважды переболела цингой, от которой выпадали зубы и кровоточили десна. Бабушка тоже страдала от цинги.

Наша мама была военнообязанной и работала – вначале на колбасном заводе лаборантом, где ей разрешали обжаривать кусочки хлеба – лакомство, которое я ждала целый день, затем – на Охтинском химкомбинате, на котором производились порох и различные взрывчатые вещества. Она также знала быстрые методы определения отравляющих веществ в пищевых продуктах.

В 42-м мы с братом ходили в детский сад, который располагался в нашем доме. Мы выжили благодаря той скудной еде, которую нам давали в детском саду. Так, манную кашу с комками не могу видеть до сих пор. Еще нас кормили рыбьим жиром, который не только невкусный, но и имеет долгое противное послевкусие. Детей сажали на стул и насильно впихивали по ложке рыбьего жира в рот.

В 1943 году нас отвезли от Охтинского химкомбината на дачу в Мельничный Ручей, где, гуляя под солнцем, я избавилась от рахита. Я долго не росла и, даже когда уже ходила в школу, волочила за собой по земле портфель.

Дети в блокаду переносили голод намного тяжелее, чем взрослые, поскольку они не понимали, что происходило, и постоянно плакали. Этот голодный плач в ушах у мамы стоял очень долго.

Мы, дети, с тобой, Ленинград,
Мы знаем, что значит блокада,
Раз выжили, значит, так надо,
Жизнь нам в награду дана!

Катунина Валентина Семеновна

Нас постригли «под мальчиков», чтобы мы не позорили флот!

Валентина Катунина во время блокады служила во флотском отряде дымомаскировки и дегазации, задачей которого было прикрывать во время артобстрелов с помощью дыма стратегические объекты Ленинграда. Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

В июне 1942 года во вновь созданный при Ленинградской военно-морской базе КБФ отряд дымомаскировки и дегазации (ОДД) были призваны 30 девушек-добровольцев из разных городов страны. По образованию почти все девушки были химиками и медиками со студенческой скамьи. Отрядом командовал капитан-лейтенант Богданов Александр Николаевич, до этого бывший командиром дивизиона торпедных катеров. Отряд размещался в бывшем дворце на бульваре Профсоюзов, 6, рядом с Александровским садом, где были копаниры-гаражи для наших АРСов – спецмашин.

Немецкие войска стояли у стен Ленинграда и вели по городу постоянный артиллерийский обстрел. Перед отрядом стояла задача прикрывать от

визуального наблюдения и обстрела корабли, стоящие на Неве, в торговом порту – подводные лодки, проходившие по морскому каналу, и другие объекты.

В отряде, кроме девушек, были моряки-химики, катерники, пережившие страшную зиму блокады. Командир был у нас кадровым офицером, строгим, но тактичным и воспитанным. Он своим примером учил и требовал от всех мужчин отряда уважения к нам, девушкам, а потому мы никогда не слышали от наших ни ругани, ни «крепкого слова». Через всю жизнь мы пронесли добрые воспоминания о чутком, товарищеском отношении сослуживцев.

Чтобы мы своим видом «не позорили флот», нас постригли «под мальчиков». Сами мы подогнали форму по фигуре, и началась учеба по практической воинской специальности дымозавесчика или дегазатора. Имея специальное образование, девушки быстро освоили курс учебы, но трудно было привыкать к воинской дисциплине, к ночным тревогам, холоду, недоеданию.

Уже в начале 1943 года для нас началась настоящая боевая работа дымозавесчиков. Выезд по тревоге был самым трудным: в считанные минуты доехать до места интенсивного обстрела и закрыть дымом объект. Со временем научились быстро сосредотачиваться на выполнении поставленной задачи, забывать о страхе, опасности для своей жизни, но успеть дать дым, закрыть объект, чтобы прекратился визуальный обстрел. От успеха наших действий зависела жизнь корабля, успех отдельной операции и так далее. Обстрел прекращался не всегда сразу, немцы продолжали стрелять по дыму. Были случаи, когда машину засыпало землей и осколки снарядов пробивали цистерны с дымовой смесью, что вызывало глубокие ожоги. Такая работа была до конца войны.

Наше отделение – Жилина Наташа, командир машины, и Каблукова Валя, химист-шофер, – из 11-ти боевых дымлений семь провело в обстановке интенсивного огня, с риском для жизни, в зоне рвущихся снарядов. Один из примеров – прикрытие крейсера «М. Горький»; задымление позволило кораблю выйти из зоны обстрела невредимым. Ответственность за выполнение задания была огромной, а страх за свою жизнь приходил, лишь когда возвращались на базу.

Кроме АРСов, в отряде были еще отделения со стационарными установками «Ястреб», где командирами отделений были девушки Оля Подвишенская и Лида Марычева, а рядовыми матросами были молодые ребята, и, надо отдать им должное, никто никогда не оспаривал командование девушек. Во-первых, потому, что не позволяла воинская дисциплина, а во-вторых, специалистами-химиками были именно девушки. У них работа была тоже не менее опасной и,

главное, физически тяжелой и ответственной. Часто приходилось устанавливать систему днем, под минометным огнем. Во время операции по снятию блокады весь отряд помогал отделениям «Ястреб» обеспечивать прохождение судов и боевой техники с солдатами по фарватеру от Лисьего Носа до Ораниенбаума.

После завершения снятия блокады наш отряд был перебазирован в г. Ригу, а в начале мая 1945 года дивизион дымомаскировки – АРСы, «Ястреб» и катера-дымозавесчики – были перебазированы на остров Эзель для участия в операции против курляндской группировки немцев. Здесь для нас вместе с окончанием войны 9 мая 1945 года закончилась и военная служба.

В августе 1945 года отряд был расформирован, а в ноябре – был приказ о демобилизации женщин с флота. Многие из отряда остались на гражданке в городе Риге и в Ленинграде. Мы снова встретились в Риге лишь спустя 20 лет...

Керимова Лариса Зиновьевна

И так мы прошли всю войну – лестница и бомбоубежище

Я коренная ленинградка. До войны у нас была очень большая, дружная семья: дедушка, бабушка, мама с папой, два дяди и мы с сестрой. Во время войны все, кроме дедушки и бабушки, ушли на фронт. Мама работала на заводе, мы с сестрой оставались дома. Когда начинался обстрел, завывала сирена, надо было спускаться в бомбоубежище. Оно находилось в подвале нашего дома, а мы жили на седьмом этаже. Света тогда не было, лифты не работали, и вот, пока мы спускались с седьмого этажа со старушкой-бабушкой и сестренкой, начинался отбой, и мы поднимались обратно наверх. И так фактически мы прожили всю войну – лестница и бомбоубежище.

Мама наша работала на заводе, один раз в неделю ее отпускали домой, чтобы проведать семью, посмотреть, живы ли все, где находятся. Наш дом разбомбили, и дедушка погиб, а мы как раз были в это время в бомбоубежище, а нас переселили в другой дом.

Когда были бомбежки, был ужасный грохот. Я очень боялась, а бабушка мне говорила: «Ты не бойся, это дядя Коля на мотоцикле едет». Я считала, что это так и есть, но от страха забиралась под стол. Не было света, не было воды, не было тепла, стекла были все разбиты во время обстрелов, которые не прекращались практически ни на минуту. Очень тяжело приходилось взрослым, они были вынуждены нас как-то обогреть и хотя бы напоить. За водой ходили на реку Неву. Я, конечно, не могла ходить, ходила старшая сестра, кто-то из соседей ей помогал. Очень тяжелое время было. Вот перед тобой идет человек, качается, вдруг он падает и умирает. Это была ужасная картина.

Но на нашу долю выпала и вторая война – наша карабахская война. Я работала в госпитале МВД и все видела, как привозили наших детей. Невозможно было сдерживать слезы. Мне бы очень хотелось, чтобы в наше время люди были добрее, внимательнее друг к другу, чтобы наша молодежь поняла, что такое война. Они не видели ее, и дай Бог, чтобы никогда не увидели. Иногда смотришь на молодежь и думаешь: «Господи, чего же им не хватает?» Жили бы мирно, дружно, и все было бы у них хорошо.

Кисель (Загорская) Людмила Васильевна
Каждый из нас стоял на пороге смерти!

Людмила Васильевна Кисель – житель блокадного Ленинграда. В 1953 году окончила гатчинское педучилище, работала старшей пионервожатой, окончила институт им. Герцена. Преподавала географию. Ветеран труда, член Общественного совета по краеведению Красносельского района, проводит с детьми уроки краеведения и истории блокады.

Очень трудно писать воспоминания: переживаешь все заново... Мы знаем, что каждый из нас стоял на пороге смерти. Невиданные по жестокости вражеские обстрелы и бомбардировки, голод и условия лютой блокадной зимы, потеря родных и близких...

В первую же блокадную зиму многие десятки тысяч детей, потеряв родителей, стали сиротами. Ни одна страна, ни один народ в мире не знали бедствий такого масштаба. Необходимо было срочно создавать детские дома, которые бы действовали в условиях блокады. К 7 марта 1942 года в Ленинграде было сформировано 98 детских домов, в области действовало еще 32 детских дома. Со временем для спасения детей возникла необходимость их эвакуации. Были спасены десятки тысяч маленьких ленинградцев, хотя многие дети по своему малолетству не могли сами оценивать происходившее с ними. Нас, чудом уцелевших в суровую зиму 1941 – 1942 годов, объединяет чувство благодарности ко всем, кто занимался тогда вопросами спасения детей в нашем городе.

Перед войной мне исполнилось семь лет. 22 июня 1941 года застало меня в поселке Парголово Ленинградской области. Был солнечный день, и мы, дети, играли на улице. Вдруг взрослые позвали нас домой: по радио объявили начало войны. Помню, как у домов стали копать убежища и окопы, куда прятались во время обстрелов. Было очень страшно, снаряды пролетали прямо над головой. Со стороны захваченной территории Карельского перешейка фашисты

обстреливали Финляндский вокзал и железную дорогу. Мама работала на заводе «Красный Выборжец» в счетном отделе бухгалтером, и мы все время беспокоились, как наши родные доедут на работу в Ленинград и обратно.

Когда началась блокада, мы переехали в Ленинград на проспект Газа (ныне Старо-Петергофский), напротив кинотеатра «Москва». Район этот очень часто подвергался артиллерийским обстрелам и бомбежкам, так как находился недалеко от южной границы обороны Ленинграда. Помню, как к нам в окно влетел осколок вражеского снаряда. Я была дома вдвоем с бабушкой, и мы очень испугались. Осколок был горячий, от него загорелся пол. Воды не было. Бабушке к тому времени уже исполнилось 82 года, не знаю, как она потушила огонь.

Квартира наша была похожа на ту, что представлена в музее истории Ленинграда. Так же завешены окна, целые стекла переклеены бумагой, разбитые заменены фанерой. В комнате стояла маленькая железная печка. Дров не было, для тепла сжигали все, что могло гореть. Электричества не было, слабо светил фитилек коптилки... И конечно, постоянно было включено радио. До сих пор не могу без волнения слушать звуки метронома в музее...

А незабываемые «125 блокадных грамм» хлеба! Эти маленькие кусочки надо было разделить на целый день. Уже после войны, когда хотели этот хлеб воссоздать, не получалось, муки там практически не было, остальное – неизвестно что. И 35 дней мы с бабушкой жили на таком пайке. Маме как служащей давали около 200 грамм, какой-то кусочек она оставляла и для меня.

За водой ходили с бидончиками к Калинкину мосту на Фонтанке. В пути попадали под бомбежки, прятались во время воздушной тревоги в бомбоубежищах. **Как-то бомба попала в дом, где находилось бомбоубежище, и нас засыпало. Народу много, все кричат, плачут, воздуха нет. Нас, детей, куда-то проталкивали, где воздух хоть как-то шел. Эти развалины раскапывали сандружинницы, девочки, которым было 18 – 20 лет, и таким образом спасли нас. Я в такой ситуации оказывалась дважды.**

В сентябре мне надо было идти в школу в первый класс, блокады еще не было, и школа работала. 1 сентября прошла линейка, стояли нарядные детки, у всех букеты цветов, банты и портфели. Через 2 – 3 дня школа закрылась – немцы подошли почти к Кировскому заводу. Через некоторое время детей, живущих рядом, стали собирать в подвалах, где продолжались занятия. Мы сидели одетые, света не было, стояли какие-то коптилки. Буквы я знала еще до войны, читать научилась сама во время блокады, чтобы не было так страшно. Я читала книжку, которая называлась «О мишке Егорке», там рассказывалось о медведе,

который жил у моряков. Писать я не умела. Чтобы время шло быстрее, считала до тысячи, следила по часам. Как сосчитаю – 20 минут пройдет... Так мы с 80-летней бабушкой и коротали дни, пока мама была на работе.

Люди преодолевали трудности, но не сдавались! Транспорт не действовал, и моя мама ходила на работу пешком почти через весь город. А работала она по-прежнему на «Красном Выборжце», это за Финляндским вокзалом. Тогда многие уходили на службу на неделю: проходить по 20 км и более каждый день просто не было сил. Люди были очень истощены, умирали от голода. Бомбежки, голод, света нет, воды нет.

На Новый 1942 год мама была дома, приготовила дуранду – шелуху от подсолнуха, и мы сидели на кровати и жевали вот эту дуранду. Мама ушла на завод сразу после Нового года, и потом ее сослуживцы сообщили, что 12 января она умерла от истощения прямо во время работы, ей было 45 лет. Меня на похороны не взяли, я бы не дошла, а везти на санках было некому. Брат потом рассказал, что мама лежала в гараже, покрытая рогожкой. В архиве «Красного Выборжца» есть запись: «Последняя зарплата Загорской Татьяне Петровне выдана за декабрь 1941 года. Умерла от голода на работе». После войны я ездила на завод, получила такую справку.

Я осталась жить с бабушкой и маминой сестрой, братья ушли на войну. У нас была трехкомнатная квартира, еще с 19 века, мы жили с бабушкой в одной комнате. Я лежала, слышу, бабушка упала с кровати. Я испугалась, побежала по коридору к тете Мане, они с соседями пришли, стали поднимать ее, а она уже мертвая. И вот представьте, я одна в квартире, бабушка лежит на кухне, завернутая в простыню, – страшно было, не передать! Потом мы повезли бабушку на санках в морг в парк Победы, там был крематорий. А обратно я уже идти не могла, и меня привезли на этих же саночках. После этого меня забрали к себе соседи.

Когда началась весна, детей посылали рвать траву для еды: крапиву, лебеду. Лебеда – это вообще было первое блюдо. Хлеба прибавили, стало немного полегче. Когда я просила есть, мне давали соленую воду, чтобы как-то утолить голод. Когда умерла тетя, меня отправили в детский распределитель на Курляндской улице, а затем в детский дом № 39. Там меня немного подкормили, я даже могла бегать к соседке Таисии Ивановне, которая меня опекала.

В блокаду в нашей семье от голода умерли четыре человека – мама, ее две сестры и бабушка. Два моих брата 18-ти и 20-ти лет погибли, сражаясь за Ленинград в народном ополчении. Об их смерти я узнала уже в детском доме.

От них остались письма, их очень трогательно перечитывать. На листах стоят пометки – «проверено военной цензурой». Брат писал матери, куда перевели их отделение, что он стал первым пулеметчиком, что он вступил в комсомол, а там все зачеркнуто, нельзя было это писать. У старшего брата последние строчки тоже заставляют задуматься: «Мама, нам предстоит бой, возможно, в этом бою нам предстоит сложить голову».

Я выжила чудом, осталась одна. Писать я тогда не умела, иначе получился бы дневник, похожий на тот, что хранится в музее. Странички из дневника 10-летней девочки Тани Савичевой являются символом трагедии детей блокадного Ленинграда.

В июле 1942 года наш детский дом эвакуировали. Нас было около 100 детей, с первого по седьмой классы. Ясно помню июль 1942 года, когда нас из Ленинграда эвакуировали по Дороге жизни через Ладогу в Кабону, на баржах. Бомбежка, шторм, волны сильно ударяли о борт баржи. Нам велели крепко держаться за канаты и трубы, чтобы не упасть в воду. В общем, натерпелись страха... Мою тетю эвакуировали в марте, и она рассказывала мне, как шли машины по подтаявшему проваливавшемуся льду. Дорога жизни открылась 22 ноября, когда лед стал более-менее крепкий, по ней пошли обозы и караваны машин, шоферы которых тоже совершали подвиг.

Потом мы долго ехали по железной дороге... Нас привезли в село Перевоз Горьковской области, где я прожила пять лет. Во время эвакуации мы работали и были хоть и маленькими, но тружениками тыла, вязали маскировочные сети. В школу я пошла только в Перевозе, закончила там 5 классов. И вот зимой после уроков мы сидели и вязали сетки разных размеров: маленькие – для стрелков, метр на два, большие – для танков и самолетов. Для них сплетали несколько маленьких сеток, я даже запомнила размер – 200 рядов в длину и 180 в ширину. За работу от артели «Заря» мы получали деньги, которые шли в фонд детского дома. Затем их перечислили в Горький на постройку танка для фронта, его выпустили от имени школьников Горьковской области.

Помимо этого у нас было свое хозяйство: пять штук свиней, коровы, этим мы тоже занимались сами. Летом нам выделяли участки на колхозных полях для прополки – 4 метра в ширину и 200 в длину. Там рос коксагыз, из которого делали резину для фронта – шины и так далее. Это невысокое растение, высотой сантиметров 20, зато сорняки были огромные и все в колючках. И вот мы пололи эти поля без перчаток, кололись и говорили: «У, фашисты проклятые, мы все равно с вами справимся!»

Вязали кисеты, варежки, шили платочки, посылали на фронт подарки и получали от солдат письма. Брат мне тоже писал все время, такая была связь с фронтом. Выступали с концертами перед жителями села, в госпитале перед ранеными. У нас были чудесные воспитатели! Они делали все для того, чтобы мы не так болезненно переживали потерю своих родных.

Когда мы только приехали, наша учительница вспоминала, что мы шли как старички, согнутые, истощенные. Две девочки и воспитательница Таня умерли, не выдержав последствий блокады, я лежала в больнице с воспалением легких. Мы часто болели, зимы холодные, а одеты мы были плохо. Валенки выдали только в 1944 году, их тогда называли «американскими подарками». Я не помню, как мы выдерживали это. Зимой по утрам, чтобы идти в школу, дверь приходилось откапывать.

Детдомовцы военной поры верны блокадному братству. 27 января 1964 года основан Союз воспитанников детских домов блокадного Ленинграда, сейчас в Союзе 2600 бывших воспитанников. У Союза налажены связи с 40 детскими домами города, в которых проходят уроки мужества. Несмотря ни на какие трудности, Союз продолжает свою нужную деятельность, чтобы вся Россия, каждый человек помнил о том, что пережил Ленинград.

Повзрослев, я поняла и оценила заботу старших о нас, потерявших всех близких. С чувством глубокого уважения к учителям я тоже выбрала эту профессию. Я много раз возила ребят в музеи, связанные с военным временем, проводила походы по памятным местам боёв на Ленинградской земле. Поисковая работа мне очень дорога! Детям разных возрастов надо больше говорить о бедах войны, чтобы они росли надёжными защитниками мира! А страничка моей жизни ещё раз подтвердит ужас того, что пережили люди в блокаду.

Кисловская Инга Львовна

Множество детских панамок плавали на воде!

Инга Львовна Кисловская родилась в 1931 году в Ленинграде. Окончила биолого-почвенный факультет и аспирантуру Ленинградского государственного университета, защитила кандидатскую степень. Инга Львовна – ветеран труда, ветеран атомной энергетики и промышленности.

Война началась 22 июня, а 24 июня мне исполнилось 10 лет. Но я помню, кажется, каждый день.

Вот одно очень яркое довоенное воспоминание. Весна 1941 года, снег уже сошел, появились первые цветы, и зацвела ель, которая росла рядом с нашим домом. Обычно ель цветет маленькими красными шариками на макушке, а на будущий год на месте шариков появляются шишки. Но той весной елка зацвела с самого низа, вся была красная, как будто в брусничной ягоде. Мы ломали эти ветки и ставили в букеты. Рядом жила старушка, и она говорила, что, по приметам, елка цветет так к великому кровопролитию. За эти разговоры ее арестовали.

Войну предчувствовали многие, но никто не думал, что она начнется так быстро. 22 июня вся семья была дома, папа зарядил пленкой фотоаппарат и сфотографировал младшего братика, которому было всего два месяца. Второму моему братику исполнилось 2 года. В это время объявили войну.

Мама сразу стала готовить папу на фронт, не дожидаясь повестки из военкомата, сшила ему из белой плотной ткани вещмешок. На следующий день папу призвали в армию. Он был хорошим инженером в области оптики и часто приезжал в Ленинград на оптико-механический завод.

Блокада все перевернула вверх дном. В октябре 1941 года голод уже ощущался, и мы ходили в школу только за похлебкой. Вы, наверное, знаете из истории, что продовольственные Бадаевские склады сгорели, хлебная норма резко уменьшилась. Как-то, стоя в очереди за тарелкой горячей воды с небольшим количеством отрубей, я увидела, как мужчина нес на себе женщину. Она лежала на его спине без признаков жизни, а голова болталась по сторонам. В определенный день я ходила в клинику имени Отта за соевым молоком для моих братьев. Ходить приходилось с 12 до 18 часов, именно в это время были артобстрелы, хоть проверяй часы по немецкой пунктуальности. Однажды я попала под обстрел. Передо мной убило женщину, а я перешагнула через нее и пошла дальше. В один из таких дней я насчитала на улице 58 трупов.

Мы были так истощены физически, что эмоции притуплялись. Мои братья лежали и не могли двигаться. Бывало, ручку брату поднимешь, а опустить он ее не может, такие они были отекавшие. А я была худенькой, ела плохо, меня даже дразнили – «две щепки – горсть соплей» – и как-то не отекала.

Мама работала сестрой-хозяйкой в госпитале. И однажды она не пришла домой после работы. Представляете, как мне страшно было? Папа на фронте, а у меня на руках два младенца. Чего только не передумала. Собралась и пошла искать маму, но куда идти – не знаю. Зима, злющий мороз, я в огромных валенках. Где мамин госпиталь – не знаю. Не могу себе представить, сколько я проходила, но

ведь нашла. Домой мы возвращались уже вместе. Как оказалось, фашисты разбомбили один из флигелей госпиталя, и все, кто был свободен от срочной работы, переносили уцелевших раненых. Я до сих пор не могу понять, как я могла ходить ночью по городу, но тогда страха не было.

Меня не раз спрашивали, почему семья не эвакуировалась сразу. Вы знаете, у нас в доме ни разу не было разговоров о том, что немцы могут взять Ленинград. Говорили о еде, что, если выживем, картошку никогда не будем чистить, будем есть ее с кожурой. Но о том, что немцы войдут в город, никогда. У мамы была возможность нас троих эвакуировать, но она сказала: «Нет! Умрем вместе, но отправлять я их никуда не буду». Выживали как могли. Мама получала 125 грамм хлеба, резала его на тонюсенькие полосочки, высушивала на буржуйке, а потом эти тонюсенькие сухарики сосали как самый дорогой деликатес. В пищу ушли все городские кошки и собаки. Пришлось съесть папин кожаный портфель. Вымачивали его, прокручивали на мясорубке, затем варили и съедали.

В школе занятий, конечно, не было. Мы ходили за похлебкой, но детей каждый раз приходило все меньше. Кого-то уже не было в живых, кто-то эвакуировался. Перед Новым 1942 годом учителя организовали нам праздник. Достали где-то елку, нарядили ее. Закутанные в одежду, словно маленькие старички, мы ходили вокруг елки под звуки баяна, а лица у всех были повернуты в соседнюю комнату, где был накрыт праздничный стол. Это был, наверное, самый лучший праздничный стол в моей жизни – овсяная каша, котлетка и небольшой подарок. Я съела кашу, а котлетку и подарок, обхватив руками, понесла домой. А как же иначе? Ведь дома мама, братики.

14 января 1942 года с диагнозом дистрофия третьей степени папу демобилизовали, а 26 февраля он умер. Хоронили умерших кто как мог. Укутывали в простыни, одеяла. Мама достала доски, с папиной сестрой они сколотили гроб и повезли на двух санках на Волковское кладбище. **А весной, когда пришли на кладбище, то не нашли могилы. Гроб кто-то выкопал, папу перезахоронили в братскую могилу, а гроб, наверное, обменяли на хлеб. Каждый выживал как мог.**

В июле 1942 года прошла перерегистрация паспортов, и тех, у кого было трое и более детей, насильно эвакуировали. Нам пришлось уехать. Помню как сейчас: мы приехали на Ладогу, была страшная буря, а отправляли катерами. Перед нами ушли два катера. Уже на середине Ладоги мы увидели страшное зрелище: множество детских панамок плавали на воде. Предыдущие катера утонули в результате бомбежки, погибли все.

Потом был товарный поезд, Сибирь и победа. Представьте себе сельскую школу: идет урок, до ближайшего телефона три километра. И вдруг вбегают старшеклассница с криком «Победа!». Это было такое счастье, что его трудно описать.

Знаете, если бы мне пришлось прожить заново жизнь, то я бы не хотела жить по-другому.

Кириллова Галина Григорьевна
Нас убьют, а хлеб останется!

Кириллова Галина Григорьевна – член организации «Дети блокады – 900».

Я, Кириллова Галина Григорьевна, девичья фамилия Егорова. Родилась 28 января 1936 года в городе Колпино. Родители работали на Ижорском заводе, были бабушка и младший брат Веня. Детей сотрудников завода готовили к эвакуации в город Челябинск. Мама нас сфотографировала на память, но отправить не смогла. Не могла представить себя без детей. Папа ушел в ополчение и воевал на Карельском перешейке под Белоостровом. Награжден двумя орденами Славы. Когда в наш дом деревянный попал снаряд, мы остались без жилья. Нас в Ленинграде приютила тетя Оля, папина двоюродная сестра. Брат Венечка заболел, лекарств не было. У мамы родилась Танечка, но она очень скоро умерла, так как у мамы не было молока и было холодно.

Как-то мы с мамой попали на Косой линии под обстрел шрапнелью. От страха мы упали на рельсы, а шрапнель прыгала, скакала. Лежим мы, прижавшись к асфальту, а по рельсам идет трамвай и звонит, чтобы мы освободили путь, так как люди в трамвае тоже под обстрелом. Было очень страшно подняться.

Потом мы стали жить у тети Насти, родной папиной сестры, на Пушкинской улице, д. 3, кв. 19. Рядом за стеной жила соседка. Венечка умер 5 мая 1942 года от воспаления почек. Ему было 4 года. Его одели в любимый костюмчик, а потом, я помню, что говорили взрослые. Что сверху надо простыню похуже, так как есть люди, которые раздевают умерших, одетых хорошо. Отнесли в сарай к институту им. Поленова на улицу Маяковского. Где похоронены Танечка и Венечка, можно только предполагать.

Как-то бабушка пошла собирать крапиву вдоль Московской железной дороги. Набрала и испекла котлеты из крапивы. Очень горько и невкусно. Бабушка потом с домом престарелых, который находился на Красноармейской улице,

почти напротив ВОЕНМЕХа, была эвакуирована в Ярославскую область. Остались мы с мамой вдвоем. **Как-то лежим мы с мамой на большой кровати, греемся друг о друга – начался обстрел. Били по центру города. Зашатался дом, а мама говорит: «Вот нас убьют, а хлеб останется». В ждановском шкафу, где маленькая дверца, на верхней полке наш хлеб. Мама: «Давай съедим!» Съели. Хлеб всегда брали на день вперед, а 30 и 31 числа карточки на новый месяц не отоваривали. Были разгрузочные дни, как сейчас говорят.**

Потом соседка тетя Шура устроила маму на работу на Финляндский вокзал проводником вагона в эвакопоезде. Меня мама определила в детский сад № 17, который находился на ул. Плеханова. Окна садика и арка выходили на Казанский собор, а вход был с канала Грибоедова. У входа всегда стояли двое часовых, так как в институте Герцена был госпиталь. Весной в теплую погоду к нам приходили ходячие раненые на нашу площадку. Разговаривали с нами.

Помню, от папы с фронта пришла посылочка. В стеклянной баночке, в которой после войны продавали паюсную икру. Очень маленькая баночка, в ней был сахар наколот мелкими кусочками. После войны папа говорил, что его наказали за это. Летом мы с садиком отдыхали в Парховке. Дом этот и дом сотрудников стоит до сих пор. Соседние дома тогда были пустые, так как фронт рядом.

Как-то мы с мамой на поезде поехали в Сестрорецк. Папа ведь служил там. Вбежал папа военный с автоматом, говорили с мамой, но начался обстрел поезда, так как он дымил, парил. Паровоз как-то жалобно загудел, и поезд пошел в Ленинград. Папа прошел всю войну, два ордена Славы. Был почетным жителем Сестрорецка.

Кирсанова Светлана Павловна В первые дни блокады меня украли!

Я родилась в 1939 году, к началу войны мне только исполнилось два года. Мои родители жили в Ленинграде, к началу войны маме было 22 года, отцу – 26. Всю блокаду мы прожили в Ленинграде, не выезжали. Жили там и умирали там же.

Отец мой был подводником – Кронштадт, Балтика. Служил на подлодке «Спидола». На начало войны их подлодка оказалась в Лиепае (Латвия). Когда началась война – моряки не имели права оставить ее в доке и не имели права взорвать. Но в итоге командир решил лодку взорвать, а экипаж расформировать. Отец был направлен в часть морской пехоты, но дальнейшая его судьба была неизвестна. Он без вести пропал в августе 1941 года.

Сперва мы жили на набережной Тучкова, дом 2, квартира 29. А потом, уже в октябре, мама перебралась на Васильевский остров поближе к гавани – там мамин дядя жил. Дядя с женой стали эвакуироваться, а у них оставалась старенькая мама, которую нельзя было перевозить. И мама вместе со мной перебралась туда, чтобы ухаживать за пожилой женщиной. Правда, в блокаду она довольно быстро умерла.

Как я потом поняла – мама сама работала «на эвакуации». Сперва самолетами людей вывозили – и немецкие истребители их сбивали. Потом морским путем вывозили – и после авианалетов одни панамки летали над водой. Мама сказала: «Нет, так я не буду знать – жив ребенок или нет. Если уж умрем, то я буду знать, что мы умерли вместе». И она от этой эвакуационной затеи отказалась.

Когда мама уходила – меня оставляли во дворе. Все дети собирались там, и старшие присматривали за маленькими. В первые дни блокады меня украли. Тогда уже все исчезло, включая мыло, и стали воровать животных – на мыло и на холодец. Пропала и я.

Мама сразу подняла панику. Потом она мне рассказала, что к ней подошла женщина – мол, почему вы так сокрушаетесь. Мама рассказала, что так и так, девочка пропала. Через какое-то время эта женщина снова подходит и говорит – а я знаю, где эта девочка, она у меня. Она меня маме отдала. Уже потом милиция раскрыла эту группу, которая занималась похищениями детей. **Когда у детей спрашивали, как я со двора пропала, то выяснилось, что у этой женщины была своя группа подростков, которые по дворам ходили и крали детей.**

Помню свою квартиру – совершенно пустая. Две смежно-изолированные комнаты, два окна, деревянный пол, большой коридор и печка. Стекла обклеены газетами крест-накрест. Кровать стояла изголовьем к окну. Когда сил не было, в бомбоубежище не спускались, и мама говорила: «Уж коли убьет – так сразу, главное, чтобы не покалечило». Поэтому и спали возле окна. Чтобы если бомба попала, так чтоб уж не мучиться.

Однажды мама уже умирала – не было сил у нее даже позвать на помощь. Она хотела постучать по стенке – позвать соседей, но у нее сил и на это не было. Она только смогла прошептать «умираю», но я это услышала. Откуда у меня только силы взялись, но я издала такой истошный крик, что услышал кто-то и пришел на зов. Маму отправили в больницу, а я осталась одна.

Потом меня отправили в детдом. Мое свидетельство о рождении – оно все истаскано. А все потому, что когда ребенка закутывали, то на грудь ему клали

«метрику». Как рассказывала мама, когда она выписалась из больницы, то стала разыскивать, где я. В итоге нашла меня в больнице. Но, прежде чем попасть в больницу, меня пытались отдать в детский дом. Но там меня тоже не могли взять. **Люди, которые меня принесли, просто закутали и посадили на лестницу возле детдома. Директор трое суток через меня перешагивала – не от бесчувственности, а потому что ей детей в детдоме и так кормить было нечем.** В итоге она все же меня взяла – на свой страх и риск. Но я уже к тому моменту была больна, и в состоянии истощения меня отправили в больницу. Там меня откачали, и мама меня нашла.

Мы выехали в январе 1944 года по Ладоге. Это было ровно за неделю до освобождения Ленинграда. Мама получила разрешение вывезти меня к бабушке в Подмосковье в деревню. Но этот период я плохо помню – в отличие от более ранних. Например, помню бомбоубежище. Так тихо все сидят, приглушенный свет, тишина, все закутанные. Никто не плачет. Тихое такое спокойствие.

Когда в деревню приехали – все приходили на нас смотреть. Деревенский дом, в «красном углу» – лампадочка. Прибегали местные жители, меня ставили на табуретку, и я рассказывала стихотворение. Мне было шесть лет, а выглядела я как трехлетняя.

До 1946 года наша квартира в Ленинграде была не занята – и до этого времени можно было приехать и забрать жилье обратно. Но мы так и не выбрались. Бабушка заболела, и мама возила ее в больницу, а потом о своей больной сестре заботилась – так и не добрались до Ленинграда. И я перебралась в Москву к родственникам.

О блокаде очень долго не разрешалось говорить. Воспоминания пошли только теперь, когда мы сами начали вспоминать. Это было страшно и невыносимо – как же так, такой большой город был в блокаде. И там ведь жестокое и ужасное происходило тоже. Разговоры шли только в близком кругу. А в открытую – как сейчас – не приветствовалось. То есть все признавали, что была блокада, – но без деталей.

Что сейчас шестилетний ребенок? Мало что может. А тогда дети делали очень многое. В деревне мы собирали посылки на фронт солдатам. Вязали носки, готовили варежки с двумя пальцами – для снайперов. Собирали посылки, вкладывали туда треугольнички писем для солдат.

Я себя ловлю всю жизнь на мысли, что мне тяжело находиться в одиночестве, и я плохо переношу тишину. Когда нас зовут на концерты с громкой музыкой, то я, наоборот, расслабляюсь и отключаюсь. А все из-за блокады. Я

вспоминаю: Ленинград, лето 1943 года, мы идем по городу с мамой. Сплошные развалины домов, ни одного человека. От гробовой тишины мороз по коже. И в этой жуткой тишине – жуткий кошачий вопль. И эта гробовая тишина до сих пор действует на меня ужасно. Прихожу домой – и сразу включаю телевизор или радио. Просто фоном. Чтобы звучало...

Кичапов Валентин Михайлович
Ленинградцы – особый народ!

Кичапов Валентин Михайлович сражался на Ленинградском фронте, Герой Советского Союза, был награжден медалями «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда», «Партизан Отечественной войны», орденом Отечественной войны первой степени.

Я родился в Среднем Поволжье, в Мордовии, в рабочем поселке Ковылкино. Закончил школу на «отлично», но медалей тогда не было, так что я получил «золотой» аттестат. Потом переехал в Ленинград и поступил в кораблестроительный институт.

И вот мне 18 лет, я закончил первый курс. Началась война. Вместе со студентами своего института я добровольно пошел защищать Ленинград, мы образовали отдельный стрелково-пушечный батальон Ленинградского кораблестроительного института. Наш отряд расположился около Петергофа. В начале войны наступление немцев было бурным, наши войска отступали. У Ленинграда немецко-фашистские войска были остановлены ценой больших жертв.

В ожидании врага мы готовили огневые точки, рыли окопы, землянки, делали доты, дзоты – дерево-земляные огневые точки, где устанавливали противотанковые пушки и пулеметы. Из ячеек окопов мы стреляли из своего личного оружия. У кого-то были автоматы, но редко, все лучшее оружие было в кадровой армии, а мы в основном стреляли из обыкновенных винтовок образца 1908 года. И ведь не пустили врага в город! Пока готовились к подходу врага, учились рукопашной, штыковому бою, жили в полевых условиях – где копали окопы, там и ночевали. Мы были молоды, энергии много.

Когда подошел немец, нам пришлось отступать через Петергоф. В тяжелых боях мы шли мимо дворца, мимо фонтанов, по аллеям к Финскому заливу, где нас ждали баржи.

В Ленинграде меня проверили на знание немецкого языка, я хорошо его знал – учился на центральных курсах иностранных языков в Москве, в Инязе. Потом меня послали в немецкий тыл в Пятую партизанскую бригаду. Нашим командиром был Герой Советского Союза Корицкий, а начальником моего отряда – товарищ Пестриков, лейтенант комендантского взвода Кремля. В Ленинградской области действовало 13 партизанских бригад, а в каждой бригаде – около тысячи человек.

Мы знали, что Ленинград оказался в блокаде. С северной стороны от города по Карельскому перешейку стояли финские войска, а вдоль Ладоги и с юга – немецкие. В городе произошла трагедия – городской склад с продуктами подожгли, все сгорело. И вот представьте: люди голодают, и пахнет паленым хлебом – это была невыносимая пытка!

Как-то мы увидели, что немцы начали рыть землянки, а это означало, что они дальше не пойдут, что они решили уморить город голодом заживо. В этих условиях партизаны очень помогли ленинградцам, стараясь переправлять продовольствие через линию фронта по Дороге жизни через Ладогу. Один мой знакомый помогал вывозить в советский тыл ленинградских детей. Один немецкий офицер сказал мне потом, что воевал и во Франции, и в Норвегии, и в Африке, но только в России увидел сопротивление всего народа, когда все от малого мальчугана до старика были вооружены.

Я вам скажу так: если бы война состояла из одной стрельбы, никто бы не выжил – ни мы, ни враги. **На войне мы жили полной жизнью, была и любовь, да еще какая. У нас была девушка-санитарка, которую убило, когда она выносила с поля боя раненых. Ее любил один солдат. Когда они стояли вместе, мы смотрели на их любовь, и нам становилось легче. После ее смерти он возглавил наступление в бою и был убит. Его похоронили в той же могиле, где была похоронена она.** На маленьком самодельном обелиске мы написали: «Здесь похоронена любовь». Это произошло под Ленинградом, около узловой станции Уторгаш, ее звали Верочка, его – Алешка.

Я считаю, что ленинградцы – это какой-то особый народ, ведь Ленинград – это город трех революций, город дворцов, фонтанов и цветов, город, где находится 40 учебных заведений, 67 музеев, где каждый камень – это страница нашей истории! И здесь не надо читать лекций о патриотизме – сама обстановка, само величие этого города заставляет нас быть патриотами своей Родины!

Козлова Ирина Сергеевна
От трамвая остались одни обломки!

Ирина Сергеевна родилась в 1930 году в Ленинграде в рабочей семье. Жили за Невской заставой на Троицком поле, в семье было трое детей. До войны она успела закончить два класса. Во время блокады эвакуировались в Чкалов, затем в Омск. Закончила Инженерно-строительный институт, дорожно-строительный факультет. Работала в Ленинградской области, строила лесовозные дороги, домики для лесников, затем работала инженером-строителем. Два раза выходила замуж, оба мужа умерли. Детей нет.

Война началась для меня 24 июня 1941 года. Мне было 10 лет. Мама приехала за мной в санаторий в Павловске (тогда город Слуцк), и я запомнила деревянную платформу вокзала. Дома мама сразу поставила меня в очередь в магазине за макаронами.

Жили мы тогда на Троицком поле за Невской заставой. Папа работал на заводе им. Ворошилова, что на улице Чернова, слесарем высшего разряда. Он был грамотным рабочим, преподавал в школе фабрично-заводского обучения слесарное дело. Мама не работала, нас, детей, было трое, я старшая, сестра 6 лет и трехлетний брат.

Помню, как нас, детей, отправляли в Окуловку без родителей. Мы спали в большом спортзале, человек по сто, а может, и больше, вплотную на жестких нарах, почти без матрасов, под тонкими одеялами, подушки были не у всех. Детей стригли почти наголо, в том числе и девочек. За пределы стадиона выходить было запрещено. Бомбить начали через несколько дней, когда нас вели в столовую. Через 11 дней приехала мама и увезла нас с братом в Ленинград.

Уже начали обстреливать, люди заклеивали окна, вешали затемнение, прятались в бомбоубежище. **Однажды мы с папой ехали куда-то на трамвае, и началась тревога. Трамвай остановился, нас попросили пройти в бомбоубежище. Когда мы вышли после отбоя, трамвая не было, остались одни обломки.**

Помню, снаряд попал в Обуховскую больницу. Бабушка рассказывала, что ее взрывной волной бросило на пол, а из окон вылетели все стекла. Одно время мы жили у тети на канале Грибоедова, так как считалось, что рабочие районы больше обстреливают. Но потом снаряд попал в мостик совсем рядом с тем местом, где мы жили, и родители решили вернуться обратно.

Потом нам пришла повестка об эвакуации, поскольку мы были многодетной семьей. Хлеба давали уже мало, по 200 грамм на человека. Папин завод должны были эвакуировать, но в это время дорогу закрыли, и мы месяц жили в вагонах эшелона в ожидании отправки. Дату и час отправления держали в секрете, так как завод был военный, наконец, в октябре, мы узнали, что сегодня нас отправят в 18 часов, и мама послала меня сообщить дяде. Я бежала по перекопанному полю мимо Успенского кладбища на обуховскую ветку, а над головой кружили самолеты – шел бой.

Нас довели до Борисовой Гривы, разгрузили на берегу Ладоги в лесу. Когда стало темнеть, женщин с детьми посадили в открытые катера и повезли к миноносцу. Ветер, октябрь, очень холодно. У нас с собой была только бутылка воды и что-то для брата. Все вещи остались с мужчинами на берегу, их должны были отвезти баржами. Папа поехал с нами, так как брат был болен и слаб. Матросы уступили женщинам и детям свои койки, мужчин поместили в трюме. Нам принесли по стакану крепкого сладкого чая и черному сухарю. Многих сильно укачало, и меня тоже. Когда рассвело, папа вывел меня на палубу – рвало безбожно.

Корабль сопровождали самолеты. В Кабоне, на другом берегу Ладоги, куда нас привезли, мы прожили еще 7 – 10 дней в местной школе. Ни посуды, ни подушек, ни одеял не было, одним пальто накрывались, другое клали под себя. Родители спали урывками.

Затем нас погрузили в эшелон и повезли в Тихвин, откуда выбили немцев. Из окон теплушек было видно разгромленную станцию, брошенную технику, воронки. Дети начали болеть корью. На одной из станций выделили отдельный пульмановский вагон для семей, где были больные корью. Мест опять не хватило, дети спали ночью, родители днем. Вещей у нас с собой не было, на станциях давали продукты – крупу, хлеб. Крупу надо было в чем-то варить. На станции Юрьево отец купил деревянные ложки, у кого-то оказалась кастрюлька. Еду готовили по очереди на стоящей посередине вагона буржуйке, перекладывали в фарфоровый кувшин и передавали по вагону. Уже была зима, лежал снег. Через две недели нас догнал эшелон с вещами. Из трех барж, которые перевозили вещи, одна утонула. Под бомбами согласились открыть только один вагон, кому повезло, делились одеялами и посудой с остальными.

В середине ноября нас привезли в Чкалов (Оренбург). Стояли морозы, от холода трескалась земля, надеть было нечего, все осталось дома. Разместили нас в школе, в одном классе шесть семей, все многодетные. Сдвинули столы вместо кроватей, повесили веревки и простыни.

В Омске я снова пошла учиться, затем закончила школу торгового ученичества, прошла практику в магазине – выгребала из бочек соль голыми руками, рубила мороженую квашеную капусту. Вернуться в Ленинград мы не могли – папу не отпускали с завода. Он год готовил себе замену, и только тогда нам удалось вернуться домой по вызову. Директор «Металлостроя» собирал своих бывших специалистов, и папа вновь устроился работать. Пришлось продать швейную машинку, которая нас худо-бедно кормила, других денег у нас не было. Это был апрель 1949 года.

Наша комната на Троицком поле оказалась занята, а завод смог предоставить нам жилье только через полгода. Счастью не было конца!

Кокрякова Галина Васильевна
Игрушку свою храню до сих пор!

Родилась в 1939 году.

На момент начала войны мне был 1 год и 7 месяцев. В 1943 году приехал мой отец, после двух ранений на несколько дней его отпустили. И вот тогда, благодаря ему, я и запомнила Ленинград – разрушенный, но яркий, может быть, потому, что было тепло.

Папу я все время называла дядей Васей. Меня всегда ругали за это, говоря: это же твой папа, а не дядя. А когда ему пришлось вновь возвращаться на фронт, стоя у трехтонки (провода были у Дома книги на Невском проспекте), я ему впервые крикнула: «Папа!!!» И в этот момент начался мощнейший артобстрел. Я очень испугалась. Мы, дети, боялись воя сирены, на что наши родители и старшие приучали нас к тому, что это «просто кошки за окном мяукают громко».

Бомба упала прямо в движущийся трамвай. Мама меня в охапку и домой! Папа больше не приехал. Он пропал без вести в Польше.

Мы выжили во время блокады лишь потому, что мама сделала 200 кг хряпы. Они с теткой ездили на Большую Рогатку на капустные поля, которые были уже убраны. Вот так, кочерыжка за кочерыжкой, они их наквасили. У нас в квартире жили четыре семьи. Мы их приютили. Помогали все друг другу как могли.

Однажды сгорел сахарный завод, и сосед откуда-то принес целый мешок выжженного сахара и поделил на всех. В мешке было сахара-то всего 15 – 20%, остальное земля. Это и ели...

Правда, игрушку свою – гуттаперчевую куклу тех времен, храню до сих пор.

Коланов Павел Павлович

Маме дали справку, что я беспризорник!

Я родился в Ленинграде на Костромской улице 26 февраля 1939 года. Когда началась война, отец ушел добровольцем на фронт, ему было 40 лет. Он воевал на Ленинградском фронте, был пулеметчиком. Награжден боевыми орденами и медалями.

Как и всех жителей города, нашу семью не обошел голод и холод самой страшной зимы 1941 – 1942 годов. Моя старшая 14-летняя сестренка вместе со своими сверстниками добывала с полей за городом все, что можно было есть. Мать работала и постоянно стояла в очередях за хлебом. Бабушка была дома со мной, топила буржуйку. В качестве дров использовали мебель.

В апреле 1942 года маму, меня и сестренку эвакуировали через Ладожское озеро на Большую землю. Мы оказались в Калининской области. Там мама и сестра работали в колхозе. После снятия блокады мы вернулись в Ленинград. Я жил с бабушкой, а мама с сестрой завербовались на торфоразработки в Левашово.

В годы войны дети быстро взрослеют, и я в свои пять лет хорошо помню голод, хлебные карточки, дворовое детство, ожидания мамы.

Когда в городе вновь пустили трамвай, мы с ребятами по очереди гонялись с ним наперегонки на единственном самокате. Я попал в милицию, и маме дали справку, что я беспризорник. После этого ее отпустили с торфоразработок на мясокомбинат им. С. М. Кирова, там она катала вагонетки с углем.

Так уж получилось, что трамвай, который я старался перегнать, оказался связан с моей дальнейшей судьбой. После окончания школы во Всеволожске я учился в железнодорожном техникуме, служил в армии, поступил в Политехнический институт. С 1964 года я в течение 42 лет работал на трамвайно-механическом заводе. За мою работу на этом заводе мне присвоили звание «Почетный работник транспорта Ленинграда и России».

Колин Николай Васильевич

Дожить до весны!

Я жил на Московском проспекте, который тогда был Международным. Рядом были Бадаевские склады, я видел, как они горели, как летели немецкие самолеты, похожие на черные тучи.

Самое сложное время было зимой 1941 – 1942 годов. Отопления нет, транспорт не ходил, воды не было. Мы собирали во дворе чистый снег, растапливали его на буржуйке и пили. Мама все время твердила: надо дожить до весны, травка пойдет – собирать будем. Все это я описал в стихотворении:

Шел первый день, как Ленинград в блокаде,
А к вечеру еще напасть,
Сгорели полностью Бадаевские склады,
Уменьшен втрое продовольствия запас.
Наш двор напротив через улицу от склада.
И мы все видели – начало и финал.
От Пулковских высот летели гады.
Полету их никто не помешал.
На цель поодиночке заходили
И, отбомбившись, улетали прочь.
Стояли взрослые и слезы лили,
Бессильны чем-нибудь в беде помочь.
А склады все сильнее полыхали,
Пожарные примчались на борьбу,
Мальчишки во дворе в войну играли,
Свою дальнейшую не ведая судьбу.
Декабрь 41 года, в блокаде живет Ленинград.
На улице мало народа. Трамваи, застывши, стоят.
Стоят опустевшие школы, жилые дома без тепла.
Надежда одна – на дорогу, по ладожским льдам пролегла.
Теперь продержаться, пробиться до первых цветочков весны
И запахом вкусов напиток весенних цветов и травы.
Страна Ленинграду поможет, он выстоит в трудной борьбе,
Пройдет сквозь блокаду и голод, мой город – ты верен себе.

Колоскова Елена Тимофеевна
Наш окоп единственный уцелел

Нас эвакуировали в марте 1942 года, а до этого мы находились в Старом Петергофе. Когда немцы зашли на Троицкую гору, они контролировали весь ландшафт, перекрыли железную дорогу. А все мы прятались в окопе.

Практически все погибли, наш окоп единственный уцелел. Ночью нас вывозили партизаны, доставили в Ломоносов на торговую площадь, спрятали в церкви.

Моя мама была медиком, и ее назначили старшей сестрой. Я была совсем маленькой, всего четыре года, а мой брат был на пару лет старше. Нам пришлось очень тяжело, мама рассказывала, тогда всем досталось.

Мама вскоре попала в больницу, а мы с братом угодили в приют на Песочной набережной, его директора звали Михаил Васильевич. Он опекал нас, воспитывал как только мог, вечная ему память.

В 1948 году мама нашла нас в приюте, но директор не мог ей отдать сразу двоих детей, поэтому она забрала только меня. Мы скитались, питались неизвестно чем, но хорошо, что выжили. А брат после закончил петрозаводское училище, женился на девушке из того же 21-го детдома, Наталья ее звали. Сейчас его уже нет в живых.

Князева (Букуева) Татьяна Ивановна

Главное – не ложиться, лег – все пропало, конец!

Моя мама, Букуева Наталья Петровна, 1907 года рождения, с началом войны осталась одна с двумя детьми и больной матерью. В дни блокады эта хрупкая женщина работала грузчиком на торфоразработках, рыла окопы, при свете коптилки по ночам вязала носки для солдат. Работая санитаркой, она стирала и кипятила белье и перевязочные бинты для раненых, лежащих в госпитале.

Мама спасла от смерти свою подругу тетю Нюру Петрову и двух ее детей – Володю и Игоря. Когда мама пришла к ним, они уже не вставали. Мама подняла тетю Нюру, надела на нее побольше одежды, папин полушубок из овчины, чтобы она казалась покрепче, намазала ей помадой губы, щеки и повела ее в госпиталь устраиваться прачкой. За эту работу давали гороховую похлебку, и благодаря ей постепенно они все встали на ноги. Когда с фронта пришел дядя Арсений, муж тети Нюры, он поклонился моей маме в ноги и назвал спасительницей.

Мама говорила, что для выживания необходима работа, движение, главное, не ложиться – «лег – все пропало, конец». Она была закалена трудностями с детства: годы революции, разруха, голод. Вся ее семья, отец, мать и обе сестры болели тифом, а она, десятилетняя девочка, ездила на подножке вагона за продуктами в тогдашнее княжество Финское менять спички, соль и нитки на продукты. Ходила по хуторам с вещевым мешком и бидоном, привозила домой хлеб и молоко. Так еще ребенком она сумела помочь выжить всей семье. Затем

была Гражданская война, финская, Великая Отечественная... Природная жизненная смекалка всегда помогала ей в трудное время.

Перед началом войны мы с мамой и старшим братом были на даче. Утром, пока все дачники спали, мама уходила за земляникой. Она приходила с целым бидоном ягод, и мы ели их с молоком. В дальнейшем нас это поддержало. Пробрались мы в Ленинград с последним поездом, когда кольцо блокады уже замкнулось.

Запасов мы никаких не сделали. Мама с братом Володей ездили в Озерки на убранные поля капусты. Осень была теплая, и на капустных кочерыжках выросли маленькие кочанчики. Они срезали эти кочанчики, и мама их засолила, потом понемногу их расходовали.

Хлеб в куске не помню. Помню тюрю – вода с размоченными в ней хлебными крошками. Вода была немного кисленькой, и мы тщательно вылизывали тарелки. Весной или летом мама делала в сковороде селянку, запекала лебеду с крошечными кусочками хлеба, варила вкусные щи из крапивы. На столе стояла под марлей банка с водой и хвоей – мама с торфоразработок умудрялась привезти клюквы и хвои. Мы пили эту слегка зеленоватую, кисленькую, ароматную водичку, и она спасала нас от цинги. Клюкву мама меняла на хлеб.

В соседнем дворе по Бобруйской улице у нас было три грядки. Овощи уже созрели, и мама собиралась их выкопать, но кто-то нас опередил, оставив в земле свой нож. Мама была в отчаянии, хотела броситься под поезд, ведь ей надо было прокормить двух детей и бабушку.

Мне всегда хотелось спать, так как ночью я не высыпалась. Каждую ночь были бомбежки и обстрелы, меня, сонную, хватали и тащили в бомбоубежище. Там все сидели тихо, горела коптилка. Никто не плакал, не капризничал, дети были молчаливы, как старички. Утром, уходя на работу, мама всегда поднимала меня, одевала в валенки и русский шерстяной платок, который завязывала мне на голову и вокруг тела с узлом на спине.

Позднее мы перестали спускаться в бомбоубежище, а просто уходили вглубь квартиры, подальше от окон. Стекло в комнате выбило взрывной волной, кроме одного небольшого участка, который был заклеен полосками бумаги крест-накрест.

Вышло постановление правительства вывезти всех детей из города на Большую землю, но мама решила, что с больной бабушкой нам не уехать, и сказала – или все выживем, или вместе погибнем.

Летом 1942 года мы прожили два месяца на станции Проба. Соседка по участку, пожилая женщина, угощала меня сырой картошкой, турнепсом, стручками гороха. Мама и брат уходили на весь день в леса, оставляя меня одну. Я сидела в баньке у окна и боялась пошевелинуться. Прибегали мыши, съедали из селянки кусочки хлеба, а я их боялась и не решалась спугнуть. В один из таких дней я сидела у окошка в баньке, и вдруг в окно заглянула страшная морда. Это был человек в противогазе, видимо, рядом шли учения. Я очень испугалась и, когда мои пришли из леса, не могла слезть со стула и открыть дверь. С тех пор я стала заикаться.

В Ленинграде по улицам ходили молодые женщины и на веревках проносили аэростаты с привязанными по бокам мешочками. Эти аэростаты тогда называли «колбасами». Временами люди останавливались и следили за воздушным боем самолетов в небе, говорили: «Вот наш погнался». Я тоже смотрела, но не понимала происходящего.

По радио постоянно передавали звуки метронома. Иногда они прерывались, и диктор Левитан торжественно и грустно говорил: «После тяжелых продолжительных боев и упорной обороны против превосходящих сил противника был оставлен город ...» или «После тяжелых, упорных боев взят город ...!!!»

В подворотне дома № 4 по Ломанскому переулку, ныне это улица Комиссара Смирнова, лежала груда трупов. Рядом стояла полуторка с цилиндром у кабины, какие-то люди, видимо дворники, брали их за руки и ноги и бросали в кузов. Тупой звук падения тел еще долго напоминал мне погрузку баранины у магазинов.

Моя бабушка Наташа совсем ослабела, и мама велела мне отнести ей в комнату полчашечки клюквы и маленький кусочек сахара. Я прошла по темному, страшному, холодному коридору к бабушке. Она лежала на спине и тихо сказала: «Спасибо, дочушка, мне уже не нужно, ешьте сами, вам надо жить». Я постояла и молча ушла к себе в комнату.

Бабушка Наталья Тимофеевна Кузьмина умерла от истощения и болезни 7 января 1943 года, ей было 73 года. Тогда я, будучи ребенком, не осознавала ее подвига во имя нашей с братом жизни. Мама с тетей Марусей отвезли бабушку на саночках на Богословское кладбище. У них совсем не было сил, но они все сделали по-людски: отдали могильщику бабушкины карточки за январь, он вырыл могилу, и теперь она покоится рядом с дедом. Потом, когда был прорыв блокады в январе 1943 года, моя мама и тетя Маруся стояли у печки, грея руки,

и говорили: «Жаль, не дожила до прибавки пайка». Вечная добрая память бабушке Наташе.

Люди поколения конца XIX – начала XX века жили экономно, бережливо относились к вещам. Вот и бабушка Наташа не выкидывала после бани обмылки, а складывала их на печку. Какая же это была находка в блокаду! Я хорошо запомнила, как сижу в жестяном длинном корыте в холодной комнате, а мама мылит мне голову и льет сверху горячую воду. Воды было немного, ведь за ней приходилось ходить к Неве, растапливать снег, но благодаря бабушкиному мылу у нас за всю войну не было ни блох, ни вшей.

В 1944 году я пошла в детский сад на теперешней улице Лебедева у станции метро «Площадь Ленина». Запомнился обед в детском саду: в центре стола стояла тарелка с кусочками хлеба по числу детей. Давали суп с зернышками овсянки, кусочками морковки и картофеля в кожуре. Перед едой на кусочек хлеба каждому капали по ложке рыбьего жира. Однажды нам дали кусочек сладкого масла, а в другой раз – по тонюсенькому ломтику очень сладкой дыни. В тихий час мы сидели за столом, положив голову на руки и закрыв глаза.

Мама часто не могла забирать меня из сада сама, и я долго плакала, лежа в постели. Огромным счастьем было проснуться и увидеть на потолке отблески огня из печки, а на столе самовар – значит, мама сегодня дома!

Несколько раз наша детсадовская группа ходила навещать раненых в академический госпиталь. Нам сообщили, что папа пропал без вести, но мама не продавала папины вещи, надеялась, что он выживет и вернется домой. Она дала мне для раненых папино белье, новые кальсоны, шерстяные носки и табак. Я была очень застенчивая, почти не разговаривала, только кивала головой в знак согласия, я ведь целыми днями сидела дома одна. Мне было очень стыдно нести такой подарок, так что я молча отдала его какому-то раненому, лежавшему в постели.

Весной пригрело солнце, и потекли ручьи. Они были очень глубокие и стремительные, так как всю зиму никто снег не убирал. Счастливы были дети, у которых были палочки или лопатки! У меня всю войну не было игрушек, кроме одного маленького старого клоуна, а рисовала я на полях энциклопедии или книг.

Я хочу сказать огромное спасибо моей мамочке, которая дважды подарила нам с братом жизнь. Она надорвалась, работая в блокаду, заработала опущение всех органов, а ей даже пенсию не хотели давать, так как не хватало стажа, а

работать она уже не могла. За оборону Ленинграда она была награждена медалью.

Ключникова Ирина Александровна

Воспитатели запикивали нас под лавки в вагоне

Коренная ленинградка, родилась 24 апреля 1935 года. В семье было трое детей, Ирина – средняя.

Когда началась блокада Ленинграда, ей исполнилось всего 5 лет. Очень хорошо помнит первый день войны, когда детский сад, вывезенный на лето на дачу, возвращался в город. Ехали в электричке, по дороге началась бомбежка. Воспитатели запикивали испуганных детей под лавки в вагоне. Одна молоденькая воспитательница, чтобы защитить детей от осколков, пыталась закрыть разбитое окно собой. Было очень страшно.

Семья первый год провела в блокадном городе, затем через воинскую часть, в которой служил отец (войска МВД), всех эвакуировали. После войны – учеба, затем работала инженером-строителем. Вышла замуж, растила дочь, есть два внука.

Козлова Зинаида Ивановна

Он потребовал, чтобы я отдала ему карточки – и свою, и детей, иначе он нас убьет!

24.10.1913 – 29.04.1991

Воспоминания о днях, проведенных во время блокады Ленинграда 1941 – 43 – 44 гг.

В мае 1941 года мне было 28 лет, а моему сыну Анатолию – 5 лет. Мы выехали на лето в Елизаветино Гатчинского района, на опытную станцию. 22 июня 1941 года, когда мы узнали, что началась война, мы пришли в ужас. Мой муж И. П. Козлов работал директором опытной станции и в это время был болен – перелом ноги. На перелом был наложен гипс, но он передвигался с палочкой. 21 июня я купила цыплят (21 шт.). Мне пришлось найти хозяйку, у которой были куры, та здесь жила постоянно, она меня выручила. Я ей отдала цыплят, а сама собрала вещи, которых у меня немного было, так как мы жили временно, и еще несколько семей взяли повозку. Посадили в нее детей, а сами пошли следом. Мы направлялись в Ленинград. Я была на 5-м месяце беременности, поэтому оставаться тут было незачем, а И. П. остался и жил до эвакуации станции (вскоре это место заняли немцы). Здоровье у меня было неважное, мучил сильный токсикоз. Обращалась к врачам, но было уже поздно что-либо сделать, чтобы прервать беременность.

С 7 сентября начались сильные обстрелы Ленинграда, но мы не боялись. Под лестницей в соседней парадной было газоубежище, куда я с Толей спускалась вечером, с 6 часов вечера, взяв с собой в мешок свой паек хлеба 250 граммов. В газоубежище снесли детские матрасики, одеяло, и Толя мог спать там до утра. Я могла только сидеть, так как было очень много народа с детьми, а пол покрыт водой, но это хорошо, мы слышали под землей грохот канонады и наверх не поднимались до утра. Утром возвращались в свою квартиру на 5-й этаж. Днем искала вместе с Толей дрова, так как деревянные дома разбирали, и мы носили, как могли, доски и чурки. Толя в свои 5 лет был мне помощником, пошел пилить доски, у нас была времяночка, труба выходила в печку. Буржуйку я купила на Куйбышевской улице у одного гражданина за 200 граммов хлеба, и это нас выручало. Мы сушили свой паек хлеба небольшими кусочками и варили болтанку (вода, соль, мука). Муку выдавали вместо крупы. У меня был куплен уже во время войны кофейный напиток, который мы пили вместо чая. Толя любил, чтобы его кормили в определенное время, иначе очень нервничал и кричал. Я старалась выдерживать часы. Когда я уходила за продуктами, Толик оставался один в квартире. Он не боялся – учился читать. Однажды, когда я уходила в магазин, к нему постучалась соседка Лидия Николаевна Неелова, ее дочь была эпидврачом. Лидия Николаевна просила, чтобы Толик открыл ей дверь, но, так как я ему запретила кому-либо открывать, он этого не сделал. И правильно сделал, так как она его могла убить (в это время уже детей убивали и ели). Она ела мышей, которых ей приносила дочь из эпидлаборатории. Когда я пришла, она пожаловалась на Толика, якобы она хотела дать какую-то детскую книжку. Я сказала, что вы могли подсунуть книжку под дверь. Но у нее не было никакой книжки.

Как-то в ноябре ко мне зашел муж моей подруги по институту Спариденок. Сама подруга к тому времени уже была эвакуирована, а он остался в ополчении, жил в казарме. Встав у двери, он потребовал, чтобы я отдала ему карточки – и свою, и детей, иначе он нас убьет. Я испугалась и вырезала все талоны, которые у меня были... Он в столе кухонном нашел 2 – 3 горошины и отнял их у Толи, так хотел есть, Толя горько плакал. Потом Спариденок погиб при очередном фашистском налете.

27 октября 1941 года я почувствовала боль в пояснице, попросила свою знакомую по работе Алексееву Анну Алексеевну присмотреть за сыном. У нее самой было двое мальчишек. В больнице имени Эрисмана меня не хотели принять, сказали, еще рано и мы не можем здесь вас долго кормить, хотя я принесла с собой картошку. Но когда меня осмотрел врач-гинеколог и сказал, что будет поздно, уже ребенок на выходе, тогда меня приняли. В это время в больнице был военный госпиталь. Я родила благополучно, попалась очень

опытная сиделка, которая принимала роды. У меня с собой была небольшая шоколадка, я ее отблагодарила. После родов, взяв ребенка, во время бомбежек спускалась в подвал, где также сидели военные – раненые или больные. Толик один раз ко мне пришел с моей приятельницей, я вышла к нему на лестницу и помню, еще что-то дала из гостинцев. В больнице долго не держали, через 4 – 5 дней меня выписали, и я, придя домой, в холодной комнате уже с двумя сыновьями стала наводить порядок. Грудного молока у меня не было ни одного дня, сразу давала из концентрации рисовую жидкую кашу. Витя был очень спокойным, не плакал, но рос очень медленно. Толя очень любил братика Витю – читал ему и пеленал, кормил из соски. Я вскоре после родов устроилась няней в школу № 85 напротив. Когда начинался обстрел, Толя вместе с Витей в коляске прятался за платяной шкаф и сидел там, завернувшись в шубу, читал братику. В здании, где я работала, был госпиталь, и вскоре в него попал снаряд... так и закончилась моя работа.

В середине мая 1942 года я устроила Витю в ясли на улице Скороходова. Думала, что там его будут лучше кормить, чем я дома. И вот 4 июня беру Витю из яслей, а он невеселый, хмурый. Спрашиваю у сестрички, что с ним, а она говорит: сегодня у нас был омлет. Жидкое яйцо, банка с меланжем, уже не свежее, и он не хотел есть, а мы его накормили. Вечером у него начался сильный жар, температура до 39 и рвота черной жидкостью. Я понесла в детскую консультацию, они направили меня с ним в больницу Раухфуса (близ Московского вокзала), но там Витю не приняли, сказали, что он все равно умрет, сильное отравление. Утром 5 июня я пошла опять в женскую консультацию и умоляла спасти, дать ему немного женского молока, но здесь тоже сказали, что к вечеру придет сестра и посмотрит. Но когда пришла сестра, Витя был уже мертв.

Толя не понимал, почему Витенька так долго спит. Я на кладбище не могла идти, так как чувствовала себя плохо, положила его в чемоданчик, оклеила внутри марлей и понесла в больницу Эрисмана, там был общий морг для всех погибших в войну. Дали справку, что он будет похоронен на Охтинском кладбище. Я теперь каждый год езжу на могилку, где поставлен памятник скорбящей матери по погибшим в блокадном Ленинграде.

Через некоторое время я пошла в облзо, где работал перед войной муж, и попросила, чтобы мне помогли уехать с Толиком в Тихвин на работу (в командировку). За это я отдала часть карточек, и мои вещи, которые я упаковала, отвезли на Московский вокзал. Мы с Толей поехали в Тихвин. Нашу комнату опечатали, взяли мы с собой немного – что смогли. Ехали на поезде до Ладоги, а затем до Кабоны на пароходе. Здесь тоже было много переживаний.

Чтоб попасть на пристань на пароход, я вещи не могла сама все перенести ближе к стоянке парохода. Попросила, чтоб меня одну пропустили снести их, а Толю оставили в очереди. С большим трудом меня пропустили, я два пакета снесла к пароходу и пошла за Толей и за остальными вещами, предупредив одного пассажира, чтоб он присмотрел за вещами. С ним я познакомилась, когда ехала в поезде. Когда я ушла за Толиком и пришла обратно, моих вещей не было на пристани. Тот пассажир взял их и уехал на пароходе, который раньше отходил. Я обратилась на пароходе к капитану, он сказал, что сообщит.

Когда мы с Толиком прибыли в Кабону (в плавании несколько раз нас обстреливали и бомбили), здесь посадили нас на машины и отправили на кладбище, место стоянки эвакуированных. По выходе из машины я удивилась, что стоит милиционер и с ним тот пассажир с моими вещами. Я отругала его, но здесь, спасибо, был порядок, проверяли документы и сверялись с названиями, пришитыми на вещах, где было крупно написано, чьи это вещи. Вот так кончилась эта история. Затем перенесла все вещи на одну из могил, так как пункт был на кладбище, а сама пошла разыскивать вещи, которые были сданы в багаж в Ленинграде. Вещи задержались еще, и я решила устроиться временно на работу по разборке багажа и выдаче его гражданам. Я хорошо сделала, я получила дополнительный паек, и мы с Толиком жили так несколько дней. В моем распоряжении была лошадь, и я многих из Ленинграда знакомых снабжала лошадью, чтоб подвезти вещи к поезду. Через некоторое время прибыли и мои вещи, и я с Толиком отправилась в товарном вагоне в Тихвин. Приехала в Тихвин ночью, посадила Толю на вещи, а сама утром пошла в организацию, в которую была командирована. Здесь организовали машину, и я с Толиком уехала на Социалистическую, д. 25.

Я пропустила еще одно переживание. Однажды я пошла перепеленать Витю из газоубежища, а Толик остался спать. Придя домой, я уснула с Витей. Утром проснулась, а Толи рядом нет, и я в 6 часов утра побежала в бомбоубежище, но там Толика не было, все уже ушли домой. Я в ужасе не знала, к кому обратиться, и вот вспомнила: однажды я останавливалась на ночь с детьми у одной знакомой, пошла туда. Ее звали Мария Ивановна. Она меня обрадовала, что Толя ночью бросил камешек в окно, она жила в первом этаже, и она его впустила и уложила спать. Я ожила, пошла к Витеньке, а затем пошла за Толиком.

Второе переживание и помощь совершенно незнакомой женщины. Я не пошла в бомбоубежище, а попросилась к одной женщине (Дине) на первом этаже побыть у нее ночь. Она меня пустила. Дети спали, и вдруг упала бомба под самым окном, где мы остановились, но не взорвалась. Окна выбило, зеркало в углу

разбилось. Я схватила детей и пошла в середину двора где-либо пересидеть до утра, тогда люди, хотя и совсем незнакомые, были отзывчивые, завернули в шубу. Толю поволокли за ворот, так как ему было не проснуться, и с Витей пробыли в коридоре в одной из квартир в первом этаже. Я эту добрую Дину и до сих пор навещаю и благодарю, чем могу.

В ноябре 1941 года и дальше всю зиму воды не было. Я с Толиком ездила на Неву к Сампсониевскому мосту и возила на санках в детской ванне воду, но не только себе, но даже соседке Л. Н. Нееловой, она давала мне деньги, на которые я выкупала продукты и хлеб. Все, конечно, не вспомнишь, сколько пережито, сколько возила за хлеб покойников, помогала детям, у которых умирали родители, в основном со своей лестницы. Возила в Ботанический сад, там было устроено место для умерших. Мне предлагали уехать с сыном перед началом войны, но я была беременна и с собой ничего не могла взять, а ехать в неизвестность – лучше здесь погибнуть, но об этом не думала. В 1943 году осенью попал снаряд в нашу комнату в квартире 55, вот ведь какая судьба, что уехали с Толей в командировку.

Все не припомнишь, встречались и плохие, и хорошие люди, но больше хорошие, поэтому и выжила в тяжелое время блокады.

Козлова Лидия Степановна

Мама, не умирай, дай сначала мы умрем!

Коротко не опишешь жизнь блокадного Ленинграда, но кое-что попытаться все-таки можно. Это абсолютно правдивая история, одна из многих.

Я родилась в Ленинграде, жила с отцом, матерью и двумя сестрами на ул. Смольной, д. 11, кв. 7. Началась война. Всем предлагали эвакуироваться, улетали последние самолеты. Враг наступал.

Нашего отца, Травкина Степана Петровича, оставили работать на заводе (бывший завод им. Сталина на Кондратьевском проспекте в Ленинграде), поэтому мы всей семьей остались вместе с ним. Воздушные тревоги следовали одна за другой. В наших домах не было бомбоубежища, и всем следовало выходить на первые этажи. Наблюдали у подъезда, смотрели, как летели первые фугасные бомбы, от которых качались наши старенькие дома, а когда бомбы входили в землю где-то неподалеку, то дома прыгали и тряслись. Земля из-под ног уплывала, а люди говорили: «Пронесло».

Мы, дети-подростки, успевали везде: рыли, носили воду, песок на чердаки, бегали и оповещали (телевизоров не было). Обстановка ужесточалась,

школа в эту зиму не открылась. Началась блокада города. К сплошным воздушным тревогам добавились артобстрелы, жители перестали выходить на первые этажи, добавились более страшные проблемы. Разбомбили городские продовольственные склады, не стало света, водопроводной воды, не работала канализация, дома не отапливались, зима выдалась суровая, холодная, настал сильный голод. Продовольственный паек все уменьшался и дошел до 125 граммов хлеба в день, и больше ничего – лишь черный, малюсенький, тяжелый кусочек, скрипящий на зубах. Но мы его не жевали – сосали, как конфету, до следующего утра. И так – день за днем, месяц за месяцем. И ни крупинки, ни одного какого-нибудь одуванчика. Дома остался только лавровый лист и соль.

Чтобы попить воды, надо было идти на Неву к проруби. Люди шли вереницами – с баночками, посудой, истощенные голодом, многие на ходу падали и тут же умирали. Уже везде: на улицах, в подъездах, в квартире – лежали трупы людей. Голод косил всех подряд.

Первым от голода умер наш дедушка, Травкин Петр Яковлевич. Умер на работе, в 56 лет, в декабре 1941 года. Вторым от голода умер наш отец, Травкин Степан Петрович, в 36 лет, тоже прямо на заводе. Они работали там день и ночь, домой уже не приходили, ведь транспорт не работал. За этот самоотверженный труд отец был награжден орденом. Дополнительно к хлебу в обед им давали дрожжевой суп (дрожжи и вода), эту мутную воду он принес нам попробовать, когда в последний раз пришел домой. Я в последний раз сходила с графинчиком за водой, но сил хватило принести лишь половинку. Мы все слегли окончательно, очень хотелось есть, пить, сильно мерзли. Муки голода были нестерпимы.

Кусочек хлеба нам приносила наша соседка. Каждое утро она вставала со слезами и словами: «Я больше не смогу», – но шла и несла еду нам на третий этаж. Норма воды у нас была по полрюмочки в день. Неожиданно забежал к нам на минутку мамин младший брат Гриша Скворцов – в солдатской одежде, при нем были две гранаты. Забежал, чтобы проститься с сестрой, они не виделись много лет. Сказал: «Идем мимо вас на защиту города, наверное, больше не увидимся, там такое творится...» Увидев наше положение, оставил нам свой паек (банку мясных консервов и хлеб) и убежал догонять своих. Там он и погиб где-то – в свои 20 лет.

Все, кто оставался в нашей квартире, умерли от голода. Последней умерла соседка, совсем молодая Лида Кучук. Она подползла к нашей двери, попросила глоток воды, сказав: «Я умираю». Выпила рюмочку воды и тут же умерла у наших дверей.

В апреле 1942 года умерла от голода наша мама. Она простилась с нами, сказала: «Я умираю, а потом – вы». А мы, лежа в другом углу, об одном просили: «Мама, подожди, не умирай, дай сначала мы умрем, а потом – ты». Страшно было оставаться одним в пустой огромной квартире. Перед смертью мама сказала нам, что мы еще сможем спастись, указала, к кому идти. Но нас спасли. К нам пришли, подняли с постели и отвели в приемник на Невский проспект. Мы шли по Суворовскому проспекту уже как в тумане – мы были дистрофиками к тому времени.

В больших залах дворца стояли сплошные койки с детьми. Такие же голодные люди ухаживали за нами и поставили в итоге на ноги. Через несколько месяцев меня отвели на встречу со старшей сестрой. Поднимаясь по лестнице, я увидела видение: худющее, высокое, в сером одеянии, костлявые конечности с голым черепом, взглядом из черных глазниц, медленно идущее мне навстречу. Я оцепенела, мы остановились обе. И тут вдруг я поняла: «Это ведь я!» В стене было встроено большое зеркало, в котором я впервые за долгое время себя увидела. А потом вышла моя сестра – такая же страшная.

Мы были спасены. И до сих пор те эпизоды будоражат мою память, всплывая перед глазами, напоминая обо всем. Так и проживем до конца жизни с памятью о блокадном Ленинграде.

Копосова Валентина Леонидовна
Я поняла, что сестры нет

Родилась 11 июля 1938 года. Проживала в Ленинграде, в Выборгском районе, около железнодорожной станции Ланская.

Нас у родителей было четверо. Трое умерли с голоду, отец погиб под Невской Дубровкой – он воевал всего несколько месяцев. Папу я не помню совсем, а вот смерть моей старшей сестры очень хорошо запомнилась. Когда мама однажды дала мне хлеба больше чем обычно, а сестре Жене не дала... Сама Женя лежала на кровати и не разговаривала. Я, опасаясь, что хлеб у меня заберут, начала его жадно есть, но при этом все же подошла к сестре и похвалилась, что мне хлеб дали, а ей нет. Тут я заметила, что мама горько плачет. Я подошла к ней и сказала: «Мама, не плачь! Я тебе немного дам хлеба». Но мама ответила: «Кушай, доченька, ты у меня теперь одна осталась». Я поняла, что сестры нет, хотя она лежала с открытыми глазами.

Мама решила спасти меня. В 1942 году мы выбирались из Ленинграда через Ладожское озеро. Ехали на грузовике, мама накрыла себя и меня детским одеялом, чтобы ничего не видеть – ведь прямо перед нами машина ушла под лед. Нам повезло, и Ладогу мы преодолели благополучно.

Мы с мамой направлялись к родителям моего отца, которые жили в Калининской области. Добирались туда почти месяц, очень ослабели, я не могла ходить, да и мама еле передвигалась. По дороге какой-то солдатик дал мне кусочек колотого сахара. Мама просила меня отдать сахар ей, чтобы приготовить мне сладкую воду, но я лихорадочно зажала его в ладошке и не отдавала, боясь, что у меня его отнимут. Так я его и держала, пока не уснула.

Приехав на станцию Черный Дор Калининской области, мы попали под бомбежку. Мама каким-то чудом оттащила меня в лесок подальше от станции и одна отправилась в деревню, которая находилась в 3,5 км от станции. Меня она оставила на одеяльце в лесочке, так как нести меня она не могла, а я не могла уже ходить. По дороге она повстречала людей из бабушкиной деревни, все им рассказала, объяснила, где меня оставила, а сама пошла к тете Клавде, так как она жила ближе к станции.

Пока она, голодная, добралась до деревни, бабушка на лошади приехала, нашла меня и забрала к себе. Она привезла с собой бутылку молока и поила меня небольшими порциями. Я к тому времени не только не ходила, но и не говорила. Бабушка три дня очень осторожно выхаживала меня, и через несколько дней я пошла на поправку. Так бабушка спасла мне жизнь. А мама чуть не умерла из-за того, что, оставшись одна дома, ела все подряд и не могла остановиться. И конечно, попала в больницу, но выкарабкалась.

После войны мы вернулись в Ленинград, я пошла в школу. Жили мы очень трудно, мама часто болела, я тоже. Когда училась в 9-м классе, мама умерла от злокачественной опухоли желудка. Оставшись одна, я продолжала работать и учиться в вечерней школе. Потом вышла замуж и уехала с мужем в Севастополь, по месту его службы.

Коршунов Константин Алексеевич

По бокам нашей баржи шли красные потоки – кровь детей с первого судна

Константин Коршунов родился 25 сентября 1934 года в городе Моршанске Тамбовской области. В мае 1941-го приехал в Ленинград к тетке на лето. После начала войны не смог выехать обратно к родителям и прожил в осажденном городе вплоть до августа 42 года, когда был эвакуирован в Новосибирскую область. После окончания школы и авиационного училища 7 лет

отслужил в истребительной авиации ПВО, охраняя воздушные границы Крыма. После «хрущевской демобилизации» 23 года служил в рядах МВД СССР.

До войны я жил в г. Моршанске Тамбовской области. В мае 41 года мы с мамой поехали в Ленинград в гости к родственникам. Мне в тот год нужно было поступать в школу, а мамина сестра – Мария Васильевна Одинцова – была учителем начальных классов. Мама хотела, чтобы ее сестра подготовила меня к школе.

Приехали в 20-х числах мая, мама оставила меня погостить у тетки и уехала обратно. Но началась война: тетя не может отправить меня одного к родителям, маму не отпускают с работы – так я и остался в Ленинграде. Жили на Васильевском острове.

В Ленинграде вместе с тетей жила моя бабушка – Юлия Андреевна Одинцова. Она не переживет блокаду – умрет в 1942 году от голода.

Голод ощутили уже в сентябре. К зиме стало еще тяжелее. Прекратилось отопление в домах, не стало никакого питания, отключили воду. Меня тетя пристроила к школе – там детей подкармливали. Если кто-то из учеников не приходил в школу покушать несколько дней – то человек этот уже считался умершим.

За водой на Неву я ходил очень часто – все остальные домашние уже были ослаблены и лежали. Доставать воду было трудно: в Неве были прорублены полыньи, и нужно было, лежа, маленьким ковшиком зачерпывать воду и переливать в емкость.

В Неве во льду был прорублен ров – чтобы зачерпывать воду. Было страшно, когда люди сползали в этот водяной ров. Края были очень скользкие и заглаженные. Если туда попасть, то выбраться обратно уже невозможно. И тонули даже не сразу – просто ни у кого не хватало сил помочь тем, кто соскользнул. Я тоже все время боялся – чтобы туда не слететь.

Люди жгли все, что было дома. У нас тоже стояла металлическая «голландка» – топили всем, что попадало под руку. Помню, что, когда шел за водой – в районе 10-ти утра – проходил всякий раз мимо пианино, которое стояло в одном из дворов. Потом его стали разламывать – чтобы топить. И до последнего оставались клавиши – я шел мимо, задевал их бидончиком, и они звенели...

Где остановился трамвай или троллейбус – так и стоял со снежно-ледовой шапкой. С умерших на улице, бывало, срезали мягкие части. Хотя что там было срезать – люди и так все были высушены... Никто никого не хоронил – трупы вывозили на машинах и сжигали.

Хлеб, который получали по карточкам, мы даже не жевали – сосали, чтобы продлить удовольствие. Ели кошек, крыс, варили воротники из настоящего меха. У бабушки лежало много купленных еще до войны витаминов – они нам очень помогли.

Продавали ценные вещи за любую еду. На этом очень обогащались все, кто имел доступ к продовольствию. Опять же – все квартиры стояли открытые, и те, кто мог передвигаться или был «близок к питанию», – могли забрать все что угодно.

Очень страшно было – не хотелось умирать. **Особенно было жутко, когда нас эвакуировали в августе 1942 года и перевозили на баржах по Ладожскому озеру. Три баржи шли цепочкой. Первую немцы расстреляли – вместе с детьми. Не бомбами, а именно пулеметными очередями. А на третьей – уже я плыл вместе с детским домом (меня тетка к нему приписала – чтобы я смог покинуть город). Помню, как по бокам нашей баржи шли красные потоки – кровь детей с первого судна. Я приготовился, что следом – наша очередь, но мы остались живы.**

Мы с тетей уехали в Новосибирскую область. Родителей я увидел в 1943 году – мама приехала к нам и забрала меня в Моршанск. И осенью 1943 года я уже пошел в первый класс.

Коц (Королева) Анна Дмитриевна
Всю блокаду я находилась на переднем крае!

Родилась 20 августа 1925 года. Проживает в г. Ломоносове (в Петербурге).

Когда нагрянула война, я училась в 7-м классе школы в Ленинградском районе Ораниенбаума (ныне Ломоносов). Мечтала стать учительницей, но с приходом фашистов все планы рухнули. Гитлеровцы так быстро шагали по Европе, что в сентябре 1941 года они уже были под Ленинградом. Гитлер мечтал, что 1942 год он будет отмечать в ленинградском ресторане «Астория». Но он глубоко ошибся, поскольку на защиту Родины встал весь советский народ.

Как и все жители Ораниенбаума, я добровольно пошла в армию. Меня зачислили связистом в 5-ю (71) отдельную морскую стрелковую бригаду, в 5-й батальон. Всю блокаду я находилась на переднем крае в Калище. Наша бригада занимала оборону от устья реки Коваш до Фабричной слободы. В мои обязанности входило поддерживать связь нашего батальона с бригадой и ротами. Так я дослужилась до самой главной для меня награды – в июле 1943 года командир бригады Козуненко вручил мне медаль «За оборону Ленинграда». С прорывом блокады война для нас не закончилась – в 1944 году наша 2-я ударная армия Ленинградского фронта вместе с 24-й и 42-й провела операцию «Нева-2», а когда блокада Ленинграда была снята полностью, мы пошли в наступление на Кингисепп, Нарву, Кёнигсберг... С декабря 1944 по май 1945 года воевала в составе Белорусского фронта.

После того как нашу бригаду расформировали, всех девушек перевели в 128-й отдельный батальон, где мы работали регулировщиками. Война для меня окончилась в Германии. В июле 1945 года после демобилизации я вернулась домой в Ораниенбаум. В послевоенные годы работала медсестрой. Сейчас же сохраняю память о том страшном времени в песнях, выступая в хоре «Ораниенбаумский плацдарм».

Кошко (Рябова) Роза Александровна
Врач сказал: «два дня подышит»

Мои родные умерли от голода в начале 1942 года: сначала, 22 января, умерла мама, Евгения Григорьевна Рябова, 7 февраля – моя сестра Тамара, а 9 февраля – мой братик Володя. Я осталась с бабушкой. 30 марта к нам буквально на минутку зашел дядя Федя, Федор Исаакович, он был в чине майора. Его воинская часть прибыла в Ленинград на переформирование. Увидев, что бабушка совсем слаба, он сказал мне: «Если что случится, приходи ко мне в часть». Ночью бабуля умерла, а я осталась совсем одна. Пошла к Федору Исааковичу в часть. Мы с ним расстелили на полу ватное одеяло, положили туда бабушку, зашили. Потом он спрашивает меня: «А кольцо ты сняла?» Распорол одеяло, снял с бабушкиного пальца кольцо, сказал: «Поменяешь на что-нибудь, пригодится». Регистратором в морге была моя классная руководительница, учительница немецкого языка Эрна Самуиловна Ветцель. Мы долго сидели обнявшись и плакали.

А через несколько дней пришел управдом Степанов, сказал, что мою комнату занимают, а я могу идти куда хочу. До лета я прожила у тети, папиной сестры Екатерины Алексеевны Юлиной. Потом она предложила пойти ко второй папиной сестре, Марии Алексеевне Купаленковой: у нее всего один ребенок. Мария Алексеевна лежала больная, ее свалила цинга. Я ухаживала за ней.

Каждый день она просила меня мыть крашеный пол в комнате – и под кроватью, и под плинтусом. Она зорко следила за мной, но только не замечала, что в конце комнаты я всегда ударялась плечом и головой об угол шкафа, потому что очень кружилась голова.

В июле я пошла по 18-й линии вызывать врача тете. Чувствовала страшную слабость, ноги с трудом шли, хотелось спать. Я упала, и женщины на руках отнесли меня в детприемник. Врач сказал: «Дня два подышит». Спросили, с кем я живу, есть ли у меня похороненные родители, я ответила, есть. «Принеси похоронные, остриги волосы и завтра приходи к нам в детприемник», – велели мне. Я очень боялась рассказать тете, что ухожу в детдом, за меня ей сказала соседка. Она видела, наверное, что мне недолго осталось жить. Тетя собрала мои вещи, сложила их в мешок, где написала адрес и мое имя.

Копанцова Тамара Михайловна

Голод убивал в людях все, даже страх смерти!

Вскоре после окончания четвертого класса меня отправили в пионерский лагерь, станция Толмачево. Это прекрасное место, да и сам лагерь был очень хорошим.

22 июня 1941 года у нас в лагере должна была проходить военная игра – весь лагерь был поделен на «Северян» и «Южан». Ко мне в этот день должна была приехать мама, поэтому я оставалась дежурной по даче и в игре не участвовала. Мама выехала из Ленинграда очень рано и еще ничего не знала: в поезде уже что-то говорили, но ясности не было. Когда она приехала ко мне, то сказала, что, мол, якобы война началась, а я в ответ посмеялась и говорю: «Это у нас в лагере война – воюют „Северяне“ и „Южане“».

Раздались звуки горна: все должны были бежать и строиться на центральной площадке. Все считали это началом игры. Но вместо этого на трибуну выставили черную тарелку, откуда начал звучать голос Молотова.

Прозвучало страшное слово «война», которое изменило все. Даже в наши детские сердца закрался страх и ужас. В один день все рухнуло...

Мама вскоре уехала. А через несколько дней нам объявили, что мы остаемся в лагере до особого распоряжения, так как родители работают по 12 – 14 часов в сутки, а мы должны быть здесь под присмотром. Через неделю приехала моя мама и под расписку забрала меня домой. А лагерь через некоторое время эвакуировали, по-моему, в Старую Руссу, уже под бомбежкой.

События развивались стремительно: карточки, бомбежки, рыли окопы, дежурили на чердаках. Маму забрали рыть окопы (это было где-то далеко, домой она не приезжала целый месяц), а папу сразу забрали в армию.

Я осталась одна. Правда, сестра мамы заканчивала институт им. Герцена, и она навещала меня. Мама же вернулась лишь 31 августа.

Как сейчас помню: на следующий день после ее возвращения была снижена норма хлеба. Бомбежки были регулярными, начинались вечером. Люди еще не успевали что-то сделать после возвращения с работы, как нужно уже было спускаться в бомбоубежище. У меня за спиной был рюкзак, так я его ощущала даже тогда, когда спала дома без него. А потом мы перестали ходить в бомбоубежище, наступило какое-то равнодушие, видимо, потому, что смерть перестала быть такой уж пугающей – мы к ней привыкли. Хотя «привыкли» – слово, пожалуй, неподходящее. Привыкнуть к тому ужасу, который мы испытывали каждый день, нельзя. Скорее, состояние голода убивало в людях все, даже страх смерти.

Зима была необыкновенно холодной. Я помню огромные очереди (почему-то они казались мне черными) за мизерным кусочком хлеба (хлеб был какой-то сырой с запахом керосина). Я помню, как горели Бадаевские склады и текли черные реки горелого сахара. Я помню трупы, мимо которых проходили люди, не обращая на них внимания. И вот еще одна «картинка» вспомнилась мне: худенькая (очень худенькая) лошаденка тащит сани, на которых, как дрова, сложены трупы. А чуть дальше солдаты рыли ров и туда сбрасывали эти тела.

Я жила с мамой и маминой сестрой. Все ютились в одной комнате, остальные были закрыты. Обогревались буржуйкой, которую топили мебелью и даже пластинками от патефона. Жгли все, что могло дать хоть немного тепла.

Я хорошо помню свое непроходящее желание – откусить от большого куска хлеба и долго жевать, и чтобы хлеба было много.

Как мы выжили – не знаю. Думаю, что только мамина сила воли помогла нам. Она делила этот мизерный кусочек хлеба на два раза, кроме того давала нам по ложечке кагора (его выдали к Новому 1942 году). Кроме того, у нас были очистки от картошки, из которых мы пекли что-то вроде оладушек.

В марте 1942 года мы решили уехать. Путь был уже небезопасным – колеса машин утопали в воде, но мы благополучно переехали Ладогу, а дальше – длинная и страшная дорога. Везли нас в Сталинск (ныне Кузбасс). Это тоже

вспоминается как тяжелый сон. Сколько мы ехали – не знаю, но очень долго, в переполненных вагонах с пересадками. По одежде ползали вши, люди были страшные, истощенные, грязные. Наконец, нас высадили.

Не помню название города, но среди его жителей пошли слухи, что привезли ленинградцев. Каждый хотел нам чем-то помочь. Мы оказались в семье, где прожили несколько месяцев. Затем мама устроилась на работу, и я пошла в школу. Вот так закончился страшный период нашей жизни.

Прожили мы в Сталинске до 1945 года и стали думать, как вернуться домой. Наконец, несколько семей ленинградцев каким-то образом достали товарный вагон, и вот в этом вагоне дней 20 мы добирались до нашего родного города. Приехали в июне во время белых ночей. Дома нашего не было – новые трудности свалились на мамины плечи.

Но мы пережили и это. Сняли угол, осенью я пошла в школу № 193 (Дзержинский район), а в 1948 году окончила ее. После окончания школы год работала старшей пионервожатой, а затем поступила в институт им. Герцена, на иностранный факультет, на английское отделение. Окончила институт в 1953 году, а двумя годами ранее вышла замуж за врача. После получения диплома приехала к месту службы мужа в г. Новороссийск. Прожили мы там до 1958 года. В 1958 году мужа перевели в Севастополь, и с того времени наше место жительства уже не менялось.

Крашенинникова Валентина Николаевна

Умирили школьники – сначала мальчики, потом девочки. В классах из 30 человек оставались 4 – 5

Крашенинникова Валентина Николаевна родилась в 1939 году. 45 лет проработала учительницей французского языка в московской школе. Имеет двоих детей.

Я родилась в городе Ленинграде, во время блокады мне было всего три года. Я помню, как сжигали мебель, как хотелось есть. Ни отопления, ни воды не было. Помню, как пили кипяток не с сахаром, а с солью. Я видела, как мальчик сидел на полу и читал книжку, его позвали пить так называемый «чай», но он не встал – он был мертв.

Мои родители незадолго до этого поженились, и мой папа переехал в Ленинград. Он работал флагманским механиком по электротехническому

оборудованию подводных лодок в Кронштадте в Ленинградской области. Иногда он приносил нам остатки от пайка – немножечко масла, галетку.

Мама рассказывала, что тогда ее окружали очень хорошие люди, например, одна женщина делилась со мной своей пайкой хлеба. Она видела, что девочка смотрит голодными глазами, и не могла отказать. Этот хлеб мне очень помог.

На карточку давали по 125 грамм хлеба, в него клали и жмых, и клей, и все на свете. Когда мама резала хлеб, я собирала крошки, которые падали из-под ножа.

Однажды в столовой мама поставила на стол кашу, положила пайку хлеба и пошла еще за чем-то. Она возвращается – хлеба нет. Спрашивает: «Валь, где хлеб?» А ко мне подошла какая-то женщина, говорит: «Хочешь конфетку?» Я, конечно, захотела, и она унесла эту пайку. После этого случая мама мне сказала, если кто-нибудь подойдет, кричать на всю столовую. И вот как-то я подняла крик, мама прибежала: «Что случилось? Кто тебя обидел?» – а у меня муха на кашу села, я ее не смогла отогнать, вот и закричала.

Под Новый год детям решили организовать праздник. В программе было выступление командиров, обед и потом танцы и песни у елки. Дети выслушали выступление командиров, сидели очень грустные и серьезные, потом пошли на обед. Он состоял из супа, каши и компота. Хлеб ели бережно, по крошке, чтобы растянуть этот обед подольше. Когда дошло дело до танцев, никто уже не хотел ни петь, ни танцевать, у детей просто не было сил.

Время, конечно, было очень трудное. Мама говорила, что везде лежали трупы – и на улицах, и в траншеях, к кладбищу невозможно было подойти. Мертвых волочили на фанере, у многих людей не хватало сил, и тела оставляли прямо на дороге. **Умирали школьники – сначала мальчики, потом девочки, и в результате в классах, где изначально было по 30 человек, оставалось по 4 – 5. Люди погибали прямо на улицах, и их заваливало снегом. Уже весной проходили комсомольские субботники, и тела убирали с улиц.**

Подростки лет по 12 – 13 работали на оборону. Чтобы достать до станка, подростки вставляли на ящики из-под патронов. Работали подолгу, пока не выполняли норму.

Мама вспоминала еще такой эпизод: в 1942 году в апреле шла эвакуация по Ладоге. Была посадка на пароход, и получилось так, что все сели, а мама осталась на берегу. Она очень упрашивала военного, чтобы он ее посадил, но тот грубо оттолкнул ее. Мама стояла и плакала, глядя на уходящий

пароход, но тут на бреющем полете прошла немецкая авиация, и от парохода остались одни щепки.

То время сильно подействовало на меня, ребенка, и до сих пор, проработав 45 лет в школе и будучи на пенсии, я продолжаю заниматься патриотической работой. Я выступаю в школах, ездила в петербургский институт, получила грамоты и благодарственные письма за эту деятельность. Когда я веду патриотическую работу, я испытываю большое удовлетворение, когда вижу интерес в глазах школьников, вижу нужность своей работы!

Кривоносова Регина Танхумовна

Последний раз в июне 1941 года я видела отца

Мне хорошо. Я еду с сестрой в кабине грузовой машины рядом с водителем на руках у мамы. Я могу дотронуться до руля. Но почему все молчат? Почему в такой хороший день мы уехали из Стрельны, где жили на даче?

Мы приехали домой, и мама куда-то убежала. Я осталась со старшей сестрой, но она со мной не играла. Стало очень грустно и одиноко. Хотелось плакать. И вдруг приехал папа. Я вскочила к нему на руки, что-то просила, а он курил, целовал меня и очень четко говорил сестре, просил что-то передать маме, называл какие-то фамилии, гладил нос и целовал. Это точно был папа, но какой-то высокий, стройный, похудевший. Таким я последний раз в июне 1941 года видела своего отца. Он ушел на фронт добровольцем, забежал попрощаться. А мама уехала на призывной пункт, который находился на Лермонтовском проспекте. Об этом эпизоде рассказывала мама. Она увидела папу, но он ее не услышал, такой там стоял крик... Все звали своих. Когда, будучи уже взрослой, увидела фильм «Летят журавли», я поняла, о чем рассказывала, рыдая, мама. Так я услышала новые слова «война» и «фронт».

Мы жили на проспекте Газа, ныне Старо-Петергофском, рядом с заводом «Треугольник». Я помню (мне было 5 лет), как дирижабль завис недалеко от дома. Я помню, как в подвале нашего дома мама с соседями устраивала бомбоубежище, готовила дома аптечку, вынесла мой любимый детский письменный стол, на котором стояли мои игрушки, и в комнате сразу стало пусто и неуютно. У мамы был НЗ – мешочек с продуктами: немного сухарей, крахмал и баночка топленого масла с какао. Еще голода не было, так как дома еще что-то было.

Во время бомбежек мы спускались в подвал. Бомбили завод «Треугольник», а наш дом прилегал к заводу. Поэтому мама решила переехать на канал Грибоедова, 150, к тете. Я запомнила огромную кухню, метров 50, с плитой посередине, кровати, приставленные друг к другу. Принимали туда только тех, кто приносил что-то, чем можно было топить плиту.

У сестры были косы до колен. Воды не было. Достать буржуйку маме – женщине с двумя детьми и старухой-теткой – было невозможно. Тогда мама решила нас постричь. Сестра держалась мужественно. Видимо, вши ее совсем одолели, а я плакала, держала голову руками и кричала: «Приклей мне челочку, у меня голова мерзнет».

От голода мы опухли. Маме не всегда удавалось отоварить хлебные карточки. Жмых, который она однажды достала, – я запомнила на всю жизнь. Он застрял в прямой кишке, и никакими силами вытащить его было невозможно.

Когда мы шли по коридорам, мама всегда держала меня за руку, чтобы я не смотрела по сторонам – там лежали мертвецы. Их или некому было вынести, или специально не вывозили, чтобы сохранить продуктовые карточки, но об этом я узнала позже.

В комнате температура была минусовой. Чтобы согреться, мама укладывала нас вместе с собой и укрывала всем, что было в доме. Я, пятилетний ребенок, капризничала, что мне плохо лежать, нечем дышать, тетка ругалась, предлагала меня выкинуть с кровати на диван, за что я ей и сейчас благодарна, – там я засыпала, несмотря на холод. Сейчас я понимаю, что уже тогда просто страдала клаустрофобией.

Из-за бомбежек надо было по несколько раз за ночь спускаться в бомбоубежище с 5-го этажа. А сил уже не было. Соседи с 1-го этажа предложили провести ночь у них. Я очень стонала, просила пить, мама переживала, что мы беспокоим хозяев, и поила меня своей слюной. Она думала, что в эту ночь меня потеряет.

Это был декабрь 1941 года, в это время никуда уехать было невозможно. Мы были в блокаде. В сентябре, когда была возможность эвакуироваться с детскими учреждениями, папа писал с фронта: «Мамуся, детей никуда не отправляй, ты без них пропадешь!» Он был прав. Мы выжили благодаря маме, а мамочка выжила благодаря нам. Мы невольно заставляли ее жить. Я, теперь уже бабушка взрослого внука, думаю, а смогла бы я вынести все, что вынесла наша мамочка, смогла бы отдать от своей порции кусочек, не знаю...

Потом была эвакуация по Ладоге и жизнь в землянке в Омской области. Там мы получили письмо от родственников из Москвы – им пришла похоронка на папу. Мама кричала, что она согласна видеть отца без рук, без ног, а я, прижавшись к ней, спрашивала: «А без головы – ты согласна?»

В августе 1945 года мы вернулись в Ленинград. Могилу отца нам с внуками удалось разыскать только через 67 лет – в 2009 году благодаря Интернету. Оказалось, что мой отец погиб 31 января 1942 года под Новгородом, защищая Ленинград от врага. Прах отца покоится под огромной блестящей металлической стеной, на которой выгравированы имена погибших воинов. Она создана на месте воронки, куда были сброшены трупы. Там вписано 600 имен 18 – 20-летних мальчишек, небольшое количество младшего офицерского состава, в том числе и моего отца, политрука Т. Е. Пинсона.

Кротова Клавдия Филипповна

Мы точили на станках гильзы для мин

В 1941 году мне было 17 лет. Я работала в Ленинграде, в детской инфекционной больнице им. Веры Слуцкой, в должности кастелянши до 27 июля 1943 года. В 1943 году меня и еще нескольких девушек военкомат направил на завод им. Коминтерна учениками токаря. Мы точили на станках гильзы для мин, помогали в погрузке снарядов. Завод был на казарменном положении, поэтому с завода домой не отпускали. От смен отдыхали в «красном уголке» и питались в заводской столовой.

Однажды, когда меня отпустили с завода на побывку домой, я подошла к месту, где стоял наш дом, и увидела лишь руины – здание было разрушено во время бомбежки. Так я лишилась жилья и всего имущества. От завода мне дали комнату на Васильевском острове.

Мне очень запомнился день, когда прорвали блокаду Ленинграда. Я испытывала огромную радость, в город стали завозить продукты, жить стало легче. В феврале 1945 года я перешла работать в аптеку, которая находилась недалеко от дома.

В 1948 году познакомилась со своим будущим мужем – Кротовым Николаем Алексеевичем. Он служил в Кронштадте. 26 апреля 1949 года мы зарегистрировали брак, по направлению поехали служить в г. Поти. В 1953 году нас из Поти перевели в Севастополь. Так я попала в наш город, который полюбила, как свой родной Ленинград.

Крючков Евгений Васильевич

Все окна и двери в ленинградских домах были открыты

Я родился в 1937 году. Мы жили на улице Петра Лаврова, около Таврического сада. Сад-то нас и спас от голода – мы ходили туда и ели там крапиву. У меня было два брата. Мать работала на 1-м молочном заводе. На Радищева был 3-й молочный завод, туда привозили уголь. Мы этот уголь передвигали с места на место, потому что знали, что там была спрятана кукуруза. Во время блокады все окна и двери в ленинградских домах были открыты, можно было зайти в любую квартиру. Чудо, что мы пережили этот ужас и до сих пор живем!

Кузьмин Борис Антонович

Мы гнали немцев к Пскову

Кузьмин Борис Антонович – член организации «Дети блокады – 900».

Я родился в Невском районе. К началу Великой Отечественной войны мне было 16 лет. Я учился работать на токарном станке в мастерских на Обводном канале. В сентябре 1941 года в здание попал снаряд. Когда стали покидать здание, меня ранило осколком. Один из учеников на детских санках отвез меня в больницу.

Жил я с бабушкой на Железнодорожной улице. Ей удалось уговорить принять меня в военный отряд при фабрике «Рабочий». Мы следили за пожарной безопасностью.

В 1943 году в возрасте 18 лет меня призвали в армию. Нас обучили воинским делам, стрельбе из пушки. Направили держать оборону города в Пулковско. Затем мы гнали немцев к Пскову, потом часть перебросили на финское направление, а затем снова на другой фронт, к Кенигсбергу. Освободив город от немцев, часть двинулась к Германии, к Берлину.

После окончания войны мне пришлось еще 5 лет нести срочную службу. В город я вернулся в 1950 году. Дом сломан, родных нет. Отыскал брата отца. И я, уроженец Ленинграда, принимавший участие в боевых действиях, с большим трудом смог получить прописку и жилье.

Проживаю до настоящего времени в том же районе, в котором родился. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда».

Кузьмина Лидия Петровна
Жить вместе и умирать вместе

Я родилась за четыре года до начала войны в Невском районе города Ленинграда. Как и многие, посещала очаг (так называли детский сад) при заводе «Большевик». Хорошо запомнился праздник, на котором ставили фрагмент из «Сказки о рыбаке и рыбке», а я исполняла роль золотой рыбки; дети сидели рядами, накрытые голубой тканью (как бы волны моря). В это время начался обстрел. Нас быстро собрали в подвале при соседней пожарной охране. Вскоре детей стали вывозить из города. Но мама сумела забрать меня со станции Окуловка (с ее слов).

Никто не предполагал, что война будет долгой, а жизнь мучительной. Решением мамы стало – «жить вместе и умирать вместе». Продукты кончились, не было даже хлеба. Мама продавала и меняла на продукты все, что было. А я находилась дома, когда она уходила работать. Возвращаясь, вновь видела безжизненное тело ребенка, ноги совсем не ходили.

На железной плите пекли зеленые (из травы) лепешки, ели дуранду. Были введены продуктовые карточки. Мама после работы мыла котлы в столовой и тайком приносила соскребы макарон, каши. Когда я смогла ходить, «бегала» в магазин, там помогала клеить талончики от карточек, и мне очень эта «работа» нравилась. **Рабочим завода давали талоны на усиленное питание, мама всегда брала и меня (делила обед на двоих). Сахарный песок насыпали на край стола и краем хлеба макали в кучку – так пили кипяток. Мама меня очень ласково звала – «мой довесочек». Так вот и удалось выжить.**

Сразу после войны мама получила на заводе тяжелую травму ноги, ее положили в больницу, а меня отправили в детский дом (на улице Ивановской). В нем жилось плохо, дети убегали, их находили и возвращали. Еще долго приходилось терпеть невзгоды от пережитой войны.

Кундоба Ирина Александровна
Мыши для меня были страшнее, чем бомбежка

Ирина Кундоба родилась в 1938 году. В блокадном Ленинграде прожила 11 месяцев – вплоть до августа 1942 года, когда вместе с мамой эвакуировалась в Казахстан. После снятия блокады их семья вновь вернулась в Ленинград. В 1960 году после окончания Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта Ирина Кундоба переехала в Крым, где в то время уже работал ее супруг.

Мой отец, Викторов Александр Александрович, служил командиром батальона артиллерийской части в местечке Гробыня в Латвии. Военные уже знали, что немцы скоро будут в Латвии, и решили срочно эвакуировать семьи. Отцу выделили часть товарного вагона, куда он погрузил беременную жену (мою маму), дочь 3,5 года – меня, и кое-какие вещи. Погрузка проходила уже под обстрелом. Я помню только, что очень плакала моя мама, а папа все время меня целовал и прижимал к себе.

Так мы и оказались в Ленинграде. Было начало августа, уже шли постоянные обстрелы и бомбежки, были взорваны продовольственные Бадаевские склады. 8 сентября 1941 года сомкнулось кольцо блокады. Начался голод, холод, ужас. В нашем Фрунзенском районе, на территории кинотеатра «Олимпия», который одной стороной выходил на Московский проспект, была барахолка, куда каждый день ходила моя мама. На этом рынке можно было выменять продукты на вещи, что мама и делала. Но вещи вскоре закончились...

Норма хлеба уменьшалась с каждый днем. Самая маленькая была у иждивенцев, а потому и моей маме, и бабушке пришлось идти на работу. Они устроились уборщицами на Витебский вокзал. Я ходила в детский сад – он был напротив нашего дома. Нас там кормили и вечером еще давали кусочек хлеба. Я этот хлеб всегда приносила домой и отдавала бабушке. Она до конца своей жизни вспоминала об этом.

В нашей 3-комнатной квартире (цокольный этаж) мы с мамой и бабушкой жили в маленькой комнате, там топили буржуйку, сжигали паркет из большой комнаты и книги. Библиотека была большая.

В конце ноября – первая смерть в нашей семье. Мама родила мертвую девочку. Затем слег дядя Сергей. Он не мог есть все то, что ели остальные: соевый жмых, растопленные дрожжи, блины из картофельных очистков, дуранду (жмых от семечек). В середине января дядя Сережа умер.

Дальше становилось хуже. Я еще ходила в детский сад, но вещи закончились, мама теряла силы. Однажды младший брат принес разделанную тушу собаки и попросил маму приготовить ее. Мама приготовила, но есть отказалась, и брату пришлось все это унести на работу.

В моих детских воспоминаниях отложилась очень странная вещь. Однажды я проснулась, а у меня под рукой спят настоящие мыши. Это для

меня было страшнее, чем бомбежка. До сих пор не могу без содрогания вспоминать эту сцену.

У мамы началась последняя стадия дистрофии. Однажды она встретила папиного сослуживца. Увидев маму, он испугался и занялся нашей эвакуацией. Так просто, без чьей-то помощи, уехать в эвакуацию было невозможно.

Эвакуировали нас в августе 1942 года на барже по Ладожскому озеру. Переправа была страшной, кругом рвались бомбы, в небе летали немецкие самолеты. Баржа то уходила под воду, то поднималась, кругом стояли столбы воды. Как добрались до суши, я не помню – очень боялась и сидела, уткнувшись маме в колени.

Мы должны были ехать в Тамбовскую область, но изменения в военных действиях все время меняли наше продвижение, и в конце концов где-то в конце октября мы оказались в Казахстане, в г. Усть-Каменогорске, а там на станции уже стояли подводы, которые развозили беженцев. Мы попали в районный центр Верхуба. Там уже была зима. Нас сразу разобрали местные жители.

Уцелеть в этой деревне нам удалось благодаря бабушке. В эвакуацию с собой она взяла швейную машинку «Зингер». Это был наш основной груз. Бабушка обшивала всю деревню, и за это они приносили нам продукты. Мама пошла работать в райисполком инспектором по эвакуированным, и благодаря ее работе мы знали обо всех событиях на войне.

27 января 1944 года Ленинград был полностью освобожден. Мы решили возвращаться. Швейную машинку бабушка оставила хозяйке, у которой мы жили. Последней остановкой была Москва, где были вербовочные пункты. Мама завербовалась в Ленинград на завод им. Ленина. Так мы вернулись домой...

Кудрявцева Елизавета Павловна Работала в госпитале санитаркой-дезинфектором

Родилась 29 февраля 1920 года в Вологодской области, Тотемском районе, д. Шульгино. До войны семья проживала в Октябрьском районе по Конногвардейскому переулку, д. 6. В семье было 5 человек детей, все младшие. Когда началась война, Елизавете исполнился 21 год, она оканчивала техникум и была на практике на аэродроме между Красным Селом и Скачками. В её задачу входило обслуживание и содержание в готовности взлетных полос для самолетов. В декабре 1941 года умер отец, осталась большая семья без кормильца, и Елизавета вынуждена была работать. С 20 августа 1941-го по 1944

год она работала в госпитале № 97 (Матвеев переулок) санитаркой-дезинфектором. В 1944 году перевелась в Институт усовершенствования военных врачей, который располагался на Кирочной улице, и до 1946 года работала медсестрой. Затем 18 лет работала на швейной фабрике им. Володарского, вышла замуж, в 1964 году поселилась в Стрельне. Вырастила двух сыновей, есть внучка.

Курочкина Галина Александровна

Под мостом сидели замерзшие дети, как маленькие статуи

Родилась 16 июля 1934 года в Старом Петергофе. Когда началась война, Галине исполнилось всего 7 лет. В 1941 году, до оккупации Петергофа, семья переехала в Ленинград и до 1942-го жила временно на Охте, в «чужих квартирах». Очень неуютно и страшно жить в чужом доме. Отец по состоянию здоровья не смог быть на фронте, ослабленный от болезни и голода, каждый день он поднимался на 5-й этаж, где квартировали. За хлебом по карточкам в магазин ходить было очень далеко, по рассказу мамы, когда они с отцом ушли за хлебом, ему вдруг стало плохо, он весь побелел, мать выкупила сахар, дала отцу и тем самым, возможно, спасла его от смерти.

В марте 1942 года – эвакуировались по Ладоге, на эвакуационном пункте Борисова Грива хорошо накормили пшенной кашей с сардельками, давали шоколад. **Многим, особенно детям, было плохо от обильной пищи, они мучились животами и бегали оправиться под мост. Там, под мостом, была страшная картина – сидели замерзшие дети, как маленькие статуи, жутко было смотреть. Почти у всех эвакуированных была дистрофия 1-й степени (местные называли нас – «шкилет»)**, в школу Галина пошла с опозданием, в 10 лет. После войны жили в г. Куйбышеве почти 10 лет. Отец работал на авиационном заводе.

В Ленинград вернулись в 1952 году (по вызову от ПЧЗ), Галина вышла замуж за блокадника, ветерана войны, проживавшего в Московском районе. Жили в общежитии, потом по очереди получили жильё в Стрельне. Шел 1967 год, она работала на ПЧЗ контролером (стаж 38 лет), муж на военном заводе № 20 (БТРЗ). Растили дочь, помогают воспитывать внука.

Кутаева Анна Алексеевна

Земля уходила из-под ног

Когда началась блокада, мне было 12 с половиной лет. Немец очень быстро окружил Ленинград. Конечно, этого никто не ожидал.

Сначала нас отправили за город, на Валдайскую возвышенность, но потом начались сильные бомбежки, и нас вернули обратно в Ленинград. Мы приехали в ноябре, пошли в магазин, чтобы купить булку, а нам сказали: «Давайте вашу карточку». В свободной продаже хлеба уже не было.

Папу в армию не взяли, у него было заболевание сердца, и он служил в рядах ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона. – *Ред.*). Мама работала в пошивочном ателье, в то время там шили парашюты и обмундирование для военных. Работа шла и днем и ночью, мы со старшей сестрой помогали – раздавали отдельные пошивочные детали, а затем собирали уже сшитое. Ночью мы спали на стульях там же, потому что нам, двоим детям, оставаться в квартире одним было очень страшно.

Ноябрь, декабрь, январь и февраль 1941 – 1942 годов – были самыми страшными месяцами. В то время в Ленинграде умирало примерно 5 человек в минуту, трупы лежали везде, дружинники не успевали их собирать. Наша семья получала всего 500 грамм хлеба – 250 грамм мама и мы – по 125. Больше ничего не было, других продуктов почти не поступало. Эти граммы мы делили на три части – на завтрак, обед и ужин. На завтрак мы пили кипяток с кусочками хлеба, причем я всегда просила маму порезать помельче, чтобы казалось, что его много. На обед мама варила хлеб в кипятке – тюрю. А вечером снова делила оставшийся хлеб на троих. Папа получал продукты в ПВХО, часть своего обеда – тарелку супа – приносил нам. С тех пор я с большим уважением отношусь к продуктам, особенно к хлебу, который доставался нам с таким трудом.

Первым умер папа. В то время мы были как каменные: у нас не было ни радости, ни слез. Когда нам сказали, что он умер, мы не проронили ни слезинки. Я все время думала, ну почему же мы не плачем?

Чувство радости нас охватило только 18 января, когда была прорвана блокада Ленинграда. Мы ожили. Все бежали, целовались, радовались!

Были страшные бомбежки, иногда по десять налетов в день. Когда летели немецкие самолеты, стоял своеобразный гул, потом начинали бить наши зенитки, со свистом падали бомбы, и рушились дома. Здания тряслись, земля уходила из-под ног. Это было страшно! Мы жили на четвертом этаже, там никого больше не было, кроме нашей семьи. Когда начиналась бомбежка, мы летели с четвертого этажа вниз, к людям. Иногда приходилось вскакивать по десять раз за ночь, спали в одежде. Правда, со временем привыкли и перестали бегать, думали, будь что будет. Это ощущение я помню до сих пор.

Лапаева Ванда Георгиевна

У нас никогда в мыслях не было, что немцы могут победить!

Ванда Лапаева жила в блокадном Ленинграде с сентября 1941 по март 1942 года. После эвакуации ее отец был осужден на 10 лет за то, что рассказывал сослуживцам о том, как жилось в блокадном городе. Сама Ванда Лапаева в 1944 году оказалась в Караганде, где закончила горный техникум и познакомилась с будущим мужем. В 1957 году после получения диплома Ванда вместе супругом переехала в Крым, где жили родители мужа.

Летом 1941 года мы с мамой, как всегда, были на даче у папиной сестры – тети Маруси под Кингисеппом. В этот день мы собирались навестить в соседней деревне моего дедушку, папиного отца. Мы с двоюродной сестрой уже стояли нарядные, мама тоже надела красивое платье, на одну ногу натянула белый носочек (тогда это было модно), а другую поставила на стул, чтобы надеть второй. И вот этот миг, как на фотографии, запечатлен в моей памяти. Все замерли, а тревожный голос Левитана объявлял по радио, что немцы без объявления войны напали на нашу Родину. Тревога взрослых передалась и нам, детям. Мы поняли – беда. Конечно, мы никуда не пошли. За нами сразу приехал папа, и мы вернулись домой, в Ленинград.

Начались непрерывные бомбежки, обстрелы. Диктор объявлял по радио: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» – слышался звук метронома, и начинали гудеть все заводские трубы. «Воздушная тревога!» И нам приходилось бежать в бомбоубежище.

А 8 сентября 1941 года немец окружил наш город плотным кольцом. Буквально в первые дни блокады они разбомбили и подожгли продовольственные Бадаевские склады, склады Госрезерва продовольствия. Сахар, масло, мука и прочие продукты – все горело, плыло по улице, смешиваясь с землей.

Голод, холод, отсутствие света и воды...

Ленинградский хлеб. 250 грамм – служащим и 125 – иждивенцам. Не знаю, из чего его делали, – он был тяжелым, сырым, но мы были ему рады... Помню, как однажды отец принес с работы кусочек дуранды, – это был праздник, что-то вроде шоколада!

Когда живший на втором этаже одинокий мужчина не дошел до своей квартиры, упал и умер от голода у нас на лестничной клетке, мы все, кто жил

там, больше суток перешагивали через него, потому что ни у кого не было сил, чтобы его увезти, пока этого не сделали какие-то службы.

Склад котельной около дома, где раньше были дрова и уголь, был полностью забит трупами, и рядом, прямо на улице, сложена, как поленница дров, гора трупов. Хорошо, что зима была холодная, и все тела были замерзшие.

Однажды отец взял меня с собой на работу. Мы проходили по скверику, где были вырыты землянки (это на случай если начиналась бомбежка, а люди находились поблизости и надо было укрыться от снарядов и осколков), так вот там, у входа в землянку, лежал труп, у которого из ягодицы была вырезана часть мяса.

Когда началась война, мама сразу пошла на работу на завод «Русский дизель», где работал мой отец. А я стала ходить в садик при заводе. Помню, нас укладывали спать в бомбоубежище, которое было прямо в детском саду. Закрывались толстые металлические двери. Мы ложились в кровати, которые стояли там рядами, и начинали рассказывать страшилки про домовых и ведьм. Было жутко страшно.

Стекла в домах были заклеены крест-накрест полосками бумаги, чтобы от взрывной волны не лопались. На ночь плотно завешивали окна темными тряпками, чтобы ни лучика света не просачивалось на улицу. Вечерами жгли коптилочки – маленькие плоские бутылочки с фитильком и каким-то маслом внутри.

Прошло время. Мы перестали бегать в бомбоубежище, только сидели дома. Когда не было бомбежки, а просто били из дальнобойных орудий, мы даже не прятались, а катались на санках и собирали тяжелые осколки снарядов – кто больше.

Когда по радио передавали, что наши войска оставили какой-то населенный пункт, наши маленькие души страдали. И наоборот, что-то отвоевали – мы ликовали и гордились. У нас никогда и в мыслях не было, что немцы могут победить.

Мы слышали и узнавали, когда с тяжелым, зловещим звуком приближались немецкие бомбардировщики «мессершмитты». Узнавали и радовались, когда появлялся быстрый, легкий звук наших истребителей, мы их называли «истребки». Конечно, они прогоняли немцев!

В марте 1942 года мы эвакуировались. Ехали мы через Ладожское озеро на полуторке. Было страшно, потому что под колесами машины просачивалась вода: лед потрескивал. Некоторые машины проваливались под лед. Но мы доехали благополучно, и разместили нас в товарных вагонах. С двух сторон вагона в два ряда полки, а в середине буржуйка.

Сколько мы ехали, не знаю. Доехав до Тюмени, мои родители решили там остаться. Поселились мы в маленькой комнатке небольшого домика у одной женщины. Отец пошел работать на завод. Если я не ошибаюсь, там была эвакуирована часть завода «Русский дизель». Однажды ночью я проснулась от того, что в комнате разговаривали какие-то люди. Я не поняла, думала, что у нас гости, и обрадовалась... А потом отца увели. 58-я статья – позже реабилитировали, восстановили в партии, но 10 лет он отсидел. А все потому, что неосторожно кому-то на заводе рассказал, каково было в блокадном Ленинграде...

Ларичева Анна Ивановна

Мы ложились в окопы и кричали: «мы победим! Вас не пустим в Ленинград!»

Родилась 20 августа 1923 года в Калининской области, Октябрьском районе, в деревне Новый Двор, в семье крестьянина. Отец – Бантеев Иван Николаевич, 1883 г. р. Мать – Бантеева Дарья Герасимовна, 1890 г. р. Брат – Александр Иванович, 1916 г. р.

В 1925 году из Ленинграда приехал в нашу деревню уполномоченный – набирать для работы в городе деревенских жителей. Мой отец сразу согласился, так как ему предложили работу в Московском районе Ленинграда и пообещали комнату. Так в феврале 1925 года вся наша семья уехала из деревни.

У отца было 4 класса образования, и ему в Ленинграде дали работу писаря в домоуправлении. Выделили комнату на улице Воронежской, д. 55, кв. 8, где мы проживали до февраля 1945 года. Мать работала в столовой по адресу ул. Воронежская / ул. Курская (угловое здание) сначала посудомойкой, потом официанткой. Столовая и сейчас находится там.

Я училась в школе, которая находилась в доме № 55 по Воронежской улице (сейчас там техникум), и в 14 лет окончила 7 классов. После окончания школы поступила в двухгодичную школу медицинских сестер. Окончив школу медсестер, в 16 лет в 1939 году поступила работать в ясли ЛИИЖТа. Я очень любила детей.

Брат учился после школы в мореходке и в первые дни войны ушел на фронт, был ранен. Он лечился в госпитале в Тамбовской области, получил инвалидность. Женился и после войны остался там жить.

В начале войны отец добровольцем ушел на фронт, и никаких сведений мы о нем не получали. Сосед, который уходил вместе с ним, вернулся и сказал, что отца повесили немцы.

В феврале 1941 года я поступила на работу в Объединенную поликлинику Октябрьской железной дороги (ул. Боровая, д. 55). Она и сейчас находится там. На фронт меня не взяли, хотя я очень хотела, так как у сотрудников поликлиники была бронь. Работала я в поликлинике медсестрой с февраля 1941 года по февраль 1945-го. В 1943 году была откомандирована на станцию Войбокало (в/ч 11), на Ленинградский фронт. В декабре 1943 года вернулась в поликлинику.

Время от времени нас посылали копать окопы, рыть траншеи вокруг города, чтобы враг не прошел, а когда пролетали вражеские самолеты (а летали они очень часто), мы ложились в эти окопы, чтобы нас не заметили, и кричали громко: «Мы победим! Вас не пустим в Ленинград!»

В 1944 году я вышла замуж за Ларичева Василия Тимофеевича, военнослужащего, и в феврале 1945-го мы вместе с мужем выехали на Сахалин, затем в Читу и другие города.

В 1961 году мужа демобилизовали, и нам дали квартиру в Севастополе, в Нахимовском районе, по ул. Горпищенко, д. 67, кв. 14.

С 1971 по 1991 год я работала медсестрой в 3-й городской больнице, оттуда и ушла на пенсию.

Лебедева Мария Васильевна

Я осталась одна – кругом открытые квартиры, и в каждой лежат мертвецы

Мария Лебедева родилась в Ленинграде в 1929 году. В осажденном Ленинграде она прожила вплоть до июня 1942 года, когда ее вместе с детским домом эвакуировали в Ярославль. После войны Мария Васильевна в 1950 году вслед за мужем переехала в Крым.

Мне было 10 лет, когда началась война. Жили мы на улице Садовой. Сначала я не отдавала себе отчет, что такое война, но, когда на город стали падать

снаряды и мы с мамой стали часто спускаться в бомбоубежище – вот тогда начало постепенно приходить понимание.

Сразу стало голодно. Маму стали посылать на крышу, она сидела рядом с ящиком с песком и, когда падали зажигалки – тушила их. Я часто сидела рядом с ней. **Дети быстро научились различать самолеты – немецкие бомбардировщики и наши истребители. На большой высоте летали самолеты-разведчики, за которыми следили наши прожектора, – поймают их лучом и ведут на окраину города, где их уже расстреливают наши зенитки.**

Когда начался голод, мама меняла вещи, приносила домой дуранду, клей столярный. У нас во дворе была мастерская – до войны там делали из костей расчески и пуговицы. Я часто ходила туда – наберу костей, мама их немного посушит, и мы после их вместе грызем. В печке всегда тлел кусочек ваты, чтобы в любой момент можно было развести огонь.

Потом мама стала уже плохо ходить. Отец был на фронте, и поэтому я сама ходила за хлебом – отovarивать карточки. **Возле магазина собиралось много мальчишек, если немного зазеваешься – они выхватывали хлеб – и сразу в рот. Пока их бьют – они уже успевают его проглотить. Я очень боялась, чтобы они у меня не вырвали хлеб, ведь меня дома ждала мама.**

Помню, что, когда горели Бадаевские склады, мы ничего не взяли – в оцеплении стояли военные и никого не пускали. Мы уже потом набрали немного земли – она была сладкая из-за впитавшегося в нее сахара – и, процедив, пили сладкую воду. Брали в аптеке детскую присыпку и пекли лепешки. Ездили в деревню – собирали кочерыжки от капусты.

Потом мама умерла. Я осталась одна – кругом открытые квартиры, и в каждой лежат мертвецы. Утром пришла соседка и отправила меня в детский дом, а мама так и осталась лежать в квартире.

Помню, как вечером увидела две машины – на одной везли мертвецов, совсем как дрова. А в кузове второй машины мертвецов везли стоймя – связанных проволокой. Невский давно превратился в кладбище – кто не мог никуда вывезти тела – оставлял их на проспекте. Потом ездили санитарные машины, собирали трупы и везли на Пискаревское кладбище. Тело мамы я так больше и не увидела – квартиры освобождали от трупов, чтобы не допустить эпидемии.

Потом была Ладога и эвакуация в Ярославль. Там нас колхозники стали откармливать – мы окрепли и пошли в школу. После цинги и стоматита выпало много зубов у всех детей, переживших блокаду. Такая вот примета войны...

Леоненко Валентина Ивановна

В один миг мы оказались на пепелище!

Мне было 16 лет, когда началось это ужасное время – блокада Ленинграда. К тому времени я окончила фельдшерскую школу, работала медицинской сестрой. Еду, которую я получала на работе, мы делили между родными. У нас в семье было 13 детей.

В самые первые дни войны мы остались без крыши над головой. В наш деревянный дом попал снаряд, в один миг мы оказались на пепелище. Хорошо, что в доме в этот момент никого не было. Сгорели все наши вещи. Единственное, что мы нашли, это полусогнутый самовар, поварешку и икону. Мы переехали в квартиру умерших. Там не было даже паркета – его уже сняли и сожгли. В квартире стояла только прогоревшая буржуйка. Мы спали на земляном полу, укрыться было нечем, состояние было жуткое.

Я помню свою последнюю встречу с отцом. Он был в ополчении в Красной казарме. Я пришла к нему рассказать, что у мамы украли все карточки. Папа был очень худой и плохо одет. Когда я ему рассказала, что у нас произошло, он упал на землю и начал рыдать. Папа кричал во весь голос: «Теперь мы точно все умрем». Потом успокоился и принес мне 30 грамм пшена, два куска сахара, пару сухарей, маленький сверток табака, сказав, чтобы все это я отдала матери. Он отдал мне свой паек. Я поняла это, когда была уже далеко. Через какое-то время пришло письмо, что отца тяжело ранили, он остался лежать на снегу и, скорее всего, замерз.

Уже после войны мне позвонили и пригласили на открытие памятной доски, на которой было имя моего папы.

Многие мои родственники погибли в Великую Отечественную войну. Папа погиб в 1944-м в Красном Селе, братья лежат по дороге к Берлину. Старший брат не дожил до 50 лет – во время войны он был водолазом, его тяжело ранили и пытали, после этих событий его здоровье было подорвано, поэтому он прожил недолго.

Леснова Валентина Николаевна

Красное и белое

Шел третий год войны.

Шел третий год блокады.

Шел третий год моей жизни.

Я была старше блокады на полгода и на три месяца старше войны. До Победы оставалось еще много дней. До конца блокады было близко.

Когда в марте 1941 года у моей мамы родились двойняшки, был обыкновенный год, обыкновенный март. Это потом, после 22 июня, его будут называть страшным годом, мертвым годом.

В июне 41-го мой отец, капитан, ушел, как положено, на фронт. Сначала на Ленинградский, потом на Западный.

Домой он вернется с орденом Боевого Красного Знамени, с медалью «За отвагу» и с нашитым на гимнастерке защитного цвета прямоугольничком с красными полосочками, это означало, что ранение было тяжелым.

Но это будет потом...

А тогда, тогда в 41-м, моя мама с двумя трехмесячными малышами решила остаться в Ленинграде «Что будет – то будет». Если выживем – вместе, если не выживем – тоже вместе.

Но блокада распорядилась по-своему. Мой брат умер, когда ему было полтора года. Умер дедушка, потому что он был очень большой и ему не хватило еды, чтобы выжить. Умер от голода. Тогда это было обычное дело.

И вот мы остались с мамой одни. По ее рассказам, я знаю, что детям-грудничкам было положено детское питание в виде жидкой манной каши, но почему-то я ее невлюбила. А у мамы – слезы градом – кормить чем-то надо. И она меняла эту кашу на рынке (тогда на «барахолке» можно было поменять все на все) на картошку, которая и была для меня спасением.

Это все я помню по рассказам моей мамы. Но есть блокадный эпизод, который помню я сама.

Зима. Мы опять едем на трамвае № 3, везем в большом узле сшитые мамой теплые вещи для фронтовиков. Каждый делал для фронта что мог. Отец – на фронте. А мама и другие ленинградки – здесь, в блокадном городе.

Мы с мамой ехали на трамвае, в очередной раз везли сшитую для воинов теплую одежду. В большом белом узле. Скамейки в трамвае тогда

располагались вдоль вагона. Я стояла, прислонившись к узлу... Он был такой мягкий. Потом что-то произошло – и мы оказались в подворотне на Садовой, около «Пассажа». Вслед за нами два человека в белых халатах внесли носилки. На них лицом вниз лежала женщина. В зимнем пальто, из которого торчала вата почему-то красного, а не белого цвета. Потом носилки накрыли чем-то белым, и красное пятно стало расплываться по белому... Что было потом, я не помню, но... с тех пор я долго еще панически боялась красного на белом.

В то время в продуктовых магазинах все продавщицы были одеты в белые хлопчатобумажные куртки и почему-то очень любили красить ногти лаком ярко-красного цвета (другого тогда и не было). Так вот, после той подворотни еще долгое время больших трудов маме стоило завести меня в продуктовый магазин. Что-то тогда случилось. И красный цвет перестал тогда быть красивым. Ведь еще совсем недавно я рисовала красные цветы на белом листе бумаги. Что же случилось тогда в подворотне, после чего на меня наводили ужас ярко-красные ногти продавщиц?

А «случилась» война, «случилась» блокада, «случилась» бомбежка, и на носилках лежала женщина, из которой уходил красный цвет, цвет крови, цвет жизни...

«Красное» – значит красивое. Так всегда считалось в народе. Но шла война, и красный цвет стал страшным цветом, потому что до Дня Победы было еще далеко.

Шел третий год войны...

**Литвишко Василий Поликарпович
В блокаду наград не присваивали**

Мой отец Литвишко Василий Поликарпович 1915 года рождения, уроженец села Макагоново Бутурлиновского района Воронежской области. Он защищал Ленинград, прошел всю блокаду до конца. К сожалению, его не стало в мае 2003 года. Из рассказов отца знаю, что служил он во фронтовой разведке, очень хорошо стрелял, и ему выдали снайперскую винтовку, из которой он нанес немалые потери противнику на так называемой охоте – об этом свидетельствовала зачетная книжка, подтверждавшая это, и свидетельские показания, а это были сотни уничтоженных врагов. На мои слова: отец, другим за такое присваивали звание Героя, он отвечал, что в блокаду наград не присваивали. **Из своих многочисленных наград, полученных после, самой дорогой он считал медаль «За оборону Ленинграда».**

Отец очень тепло отзывался о жителях Ленинграда. В том, что они действительно добрые люди, я смог недавно убедиться сам. По наказу отца я приехал теперь уже в Петербург. Это было в январе 2011 года. Первым делом отправился на площадь Победы, чтобы почтить память погибших во время блокады. Выйдя из машины, я пошел к мемориалу. А там круговое движение, все начали мне сигналить, но, увидев, что я возлагаю цветы, стихли и ждали.

Поразил меня и комплекс «Пискаревское кладбище».

Спасибо всем тем, кто отстоял Ленинград! Спасибо тем, кто чтит память погибших во время войны.

Лобанов Петр Кондратьевич
Меня называли маршалом сада!

Петр Кондратьевич работал во время войны главным садоводом Летнего и Михайловского садов города Ленинграда.

Все люди, находившиеся в Ленинграде во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, безусловно, участвовали в обороне города. Я расскажу вам об участии в обороне Ленинграда работников Летнего сада.

Было уже начало самого настоящего лета, посадка цветов в Летнем саду задержалась, и ее пришлось производить в воскресный день – 22 июня. Закончив посадку в партере на берегу Лебяжьей канавки, на старинном рисунке знаменитого зодчего Леблона, я и другие работники сада пошли в сторожку на обед. Проходя мимо павильона Росси, мы услышали из громкоговорителя радио тревожные гудки и сообщение о том, что сейчас будет говорить товарищ Молотов. Мы остановились и услышали сообщение о начале войны с Германией. И мы пошли далее к сторожке, уже омраченные думой об ужасах войны.

Посадка цветов в партере была настолько хороша, что, несмотря на начавшуюся войну, мне было предложено рассказать о ней по радио. В передаче я рассказал, что в центре главного рисунка был посажен уже цветущий темно-фиолетовый гелиотроп, и что он окаймлен серо-зеленоватой цинерарией маритима и сантолином. По обочинам всего партера вдоль дорожек широкой лентой была посажена голубая лобелия с окаймлением ее седумом. Все это создавало скромный и вместе с тем изумительно нарядный и приятный вид.

Молодые работники садов уходили на фронт, а меня пригласили в Управление культурно-просветительного отдела и предложили принять и Михайловский сад. Дирекция сада вывесила объявление, что фотосъемки и зарисовки в саду воспрещены, а работникам сада строго-настрого было приказано сообщать обо всех нарушителях. Война!

Иногда происходили и весьма курьезные случаи. Как-то рано утром работники сада увидели, как в сад вошли три гражданина – двое в штатском и один в военной форме. Работники сада, помнящие строгий приказ дирекции, заметили, что те достали какую-то бумагу и начали на ней что-то записывать и зарисовывать. Одна из работниц, Ф. Дмитриева, немедленно отыскала меня и сообщила мне о происходящем. Я поинтересовался у них, кто они такие и что записывают. Они с усмешкой ответили, что они не находят нужным сообщать мне это, так же как и предъявлять документы, добавив, что они вооружены, и что я с ними ничего сделать не смогу. Я сказал им, что слышал, как в Ленинграде поймали немецких шпионов в форме наших милиционеров, после чего дал три условных свистка и пояснил, что сейчас вызову из комендантского управления наряд для их ареста.

На мой свисток сбежались все сторожа, а наша старая храбрая бабка Марья Степановна Кудряшова (ей было 76 лет) закричала на них: «Показывайте садоводу документы, а то вот как начнем вас метлами хлестать, так все глаза выбьем!» Мы все нервничали, а они спокойно стояли и улыбались. Я попросил работницу сада Нину сбежать в контору и позвонить в комендатуру, чтобы вызвать наряд. Услышав мое распоряжение, подозрительный гражданин в военной форме сказал своим штатским товарищам, что номер, названный мною, правильный, и спросил меня, почему я собираюсь звонить именно туда. Я ответил, что есть такая договоренность. Тогда меньший из штатских, похлопав меня по плечу, сказал: «Ну здорово же у вас поставлено дело. Молодец! Придется показывать документы». Оказалось, что это были начальник Дзержинского укрепленного района майор Коробицын, председатель Дзержинского райсовета Горбунов и председатель Ленинградского совета Попков. Все трое сказали нам: «Вот если все так будут охранять свои посты, то немец к нам не попадет!» Потом они сообщили, что в саду будут рыть траншеи.

Дня через два пришли военные. Я спросил, где они будут рыть. Тов. Горбунов, показав на одного из военных, заявил, что, поскольку тот подполковник, то знает, где рыть. Я ответил, что, где рыть, он, возможно, и знает, но, где рыть траншеи и при этом не губить деревья, он не знает. Военный, назвавшись подполковником Приваловым, согласился со мной и, смеясь, назвал меня маршалом сада и объявил, что рыть траншеи будут

только по согласованию со мной. И так ежедневно, пока все траншеи не были вырыты, места для них согласовывали со мной.

Установить полный порядок в саду не удавалось, так как сторожей в саду оставалось мало, а шалунов и безобразников было весьма много. Постоянная борьба велась с перебежавшими с места на место футболистами и волейболистами, все они вытаптывали газоны, ломали кусты и ударяли мячом по скульптурам. Искоренить запрещенные к этому времени фотосъемки и зарисовки также было невозможно.

Однажды, скашивая засохшую траву, я увидел трех молодых людей, прислонившихся к скульптуре для фотосъемки. Я подошел к ним и объявил о вывешенном объявлении. Уверив, что вполне этому подчиняются, они отошли от скульптуры. Ровно через неделю я получил по почте фотокарточку со своим изображением с запиской: «Извините, дедушка, что мы тебя засняли». Наверное, они сделали это, укрывшись за толстыми деревьями.

Много и других безобразий происходило в саду. Как-то в воскресенье сторож Кудряшова сказала, что у Лебяжьей канавки на газоне разлегался военный с целой семьей. В ответ на ее замечание он показал ей револьвер – молчи, говорит, и не кричи, я, мол, НКВД! Я отправился вместе со сторожем к месту событий и предложил «отдыхавшим» встать с газона и сесть на скамейку. Военный заявил, что не встанет, так как лежа ему удобнее наблюдать за какими-то преступниками. Заявив ему, что он плохой работник НКВД, раз рассказывает об этом всем, я вторично предложил ему встать. Он опять отказался подняться. Тогда я сказал ему, что сейчас позвоню в НКВД, чтоб они прислали уполномоченного для проверки документов. Он тут же поднялся и стал просить меня, чтоб я не звонил. Много-много всяких случаев было в саду – всех и не перечить.

Имущество дворца-музея Петра I было перевезено в Исаакиевский собор, туда же переехала контора дирекции сада и научные сотрудники музея. Неоднократно разрывавшиеся вблизи дворца бомбы и снаряды разбивали стекла, а иногда и целые рамы. В павильон Росси попал снаряд и разрушил часть его со стороны Мойки.

Осенью сад заняли войска. В помещении дирекции и сторожке разместились военные. Нам предложено было перебраться в Михайловский сад. Мне и работнице Виноградской разрешено было приходить в Летний сад днем для работы. В Михайловском саду тоже разместились войсковая часть, команда ПВО и население рыли траншеи.

Первая бомба, которую я видел, с визгом упала в дом на набережной реки Мойки, у памятника Жертвам Революции на Марсовом поле. **Бомбы, падавшие на газоны в садах, иногда взрывались, выбрасывая вверх землю и делая большие воронки, а иногда уходили глубоко в землю не разорвавшись. Неоднократно в Летнем саду эти бомбы пытались доставать, но тщетно: рыли на глубину до пяти метров, а ниже плывун, так что достать не удавалось.**

Однажды я и другие работники сада обедали в павильоне Росси в Михайловском саду, вдруг почти одновременно с трех сторон павильона упали и взорвались три бомбы: одна попала в дорожку, другая – в дерево, третья – в Мойку. Павильон качался из стороны в сторону, и мы все упали на пол. Прошло минут пятнадцать, мы стали немного приходить в себя, осмотрелись и не нашли бабку Марию Кудряшову. Тут мы услышали смех работницы Нины, которая указывала нам на торчащий из-под стола зад бабушки Марьи. Оказалось, что она, упав на пол, голову свою спрятала под стол. Тут, конечно, мы все рассмеялись. Поскольку дольше оставаться нам в павильоне было нельзя, я предложил укрыться в ближайшую траншею. Мы спустились в большую траншею, подготовленную под лазарет на краю поляны, рядом с самым большим дубом в саду. **Только мы успели войти в траншею, как вдруг рядом с нами раздался оглушительный взрыв, и нас всех по шею затопило водой. Вода ушла так же быстро, как и появилась, так как в траншее было два выхода. Немного опомнившись от ошеломившего нас ужаса, мы вышли наверх и увидели в конце траншеи тот самый дуб, выброшенный бомбой из земли.** В этот день мы дважды пережили ужас. По счастливому случаю, никто не пострадал, только сильно промокли. Мы вернулись обратно в павильон Росси, затопили печурку и начали подсушиваться.

Мы с Виноградской ежедневно ходили в Летний сад. Не имея возможности справиться с опадающей листвой вдвоем, я попросил военных помочь нам сгрести листья, объяснив им, что при падении зажигательных бомб на землю листва может загореться, взорвать кучи снарядов и уничтожить весь старинный уникальный сад. Они охотно согласились и вместе с нами стали сгрести листья. «Война войной, а жизнь жизнью», – думал я, натываясь на прижавшихся друг к другу на скамейке лейтенанта и врача стоявшей в саду войсковой части. При моем к ним приближении они отодвигались друг от друга. Я иногда говорил им: «Женитесь уж, раз полюбили друг друга».

Однажды утром, зайдя в Летний сад, я увидел, что приехало еще несколько больших грузовых машин. Оказалось, что это мостовики. Одна из машин заехала на газон и повалила 16-сантиметровый хороший клен. Меня это так

возмутило, что я сразу же побежал в павильон, где находились военные, и громко закричал: «Что вы, товарищи, делаете, защищаете или разрушаете?!» Сказав им, что мы должны беречь наше уникальное государственное добро, а не уничтожать, я предложил им этот клен сейчас же восстановить. Привязали на высоте трех четвертей роста клена трос и три проволочные расчалки. Привели в действие машину, и она, двигаясь вперед, поставила клен на место. Расчалки прикрепили к трем ближайшим деревьям, а трос сняли. Клен прирос. Он стоит и по сей день на газоне у хозяйственного двора со стороны Инженерного замка.

Хлеба стали давать мало: рабочим – 250 грамм, а служащим и иждивенцам – по 125 грамм. Водопровод не действовал. Всюду на Неве, Фонтанке, Мойке и канале Грибоедова голодные, еле передвигавшиеся люди спускались на лед, черпали из прорубей воду ведрами, чайниками и кастрюлями, несли или везли ее на детских санках домой. Света тоже не было, и ночью весь город во мраке почти совсем затихал. Покой нарушали упавшие где-либо бомбы, снаряды или зажигалки. Вместе с грохотом рушащихся зданий слышались крики и стоны погибающих людей. Иногда такие ужасы продолжались всю ночь. Выли сирены, еле держась на ногах, а иногда ползком, торопились люди в укрытие. Потом трубили отбой, и кто как мог выбирался из укрытий.

На Неве стояли обмерзшие льдом суда. Улицы и набережные почти не расчищались, дворы почти сплошь представляли собой уборные и свалки всякого мусора. Многие из умерших на улицах людей так и оставались лежать, так как их родственники не имели возможности их разыскивать. На углу Невского и Фонтанки долгое время стоял автобус, под которым лежали замерзшие люди. Тяжело было на это смотреть, но помочь никто не мог.

На улицах вдоль стенок домов стояли большие очереди в магазины за пайком. Иногда упавшая в Неву или Фонтанку бомба убивала или оглушала находившуюся вблизи рыбу, которая всплывала кверху брюхом. С горечью в сердце смотрели голодные люди на эту рыбу, но достать ее были не в силах. Были, конечно, и счастливые случаи, когда рыба проплывала рядом со спусками к воде, и ее вылавливали, но такое бывало весьма редко.

Я жил в ближнем пригороде, поселке Ольгино, откуда ежедневно ездил в Ленинград на работу. Поезда стали ходить плохо и не по расписанию, в зависимости от военных действий. Идешь, бывало, на вокзал, вдруг – тревога, взрывы снарядов или бомб. Однажды, торопясь на вокзал по Литейному мосту, я услышал визг снаряда, который упал в воду позади меня. Я побежал в сторону

вокзала, но вскоре услышал несколько разрывов снарядов с той стороны и увидел людей, бегущих навстречу. На углу улиц Лебедева и Комсомола лежала убитая стрелочница трамвая. Стараясь держаться поближе к стенам здания, я побежал к вокзалу по улице Комсомола. У памятника Ленину лежали убитые и барахтались раненые. Я, как ошалелый, пробежал на платформу и вскочил в стоявший там поезд. Промчавшись почти по всем вагонам и никого не встретив, я выскочил из поезда; тут я заметил, что кто-то в конце платформы открыл люк. Я побежал туда, открыл дверцу, увидел внизу людей и тоже спустился. Обстрел тем временем продолжался. Через несколько минут люк открылся, и что-то с грохотом и шумом свалилось к нам вниз и облило всех находившихся в помещении чем-то жидким. Все молчали. Помещение было маленьким, в нем нашли убежище служащие дороги, милиционеры и несколько пассажиров. Когда дали отбой, мы открыли дверь и обнаружили, что мы все грязно-белые – последней в нашу траншею, не разглядев ступеней, свалилась бабушка с большим кувшином простокваши, которую она несла в детские ясли. Кто-то начал ругать старуху, а другой сразу возразил, что она, как и все мы, спасала свою жизнь; виновата не она, а война.

Бывало, придешь на вокзал, спрашиваешь, когда пойдет поезд, говорят, не знаем. Подождешь часа два-три и пойдешь пешком, а поезд по пути пройдет мимо тебя. Или отвечают, что поезд пойдет скоро, – ждешь-ждешь, а потом скажут, что поезд не пойдет вовсе, и опять идешь пешком. Мучением было и ездить в поездах. Ходили они один-два раза в день. Набьется народу столько, что еле влезешь, и тут объявляют, что ввиду военных обстоятельств поезд не пойдет, и все, вспотевшие, вылезают обратно и опять идут пешком. Потом движение поездов совершенно прекратилось. Трамваи тоже остановились.

Я ночевал в холодном павильоне Росси в Михайловском саду. Из-за нехватки питания я два или три раза в неделю ходил пешком под бомбежками и обстрелами домой подкормиться плодами и ягодами, выросшими в моем придомном саду. Повидав жену, Марину Илларионовну, и сына Андрея, утолив голод и взяв с собой запас, я возвращался на работу.

По дороге я видел много людей, погибших от голода и убитых вражескими снарядами и бомбами. Тела валялись на дорогах и у стен зданий. Почти всю зиму не убирали тело шофера, который замерз и сидел около своей машины у Новой Деревни. Встречалось много истощенных людей, тащивших на фанере или на санках тела своих родственников в морг или на кладбище. Сколько людей, шатаясь, как тени, опираясь на стены зданий, бродили по улицам в поисках пищи. Некоторые заходили в сады, столовыми ложками или вилками выкапывали корни одуванчиков и ели их. Многие там же и умирали. По утрам

приходила команда МПВО и уносила тела в морг в церкви на канале Грибоедова. **Приходилось уговаривать людей не рубить садовые деревья на дрова и не обдирать кору для лечения от цинги и поноса. Некоторые из них в экстазе борьбы со смертью угрожали зарубить топором, зарезать ножом, заколоть вилкой. Много терпения и энергии требовалось для уговоров некоторых разбушевавшихся посетителей сада. Дрова и кора заготавливались нами из погибших при бомбежках деревьев для отопления сторожки и нужд работников сада, и часть заготовленного приходилось отдавать находившимся на краю гибели посетителям.** Невозможно было удержать слезы при виде лежавших на траве голодных живых и мертвых людей!

Я думал: если бы вместо этих декоративных деревьев в садах и парках Ленинграда и по обочинам дорог росли бы плодово-ягодные растения, то многие бы люди спасли свою жизнь. Ведь моя семья и другие люди, жившие в Ольгино, имея сады, добавляли к своему голодному пайку плоды и ягоды, что спасало их от голода. Мне вспомнилось, что и в деревне в Рязанской губернии, откуда я родом, в годы засухи и других бедствий люди тоже питались плодами. Тогда и после на всех собраниях я стал предлагать вместо чисто декоративных деревьев и кустарников сажать плодово-ягодные растения.

Шестого апреля 1942 года около семи часов вечера прямо в Летний сад было сброшено несколько корзин с зажигательными бомбами. Некоторые из них упали на сложенные там снаряды, и те взорвались. Погибло много людей, находившихся рядом с садом. В этот момент я находился у ворот сада со стороны Инженерного замка. Услышав взрывы, я выбежал за ограду и лег за гранитный цоколь решетки сада.

Весной 1942 года начали производить очистку дворов и улиц. 10 апреля директор Летнего сада Н. Я. Крылов предложил мне восстановить разрушенный сад Дворца пионеров и подготовить его к гуляниям и проведению спектаклей. Я согласился. Утром следующего дня я отправился в сад Дворца пионеров и увидел, что в него попало несколько бомб, разбито и поломано много деревьев и кустарников. Большой летний круглый театр был разрушен, на его месте находилась огромная воронка. В саду стояли снятые с Аничкова моста две скульптуры коней со всадниками.

Работы по восстановлению надо было выполнить срочно. Я тут же набросал в блокноте план восстановления. Вскоре из дворца вышла комиссия по восстановлению сада в составе зампреда Ленгорсовета тов. Федоровой Е. Т., замначальника Культурно-просветительного управления тов. Речинского

П. И., директора Дворца пионеров Штейнгарда Н. Н. и директора Летнего сада Крылова Н. Я. Комиссия одобрила и утвердила составленный мною план.

Разбитый театр был разобран на топливо для будущего ресторана, а в воронку собран весь валявшийся в саду мусор, и сверху разбита клумба. Эта клумба существует и по сей день, она находится напротив буфета. Затем были убраны поломанные и разбитые деревья и кусты, залечены и приведены в порядок оставшиеся. Мы привели в порядок садовые дорожки, выровняли и засеяли травой газоны, устроили и засадили цветами клумбы. **Скульптуры коней Клодта были обмазаны тавотом, защиты досками и спущены в специально вырытые ниши, а затем засыпаны землей. Когда сверху взошла трава, эти укрытия выглядели как естественные курганы, так что гуляющие в саду и не подозревали, что в них скрыты скульптуры.**

Работы по восстановлению сада проводились военными под моим руководством. Работали дружно, стремясь к поставленной цели – восстановлению сада отдыха. Садовые постройки восстанавливали учащиеся ремесленных училищ под руководством директора сада Барского. Из-за обстрелов работы прекращались по несколько раз в день, но сад был готов к открытию к назначенному сроку. За успешное проведение работ всем участникам подготовки сада в приказе управления по делам искусства Исполкома Ленгорсовета от 20 июня 1942 года была объявлена благодарность.

В начале лета 1942 года воинские части вывели из Летнего сада. И в Летнем и Михайловском садах работникам учреждений было разрешено сажать овощи. Трудно было совладать с огородниками: хотя им и были отведены места для посадок, они самовольно лезли копать где попало, портя при этом корни деревьев и кустов. Народ был голодный, злой и на всякие замечания чуть не каждый раз угрожали лопатой. Круглую клумбу на главной аллее Летнего сада вблизи памятника Крылову засеяли овощами: в середине клумбы – три кочана капусты, далее несколько рядов свеклы и окаймление бордюром из моркови. В сентябре и октябре 1942 года в сады приходили рабочие табачной фабрики им. Урицкого, собирали листья и увозили их на фабрику для того, чтобы добавить в смесь с табаком.

Однажды осенью 1942 года я ехал вечером домой, и вдруг на выезде из Новой Деревни наш поезд осветился необыкновенно ярким светом – это светил прожектор самолета. Машинист пустил поезд на полную скорость, и мы, пассажиры, с ужасом смотрели на летевший над нами самолет и ждали бомб. Мы необыкновенно быстро доехали до Лахты, поезд резко остановился, и кто-то крикнул: «Вылезай, беги!» Все поспешно, давя друг друга, выбежали из

вагона в разные стороны, дальше от состава. Поезд остался стоять на станции, а аэроплан полетел дальше. Это было ужасно!

7 ноября 1942 года дали свет, вскоре пошли и трамваи. Подспорье с огородов да и с Большой земли немного ободрило людей. Нам пришлось пережить многие ужасы войны, но оглушительные выстрелы из больших орудий с площади Жертв Революции внушали бодрость и уверенность в победе.

18 января 1943 года была прорвана блокада, и жизнь в Ленинграде оживилась надеждой на скорое полное освобождение от блокады. Люди стали веселее.

Весной 1943 года под моим руководством был восстановлен сад «Буфф». Были убраны засохшие и разбитые деревья, засажены цветами клумбы и рабатки, засеяны травой газоны, восстановлены дорожки, площадки, частично разрушенные здания театра и буфета. Днем сад был открыт для гуляний, а вечером для проведения концертов. Весной же 1943 года была восстановлена вся территория вокруг домика Петра I на Петроградской стороне. С правой стороны домика был создан маленький партер с зеленым газоном, окаймленным широкой лентой из цветов.

Был и такой курьезный случай. В начале июля 1943 года на хоздвор Летнего сада быстрой походкой вошел очень прилично одетый гражданин, который громко поинтересовался, кто здесь старший. Ему ответили, что старший здесь садовод Лобанов, и он потребовал позвать меня немедленно. Не успел я войти, как товарищ стал кричать: «Почему у тебя в саду валяются кучи камней? Безобразие! Надо их немедленно вывезти из сада или зарыть!» Обидевшись на его крики, я спокойно, с усмешкой сказал ему: «Зачем нам закапывать камни, когда мы скоро собираемся укладывать их на свои места?» Тут он немного поостыл и сообщил, что он начальник управления по делам искусств Загурский. Тогда я извинился, что не знал его, и рассказал ему подробно, что эти камни изъяты из грунта при рытье траншей и укрытий для скульптур, и что при восстановлении сада они вернутся на свои места. Мы обошли весь сад, и я показал ему воронки, где упали бомбы, разбитую набережную Фонтанки, павильон Росси, дворец Петра I и Чайный домик с разбитыми стеклами и вырванными рамами. Осмотрев все, он сказал: «Ну что делать, война!» И, очень вежливо попрощавшись, ушел.

На следующий день утром в сад пришел молодой человек в военной форме и представился мне корреспондентом центральной «Правды» Рудневым. Я ему рассказал, какие ведутся работы в саду, показал некоторые повреждения. Через несколько дней я прочитал в московской «Правде» от 11 июля 1943 года статью Руднева «Лето в Ленинграде», в которой он, в частности, написал: «Летний сад

даже в дождливый день прекрасен. Статуи убраны, и оттого сад выглядит не таким нарядным, а более суровым. Кое-где зияют воронки. Исчезли десятки старых деревьев и много деревьев, расщепленных осколками снарядов. Но Летний сад не погиб, его спасла забота верных людей. Вот дуб, по преданию посаженный самим Петром I, липы – иным из них по двести лет и более, – вяз, ясень, клен, каштан – богатство собрано тут и выращено веками! Много труда и забот вложил сюда старый друг растений Петр Кондратьевич Лобанов. В тяжелую зиму он не покидал сада, самозабвенно оберегая его, лечил больные деревья. Отлучался он домой на станцию Ольгино; туда и обратно шел семнадцать километров пешком по занесенной снегом дороге. Летний сад радуется чистотой и здоровьем, аллеи подметены, газоны выкошены, нигде не видно мусора и сухих листьев, все это вовремя собрано и сожжено. Зеленеют огороды школьников, разбитые вокруг памятника Крылову, укрытого бревнами, в большую клумбу высажены цветы».

Ко всем ужасам войны прибавилось еще одно большое несчастье: был убит мой друг Лев Петрович Шишко. Накануне своей смерти при встрече на Лахтинском вокзале он сказал мне: «Я чувствую себя скверно, как будто надо мной что-то висит, хочет раздавить меня». Я заметил на нем новый галстук и, слегка улыбнувшись, спросил: «Не собираешься ли ты сегодня к какой-либо в гости и боишься, что тебя там убьют?» «Да, ты угадал, я сегодня пойду в гости, но не думаю, чтоб меня там убили». В тот день, принимая работы по ремонту садовых дорожек, я задержался на работе на два часа и, приехав на вокзал в Новой Деревне, встретил Льва Петровича в привокзальном садике. Рядом с ним стоял предмет, завернутый в белую тряпку. Рассмеявшись, я сказал, что впервые вижу его с пакетом. Он, как-то тяжело вздохнув, отвечал, что действительно впервые в жизни едет с пакетом, что он был в гостях у племянницы, которая где-то достала муки, угостила его напеченными лепешками, а остатки теста велела отвезти жене в горшке. В Лахте мы сошли с поезда, и он, ворча, что никогда даже портфеля не носил, а тут приходится ему нести горшок с тестом, отправился домой вдоль полотна железной дороги. В воскресенье после обеда мы с женой пошли на огороды в деревне Бобыльской и на полпути услышали взрыв, а затем увидели дымок где-то у полотна железной дороги в Ольгино. За время войны мы уже привыкли к взрывам и пожарам и, не придав этому большого значения, продолжили путь. На обратном пути люди сказали нам, что профессор Шишко сгорел в своем доме. Я остановился, и как будто во мне остановилась и вся жизнь. Не помню, сколько времени я так простоял. Потом жена взяла меня под руку и повела домой. Когда мы пришли домой, я повалился на диван и долго плакал, приговаривая: «Злодеи, изверги, звери, зачем вы убили Льва Петровича?!» Жена предлагала пойти посмотреть, но я, рыдая, отвечал, что не хочу видеть его убитым, а хочу навсегда запомнить живым.

Спустя некоторое время я встретил невестку Льва Петровича, которая подробно рассказала мне об обстоятельствах его гибели. Он сидел в своем кабинете, и вдруг его жена, Вера Александровна, услышала из соседней комнаты сильный удар и грохот. Открыв дверь, она увидела Льва Петровича сидевшим неподвижно за столом и державшимся за голову рукой; тут раздался второй сильный взрыв, и все загорелось. Ее воздушной волной выбросило назад в комнату, и больше она ничего не помнила. Поскольку был воскресный день, на улице были люди, они вбежали в загоревшийся дом и вынесли Веру Александровну. Когда приехали пожарные, горел уже весь дом, и спасти ничего не удалось. Здание вместе с трубами свалилось в груды, горело и тлело целую неделю. Сгорело все имущество, погибла и вся библиотека.

Нашли нижнюю часть туловища Льва Петровича и похоронили ее на Лахтинском кладбище. Потом, постепенно разрывая пожарище, находили разные части тела, их собирали в одно место, а затем захоронили и поставили на этом месте небольшой крест. Лев Петрович Шишко был одним из первых награжденных медалью «За оборону Ленинграда».

22 июня 1943 года был призван на войну наш сын Андрей, директор ольгинской школы. В августе того же года, защищая родину, он погиб в Синявинских болотах.

Лобызова Ирина Ивановна
Кровь переливали из вены в вену

Лобызова Ирина Ивановна, 1925 года рождения. Родилась в Кировской области, участвовала в обороне Ленинграда. Закончила медицинский институт, всю жизнь проработала врачом-терапевтом в Латвии, в Литве, в Москве. Ветеран войны, награждена многочисленными медалями.

В 1943 году я окончила десять классов. Это было самое тяжелое время, война была в разгаре. Наши отступали, немцы заняли немалую территорию. Магазины сразу все закрылись: если у вас иголка сломалась – вы ее не купите, пуговица оторвалась – будете просить у соседа, он может не дать, чтобы оставить себе на будущее.

После окончания школы мне некуда было податься: институты закрылись, производства в нашем районном центре во время войны не было, школы закрыты, много эвакуированных. То есть совершенно некуда себя употребить. Мой брат и моя старшая сестра уже были на фронте. Сестра со своей подружкой

пошли добровольно, через военкомат. Брата взяли в армию по возрасту, ему уже исполнилось 18 лет. Мы с подругами, три девочки, собрались и тоже пошли в военкомат. Но в это время призыв, видимо, притормозили, и нас не стали забирать. Нам предложили поехать в областной центр, в Киров, где в это время была большая больница и Институт переливания крови. Там формировали санитарный поезд для перевозки тяжелораненых с Западного фронта, из Калинин, Псковской и Ленинградской областей. Этот поезд был настоящим военно-полевым госпиталем. Все врачи были военными, но мы, поскольку пришли добровольцами, присяги не давали, нас просто поставили на довольствие. По пути следования поезда к нам подходили молоденькие девочки, и, если требовались помощники по уходу за ранеными, их тоже принимали.

В поезде я работала до середины 1944 года, выполняла работу санитарки. Когда наши войска пошли освобождать Ленинградскую область, я попала в военно-полевой госпиталь в Ленинграде. Там я выполняла почти все обязанности медсестры, кроме внутривенных вливаний. Меня поставили на довольствие, давали что-то из одежды.

В 1944 году я узнала, что Первый ленинградский медицинский институт имени академика Павлова начал прием поступающих на первый курс. Объявить набор по всему Советскому Союзу они не могли, город был закрыт, даже ленинградцы не возвращались, все было разбито, мертвый город. И студентов для первого курса стали набирать по военным госпиталям, брали даже с 8-ю классами образования из пригородов. Наша старшая медицинская сестра, очень больная женщина, тоже поступила, хотя ей было уже 35 лет. И я попала в эту струю. На территории института располагались госпитали, профессура осталась еще довоенная, так что я считаю, что мне очень повезло, и изменила свою судьбу в лучшую сторону.

Я начала учиться с октября 1944 года, при этом продолжала работать до начала следующего года. Я работала в перевязочной, могла заменить профессиональную медсестру, делала уколы, ставила банки, горчичники, делала все, кроме внутривенных вливаний. **Особенно хорошо у меня получались перевязки. За то время, что я там работала, у меня дважды брали кровь для переливаний – я была хоть и маленькая, но крепкая. Среди раненых попадались командиры, их старались спасти в первую очередь, так что кровь переливали прямо из вены в вену.**

В Ленинграде была карточная система. Чтобы получить новую хлебную карточку, надо было принести корешок от предыдущей и сообщить место работы. Поскольку я уже нигде не работала, то питалась в госпитале. Там было

навалом каши, давали суп, иногда из одной свеклы, хлеб, макароны, вторые блюда из сои, сахар, никто не голодал, но было небогато. Через месяц я получила хлебную карточку, студенты тогда получали 400 грамм черного хлеба и 200 грамм белого. Еще были маленькие карточки на крупу, жиры, мясо. Приходишь в студенческую столовую, выстоишь очередь за кашей или киселем, и сколько-то клеточек у тебя из этой карточки вырезают. Все это учитывалось и подклеивалось. Хлеб выдавали только на один день – студентам невозможно было выдать впрок, сразу же все съедали.

Общежитие было сильно разрушено, не было ни стекол, ни рам – все сожгли в блокаду. Жить было негде, и старшая медсестра нашего госпиталя прописала меня у себя. Ей было тяжело учиться, так что я ей во всем помогала, а она мне.

Транспорт почти не ходил, при мне ходил один автобус. В свободное от учебы время мы помогали восстанавливать город.

В нашей группе были и ленинградцы, три человека, но мы никогда не говорили про войну. Мы слышали истории, как родители отправляли детей в детские сады, переправляли через Ладожское озеро на баржах, как эти баржи бомбили, и это судно вместе с детьми уходило под воду прямо на глазах у их родителей, на воде оставались одни панамки!

Много людей умирало, хоронить было негде, и тела оставляли во дворах, их забирали специальные службы. **Дети говорили матерям, что если будут умирать, то будут умирать тихо, чтобы мама не плакала.**

В Ленинграде работали заводы по ремонту техники, делали оружие, детали. Нас, как студентов, на производстве не использовали, но привлекали к разгрузке вагонов. Когда ночью привозили уголь, товарные вагоны с ним нужно было разгружать.

Никаких брикетов, только лопата. Иногда за эту работу платили по три рубля. Утром мы приходили все чумазые, переодеться особо было не во что. Отмываться было негде, в общежитии туалет общий для всех. В Выборгском районе была баня, мы ходили мыться туда, но нечасто.

Я была награждена медалью «За победу над Германией», которая была учреждена вечером 9 мая 1945 года, «За оборону Ленинграда», учрежденной в 1943 году, мне ее дали, когда наши уходили в Прибалтику. Разные есть – «За боевые заслуги», юбилейные. На правой стороны вешаются те, что выдавали в мирное время, – орден Отчужденно войны, медаль от Академии медицинских

наук, почетного ветерана... Я не считаю, что совершила в годы войны какой-то подвиг, просто жила жизнью, которая была вокруг.

Луговая Ольга Сергеевна
Мама у меня была бойцом армии

Мне не было и двух лет, когда началась Великая Отечественная война. До октября 1945 года я из Ленинграда никуда не выезжала. Война и блокада уместились в первой пятилетке моего детства. Авторитетные педагоги говорят, что формирование человеческого ума заканчивается к пяти годам, значит, верить мне можно. Конечно, я далеко не Лев Толстой, но неприятные переживания по поводу пеленания моей персоны в ватное одеяло помню еще с довоенного времени.

Ясли и очаг (тогда так называли детский сад), где я находилась круглосуточно до окончания войны, помнятся ярко и достаточно подробно, может, потому, что больше помнить было нечего. Всем, что зацепила память и отразил мой ум до весны 1945 года, я и постараюсь поделиться. Поскольку свидетелей моей казенной жизни я не повстречала, то остается пользоваться только своими ощущениями и представлениями о событиях, пережитых в детстве.

Моя семья проживала по Социалистической улице, в доме № 5, в квартире № 2. Комната наша располагалась в большой коммунальной квартире на втором этаже над самой аркой дома. По причине такого расположения помещение было особенно холодным, и, казалось, не было никаких сил натопить его. Обязательным в моей одежде тогда было присутствие ватничка, стеганного заботливыми руками моей бабушки. Проблема тепла была мучительна в нашей семье, и неудивительно, что я, проникшись общими заботами по этой части, хотя и будучи тогда всего двумя годами от роду, решила однажды взять эту тяжкую заботу на себя. Помню, как принялась таскать дровишки из коммунального коридора прямо к нашей ненасытной печке. Каждое полешко я брала на плечо и, представляя себя солдатом с винтовкой, как папа на фронте, трудилась до победного конца. Окончанием благих намерений стал момент, когда соседка обнаружила пропажу своей охапки дров. Слезные протесты и крик моей души не помогли. Справедливость восторжествовала не в мою пользу.

Дальше жизнь становилась сложнее и сложнее во всех отношениях. Через пару месяцев после первых же страшных морозов лопнули водопроводные трубы. Вода застывшим водопадом преобразила нашу лестницу. Я находила создавшуюся картину очень красивой. В памяти отметилось, что лед был более

толстым и многослойным у самых перил и приходилось старательно пробираться к себе на этаж по стеночке.

Радио в углу нашей комнаты привычно звучало стуком метронома. Черная тарелка предупреждала о начале тревоги, сопровождая объявления нарастающим воем сирены и частенько звуком разорвавшейся бомбы. В перерывах между бомбежками, хоть и не часто, но все же звучали песни военной поры, такие как «Синий платочек», «Катюша», «На позиции девушка» и особо мной любимая «Землянка», которые с тех пор всю жизнь и напеваю.

После первой же бомбежки окна нашего дома оказались без стекол – их вышибло взрывной волной. С этого дня и почти до конца войны мы стали жить с заколоченными окнами, а позже – уже со ставнями.

Во время бомбежек привычно наблюдала, как от ударной волны все становится подвижным, стены комнаты как будто ходят ходуном и прогибаются, как занавеска в окне от порыва ветра во время грозы. Потолки от таких серьезных испытаний покрывались многочисленными трещинами.

После маминого ухода на фронт добровольцем, я была перемещена этажом ниже, в квартиру своей бабушки Камочки, где когда-то в своем детстве жила и моя мама.

Так и поживали мы с Камочкой, пока она не умерла от голода блокадной зимой 1942 года. А бабушке моей было тогда всего 48 лет. Не знаю и не представляю, кто сообщил маме о бабушкиной смерти, и что было со мной до прихода мамы. А ведь бабушкина квартира была отдельной, и мы проживали с ней вдвоем. Ни мама, никто другой никогда при мне на эту тему ничего не говорили. Но много раз слышала из «взрослых разговоров», что наша Камочка умерла во сне, обнаружив накануне пропажу продовольственных карточек. Вот, видимо, с этим потрясением и не справилось ее сердце. Четко помню, как меня, «чтобы не лезла к покойной бабушке», отправили к маминой школьной подруге Нине Вехновской на улицу Марата, 65. Сложность была в том, что мама Нины сошла с ума от голода и все время кидалась душить свою дочь. Меня же она не трогала, так как, видимо, на всех не было сил. Подруга мамы потом не раз напоминала, что я была пискуша да еще и золотушная.

Срочно вызванной из военной части маме пришлось в короткий срок подготовить все к захоронению. После того как мама отвезла на саночках Камочку, мою бабушку, зашитую в простыню, на Волковское кладбище к вырытым траншеям и, расплатившись хлебом, вернулась, настал черед заняться устройством моей персоны. Моя домашняя жизнь закончилась и началась

казенная. Я была моментально зачислена в круглосуточные ясли, так как мама у меня была бойцом армии. Среди детишек я, оказавшись самой маленькой, была определена в среднюю группу, очень скучала по дому, но на мое жалобное «хочу домой» ребятня с готовностью запевала жутковатую песенку: «Ты пойдешь домой. Там сидит хромой! Он ботинки сушит! Он тебя задушит!» В результате мне оставалось молча тосковать и ждать волшебного появления мамы. Мама навещала меня нечасто и очень коротко. Она всегда приходила неожиданно. Внезапно появившись, нежно приласкав меня и обещав скоро прийти, если я плакать не буду, еще раз поцеловав, быстро исчезала. Я это «скоро» понимала буквально и неотрывно долго потом глядела в ту сторону, куда она скрылась. Осознав, что мама не вернется, изо всех сил старалась сдерживать рыдания, боясь нарушить обещание и надеясь на скорое чудо...

Как-то мама появилась во время тихого часа и, обласкав меня с обещанием скорой встречи, так же быстро исчезла. Я, как всегда, безмятежно принялась ждать, а потом безутешно рыдать. А потом, затаив дыхание, стала ожидать каждого тихого часа как хорошую примету. Видимо, с тех пор у меня зародилось внимание к приметам. Приятно вспоминать одну из наших встреч, случившуюся летом, когда мы с мамой, уютно устроившись под деревом, с удовольствием рассматривали необыкновенные сокровища из мирного времени, вынимая их по штучке из ее планшетки: маленький серебряный молоточек с костяной ручкой, малюсенькие из слоновой кости мамонтонок и такой же слоненок, – все было выточено очень тщательно, а завершала это богатство пустая мамина серебряная пудреница с букетиком полевых цветов на эмали – свадебный подарок. От всего этого веяло чем-то сказочным.

Я была страшно застенчива и в начале долгожданного свидания с родителями, будь то папа или мама, даже дичилась, замерев, привыкала к своему счастью, а уже после, осмелев, начинала смеяться от радости... Очень редко маме удавалось получить увольнение на сутки, и тогда она меня забирала домой.

Вот тогда зимой из наших яслей по Воронежской улице, сильно заваленной снегом, мы отправились домой. Мама посадила меня на саночки, и мы быстро двинулись к дому. Она торопилась из-за сильного мороза и берегла время, отпущенное для побывки. Тропинки, протоптанные прохожими на проезжей части улицы, были неровные, с ухабами, и я, вцепившись в спинку саночек, трусила, особенно на поворотах, когда, случалось, санки опасно накренились в ту или иную сторону. Мне, очень маленькой росточком, веревка на санках казалась слишком длинной, а мама – очень далеко. Я опасалась, что санки перевернутся, я вывалюсь и, закутанная по самые глаза, в толстый шерстяной платок, не смогу докричаться до мамы и останусь одна-одинешенька на дороге,

пока меня не подберут чужие люди и не съедят, а мама не будет знать, куда же девалась ее дочка. Вот такие страшные переживания мучили меня по дороге домой.

Но все обошлось, до дома добрались без приключений. Печка вскоре была истоплена, еда до крошечки съедена. Уставшая мама старается, прикорнув на малиновой бархатной кушеточке, вздремнуть хоть немножко в домашнем уюте. Она просила меня поиграть в игрушки, дав ей чуть-чуть поспать. Перед получением увольнительной ей приходилось работать лишние сутки. Все это по-своему себе представляя и очень нежно любя свою маму, я все не могла справиться с желанием неотрывно на нее смотреть и при этом тихонечко, как мне казалось, слегка, чтобы она даже не почувствовала, дотрагивалась пальчиком до ее век, и даже до ресниц. Неотступно крутятся рядом, опираясь на валики дивана локтями, заглядывала ей в лицо, мучаясь угрызением совести, чуть слышным шепотом спрашивала, спит она или нет и т. д. Оставить ее в покое было свыше моих сил. А как только мама, чуть полежав, вставала, я сразу погружалась в свои игрушки и играла взахлеб все остальное время.

Как приятно нам, малышам, было слышать от взрослых, а потом с важным видом повторять «а вот в мирное время...». Мы, детишки, между собой часто рассуждали на тему: «Мир. Мирная жизнь». Мы ничего толком не помнили, но зато с удовольствием фантазировали. **Замученные постоянным тасканием по бомбоубежищам и изнуренные пребыванием там, в страшной духоте, мы представляли такую картину «Мира»: мирно стучит метроном, в небе тишина, все сладко и сколько угодно спят в очень теплых кроватках...** Мы знали цену тепла и очень им дорожили. Свои постельки не так-то просто и не так быстро удавалось, ложась спать, согреть... Обычно только пригреешься в кроватке, как по тревоге нас, наскоро одев, опять ведут в сырое и душное бомбоубежище, по темной лестнице с крутыми ступеньками, по подвальным коридорам, освещенным синими лампочками в металлических сеточках под потолком. На долгие годы сохранялась детская привычка, ложась спать, сворачиваться в комочек, подтянув коленки к подбородку, и, засыпая, дышать ртом, прикрывая его ладошками. Казалось, что именно так вот, дыханием, скорее всего, и согревается постелька под одеялом. Помню, постоянно ощущала холод и придумывала свои способы согреться, например, можно было согреться, надышав в воротник платица и быстро приложив еще теплую ткань к щеке. Ощущение холода преследовало нас в той жизни и не отпускало. Даже процедура стрижки ногтей, особенно на ногах, из-за прикосновения с нестерпимо холодными ножницами всегда была мучительной и страшной для меня. Без слез не обходилось.

Наши воспитатели зорко следили за гигиеной. Всякий раз, ложась хоть и на тихий час, мы обязаны были раздеваться до рубашечек. Проснувшись, надо было сразу быстренько одеваться, чтобы не успеть замерзнуть. Воспитатели подбадривали, поторапливали, и каждому из нас очень хотелось заслужить похвалу.

И вот как-то раз на тихом часе подружка Надя с соседней кровати поделилась со мной своей мыслью, что, если, раздеваясь, снять не все, ну, например, оставить лифчик для резинок, то наверняка получится быстрее одеться и, таким образом, оказаться среди лучших. Так и решено было поступить. Надо сказать, что мы были приучены очень красиво и поразительно аккуратно, а не кое-как складывать свои одежки на стульчике у кровати. Вот, видимо, поэтому воспитательница на взгляд и определила среди сложенной одежды отсутствие должного. Она подошла к моей кровати, приподняла одеяло и, убедившись, что я не разделась до конца, звонко и больно отшлепала меня. До сих пор помню эти звонкие обжигающие шлепки и чувство позора со страшной обидой.

Конечно, жить в круглосуточных яслях было сиротливо, грустно и одиноко. Мы были слишком малы и еще не умели толком общаться и дружить между собой, но все-таки кое-что в этом казенном доме мне нравилось. Вот очень даже пришлось мне по душе ясельная детская мебель. Она была как раз по росту, удобная и симпатичная. Я даже завела привычку, сидя за столом, откидываться на спинку стульчика и иногда на нем покачиваться. Дома, конечно, у меня ничего подобного не было, и я мечтала, когда настанет мирное время, попросить маму купить мне такую же детскую мебель, не кукольную, а настоящую. В те редкие случаи, когда я попадала домой, то мне, чтобы оказаться на уровне стола, сооружалась на домашней табуретке целая пирамида из диванных подушек. Сидеть было неловко, и чувствовала я себя на этой вершине очень даже неуверенно. К тому же без посторонней помощи я не могла туда забраться. Но на полу я оказывалась всякий раз уже без посторонней помощи, когда откидывалась по ясельной привычке, желая опереться на несуществующую спинку табурета. И всякий раз, закатившись в крике от оглушительного удара головой об пол, заливалась горьким плачем.

Я всегда плакала очень громко, и для моих слез находилась масса причин, в том числе постоянно прищемляемые кем-то мои пальчики в многочисленных ясельных дверях, разбитые колени, шишки на лбу, обиды, тоска по дому и маме и т. д. Оглушительно вопя, я в то же время очень боялась закатиться в плаче. А, заходясь в плаче, страшно пугалась от ощущения удушья, будто воздухом задавилась. Взрослые, видя ужас в моих глазах, помогали выйти из этого состояния.

Любимым развлечением среди нас, малышей, была игра в магазин, когда одни играющие понарошку предъявляли хлебные карточки, а другие взвешивали хлебушко и обязательно с довесочком.

Еда была главной не только в играх, но и в нашей жизни, и некоторые гастрономические впечатления закрепились на всю жизнь. Хлеба не хватало и остальных продуктов тоже. И все было непросто, когда взрослые шли на всякие ухищрения, чтобы хоть как-то нас накормить, предлагая нам непривычную и не совсем понятую еду, например так называемую «манную кашу». Мы маялись над ней, глядя на это розоватого цвета трясущееся желе. Непонятно почему, но по сладковатому привкусу мы узнавали о содержании в нем столярного клея, а печальный опыт подсказывал, от чего потом болит в животиках. Кормление тогда превращалось в бесконечное сидение за столом. Совсем сушим наказанием, но, правда, совсем недолго было соевое молоко. Как сейчас вижу перед собой высокий стакан с мутной серой взвесью, напоминавшую известку. Со дна, если слегка взболтать, поднимались грязного цвета хлопья и потом медленно оседали на дно. Все это никак не глоталось, потому что было очень невкусным, нестерпимо терпким и с затхлым тошнотворным привкусом. После первого же глотка спазм в горле, а затем в желудке, и все шло обратно, выворачивая всего тебя наизнанку. Я всякий раз не переставала интересоваться у воспитательницы: «А где же настоящее коровкино молоко?» Ответ был известен и прост: «Коровки давно сдохли». Я же неизменно интересовалась дальше: «А когда же издохнут соевые коровки?» Кто в блокаду пробовал соевое молоко, тот всегда, даже в мизерном количестве опознает наличие сои во всем, и даже в шоколаде. Но и это недолго продолжалось. Мы совсем не были привередами. И как бывали счастливы, если вдруг нам подавали суп... Назывался он картофельным. В основном это была водичка, но в ней угадывался нежный вкус от сероватой картошечки, которую можно было заметить на дне тарелки в виде нежного облачка. Сначала вычерпав всю жидкость, можно было ложечкой зачерпнуть это «пюре», ощутив вкус этого чуда! Какой нежный вкус! Какое блаженство! С тех пор всю жизнь я больше всего люблю супы и предпочитаю всем остальным блюдам.

И конечно, благоговейный хлебушко был необыкновенно вкусным и самым уважаемым. О существовании белого хлеба мы тогда не догадывались. Самым большим лакомством был довесочек. Каждому из нас доставался он по очереди. На самом деле довесочек был просто большой крошкой от хлебной корочки. Он был так мал, что, когда мы, девочки, хвастаясь друг перед дружкой и бессовестно привирая, что якобы дома есть маленькая-премаленькая, самая малюсенькая куколка на свете, убедительнее всего звучало: «Ну совсем как довесочек!» Действительно, меньше этого и некуда.

Уже к концу блокады мы были просто потрясены, когда каждому из нас дали «бутерброд с яйцом». На самом деле это были совсем небольшие квадратные кусочки хлебца, и на каждом в трех местах красовалось по желтой точечке, видимо, яичного порошка. Это было объедение! И когда уже после войны в Вене мой папа, желая как можно скорее откормить меня, положил на хлеб дольку настоящего яйца, то возмущению моему не было конца. Я долго артачилась, не желая есть «такое», уверяя, что «так» не едят, что «это» очень жирно, да и просто неприлично и некрасиво. Я старалась из желтка наковырять «те» три точки, как в детском садике, и разместить как было тогда.

Еще запомнилось, каким фантастическим лакомством показался рыбий жир. Уже была прорвана блокада (но не снята), и сильно истощенным (я к ним относилась) дали по чуть-чуть, на дне чайной ложки, рыбьего жира. Остальным тоже повезло – они могли облизать эту ложку. Вот это был пир!

Незабываемое, особо почетное место в жизни занимал кипяток. Как сейчас вижу: печка-буржуйка, на ней алюминиевая кружка и в ней булькает, весь в белых пузырьках, кипяток. Так и говорили: «Белый кипяток», – вкус совершенно определенный, и согревающий, и силы добавляющий, и весело становилось, и вроде бы и поел. Когда входили в промерзший, затемненный дом, то тебя встречало гостеприимное: «Кипяточку хотите?!»

Войну мы переживали, прислушиваясь к сводкам фронта, звучавшим из черной тарелки знакомым голосом Левитана. Ликовали при словах «освободили» и затихали при слове «оставили». Это так все понятно было и детям. Мы без конца вели игру в войну. Немцы были для нас фрицы. На тетрадных клетчатых листках обычно рисовались нами танки и зенитки, и, держа рисунок в руках, тархтя, мы изображали, что громим фрицев, которые где-то под ногами у нас на полу. Я рисовала самолеты, и получалось что-то среднее между птицей и крестом, и тоже «бомбила» фрицев.

Перебегая из одной комнаты в другую, из средней группы в старшую, я всегда, как воспитанная девочка, аккуратно закрывала за собой дверь, и при этом часто жертвой оказывались прищемленные мои пальчики в этих непомерно больших дверях...

Проблем у нас, маленьких, было много. Во время прогулок, спускаясь и поднимаясь по лестнице, с трудом преодолевала ступеньки, казавшиеся для нас такими высокими. Однажды зимой я споткнулась, спускаясь вниз, и повалилась, к счастью удачно, – просто покатила с боку на бок, со ступеньки на ступеньку. Мне было жутковато, но получилось ловко и даже интересно, поскольку спасла зимняя одежда, смягчившая впечатление от твердых ступенек.

Да и довольно быстро я была подхвачена воспитательницей и испугаться по-настоящему не успела, но впечатление осталось сильное, и после войны, играя с детьми на природе, когда все затевали перекатывания с пригорка, я оставалась в стороне и не участвовала в такой затее никогда. Еще были трудности, когда выдали новые валенки. Края голенищ долго никак не обминались под коленками из-за моего малого веса, и я зависала на них, не в силах присесть даже на стульчик. А когда самых ослабевших из нас при голодных поносах (это когда от голода течет слизь) часто высаживали на горшки, то было еще сложнее. Для этого надо было умудриться точно угодить в горшок, а для этого необходимо было рассчитать, чтобы, зависая над ним, вовремя вытянуть вперед ноги в негнущихся валенках и оказаться на нем, а не мимо и не упасть вместе с ним (что тоже бывало). А уж вставать с этого «трона» самостоятельно совсем не было никакой возможности. Своих сил и сноровки не хватало.

Именно за такими посиделками застала нас мама, срочно вызванная в ясли по поводу моего нездорового состояния. Она была поражена тем, что мы, трехлетние, слабые, послушно сидя на горшках, старательно распевали новый гимн страны, не путая мелодию и не пропуская слова. А солдаты в это время на передовой с большим трудом, мучительно в срочном порядке одолевали слова гимна, едва запоминая мелодию.

Вот с таким образованным ребенком мама отправилась в свою воинскую часть восстанавливать мое здоровье. Мне неведомо было, да и сейчас не представляю, как тогда в батальоне решался вопрос присутствия девочки у девушек-связисток. Но хорошо знаю, что мама до конца своих дней была благодарна этим людям и особенно военврачу, что помогли сохранить мне жизнь. А такая беда, когда организм не справляется с голодом, случалась не однажды в моей блокадной жизни.

Одно из посещений у мамы в армии мне вспоминается довольно подробно. Я и сейчас легко представляю себе ту темную комнату с коптилкой на большом круглом столе, а за столом – девушек в таких же гимнастерках и кирзовых сапожках, как и у моей мамы, как они готовятся к политзанятиям. Все заняты, а я маюсь. Мне темно, так как моя голова ниже уровня стола, вокруг которого я брожу, а хочется тоже посидеть за столом, где светло. Я начинаю залезать на венский стул, обхватив сиденье руками и стараясь подтянуть колени. Карабкаюсь на него с большим трудом, пока кто-нибудь из девушек-связисток не подтянет меня кверху за шкирку. Взобравшись, я оказываюсь на сиденье стула лицом к спинке, стоя на коленках, но надо еще перевернуться лицом к столу. С большим трудом преодолеваю и этот момент, в то время когда стул подо мной опасно раскачивается. Наконец, сижу как все. И тут мне делается

совсем скучно, всем не до меня, ну ни малейшего внимания, никто на меня и не смотрит. Все уткнулись в газеты, готовясь к политзанятиям... Остается только вновь переворачиваться на живот, сползая с сиденья, держась за спинку стула и рискуя перевернуться вместе с ним на пол. Но через какое-то время мне кажется, что там, где стол освещает коптилка, все-таки намного интереснее, несомненно, от света все-таки веселее, и я опять карабкаюсь на стул. Это повторялось, пока я не обратила внимание, что кто-то на стене, большой и темный, тоже вместе со мной двигается и шевелится и даже чем-то размахивает. Тут от ужаса я замерла и совсем притихла. Когда я уже готова была зареветь, мама заметила мое состояние. Все кинулись утешать и объяснять мне, что не стоит ничего бояться, это просто тень и ею можно забавляться, только надо знать, как сложить пальцы рук, чтобы получились на стене звери – сова, собачка или кошка. Девушки взяли мои пальчики и показали, что можно заставить тень собачки помахивать хвостом или разевать пасть. Стало очень весело, и я окончательно подружилась с девушками-связистками и с тенью. Через несколько дней я вернулась в свои ясельки, полная впечатлений. И уже почти без слез, хотя и с тоской по маме, вошла в привычную ясельную жизнь, где все было знакомо, включая портрет Сталина с девочкой на руках и большим букетом цветов, похожим на раскрашенный кочан капусты. Мы принимали ее за дочку нашего вождя. Нарисованный на белой ткани Сталин занимал всю стенку в большом зале. Разглядывая портрет, детишки очень надеялись, что, как свою дочку, так и всех детей он обязательно защитит от фашистов.

По-видимому, то помещение было музыкальной комнатой. Готовясь к празднованию Нового года, мы в этом зале послушно ходили под музыку вокруг рояля и по хлопку воспитателя поднимались на цыпочки, а потом мы, наряженные в матрешек, разучивали плясать «Русского», а когда были в матросках, то плясали «Яблочко». Вроде бы все было красиво, и хорошо, и интересно, но там было всегда как-то уж очень прохладно. Холод всегда все портил.

И странно, что именно под этим портретом вождя нам делали уколы. Все выглядело устрашающе: огнем пышущий примус, сверху шипящая паром металлическая посуда для дезинфекции шприцев, у рояля ничем не покрытая брезентовая раскладушка, а врач в белом халате с угрожающим шприцем в поднятой руке. Каждому из нас спускают штанишки и, уложив вниз лицом на раскладушку, вкалывают прививки. Я уколов очень боялась. Эта процедура была для меня болезненной, потому что «мягкое место» было не мягкое, а тощее, и почему-то потом я не сразу могла ступить на ногу. Слабенькая, видно, была. Этот страх перед шприцем остался и на школьные годы.

Жизнь в городе, наблюдаемая во время прогулок, очень нас волновала. Мы хорошо разбирались, что к чему. Потрясающим событием было встретить девушек, идущих по улице и держащихся за веревки плывущего рядом с ними громадного дирижабля. Сразу возникало замечательное чувство защищенности от бомб и себя, и наших домов. Радостно становилось, когда нам попадались идущие строем солдаты. Мы тут же пристраивались около них и некоторое время, важно поглядывая вокруг, маршировали рядом, пока безнадежно не отставали. Надо сказать, что и солдаты на нас глядели с любовью и нежностью, стараясь погладить наши стриженные головки. Мы всегда чувствовали на себе любовь со стороны населения, и особенно со стороны военных и очень этим гордились.

Спускаясь ночью в бомбоубежище, неотрывно наблюдали, как на темном небе сходятся лучи прожекторов в одну точку. Каждому ребенку было понятно, что зенитчицы изловили вражеский самолет и сейчас он будет сбит и рухнет с оглушительным воем. Наблюдая бой в небе, не торопились уйти с улицы. Родовались вот такой победе на наших глазах. Потом долго рассуждали на эту тему, что у немцев скоро кончатся самолеты, так как их всех перебьют наши защитники, и придет победа.

Когда прорвали блокаду, я ликовала: «Разорвали блокаду!» – вот так не совсем грамотно я сообщила эту потрясающую новость последней сводки с фронта своей мамы, заглянувшей к нам в ясли.

Папу реже, чем маму, отпускали в увольнение для свидания со мной. Я знала, что он на Ленинградском фронте, что он офицер и в чине капитана. Когда случались наши свидания, мы отправлялись домой и неплохо проводили время вдвоем.

Однажды мы с ним шли на побывку на нашу Социалистическую улицу. Я еле плелась. Причиной тому оказалась лопнувшая резинка в рейтузах, но папа не знал об этом. Он очень торопился домой – хотел успеть натопить печку, подкормить меня и отдохнуть, так как утром назавтра меня надо было вернуть в ясли, а ему явиться без опоздания в свою воинскую часть. Опоздание грозило трибуналом, а я тормозила наше движение и что-то пыталась невнятно объяснить закутанная от мороза по самые глаза в большой шерстяной платок. И вдруг он обнаруживает, что рейтузы спущены, а обнажившаяся мягкая часть тельца блестит от инея. Конечно, испугался, подхватил меня на руки – и бегом, досадуя на себя. Благо это все произошло уже на нашей улице напротив дома, в котором была раньше редакция газеты «Вечерний Ленинград». Надо сказать, я всегда очень внимательно рассматривала все дома, мимо которых мы

проходили, и некоторые из них были мной особенно облюбованы за их внешний вид. И наш дом я безошибочно узнавала именно по красивейшим, как мне представлялось, узорам чугунных решеток первых этажей. Я еще любила приложить к глазам ладошки так, что они представлялись как шоры лошадки, и таким образом направить свой взгляд вдоль улицы так, чтобы в мой обзор не попадали бы разбомбленные дома. И так представить себе мирное время.

Наша квартира имела нормальный блокадный вид. Окна затемнены. В прихожей не было пола, его давно весь сожгли, и лежала только одна доска от порога входной двери до порога комнаты. Доска широкая, по моим представлениям. Я ее достаточно рассмотрела, стоя на ней наказанной за нежелание есть несъедобную пищу. Долго и много топил в тот раз папа нашу круглую печку, и, наконец, мы с ним легли спать вместе на диване в домашнем уюте и тепле. Это было наслаждением и счастьем. Утром он был разбужен моими поцелуями сначала в плечо, потом в другое. На вопрос, что же я делаю, был мой ответ: «Я тебя в погончики целую!» Для меня все было тогда военным, и папино плечо, конечно, принадлежало его военной форме.

Однажды пришла мама и забрала меня с вещами из яслей. При этом все воспитатели со мной долго и тепло прощались. Я была несказанно счастлива, торопясь с мамой покинуть их, но рано радовалась, не домой меня принесла мама, а в детский садик. Тогда это называлось очаг. Быстренько передав меня с рук на руки новым воспитательницам, мама заспешила в свою воинскую часть.

Я от несбывшейся мечты, оскорбленная в своих лучших надеждах, оказавшаяся среди новых для меня совсем чужих людей, буквально захлебнулась в неутешном плаче. Жалея меня – я оказалась среди детей самая маленькая, – воспитатели отнесли несчастную к себе в спальню и посадили, как мне казалось, на необъятных размеров кровать. Ревела я отчаянно, оглушительно и долго, не подпуская к себе никого, пока, совсем обессилив, не уснула. Уж не знаю, сколько я проспала, но, придя в себя и смирившись, но еще всхлипывая, твердым голосом попросила у подошедшей воспитательницы: «Дайте, пожалуйста, мне положенный ужин». Казенный разговор казенного ребенка.

Уже в этом круглосуточном очаге мне пришлось провести много дней, а вернее, до окончания войны – до демобилизации мамы. Не помню особой дружбы с ребяташками. Все как-то играла сама по себе. Во время тихого часа представляла, что каждый мой пальчик – куколка. И вот так, двигая ими и мысленно разговаривая за них, я представляла целые сценки отношений между ними.

В этом же очаге для меня довольно часто находилась причина попользоваться услугами медсанчасти. Седенький маленький доктор в белом халате был для меня не только воплощением любимого персонажа из книги «Айболит», но и лечившим меня врачом. Он вылечивал мои многотрадальные коленки, которые я постоянно разбивала в кровь. Причем зарабатывала эти болячки именно на коленках всегда одним и тем же способом, на одном и том же месте. Моей слабостью было кружиться вокруг березки, все быстрее и быстрее, обняв одной рукой деревцо, пока, обессилев, не спотыкалась о его корни и не падала, вопя от саднящей боли. Особенно усиливались ощущения жгучей боли, когда вдобавок мазали разбитые места йодом.

И еще была история, которая могла закончиться нехорошо для меня. В то лето были разрешены огороды прямо в городе. Во дворе нашего очага жильцы дома вскопали землю, что-то посадили и оградили грядочки старыми кроватями с панцирными сетками. Ножки этих кроватей угрожающе торчали наружу. Разглядывая эти ограждения, мы заметили, что у многих из них не хватало колесиков, оставались только вилки, куда когда-то они крепились. Мы с подружкой стояли у одной из кроватей, напротив злосчастной ее ножки и, опираясь своей туфелькой на сетку кровати, я кокетливо покачивала это заградительное сооружение. Мы играли в магазин и как будто стояли в очереди и отоваривали хлебные карточки. Вдруг кровать качнулась на меня, и я, не успев отскочить, была ею ранена. Ножка от кровати, на конце которой была только вилка для колесика, впиалась с размаху мне в ногу у косточки на щиколотке. Мой беленький гольф с кисточками побурел от крови, а я ощутила, как нога стала ватная и больше меня не держит. Меня подхватили воспитатели. Доктор промыл глубокую рану, обработал йодом, тампонирует ватой дырку в ноге, забинтовал и утешил. Потом очень долго, пока не начало заживать, доктор Айболит таскал меня на «куличиках» (на закорках). Ежедневно утро начиналось с того, что он в перевязочной выковыривал вросший тампон и туго забивал рану свежим. Мне повезло, что не было задето сухожилие, не порваны связки, не было перелома, и я не стала хромоножкой. Шрам же остался на всю жизнь, но очень аккуратный, шелковый, едва заметный и совсем не испортил моей ноги. Это единственный шрам на мне.

Еще один болезненный момент, будучи совсем маленькой, я пережила, когда после яслей бродила по детсадовскому двору походкой мушкетера, слезшего с коня. Стойко переносила страдания от саднящих опрелостей, а жаловаться не могла, стеснялась и боялась – вдруг заругают. Но, видно, красноречиво моя понурая фигурка говорила сама за себя. Я испытала невероятное облегчение, когда нежданно и негаданно меня подхватили ловкие руки медицинской сестрички, и кончились мои страдания. Меня отнесли во врачебный кабинет,

уложили на высокий пеленальный столик с бортиками по бокам, и внимательно осмотрели. Влажными освежающими тампонами были протерты нежные части тела, чем-то влажным смазаны болезненные опрелости, а потом и обработаны присыпкой. И я ожила. Страдания закончились.

Надо отдать должное, что воспитатели были очень внимательны к нам и научили нас следовать правилам личной гигиены. На всю жизнь запомнилось, когда воспитатели наглядно демонстрировали необходимые правила личной гигиены для девочек, а мальчики слушали и не совсем понимали, почему именно только для девочек. Так мы были невинны, хотя тогда находились мы все – и мальчики и девочки – в одной спальне.

Во время войны, в холод и голод, многие узнали, что есть такое явление, как голодные вши. Наш очаг и мы в нем не стали исключением. Вот по этой причине наши головенки регулярно вычесывались частым гребешком над развернутым тетрадным листом в клеточку, разложенным на подоконнике. После чего всех поголовно стригли наголо, боясь разносчиков сыпного тифа. Я морально очень страдала, стыдясь своей лысой головы, и всякий раз горько плакала из-за такого уродства, и особенно когда, проводя ладошкой по макушке, с тоской ощущала ненавистную колючесть остриженной головы. А как только чуть-чуть волосики на ощупь делались шелковыми, я пускалась в мечты о косах. Но после очередной проверки частым гребешком опять стригли под ноль, и так всю блокаду, все военное время. Когда стало немного полегче, и это явление перестало нас мучить, мне разрешили, наконец, отрастить челочку. Эта прическа называлась «спереди под ворота, а сзади под солдата».

Первое посещение парикма*сensored*ской в моей жизни оставило неизгладимое впечатление не только у меня, но и у других ее посетителей. В тот раз, будучи в увольнении, мой папа, забрав меня из очага, зашел в парикма*сensored*скую на нашей улице. Ему нужно было побриться, подстричься, и заодно он обещал воспитателю подровнять и мои волосенки. В ожидании своего папы я, как замороженная, с большим волнением наблюдала за парикма*сensored*ом, собирающимся брить папу. Солдатики, сидящие со мной в очереди, пошутили, что, мол, брить будут сегодня обязательно всех. Привыкшая свято верить любому слову взрослого человека, а особенно военным, и, сразу представив себе предстоящий мне ужас, истошным воплем оглушила всю парикма*сensored*скую. Многие клиенты, включая моего папу и самих мастеров, моментально выскочили на детский вопль: «Не хочу бриться!» Им было смешно, а я с трудом пришла в себя.

Предметом моих вздыханий в то время была приходившая иногда в группу к нашей воспитательнице ее дочка. Это была нарядная, очень хорошенькая, голубоглазая девочка в золотистых локонах и с бантиками. Имя у нее тоже было необыкновенное – Лора. В честь этой красавицы я всех своих кукол потом, даже и после войны, называла только Лорами. Я всякий раз искренне любовалась этой необыкновенной гостьей. Мне и в голову не приходило завидовать, я была вполне счастлива тем, что можно было смотреть на нее во все глаза. У Лоры и кукла, которую она приносила с собой, была необыкновенная. С замиранием сердца рассматривала я вместе с другими маленькими девочками это фарфоровое чудо. И как было не залюбоваться ее прелестной фарфоровой головкой с закрывающимися глазами, густыми ресницами, настоящими волосами, заплетенными в косы, прелестными подвижными ручками и ножками! Одеты кукла была в хорошенькое пальтецо с вязаной пелеринкой, и даже туфельки были на ее ножках настоящие, то есть кожаные. Ростом эта кукла, как мне казалось, была с настоящего ребенка. Потом, уже в Вене, я как-то увидела в витрине мастерской такую же куклу. Выяснив, сколько она стоит, как угорелая, помчалась к маме на работу. А влетев в ее бюро, только и твердила как заклинание: «Hundert funfzig! Hundert funfzig!!!» – боясь, что, пока я переведу на русский язык, кукла исчезнет с витрины. К счастью, тогда уже мои мечты сбывались. И моя «Лора» была мне куплена.

Это было потом, а пока в блокадном Ленинграде я довольствовалась, приходя в редкие месяцы домой, своими милыми игрушками. Больше всего я играла небольшой куколкой в красной шапочке, из-под которой выглядывала настоящая челочка, но пришитая. Если эту шапочку снять с кукольной головы, то там вместо волос оказывался чулок, набитый ватой. Я любила с ней играть и жалела, что она, как и я, безволосая.

Из гуттаперчевых игрушек мне был симпатичен веселый мальчик Петя, стоящий в позе «руки в брюки», и пестренькая уточка для плавания в корыте во время мытья.

Для игры в дочки-матери у меня имелось два комплекта кукольной мебели. Один гарнитур с зеркальным шкафом со столом и красивыми стульчиками к нему. Мама его купила на Загородном проспекте в магазине напротив большого гастронома. Я рассчитывала, что купит что-нибудь поесть, а она купила кукольную мебель. Немного было досадно, но я маму все равно поблагодарила. Второй комплект кукольной мебели был у меня еще раньше. Он был из полированного дерева с большим двухстворчатым шкафом с открывающимися нижними ящичками, и при нем стол был, да такой величины, что его можно

было иногда использовать как маленькую табуретку, и я даже на нем иногда сидела.

Еще была у меня старинная французская куколка, совсем небольшая. Ее фарфоровая головка с закрывающимися стеклянными голубыми глазами, с прелестным приоткрытым ротиком, с беленькими зубками, подаренная еще моей маме в ее детстве, скорее пугала, чем радовала. У нее просто аккуратно оканчивалась фарфоровая часть головки там, где должны были быть волосы, так как отсутствовал парик. Можно было через это овальное аккуратное фарфоровое отверстие головы рассматривать механизм закрывающихся глаз и даже трогать все пальчиками. Я с пониманием и сочувствием относилась к ее некрасивости из-за отсутствия прически и старалась повязывать ей головку платочком, отчего она выглядела как раненая. Вот такая вот безволосая компания, повторяющая судьбу своей безволосой хозяйки. Эту французскую фарфоровую куколку я потом к семидесятилетию своей мамы отреставрировала. Она дожила вместе с прелестной фарфоровой чашечкой с блюдечком и до моего 70-летия. Самым красивым предметом среди моих игрушек и была старинная фарфоровая кукольная чашечка (Кузнецовского фарфора) с блюдечком с розовой каемочкой и с чудной ручкой-завитушкой, чудом сохранившаяся тогда на всю мою жизнь.

Моя мама была военная, в звании ефрейтора, связистка. И мне привычна была ее военная форма. Хорошо были знакомы все предметы маминого гардероба, такие как гимнастерка, юбка или брюки-галифе, портупея, планшетка, пилотка. Погоны со звездочками, ремень, шинель, портянки, кирзовые сапоги и стеганые ватник и брюки. Стеганые вещи мне не очень нравились, они были неуклюжими, как мне казалось, потому что искажали стройную фигуру моей мамы.

А мне мама шила в свободные от военной службы моменты, конечно, за счет своего сна, из своих военных портянок всякое необходимое бельишко: рубашечки и трусишки, лифчики для резинок и даже платице с вырезом каре и рукавчиками-фонариками, отделанное тканью в красный горошек. Я всегда, когда попадала домой на побывку, замирая от удовольствия, примеряла обновки и потом нарядная, вся в рюшах и бантиках, возвращалась к своим ребятишкам в наш детский садик. Я очень даже не была равнодушной к своим нарядам. Но когда случался час нашего следующего свидания, родителям меня вручали всегда в неизменно казенном сиротском бумазейном платице мышиноного цвета, длинненьком, но с вишенками на кармашке, расположенном ровно на животе.

В те годы была своя мода, и у нас, девочек, было принято носить через плечо на шелковой ленточке или на шнурке так называемый «кармашек». Этот предмет туалета напоминал немного сумочку для ношения носового платочка и был сделан из плотной ткани и на подкладке, а украшался вышивкой или был красиво обвязан, а иногда еще обшит ленточками. А самый лучший наряд в конце войны мне мама сшила из парашютного шелка, выкрашенного в красный цвет. С кружевным воротничком. Получилось очень красивое платьице. Завершением туалета и моею гордостью был бант на пучке не совсем еще отросших волосиков... Я мужественно терпела и пикнуть не смела из-за неприятного ощущения, даже когда прищемлялись волоски при затягивании узла на ленточках. Да я готова была спать с бантом на голове. Ради красоты мне все было нипочем. Такой счастливой красавицей, как мне казалось, меня повели фотографироваться.

Мы, городские детки, не избалованные прогулками на природе, рады были попавшемуся на глаза одинокому одуванчику, цветочку мать-мачехи, любой травинке, кустику. В найденном прутике мальчишки уверяли, что сидит колдун, и в подтверждение давали девочкам послушать, как что-то гудит в нем, если перед этим что есть силы поразмахивать из стороны в сторону кнутиком. Моя душа до сих пор замирает от нежности к ноготкам календулы с их особым запахом и солнечным цветом атласных лепестков. Это была всего лишь нам на радость посажена кем-то у стенки нашего очага скромненькая, в два рядочка, одна вдоль стенки дома клумба. Мать-мачеха тоже ничего цветочек, но у нас он вызывал грусть именно своим названием, потому что знали, что военное время могло каждого из нас в любую минуту оставить без мамы.

Кроме равных по возрасту детсадовских детей, мне удалось повидать, как мы называли совсем маленького грудного ребенка, – «дитю». Это была новорожденная девочка, родившаяся в блокадном городе у нашей знакомой, проживающей по соседству. Однажды, приведя меня домой на побывку, мама пообещала мне, что покажет малютку, когда мы пойдем в гости к ее знакомой.

Был теплый солнечный день, и мне пришлось в одиночестве постоять у дверей чужой квартиры на заднем дворе нашего дома, пока мама забежала к Нине Михайловне (моей будущей учительнице музыки), родившей тогда этого ребеночка. Ожидая пока выйдет мама, я повстречалась с большой крысой. Это громадное животное с кошку ростом и серое, с противными рыжими, как ржавыми, пятнами по бокам, дергая усиками, уставилось на меня. Я остолбенела от ужаса, но не успела зареветь от испуга, как мама вернулась за мной и повела в гости рассматривать младенца. Я пришла в восторг от такой живой куклы. Такого возраста детей ребяташки называли «маленькая дитя».

Все у нее было малюсенькое, но настоящее. Сама она была смиренькая, тихонькая. Я ее очень хорошо рассмотрела и запомнила на всю жизнь. После войны ее отдали в дом малютки, потому что кормить было нечем. Самое интересное, что, когда в этой же семье в 1957 году родилась другая девочка, очень красивая, умненькая и с большими музыкальными способностями, кроме меня, никто и не вспомнил о ее блокадной сестре, я имею в виду, что в моей семье и среди блокадных жильцов нашего дома. Забыли. Слишком было много смертей пережито. В нашей квартире, в которой я родилась, в первую блокадную зиму лежало восемь покойников.

Летом нас вывезли на дачу в район, где было меньше артобстрелов. Бензин искали три дня и наконец нашли. Затем нас погрузили в машину, и не успели мы завернуть на Социалистическую улицу, как в наш детский сад попала бомба. В это время мама, прибежавшая проститься со мной и видевшая, как при ней рухнуло здание нашего детского садика, чуть сознание от горя не потеряла, но дворник утешил ее, показав, как наша машина заворачивает на соседнюю улицу.

Нам было очень хорошо на даче среди сосен. Я там познакомилась со стрекозой, которая, сев мне на плечо, страшно, чуть ли не до смерти напугала, показавшись мне чудовищно большой, или я была совсем маленькая. Через месяц посвежевшие, с новыми впечатлениями, мы вернулись в город Ленинград, но в другое здание, на другую улицу и там уже дожили до конца блокады. Хлеба прибавили, дело шло к освобождению города. Все ждали, что вот-вот снимут блокаду. Совсем не плохая примета, что вернулись в город крысы, которые уходили из города, как только начался голод в начале блокады. Вскоре появились и кошки. Теперь, когда случалось, что мы с мамой шли в «увольнение», по дороге домой иногда приманивали с собой какую-нибудь кошечку, чтобы она нас защитила от нашествия домашних крыс.

По поводу снятия блокады дан был грандиозный праздничный салют. Мы с мамой смотрели, как салютовали настоящие орудия боевыми залпами от Петропавловской крепости. Люди стояли закутанные в теплые серые платки, а многие были в ватниках, ушанках и валенках, так как было очень холодно. Мама пристроила меня на приступочку стены Зимнего дворца и подперла своей спиной, чтобы я не соскользнула. Вокруг было совсем мало людей, многие тихо плакали. Я все замечала, оглядываясь между залпами на рядом стоящих.

После снятия блокады мы с папой попрощались и уже до конца войны не виделись, так как он с войсками дошел до Европы и закончил войну в Вене, а мама продолжала служить на Ленинградском фронте до конца войны, до самой

победы. Я оставалась в своем очаге тоже до самой победы... От папы приходили письма-треугольники. Он писал, как рад был получить мою фотографию, где я уже с бантом на голове, и шутил, уверяя, что его солдаты огорчены, что им нельзя такой бант носить, потому что пилотка мешает. Я это все за правду принимала и была горда отрастающими волосенкам.

Настало время, о котором мы мечтали в холодном и голодном Ленинграде: стали возвращаться из эвакуации уехавшие в начале войны. Моя тетя (мамина родная сестра) приехала из полярного Урала и поселилась в нашей квартире, так как их дом был разбомблен. У нее совсем скоро должен был родиться сыночек – мой двоюродный братик. Пеленки кроили из маминых портянок, из них же шили распашонки, и назывались они «гимнастерки».

В очередной раз, когда меня привели на побывку из очага домой, я с ним познакомилась. Я недоумевала, рассматривая его ручки и крохотные ножки, откуда все знают, что он мальчик, а не девочка. Ведь он же ничего сказать сам не мог. Видимо, ненамного я была умнее своего братика, зато активно поучаствовала в выборе имени, предлагая почти все имена моих детсадовских приятелей, которые казались мне симпатичными. Однако взрослые решили дождаться возвращения папы малыша, а пока его стали называть просто «Мальчик». После приезда его папы, и когда уже было выбрано имя, и потом еще многие годы все в семье обращались к нему «Мальчик». Это был долгожданный ребенок. Я гордилась, что у меня появился братик.

К лету демобилизовалась мама, и меня навсегда забрали из очага – так закончилось мое казенное существование. Теперь я стала, скорее, путешественницей – мы засобирались к бабушке, которая со своей семьей перебралась во время войны из Смоленска в Ригу, где несколько месяцев я пожила, услышала латышский язык и даже научилась произносить некоторые слова.

Потом на целых четыре года мы поехали к папе в Вену, общаясь с утра до вечера только с местным населением (родители целыми днями работали), я через несколько месяцев свободно изъяснялась на немецком языке и даже на двух диалектах. Как ни смешно, но в Австрии, отдыхая на лучшем курорте в Земиринге, посещая Баден, Зальцбург, разъезжая в собственной машине, любуясь Венским балетом на льду, живя в Вене и учась в шикарной школе, имея возможность, путешествуя, осматривая старинные замки и чувствуя себя там как в сказке, впитывая с наслаждением музыку Штрауса (ведь все это после страшной блокады), я скучала и мечтала вернуться к себе домой в Ленинград.

Львова Надежда Григорьевна
Работать приходилось круглые сутки

Когда началась война, я оканчивала двухгодичное медицинское училище, сдавала экзамены. Получив документы, я сразу пошла в военкомат. Меня направили в отдел областного здравоохранения, где я получила назначение в ириновскую больницу Всеволожского района.

Жила я там же, при больнице мне предоставили комнату. Работать приходилось круглые сутки. Ведь в больнице был только один врач и я – единственная медсестра.

После бомбежек на Ладожском озере к нам поступали раненые моряки. Всех пациентов, которые лечились в нашей больнице, перевезли в другое медучреждение, а мы принимали только военных.

18 сентября 1941 года мне исполнилось 17 лет. Через военкомат меня направили в Ладожскую флотилию и присвоили звание старшины II статьи, а через год – старшины I статьи. Кроме своих обязанностей я выполняла обязанности хирургической сестры в госпитале № 5 Краснознаменной Ладожской флотилии и Балтийского флота.

Работать всему коллективу госпиталя приходилось много, к нам поступали тяжелораненые моряки. **Зимой 1942 года было особенно необходимо поддерживать больных. Начальник госпиталя обязал нас собирать сосновую хвою и готовить раненым настой. Весной мы собирали крапиву, щавель и капусту. Капусту шинковали и квасили в бочках. Зимой это было настоящим спасением. С продовольствием было трудно всю войну.**

Я награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Также мне очень дороги грамоты от адмирала В. Ф. Трибуца, от адмирала флота В. А. Касатонова.

Лыжина Людмила Георгиевна
Фашисты-диверсанты спустились к нам на крышу во время налета

В 1941 году Людмиле Лыжиной исполнилось 12 лет. Она провела в осажденном Ленинграде много месяцев, прежде чем им с мамой удалось эвакуироваться в Сибирь. После войны их семья сменила несколько Среднеазиатских республик, прежде чем судьба привела их в Крым.

Шел 1941 год, закончился учебный год. Мне было двенадцать, и я готовилась к каникулам. Но 22 июня 1941 года объявили по радио: «Война!» Началась мобилизация. Уходили на фронт отцы, братья, а на заводах их места занимали женщины, а затем и дети.

На Ленинград посыпались фугасные и зажигательные бомбы. В домах появились штабы противовоздушной обороны. Женщины дежурили на чердаках. Мы, дети, были их помощниками. Дом наш был шестиэтажный, и с чердака хорошо просматривалось небо, по которому часто летели с тяжелым, зловещим звуком фашистские бомбардировщики; брюхо их было с двух сторон увешано фугасными бомбами, которые блестели как масляная сковорода. Это летела на город смерть. Однажды, когда мы с мамой и тетей Марусей дежурили на чердаке (была объявлена воздушная тревога), то услышали за дверью нерусскую речь. Говорили мужчины, они приближались, освещая себе путь фонариком. Мама быстро задвинула задвижку на двери чердака, а меня послала в штаб сообщить об этом. Быстро подоспели наши военные, оцепили чердак и поймали двух фашистов, диверсантов, которые спустились к нам на крышу во время налета.

Наш город поменял свой вид: на стеклах домов были наклеены крест-накрест полоски бумаги на случай взрывной волны, чтобы стекла не лопались. Появились бомбоубежища. Сначала мы бегали в бомбоубежище, когда объявляли воздушную тревогу, но вскоре перестали и доверились судьбе.

Чтобы тушить зажигательные бомбы, на чердаках и крышах размещали емкости с водой и песком. Ну а от фугасной бомбы спасения не было. После бомбежки можно было увидеть повисшую детскую коляску, чудом зацепившуюся за переплет окна, с кричащим младенцем в ней, людей как-то оставшихся в живых, повисших на рамах окон и дверей и зовущих на помощь. Ночью полная маскировка города: все окна тщательно завешивались, чтобы ни один лучик света не проник на улицу. А люди прикрепляли к одежде светящиеся значки, чтобы не наткнуться друг на друга. Появилась карточная система. Только в столовых еще можно было покушать соевые бобы.

Фашисты бросали листовки: «Доедайте бобы и готовьте гробы, сдавайтесь». Продовольственные Бадаевские склады горели так, что запах сожженного сахара пропитал весь город. Город оборонялся как мог: женщины и дети копали окопы, а немецкие «стервятники» пролетали над людьми и строчили из пулемета. Но наши зенитки быстро с ними расправлялись, и люди снова продолжали копать.

Помню, как я с мамой была на рытье окопов в таком месте, где город Ленинград был виден весь как на ладони. Наступал 1942 год. И фашисты преподнесли непокорявшимся ленинградцам «подарок»: **в ночь с 31 декабря 1941 года на 1 января 1942 года сделали «встречу» Нового года. Был фейерверк из зажигательных бомб, бенгальские огни из пылающих огнем домов, а хлопучками были фугасные бомбы, которые со страшным свистом падали на дома и разрушали их. Жуткая, незабываемая картина предстала перед моими глазами: горел и разрушался мой любимый город.**

Голод, холод, отсутствие воды. В магазин за хлебом я ходила в 6 часов утра, позже его не было. У нас были котик и кошечка – молодая, игривая, ласковая. Но голод заставил идти на крайние меры. Съели муку с химикатами для оклейки обоев, сварили по кусочкам кожаный ремень. Котика кто-то украл, и пришлось просить соседа убить кошечку. Мама ее варила по кусочкам в большом количестве воды – мама говорила, что нужно употреблять больше кипятка, чтобы не сохся желудок. Я до сих пор не могу смотреть на базаре на разделанные тушки кроликов. Мне все время кажется, что это наша кошечка.

Как-то раз к нам прибежала соседка с просьбой что-нибудь дать ей, так как муж умирает от голода. А я получила детский паек – 2 шоколадные конфетки и клюквинки. Мама предложила отдать одну конфетку, и я согласилась. **Через некоторое время соседка прибегает вся в слезах и просит прощения: муж умер с конфеткой во рту, а она вынула ее и съела. От голода люди падали прямо на улице. Санитары собирали покойников и складывали, как дрова, на грузовики.**

Немцы стали обстреливать Ленинград из дальнобойных орудий. По городу стало опасно ходить. Как-то во время бомбежки в соседний дом попала фугасная бомба. У нас в доме вылетели стекла, перекосило рамы, дом закачался как на волнах, а меня горячей взрывной волной понесло по кухне на кран с раковиной, вынесло в коридор и швырнуло в стоящий рядом туалет. Я упала прямо в унитаз. Взрослые подскочили ко мне, что-то мне говорили, но я ничего не слышала. В ушах стоял страшный звон. Меня контузило.

От голода ослабела и слегла моя мама. На работу идти не может – нет сил. Вся пожелтела, щеки впали, глаза провалились в глазницы, заострился нос. Рядом в комнате была тетя Маруся в таком же состоянии. Они все время мерзли, хотя я их накрывала всеми одеялами и шубами. В конце месяца я получила хлебные карточки на следующий месяц, зашла в магазин, а когда пришла домой, то не обнаружила карточек. Я их потеряла.

Маме я даже боялась признаться, но, набравшись смелости, конечно, все рассказала. Ее как током ударило. Откуда взялись силы – она вскочила с кровати и с возгласом «Надо срочно эвакуироваться» взяла документы и выскочила из дома. Оказывается, она пошла в райсовет за эвакуационным листом. Когда она вернулась, мы стали срочно собираться в дорогу. С собой взяли только кое-что по мелочи. Взять больше не было сил.

На вокзале нам выдали по 1 кг хлеба, и мы сели на поезд к Ладожскому озеру, к Дороге жизни. Была весна, и лед на озере уже начал подтаивать, машины с людьми уходили под лед. Мы ехали, как и все, на грузовых машинах в кузове. С ужасом глядели, как машина осторожно движется по тонкому льду, а кругом то тут, то там зияют полыньи. Но водитель был опытный, и мы благополучно перебрались на другой берег. Там нас разместили по вагонам товарного поезда. И в пути люди продолжали умирать от голода. Их выносили на остановках и клали прямо на дорогу возле рельс. Некоторые сходили раньше по ходу поезда, а мы с мамой доехали до конечной остановки.

Так мы оказались в Сибири. По указанию райисполкома нас распределили по колхозам. Нас, дистрофиков, подняли на ноги. Позже мы уехали в город, где я, окончив училище, пошла работать на завод, на котором работала моя мама. На заводе делали пулеметы и другое оружие для фронта. Было трудно работать в ночную смену, ведь мне шел еще только пятнадцатый год. Под утро очень хотелось спать. Шел 1944 год.

Позже мы с мамой переехали в Казахстан, затем в Узбекистан, а потом судьба привела нас в Крым к бабушке. Вот здесь я и живу по сей день.

Любутич Максим Архипович
Мой отец защищал Ленинград!

Мой отец родился в 1916 году в поселке Корма Гомельской области БССР. По рассказам мамы, в 1939 году его призвали на службу в город Благовещенск. Последнее письмо от него она получила в мае 1941 года. Потом отца направили в Ленинград. Полагаю, что туда он прибыл с сибирскими дивизиями. Всю войну он прослужил в 104-м армейском минометном полку, защищавшем город до полного снятия блокады. Полк закончил войну в составе 7-й гвардейской армии в Чехословакии, г. Ичен. Папа получил ранения и был контужен. По данным Центрального архива Министерства обороны России, отец был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Помню, что папа не любил говорить о войне, но часто пел фронтовые частушки под гармонь. Он был добрым, улыбчивым и спокойным человеком. Его не стало в 1967 году. Папе тогда был 51 год.

Я много читал о блокаде Ленинграда, смотрел фильмы... и всегда удивлялся, как можно остаться нормальным человеком, пройдя через такое пекло! Преклоняюсь перед героизмом и стойкостью блокадников и защитников Ленинграда.

Мавренко Лидия Николаевна

Страшно было давать наркоз: даешь мало – болевой шок и смерть, даешь лишнее – смерть от эфира

Лидия Мавренко училась в Ленинградском текстильном институте, когда началась война. Она копала окопы и противотанковые рвы, заготавливала дрова, ловила диверсантов, после окончания курсов медсестер работала в госпитале. Среди раненых Лидия встретила и своего будущего мужа, с которым прожила 60 лет...

Наша семья – я, мама, старшая сестра Нина и брат Николай, который учился в военном артиллерийском училище, – жила в Смоленске. Брат Александр и сестра Аня жили и работали в Ленинграде. В сентябре 1940 года я поступила в Ленинградский текстильный институт на механический факультет.

22 июня 1941 года я готовилась к экзамену по химии за I курс института. Сдала все экзамены, перешла на II курс и училась до января 1942 года, потом добровольно пошла в военкомат. Во время занятий в институте участвовала в создании оборонительных сооружений: копала траншеи под Пулковско, противотанковые рвы под Пушкиным, у станций Заклинье и Мшинская вместе со студентами институтов и женщинами-работницами фабрик и заводов.

После того как кольцо блокады сомкнулось, наш институт переводили в Барнаул. Началась эвакуация студентов и преподавателей. Пришли представители партийной организации: «Если вы уедете, то кто будет защищать Ленинград?» Часть студентов сразу же ушли в народное ополчение, а я вместе с другими комсомолками пошла на курсы медсестер. Курсы были рассчитаны на 6 месяцев, но мы проучились только 1,5 месяца. Нужны были медсестры в большом количестве.

Живя в общежитии еще в Лесном, мы ловили ракетчиков. Это были предатели, лазутчики, засылаемые в город, чтобы сигнальными ракетами показать наиболее важные объекты: железнодорожные узлы, предприятия и т. д.

В общежитии мы жарили желуди на касторке. Помню, как я иногда ходила в квартиру сестры, которая эвакуировалась вместе с детским садом и сыном. Из ее квартиры я выносила остатки еды, которые оставались там: кусочек заплесневелого пирога, грамм 100 – 150 макарон, остатки горчицы, немного сахарного песка. Приносила это в общежитие, и мы делили все поровну. Однажды вернулась с ремнем и 2 свечками. Никогда не забуду, как мы сосали ремень и свечки. Однажды нам сказали, что в кафе «Квисисана» (на Невском проспекте, недалеко от института) будут давать котлеты без карточек. В кафе теснились студенты, а я потеряла сознание от голода. Девочки довели меня до общежития. Я им сказала: «Девочки, если хотите, чтобы я жила, сделайте так, чтобы я сегодня с кипятком съела не 125 г своих, а двойную порцию, а я вам отдам в следующие дни». Они так и сделали.

Однажды я пошла за своей порцией хлеба, 125 граммов. Подруга дала мне свою карточку и попросила взять хлеба и ей. Магазин был на Невском проспекте. Я купила хлеб, завернула отдельно свой и подруги и оба положила в авоську. Пошла домой. Вдруг из подъезда выбежал высокий, очень худой мужчина и схватился за мою авоську. Я так испугалась, что, видимо, мою руку свела судорога. Ему не хватало сил вырвать у меня авоську с хлебом. Я знала, что мне бы не поверили, если бы он забрал сумку, – ведь это было высшей степенью доверия – получить чужой хлеб!

В ноябре – декабре 1941 года мы занимались в институте и одновременно проходили практику в госпитале, где лежали раненые. Нам, голодным, было тяжело одновременно обучаться на курсах медсестер.

Однажды меня вызвали в деканат и сказали: «Получите 500 рублей, которые вы внесли в счет платы за обучение на I курсе. У вас умер отец и мать домохозяйка». Дело в том, что, когда я поступала в институт, вышел правительственный указ о плате за обучение в институте. До сих пор думаю о том, что ведь никто бы и не узнал, если бы университетские работники решили не возвращать мне деньги. Еще одно доказательство, что рядом с нами были честные люди...

В январе 1942 года я была мобилизована военкоматом. Мне дали место в общежитии госпиталя, который находился в здании бывшей школы на ул. Восстания. Начальником 1-го хирургического отделения была Торкачева Мария Иванова. Это была знающая, опытная, уверенная в себе женщина, без особых

эмоций, требовательно относящаяся к нам, медицинским работникам. Помню, как первый раз переливала кровь. Это было нелегко – тогда не было современных систем, а только воронка, резиновый сифон и толстые иглы. После этого врач подзвала меня к себе и спросила: «Ну как, хорошо прошло?» Я пожалала плечами. А потом она вручила мне половинку шоколадки. Это было «что-то» в военное время.

Часто бывало так, что только сядешь в столовой за стол, как раздается крик: «Гурьева – в перевязочную!» Немедленно все бросаешь и бежишь. Страшно было давать наркоз: дашь мало – болевой шок и смерть, дашь лишнее – смерть от эфира.

Это был тяжелый, изнурительный труд, без выходных и отпусков всю блокаду и войну. Мы после напряженного труда днем шли ночью в прачечную, где без освещения, в теплой воде, почти без мыла стирали гнойные, окровавленные и вшивые белье и бинты.

Кроме своих прямых обязанностей, приходилось выполнять разные поручения. По решению горисполкома я вместе с другими сестрами была послана на заготовку дров. Три девочки должны были спилить деревья, сложить в штабеля. За день по 3 куба на человека.

В сентябре 1943 года было новое поступление раненых. Среди раненых был и мой будущий муж, с которым в декабре 1944 года мы поженились и прожили 60 лет. После регистрации мы, по долгу воинской службы, разъехались: он – на восток, я – на запад. С госпиталем прошла Польшу и дошла до Берлина. Так уж сложилось, что моя семейная жизнь началась лишь в Воткинске на Украине. Что поделаешь – война.

Мартынова Светлана Николаевна Первым от голода умер папа

Я, Мартынова Светлана Николаевна, 1931 года рождения, проживающая в городе Санкт-Петербурге. Очень давно хотела поделиться своими воспоминаниями о блокаде Ленинграда, но не знала куда обратиться, а компьютером пользоваться не умею. Спасибо вам за акцию в связи с 70-летием начала блокады!

Надо было рассказать все это раньше своему сыну, а потом и внуку с внучкой, но что-то все время останавливало, считала, что зачем детям знать о страшных днях и внести в их души эту боль и тяжесть, пусть у них будет в жизни все светло и спокойно. А зря!

Когда началась война, нам с двоюродной сестрой Людмилой было по 10 лет. Моя семья состояла из 6 человек – мама, папа и четверо детей, я – старшая. В Ленинград от немцев бежали бабушка, тетя и моя двоюродная сестра Люда. Все мы, 9 человек, жили в комнате площадью 20 м, в коммунальной квартире у Львиного мостика на канале Грибоедова, дом 95. Новый 1942 год встречали все вместе.

Мы ждали скорого окончания войны, как нам и обещали. Норма хлеба тогда была 125 грамм иждивенцам, 250 грамм – рабочим.

Первым от голода умер мой папа – Воробьев Николай Владимирович, ему было 45 лет, он работал на заводе «Судомех». Под утро 5 января 1942 года он вдруг сильно захрипел, и я закричала, стала звать маму. Мама меня успокоила и сказала страшные слова: «Тише-тише, не мешай ему умирать». **А в конце января 1942 года к нам пришли сразу три смерти. 29 января умерла моя 73-летняя бабушка, Хайкара Ева Петровна, 30 января – младший, мой самый любимый семилетний братик Алик, а 31 января – старший брат Юра, ему было 9 лет. И все три дня, пока они умирали, мама лежала рядом с ними, гладила мертвых и повторяла: «Тихо-тихо, Света, не мешай им умирать». Я лежала рядом и боялась пошевелинуться.**

Мигалкин Василий Васильевич
Я служил на боевых кораблях

Василий Васильевич Мигалкин родился в 1912 году. В годы Великой Отечественной войны служил на боевых кораблях Балтийского и Северного флота, участник обороны Ленинграда и Советского Заполярья. В 1944 году участвовал в приеме военных кораблей от союзников, судов с грузами Северным путем.

В мирное время Василий Васильевич часто проводил встречи со школьниками, рассказывал им о войне, о прорыве блокады Ленинграда. Он был инициатором создания поискового клуба «Подвиг» в гимназии № 12 города Липецка. Воспоминания Василия Васильевича неоднократно печатались в газетах. Вот одно из них: «Крупномасштабная операция по прорыву блокады была проведена силами 67-й армии Ленинградского фронта при значительной поддержке Балтийского флота на Шлиссельбургско-Синявинском выступе с 12 по 18 января 1943 года и увенчалась успехом. В ходе операции 18 января был освобожден Шлиссельбург. В результате прорыва блокады Ленинград получил сообщение со страной. 27 января 1944 года, в день полного освобождения от вражеской блокады, Ленинград салютовал победителям 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

В боях по освобождению Ленинграда особо отличились липчане – Герой Советского Союза Сергей Гаврилович Литаврин, Герой Советского Союза Иван Федорович Кованев, рядом с ними воевали Герой Советского Союза Митрофан Алексеевич Ануфриев, танкист Иван Михайлович Макаренков и пехотинцы Николай Федорович Богатырев, потом ставший Героем Социалистического Труда, Василий Васильевич Милованов и многие другие».

В. В. Мигалкин много рассказывал подрастающему поколению о подвиге своих земляков. До победы дошли немногие, информации о живых и мертвых было мало. Участники клуба «Подвиг» старались найти сведения о погибших в войне, чтобы мы знали своих героев.

Михайлова (Кузнецова) Александра Павловна Кольцо сужалось, и траншеи доставались врагу

Моя бабушка Михайлова (Кузнецова) Александра Павловна родилась в городе Ленинграде 9 декабря 1922 года. Семья жила на улице Марата, дом 8. Отец Павел Кузнецов и три дочери. Мама бабушки умерла, когда ей было 9 лет, так что ее и двух сестер воспитывал отец. Очень трудно собирать по крупицам ее биографию, так как про блокаду рассказывала очень неохотно и мало. Никогда не могла смотреть фильмы про войну. Несмотря на то что это были воспоминания юности, боль не улеглась и до глубокой старости. Некоторые из воспоминаний были о том, как они подростками копали траншеи вокруг города, но часто этот труд пропадал зря, кольцо сужалось, и траншеи доставались врагу. Еще рассказывала, что люди думали, что город займут фашисты, и ценные вещи закапывали во дворе. Помню, что особое сожаление её семья выражала по поводу оставшейся там швейной машинки «Зингер», которая фактически одевала сестер и отца.

Также рассказывала бабушка о том, что в блокадном Ленинграде шли занятия в ряде учебных заведений. И в один из дней, отпросившись с учебы в техникуме, чтобы проводить на фронт знакомого молодого человека, чудом спаслась из всей группы. Авиабомба попала в собирающийся в укрытие класс. Все, с кем училась бабушка, погибли. Семья пережила блокаду с первого до последнего дня и была вывезена после прорыва в Казахстан. Уже в дороге, в вагоне поезда от истощения умер отец. Похоронен по пути следования эшелона в г. Казань. Девочки поехали дальше одни. Окончательным местом жительства эвакуированных сестер была определена Северо-Казахстанская область, районный центр Соколовка. Освоившись на новом месте, бабушка поступила на работу в районный Сбербанк. Позднее, уже после войны, с отличием окончила факультет экономики Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Темирязева.

В 1943 году, после 8 месяцев ташкентского эвакогоспиталя, в Соколовский район был направлен на должность военкома комиссованный по ранению лейтенант Александр Иванович Михайлов. Родом из Ростова-на-Дону. Через год они расписались и прожили вместе всю жизнь, родив четверых детей. Бабушка часто повторяла слова своего отца о том, что не следует селиться в больших городах, что в случае войны на них направлено основное острие удара, и они больше всего страдают. Поэтому она и младшая сестра Надя остались в Казахстане и прожили в селе всю жизнь, а старшая сестра Вера после войны все-таки переехала в Москву и там вышла замуж.

Вспоминая, каким человеком была моя бабушка, не перестаю удивляться тому, что, несмотря на почти мужскую жесткость и принципиальность, это был очень отзывчивый и сострадающий человек. Позже, уже работая управляющей Сбербанком и по совместительству возглавляя парторганизацию района, никогда не могла пройти мимо чужой беды или несправедливости и помогала всем, кто нуждался в защите и помощи.

Не стало бабушки в 2002 году. Несмотря на подорванное в молодости здоровье, она прожила 80 лет, пережив своего мужа на 20 лет. Это говорит об огромной внутренней силе и желании жить того поколения, и в особенности тех, кто пережил весь ужас блокадного Ленинграда до конца. В заключение хочу сказать, чтобы молодое поколение знало, что им есть кем и чем гордиться. Победа в той войне была общим делом Красной армии и всего советского народа. Страшно подумать, какие тяготы и лишения легли на плечи молодых людей на фронте и в тылу. Может быть, представив себе это, нынешние молодые будут больше беречь и ценить жизнь. Понимать, как хрупок мир вокруг, и какие нужны силы, чтобы его сохранить и передать уже своим детям и внукам, как это когда-то сделали наши бабушки и дедушки.

Майсак К. В., г. Петропавловск, СКО, Казахстан

Моисеенко Татьяна Аркадьевна

Мы заткнули уши бобами, чтобы не слышать звуков тревоги

Война для меня началась с ухода отца на фронт. Он был художником, в 1941 году оканчивал Академию художеств. Их было 32 выпускника, и в первые дни войны они ушли на фронт. Из них вернулся только один. Меня не взяли на проводы, когда он уходил, так как я была еще маленькой. Я не давала ему уйти, все время ногу подставляла в дверь, чтобы он не смог ее закрыть.

Наверное, дети, как зверята, инстинктивно чувствуют беду. Я тоже чувствовала, что больше его не увижу. Так и получилось. Потом начались бомбежки. У меня

было шесть двоюродных братьев. Трое из них – взрослые: один сразу ушел на фронт, второй – в военное училище, а третий – девятиклассник. Он работал в бытовом отряде, пока в 1942-м не умер от голода. Трое других были маленькими. Как-то с младшим братом у нас было задание. Рядом был пивоваренный завод имени Степана Разина, когда его разбомбили, в чанах осталась гуща. Нам давали эту гущу по талонам. Когда гуща закончилась, наши мамы ходили на завод, поднимали половицы в разрушенных цехах и выбирали оттуда зерна солода, сою. А мы, дети, разбирали эти зерна на горелые и те, что можно съесть. Однажды на нас посыпалась побелка, люстра, тряпки, обломки окон, дверей. Мы с братом Валентином сидели в известке, в тряпках и потихоньку скулили, пока мамы не пришли с работы, так как нам было ужасно страшно.

Нас хотели эвакуировать в самом начале блокады, но бабушка попала под обстрел вместе с ранеными. Она была ранена в голову, контужена, и оставить ее мы не могли – это означало бы обречь ее на верную смерть. Второй раз, когда мы хотели эвакуироваться, уже в 1942-м, я начала кашлять. Маме сказали, если кто-то в эшелоне скажет, что у нее коклюш, то выкинут без всякой жалости, чтобы никого не заразила. Мы снова остались. У меня начинался туберкулез. Мама привезла меня в больницу и дала с собой узелочек, в котором была кофточка, а в ней – кусок картошки. Я проводила маму до двери, повернулась, а на кровати ничего нет – крыса стащила. Я заглянула под кровать, а там в стене – дырка, из которой торчит моя кофточка, а картошки уже нет. Я осталась голодная, вытащила кофточку, у которой уже были обгрызены рукава. Потом мама обвязала их крючком, и я ее еще носила.

Вдруг в палату вошла нянечка, которая показалась мне сначала толстой, а потом я поняла, что у нее халат на телогрейку надет. Она принесла девочку, такую же как я по возрасту, с короткой стрижкой, положила ее на соседнюю кровать и ушла. Я очень хотела поговорить с этой девочкой, а она отвернулась к стене и лежала молча. Через некоторое время нянечка вернулась, отогнула одеяльце и махнула рукой – девочка мертвая. Нянечка положила ее на кроватку, ножки, ручки девочки болтались, как у тряпичной куклы, и повязала на нее номерочек. Это было самое страшное впечатление от мертвого человека.

Ленинград не собирался сдаваться. Его жители делали все, чтобы спасти город. Зданий было разрушено много. Осенью 1942 года маму, инженера пищевых предприятий, отправили на обмер разрушенных зданий, чтобы потом их восстанавливать. Ей дали наряд на обмер тарной фабрики. Тара в то время – это не пластмассовые ящики, а деревянные из дощечек. Мама, забравшись внутрь этого предприятия, увидела, что на ящиках растут

опята. Это была сказка! У нее была только блузка и телогрейка и еще мешок от противогаза. Мама пришла домой с мешком из блузки за спиной, полным грибов. Она их насобираала прямо с землей. На следующий день, идя на обмер, мама взяла с собой наволочку. Бабушка вымыла каждый грибок и посолила, а потом выдавала нам по грибку.

А картошку я по сей день не ем. Однажды во время блокады я нашла картофельные очистки и съела... Как мне было плохо!

Однажды на Новый год на мамином заводе нам устроили елку. На празднике нам дали по кружке кипятка, маленькому кусочку хлеба, по два сухарика и кусочку глюкозы.

Как-то моя тетя набрала лебеды, ошпарила ее и сварила с рисом. Это было так вкусно, что не передать словами. Мне тогда казалось, что, когда кончится война, я буду есть только рис с лебедой.

А однажды мы с Валею перебирали бобы, и помню, тревога гудит и гудит, гудит и гудит. У нас, маленьких детей, уже терпение лопнуло. Валя говорит: «Давай заткнем уши». Вот мы и заткнули этими бобами. Когда тревога прекратилась, Валя достала бобы из ушей, а я не могу. Боб начал в ухе разбухать. Я начала кричать, а дома никого из взрослых нет. Мама потом пришла и повезла меня на санках в госпиталь. По дороге только слышу – «ребенок раненый» и думаю, это кто ребенок раненый? В хирургии меня посадили на высокий крутящийся стул и стали шприцем с водой выбивать боб из уха. Раненые заглядывали, смотрели на меня, думая, что привезли раненого ребенка. Когда им сказали, что ребенок вот так спасается от войны, у одного пожилого мужчины по щекам потекли слезы, он обернулся и всем сказал: «А ребенок-то не раненый!» Услышать это – было для них счастьем.

Мухина Валентина Александровна **Бомбили нас постоянно**

Когда началась война, мне было 6 лет. В первые месяцы войны мы жили на проспекте Сталина, но, когда фашисты стали приближаться к Ленинграду, нас оттуда выселили. Правда, другого жилья нам не дали – и в итоге мы поселились в дворницкой на Васильевском острове. Мама работала на Балтийском заводе по строительству и ремонту кораблей, и дома она бывала так редко, что я этого почти и не помню.

До войны мама была большая модница – это нас и выручило: с началом войны многие ее вещи мы поменяли на еду. Еще помню дома печку-буржуйку. Все, что могло в доме сгодиться на топливо, – шло в печную топку.

Двор наш был маленький: всего 12 квартир. Когда бомбили – а бомбили нас постоянно – мы спускались с бельэтажа, где жили, в прачечную на первом этаже. Там и пережидали авианалеты – украдкой выглядывая, чтобы посмотреть на небо, где в лучах прожекторов летали самолеты.

Соседи снабжали нас дурандой – это было вкусно. А еще делали студень из столярного клея. Наша бабушка, которая жила с нами, ходила на табачную фабрику, приносила оттуда гильзы от папирос, которые затем меняла на еду. Голод был такой, что нашего пса – немецкую овчарку по кличке Дик – попросту съели: мы пошли на табачную фабрику с бабушкой, он увязался за нами, да так и не вернулся.

Мамы не стало в 42-м. Однажды она пришла с работы и сказала, что сильно болит голова. Выпила несколько стаканов холодной воды, которую мы натаскали из Невы, и заболела менингитом. 5 июля она умерла. Похоронили мы ее на Смоленском кладбище, мамин брат был столяром и сам сделал гроб. Меня забрала к себе тетя – у нее самой была дочь и два сына, один из которых погиб на фронте в самом начале войны.

В конце августа 1942-го нас эвакуировали в Алтайский край. Поезд разбомбили – да и остаток дороги легким не был. Но все же добрались. А в эвакуации началась уже совсем другая жизнь, из которой я навсегда запомнила девочку, мы с ней сдружились, Зяткину Валю.

Муравьева Тамара Иосифовна
Мне казалось, что я никогда не наемся

Когда началась война, мне было 5 лет, а моему брату 3 года. Мой отец, Бельюнов Иосиф Станиславович, ушел добровольцем на фронт, а осенью 1941 года уже пришло извещение о том, что он пропал без вести. Мы до сих пор и не знаем, в какой братской могиле он лежит. Моя мама, Бельюнова Агриппина Матвеевна, осталась одна с двумя малолетними детьми.

Мое самое яркое воспоминание о блокаде – то, как мама везла меня на саночках через Неву. Там были поля свеклы, и я вместе с ней собирала овощи, которые перевернуло взрывом бомбы. До сих пор в нашей семье экономят каждый кусок хлеба, хотя с деньгами проблем нет. Мне раньше казалось, что я никогда не наемся.

Майорова Лидия Александровна
Мы делились своим мизерным пайком

С сентября 1941 года я работала заведующей травматологическим пунктом Свердловского района. Работали круглосуточно в две смены. Обслуживали гражданское население и рабочих трех заводов, выпускающих продукцию для нужд фронта. Начиная с зимы 1942 года у нас регулярно умирало до трех человек от истощения. Утром у здания ежедневно лежало несколько трупов. Жители окружающих домов, зная, что к нам приходила машина с командой по сбору трупов, подносили своих умерших.

В апреле мои соседи по квартире сообщили мне по телефону о смерти брата. Я пошла пешком с 15-й линии Василевского острова через замерзшую Неву на ул. Дзержинского. Брат умер от истощения, сидя на стуле: я зашила его в одеяло и на двух санках, взятых у дворника, отвезла на пункт приема к Мариинскому театру. Возвращать санки было уже некому, так как дворник за это время тоже умерла. Похоронили брата в траншее у Смоленского кладбища.

Из-за холода (температура в помещении достигала минус 17 градусов по Цельсию) мы работали в пальто и шерстяных перчатках. Поверх надевали халат и резиновые перчатки. Отогревались в комнате, где была плитка-буржуйка, на которой кипятили инструменты и воду для чая (без заварки и сахара). В жилых домах тоже были буржуйки, и жгли в них все, что горело: мебель, книги и др.

Водопровод и канализация не работали. За водой все ходили к проруби на Неве с чайниками, кастрюлями (на большую тару сил не хватало). Двигались цепочкой: дети, взрослые, закутанные кто во что горазд, похожие на тени. Наступил жестокий голод. Паек хлеба – 125 граммов. Введенные продуктовые карточки отоваривались нерегулярно. Машины с Большой земли с продуктами на Ладожском озере (Дороге жизни) подвергались бомбежкам и обстрелам. Очереди в магазинах задерживались на 2 – 3 суток (не все выдерживали). Мы, приходя на работу, паек хлеба закрывали под замок в шкафчик. Ключ был у всех на виду, брали часть хлеба в обед и опять под ключ – до ужина. Однажды бомбили дома напротив, у нас летели стекла и осколки. Все стали просить выдать хлеб (вдруг погибнут, а он останется?), но, подумав, решили, что если не погибнут, то без хлеба тоже смерть.

К весне стало полегче, появилась трава на газонах улиц и скверов, листья на кустах и деревьях. Из этого варили суп, добавив в воду соль (это спасло от авитаминоза). Настой елочных иголок давали раненым в госпиталях, все пили его как витаминный напиток, который спасал от цинги и авитаминоза.

При большом поступлении раненых после бомбежек мы ходили помогать в больницу им. Ленина и в близлежащие госпитали. **Однажды, выполняя вызов на дому, я вошла в открытую квартиру, где пол был покрыт льдом. В комнате лежала на кровати молодая мертвая женщина, на груди которой лежал годовалый ребенок. С дворником мы завернули его в одеяло и доставили в детский приемник. Терапевты почти ежедневно встречались на дому с подобной картиной.** В блокаду был основной диагноз у живых и посмертно – дистрофия (полное истощение). Было отмечено: таких заболеваний, как острый аппендицит, скарлатина, ангина, почти не наблюдали (стрептококк – микроб, размножается в присутствии белка, у голодных его не хватало).

Наше здание пострадало от обстрела, нас объединили с 4-й поликлиникой, где посменно, во избежание пожара, мы дежурили на чердаке. Там был запас противопожарных средств. Приходилось сбрасывать с чердака и крыши зажигалки. Коллектив был дружный, мы поддерживали друг друга, делились своим мизерным пайком. Было очень трудно.

С прорывом блокады города улучшилось снабжение продуктами. Было организовано усиленное питание для людей с выраженной дистрофией. По карточкам, прикрепленным к столовым, получали обеды. Вначале была допущена ошибка – можно было отоварить талоны сразу за день и даже за два дня, в результате не все выдерживали обилия пищи и умирали.

Учреждениям выделили деревянные разрушенные постройки на дрова. Нашей поликлинике выделили 2-этажный дом. Мы его разобрали, распилили бревна и на тележках развезли по домам. С теплом вопрос решали. Последствия поврежденной канализации ленинградцы ликвидировали, по мере своих сил, уборкой нечистот в домах, дворах и на улицах, предупредив возникновение инфекционных заболеваний.

Макушкина Анна Ефимовна **От голода сходили с ума**

Война нас застала в Ленинграде, когда я училась на третьем курсе института им. Герцена. Жила в общежитии на ул. Желябова, рядом с Театром миниатюр, где начиналась слава молодых, еще совсем не знаменитых Райкина, Шульженко, Коралли, Зеленой. Нас часто приглашали на представления – заполнить заметно пустеющие кресла, и мы с гордостью и студенческой наглостью хвастали: «Наш придворный театр!»

Много лет прошло, а хорошо помню чувство недоумения: «Почему война? Почему внезапно?» Учили и твердо знали, что СССР непобедим, а если война, то только на чужой территории. Пустело общежитие: кто сумел или если было куда – уезжали. Шли в военкомат парни. Приходили прощаться. Недолго повоевав, погибали, и уже приходили извещения об их героической гибели.

В институте читали лекции, принимали экзамены как-то снисходительно. Не это теперь было главным.

В полуподвальном помещении студенческой столовой оборудовали госпиталь, и мы там работали санитарками, нянями, делали что приказывали. Раненых прибывало с каждым днем все больше.

О войне написано много, но для каждого участника она осталась своей болью, своим воспоминанием. Постепенно исчезал страх, реже думала, что можно погибнуть. **Изводили слабость, холод, голод и... гастрономические сны. От голода сходили с ума, совершали чудовищные поступки. Что помогало выжить, что было таким же важным, как хлеб? Мне кажется – все-таки человечность, понимание, сочувствие и даже доброта.**

Под Ленинградом рыли окопы. Только втянулись в работу – как всегда тут же начался обстрел. Последовал приказ быстро собирать инструмент и – по вагонам. С Валею Лимоновой мы жили в одной комнате, она была покрепче меня и помогала мне первой забираться в вагон, а сама садилась, когда поезд уже начинал двигаться.

Случилась у меня огромная беда. Из комнаты в общежитии утащили сумку, а в ней – хлебная карточка, неиспользованные талоны за половину ноября. Ужас этот помню и сейчас. На Васильевском жила со своей семьей моя тетя. Я знала, что им было очень трудно, но надо было с кем-то поделиться своим горем. Как добралась – не помню. Посочувствовали, приободрили, успокоили. Не дадим, мол, умереть. Поделится. И тут же напоили кипятком с крошечным, довоенным видимо, леденцом-монпасьеткой.

А что значило поделиться едой – блокадники очень хорошо представляют. Меня не отпустили, и до самого отъезда я жила с ними в коммуналке, в одной комнате. В госпиталь добиралась через весь город ежедневно. Сожалела о фотографии друга, которая была вместе с хлебными карточками в сумке. Мы хорошо дружили два года. Военное положение, никаких вестей о нем.

Еще в начале октября он забежал в госпиталь попрощаться. Уходили на фронт, а фронт был рядом, на знаменитом Невском пяточке. Однажды в госпитале с порога вызывают Аню. Я не пошла, а побежала – вдруг меня?

И действительно – стоит мой Лев, голова перевязана, правой рукой поддерживает фуражку, левая непроизвольно дергается. С трудом, заикаясь, объясняет: он, мол, калека уже, возможно, инвалид, и я – свободная барышня. Еще до войны велись у нас речи, что, как окончит училище – поженимся. (Он был курсантом Военно-морского пограничного училища НКВД.) Смешно вспомнить наш диалог и всю суету. Я тут выпалила возмущенно, что завтра же идем в ЗАГС. Говорю, что живу теперь не в общежитии, а на Васильевском, 9-я линия, дом, квартира... Он стоит, молчит, на меня не смотрит, вдруг разворачивается и молча уходит. Я растерялась, не знаю что и думать.

Дома рассказала все, и главное – о моем решении и предложении. Тетя заплакала, дядя вышел из комнаты. Настроение мое стало меняться. Забыла, что ли, что война, и нет никакого завтра, и как многим обязана этим людям, как нелеп и некстати мой декабристский порыв. Я стала чаще ночевать в госпитале, все труднее становилось добираться домой. Стала забывать про ЗАГС, радовалась, что все обошлось, что все как надо.

И вдруг приходит на работу мой друг – начищенный и удивительно веселый. Заикаясь, сообщает, что товарищ Бару (не помню, то ли он был военкомом, то ли начальником училища, имени и отчества не помню) ему разрешает жениться, но хочет видеть невесту.

Теперь мне стало страшно. Но идти надо. Девчата собрали у кого что, приодели, и мы пошли с ним на площадь Труда, где находилось училище. Долго смотрел начальник на нас. Спросил, кто мои родители и где они. Они жили в Белоруссии, и я о них ничего не знала с начала войны. Так и ответила.

Студентка? Сумеешь лаборанткой?

Я не медичка, я в пединституте на историческом.

– Вот и хорошо, будешь на соответствующей кафедре!

Велел проводить меня до ворот училища. 21 ноября мы уже в Василеостровском ЗАГСе. У стола возле женщины небольшая очередь. Регистрируют смерть. Стоим – не знаем, как и что говорить. Взглянула она на наши совсем не печальные лица, спросила, что надо. Улыбнулась. Люди чуть расступились, мы подошли к столу.

Я уверена, что начальник политотдела Бару разрешил в такой обстановке жениться курсанту Макушкину, потому что знал, что спасет еще одну душу. Училище собирали в эвакуацию.

Наше свидетельство о браке за № 1396, выданное УНКВД по Ленинградской области Василеостровского района 21 ноября 1941 года, хранится в Государственном музее истории Ленинграда под № 215 – 76 – 57.

Вышли. Растерянно, как дураки, глянули друг на друга. Что и зачем творим? Что дальше? Все же поцеловались, регистраторша не предложила совершить этот ритуальный поцелуй.

Муж пошел в училище, предупредил, что скоро будет. Я – к тете. А здесь уже белой скатертью накрыт стол. На тарелке лежали ломтики хлеба, в вазочке – варенье. На углу стола – укутанная в махровое полотенце кастрюлька. Посередине стола – бутылка вина.

Родные меня поздравили. Я рассказала о торжественной процедуре, как регистрировали смерть, как было не совсем удобно нам. Поплакали. Пришел Левушка с солидным пакетом в руках. Это был свадебный подарок училища. И какой?!

На стол легла целая буханка хлеба, три куса сахара, с полкило черных макарон и кусок хозяйственного мыла.

За столом нас было семеро: кроме тети и дяди еще две их дочери. Старшая на военном положении, работала на фабрике, где шили обмундирование. Домой приходила редко, но по такому случаю ее отпустили на сутки. Младшая – школьница – высокая, худящая, вечно голодная – мечтала вслух, как хорошо будет после войны: не будут говорить о еде, о хлебе. С горечью вспоминала о том, что не любила есть пшеничную кашу. Мы ей от своих порций незаметно отламывали по кусочку, она отнекивалась, плакала, но устоять не могла.

Пригласили соседку, немку. Ее муж был заслуженным человеком, русским, и ее не выслали. Это была очень приятная пара старых петербуржцев. Позже ее супруг погиб во время налетов на город, детей не было. Обрусевшая Эльза Адольфовна искренне стыдилась за деяния соотечественников, страдала из-за своего отчества, она не возмутилась, что после гибели мужа ей долго не давали хлебную карточку. Жила тем, что продавала и меняла свои вещи на продукты. Вскоре умерла.

Во главе свадебного стола сидели мы, молодожены. Тетя аккуратно от буханки отрезала так, чтобы каждому досталось по ломтику. Остальное завернула в салфетку. Не один день еще мы потом подпитывались сухой крошкой этой буханки. Был суп, хорошо разваренные мелко покрошенные макароны, подсоленные, с лавровым листиком. По ложке очень жидкой чечевичной каши, почти сладкий чай. Вино, конечно, не открыли. Его выдали, когда еще норма хлеба была 250 граммов – по особому талону... Вино было очень большой ценностью, почти как хлеб. Когда младшей сестренке стало совсем плохо, его обменяли на лекарство, и оно ее спасло. Но тогда мы и без вина разомлели от еды. Начались пожелания, и даже «сухие» тосты. «Чтобы кончилась война...», «чтобы вернулись с войны живыми». В победе мы не сомневались.

В декабре началась эвакуация училища. Командный состав, преподаватели с семьями, вольнонаемные и оставшиеся в живых курсанты – из нескольких сот чуть больше сорока. Эвакуировались через Ладогу. Мужчины шли пешком, дети и женщины – на грузовиках. Перешли благополучно, никого не потеряли.

В Новой Ладого прождали несколько суток железнодорожный состав. Погрузились в оборудованные чугунами печками и нарами товарные вагоны. Разместились. Обустроились. Поддерживали огонь в печурке. Все курсанты ехали в своем вагоне, но муж иногда меня навещал. Эшелон двигался медленно, с длительными стоянками. В вокзальных буфетах многое можно было купить. Муж очень старался, но есть я уже ничего не могла. В Новой Ладого накормили скверным гороховым супом, все время болел желудок. Почему-то хотелось манной каши и еще постоянно – пить.

С каждым днем состояние становилось хуже. Врачи, которые ехали с нами, помочь не могли и сомневались – довезут ли меня живой. Посовещались, вызвали из соседнего вагона Льва, объяснили сложность моего состояния, предложили на ближайшей остановке высадить и передать в больницу.

Муж попросил подождать еще одни сутки. Тем временем мы подъезжали к Дербенту. В буфете оказалось вино. Муж упросил буфетчика сварить манную кашу, мол, жена умирает. Буфетчик обменял вино на коньяк, от себя добавил круглый плоский белый хлебец. Кашу сварил в крышке солдатского котелка. Я больше всего была рада манной каше на воде. В общем, доехала живой.

Разгрузились в пригороде Баку, на Зыхе, на территории Каспийского ВВМУ. Поселились у хороших хозяев. Жизнь была мирная, спокойная. Я быстро поправилась и продолжала работать на кафедре марксизма-ленинизма.

Курсанты доучились. В марте 1942 года получили первое офицерское звание «младший лейтенант» и направления на войну. Левушку отправили в Сталинград, на Волжскую военную флотилию. Я поехала с ним. Не буду описывать, как возмущался и свирепел командир части. Пытал, почему младший лейтенант возит с собой только одну жену, а не весь свой гарем. Поостыл, когда услышал, что я – блокадница из Ленинграда, да еще и настоящая жена, есть, мол, свидетельство о браке.

Тут же велел дать мне пропуск в столовую вольнонаемных, подобрать работу. Дома Лев уже со смехом рассказывал, какими эпитетами он «обкладывал» его, пока не узнал детали. Да еще они оба оказались земляками, с Орловщины.

Относительно долго в Сталинграде было тихо и мирно. Я разыскала педагогический институт и договорилась, что буду сдавать экзамены, вернее, досдавать те, которые не успела в Ленинграде сдать. Но как-то внезапно все изменилось. Сталинград стал напоминать Ленинград грохотом военной техники. На улице появились воинские части. Война была уже где-то совсем рядом.

Как-то рано утром явился матрос, передал пачку табака, немного денег и записку от мужа. Велел не медля уходить. Куда уходить – ясно. Севернее города, в сторону Камышина плотно двигались укрытые брезентом огромные грузовики, шли солдаты, матросы. Появились и гражданские машины, груженные домашним скарбом.

Собрала я рюкзачок, на выходе из города проголосовала табаком. Почти на ходу подхватили меня солдаты с грузовика, довели до города.

В Камышине я работала в городской газете. Названия газеты не помню, лишь фамилию редактора – Бабская. Одинокая добрая женщина, помогала сотрудникам то арбузами, то картошкой. Главное – держала связь с Большой землей, и мы были в курсе событий в Сталинграде. События тревожные и страшные – это ясно было по количеству раненых, которые прибывали в Камышин. Недалеко от редакции был госпиталь, я после работы заходила к раненым. Они радовались. Кто просил почитать, кто просто посидеть рядом. О войне слышали по радио, не любили говорить о ней. Ранение считали спасением.

Муж всю жизнь помнил лицо убитого им под Сталинградом немца, рыжего, немолодого. Тоже не любил говорить о войне.

Потом была Днепровская военная флотилия. О конце войны узнали в Киеве, там базировались катера. Жили мы на Подоле в неотопливаемой квартире.

В Киеве же 16 ноября 1944 года я родила дочь Лизоньку. Муж тут же прибежал посмотреть. Понравилась, сказал: «Красавица!» Забирать красавицу было не во что, и матросы из баталерки подарили новую стеганку-телогрейку и простыню. А заведующий клубом Федя Шульц – немец кстати – принес нам домой красную скатерть, которую снял в клубе со стола, – на пеленки. Несколько лет из этой скатерти мы шили дочке куртки, пальто, штаны.

В Севастополь приехали летом 1948 года вполне семейными людьми, была и вторая дочка, Верочка. Города фактически не было, но капитан-лейтенанту Макушкину Льву Георгиевичу все же дали жилье на ул. Ленина, в мазанке, рядом с редакцией флотской газеты «Флаг Родины», где он служил. Я растила дочерей, по мере сил участвовала во флотском женсовете. Получала благодарности командования.

Девчата подросли, и я стала работать в Музее обороны и освобождения Севастополя. Работала научным сотрудником, экскурсоводом. Самым любимым объектом был для меня Малахов курган. Панораму любила. Тяжело работалось на Сапун-горе, возможно, потому, что на себе испытала Великую Отечественную.

Вернулся с войны и мой брат Абрам Ефимович, о котором ничего не знала, а ведь были в войну почти рядом. Его авиачасть стояла в Бокситогорске. Вернулся не сразу. Тяжело контуженный, неоднократно раненный, уже после победы он долго лечился в разных госпиталях, но почти безрезультатно, домой к родителям его привезли два санитары.

Диагноз – поражение ЦНС. Отказали ноги, глухота, потеря чувствительности всей левой части тела. Приговор врачей – пожизненный инвалид. И это в 23 года.

Спортивный, волевой и упрямый, не смирился брат со своей беспомощностью, с судьбой инвалида-иждивенца. Начались изнурительные тренировки, путёвки в санаторий, народные средства, поддержка родных, а главное, огромная сила воли.

Медленно стал возвращаться слух, подвижность ног, с палкой двигался он уже самостоятельно. Решил идти на работу, но с таким диагнозом никуда не принимали. Добился перевода с I категории инвалидности на II. Работал, женился, вырастил двух очень красивых дочерей. Радовался внукам. А главное – потряс лечащих врачей, которые считали его безнадежным.

Маркова Валентина Петровна

Я считаю, что именно дети спасли город от зажигалок!

Нашему поколению очень досталось: война, блокада, после войны тоже было голодно... Во время блокады мне было 10 – 11 лет. Мы жили в коммуналке, в двухкомнатной квартире на Петроградской стороне, все в одной комнате. Наша мама, как комиссар, распределяла кому что делать. Мне велели ходить на кухню, на Выборгскую сторону, за мучной болтанкой. Про нее говорили: «Крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой». Эту болтанку доставали по великому благу на крупяные талоны, поскольку мама познакомилась там с кассиршей.

Все время шли артобстрелы, и было очень строго, как только начиналась воздушная тревога, через рупоры на улицах объявляли: «Внимание! Воздушная тревога! Всем укрыться в бомбоубежища!» А мне нельзя было сидеть в бомбоубежище, мне надо было принести эту болтанку. У меня был двухлитровый бидончик, дедушка мне его к руке привязывал, так чтобы он не разлился, даже если я упаду. И так я бегала на Выборгскую сторону. Мне свистели милиция и дворники – у каждого дома были дворники, которые всех загоняли в бомбоубежище. А я ждала, когда дворничиха повернется, шмыг – и дальше бегу. Мне надо было идти через мост на Большой Невке, там зенитки стояли у моста и никого не пускали, пока идет налет. И я ждала отбоя воздушной тревоги, чтобы прошмыгнуть по этому мосту. Только до середины моста дойдешь – опять воздушная тревога! Налеты были беспрестанно! Добегала, брала болтанку и обратно бежала в том же духе. Рушились дома, немец стрелял, воздушная тревога, бомбежки, а я не обращала на это внимания и бежала. Но в результате я начала заикаться, от страха наверное. И даже после блокады я заикалась. Но слез не было. Нервы были как в кулаке. Ночью мы не могли спать от голода.

Папа был старшим буровым мастером по нефти и газу, ездил по Северу, мама до войны не работала. Моя сестра Инна была еще маленькой, младше меня на шесть лет. Когда началась война, мама стала санинструктором. Дворники были обязаны ходить по квартирам и, если кто-то умирал, выносить тело в парадную. Там лежали штабеля трупов, а потом приезжали на машине, и трупы, как дрова, туда кидали. Каждый день старались приезжать, чтобы не было эпидемии.

До блокады мы во дворе, и мальчики, и девочки, играли в войну. Мы были санитарками, у нас были шапочки и вышитые сумочки, сами вышивали. А мальчишки надевали такую военную спецовку, у кого была. Танк был... И во время войны тоже играли.

Ночью бомбили и сбрасывали зажигалки – Гитлер же приказал сжечь Ленинград, и мы, дети, дежурили на чердаках. Сейчас, в современных домах, таких чердаков нет, там вешали белье, хранили вещи. **Мальчики дежурили на крышах, а мы на чердаке. Как только зажигалка попадает на дом, они нам ее сбрасывают, а у нас были специальные рукавицы и щипцы. Зажигалка шипит, как змея, разбрасывает огонь, и мы ее щипцами и или в бочку с водой, или в песок. На крышу мальчишки нас не пускали, они были постарше и сами лазили. И в каждом доме так, так что я считаю, что именно дети спасли город от зажигалок.**

Когда прорвали блокаду, я уже не ходила – так у меня опухли ноги от голода. И меня отправили в больницу с третьей стадией дистрофии, полгода лежала. Самым страшным, конечно, был голод.

Маслова (Афанасьева) Нина Семеновна

Когда начиналась бомбежка, все бежали в бомбоубежище, а мы с мамой в туалет, где висели иконы

Я родилась 7 февраля 1939 года в г. Урицке, на улице Ленина.

Проживала вместе с мамой Анфисой Васильевной, отцом Семеном Афанасьевичем и сестренкой Галочкой, 1940 года рождения.

Отец ушел на войну. Когда немцы вошли в Урицк, мы с мамой и сестренкой бежали в Ленинград и жили по разным адресам – сначала на ул. Шкапина, д. 6, а когда дом разбомбили, переехали на Фонтанку, д. 189. В многоквартирной коммуналке в центре мы прожили всю страшную блокаду.

Первые годы войны помню со слов мамы. И только отдельные моменты сфотографировались в моей памяти. Голод, холод. Страшно вспоминать. Мы, дети, постоянно болели. Однажды врач сказал, что Галочка обречена.

Галочка умерла. У нее был огромный живот (рахит), и она все время просила: «Мама, ка» (Мама, кашу). Ужас. Мамочка до смерти (умерла в 55 лет) не могла вспоминать эти слова, так же как и я сейчас.

Голодали, умирали. Нас в квартире осталось трое: мама, я и дядя Вася-дворник. Остальные 9 человек умерли – мы их всех переносили в одну из комнат, а потом увозили.

Дядя Вася сильно мерз и постоянно плакал со словами, что пойдет на барахолку и поменяет икону Божией Матери на валенки. Мама его отговаривала, но он ее

не послушал и поменял. Надеть их он не смог, так как у него отнялись ноги. Что с ним дальше произошло, я не знаю.

Когда начиналась бомбежка, все бежали в бомбоубежище, а мы с мамой в наш огромный туалет, где висели иконы. Падали на колени и молились. В угол этого дома бомба не попала. Мама уходила на работу, а я на ночь оставалась одна. Я закутывалась в одеяло с головой, как в кокон. Мне казалось, что так я в безопасности.

Я до сих пор так сплю. Мама работала на заводе «Металлист», и в один из дней сильной бомбежки прибежали сотрудники и сообщили страшную новость о том, что в садик (не помню какой по счету) по Лифляндской улице попала бомба. Матери побежали туда, и только двое, я и Нина Фоменкова, выжили, а остальные были ранены или мертвы. В садике мы с мамой бегали по тревоге, несколько раз падали навзничь. Ужас. Падали все, но не все поднимались. Очень хорошо я помню над городом аэростаты и оглушительный вой.

Еще мне запомнилось, как мы ходили из садика гулять через мост до Покровской площади. Она мне казалась огромной. Справа стояли стеллажи с телами, а слева был разведен огромный костер в яме, и женщины в ватниках с крестами на шапке и рукаве бросали маленькие пакеты туда. Огромное зарево над площадью. Эта картина стоит перед глазами и сейчас. На наш вопрос воспитательница отвечала, что скоро весна, и жгут тела покойных детей, чтобы не было эпидемии.

Помню, как в детском саду сторож, закрывая дверь, сажал меня на ступеньки и говорил, что скоро мама за мной придет. И я, как затравленный волчонок, просидела так почти все лето, пока мама не пришла в себя после тяжелой травмы. Помню «кавказскую» конфетку, которую мама делила на 24 части и по дольке давала мне каждый день. Воспоминаний много, но вот вспоминать не хочется.

Матвеева Антонина Александровна

Маме поставили диагноз: психоз на почве истощения

До войны наша семья жила в Кировском районе в деревянном доме. Но Кировский завод часто бомбили, и нам пришлось переехать. Нас приютил мамин брат, он жил в коммунальной квартире на четыре комнаты на улице Чайковского. Нас было пятеро, а жильцов коммуналки четверо, и они были очень недовольны, что незнакомые люди вторглись в их личное пространство. Потом мы уехали в Коломяги, где нам дали две комнаты в деревянном доме.

Эвакуироваться мама и папа не хотели, нас они тоже держали около себя. Мама меняла все вещи на то, чем можно было нас прокормить.

В феврале 1942 года отец пошел получать карточки на всех. Как сейчас помню, мы ждали его, вскипятили чайник. Так и не дождались. Отца нашли в разбитом доме на Петроградской стороне раздетым до нижнего белья, с пустым брошенным кошельком. Его отвезли в больницу Эрисмана. Мы сидели без еды 10 дней, пока не узнали, что он мертв. Потом нам выдали хлебные карточки на последнюю декаду. Когда мама получила карточки, она наварила нам каши и макарон. Мой брат сидел в постели, он начал подносить ложку ко рту и вдруг упал, так и не съев ничего. Так он и умер.

Я стала замечать, что мама сильно изменилась: она собирала столовые приборы и клала их под подушку. Однажды она взяла карточки и пошла в магазин за хлебом, а выйдя на улицу, начала кормить чужих детей. К ней тут же подскочили мужчины и начали ее бить. В этот момент мимо проходила мамина подруга со своим взрослым сыном. Они взяли ее под руки и отвели в больницу. Ей поставили диагноз – психоз на почве истощения. Так мы остались с сестрой вдвоем. Пока у нас были карточки, я покупала все, что было возможно.

Наступила весна. Я сняла ватное одеяло и стала мыть окна, а сестру отпустила во двор погулять. Тут к ней подошла незнакомая женщина, взяла ее за руку и повела за собой. Я побежала за ней, начала спрашивать, куда она ведет мою сестру. Она только отмахнулась. По другой стороне навстречу шел военный, я подбежала к нему и объяснила все. Он попытался остановить женщину, сначала она продолжала движение, но в конце концов бросила руку моей сестренки и убежала. Военный посоветовал пойти в приют. Я отправила сестру в стационар на Лесной. Карточек на питание оставалось всего на 3 дня.

Я пришла проведать сестру, меня проводили к ней. На ее кровати была бирка с надписью «дистрофия 3-й степени». Врач поинтересовалась у меня, с кем мы живем, и я поведала нашу историю. Она сказала, чтобы я шла домой, взяла с собой карточку и метрики и приходила обратно.

Меня побрили наголо, поскольку было много вшей, помыли, дали кальсоны и рубашку и положили в палату. Сестру выписали чуть раньше. Потом началась эвакуация детей, у которых не было родителей. Тех, у кого были братья и сестры дошкольного возраста, переводили в детский дом к малышам.

Нас отвезли в Ярославскую область, Угличский район и поселили в монастыре, который был обнесен громадным каменным забором. В 1945 году мы вернулись

в Ленинград. Мне еще не было 14 лет, и меня не хотели брать ни в какую школу. Потом мы смогли уговорить директора ремесленного училища на Петроградской стороне, его фамилия была Бриго. Он принял нас с сестрой учиться на столяра-краснодеревщика. А когда мы окончили училище, нас отправили на стройку: за Нарвским универмагом мы строили малоэтажные дома.

Сейчас у меня три сына, три невестки, четыре внука и одна внучка. Мой муж, к сожалению, умер 10 лет назад. Я прожила такую жизнь и считаю себя счастливой. Моя сестра, Зинаида Матвеева-Волос, жива, на блокадные дни она приезжает в Ленинград, а вообще живет в Тамбове.

До сих пор мы переписываемся с директором детдома, Фроловой Валентиной Михайловной. Она была молодая, энергичная, везде ездила с нами, в колхозы ходила. Раньше она приезжала сюда с мужем, воспитатели тоже приходили на встречи. Теперь воспитателей уже нет, умер и муж Валентины Михайловны. Мы очень благодарны и ей, и воспитателям – они были отличными людьми.

Матросова Мария Федоровна **По ночам я дежурила в госпиталях**

Когда началась война, я жила в Ленинграде вместе с мамой и сестрой. В блокаду мама умерла, и я вместе с сестрой на санках отвезла ее в приемный пункт. Забыть такое невозможно.

Потом я окончила курсы санинструкторов, работала, а по ночам дежурила в госпиталях. Туда привозили раненых после бомбежек и обстрелов. Привозили моряков с разбитых кораблей, которые больше походили на горящие котлы.

В памяти остался военнослужащий, доставленный в мою смену. Он был весь обожженный, лежал под синими лампами. Смотреть на него было очень тяжело. Таких было много.

Так и работали днем и ночью. Но один раз мне не надо было идти на дежурство, и именно в этот день в отделение попал снаряд, и все погибли. Видно, судьба моя была такая – остаться в живых, еще много увидеть и пережить.

17 октября 1943 года я была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Были потом и другие награды, но эту я считаю самой важной.

В 1944 году меня откомандировали на остров Даго, в 1945 году перевели в Таллин, а затем я вернулась в Кронштадт, в свою часть. В 1946 году вышла

замуж, а после того, как муж окончил Военно-морскую академию в 1954 году, мы переехали в Севастополь.

Матющенко Зинаида Алексеевна

Все было рядом, все перемешалось: и жизнь, и смерть

Зинаида Алексеевна Матющенко родилась в Ленинграде в 1936 году. Окончила Пермский государственный педагогический институт, работала на заводах № 45 и № 23, с 1991 года – главный специалист Управления культуры администрации города Озерска Челябинской области. Ветеран труда, ветеран атомной энергетики и промышленности, участник ликвидации последствий аварии 1957 года на производственном объединении «Маяк».

Сейчас блокада кажется нам такой далекой, но она стала великой печалью многострадального города, равной которой не было. Во время войны всем было плохо, особенно тем, кто находился на оккупированных территориях, а уж тем более на полях сражений. Мне не единожды приходилось слышать здесь, на Урале: «Ну и что ж там такого было? Мы здесь в Кыштыме тоже голодали, а никаких удостоверений у нас нет». Но я считаю, что этим людям повезло хотя бы потому, что над их головами не летали фугасные бомбы и артиллерийские снаряды в городе, взятом немцами в кольцо.

Итак, был замечательный солнечный июньский день 1941 года, война еще не началась. Наш детский сад, как и многие другие, ехал на дачу. Мы были в старшей группе и считали себя уже большими. Беззаботно и весело мы мчались на поезде на станцию Солнечное. Но не прошло и двух недель, как начали приезжать взволнованные родители и забирать нас в Ленинград. Никто ничего не понимал, только страшное слово «война» словно повисло в воздухе. Так для меня началась Великая Отечественная.

До сих пор помню отца, держащего меня на руках, кулек конфет, прижатый мною к груди, и буденовку. Да-да, буденовка с красной звездой и остреньким кончиком на макушке. Многие потом пытались меня убедить, что таких шапок тогда уже не было. Но многие уходили на фронт в 1941 году в буденовках, они тогда еще сохранились. Детская память очень цепко хранит все, что вызывало изумление.

Но чувства, которые оставили след в памяти навечно, – это страх, а вслед за ним и голод, который мы начали испытывать уже с осени 1941 года. Затем была зима. Минус 40 в Питере при высокой влажности и ветрах, дующих с Финского

залива, – это ужасный холод. Голодные, истощенные люди, которых оставили силы, замерзали сидя, падая, стоя. Смерть на морозе сковывала тела. **Официальная статистика именно той зимы такова: с 1 по 10 декабря 1941 года в городе умерли 9500 человек, с 11 по 20 декабря уже 18 тысяч. Ежедневно умирали до 2 тысяч ленинградцев.** Однажды весь наш дом охватило волнение, все искали бабушку Матрену, которая жила по соседству с внуком. Маленький Валька сказал, что бабушка пошла в сарай (он стоял во дворе) за остатками дров. Когда зашли в сарай, то увидели, что бабушка Матрена, как наклонилась, чтобы поднять щепку, так и застыла. Смерть и лютый холод – это картина зимы 1941 года.

Я не помню, чтобы мы ели кошек или мышей, я их просто не видела. Мама работала в военном госпитале, и я все время была с бабушкой, которой тогда уже исполнилось 70 лет. Вот я и бабушка сидели в маленькой комнате у большого блестящего самовара, для которого собирали всякие щепки. Бабушка клала в стакан что-то вроде муки или жмыха и заваривала, помешивая, под тонкой струйкой кипятка. В начале зимы такой обед еще был возможен. Как-то мы с бабушкой шли из госпиталя от мамы с маленькой миской какой-то баланды. Мы ее съели прямо у забора госпиталя, и, пока мы торопливо ее проглатывали, мне все казалось, что мне меньше достанется.

Нева застыла, и начались походы с санками и бидончиками за водой к проруби. До Невы на Васильевском было недалеко, но весь путь был усеян трупами. Их никто не убирал – некому и некуда. **Однажды около проруби мы увидели всплывший труп человека, глаза которого смотрели из-под стеклянной корки льда. Все было рядом, все перемешалось: и жизнь, и смерть.** В один из таких походов я плелась за санками и вдруг увидела на снегу что-то яркое, несколько маленьких точек. Из чьего кармана выпали эти три горошинки драже – не знаю, но я зажала их в руке и поспешно проглотила, не поделившись с бабушкой. До сих пор не пойму, откуда в то время они взялись. А потом я увидела тетеньку, лежащую на снегу, она почему-то была босиком. Ей было уже все равно, а кого-то ее валенки могли согреть.

Зажигалки летели на крыши просто дождем. Взрослые дежурили там во время бомбежек, а мы с детскими ведерками и серьезными лицами пополняли на чердаках запас песка для тушения огня.

Думаю, нет надобности говорить о ленинградской 125-граммовой порции хлеба, о ней много известно. А вот расправлялись с ней по-разному. Кто-то съедал сразу, а моя бабушка кромсала его на мелкие сухарики, так можно дольше держать во рту. Очереди за этим кусочком выстраивались заранее, словно

каждый боялся, что ему и по карточке не хватит. Взрослых в очередях подменяли и маленькие дети. Сколько было историй, подобных той, о которой пишет в своей книге Д. Гранин: мальчишка стоял в очереди за хлебом все время один, его никто не сменял, чтобы дать ему погреться. Его спросили, почему он стоит один с двумя карточками. Он ответил, что дома мамка, только она не может ходить. Ночью он ставит ее к стенке, а то она холодная, а днем, когда уходит, кладет на кровать. Мальчишка не мог себе представить, что он маму куда-то денет, что ее не будет рядом, и окоченевший труп был рядом с ним. Каким недетским испытаниям подвергалась детская психика!

Всякий раз весной в мае я еду с билетом до Санкт-Петербурга, а приезжаю в свой родной Ленинград. А мои родные василеостровские дворы и улицы напоминают мне о том времени, когда мне было от 5 до 9 лет, о моем недетском детстве.

Ленинград, мой город любимый!
Сколько связано в жизни с тобой:
Здесь я в тридцать шестом родилась,
Здесь впервые столкнулась с войной,
Здесь в суровые дни блокады
Мать работала день и ночь,
И за это ей в награду
Мир пришел, повзрослела дочь.
В то, что город есть лучше, не верю.
Кто сравнится с твоей красотой?!
Ты для всех открываешь двери,
Город Ленина, город-герой!

Медведева Лидия Геннадьевна

Мама приняла решение: «Будь что будет. От судьбы не уйдешь»

Война застала меня в городе Боровичи – туда отправили на лето детей из детского сада при Ленгорисполкоме, где работал в то время мой папа. Дети были маленькие – 1933 – 1937 г. р. – и меня отправили помогать воспитателям и нянечкам за ними ухаживать.

Место было красивое – рядом были лес, река, в которой мы часто купались в теплые дни. А когда погода не позволяла, я читала детям книжки – особенно они любили слушать сказки Пушкина. Я, как могла, помогала персоналу детского сада, хотя мне и самой порой хотелось порезвиться, ведь мне еще не

исполнилось 11 лет. Но я выросла в большой семье и привыкла не отлынивать от работы.

Однажды во время тихого часа, когда дети спали, я сидела на скамеечке у открытого окна, где собрался весь персонал детского сада. И я услышала, что, в связи со сложной военной обстановкой, нужно как можно скорее эвакуировать детский сад с детьми. Но, куда нас повезут, я не услышала. Я побежала на почту (благо она была недалеко от детского сада) и отослала папе письмо, написав о том, что нас хотят куда-то эвакуировать.

На удивление, письмо дошло очень быстро, и через 2 – 3 дня приехал наш папа и забрал нас домой. Помню, с нами поехала еще одна девочка, дочь папиной сотрудницы. Так мы избежали эвакуации. Судьба остальных детей мне неизвестна.

Папе дали бронь, так как мама была беременна и должна была родить двойню. Но выжил только один ребенок – мальчик, а девочка наглоталась вод и погибла при родах. Когда мы забирали маму из больницы, то один ребенок был на руках, а другой – в гробике. Прямо из больницы на машине мы поехали на кладбище, похоронили девочку и вернулись домой с одним ребенком.

В период блокады пришлось переезжать дважды, пока, наконец, нам не дали нормальное жилье на Лесном проспекте. Вначале нас поселили в квартире на Скобелевском, где было много дров и даже немного угля, которыми мы топили печку-«голландку» (у нее круглая форма). Там же была вторая комната, которая тоже нагревалась от этой печки (нагревался изразец – прочный материал, который очень долго сохраняет тепло). Когда кончились дрова и уголь, то пошли в ход скамейки, табуретки, столы – все, что было на кухне. Мебель мы не могли разделать, так как она была очень прочная (красного дерева и очень громоздкая), а мы были очень слабые, и нам не хватало сил с ней справиться.

До 1942 года отец имел бронь, а потом, когда на фронте стало трудно, отец отказался от нее и ушел на фронт. Но перед этим он перевез к нам жить свою сестру с двумя детьми (ее муж погиб в первых числах июля 1941 года) и жену маминого брата с двумя детьми (это были тоже малыши 1935 – 1939 г. р.). И все они поселись у нас: 12 человек, по шесть в каждой комнате.

В голодное время нас спасло то, что перед войной наши родственники жили в Левашово, имели кое-какое хозяйство, живность: кур, уток, даже козлят, небольшой огород. Тогда же все, что можно было порезать, – они порезали и засолили. Включая капустные листья.

И вот на такую семью варили, как говорила мама, «ведерную кастрюлю» с кусочком солонины и водой, а потом туда бросали немного какой-либо крупы или овощей. Жмыхи мы, дети, просто как конфеты сосали и были рады этому. Помню, как тетя варила из кожаных свиных ремней холодец. И мы ели его с солью и уксусом, было вкусно. Когда сгорели Бадаевские склады, тетя принесла какую-то черную массу, она напоминала творог, но мы были рады хоть что-то положить в рот, хотя после всего этого страшно болел живот.

Обе тети работали, а мама и я оставались с детьми. У мамы был малыш на руках, а к тому же с утра до вечера надо было поддерживать тепло и чем-то кормить всю эту детвору, которая все время просила есть. Я, как старшая, ходила за хлебом, иногда приходилось стоять в очереди, так как хлеб часто привозили с опозданием. **А если где-то должны были давать какие-то продукты, то я вставала очень рано и шла занимать очередь. А один раз меня, такую маленькую, вышвырнули из очереди; я стояла на морозе и плакала. Спасибо соседке, Наталье Николаевне, которая работала продавцом в этом магазине. Она завела меня с другой стороны и, посадив на высокий стул, сказала: «Давай талоны, а я пойду, попрошу тебе немного крупы на карточки».** Так мой поход закончился удачно. Я принесла крупу, и мы тянули ее какое-то время, добавляя в суп (если можно так назвать эту «похлебку из топора»).

Первое время, пока у мамы было молоко, она кормила ребенка грудью, а потом чаще давали ему соску из жеваного хлеба – так он и питался. Правда, когда прорвали блокаду, для таких малышей стали готовить на молочных кухнях кое-какое питание (немного каши и соевого молока), иногда немного творога. Но ходить за этим питанием надо было очень далеко. А потом уже, когда нас переселили на Лесной, то прикрепили к молочной кухне при Педиатрическом институте. Однажды я попала под обстрел, но осталась жива благодаря какому-то военному – когда после разрыва снаряда посыпались осколки, он швырнул меня в подъезд и сказал: «Дура, ведь могло бы убить!»

Я ничего не соображала и не слышала, так как совсем оглохла, и только потом, когда отошла немного и пришла в себя, то сообразила, что все могло кончиться очень плачевно. Но маме об этом рассказывать не стала, так как у нее и так было много забот.

К весне 1943 года мы переехали на Лесной. К тому времени все более-менее ценные вещи были проданы. Помню, мама отнесла на продажу и лучший папин костюм – бостоновый. Смогла выручить за него булку настоящего хлеба и кусочек сала размером чуть больше спичечного коробка. Да и много других

вещей, которыми наша семья дорожила, ушли за кусок хлеба. Но, слава богу, мы остались живы.

Нам предлагали эвакуироваться, но мама решила не рисковать, так как дети были очень маленькие. Тем более что одни наши знакомые, переправляясь через Ладогу, утонули, а другую семью разбомбили: они ехали в составе, и никто не спасся. Поэтому мама приняла решение: «Будь что будет. От судьбы не уйдешь». А тут вскоре тяжело ранили папу, и нужно было не только нас, но и его спасать, так как после двух операций у него начался абсцесс на легком (ему тراسсирующей пулей разорвало бок и сломало 3 ребра, от легкого остался лишь небольшой кусочек). Он воевал на Синявинских болотах, и его чудом спасла санинструктор Шурочка. Она с бойцами вытащила отца на плащ-палатке.

При выписке из госпиталя папе сказали, что ему необходимо усиленное питание, но, где его брать, мама не знала. Ее подруга подсказала ей, что нужен пропуск на выезд и въезд в город. В горисполкоме, где прежде работал папа, такой пропуск дали, и мама с еще одной женщиной поехали в Пензу, менять вещи на продукты. Когда они вернулись, то привезли бидон меда, масла, целого барана и муки. В итоге она спасла жизнь нам всем.

Во время блокады я не училась, так как часть школ переоборудовали под госпитали, а другие были далеко. Только после того, как нас, дистрофиков, немного подкормили в больницах и поставили на ноги, я снова начала учиться. Если до войны я окончила второй класс, то в третий пошла почти в 13 лет. Папу после госпиталя и выздоровления назначили начальником строительства костнотуберкулезных санаториев на станции Элисенвааре. Там сплошь были сосновые леса, и он быстро поправился.

Закончилась война, вроде бы налаживалась жизнь, но заболела мама, и мне пришлось идти работать и учиться в вечерней школе. Но, слава богу, маму подлечили, и снова мы стали налаживать наш быт.

После окончания седьмого класса я закончила курсы РОНО. Вскоре вышла замуж и уехала с мужем на Дальний Восток. А в 1952 году мужа перевели на работу в Севастополь.

Межерцкая (Беркович) Татьяна Мордуховна
Нас должны были отравить в душегубках

До войны мы жили в Ленинграде, в Ковенском переулке, в деревянном трехэтажном доме. Наша семья состояла из бабушки, мамы, папы, брата Миши и меня. Жили мы на первом этаже в двухкомнатной квартире, комнаты были

смежные. Одну из комнат занимала семья Миши Эскина, у него было двое детей – Ира и Изя, с которыми мы дружили. У меня была подруга, которая очень не любила евреев, от нее я узнала, что я тоже еврейка. Для меня это был удар.

Когда началась война, мне было 7 лет. Помню, я проснулась от гула: летали самолеты, и папа сказал, что началась война. Нас отправили с детским садом на дачу куда-то в Ленинградскую область, но оттуда мы тоже уехали, видимо, боялись немцев. Ехали куда-то в общем вагоне, спали и сидели на нарах, поезд часто останавливался, и мы больше стояли. Однажды на большой узловой станции в городе Кировске в наш вагон вошел папа. Оказалось, он ехал за нами, чтобы забрать нас с дачи, и случайно увидел на платформе заведующую нашим детсадом. Если бы не эта случайная встреча, вряд ли мы бы увиделись.

Мы поехали вместе с папой в Ленинград. По дороге папа рассказывал попутчикам, что в городе плохо с продуктами, и что уже появились карточки. Пассажиры угощали нас едой, а папа сердился на нас за это.

Когда мы вернулись домой, мама очень обрадовалась. Она сказала, что ночью ей приснились яйца – к встрече, и она купила на рынке творог и сметану, чтобы нас накормить. Это меня удивило, потому что в Ленинграде уже начался голод. В хлебных ларьках уже не продавали белые булки, а только черный хлеб. После этой истории с творогом мы все чаще стали ощущать голод. Папа тогда работал на каком-то заводе и иногда приносил с работы паек. Однажды я проснулась среди ночи, наверное, это был поздний вечер, папа с мамой сидели за столом и ели какую-то болтушку, и я очень обиделась, что они едят без меня.

Еще были какие-то остатки продуктов, но голод уже давал о себе знать. Постоянно и мучительно сосало в животе. Однажды мама сварила нам кашу из остатков круп, мы поели, но чувство голода не проходило. После этого мы пошли в гости к тете Мине. Они только что позавтракали, и на столе остались крошки. Мы с жадностью бросились подбирать их со стола. Помню, было очень холодно, и постоянно хотелось есть.

В Ленинграде начались частые обстрелы. Окна заклеивали полосками бумаги, а вечером занавешивали темной тканью, чтобы свет не проникал наружу, это называлось затемнение.

Однажды был очень сильный обстрел, снаряд попал в окно нашего соседа, стекло разбилось, и в открытое окно залез вор. Мы ясно слышали, как он ходит по комнате. Дверь соседа была заперта на ключ, но папа решил выломать дверь, чтобы поймать вора. Но, пока папа ломал дверь, тот успел убежать. Когда

соседу дали день отпуска, он вернулся домой, наших объяснений насчет вора слушать не стал и подал на папу в суд. Суд постановил отправить папу на фронт.

Моя мама поссорилась с бабушкой, и мы переехали жить в комнату тети Хаи. В то время она жила не у себя дома, а в библиотеке на Петроградской стороне, где работала. Бабушка стала совсем плохая, у нее появились вши. Мама ходила к ней, мыла ее и подстригала волосы. Когда бабушка умерла, мама с одной женщиной похоронили ее на еврейском кладбище. Где сейчас ее могила, я не знаю.

За хлебом (других продуктов уже не было) мы ходили вместе с мамой. Однажды у нас украли все карточки, тогда их выдавали на неделю. Для нас эта была большая трагедия. Мы с мамой пошли заявлять об этом в милицию, но ничего не добились. Не помню, как мы прожили это время. Однажды мама где-то достала целую буханку хлеба, нам она тогда показалась огромной. Казалось, ей конца не будет, но мы съели ее за один присест.

Когда стало совсем нечем топить, мама стала посылать меня за стульями в нашу старую квартиру. Уже не было электричества, на лестнице и в квартире было темно, очень страшно туда было идти. Спали мы вместе с мамой в пальто и в валенках, был страшный холод. Началась самая голодная и холодная блокадная зима 1941 – 1942 годов.

Воды не было, канализация не работала. Посреди Ковенского переулка был сделан колодец, куда поступали грунтовые воды. Весь переулок завалило снегом, вокруг колодца все обледенело, и он казался прорубью. Добираться до нее надо было ползком, чтоб не поскользнуться. Вода находилась глубоко, черпать ее приходилось ведром с привязанной к нему веревкой. Мама посылала меня за водой с большим чайником, я ползком добиралась до проруби, кто-нибудь из женщин плескал мне в чайник воды, и я тащила его на четвертый этаж.

Маме было очень тяжело, так как она была беременная. Она чувствовала себя очень плохо, и у нее случился выкидыш. Соседка тетя Оля отправила маму в больницу, и там она умерла. Тетя Оля забрала наши карточки, не знаю, можно ли было на них купить хлеба, вероятно, нет, но нам казалось, что нас не хотят кормить, и мы целый день просили есть. Когда карточки кончились, соседка сообщила о смерти мамы тете Мине. Тетя Мина стала нас понемногу подкармливать, приносила «суп» – воду, в которой плавали 2 – 3 картофельные шелухи, и мы с жадностью набрасывались на этот суп.

Тетя Мина сама голодала с маленьким ребенком и стариками на руках и вскоре отдала нас в детский дом, который находился на соседней улице. Холод там стоял настолько страшный, что, когда мы ложились спать, нас накрывали матрацами. В зале висели большие часы, и уже с завтрака мы следили, когда наступит время обеда.

Зима заканчивалась, и стали поговаривать об эвакуации. И вот в апреле 1942 года нас эвакуировали. Нас повезли на автобусе через замерзшее Ладожское озеро, лед уже подтаивал, и две машины провалились в прорубь. Это была Дорога жизни, как ее тогда называли, других дорог тогда не было, и даже ее немец постоянно бомбил.

Когда мы пересекли Ладожское озеро, нас высадили из автобуса и повели пешком до города Кобона на берегу Ладожского озера, на Большую землю, как называли всю территорию за пределами блокадного Ленинграда. Мы шли с маленькими рюкзачками за плечами до железной дороги, а дальше поехали на поезде на юг, в тепло, в Краснодарский край. Ехали мы в теплушках – в вагонах, в которых раньше перевозили скот, без окон, с нарами с настеленным сеном. Начались болезни: дизентерия, голодный понос, многие умирали. Есть мы не хотели, но все время просили пить. Поезд часто стоял на запасных путях, и добираться пришлось больше месяца. Встретили нас очень хорошо, поселили в школе и, в первую очередь, накормили гречневой кашей – после блокадного пайка это была царская еда.

Вначале мы жили неплохо, потом поползли слухи, что должны прийти немцы. Наш детский дом решил бежать от немцев в соседнюю станицу, но туда пришли румыны, которые тоже служили в немецкой армии, и нам пришлось вернуться обратно. Местные жители стали разбирать детей из детского дома на воспитание. Мишу забрала одна одинокая женщина, и мы не виделись с ним до 1948 года.

Немцы все же пришли в нашу станицу. В школе, где мы жили, сделали комендатуру, а нас выселили в подвал. У нас была вожатая, девушка 17 – 18 лет, она заставляла нас петь патриотические песни. Помню, мы сидели в подвале и пели песню про Сталина «На просторах Родины чудесной», а наверху ходил немецкий часовой.

Часто через станицу, где мы жили, провозили советских пленных. Однажды, когда проезжала машина с пленными, выскочили местные женщины и стали бросать им еду: хлеб, сухофрукты. Пленные с жадностью набросились на нее. Когда машина проехала, мы выскочили на дорогу и стали подбирать остатки.

Потом немцев выгнали. Из окна школы я видела, как они уезжали на волах, некоторые переодевались в женское платье или прятались в колодцах. Вероятно, это были не немцы, а предатели из наших. Нас опять переселили в школу, и там мы узнали, что наша заведующая оказалась предательницей. Она передала немцам списки еврейских детей, и нас должны были отравить в душегубках, но почему-то не успели.

В детдоме появился новый директор, мужчина. Время было еще голодное. У нас была нянька, которая популярно нам объяснила, что русские – это кацапы, а евреи – это жидаы и что евреи все время хотят есть. Что я хочу есть потому, что я еврейка.

Жили мы тогда очень бедно. Спали по двое на одной кровати, одежду нам тоже выдавали на двоих – по одному пальто и по паре обуви, поэтому в школу мы ходили по очереди. Но мы справляли все праздники, ставили спектакли, читали стихи. Я тоже участвовала в художественной самодеятельности, однажды со сцены прочла наизусть фронтовую поэму Симонова «Сын артиллериста», которую очень любила. За это я получила в подарок коричневое платье в полоску.

Уже было начало 1945 года, война шла к концу, и появились американские подарки с детской одеждой и сладостями. Мы получили эти подарки на Новый год и когда уезжали из детского дома.

Весь детский дом переболел малярией, а две девочки умерли. Я лежала в больнице, и местные женщины меня жалели и угощали разными вкусными вещами.

Еще в детском доме у нас был огород, и мы сами выращивали овощи. Однажды у меня был день рождения, и кухарка в столовой подарила мне целый арбуз, которым я угощала своих подруг.

Папа часто писал мне с фронта письма и присылал деньги, на которые я могла покупать себе еду у местных жителей. Потом письма стали приходить все реже, потом совсем пропали, но на мое имя поступила большая сумма денег, и я поняла, что с папой что-то случилось.

Наконец, 2 мая нам сказали, что война закончилась, и 8 мая был подписан Акт капитуляции. Мы все были очень рады и надеялись на скорейшее возвращение домой. Отсылали только тех детей, кому родственники присылали вызов. Мне прислали вызов мои родственники из Ленинграда, дядя Володя и тетя Аня.

Нас повезли в Ленинград, по дороге я заболела стригущим лишаем, и меня прямо с вокзала отправили в больницу, там я пролежала 3 месяца. Я стала жить у тети Ани и дяди Володи, они стали моими приемными родителями.

Мележик Нина Константиновна
Мы осиротели в блокаду

В 14 лет награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Жили мы на Васильевском острове – дружно и без больших проблем. Нас было четверо: отец, мать, сестра и я. **В 1940 году мама тяжело заболела и умерла, будучи совсем еще молодой. Остались мы втроем, но война отняла у нас и отца – 24 июня 1941 года его призвали в армию, а в октябре 1944 года он был смертельно ранен в бою. Мы получили похоронку. Осиротели.** Нет слов, какую боль мы испытали, да еще в трудные дни блокады.

Сестре было 20 лет, она работала на фабрике им. Веры Слуцкой, а мне еще не исполнилось 14-ти лет. Удалось определиться в ремесленное училище № 15, там я получила специальность – слесарь-инструментальщик.

;Нас, отличников учебы, аттестовали досрочно, и мы были направлены для работы на радиозавод им. Козицкого (в годы войны он назывался почтовый ящик № 823), где я и проработала до 1952 года в ОТК. Там же, на заводе, проходили практику курсанты ускоренных офицерских курсов. И один из них стал моей судьбой. Мы поженились.

У нас получилась хорошая дружная семья. Он был мне хорошей опорой в жизни, а я – верной ему подругой. В 1952 году он был направлен в Севастополь, затем – Камчатка и другие города нашей родины. Поколесив по стране, вернулись вновь в Севастополь в 1981 году.

Минкина Тамара Михайловна
Ладога – это дорога моей жизни

Тамара Михайловна Минкина родилась в Ленинграде в 1936 году. Окончила Ленинградский педиатрический медицинский институт, работает педиатром уже 50 лет. Тамара Михайловна известный в городе Озерске врач. За годы своей работы она вылечила тысячи детишек. О ней с любовью и благодарностью отзываются их родители. Тамаре Михайловне присвоено звание «Ветеран труда».

Когда началась война, мне шел шестой год, а моей маме было 28 лет. Во время войны она уволилась с кондитерской фабрики, чтобы быть со мной. Я помню, как в сентябре 1941 года мы с мамой пошли в магазин за продуктами. Там стояли абсолютно пустые прилавки, не было ничего. Моя мама была хозяйственной и запасливой, так что еды, которая была в доме, на некоторое время хватило, поначалу запасы варенья, даже шоколад.

Сначала мама хотела эвакуироваться. Я помню, как она сложила вещи в простыню и завязала ее узлом. Этот белый мешок так и стоит у меня перед глазами. Он простоял в углу всю блокаду. Потом мама узнала, что катер с эвакуированными детьми, идущий через Ладогу, потопили немцы. И мама сказала, что нет никакой разницы, где умирать, и мы останемся здесь.

Наш пятиэтажный дом находился на углу улицы, около озера. У каждого подъезда лежала гора песка и стоял большой бак воды чтобы тушить фугасные снаряды, которые немцы сбрасывали на город. Мою маму и других жильцов научили, что делать при пожаре от фугасного снаряда.

Под домом у нас был подвал, и при звуке метронома или сигнале воздушной тревоги все бежали туда – это было наше бомбоубежище. Мама прихватывала с собой запас сухарей для себя и меня, а я брала свою любимую куклу. Однажды я не успела взять куклу и очень переживала, мне ее было жалко, а мама говорила, что кукла меня не прокормит.

Когда на один из соседних домов упал снаряд и дом был разрушен, мы перестали ходить в подвал и прятались под кусты в саду возле нашего дома. **Мама очень боялась, что в нас может попасть снаряд. Вскоре бомба упала, но не на нас, а на кондитерскую фабрику и не разорвалась, так как была начинена песком. Это подтверждает тот факт, что на территории Германии, где изготавливали снаряды, антифашисты все-таки были.**

Между жителями дома было распределено ночное дежурство. Мама брала меня с собой, и мы ходили вокруг дома. Мы видели в небе перекрестные лучи – это наши зенитки ловили вражеские самолеты. Там, где лучи пересекались, самолет был отчетливо виден, и его сбивали. Мы слышали эту стрельбу, видели свет прожекторов, для нас он был как военная иллюминация. Если начиналась бомбежка, то мы с мамой прятались под кусты или в какую-нибудь яму.

Запасов еды сначала хватало, а потом начался абсолютный голод, ничего не было. Нам давали по 125 грамм хлеба, кусочек был очень маленький по

размеру, и в нем почти не было муки. Мы с мамой делили этот хлеб на крошечные кусочки и сосали весь день, и мне кажется, что мама отдавала мне свою часть. С довоенной поры у нас чудом остался кофе в зернах, и мы эти зерна обжаривали и сосали. Горечь была невероятная, но при жарке кофе источал аромат, и было чувство, что готовилась еда. Вскоре и он кончился. Однако оставался рыбий жир, он очень нас физически поддержал.

Потом открыли Дорогу жизни. Я считаю, что Ладога – это дорога моей жизни, потому что папа и его однополчане передавали нам через офицеров, которым удавалось прорваться через линию фронта, посылочки с едой. Они это делали не по приказу, а потому, что были добрыми людьми. Я считаю, что своей жизнью во многом обязана им. Несмотря на то что прошло столько лет, и я была маленькой, я помню некоторые имена этих людей: Михаил Блехман, Павел Дымковой. Я считаю, что прорваться сквозь блокаду и спасти хотя бы одну семью, бежать в одиночку по ледяной дороге, обстреливаемой со всех сторон, рискуя погибнуть, и еще думать о ком-то – это и есть самый настоящий патриотизм.

Я помню, как-то ночью пришла такая посылочка, мама чем-то разбивала хлеб – он был очень жесткий – и крошки хлеба засовывала мне в рот, чтобы хоть чем-то меня накормить. Еще помню вкус солонины – просоленного и замоченного в воде мяса, сырого пшена. Голод отнимал силы, лишал эмоций, очень хотелось спать. Я помню стук своих зубов от голода ночью и то, как мама велела мне спать, чтобы не думать о еде. Но сильных болей в желудке я не помню, наверное, потому, что мы все-таки как-то себя поддерживали. Воду мы брали из-под крана, находящегося на улице. Зимой он весь обледенел, и людям приходилось скалывать этот лед и растапливать его. Чистая ли это была вода или нет – никто не знал.

Зима 1941 года была очень холодной. Мы с мамой спали в валенках и укрывались всем, что было, – одеялами, подушками. Помню, как стучали зубы от голода и холода. В 5 утра мама начинала топить буржуйку – печку в виде большой железной коробки с дверкой и трубой, которая выходила прямо в форточку. Она быстро нагревалась, но и быстро остывала. Сначала мы топили ее дровами, потом газетами, книгами, стульями. В квартире стоял такой холод, что в одном углу появилась наморозь величиной с ласточкино гнездо.

Много народу умерло в ту зиму! Весной солдаты делали поквартирный обход, всех умерших выносили из квартир, складывали в грузовики и увозили на Пискаревское кладбище. Стали видны мертвые тела на улицах, они лежали в тех позах, в которых умерли. Один раз, когда мы пошли собирать траву, увидели

труп, завернутый в домотканый коврик. Видимо, у кого-то не хватило сил его дотащить. Страшная картина! У нас в ту зиму от голода умерли дед по линии отца и его младший сын 13 лет.

Когда наступила весна, мы с мамой ходили в парк возле техучилища, собирали там траву и варили ее. После одной из таких похлебок мама стала слепнуть, думаю, что и на моем зрении это отразилось. От нехватки витаминов люди болели цингой, и, чтобы не заболеть, мама вместо чая заваривала сосновую хвою.

В 1944 году я пошла в школу. Моей первой учительницей была Лидия Ивановна Васильева. У нас не было тетрадей, только карандаши, и писали мы на газетах, там, где было свободное место. Одежды у нас как таковой не было, но при приближении зимы детям, у которых погиб отец, стали выдавать ватники (телогрейки). У меня отец был жив, правда, у него была язва желудка. И все, у кого были живы отцы, завидовали детям погибших. Учительница говорила: «Девочки, как вам не стыдно! Ведь у них отцы погибли, а у вас живы. Вы радоваться этому должны!»

Я очень хорошо запомнила, как по Ленинграду вели пленных немцев. У них была рваная одежда и жалкий вид. Нам, детям, женщины передавали какую-нибудь еду – картошку, кусочек хлеба, чтобы мы отдали это пленным. Какое же сердце надо было иметь, чтоб не озлобиться!

Однажды мама куда-то ушла, а меня оставила у соседки, у которой было трое детей. Соседка сварила детям какую-то баланду и мне тоже налила. Представляете – им самим еды не хватало, а она от своих детей оторвала и меня накормила!

Раньше все в доме жили дружно и открыто, не было воровства, ключ оставляли под ковриком. А сейчас железные двери, железные окна, железные сердца.

Я, может быть, ошибаюсь, но думаю, что если бы сейчас началась война, то жертв было бы больше не от бомбежек. Если в мирное время люди не ценят человеческую жизнь, то, когда начнется война, люди будут защищать только себя. И вам я желаю человеческой доброты, внимания друг к другу, чуткости. Не должно быть этого эгоизма, поверхностности, бездушия!

**Мишуловина Тамара Александровна
Мой отец воевал в саперных частях**

Писать что-либо о блокаде Ленинграда я не могу, так как к началу блокады мне исполнилось 4 года, и я могу только рассказать о судьбе ребенка, вывезенного из блокадного города. Но судьба всех моих родных оказалась неразрывно связана с судьбой города.

В блокаде умерли обе мои бабушки. Маминой маме было 46 лет, и у нее была дочка на 1,5 года младше меня. Бабушка умерла в мае 1942 года, а ее дочка Галя была пристроена в детский дом, где вскоре тоже умерла. Еще у бабушки был сын Володя, которому в то время было 11 лет, ему приходилось ухаживать за ними до конца. Потом мой дядя Иван (брат мамы), который (как я теперь предполагаю) был в войсках ПВО Ленинграда, каким-то образом сумел эвакуировать Володю в Калининскую область к родственникам. В 1944 году он уже жил с нами в Ленинграде, пока его не устроили в школу юнг, после чего он несколько лет был в плавании, затем женился на москвичке и до смерти жил в Москве.

Вторая бабушка по папиной линии жила с нами в одной квартире. Она тоже умерла в мае 1942 года. Обе умерли от истощения и обезвоживания с разницей в несколько дней. Старший ее сын погиб в районе поселка Морозовка.

Мой отец воевал в саперных частях Ленинградского фронта. Был тяжело ранен в бедро, пуля осталась в ноге. Он был полностью загипсован и лежал в госпитале. Его сестра работала в военном госпитале и сумела перевести его к себе. Думаю, что этим она спасла ему жизнь. Потом отца эвакуировали в Сибирь, где его оперировали, комиссовали, и он остался работать при военном госпитале, который позже переместился ближе к фронту, а к концу войны он был уже в Германии.

Моя мама работала на обувной фабрике и всю блокаду пробыла в городе. Она несколько раз пыталась уехать ко мне, но ее так и не выпустили.

Меня эвакуировали с детским домом на Урал. Одна из воспитательниц вела переписку с мамой, отцом, находящимся в сибирском госпитале, и с теткой, жившей в это время где-то в средней полосе. Воспитательница, видно, боялась, чтобы маленький ребенок не потерял своих родных.

Жизнь у воспитателей была очень нелегкой. Чтобы прокормить детей, им приходилось ходить по полям, собирать остатки неубранного урожая. После войны эта женщина была у нас в доме на правах родственницы. Она рассказывала, что у них была негласная установка спасать в первую очередь старших детей. В письмах к отцу она дала понять (была цензура), что желательно быстрее меня забрать оттуда.

Я очень плохо помню детдом. Видимо, мы жили в школе, на ночь ставили раскладушки. Мы, дети, очень боялись одну работницу детского дома, тетю Лизу, которая била маленьких детей за случавшиеся ночные конфузы. На всю жизнь у меня остался ночной страх. Еще помню, как мы, малыши, стояли в дверях столовой и ждали, когда поедят старшие, и тогда нам разрешали доедать корки хлеба, которые те не доели. И мы, как волчата, бились за эти корки.

И вот зимой за мной из военного госпиталя приехал отец. Ему удалось достать билет на поезд, он на двух костылях шел по снегу 12 км пешком от станции до деревни, где находился наш детдом. Я и сейчас плачу, вспоминая это. Это был настоящий отцовский подвиг! Многие ли современные отцы способны на такое?

Обратно до станции мы доехали хорошо – нам дали дровни с сеном. Поезд уходил на следующий день. Меня разместили, видимо, в комнате ребенка. Платье отец положил под матрац, а утром его там не оказалось. Зимой я ехала в Сибирь без платья, в шубке, из которой выросла. Отец накормил меня пряником с молоком, но мой организм уже не принимал такую пищу – у меня началась ужасная рвота. Когда я ночью проснулась, то увидела много военных и не смогла поначалу различить своего отца. Страх у меня не было, было безразличие и оцепенение. Утром я поняла, что мой отец сидит, скрючившись, у меня в ногах.

Мы доехали до Абакана, а дальше, чтобы добраться до Минусинска, где находился госпиталь отца, нужно было переправиться через Енисей. Отец не мог идти на костылях по льду реки, мы переправлялись на лодке, разбивая лед. Я обморозилась – у шубки были короткие рукава, я плакала, слезы застывали на щеках, но мы добрались до берега. Там какие-то старики взяли меня в избу, чем-то растирали, обогрели, накормили картошкой и уложили спать. Дальше мы ехали в открытом кузове грузовика, где незнакомая женщина взяла меня к себе под одеяло.

Наконец, мы доехали до госпиталя и пошли прямо к начальнику домой. У меня, наверное, был такой вид и состояние, что они оставили меня в своей семье на какое-то время. Они очень тепло и заботливо относились ко мне, как к своему ребенку. Я им очень благодарна, и меня мучают угрызения совести, что позже мне не удалось найти этих людей и поблагодарить их за все, что они для меня сделали. В военное время, взяв ребенка в госпиталь, начальник рисковал и своим положением, и своей жизнью. Значит, человеческий долг перевесил должностной. Надеюсь, Бог ему это зачел. Для меня это был отличный пример на всю жизнь. Светлая память этим прекрасным людям.

Обидно, что в вечной занятости и жизненной суете я о многом не расспросила своих родных, все оставляла на потом. А потом не всегда бывает... Правильно говорят: «Спешите делать добро».

Молчанова Тамара Дмитриевна

К концу марта умерла вся моя семья!

Никогда не забыть мне того июньского воскресного дня, когда вся наша большая семья была дома. Радио передавало правительственное сообщение. Это было начало войны. Кончилась мирная жизнь.

Семья была большая: бабушка с дедушкой, мама, папа, трое детей. У мамы было три брата с семьями, мы все собирались в нашем доме. Отца на фронт не взяли, так как он работал на военном заводе. На улицах Ленинграда висели плакаты: «Все как один на защиту Отечества», «Родина-мать зовет».

А немецкие войска все шли вперед, они приближались к Ленинграду. В конце августа 1941 года нас, учащихся школы № 218, отправили без родителей в тыл. Мы доехали только до станции Большая Вишера, нас поселили в большую избу, где не было никаких условий. Ели то, что привезли с собой. Так прожили около 10 дней. Потом в лесу взрослые заметили отряд чужих людей, летал самолет-разведчик. Положение стало тревожным, нас собрали и привезли обратно в Ленинград.

В городе каждый день звучали сигналы воздушной тревоги, иногда по несколько раз. Ленинград с каждым днем был все больше похож на боевой лагерь. Появилось много солдат, просто вооруженных людей – это было ополчение.

Началась эвакуация заводов вглубь страны. И вот однажды пришел наш отец с работы и сказал, что все семьи эвакуируют. Мама стала собирать вещи. Был назначен день, приехал грузовик, и мама с нами (в большом горе, в слезах) уехала из Ленинграда. Дома оставались отец и бабушка с дедушкой. Мы приехали на Московский вокзал, но была сильная бомбежка, и эшелон ушел раньше положенного времени. Мы все вернулись домой, на улицу Рубинштейна.

Положение в Ленинграде было крайне тяжелым, помню, как горели Бадаевские склады. На полках продовольственных магазинов становилось пусто. Оставался один хлеб, но какой?! Он был сырым, клейким. Его выдавали по 125 граммов в сутки. Начался самый настоящий голод, а с ним и дистрофия. По-прежнему

отец ходил пешком из центра города на Петроградскую сторону. Транспорт стоял. Не было воды, отопления.

Девятого января 1942 года мой папа пришел с работы измученный, промерзший, но из-под пальто вынул пять средней величины картошечек. Мы сварили их, но не чистили, съели, как какое-то необыкновенное лакомство. В ту же ночь папа умер. Мамочка срезала все комнатные цветы и положила ему. Мы завернули тело в простыню, потом в одеяло и на санках увезли. Все трупы свозили на улицу Маяковского, к больнице. А к концу марта умерла вся моя семья! Я осталась одна, пришла в пустую квартиру и очень плакала. Меня взяла к себе знакомая – у нее тоже погибла вся семья. Жили мы очень трудно.

В 1943 году школьники работали на полях, огородах, в госпиталях – за это были награждены медалью «За оборону Ленинграда». Но меня забыли включить в список, и я осталась без медали. Как восстановить справедливость?

Я училась хорошо. Стала учителем. Женщина, которая меня приютила, умерла в 1989 году после тяжелой болезни. А я удачно вышла замуж, прожила с мужем – военным моряком – 22 года.

Морев Владимир Павлович

Украденное фашистами детство помню до сих пор

Морев Владимир Павлович – член организации «Дети блокады – 900».

К началу войны мне шел третий год. Первый ужас и страх испытала моя мама, оставшись со мной под открытым небом у горящего и разбитого деревянного дома, в котором мы жили, – после одной из первых бомбежек. Мой отец в 1938 году закончил летное училище и продолжал служить Родине, поэтому мама и я виделись с ним нечасто. Узнав о случившемся, он разыскал нас.

В 1942 году мы получили ордер на комнату в коммунальной квартире на Загородном проспекте. Коммунальная квартира состояла из пяти комнат: в трех комнатах проживало по одному человеку, в одной – бездетная пара, и наша семья из трех человек была прописана в большую комнату площадью 36 квадратных метров.

Мама работала на железной дороге Витебского вокзала – вагонный участок № 6 (депо), обеспечивающий поддержание вагонов, дрезин и другого железнодорожного транспорта в рабочем состоянии. Поэтому иногда ее премировали кусочками столярного клея и олифой, на которой мы жарили

лебеду и другую траву, годную в пищу. Иногда мать использовала машинное масло и солидол – все, на чем можно жарить, если что-то было. Лучшим подарком для нас была весточка с передовой. Но однажды мы узнали, что после ранения, с полуотмороженными ногами отца отправляют на реабилитацию – разрешают провести время дома. И вот он со мной, греется у маленькой печки, которая была в нашей комнате. Но это счастье оборвалось через 1,5 – 2 месяца, когда он снова отправился на фронт. Врачи запретили ему возвращение в авиацию, и решением военной комиссии он был направлен на Октябрьскую железную дорогу и Дорогу жизни. Штурвал самолета он сменил на руль знаменитой полуторки.

Из пухленького ребенка, чуть-чуть превышающего нормальный вес в начале войны, ко дню ленинградской победы я превратился в скелет, обтянутый кожей, неподвижно сидящий на кровати. Уходя на работу, мать сажала меня на кровать, обложив подушками, а по приходе домой с работы заставляла меня в той же позе.

Украденное фашистами детство я припомню уже после победы: когда колонну пленных немцев вели по Загородному проспекту в сторону будущего Театра юного зрителя и бывшего ипподрома, мне удалось с балкона третьего этажа нашего дома несколько раз плюнуть в них.

Пережитое возвращается даже сегодня, когда мне 74 года.

Когда после войны я пошел в первый класс, мое здоровье было таким, что в первые же месяцы учебы я попал в больницу с воспалением легких. После у меня нашли признаки осложнения на сердце, и болезнь затянулась на долгие месяцы. Когда я вернулся домой, я уже не смог догнать свой класс. Мысль, что я останусь дома один, вызвала слезы: я плакал день, неделю, вторую. Родители поинтересовались причиной, и я попросил вернуть меня в больницу, ведь там трехразовое питание, забота медперсонала и посылки от родителей.

Семья росла, у меня появился брат, но стол по-прежнему не изобилует продуктами. К нам приехал из Вологды двоюродный брат для поступления в Горный институт. К праздничному столу мама открыла дефицитную баночку шпрот к горячей картошечке. Нас с братом не нужно было уговаривать начинать есть, мы быстро опустошили свои тарелки и были очень удивлены тем, что у гостя осталась на тарелке половинка шпротинки. Мама начала собирать посуду, но его тарелку забрать не решалась. Видя растерянность матери, наш гость протянул тарелку со словами: «Истинный интеллигент должен всегда оставлять в тарелке что-то». Это шокировало нас всех: в нашей семье, пережившей блокаду, тарелки мылись всегда пустыми.

Мудрик Лия Викторовна
Казалось, этому ужасу не будет конца!

Детская память сохранила странное и удивительное зрелище: солнечный день, клумба с ярко-красными цветами на фоне зеленой травы и... разбомблённый дом. Да так, что не было в нем ни одной стены, а комнаты при этом стояли в своем обычном убранстве: кровати, столы и стулья стояли нетронутые, но людей не было... Это было страшное начало...

Но до того были бомбежки и обстрелы в осажденной Риге. Мой отец – военный моряк В. Б. Ростик, командир корабля «Вирония», был послан из Ленинграда в Ригу в служебную командировку, а мы с мамой его сопровождали. С большими трудностями ему удалось перед захватом немцами Риги в одном из последних поездов отправить нас в Ленинград. А перед этим у пирса он в последний раз высоко поднял меня и поцеловал – мне в июне 1941 года исполнилось 7 лет.

В Ленинграде было еще тихо и, казалось, мирно – на улицах еще продавали газированную воду, и я с восторгом сказала маме: «А войны-то нет...» Но очень скоро все изменилось. Первое, что я услышала от взрослых, – сгорели Бадаевские склады. Тогда, маленькой девочкой, я еще не понимала смысла этих горьких слов...

Становилось все голоднее, мама куда-то уходила и приносила крохи продуктов. Это потом я узнала, что ходила она менять наши вещи на скудное пропитание. Все меньше становился кусочек приносимого ею хлеба. Четко помню: ели очистки картофельные, столярный клей – перед варкой он представлял собой тонкие пластинки размером примерно в тетрадный лист. Ели макуху, а из жиров была только олифа.

За водой мама ходила к проруби на Неву. Хорошо, что дом был сравнительно недалеко от реки – рядом с Петропавловской крепостью. Он и сам выстоял, и нас спас. Когда начались бомбежки и артобстрелы, по радио звучали сигналы воздушной тревоги. **Первое время мы спускались в бомбоубежище, но со временем уже не было сил, и мы оставались дома во время налетов. В ушах стоял характерный звук, издаваемый пикирующими бомбардировщиками, и страшный звук, похожий на свист, – падали бомбы, потом раздавался взрыв...**

Продолжалось это долго, казалось, этому ужасу не будет конца. И все-таки каждый раз город и его защитники побеждали, и раздавались по радио успокаивающие слова: «Отбой воздушной тревоги».

В нашей коммунальной квартире стали умирать люди. В ванне какое-то время лежал умерший сосед, а его семья по его карточкам получала хлеб. Страшно уже не было... Мы пережили в Ленинграде блокаду не полностью, но, судя по нашему состоянию, вряд ли бы нам удалось прожить ее от начала и до конца.

Меня вынесли из квартиры на руках, я «разучилась» ходить. Эвакуация была организована штабом Балтийского флота.

Уже не было в живых моего отца, он со своим кораблем погиб в августе 1941 года во время героического перехода кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Это потом я узнала, что Финский залив был немцами заминирован, а в воздухе были только немецкие самолеты... Большая часть каравана не пришла в Кронштадт.

Нас с мамой привезли на берег Ладожского озера, впереди была наша надежда – Дорога жизни. В небольшом домике были женщины и дети, нам всем дали немного хлеба. Предстояла переправа, на льду озера во многих местах были воронки от бомб, кроме того, начиналась весна и ледяной наст был не очень прочный. Из пяти машин две погибли, а нам посчастливилось.

Нас посадили в товарные вагоны, и поезд тронулся. Кормили на каждой станции, но первое, что мы слышали, когда открывалась дверь вагона, был вопрос: «Мертвых нет?» Погибали люди, которые не могли сдержаться и сразу съедали пищу, которую нам выдавали на несколько дней.

Впереди было три месяца жизни в гостеприимной станице под Краснодаром. Но фашисты наступали бешеным темпом, а мы, уже воскрешенные хлебом благодатной Кубани, уходили, в числе других беженцев, пешком к Черному морю. На пути еще попадали под бомбежки, но все-таки дошли до Туапсе.

Когда все беды эвакуации были позади, я пошла в школу. После окончания средней школы я решила выбрать себе профессию, близкую к тому, чему посвятил свою жизнь мой отец – выпускник Ленинградского высшего военно-морского училища им. Фрунзе. Это учебное заведение, основанное Петром I, заканчивали в свое время все наши великие флотоводцы.

Я поступила в Николаевский кораблестроительный институт им. Макарова, а после его окончания три года работала на судостроительном заводе в Рыбинске Ярославской области. Затем переехала в Севастополь, где много лет проработала в конструкторском бюро.

Теперь Севастополь для меня – это родина моих детей и самое первое место службы моего отца, бесконечно любившего родной Ленинград.

Мыскова Станислава Васильевна
Я рыла окопы под Петергофом

Когда мне было 16 лет, я вместе с другими старшеклассниками работала на рытье окопов под Петергофом. Однажды нас обстреляли, и нам пришлось бежать в Ленинград. Чуть позднее под Петергофом уже громыхал фронт.

Я жила с мамой, пока ее не мобилизовали на лесозаготовки в Борисову Гриву. Она привозила мне талончики на еду и снова уезжала. А потом ее привезли домой полным дистрофиком. Я купила на Сенной плиточку шоколада за 700 или 800 рублей, но она уже не могла есть и вскоре умерла. Это было в конце марта. Я хотела ее похоронить на кладбище, но какое уже там кладбище... У нас трупами была забита вся прачечная и парадная, а я не могла ее так оставить, ведь там кишели крысы. Три дня не решалась ее никуда отвезти, даже спали вместе, она лежала на табуреточках рядом. Возле Мариинского театра в тупике был сборный пункт, и туда население свозило тела на саночках. Мы жили в коммуналке, там была еще одна семья, многодетная. Я попросила девочку из этой семьи, Варю, помочь отвезти маму в сборный пункт. Там было много покойников, их складывали высокими рядами. Мне сказали: «Вот сюда клади». А я подумала, что мама будет лежать совсем внизу, а потом сверху еще сколько положат. И я попросила девочек помочь мне положить ее повыше. Вот так и похоронила мать.

Я осталась совсем одна. 2 – 3 дня я совсем никуда не выходила, возьму пайку хлеба и снова ложусь. Мне было очень хорошо, но я поняла, что если еще немного пролежу, то скоро и за хлебом не смогу пойти. Встала, сняла с себя пальто – я надевала несколько пальто для тепла – и пошла в школу. Нужно было идти по набережной Мойки, и я цеплялась за парапет, чтобы идти, так была слаба. Школа была собрана из нескольких десятков классов – собрали всех выпускников, только они и учились. В здании было темно, чуть светила то ли коптилка, то ли лампа. У меня спросили: «Вы, наверное, сестра Мысковой?» Я говорю: «Я сама Мыскова». Мне было тогда 16 с половиной лет.

В школе, узнав, что я осталась совсем одна, выдали мне талон в 21-ю столовую – она обслуживали ученых и других важных людей. На всех выделили лишь три талона. Мне дали на 5 дней. Это меня и спасло.

Мы учились за углом арбитражного суда, в старинном здании со львами, напротив Исаакиевского собора. Сидя на уроках, я смотрела в окно и думала:

«Неужели я останусь жива и буду это вспоминать?» Потом, лет через 20, я пришла в это здание. При свете я заметила зеленые колонны и спросила у дежурного: «А зачем тут колонны построили?» Он сказал: «Вы, наверное, блокадница? Многие спрашивают про них». Оказывается, они были еще до революции, а мы их не видели – так было темно.

В декабре классы уже начали пустеть. В канун Нового года нас повели на елку. Там были и шестые классы, и седьмые – все, кто остался. В комнату запускали по 20 – 30 человек. Мы, порядком изголодавшиеся, увидели стол длиной во всю комнату, накрытый белым, на котором было множество маленьких тарелок с белой массой. Это оказался густой крем. Мы были ошарашены, вылизывали тарелки и ложечки. Лакомство закончилось, а мы продолжали сидеть за столом, хотя знали, что за дверями ждут своей очереди другие ребята. Сидели и смотрели на дежурных, пока нам не сказали: «Давайте, ребятки, ведь вас ждут». Проходя мимо дежурной, я заметила, как она утирала слезы. Ведь этот крем на голодный желудок, как быку красная тряпка. Дальше жизнь пошла по-прежнему, но вот эта белая комната с кремом у меня в памяти осталась навсегда.

Наумова Мария Тимофеевна
Я училась в бомбоубежище!

Родилась 29 мая 1929 года в селе Завольное Грачевского района Воронежской области. В 1934 году родители переехали в Ленинград. Отец – Жуликов Тимофей Никитович – работал директором школы № 13, станция Шушары. Погиб под Ленинградом в 1944 году. Мать – Жуликова Варвара Матвеевна – домохозяйка, воспитывала шестерых детей.

До 1941 года я окончила в Ленинграде 4-й класс с отличием. Как счастлива я была! Училась в школе, рассказывала родителям о своих достижениях, о мечтах... Я любила свой прекрасный город. Но война...

Я еще не все понимала, но уже чувствовала, что пришла беда. Все изменилось: стреляют, рушатся дома, люди не смеются, голод. Младшая сестра Нина говорит: «Мама, почему стреляют и все плачут?» А брат сжимает кулачки: «Напишу папе письмо, пусть убьет Гитлера!»

Но в это же самое время все были добры, заботливы, помогали друг другу. Люди расчищали завалы, работали под обстрелом. Наши детские глаза видели трупы на дорогах, пожары, гул вражеских самолетов, взрывы бомб.

Во время войны я училась в бомбоубежище – окончила 5-й класс на «отлично». Ходили по госпиталям: читали письма раненым, давали концерты (пели, читали стихи, танцевали), а также мыли полы и помогали медсестрам ухаживать за ранеными.

В 1943 году нас вывезли из Ленинграда по Ладожскому озеру на Кавказ, где я окончила 6-й класс. Ехали ночью, вода уже покрывала лед, многие машины уходили на дно.

В 1944 году мы переехали на родину родителей, в город Умань Воронежской области. Здесь я стала работать и учиться в школе рабочей молодежи. Окончила 7-й класс с отличием и поступила в уманское педагогическое училище, которое окончила в 1952 году с одной «четверкой» и поступила в Воронежский пединститут на физико-математический факультет.

В 1954 году я вышла замуж и переехала в Севастополь по месту службы мужа.

Никитина Галина Борисовна
Мы не очерствели душой

Галине Никитиной было девять, когда началась война. Уже после войны, в 1948 году, она поступила в ленинградский техникум легкой промышленности, после окончания которого в 1952 году по направлению приехала на симферопольскую фабрику им. Н. К. Крупской. До ухода на пенсию в 1987 году 16 лет работала генеральным директором крымского текстильного объединения.

Мне было 9 с половиной лет, когда началась Великая Отечественная война. Жили мы тогда в пригороде Ленинграда, поселке Лисий Нос, который почти ежедневно подвергался обстрелам. Бомбоубежища у нас не было – мы прятались везде, где была хоть какая-то крыша над головой, – под кроватями, в сараях. Брали с собой одеяла и при визге снаряда накрывались ими с головой, лишь бы ничего не видеть.

Стоявший во дворе дом в одну из бомбежек сложился как карточный домик. Над моей головой осколок врезался в деревянную стену. В доме выбило все стекла, мы жили с заколоченными окнами при свете коптилок – самодельных светильников из консервных банок.

Голод унес в могилу моих родных – дядю, трех двоюродных братьев и сестру, соседей. На втором этаже нашего дома умерла вся семья – мать и двое сыновей 4-х и 8-ми лет. Ночью мы услышали плач 8-летнего мальчика, взяли его к себе.

Я до сих пор помню его слова: «Не отдавайте меня в детдом, я буду работать и вам помогать». Просил молочка. На следующую ночь он умер.

Нам удалось выжить благодаря моим родителям. Отец перед уходом в армию успел заготовить дрова, а мама меняла вещи на продукты. Когда у мамы от голода стали опухать ноги, я ходила в деревню за 3 км. Там меня добрые люди кормили и с собой давали что-то из продуктов. Помню, как разбомбили военные склады. Весь поселок, в том числе и я вышли на дорогу собирать, а точнее, выковыривать из земли и снега крупинки и овсинки. Весной ели травы и коренья.

Дождались, когда начали отоваривать карточки. После перерыва в учебе, полуголодные, с искалеченными войной судьбами, пришли в школу. В школе мы сидели в пальто и варежках, писали в самодельных, сшитых из оберточной бумаги или старых газет тетрадях. Но не очерствели душой, успокаивали друг друга, помогали как могли. Больным и престарелым людям пилили и кололи дрова, носили воду, дежурили в госпитале. Помню, как мы в 12 – 13 лет разгрузили вагон угля. И мы дождались Победы...

Нечаев Аркадий Павлович
Раны войны заживают долго!

Полковник медицинской службы в отставке, член союза «Дети блокады – 900».

Мне за свою долгую жизнь в Санкт-Петербурге (Ленинграде) пришлось сменить много мест проживания, но одно из них по адресу: Московский (бывший Международный) проспект, дом 36, квартира 33, – является самым знаменательным. Это там, где было суждено перенести суровые блокадные дни. Случайно оказываясь в районе Технологического института, я часто сворачиваю в знакомую подворотню, прохожу во двор и в течение нескольких минут с грустью смотрю на хорошо известные два окна нашей бывшей квартиры на четвёртом этаже, откуда ушёл на фронт и не вернулся мой отец, и вспоминаю страшные строки блокадного дневника моего старшего брата: «29 января 1942 года. На улице жуткий холод. Возможно, потому сегодня нет ни воздушных тревог, ни артобстрелов. Спим, давно не раздеваясь. Света нет. Есть нечего. Допили лишь остатки клейстера из маисовой муки. Мы с мамой совсем ослабли. Аркадий вообще не поднимает головы. Мы решили, что если умрет, то поставим его между оконных рам и до весны будем получать хлеб по его карточкам...»

Брат на то время – пятнадцатилетний студент индустриального техникума, мать – уже овдовевшая (отец погиб месяц назад под Невской Дубровкой) хрупкая женщина, выпускница привилегированной Екатерининской гимназии, а Аркадий – это я, чудом выживший трёхлетний ребёнок.

Вглядываясь в эти окна, я иногда пытаюсь воссоздать образ неживой, замороженной куклы, скрытый ледяными узорами на стекле, и ворошу воспоминания далекого детского блокадного прошлого. Они рисуют мне картины какой-то беспросветной мглы, сменяющиеся туманным видением выстуженных пустых дворов-колодцев зимой и бледных развалин, высвеченных унылым солнцем белых ночей весной и летом. Чувство голода я стал отчетливо ощущать лишь позднее, в блокадном детском доме, в ожиданиях скудной похлёбки.

Из этого находившегося на Ржевке унылого сиротского заведения я пошел в школу. В дальнейшем заботу обо мне, как и многих таких же малышах, взяла армия. Мудрый «вождь народов», противоречивая фигура которого сейчас вызывает много споров, проявляя заботу о детях погибших и думая о возрождении офицерского корпуса России, создал сеть Суворовских училищ по типу старых кадетских корпусов. Природа и продуманная система военного образования и воспитания с упорядоченным режимом и адекватным питанием сделали своё: некогда обречённый ребёнок с тотальной дистрофией, пройдя курс Суворовского, а затем общевоинского командного училища, к 20 годам оказался годным для перспективной службы врачом на атомных подводных лодках.

Судьба распорядилась так, что спутницей жизни выбрал добросердечную блокадницу – одногодку Галину (урождённую Тимофееву), с которой недавно отметили золотую свадьбу. Своими воспоминаниями она дополнила ту картину лишений, которые коснулись во время войны большинства ленинградских семей. Её отец также погиб, защищая город (под Колпино). Мать, добротная русская женщина – псковитянка, одна вытянула двух малолетних дочерей, ни на день не оставляя свою работу для фронта. Их дом (у Преображенского собора) однажды после сильной бомбёжки совсем опустел, и они остались в нем жить совсем одни. Маленькие девочки помогали своей изнеможенной матери подвозить на санках из Невы воду, а в конце блокады – скалывать на улице лёд.

Они с благодарностью вспоминали раненых, которые после их трогательных выступлений в госпиталях дарили им кусочки сахара и самодельные игрушки. Нам, конечно, не избавиться от тягостных воспоминаний прошлого, той печати, которую можно прочесть на лицах участников того ужасного эксперимента на

выживание, поставленного историей. Раны войны заживают долго. Наша дочь Юлия, например, никогда не видела своих погибших дедушек и плохо помнит рано ушедших из жизни многострадальных бабушек. Будем надеяться, что генетический след блокады не слишком проявится в наших потомках, которые вправе рассчитывать на благосклонность Всевышнего.

Каждый осмысливает прожитое по-разному. Личина страдальца не слишком украшает человека, тем более мужчину. Страдание не должно затмевать чувство гордости за причастность к героической судьбе нашего прекрасного великого города. Доказавшего свою неприступность для иноземцев, несмотря на суровые испытания, выпавшие на его долю. Эти испытания в полной мере коснулись детей блокады. Их жертвенный героизм следует рассматривать как национальное достояние России и использовать в назидание потомкам.

Р. S. Мой наскоро составленный текст уже после того, как я отдал его для печатания, неожиданно «потачил» меня за собой. Учреждение, которое мне в тот же день предстояло посетить, оказалось рядом с моим блокадным домом. Ведомый непреодолимым желанием выяснить, кто же сейчас живет за упомянутыми окнами, я по мрачной лестнице бывшего доходного дома постройки позапрошлого века поднялся на четвертый этаж и позвонил в обшарпанную дверь, будучи готовым к тому, что, увидев каких-нибудь безразличных людей или, тем более, дремучих инородцев, извиниться и сразу уйти. Открыл мне довольно интеллигентного вида мой ровесник с добрыми славянскими глазами. В ответ на мою первую фразу, что я перенёс в этой квартире блокаду, он почему-то невпопад сообщил, что он тоже (?) пострадал от политических репрессий, и впустил меня в заставленную ящиками и узлами прихожую. Как оказалось, его семья переехала сюда 7 лет назад, а его жена – тоже блокадница. Сквозь открытую дверь комнаты напротив я увидел свои блокадные окна изнутри и, чтобы не показаться назойливым, поспешно удалился.

Выйдя на улицу, я долго размышлял о глубинных причинах моего спонтанного визита и последствиях, которые он может вызвать. Как воспримут нынешние обитатели этого жилища поступившее известие о том, что в его стенах так голодали люди, что в одном из окон мог быть выставлен умерший от истощения маленький ребёнок?.. Впрочем, это, пожалуй, уже достоевщина! Ведь в каждой из квартир нашего старого города (и уже его новостроек) люди жили, страдали и умирали...

Р. Р. S. Прежде чем был выключен поток сознания, порожденный блокадными воспоминаниями, а тексту стало угодно, наконец, «отпустить» меня, я вдруг

ясно почувствовал, что больше никогда не зайду в тот двор и не погляжу на те блокадные окна. После того как я будто заглянул «под подол» своей ушедшей жизни, исчезло искушение и произошло благотворное очищение. Этот феномен неожиданно вызвал в моей памяти из университетской программы строки сонета английского поэта Перси Шелли в одной из русских интерпретаций:

Не поднимайте расписных завес,
Носящих имя жизни, с их
Яркими картинами свершившихся чудес;
Страх и надежда прячутся за ними,
И лишь для нас имеют цвет и вес
Пустые тени, сотканые ими.

Никитеева Вера Ивановна

Папа привязывал себя ремнем к станку, чтобы не упасть

Вера Ивановна закончила музыкальное училище по классу вокала, имеет также техническое образование. Работала сборщицей на авиационном приборостроительном заводе, техником, начальником группы документации в КБ.

Несмотря на то что, когда началась блокада, мне был всего год, воспоминания моих родителей, других родственников, которые собирались у нас и говорили о тех годах, отложились у меня в памяти на всю жизнь.

Отец до войны служил военным моряком в Кронштадте, демобилизовался, но после 22 июня сразу же захотел пойти на фронт. Хотя он просился в армию несколько раз, его не призвали, а он не мог понять, почему его, совершенно здорового человека, который хочет защищать Родину, освободить ее от фашистских захватчиков, не берут. Но ему сказали, что он нужен в тылу. Ленинградцы снабжали наших на фронте и снарядами, и одеждой, и всем необходимым. Когда началась блокада, не стало ни хлеба, ни сахара, ни круп, о мясе говорить нечего. Но ленинградцы показали не только подвиг выживания, но и свою преданность Родине, и эта духовность их объединяла и помогала выжить.

Я родилась 25 июля, в начале войны. Мама была уже в роддоме, и в это время началась бомбежка. С мамой находились врач-акушер и медсестра. Вот я родилась, а вокруг бомбят, и получилось так, что все здание роддома

разбомбили, а там, где были мы, осталось открытое небо. Когда в 1945 году родился брат, его решили покрестить. Я в слезы: «А почему меня не покрестили?» А мне говорят – ты и так крещеная, и рассказали, как мы выжили в роддоме. Мама сказала, что это ангелы сберегли меня и всех, кто был вокруг, считай, прошла крещение.

Когда я родилась, была хорошенькая, крупненькая, а молока не было, кормить нечем. Мама брала резиновый клей, кожу и вытворяла из них чудеса, делала как-то кисель и таким образом меня кормила. И я так привыкла к такой пище, что, когда стали улучшаться условия, прорвали блокаду, появился хлеб и прочее, я все равно кричала, что хочу то, что было раньше.

Нас было трое детей, мама сидела с нами дома. Наша старшая сестра умерла. Началась цинга, прошли и через это. Мама, мало того что возилась с нами, она брала чужих детей, оставшихся без семьи, старалась их как-то накормить, помыть, а потом, конечно, отдавала в детский дом. Этих детей эвакуировали, и те, кто выжили, потом всю жизнь были благодарны маме за то, что та спасла им жизнь. Она стала нам примером, и мы стараемся передать это своим детям и внукам.

Папа рассказывал, что их не отпускали с завода навестить родных, так как все были голодные и обессиленные и могли не дойти до дома. Он был настолько истощен, что привязывал себя ремнем к станку, чтобы не упасть. А душа болит и о семье тоже. У них на боку висели противогазы, и в коробку из-под них все рабочие складывали часть еды, чтобы, если удастся, передать с работы семье.

Когда эвакуировали заводы, папу с нами вывезли. Мы ехали на двух баржах. И вот первая баржа прошла нормально, а вторая немножечко отклонилась от курса. А в это время сверху бьют самолеты, сбрасывают бомбы, внизу, в воде, стоят мины-рогатки. И вот баржа наткнулась на мину и пошла на дно – и люди, и оборудование, и никто не мог им помочь.

Когда мы приехали в Москву, москвичи смотрели как-то с оглядкой, мол, ничего себе блокадники, не кормили их, а вон какие у всех лица крупные. Нас сразу поместили в карантин, предупредили, чтобы нам ничего лишнего съестного не давали. Проходит неделя, другая, карантин закончился – ленинградцы вышли кожа да кости – москвичи в ужас пришли. А это сошла отечность, которая началась у людей от голода.

Я считаю, что, если бы не поддерживали друг друга, не было бы сплоченности – мы не выжили бы, не выстояли против фашистов.

Новикова (Рогоцкая) Мария Максимовна

Днем мы прятались в лесу, передвигались только ночью

В июне 1941 года я окончила 4 курса Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта и находилась на диспетчерской практике на Финляндском вокзале. 22 июня мы с однокурсницей в 8.00 поехали в г. Кексгольм (ныне Приозерск), который был в 1939 году присоединен к СССР, чтобы посмотреть город и ознакомиться с работой станции. В город приехали в 12 часов. День был солнечный. На перроне вокзала мы увидели много мужчин с чемоданчиками и дорожными узелками, плачущих женщин – так мы узнали, что началась война. На следующий день, вернувшись домой, увидели родной город с окнами, заклеенными крест-накрест бумагой на случай бомбежек.

До начала занятий в институте я работала в городе на строительстве подземных убежищ в парках, садиках, на строительстве дзота у больницы Фореля. Во многих домах были бомбоубежища, и в нашем доме по адресу Вяземский пер., д. 5 (за собором Иоанна Кронштадтского), под тремя подъездами тоже было бомбоубежище. Занятия в институте начались 1 августа, но продолжались недолго. Уже 11 августа всех студентов, которые успели вернуться в Ленинград, отправили на оборонные работы за г. Волосово. Когда мы пришли в деревню, где должны были работать, то узнали, что накануне ее обстреливали немцы. Там проходила лужская оборонительная линия. Наши войска отступали. Уже ночью нас выводили от линии фронта. Днем мы прятались в лесу, а передвигались только в ночное время. 7 дней мы шли до станции Копорье. Нас не кормили, только днем на телеге подвозили бочку с водой и давали по одной кружке. У нас с подружкой с собой была буханка черного хлеба и немного колбасы. Продуктов с собой никто не брал, так как в институте предупредили, что с собой нужно будет взять одеяло, миску, кружку с ложкой и поесть: только в дороге, на оборонных работах предполагалось, что студентов будут кормить.

Один раз днем над нами пролетели два самолета с красными крестами, которые оказались вражескими и сбросили на поляну бомбы. Через 7 дней рано утром мы, 40 – 50 человек, дошли до ст. Копорье, которую бомбили немцы. Самолеты пролетали часто. Нас там впервые за все время накормили горячей пшенной кашей. Ночью нас посадили в товарный выгон и перевезли на ст. Лебяжье, где мы строили противотанковые укрепления на берегу реки, берег у которой был глинистый и высокий с наклоном, отчего работать можно было только киркой. Утром и вечером нам давали сладкий чай с хлебом, а в обед – суп. 31 августа поездом нас привезли в Ленинград, начались занятия. Моя сестра, студентка 2 курса, была на оборонных работах в Красносельском районе, а 15-летний брат также где-то в пригороде Ленинграда.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда, которая продолжалась 900 дней – до 27 января 1944 года. Город, окруженный немецкими войсками, обстреливался из орудий и подвергался бомбежке, сбрасывались также зажигательные бомбы. Отец продолжал работать на заводе, мать – на фабрике. Я, сестра и брат находились на оборонных работах, строили противотанковые рвы, доты, дзоты, баррикады и окопы. **Продовольственные карточки были введены в городе в июле 1941 года, а отменены только в январе 1947 года. Нормы довольствия и порядок выдачи продуктов устанавливались Военным советом фронта. Были введены специальные карточки, талоны на дополнительное питание рабочих, занятых на подземных работах, в горячих цехах и на других тяжелых работах, доноров, больных, беременных женщин, детей.** Установленные нормы на продукты питания соблюдались, а цены на них, как и на получаемые по карточкам основные промышленные товары, оставались всю войну неизменными, то есть на довоенном уровне.

В 6 часов утра хлеб в магазинах уже был, его на саночках привозили сами продавщицы магазина с хлебозавода. Самый тяжелый период был ноябрь, декабрь и январь – время, когда по карточкам, кроме хлеба, никаких продуктов не получали. От голода стало много умирать жителей. Гробы делать было некому. Хоронили в общих могилах на Пискаревском, Серафимовском кладбищах, сжигали в печи кирпичного завода, который находился на территории теперешнего парка Победы, в других местах. У нас дома запасов никаких не было. Мама меняла вещи на дуранду (жмыхи), из которой варили суп, а из столярного клея варили холодец. **По радио – так называемые «черные тарелки» – для населения объявлялся приказ отдела торговли, в котором указывался размер и выдача каких продуктов будет осуществляться на ближайшую декаду. Хлеб продавали на один день вперед.** Первое увеличение норм хлеба было 22 января 1942 года: рабочие стали получать 400 граммов, остальные – по 250 граммов. Эту дату я хорошо запомнила, так как 20 января 1942 года умер мой отец в возрасте 54 лет, похоронен на Серафимовском кладбище в общей могиле.

Мы выжили еще и потому, что у нас были дрова, мы не замерзли. В доме не было отопления, света и воды. За водой мы ходили к реке Малая Невка. Жили мы все: отец, мать, я, сестра и брат – в кухне площадью 6 квадратных метров, отапливались железной печкой-буржуйкой, на которой готовили и обогревали кухню. В комнатах было холодно, даже на кухне к утру вода в ведре замерзала. В январе 1942 года я пыталась сдать экзамены в зимнюю сессию, но не смогла, пройденный материал просто не запоминался. Я была на 5-м курсе эксплуатационного факультета ЛИИЖТа. Мой институт находился на

Московском проспекте, дом 9, а жила я на Петроградской стороне по адресу: Вяземский переулок, д. 4 (у собора Иоанна Кронштадтского). Добраться до института из-за бомбежек было сложно. Кроме трамваев, другого транспорта не было. Иногородние студенты, оказавшиеся в городе, жили в аудиториях института. Например, выучу одну тему, когда начинаю учить следующую, то уже не помню предыдущую. Сказывался голод. При росте 160 см я имела вес меньше 40 кг, а выглядела лет на 35, меня не узнавали знакомые. **В блокаду из ЛИИЖТа погибли от голода, на фронте, в ополчении 1444 человека. На территории института у главного корпуса установлен памятник и стена, на которой указаны фамилии погибших профессоров, преподавателей, сотрудников и студентов. Из моей группы от голода умерли два студента.**

С открытием Дороги жизни через Ладожское озеро по льду улучшилось снабжение, усилилась эвакуация жителей. 9 марта 1942 года мой брат Василий, 1926 года рождения, уехал с ФЗУ на Кубань, где он окончил ФЗУ и работал на авиационном заводе. Когда Васе исполнилось 18 лет, он ушел на фронт добровольцем. В феврале мой институт эвакуировали. Мне с сестрой и мамой можно было тоже уехать. Но мама была очень больна, не могла ходить, а доставить ее на Финляндский вокзал мы с сестрой были не в состоянии, так как сами еле-еле передвигались. Оставить мать означало приговорить ее к смерти, поэтому мы остались в городе. В это время норма хлеба увеличилась до 400 граммов рабочим. За лечение мамы, посещение доктора мы через день платили 400 граммов хлеба.

В начале войны вывозилось оборудование заводов, но часть заводов работала. В их числе Кировский завод вблизи от фронта ремонтировал танки, завод им. Кулакова делал автоматы Шпагина, все оставшиеся заводы работали на фронт. В начале марта начали набирать рабочих и на другие заводы. 14 марта 1942 года я пошла работать на завод имени Кулакова. При оформлении на работу начальник отдела кадров, майор, увидев меня – дистрофика, предложил работу в охране. Я отказалась, заявив, что хочу работать фрезеровщицей или токарем, хочу иметь специальность. Сестру Женю (она училась в техническом институте) приняли на работу техником. В это время для нас важна была рабочая карточка.

Весь март, апрель жители убирали город: скалывали лед на улицах и во дворах, который доходил толщиной до 50 см, очищали дворы, так как канализация и водопровод не работали, и все «параша» выливались у помойки дворов. Пустили грузовой трамвай, на платформе которого вывозили лед и всю грязь на мост и сбрасывали в Неву. В апреле дали электричество, и завод начал работать. Цеха не отапливались. Так я стала работать токарем и сверловщицей. В цехе

были мастерские: штамповка ствольных коробок; слесарная; сварки дуговая и точечная; закалка и обкатка отражателей и затыльников. Работала хорошо, получала дополнительно через день обеды и талоны на завтраки. Но я не поправлялась. Кормили нас соевыми биточками, соевым кефиром и молоком. Суп в столовой варили из зеленых листьев гороха, а чтобы мы не болели цингой, нам при входе на завод давали пить настой из елочных иголок. Несмотря ни на что я не поправлялась. Женя сказала, что с таким скелетом, в который я превратилась, она в баню ходить не будет. Когда я пошла в поликлинику, доктор дала мне направление сдать кровь и при этом сказала, что если это не поможет, то будет лечить. После сдачи 225 граммов крови я начала поправляться и стала такой же, как была в институте.

Через полгода мне предложили должность экономиста, но я отказалась, так как там была карточка служащего, а это значит, что я получала бы продуктов в 2 раза меньше. Тогда мне предложили должность техника большого цеха. Я согласилась, поскольку карточка была рабочая. Женя работала в цехе, где собирали автоматы. Задание заводу было собрать 800 автоматов в сутки, собирали 1000 штук. При невыполнении задания строго наказывали. Проработав немного техником, меня на тех же условиях назначили диспетчером цеха. От меня зависело поступление деталей из других цехов для сборки автоматов в мою смену. Закончила я свою работу в цехе старшим диспетчером. Работала я без выходных по неделям: 12 часов днем, потом по 12 часов в ночь, а чтобы поменять смены (дневные и ночные), делалось так: ночная смена работала с 20.00 до 15.00 и дальше переходила работать в дневную смену. А дневная смена работала с 15.00 до 8.00 и переходила в ночную. Первый выходной день я получила в августе 1943 года, после того как наши прорвали 10-километровый «коридор смерти» на линии фронта (18 января 1943 года). На заводе я была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Снабжение с появлением Дороги жизни было двойным по сравнению с Москвой. Это – заслуга Сталина. Регулярно объявлялось по радио, что и в каком количестве будут выдавать. Все, что объявлялось, было во всех магазинах, и если директор магазина заменял один продукт другим, то его отдавали под суд. В цехе, где я работала диспетчером, работали и осужденные. Так, в мастерской работал бывший директор магазина, получивший 10 лет за то, что заменил объявленный продукт другим.

30 апреля мы положили маму в госпиталь. Там сказали, что она не выживет. Но мама поправилась и 21 июня выписалась из госпиталя. Госпиталь был в школе № 46 Петроградского района. Мы были истощены, все время хотелось есть. Летом все скверы и сады были превращены в огороды. У нас с Женей была

грядка возле проспекта Добролюбова, а у мамы – на Каменном острове. Ели мы крапиву, ботву от овощей, которую продавали на Дерябнином рынке. На заводе мне предложили вступить в партию, были поручительства, но 10 октября я получила вызов из Москвы, из ЛИИЖТа, где была часть эвакуированного нашего института. 14 октября уволилась с завода и 17 октября уехала в Москву заканчивать институт. В Москву я приехала 21 октября. Поезд отправлялся с Финляндского вокзала ночью, пассажирам не давали спать: полоса прорыва была шириной 10 км, и если начинался обстрел, то пассажиров высаживали из вагонов. Доехала благополучно.

27 января 1944 года, в день снятия блокады, по радио объявили, что в городе осталось 600 тысяч человек. В марте 1944 года я окончила учебу в институте, назначение на работу получала в Министерстве железнодорожного транспорта. В 1945 году Указом Верховного Совета СССР меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В том же 1945 году мне было присвоено воинское звание инженер-лейтенант железнодорожных войск.

Назарова Валентина Степановна

Около головы прозвучала пулеметная очередь

До войны я училась в Ленинградском горном институте им. Г. В. Плеханова. Сдала экзамены за второй курс металлургического факультета. Мне было 20 лет.

Война застала нас, студентов, по дороге в г. Мончегорск на комбинат «Североникель» (Кольский полуостров), куда мы ехали на производственную практику. На станциях мы увидели много мужчин с вещмешками, плачущих провожающих женщин. Это – начало войны. Стало очень тревожно.

На практике мы ознакомились с рудниками комбината, обогатительной фабрикой, со всеми цехами. В июле 1941 года мы поспешили вернуться в Ленинград. Билет у меня был до Москвы, но вышла я в Ленинграде.

В Ленинграде было спокойно, деловито. Налаживалась и строго соблюдалась светомаскировка, дежурства на крышах зданий, улицах, во дворах. Скульптуры закладывались мешками с песком, шпили Адмиралтейства, Петропавловской крепости, Исаакиевского собора покрывались серой краской (это делали альпинисты).

В институте было оживленно. Все хотели быть полезными в этот напряженный момент для Родины. Юноши уходили в ополчение (мы их провожали), а

девушки – на трудовые оборонительные работы. Я отдала свой железнодорожный билет пожилой женщине, которая гостила в Ленинграде у сына и не могла выехать, и, как многие наши девушки, поступила на курсы медсестер. Эти курсы можно было окончить без отрыва от производства, так что я поехала на трудовые работы и 21 июля 1941 года приступила к работе. Рыли мы противотанковые рвы, работали ломом и лопатой, на себе подвозили плиты (впрягаясь в телеги) и укладывали их.

Временами нас фашисты бомбили и обстреливали с бреющего полета. Это было первое боевое крещение, когда около головы прозвучала пулеметная очередь. Сначала мы рыли противотанковые рвы под Гатчиной, а затем – под Кингисеппом. Из-под Кингисеппа мы отступали вместе с войсками к Ленинграду.

30 сентября 1941 года я закончила курсы медицинских сестер (такие справки нам выдавали при окончании курсов, которые мы должны были обменять на удостоверения).

Не дожидаясь повестки (согласно которой я должна была бы явиться 7 октября 1941 года в военно-учетный стол), я 3 октября 1941 года получила военный билет и уже 5 октября 1941 года была в действующей армии в эвакогоспитале (ЭГ-2764). Работала медицинской сестрой.

Госпиталь располагался в здании Дворца культуры им. С. М. Кирова на Большом проспекте Васильевского острова. В нем служили многие студентки Ленинградского горного института. Работали мы сутками с небольшим перерывом на сон (спали не раздеваясь, только сняв обувь). Но когда поступало большое количество раненых, работали по 36 часов. Если были обстрелы или бомбежки (а это было постоянно), то мы шли сбрасывать с крыш и чердаков падающие зажигалки и помогали сестрам.

О трудностях, которые переживали ленинградцы в тяжелые блокадные дни, сейчас все знают. В суровую зиму 1941 – 1942 годов помещение не отапливалось, не было света, воды и очень-очень мало хлеба – 250 – 300 грамм (да и в этом хлебе было только 40% ржаной муки). Это – норма хлеба в эвакогоспитале. Мало было лекарств, перевязочного материала, нужно было еще бороться с паразитами...

Делать приходилось все. Ночью около умирающих ставили коптилки, чтобы при необходимости можно было чем-нибудь облегчить страдания.

А утром... собирали в последний путь... (тогда мы могли умерших только сложить в штабеля, похоронить не было возможности).

В палате лежали раненые с различными отклонениями: бойцы, которые «шли в атаки», от контузии глухонемые (один оказался шпионом – узнали потом по внезапному его изъятию). Только одного видела умершего с улыбкой – это был боец-финн.

Фашисты бомбили также и здания с красным крестом, то есть госпитали.

Вспоминается такой несчастный случай-диверсия. У центрального входа нашего госпиталя произошел мощный взрыв. И в это время, когда мы вытаскивали раненых из горящего госпиталя по боковым узким лестницам, фашисты бомбили госпиталь с воздуха.

Ленинград систематически обстреливали и бомбили. Но город трудился и боролся. Ленинградцы отдавали все силы, были стойки и верили в победу. Дети помогали взрослым во всех делах.

В октябре 1941 года я вступила в ряды ВЛКСМ (билет был выдан политотделом Ленинградского фронта).

Примерно в ноябре 1941 года одна из моих подруг нашла меня в госпитале и принесла повестку из военкомата (о которой я говорила выше). Эта голодная девочка, Рая Дмитриева, принесла мне в подарок кусочек селедки, отдала его (несмотря на мои протесты), сказав, что «тебе нужнее». Уже из эвакуации в 1944 году Рая прислала мне свою фотографию с надписью: «Дорогой Валюше в память о нашей дружбе. Мне 22 года, и я почти старуха».

Память сохранила также момент встречи мамы и медсестры. Одну из наших медсестер (она была коренная ленинградка) мама иногда навещала. У мамы был длинный и трудный путь, но она несла своей дочке еду – холодец, сваренный из столярного клея.

Уже после войны одна женщина-блокадница рассказывала мне: она прокалывала иглой свой палец и давала сосать его дочке. Она спасла свою дочь.

После войны мы долгое время не говорили о военном периоде...

В блокадном Ленинграде было трудно. Особенно трудные месяцы были зимой: ноябрь – декабрь 1941 года и январь – февраль 1942 года.

Новый 1942 год я «отмечала» на госпитальной койке (попала какая-то инфекция в организм при одевании, переносе и укладке умерших бойцов в штабеля).

Встречая Новый год, я мечтала о кусочке сахара, который бы растаял во рту. И потом, в мирное время, я всегда любила и люблю сделать что-нибудь вкусное и угостить своих родных и друзей.

В часы затишья мы старались почитать бойцам старые письма с Большой земли (старые – так как связи не было), думали о жизни, мечтали, верили и очень ждали открытия второго фронта и прорыва блокады. Бойцы вели бурные дискуссии о втором фронте и о сражениях на передовых позициях.

Были у нас и приятные минуты. Так, например, в октябре 1941 года мне удалось (переодевшись в штатское) пешком добраться до Театра музкомедии и послушать «Баядеру». Были обстрелы, но представление не прерывалось...

А 8 Марта 1942 года мы решили отметить. Собрали кусочки хлеба (дневную пайку) и вечером все свободные от дежурства собрались за «праздничным столом». Ели этот хлеб и запивали кипятком, мечтая, что будет после войны. Было оживленно, так как вспоминали приятные события своей жизни. Я хотела выжать самую простую стоечку. До войны я занималась спортивной гимнастикой, держала первенство по институту, и наша команда готовилась к выступлениям на соревнованиях в Москве по программе мастеров. Надеялась, что смогу сделать, но у меня ничего не вышло. Сказала, что после войны обязательно все получится.

В начале марта 1942 года наш госпиталь первый раз за все время получил возможность вымыть раненых бойцов. Это радостное событие, но очень трудное. Нас, сестер, распределили по отдельным участкам: перевоз раненых; раздевание в грязном отделении; отделение, где мыли раненых; одевание в чистом отделении; обратная транспортировка.

Несколько сестер, в том числе и я, мыли раненых. Люди были истощены, и при таком напряжении многие теряли сознание...

Мы просили сменить нас, но подмены не было...

Несмотря на все трудности, какое счастье было для всех вымыться и переодеться!!!

18 марта 1942 года меня демобилизовали по болезни – дистрофия (в военном билете отметка «уволена в запас»; военный билет НМ № 6383279).

Выдали нам сто шестьдесят семь рублей (денежный аттестат), арматурную карточку № 237 (на предмет вещевого снабжения), аттестат на продовольствие № 622, по которому получили 600 г хлеба и 20 г сахара.

Куйбышевский районный совет депутатов трудящихся г. Ленинграда, районная эвакуационная комиссия 19 марта 1942 года выдала удостоверение на эвакуацию из г. Ленинграда. По этим удостоверениям (аттестат на продовольствие и удостоверение на эвакуацию) мы и питались во время эвакуации в различных столовых.

19 марта 1942 года я и две мои подруги-медсестры (Нина и Вера – фамилии не помню) выехали из Ленинграда с Финляндского вокзала, а затем по Ладожскому озеру Дорогой жизни – на Большую землю.

Переезд через Ладогу был очень трудный и опасный. Машины могли попасть в полыньи, были постоянные обстрелы.

Расскажу два случая, которые рассказывали очевидцы.

В одной из машин эвакуировались мама с дочкой и сыном 3-х лет. Машина пошла под лед, и мама успела только сына выбросить на лед. Его подобрала и доставили на Большую землю. Этот мальчик (Всеволод Касьянов) выжил (в 1990 году его избрали председателем Совета Московской ассоциации участников блокадного Ленинграда).

Прошло много лет после окончания войны (примерно 50 – 55 лет), я встретила у себя в районе (Москва, Южный административный округ, бывшее село Дьяковское) солдата с Волховского фронта. Он рассказал, что в колонне машин по Дороге жизни доставлял продовольствие в блокадный Ленинград. Так из 100 машин в город и обратно приходило только 20. Но ему повезло. Он сделал 4 ездки.

Через Ладогу нас перевезли в кузовах грузовых машин на Большую землю. Поместили в товарные вагоны, и кто мог двигаться получили питание (я не могла). Многие после еды чувствовали себя плохо, а многим стоило это жизни. На остановках их убивали из вагонов.

Я смогла поесть только в Ярославле (девочки принесли мне мороженую луковицу, разогрели на буржуйке, и я пососала ее). К еде привыкала трудно. Ела мало и часто, организм не принимал еду. Но я старалась немного двигаться и быть активнее. Организм молодой, сильный, и он победил.

Нас демобилизовали в Ленинграде. Нужно было теперь думать, как устраиваться и жить в новых условиях. Я была вместе с другими демобилизованными медсестрами, мы помогали друг другу. Решили, что нужно найти моих родителей (не знаю мотива решения).

Папа до войны работал в Москве горным инженером в Главолово (какую занимал должность, не знаю). Учреждения и заводы из Москвы эвакуировались в Сибирь или на Урал. В передвижениях и поисках нам помогали военные (военные коменданты), так как у нас были документы демобилизованных. Были трудности с передвижением, питанием, санитарной обработкой.

Нужно отметить, что ленинградские блокадники разбросаны по всей стране, поэтому мы не общались между собой. В 1990 году (45 лет после окончания войны!) группа энтузиастов организовала Московскую ассоциацию участников блокадного Ленинграда.

На учредительной конференции 27 января 1990 года было 800 человек. Совет состоял из 17 человек, ревизионная комиссия – 5 человек. Председателем Совета был избран подполковник Всеволод Викторович Касьянов. Работал он в то время в Министерстве внутренних дел СССР, имел высшее образование юридическое, историческое, военное – закончил академию.

Я выше уже писала, что его 3-летним ребенком вывезли по Дороге жизни 22 марта 1942 года (все погибли, так как машина попала в полынью, а его мама успела выбросить на лед).

Очень памятливы первые встречи блокадников. Все искали своих друзей и знакомых. Спрашивали: кто из какой части? Где проживали в городе (Васильевский остров, Петроградская сторона...)? Вышла на трибуну молодая женщина с букетом цветов. Она рассказала, что у нее все умерли во время блокады... И вот теперь она общается с родными ленинградцами, что она не одна... (и бросила цветы в зал).

Запомнилось выступление одного партизана. Он – выпускник Ленинградского горного института (фамилию не помню). Оказывается, в Ленинграде были и партизаны! Он рассказал, что после выполнения задания из 62 человек партизанского отряда осталось в живых всего 6 человек, которые вернулись в город.

Поэт Юрий Воронов всегда читал свои стихи. В одном стихотворении ушедшие из жизни блокадники спрашивают нас, стоим ли мы этой жизни.

Мертвые

Мне кажется: когда гремит салют,
Погибшие блокадники
Встают.
Они к Неве
По улицам идут,
Как все живые.
Только не поют.
Не потому,
Что с нами не хотят,
А потому, что мертвые
Молчат.
Мы их не слышим,
Мы не видим их,
Но мертвые
Всегда среди живых.
Идут и смотрят,
Будто ждут ответ:
Ты этой жизни стоишь
Или нет?

Нестерова Светлана Степановна

Умерли два моих близких человека – бабушка и кукла

Я родилась в 1935 году. Когда началась блокада, мне было пять с половиной лет – я жила в Ленинграде с бабушкой и братом. Мы жили в самом центре города – на Адмиралтейской набережной. Я помню, что везде бегала за своим братом, которому было уже 13. Помню, что всегда очень сильно боялась бомбежек и пряталась от них под лавку на Адмиралтейской набережной. И меня оттуда вытаскивали, чтобы отвести в бомбоубежище.

Я очень хорошо запомнила тот кусок хлеба, который нужно было разделить на троих. Врезались в память голод и холод. У нас в комнате ничего не осталось из мебели – скорее всего, все было сожжено. Я помню, что нам кто-то дал бутылку кефира и три конфеты: я все три конфеты съела одна, а потом очень сильно переживала, что все съела и никому не оставила.

Мы жили в коммунальной квартире. У нас дома все выключатели находились на уровне моего роста – их специально так разместили, чтобы я могла до них дотянуться. Моя бабушка ушла работать, и я часто оставалась дома одна. И когда мы приехали уже после войны в Ленинград, я посмотрела на эти

выключатели и вспомнила то время. А соседи сказали: «Это делали специально для маленькой Светочки».

В начале 43 года умерла моя бабушка. Этот момент я очень хорошо помню. Я не смогла тогда до нее дотронуться, потому что сильно испугалась. Я залезла под кровать со своей большой, почти с меня ростом, фарфоровой куклой. Когда я залезала под кровать, кукла упала и разбилась. И получилось так, что умерли два моих близких человека – бабушка и кукла.

В нашем доме жил один художник по фамилии Элонин со своей женой, которая носила фамилию Лиловая. Элонин был художником-скульптором. Я помню, как ходила с ними на Черную речку. Они брали меня с собой в свою мастерскую. Они начали работу над восстановлением скульптур петергофского фонтана, когда был разрушен Петергоф. Потом, когда я уже приезжала в Ленинград, будучи взрослой, то увидела там надпись: «Реставрация скульптора Элонина». На фонтане была указана фамилия не только автора, но еще и реставратора, что не часто можно увидеть.

Я помню, как ходила с ними за водой на Неву. Мы жили около Дворцового моста, а ходили за водой к сфинксам. Я часто задавалась вопросом: «Почему мы так далеко ходили за водой?» И я до сих пор не знаю, почему мы ходили именно туда. Возможно, там проще было сделать лунку, может, там лед был тоньше.

Я помню момент прорыва блокады, точнее, может быть, это был не прорыв, но в моей детской памяти это событие запомнилось именно как прорыв блокады. В бомбоубежище накрыли стол, покрыли его белой скатертью и положили на блюдечке кусок манной каши, политый киселем. Это был пудинг. И вот этот вкус манной каши и пудинга я помню до сих пор.

Когда моя бабушка и мой брат умерли от голода, меня отправили в детский дом. Сестра моей бабушки, которая жила в Москве, разыскала меня и забрала к себе в Москву. И вот когда она увозила меня из детского дома, то я долго плакала и не хотела уезжать оттуда. А все ребята говорили: «Светочка, почему ты не хочешь уезжать? Ведь у тебя будет мама».

И вот, когда мы приехали в Москву, я помню, очень долго ее мучила просьбой приготовить мне манный пудинг с киселем. Она долгое время пыталась мне его приготовить, до тех пор пока наша соседка с четвертого этажа тетя Феня не сказала: «Не мучайся, это вкус голодного ребенка».

В первый класс я пошла не сразу, а в декабре или январе. У меня была дистрофия, и сестра моей бабушки решила не пугать детей в школе моим присутствием. Поэтому первое время учителя приходили ко мне домой.

Вся дальнейшая моя жизнь прошла в Москве ровно и спокойно – школа, институт, работа...

Сестру моей бабушки я уже примерно через год начала называть мамой. Я очень хорошо помню тот момент. Когда я ее так назвала, она очень сильно растрогалась и заплакала.

Когда мы уже после войны приехали в Ленинград, то наши соседи, увидев меня, расплакались. И все говорили: «Как хорошо! Ты жива!» Мы обязаны своей жизнью всем взрослым – и ленинградцам, и тем, кто вывозил нас из Ленинграда, и тем, кто принимал нас у себя в домах, и тем, кто потом растил нас.

Когда я пошла в школу, со мной в классе учились дети министров. Мы тогда жили на Ананьевском переулке, где были квартиры чиновников. И я только сейчас понимаю, насколько они были тактичными, – я уверена, что, скорее всего, у них были другие пайки, но своим детям они не разрешали приносить в школу свою еду. Их дети, как и все остальные, брали с собой в школу кусочек черного хлеба для того, чтобы не выделяться. Но когда они приглашали нас к себе домой, то старались уже, конечно, накрыть стол, накормить нас в силу своих возможностей. А возможности у них были чуть больше, чем у остальных.

Я помню, когда моя приемная мама забрала меня из детского дома, то ей сразу сказали, что ребенка нужно кормить дозированно. И вот на протяжении довольно долгого времени мама кормила меня маленькими порциями. А когда я уже могла начать нормально кушать, то кусочка сахара хватало мне на неделю – я уже и сама не могла тогда много есть. И вот я помню, как передо мной сажали кошку Муську, и она съедала винегрет, борщ, макароны по-флотски, пила кисель, а соседи все стояли и говорили: «Ну, Светочка, как же так, Муська ест, а ты нет».

Еще в моей памяти отложилось воспоминание о том, как у нас вся лестница была завалена снегом. Окна в доме были выбиты. Видимо, снег, который лежал на лестнице, не было сил расчистить.

Многие рассказывали о том, что в Ленинграде были случаи людоедства. Лично мы это не видели, но у меня была кошка, которая потом пропала. Мне не сказали, что ее съели, сказали, что она куда-то пропала.

В 1945 году мы с моей приемной мамой приехали в Ленинград. Ей там предложили квартиру, но она отказалась. А моя бабушка, которая умерла во время войны, с 1912 года жила в Ленинграде. Вся моя сознательная жизнь прошла в Москве. Я училась в Москве, окончила строительный институт. После окончания строительного института я проработала в строительном институте «Моспроект-1». Это был главный проектный институт, который занимался проектированием и строительством объектов в Москве.

Я очень благодарна нашему домоуправу. Именно она отправила меня в детский дом, а потом на протяжении всего времени, пока я там находилась, она интересовалась моей судьбой. Она даже написала письмо в детский дом, чтобы узнать, как я там живу. Из детского дома ей прислали ответ, в котором было сказано, что Светочку забрала приемная мать Анна Яковлевна и увезла ее к себе в Москву. Елизавета Александровна многим помогала. Она была домоуправом в полном понимании этого слова. Она следила за всеми жильцами своего дома. Елизавета Александровна была в курсе всего.

Я очень хорошо помню, как меня вывозили из ленинградского детского дома в Ярославскую область. Везли нас по Ладоге на машинах. А для того, чтобы добраться до машины, нужно было пройти по понтонам. Многие детишки не справлялись и проваливались, а потом их вылавливали и затаскивали в машины. Мы сели в машину и благополучно доехали до места. А когда моя приемная мама в 43 году везла меня в Москву, началась бомбежка. Точнее, это была не бомбежка. Получилось так, что я испугалась и закричала: «Ложись!» И люди повыскакивали из поезда на насыпь. А взрослые меня успокаивали, говорили, что это летят наши самолеты. Но я к тому моменту боялась уже всех самолетов.

В Ленинграде я жила на Адмиралтейской набережной, в доме под номером 6. Сейчас, к сожалению, этот дом уже выселен, подойти к квартире невозможно. Я просила охранников, чтобы они разрешили мне пройти к квартире. Они мне позволили подойти, но сказали, чтобы я не трогала дверь, чтобы не сработала сигнализация. Я прошла по лестнице, поднялась на наш этаж, вышла на улицу, встала в углу переулочка, посмотрела на наш балкон и заплакала. Я всегда, когда приезжаю в Ленинград, подхожу к нашему балкону и плачу, вспоминаю те времена... Я приезжаю туда, как только выдается возможность. Когда я приезжаю туда, то чувствую, что это мой родной дом, несмотря на то что почти вся моя жизнь прошла в Москве.

Я долгое время не знала, что мои родители были репрессированы. От меня долгое время скрывали эту информацию. Родители были репрессированы в 1937 году, мне тогда было два года. Я потом узнала, что родилась на теплоходе из

Камчатки в Ленинград, а роды принимал капитан корабля «Колыма». К сожалению, у меня нет никаких данных о нем. Я долгое время пыталась найти его, но все тщетно.

Носов Николай Николаевич Салют ленинградской блокады

Салют ленинградской блокады

День полного освобождения от вражеской блокады – 27 января 1944 года – самый радостный из блокадных дней. Этот памятный для всех блокадников день, о котором многое написано в их воспоминаниях, завершился впервые проводимым в Ленинграде по приказу Верховного главнокомандующего праздничным салютом.

У каждого свои воспоминания об этом дне и салюте. Когда утром радио объявило о снятии блокады и предстоящем салюте, я с разрешения бабушки побежал через дорогу в соседний дом, где проживала ее родная сестра – тетя Таня. Она работала в объединении «Ленэнерго», здание которого располагалось на одной из сторон Марсова поля, где и должен был производиться салют. Мне повезло, так как тетя работала в вечернюю смену и согласилась взять меня с собой, наказав теплее одеться и зайти за ней к 2 часам.

Я спрашивал себя: что принесет нам эта весть о снятии блокады?

Мне казалось, что, прежде всего, не будет артиллерийских обстрелов, во время которых взрослые выводили меня в коридор. В бомбоубежище, располагавшееся в соседнем доме, мы не ходили с 1942 года, после того как бомба попала в ближайший к убежищу флигель и, разорвавшись, засыпала подвал. С окон можно будет снять маскировочную драпировку из тряпок, одеял, не боясь, что свет копилки будет увиден с улицы патрульным нарядом. В вагонах трамваев синие лампы вновь заменят на обычные. Я также никогда больше не испытаю ужаса от вида горящего здания госпиталя на Суворовском проспекте.

Ровно в 2 часа я, укутанный поверх пальто и шапки в бабушкин шерстяной платок, появился у тети. Мы сели в трамвай номер 12 и доехали до Марсова поля. Орудия уже находились на поле и охранялись орудийными расчетами, выходы на Марсово поле были перекрыты нарядами милиции.

Здание «Ленэнерго», протянувшееся вдоль всего Марсова поля, имело один выход в центре. Поэтому все находившиеся в здании могли подойти через него к орудиям на расстояние 15 – 20 метров. За несколько минут до начала салюта

находившиеся в «Ленэнерго» люди буквально высыпались на улицу. Я устроился в первом ряду зрителей у ближайшего к зданию орудия.

Грохот от первого залпа буквально оглушил. Раздались радостные крики собравшихся: «Ура! Победа! Слава Советской армии!» Враг разбит, небо расцвели красочные разрывы салюта. Люди обнимались, пожимали друг другу руки, радовались, а некоторые плакали. Хотя улыбок на лицах было мало. Впереди было еще более года войны. Но залпы этого салюта – салюта ленинградской победы – несли людям уверенность в грядущей победе над врагом.

Обман

Это случилось в один из хмурых дней 1942 года. Почему-то мне показалось тогда, что все блокадные дни были пасмурные и хмурые. Я жил с мамой и бабушкой Маней на 3-м этаже в доме № 2 по 8-й Советской улице. Дом был коридорного типа, то есть из дверей всех комнат жильцы попадали в большой коридор, простиравшийся по всему этажу здания, построенного в форме буквы П. В конце каждого коридора находились комната с умывальниками и общий туалет, а с другой стороны коридора – кухня большая, где в мирное время хозяйки на примусах и керосинках готовили пищу. Сейчас эта кухня пустовала, так как обитатели дома кипятили чайник или варили, если что и удавалось достать на еду, в комнатах на самодельных печурках с трубами, выведенными в форточки окон. Проблемы были не только с питанием, но и с дровами для топки. Мама с утра уже находилась на работе, а я на попечении бабушки. Готовясь согреть чайник, бабушка обнаружила, что дрова уже кончились. На полу лежали две кипы книг и старых газет, чего было явно недостаточно. Поохав, она отобрала очередной скрипевший то ли от ветхости, то ли от предстоявшей плачевной участи стул и вручила его мне, семилетнему мальчику, вместе с топориком, сказав поколоть его во дворе помельче.

Посреди нашего каменного колодца-двора была небольшая залитая цементом площадка, на которой я устроил себе плацдарм для порубки. Уже были разделаны спинка и две наиболее шаткие ножки жертвы, когда раздался возглас: «Мальчик, не подскажешь где квартира 34?» Обернувшись, я увидел мужчину в военной форме. Подойдя ко мне, он неожиданно спросил: «А не сын ли ты Н.?» По-видимому, я был очень похож на отца. Ответив утвердительно и проводив военного к бабушке, я узнал, что он только что с фронта и привез от папы сверток.

К вечеру мама пришла с работы и развернула сверток. В нем находились записка и несколько пачек папирос «Беломорканал». Мама начала курить в

войну и курила только эту марку папирос до конца своей жизни. Прочтя записку и немного помолчав, мама включила синюю лампу с тусклым светом. В тот день по карточкам не отоваривали продукты, поэтому народу почти не было. Около зашитога фанерой окна стояло несколько лиц, поеживающихся от пронизывающего помещения холода. Мы подошли к ним. В обмен на папиросы предложили шоколадку или банку рыбных консервов. «Что выбираем?» – спросила мама. Чего хочет ребенок 7 лет? Ясно, что шоколадку, которую я не видел с довоенного периода жизни. «Нет, – промолвила мама. – Лучше возьмем консервы. Дома есть остатки макарон, с которыми все и съедим». Вот и решение вопроса.

Придя домой, разожгли печурку газетами и дровишками, которые еще утром были стульями из гарнитура. Поставили кастрюлю для макарон. Мама стала открывать банку консервов – и вдруг вскрик удивления. Банка вместо рыбы наполнена древесными опилками. Накинув ватник, мама побежала в магазин и вскоре вернулась, всхлипывая. Продавца «суррогата» след уже простыл. Вместо обмена был налицо ОБМАН. Этот случай военной поры я запомнил на всю жизнь, и вместе с ним в сознании закрепилась неприязнь ко лжи и обману, которые часто встречались на жизненному пути.

И еще этот памятный случай с обманом из военной поры выработал в моем организме стойкую привычку: я люблю макароны, но никогда не ем их с рыбой.

Николавцева Альма Антоновна
Я отказывалась от еды в знак протеста

Тогда мне было семь лет. После смерти мамы в январе 1942 года старшая сестра Берта отдала нас с сестрой Аделей в детский дом № 7, а оттуда меня перевели в детский дом № 34. Он находился на проспекте Обуховской обороны у Пролетарского завода. Мой брат Альфонс был в другом детском доме – он и другие воспитанники погибли, когда во время бомбежки в здание попал снаряд.

Дома мы умирали с голода, а здесь, в детдоме, нас кормили хорошо, но я отказывалась от еды в знак протеста, что меня разлучили с оставшимися тремя сестрами. Повлиять на меня смогли только слова воспитательницы, которая пообещала, что запретит мне свидания с сестрами, если я не буду есть.

Нас эвакуировали 12 июня по Ладого, сестренка пришла со мной проститься. Пришла и ее знакомая, фотограф Ксения Доморецкая. Она сняла меня на память. А после войны, в 1947 году, Берта отыскала меня и забрала домой.

Новач Александра Ивановна

Бог помогает, обязательно попадались хорошие люди

В 1941 году я попала в детдом. Мама умерла рано, мне тогда было три года. У отца, которого из-за возраста не взяли на фронт, нас оставалось четверо. В 42 году мы и вовсе стали сиротами – отец ушел за карточками на хлеб и не вернулся. Два дня мы лежали дома одни. Все четверо спали на одной кровати, съезжившись от холода. Не дождавшись отца, старшая сестра надела валенки и пошла за ним, а когда вернулась, сказала, что отец пропал. Но никто не заплакал – такое было у всех бесчувствие. Тогда многие пропадали без вести. Устроиться в детдом нам помогла школьная учительница.

По дороге в детдом в Токсово мы оказались в зале ожидания, поезда редко ходили – одни воинские эшелоны. Спали на вокзале на кирпичном полу. Я уже прекратила разговаривать от голода, ни на кого не реагировала. Но сестра каким-то образом обменяла карточки на буханку хлеба и спасла нас от голодной смерти. Потом нам тайком разрешили забраться в вагон с сеном, так и доехали до Токсово. Я воспитана не в религиозном ключе, но в жизни у меня было много случаев, что казалось, Бог помогает, обязательно попадались хорошие люди. В детский дом нас взяли без карточек. Только поступившие дети спали на стульях, чтобы выдержать карантин. Целый день мы только и делали, что ходили смотреть, сколько времени. А я от голода перестала соображать – никак не могла понять, сколько времени, только говорила, на каких цифрах стрелки. Когда нас привели в спальню, меня поразил тухлый запах. Постели чистые, все ухоженно, комната большая. А одна девочка, несмотря на то что было тепло, все время спала в валенках. Когда ее заставили их снять, все увидели, что у нее три обмороженных пальца отвалены – от них-то так и пахло. **Еще у нас был паренек по фамилии Морозов, который ел человечину. У него все соседи по коммуналке умерли, он отрезал от мертвого тела мякоть, варил и ел. За это его в детдоме прозвали людоедом.** А еще у нас воспитывался один немецкий мальчик Жорка. Его все гоняли, обзывали фашистом.

Солдаты на фронте были голодные, а нас в детском доме кормили три раза. Плохо, мало, но дома мы имели 125 г хлеба и больше ничего, а в детдоме у нас был завтрак, обед и ужин. В нашем детском доме были не беспризорники, а просто дети, которые только-только лишились родителей. Я не помню, чтоб мы когда-нибудь говорили «Манька», «Танька» и т. п. Иногда мы делали из старых чулок мешочки и наполняли их хлебными катышками размерами с косточку, до обеда этот хлеб жевали.

Во время эвакуации мы переправлялись через Ладогу ночью в открытых грузовиках. Сверху набросали одеяла и матрасы. Говорили, что одна машина

провалилась под лед, видно было, как через толщу воды светили фары. По прибытии нас привели в какой-то дом, там мы спали на полу. Утром в церкви собрали весь наш эшелон, раздали хлеб. Один мальчик у другого выхватил булку, и оба замертво упали. Многим это рассказываешь, а они не верят. Но все это так и было.

Потом приехали на Кубань. Выехали мы на дорогу, а там шлагбаум и немцы на посту. С нами ехал взрослый парень Коля. Он все время крутился возле немцев и продал им еврейского мальчика Олега – интеллигентного, худенького, воспитанного. Олега спрятали в сене и забросали тряпками. А немец идет прямо к этой подводе и забирает Олега. Лето выдалось очень жаркое, и на многих немцах были наши советские гимнастерки. Большая машина остановилась, и Олега туда засунули. Кто-то спросил, куда его отвезут, а в ответ прозвучало: «В детский дом для евреев отправим».

Доехали до хутора Наркомзем, остановились на свиноферме, расположились в стойлах для свиней, крысы там были громадные. Всех свиней, которые были, нам отдали. Хлеба не было уже, а мяса ешь сколько хочешь. Я до сих пор могу есть сало без хлеба – хоть вареное, хоть соленое. Наши девочки – Айно и Галя – надели пионерские галстуки и пошли в хутор «на разведку». Немцы их увидели, сняли галстуки, затоптали ногами и приехали к нам на второй день на мотоцикле. Они нас построили, никого не обидели, сказали, чтобы возвращались туда, откуда мы выехали. Мы приехали в станицу и остались там жить. В школе было очень много перловой крупы и лука. Этот лук брали и ходили к немецкой кухне менять на хлеб или на похлебку, а на Новый год немцы дали нам по 12 черных пряников.

В 1945 году нас расформировали. Тех, кто не ленинградцы, оставили здесь, а ленинградских отправили в детдома в Ленинград. Меня посадили на поезд в Ташкент, дали мешок хлеба, а он сгорел от жары. Потом я обучалась в ремесленном училище, оттуда меня забрала сестра. В Ленинграде у нас остался дом, и впоследствии я туда переехала. Вот такая у меня была жизнь.

Осипов Альберт Федорович
И я отбросил камень в сторону!

Я родился 20 декабря 1932 года. Когда началась война, мне было 8 с половиной лет, только в первый класс пошел. Детская память цепкая, но в то же время все проходит незаметно – случилось и забылось. Многие моменты блокадной жизни я восстанавливал, читая литературу об этом трагическом событии.

Занятия в школе начались, как обычно, 1 сентября. А потом бомбежки, походы в бомбоубежище. В ноябре занятия в школе прекратились и до прорыва блокады не возобновлялись.

Очень хорошо помню 8 сентября – начало блокады Ленинграда. В этот день фашисты совершили первый авианалет на город, разгромили Бадаевские склады. Я в то время жил на Московском проспекте, дом 7, это у Сенного рынка. Бадаевские склады – на Киевской улице. Мы, мальчишки, после бомбежки, когда склады горели, пошли туда посмотреть, что же произошло. А там... ленинградцы собирали то, что осталось, по сути, оставался только расплавленный сахар.

Сначала мы, мальчишки, воспринимали войну как игру. Бегали вместе с взрослыми на чердаки, тушили зажигательные бомбы. Но постепенно мы стали осознавать, что война – это не игра. Сокращались выдачи продуктов по карточкам, наступил голод. Ленинградцы помогали друг другу, делились последним. Но было и мародерство, и людоедство.

Ленинградцы-блокадники – сильные духом люди. Когда была прорвана блокада, на улицах города появились пленные немцы. Их держали на Конюшенной площади, там был концлагерь для них. И вот туда их вели от Адмиралтейского проспекта по Невскому. Все смотрели на них сурово, негодовали. Я схватил камень и хотел в них бросить. Но вдруг я почувствовал чью-то руку на своем плече. Оборачиваюсь, стоит старик и пристально на меня смотрит. «Мальчик, ты же ленинградец!» – воскликнул он. И я отбросил камень в сторону.

Уже потом мне рассказывал сослуживец из органов внутренних дел, как наши бомбили фашистов. 8 августа 1941 года дальнебойная авиация Ленинграда совершила первый бомбовый налет на Берлин. Для немцев это было неожиданно. Берлин бомбило 15 самолетов, и все они вернулись обратно. Одним из них как раз и управлял мой сослуживец.

После снятия блокады я окончил восемь классов и пошел работать на Балтийский судостроительный завод разметчиком. Потом меня призвали в армию. Волею судьбы я служил в группе советских оккупационных войск в Германии. Потом вернулся в Ленинград, снова работал на Балтийском заводе. Продвигался по службе, стал бригадиром разметчиков, в моей бригаде было шесть человек. Вступил в партию на Балтийском заводе, участвовал в добровольных народных дружинах по наведению порядка в городе. На этом заводе я познакомился с человеком, который готовил его к взрыву в случае, если бы немцы вошли в город. Специально созданная для этого бригада

работников завода круглосуточно находилась на Балтийском заводе, чтобы в любой момент произвести взрыв.

Позже я окончил Ленинградский университет. В то же время по партийному набору меня призвали в органы внутренних дел. Отработал я там более 30 лет. На заслуженный отдых вышел в звании полковника. Будучи на пенсии, преподавал в учебных заведениях. Сейчас я являюсь председателем Совета ветеранов нашей службы. Часто выступаю с лекциями, а в школе № 9 в Василеостровском районе провожу уроки мужества.

Оришак Клавдия Арсентьевна
Вместо съёмочной площадки – на передовую

18-летняя актриса Ленинградской киностудии Клавдия Оришак 22 июня 1941 года вместо съёмочной площадки отправилась на передовую. Она участвовала в боях с немцами, 9 мая встретила в звании старшины, награждена орденами и медалями за оборону Ленинграда, за победу над Германией и Японией.

Мужчин в блокадном Ленинграде почти не оставалось. Все юноши ушли на фронт. В городе были одни лишь старики да девушки 17 – 19 лет. Все мы были в рядах комсомола. Порой нам поручали выполнять очень важные задания. Помню, как для выполнения одного из таких поручений меня назначили старшей в группе. В течение нескольких часов мы должны были начинить бутылки горючей смесью, после чего отправиться со всем этим добром на Невскую заставу выбивать немцев из-под Ленинграда.

Транспорт в городе уже не ходил. Пришлось добираться до Кировского завода своим ходом. Здесь нас уже ждал трамвай. На Невской заставе трамвайный путь оборвался. Гитлеровцы заметили наш «женский полк» и выползли из своих укрытий. Было очень страшно. Меня бросило в холодный пот, а по спине пробежала дрожь. Казалось, что мы идем на верную гибель. Немцы шли к нам навстречу и кричали: «Сдавайтесь, рус, сдавайтесь!..» В ответ мы крыли их отборным матом. Эти слова они знали хорошо.

Когда гитлеровцы подошли достаточно близко, мы начали забрасывать их самодельными «гранатами». Враг начал отступать и отстреливаться. Пули засвистели над головой. В меня им попасть не удалось, а вот мою подругу Любу убили...

Память о подруге, ее фотокарточку Клавдия Арсентьевна пронесла через всю свою нелегкую жизнь. В рядах Советской армии, куда она попала благодаря своему упорству, и в степях далекой Монголии воспоминания о Любе придавали ей сил. С фронта она вернулась старшиной, с орденом Мужества на груди и медалями за оборону Ленинграда, победу над Германией и Японией.

Сейчас Клавдия Оришак живет в Крыму, в Симферополе.

Осипова Валентина Алексеевна

Я попала в зенитно-артиллерийский полк противовоздушной обороны

Родилась 3 июля 1923 года в Ленинграде.

Перед войной я училась на втором курсе гидрометеорологического техникума. В эвакуацию с техникумом не поехала, поскольку не хотела оставлять маму и брата.

С первых дней войны я была задействована на оборонных работах. Мы копали окопы, траншеи, противотанковые рвы, часто выезжали на лесозаготовки. С сентября 1941 года работала на фабрике, выполняла заказы для фронта. Все работники предприятия находились на казарменном положении – дежурили на чердаках домов, сбрасывали зажигательные бомбы, после налета немецких самолетов разбирали развалины разбомбленных домов.

Весной 1942 года все, кто мог стоять на ногах, вышли расчищать город, чтобы не допустить эпидемии. А в июле 1942-го меня мобилизовали в армию. Я попала в зенитно-артиллерийский полк противовоздушной обороны. Девушки на войне, в основном, служили телефонистками, прибористками, разведчицами, врачами, поварами, подносили снаряды, а мужчины находились на передовой линии фронта.

За боевые действия девушек награждали орденами и медалями. Мне вручили медаль «За отвагу». Служила в армии до июля 1945 года. Вернувшись в Ленинград, поступила на работу в трест «Газтеплопроект» и проработала в нем до пенсии.

Прутовых Вена Матвеевна

Баржа, на которой мы должны были плыть, пошла на дно...

Вене Матвеевне Прутовых в 1941 году исполнилось 11 лет. Вместе с семьей она жила на территории военного полигона. Блокаду Вена Матвеевна встретила на берегу Ладожского озера.

Войну я, уроженка села Новотоксово Ленинградской области, встретила, находясь дома, но 26 июля. Нас, как и другие семьи, жившие на территории военного полигона, эвакуировали на берег Ладожского озера. Нас привезли ночью на крытых военных машинах, утром за нами пришел катер с баржей, но мы туда все не поместились и остались на берегу. На Ладожском озере мы прожили почти трое суток. Баржу, на которой мы должны были плыть, разбомбили фашистские самолеты, она пошла на дно, и катер не вернулся. Через трое суток нас снова отвезли домой, а восьмого сентября мы обнаружили, что Ленинград окружен, что ни поезд, ни пароход к нам подойти не может. Началась блокада Ленинграда.

У нас в семье мама кормила ребенка и была очень слаба. За хлебом надо было ходить на расстояние пяти километров, так что ходила я. В свои неполные 12 лет я была маленькая, но шустрая девочка. У нас было пять продуктовых карточек: одна служащая, а остальные иждивенческие. Был такой случай: однажды я покупала хлеб, продавец подал мне его, а через мое плечо протянулась рука, прижала и забрала мои карточки. Я побежала за этим мужчиной, но он, конечно, был не один, и, в общем, мы остались без карточек. В наш магазин привозили хлеб из самого Санкт-Петербурга, потому что здесь все пекарни закрыли. В январе машина с хлебом не пришла. Очереди были огромные, люди как встали с утра, так всю ночь и простояли. В эту ночь умерло много людей, они падали, и никто их не поднимал, потому что сил не было. А на следующий день нам привезли не хлеб, а по 70 грамм ячменя. И вот это была наша дневная норма на карточку.

Было очень трудное время. Когда уже блокада началась, коров у нас всех забрали, чтобы кормить армию. А что у нас было на столе! Когда скотину убивали, то шкуру оставляли, и вот эти высохшие шкуры, хранившиеся несколько лет, опалили и варили по маленькому кусочку. У нас в Новотоксово когда-то был большой колхоз, и перед войной случился падеж скота. Эти больные животные были захоронены на скотском кладбище, и однажды в очереди за хлебом кто-то сказал, что там можно откопать трупы. Я напросилась с ними, маленькая девочка, и оттуда принесла какие-то куски и шкуры. Скот-то больной был! А вот никто ничем не заболел, такое было желание к жизни.

Когда нас эвакуировали через Ладожское озеро, машина провалилась. Нас всех повыбрасывали на лед, посадили на другую машину и поехали дальше. Привезли на станцию Жихарево, где стояли военные кухни и давали пищи сколько влезет в посуду. Я не помню, что у нас было, но, когда мы получили эту еду, отец убрал ее и давал нам по чуть-чуть. А были такие, кто сразу наелись досыта, а утром были штабеля покойников.

Пестова Мирра Александровна

«Ребята, я так жить хочу!»

Мирра Александровна Пестова родилась в Ленинграде 21.03.1930 года. Окончила ленинградский газотопливный техникум, 57 лет проработала на заводах № 23 и № 45 ПО «Маяк». Ветеран труда, ветеран атомной энергетики и промышленности, участник ликвидации последствий аварии 1957 года на производственном объединении «Маяк».

Осенью 8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. Немцы заслали в наш город диверсантов, которые сожгли склады продовольствия. Я помню такой случай, подтверждавший то, что в Ленинграде были диверсанты. Напротив нашего дома был госпиталь. Я вышла на улицу и увидела у себя над головой немецкие самолеты. В моем сознании не осталось страха. Я лишь запомнила, что из одного дома кто-то, светя фонариком на госпиталь, сигналил. Так началась блокада. Я жила в многодетной семье, нас было семеро. Мама и папа работали преподавателями. Когда начиналась блокада, мне было 11 лет, младшему брату – полтора года, старшей сестре – восемнадцать лет. Отец с первого дня ушел в армию, маму мобилизовали на окопы. Наша семья жила в пригороде. Школу, находившуюся рядом с домом, заняли под госпиталь, а в нашей квартире находился штаб госпиталя. Вся наша семья, 8 человек, спала в одной маленькой комнатухе. Вот так и жили. Продовольствия было мало, и еда была плохая. До войны мама готовила нам чечевицу, и мы ели её с неохотой. Но, когда начался голод, мы быстро доели и её. Было очень тяжело (с едой и вообще). **Люди ели студень из мертвечины, крыс, кошек. Но у нас была большая собака. Братья зарезали её, и мы этим некоторое время кормились.**

Началась зима, мама была уже на окопах. А нас, детей, забрали в детский дом. Возраст детей от 6 и до 14 лет. На моих глазах умирали девочки. Нас в комнате было человек десять. У меня осталось в памяти, что все девочки были обриту и худощавы. Но человек ко всему привыкает, и мы привыкли. Был такой случай, когда мать приезжала к 6-летней девочке и кормила ее студнем, купленным на

базаре. Потом приехал отец, девочке стало плохо. Видимо, студень был из мертвечины, и произошло отравление трупным ядом. Отец плакал, умолял медсестер спасти его дочку. Но не смогли, девочка умерла. В детском доме хлеб взвешивали на весах, буквально считали каждую крошку. Норма хлеба – 125 граммов. У работающих – чуть больше. По виду хлеб был размером со спичечный коробок, небольшой, но тяжёлый (муки очень мало). Когда мама была дома, она давала нам хлеб, полученный по карточкам. Можно сразу съесть, а можно разделить на весь день. Один раз мальчики залезли в кладовку, которая всегда закрывалась на замок. И вот пришла завхоз и сказала, что у нас украли брусок масла и хлеба. Кладовку вскрыли четырнадцатилетние мальчишки. Это все узнали, когда они наелись. Но они не успели съесть все, часть хлеба и масла они завернули в полотенце и спрятали под крыльцо. Судить мальчиков предоставили нам, детям. Решили отправить их в техническое училище (ФЗО). Голод заставлял людей идти на необдуманные поступки, а порой и на преступления.

Несмотря на войну, мы жили в детском доме нормально. Но нам приходилось много работать. Бывало, сидишь ночью, чистишь на всех огромный чан картошки, а утром идешь в школу. У нас в детском доме были опекуны из воинской части. Мы собирались в коридоре, где происходили многие важные события. **Как-то пришел к нам офицер, чтобы рассказать об оружии, пояснить принцип его действия. Затем решил показать, как заряжается и стреляет винтовка. Раздался выстрел, пуля пролетела мимо меня, в мальчика, прошла через него и ударилась об стенку. Мальчик очень сильно плакал и говорил «РЕБЯТА, Я ТАК ЖИТЬ ХОЧУ!» Но его не спасли. Офицера отправили в штрафную роту.**

Помню, как весной 1943 года собирали листочки. У каждого был свой спичечный коробок. Клали в него соль, перец, тмин. Собранные листочки макали в эти приправы и ели. На вкус как огурец. А наша воспитательница готовила салат из одуванчиков. Когда проложили дорогу по Ладожскому озеру, в марте 1942 года отправили первую партию из детского дома на Кавказ. В это время на Кавказе уже были немцы, и эвакуированные дети попали в оккупацию к немцам. Когда я приехала в 1945 году в Ленинград, я встретила бывших детдомовцев, и они рассказали мне, что все наши ребята, попавшие на Кавказ, разбрелись среди населения, кто-то сам выживал, кого-то приютили местные. Первая эвакуация была неудачной. Осенью 1942 года эвакуировали вторую партию детей, среди них оказалась и я. Шел дождь, нас везли на берег Ладожского озера и там сажали в военные катера. На другом берегу озера нас ждали грузовики. Когда нас погрузили в кузов, мы слышали взрывы. Водитель нас успокаивал и говорил, что это «камни рвут». Вдоль дороги было много

вещей: чемоданы, сумки и мешки, но их не погрузили, потому что немцы были рядом, и надо было спешить. Поездом мы добрались благополучно. В вагоне нам принесли целый таз каши на всех, но сразу нельзя было много есть. Затем нас посадили на пароход, и мы ехали до Мурома, а там нас уже ждали на телегах. Привезли нас в село и поместили в переделанную церковь. Раньше много храмов и церквей использовали для таких помещений, и лишь потом их стали восстанавливать. Все картины и иконы были замалеваны.

Вспоминаю сейчас те годы и снова не перестаю удивляться, что люди находили мужество организовать детей и создать условия для них, как бы невыносимо тяжело ни было. И какой патриотизм был у ребят. 18-летние парнишки шли в Кронштадт (Кронштадт – это пост защиты Ленинграда), зная, что, скорее всего, не вернуться. Но страшнее было отсидеться за чужими спинами и ничего не сделать для победы. Мало кто вернулся. Вечная им память! Удивительно скромные люди, блокадные ленинградцы. Они восхищаются мужеством своих земляков, соотечественников, совершенно не задумываясь о том, что они сами настоящие герои. Ведь пройти такие испытания и сохранить в себе душу – это тоже мужество.

Позднякова (Хельсинг) Регина Оскаровна
Я помню, как упала на землю. Раздался взрыв!

Я родилась в Ленинграде 27 ноября 1924 года. Моя семья жила на Васильевском острове, 10-я линия, дом 15а, кв. 21. Зимой 1940 – 41 годов я училась уже в 9 классе, много читала, ходила в театр, кино, часто бывала в Эрмитаже. Год прошел быстро. Наступило лето 1941-го. Хорошо помню 22 июня того года. Это было воскресенье. Светило солнышко, и было тепло. Я вышла из дома и пошла в сторону бульвара на Большом проспекте. Там всегда в выходные дни мы встречались с подругами. На бульваре было шумно илюдно. Все куда-то спешили, говорили о работе радио, чувствовалась тревога. И здесь я узнала о начале войны. Пospешила домой. Там уже все знали.

Первые дни войны для нашей семьи были каким-то ожиданием. Взрослые работали, дома ничего не менялось. Но через несколько дней тревога усилилась. Пришло извещение – срочно всем сдать радиоприемники. У нас в доме тогда появился радиорепродуктор. Он работал круглосуточно. Метроном издавал стук постоянно. Радио извещало о воздушных налетах и обстрелах. Так и звучало в ушах: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

В начале июля меня вызвали в школу. Всех учеников старших классов отправляли на рытье противотанковых рвов и окопов. Мы быстро собрались, и вскоре нас на поезде привезли на ст. Батецкая, где-то в стороне Луги. Я этих

мест не знала. Поселили нас в каком-то доме, а утром все отправились на работу. Настроение было приподнятое, возникало чувство, что я и мои товарищи должны делать очень важную работу. Война была настоящей и очень страшной. Встали очень рано. Дали нам лопаты и повели к месту нашей работы. Началось мое первое военное испытание. Работали мы с утра до вечера много дней. Наверное, отдыхали, но моя память не все сохранила. **Окопы рыли противотанковые, шириной 5 – 6 метров, довольно глубокие. Нас было десятки тысяч. Начала и конца этим траншеям не было видно. Очень уставали. Помню, что кормили нас сытно, но чаще всего была каша из чечевицы.** Кроме этой каши, я ничего не запомнила. Старшие учителя, кто был с нами, рассказывали нам о событиях на фронте. Мы знали, что немцы движутся к Ленинграду, но не думали, что это будет так быстро. Немцы-фашисты пришли с целью уничтожить нашу страну, превратить нас в рабов. К этому времени мы уже знали, как ведут себя захватчики на нашей территории.

Однажды во время работы мы услышали гул самолета, он приближался к нам. И вдруг с фашистского самолета раздалась стрельба по окопам-рвам, которые мы копали. Начались крики, деваться было некуда. Появились еще самолеты, мы буквально выскочили из окопа. Я помню, как упала на землю. Раздался взрыв. Мои руки вцепились в землю, я вся прижалась к ней. Самолеты улетели, стало тихо. Когда все ребята пришли в чувство, а я поднялась с земли, на меня все как-то странно смотрели. Оказалось, что у меня на голове появилась седая прядь. После этого дня ночью или поздно вечером нас всех подняли и сказали: скорее одевайтесь, мы идем. Куда, сразу не сказали, но шли очень быстро. Не просто шли, а бежали. Утром мы вышли к железнодорожной станции. Нас погрузили в поезд, и мы поехали домой в Ленинград. Только теперь мы узнали, что немцы приближались к месту наших работ, а мы за ночь прошли 40 км. Помню, как вошли в вагон, я оказалась на верхней полке, а когда очнулась, поезд пришел в Ленинград. А в это время город уже бомбили – сбрасывали зажигалки. Начались пожары. Под бомбами рушились дома. Еды становилось все меньше и меньше. Разбомбили знаменитые Бадаевские склады. Война чувствовалась каждую минуту. Моя сестренка Дагмара со студентами техникума, в котором училась, дважды была на окопах. Первый раз им помогли военные, они успели вывести и спасли от окружения немцами, которые подошли совсем близко, а во второй раз, уже вблизи Ленинграда, они снова бежали, еле успели уйти от врага. А когда перед учебным годом их собрали в техникуме, они снова вместо занятий уже в самом городе копали окопы и даже на территории техникума.

8 сентября 1941 года наш город был окружен немецко-фашистскими войсками. Началась страшная блокада Ленинграда, которая продлилась 900 дней. Я

пришла в школу 1 сентября. Занятия у нас отменили. Я должна была пойти в 10-й класс. Все ребята должны были дежурить в школе на крыше и днем и ночью по очереди. Немцы все чаще сбрасывали на дома зажигательные бомбы. Они пробивали крышу и попадали на чердак. В то время все дома города имели чердаки. Они были довольно высокие и просторные. Но на чердаках во время строительства дома применялся и деревянный материал. Он загорался в первую очередь. А затем пожар перекидывался и на все здание. Видимо, немцы об этом знали, и почти каждую ночь на город сбрасывались такие бомбы. Мы в школе дежурили на чердаке, должны были успеть схватить эту бомбу (они были небольшого размера) и бросить в ящик с песком, потушить. На чердаке было много песка. Мне пришлось это видеть лишь однажды, но я хорошо запомнила то дежурство.

Немцы все чаще и чаще бомбили Ленинград, по радио раздавался сигнал с необыкновенным звуком-завыванием, и диктор говорил: «Воздушная тревога. Воздушная тревога. Воздушная тревога». Люди с детьми спускались из квартир и бегом бежали в бомбоубежище. Но не все. Наша семья в бомбоубежище не ходила, прижавшись друг к другу, мы переживали бомбежку дома. Затем радио объявляло отбой. Я до сих пор помню звуки немецких самолетов, как у нас называли «мессершмиттов», которые прилетали к нам в город, принося эти страшные мучения, страдания и гибель людей. Это время укрепило чувство, что стране нужна помощь. Нельзя оставаться дома, надо идти на фронт и помогать чем можешь.

Дома я ничего никому не сказала. На дворе был октябрь. Помню, в помещении военкомата было очень много народа, все стояли в очереди. Встала и я, когда очередь дошла и до меня, я вошла в кабинет. Там был уже немолодой мужчина в военной форме. Он спросил, зачем пришла. Я ему объяснила, что хочу идти на фронт, могу ехать сандружинницей, помогать раненым солдатам. Он посмотрел на меня, спросил, сколько мне лет. Я сказала: 16, скоро будет 17. И как мне показалось, он очень по-доброму сказал, что я еще для фронта мала, надо учиться, стать старше. Мне было обидно, что так все получилось. Но дома так никто и не узнал о моем поступке. Я боялась в этом признаться. Тогда я стала просить папу найти мне работу.

15 октября 1941 года я пошла работать санитаркой в дом малютки № 10. Этот дом малютки находился на Васильевском острове на Железноводской улице, дом 32, недалеко от Смоленского кладбища. Там я проработала 9 месяцев, до нашей эвакуации. Это была моя первая работа, совершенно неожиданная для меня. Мне надо было ухаживать за маленькими детьми, сажать их на горшки, кормить, убирать помещение и делать все, что мне скажут. Можете представить,

что это для меня было. Но я понимала, что надо, и все трудности старалась преодолеть. Вскоре перестали ходить трамваи, и мне пришлось пешком ходить на работу. **Работала сутками. Детей из дома малютки никто не брал, да я вскоре и сама поняла, что это дети тех родителей, которые ушли на фронт или погибли уже здесь, в Ленинграде. Часто детей доставали из развалин после обстрела или бомбежки и привозили к нам. Бедные дети! Они тряслись от страха. Дети были разного возраста, я работала в группе детей 3 – 6 лет.** Как мне надо было к ним относиться? Здесь мне помогали воспоминания моего детства и жизни моей большой семьи. Помню одну пятилетнюю девочку, ее звали Таня. Она ко мне очень привязалась: подходила, дергала меня за подол халата или передника и называла мамой. Огорчалась, когда я уходила с работы домой, и радовалась, когда возвращалась. Разве можно такое забыть?

Зима наступила рано. Начались морозы. Обстановка в городе, осажденном врагом, была очень сложная. Перестали работать канализация и водопровод, отключили свет. К нашей беде, установились сильные морозы. Продукты выдавали по карточкам, но и они исчезали. Вскоре хлеб стали выдавать лишь по 125 грамм. Начался настоящий голод. Наша семья материально всегда жила бедно, поэтому и запасов продуктов у нас не было. В кухонном шкафу было пусто, только стояла одна коробка с зернами кофе зеленого цвета, который в пищу не годился. Я этот кофе берегла долго. Его возили в эвакуацию и привезли назад. И уже где-то 20 лет спустя в Ольшаниках, где мы потом жили, зерна кофе поджарили, в ступке растолкли и сварили кофе. Запах был как у настоящего кофе, и мы его выпили. Мы всей семьей, кроме тети, перебрались в одну комнату, в спальню. Маме еще осенью купили печку-буржуйку и немного дров. Этой буржуйкой мы и обогревались, кипятили на ней воду для чая, варили скудную пищу. Наша тетя осталась жить в своей комнате, к ней приехала ее дочь Ольга, и они от нас отделились. У тети была собака Морис, мы с ней все выросли и любили это ласковое животное черного цвета, похожее на лайку. Но Мориса нечем было кормить, и тетя увела его к ветеринару. Там его и усыпили.

В спальне нас было шестеро. Вскоре заболела наша бабушка, мамина мама. Дагмара и Люся привезли ее к нам. А ведь бабушка жила на 6-м этаже. Как смогли они сделать это, я не знаю. Она уже почти не вставала. У бабушки была старинная швейная машина «Зингер». Она на ней нас всех обшивала. Машинка была очень ей дорога.

Дорогие мои сестрёнки! На их долю выпала вся работа по дому. Дагмара ходила за водой на Неву. Это было очень опасно, да и неблизко от дома. Дагмара брала санки, на них ставила чайник и две кастрюли. Ведра у нас не было. К самой

воде, вернее к проруби, надо было спускаться по обледенелой лесенке, а это было очень трудно. Но без воды жить нельзя было. Люся ходила в булочную за хлебом, чаще всего стояла в очереди на морозе. Такую драгоценность приносила в замерзших руках. Дома ее всегда ждали. Маленький Вова большую часть времени сидел на своем высоком стуле. Стул стоял у стола. В нашей комнате уже жило 7 человек. Места для игр на полу для ребенка не было. Да и не до игр было. Люся каждый день ходила в ясли за обедом для братика. Вовочка зимой садик-ясли не посещал. Ножки его были слабые. Он всегда ждал Люсю. Дагмара вспоминала, что Вова подходил к двери, садился на пол и все время со слезами причитал: Люся, Люся, Люся. А когда она приходила и приносила ему немножко супа и каши, он снова садился за стол и больше часа по капельке кушал свой обед. Это его и спасло. Горько все это вспоминать.

Еще осенью, когда ходили трамваи, Дагмара и Люся поехали на самый конец Московского проспекта. Там, на окраине города, были посажены огромные поля капусты, их никто уже не убирал. Ленинградцы, узнав об этом, кто мог, поспешили за этой капустой. Дагмара с Люсей набрали два мешка. С каким трудом две девочки доставили эту капусту домой! Что значила для нас в то время капуста? Трудно оценить. Мои сестренки заботились о нас. Топили буржуйку, варили, кипятили чай, стояли в очередях, отоваривали карточки, убирали дом, все было на них. А я продолжала ходить на работу. Папа часто болел, лежал в больнице. Голод чувствовали все. Вскоре у сестренки Фани заболела доченька Танечка. Малютке едва исполнился годик. У нее оказалось воспаление легких и истощение. Первой в нашей семье умерла Танечка, единственный ребенок Фани. Ее переживаниям не было предела. Страшная смерть от истощения пришла во многие ленинградские семьи.

На улицах становилось пустынно, но город жил. Помню, шла я как-то утром на работу. Было темно и очень холодно. Не помню, от кого достались мне большие старые валенки. **Утром город казался мертвым. Иногда приходилось видеть лежащих людей, а однажды, проходя мимо подворотни одного дома, я увидела сидящего на тумбе человека. Можно было сразу понять, что и те, кто лежал на панели и сидел на тумбе, были мертвые. Они не дошли до своего дома. Но я уже не испытывала чувства страха. Больше думала о родных.**

Однажды к нам приехал Витя, наш старший брат. С начала войны он был на Ленинградском фронте и в город приехал по командировке. Он не мог не навестить нас, это была первая встреча за время войны. Витя привез небольшой мешочек лошадиного овса. Такая радость! Дагмара овес сварила, перемолола в

мясорубке, процедила и сделала овсяный кисель. Этой пищи нам хватило на один день, но день был сытным.

Второй раз Витя приехал с товарищами в командировку уже в феврале. Я его не видела, была на работе, мне Дагмара рассказывала. Витя и шесть его товарищей остановились у нас, им надо было где-то переночевать. Дагмара с Люсей приготовили в гостиной место: кто спал на диване, кто на полу. Утром все встали рано, куда-то отправились по делам. Витя достал из своего вещевого мешка буханку хлеба и дал Дагмаре. Буханка хлеба! Что это значило для голодных людей! Его товарищи, видя, что Витя дал сестре хлеб, тоже вынули из своих мешков по буханке хлеба и дали Дагмаре. В ее руках оказалось богатство, это было спасение жизни. В семье был настоящий праздник. Но этот хлеб не смог спасти жизнь нашему любимому папе. Он медленно умирал в больнице от голода. Я навестила его перед смертью. Эта больница или здание, превращенное в больницу, находилась где-то в районе 1-й линии. Помню, как я пришла к нему. В большой комнате, как в зале, стояли в ряд кровати. Папа лежал напротив двери. Я подошла к нему. Он лежал, съезжившись в комок. Холодно было. Рядом с кроватью стояла тумбочка, на ней лежала маленькая долька шоколада. Папа дремал, но тут же очнулся, говорили тихо, он очень рад был, что я пришла. Посмотрев на тумбочку, он сказал: «Инуся, возьми этот кусочек, возьми. Я не хочу». Я не взяла этот кусочек, он нужен был папе. Была надежда, что он поправится. Папа страшно худой, на нем остались только кожа и кости. Через день-два он умер. Папу хоронили Ося, Фаня и Дагмара. Я была на работе. Папа, как лежал, скорчившись на кровати, так и умер, его в таком виде вынесли в морг или на улицу, не знаю. Его завернули в одеяло, которое принесли с собой, привязали к санкам и повезли на Смоленское кладбище. На кладбище уже никого не хоронили. Недалеко от кладбища были вырыты траншеи, туда складывали трупы умерших. Их было очень много. Ося, Фаня и Дагмара попрощались с папой и снесли его в эту траншею. Сейчас там мемориал и памятник.

Вскоре совсем плохо стало бабушке. Голод свалил и ее. Бабушка умерла 10 марта. Ей было 72 года. Несколько дней она лежала в гостиной. Мы не знали, куда ее отвезти. Дагмара с Люсей выяснили, что умерших принимают на углу 9-й линии и Большого проспекта. Там был построен сарай, и в нем складывали умерших, куда их потом отвозили, неизвестно. Нашу бабулю на санках спустили с 3-го этажа, а потом Дагмара и Люся свезли ее на этот «пункт приема». Мама долго не могла оправиться от постигшей нас беды. Еще осенью в конце октября она шла с работы по 14-й линии. В то время начался очередной обстрел Васильевского острова. И снаряд упал и взорвался недалеко от того места, где шла мама. Волной от взрыва ее отбросило на панель, а наши панели

были из уложенных плит (не знаю, из чего они были сделаны, но очень красивые). Мама упала, сильно ударилась головой. Сперва потеряла сознание, потом очнулась, страшно болела голова. С трудом поднялась, ей помогли подняться. Но вдруг она почувствовала, что ничего не видит. Это было ужасно. Она с трудом добралась до дома, мы все перепугались. Постепенно зрение к ней стало возвращаться, но очень слабое. Работать она уже не могла. Долго лежала в постели. Стало полегче, обратилась к врачу. Маме дали 2-ю группу инвалидности. Весной ей стало полегче. Она стала ходить. Ей пришлось много времени потратить на сбор документов о папиной смерти, о страховке. Но она должна была это делать.

В начале марта 1942 года плохо стало и нашей дорогой сестренке Фане. Голод свалил и ее. А она до последнего времени ходила на работу на свой завод «Прогресс», иногда ночевала там. Сил не было. Все это окончательно подкосило. Она попала в больницу, которая находилась недалеко от нашего дома. Я пошла ее навестить, но мне сказали, что она в тот день умерла. Я предчувствовала это, когда заходила в больницу. Мимо меня пронесли носилки с покойником. Мелькнула тревожная мысль: «Уж не Фаня ли это?» Так и случилось. Куда ее потом увезли, где похоронили?

Мы так и не узнали. Но похоронное свидетельство маме дали. Это была четвертая смерть в нашей семье.

Наступила весна, все кругом зазеленело. В городе началась чистка домов, лестниц, подвалов от трупов умерших. Многие умирали семьями. Хоронить было некому. А трупы были опасны для живых людей. Дагмара и Люся тоже принимали участие в уборке двора. Блокада продолжалась. Приближался май. По карточкам продуктов стали давать побольше, хлеба – 250 грамм. Дома Дагмара с Люсей наводили порядок, делали уборку, как могли. Спальня была вся закопчена и печкой, и горелкой, которая страшно коптила. Керосиновой лампы у нас не было, а от горелки масляной шел какой-то свет. Мама к этому времени получила за папу страховку 300 рублей. Решено было на семейном совете отметить день 1 мая. Дагмара с Люсей пошли на рынок и купили 5 плиток столярного клея. Сварили из них студень, разлили на 5 тарелок – каждому по тарелке. 1 мая у каждого из нас была тарелка «столярного студня» и одна соевая конфета. В честь праздника мы с Дагмарой решили пойти в кино. Люся нам казалась маленькой, мы ее с собой не взяли. Не помню, во что мы оделись, помню только, что ноги были тонкие, как палки, а бедер не было совсем. Мы поехали на Невский проспект. К этому времени стали ходить трамваи. На Невском, если я не ошибаюсь, мы пошли в кинотеатр «Колизей». Там шел фильм «Свинарка и пастух», новая для нас картина. Зал был полный. Я

до сих пор представляю себе одну сцену. Во время фильма Глафира, героиня фильма, приходит с гулянья поздно вечером, садится за стол, ставит перед собой крынку с молоком, берет большую круглую буханку, отрезает себе такой толстый кусок. Весь зал вздрогнул, охнул, кажется, даже приподнялся со своего места, раздался какой-то радостный возглас, и все опять стихло.

Позже в городе стали открываться столовые, в которых кормили очень истощенных по талонам. Маме давали талоны не один раз. Она делилась с нами. Однажды я обедала в такой столовой – она располагалась на Среднем проспекте, около 9-й линии или на 9-й линии, могу ошибаться. Супы там варили, используя траву, которая росла в садах и скверах. В таком супе было много витаминов.

Зимой из-за плохих бытовых условий у нас появились белые вши. Их было очень много и в одеяле, и в белье. Не помню, были ли вши в доме малютки, но каждый раз, когда я шла на работу, то горячим утюгом гладила свое белье, особенно швы, чтобы эту нечисть не принести в ясли-сад. А потом началась чесотка. У нас в доме малютки заболели все дети, и я заразилась. Дома все заболели. Детей на работе лечили какой-то мазью, я ее немного принесла домой. Она помогла, но полностью мы вылечились уже в эвакуации.

В конце апреля – начале мая у тети уехала ее дочь Ольга в Новосибирск к сыну. Он там учился в высшем военном училище. Тетя осталась одна и опять была с нами. Но она уже была истощена и очень слаба. В июне к нам опять на короткое время приезжал Витя. Он очень тревожился за нас. Что будет дальше? В Ленинграде проходила эвакуация. Город покидали тысячи людей. Ходили слухи, что Гитлер готовит новое наступление. Блокаде нет конца. Витя заговорил с нами об эвакуации. Мы, все это обсудив, решили прислушаться к его совету и уехать, но, что это значило для нас, мы представить не могли. Мама стала собирать документы. Нас было шестеро: мама, четверо детей и тетя. Вове было 4 года. Шел июль. Мне пришлось расстаться с работой в доме малютки. Я там работала ровно 9 месяцев – с 15 октября 1941 года по 15 июля 1942 года. За работу в доме малютки я была награждена медалью «За оборону Ленинграда». А члены семьи, пережившие ту блокадную зиму, были награждены медалью «Житель блокадного города».

Как мы собирались в дорогу? Надо было взять вещи, обувь, одеяла, подушки. Нас было шестеро. Всю посуду из кухонного шкафа мы зачем-то перенесли на стол в столовую. Взяли только то, что надо было в дорогу, – чашки, тарелки, вилки, ложки, ножики, большой медный чайник, в котором Дагмара возила с Невы воду, несколько кастрюль. И еще из футляра вынули большие настенные

часы с боем. Не могли с ними расстаться. Это была не только память о доме, они были ценные – сделаны фирмой Павла Буре. Набралось у нас 14 мешков.

Наш сосед по лестнице, Коравельский, помогал нам. Всю зиму он звонил нам в дверь, наши двери были рядом, и каждый раз спрашивал, как мы себя чувствуем, все ли живы, хотя и сам еле передвигался по квартире. Блокаду он пережил.

Уехали мы 22 июля 1942 года. Нас сначала перевозили на барже через Ладожское озеро по пути знаменитой Дороги жизни. Ехать, а вернее плыть, было опасно. Немцы продолжали обстрел. Чувство страха и тоски не покидало всех нас. Витя был на фронте. Ося с заводом еще весной эвакуировался в Чебоксары. В армию его не брали. На нем, как на отце семейства, была броня. Он нужен был для важной работы. Мы были одни. Народу уезжало очень много. На другом берегу озера ждал поезд. Нас погрузили в товарные вагоны. В вагоне справа и слева на полу размещались 2 – 3 семьи. Наша тетя совсем заболела. Ее поместили в вагон, где находились истощенные и больные люди. Нам выдали сразу на каждого по буханке хлеба. Голодные люди старались утолить свой голод, это ужасное чувство. Некоторые за это расплатились своей жизнью. У нас на первой остановке из вагонов вынесли несколько умерших людей.

Заболела мама. У нее расстроился живот. Первые дни не вставала.

Ехали мы медленно. На остановках Дагмара и Люся ходили за водой. А я все время была с Вовой – дорогим братиком. Соседи по вагону решили, что я его мама. Дагмара навещала тетю, а той становилось все хуже и хуже. Поезд иногда шел очень медленно, долго стоял на остановках. Нам не говорили, куда мы едем.

Однажды на остановке Дагмара увидела рынок. Двери у вагона открывали. Дагмара решила сбегать на рынок, но на пути стояли другие поезда. Через два состава она перешла спокойно, а у третьего двери оказались закрыты. Она решила проползти под поездом. Подлезла под вагон, поезд в это время тронулся. В какое-то мгновение она выскочила из-под вагона. Когда пришла в себя, ей стало страшно. Поезд прошёл перед ней. Она уже не могла идти на рынок, и, когда вернулась в наш вагон, на ней не было лица. Страшно об этом было и думать. В пути мы были около месяца. Наконец нас привезли в город Бийск Алтайского края. Как это было далеко! Все стали выгружаться из вагонов. Наша тетя была ещё жива, ее сразу увезли в больницу. Так о ней мы больше ничего узнать не могли. На письма, которые ей писала Дагмара, никто так и не ответил. А нас в городе Бийске не оставили. За нами приехали на подводах и стали развозить по разным местам. От Бийска мы ехали еще 150 км

на лошадях в пос. Ельцовка Ельцовского района Алтайского края. Начался новый период нашей жизни.

Покровская Ольга Сергеевна
Отец погиб на фронте, мать копала окопы

Ольга Покровская встретила войну в восьмилетнем возрасте. Ее отец погиб на фронте, мать копала окопы. Во время блокады от голода умерла прабабушка девочки. Сама Ольга вспоминает, что после эвакуации встречные люди крестились при встрече с ней – так сильно она отощала во время блокады.

В 1941 году мне исполнилось 8 лет. Жили мы на Васильевском острове – все пятеро: мама, папа, прабабушка, сестра и я. Папа пошел добровольцем в армию. Мы не сразу испытали на себе голод, так как мама в самом начале войны закупила продукты. И наша семья не стала эвакуироваться – мы все ждали возвращения отца. Он работал технологом на Государственном оптико-механическом заводе, и руководство завода говорило, что его хотят вернуть с фронта на производство.

Во время бомбежек мы шли в бомбоубежище, которое находилось в нашем дворе. На случай если произойдет завал, к руке был привязан мешочек с печеньем и кусочком сахара. К бомбежкам скоро привыкли и перестали бояться, помогали взрослым тушить зажигалки, дежурили на чердаке. Собирали осколки от снарядов, стабилизаторы от бомб и ими играли.

Папу так и не вернули, оказалось, что он погиб в августе под Пулковом. Мама ездила копать окопы, за хлебом ходила прабабушка. Как-то она пошла за хлебом (перед этим не давали хлеб три дня), взяла, а когда шла по лестнице, какой-то парень у нее все отобрал. И тогда мама решила обменять на что-то съестное папин гоночный велосипед, но все, что удалось за него выручить, – это одна-единственная картошина.

В комнате стояла буржуйка, дров не было, рубили мебель. Мама тесаком рубила на мелкие кусочки ножки стола и ударила по большому пальцу. Отрубила кусочек и пыталась шутить: «Надо его найти и поджарить».

В феврале, когда впервые давали сушеную капусту и картошку, мама пошла их получать. Прабабушка, совсем обессиленная, уже не вставала и все ждала, когда придет мама. Я сидела рядом с ней и уговаривала, чтобы она не умирала. Но она так и не дождалась маминого возвращения...

В эвакуацию нас повезли по Дороге жизни. С нами поехала наша бабушка, которая в Ленинграде жила отдельно. Как только переехали Ладожское озеро, маме дали по ломтю хлеба на каждого человека и предупредили, чтобы не давала нам все сразу.

По железной дороге нас повезли в товарных вагонах в Кировскую область. По дороге умерла бабушка, ее похоронили на одной из станций. Вскоре заболела сестра, и мы пошли в медпункт. На столе в медпункте стояла полная тарелка блинов. Я никак не могла оторвать от них взгляда, а медсестра плакала и говорила, что нам их есть нельзя.

Когда мы сошли с поезда, нас повезли на лошадях еще 70 км, в деревню, где был наш домик. Привезли нас к соседям. Они смотрели в окно и крестились, принимая нас за мертвецов. Могу представить, как мы тогда выглядели... Что скажешь – блокада...

Погумирская Евгения Ивановна
Детонация, взрыв – мальчишек раскидало!

Евгении Погумирской было шесть лет, когда началась война. Отец ушел на фронт, мать работала на лесозаготовке. Ее воспоминания о блокаде пусть и отрывисты, но тоже дают представления об испытаниях, которые пришлось пережить людям в блокированном городе.

Наша семья жила в Ленинграде с 1936 по 1947 год на правом берегу Невы. Мне было 6 с половиной лет, когда началась война. Помню, как на войну забирали отца, почему-то ночью. Меня это очень удивило. Мама разбудила нас с братом, я смотрю – все плачут, и тоже начала плакать.

Я ходила в садик. Помню, что все время хотелось кушать. Маму мы почти не видели – она работала на лесозаготовке. Ей давали какие-то талоны, она приносила их нам, и мы ходили в столовую есть похлебку.

В нашем доме было 10 квартир. В итоге в живых остались лишь мы и еще две неполных семьи. Остальные умерли.

В 1943 году я пошла в школу. Но не прошло и двух месяцев, как я заболела тифом. Думаю, что виной всему вода, которую брали из Невы. Пролежала я в больнице до весны.

Потом мы стали ходить в школу, которая была за два километра от дома, и ходить к ней надо было по берегу Невы. Как-то раз мы шли, а впереди метрах в тридцати от нас шли мальчишки. Один из них увидел перед собой какую-то коробку и пихнул ее ногой в сторону реки. Детонация, взрыв – мальчишек раскидало. Это была мина – больше по берегу мы ходить не решались...

А еще врезалось в память, как нас послали от школы собирать клубнику для раненых. И несмотря на голод, никто из нас не посмел съесть ни единой ягодки из собранного урожая.

Погорелова Людмила Евгеньевна

Машины с детьми и родителями уходили под лед!

Людмила Погорелова во время блокады вместе с семьей жила в Кронштадте. В 1942 году вместе с семьей была эвакуирована в Казань. После окончания войны их семья вернулась в Одессу к родственникам отца. После окончания финансово-кредитного техникума Людмила Погорелова была направлена в Крым, где и прожила всю жизнь.

Во время блокады наша семья – я, сестра, мама и бабушка – проживали в г. Кронштадте. Как и все, мы тоже голодали, жили на продукты, которые получали по карточкам. Мать наша работала на военно-пошивочной фабрике ГВП КБФ. Работала на фронт. Я училась во втором классе, а сестра сперва ходила в детский сад, а в последнее время находилась дома с бабушкой: она была так истощена, что не могла ходить.

Кто мог работать – работал, отдавая все силы на борьбу с голодом. Мать приходила с работы рано утром, уже с полученным пайком, а я к этому времени ставила самовар. Хлеб из пайка мы заливали кипятком, и таким образом получалась похлебка. Ели что могли, даже варили холодец из столярного клея.

Помню, как на фабрике устроили новогоднюю елку для детей. Тем из детей, кто смог рассказать стишок, давали одну шоколадную конфетку. И я, рассказав стих, получила ее, а сестра не могла уже говорить, и ей не дали. И я до сих пор чувствую, что это было несправедливо.

Мать, чувствуя, что мы уже были обречены на голодную смерть, решила сфотографировать нас всех, с расчетом, что, кто выживет, эта фотография останется на память.

В 1942 году была объявлена эвакуация детей с родителями. Нас вывозили через Ладожское озеро. Оно еще не было достаточно замерзшим, и машины с детьми и их родителями уходили под лед. Теперь, вспоминая это, думаешь – какое нужно иметь мужество и силу воли, чтобы сидеть за рулем! Водитель нашей машины обратился к сидящим в кузове пассажирам с вопросом, кто знает дорогу. Моя мать пересела в кабину и показывала ему путь. Затем нас эвакуировали в г. Казань, где мы жили в частном доме.

После окончания войны мы уехали в Одессу к родственникам отца. Жить было негде – до войны мать, уезжая из Одессы, сдала квартиру, но нам длительное время не давали жилье. Пришлось жить в подвальном помещении в 9-метровой комнате.

После окончания школы я поступила в финансово-кредитный техникум. По окончании меня направили в Крым, крымскую областную контору Госбанка, а после в отделение Госбанка в поселке Первомайское. Так я очутилась в Крыму, а потом – в Симферополе.

Пушницын Виктор Васильевич
Мою маму хотели убить и съесть!

Виктор Васильевич закончил 7 классов школы, два года учился в ремесленном училище Балтийского завода на слесаря-сборщика судовых механизмов, затем в индустриальном техникуме профессионального обучения. Работал на Сахалине учителем труда. Когда началась блокада, Виктору Васильевичу было три года.

Эта история косвенно касается мамы и конкретно меня. Моя мама, Прасковья Николаевна Базанова, служила вольнонаемной в воинской части при штабе защиты Ленинграда. Мы выехали на Лужский рубеж со стороны реки Луги, там делали укрепления против фашистских войск. Дело было летом, примерно в июле, поскольку маме не на кого было меня оставить, меня тоже взяли с собой. Стояли теплые, солнечные дни. Когда взрослые уходили работать, меня сажали в песочницу, и я запомнил, как мимо меня постоянно мелькали ноги в сапогах – с утра в одну сторону, вечером в другую. В один из дней я сбежал из песочницы на Лугу, к воде и речному песку. Мне очень нравилось барахтаться в речке. И вдруг раздался какой-то посторонний, надоедливый звук, а потом – взрыв! Я увидел воронку в нескольких десятках метрах от себя, земля как будто задышала, из реки выплеснулись фонтаны воды. Потом я услышал крики – это бежали взрослые спасать меня. Оказалось, это была бомбежка.

Потом наступили совсем другие дни, блокада. Голод, холод, темнота и бомбежки. Было очень страшно, я не понимал, куда все делись, сидел в темной комнате и орал в голос.

Мой отец, Василий Федорович Пушницын, пропал без вести. Он был комиссован по болезни, в один день вышел из дома и не вернулся. Мама работала при штабе обороны, на Садовой, 4. Там было много начальства, генералов, и ее подруги потом рассказывали, что туда приходил даже Дмитрий Дмитриевич Шостакович, его приглашали, чтобы как-то подкормить. Мама тоже накапливала какие-то продукты – жидкий супчик, что-то еще. Домой, на улицу Бармалеева, ей надо было идти по Петроградской стороне. **Когда ее арестовывали, потому что уже наступил комендантский час, она раздавала милиционерам по ложке еды, чтобы ее отпустили. В один из дней ей пришлось убежать от каких-то мужиков, которые хотели ее убить и съесть. Не догнали. Бывали такие случаи, конкретно с моей мамой произошло.**

Как-то после войны я встретился с семейной парой Кальянских. Оказалось, что жена, Лида Кальянская, была спасена моей мамой. Та встретила ее в блокадном Ленинграде и каким-то образом узнала в этом скелете, который еле-еле шел через мост, держась за перила. Она ее подкормила, обогрела и тем самым спасла от смерти.

На Пушкинской у нас жили родственники. Мой двоюродный брат, трехлетний Илья, умер. Тетя Людмила после таких переживаний и с подорванным здоровьем недолго прожила после освобождения города. Так что можно сказать, что блокада закончилась не сразу после этих девятиста дней...

Палладина Людмила Петровна Моя мама спасла много жизней!

Мой папа, Петр Александрович Палладин, 1912 года рождения, работал начальником радиоузла всего Ленинграда, затем стал председателем Ленинградского радиокомитета, это была вторая величина после главного инженера. На фотографии он стоит на балконе Дома радио. Во время войны радиоузел находился на военном положении, и всю блокаду люди, которые обеспечивали его работу, жили в подвальном помещении Дома радио, где находилась техника.

Мы с мамой и сестрами выехали из Ленинграда последним эшеленом, уже началась блокада, бомбежки. Мой дедушка, Палладин Александр Владимирович, был академиком, работал директором биохимического института в Уфе, и папа отправил нас к нему. Этот институт тоже работал на

фронт. **Мой дедушка изобрел кровеостанавливающее средство для раненых – «Викасол», тогда это было очень актуально. Когда мы жили в Уфе, моя мама, Лидия Григорьевна Палладина, сдавала для раненых в госпитале кровь, причем сдавала напрямую, через вену. У нее была первая группа крови, и за свою жизнь она сдала 96 литров. Ей не хватило сдать всего лишь 4 литра крови до получения звания «Почетного донора». Она спасла много жизней, сделала большое дело и продолжала делать его и после войны, вплоть до 50-х годов.**

Папа остался в Ленинграде. Он выезжал под Ленинград с нашим знаменитым радиореporterом Мограчевым, делал репортажи с мест военных действий. Стихи Ольги Берггольц, стук метронома, «говорит Ленинград» – все эти передачи делались на ленинградском радиоузле. На весь мир прозвучала во время блокады по радио Седьмая симфония Шостаковича, и все знали, что Ленинград еще жив. Музыканты были голодные, в фуфайках, ни отопления, ни света, как они смогли в таком состоянии играть – уму непостижимо. Электричества не было, ездили с аккумуляторами, но передача никогда не прерывалась, и в этом заслуга в том числе и моего отца!

К сожалению, после войны папа мало рассказывал о тех годах, о войне тогда мало говорили, переживали все внутри. Это сейчас появилась широкая ясность и доступность, а тогда выжили – и слава Богу.

Мы вернулись в Ленинград еще до окончания войны. У меня есть фотография первого Дня Победы, где мы смотрим с мамой и другими сотрудниками завода Сталина у кинотеатра «Гигант» праздничный салют, и все кричат «ура!».

Я помню, как в мае 1945 года у «Гиганта» вешали немецких главарей. Я ходила в детский садик от завода Сталина, и мы с мамой как-то ехали мимо кинотеатра на трамвае домой. На виселице был уже целый ряд тел, другие немцы стояли на машинах с капотом с петлей на шее, и, когда машины отъезжали, немцы кричали: «Хайль Гитлер!» Этот момент меня поразил, и до сих пор, когда хожу мимо «Гиганта», смотрю, где эти фашисты висели.

Все было разрушено, Ленинград восстанавливался. В первый же обстрел бомба попала в нашу квартиру на Съезжинской, все было разграблено, жить в ней было невозможно, и мы получали какие-то комнатухи.

После войны я закончила семилетку, надо было срочно получать специальность, и я поступила в электротехнический техникум. По примеру отца мы, все три сестры, стали радистками. Помню наших преподавателей. Начальник нашего

техникума Ваганов остался после войны без руки, писал на доске левой, а начальник радиоотделения Шаров был без ноги.

Мы ходили одетые в сшитых из военных брюк «москвичках» на молнии, были тогда такие рубашки, типа морских. Носили и какие-то юбки, платица.

После техникума я проработала год техником на телецентре, ездила на передвижке, на автобусе, настраивала канал связи, а мужчины прокладывали кабели к камерам. Затем закончила электротехнический институт им. Ульянова-Ленина, работала в институте радиоприема и акустики (РПА), это бывшая центральная радиолaborатория, созданная еще Поповым. Сейчас на пенсии.

Полторацкий Геннадий Матвеевич
Методичность немцев была фантастической!

Полторацкий Геннадий Матвеевич, заведующий кафедрой физической и коллоидной химии, профессор, доктор химических наук, заслуженный деятель науки РФ.

ОБСТРЕЛЫ... С весны 1942 года и вплоть до снятия блокады в январе 1944-го немцы методично долбили город из дальнoбойных орудий, причём доставалось, в основном, мирным жителям. Начинался обстрел, правда, не каждый день, но всегда в одно и то же время утром, когда голодные ленинградцы тянулись на работу. Больше всего доставалось почему-то правому берегу Фонтанки. К снятию блокады там, на набережной, не осталось, по-моему, почти ни одного целого здания.

Вплоть до окончания 3-го класса я учился в 272-й школе, которая располагалась на нечётной стороне 1-й Красноармейской улицы, в доме 5/7. Чтобы попасть в школу, мне нужно было только пересечь улицу, а в школе, едва начинался обстрел, учителя выстраивали нас парами и уводили в подвал. С осени 1943 года меня перевели в другую школу, № 18 (впоследствии 281), мой маршрут в которую лежал вдоль всей улицы Егорова. Когда начинался обстрел, я двигался перебежками по нечётной стороне, укрываясь в подворотнях и спусках в полуподвальные помещения. Ухал снаряд – я выскакивал из укрытия и делал пробежку до следующего. Весь маршрут был мной размечен на длину перебежек от одного укрытия до другого. Рассчитать время перебежки было нетрудно, потому что методичность немцев была фантастической. От одного взрыва до другого я считал вслух или про себя секунды. Не помню точно, на какой счёт мне надо было прятаться, но одно из укрытий было на

противоположной, чётной стороне улицы, и я успевал добежать до него, пересекая неширокую улицу по диагонали. Однажды я укрылся в ещё горячей воронке от только что упавшего снаряда и до следующего разрыва искал там головку от него, но так и не нашёл, а следующий снаряд угодил аккурат в одно из моих следующих укрытий. **Снаряды почти никогда не ложились кучно, как правило, за очень редким исключением, следующий падал где-нибудь метрах в 100 – 300. Фашисты обычно вели обстрел с полчаса, потом делали перерыв, наверное, сытно завтракали, и начинали снова. Вторая волна всегда заставляла меня уже в классе.** Подвала в школе не было, мы пережидали её в коридорах, поскольку там не было окон (если снаряд падал неподалёку, острые осколки стёкол осыпали парты).

Как-то раз, совсем недавно, когда мы делились воспоминаниями о войне, кто-то из слушателей, не живший в блокаду, перебил мой рассказ замечанием: «А незачем было бежать в школу под обстрелом, переждал бы его дома!» Увы, понять это может только блокадник. Дело в том, что мою продуктовую карточку мы сдавали в школьную столовую, где на неё было организовано трёхразовое питание. Завтрак нам выдавали перед уроками, обедали учащиеся обычно после уроков, часа в три дня, тогда же нам выдавали и ужин, который мы тут же и съедали. Не знаю, как другие, а я был обречён ничего не есть до следующего школьного завтрака. Нетрудно представить, какой аппетит разыгрывался у меня к утру. Среди моих одноклассников прогульщиков тогда практически не было.

Полторацкая Александра Алексеевна

Все тяготы блокадной жизни легли на плечи женщин!

Подвиг женщин блокады. Все тяготы блокадной жизни легли на плечи женщин. Я надеюсь показать это на примере моей мамы, вместе со мной пережившей блокаду от первого до последнего дня, как видел это я своими глазами.

Моя мама, Полторацкая Александра Алексеевна, перед войной имела самую мирную профессию: она работала товароведом в ателье пошива верхней одежды. И была неплохим специалистом, поскольку перед этим она много лет трудилась браковщицей на фабрике имени Володарского, производившей шерстяные ткани. Как-то она взяла меня с собой на фабрику, и я помню, как перед нашими глазами низвергался падающий откуда-то сверху стремительный поток ткани, который она иногда останавливала, чтобы маркировать брак. Благодаря этому опыту она с одного взгляда определяла артикул ткани, оценивала его качество и пригодность для того или иного вида одежды.

Мама встретила войну тридцатилетней женщиной; мне, её единственному тогда сыну, было десять лет. Когда её мужа, Ивана Степановича Филатова, призвали в армию, мама, следуя призыву Родины к женщинам заместить ушедших на фронт мужчин, поступила на курсы шоферов при автобазе № 1, располагающейся и по сию пору на углу Киевской улицы и Международного проспекта (ныне Московского).

До войны на этой автобазе работал водителем грузовика её муж, а всю блокаду – она. Поначалу мама совмещала учёбу на курсах с дежурствами на вахте, поскольку это давало ей право на рабочую карточку. При этом дежурство длилось по 11 часов в сутки. Добираться на работу и обратно приходилось пешком по заснеженному и неосвещённому проспекту, а ещё – выкупать по карточкам ежедневно две пайки хлеба да подниматься домой на седьмой этаж, в промёрзшую комнатушку, иногда с ведёрком или бидончиком воды.

Утром мы расставались в темноте, при свете коптилки, при её свете и встречались ночью, готовили что-нибудь поесть на примусе, но чаще жевали хлеб всухомятку и заваливались спать в одежде, сняв только пальто и валенки. Понятно, что я был целыми днями предоставлен себе. Первые блокадные месяцы, начиная с восьмого сентября 1941 года, большую часть свободного времени я проводил на крыше нашего дома (№ 1/37 на углу Пятой Красноармейской улицы и Международного проспекта). С этой крыши я наблюдал памятный налёт фашистских бомбардировщиков, «юнкерсов», на Бадаевские склады. Они летели звеньями по три машины с севера на юг вдоль Международного проспекта, их моторы отвратительно завывали, звук то усиливался, то ослабевал. (Много позже я узнал, что от такого дефекта авиационных моторов наши самолёты были избавлены, благодаря трудам академика Микулина.)

Отбомбив, они возвращались тем же путём, но уже не строем. А на месте Бадаевских и топливных складов вспыхнуло зарево и поднялся в небо столб чёрного дыма, который наполнял воздух запахом гари и не опадал потом очень долго. Вслед за этим враги принялись часто сбрасывать на город бомбы, как фугасные, так и зажигательные, но особенно много сыпалось на наши головы зажигалок. Эти небольшие по размеру и весу бомбочки, по 12 штук в обойме, разделялись в полёте и устрашающе завывали каждая на своей ноте. Когда некоторые из них достигали крыши, то с грохотом катились по кровле и застревали на краю, плюясь раскалённым металлом. Очень редко они пробивали кровлю и падали на пол чердака, и если их вовремя не обезвредить, то могли прожечь железный лист.

Наша задача заключалась в том, чтобы, избегая опасной близости, либо сбросить зажигалку вниз, на булыжную мостовую, либо лопатой забросать её песком. Две таких бомбы я притащил домой: одну целую, не сработавшую, другую – сгоревшую наполовину. Хотел похвастать и получить мамино одобрение, но вместо этого был наказан, а бомбы мама выбросила. Как я прочитал позже, фашистов крайне раздражала неэффективность зажигалок. Но на то была своя причина: ленинградские учёные придумали состав, которым были обмазаны все деревянные детали перекрытий. Это правда: на нашем чердаке царила чистота, на полу песок, всюду стояли ящики с песком и бочки с водой. Кстати, такой же порядок наблюдался и в подвале дома, переименованном в бомбоубежище. И, тем не менее, если бы бомбы никто не гасил, они были способны прожечь любое противопожарное покрытие и проплавить не очень толстый слой песка.

В следующем, 1942 году враги оснастили зажигалки ещё и осколочными гранатами. Мои походы на крышу закончились, когда в ноябре 1941 года в наш дом попала фугасная бомба весом в тонну. К счастью, она не взорвалась, а лишь своим весом отрубила у семиэтажного дома угол площадью ровно в две комнаты. Исчезли, превратившись в груды строительного мусора, 14 комнат вместе с людьми, их населявшими. Жертвы были и среди тех, кто укрывался в бомбоубежище: его потолок бомба тоже обрушила. Один из моих приятелей выжил чудом: он лежал на кровати в комнате седьмого этажа, а все его родственники сидели за столом, играя в карты. Он видел, как чёрная громадина, пронзив потолок, обрушилась вместе с обломками крыши в центр стола и увлекла за собой и стол, и пол, и всех его близких.

На другой день я подходил к дверному проёму, чтобы поглядеть вниз, на кучу обломков; там копошились спасатели. Видел и кровать, притулившуюся к стене обрушившейся комнаты седьмого этажа. К середине ноября пришёл голод. Электричество погасло, не стало газа и отопления, в кранах пропала вода, а морозы усилились.

После пятнадцатого ноября занятия в школе прекратились. Я сидел дома, изредка спускаясь, чтобы выкупить хлеб в ближайшем магазине, или запитьевой водой к лопнувшей трубе во дворе. Выходить становилось всё страшнее, потому что почти на каждом подоконнике лестницы сидел покойник. Несмотря на жуткий мороз, мёртвые смердели. Особенно запомнился мне труп мужчины в ватнике и шапке-ушанке на подоконнике пятого этажа: его скрючившийся силуэт прорисовывался на фоне окна.

В начале зимы жильцы сами убирали трупы и складывали их в помещении самодеятельного театра (мы называли его «красным уголком»), но к середине января силы выживших иссякли, да и актовый зал этого популярного перед войной места отдыха был забит телами до потолка.

Страшное испытание обрушилось на нас с мамой двадцать первого января 1942 года: сгорел наш дом, я чудом спасся. **В ночь перед пожаром с 20 на 21 января 1942 года я видел во сне яблоки: румяные и крупные, они лежали на столе, на полу, на этажерке, на шкафу. Я тогда ещё не знал, что видеть яблоки во сне – к пожару.** Утром я, как обычно, остался лежать в постели под одеялом, одетый в пальто и шапку: на улице было минус 40 градусов, дома чуть теплее. У нас была буржуйка с трубой, выведенной через окно, но я не помню, чтобы в последние дни мы её топили. Перед уходом мама дала мне кусочек чёрного хлеба из нашего пайка, остальной хлеб положила на шкаф со словами: «Сынок, с сегодняшнего дня мы будем делить хлеб не пополам, а мне побольше, иначе я помру, а ты останешься один и тоже не выживешь».

Так я и остался лежать в постели, высунув из-под одеяла нос и неотрывно глядя на маленький вожделенный кусочек хлеба на шкафу. Около трёх часов дня я почувствовал усиливающийся запах дыма. Когда от дыма стало перехватывать дыхание, я выкарабкался из-под одеяла и пошёл узнать, в чём дело. Я бросил последний взгляд на наше жильё: заиндевевшие стёкла «венерианского» окна, почему-то красноватые то ли от заката, то ли от огня, слева в углу возле окна на этажерке новогодняя ёлочка с мерцающими в дыму шариками.

Мама, уходя на работу, советовала мне в случае чего дойти до знакомых соседей. Они жили на том же этаже, но в коридоре, где окна всех помещений выходили на Международный проспект. По задымлённому коридору на ощупь я добрался до соседей. В комнате их оказалось четверо: мужчина, подросток и две женщины. Мужчина, хозяин, неподвижно и молча лежал на кровати в тёмном углу. Трое сидели за столом и обсуждали, что происходит и что делать дальше. Дыма в их комнате было поменьше, чем в коридоре, но он постепенно сгущался. На голом столе мерцала коптилка, освещавшая только стол и лица сидевших. Почти сразу по моём приходе подросток, сын хозяйки, встал из-за стола, открыл дверь и отправился искать выход, чтобы выбраться из пожара. Он только что вернулся после неудачной попытки спуститься вниз по ближайшей лестнице. Дойдя до пятого этажа, он вынужден был возвратиться, так как ниже пройти было невозможно из-за дыма и жара. И вот теперь он решил попытаться спуститься чёрным ходом, за кухней. Но тот ход был постоянно заперт, а коридор заполнял густой дым. Тем временем уже и в комнате становилось всё труднее дышать. Коптилка погасла, помещение слабо освещалось мерцающими

отсветами пожара снаружи. Тогда Зоя, племянница хозяйки, которая зашла к своей тётке проститься перед уходом в армию по окончании лётного училища, решила разбить окно (открыть его оказалось невозможно, видимо, оно примёрзло). Она била кулаками по толстому стеклу, изрезав себе осколками кисти рук, кровь текла ручьями. Хозяйка решила последовать за сыном. Она посоветовала Зое: «Бей цветочным горшком, а не кулаками!» – а сама отворила дверь в коридор: оттуда полыхнуло горячим дымом, но она всё-таки вышла, затворив за собой дверь. Тут я потерял сознание от удушья. Очнулся лежащим животом на окне, Зоя лежала рядом и кричала: «Помогите! Здесь ребёнок!» Мне тоже велела кричать. Я пищал, как мог: «Спасите!» И тут случилось чудо: оказалось, что ниже и немного правее нас к балкону пятого этажа была приставлена пожарная лестница. Двое пожарных выгружали через окно чьи-то вещи, не обращая внимания на вопли и мольбы о спасении. Один из пожарных, мой будущий спаситель, после недолгого, но горячего спора с напарником притащил снизу и приставил с балкона к нашему окну, чуть наискосок, лесенку с крюком, зацепил её за наш подоконник и предложил нам спускаться самостоятельно.

Мы кричали, что не можем. Тогда он, увидев окровавленные руки Зои, поднялся сам, обвязал меня верёвкой и стал опускать меня вниз, полегоньку стравливая верёвку. По пути я снова потерял сознание. Очнулся в маминых объятиях: она схватила меня и не размыкала рук, несмотря на крики пожарного сверху и подёргивание верёвки. Кто-то подбежал, отвязал верёвку, и мама понесла меня через дорогу в аптеку. Я успел бросить взгляд наверх и заметить, как спускают Зою. На уровне пятого этажа девушку опалило языком пламени, её окатили водой из брандспойта. Верёвку чуть не пережгло пламенем, но и спуск Зои завершился благополучно. Ещё днём маме сказали на работе, что в стороне её дома что-то горит. Она попросила разрешения уйти пораньше и, хотя на проспекте заметила дым, не хотела верить, что горит именно наш дом. От Киевской улицы, как всегда, шла пешком: никакой транспорт давно не ходил. Увидела, что горит наш дом, только от Обводного канала. Бросилась бежать, достигла горящего дома и стала метаться вокруг пожара, выкрикивая моё имя. Сперва она устремилась во двор, куда выходило наше окно: там всё пылало. Из окон 6 и 7-го этажей слышались вопли о помощи. На её глазах люди выпрыгивали из окон и разбивались. Она не помнит, как оказалась под тем окном, откуда меня спустили. Поначалу она была уверена, что я выбросился из окна, как десятки других, и это она меня поймала. Несчастливая женщина всё никак не могла сообразить, что, падая с такой высоты, я убил бы её насмерть. В аптеке меня поместили на жёсткий диванчик, стали поить водой с валерианкой, но я тут же отрыгивал её обратно. Потом мы с мамой потихоньку поплелись к жене знакомого офицера, жившего на Первой Красноармейской улице. Это был

ближайший знакомый адрес. Добрая женщина приняла нас, накормила гречневой кашей и уложила спать на диван.

Всю ночь я, склоняясь через мамину спину, блевал в тазик. До слёз жалко было вкусную кашу. На другой день мы «сползали» к пожарищу. Дом по-прежнему пылал. Он догорал неделю, и смрад от сгоревших трупов вперемешку с запахом пожарища держался ещё долго. Примерно того же происхождения запах, хотя и очень слабый, я учуял, побывав в 61 году в Освенциме. Этот запах сразу пробудил воспоминания о пережитом. Мы остались на улице в чём были. Маме предоставили отпуск для поисков жилья, и мы с ней целыми днями мотались по улицам при морозе до минус 40, чтобы не стеснять наших благодетелей. Возвращались только переночевать. Жить нам было негде. Заходили мы к бабушке с дедом, жившим на улице Марата. Там, кроме них, обитали ещё и беженцы из пригорода: мамина сестра с тремя детьми. Восьмиметровая комнатка с одним окном была разделена перегородкой поперёк, и в тёмной половине на кроватях, стоявших у противоположных стен, лежали и умирали от голода и цинги мой дед и мой двоюродный брат. Остальные ютились в светлой половине и на коммунальной кухне. Хорошо ещё, что соседи (в квартире жили до войны ещё две семьи) эвакуировались. Основным нашим занятием был осмотр жилья, предлагаемого райисполкомом взамен сгоревшего.

Комиссия райисполкома выдала всем, выжившим после пожара, справки: на их основании позже нам восстановили документы. Жильё предлагали такое, что у мамы слёзы катились ручьём. Одна из предлагаемых комнат мне особенно запомнилась. Располагалась она неподалёку от нашего сгоревшего жилья, в районе 10 – 12-й Красноармейских улиц, в доме барачного типа, в многокомнатной коммуналке. Жильцы встретили нас не приветливо, и мы сразу увидели, что фанерная дверь в комнату взломана. Под ней – щель в ладонь, через которую в коридор намело небольшой сугроб. Пустая, узкая как кишка комната площадью около 9 метров не имела ни стёкол, ни рам. Мы потоптались меж голых стен, мама в очередной раз горько всплакнула, так как положенный нам лимит смотровых ордеров иссяк.

Мы ходили по улицам, и мама никак не могла сдержать рыданий. Схваченные морозом слёзы замерзали у неё на щеках, не успевая скатиться. Сгорело всё нажитое добро. Она осталась в рабочей одежде: в засаленных ватных штанах и такой же телогрейке, в дырявых валенках. Морозы всё не отступали. Снег на улицах не убирали, транспорт не ходил. Замерзшие троллейбусы, трамваи и автобусы стояли, засыпанные снегом, посреди улиц. На тротуарах тут и там сидели, а где и лежали замерзшие трупы. Особенно мне запомнился один: человек присел на кучу снега возле тротуара, недалеко от Витебского вокзала,

да так там и замёрз. Когда мы увидели его впервые, он был одет. К вечеру с него стянули валенки, а на другой день он почти голый валялся на боку.

Большинство трупов трудно было разглядеть. **Чаще всего из-под снега торчала только рука или нога. Однажды женщина умерла у нас на глазах. Только что шла впереди нас: одета в военную офицерскую форму, на ногах хромовые сапожки. Внезапно упала и умерла. Это произошло на Загородном проспекте, за Разъезжей улицей.**

Наши хождения закончились, когда знакомая, приютившая нас, подсказала адрес комнаты в своём доме, где вымерла вся семья. Мама выкупила по карточкам муку (хлеб тогда не пекли, «отоваривали» мукой) и в кулёчке отнесла в райсовет. Так мы получили ордер и прожили с четырнадцатого февраля 1942 года остаток блокады в 20-метровой комнате на 1-й Красноармейской улице, в доме 4, в коммунальной квартире № 22. В комнате уцелели после вымершей семьи две односпальные железные кровати без матрасов и полстола – целое богатство для нас. Отопление было печное, но в нашу комнату выходила только топка, а печь располагалась в соседней комнате. Тут мы и начали обустриваться заново.

Мама вернулась из вынужденного отпуска и вновь приступила к работе и занятиям в школе шоферов. К зиме 42/43 годов я соорудил из кирпичей, натасканных из развалин, дровяную плиту, а позже мы раздобыли самовар и топили его щепками. Первые порции кипятка использовали для супа, если было из чего его варить, а остальное выпивали с соевыми конфетами: их выдавали по карточкам вместо сахара. Большой поддержкой были для нас редкие посылки с фронта. Раз в месяц или и того реже машину из части, где служил мамин муж, посылали за каким-нибудь делом в город. Солдаты пользовались случаем, чтобы поддержать голодавших родных. Тогда машина подъезжала задним бортом к нашему окну, солдаты быстро перекидывали через открытое окно в комнату десяток перевязанных бечёвкой посылок, к каждой из которых было примотано письмо с адресом, и тут же отъезжали. Посылочки состояли из пайки хлеба и котелка с замороженной кашей. Среди этих посылок бывала и адресованная нам. Если мы оказывались дома оба, то тут же её вскрывали и устраивали пир. Обычно же посылки от солдат принимал через окно я. По возвращении мамы с работы мы сортировали их по адресам и укладывали в 2 заплечных мешка: один мой, другой мамин. Солдаты для этой цели снабдили нас зелёными солдатскими рюкзаками. В воскресенье с утра пораньше мы отправлялись пешком с рюкзаками за плечами разносить посылки. Транспорт не ходил, поэтому выходили мы с рассветом, а возвращались в сумерках. Иногда адресаты не отвечали на стук в дверь, мы расспрашивали соседей, где они, и узнавали от них о смерти родных, не дождавшихся спасительной посылочки.

Однажды, открыв дверь, обнаружили за ней обрыв в пустоту. В этих случаях посылку всегда относили домой и возвращали солдату: ему ведь тоже было голодно. От возвращённой посылки никто не отказался.

Однажды осенью 42 года, поздним вечером возвращаясь из подобного похода порожние и довольные, мы попали под бомбёжку. Случалось нам и раньше попадать и под бомбёжки, и под обстрелы, но на этот раз грохот и сполохи воздушного боя над головой надолго загнали нас в одну из подворотен Международного проспекта, недалеко от Техноложки. Ночное небо над нами полыхало взрывами шрапнели, серпантинном трассирующих пуль, слышался рокот моторов, вой и грохот снарядов и бомб. Красиво до жути и страшно до спазмов. Когда всё немного поутихло, пальба удалилась, мы короткими перебежками от одной подворотни к другой продолжили путь к дому.

Дома, отдышавшись, пили чай без сахара и радовались, что и на этот раз выжили. Впрочем, тревожное состояние не покидало меня в ту пору никогда. В те же дни, точнее, двадцатого февраля, мама сдала квалификационной комиссии экзамен на право вождения грузовика, затем пять месяцев проходила стажировку и получила наконец удостоверение водителя третьего класса. На второй странице – фиолетовый штампик: «с правом управл. газогенераторными автомобилями». С этого момента она начала работать водителем самостоятельно. Работа водителя грузовика, трудная и для здорового мужчины, была непосильна для ослабленной голодом женщины.

Мама иногда брала меня с собой, поэтому многое я видел своими глазами. Газогенераторные машины отличались от обычных для того времени грузовиков тем, что по бокам водительской кабины, по обе стороны, вплотную к кузову, располагались чёрные или серые металлические цилиндры с массивными крышками-люками сверху, герметически закрывавшимися специальными защёлками. В эти цилиндры загружались деревянные чурки размером не больше полукилограммовой консервной банки; они там тлели, выделяя газообразную смесь, которая и служила топливом для мотора автомобиля. Топливо это было, по моим наблюдениям, ненадёжное, особенно если чурки попадались плохие: сырые и осиновые. А откуда взяться хорошим в осаждённом городе? И вот неспешно ползущая по пустому проспекту машина начинает сначала чихать и кашлять мотором, затем останавливается. Мама причаливает катящуюся по инерции машину к обочине, открывает дверцу кабины и, стоя на подножке, обращается к грузчице, сидевшей обычно в кузове, на лавочке за кабиной: «Тыр-пыр восемь дыр! Тётя Маша, пошуруй!» Тётя Маша отбрасывает в стороны защёлки, откидывает настежь крышку бункера, откуда пышет жаром, берёт металлическую штангу с крюком на одном конце и

ручкой в форме петли – на другом, шурует ею, добавляет, если надо, дровец, снова запирает крышку, затем проделывает всё это со вторым бункером. Завершив процедуру «заправки топливного бака горючим», тётя Маша, кряхтя, вылезает из кузова и присоединяет свои силы к маминым, чтобы вместе завести мотор. На тогдашних машинах никаких стартёров не предусматривалось. Даже слова такого никто ещё не слышал. Заводили машины вручную. Это требовало серьёзных усилий: заводная ручка вставлялась в захват спереди под радиатором, после чего её следовало несколько раз энергично провернуть, при этом мгновенно отдёргнуть руки, если мотор начал работать, чтобы крутанувшейся назад ручкой не поломать их.

И вот две слабые женщины вдвоём брались за заводную ручку и начинали с натугой проворачивать её. Учитывая, что с первой попытки мотор не заводился никогда, процедура эта отнимала у измученных голодом женщин последние силы. Зачастую женщины в изнеможении присаживались на поребрик тротуара и плакали, размазывая по щекам слёзы пополам с сажей. Случалось, мимо проезжала военная машина, и вид двух ревущих женщин трогал водителя или командира: им отливали литр-другой остродефицитного бензина и помогали запустить мотор. Мама шоферила так без малого два года.

Со временем она немного притерпелась к этому неженскому труду, да и с топливом после прорыва блокады 18 января 1943 года стало полегче. Маме в конце концов даже доверили машину с бензиновым мотором. Но весной 1944 года она тяжело заболела. После больницы врачи категорически запретили ей садиться за руль, она пристроилась на той же автобазе табельщицей. Её участие в обороне Ленинграда было отмечено медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 45 гг.». После войны, хотя и не сразу, маме удалось вернуться к любимой работе: до выхода на пенсию она трудилась в ателье индивидуального пошива верхней одежды. Все послевоенные годы мама тяжело болела. Скончалась она 7 мая 1978 года.

Питанов Владимир

Искал лекарство для отца!

В первый блокадный январь фугаска разворотила производственный корпус завода, где работал отец. С Выборгской стороны папа вернулся больным и слег. В ближайших аптеках нужных лекарств не было, и мне посоветовали идти в Свердловку, в район Смольного. Надо было идти к Дворцовому мосту, и я поплелся к Неве.

Тропинка петляла между сугробами. Прохожие встречались редко, они черными тенями проползали мимо. Шел я медленно, но вот позади мост, Дворцовая площадь. Прислонился к ограде Александровского сада, достал из кармана пиджака бутылочку, глотнул теплой воды.

На Невском, когда-то многолюдном и шумном проспекте, была тишина. Панели и мостовая поросли ледяной коркой, кругом были завалы отбросов. На мостовой, занесенной снегом выше окон, застыли обросшие льдом, покореженные трамваи и троллейбусы. Фасад «Гостиного Двора» был обезображен пожаром.

Я остановился отдохнуть у Аничкова моста. На мосту не было коней Клодта. В ноябре 500-пудовые скульптуры такелажники сняли с пьедесталов и перетащили в сад отдыха, но в землю зарыли только одну, другие три оставались открытыми до весны.

С частыми передышками я наконец дошел до больницы. Получил лекарство, спрятал его в мешочек и повесил на шею под шубу. Я заглянул в дежурку проходной. Там сидела женщина-вахтер. Она очень удивилась, что я пришел аж с Васильевского острова, заставила меня раздеться, усадила около печки и дала выпить кипяточку. Я задремал.

Выпуская очередной автомобиль, вахтерша переговорила с шофером, он заглянул в дежурку и сказал, что подбросит меня к мосту Лейтенанта Шмидта. Какое счастье подвалило!

Довольный, что не топаю пешком, я разговорился с водителем о блокадной житухе. Шофер, пожилой военный, молчал, а лицо его становилось строже и суровее.

Я замолк.

– Почему притих? Валяй, рассказывай!

Мы подъехали к Медному всаднику.

– Спасибо вам, дяденька. Если бы не машина, когда бы я возвратился домой.

– Говоришь, лекарство искал для отца и не испугался далеко уходить от дома?

– Не пускали, но папе без лекарства не жить.

– Совсем плохо?

– Сердцем хворает давно, да еще и голодуха.

Я еще раз поблагодарил шофера и полез из кабины.

– Погоди-ка, парень, – военный сунулся под сиденье, достал кусок хлеба и банку консервов. – Возьми родителям, скажешь: от земляка.

– Не возьму! – отпихнулся я. – Как же вы?

– Бери, сказал! Мы с ребятами поделимся. Сунь все за пазуху. Да у тебя мешок на шее! В него и положим. Ну прощай, сынок. Таких, как ты, у меня двое. Кланяйся родителям, здоровья вам да сил выжить.

Шел еле-еле: ветер хлестал в лицо и упруго толкал в грудь, разламывало от боли голову, перед глазамиплыли темные круги. Схватил пригоршнями снег и остудил лицо, потом поплелся и дошел.

Поляков Александр Иванович

Мы поняли, что начали есть людей!

Мы жили на проспекте Добролюбова, д. 25. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, мне было 7 лет.

У нас были кошка и собака. Они ели и пили вместе, из одной миски. Сначала пропала кошка, а потом и собака. Мы поняли, что люди начали есть домашних животных.

В начале 1942 года, когда замерзли водопроводные трубы и канализация, мы ходили в туалет, который был во дворе. Как-то вечером, когда начало темнеть, мы вместе с братом пошли в туалет и обнаружили женщину, которая сидела на унитазе без груди. Мы позвали маму. В тот момент мы поняли, что начали есть людей.

Потом я так отошал, что не мог ходить в туалет. Мама вызвала врача. Тот пришел, посмотрел и говорит: «Ему (то есть мне) ничего не надо. Он сегодня-завтра умрет». Я ничего не мог ответить, сил не хватало. Мама сразу вызвала папу – он служил на Средней Рогатке, куда ходил трамвай № 29. Он приехал, достал из шифоньера шубы и пальто. На полуторке через Ладогу по Дороге жизни поехал с другом, поменял вещи на продукты и привез нам. После этого я окреп.

Летом 1942 года, когда я собирал траву для еды, ко мне подошел мальчик лет 11: «Давай я помогу». Я доверился, а когда мешочек уже был полный, он

схватил его и убежал. Я долго плакал, пришел домой, и мы голодные легли спать.

После снятия блокады в 1944 году я вместе с мамой пошел брать справку в школу, а оказалось, что врач мою историю болезни положила в архив. Она долго извинялась за то, что меня похоронила.

В 1951 году я вместе с мамой и младшим братом переехал в Севастополь, где проработал водителем троллейбуса 46 лет.

Поляковский Эдвин Луникович

Дети – главные блокадные мученики и жертвы

Минуя детство, мы сразу стали взрослыми. Ленинградские дети могут гордиться тем, что вместе со взрослыми отстаивали свой город. Дошкольники, маленькие дети-сироты стали пасынками войны.

Гитлер приказал: капитуляцию не принимать, Ленинград сровнять с землей.

К бомбежкам и обстрелам мы привыкли. Прятались скорее по привычке, нежели из чувства страха. Зима 1941 – 1942 годов пришла рано и выдалась на редкость суровой. Бензин быстро кончился, встал транспорт, за водой мы бегали на Неву. На осажденный, блокированный Ленинград обрушился голод. Это была ни с чем не сравнимая пытка. Мы знаем, **в дни блокады каждый третий ленинградец умер от голода или погиб.**

Попова Наталья Александровна

Во время войны люди были добрые, отзывчивые!

Родилась 4 февраля 1918 года в г. Севастополе.

В 1941 году, будучи студенткой Ленинградского фармацевтического института, принимала активное участие в охране вуза в качестве политрука унитарной команды института. Также оказывала помощь умирающим от голода студентам института, беспомощно лежащим в общежитии на койках, полах и пр. Все это до сих пор в памяти, как и стойкость, мужество жителей блокадного Ленинграда: в холод, голод, не всегда имея даже положенные 125 граммов хлеба, они сохраняли боевой дух под обстрелом вражеских самолетов, артиллерийским обстрелом из дальнобойных орудий, бросались в развалины домов – спасать раненых, вытаскивая их из-под обломков. А сколько погибло

людей, которых вывозили по Дороге жизни – по Ладоге! Машины с людьми шли под лед из-за немецких обстрелов...

Мне с родителями повезло – проскочили, и в Вологде странно было смотреть на смеющихся детей. Из Вологды нас доставили в Ярославскую область. **По пути мой отец был снят с поезда и положен в штабеля умирающих. Но во время войны люди были добрые, отзывчивые – его забрали из штабеля смертников, и в деревне Покров в течение месяца выхаживали нас троих. Поэтому отец дожил до 1979 года, а мама – до 1976-го. Спасибо тем людям! Дал бы Бог им счастья, если живы!**

Попова (Троицкая) Валентина Алексеевна
Мне дали возить трупы детей!

Во время блокады я попала в детский дом № 27. Мой отец, Попов Алексей Васильевич, умер 4 января 1942 года от голода. Его не взяли на фронт, и он работал на военном заводе «Красный металлист». На следующий день, несмотря на 30-градусный мороз, я выполнила его предсмертную просьбу: пришла на завод, чтобы отдать в партком его партийный билет. Мне тогда было 13 лет.

Потом умерла моя мама 10 января 1942 года. Она работала в закройном цехе фабрики «Большевичка». За два дня до ее смерти у меня выхватили на улице рукавицу со всеми нашими хлебными карточками. Хотя маме хлеб все равно уже не помог бы.

В первых числах марта 1942 года управхоз требовал выйти работать на улицу – убирать покойников с площади Искусств, где они лежали вмерзшие в снег и лед. Сестра не могла выполнять эту работу, а это грозило ей увольнением и лишило бы ее рабочей хлебной карточки – 250 граммов хлеба. Тогда я вышла работать вместо нее. Мне дали возить трупы детей – с площади Искусств по Литейному до улицы Петра Лаврова. Там сделали временный морг в подворотне. Я возила их на своих детских санках.

Когда умерли родители, я написала письмо родственникам в город Калинин. Моя сестра, Сергеева Серафима Ивановна, до начала войны работала в горкоме партии города. В декабре 1941 года Калинин был освобожден от фашистов, и мое письмо из блокадного Ленинграда дошло до сестры. Она прислала мне телеграмму, которую я помню наизусть: «Содействуй о выезде через горком комсомола города Ленинграда».

С этой телеграммой я 30 марта пришла во дворец Кшесинской, что на Петроградской стороне. У дверей стоял военный, я ему протянула мою телеграмму. Он позвонил в звонок, вышла молодая девушка и повела меня в помещение дворца. Мы вошли в приемную секретаря Гольдина. Тот принял и выслушал меня, прочитал телеграмму и долго названивал в детские дома. Никто не хотел меня принять. И только Парамонов Глеб Герасимович, директор детского дома № 27 Куйбышевского района, согласился. Мне сказали собрать вещи и к 17 часам явиться в детский дом на набережной Фонтанки, а еще нужно было взять на Финляндском вокзале форму № 9 на питание и эвакуационный лист.

Дома сестра лежала вся опухшая, плакала и умоляла взять ее с собой. Она была готова работать уборщицей в детском доме, но так и не смогла встать с кровати.

В детдоме меня провели в спальню к девочкам. Лишней кровати не было, но одна из девочек, Нина Воронцова, уступила мне место, а сама легла спать на нескольких стульях. На следующий день, 31 марта, нас повезли по Литейному на Финляндский вокзал. Действительно, все документы на мою эвакуацию были готовы. По договоренности меня должны были довести до Ярославля, а потом я бы сама доехала до родственников в городе Калинин. Пассажирам билеты не продавали.

Наш детский дом ехал в теплушках. Мы переехали Ладогу по льду. Днем он уже подтаивал, и половина колес у машин была в воде. Но все обошлось, хоть над нами и кружили фашистские самолеты. Я своими глазами видела, как один из них сбили наши зенитки.

Потом директор детского дома сказал: «Попову Валю высаживать в Ярославле не будем. Ей в Калинин не доехать». Так я и осталась в детском доме, и нас разместили в ярославском областном городе Тутаеве. Там я окончила семь классов. А Ниночка Воронцова стала моей самой близкой подругой на много лет вперед.

После моего отъезда управхоз выгнал сестру из нашей отдельной квартиры, а саму квартиру в итоге продал. В 1946 году мне было уже ничем не доказать, что я жила здесь: все документы в ЖЭКе были уничтожены.

Потапова Александра Николаевна
Мы ели строго по часам!

Родилась 18 июля 1926 года.

Все 900 дней блокады я оставалась в Ленинграде. Мама работала на заводе «Вулкан», папа был на фронте, а я ходила в детский сад. Во время бомбежек мы прятались в подвале дома вместе со всеми другими жильцами.

Однажды бомба попала в дом, который стоял у нас во дворе. Мама побежала туда, чтобы кому-нибудь помочь, принесла маленького мальчика, сильно израненного щепками, и затем отправила его в больницу.

Вспоминаю, как нам было страшно, холодно, как все время хотелось есть. Те продукты, что оставляла нам мама, уходя на работу, мы ели строго по часам.

После войны я училась, устроилась на работу, вышла замуж. Но память о войне жива во мне до сих пор.

Потапова Маргарита Петровна
Мне пришлось все делать самой!

Когда началась война, мне было 11 лет, но я многое помню из того, что пришлось пережить.

В первый же месяц войны моего отца призвали на фронт. Я осталась с мамой и братом. Уже начинался голод, и мы с братом всю ночь простояли около фуражного ларька, чтобы купить что-нибудь поесть. В итоге купили 10 кг дуранды, или, как на Украине называют, жмыха – на руки его давали всего по 5 кг. Мама из этого пекла лепешки на олифе, а еще мы варили студень из столярного клея. Последнее мы доели 7 ноября, отметили праздник, а чуть раньше осенью ходили в Новую Деревню перекапывать картошку. Там недалеко был аэродром. Помню, летел самолет очень низко и строчил по нам из пулемета.

Брат эвакуировался с ремесленным училищем, а я осталась с мамой. Мы жили в густонаселенной коммунальной квартире, всего 31 человек. Из них 10 людей умерли от голода, а остальные – кто ушел на фронт, кто эвакуировался. И в этой квартире пережили зиму 1941 – 1942 годов всего 3 человека – мы с мамой и соседка. Первый сосед умер 5 декабря, второй – 6 декабря и т. д. Мою маму от работы послали зарывать покойников на Серафимовское кладбище. А я вместе с другими детьми ходила в дома, которые были разрушены артобстрелом или фугасной бомбой, и собирала доски от пола. Чтобы обогреться, маме пришлось оторвать от нашего пайка кусок хлеба и приобрести печку-буржуйку. Ни водопровод, ни канализация не работали, нечистоты прямо из окон выливали на

улицу, так как выносить не было сил. Когда перестала во дворе работать колонка, ходила за водой на Неву.

Мама сильно заболела, и мне пришлось все делать самой. Пролежала она два месяца, а потом снова вышла на работу на кладбище.

Вот так пережили зиму, а весной, чтобы не было эпидемии, нас всех – и детей, и взрослых – организовывали скалывать лед. Помню листы фанеры – мы привязали к ним веревки и вывозили на них лед, чтобы сбросить в Неву. Лед этот был желто-коричневого цвета. А когда появилась трава, нам стало немного легче. Собирали лебеду, ромашку, крапиву, подорожник и пр. Эту траву отваривали, пропускали через мясорубку и жарили из нее на олифе лепешки.

В январе 1943 года мама сильно заболела – у нее был гнойный плеврит и сильное истощение – ее положили в больницу, где она пролежала 8 месяцев. А через несколько дней после того, как маму положили в больницу, я была ранена и пролежала в госпитале два месяца. Потом меня направили в детский дом № 25, где я прожила год. От детского дома у меня остались хорошие воспоминания – у нас там были мастерские, где нас приучали к труду. В день снятия блокады я была в детском доме и помню, как нам там устроили праздник, повара испекли «хворост» и каждому воспитаннику дали по кульку.

В 1952 году я познакомилась с моряком-подводником, который служил в Севастополе, и вышла за него замуж. А с 1953 года я живу в Севастополе.

Потоцкая Г. П. (Тертищева)

Выжила, потому что ходила в ясли!

Я родилась за три месяца до начала войны в Ленинграде. Мы жили в доме на 7-й Красноармейской улице. Родители работали в порту: мама – секретарем-машинисткой, папа – радистом.

В яслях, куда я ходила, было холодно, голодно и очень темно. Воспитателей было двое – обе Веры. Родители меня забирали позже всех, потому что далеко работали. В память врезалась картина: я стою, зажата между коленками тети Веры, и капризничаю. Она мне говорит: «Иди, иди в спальню». На столе горит коптилка, в спальне очень темно и пищат крысы. В детстве я часто слышала от мамы: «Выжила, потому что ходила в ясли. Там детей хоть чем-то, но кормили». На выходные нам давали паек: полстакана чего-то белого и тягучего, видимо молочного или овсяного киселя, и малюсенький кусочек пудинга.

Когда блокаду уже прорвали, мне было три года и я все еще ходила в ясли. Никогда не забуду «урок нравственности», который преподали мне мои родители. Помню, я стояла на коленях на высоком ящичке около стола на кухне. Рядом была тарелка с едой. Отец с матерью попросили, чтобы я поделилась с ними, но я сказала, что не дам, что это мое, и буквально грудью легла на тарелку. В ответ на это родители с укоризной посмотрели на меня и достали блюдо с чем-то необыкновенным, ярким, ароматным... всю жизнь, когда я вижу тарелку с оладьями, вспоминаю этот случай. Мама рассказывала, как я плакала, как отталкивала свой пудинг. «Берите, берите, ешьте моё. Только дайте мне немножко вашей еды», – причитала я. Это был очень жестокий урок. Но с тех пор я не могу съесть сладкий кусок одна и испытываю радость, если у меня есть возможность поделиться.

Из яслей меня иногда забирала бабушка Аня, знакомая нашей семьи. Она жила в подвале соседнего дома – так называемой дворницкой, не работала. В ожидании родителей мы с ней готовили тюрю – это теплая подсоленная вода с крошками хлеба. На поверхности плавали две-три жиринки, от пальца они «разбегались» мелкими желтыми кружочками, а я пыталась выловить хлебные крошки.

Вкупе со страшным голодом война чуть не забрала у меня отца. Он работал сутками и ходил домой пешком. Мама всегда знала точное время, когда папа придет. Но в то утро его долго не было, и мы пошли ему навстречу – через Советский переулок, Измайловский проспект, 10-ю Красноармейскую улицу, Лермонтовский проспект вышли на проспект Огородникова. Людей не было, только стояли санки – на них лежало немного дров, а сверху мой отец. Он почти замерз. Мама плакала, тормошила его, а он только говорил: «Не трогай меня, мне так хорошо». Маме все-таки удалось привести его в чувство, и мы потихоньку пошли домой.

В детстве у меня были любимые игрушки: собачка Вава с оторванным ухом из серого искусственного меха и кукла Нина – гуттаперчевый пупс. Нина – моя ровесница, она была подарена моей крестной, маминой подругой, я назвала куклу в честь нее. Изучая, как устроены закрывающиеся глазки, я случайно продавала их внутрь головы. Растянулись резинки, держащие руки и ноги. Не могу найти мастера, который бы мне ее починил. Хотела отдать мою «блокадницу» в музей. Куклу обещали принять, а мне вдруг стало больно с ней расставаться...

Потравнова Ирина Константиновна
Хозяйка украла у нас хлебные карточки!

Мама с тремя детьми на руках осталась одна еще до войны. Когда немцы замкнули Ленинград в кольцо, в городе начался страшный голод. С улиц исчезли все собаки и кошки. Хлеб еще был, но продуктовые карточки было сложно отovarить. Когда сгорел хлебозавод, начались перебои и с тем и с другим. Пили воду с солью, чтобы было хоть что-то в желудке.

Порой мама уходила на три дня, чтобы достать немного муки или овощей. 12 марта 1942 года умер мой брат. Мама решила увезти нас из города. Мы обменяли домашние вещи и шикарную редкую папину библиотеку всего на четыре буханки хлеба. Но уехать нам так и не удалось. Нас троих приютила женщина, почему-то я ее плохо запомнила. Вскоре заболела мама и на Пасху 5 мая 1942 года умерла. Хозяйка, которая нас впустила, украла у нас с сестрой хлебные карточки. Мы не знали, что делать, как спастись от голода, и решили пойти в детский дом, тот, что был на Владимирской площади. Сестре было 15 лет, мне 11. По дороге в детдом сестра от голода теряла сознание. Ее стеклянные глаза до сих пор помню. **Женщина, которая выходила из ближайшей булочной, сказала мне, что сестра при смерти, ей нужно поесть, и положила ей на губы кусочек хлеба, грамм 5 – 10. Сестренка на моих глазах стала оживать. Женщина не бросила нас – помогла добраться до детдома. Сестра три дня пролежала без сознания. Сейчас, когда я ей это рассказываю (а она жива до сих пор), она мне не верит.**

В детский дом ее не взяли, мне было 11 лет, а ей уже 15. Нам пришлось расстаться.

От бомбежек, которые нас преследовали на пути в загородный детский дом, я потеряла слух. До войны я училась в музыкальной школе, а когда приехала в детский дом, не смогла даже разок сыграть на пианино.

После войны мы с сестрой встретились. Она знала, где я, и забрала с собой в Ленинград.

Прихожаева Людмила Яковлевна
Горело все, страшно было невероятно!

Когда началась война, мне было 9 лет. Мы жили в Курортном районе, в Сестрорецке. Когда все мужчины ушли на фронт, к нам пришла соседка и предложила жить вместе. В нашем районе невозможно было ничего приобрести из еды по карточкам. Единственный выход был ездить в Ленинград.

В ноябре 1941 года люди начали умирать от голода. У кого были большие семьи, умирали быстрее, поскольку не было возможности прокормить

столько людей. Мы перекапывали поля, таскали морковку, картошку, за счет этого и выживали. Детьми мы ходили валить сосны, пилили стволы на маленькие куски и снимали живицу, потом пропускали через мясорубку и ели это. Ленинградцы были людьми добрыми и не озлобленными, кого могли – того спасали.

Страшно было и после снятия блокады. 5 апреля 1944 года 60 самолетов прилетели со стороны Финляндии бомбить Ленинград. Они были начинены самыми страшными бомбами. В небо поднялись наши эскадрильи и стали их сбивать. Горело все, было страшно невероятно. Помню, как очень низко летит немецкий самолет, так низко, что я видела злые глаза немецкого пилота. Никогда не забуду это.

**Проворнова Любовь Никифоровна
Пушкин бомбили все лето!**

Родилась в Пушкине в 1924 году.

Война застала меня в школе. У нас была большая рабочая семья – родители, три сестры, два брата. Мы жили в селе Большое Кузьмино недалеко от Ленинграда. Отец и старший брат трудились на заводе ПРМЗ № 3.

В 1941 году меня призвали в сельсовет писать повестки новобранцам и разносить их по адресам. Потом нас отправили рыть оборонительные окопы в Вырице и Красницах. Работами руководили моряки. Во время бомбежки я получила контузию, после чего перестала слышать. Вернулась домой при наступлении немцев, но никого не застала – все попрятались в землянках.

Пушкин бомбили все лето. Мы спасались в подвалах сельской церкви. Потом потихоньку начали выбираться по окопам и траншеям в Шушары, а затем в Купчино, где жила мамина подруга. Отец был с нами, из-за пенсионного возраста в армию он не призывался.

Из Купчино нас отправили на машине в общежитие завода «Металлоигрушка», эвакуированного из Пушкина. Мы, четыре сестры, стали работать на этом заводе. Как и все, голодали. Наш завод подвергался обстрелам – нам приходилось его спасать.

В декабре 1941 года умер отец. Ему было 57 лет. Во время похорон мы сильно обморозились и едва остались живы. Старший брат погиб на Ладого в феврале 1942 года – он вывозил документы завода и с машиной провалился под лед. В

мае 1942 года нас эвакуировали по Ладоге на катерах на другой берег и отправили в Кемеровскую область. Там умерла мама, и мы остались без родителей.

Через полтора года мы переехали в Новороссийск, в Абрау-Дюрсо, освобожденный от немцев. Устроились на виноградники. Питались там чем попало, хлеба не видели. Потом младший брат и старшая сестра вернулись на завод ПРМЗ № 3 в городе Пушкине и вызвали нас, трех сестер. Мы стали работать на этом заводе.

Жили в общежитии, размещенном в здании Царскосельского вокзала. Когда построили первый дом от завода, нам дали комнату на пятерых. В 1957 году мы разъехались.

На заводе я проработала до пенсии.

Прохорова Валентина Павловна
Мы скитались по друзьям и родственникам

Отец умер от голода в Ленинграде в 1942 году. Производство, где он трудился, работало на фронт, поэтому его не эвакуировали.

Мы жили в деревянном доме в Невском районе, но потом упала бомба и снесла стену нашего дома. Мы начали скитаться. Где только не жили – и на Старо-Невском, и на Тележной, и на Ткачах. Помню, однажды нас обокрали, когда мы скитались по друзьям и родственникам.

Потом нам выдали квартиру на Коломенской, но в ней вообще ничего не было. Мама рассказывала, улыбаясь, что я сидела и требовала свои граммы пайка, хотя тогда была совсем маленькая. Нам давали сахар по талонам, а мама работала сутками санитаркой, и я по кусочку таскала этот сахар. Так весь его и съела. Ну а что было взять с голодного ребенка? Вспоминаю, как ночами мы с моей теткой стояли в очереди, чтобы отоварить талоны на еду.

Когда военные возвращались с Ладоги, мне вручили букет цветов как самой ответственной, чтобы я их поздравила. И тут я впервые в жизни увидела лошадь. Я чуть ли не под копыта ей кинулась. В итоге военный провез меня буквально метров 5 – 10, после чего, окончательно обомлев, я отдала ему букет.

Руднева Антонина Андреевна
Самая злободневная тема

Антонине Рудневой исполнилось четыре года, когда началась война. Мама погибла от голода, а сама Антонина в 1943 году была эвакуирована вместе с детским домом на Алтай. В 1944 году родственники отца забрали девочку в Крым. Там она окончила курсы медсестер, а после – историко-филологический факультет Крымского педагогического института.

Когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось только четыре года. Но цепкая детская память сохранила многие моменты той страшной жизни.

Семья наша состояла из четырех человек – отца, мамы, меня и младшего братика. Жили мы в Выборгском районе, на улице Кузнечной. Отец в октябре 1941 года был призван в армию.

Дом, в котором мы жили, был деревянным и после первой зимы пошел под снос – надо было чем-то отапливать голодный и холодный город. Мы переехали к бабушке на Международный проспект (теперь это Московский проспект). Было это в мае 1942 года. Не знаю, откуда у мамы брались силы пройти весь город и протащить меня на санках по асфальту (снег к тому времени уже растаял). Помню, что у Московских ворот она обессилела, и санки взяли тянуть две чужие девушки, что шли нам навстречу. Сейчас я говорю им спасибо. Живы ли они или погибли? Кто знает...

Первой темой для разговора в доме на Международном проспекте было: «А что вам выдали на паек?» Тогда это была самая злободневная тема. На всю жизнь у меня во рту остался вкус дуранды и хряпы (из листьев зеленой капусты). Да и это было великое лакомство. Через две недели, в первой половине мая, умер мой брат Володя, которому не исполнилось и двух лет. Втроем – мама, бабушка и я – на руках, пешком, отнесли трупик мальчика, зашитого в байковое одеяло, на Волковское кладбище. Там только успели забросить тельце на машину, загруженную умершими и погибшими ленинградцами, отвезившую тела на Пискаревское кладбище.

После смерти Володи мама вместе с бабушкой стали работать на фабрике «Скороход». Соседи по коммунальной квартире эвакуировались, и я оставалась одна-одинешенька в квартире, а бомбежки и обстрелы были нескончаемыми. Из окон взрывной волной выбило все стекла, стены покрылись трещинами. Помню, как во время артиллерийского обстрела я увидела в окне раненого, истекающего кровью, которого бегом на носилках несли через двор. Было очень страшно.

Моя мама хотела эвакуироваться, но бабушка всю свою жизнь прожила в Ленинграде, проработала на фабрике «Скороход» и часто говорила: «Никуда не поеду, до конца буду в своем родном городе, выживу или погибну на своей земле». Вот так мы и прожили до января 1943 года.

В январе мама простудилась и заболела крупозным воспалением легких, все довершили голод и холод. 25 января 1943 года мамочка умерла в больнице.

Теперь уже бабушка стала бояться оставлять меня в пустой квартире и отдала в приемник-распределитель на улице Седова с последующим переводом в детский дом № 21. Но в приемнике я пробыла только месяц. С диагнозом дистрофия была отправлена в больницу Раухфуса, в которой провела 3 с половиной месяца. В памяти осталось бомбоубежище, заставленное детскими кроватками, в которых мы проводили почти все время. И только 15 июня 1943 года я была выписана из больницы и на следующий день вместе с детским домом № 21 эвакуирована через Ладожское озеро в г. Камень Алтайского края.

Я очень поздно узнала о гибели отца. Он лежал в госпитале, во время артобстрела 27 июля 1943 года произошло прямое попадание в здание, и госпиталь снесло с лица земли. Я узнала об этих деталях лишь в сентябре 1945-го.

В эвакуации я пробыла до конца сентября 1945 года, несколько раз лежала в больнице, сказывались последствия блокады. В сентябре в Ленинград привезли первую партию детей, в которую попала и я.

Моя ленинградская бабушка умерла 16 ноября 1944 года, после снятия блокады. Но она успела списаться с родственниками отца, жившими в Крыму. За мной приехала тетя отца и увезла меня в Крым. С тех пор я живу в Симферополе.

Распопов Альберт Витальевич

Люди съедали весь паек и тут же умирали

Семья Альберта Распопова переехала в Ленинград накануне войны. Отец погиб на фронте. Альберт вспоминает, как на улицах блокадного города лежали трупы с вырезанными кусками и как торговали продуктами, сделанными из человеческого мяса.

Наша семья – мама, папа, две сестры и я – приехала в Ленинград в марте 1941 года. Отец как раз окончил Высшую школу профдвижения. Войну встретили

там же. Отец ушел в ополчение и погиб в августе на подступах к селу Видлица Олонецкого района (где и похоронен в братской могиле).

Я помню, как с самолетов сбрасывали листовки: «...5 и 6 ешьте бобы, а 7 и 8 готовьте себе гробы». (Имелся в виду праздник 7 ноября.) Не ходили трамваи, остановились автобусы, не было света, не отапливались дома. В 41 году с 25 по 29 декабря хлеб не выдавали совсем, так как разбомбили хлебопекарню. 29 декабря отоварили карточки за три дня. Люди не могли удержаться и съедали весь паек и тут же умирали.

Особенно хорошо помню, как грузили в машины мертвых ребят в одном из ГПУ. Трупы были замерзшими, покойников возили на кладбище на санках, а после уже оставляли прямо на снегу. **Видел, как падали и умирали на ходу голодные люди, а к вечеру с них были срезаны все мягкие части тела. Торговали холодцом, пирожками и котлетами из человеческого мяса. В нашей семье до сих пор никто не ест холодец.**

Мы с мамой эвакуировались по Дороге жизни. В автобусы и открытые машины погрузили людей и поехали, лед трещал, колеса погружались в месиво из снега, льда и воды. Почему-то страшно не было – все радовались, что вырвались. А затем погрузили нас в эшелон, состоящий из товарных вагонов с нарами, и 25 суток ехали мы до Свердловска, где жили мамины родственники. Война для нас закончилась именно там...

Руденко Лидия Николаевна
Я бежала, не останавливаясь!

Я с родителями жила в Ленинграде, на Пушкинской улице, дом 10, рядом с Московским вокзалом. Отец – инженер, работал на заводе. Мать – домохозяйка, не работала никогда. В 1941-м мне было 14 лет. Когда началась война, я с мамой была на даче под Москвой. Все мамины родственники жили в Москве и каждый год снимали дачу, и мы с мамой на все лето уезжали к ним. Вскоре после объявления войны мы вернулись в Ленинград. В связи с наступлением немцев папин завод должен был частично эвакуироваться в Свердловск, но мама уезжать отказалась наотрез, она не могла поверить, что в Ленинград могут прийти немцы. А мысль о блокаде никому и в голову не приходила.

Бомбили и обстреливали Ленинград каждый день. Но если бомбежки были, как правило, в определенное время, и можно было к ним как-то подготовиться, то обстрелы начинались внезапно. Никто не знал, когда начало, когда конец. Когда разбомбили Бадаевские склады, народ высыпал на улицу, и все смотрели на языки пламени, не понимая, что этот пожар сулит верную смерть. Начался

голод. У нас пропал кот. Оказалось, что его съел+и соседи. Папа очень сожалел, что это сделали не мы. А я возмущалась, как он мог даже подумать об этом. Нормы на продукты постоянно снижались, не стало газа, воды, света, отопления. У нас отопление было печное, но печку топить перестали. Приобрели маленькую печку-буржуйку, на ней варили и обогревались.

В дровяной сарай, который находился во дворе напротив наших окон, попала фугасная бомба. Она не взорвалась, но стекла вылетели все. Окна занавесили одеялами, стало темно и холодно. Освещение – коптилка. Горел фитилек в каком-то масле. Когда норма хлеба снизилась до 250 граммов для рабочего и 125 граммов для иждивенца, мама устроилась медсестрой в больницу. Мы каждый день с ней шли пешком в эту больницу. Шли долго, транспорт не работал, в больнице мы сидели какое-то время, ничего не делая (то ли больница не работала, то ли маме ничего не поручали, так как медсестра она была никакая), потом шли домой. Так продолжалось месяц. Потом мама по дороге стала падать от слабости. Я поднимала ее и тащила домой. Папа на работу уже не ходил, тоже был очень слаб. Вскоре наши с мамой хождения закончились – мама слегла. Первым в нашей квартире умер от голода пожилой сосед, потом – его жена. Мама умерла 30 января 1942 года. Перед смертью она попросила соседку из квартиры этажом выше, чтобы она взяла меня к себе. Когда мама умерла, мы с соседкой зашили ее в одеяло и перетащили в темную комнату.

Соседка забрала меня к себе. В квартире остались лежать папа и дочка умерших соседей. Я варила у соседки какую-то похлебку и приносила папе. Он лежал, молчал и постоянно плакал. Через три дня после смерти мамы, 3 февраля, папы не стало. Мы с соседкой зашили и его в одеяло и свезли их обоих на санках в больничный двор, откуда трупы увозила машина.

После смерти родителей у меня остались две рабочие карточки на целый месяц, которые я успела получить заранее. Это оказалось большим подспорьем и для меня, и для моих опекунов. Я решила, что при первой возможности уеду из Ленинграда к маминым родственникам. Я прекрасно понимала, что надеяться не на что, и хотела попробовать уехать через эвакупункт, хотя знала, что далеко не всем удастся вырваться из окружения. Но выхода не было. Здесь умрешь наверняка, а там еще была надежда, что выживешь.

Когда наступила весна, я стала ходить в школу. Никаких занятий не было. В классе сидели учительница и несколько учеников. Сидели молча, закутанные кто во что, и ждали, когда позовут есть баланду из дробленых соевых бобов. Потом шли домой. В один из уроков к нам в класс пришла директор школы и

спросила, есть ли у меня родители. Я ответила, что никого нет. Она предложила мне вместе с детским домом уехать из Ленинграда.

В этот же день я поехала на трамвае к тете Тане проститься, но начался артобстрел. Осколок снаряда угодил в дерево прямо рядом со мной. Меня засыпало всю сучьями и ветками. После этого я прыгнула в канавку, легла на землю и заревела. Какая-то тетка, лежавшая рядом со мной, цыкнула на меня: «Не реви, чего панику разводишь!» И я замолчала. Когда обстрел кончился, я побежала домой. На Аничковом мосту было много крови, но я бежала, не останавливаясь, а утром собрала кое-какие вещички в маленький рюкзачок и ушла в детдом. Когда пришла, то детей уже выводили и сажали в грузовые машины. Залезла и я. Как ехали до Ладоги, не помню. Помню, что на озере нас посадили в маленький парходик, загнали в трюм, а сверху заложили железными листами. Пока плыли, слышали, как по железу стучали пули. Немцы строчили из пулеметов, но мы благополучно выбрались на свободу. На этом моя блокадная эпопея закончилась.

Романова Татьяна Давыдовна
И меня украли!

Когда началась блокада, я была ребенком. Мне было всего четыре года.

Всю блокаду я пробыла в Ленинграде. Жили мы на улице Матросова, недалеко от вагоноремонтного завода. Рядом с нашим домом располагалась баня, куда мы ходили мыться. Помнится, однажды мы пошли туда с бабушкой, и меня украли – в те годы это было распространенной историей. Но меня, слава богу, весьма быстро нашли.

Семенова Ольга Георгиевна
Таких людей называли «опухшие»

Первое дыхание приближающейся войны.

Я, Семёнова Ольга Георгиевна, родилась 18 марта 1931 года в г. Ленинграде. Я воспитывалась во второй семье отца, Семёнова Георгия Николаевича, из пяти человек: он сам, его новая жена Семёнова Мария Михайловна и трое детей – я, Полянская Валентина Александровна 1930 года рождения, дочь Марии Михайловны от первого брака, и Семёнов Георгий Георгиевич 1939 года рождения, общий сын отца и Марии Михайловны. Иногда я гостила у моей родной мамы, Семёновой Марфы Васильевны, которая жила отдельно, тоже в Ленинграде.

Семенов Георгий Николаевич и Мария Михайловна

В Ленинграде наша семья жила на Театральной площади, на втором этаже дома 4, в квартире 29. Это дом за консерваторией, если смотреть от Мариинского театра. Номер дома по каналу Грибоедова – 105. Квартира была небольшая, отдельная, двухкомнатная (одна комната проходная). После возвращения из Каунаса в Ленинград отец продолжал работать в организации «Спецгео», помещавшейся на Дворцовой набережной. Наша семья не эвакуировалась и всю войну прожила в Ленинграде. Бомбёжки города, артиллерийские обстрелы, не работавшие водопровод, канализация, отсутствие электричества, городского общественного транспорта, необходимость затемнения окон, необрунные трупы в квартирах, дворах и на улицах, а главное голод – всё это много раз описано в разных статьях и книгах.

Причиной массовых смертей в заблокированном Ленинграде был голод. На продовольствие была введена карточная система. Низкие нормы выдачи продуктов держались так долго, что можно с уверенностью сказать, что люди, жившие только на карточки, все без исключения умерли уже в первую зиму 1941 – 1942 годов. Те, кто выжил, имели какие-то дополнительные источники питания. К выжившим относится наша семья.

Недавно при мне человек, мало знающий о голоде, удивился, что на фотографиях и в кинохронике у многих ленинградцев не исхудавшие, а округленные лица. Этот человек наивно заключил, что не так уж и много было голодных. На самом деле **большая часть голодающих опухает, так как для того, чтобы заглушить голод, они пьют много воды. Другая причина желания пить воду (кипяток) – холод в ленинградских квартирах.**

Возникающая опухлость – болезненная, неприятная на вид, серого цвета. Таких людей так и называли: «опухшие», это было употребительное слово. Взгляд у них обычно был уже безумный. Все знали, что надо воздерживаться от лишнего питья, но не у всех хватало выдержки.

Хочу развеять еще одно недоразумение. Недавно при мне женщина возмущалась «небылицами» о блокадниках. Она была в эвакуации в деревне на Урале.

В эту деревню летом 1942 года привезли женщин, вывезенных через Ладожское озеро из Ленинграда. На вопрос, сколько им выдавали хлеба, эти женщины ответили, что, слава Богу, выдавали килограмм в день (!). Прибывшие из Ленинграда, конечно, имели в виду, что килограмм в день им давали в дороге (в поезде), после того как они пересекли Ладожское озеро, чтобы немного подкормить. Те, кто спрашивал, решили, что столько хлеба люди получали в

самом Ленинграде, и, естественно, возмутились, так как сами килограмма хлеба в день не имели «без всякой блокады».

На самом же деле в ноябре – декабре 1941 года рабочим давали по 250 граммов хлеба в день, остальным, в том числе и детям, – по 125 граммов. С 11 февраля 1942 года нормы были увеличены: рабочим до 500 граммов хлеба в день, детям – до 300 граммов. Нормы на остальные продукты были тоже совершенно мизерные.

Силтанова Ирина Константиновна
Потерпи немножко!

Я родилась в Ленинграде. Когда началась блокада, мне было всего три года, поэтому, наверное, я не испытала весь ужас тех событий. Помню, в комнате, где мы жили с мамой, постоянно было темно, видимо, на окнах висели маскировочные занавески. На улице грохотали разрывы снарядов, мама бегала на крышу тушить зажигалки... Света у нас не было, за водой мама ходила на Неву, оставляя меня с соседкой. Я постоянно хныкала, а мама меня уговаривала: «Ну потерпи немножко, ну потерпи немножко». А терпеть голод было невозможно. Нас спасало то, что мама работала на военном заводе, думаю, пайки там были побольше. Так мы жили до июня 1942 года, потом завод эвакуировали в Ташкент, и нас вместе с ним. Позже мы попали в Азербайджан. Его я и считаю своей родиной, у меня здесь дети, внуки.

Вспоминая ужасы блокадного Ленинграда, думаю лишь об одном – не дай Бог такому повториться! Молодежь должна знать историю своей страны, чтить героев, чтобы больше не было войны.

Сидякина Эльза Филипповна
Взрослеть пришлось очень быстро!

Эльза Сидякина родилась в 1930 году. Перед войной ее отца – моряка дальнего плавания – перевели работать в Ленинградское пароходство. В июле 41-го отец ушел на фронт, а Эльза и ее мать до марта 1943 года жили в осажденном Ленинграде. Эльза Филипповна признается, что фильм «Жила-была девочка» – о жизни в блокадном Ленинграде – это практически ее собственная биография.

Прошло 70 лет, а я до сих пор помню блокаду. День за днем.

Третьего августа 41 года мне исполнилось одиннадцать. Отец – моряк дальнего плавания Ленинградского пароходства – ушел на фронт еще в июле. Мы с мамой жили в квартире, полученной от пароходства, – на Канонерском острове.

Постепенно в доме кончились запасы еды. Наступила холодная зима 41-го. У нас с мамой – две карточки. Моя – детская: 125 грамм хлеба. У мамы – инженера путей сообщения – карточка служащей: 250 грамм. Взрослеть пришлось очень быстро. **До войны я вплоть до второго класса в школу с куклой ходила, а когда вскоре после начала блокады мама слегла – пришлось все хозяйство тянуть на себе. В блокаду вообще дети очень быстро становились стариками. Достаточно было в глаза нам взглянуть – чтобы это почувствовать.**

Помню, как в здании появились огромные крысы. Они чувствовали беспомощность людей – и становились с каждым разом все нахальнее. Ты её, бывает, гонишь, а она на тебя смотрит – и ясно, что совсем не боится. Да и мы их вскоре бояться перестали – страх, как и многие другие чувства, очень быстро притупился.

В доме стояла буржуйка, которую мы топили мебелью. Иногда ночью с Пулковских высот доносились крики «Ура!» – там шли бои. Тогда же мы по звуку научились отличать «опасные» бомбы от «неопасных».

У нас дома жила большая овчарка. Помню её кровавые соски – нечем было кормить новорожденных щенят. Потом щенки умерли от голода, а саму собаку у меня забрали соседи – чтобы съесть. Помню, как они уводят нашу овчарку, а она ковыляет за ними и все время оглядывается...

Однажды меня на улице один дяденька окликнул – он полулежал в снегу и попросил у меня кофе. Я сбегала домой, мама разрешила мне взять для него немного цикория. И я бегу обратно – такая радостная – к этому дедушке. А он уже мертвый лежит, облокотившись на сугроб...

Утром просыпаешься, идешь карточки отоваривать. Потом весь день думаешь о том, как достать еду. Много лежали – чтобы сил набраться. «Мамочка, нам бы еще буханочку хлеба скушать – тогда и умереть...» «Мам, помнишь, какие ты блинчики пекла...» Все разговоры о еде.

Во всех фильмах описывали, как тела умерших на саночках возили. Но ни в одном фильме не показывали трупы, у которых были вырезаны мягкие части. Я эти приметы людоедства видела неоднократно. Особенно в 42 году – это был самый страшный голодный и холодный год.

Потом папа – член партии – прислал письмо своим товарищам по парторганизации Канонерского завода. Секретарь парторганизации – Рахельсон – оказался очень порядочным человеком: он помог мне устроиться в механический цех. Я подметала стружки – и это дало нашей семье главное – рабочую карточку. Это уже 400 грамм хлеба – плюс мамины 250. В то время это казалось настоящим богатством.

А сам хлеб был с бумагой, черный такой... Я помню, как однажды узнала, что на разбомбленном элеваторе можно какие-то продукты достать. Туда надо было три километра идти – и в дороге меня бомбежка застала. Страх уже не было – я доползла и нашла на элеваторе козью шкурку и немного горелой чечевицы. Это тоже нам помогло продержаться какое-то время.

А в марте 1943 года, когда мама и вовсе не поднималась с кровати, Рахельсон снова пришел к нам. Он нам предложил эвакуироваться с одним из заводов, выдал нам необходимые бумаги. Мама собрала какие-то хорошие вещи, остававшиеся дома, – ведь отец до войны плавал и хорошо зарабатывал. И я маму с этим узелком на санках до Финляндского вокзала везла. Три часа лежали на Калинкином мосту – пережидали обстрел. Сейчас сама не понимаю, как сил хватило довести маму и вещи – ведь от нашего дома до Финляндского вокзала дорога тянется почти через весь город.

На переправе через Ладожское озеро, прямо перед нами машина, переполненная людьми, в абсолютной тишине в считанные секунды ушла под воду. Никто крикнуть даже не успел. А как пересекли Дорогу жизни – мне кто-то шоколадку дал. Мама у меня ее отняла – она знала, что нельзя истощенному организму давать такую еду. Очень много эвакуированных блокадников умерло в ту пору – когда их начинали сердобольные люди жирными супами кормить.

Потом – товарные вагоны, дорога на Кубань. В вагоне – тридцать человек. На Кубани на станции Ея нас расселили по семьям. Хозяйка дома, узнав, что у мамы в свертке были ценные вещи, договорилась с соседкой, чтобы задушить маму во сне. Мы случайно подслушали эти разговоры, и я бросилась к военным уговаривать взять нас с собой. Мне повезло – удалось в тот же день уговорить отступавшие войска забрать нас с собой.

Потом была Махачкала, затем – Татарстан, станция Нурлад. А там нас уже нашел отец. Я его сразу и не узнала... Он забрал нас сперва в Москву, а затем – в Ленинград. Затем папа снова ушел на фронт, а мы стали быт налаживать. Шел 1944 год.

Из моих родных блокаду не пережила бабушка – мама отца. На войне погибли и оба папиных брата. Один брат – Павел – спас судно ценой своей жизни. Он работал электриком на заводе. Когда в одном из доков загорелось горючее, он своим телом закрыл отверстие. Взрыв удалось предотвратить, но сам дядя Павел спустя девять дней умер от ожогов. А второй брат отца – сгорел в танке подо Львовом. Вот потому и не могу до сих пор без слез смотреть никакую документальную хронику о тех событиях... Что тут говорить...

Семенова Зоя Матвеевна
Немцы были совсем рядом!

Я, Семенова (Миняева) Зоя Матвеевна, 1932 года рождения, до меня и моей семьи война дошла в начале осени 1941 года, мне тогда было 9 лет, семья наша состояла из 5-ти человек, еще была старшая сестра, которая жила отдельно со своей семьей. Жили мы в деревне Толмачи у Пулковских высот, наша деревня была на горе, а поодаль под горой был авиагородок и аэродром. Теперь такой деревни нет на карте. Я это вспоминаю так: мы сидим в подвале нашего дома, потому что началась бомбежка аэродрома. Старший брат Коля (19 лет) вышел посмотреть, что происходит вокруг, в этот момент его ранило в кисть правой руки осколком, отец на телеге повез брата в медчасть в город, и мы остались дома втроем – мама, сестра Таня и я. И опять вспоминаю, что мы в подвале, вдруг кто-то кричит, чтобы мы выбирались наверх, потому что вокруг все горело – в соседний дом попала зажигательная бомба, загорелись все деревянные постройки. **Недалеко от дома была вырыта линия окопов, мы туда поползли, идти было невозможно, потому что самолеты летали очень низко и обстреливали всех. Вокруг кричал домашний скот, от чего становилось еще страшнее. Сколько мы там прятались, сказать не могу, помню, что нас подкармливали наши солдаты и говорили, что надо уходить в город, потому что немцы уже были на Пулковских высотах, совсем рядом.**

Отец приехал на телеге и забрал нас. Как он до нас добрался, представить не могу, потому что опять в памяти дорога, лошадь идет по дороге, а мы ползем по канавам, а с самолетов обстреливали и днем и ночью. Пришлось от Толмачей ползти до Пулково, а потом до Средней Рогатки. Всю дорогу было страшно, потому что шум моторов, стрельба и ужасный крик животных – кричали коровы, лошади, коров не доили, многие были ранены.

Какое-то время мы жили на Средней Рогатке, потом к нам пришла старшая сестра с двумя детьми из Пулково, нам опять сказали, что надо уходить, и мы переехали жить в город. Сначала мы жили на углу Гороховой улицы и переулка Ильича, потом переехали на Гороховую улицу. Почему нас так по разным

адресам мотало за такой короткий период времени, могу только догадываться – мала была, а потом весь этот ужас и хаос на меня, маленькую девочку, так давил, что в памяти только обрывки воспоминаний остались, иногда бессвязные. Лошадь, на которой нас отец привез, пришлось заколоть, кормить ее было нечем, помогала отцу пара знакомых – сегодня вечером они ее закололи, а на следующий день туша пропала, нам ничего не перепало.

Помню, как отец приносил нам плитки дуранды, ее мы ели сухую, и мама кашу варила – это прессованные жмыхи зерновых. Потом и эти жмыхи закончились. Папе удалось устроиться работать на хлебозавод, домой приезжать ему удавалось редко, поэтому корки, которые там перепали, домой возил старший брат. У отца на заводе он ел горячие корки хлеба, а пока ехал до дому, ел корки холодные и сухие, а они лежали в пыльных мешках. Поэтому у него случился заворот кишок и брат умер – приехал домой, начались страшные колики, он дня два мучился и умер у нас на глазах. Когда папе удалось прийти домой, и он узнал о смерти единственного сына, у него случился сердечный приступ – папа умер. Это все произошло за два дня. Пришла старшая сестра со знакомой, зашили их в одеяла и на фанере отвезли на угол Звенигородской и Загородного, где раньше были склады.

Остались мы втроем – мама, сестра Таня и я – совсем беспомощные. Управдом переселил в комнату поменьше, чтобы было проще согреться. За водой мы с сестрой ходили на Фонтанку, там всегда к проруби была очередь. Ходили выкупать по карточкам продукты, стояли в очередях, а потом по дороге домой я кричала своей старшей сестре: «Отдай мою порцию!» Она давала мне щепотку, я ела сухую крупу. Спали мы на одной кровати – я в середине, а мама и Таня по краям.

Самое страшное случилось весной, где-то в марте 1942 года. **Спать мы легли втроем, а проснулись я и Таня. Таня стала будить маму, а мамы уже не было. Таня пошла к старшей сестре, привела ее, все повторилось – зашили маму в одеяло и отвезли на склады туда же, куда зимой в начале года отвезли отца и брата.** Старшая сестра Таню – ей было 14 лет – устроила в ФЗУ, а меня в детский дом. Остаток весны и все лето мы были в городе, эвакуировали нас поздней осенью. Как я провела эти полгода после смерти матери, не помню, видимо, очень сильное эмоциональное потрясение пережила. Зато помню момент, как нас эвакуировали. Почему-то вспоминается, что я была в панаме, вывозили нас по Ладоге на пароходах, а кругом взрослые говорили, что грузовики тонут, те, которые пытались по льду по краю Ладоги выбраться. В эвакуации мы жили в Ярославской области до конца войны. Туда мне пришло письмо от старшей сестры, что Таня погибла. Ее отпустили летом 1943 года

навещать родственников. Когда она возвращалась обратно, началась бомбежка. Она ехала в трамвае по набережной мимо Технологки, когда ей в голову попал осколок. Опознали ее девчонки, с которыми она училась и работала, по носочкам, которыми она была поощрена на фабрике за хорошую работу.

Сухта Маргарита Константиновна **Дети войны быстро выросли**

Семья шестилетней Маргариты переехала в Ленинград за месяц до начала блокады. В январе 1942 года от дистрофии умер ее отец. В ноябре 1943-го Маргариту эвакуировали в Архангельск. Ее личная история блокады растянулась на долгих 830 дней.

Война началась, когда мне было шесть с половиной лет. Застала она нас с мамой под Ленинградом, в местечке Халила, куда мы с ней приехали на лето.

Начались страшные и тяжелые дни. Нужно было как можно скорее добраться до Ленинграда – домой, а это оказалось непросто. Дорога была забита транспортом. Две ночи нам вместе с другими беженцами пришлось ночевать в школе прямо на полу. Я, будучи еще совсем ребенком, не могла понять, что происходит, но одно уяснила: произошло что-то очень плохое и страшное, раз взрослые тети плачут. На исходе вторых суток в школе нас отыскал отец, и с его помощью мы добрались до Ленинграда. Это был конец августа 1941 года.

8 сентября 1941 года город был взят в кольцо, и началась жуткая жизнь в блокадном Ленинграде. Хорошо запомнились окна, заклеенные полосками бумаги, которые на ночь наглухо завешивались. Света не было, пользовались самодельными коптилками. Все время приходилось быть одетыми, так как отопление было отключено. Уходя на работу, мама усаживала меня на кровать, обкладывала подушками и одеялами. Дети войны быстро выросли. Я уже не капризничала и тихо сидела в кровати до прихода матери.

Город бомбили. Утром и днем артобстрел, вечером и ночью бомбежка. Мама и сестра отца по вечерам уходили на дежурство на чердак. Голод, холод, взрывы – вот детские воспоминания. Видимо, поэтому я и сейчас ужасно боюсь раскатов грома во время грозы. Вечерами взрослые, собираясь у нас на кухне, все время говорили, кто из соседей умер.

А 22 января 1942 года от голода умер мой отец. Умирал у меня на глазах, мама плакала. Потом его завернули в простыню и одеяло и увезли. В свидетельстве о смерти написано: умер от дистрофии, 34 года. Он похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище. Помню, как вслед за отцом так же обряжали

соседскую девочку Галочку двух лет. Потом ушел из жизни Галочкин отец, дядя Вася.

Помню такой эпизод: к нам зашел солдат и попросил у мамы ведро, назвав ее бабушкой. Мама расплакалась и спросила у солдата, сколько ему лет. Он ответил: 30 лет, а мама ему сказала: «А мне только 34 года». Тогда я не очень поняла, что все это значило. А позже дошло: мать выглядела совсем как старуха.

После смерти отца мама и тетка решили отвезти меня в больницу, так как не на шутку разболелась моя больная нога. Я не могла ходить, а они очень боялись, что если умрут, то я останусь совершенно одна в пустой квартире. Укутав меня, посадили на санки и отвезли в больницу на Светлановском проспекте, 5. Тащили очень долго, через весь город. В больнице не захотели принимать, потому что детей вот-вот должны были эвакуировать. Родные оставили меня вместе с санками на крыльце больницы, а сами спрятались. Через какое-то время я, голодная и порядком замерзшая, подняла крик. Вышли врачи в белых халатах, повозмущались, но меня забрали.

Я пролежала в больнице до 10 ноября 1943 года. Чем нас кормили и лечили – я не помню. Но хорошо отложилось в памяти, как каждое утро мы всегда задавали один и тот же вопрос: «Сегодня за нами прилетит самолет и нас увезут из города?» Мы хоть и были детьми, но, совсем как взрослые, все понимали и молча переносили страдания.

Мама уже еле ходила, когда на три дня приехал с фронта ее родной брат и заставил эвакуироваться. Сам оформил все документы. Сестра отца, моя тетя, категорически отказалась уехать. Она умерла в пустой квартире, ее обнаружили соседи. Мамина сестра пропала: пошла на работу, до работы не дошла, домой не вернулась. Видимо, попала под бомбежку или упала от голода, умерла и оказалась в общей могиле.

В ноябре 1943 года меня вывезли из Ленинграда в Архангельск, к матери. Так мы с ней остались в живых. Моя блокада продлилась 830 дней и ночей.

Сепселева Вера Макаровна

На моих глазах умерла младшая сестричка

Я, Сепселева Вера Макаровна (в девичестве Хмаренкова), родилась в Ленинграде 03.09.1936 г. Там я ходила в детсад. Когда началась блокада, детей рабочих и служащих хотели вывезти из города. Помню, посадили нас, детей, в поезд и повезли. Ехали, ехали... Потом остановка. Помню, лес кругом, дома

небольшие, красиво и необычно. Вдруг началась стрельба, бомбежка. И нас повезли обратно в Ленинград. Ну а потом все шло своим чередом: бомбежки, артобстрелы, голод, холод... На наших глазах умерла младшая сестричка Люба. Мы очень плакали. Мама завернула Любу в простынку и на саночках повезла на кладбище.

В июле 1942 года (мне прислали справку) нас эвакуировали на Кубань. Мы были опухшие, казалось, не выдержим больше. Мама варила только суп из хлебного пайка. Это все, что я помню. А на Кубани мама принесла один раз морковку!!! Без слез вспоминать это до сих пор не получается. Не дай боже больше такого никому и никогда пережить. Папы не стало в 1943 году, а мама умерла в 1945 году. Меня отдали в детский дом, а в первый класс пошла в 1945 году. Вот такие краткие воспоминания из моего детства.

Севастьянов Степан Захарович

Страницы из дневника ленинградца за 1942 год

Севастьянов Степан Захарович перенес блокаду, участник прокладки электрокабеля по дну Ладожского озера. В блокаду работал учителем. Умер после войны.

«4 января

Выпал густой снег. Ходил обедать на Охту по маршруту: Лиговка – Московский вокзал – Старо-Невский – проспект Бакунина – через Неву – Мариинская улица.

В первом часу немцы стали обстреливать город из дальнобойных орудий – район Московского вокзала.

5 января

Ходил в столовую, но ничего не получил (нет воды). Прикрепился к столовой по месту жительства – Кузнечный переулок.

6 января

В третьем часу немец начал обстреливать город из дальнобойных орудий. Один снаряд попал в железнодорожный магазин (Чубаров переулок, сейчас

Транспортный), второй – рядом, в столовую. Убит извозчик на углу Чубарова переулка и Предтеченской улицы. Пришлось спуститься в подвал дома. Много снарядов летело через голову куда-то на Петроградскую сторону, к Смольному.

7 января

Обедал в новой столовой на углу Кузнечного переулка и Загородного. Съел тарелку щей с белой капустой. В два часа немец начал обстрел города. Снаряды летели куда-то на Петроградскую сторону.

10 января

В столовой был суп – вода с мучной мутью и каша из очень колючих отрубей. Суп и две каши – 42 копейки.

Счастлив тот человек, который живет полной семейной жизнью при детях. Когда человек имеет возможность творчески трудиться, с интересом работать, с пользой для общества и для себя. Когда в труде и семейной жизни человек борется за лучшее будущее. Когда человек честный. В этом полнота и счастье жизни.

11 января

Морозно – 20 градусов. Около столовой очередь. Внутри столовой очередь. Отпуск, подача – около часа. Был суп – вода с примесью муки. 2 тарелки – 36 копеек. Радио не работает. Света нет.

12 января

На улице очень холодно – 20 градусов. Натопил печь, а в комнате всего + 3. В столовой еле достал тарелку супа. Суп – вода с примесью муки. Одна тарелка – 14 копеек. В столовой нет воды. Воду носят ведрами откуда-то. Нет света. Водопровод замерз. Радио молчит. В магазине на ул. Разъезжей, где я прикреплен, несколько буханок хлеба. Трамвайные вагоны, полузанесенные снегом, вот уже 10 дней стоят на ул. Марата, на СтароНевском. Принес хлеб –

400 г за два дня. Трудно удержаться, чтобы не съесть сегодня завтрашнюю порцию. Удивительно вкусным кажется хлеб.

13 января

Тихий безоблачный день. На улице –22. В столовой один суп без масла. 2 тарелки – 18 копеек. В булочной хлеба нет. По улице снуют люди с ведрами, чайниками в поисках воды. Говорят, что Красная армия заняла Мгу. Радио молчит.

14 января

В столовой был суп из отрубей без масла. 2 тарелки – 20 коп. На улице холодно, слегка облачно. В булочной хлеба нет, обещают вечером. Хлеб достал на Старо-Невском в 8-м часу вчера. Очень досадно, что молчит радио. В стороне Колпина слышна орудийная стрельба. Вытопил печь, а в комнате +3 тепла.

15 января

На улице слегка падает снег, температура за окном –10, а в комнате + 1. До 3 часов столовая была закрыта – нет дров и воды. Ходил на Невский проспект. Магазины почти все закрыты. „Пассаж“ тоже закрыт, нет света. В ДЛТ торгует один второй этаж. Купил пакет фотобумаги. Увидел разрушения за последнее время. Разрушен фасад дома по Невскому против Сергиевского дворца и Фонтанки. Разрушен фасад дома против Дома книги. „Гостиный Двор“.

Видел, как на салазках везли 4 – 5 трупов без гробов, кто-то вез и бросил на панели. По улицам то и дело встречаются люди, которые везут покойников на салазках, без гробов, закутанных в старые одеяла.

Столовая № 31, где я обедаю, главным образом, для учителей. Педагоги, особенно мужчины, еле ноги передвигают. На обратном пути в 5 часов вечера достал тарелку супа без масла. 1 тарелка – 9 копеек. У Кузнечного рынка возникла толкучка – граждане все свои крепдешины вынесли на толкучку. Меняют на дуранду, хлеб и т. п.

16 января

За окном –13. Сумрачный день. Хлеб достал при небольшой очереди, а супа нет. У ворот нашего дома на Коломенской только что свалился проходивший подросток лет 18 с котелком на ремне, упал и умер. В доме появилось воровство дров. В магазине только соль.

А писем все нет и нет от моих дорогих.

В 21 час 15 минут неуверенно заговорило радио. Поставил в печь пол маленькой кастрюли супа. На столе горит коптилка.

Прочитал несколько страниц химии Меншуткина. Повторил органическую химию – понятие о белках, жирах, углеводах. Перечитал „Вестник знания“ за 1926 – 27 год.

17 января

Ходил в школу. На улице –15. Умер учитель Н. Аникин, и около месяца назад умер учитель А. Г. Чернышев. Перерегистрировал продовольственную карточку. Получил на завтра 200 гр. хлеба. Хлеб хороший – трудно удержаться, чтобы не съесть. Ночью и днем изредка громыхали орудийные выстрелы. Радио молчит. Все учителя школы неузнаваемо похудели, а Аксютин опухла, совсем не узнать.

18 января

В 7 часов 45 минут утра заговорило радио на полчаса для последних известий. Увидел в форточку горящую крышу 7-этажного дома на Глазовой, 2. За окном – 13,5. В стороне Колпина весь день орудийные обстрелы, обыватели говорят, что с 21 января будет увеличена норма продуктов питания и хлеба.

20 января

С 7 часов радио не работает. За окном –25. Ветер и ясно. В столовой мучной суп и биток величиной с пуговку от пальто. 2 тарелки супа и биток – 78 копеек. В булочной получил очень хороший хлеб – полубелый. Очень хочется вволю

покушать хлеба. Хотя бы скорее прибавили хлеба, 200 гр. Мало. Радио не работает. В городе все уличные часы остановились.

21 января

С утра заговорило радио. Умывался одним глотком воды. За окном – 20. Тихо. В столовой один суп – соленая вода, 2 кусочка огурца и несколько зерен ржи, без масла. 2 тарелки – 24 копейки. Говорят, якобы по радио передавали, что с 22 – 23 января будет увеличена норма хлеба для служащих до 400 гр. в день. Это было бы хорошо! Достал на ул. Марата 2 ведра и 2 чайника воды.

22 января

В комнате +3, а на улице –12,5. Падает снег. В учительской столовой супа нет. Достал суп на углу Дегтярного и Невского по второму пропуску, 2 тарелки – 22 копейки. Дом на Лиговке все горит. Также наполовину сгорел 5-этажный дом на Пушкинской у памятника, налево к Невскому. Хлеб 200 гр. съел черствый, но вкусный.

23 января

За окном – 21С. Стрельбы не слышно. Получил вместо сахара 100 гр. конфет, 9 конфет уже съел. Масла на месяц 35 гр. Сварил домашний суп – ложку фасоли, ложку гороху, ложку вермишели, щепотку перца.

24 января

В комнате + 2С, а за окном – 30С. Всю ночь слышались взрывы. С сегодняшнего дня служащие получают 300 гр. хлеба, а иждивенцы 250 гр. в день. Посредине Коломенской открыт водопроводный люк. Люди оттуда черпают воду. Вокруг люка – ледяная гора. Глазова и подъезд нашего дома залит толстым слоем льда. Радио не работает. Мороз трескучий.

25 января

В комнате – 1С, за окном – 20С. В столовой пшенная каша (по 5 столовых ложек). Супа нет, так как нет воды. Повара работают при лучинах, в столовой темно. На Коломенской, где вчера брали воду, сегодня воды нет. Люди рубят лед, кладут в ведра. В другом месте в ведра кладут снег.

26 января

В комнате – 1С, а за окном – 21С. Был в 2-х столовых, ничего нет, так как нет воды. В булочных пусто. На Лиговке пожарные накачивают в хлебозавод воду. Люди черпают разлитую воду на мостовой. Ночь темная, только светит луна. Люди проходят от магазина к магазину. У двери нашего ЖАКТа (жилищно-арендное кооперативное товарищество) лежит без сапог покойник. Блокада – тяжелое явление!

27 января

Мой семейный праздник (14-летие семейной жизни). В комнате – 1С, а за окном – 20С, безоблачный солнечный день. У булочной громадная очередь, от хлебозавода до Губарева. В столовой 2 тарелки супа с несколькими горошинами – 16 копеек. Над городом гроыхание орудий. Руки мерзнут – трудно писать. Лучше умирать в комнате, чем замерзнуть на улице, стоя за хлебом.

28 января

В комнате + 1/2 С, на улице – 23. В столовой получил столовую ложку гороховой каши-пюре, 60 гр. Супа нет. За хлебом громадные очереди. На улице то и дело попадаются покойники без гробов. В столовой одна гражданка свалилась, не может идти. На углу Лиговки и Губарева горит дом. Становится жутко. С трудом вечером достал вместо хлеба муки 65% помола. Голодные люди теряют совесть, в очереди грубость, нахальство. Один гражданин сел на мостовую, жует хлеб, нет сил идти дальше. На дворе все растут желтые ледяные горы помоев. Что будет весной?

29 января

В комнате – 1С, за окном – 13С. Падает снег. Ночью, особенно под утро грохотали орудия. Иногда сплошной гул. На Б. Московской почти у Кузнечного видел человеческий труп – без ног, без рук.

По-видимому, конечности пошли на студень. Сварил суп – ложку пшена, несколько грибов, ложку ржаной муки. Суп хороший. Очень вкусно.

30 января

В комнате – 1С, а за окном – 13С. Отправляюсь за карточками на февраль, на Глазовской лежат два трупа – мужчин. Только вышел на Лиговку, повезли на салазках два полураздетых трупа, далее у Свечного навстречу покойник в гробу и труп ребенка без гроба.

В столовой суп гороховый 1 тарелка – 10 копеек. По проспекту Бакунина сплошное шествие на Неву и обратно с ведрами, чайниками, кастрюлями. На проспекте Бакунина получил хлеб на 2 дня. Наслушался ужасов – вымирают целыми семьями. Говорит одна женщина (по-видимому, учительница): „Он умер 16 января, а она позавчера, лежит, некому хоронить. Сын в Красной армии, ранен, лежит на Васильевском острове в военном госпитале. Давали 50 рублей, чтобы сходить к нему и сообщить о смерти родителей“.

Такова действительность на сегодня. Ночью и весь день арт. стрельба.

1 февраля

Воскресенье, вот и февраль. Время идет к весне. В комнате + 1С, за окном – 11С. Утром над городом гудели самолеты. Радио не работает. Сходил в школу, получил продовольственные карточки. На Охте съел тарелку супа (вода + рожь). На обратном пути получил хлеб на два дня. Весь день редкая орудийная стрельба.

2 февраля

Кругом почти полная тишина, словно и людей в доме нет. В столовой получил биток – 96 копеек. Супа нет, так как нет воды. Битки в столовой жарили

старыми книгами. Погода сегодня очень хорошая, а кушать хочется, ноги стали плохо ходить. Вчера и сегодня за хлебом нет очереди.

4 февраля

В комнате + 2,5С (за окном – 15С). День солнечный.

На Коломенской горит школа и дом, прилегающий к ней со стороны Кузнечного.

6 февраля

Кругом тихо, в комнате + 2,5С, за окном – 17С. В магазине получил 150 гр. сливочного масла (25 рублей), 300 гр. хлеба – очень вкусный. Говорят, что с 8 февраля будет прибавка на хлеб.

7 февраля

Около двух часов дня началась частая стрельба из орудий. Длилась минут 15. В булочной получил 300 гр. хлеба. Очень чистый, ржаной и вкусный, но мало. Трудно удержаться, чтобы не съесть его сразу.

8 февраля

В комнате + 2,5С, за окном – 11С.

Ходил в школу. Получил пропуск в столовую на Старо-Невском, 13 (На Мал. Московской лежит труп мужчины лет 30. Купил „Ленинградскую правду“ и „Правду московскую“. В столовой довольно удачно получил половину сосиски (50 гр.) и суп гороховый.

9 февраля

В комнате + 2С, за окном – 8,5С. В воздухе летят снежинки.

У вокзала на Лиговке проехал грузовик с трупами. Трупы навалены как дрова – горой. Принес воды ведро и чайник с улицы Марата. Из рук детей и женщин карточки на продукты вырывают на глазах людей. Хлеб без очереди и очень вкусный.

11 февраля

В комнате потеплело + 3С, за окном – 8С. С сегодняшнего дня норма хлеба 400 гр. Впервые в столовой нормально пообедал: суп перловый, каша, гуляш. Три блюда! Ура! Мы живем!!

С 11 февраля в столовой за суп вырезают талонов 12 1/2 гр, вместо 50 гр. Получил мягкий ржаной хлеб, но аппетит такой, что съел бы за один присест.

12 февраля

В четвертом часу дня за окном – 7С. Тихо, словно и войны нет. В семь часов вечера в комнате + 6С, а печь топил слабее обычного. Живем! Дровяные сараи на дворе сломали. У меня кто-то взял дров 2 – 3 раза. Продолжаю читать учебник химии.

14 февраля

Тихо, пасмурно. В 12 часов за окном – 5С, в комнате + 3С. В столовой получил суп перлово-гороховый. Каша гречневая (50 гр.). Сардельки 100 гр. за 2 руб. 10 коп. На обратном пути навстречу везли покойников. Приспособился варить суп в большой кастрюле. В стороне Московского вокзала частое орудийное громыхание. Радио не работает.

15 февраля

Ночью громыхали орудия, в 10 часов 15 минут утра начало стучать радио, в 11 часов слушал последние известия. Был у Дементьевых на Охте. Когда шел обратно, в районе Колпина, Детского Села идет бой, непрерывная орудийная стрельба, даже хорошо слышна пулеметная и орудийная стрельба. От

Агафоновской улицы до американского моста видел три трупа, кто-то не довез до места.

20 февраля

Ночь прошла спокойно. В комнате + 4С, за окном – 7,5С.

В столовой получил суп – лапша, биток (25 гр.) Появилась близко вода, на Глазовой, 4. Из подвала выведена труба с краном. Довольно болтаться ведрами среди улицы. Сегодня впервые за всю зиму убрана лестница.

22 февраля

В комнате + 3,5С, за окном – 10С. Тихо, безоблачно. Во втором часу немец начал обстрел. Снаряды падали где-то в стороне Сенной и Васильевского острова. Покойники стали реже попадаться на улице. По радио объявлено о выдаче за февраль: 100 гр. масла, 150 гр. сухих овощей, крупы 350 гр.

1 марта

Вот и весна наступила! Ночью раздавались отдельные орудийные выстрелы, а в 6 часов и в 9 часов радио объявило об обстреле нашего района немцами. Пообедал хорошо: 2 супа и 2 каши (80 г). На улице ветер со снегом.

5 марта

В комнате + 2,5С, за окном – 19С. Безоблачно. Удачная находка: убирая паутину на печке, нашел 2 белых сухарика (дети когда-то забросили). Съел их с большим аппетитом. Объявлено по радио о выдаче за март (служащим): мяса 200 гр., сахару 250 гр., сухих фруктов 100 гр.

23 марта

Впервые по-настоящему тает снег. Получил 250 гр. песку. Купил учебник химии.

27 марта

Объявлено о мобилизации трудоспособных мужчин до 60 лет и женщин до 55 лет на работы по уборке дворов, улиц с 28 марта по 8 апреля. Объявлено о дополнительной выдаче (служащим) крупы 300 грамм.

28 апреля

Солнечное утро. Ночь была спокойной, в комнате + 8С, за окном + 6С (в тени). Впервые с октября месяца 1941 года был в бане (Курские бани). Вымылся, хоть в бане и не жарко, и с водой плохо, но все же вымылся. Очень уж я похудел – ноги и руки как палки. Ходить трудно, боль в суставах и сухожилиях.

С 1 часу до 2-х была воздушная тревога. В магазине получил 110 гр. масла, 150 гр. песку, 150 гр. конфет, 25 гр. чаю.

30 апреля

Лунная ночь, а в стороне Пулково, Детское Село идет бой. Слышны пулеметы, грохот орудий, мин. Жутко!

Яркое солнечное утро. Получил мяса – солонину и 1,5 литра пива. В столовой хороший обед: суп, котлета (50 гр.) с хреном и 20 гр. макарон, каша гречневая 220 гр., впервые стакан клюквенного киселя! Ноги словно меньше стали болеть.

9 мая

Ночь прошла спокойно. В комнате тепло + 8,5 С. В магазине получил 150 гр. сахару и 150 гр. шоколада. Счастливый тот, кто может пить чай сладкий и с хлебом. Выпил 2 чашки сладкого чая вприкуску с шоколадом. Так вкусно! Вчера один немецкий снаряд попал в кинотеатр „Молот“, совсем рядом от меня.

11 мая

Почти всю ночь слышались орудийные взрывы. Между 3 – 4 часами утра был обстрел нашего района. Взрывы слышались где-то недалеко. Во время одного из обстрелов снаряды падали на Коломенской, один из снарядов упал в кинотеатр „Молот“.

18 мая

Утро спокойное, облачность, весенний теплый день. Температура в комнате + 15С, на улице + 18С. С 12 мая наши наступают на харьковском направлении. В 6 часов сильные взрывы снарядов нарушили тишину. Начали обстрел нашего района.

28 мая

Ночью была воздушная тревога, грохотали зенитки. Утро солнечное, в комнате + 14С и за окном + 14С. Всех учителей 135-й школы перевели в 145-ю школу на Охте. Решил перевестись во Фрунзенский р-н по месту жительства. В столовой получил 2 супа (гороховый), 2 котлеты с гарниром из овсяной каши. Второй раз ходил в баню (Воронежские).

30 мая

В РОНО получил направление в 129-ю школу (Пискаревка) на должность заместителя директора. Там районные огороды школьников.

10 июня

Во второй половине дня ходил в 129-ю школу. День солнечный, в поле поют жаворонки, цветет черемуха. В столовой совхоза получил 2 супа (молочный), кашу пшеничную и картофель. Обед хороший, жаль, что нельзя так каждый день.

23 июня

День солнечной, редкие высокие облака, Трудно ходить, болит левая нога, вообще слабость. В девятом часу ходил на школьной огород, где имеется и моя грядка. Сел на лугу у грядки и начал срывать дикий клевер (листья) и тут же кушать. С аппетитом поел листья одуванчика и лебеды, щавель редко попадался.

5 июля

Ночевал в школе. Ночь прошла спокойно. В школе суп (400 гр.), каша (60 гр.), хлеб (100 гр.). Сегодня год как я расстался со своей дорогой семьей. Хочется их видеть! Ночью громыхали зенитки. Обстреливалась Нарвская застава. Разбито 2 трамвайных вагона. У Финляндского вокзала много уезжающих. Эвакуируются почти каждый день и много.

10 июля

Пятница. Ночь прошла спокойно, чувствую, что крепости в ногах прибавилось. Сегодня смог впервые присесть на корточки без палки. В столовой съел суп рассольник (удовлетворительный), котлету и картофельные битки. Сегодня взвешивался на школьных весах – 63 кг, а 2 июня было 60 кг. Прибавляюсь в весе.

Живем!»

Воспоминания прислал Синюрин Александр Александрович

Степанова Любовь Ивановна

Дежурила на крышах, тушила бомбы

В декабре 2003 года бабушка умерла. Перед самой войной она с семьей перебралась в город из деревни, которую немцы потом сожгли. Бабушка не любила рассказывать о времени, проведенном в блокадном Ленинграде. Практически любые воспоминания о блокаде заканчивались у нее слезами, поэтому с ее слов мы о том страшном времени знали не много. Работала, дежурила на крышах, тушила зажигательные бомбы. Так же как все голодала, ходила за водой на Неву. В самом конце блокады она со своей мамой была эвакуирована. В эвакуации мама бабушки умерла, а сама бабушка осела в г.

Энгельсе Саратовской области, где и прожила до самой смерти. На всю жизнь сохранила она трепетное отношение к еде, и особенно – к хлебу. Из еды не делалось культа, но бабуля всегда следила за тем, чтобы внуки хорошо кушали; ей всегда казалось, что мы вдруг да остались голодными, хотя сама, по той еще блокадной привычке, никогда много не ела. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда». За многолетнее донорство знаком «Почетный донор».

Седачева Людмила Ивановна
Кировский завод превратился в крепость

Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград – город русской славы, невская твердыня, город-Герой. Город, основанный Петром I на болотах Невы, красивейший в мире, Северная Венеция... Это моя родина и родина моих предков: матери, деда, прадеда.

В разных районах Ленинграда перед Великой Отечественной войной у нас было много родственников. После блокады почти никого не осталось. Одни погибли на рубежах обороны, защищая Ленинград, другие умерли от голода и холода и навсегда остались лежать в ленинградской земле. Осталась Память. Она у меня в сердце и на этих скромных листках.

«Это время навсегда ушло от нас и навсегда осталось с нами...» Б. Лавренев.

Есть даты и события в жизни любого человека, которые невозможно забыть сколько бы лет ни прошло. У меня это – блокада Ленинграда. Последнее время память все чаще возвращает меня в те героические, но одновременно страшные и трагические дни. «Боевое крещение». Великая Отечественная война. 1941 год. От Балтики до Черного моря гремят ожесточенные бои. Не с севера, как ожидали, а с юго-запада двигалась на Ленинград главная опасность. Уже в начале июля по решению Государственного Комитета обороны тысячи рабочих, инженеров, техников Кировского завода выехали в Свердловск, где создавался завод танковых моторов, и в Челябинск, где выросла прославившийся впоследствии Танкоград. Выезжали научно-исследовательские и проектные организации, театры. Эвакуировались художественные сокровища Эрмитажа, Русского музея, пригородных дворцов. Увозили из Ленинграда в глубь страны все самое ценное и, конечно, детей.

В одном из эшелонов вместе со своим детским садом отправились и мы с сестрой Риммой. 15 вагонов, забитых детьми, а впереди хозяйственный вагон с нашими вещами. Немцы рвались к Москве, Ленинграду, и железнодорожные перевозки становились объектами для нападения фашистских стервятников. Так получилось и с нами. Я хорошо помню, как **по пути следования вдруг**

загудели вражеские самолеты, и на полном ходу резко остановился поезд так, что мы попадали со своих мест. Разрывы бомб. Пламя. Выбегаем из вагона – кругом пожар, крики людей. Ребята и взрослые выпрыгивают из горящих вагонов. Низко над головой пролетают фашистские самолеты, сбрасывая бомбы и расстреливая бегущих к лесу людей. Мы с сестрой споткнулись о какое-то бревно и скатились в яму около полотна железной дороги прямо лицом в землю. Так и лежали, закрыв уши руками. Когда бомбежка прекратилась, оставшиеся в живых взрослые стали собирать детей. Мы поднялись и увидели страшную картину: огонь, дым, трупы людей, вместо вагонов искореженный металл, а на путях стоит один наш вагон, из разбитых окон которого вырываются языки пламени. К счастью, воспитательница нашей группы была жива. Мы подбежали к ней и вместе с другими детьми направились в сторону леса.

Шли по бездорожью, пробираясь между деревьями и кустарниками довольно долго, пытаюсь на ходу рвать и есть лесные ягоды (другой еды и питья не было). Поздно вечером грязные, усталые мы подошли к большой двухэтажной даче. Она была пуста. Воспитательница завела нас в дом, и мы с сестрой буквально повалились на пол около окна, постелив под себя одно пальто, другое накинули сверху. Под головы положили свои фетровые шапочки и уснули. Пока мы отдыхали, взрослые успели связаться с местным населением и зарегистрироваться на железнодорожной станции. Утром жители ближайших деревень разобрали нас по домам, приютили, обогрели, накормили.

Когда в Ленинграде узнали о случившемся, сотни родителей ринулись искать своих детей, среди них была и наша мама. Она садилась в поезд, проезжала остановку и бежала читать регистрационные списки, не найдя нас, ехала дальше. Поиски продолжались долго, но увенчались успехом. Радостные и счастливые от встречи с родной мамой, мы вернулись в Ленинград, хотя местные жители предлагали нам остаться, и не случайно: немцы стояли у ворот города. На передовой, проявляя чудеса героизма, воины Красной армии и флота, народное ополчение сдерживали натиск врага. Дорога к Ленинграду для гитлеровцев все больше превращалась в дорогу смерти, но устоять перед вооруженными до зубов полчищами фашистских дивизий было очень сложно, и Ленинград оказался в блокаде (с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года). Сообщение со страной поддерживалось только по воздуху и по Ладожскому озеру. Началась беспримерная оборона города в условиях вражеского окружения.

Ленинград стал фронтом, его жители мужественными бойцами. Враг ломился вперед, не считаясь с потерями, но нигде не мог опрокинуть противостоящие

ему части. Защитники города стояли насмерть... Нарвские Триумфальные ворота, проспект Стачек, Кировский (Путиловский) завод. Торжественно и гордо звучат эти названия. Сюда идут учиться мужеству, стойкости, любви к Родине, любви, которая сильнее смерти. Это мой родной Кировский район. В годы Великой Отечественной войны он был передним краем обороны Ленинграда. **Линия фронта проходила буквально за стенами Кировского завода (7-я трамвайная остановка от проходной находилась в руках врага, 14 км до Дворцовой площади). Вся территория Кировского завода покрылась траншеями, надолбами, ежами, колючей проволокой. Были построены артиллерийские дзоты, доты, блиндажи, минометные гнезда. Общая площадь баррикад на заводе составила более километра. Настоящая крепость!** Для обороны создан штаб, сформирован отряд, которому было приказано «упорно оборонять Кировский завод и уничтожать фашистов перед заводской оградой». Буквально под огнем врага рабочие производили свою боевую продукцию: орудия, снаряды, танки, которые сразу шли в бой, а при необходимости и сами рабочие брали в руки оружие. Фронт требовал пополнения людскими ресурсами, и город направлял новых бойцов.

Следует сказать, что **первой отправилась на фронт Кировская дивизия народного ополчения (12 тыс. человек), первый полк которой был полностью укомплектован из рабочих и служащих Кировского завода (не считая мобилизованных ранее)...** Стремясь осуществить план уничтожения Ленинграда, гитлеровцы с 4 сентября начали обстреливать из пушек не только заводские корпуса, но и жилые кварталы, а с 8 сентября производить массированные налеты авиации, в которых участвовали десятки и сотни вражеских самолетов.

Падают на землю убитые, полыхают пожары... Я хорошо запомнила самый первый, очень сильный, воздушный налет на Ленинград, эту страшную бомбежку. Мы с бабушкой находились на кухне, когда над нашим домом загудели моторы фашистских самолетов, и буквально посыпались бомбы одна за другой. Под окном нашей комнаты раздался взрыв такой силы, что сразу вылетели все стекла. Бабушка схватила меня за руку и в коридор. А там! Слева в конце коридора вместо квартиры – огромная дыра и рассыпает огни фугаска. Сверху по лестнице прямо на нас катится зажигалка. Дом дрожит от грохота снарядов и взрывов бомб. Мы к выходу. Спускаемся по ступенькам, а перед крыльцом на наших глазах падает зажигалка прямо на нашу песочницу. Над головой раздается свист летящих снарядов, гул пролетающих самолетов. И падают, падают бомбы одна за другой. На крыше уже пожар. Все, кто был в доме, кинулись гасить зажигалки. Мы с сестрой своими маленькими ручонками стали хватать песок и вместе с бабушкой засыпать зажигательную бомбу в

своей песочнице. Казалось, что этой бомбежке не будет конца. Но вот все стихло. Люди стали возвращаться в свои квартиры. Мы вынули из рам осколки разбитого стекла, а дыры затянули простынями. Такими они и остались на всю ближайшую зиму 1941 – 1942 годов, когда мороз достигал 40 градусов. Двери в зал мы прикрывали, а находились в основном в маленьких темных комнатках. Здесь было не так страшно и потеплее. Немного позднее нам все-таки удалось забить окна фанерой.

Однажды мы с мамой пошли в район Нарвских ворот. Начался очередной налет вражеской авиации и артобстрел. С раннего утра до глубокой ночи нам пришлось просидеть в бомбоубежище, а когда вышли на улицу, то увидели, что на противоположной стороне разрушены сразу несколько домов, и полыхает сильный пожар. Казалось, что мы тоже сейчас загоримся. Немцы бомбили и обстреливали город ежедневно, до бомбоубежища идти далеко, а впереди и позади дома окопы, в них находились солдаты. Как только раздавался рев авиационных моторов или сигнал воздушной тревоги, взяв небольшие пожитки, мы мчались к солдатам в окопы. Они, конечно, ругались, но чаще жалели нас. Помню, молодой боец, белобрысый такой, с курчавыми волосами, укрывая меня и сестренку плащ-палаткой, улыбался и приговаривал: «Ну что, курносые, страшно? Быстрее! Быстрее в домик! А то Змей Горыныч слопает».

Как-то мы три дня сидели там скорчившись, а наверху шел бой, рвались снаряды, немцы стреляли из орудий прямой наводкой, а с залива наступал фашистский десант. Обстановка на окраине города была очень напряженная, если не сказать больше. Конечная остановка трамвая находилась недалеко от нашего дома, и мы наблюдали, как с платформы вагона, на которой стояли зенитные орудия (или пулеметы), выходили солдаты, а с другой стороны гудели моторы. Это шли в сторону Петергофа танки. Бои были очень близко. До немцев, как говорят, «рукой подать». Постоянно раздавался грохот орудий наших, немецких; дом сотрясался от мощных ударов кораблей Краснознаменного Балтийского флота, которые стояли совсем рядом. Буквально над головой завязывались яростные воздушные бои. Порой казалось, что земля не сохранит здесь ничего живого. В одном из бывших доходных домов графа Толстого в центре города жила сестра моей бабушки – тетя Таля. Дом добротный, прочный, с хорошим подвалом, да и подальше от передовой, и мы переезжаем к ней.

110 тыс. жителей переселились тогда из опасных районов на север Ленинграда. Но пробыли недолго. Начались холода, помещение не отапливается, а у нас есть печка, и мы возвращаемся в свою квартиру. К нам приезжает из Московского района и тетя Маруся, мамина сестра, со своей дочкой Ниной. В то время

многие родственники старались объединиться. Мария Петровна в 30-е годы, являясь инструктором райкома комсомола по работе с молодежью, почти все время пропадала на Путиловском заводе, где была самая большая комсомольская ячейка. Теперь ее повзрослевшие парни и девчата были на переднем крае борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, а она работала на одном из секретных объектов города. Частенько ее пятилетней дочке приходилось подолгу ждать маму. Вот они к нам и приехали. Надо сказать, что и свою маму мы почти не видели. Она работала на фабрике, а после смены дежурила на крышах домов, гасила зажигалки, участвовала в разборе завалов после бомбежек. Словом, выполняла все, что ей поручали.

Дома, как правило, мы оставались с бабушкой. Тревожное было время. «Умирать, так всем вместе», – тихо проговорила бабуля. «Умирать?! Ты что говоришь! – резко прервал ее дедушка, старый рабочий, активный участник революционных событий 1905, 1917 годов. – Да не бывать этому никогда! Слышите: ни-ко-гда! Не сломят нас немцы! Не возьмут! – И, повернувшись к нам, продолжал: – Держитесь, девчонки!» «Мы постараемся, – вступила в разговор мама. – Вон у нас какой батальон. Куда уж фрицам с нами бороться. Правда, девочки? Мы не только их в город не пустим, еще и прочь погоним, да так, чтобы и дорогу сюда забыли».

В какой-то момент мне показалось, что и правда мы разгромили фашистов, а теперь бегаем по парку, катаемся на каруселях, кушаем мороженое. Как хорошо! Но тут снова заревели моторы вражеских самолетов, и мы побежали в укрытие.

Испытание голодом. В блокадном Ленинграде, хотя эвакуация продолжалась, находилось около 3 млн мирных жителей, в том числе около 400 тыс. детей. Запасы продовольствия и топлива были крайне ограничены. Ленинград и в мирное время удовлетворял потребности в продуктах питания за счет подвоза из Ленинградской области и ряда районов страны. Овощи, составлявшие важную часть рациона, завозили обычно осенью, но военная обстановка не позволила это сделать, и овощные хранилища были пусты. Бадаевские склады, где находилось около 3 тыс. тонн муки и 2,5 тыс. тонн сахара, сгорели. Объемы доставки продуктов в город были ничтожно малы. В самый тяжелый период блокады в течение сентября – ноября 1941 года нормы выдачи хлеба населению снижались 5 раз. С 20 ноября рабочие стали получить по 250 г суррогатного хлеба в день, а служащие и иждивенцы – по 125 г, «с огнем и кровью пополам». К октябрьским торжествам детям наскребли по 200 гр. сметаны, по 100 гр. картофельной муки. Взрослые дополнительно к обычному пайку получили по 5 соленых помидорин. Голодный, исхудавший дедушка придет с работы домой,

отрежет тоненький ломтик хлебца (а мы рядом сидим, жадными глазами смотрим), понюхает и, протягивая руки, скажет: «Берите! Только сразу не глотайте, а сосите, как конфету». А сам – пару ложек каши-баланды и кружку кипятка – вот и весь обед. Были дни, когда и этого не было. Продукты питания, которые полагались по карточкам, жители должны были получать ежедневно, как говорят «с колес», но обстановка не всегда позволяла это делать, и, простояв в очереди у магазина с раннего утра до вечера, мы уходили с пустыми руками: продуктов так и не завезли.

Я вспоминаю, как мы с дедушкой ходили на разбитый сахарный завод (а может, это были Бадаевские склады) и собирали землю, перемешанную с сахаром, а потом пили чай. Казалось, не было ничего вкуснее этого. Однажды он сел на ступеньки крыльца и стал разрезать на части свои новые сапоги. Я спросила: «Дедушка, что ты делаешь? Разве можно портить обувь?» Он нежно погладил меня по голове и тихо сказал: «Не волнуйся, деточка. Так надо. Сегодня у нас будет вкусный обед. Из кусочков этих сапог, а они из настоящей свиной кожи, мы сварим студень. Ты ела студень?» Я покачала головой. Видно, забыла, что это такое. «Вот приготовим – пальчики оближешь». Он приподнял вверх второй, еще не разрезанный сапог, провел рукой по голенищу, как бы оценивая его качество, и промолвил: «А сапоги после войны я себе еще куплю. – Выполнив работу и аккуратно складывая все в мешочек, дедушка приговаривал: – Вот и хорошо. Теперь порядок. Этого нам надолго хватит». Мы поднялись и прошли на кухню. Он передал бабушке одну из отрезанных частей сапога (остальное – на потом), и она сварила студень. Как же это было вкусно! Я до сих пор чувствую вкус и запах этой еды.

Исчезли с ленинградских улиц птицы, кошки, собаки, будто их не было вовсе. В употребление пошли столярный клей, вазелин, глицерин, касторовое масло, кожаные ремни и еще многое другое, что в обычной жизни назвать продуктами питания было просто невозможно. Резко сократилась суточная норма питания и в войсках. Все голодали. Но я не могу вспомнить сейчас, чтобы кто-нибудь из нас плакал, жаловался на трудности, что-то просил, только уж очень хотелось кушать...

«Нам дороги эти позабыть нельзя...» ...Одна дорога связывала блокадный Ленинград с Большой землей. Эта дорога шла по Ладожскому озеру. 22 ноября 1941 года, когда над Ладогой бушевала пурга, на лед сошла большая колонна грузовиков с продовольствием. Шум моторов возвестил о появлении новой, невиданной ранее «военно-автомобильной дороги» – ладожской ледовой трассы. Она была проложена в самое трудное для Ленинграда время, когда наступили холода, а запасы продовольствия иссякли. Днем и ночью в любую

погоду по Дороге жизни, как называли ее ленинградцы, навстречу друг другу двигались два потока машин: в Ленинград везли продовольствие, горючее, военное имущество, а обратно – самый ценный на земле груз – людей: женщин, детей, стариков, раненых, умирающих от голода и холода. Но и этот путь был очень опасен. Гитлеровцы вели обстрел трассы из тяжелых орудий, производили массированные налеты авиации, пытались перерезать дорогу высадкой десантов, постановкой мин. К этому добавлялись сильные морозы. Бураны и штормы, сдвигка льда. Саперам, стоявшим по пояс в воде, не раз приходилось наводить мостки, устраивать объезды бомбовых пробоин и менять направление дороги в сторону более прочного льда. **За зиму 1941 – 1942 годов 30-километровая ледовая дорога от Кокорева и Ваганова до Кобоны строилась много раз (60 грузовых ниток общей протяженностью более 1600 км).**

Немало людей погибло, немало грузовиков вышло из строя. Одни из них сгорали, поврежденные вражескими снарядами, другие намертво застредали в снежных сугробах, третьи проваливались под лед, исчезая в пучине озера навсегда. Охрану и оборону озера осуществляли стрелковые части, расположенные по берегам Ладоги и вдоль трассы, бригада морской пехоты, авиация и зенитчики. Круглые сутки топились печурки в домиках для обогрева и оказания медицинской помощи. Во всякую погоду стояли вдоль Дороги жизни регулировщицы, указывая путь водителям... Эшелон за эшелоном увозили на восток переправленных по Ладоге жителей Ленинграда. Только в первую блокадную зиму по ней было эвакуировано более полумиллиона человек. И не было тогда на всей земле «страшной и радостней дороги».

В один из блокадных дней 1942 года по Дороге жизни к нам приезжает отец. Он воевал на Крайнем Севере (полуостров Рыбачий, политрук саперного батальона), был ранен, чудом остался жив и отправлен в госпиталь на Большую землю. Служить в действующей армии отец уже не мог – стал инвалидом. Не дожидаясь полного выздоровления, он стал торопиться к нам в Ленинград, заехав перед этим к своим родителям в Подмосковье. Я до сих пор не могу себе представить, как он на двух костылях и в такое трудное время смог преодолеть огромное расстояние от Урала до Москвы, а потом в Ленинград! «Добирался к вам на перекладных, – рассказывал он, – где на самолете, где на машине, по железной дороге. Ребята помогали (он имел в виду военных). Приехал в Ленинград ночью. Темнота! Один офицер подбросил меня в центр, а потом на проспект Стачек я шел пешком, постукивая своими костылями. Мне казалось, что я иду по мертвому городу. В домах – ни огонька. Стоят на рельсах запорошенные снегом трамваи. Время от времени проезжают машины, не зажигая фар, и проверяют документы патрули. Чем ближе я к вам подходил, тем

больше изуродованных зданий смотрели в сторону фронта. Многие заводские корпуса лежали в развалинах. В голове была одна мысль – живы ли? Хотелось бежать, но проклятая раненая нога при каждом очередном прыжке напоминала о себе острой пронизывающей болью. Вот и дом. Кажется, добрался! Открываю дверь в общий коридор. Что такое? Запах дыма. Определил: он идет от соседей. Стучу – никто не открывает. Пришлось выбить дверь. Сразу в лицо ударил горячий воздух, клубы дыма окутали меня с ног до головы. Оказывается, две женщины, которые здесь жили, по очереди держали горящие лучины, чтобы сберечь огонь. Одна спит, другая, сидя на кровати, держит лучину. В какой-то момент дежурившая задремала, и у нее вспыхнули волосы, загорелась одежда. Они мечутся по комнате и ничего сделать не могут. Я схватил охваченную пламенем женщину и вышвырнул в окно, прямо в сугроб. Катал, катал ее в снегу... Начавшийся было пожар ликвидировали. Только после этого бедные соседки разглядели меня: „Иван! Да никак это ты?! Какими судьбами?!“ „Хорошо же вы встречаете своих, – сказал я и стал стучать к вам. Могли бы сгореть и без бомбежки. Вот так-то, братцы мои. Было дело...“».

Отправляясь из деревни в Ленинград, отец взял с собой два мешка – в одном продукты, в другом (поменьше) табак – проходной билет на любой транспорт. Он появился вовремя. Мы уже были настолько плохи, что вряд ли пережили бы зиму. Не было сил ходить, и даже на бомбежки и артобстрелы мы перестали реагировать. Будь что будет! Сами – кожа да кости, на теле чесотка и болячки (когда чесались, раздирали кожу до крови). Особенно плохим был дедушка Петя. Он давно уже не вставал с постели, даже когда рядом раздавались взрывы. Привезенные продукты нам здорово помогли. К этому времени прошли и первые прибавки по продуктовым карточкам. Мы ожили. Даже дедушка Петя приободрился и встал, держась за стул в комнате своих сыновей: «Смотри, мать, я стою! Мы еще поживем!» Отец кормил нас осторожно: есть много сразу было нельзя. А нам очень хотелось кушать. И вот был такой случай. Мы с Риммой стояли у печки, грелись, а напротив в столе лежали конфеты. Я говорю: «Давай возьмем одну конфету!» – «Давай». Я сползала, принесла конфету, мы ее съели. Мало! Теперь она говорит: «Принеси еще». – «Папа будет ругаться». – «Я посмотрю. Если кто-нибудь пойдет – стукну». Так она стояла у печки, а я ползала, пока все не съели. Утром бабушка зовет всех: «Сейчас будем пить чай с конфетами!» Открыла дверцу стола, а там пусто, конфет нет. Все догадались, чьих рук это дело. Нас не стали наказывать, но очень боялись, что заболят животики. К счастью, все обошлось.

Однажды, придя домой, отец заявил: «В Ленинграде формируется эшелон для отправки людей через Ладогу на восток. Будем готовиться к отъезду». Времени очень мало. Сборы были недолгими. Прощаясь, мы крепко обнимались,

целовались и плакали. Бабушка со слезами на глазах все время повторяла: «Татьяна, берегите детей! О нас не беспокойтесь. – А потом так тихонько промолвила: – Будет возможность, пусть Иван за нами приедет». Все, кроме нас, детей, понимали, что мы прощаемся навсегда.

Нас завернули в теплые одеяла, посадили на санки, и мы тронулись в путь. Впереди – отец на двух костылях с мешками за спиной и веревкой, привязанной к солдатскому ремню, которая тянет наши санки. А рядом, еле передвигая ноги и поддерживая саночки (или себя), шла мама. Она была очень плоха, отец даже боялся отправляться в дорогу. С утра до позднего вечера, с остановками в бомбоубежищах, мы продвигались через весь город от проспекта Стачек к Финляндскому вокзалу, где уже собирались люди и стоял у платформы состав. Мы уселись в вагон, и поезд тронулся. Не успели по-настоящему устроиться, как загудели вражеские самолеты, стали раздаваться залпы зенитных орудий, в воздухе показались наши истребители. Бомбежка, воздушный бой, грохот зенитных орудий – все смешалось. Не помню, как, но мы добрались до Ладоги. Там пересели в открытую грузовую машину. И было видно, как по льду озера до самого горизонта двигается колонна автотранспорта.

Вдруг опять фашисты. И эта страшная бомбежка. Я помню, как перед нами от взрыва бомбы ушла под лед машина вместе с людьми. Наш водитель еле успел объехать образовавшуюся пробоину. Потом слева взорвалась и ушла под лед другая машина. А колонна не останавливается, продолжает двигаться вперед. Сколько там погибло людей – трудно себе представить! Мы с сестрой от страха спрятались под одеяло с головами, но было слышно, как бьют наши зенитные установки, как стреляют, пролетая над самой головой, фашистские самолеты, и взрываются бомбы, унося под воду транспорт и людей. А водитель, как цирковой артист, на полном ходу поворачивал машину то влево, то вправо, объезжая застрявшие машины и пробоины. И где-то совсем рядом с нами обеспечивал работу Дороги жизни Николай Александрович – техмех второго ранга, до войны – учитель русского языка и литературы, муж сестры отца. Но мы об этом тогда не знали, в конце марта 1942 года его не станет.

Наконец мы на другом берегу Ладоги. Высаживаемся из машины и видим: стоит железнодорожный состав, а рядом скопилось большое количество цистерн с горючими материалами. Отец, прошедший фронт, человек сообразительный, решил, что эшелон с людьми быстро отправлен не будет, много народа погибло, а если появятся немецкие самолеты и упадет хотя бы одна бомба, здесь все взлетит на воздух. Он обратил внимание, что в стороне, на запасной ветке стоят пустые товарные вагоны – видимо, будут формировать состав. И мы направляемся туда. Отец где-то достал печурку, принес дров, затопил. Мы

успокоились и уснули. Не помню, сколько прошло времени, как вдруг раздались сильные взрывы. Немцы бомбили железную дорогу. Отец оказался прав. Хорошо, что мы не сели в тот поезд. Скоро стали прибывать эвакуированные. Из отдельно стоящих товарных вагонов сформировали состав, и мы поехали дальше.

Во время остановки в Вологде отец узнает, что на Москву должен пройти воинский эшелон. Ему удается получить разрешение на проезд нашей семьи. И вот мы уже мчимся в Москву. Настроение у всех приподнятое: больше не бомбят, да и новое пополнение из сибиряков, ехавших на фронт, встретило нас гостеприимно.

Наконец, Москва! Мы были первыми блокадниками, которые приехали на Казанский вокзал. Когда папа пошел оформлять проездные документы, быстро разнослась весть о нашем прибытии. К нам подходили и подходили люди. Раздавались голоса: «Смотрите, это ленинградцы! Наши войска прорвали блокаду Ленинграда!» Возник стихийный митинг, на котором выступали представители города, военные, дали слово отцу. Он рассказал собравшимся о Дороге жизни, о Ленинграде. Дежурному по вокзалу даже пришлось организовать оцепление. Скоро мы получили целый мешок продуктов (давно не отоваривались по карточкам), одного хлеба буханок пять, и продолжили путь к своим родственникам через Коломну на Озеры.

На станции Голутвино с нами опять произошла одна история. Когда отец с мешками вошел в вагон и стал нас рассаживать, некоторые подумали, что мы спекулянты, раз везем столько продуктов в такое трудное время. В наш адрес понеслись оскорбления. Отец вспылел, замахнулся на кого-то костылем, поднялся шум, вызвали милицию. А когда разобрались, в чем дело, нас разместили в конце последнего вагона, поближе к двери, дверь закрыли на замок, а перед нами натянули веревку, чтобы рядом не ходили и нас не беспокоили. Но скоро все проезжающие узнали, что едут ленинградцы, и каждому хотелось посмотреть на живых блокадников. Пришлось администрации вокзала около нашей лавочки поставить дежурного милиционера. А люди шли и шли в вагон, смотрели на нас и плакали.

В Озерах на платформе нас встретил дедушка – Андриян Иванович (мы заранее отправили ему телеграмму), и на лошади отвез нас в Сеньково. Сколько было радости по случаю нашего приезда! А я, не раздеваясь, потихоньку-потихоньку – и в стол. Схватила маленький, уже покрытый плесенью кусочек хлебца и бегом под кровать. Забилась в угол и грызу. Бабушка Ксения, мать моего отца, заметила, приподняла подзор у кровати, посмотрела и горько заплакала. Я

протянула к ней свою ручонку с оставшимися крошками и говорю: «Вот, возьмите». Она погладила меня по головке и прошептала: «У нас есть хлебушек получше. Я тебе сейчас дам». А сама вытирает платком слезы.

Позднее я поняла, как ей было тяжело. Много труда приложили родители, дедушка с бабушкой, чтобы нас выводить: кормили по графику, лечили от чесотки... Помню, как однажды мне веревкой перетянули руки и привязали к двери, чтобы не чесалась. А я терлась о дверной косяк: был страшный зуд. После блокадного Ленинграда жизнь в деревне казалась нам раем: большая русская печка, где можно сидеть на теплых кирпичках, вволю картошки, соленые огурчики. А когда за столом собиралась вся семья, и мы пили чай, бабушка большими щипцами откалывала нам крошечные кусочки сахара. стакан чая – крошка сахара. Хочешь пить еще – получишь и сахар. Я иногда выпивала по 8 – 10 стаканов, чтобы получить лишний кусочек сахара или его заменителя. Скоро отелилась корова, появилось свое молоко. А там и лето подошло – свои овощи. Так приняла нас подмосковная земля, выходила, вырастила, поставила на ноги...

...Седина давно украсила мою голову. Внуки зовут меня бабулей. А вот среди ветеранов я по-прежнему «дитя блокады» – так в годы Великой Отечественной войны называли нас, детей блокадного Ленинграда. Меня часто спрашивают ребята: «Что такое блокада?» И я отвечаю словами писателя Гранина: «Это тяжелое испытание, к которому город не был подготовлен. Испытание голодом, холодом, бомбежками и артобстрелами. И в большинстве своем ленинградцы выдержали это испытание достойно». Да, были паникеры, трусы, предатели. Были такие, которые наживались на людском горе, за бесценок скупая украшения, семейные реликвии и другие вещи, что несли на рынок ленинградцы, чтобы как-то поддержать свою семью и хотя бы на один день отодвинуть смерть своих близких. Случалось, воровали и карточки. Но **общее настроение, веру в Победу определяли другие – такие, как архитектор А. Н. Никольский, который в январе 1942 года чертил на ватмане проект Триумфальных арок, и в 1945 году, пусть временные, по его чертежам они будут построены, и под их сводами недалеко от Кировского завода пройдут гвардейские полки и дивизии, возвращавшиеся с победой домой.** Рабочий завода от изнеможения падает у станка и вновь встает, чтобы дать фронту оружие; голодная балерина танцует, а певица, у которой только что умерла дочь, поет, чтобы поднять настроение другим, изможденный старик последние крошки хлеба отдает внуку, а совсем молодой боец-доброволец, которому жить да жить, поднимается в атаку и грудью закрывает дорогу врагу во имя жизни, во имя Победы – вот что такое блокадный Ленинград.

... Каждое утро из окна своей московской квартиры я вижу, как торопятся в школу ребята. Среди них и мой внук Михаил. Они все разные, они другие. Но у них есть что-то от нас. Пусть им никогда не доведется пережить то, что пережили мы. Доброго пути вам, друзья, и чистого неба над головой!

Смураго Эдуард Владимирович

Немцы думали: раз блокадой не удушили, так от эпидемии народ умрет

Я жил в пригороде Ленинграда в районе Петергофа. Рядом был совхоз «Красная Балтика» – на каникулах я там работал: пас свиней, возил воду... И война для меня и началась, когда я в очередной раз выводил свиней на прогулку. Там неподалеку был пруд, я пришел купаться, а ребята и говорят: «Война». Это было 22 июня, в два часа дня. Я побежал домой, где отец рассказал, что ему уже завтра нужно уезжать.

Отец у меня был по политической части – старший политрук, носил «шпалу». Участвовал в финской войне и в польской, а в совхозе был на должности замдиректора. Мама моя не работала – воспитывала меня и моего четырехлетнего брата.

Первое время войны не видно было – просто летали самолеты. Мы почувствовали ее приближение только в июле, когда надо было укрепления делать. Мы жили в удачном месте – я носил воду тем, кто работал на строительстве укреплений. Потом эти люди приходили к нам домой – мама варила картошку, кур и кормила их.

В конце августа мы должны были уехать из Ораниенбаума в Ленинград и дальше – на Большую землю. Ждали отъезда. Приходилось часто видеть отступающие части, беженцев. Встретил как-то своего друга по школе – у него еще прозвище было Чапаев. Смотрю – он идет вместе со своей частью по Петергофскому шоссе – в военной форме, с карабином, держится за пушку и еле-еле передвигает ноги.

В этот же период я познакомился с ребятами с бронепоезда. Солдаты прекрасно к нам относились – делились хлебом. А в Финский залив приезжали катера-охотники, торпедоносцы. Мы помогали усталым морякам палубу драить – а они нас за это кормили. А флотская пища была хорошая – либо гречка с мясом, либо рис с мясом. Это был август – сентябрь 1941 года – с едой было туговато, но жить можно было еще.

А потом в октябре наступили тяжелые времена. Ленинград уже был в блокаде, а мы жили еще в Ораниенбауме. Пришел как-то в военкомат – смотрю: моряки

переодеваются. Их из Кронштадта с кораблей сняли и «на сушу» перевели. Один из них снимает тельняшку и протягивает: «На, сынок. Поминай меня». Дали моряки мне тогда еще сумку с хлебом и сахаром. Да, отношение у солдат к нам было изумительное.

А где-то 20 октября нам сказали, что будут эвакуировать в Ленинград. И вот ночью пароход нас везет через Финский залив. К счастью, мы проскочили мимо врага и рано утром разгрузились в Ленинграде. Пошли к родственникам – они жили у Московского вокзала на улице Пушкинской. Нам сказали, что мой отец ранен под Пушкино и лежит в военно-морском госпитале. Мы его навестили в больнице – там были хорошие условия, папа нас даже угощал.

Октябрь, ноябрь и половину декабря мы прожили у родственников. Продуктовые карточки нам дали сразу после приезда. Но в этой квартире была только одна комната, а потому отец обратился к начальству с просьбой помочь его семье. Те написали запрос в штаб Балтийского флота, оттуда бумаги ушли в Смольный, а затем – в Куйбышевский райсовет. И мы получили однокомнатную квартиру на улице Рубинштейна, дом 27.

Жилье было на четвертом этаже. Мы первым делом купили печь, протянули трубу. Отец не курил, а папиросы ему выдавали – и вот их мы выменивали на дрова. Потом я нашел топор и пилу, ходил по сараям и подвалам, добывал доски. Но книги мы не сжигали!

Как только приехали – я сразу в ПВО записался. Наша задача была смотреть, чтобы окна были зашторены, помогать старикам и детям добраться в бомбоубежище. А мне еще приходилось дежурить на чердаке – там стояла бочка с водой, песок, клещи здоровые, рукавицы – все это нужно было, чтобы тушить зажигательные бомбы.

В наш дом не попала ни одна бомба, хотя неподалеку был Московский вокзал. Чтобы не скучать, я при свете маленького фитилька читал старый журнал «Нива». Накроешься пальто и читаешь...

А когда мы переехали в другой дом, то я уже не обращал внимания на тревоги. Особенно тяжело было с 20 ноября по 25 декабря, когда норма хлеба сократилась. На троих мы тогда получали 375 граммов хлеба. А вот с 25 декабря порцию увеличили – за счет того, что Дорога жизни заработала.

В ноябре – декабре погибало более 60 тысяч людей в месяц. Мама с женой своего брата ездила на поля – собирали зеленые капустные листья, оставшиеся после уборки урожая. Эти листья потом рубили и квасили. Жмых, клей – чего

мы только не ели. Был случай, что мама купила ремень. А он сыромятный, от лошадиной сбруи и вдобавок дегтем пахнет. Мама его вымыла, затем отварила, резала на маленькие кусочки, и мы ели...

Жизнь наша в основном проходила у печки. А утром всегда не хотелось вставать – приходилось себя заставлять. За водой ходили на Фонтанку. Старались как-то мыться даже, потому что вши стали заедать.

А потом мы пережили главную границу – 1 января. С открытием Дороги жизни мы почувствовали заботу государства. Нам шли посылки, подарки, помаленьку нам начали выдавать дополнительную еду – те же сухофрукты. В конце января пришел подарок из Мурманска от рыбаков, и нам дали по кусочку семги. Мне показалось это необычайно вкусным.

25 января еще раз прибавили порцию – выдачу увеличили до 250 граммов. А 11 февраля уже повысили до трехсот граммов. И потом начали выдавать крупы, мясо, жиры какие-то. А дальше все было лишь лучше и лучше. В марте и апреле уже и шоколад стал поступать. На праздники стали выдавать вино, а мужчинам – водку.

Мне в 1942 году исполнилось 13 лет. Помню, кусочек хлеба к печке приложишь, поджаришь, солью посыплешь и пол-литра воды с ним выпить сможешь. Желудок так вот обманывали.

Немцы как думали – раз блокадой не удушили, так от эпидемий народ умрет. Но люди вышли на очистку своих улиц и дворов. У меня были валенки, телогрейка, ушанка. После работы приходил и валялся без сил. Мы очищали улицы от грязи, глыб ледяных, завалов. К тому же в снегу нередко лежали тела умерших. И эта уборка продолжалась три-четыре недели.

А 15 апреля в городе запустили трамвай. Потом мама поехала работать в подсобное хозяйство, а отец вышел из госпиталя. Затем в мае открыли школы – брат пошел в детский сад, а я начал учиться – тем более что в школе было двухразовое горячее питание.

Так прошел май... В июне нас пригласили помогать делать военную продукцию. Во Дворце пионеров стояли станки – токарные и столярные. Нам давали тиски, давали заготовки топорищ, и мы их драили, шкурили... Нас, чтобы мы почувствовали значимость этой работы, немного подкармливали – давали кусочек хлеба и сладковатой водички. И один раз, уже после работы, мы должны были идти на ужин. Переходим на Фонтанку, а там на улице стоят

санитарные машины. Оказывается, в нашу школу попал снаряд, в столовой были дети, и все осколки полетели туда.

А в июле все классы отправили на прополку овощей. Нас повезли на станцию Ладожское озеро. Нас поселили в сарае на соломе. Мы пололи морковь. И все мы стеснялись в теплый день раздеться перед девочками – потому что были все синие, кожа да кости. И так продолжалось недели три. А в конце июля – папа из госпиталя вернулся. Нам предложили эвакуироваться – к тому же эвакуация пароходами через Ладожское озеро уже была налажена.

Мы прибыли на Финляндский вокзал. Нам выдали хлеба прилично, да и кормили перед вагонами хорошо. Были случаи, что больные весь этот паек съедали и тут же умирали. Так доехали до Ладоги. Нас выгрузили, на машинах отвезли к пирсу. Шли в шторм – народ лежал на палубе, качало очень сильно, и 30 километров показались нам вечностью. Но никто нас зато не бомбил.

А наши родственники уехали за два дня до нас. Жена дяди родила 10 января 1942 года – ребенок весил 900 граммов. Но выходили – и выросла крепкая девушка.

А мы ехали через станции – Череповец, Вологда, Киров. Почти 10 дней мы добирались до Перми – тогда это был город Молотов. Наши родственники сказали, что дальше не поедут, и мы тоже остались. Нас хорошо приняли – и в плане медицинской помощи, и в плане питания. Папа устроился в госпиталь работать – ведал хозяйственными делами. Спустя две недели мы стали нормальными людьми, и с 1 сентября я снова пошел в школу – снова в шестой класс.

Сильванская Зоя Ивановна

Мы жили на заводе

В блокаду детей заставляли вывозить из Ленинграда, но моя мама сказала, что мы никуда не поедem. Она сказала: умирать так здесь. И мы так и остались в блокадном городе.

Мы жили на заводе, потому что в квартирах водопровод не работал, окна все были выбиты, на улице был мороз. А заводы отапливались. Мы с мамой жили в раздевалке. Мне было 8 лет, и я уже работала. Мы ходили по домам, собирали маленьких детей, которых потом эвакуировали. В школу я не ходила, она была далеко, а сил не было.

К бомбежкам мы быстро привыкли. Хорошо помню, что совсем не хотелось веселиться, как обычному ребенку, потому что было страшно.

Старцева Алевтина Александровна

Мама нашла всех детей!

Родилась я в Ленинграде в 1939 году. Когда началась война, мне было всего два года.

Нас, детей, у мамы с папой было девять человек – мал мала меньше. По традиции нас на лето отправляли в пионерские лагеря. Также получилось и в год начала войны. Дети разъехались, а я с двумя братьями осталась с мамой в Ленинграде. Только в тот год многие ленинградские ребята не вернулись домой с отдыха – прямо из лагерей их отправляли в эвакуацию. Так некоторые мои сестренки и братья попали в детские дома.

В декабре 1942-го нас с мамой эвакуировали в Омск. Там мы с братом пошли в детский сад, а мама с сестрой-девятиклассницей устроились работать на завод. На заводе давали пайки. И вот что я хорошо запомнила: мой брат, ему тогда было шесть лет, всегда ходил с мамой за хлебом и довесочек съедал. А мы все плакали и говорили: мама, ну возьми нас в следующий раз! Почему только ему довесочек достается?

Пока мы жили в эвакуации, мама неустанно искала детей – моих братьев и сестер, попавших в эвакуацию. Подавала запросы в детские дома, и ей приходили ответы.

В Омске у нас была большая комната, с 8 кроватями. Там, помимо нас, жила еще одна семья. Мы сильно голодали, и местные жители нас жалели, подкармливали. Помню, соседка со второго этажа вышла из квартиры и говорит мне: «Иди сюда». Я еле-еле поднялась по лестнице, маленькая еще совсем была, да и без сил. Она мне протянула горстку шкварок и говорит: «Кушай». Моему детскому счастью не было предела! Как же долго я сосала эту вкуснотищу!

Как-то раз в детском саду, в который мы ходили с братом Витей, перед Новым годом давали подарки. Я свой одна из первых получила и не могла налюбоваться на свою радость. И вдруг подбегает ко мне Витя и говорит: «Ты где ходишь? Я тебя потерял! Там подарки дают! Пошли!» И я пошла за подарком второй раз. Идем мы мимо окошка, через которое выдавали подарки, и я думаю: «Дадут не дадут?» И мне дали еще один подарок! Мы с братом были так счастливы!

К концу войны наша мама нашла всех детей, которые пропали в 1941-м. С сестрой Надей, она на 8 лет меня старше, была удивительная история. Ее уже успели удочерить, но маме дали адрес, где она жила. Когда мама туда приехала, приемная мать Нади сказала: «Давайте договоримся, к кому Надя подойдет, с тем и останется. Она всю войну с нами прожила, мы ее любим». Когда мама с этой женщиной вошли в комнату, Надя кинулась нашей маме на шею и закричала: «Мамочка!» С кем она останется, вопрос больше не возник.

Наш папа всю блокаду работал машинистом – возил продукты по Ладоге до Финляндского вокзала. Он подал запрос, и мы все после войны вернулись в Ленинград. Тогда вернуться из эвакуации могли только те, у кого в Ленинграде было жилье или кого ждали родственники. Наша квартира не сохранилась – остались только две комнаты, в другие две комнаты уже кого-то вселили. Всю нашу мебель, все, что там было, разворовали.

Когда закончилась война, мне было шесть лет. Я была маленькая и худенькая, только глаза торчали. Папу я плохо помнила, поэтому сильно его боялась. Он мне говорил: «Доченька, ну иди ко мне», – а я за стол от него. Однажды он достал елочные игрушки и поставил на стол. И тогда я первый раз подошла к нему, и он меня обнял.

Светлосанова (Агулянская) Изабелла Аркадьевна
Была одна сплошная ночь!

Жизнь бежит и убегает вдаль, прошлое растворяется в прошлом, годы исчезают, как вода, вылитая в песок... Мои дети и внуки не знают, да и не очень хотят знать, что значит для меня слово «блокада» и как страшно прожитое в блокаде время... Да и я предпочитаю не вспоминать об этом, но иногда, особенно когда сегодняшняя жизнь вырывает из памяти прошлое, становится страшно больно, слезы льются сами собой, и особенно обидно, что мое прошлое уйдет вместе со мной навсегда, и никто никогда не узнает, что такое «моя блокада». Поэтому и пишу.

К началу блокады мне было 4 года и 2 месяца. Поэтому не помню многого, но то, что помню, вспоминается четко, емко и ярко, кадр за кадром, как в кино.

Мой папа, Агулянский А. И., по образованию художник-график, до войны много лет занимал ответственные административные должности: он был организатором и первым директором Ленинградского Дома художника, позднее – организатором и первым директором Ленинградского Дома искусств. Когда началась война, папе было уже 56 лет. Несмотря на возраст, он рвался на фронт

защищать Родину. Но по возрасту и из-за очень плохого зрения (он всегда носил пенсне) на фронт его не взяли.

Моя мама, Агулянская Ф. С., была моложе папы на 17 лет. Маленькая, худенькая (близкие называли ее «щепочка»), мягкая и добрая, она жила с папой, как в надежной крепости, – спокойно, уверенно, обеспеченно. По специальности съездовый стенограф, она работала по вызовам и могла достаточно много времени проводить со мной и папой. Она никогда не была борцом в этой жизни. Все происходящее, даже несправедливое и обидное, она переживала без злобы, зависти и серьезных обид. Однако в моменты жизни трудные какая-то неведомая энергия просыпалась в ней, и она действовала смело, упорно, решительно! Могу с уверенностью сказать, что во время блокады мы выжили только благодаря этой маминой энергии, которая не позволила нам умереть, которая вытащила из небытия и меня, и папу!

Никто не верил, что опасность придет в Ленинград уже в ближайшее время. Поэтому моя семья не торопилась с эвакуацией. Но немцы стремительно наступали, и папа решил отправить маму и меня с эшелоном Дома искусств, который шел в Ташкент. Однако мама решила, что не может оставить папу одного, и мы вернулись домой. Вторая попытка эвакуации состоялась примерно через две недели – вместе с эшелоном Дома художников мы должны были ехать в Сибирь, в село Гнилой Яр. Мы были уже в вагоне, когда выяснилось, что я тяжело заболела, и нас высадили из вагона. Третья попытка эвакуации произошла в сентябре 1941 года. Эшелон Ленфильма должен был уже тронуться, когда пришла страшная весть: перерезана последняя железнодорожная ветка через г. Мгу, которая связывала Ленинград с Большой землей: немцы взяли Мгу.

8 сентября 1941 года блокадное кольцо замкнулось. Так мы остались в блокаде.

Наступил голод, а потом и зима. Не было не только еды. Не было воды, света, тепла, не работала канализация... Норма хлеба, выдаваемая по карточкам в одни руки, стремительно падала, и в ноябре 1941 года достигла 125 грамм в день для детей, служащих и иждивенцев, 250 грамм – для рабочих. И все. Да и что это был за хлеб: тяжелый, вязкий, как глина, состоявший не столько из муки, сколько из пищевой целлюлозы, разных добавок и пыли, так как муку собирали из-под обшивочных досок мельничных комбинатов... Вот так выглядела пайка блокадного хлеба, 125 грамм, дневная норма...

Вскоре все семейные запасы были съедены. Потом ели все, что хоть как-то напоминало еду. Мама варила брючные ремни, добавляя в этот «супчик» перец, который остался от довоенных запасов. Кроме того, она делала похлебку из

столярного клея (папа, как художник, использовал столярный клей в своей работе и имел небольшой запас). Вот он и пригодился. Вскоре началась дистрофия...

Мешочек для сахара

Просыпаюсь утром. Никого. На столе около кроватки вижу холщовый мешочек, в котором держали кусочки сахара, – по утрам мама давала мне по кусочку. Убедившись, что поблизости никого нет, я бросилась к мешочку со сладким предвкушением! Но... МЕШОЧЕК ДЛЯ САХАРА ОКАЗАЛСЯ ПУСТ... Невозможно описать мое разочарование... Больше сахара не было...

Украшение бомбоубежища

Мы жили на четвертом этаже. Во время бомбежек мы спускались в подвал, в бомбоубежище. В начале блокады я шла сама по лестнице. Потом – я уже не могла ходить, и папа нес меня на руках. Вскоре его силы иссякли, и носить меня он уже не мог. Тогда он сделал «упряжь» из ремней, сажал меня в эту упряжь и так спускался в бомбоубежище.

У меня была белая шубка, и к началу зимы я еще была такой очаровательной, пухлой малышкой, что меня называли «УКРАШЕНИЕ БОМБОУБЕЖИЩА». Однако скоро это очарование закончилось. Голод, холод, отсутствие света и воды быстро сделали свое черное дело, и моя белая шубка превратилась в грязно-серую, а я сама – в дистрофика, который уже не мог никого радовать и ничего украшать.

Прекрасно помню само бомбоубежище. Это был слабоосвещенный подвал. Вдоль стен и посередине стояли скамейки и старые кровати. На них-то и располагались ленинградцы во время бомбежек, сидя плотно друг к другу – так было теплее, да и не так страшно. Когда звучала сирена – сигнал отбоя воздушной тревоги, все медленно поднимались со своих мест и выходили наружу. Так было в начале самой страшной блокадной зимы 1941 – 1942 годов. Однако позднее у людей уже не было сил возвращаться в свои квартиры, и многие просто ЖИЛИ В БОМБОУБЕЖИЩЕ.

«Хлеб, мой хлеб, где мой хлеб????!!!»

В нашей квартире было два входа – черный и парадный. Парадный ход был намертво закрыт – боялись воров. Пользовались же мы черным ходом, мало освещенным даже днем. Вечером же и ночью там была почти полная темнота.

Помню, как я с мамой и соседская девочка со своей мамой поднимаемся по лестнице в полной темноте, ощупью. Мы шли из булочной (я долго не понимала, почему этот магазин называется «булочная» – ведь в нем выдается по карточкам только хлеб!). После многочасового стояния в очереди на морозе мы замерзли, были голодны и измучены, поэтому поднимались долго и трудно. Наконец дошли до квартиры соседей. В полной темноте соседка начала открывать дверь своей квартиры, а ее дочка почему-то дала мне подержать хлеб, который они получили на свою семью. Соседка возится с замком. Вдруг раздается истошный крик ее дочки: «ХЛЕБ, МОЙ ХЛЕБ, ГДЕ МОЙ ХЛЕБ????!!!» Все это происходит в полной темноте. Моя мама молчит, потому что не понимает, что произошло, а я молчу, потому что не понимаю, почему она так кричит, – ведь она сама дала мне его подержать. Наконец ее мама открыла дверь квартиры, и сумрачный полусвет проник из окна их кухни на лестничную площадку, где все мы стояли. Тут все и увидели, что ее хлеб в целости и сохранности находится в моих руках. Но этот дикий крик «ХЛЕБ, МОЙ ХЛЕБ, ГДЕ МОЙ ХЛЕБ????!!!» стоит у меня в ушах до сих пор!

Сплошная ночь

Я знаю точно, Я АБСОЛЮТНО УВЕРЕНА, что во время блокады НЕ БЫЛО ДНЯ. А БЫЛА ТОЛЬКО ОДНА СПЛОШНАЯ НОЧЬ!!!

Разумеется, я, как человек образованный и разумный, понимаю, что такого быть не может. Но... все окна в квартире были наглухо затянуты и забиты одеялами и тяжелыми, толстыми бархатными портьерами, как сейчас помню – они были пурпурного цвета. Портьеры и одеяла были плотно прибиты гвоздями к стенам – с целью светомаскировки и для хоть какой-то защиты от лютого наружного холода. Поэтому ДОМА ВСЕГДА БЫЛА ПОЛНАЯ ТЕМНОТА, нарушаемая лишь слабым светом коптилки.

Наша коптилка была еще проще и примитивнее: бутылочка с широким горлышком, наполненная керосином, в который погружался фитилек из тряпок. Верхняя часть фитилька проходила через центр жестяного кружка, лежащего на горлышке бутылки. Вот эта-то часть фитилька и поджигалась. Слабый, мигающий огонек коптилки гонял по комнате черные тени, и становилось еще страшнее, чем совсем без света, – казалось, что что-то темное и страшное прячется в неосвещенных углах...

На улицу же я почти не выходила. Лишь иногда мама была вынуждена брать меня с собой в многочасовую очередь за хлебом. Но это всегда происходило ранним утром, когда было еще СОВЕРШЕННО ТЕМНО. Помню темные

силуэты закутанных людей, еле бредущих по мертвым улицам, чуть сереющее небо, ледяной холод и тишину в перерывах между бомбежками...

Через много лет после войны, году примерно в 1967-м, в нашей квартире проводился очередной ремонт. Мы решили тщательным образом удалить со стен всю «шубу» обоев, накопившихся за годы существования дома, построенного еще в 1905 году. Снимали обои слой за слоем, проходя по этапам жизни дома и его обитателей. Нашли и обои, которыми были оклеены стены во время блокады – черные, закопченные, с грязными потеками, так как позднее в квартиру над нами попал снаряд, там накопился снег, который весной начал таять, и затопил нашу квартиру. Весной и летом в пробоину заливались дожди, проливавшиеся в нашу квартиру, что еще более усиливало картину разрушения.

Наконец мы дошли до самого первого слоя газет, которыми были оклеены стены сразу после окончания строительства. Читать их было невероятно интересно. Но самое интересное мы увидели тогда, когда сняли и этот слой: на стенах по периметру всех окон протянулись ряды маленьких дырочек на расстоянии примерно 1 – 2 см друг от друга. Мы долго не могли понять, что это значит, пока не вспомнили затемнение блокадных окон. Оказалось, что это – следы от тех гвоздей, которыми были прибиты к стенам одеяла и шторы – для обеспечения затемнения и защиты от холода.

Место в детском саду

В марте 1942 года мама узнала, что в детском саду, куда она поставила меня на очередь еще в начале блокады, освободилось место, и она может привести меня туда наутро. Это была огромная удача, так как в детском саду дополнительно к хлебу, который можно было получить по карточкам, выдавали еще по 2 маленьких кусочка хлеба, намазанного чем-то сладким, и еще – очень редко – по половине чайной ложечки сахарного песка, насыпанного в крохотные бумажные фунтики. Это дополнительное питание было не только невероятно вкусно, это давало возможность поддерживать жизнь!

Случайно мама встретила на лестнице соседку, чья дочка кричала о своем хлебе, и поделилась с ней своей радостью. Результат был такой: наутро, гораздо раньше назначенного срока, СОСЕДКА ПОВЕЛА В ДЕТСКИЙ САД СВОЮ ДОЧКУ И ОПРЕДЕЛИЛА ЕЕ НА ТО МЕСТО, КОТОРОЕ БЫЛО ОБЕЩАНО МНЕ. Помню, как рыдала мама – от беспомощности, обиды и несправедливости!

Фунтик с сахаром

Все же через некоторое время маме удалось устроить меня в детский сад. Прекрасно помню и эти кусочки хлеба, намазанные чем-то вроде патоки, и эти крохотные бумажные кулечки-фунтики с сахарным песком, и заведующую, которая сидела на двух стульях, так как на одном – не помещалась – буквально!!!... Помню, как одна девочка говорила мне: «ОТДАЙ МНЕ СВОЙ ФУНТИК С САХАРОМ. Мой брат скоро придет с фронта и привезет много сахара. Тогда я дам тебе полную чайную ложку!» И я – верила и отдавала... Так еще в детстве начинали формироваться хищники и их жертвы...

Ели по крошечкам

Никто этому не учил, вероятно, сработал инстинкт самосохранения. Свой хлеб мы, дети блокадного детского сада, никогда не съедали сразу: мы ели его по крошечкам, каждую долго и тщательно рассасывали во рту и только после этого глотали...

Помню, как выглядели дети в детском саду: в тускло освещенной комнате сидели на стульчиках скрюченные, укутанные во все теплое маленькие фигурки, как маленькие старички... И – тишина...

Блокадные лакомства

Помню названия: шроты и дуранда. Сейчас читаю, что дуранда – это жмыхи, но не подсолнечные, которые считаются лакомством, а какие-то другие: черно-коричневые, тяжелые, горькие.

Шроты – это жмыхи соевых бобов – беловато-желтая чешуйчатая масса с тошнотворным привкусом.

Это я читаю сейчас. А тогда – не было ничего вкуснее дуранды, которая, по моим воспоминаниям, была сладкой и по вкусу напоминала соевые батончики! А может быть, это были шроты?... Когда маме удавалось достать эти лакомства (конечно же, маленькие кусочки!), для меня наступал настоящий праздник!

«Ложись, будем умирать»

Папа ослаб настолько, что уже не мог вставать с кровати. Сил сопротивляться у него больше не было. И он говорил маме: «Белка (это я) – в детском саду, она не пропадет. ЛОЖИСЬ, БУДЕМ УМИРАТЬ».

Когда мама слышала эти слова, она вскакивала, как будто ее отхлестали кнутом! «Нет! – шептала она. – Будем жить!» Она, как и все, очень боялась бомбежек, но не за себя, а за меня. Когда начинался налет, она шла не в бомбоубежище, а в

соседний дом, где находился мой садик, и вставала под аркой. «Если бомба попадет в этот дом – то чтобы вместе...» – говорила она.

Могли съесть

Мама и соседка ходили за нами в детский сад по очереди. Была очередь соседки, но она не повела свою дочку в садик в этот день, а мою маму не предупредила. В конце дня я осталась в садике одна. **Воспитательница вывела меня на улицу и отправила одну в черную, ледяную, безлюдную улицу... Я дошла сама, хотя мне было только 4,5 года. Помню страх, охвативший меня, когда я шла по темной, пустой улице!!! Но еще больше я испугалась, когда услышала, как соседка говорила маме, что нам повезло, что УЛИЦА БЫЛА БЕЗЛЮДНОЙ, ИНАЧЕ МЕНЯ МОГЛИ ПОЙМАТЬ И СЪЕСТЬ...**

Холодно

В нашей комнате была большая изразцовая печь-камин. Если его хорошо протопить, то он долго держал тепло. Но дров не было. Поэтому камин топили редко. В основном обогревались с помощью так называемой печурки. Печурка устанавливалась прямо в комнате и служила не только источником тепла, но и давала возможность вскипятить воду или сварить немудреную блокадную похлебку, если было что готовить... Труба-дымоход выводилась прямо в форточку.

Вот так выглядела типичная блокадная печурка.

ТОПИЛИ МЕБЕЛЬЮ И КНИГАМИ. В моей семье была большая библиотека. Был также огромный, на всю стену, до потолка, резной буфет из мореного дуба. Как он попал в квартиру – непонятно, так как вынести его не было никакой возможности. Вот он-то и служил источником тепла. Папа разбирал его на части, колот на щепки и отправлял в топку. Пошла в топку и часть паркета. Печурка, в основном, топилась книгами, камин – мебелью.

Разумеется, мы спали не раздеваясь, укладывая на себя все теплое, что было в доме.

Без воды

Воды не было... Спускались по лестнице, по обледенелым ступеням, с бидончиком в руках. Сначала ходили к **ПРОРУБИ НА ФОНТАНКЕ.** От постоянно проливаемой воды края проруби превратились в ледяные бугры, к воде можно было подобраться только ползком, и так же ползком скатываться с ледяного бугра, проливая по дороге с таким трудом добытую воду.

Позже у мамы уже не было сил ходить на Фонтанку. Поэтому она просто набирала снег во дворе, ГРЯЗНЫЙ СНЕГ С ПОРОХОВОЙ ГАРЬЮ И МУСОРОМ. Эту-то воду мы и пили.

Спекулянтка

Спекулянтка – так звали здоровую, ядреную женщину, которая приходила к нам домой, чтобы выменять что-то из наших домашних вещей на еду. Я была уверена, что Спекулянтка – ее имя. И только много позже, уже после войны, я узнала истинное значение этого слова.

Хорошо помню такой эпизод. У нас в доме была голова собаки колли в натуральную величину, настоящий саксонский фарфор. За эту уникальную вещь Спекулянтка дала полстакана отрубей. На мамину просьбу прибавить еще полстакана, она ответила: «Полстакана отрубей – это же день питания семьи!» С тем и ушла, прихватив с собой тяжеленную колли.

Но – надо быть справедливыми к жизни. Если бы не встретила на нашем пути эта спекулянтка, мы бы, скорее всего, не пережили блокаду...

Выла как белуга

Почему «как белуга» – не знаю, рыба белуга молчит. Так говорила мама. Но факт остается фактом: сначала я без конца плакала, просила: «Кушать хочу!» Потом, уже зимой, слова ушли, остался лишь беспрестанный вой, остановить который было невозможно. Он действовал на нервы всем. Мама терпела, посторонние – не хотели. И по дороге в Уфу, куда мы ехали после выезда из Ленинграда, из-за моего воя нас выкинули из теплушки. Позднее, уже в Уфе, под окном комнаты, где мы жили, собралась толпа, готовая буквально линчевать маму, – они думали, что она издевается над ребенком...

После этого случая стало ясно, что из-за моего воя у семьи могут быть серьезные неприятности. Тогда мамин брат поднял меня над головой и выпорол ремнем. Хорошо помню, как это было. «ВЫТЬ, КАК БЕЛУГА», я постепенно перестала, но обида на дядю и нервный тик остались на всю жизнь.

Стационар

Кроме больниц и госпиталей в Ленинграде были организованы стационары, где истощенных блокадников чуть-чуть подкармливали. Такой стационар для работников искусств был организован в подвале театра им. Горького. В начале апреля 1942 года туда положили папу, который к тому времени был уже совсем плох.

В папином альбоме остался карандашный рисунок этого подвала с крохотными окнами, крест-накрест заклеенными полосками газет, с кроватями, покрытыми серыми одеялами с надписью «Ноги», с истощенными, сгорбленными людьми, сидящими на этих кроватях... На обороте рисунка были собраны автографы деятелей культуры, лежавших в стационаре, которых папа называл Сидельцами. Помню автограф Смирнова-Сокольского...

Много лет спустя я подарила этот альбом лично Г. А. Товстоногову, который при мне передал его директору музея театра Горького. Ксерокопий тогда не было, так что у меня не осталось никакой копии. А сам альбом из театрального музея, к сожалению, исчез...

Отъезд

25 апреля 1942 года пришел мамин знакомый лейтенант, который сказал: «Завтра последняя машина идет через Ладогу. Если вы не уедете, вы погибнете». И моя мама, моя слабая, маленькая, болезненная мама решилась. Папа лежал в стационаре, так что уезжали мы с мамой вдвоем.

Помню корзину, в которую мама побросала все, что попадалось под руку. Из полезных вещей она взяла пишущую машинку «Ундервуд» и ватные одеяла. Остальное – непонятно что и непонятно зачем. Например, гипюровые занавески. Правда, потом, уже в Уфе, мама сшила мне из них белое платье, которое я разорвала в первый же день... Из еды с собой была взята маленькая кастрюлька с пшенной кашей. Крохотный кусочек масла, который был выдан по карточкам в дорогу, мама забыла на столе. Там же лежала и большая, тяжелая книга «Сказки Андерсена», которую мама уже не могла взять. Она сказала: «Вернемся, и эта книга будет тебя ждать». Я так ждала возвращения, но, когда мы вернулись в августе 1944 года, книги там уже не было. Так обидно...

Ладога

Наутро пришел грузовик, лейтенант погрузил наши вещи в кузов, а нас с мамой посадил в кабину. И мы поехали.

По дороге в машину набилось множество народу с мешками. Мама называла их мешочниками. Скорее всего, эти люди тоже были спекулянтами, которые по Дороге жизни везли в Ленинград еду, а обратно – вещи, которые они на эту еду выменивали. Водитель высадил нас с мамой из кабины и посадил в кузов, набитый мешочниками и вещами.

Была ранняя весна, фактически – еще зима, 26 апреля 1942 года. Ветер рвал одежду и выдувал те крохи тепла, которые еще сохранились в наших

истощенных телах... Но на Ладоге уже началось таяние льда, и лед с трудом выдерживал вес грузовиков, едущих по Дороге жизни. Кроме того, немцы часто бомбили Дорогу жизни, на ней образовалось множество пробоин, часто слегка подмерзших и незаметных под слоем снега или воды. Машины ехали с открытыми дверцами, чтобы в случае необходимости водители могли быстро выскочить из кабин. У едущих машин из воды виднелись лишь верхушки колес, примерно в ширину ладони.

Мы ехали караваном, машина за машиной. Наша – последняя... Вдруг предыдущая машина странно наклонилась вперед, как будто «клюнула» дорогу, и медленно и почти беззвучно исчезла в черной ладожской воде... Наш водитель успел затормозить и объехал место аварии...

Кобона

Наконец – Большая земля. Деревня Кобона. Нас провели в большую (по моим тогдашним меркам) избу, комнаты которой располагались анфиладой. Мама достала ватное одеяло, постелила его на пол в последней комнате, а сама пошла за продуктами. В КОБОНЕ ВСЕМ ЛЕНИНГРАДЦАМ ВЫДАВАЛИ ПРОДУКТОВЫЕ ПАЙКИ. Много говорили о шоколаде. Как я его ждала!!!

Пока мама ходила за продуктами и стояла за ними в очереди, в избу набилось столько народу, что на обратном пути мама не могла добраться до последней комнаты, где она оставила меня. Она вынуждена была идти по людям, ее били и вырывали продукты прямо из ее рук... Так я и не дождалась шоколада...

Мама нашла меня сидящей на голом полу, потому что на моем одеяле сидели и лежали другие люди... Что было дальше – не помню, видимо, поев что-то из донесенных мамой продуктов, я немедленно уснула.

Уфа, приезд папы

Конечным пунктом нашего путешествия был г. Уфа, где на авиационном заводе работал мамин брат.

Путешествие длилось больше двух месяцев. Как мы доехали, как остались живы, как мама не потеряла меня среди десятков эшелонов на узловых станциях – я не могу понять до сих пор! Это был настоящий героизм, настоящий материнский подвиг!!!

Наконец добрались. Адреса дяди мы не знали, и не знали, куда идти и что делать... Чужая, незнакомая женщина, кажется москвичка, предложила нам, измученным, грязным и вшивым, пожить у нее, пока мама будет искать своего

брата. Она привела нас к себе, к своим детям, не испугавшись ни грязи, ни вшей. Она помогла нам помыться, покормила, устроила на ночлег, а позже – помогла найти дядю, к которому мы и переехали. Спасибо ей огромное! К сожалению, я не помню ни ее имени, ни, тем более, ее фамилии...

Папа приехал примерно через полгода. Его сразу же положили в госпиталь с тяжелой дистрофией. Через месяц он вышел из госпиталя, устроился на работу. Жизнь постепенно начала налаживаться. Но это – уже совсем другая песня.

Моя блокада закончилась. Но осталась боль воспоминаний, ненависть к врагу и огромная любовь к родному городу!

Семенова Валентина Дмитриевна
Мама сдавала кровь для фронта

Я родилась в годы сталинских репрессий. Едва мне минуло 5 лет, как началась Вторая мировая война, которую мы встретили с тревогой и недоумением.

«Ах, война, что ты, подлая, сделала?» – пел Булат Окуджава.

Из большой дружной семьи в одиннадцать человек осталось четыре человека, в том числе мама и я. Жили мы на маленькой, красивой улице Зодчего Росси. Когда город окружили немецкие войска, продовольствия не хватало, начался голод. Моя мама совместно с бабушкой решили из города никуда не выезжать, как бабушка говорила, война везде достанет. В это время из города эвакуировали заводы, людей и детей. В Ленинграде было тревожно и голодно.

В 1941 году у мамы умер маленький сын, в 1942 году умер мой отец, который работал на военном заводе, где делались снаряды. Его, изможденного работой, добил голод. Мы с мамой зашили его в простыню и на санках отвезли на Литейный проспект, где был сбор трупов.

Во время войны мама, хрупкая женщина весом в 45 кг, сдавала кровь для фронта. А когда она в очередной раз собиралась идти в Институт переливания крови на Советскую улицу, я ждала этого как «манну небесную» – там давали талон на обед. Мы приходили в большую столовую и делили обед, полученный по талону, на две порции. Для меня это было большим наслаждением!

Много испытаний выпало на нашу с мамой долю. Я ни разу не видела улыбку на ее лице. Я очень была привязана к маме, поскольку мы прожили тяжелые годы в борьбе за существование. Ходили собирать крапиву, лебеду, липу. Ездили на Пулковские высоты к окопам бойцов, выменивая на водку продукты.

Однажды солдаты угостили нас овсяной кашей с мясом. Этот вкус я помню до сих пор.

Голод заставлял искать пропитание. Однажды мы куда-то поехали осенью собирать капустные листья, уже подмороженные и черные. Я по-пластунски ползала по мокрой земле, собирала листья, а мама, затаив дыхание, стояла в кустах и наблюдала за мной. Ведь сбор листьев был запрещен. Припоминаю случай, когда я пришла из детского сада, очень хотелось есть. Я стала распахивать дверцы буфета, чтобы найти хоть крупинку какую-то, но вдруг на подоконнике увидела банку с темной жидкостью. Подумав, что это патока, я с размахом хлебнула глоток. Это оказалось дегтярное мыло.

В детском саду питания не хватало. После обеда все как по команде бросались под стол искать крошки. Но какие там крошки? Ничего не было...

Как-то мы решили поменять водку на хлеб. Пошли на рынок, выменяли буханку хлеба, я в нетерпении попросила маму отломить мне корочку хлеба, а там оказались мокрые рваные чулки.

Мама работала в строительной организации, разбирала дома после бомбежки и уходила очень рано утром, часов в 5. Вместе с ней я тоже уходила в детский сад. Иду я своим маршрутом, слышу позади себя женский голос:

– Девочка, куда идешь?

– В детский сад.

– Где он находится?

– Вон там, – показываю пальцем.

– Я тебя провожу, я твоя двоюродная сестра.

Пошли вместе, а она стала спрашивать, какая картинка у меня на шкафчике висит. Немного не доходя до двери детского сада, она стала со мной снимать шубку, муфту, капор, которые мне в этом комплекте купила до войны бабушка и тетя. Этот комплект был мне велик поначалу, а потом я выросла и стала его носить. А днем мы с воспитателем стали собираться на прогулку, но шубки, муфты и шапки не было уже.

Помню один случай, который в наши дни показался бы ужасом, но в те годы это было само собой разумеющееся. Идем по Щербакову переулку, впереди нас – дама в беличьей шубке, пуховом белом платке, на ногах

белые фетровые ботинки, в руках портфель. И вдруг я замечаю, что женщина оседает и заваливается на бок. А когда мы шли обратно, где-то через пару часов, то увидели эту женщину уже мертвой, раздетой, а из бедра вырезан кусок тела.

Выжили кое-как. Мама спасла меня от смерти разными способами. Блокаду, наконец, прорвали наши доблестные войска, дышать стало легче, но жить было еще трудно. Позднее стало понемногу все налаживаться. С наступлением Победы народ ожил! Это было огромным счастьем! Все ликовали, встречали бойцов цветами. Солдаты шли широкой шеренгой в победном марше по Невскому проспекту. А я, зная, что мой отец мертв, всматривалась в потные лица солдат, ища родное лицо. Хотелось броситься ему на грудь и быть счастливой!

Этот праздник со слезами на глазах до сих пор в моей жизни остался самым важным событием.

Смирнова Галина Федоровна
У нас во дворе жил людоед

Галина Федоровна родилась в 1937 году.

В голове – один лишь ужас. Помню август 1941 года, начался налет на город. Тогда еще не было бомбоубежищ, и мы собирались под аркой в доме на ул. Кирочной. Гул от самолетов стоял страшный. Мама плакала, я кричала от страха. В голове вертелось: «Неужели нас никто не защитит?» Дети быстро выросли.

Зимой в наш дом попала фугасная бомба. Сгорело все, и нам пришлось переехать к тете. В кухне площадью 10 квадратных метров жили 12 человек. А потом голод... Я ходила в садик – это и спасало, хоть чем-то кормили. Меня пытались эвакуировать. Но в последний момент поезд не дошел, началась бомбежка. Мы застряли на каком-то полустанке, и родители нас забрали обратно в Ленинград.

У нас во дворе, по словам взрослых, жил людоед, который собирал трупы. Родители боялись нас отпускать одних.

Помню, как я умудрялась хлебный паек в 250 грамм делить на пять приемов пищи. Однажды я съела одну сырую картофелину, взяв ее без спроса... мама

меня наказала. Причем наказала из-за того, что я съела картофелину вместе с кожурой, из которой варили суп...

Савицкая Нина Михайловна

Я начала скитаться

Жила я у родственников в Свечном переулке, а мои отец, мама и младшая сестра жили в Ленинградской области. Когда началась война, они оказались в зоне оккупации. Мама вскоре умерла, а отца и сестру немцы отправили в Прибалтику на принудительные работы.

До войны я училась в ФЗУ на заготовщицу, но получить диплом не успела. У нас продолжалась практика, и мы стали выполнять военные заказы. Одновременно нас стали посылать рыть противотанковые рвы. Родственники эвакуировались, а меня оставили оберегать квартиру. Во время обстрела в нашу квартиру попал снаряд, и я начала скитаться.

Некоторые из работниц приглашали переночевать у себя, и одна из них захотела украсть мою хлебную карточку. Мы с ней каждое утро вдвоем выкупали хлеб. Однажды она мне говорит: «Я сегодня не пойду за хлебом». Когда я вернулась из булочной, она мне сказала, что не может найти свою карточку, что я ее украла, и потребовала, чтобы я отдала: «Если не отдашь, то я позову милиционера». Я испугалась и отдала ей свою собственную карточку. Пришла на работу, забилась в угол и плачу: фактически мы жили одним хлебом, другой еды у меня не было.

Одна пожилая мудрая женщина мне посоветовала отвести обидчицу в милицию. Моя соседка этого, видимо, не ожидала. Милиционер допросил нас и заставил ее показать кошелек – в нем оказалось сразу две карточки. Моя жизнь была спасена – если бы эта женщина спрятала мою карточку у себя дома, то я бы долго не протянула.

Моя тетя по отцу жила в школе. Я иногда приходила к ней, и она меня морально поддерживала. Однажды я подошла к школе и увидела гору трупов. Была зима, помещения не отапливались, и дети умирали от холода и голода. А вторая тетя (по маме) жила далеко, на Обводном канале, транспорт не работал, и я к ней не ходила, не было сил.

В это время я уже не могла плакать – слез не было, и к тому же я стала дистрофиком. Два раза лежала в больнице Эрисмана с диагнозом «нейродермит».

А уже после всех скитаний меня призвали на оборонные работы – так я оказалась на аэродроме в Левашово. Грузили авиабомбы, зимой расчищали снег для вылета самолетов. Спали на нарах, не было ни воды, ни мыла, было полно вшей. Вместе с еще одной девочкой по имени Юля рано утром я ходила к общежитию летчиков, чтобы помыться. Летом на аэродроме в Кудрово строили капониры для укрытия самолетов. Резали дерн, с трудом носили его на носилках.

Кроме того мы работали на аэродроме Никольское. Нас посылали на разборку немецких землянок, мы пилили бревна на дрова. На станции Новая Малучка мы и узнали об окончании войны.

После войны нас отправили на строительство аэродрома в г. Пушкин и только в 1947 году отпустили домой. Еще действовала карточная система – карточку давали после того, как отработаешь месяц. Я устроилась работать на завод «Красный треугольник». Сначала работала в галошном цехе весовщицей, а затем – в отделе технического контроля.

В конце 1953 года вышла замуж. С будущим мужем познакомилась, когда он приезжал в отпуск в Ленинград. Затем мы вместе уехали в Севастополь.

Самсонова Валентина Степановна Олады из дуранды и горчицы

До Великой Отечественной войны и в первые месяцы блокады мы жили на Владимирской площади. Война в нашу семью пришла неожиданно, как и во многие семьи. Отец один из первых записался в народное ополчение и погиб осенью 1941 года под Пулковскими высотами.

После ухода папы на фронт жить нам становилось все труднее и труднее. На руках у мамы, кроме меня, осталась вторая дочь Раиса, 1932 года рождения. Мне в ту пору было шесть лет, из-за недоедания я была слабенькой. Первое время при объявлении воздушной тревоги мама укладывала нас с сестренкой на кровать у капитальной стены, а сама поднималась с другими жильцами на чердак тушить, в случае необходимости, зажигательные бомбы.

Однажды во время налета мама схватила меня на руки, отдала Раечке сумку с документами и продовольственными карточками, и мы спустились в бомбоубежище, где уже было полнехонько людей. Вдруг у входа в бомбоубежище раздался взрыв, начался пожар. Люди бросились к выходу.

В огне и в дыму Рая потеряла мамину сумку. Мы остались без документов, без продовольственных карточек и без денег. Маму сильно контузило. При восстановлении документов она не смогла вспомнить даты рождения своих дочерей. В результате мы с сестрой не знаем своих настоящих дней рождения.

Продовольственные карточки были потеряны в конце ноября, восстановить их было невозможно. Оставшиеся дни до получения карточек на декабрь есть нам было нечего, нам грозила смерть от голода.

После войны мама рассказала нам, сколько дорогих вещей она была вынуждена продать на рынке, чтобы купить хлеб и еще что-нибудь съедобное.

Нам часто приходилось довольствоваться студнем из столярного клея. Мы пекли оладьи из дуранды и горчицы. Покупали сладкую землю Бадаевских складов, где после пожаров расплавилось много сахара, который пропитал землю. Пытались хоть чем-то заполнить пустые желудки.

В конце марта 1942 года работники райисполкома предложили нам эвакуироваться. В назначенный день всех погрузили на грузовики и отвезли в Борисову Гриву. Там мы вышли на лед. Был март, лед слабел. Пара передних машин провалилась, а наш шофер успел затормозить у самого края образовавшейся полыньи. Ходить я не могла и помню, как меня какой-то красноармеец отнес в палатку к зенитчикам. Потом нас отвезли на другой берег Ладоги, а оттуда – в теплушках неизвестно куда. В итоге мы оказались в Калининской области. В Ленинград мы вернулись уже после войны.

Семенова Майя Ивановна
Отдавая последние крохи

Председатель пушкинского общества «Жители блокадного Ленинграда».

Я родилась 7 декабря 1935 года в семье ленинградских рабочих. Мои родители – мать Зинаида Лазаревна и отец Иван Иванович – работали на заводе оборонного значения. Отец был призван в армию во время финской кампании, мне тогда было два с половиной года. Вернулся он в 1947 году, пройдя Великую Отечественную и японскую войны, в боях был контужен. После возвращения отец много болел и вскоре умер.

Войну мы с мамой встретили на окраине Ленинграда, в деревянном доме на Рощинской улице.

Детский сад, в который я ходила, выехал из города. Мне приходилось оставаться дома одной, было страшно – ведь мне было всего пять с половиной лет. Вопреки запрету мама иногда брала меня на работу, обвязывая веревкой, чтобы не потерялась.

Однажды я заболела, и мама осталась со мной дома. Во время обстрела в наш дом попал снаряд. Мама успела схватить меня, документы и перину, и мы с уцелевшими жильцами оказались на улице. После этого мы переехали к родственникам на Петроградскую сторону, на Лахтинскую улицу. Там мы и пережили страшную блокадную зиму 1941 – 1942 годов.

Каким чудом удалось нашим мамам сохранить своих детей в голоде, холоде, постоянных бомбежках и обстрелах – понять невозможно. Мама говорила, что самое страшное – это не бомбежки, а то, что голодный ребенок просит есть, и мать, отдавая ему последние крохи, умирает сама.

В конце марта 1942 года мы были эвакуированы по Дороге жизни через Ладожское озеро в Кобону, а затем в Ростов, где нас, ленинградцев, подкормили и подлечили. Там детей отделили от родителей – всех обрили, одели в длинные белые рубашки, и мы, бритые, тощие, были похожи друг на друга, мамы нас едва узнавали, называя по имени.

Конечный пункт следования – Казань. Голод и лишения дали о себе знать – я заболела менингитом и на всю жизнь получила осложнения на глаза. В 1943 году я пошла в школу, мама работала на оборону. Жили мы трудно, помню, как собирала недоеденные куски в столовой.

В 1945 году пришла радость Победы, а в конце мая – опять горе. Работая в ночную смену в литейном цехе, мама потеряла руку – она попала в станок. На меня легли все заботы по дому. Окончив школу, я поступила в Казанский финансово-экономический институт. Чтобы выучить меня, мама с одной рукой нянчила чужих детей, ведь пенсии были мизерными. В 1957 году по окончании института я была направлена по специальности на космодром «Плисецк», работала в военных частях. Затем попала по распоряжению военного руководства в Польшу, в Венгрию, потом в Ленинградский военный округ.

Выйдя на пенсию, я стала работать в общественной организации «Жители блокадного Ленинграда», с 1999 года меня избирали председателем правления пушкинского районного общества, также я вхожу в состав петербургского общества.

Сергина К. Н. (Ефимова)

А дума у война только одна...

Родилась 18 марта 1926 года. Ломоносов (Петербург).

В самом начале войны наша семья хотела эвакуироваться, но меня не отпустили. Мой отец утонул, когда мне было чуть больше года, остались мама и бабушка. Помню, как я провожала маму до Московского вокзала. В дорогу в поезде выдавали сухой пек. Когда мама его съела, ей неожиданно стало плохо. Ее отвезли в госпиталь, который располагался в «Октябрьской» гостинице. В сентябре 1942 года мамы не стало. Бабушка умерла еще раньше – в январе.

Тогда я сломала шкаф, сколотила подобие гроба и повезла труп на Волковское кладбище. Температура была под 40 градусов мороза. Вырыть могилу у меня физически не получилось, поэтому пришлось положить тело в чужую могилу, где уже лежал покойник. После того как мой дядя погиб в Восточной Пруссии, а тетя пропала без вести на фронте, я осталась совершенно одна.

Тогда же, в 1942 году, я попала на фронт. В октябре была мобилизована Октябрьским военкоматом. Служила в Главном управлении оборонной стройки Красной армии на Ленинградском фронте. До августа 1943 года входила в состав действующей армии. В 45-м меня демобилизовали. В свое время я получила медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», орден Славы и др.

Несмотря на то что Великая Отечественная закончилась много лет назад, я до сих пор не могу есть арахис – он напоминает мне сою, которой нас кормили в военное время. Еще одним воспоминанием военных лет для меня является стихотворение, которое я написала, узнав о смерти дяди:

Недели проходят так быстро,
И вот наступила пора,
Что русские воины немцев
На прусской границе громят.
Громят они здорово, злобно и смело
За смерть всех погибших, родных и детей,
Громят они храбро, и каждый уверен,
Что скоро увидит отставших друзей.
Увидеть друзей, что дрались с ними рядом

На фронте, в тылу, на передних краях!
О тех, о которых так долго мечтали...
И дума солдата, как видно, сбылась,
И сбудется все, что задумает воин,
А дума у воина только одна —
Добить поскорее фашистского зверя
И крест положить на него навсегда!
Положим мы крест и в Берлине не дальнем,
Где думали немцы о нашей Москве,
Подумаем мы о фашистской расправе
На их же побитой фашистской земле!..

Скрипачева Ирина Борисовна
Со мной остался страх войны

В момент начала войны мне было 10 лет. Как говорится, я родилась, крестилась и женилась в Смольнинском районе, а потом переехала в Кировский. Жили мы между Московским вокзалом и Смольным.

На всю жизнь со мной остался страх войны. Для меня и моих близких не было ничего ужаснее голодной смерти, мысль о ней держала нас всех в непередаваемом напряжении. Невозможно представить что-то страшнее, чем смотреть, как погибают твои близкие. Самым тяжелым был осенне-зимний период, когда город буквально умирал.

Что самое удивительное, росли мы с музыкой, иногда даже посещали Мариинку.

На зиму мы выехали в Лесной, где жили наши родственники, там было меньше бомбежек. Приезжали туда всем табором, как спали, страшно представить. Помнится, осенью была круглосуточная тревога. Радио мы вообще не выключали, все время слушали сводки. По голосу диктора и его тональности можно было сразу определить, какого характера будет новость.

Мы очень долго не могли никак оправиться от голода. Это ужасное чувство преследовало многих долгие годы. В блокаду Ленинград был одной семьей, многие выжили, только спасая друг друга. Между нами, блокадниками, установилось некое родство и близость.

Сленина Нина Ивановна
Мы выжили, помогая друг другу

Вспоминать – это переживать заново те события, что прошли через наше детство и юность в ходе войны. Надо писать, чтобы внуки, правнуки знали правду – какой ценой досталась Победа. Не из новых школьных учебников по истории, а от родных, близких людей, очевидцев, испытавших на себе смертоносный голод, адский холод, ледящий сердце, когда нечем согреться в суровые зимние ночи Ленинграда. Как теряли близких от голода, холода, бомбежек и артобстрелов, да еще самим же приходилось (у кого еще хватало сил) отвозить на сборные пункты на саночках закутанных в простыни или тряпье покойников: своих мам, братьев, сестер. Это было страшно. У кого оставались силы несли ответственность за судьбу других. Вот так было и со мной в те далекие годы.

Июнь 1941 года. Воскресенье. Я была счастлива: все в сборе – папа, мама и брат с сестрой, на дворе ясное утро. Жили мы в те времена за Невской заставой в микрорайоне «Шемиловка», где стоял памятник Володарскому на набережной Невы и был сад им. Бабушкина. Перед нашим домом стоял действующий польский костел.

Мы с мамой проснулись раньше всех и обсудили необычные сны. Мне снился этот польский костел в виде вулканической горы и даже с кратером. Как будто мы вышли на улицу, и было извержение вулкана, и наши ноги обожгло волной раскаленной магмы. Почти все упали, кое-кто стоял. Это был мой сон. Мамин сон был тоже неприятный: будто дом, рядом стоящий, рушится, и кирпичи его летят фонтаном в разные стороны, разбивая стекла окон нашего дома.

Поделились впечатлениями и принялись за дела. Я пошла в булочную. Меня вернули домой за мамой, сказав: «Война». Слово екнуло в сердце болью. Мама была руководящей в Красном Кресте.

Затем пришла машина за папой. Он работал на заводе «Большевик» в Невском районе.

Сестра шести лет и двухлетний брат, не понимая, что происходит, но видя настроение старших, плакали. Стыдно сказать, я тоже.

Вскоре организовали дежурство по подъездам. Потом посылали рыть окопы на станции Фарфоровский пост и Сортировочная. Я тоже дежурила и помогала, чем могла. Мне в ту пору было 12 лет, я только что окончила пятый класс 331-й школы.

В какой-то день комсомольцы старших классов собрали нас на пионерской линейке в школе, провели с нами беседу о бдительности: как надо вести себя во

время дежурств, налетов, как надевать противогаз, как оказывать первую помощь. И я почувствовала себя сразу старше, почти взрослой – как мама. Я гордилась этим.

Во время бомбежек я на крыше не стояла, а ответственно заставляла следовать всех в бомбоубежище и отводила туда детей (бомбоубежище было в доме напротив).

Я была больна – у меня порок сердца.

Вскоре школьников нашей школы, чьи родители не были против, эвакуировали в Акуловку (а может, в другое место, я забыла). Пробыв там недели две, мы втроем убежали – не хотели быть в стороне, «отсиживаться».

;Добирались по шпалам от станции, где стоял состав, просились. Но, вернувшись, в школу я не пошла – заболела.

Зимой, когда транспорт перестал ходить, застывшие трамваи стояли на рельсах, рабочие оставались на казарменном положении – прямо на заводах и фабриках. Мы жили и ночевали в «красном уголке» военного завода «Большевик», где мой отец работал старшим инженером мартеновского цеха. «Будешь помогать нам, а мы – тебе», – сказал он. И я все это время до сентября 1942 года жила на заводе.

Завод работал круглые сутки, рабочие приходили в «красный уголок» отдохнуть, чуть-чуть поспать, погреться. Я чувствовала себя мамой. Ведь мне надо было согреть помещение – истопить три буржуйки. Легко сказать – истопить... А где дрова?

Дрова надо было добывать. Съедобный кустарник, что рос вокруг завода – кизилковый, сиреневый, шиповник, – уже весь был использован для приготовления чая. Я собирала то, что оставалось от заборов, находила в пустующих квартирах мебель полегче – стулья, табуретки, полочки и все, что не успели сжечь уехавшие хозяева.

В «красном уголке» всегда был кипяток с ветками. Воду я носила из Невы или готовила из талого снега. В этом мне помогали рабочие, особенно – кузнец Фруцкий... Он очень меня жалел, потому что на плечи хрупкой, больной девочки свалилась большая ответственность. Иногда кто-нибудь приносил клей, ремни, кожу – я варила из них суп, студень – всем понемногу. А когда потеплело, то щи. Правда, не знаю, из какой травы я их готовила, но никто не отравился. Так коммуной мы и выжили, помогая друг другу. Я была худая, но

щеки были отечными, и рабочие боялись, что когда-нибудь я не вернусь – съедят. Отец с дядей Ваней иногда навещал маму, сестру и брата.

В сентябре 1942 года мы эвакуировались. Я не хотела, сопротивлялась, но настоятельные уговоры подействовали. Я покинула мой родной Ленинград, отца и еще одного человека, о котором я тайно думала всегда: и когда хотелось есть, и когда замерзала, и когда чувствовала, что умираю. Он был рядовым, служил во флоте на Балтике, и я боялась, что с ним что-то случится. Он был из соседской семьи – их фамилия была Тихоновы, а звали его Валентин.

Потом была эвакуация: паромы, баржи со всякими трагическими исходами, затем товарняки, стоявшие сутками в тупиках, и станции, где сердобольные женщины приносили к поезду менять или просто угощать тощих пассажиров «вкусненьким»: картошкой, лепешками из муки с дурандой или еще чем-то, и даже приносили молоко. Эвакуация – это и поход «на горшок» вдоль вагонов для всех подряд: девочек, мальчиков, мам, пап, бабушек и дедушек. Иногда на станциях оставляли людей, не доехавших до места назначения, – то ли в больницах, то ли в моргах. И вот, наконец, станция Ярославль.

Вот тут-то и началась моя по-настоящему самостоятельная жизнь, осознанная, без опеки родителей. Мне было 14 – 15 лет.

Я хотела назад, в Ленинград. И думала «Стыдно. Я сбежала с поста! Я всех бросила! Вернуться!» Через райком комсомола (притом я не была еще комсомолкой) прошла врачебную экспертизу для получения паспорта, сознательно прибавив три года. Получив временный паспорт, я нашла на станции Филино ФЗО, которое должно было впоследствии ехать в Ленинград на восстановление города. Так я была принята в комсомол.

Но не суждено было скоро вернуться в Ленинград. Окончив ФЗО, моя группа была направлена в Москву, а не в Ленинград. Остальные оставались работать в Филино, на Уральском заводе, выполнять военные заказы.

Пришел вызов из Ленинграда, папа побеспокоился. В мае 1945 года меня перевели в Ленинград к инженер-капитану Лапенко для дальнейшего прохождения службы.

9 мая. 6 часов утра. Москва. Гагаринский переулок близ Арбата, какая-то церковь, там наш кубрик. Я еще спала. В окно постучали с криком: «Кончилось! Кончилось! Войне конец!» Кое-как одевшись, кинулась на улицу, стоит

грузовик, в кузове – пирожки в ящичках. Куда-то вез их шофер, но, передумав, поехал на Красную площадь: «Будь что будет!» Я с ним на – площадь.

Там собирался народ. За считанные минуты на площади собралось очень много людей! Машину шофер остановил, не въезжая на площадь, и велел мне раздавать людям эти пирожки. Днем я заболела – сердце не выдержало такой нагрузки – и вечером сидела дома. Салют только слышала.

Потом вернулась в родной Ленинград. Нетрудно читателям представить, что испытывает человек, приближаясь к близкому, родному, любимому после длительной разлуки. Не помню себя в поезде, но от трамвайной остановки, что у завода Ломоносова, через Бабушкин сад я пыталась бежать быстрее. Мне было тяжело, так как я была в валенках (сапоги я поменяла в вагоне; все равно натерла ноги портянками – не научилась их надевать), в шинели и с рюкзаком.

В нашей квартире, в других квартирах подъезда – ни взрослых, ни детей. Сидела на лестничном подоконнике до вечера. Люди стали возвращаться с работы – встречи, крик, слезы, радость. И только мама почему-то встретила меня сдержанно, почти сурово. Она вернулась в Ленинград в 1944 или в 1945 году, но раньше меня, сохранив сестру с братом. Отец ленинградскую блокаду тоже пережил.

Смирнова Тамара Георгиевна Аферистов было много!

До войны мы жили в Озерках (окраина Ленинграда). У нас в семье было четверо детей: я и три младших брата. Когда началась война, мне было 15 лет, я окончила 8 классов средней школы, а братьям – 13, 10 и 4 года.

В конце июня детей из Ленинграда начали эвакуировать. Два брата были эвакуированы со школой, а младший – с детским садиком. Эвакуировали в Боровичи и Валдай, но немцы начали бомбить эти пункты до того, как сосредоточились на Ленинграде, и родители бросились за детьми. Бомбили эшелоны, очень много детей и родителей погибло. Но маме повезло, и она благополучно привезла братьев в Ленинград. Пока она ездила, папу призвали в армию, и я проводила его на фронт. Он до войны работал в Ленинградском педагогическом институте им. Покровского, и его как работника очень ценили; после его призыва институт оказывал нам всяческую помощь.

Наш дом в Озерках заняла воинская часть, а нам во флигеле при институте дали комнату (8 кв. м.), в которой была плита; мы и обогревались ею, и готовили на ней. Мама ездила на поля совхозов под Ленинградом и собирала зеленые

капустные листья, оставшиеся от снятой капусты, и насолила их целую бочку. Мы из нее варили щи и пекли с отрубями лепешки. А отруби нам давал институт.

В помещении института был всеобуч. Меня в 15 лет приняли на работу препаратором кафедры физики, а тринадцатилетнего брата – истопником. Он носил к печкам вязанки дров, из-под которых его и видно не было. Мама тоже работала в институте. Это нас и спасло – было две рабочих карточки, еще одна служащая, а также капуста с отрубями и тепло в комнате. Мы были членами унитарной команды. Дежурили на чердаке, на крыше, сбрасывали зажигалки и тушили их, а они сыпались, как горох. Бомбежки были бесконечные. Передадут отбой воздушной тревоги – и снова сигнал тревоги. Иногда люди и спали в бомбоубежище, а иногда и вовсе не ходили в него.

Мы помогали закладывать окна кирпичами, ведь город готовился к уличным боям. Но нам не было страшно, ведь мы защищали свой родной Ленинград. Самыми тяжелыми месяцами были декабрь, январь и февраль 1941 – 1942 годов, когда и карточки полностью не отоваривались.

В это время к нам приходила аферистка. Их тогда было много, по радио все время призывали к бдительности. Папа в это время был в Ленинграде, в батальоне выздоравливающих после ранения, он часто приходил домой. В тот момент как раз выдали продукты на 10 дней, а накануне случился артобстрел Петроградской стороны. Как мы потом узнали – эта женщина вошла в вестибюль института и у дежурной спросила, живут ли у них семьи военнослужащих. Дежурная ответила, что вот у нас есть Мурашевы (это моя девичья фамилия), а мошенница сказала: «Они мне и нужны». Пришла к нам и рассказала, что папа был тяжело ранен при артобстреле и лежит в госпитале на ул. Салтыкова-Щедрина, д. 52, потерял много крови и очень слаб. Много наговорила таких подробностей, в которые можно было поверить.

Мы положили в передачу паек, выданный на 10 дней на пятерых человек, и отдали ей. На другой день я пошла в этот госпиталь, но папы там не оказалось. А когда в справочной я рассказала, что приходила женщина и дала этот адрес, то мне объяснили, что к нам приходила аферистка. Ходит по Петроградской стороне и рассказывает одну и ту же историю. А через день пришел папа, и дежурная ему все рассказала. Он, конечно, маму поругал, что отдала продукты, но что делать...

Из института я перешла работать в 53-й эвакогоспиталь санитаркой, получила рабочую карточку. Госпиталь входил в состав действующей армии, хотя весь город представлял собой линию фронта. К нам привозили раненых с фронта. Я

ухаживала за тяжелоранеными бойцами, кормила их с ложечки, помогала переодевать их и перевязывать раны. Многие умирали. На это страшно было смотреть.

Летом 1942 года начались частые артобстрелы. Многодетные семьи стали эвакуировать в обязательном порядке через Ладогу. Мы ехали поездом до станции Полюстрово, потом на машине до Ладоги и через реку шли на катере. Штормило, да к тому же немцы беспощадно бомбили катера. Спасибо матросам Ладожской флотилии, которые проявляли мужество и героизм в условиях бомбежек и спасали женщин и детей. Благодаря им мы благополучно добрались до Большой земли. А многие катера утонули, слышен был крик, плач и стон.

После того как мы эвакуировались, в наш дом попал снаряд и разорвался прямо в нашей комнате.

В эвакуации я была недолго – в марте 1944 года я вновь возвратилась в Ленинград. Работала, разбирала завалы и принимала участие в восстановлении города. Папа – Мурашев Георгий Борисович – в боях за Ленинград был трижды ранен и после одного из ранений, лежа в госпитале, написал нам письмо в стихах. Там были такие строки:

Прощайте, любимые дети,
Прощай, дорогая жена...
За счастье народа, за город любимый
Меня здесь хоронит родная земля,
Но братья по фронту, сыны Ленинграда,
Так быстро отрыли меня,
Сестра санитарка с искусной заботой
Все раны бинтами мне обвила...

А 21 января 1944 года, при снятии блокады Ленинграда, папа погиб в деревне Холонино Волосовского района. Мы ездили на его могилу. Нам рассказали, что там проходила трасса стратегического значения. Бои были такие, что все было чёрным от трупов, хоронили и наших, и немцев в траншеи. А папа и еще несколько человек погибли в самом селе, местные жители их похоронили, а за могилой ухаживали школьники. А потом его прах перевезли в братскую могилу районного центра Волосово, где построен мемориал.

В июле 1944 года я вышла замуж за военнослужащего, защищавшего Ленинград, с которым потом исколесила полстраны. В период блокады и до 1949 года он был морским летчиком Балтийского флота. Затем в 1949 году он

был переведен на Дальний Восток, а после окончания академии в 1957 году направлен в Севастополь.

Я награждена медалью «За оборону Ленинграда» и орденом Отечественной войны II степени.

Солощенко Людмила Александровна
Вокруг рушились дома

Председатель общества жителей блокадного Ленинграда города Ломоносова.

Я родилась 17 августа 1943 года в городе Ломоносове. Была война, вокруг рушились дома, и нас все время перевозили с места на место. У меня был старший брат 1939 года рождения, он умер, прожив до 50 лет.

Наша мать работала стрелочницей, а отец служил в МПВО, в армию его не брали. Наши родители не любили о себе рассказывать: военные годы были тяжелые, да и послевоенные не легче. Когда мне было годика 3, я сильно заболела, мне необходимо было молоко. Денег не было совсем, и, чтобы получить молоко, матери пришлось продать комод.

Сорокина Антонина Ефимовна
Погас наш семейный очаг

Война – страх и ужас, пережитый в раннем детстве, от которого осталась открытая душевная рана и подорванное здоровье.

В блокаду умерли родители, брат погиб на фронте. Блокадную зиму 1941 – 42 годов не пережил никто из моих родных. Погас наш семейный очаг. Я осталась одна.

Воспитывалась в детском доме. Получила специальность по пошиву военной одежды в спец РУ № 27 г. Ленинграда, а в 1953 году была направлена на работу в военторг в г. Севастополе. Проработала там до выхода на пенсию в 1992 году.

С Ленинградом постоянно поддерживаю связь. Состою на учете в Союзе воспитанников детских домов блокадного Ленинграда, председатель – Фадеева Нина Александровна (Санкт-Петербург, ул. Пушкина, 5. СВДД блокадного Ленинграда).

Недавно меня разыскали наши блокадные ребята из калужского детского дома, были встречи в Ялте и Ленинграде. В Ленинграде бываю по возможности,

обязательно навещаю родную Ладогу и с благодарностью кладу цветы и ленту памяти. На ней написано: «Помним, чтим защитников Ленинграда! Дети блокады».

Степанова Маргарита Михайловна
Необычный «салют»

Маргарита Михайловна Степанова родилась в 1936 году в городе Колпино. Житель блокадного Ленинграда. С 1964 года живет в Пушкине. Образование среднее. Член правления Пушкинского общества жителей блокадного Ленинграда. Ветеран блокадного движения, награждена многими медалями.

Перед войной наша семья – отец Михаил Иванович, мать Варвара Лаврентьевна, сестра Лидия 1926 года рождения, Тамара 1929 года рождения и я – жила в городе Колпино Ленинградской области.

Я ходила в детский садик. Когда немецкие войска стали приближаться к пригородам, руководство Ижорского завода отправило детей своих работников в Ленинград на Петроградскую сторону. Сестра Тамара поехала со мной, чтобы помогать в работе персоналу садика.

При объявлении воздушной тревоги нас быстро одевали и вели в бомбоубежище, оно располагалось под огромным зданием ткацкой фабрики напротив садика. Самыми долгожданнами словами по радио были: «Отбой воздушной тревоги!»

Однажды зимой во время налета немецкой авиации загорелся цех фабрики, и выходы из бомбоубежища завалило. Нас доставали через подвальные окна. Кругом были огромные лужи от тающего снега, а сверху летели клочья горячей ваты. Я засмотрелась на этот необычный «салют». Когда пожарник добрался до меня и взял на руки, то тут же пожурил и отхлопал по попке, потому что меня уже искали, сестра плакала.

За страшную зиму 1941 – 1942 годов мы, дети, очень ослабли: не бегали и не смеялись, нам все время хотелось есть. На прогулке мы стояли у забора, как столбики, и считали, сколько автомашин провезли покойников. Ужас! Это же надо детям такое придумать! У меня до сих пор перед глазами стоит эта картина: на ветру трепещет брезент, а из-под него торчат ноги, руки, а то и голова покойника с развевающимися волосами.

Родители и сестра Лидия, работающие на Ижорском заводе, находились на казарменном положении. Папа несколько раз привозил на машине дрова в садик, это были деревянные обрезки моделей литья. Весной в Ленинград пришла пешком мама и принесла травяные лепешки, жаренные на машинном масле.

Летом 1942 года отца командировали на Алтай в город Барнаул с эшелоном оборудования и разрешили взять семью. Помню, как долго мы находились на станции Борисова Грива, потом на баржах плыли по Ладоге. Сидели на лавках, а над нами гудели немецкие самолеты и бомбили караван. То слева, то справа людей захлестывало брызгами воды. До Кобоны добрались мокрыми, но живыми. На Большой земле выдали продовольственный паек: хлеб, консервы, колбасу, масло и даже шоколад. Мама разрешала есть понемногу, чем и спасла семью. Кто не удержался и ел много, тот до Барнаула не доехал. В пути мы были 22 дня – мы постоянно пропускали вперед воинские эшелоны и товарные поезда со срочным грузом.

В Барнауле ленинградцев поселили в бараках. Морозы лютовали, люди болели, а я, шестилетняя девочка, заново училась ходить.

Помню, как радовались взрослые прорыву блокады в 1943 году и полному освобождению Ленинграда от вражеского окружения в 1944 году.

Вскоре после освобождения Ленинграда отцу пришел вызов с завода, и мы возвратились с Алтая домой, в Колпино. Ижорский завод и город были почти разрушены, жить нам было негде. Нас и коллег отца поселили в пустующих домах на станции Саблино. В 1944 году я пошла там в школу.

В 1945 году мы встретили такой долгожданный День Победы. Нам, школьникам, выдали по большому куску хлеба, политого растительным маслом, с вдавленной в его середину конфеткой-подушечкой. Для нас такое угощение казалось пирожным, ведь в ту пору мы питались еще очень плохо. В 1946 году наша семья наконец вернулась в Колпино.

Стрельникова Инна Михайловна **Я пошла в МПВО**

4 октября 1932 года была создана местная противовоздушная оборона (МПВО), сначала там служили мужчины старших возрастов, а когда началась война, многие из них стали умирать от голода, и туда начали брать женщин и девушек от 18 до 35 лет.

Я жила на Васильевском острове и пошла в МПВО, в 5 взвод АДУ. Сначала это были команды по номерам милиции: 15 районов и 35 отделений милиции. У начальника района было два подразделения: одно управление, а второе – отделение связи. Нас распределяли по ротам. Медсанрота имела при себе изолятор. В ней было 5 взводов, из них 4 взвода медиков и 5-й взвод – АДУ (автоматическое душевое управление) в случае химической войны. При медсанроте было 2 главных врача и 7 медсестер. Когда происходило ЧП, врач и медсестры выезжали. Еще была пожарная рота с двумя взводами, пожарной машиной, дивизионная рота и саперная рота, они ездили на разборки завалов.

Помню, как 8 сентября прилетели самолеты и сбрасывали зажигалки, которые попали по Бадаевским складам с продуктами.

18 января 1943 году был прорыв блокады. Потом меня перевели на взвод наблюдения разведки.

Снятие блокады объявили в 12 часов ночи 27 января 1944 года.

Когда началась демобилизация, многие попали на заводы, я, например, попала на завод «Знамя труда».

Сперанская Лидия Филипповна

Я осталась совсем одна

Родилась в 1936 году. Отец – Захаров Филипп Дмитриевич, 1907 г. р. – работал на Союзном заводе им. Кирова. На фронт его не призвали – была бронь. Он умер от голода 16 января 1942 года: пришел с работы, лег спать, а утром не встал.

Вскоре умерли две маленькие сестрички. Мы остались вдвоем с мамой – Захаровой Татьяной Степановной, 1909 г. р. У нее от голода и холода распухли ноги, и она не могла ходить. Все заботы легли на меня – я топила буржуйку мебелью, грела воду. Хлеб приносила папина сестра. Мама хранила его под подушкой, потом отдавала маленькими кусочками мне, а сама не ела. Только поэтому я осталась жива.

Мама умерла 15 апреля 1942 года. Ее, как и отца, завернули в простыню и отвезли на саночках в пункт, где принимали умерших. Я осталась совсем одна. На следующий день пришла тетя, забрала к себе. Потом отвезла в детприемник.

Помню, как нас, детей, везли через Ладогу, в распределитель по детским домам. Попала я в Ивановскую обл., в детский дом, где прожила год и три месяца.

Бабушка – мамина мама – долго меня искала, а когда нашла, забрала к себе – в Калининскую область, в город Калязин.

Степашкина Мария Николаевна
Защищали город от эпидемий

Когда началась война, мне было 17 лет, я училась в ФЗУ при ткацкой фабрике «Красный Октябрь». В сентябре всех учащихся послали на строительство оборонительных сооружений – противотанковых рвов и окопов. Мужчины рубили деревья, а девушки укладывали их в вырытые ими рвы. За день по несколько раз налетали фашистские самолеты и сбрасывали на нас бомбы. Тогда мы прятались в лесу, а когда самолеты улетали, снова выходили работать.

Хорошо запомнился один эпизод. Мы уже несколько дней работали в районе Карельского перешейка – станция Иоханес Финляндской железной дороги. Жили в бараке. Однажды, уже поздно вечером, нас подняли по тревоге – срочная эвакуация, близко подошли немцы. Всю ночь шли лесом до другой станции, там нас посадили в товарные вагоны и отправили в Ленинград. Нашему старшему сообщили, что мы вовремя ушли, так как ту станцию уже заняли немцы.

А дальше наступила зима 1941 – 1942 годов. Голод, мороз, тока нет, фабрика не работает. Хлеба – 125 граммов в сутки, а были дни, когда и их не давали. Где-то в феврале месяце на заводы и фабрики дали ток. Начали работать потихоньку.

А весной все вышли на очистку города от снега, льда и нечистот. Лед местами достигал метровой толщины, а в нем лежали замерзшие трупы, завернутые в простыни. Было очень тяжело, ведь все еле держались на ногах. Но с каким энтузиазмом все работали, как старались очистить свой родной город, защитить его от эпидемий...

В апреле 1942 года меня призвали в ряды бойцов МПВО – в 25-й батальон Приморского района. В нем я служила до снятия блокады. В 1944 году поступила учиться в акушерскую школу, которую окончила в 1947 году. Работала по распределению в родильном доме. Вышла замуж. В 1949 году муж, окончив учебу в Военно-морском инженерном училище им. Дзержинского, получил направление в Севастополь. С ним я и уехала.

Стороженко Элеонора Ивановна
Мама была единственным добытчиком

До Великой Отечественной войны наша семья жила в одном из красивейших уголков Ленинграда – на Каменном острове: у дома протекала речка Крестовка,

во дворе стоял дуб Петра Великого, рядом – березовые аллеи, кругом санатории и дома отдыха...

Папа, Кузнецов Иван Трофимович, и мама, Долинер Мария Яковлевна, – работали инженерами на авиационном заводе № 23, были молоды и красивы, жили очень дружно и счастливо, имели много друзей. Казалось, ничто не разрушит счастья нашей маленькой семьи. Но черная дата – 22 июня 1941 года – оборвала мирную жизнь всей страны и нашей семьи тоже...

Буквально накануне войны, 19 июня 1941 года, к нам из Симферополя приехала бабушка (мамина мама), Анна Александровна. Она была очень больна, и ее пригласили в Ленинград на лечение (Ленинград всегда славился своими врачами!). Мы с бабушкой увиделись впервые и очень полюбили друг друга.

Папу война застала в командировке в Таллине. Он сразу же добровольцем ушел на фронт и был направлен на полуостров Ханко. Авиационный завод, на котором работали мои родители, сразу стал готовиться к эвакуации в Сибирь. Снимались и упаковывались станки и другое оборудование, и все отправлялось эшелонами в Новосибирск, туда же эвакуировали и кадры. **Мы должны были уезжать 17-м эшелонам. Но 16-й эшелон был разбомблен, и эвакуация из Ленинграда прекратилась. Оставшаяся часть авиационного завода была превращена в ремонтную базу для военной техники, поврежденной на Ленинградском фронте. Там и работала моя мама вместе с другими заводчанами, не успевшими эвакуироваться в Сибирь.**

После того как мама чудом спасла меня из эшелона, увозившего детей из-под бомбежек с места отдыха в Крестецком районе Ленинградской области на Урал, я все время была дома. Детский сад, куда я ходила до войны, больше не работал, и я постоянно находилась под присмотром бабушки.

Мама дома бывала редко: работа и забота об обеспечении семьи продовольствием отбирали все ее время. Мама старалась беречь бабушку, поэтому сама стояла в очередях, чтобы отоварить продовольственные карточки и получить хлеб, сама носила воду и дрова.

Оставляя нас одних, мама всегда предупреждала бабушку, чтобы она меня одну во двор не выпускала. К тому времени участились случаи, когда дети стали пропадать; говорили, что их едят. Но, зная, что у бабушки большое сердце, мама не могла об этом прямо сказать ей, поэтому она сказала, что меня могут раздеть, а купить теплую детскую одежду в то время в Ленинграде уже было невозможно. Так бабушка до самой своей смерти и не узнала, что имела в виду мама.

Мама была единственным добытчиком продуктов для всей семьи. Сколько было радости, когда ей удавалось полностью отоварить продовольственные карточки!!! Хорошо помню, как мы делили тот крошечный паек. У нас была маленькая рюмочка, мама отмеряла с ее помощью крупу и раскладывала ее по крошечным газетным кулечкам – это была норма для супа на один день. И мы понимали, что в этот день к другому кулечку прикасаться нельзя. Из крупы мама варила очень жидкий суп, и такой обед назывался «поесть что-то горячее».

Мама и бабушка очень берегли меня – ребенка – и обе втайне друг от друга старались отдать мне часть своей порции...

Мой папа, воюя на полуострове Ханко, дважды приезжал по своим военным делам в Ленинград. И оба раза он выкраивал время, чтобы забежать к нам домой. Приезд папы для всех нас становился настоящим праздником! Как нам ни было трудно, но мы были вместе, а он был один. И видеть его живым – было ли большее счастье? Приезжая домой, папа сразу замечал, как мы исхудали, понимал, что мы голодаем, поэтому он всегда оставлял нам свой паек... Мама крошила сухари на маленькие кусочки, и мы сосали их, как будто это были лучшие конфеты! Жаль только, что таких праздников было очень мало...

После того как Красная армия по приказу военного командования оставила полуостров Ханко, все оставшиеся в живых были вывезены в Ленинград. Две с половиной недели они находились на переформировании в Ленинграде. Папа еще несколько раз приходил к нам. Но, так как в Ленинграде продовольственное снабжение даже действующей армии было резко ограничено, то приносить продукты он уже не мог. Он только отдавал мне кусочки сахара от своего пайка. Мама, видя это, говорила ему: «Ваня, не делай этого, ведь у тебя не будет сил воевать!» Но папа отвечал ей: «Не говори так, Манечка, я должен хоть чем-то помочь вам».

Очень скоро папа совсем перестал приходить. Их направили на другой участок Ленинградского фронта – в район станции Мга. Оттуда пришло несколько писем, последнее из которых было получено в самом конце декабря 1941 года. Больше вестей от папы мы не получали.

В декабре 1941 года тяжело заболела и совсем слегла бабушка. У нее началась водянка, она ничего не ела, а только пила воду. Мама пригласила врача, та спустила у бабушки всю накопившуюся в животе воду и сказала маме, что бабушке уже не поможет никакое лекарство, что вылечить ее сможет только хорошее питание, а уж потом – лекарство. После ухода врача мама на кухне очень плакала, переживала, что ничем не может помочь своей мамочке. Бабуля уже больше не вставала. Днем она почти не разговаривала, но по ночам она

стала громко бредить... Часто ночью мы с мамой просыпались от ее громкого разговора: «Манечка, заведи со двора Норусеньку, ее разденут». Так повторялось много дней. Но однажды мы с мамой проснулись от какой-то необычной тишины... Это было 9 марта 1942 года. Бабушка замолчала навсегда...

Мы с мамой не плакали, так как все слезы уже были выплаканы... Мама сама занялась похоронами. Завернула бабушку в простыню, приготовила детские санки и только тогда с ужасом поняла, что снести бабушку со второго этажа, где мы жили, во двор не сможет, так как нет сил. Кинулась за помощью к соседям, знакомым, обещала хорошо заплатить. У нас до войны были собраны деньги на покупку дачи, по тем временам немалые. Но в блокадном Ленинграде деньги ничего не значили... Мама была в отчаянии... Теперь она плакала уже не от горя, что нет больше бабушки, а от своего бессилия, что не может ее похоронить.

С большим трудом маме удалось найти двух женщин, которые за остаток бабушкиной хлебной карточки (с 10 по 31 января) согласились помочь ей довести на санках бабушку на кладбище. В этот день на кладбище хоронили целую машину обгоревших тел ленинградцев, погибших во время ночной бомбардировки. Потом мама увидела, что около одной из могил, где хоронят умершего, его отпевает церковный батюшка. Когда те похороны были закончены, мама подошла к батюшке и обратилась к нему с просьбой об отпевании своей мамы. Она обещала заплатить ему. Но батюшка успокоил маму: «Ничего, дочь моя, мне не надо. Я провожу вашу матушку в последний путь». И он прочел свою молитву «За упокой души рабы Божьей Анны». Мама до сих пор с благодарностью вспоминает этого церковного батюшку. Так мы с мамой остались вдвоем.

Чтобы не оставлять меня одну в пустой комнате, мама брала меня с собой на работу, изредка отводила к знакомым. Воспоминания об этом блокадном времени у меня остались на всю жизнь, и еще панический страх – остаться без мамы. Он так крепко засел во мне, что преследует меня всю жизнь. Уже много лет спустя, когда мы после войны возвращались из эвакуации, в Москве у нас была пересадка. Мы ехали в метро, и на остановке «Комсомольская» мама выгрузила на перрон вещи, а меня взять не успела, когда поезд начал двигаться. Я, не раздумывая, на полном ходу выскочила из движущегося вагона и чуть не разбилась о колонну. Но я об этом не думала. Ужас от мысли, что я могу потерять маму, пересилил всякий страх...

У нас в комнате около окна стоял большой черный репродуктор, который объявлял нам обо всех городских новостях, о положении дел на фронте, о начале воздушной тревоги и об отбое ее. Так как немцы обстрелы города по большей части проводили по ночам, то мы ложились спать не раздеваясь, чтобы при объявлении воздушной тревоги не тратить лишнего времени, а сразу спускаться в бомбоубежище. Но зимой, когда мы уже сильно отощали, не было сил идти в бомбоубежище, мы сидели в комнате, пережидая бомбежку, слушали, в какой район города на этот раз полетели немецкие бомбардировщики, с надеждой поглядывали в тот угол комнаты, где стоял наш друг – репродуктор, ожидая, когда он объявит нам об отбое воздушной тревоги.

Весной 1942 года стало получше: во-первых, добавили хлебный паек, а во-вторых, пошла зелень. Мама приносила домой листья липы и жарила на олифе котлеты из них. **Олифу – целый бидон – принес до войны папа, собирался делать ремонт в квартире. Эта олифа выручала нас и как средство для освещения, когда во всем городе было отключено электричество, и в качестве масла для поджарки. Котлеты из листьев липы мама ела сама, отдавая мне свой продуктовый паек. Она спасала меня, как могла.**

К сильному истощению у мамы добавилась цинга: шатались зубы и сильно кровоточили десны, она так ослабла, что без палочки уже не могла передвигаться. Медики Ленинграда по радио стали объявлять, что для борьбы с цингой надо рвать хвою, заваривать ее и пить. Но они не учли, что у ленинградских дистрофиков не было сил залезать на елки и сосны за этой хвоей. Тогда пакетики с хвоей стали выдавать в аптеках. Мама приносила эти пакетики и заваривала хвою, как чай. Он был горький и терпкий на вкус, но мама пила сама и заставляла меня пить, чтобы не заболеть цингой.

К началу лета для нас остро встал вопрос об эвакуации. Мама очень ослабла, и, боясь, что если она сляжет, то я тоже погибну, стала готовиться к отъезду. Она мечтала только об одном: успеть выехать из-под бомбежек, сдать меня в детский дом, а сама она уже не надеялась остаться в живых, так как цинга и голод сильно истощили ее силы. И в июле 1942 года мы выехали из Ленинграда. Сначала – на машине до Ладожского озера, а потом на пароходе – через Ладогу.

Несмотря на разгар лета, день был прохладный и дождливый. Нас выгрузили на деревянный причал, дальше надо было найти машину и добраться до железной дороги, где нас уже ждал эшелон. С трудом маме удалось найти машину, которая и доставила нас к спасительному эшелону. Эшелон был сформирован из обычных товарных вагонов, оборудованных деревянными нарами. Но после всех трудностей предыдущей дороги наконец оказаться в сухом помещении –

было ли большее счастье! Да к тому же в эшелоне сразу же стали хорошо кормить, даже горячую пищу приносили прямо в вагон! Мама, как человек активный, тут же организовала доставку кипятка и бактериофага в свой вагон. Бактериофаг давали санитарные врачи – это специальная жидкость от микробов. Ее пили, ею обтирали руки, чтобы не занести в ослабленные организмы какой-либо инфекции. Еще мама постоянно напоминала всем, кто ехал в нашем вагоне: «Товарищи, не ешьте сразу много, после голодовки ваш организм не сможет выдержать обилия еды. Немного поешьте и спите... Через 2 часа я вас разбужу, и опять можно будет немного поесть. Подумайте о себе и своих детях... Уж если вы сумели выехать живыми из-под бомб и от голода, то не стоит погибать здесь, где уже нет войны».

И хоть мама была очень молода, все люди слушались ее. У нее на руке были папины авиационные часы со светящимся циферблатом. Каждые 2 часа она будила людей, чтобы они немного подкрепились, а потом все опять спали. В нашем вагоне за всю долгую дорогу не умер никто. Так мы ехали 2,5 недели, пока поезд не привез нас на станцию Тюмень. Это была станция нашего назначения: маме в Ленинграде выдали командировку в город Тюмень на завод № 639.

Оставив меня с вещами на вокзале, мама пошла разыскивать завод, который должен был обеспечить нас жильем, а маму работой. Решением Советского правительства всех вывезенных ленинградских блокадников сразу же обеспечивали крышей над головой, усиленным питанием, а также работой. К вечеру мама вернулась на «линейке», запряженной лошадью. Нас вместе с вещами погрузили и вывезли в большой барак. Так началась наша жизнь в Сибири.

В августе 1955 года я опять оказалась в Ленинграде, на своей родине, поступив учиться в Ленинградский технологический институт холодильной промышленности. Много раз я приезжала в тот район, где мы раньше жили. Там все осталось по-прежнему, только в том доме, где мы проживали, теперь находится детский сад. Все такое родное...

Годы учебы пролетели быстро, и по распределению я попала на работу в Пензу, в Научно-исследовательский институт химического машиностроения. Отработав 3 года в Пензе в должности инженера-конструктора, я вернулась в Севастополь. С 1964 года я больше с Севастополем не расставалась.

Здесь, в Севастополе, я встретила свою судьбу – Стороженко Василия Сергеевича. Здесь мы вырастили двух дочерей, которые во время своей учебы были гордостью средней школы № 41. Обе они стали педагогами и работают в

школах Севастополя до настоящего времени. Вот так семья бывших ленинградских блокадников укоренилась в Севастополе.

Стрекач Нелли Васильевна
Черный творог

Родилась я в декабре 1935 года в Ленинграде. Мои родители жили в Зеленковом переулке – наш дом находился на берегу Невы, а напротив расположился Ботанический сад, куда мы, дети, очень часто бегали через Гренадерский мост. В Ленинграде было много парков и садов. Мы часто посещали ЦПКиО, Озерки, Удельный парк.

О довоенном детстве смутные, но радостные и светлые воспоминания. Детство окончилось в 1941 году. Папу на фронт не забрали, так как он работал на заводе «Арсенал», который производил военную продукцию, но их посменно отправляли на Ладогу. Домой на побывку он приходил очень редко. Мама до войны работала на кондитерской фабрике, а в блокаду – на заводе им. К. Маркса. Она была стахановкой, один раз даже выступала по радио. Как стахановке ей иногда выдавали очень вкусное в то время молоко-суфле. Я ходила в круглосуточный детский сад. Мы часто давали свои детские концерты в соседнем детском доме и в госпитале.

Еще одно очень грустное и голодное воспоминание. Вечером, когда мы уже все лежали в своих кроватках, воспитательница садилась ужинать. Было темно и тихо. Я, лежа в кроватке, прислушивалась, глотая голодную слюну, как воспитательница поедает свою крохотную порцию каши. Сначала звук был мягкий, еле слышный, но, по мере съедания каши, звук превращался в металлическое поскребывание. Уже прошло 60 лет, а этот звук так и остался глубоко в моей памяти.

Когда мы летом в субботу шли из детского сада, то вместе с мамой собирали лебеду и крапиву для лепешек. Как и когда мы съедали положенный нам кусочек хлеба, я даже и не помню, а вот суп из дрожжей, столярного клея, олифы и дуранды помню хорошо. Был момент, когда меня уже собирались хоронить, но моя тетя где-то раздобыла дуранды, но не серой и лохматой, а желтенькой, рассыпчатой. Я поела-поела, да и ожила. Потом говорила маме: «Когда окончится война, насушим много-много сухарей, сложим их в оттоманку, и пусть они лежат. Вдруг опять будет голодовка?!»

Однажды мама принесла целую тарелку чего-то темного и сладкого – она сказала, что это черный творог. Мы его ели, и было очень вкусно. Только после войны я узнала, что это была земля со сгоревших Бадаевских складов.

Мы жили на пятом этаже. Во время обстрелов и бомбежек спускались в бомбоубежище, но лишь в первое время. А потом привыкли и уже просто смотрели со своей мансарды, как в перекрестных лучах прожекторов летали самолеты, и видели разрывы бомб и снарядов.

В одну из суббот в январе 1943 года мама пришла за мной в детский сад совсем слабая и больная. Мы добрели домой. Маме стало очень плохо, она лежала на кровати, а я сидела напротив, на диванчике. Она металась и иногда теряла сознание, но я ничем не могла ей помочь. Один раз, когда она пришла в сознание, то сказала мне: «Нелинька, подойди ко мне, я тебя в последний раз поцелую...» И вдруг пришел на побывку папа, но в этот же вечер мама и умерла. Ей было 29 лет. А через 3 дня прорвали блокаду Ленинграда.

Маму на саночках отвезли на Богословское кладбище. Я ходила в детский сад, а по выходным жила то у тети, то у бабушки, то с папой. Потом в наш дом попала бомба, но не взорвалась, а лишь пробила все этажи. Нас переселили в соседний дом.

В 1943 году я пошла в школу. Мне как сироте часто давали ордера на обувь и материю, а также талоны на усиленное питание. Я участвовала в самодеятельности, ходила на лыжах, каталась на коньках, занималась бальными танцами.

После восьмого класса я поступила в ленинградский техникум зеленого строительства. В 1954 году вышла замуж. Мой муж, Стрекач Л. А., был старшим лейтенантом. Служил в Балтийске командиром торпедного катера – с ним и я уехала в Балтийск. В 1955 году родилась первая дочь, в 1959 году – вторая. В Севастополь перевелись в конце 1959 года и с тех пор живем тут.

Стрижевский Матвей Хаимович Прорвали блокаду!

Я родился 1 сентября 1938 года. Перед войной мы жили на станции Лигово Красносельского района Ленинградской области. Папа мой работал на заводе «Большевик» шофером. Мы жили вдвоем в 7-метровой комнате, а когда началась война, уже жили где придется. Сначала нас приютил мамин брат, который жил у Нарвских ворот и был сталеваром на Кировском заводе, потом его эвакуировали в Нижний Тагил. Когда мы с мамой ночевали у папиных родных, все родственники нас подкармливали кто чем мог. 17 октября 1941 года папу забрали на фронт, а перед отправкой ему выделили общежитие на набережной Фонтанки, где мы стали жить с мамой, и две иждивенческих карточки.

В мои три года меня особенно сильно впечатлил дом на противоположной стороне улицы, который сгорел дотла.

Наступила весна 1942 года, мама пошла на работу в литейно-чугунный цех на Кировский завод. Транспорта не было, и она пешком добиралась до завода. Маме давали 250 грамм хлеба – это была рабочая норма, а мне как иждивенцу – 125 грамм. Раз в месяц нам давали по половине литровой банки вареного риса и пачку папирос «Беломорканал». Мама всегда старалась поменять папиросы на какую-либо еду. Помню, был случай, когда **пришли к нам в комнату две женщины из МПВО, посадили мать на стул, стали раздевать и одновременно избивать, отнимали у нее карточки на еду и незначительные деньги, которые мама прятала в нижнем белье.** Как оказалось, это была моя крестная, тетя Рая, и папиного брата жена, тетя Ева, они посчитали ее воровкой, поскольку, когда мама не работала и сидела со мной, то, по их мнению, она и украла эти карточки, чтобы меня прокормить.

Мама была очень закаленной, но, тем не менее, истощенной от всего происходящего. У нас в комнате было очень холодно, мебели практически не было. Когда звучала тревога, мы скрывались в бомбоубежище, которое находилось напротив нашей парадной. Когда давали отбой воздушной тревоги, нужно было обратно подниматься домой, что было практически невозможно. Ступени и перила были очень скользкие, и подняться было целым испытанием.

Как-то она растопила печку, к нам в комнату вошла почтальон и принесла письмо от папы, в котором он писал, что его немного зацепило под Сталинградом, но, в общем, с ним все в порядке и скоро опять на фронт. Он интересовался, как мы живы и здоровы.

Однажды мама пришла с работы домой, а меня там не было. Оказалось, что меня увезли в госпиталь с дистрофией. Потом из больницы меня перевели в очаг на улице Рубинштейна, там нам дарили небольшие подарки на Новый год (мандарины и печенье). Это было большим лакомством в 1943 году.

Хорошо помню, как мы пошли с мамой в кинотеатр «Прага», а после кино направились в сторону дома, потом дошли до Горьковского театра и не можем понять, почему стоит безумный грохот. Мы подошли к Ломоносовскому садику и видим: в небе – ракеты и выстрелы, люди кричат, обнимаются... к маме подошел какой-то моряк, обнял ее, поцеловал и воскликнул: «Прорвали блокаду!»

Сырцова Нэли Елифановна
Соседка предложила маме меня съесть!

Родилась 27 августа 1933 года в Ленинграде. Мама – Тарасова Мария Петровна – родилась в 1915 году в Ивановской области, в деревне Петрядково. Отец – Тарасов Епифан Дмитриевич – родился в 1910 году в Москве.

Родители разошлись, когда я была маленькой. Мама окончила станкостроительное ФЗУ. Она рано осталась без родителей, и ее воспитывали две родные сестры. А отец до войны был заслуженным тренером по классической борьбе в Ленинграде.

Я проживала вместе с мамой. В 1941 году началась война. Мама принимала активное участие в строительстве оборонительных сооружений. Дежурила на чердаке, тушила зажигательные бомбы, рыла окопы. Ходила в очереди за хлебом – 125 граммов, да еще варила что-то клейкое на самодельной печке. Мое состояние от голода становилось с каждым днем все хуже. Воды не было, я ходила на реку Карповку, где люди делали проруби. Было очень холодно, надевать было нечего. Мне было 8 лет, но думала я только о еде. Мама приходила домой после работы усталая и холодная. Обнявшись, вместе мы ложились, и она мне напевала песенку:

«Ах, маленькая Нэли, // Побудь со мною, // С тобою так отратно, // С тобою хорошо...»

Говорила, что очень любит меня и все сделает, что сможет, «чтоб ты, моя кровиночка, остались жива». Очень трудно описать те блокадные дни. От голода люди лишались рассудка. **Как-то пришла к маме соседка и предложила меня съесть. Мама согласилась. Наточили ножи и стали меня ворочать. А я, маленькая, отечная, с пролежнями из-за того, что лежала на большой подушке, чтоб было помягче. Они думали, что я толстая, а когда стали меня ворочать, то увидели страшную картину. Я не видела, но чувствовала, как болят страшные гнившие раны на ягодицах. Мама как закричит на соседку (ту звали Олей): «Убирайся вон! Ты что мне предлагаешь, а?!» – и выгнала ее.**

Все очень трудно подробно описать. Моя мама была почти без сил – в свои 23 ходила голодная, худенькая, с палочкой, подстриженная наголо. По призыву Всеволожского военкомата Ленинградской области пошла в военкомат, сказала, что хочет служить. Там испугались ее вида, но пообещали взять, а меня вместе с соседкой-учительницей и соседом отвезли в больницу и оставили там.

Стойко и мужественно работали наши медики. Меня вернули к жизни, но потом мы с мамой потерялись на долгие 4 года.

Сперва маму подлечили в госпитале, а затем отправили на фронт связисткой. Она награждена медалью «За участие в героической обороне Ленинграда».

После выписки из больницы меня, подлечившуюся, привезли домой, а дома не было никого, все, кто жил по соседству, умерли. Тогда меня повели в детский дом № 23, где сперва меня не хотели принимать, так как я была еще больная. Тогда медсестра, которая привезла меня из больницы, оставила меня с моей большой подушкой и сказала: «Ты – умница, сиди, никуда не уходи, все равно тебя возьмут», – и ушла.

Так я осталась сидеть во дворе детского дома, пока кто-то не привел меня в помещение. Там сказали, что мест нет, что я больная и что детский дом № 23 собирается в эвакуацию. Но у меня на шее висел мешок тряпочный с моими данными, где говорилось, что мама в армии. Так я попала в детский дом № 23 – это было 28 июня 1942 года.

Было очень страшно, когда нас переправляли через Ладогу. Помню, как корабль с детским садиком подорвался, до сих пор гул в голове стоит. Наш детский дом эвакуировали в Горьковскую обл., Гагинский район, село Гагино. Детдомовских детей расселили по домам местных жителей, так как еще не было помещения.

Мама искала меня и в конечном итоге узнала, где я нахожусь. Нашла двух своих сестер, которые ее воспитали, и сообщила им мой адрес. Затем старшая сестра (она эвакуирована была в Чкаловскую область из Мурманска) приехала в детский дом и забрала меня. Война закончилась в 1945 году, а в 1946-м приехала мама и забрала меня в Севастополь, к другой своей сестре. Так остались жить в этом городе. Пять лет жили в сарае.

В 1950 году я пошла работать на морзавод № 497 лекальщицей мерительных приборов в механический цех № 3. В 1954 году познакомилась в цехе с молодым человеком, Сырцовым Олегом Ивановичем, и в том же году вышла за него замуж. Прожили мы 50 лет в любви и согласии. Видно, потому, что мы – дети войны.

Тарасов В. В.
Белая башня

5 декабря 1941 года бомбежка была особенно сильная. Одна из бомб попала в здание Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта на

углу Фонтанки и Международного проспекта. Бомба была, очевидно, большого веса, здание было разрушено от крыши до основания. У нас в квартире взрывная волна открыла рамы. После этого взрыва я долго не мог успокоиться.

В феврале 1942 года умерла моя маленькая сестра Оля. Отец увез ее гробик, где она похоронена, мы не знаем. Считаем, что она лежит вместе с другими ленинградцами, так же как наш отец и бабушка, которых не стало в 1942 году, на Пискаревском кладбище под плитой с цифрами 1942 год.

В начале марта 1942 года мама, я и старшая сестра на машине выехали из Ленинграда по Дороге жизни. Затем была долгая дорога в теплушке до куйбышевской областной станции Клявлино. Поезд шел через сгоревшие Волхов и Тихвин, Череповец, Вологду, Киров, Свердловск, Челябинск, Уф у.

Мы ехали целый месяц. На каждой станции, вплоть до Свердловска, по составу ходили люди и спрашивали, есть ли мертвые. А они были – умирали теперь не от голода, а от обилия пищи (желудок отвык переваривать большое количество еды). Умерших везли на санках вдоль всего эшелона. Ленинградцы прощались с ними молча. На всем пространстве страны, ведущей смертельный бой с фашизмом, остались могилы мужественных жителей Ленинграда. Они уже никогда не вернутся в родной город.

Наша семья, сократившись за войну почти наполовину, вернулась в г. Пушкин в апреле 1944 года. Придя после блокады в Александровский парк, я увидел картину, которая вернула меня в те страшные дни. Напротив Александровского дворца через пруд были проложены наплавные мостки из дверей, снятых в парадных залах дворца. С другой стороны дворца на берегу Верхнего пруда, в 30 – 40 метрах от детского острова, были видны остатки трех орудийных площадок. Это оттуда каждый день со свистом неслись снаряды мимо нашего дома на Международном проспекте.

Я подошел к Белой башне – она была разрушена прямым попаданием бомбы, рядом, в 20 – 30 метрах друг от друга, были еще две большие воронки. Видно, наш самолет сбросил серию бомб, и одна из них поразила Белую башню, и фашисты, таким образом, лишились пункта корректировки огня, с которого Ленинград был как на ладони.

Я зашел в землянку немецких связистов. По всей землянке были разбросаны бутылки из-под французских вин и коньяка. Стены землянки были отделаны карнизами, бордюрами и другими элементами декора, вытасченными из Александровского дворца. У входа в парк со стороны лицея и сейчас стоит

погреб с дверью, изрешеченный пулями. У этой двери погибли многие жители города Пушкина.

В октябре 1944 года я вступил в комсомол и получил возможность более активно участвовать в восстановлении своего родного города и великой страны СССР.

Тарасова Нина Ивановна **Врачи помогли брату выжить**

Я жила на Косой линии с начала войны и вплоть до 1969 года. Дом был напротив Балтийского завода, на котором в чугунолитейном цехе работала мама. Она делала шишки для снарядов. Детские сады, пионерлагеря меня не коснулись, я всегда была дома за хозяйку. В мою ответственность входило отovarить карточки, добыть воды и принести дрова.

У меня был брат, который родился в 1940 году, в декабре месяце из-за сильной дистрофии у него отнялись руки, ноги, он даже не мог говорить. Советская медицина не могла сравниться с той медициной, которая существует на сегодняшний день. Врачи блокадного Ленинграда выписывали ему дополнительное питание, благодаря которому брат смог восстановиться и выжить. И хотя брат был глубоко больной человек, он все равно дожил до 73 лет.

Сестренка моя родилась 24 сентября 1941 года, сразу после начала блокады, но уже в 1942 году умерла и была похоронена на Смоленском кладбище.

Когда началась блокада, нас отдали в детский дом, но мама не выдержала и забрала оттуда очень скоро, таким образом, мы прожили все вместе всю блокаду.

Когда начались сильные обстрелы, сосед нам говорил, что нужно прятаться за печку, так как, если дом упадет, печка останется. А соседка предложила прятаться нам в сарае. Мы соорудили нары и прожили там первые два месяца блокады. Буквально на следующий день, после того как мы перебрались обратно в дом, рядом с сараем разорвался снаряд, и огромная плита от дома свалилась прямо на наши нары.

Потом мой отчим привез нас на вокзал, потому что оттуда забирали людей для дальнейшей эвакуации, но, посмотрев на все это, сказал, что не отпустит нас, и предложил поехать на дачу к знакомым в Кекерино. Мы прожили там весь июль, и где-то в середине августа к селу Кекерино стали подходить немцы. Нам

пришлось быстро собрать вещи и бежать из дома. На дороге нас чудом подобрал какой-то лейтенант и довез до Гатчины, но и там уже все разбомбили. В поезда никого не сажали, до Ленинграда шли только военные составы. Но лейтенант, подвозивший нас, нашел выход из этой ситуации. Он передал нас вместе с вещами солдатам, а маму взял под руку и прошел с ней в поезд как со своей женой.

Помню, как мы ходили в баню на Гаванскую улицу, сначала сдавали вещи на дезинфекцию, а потом ходили мыться. В блокаду было очень важно иметь мыло, соль и спички. Этому нас научил папа, и потому в блокаду у нас не было вшей, хотя тогда это было редким исключением из правил.

Ткачева Ирина Алексеевна Папа разыскал меня в 1957 году!

Мои родители жили в Севастополе: отец – Ткачев Алексей Борисович – служил на флоте, мать – Ткачева Раиса Алексеевна – работала в больнице.

В начале 30-х годов отца моей матери направили в Ленинград для продолжения военной службы. Вместе с ним приехала вся его большая семья. В конце 30-х годов мама поехала в Ленинград навестить родителей и свою дочь Светлану, которая жила с бабушкой и дедушкой. Там родилась и я.

Когда объявили войну по радио, мама сразу решила выехать домой в Севастополь, но ей сказали, что туда не идут поезда. Так мы остались в г. Ленинграде. Многие родственники, забрав детей, выехали из города. Заболела бабушка, и маме приходилось очень трудно: у нее на руках было двое детей и больная мать. В конце 1941 года умерла бабушка, а 2 февраля 1942 года умерла мать. Меня с сестрой сдали в детский дом № 30 Василеостровского района.

Я помню, как нас часто в любое время суток отправляли в бомбоубежище, было очень страшно бежать под вой бомб и разрывы снарядов. А еще все время очень хотелось есть. Сестра моя не дожила до тех дней, когда нас вывезли из Ленинграда, – в марте 1942 года она умерла. Ей было всего 7 лет, и она осенью должна была пойти в школу.

Нас, детей, вывезли 7 апреля 1942 года. Везли в товарных вагонах, мы спали на соломе на полу. Очень часто поезд останавливался и к вагонам подходили люди – женщины, дети, старики – и что-нибудь нам давали: кусок хлеба, картофелину, лепешку в наши протянутые руки. Многие женщины плакали, глядя на нас, худых, бледных. Также к вагону подходили санитары с носилками и забирали больных и мертвых детей.

По дороге я тоже заболела, меня сняли с поезда и направили в больницу г. Ярославля. После выздоровления отправили в г. Рыбинск Ярославской области, в дошкольный детский дом.

Весной 1945 года меня отвезли в г. Кострому, в детский дом, где я пошла в школу. Очень хорошо помню, как мимо нашего дома шли солдаты, которые возвращались с фронта, и с каким замиранием сердца каждый ждал своего отца. Солдаты шли мимо, очень редко кто заходил к нам.

В детском доме я окончила 7 классов, и меня направили учиться в Ленинград. О своих родных и отце я ничего не знала. В 1957 году меня разыскал папа, который после войны возвратился домой в Севастополь. Мы встретились лишь в январе 1958 года. Много было рассказано друг другу...

В марте 1958 года я поступила работать на междугородную телефонную станцию, где проработала до 1995 года. Работала, заочно училась, вышла замуж, родила сына. Давно ушли из жизни отец, муж, но в памяти все сохранилось. Сколько всего пришлось каждому из нас пережить: горести и радости, встречи и разлуки.

Я только хочу, чтобы мои внуки росли в более счастливое время и не знали, что такое война, голод, холод. Чтобы помнили, какой ценой досталась нам – их бабушкам и дедушкам – мирная жизнь.

Телегина Клавдия Андреевна

В тот день замкнулось кольцо блокады

Я родилась 5 июля 1931 года в городе Бежецке Калининской области. До войны моя семья жила на станции Сиверской. Родители работали в совхозе «Белогорка». Папа Федоров Андрей Федорович был бригадиром сельхозбригад, мама Федорова Евдокия Михайловна работала звеньевой полеводческой бригады и была депутатом района.

Во время начала войны я училась в школе во втором классе, в июле мне исполнилось 10 лет. При первых же бомбежках нас, детей работников совхоза, отправили в лес, где мы жили в шалашах. Но вскоре в лесу высадили фашистский десант, и нам пришлось вернуться домой.

Вскоре в совхозе началась эвакуация. Папа по призыву ушел в армию. Мама готовилась к отъезду, сестра Мария, которой было 18 лет, работала. Мы покидали дом в последние минуты и уходили вместе с правлением совхоза. Шли лесными тропами, на телегах везли имущество, совхозные документы,

почти все свои вещи мы оставили, взяли только самое необходимое. Впереди гнали совхозный скот. При налетах немецких самолетов прятались в лесу. Шли из «Белогорки» на Вырицу, Тосно.

Когда мы пришли в Тосно, войсковые командиры приказали срочно садиться в последний поезд, уходящий в Ленинград. Наши войска отступали.

Ранним утром 8 сентября 1941 года мы приехали в Ленинград. Мама решила повидаться с папой, его дивизия стояла на формировании на улице Энгельса. Когда пришли по адресу, оказалось, что их уже отправили на фронт. Мы вернулись на вокзал, где нам сказали, что последний поезд из Ленинграда ушел, и все наши, совхозные, уехали. Потом мы узнали, что именно в тот день замкнулось кольцо блокады вокруг города.

Так мы остались в Ленинграде. Поселились у тети – маминой сестры. Это был небольшой частный домик на улице Полевой на окраине города, около Охтинского кладбища. Осень 1941 года мы прожили там – без прописки, без карточек, без работы, хотя мама и ходила в Смольный, просила жилье и работу.

Мы с мамой ездили в Девяткино, перекапывали пустые поля в поисках картошки и капустных листьев – этим и кормились. Потом маме как-то удалось прописаться, и в ноябре мы получили карточки, но к тому времени мы уже были сильно истощены, еле передвигали ноги.

Топилина Любовь Михайловна **Партизаны выглядели живописно**

Летом 1941 года, когда выехать из Ленинграда на отдых уже было невозможно, мама моя повстречала мою бывшую учительницу русского языка Анну Самуиловну Виролайнен, по национальности финку.

Узнав, что я осталась в городе, она предложила мне поехать с ее детьми, тоже подростками, Сильвой и Арво, в деревню Маслово к ее родителям. Это вверх по Неве в нескольких десятках километров. Мама собрала чемодан с городскими продуктами и отпустила меня.

Несколько дней мы отдыхали, ходили за ягодами, купались, на лодке переправлялись на другой берег, где была железнодорожная станция Ивановские Пороги. Однажды утром я услышала взволнованный разговор бабушки с внуками на финском языке. Оказалось, что в эту ночь немцы заняли станцию Ивановскую, и надо было спасаться. Маслово заняли уже на другой день.

Схватив свои вещи, мы понеслись на пристань, откуда в город регулярно ходили речные трамвайчики. Но они уже шли переполненные, не останавливаясь. Мы бросились вверх по Неве к другой пристани, и там, кое-как уцепившись, мы добрались до города. Оказалось, что это был уже последний трамвайчик. Мама моя потом очень огорчилась из-за оставленных продуктов, которые нам облегчили бы жизнь в первый голодный год.

Помню, как однажды, когда было совсем плохо с едой, к нам пришла Анна Самуиловна и принесла в мисочке немножко муки, несколько картофелин и кусочек сала. Оказалось, что в рождественскую ночь, когда немцы праздновали и было затишье, Сильва и Арво под белыми простынями пробрались через фронт в деревню и что-то привезли. Радость нашу было не описать.

Позже я заходила к ним на квартиру, но мне никто не открыл. Потом там жили другие люди, встретившие меня с подозрением. Тогда всех немцев и финнов выселили из Ленинграда, и они не вернулись. След их затерялся, но я их помнила.

Отец мой в 1941 году умер в финском плену от холода и болезни. В лагерь приходили финны-хозяйчики и отбирали себе работников из наиболее здоровых, но мой отец был простужен и худ, его никто не взял, и он умер. Об этом рассказал вернувшийся из плена сосед по нашему дому, отец моей одноклассницы. Похоронен отец в братской безымянной могиле в Петрозаводске, где стоял лагерь.

В блокаду мы из города не выехали, боялись потеряться с отцом и братом, которые были на фронте. А в 1942 году судьба опять меня свела с финнами – по разные стороны фронта. Я – еще школьница – оказалась на оборонных работах. В двух километрах от фронта, в лесах, на обочинах дорог мы строили долговременные оборонительные укрепления (дзоты), повернутые амбразурами к шоссе в сторону фронта. За полгода финны дважды предпринимали атаки, но были отброшены, а мы снова продолжали работу. За это мне дали медаль «За оборону Ленинграда».

Сразу после снятия блокады в город стали входить партизанские отряды, действовавшие в Ленинградской области. Писали, что они доставили большой обоз с продовольствием. На фоне обносившихся горожан и солдат в обмотках и холодных шинелях выглядели они живописно: в валенках, полушубках, шапках с красной лентой наискосок.

Всюду организовывались встречи с ними. После такой встречи в детском доме, где я тогда работала, здоровенный партизанище вызвался меня проводить. Всю

неблизкую дорогу он рассказывал о своих подвигах, но, чем ближе было к моему дому, тем мне становилось тоскливее, и я его уже почти не слушала.

Было мне 17 лет, жила я одна, так как мама моя была на фронте в госпитале. В войну около всех домов были ночные сторожа. Наша сторожиха, сразу поняв все, оттащила его от входа, а я помчалась через двор к своей квартире.

Были партизаны вооружены, иногда постреливали, вступали в драки с милиционерами, но, в общем-то, жителей не обижали, если не считать, что, входя в трамвай, сгоняли с мест пассажиров и, укладываясь на скамьи, которые располагались вдоль, пели песни, матерились и, к негодованию контролеров, за проезд платить отказывались. Но после случая с убийством милиционера власти приняли меры, вольницу эту расформировали в воинские части и отправили на фронт. В городе еще долго их вспоминали...

**Тольская Галина Ивановна
Я осталась среди трех мертвецов**

В начале января мои, все трое, поумирали. Отец работал в Кронштадте и был эвакуирован. Летом, в июле, ему, как обычно, дали семейную путевку, и мы съездили в Кингисепп. А потом объявили, что ночью подадут два эшелона^[1] Очевидно, автор имел в виду пароход, так как сообщения с Ленинградом у Кронштадта по суше тогда не было.

[\[Закреть\]](#) – один в Ленинград, а другой сразу эвакуируют в Буй. Наши решили ехать в Ленинград, потому что никаких вещей у нас не было, только летнее. И когда мы вернулись домой, то отец сразу собрал чемодан и поехал в Кронштадт, чтобы договориться об эвакуации. Весь Ленинград суетился, никто не ожидал, что так все обернется. В Кронштадте эшелон уже был готов к отправке, но сначала они попали под обстрел, а с 8 сентября началась блокада. И вышло так, что эшелон вырвался из-под обстрела, и папа уехал, а мы, мама и нас трое, остались. Начался голод, выдали карточки с разными нормами – детям одно, иждивенцам другое. Мама не работала, в то время женщины были в основном домохозяйками, особенно если трое детей, редко было, что инженерами работали или еще где. Никаких запасов не делали, холодильников-то никаких не было, обычно ходили в магазинчик и брали только чтобы съесть, маслица 200 грамм на завтрак, еще чего-нибудь. Ту т еще Бадаевские склады сгорели, это тоже сыграло роль. У меня даже цинга открылась из-за нехватки витаминов.

В январе одна из моих сестер, самая маленькая, умерла, она как раз перед войной родилась. Мама пошла что-то там менять на продукты, ее не было несколько дней, и за это время умерла вторая сестренка. А потом **мама принесла какой-то кусок мяса, я только сейчас задумалась, что это было, не голова ли – баранья или чья... Не знаю, даже думать не хочу, потому что и людоедство было, и черт знает что... Она была мороженая, мы ее до ночи на керосинке варили, а я все колупала кусочки мяса. Улеглись, утром я проснулась, а мама тоже мертвая.** Она была простуженная, хрипела, ее, можно сказать, приволокли домой.

И вот я осталась среди трех мертвецов. Тогда уже никаких гробов не было, соседи завернули их в простыню, и, куда дальше, не знаю, может, на улицу вынесли. Январь, холод, не было сил никуда их везти. Мы потом с одной блокадницей ездили в Ленинград, ходили на Пискаревку (кладбище. – *Ред.*), там есть отдел, где все мертвецы записаны. Моих там нет. Все могло быть, люди скрывали тела, чтобы сохранить карточки умерших. Ни имени, ни фамилии не оставалось, ездили машины, собирали эти трупы и отвозили в братскую пискаревскую могилу.

Я осталась жить одна. Как раз тогда было время, когда давали по 125 грамм хлеба. Я уже не ходила, соседи меняли на хлеб какие-то наши вещи – мамину одежду, что-то из комнаты... Все собирались в одной комнате, чтобы было теплее, оставшиеся не топили. Все, что горело, сжигали в буржуйках. Помню, маленький кусочек хлеба на буржуйке поджаривали или засушивали, а потом кусочками отламывали и сосали, чтобы на подольше хватило. Вот такое я пережила, но тогда даже слез не было, потому что голод, холод, вши заедали...

А потом меня отправили в детский приемник. Там детей немного откармливали, потому что мы уже были очень худые, дистрофики, и распределяли по детдомам. Был май, Ладога уже освободилась ото льда, и нас увезли по Дороге жизни на плотках – эвакуировали в Пошехонию, в жуткую глушь, но только оттуда я смогла связаться с отцом.

Тищенко Тамара Петровна
Люди умирали спокойно, без крика и стога

Тамара Тищенко встретила войну в Ленинграде. В ее воспоминаниях сохранились свидетельства жесточайших испытаний, выпавших на долю блокадников. Но, несмотря на лишения и гибель родных, вера в Победу не ослабевала ни на один день. Тамара Тищенко прожила в осажденном городе вплоть до самого снятия блокады.

Родилась я, когда шла финская война. Отец погиб на Ленинградском фронте уже в Великую Отечественную.

Мы с мамой жили в коммунальной квартире на Выборгской стороне. С началом блокады по вечерам город начал погружаться во тьму: погасло уличное освещение. В домах было велено сделать затемнение – мама плотно завешивала одеялом окна, когда зажигали свет. За состоянием затемнения следило домовое начальство, и даже за небольшую щель, сквозь которую пробивался свет, грозило строгое наказание. В окнах домов, на стеклах, повсюду было наклеены крест-накрест полоски бумаги. Считалось, что это может спасти стекла в случае взрывной волны. В небе неподвижно висели аэростаты воздушного заграждения, напоминающие гигантские пухлые сардельки.

Дров не было. Для буржоек ломали все, что горело. Из гильз делали коптилки для освещения. Спать ложились не раздеваясь, в пальто и шапке. Получив 125 граммов хлеба на человека, делили их на несколько частей и запивали водой.

Люди умирали тихо, спокойно, без крика и стога.

Воды не было, ее брали из Невы. К проруби тянулась понурая вереница людей, каждый нес в руках чайник или кастрюльку. Когда поднимались на берег, обязательно немного воды выплескивалось из емкости, и очень скоро образовывалась ледяная горка. Если человек падал, вода проливалась и приходилось снова идти к проруби.

Многие ловили кошек, собак и голубей. На кладбище могильщики рыли ямы за хлеб, поэтому многие оставляли трупы прямо на кладбище, не зарывая.

В нашей коммуналке перед самой войной соседка родила девочку. Я как-то спросила маму: «А где ляля?» Оказывается, соседка съела свою дочку. В итоге она выжила в блокаду и даже работала после войны на ткацкой фабрике.

А мы с мамой не могли съесть даже нашу собаку овчарку. С этой собакой я, держась за поводок, спускалась в бомбоубежище, а мама поднималась на крышу дома тушить фугаски. Но долго без взрослых во время обстрелов я не могла находиться, и мама отдала меня в детский садик, который находился недалеко от нашего дома. А собаку мама отдала за буханку хлеба на продовольственный склад, который находился на нашей улице.

Дети рано выросли. Но буквально все время тяжелой блокады была святая вера в нашу победу. От мала до велика мы в нее верили, этой верой жили, не сдавались.

Я в садик перестала ходить, от истощения отекли ноги. Дедушка сказал: «Посидишь пока дома, мы тебя подкормим». Дедушка и дядя на военном заводе красили пушки, и им выдавали небольшое дополнительное питание, которое они отдавали мне. Сам дедушка умер в январе 1942 года, а дядя в феврале 1942 года. Я начала ходить и снова пошла в садик от завода № 77, где работала моя мама.

Наш дом окружали заводы, которые немцы круглосуточно бомбили и обстреливали. Однажды ночью с самолета была сброшена бочка с горючим, а за ней посыпались зажигалки. Бочка упала на пустырь, где находился мой детский садик. Кастелянша послала меня получить белье для новенького, а в это время раздался взрыв. Я упала вся в крови. Потом мне сказали, что кастеляншу убило, а мне осколок попал в лоб, так что до сих пор остался шрам.

Некоторое время я вместе с мамой ходила на завод и ночевала там в цеху. Однажды я проснулась от того, что у меня за пазухой что-то шевелилось. Я побежала к начальнику и говорю: «Николаич, посмотри, что у меня там?» Он вытряхнул мышей.

Фашисты думали, что мы сдадим город, бросали листовки: «Ленинградские матрешки, приготовьтесь к бомбежке, доедите бобы, приготовите гробы. Победа наша, а с Ленинграда – каша».

Хорошо запомнилось и радостное событие: 27 января 1944 года – полное освобождение Ленинграда от фашистской блокады. Все мы кричали «Ура!», плакали от радости, обнимали друг друга, вспоминали погибших, отдавших свои жизни ради Победы!

Терехова Галина Кузьминична **Соседи делились друг с другом чем могли**

К началу войны мне было восемь лет. Я хорошо запомнила 22 июня 1941 года – был солнечный день. Мама с папой сразу побежали в магазин покупать продукты, закупили много пшена. Меня тоже взяли с собой, видимо, продукты уже выдавали ограниченно.

Отца сначала забрали в армию, затем Кировский завод, где он работал, дал ему бронь, и он вернулся. Я слышала, что на этом заводе делали какие-то секретные

танки с большей мощностью. Он ушел на завод летом и пробыл там всю зиму. На заводе было холодно и голодно. Вернулся папа домой только 30 апреля – умереть. Он пришел вечером, а утром 1 мая уже был мертв. Мама с бабушкой завернули его в одеяло, положили на санки и увезли на Охтинское кладбище, где похоронили в братской могиле.

Помню, я сидела у окна на подоконнике, играла в куклы и все ждала, когда же полетят самолеты. Немецкие я уже знала по звуку. Мы жили в Смольнинском районе, на 8-й Советской, рядом была ТЭЦ. Немцы бомбили станцию и летели дальше, к Ладожскому озеру. К концу блокады были страшные обстрелы, немецкие самолеты летали очень низко над улицами и стреляли прямо по окнам домов.

Моя мама, Ксения Васильевна, была работницей железной дороги: пока было сырье, вязала дома буксы для вагонов. Когда сырья не стало, ее направили на авторемонтный завод в Среднюю Рогатку. Сначала туда ходили трамваи, затем пришлось добираться пешком, и она каждый день вместе с моей крестной ходила через весь город. Крестная рассказала, что **как-то мама чуть не умерла по дороге – встала у Московского вокзала к стенке, сказала, что не может дальше идти, и сползла на землю. С ними была еще одна наша соседка, Анна Васильевна, она дала маме пососать кусочек сахара, и та немного ожила. Через какое-то время вновь открылась фабрика букс, и мама вернулась туда.**

Она будила меня в 5 – 6 утра и ставила в очередь – надо было отovarивать карточки, а ей приходилось работать. Я стояла в очереди, потом мама возвращалась, и мы получали какие-то продукты. Было голодно. Нас было трое детей, и мама делила между нами маленькие кусочки пайков, а мы все надеялись, что какие-то крошки могли упасть на пол, и лазили за ними под стол. Дома был небольшой запас сахара и пшена, и, видимо, мы выжили благодаря ему. Соседи делились друг с другом чем могли. Соседка принесла нам столярный клей, и мама сварила из него что-то вроде студня. Помню, мы ходили в баню, и люди в очереди называли меня дистрофиком.

Я была самая старшая, ходила на Неву за водой. Мама поставит мне на саночки бидон, чайники, и вот я ползу. На Неве были наледи, скользко, и воду начерпать мне помогали другие люди.

1942-й – был страшный год. Сугробы, суровая зима. По улицам ездили машины, собирали покойников. Помню, как у наших ворот очень долго сидел мертвый старик. Четырехлетний брат Володя от истощения перестал ходить, сестренку

Машу эвакуировали с детским садом, и она вернулась домой только в 1945 году. Школа не работала, и я пошла в первый класс только в 1944 году.

Топорков Е. П.

Мы – дети невской заставы

Памяти Шадурова В. Н.

Мы, я и мой друг Шадуров Володя, родились в одном доме на Железнодорожной улице Володарского района. Володя был на полгода моложе. Жили с родителями на улице Прорезная, 22. К июню 41 года окончили очаг и 1-й класс новой 336-й школы с похвальной грамотой.

Несколько слов о доме и жильцах. Дом располагался на окраине района, в километре от Невы. На наших домах заканчивалась улица (№ 22, 37), далее забор и территория больницы им. доктора Цимбалина, где в 30-е годы работала моя мама (Топоркова Анна Ивановна) медсестрой в операционном отделении.

Дом был добротный, одноэтажный, построенный для рабочих предприятий района: 12 комнат, кухня общая, хозяйственные помещения и прачечная с большим чугунным котлом. Отопление – печное, вдоль – широкий коридор, печь – на две комнаты, утоплена внутрь комнат, так что в коридоре перед ней была рабочая зона для дров и хозинвентаря (было местом для моего трёхколёсного велосипеда). Важные детали: жильцы в основном среднего возраста, детей – нас четыре мальчика, то есть был ещё Толя Марков и Ким, но они моложе нас, девочек не было.

Подарком за наши успехи в школе и поведении стало отправление нас в пионерский лагерь района под Лугу (пос. Крупели). Лето, лес, река Луга... Забыт город, мы с Володией обретаем новых друзей в детских играх, организованном отдыхе. Даже сообщение о начале войны было встречено спокойно: ведь была уже финская, папа Толи Маркова – командир, он вернулся уважаемым в нашем доме участником. Мы победили, но и сейчас, конечно, победим. Она где-то далеко, продолжаем играть в войну, отдыхать. Но в начале июля пришло распоряжение об эвакуации лагеря. Пожалуй, мы это слово понимали как просто переезд лагеря на новое место, дальше от фронта. Володя уехал с лагерем, а я остался с мамой, которая как работник лагеря должна была передать лагерь местным властям. В город мы вернулись 5 июля, куда вскоре с мамой Верой Кузьминичной вернулся и Володя. Вот была встреча друзей и ожидаемый отдых до сентября.

Первый год блокады – самый тяжелый для ленинградцев. Враг очень быстро подошел к городу. Школу занял госпиталь. Во второй класс собрались только в октябре в доме № 26 по Железнодорожной улице в измененном составе, к этому времени узнали слова: блокада, бомбежка, артобстрелы, карточки, нормы на взрослых и детей. Детские игры в войну превращались в суровую реальность. Матерям с детьми предлагали эвакуироваться. Папа Володи, Николай Никифорович, оставался на заводе «Звезда» № 174 на год для завершения передислокации завода на Урал. Мой папа – Петр Ильич – был направлен в МПВО, поэтому в наших семьях вопрос об эвакуации не был в то время ещё острым.

Мы с Володей часто играли в эвакуацию: у каждого был свой чемоданчик с биркой, аптечка, вещицы на первое время, место для продуктов. Так как в наших домах не было подвалов для укрытия при воздушных тревогах, поступило распоряжение строить жителям убежища-щели у дома № 37. Дети принимали в этом посильное участие. Особо были заинтересованы, когда определяли места для каждой семьи, приступали ко второму этапу, оборудованию ниш для постельных вещей, так как предстояло оставаться в убежище на ночь. Мы были ещё здоровы, задорны, старались помочь. Володя крепче меня и, как правило, опережал меня во всем.

Мы, как и все ленинградцы, испытали все: голод и холод, бомбёжки и артобстрелы. Родовались олифе и столярному клею, кочерыжкам с огорода частника. Когда осколком убило лошадь у военных, а они что-то замешкались, она вмиг была прибрана жителями, и в доме был сытный ужин. Правда, и мясо попало, но было жестковато.

В 41 году быстро холодало, но у нас были печки и запас дров. В декабре обзавелись буржуйками – экономичнее по дровам, теплу, готовке еды и кипятка. А главное, все собирались в круг и смотрели на свои кусочки хлеба на сковородке. В городе, в больших домах, вероятно, было больше организации по укрытию населения по ВТ. Да и в районе наиболее интенсивно беспокоили немцы важные объекты. Да и люди уставали бегать по десять раз в день.

Как нас спасли однажды? День и вечер прошли без ВТ. Решили остаться ночевать в доме. Где-то в 10 часов утра, без объявления ВТ – воздушный налет, и бомба упала в наше убежище, прямо в наше место. Судьба! В доме от бомбы полетели стекла, штукатурка с потолка, была паника. Так мы лишились нашего спасательного убежища. И стало даже спокойнее, да и зимой сил не стало, в основном мы больше лежали одевшись.

Радостными днями были, когда приходили домой Володин и мой папа. Был праздничный чай и что-нибудь к нему. Помнится, как ходили на Неву за водой. С января ждали весну и конец блокаде, но ещё было у всех много горя. У нас 17 февраля умер дедушка – Иван Григорьевич (мамин папа). Уже на Большой земле, вырвавшись из блокадного города, в марте 42 года тетя Софья Васильевна похоронила годовалую дочь.

В мае 1942 года папу Володи призвали в армию в танковые войска на Ленинградский фронт, кроме того наши планы нарушило решение о разборке деревянных домов на дрова, а нас расселение в пустующие каменные, что, с одной стороны, обеспечивало запас дров на зиму и лучшую защиту населения. Но это было расставание с другом, так как мама Володи пошла работать на завод «Звезда», и комнату им давали рядом с заводом.

Смерть продолжала косить население. 24 августа похоронили мы бабушку Степаниду Андреевну. В сентябре пошел в 344-ю школу, но с другом часто встречались и писали письма в часть, где служил его папа. В январе 1943 года он участвовал в прорыве блокады и получил 2 медали: «За оборону Ленинграда» и «За отвагу». Вера Кузьминична устроила нам праздничный ужин, а мы с Володей поздравляли письмом товарищей его отца.

Последний налет авиации был 17 октября 1943 года. Но обстрелы продолжались. Школьники соревновались в сборе осколков вражеских снарядов для сбора металлолома.

Только 27 января 1944 года немцы были отброшены, город был полностью освобожден от блокады. Это был самый большой праздник. На территории завода «Звезда» стоит танк. Моё предложение: поставить его на улице братьев Грибакиных перед заводом «Большевик» к 70-летию победы в Великой Отечественной войне в память танкостроителей Невской заставы и бойцов танковых войск.

Справка: Володя Шадуров более 30 лет проработал на заводе, где ранее работали его отец и мать.

Тюрина Клара Ивановна

Мы выжили и выстояли все 900 дней!

Перед войной я с мамой и сестрой Ирой жили в г. Пушкин под Ленинградом (в настоящее время это один из районов Санкт-Петербурга). Мама работала уборщицей в столовой Дома учителя в Ленинграде, растила нас с сестрой одна.

Ира в 1941 году закончила третий класс, я должна была в сентябре пойти в школу.

22 июня мы с Ирой были в Ленинграде в гостях у наших родных. Стояла солнечная погода, у всех было хорошее настроение. Когда по радио сообщили о нападении фашистов, взрослые заволновались. Помня еще по финской войне о возможных трудностях со снабжением, решили запастись продуктами. Взяли нас с Ирой в магазин, там уже была большая очередь, пришлось долго стоять, чтобы купить крупу, сахар. К вечеру мы с Ирой вернулись в Пушкин. В поезде было много народа, в вагон не пройти, ехали в тамбуре, взрослые выглядели растерянными, некоторые женщины плакали.

В июле фашисты стали бомбить Пушкин. Началась эвакуация детей. Сестра должна была эвакуироваться со школой, но мама договорилась о том, что вместе с Ирой возьмут и меня. Когда наши вещи были собраны и нужно было идти на вокзал, мама вдруг заплакала и сказала, что не расстанется с нами, что бы ни случилось. Материнское сердце тогда подсказало верное решение. Через несколько дней мы узнали, что фашисты разбомбили этот эшелон со школьниками, многие дети погибли. Мама продолжала работать в Ленинграде, могла приезжать в Пушкин редко и только на несколько ночных часов, чтобы проведать нас. Не помню почему, но через некоторое время Ира уехала в Ленинград к родственникам, а я осталась под присмотром соседки. Бомбить стали все чаще, мы прятались в отрытых во дворе дома траншеях.

В конце августа фронт приблизился к Пушкину, и стали слышны выстрелы орудий. Однажды днем мама приехала за мной из Ленинграда. Мы быстро собрали кое-что из теплой одежды, сложили в корзину и мешок и пошли на вокзал. Корзина была у мамы, я несла мешок на веревочных лямках. На вокзале поезд ожидала большая толпа, никто не знал, когда его подадут на посадку. Поезд подошел только ночью, мы кое-как втиснулись в вагон. Хотя до Ленинграда было всего около 20 километров, ехали очень долго, поезд часто останавливался. Во время одной из остановок поезд начали бомбить, люди заметались в панике. Мы с мамой выскочили и спрятались от бомб под вагоном. Вокруг взрывы, огонь, крики людей, мне было очень страшно. Наши вещи потерялись. Когда налет закончился, поезд продолжал стоять, так как разбомбило паровоз, и мы вместе со всеми пошли вдоль рельс пешком. Под утро добрались до Ленинграда.

В Ленинграде сначала жить было негде, мама пристраивала нас на несколько дней то к одним, то к другим родственникам. С начала сентября фашисты начали регулярно бомбить Ленинград. Однажды мы с мамой и Ирой поздно

вечером пробирались на ночлег к общежитию милиции на Дворцовой площади. Наш сосед по Пушкину служил милиционером и пообещал на несколько дней приютить нас в этом общежитии. На улице Гоголя нас застала бомбежка. Когда мы спрятались в подвале какого-то дома, оказалось, что Иры нет рядом. Мы с мамой стали искать ее в соседних подвалах, звали, кричали. Она неожиданно нашлась после отбоя воздушной тревоги, рассказала, что пряталась в подвале другого дома.

После долгих скитаний мы поселились в комнате родственницы на Московском (тогда Международном) проспекте, дом 13, квартира 15. Родственница работала на заводе на казарменном положении. Мама перешла работать на завод «Судомех» – он тоже фактически находился на казарменном положении. Мама могла только иногда приходиться к нам с Ирой, обычно поздно вечером.

С обретением постоянного жилья на нас с Ирой стали выдавать продукты по продовольственным карточкам, а до этого мы числились проживающими в Пушкине и скитались по Ленинграду полуголодные. Однако скоро на смену голоду наполовину пришел голод постоянный, жестокий... 8 сентября 1941 года фашисты замкнули кольцо блокады Ленинграда. В этот же день город подвергся массированному артобстрелу и бомбардировке, ночью было сброшено более 6000 бомб, от зажигалок начались сильные пожары, над городом стояло сплошное зарево. Утром мы узнали, что сгорели Бадаевские продовольственные склады, с которых получал продукты весь Ленинград. Норму выдачи продуктов резко уменьшили и потом многократно сокращали. Если в августе детям выдавали 400 грамм хлеба в день, то 12 сентября норма сократилась до 300 грамм, с 1 октября до 200 грамм, а с 13 ноября – до 150 грамм.

Наступила холодная осень. В городе не работали водопровод, канализация, отопление. Теплых вещей у нас не было, все пропало при отступлении из Пушкина. В комнате мы установили буржуйку, топили мебелью или, если удавалось достать – обломками досок с разрушенных соседних домов. Но было все время очень холодно, особенно зимой, когда ударили небывалые для Ленинграда морозы, порой ниже 30 градусов. Мы натягивали на себя все, что могли найти. В основном лежали на кровати, тесно прижавшись друг к другу.

20 ноября норму выдачи хлеба сократили рабочим до 250, а детям до 125 грамм в день. Блокадный хлеб этой зимой состоял наполовину из опилок, других продуктов в ноябре – декабре не выдавали. Есть очень хотелось всегда, даже во сне. Полученный хлеб мы сразу не ели, а старались просушить на буржуйке на сухари, а потом сосали их. Пока сосешь сухарь, кажется, что не такая голодная. В начале января привели с завода маму, она очень ослабла, не могла стоять на

ногах. Я тоже ходить не могла, и мы с ней до весны пролежали в кровати. Этой зимой в нашей квартире из шести человек умерло двое. Соседка еще нашла силы отвезти своего умершего мужа к месту захоронения, а когда умерла вторая соседка, некому было хотя бы вынести ее тело из квартиры. Оно пролежало на кровати до весны, пока сандружинники не начали сплошной обход по квартирам и не унесли тело в помещение «красного уголка» на первом этаже, куда они убрали умерших со всего дома.

Фашисты обстреливали город в светлое время ежедневно, по 400 – 500 снарядов. Потом я узнала, что **в блокадные 1941 и 1942 годы не было артобстрела только 32 дня**. Бомбили по ночам, на время переставали (в январе – марте 1942 года). В первую бомбежку мы пытались укрыться в бомбоубежище, которое было через два дома от нашего. В нем казалось, что все разрывы рядом, было очень тесно, страх передавался от одного к другому. Отбой воздушной тревоги дали через несколько часов. После этой ночи мы решили больше в бомбоубежище не ходить – будь что будет. Зимой в этот дом с бомбоубежищем попала тяжелая фугасная бомба, и он рухнул. При артобстрелах в укрытия обычно никто не ходил, прятались в подъездах домов на менее опасной стороне, к ним постепенно привыкли, вообще стали меньше бояться погибнуть от бомбы или снаряда. Страшнее были голод и холод. От них нас спасло то, что Ира держалась на ногах и могла получать хлеб по карточкам, приносить воду с Фонтанки, топить буржуйку, когда находила топливо. Помог выжить мамин двоюродный брат, офицер. Он знал в каких условиях мы находимся и, когда приехал с передовой на Кировский завод получать боевую технику, захватил большой кусок мяса убитой у них лошади. Это нас очень поддержало.

С наступлением весны мы начали понемногу оживать. Помогла ледовая Дорога жизни, в городе увеличили норму хлеба (на детей – до 250 грамм в день), иногда в дополнение к хлебу выдавались другие продукты. Больным дистрофией, способным передвигаться, стали выдавать талоны на обед в специальных столовых. Обед состоял из тарелки дрожжевого супа, который нужно было обязательно съесть в столовой. Сестре иногда удавалось обмануть бдительных работников столовой, перелить суп в жестяную банку и принести его домой. Настоящим праздником для нас было, когда она приносила домой две тарелки супа с разных столов.

В начале апреля мама встала на ноги и нашла силы вернуться на работу. Я тоже начала передвигаться по квартире, и однажды сестра решила вывести меня во двор. Вышли из подъезда на солнце, я прислонилась к стене дома и вдруг увидела, что из помещения «красного уголка» выносят тела умерших и

складывают в кузов автомашины. Сестра за зиму привыкла к тому, что рядом падают и умирают люди, а я такое количество мертвых видела впервые. Мне стало плохо, я потеряла сознание и не помню, как оказалась снова в квартире.

С теплом я стала самостоятельно выходить из дома. Все было интересно: солнце, пущенный после зимы трамвай, огородные грядки, посаженные выжившими жильцами во дворе дома. В мае Иру и меня пригласили в уцелевшую на набережной Фонтанки школу. Детей собралось много, всех расписали по классам и предупредили, что занятия начнутся в сентябре как положено, несмотря на фашистское окружение. С этого времени я каждый день проводила в школе. Для детей младшего возраста, у которых родители работали на предприятиях, в школе было оборудовано своего рода общежитие. В спортзале лежали матрасы. Нас кормили обедом в счет продуктовых карточек. К обеду полагался стакан соевого молока, но я, несмотря на постоянное ощущение голода, пить его почему-то не могла и относилась Ире.

Осенью 1943 года фашисты перестали бомбить город, но артобстрел усилился. Только в течение сентября по городу было выпущено более 12 000 снарядов. Один из снарядов, когда я возвращалась из школы, разорвался очень близко, в двух метрах от меня осколком убило женщину. С артобстрелом у меня связана очень горькая для детских лет потеря. Когда я стала ходить в школу, то познакомилась с одним мальчиком, который мне очень понравился. Он жил в полуподвальной комнате одного из домов по дороге в школу и часто сидел у окна, у него зимой отнялись ноги. Мы с ним много разговаривали через окно, когда в школе начались занятия, я ему рассказывала, что проходили на уроках, показывала как пишутся буквы. И ему и мне это было интересно. Однажды во время уроков начался обстрел нашего района, снаряды падали недалеко от школы. После занятий я побежала к дому, где жил этот мальчик, и увидела вместо окна его комнаты огромный проем от разрыва снаряда. Я долго не могла унять слезы.

Вторую и третью зимы пережили легче. Они были не такими холодными. Нормы выдачи хлеба и продуктов больше не снижали, а после прорыва блокады 18 января 1943 года, когда по узкому коридору в Ленинград пошли поезда, мы стали получать больше продуктов по карточкам, хлебная норма стала такой же, как и по всей стране.

Вторая зима запомнилась борьбой со вшами. Их было великое множество и в первую зиму, но тогда было не до них. Мы уничтожали вшей всеми средствами, но они плодились очень быстро. Справиться с ними удалось только с наступлением лета.

После окончания занятий в школе меня отправляли в лагерь, а Ира работала на огородах наравне со взрослыми. За эту работу ее наградили медалью «За оборону Ленинграда». В лагере наш отдых также совмещался с работой на огородах. Регулярно устраивались соревнования по прополке грядок, победителю в качестве награды торжественно вручался пирожок.

Хорошо помню конец блокады. 23 января 1944 года фашисты последний раз обстреляли город, а к 27 января их далеко отогнали от Ленинграда. Мы выжили и выстояли все 900 дней! Самым радостным из этих дней в городе-фронте был, конечно, День Победы. Он запомнился счастливыми лицами людей, праздничным салютом. Сестра и ее подруги взяли меня с собой на Дворцовую площадь. Там, казалось, собрался весь город. Гремела музыка, люди танцевали, обнимались, целовались даже совсем незнакомые. Особенно доставалось тем, кто был в военной форме. Мы выстояли и победили!

Терещенко Валентина Ниловна
Кружка воды из Невы и конфетка

Воспоминания председателя совета ветеранов жителей блокадного Ленинграда Лосиноостровского района города Москвы Терещенко Валентины Ниловны.

Когда началась война, мне исполнилось 4 года и две недели. Папу, Нила Лукича Чистякова, призвали в армию, мама, Ефросинья Ивановна Чистякова, работала на фабрике «Красное знамя». Я ходила в садик. Маму сразу призвали на работу по обороне города.

Восьмого сентября сомкнулось кольцо блокады. Город ожесточенно начали бомбить, в результате были разбомблены Бадаевские продуктовые склады. После пожара некоторые жители близлежащих домов ходили на пожарище, чтобы постараться собрать часть продуктов. Но все продукты были превращены в уголь.

Мы жили на Петроградской стороне, на Барочной улице. Во время обстрелов укрывались в бомбоубежищах. Зима в этот год пришла уже в октябре. Прекратили подачу электроэнергии и воды. Маме нужно было ходить на работу в разные концы города пешком, так как транспорт не работал. Вставала она в 3 – 4 часа, будила меня, и мы шли вместе.

Жили мы на 5-м этаже. Чтобы спуститься с 5-го этажа, мы освещали дорогу бумажными скрутками типа факела. От голода уже стали умирать люди. Хлеба на детей и стариков выдавали 125 грамм в день, рабочим 250 грамм в день. Вывозить умерших не было сил, поэтому на лестницах и площадках стояли в углах завернутые в простыни покойники. Садик, куда я ходила, находился недалеко от дома, поэтому мама оставляла меня со сторожем в саду, а сама шла на работу.

Вечером мы ждали родителей, но, к сожалению, не все родители приходили за детьми, и их отправляли в детдома. В саду нас кормили нормально, каждый день давали рыбий жир и витамины, а если давали конфетку, я ее клала в карман передника и несла домой. Мама дружила с соседкой, которая была старше ее. Вечером, под звуки метронома, мама, я и соседка собирались у нас в комнате и пили чай из самовара с этой конфеткой, которую резали на маленькие кусочки. Мама все хорошие вещи обменивала на хлеб и дрожжи. Вечером отрезала кусочек дрожжей, заливала теплой водой и добавляла сахарин. Это хлебали как суп. Ели столярный клей, плитки размачивали в воде и варили желе, размачивали кожаные ремни.

В декабре 1941 года я заболела двухсторонним воспалением легких. Мама меня лечила винным обертыванием. Одно время я отказалась от хлеба. Мой рацион в день был кружка воды из Невы со льдом и конфетка. Это продолжалось неделю. Только благодаря маме ко мне стал возвращаться аппетит.

Весной 1942 года пришла похоронка на папу. Этой же весной все население вышло на уборку города. Убирали грязь и собирали умерших, которые еще оставались в городе.

Мне сейчас идет 76-й год, а мама дожила до 78 лет без 3 месяцев. Мы с мамой пережили все 900 дней и ночей блокады. Мама получила медаль «За оборону Ленинграда» в 1942 году, а я получила знак «Житель блокадного Ленинграда» 30 декабря 1989 года.

Трифонов Владимир Васильевич
Серый сумрак

Родился 6 сентября 1935 года. Всю блокаду жил на улице 6-я Советская, д. 30.

Хотя после снятия блокады Ленинграда прошло уже 70 лет, мои детские воспоминания о том страшном времени живы до сих пор. Мое сознание сохранило их как отдельные кадры порванной киноленты.

Блокада началась сразу после моего дня рождения. 6 сентября 1941 года мне исполнилось 6 лет. Главное, что сохранилось в памяти: серый сумрак днем на улице и в комнате со стеклами, заклеенными крест-накрест полосками бумаги. Полумрак в комнате вечером, когда окна были зашторены плотными занавесками, и тусклое освещение, наши медленные движения и холод, постоянное ощущение голода и черная тарелка радио, связывающая нас со страной. Как мы, дети и взрослые, выжили в то время? Ответы на эти вопросы человек, не переживающий кошмар блокады, дать не сможет.

Наша семья: мама, я, младшая сестра Таня и двоюродная сестра Валентина Ивановна 1926 года рождения – всю блокаду жили по адресу 6-я Советская улица, дом 30. Папины сестры (тетя Маруся и Нюра) жили рядом с Сенной площадью. Наш папа и мамин брат (дядя Миша) пошли на фронт.

Я отчетливо помню мелькающие перекрещивающиеся в темном небе лучи прожекторов, стрельбу зениток и пронзительный вой сирены, возвещающий о начале артиллерийского обстрела и воздушного полета, и голос диктора из громкоговорителей: «Воздушная тревога!»

Только один раз в 1941 году мы с мамой и соседками из нашего дома спускались в подвальное оборудованное бомбоубежище, которое размещалось на противоположной стороне нашей улицы в доме 37, там собиралось практически все население близлежащих домов.

После того когда в нашем микрорайоне были разрушены несколько домов, под развалинами которых оказались люди, мы не стали спускаться в бомбоубежище. Взрослые решили, что при попадании бомбы нас наверху найдут и спасут быстрее, чем из «братской могилы» заваленного подвала.

Запомнилась длинная воронка посередине Суворовского проспекта (между 5 и 6-й Советскими) от снарядов, упавших ночью, и 4 поврежденных рядом стоящих дома. Перед глазами до сих пор стоят дома, пробитые бомбой при прямом попадании. Страшная картина: уровни этажей в разрезе напоказ, висящая мебель, одежда, домашняя утварь, скрип и стук колеблющихся рам и дверных створок. Приходили к разрушенному дому с самокатами, санками, тележками в зависимости от времени года, чтобы собрать обломки досок, рам, мебели, которые могли пригодиться для топки печек. Нам надо было продолжать жить, если судьба дала нам шанс выжить в день прошедший.

Приносить какие-либо вещи домой нам категорически запрещалось, да мы вещей и не трогали.

Собранные деревянные предметы у нас хранились в дровяном сарае, построенном вдоль стены, разделяющей наши дворы, еще до войны. Дровяной деревянный сарай был для нас, детей, местом игр. Мы лазали по крыше, по перилам, прыгали со второго этажа этого сарая прямо в сугроб, играли в прятки.

Детская компания нашего двора: Лида Дементьева, Женя и Сережа Павловы, Толя Леконец, Марик и Миша Штельберги и я с сестрой Таней, были очень дружны и всегда держались вместе. Других ребят, которые были старше, я уже не помню, у них были свои интересы. Наши младшие были с нами.

Дорогие соседи, где вы? Куда вас забросила судьба?

Я хорошо помню, как по Суворовскому проспекту военные на канатах или тросах проносили аэростаты заграждения. Эти аэростаты – «колбасы», неподвижно висящие в небе, спасали наш город от немецких самолетов.

В памяти сохранились воспоминания, когда я с мамой и двоюродной сестрой дежурили во время обстрела на чердаке нашего дома. Мы большими железными щипцами-клещами с длинными ручками хватали маленькие бомбочки-зажигалки, тушили их песком из ящика и сбрасывали потухшими через чердачное окно во двор-колодец.

Зимой мы, дети, со старшими подростками помогали нашему дворнику Нине Павловой убирать снег во дворах домов № 30, 28, 32. Эта операция по уничтожению снега по своей сути уникальна, и не помнить о ней грех, а суть вот в чем: к открытому канализационному люку на полозьях подкатывали большой железный бак на ножках-стойках. Под баком жгли костер. Снег от места уборки территории на фанерных или железных листах мы подводили к баку и перекидывали в него. Снег таял, и вода по трубе из бака выливалась в канализацию. Благодаря такой технологии к концу зимы у нас во дворе удавалось избежать большого скопления снега.

Однажды, примерно в начале апреля 1943 года, я упал в открытый люк. Был один из первых солнечных дней. Я, увидев это желтое чудо, очень обрадовался, замахал руками, с возгласом «Бабочка, бабочка...» стал бегать за бабочкой и исчез со двора в отверстии люка. Меня на палке метлы и на веревке оперативно вытащили на поверхность. А потом мама и соседка щепочками, палочкой,

очищали меня от содержимого канализации. Мыли уже дома. Это было смешное и грустное представление для всех, кроме меня. Было испорчено новое пальто и костюмчик.

Что мы ели? Чем питались? Конечно, у нас, как и у других жителей, были продуктовые карточки с обрезными талончиками на разные виды продуктов. Однажды я потерял такую карточку, хорошо, что за 5 дней до конца месяца. Когда мама приносила домой продукты, купленные по карточке, мы всегда делили их по кучкам на каждый день (крупа, мука, кусочки сахара и хлеб). Не дай бог, съесть в какой-то день больше. Кое-что из продуктов маме удавалось выменять на какие-то вещи, оставшиеся от довоенного времени.

Что можно было достать? Сейчас совершенно очевидно, что многие даже и подумать не могут, что такие «продукты» можно употребить в пищу:

столярный клей, плитки коричневого и серо-коричневого цвета, из которых варили студень и заливное;

сыромятные ремни, вываренные в кипятке, а потом пропущенные через мясорубку, потом делали котлеты;

олифу, перекипяченную и используемую для жарки и заправки маслом перечисленных выше «продуктов».

Очень вкусными казались котлеты из картофельных очисток, котлеты из лебеды и крапивы. Эту витаминную зелень я ездил собирать с двоюродной сестрой и ее подружкой в район Охты и Ржевки. Ездили на трамвае № 12, а потом шли пешком. Чтобы как-то отвлечь и развлечь нас с сестрой Таней от голодных мыслей, мама рисовала нам разные фрукты (яблоки, груши, виноград и арбуз). Особенно хорош был арбуз – зеленый с коричневыми полосками на кожуре, с яркой красной мякотью и черными зернышками.

Я почему-то любил рисовать рыбу на тарелке, колбасу с жирком и хлеб. С этими рисунками мы как бы ели – и от этого нам меньше хотелось есть. Особенно хорошо было, когда горела буржуйка и когда не было бомбежки. Шипящий примус и копящая керосинка – вот что поддерживало нас. У нас даже была серая кошечка, которая однажды вышла во двор и не вернулась.

На буржуйке стоял эмалированный чайник с олифой, которая должна была прокипеть. Мама вышла в сарай за дровами. Олифа в чайнике закипела, выплеснулась на буржуйку, и все загорелось. Я помню только то, что я схватил чайник с олифой, а на горячую буржуйку, облитую олифой, мы с сестрой

набросили фуфайку, пальто, одеяло и еще что-то и тем самым закрыли огонь. Окончательно все потушили мама и соседка. За водой для пищи мы ходили с бидончиком и чайниками на Неву, в район нынешней Синопской набережной. Емкости с водой везли на самокате либо на санках и, само собой, в руках.

В годы блокады мы с мамой несколько раз ходили в госпитали к папе и дяде Пете (муж маминой сестры). Я помню большие комнаты, в которых размещались раненые бойцы, помню улыбки и радушие раненых и желание поговорить взрослых дядей с нами, детьми. Папа лежал в госпитале на Парадной улице, а дядя Петя – в здании нынешнего Дворца пионеров (на Фонтанке).

Но не все родные, близкие и соседи пережили эти страшные годы. Своих родственников мы похоронили на Большеохтинском кладбище. Тела умерших, завернутые в простыни или покрывала, везли на кладбище (в зависимости от времени года) на санках или на двух соединенных параллельно самокатах. Наш папа и дядя на фронте были ранены и вернулись домой в конце 1944 года инвалидами.

В эти тяжелые и страшные годы блокады в Ленинграде продолжали работать детские сады и школы. Меня с сестрой уже с весны 1942 года мама водила в детский сад № 37 на 8-й Советской улице (под арку на 2-й этаж). В нашей группе была очень добрая, худенькая и ласковая воспитательница (как мне казалось, очень высокого роста), а звали ее Тина Ивановна. В детском саду нам давали очень вкусную пшеничную кашу, вкусный розовый сладкий кисель, что мне хорошо запомнилось. В детском саду было много игрушек. Молодая воспитательница проводила у нас музыкальные занятия, она хорошо играла на пианино и на аккордеоне. Помню один эпизод, когда во время занятий воспитательница завела в группу маленького худенького мальчика в черных рейтузах и сказала: «Дети, вот новый мальчик, его звать Коля, не обижайте его». Так я познакомился с Колей Носовым.

В сентябре 1943 года я, Коля Носов и еще двое мальчиков из детсадовской группы пошли в школу № 155 и закончили ее в 1953 году, проучившись все 10 классов. Школа работала непрерывно, действовали все классы. В годы блокады, до 4-го класса, нашей учительницей была Надежда Андреевна – учитель от Бога, строгая, справедливая, очень внимательная к каждому ученику. Учила нас всему и отдавала нам все свои силы.

Во время бомбежек Надежда Андреевна и другие учителя выводили всех детей из классов в подвал-бомбоубежище под одним из флигелей школьного здания. В этом переоборудованном подвале школьные уроки всех классов продолжались. Когда уроки заканчивались, мы сидели тихо. Каждый занимался своим делом. Я, чтобы скоротать время, старался считать до тысячи, а если была бумага и карандаш, то рисовал.

Наша школа № 155 – образец настоящего учебного заведения. Широкая входная лестница, просторный вестибюль с гардеробами, светлые классы с большими окнами и высокими потолками. Прекрасно оборудованные кабинеты физики, химии, биологии. Большой спортивный зал с многочисленными спортивными снарядами. А какой чудесный в школе актовый зал. Все наши учителя и младших, и старших классов вполне заслуживают звания «народных учителей». К сожалению, время безжалостно.

В актовом зале нашей школы помню большую районную новогоднюю елку в конце 1944 года. Она стояла посередине зала, на сцене выступали артисты. Большой, с громким голосом Дед Мороз и красивая в нежно-голубой шубке и шапочке Снегурочка раздавали нам красивые пакетики с подарками. Это уже светлые воспоминания закончившейся блокады.

Наши потомки, жители современного Санкт-Петербурга, до сих пор могут видеть следы вражеских бомбардировок. В городе уже нет разрушенных в блокаду зданий. Практически не осталось работавших в этот период предприятий, которые не дали городу погибнуть. Теперь я с большим уважением смотрю на трубы ТЭЦ № 2 на Новгородской улице (раньше топились углем). Трубы, которые в годы блокады страшно дымили, но давали тепло и теплую воду в детские сады, в госпитали и в школы. Черный дым оседал на землю, частички угля попадали в глаза, но эта была жизнь. Работал комбинат, на предприятии производили нужную армии и тылу продукцию. На правом берегу Невы, ниже по течению Охтинского моста, на воду спускали буксиры и баржи. Город сейчас восстановлен. На окраинах, где проходил фронт обороны, где перед врагом насмерть стояли наши защитники, выросли новые жилые районы, в которых живут новые люди. Большинство людей не представляют, что такое блокада Ленинграда, продолжавшаяся с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года.

Но среди немногочисленных чудом выживших остались мы.

Мы дети блокадного Ленинграда.

Мы – ленинградцы!

Мы выжили в блокаду!

Нас сохранили матери и сестры старшие,

Нас защитили от врага отцы и братья,

Поклон вам, дорогие,

И вечная вам память.

От наших сыновей и дочерей,

От всех потомков наших

И от всех людей

За то, что сберегли

Вы нас, детей!

Торочкова Вера Александровна

Наш отец застрелился в 1937 году

Я пошла в школу 1 сентября 1942 года и первый класс училась там, потом меня с сестрой перевели на 9-ю Советскую улицу, где мы проучились до 4-го класса.

Моя мама была очень худой и истощенной женщиной, она тянула нас двоих, так как наш отец застрелился в 1937 году, и нам даже некого было посылать на войну. Мама работала дворником и практически не бывала дома. После войны я тоже жила с мамой. Она имела медаль «За оборону Ленинграда» и умерла в 86 лет, не получив ни копейки пенсии.

Помню, как мама взяла меня, мою сестру и еще двух подруг, и мы пошли на салют, стояли напротив пушек, и, когда был первый залп, мы все упали от страха на асфальт.

Сегодня я понимаю, каким трудом досталось все то, что в нас было вложено. Мне очень обидно за то, как поступили с мамой.

Трифонова Алла Александровна

Тревога в сердце

Родилась в 1935 году.

Блокада для меня – это постоянная тревога в сердце. Папа ушел на фронт, мама умерла от голода в 1941 году. Мы жили в коммуналке на Большой Посадской улице с множеством родственников. Голод унес жизни деда, тетки, двоюродных сестер. Бабушка, думая, что скоро умрет от голода, отдала меня в приемник-

распределитель детского дома на Петроградской стороне. Это было в конце 1942 года. Когда нас вывозили в эвакуацию поездом, то мы каждый день видели, как маленькие трупы детей выгружают на станциях.

После блокады и войны бабушка, к счастью, выжила и с одной из теток забрала меня из эвакуации, из детского дома. Я вновь обрела семью.

Ребят из того детского дома я помнила всю жизнь, со многими дружим по сей день. И наши дети общаются друг с другом.

Турбин Владимир Праздники на фоне бомбежек

Когда началась война, а затем и блокада осажденного Ленинграда, мне не исполнилось и двух лет. До сих пор с болью в сердце и со слезами на глазах мне вспоминаются эти страшные дни. Чтобы хоть как-то выжить и получить лишний грамм хлеба, мои родители, как и родители многих других детей, оставшихся в городе, и день и ночь работали на производстве. Работникам на предприятиях иногда давали дополнительный паек – это была для них какая-то возможность спасти своих чад от голодной смерти.

Из-за того, что родители работали круглые сутки, я их почти не видел. Меня определили в детский сад, откуда иногда меня мама брала на один день домой. Все остальное время я находился под опекой воспитателей, и, надо сказать, именно благодаря этим внимательным и самоотверженным людям мне удалось выжить. Весь хлеб воспитатели отдавали нам, а сами спасались от голода дурандой – кусками прессованной шелухи от семечек. Навсегда запомнилось, как мы в садике делили хлеб. На стол, за которым сидели шестеро ребятишек, ставили тарелочку с нарезанным батоном. Самой большой и вкусной считалась горбушка. Тот, кто первый схватит ее, считался везунчиком.

Дома была такая же ситуация – весь хлеб мать отдавала детям – мне и старшему сыну Олежке, моему братику. Чтобы хоть как-то приглушить постоянно мучившее чувство голода, мама начала курить. Помню, она была очень худенькой, хрупкой женщиной. Сейчас я даже не представляю, как у нее хватало сил работать на заводе. А я, маленький, учился выживать и дорожить той жизнью, которая была в блокадном городе, особенно во время ужасной холодной зимы 1942 года. Но все-таки это жуткое существование было не самым страшным, что пережил во время войны я, трехлетний мальчик. Так получилось, что **в блокаду мой брат Олежка пропал, он был всего на три года старше меня. Тетка однажды повезла его на саночках в булочную, чтобы получить по карточкам положенные граммы хлеба. Оставила его на**

санках перед входом, а сама заняла в магазине очередь. Когда вышла, Олега на улице уже не было. Родители постоянно, в том числе и после войны, подавали заявления о пропаже ребенка, но все попытки отыскать его были безуспешными. Мама тогда очень горевала и до конца своих дней хранила фотографию старшего сына. Да и все мы очень переживали, ведь Олежка совсем малюткой был, когда пропал.

Много людей погибло от холода, голода, постоянных обстрелов. Во время воздушных тревог нас выстраивали цепочкой и водили в подвал большого дома напротив садика – там было бомбоубежище. На лица нам накладывали марлевые повязки, объясняя, что немецкие самолеты могут «пустить газы», и просили посмотреть вверх. И действительно, высоко в небе мы видели летящие самолеты, которые оставляли за собой реверсивные следы, напоминающие газовую атаку. А ведь такое было вполне возможно! Уже спустя много лет после войны я как-то услышал по радио сообщение, что в районе поселка Новолисино за Павловском в лесу нашли склад с химическими снарядами, скорее всего предназначавшимися для обстрела Ленинграда.

Удивительно, но на фоне непрекращающихся бомбежек воспитатели умудрялись устраивать праздники. Однажды в наш детский сад приехали солдаты с фронта и партизаны. Мы решили подготовить для них представление. Нам, мальчишкам, пошили одежду, похожую на форму кубанских казаков, и вручили деревянные сабельки, которыми мы должны были «рубить» веточки на полном скаку. Я, как наиболее рослый, был назначен «командиром эскадрона», и вот начались репетиции. Наконец наступил долгожданный день – зал заполнили военные в гимнастерках и пилотках, а у некоторых были папахи с ленточками наискосок – отличительная одежда партизан. Мы выступили бойко, задорно, как умели. Бойцы хлопали, смеялись, обнимали нас, целовали. А потом был необыкновенно вкусный, сытный обед с компотом – конечно, благодаря нашим гостям, которые принесли с собой продукты. Но главное нас, мальчишек, ожидало впереди – каждому подарили пилотку со звездочкой, которую мы на время тихого часа засовывали под подушку и каждую минуту ощупывали: там ли она?

Однако настоящий праздник для нас наступил в обычный январский день 1944 года, когда в детском саду царил привычная суэта. В зале стояла елка, мы играли, водили хороводы... Помню, что воспитатели куда-то на минуту отлучились, а вернувшись, стали подбегать к нам, брать на руки, целовать, смеяться и одновременно плакать. Ко мне подбежала женщина, обняла меня и с дрожью в голосе, обливаясь слезами, сказала, что блокада снята, что теперь ее

нет и никогда не будет. Я тогда даже не понял, о чем она говорит, но внутри было ощущение, что произошло что-то очень хорошее, хоть и непонятное мне.

Через год после окончания войны я пошел в первый класс, а после школы устроился работать на завод «Большевик» и одновременно поступил в институт на заочное отделение по специальности «сварочное производство». Отработал на заводе 10 лет, до последнего времени преподавал в одном из вузов Петербурга. Так сложилось, что до сих пор я вижу из окна своей квартиры здание детского садика № 30, где прошло мое блокадное детство. Всем хорошим, да и всей своей жизнью я обязан этому детсаду и моим родителям. У меня и сейчас есть возможность приходить туда на детские праздники, посвященные разным юбилеям и, конечно, Дню Победы, общаться с детьми, воспитателями и вспоминать пережитое.

Родители давно умерли, я живу один. Жаль, что война забрала у меня брата Олежку, ведь он сейчас мог бы быть со мной...

Устюжанина Галина Александровна
Тот самый предел

Устюжанина Галина Александровна родилась в Ленинграде 27.03.1932 г. Окончила Второе ленинградское педагогическое училище. Работала в школах Ленинграда и Озерска. Педагогический стаж более 50 лет. Отличник просвещения СССР, отличник народного образования РСФСР.

Когда началась война, я закончила первый класс. Веселое беззаботное детство закончилось. Вместе с летними каникулами в мой прекрасный город ворвалась беда. Но 22 июня еще ничего страшного не происходило. По серебрящейся Неве бежали пароходики к ЦПКиО, работали кинотеатры, на стадионе играли в футбол... Стояли белые ночи, и наш старый двор на Фонтанке был словно омыт их чистотой. Гула фашистских самолетов тогда еще не было слышно. Но уже было страшно. И страх этот шел от озабоченных лиц взрослых, от разговоров о предстоящих испытаниях.

Взрослые стояли в больших очередях, в магазинах, сберегательных кассах, словно все куда-то спешили. Но внешне они были спокойны, даже воздушные тревоги, которые объявлялись уже несколько раз в первую неделю, как-то не очень доходили до сознания. В первые дни, недели мы еще питались запасами, которые мама приготовила впрок, но продукты удивительно быстро заканчивались.

Жили мы в центре, на Фонтанке. В доме был парадный вход в квартиры для людей богатых, состоятельных, а мы жили бедно и ходили в свою квартиру с черного хода. Такие черные ходы были почти во всех старых питерских домах. Окна квартиры выходили на здание, которое в годы блокады сделали моргом. Каждый день мы с младшим братом, с самого начала блокады, смотрели в окно на мертвые тела людей, которых везли, казалось, бесконечно. Многие дворы, скверы были изрыты наспех построенными бомбоубежищами. Они были тогда далеко не во всех домах. И в нашем доме его тоже не было. Но мы очень редко уходили прятаться, оставались дома, пережидая пока кончится бомбежка. На моей родной Фонтанке, на Аничковом мосту, после войны была надпись: «Это следы одного из 178 478 снарядов, выпущенных по блокадному Ленинграду в 1941 – 1944 гг.». Не знаю, сохранилась ли она, но представьте себе разрушительную силу этого. Кроме того, с неба летели бесконечные фугасные, зажигательные бомбы.

Два старших брата, я и младший брат – нас было четверо. Мама, конечно, не работала, а папа работал мастером на знаменитом Кировском заводе, где уже тогда открылись курсы танкистов. Наша семья не была патриотичной, никаких высоких слов о бесстрашии я не слышала, а страх, конечно, присутствовал. Отец часто нервничал. Да и как не нервничать, если Кировский завод бомбили. То и дело над ним вспыхивало зарево пожаров. Видимо, есть предел и у тех, кто просто терпеливо выносил все тяготы, голод, холод, работу сутками за станком для фронта и т. д. **Домой с дежурства отец приходил редко, и в один из таких случаев он вдруг взял топор и пошел с ним на маму. Она в ужасе закрыла голову и лицо руками, что помогло избежать ранения головы. Что это было? Что произошло с человеческой психикой, с нашим папой? На какой-то миг отец понял, что чуть не убил мать. Видимо, это и был тот самый предел.** Измотанный, истощенный отец просто сошел с ума, попал в больницу и умер. Все это было на глазах у нас, детей, и вспоминать об этом очень больно. Потом была эвакуация по Ладожскому озеру, тяжелая болезнь матери. Моя жизнь у чужих, но очень хороших людей. Да много было всего. Что-то осталось в памяти, о чем-то просто хочется забыть.

Конечно, ни с чем не сравнить то огромное счастье, которое и дети и взрослые испытали при слове «Победа»! Столько было пережито, и вот, наконец, все закончилось. Кто-то радовался, смеялся, а наша мама почему-то просто кричала. И это тоже был крик нервного срыва, измученной неимоверным напряжением женщины. Теперь это все давно в прошлом, но знать о том, что пережил за 900 дней этот великий город, должно и сегодняшнее поколение.

Я – учитель и очень люблю свою работу. Двадцать лет работала в ГОРОНО Озерска. И сейчас, будучи на пенсии, учу детей в детской больнице, чтобы они не отставали в учебе от своих здоровых сверстников, когда вернутся в школу. Я не воевала, не защищала свой город, я просто была свидетелем тех страшных событий. Бесконечных смертей, голода и страданий и от этого очень рано становилась взрослой. И пусть никогда вам не придется пережить того, что пережило мое поколение за 900 блокадных дней, дней великого мужества и героизма.

Воспоминания прислала Великанова Ирина Николаевна

Умрихина (Яковлева) Нина Пантелеймоновна
Очень яркое воспоминание

Родилась 8 ноября 1936 года в Ленинграде.

Очень яркое воспоминание: **по сигналу «Воздушная тревога» мы спускаемся в бомбоубежище, где в большом помещении, по периметру, стоят деревянные скамейки, и люди размещаются на них. Перед спуском в бомбоубежище мне мама надевает на шею сумку с документами и кусочком сухарика.** Выходили после сигнала «Отбой». Во время пребывания в бомбоубежище нам, детям, взрослые читали сказки, а сами взрослые читали газеты.

Необыкновенное чувство голода пронизывает все воспоминания, связанные с этими тяжелыми днями. Мы, дети, грызли все, что попадало под руку: например, пластинки, на которых записаны музыкальные произведения; ели почки, а затем и листья липы, клена, осенью ели желуди из парков, набирали впрок. Отчетливо помню, что ели землю с Бадаевских складов, которые были разрушены в начале войны. Помню людей, лежащих прямо во дворе и на набережной реки Фонтанки; помню, как мы с мамой везли на санках мою сестру, умершую во время блокады.

Очень плохо стало зимой. Я ходила в садик, и однажды мама домой не пришла (ее отвезли в больницу прямо с работы). Я осталась дома одна, соседей уже не было. Меня спасли сандружинницы, которые ходили по домам в поисках еще живых людей. Меня нашли под кроватью, совершенно истощенную, где я тихо попискивала. Они отвезли меня в больницу, где мне поставили диагноз – дистрофия первой степени.

Когда меня немного поставили на ноги, то при первой же возможности увезли по Ладожскому озеру из Ленинграда. Сперва переправили в детский дом в Ярославскую область, но потом перевезли в Горьковскую. Та жизнь тоже запомнилась как сплошной кошмар. Мы сидели вокруг кухни и все время ждали, когда нам дадут поесть. Там, в детдоме, мы тоже ели листья деревьев и траву; это, видимо, и спасло нас.

Летом 1944 года моя бабушка нашла меня и увезла в Ленинград. Везла под сиденьем, так как у нее не было на меня документов. С Ленинграда уже сняли блокаду, но в город еще не было свободного въезда. Мне повезло – мама осталась жива, а в 1947 году с войны вернулся папа. Мой отец дошел до Берлина, но после окончания войны с Германией его направили на японскую войну.

В школу, когда пришла пора, я не пошла из-за запрета врачей – к тому времени перенесла дистрофию. В первый класс я пошла почти в 10 лет, а закончила учебу в 1956 году. В том же году вышла замуж за курсанта училища им. Дзержинского, Умрихина Вячеслава Михайловича. Родила дочь Елену. Когда ей исполнилось 2,5 года, я пошла работать преподавателем хореографического кружка в школе. В детстве я училась в балетном училище им. Вагановой почти 7 лет, но после операции по удалению аппендицита мне уже нельзя было танцевать.

В 1964 году (к тому времени мы уже 7 лет жили в Советской Гавани) мой муж поступает в Военно-морскую академию в Ленинграде. Как я была счастлива, что мы будем жить в Ленинграде. За эти три года, пока мы там жили, я пошла учиться в медицинское училище, где с отличием окончила фельдшерское отделение. А муж закончил академию в 1967 году и получил назначение в Севастополь в только что образованную Средиземноморскую эскадру.

Упатова Валентина Михайловна **Через кладбище в детсад**

Я выжила в блокаду только потому, что ходила в детский сад. Моя мама работала в совхозе «Ударник» и брала меня с собой мыть морковь. За это нам давали немного моркови и ботвы и бесплатно кормили хряпой. Братик мой умер в 1942 году от дифтерии.

Жили в усадьбе недалеко от Волковского кладбища. Дрова мы заготовили сами, поэтому не мерзли всю блокаду.

Было очень страшно ходить через кладбище в детсад. Там нужно было перескакивать через трупы, трамваи не ходили.

В 1943 году я пошла в школу. В Новый год нам, детям, устроили праздник на Невском, во Дворце молодежи. Даже давали подарки – мандаринка, конфеты.

Несколько раз нас обкрадывали те же военные. Даже на амбарном замке писали: «Люди! Поменяйте замок, мы не выдерживаем, чтобы не зайти».

Хлеба было мало, крошки – самый лучший десерт. У сына директора всегда было много хлеба, и, когда он из-за стола уходил – мы за ним собирали крошки.

В 1946 году мне дали путевку в Артек. Там я подправила свое здоровье. Если можно так сказать. В Победу верили все!

Федорова Надежда Васильевна **Самолеты кружили, пока не расстреляли всех**

Я родилась в 1931 году в Ленинграде. В девичестве моя фамилия была Зарубина.

17 мая 1941 года я окончила первый класс. Так как я была болезненным ребенком, то в школу меня отправили только в девять лет.

Когда фашистская Германия объявила войну СССР, мне было десять лет. В конце июня, сразу после начала войны, озаботились тем, что дети в городе могут быть подвергнуты бомбежке, началась эвакуация. Я попала в первую волну.

Меня отправили в город Боровичи. Ехали мы долго, приехали рано-рано утром, на рассвете. Выгрузили нас, а Боровичи не могли всех принять – нас был полный состав – и отправили дальше, в деревню. Больше суток шли. Сначала погрузили на подводы самых маленьких, а мы, постарше, шли за этими подводами.

В деревне мы переночевали. Запомнилось, что было столько комаров, что мы не спали, а только отбивались.

Потом нас поселили в школе, где мы прожили около месяца, а то и больше. Когда уже стало стягиваться кольцо, и к Боровичам подходили немцы, приехали родители, кто могли, и забрали детей. А те, кого не забрали, оказались в Сибири в интернатах.

Мама приехала, это был август. Из нашего дома было еще четверо, мама собрала нас всех и повела на станцию. Так как деревня эта находилась между станциями, то шли мы очень долго – около 30 километров. Мы подошли ночью. Темно. Попытались войти в здание вокзала, но оно было забито беженцами до отказа. Поездов пока не было.

Спали на земле, утром стали подавать поезда. С боем брали вагоны, чтобы вернуться в Ленинград.

Попали мы только во второй состав, и, пока ехали до Ленинграда, много раз налетали самолеты, обстреливали, прошивали насквозь вагоны, хотя немцы видели, что это гражданские бегут, и в основном дети. Поезд останавливался, и мы бежали в лес. Так два раза выбегали, и, когда поезд на третий раз остановился и дал тревожные гудки, мама сказала: «Я не могу». Потому что, как только отгоняли немецкие самолеты, поезд сразу трогался, и можно было остаться в лесу. И мама сказала нам забиваться под нижние полки – что будет, то будет.

Таким путем мы добрались до Ленинграда. Когда вышли на Невский проспект с Московского вокзала, город было уже не узнать. Витрины магазинов были забиты мешками с песком, а мы уезжали еще из праздничного Ленинграда – за месяц город так изменился.

Я жила на Петроградской набережной, недалеко от того места, где стоит «Аврора», в доме номер 38, – сейчас его там уже нет. Ходила в школу, где теперь Нахимовское училище. Туда ходили все подростки из нашего дома до сентября, когда замкнулось кольцо и разбомбили Бадаевские склады. Несмотря на то что склады были в другой стороне от нас, было видны клубы дыма. Сверху они сизые, а снизу – красноватые от пламени.

После с продуктами стало хуже, хотя карточки ввели еще 18 июля. Но стали убавляться нормы.

Первым умер папа – 24 декабря, в 10 вечера, у меня на руках. Я была дома одна. Старшая сестра была в госпитале, а мама на работе. И папа умирал у меня на руках, в полном сознании – от голода. Ему было 49 лет. В январе мы его похоронили на Серафимовском кладбище – в отдельной могиле, рядом с братскими могилами.

Дед успел сделать гроб из сарайных досок, в нем мы его туда на саночках и отвезли. На кладбище я видела, как копали братские могилы для штабелей умерших от холода.

Был еще такой случай. Помню, пришла девушка закутанная вся. Тогда двери не закрывались, замков не было. Она принесла мне приглашение на ёлку. Тогда сделали на Петроградской стороне для детей ёлку, в помещении института Покровского, рядом с татарской мечетью, на Петроградской стороне.

Когда я туда пришла, там все были такие же, как я, – детишки все закутанные, грязненькие. Холодрыга жуткая. Мы сидели в пальто – отопления же не было. И помню – в глазах у меня стоит – длинный-длинный стол, накрытый белым, и маленькая елочка. Кто-то выступал, кто-то говорил, но ничего этого не запомнилось. Помню только елку и стол.

Когда на него расставили тарелочки, в которых было по две ложки черной вермишели и котлетка со столовую ложку – не передать, какой это был праздник. Проглочено все это было мгновенно, конечно. А потом нам принесли подарки. В бумажном пакетике было три или четыре чернослива от компота, два или три черных пряничка и по две конфетки. Еще по одной мандаринке – Узбекистан прислал. Вот такой нам подарок сделали.

Я съела обед, прижала подарок и торопливо побежала домой, чтобы отнести маме, сестре и бабушке. Вот это был Новый год.

После этого мама и старшая сестра слегли, бабушка лежала уже давно. Я осталась старшая в доме. Надо было за хлебом ходить, за водой. Нам повезло – мы жили рядом с Невой. Сейчас она в гранит заделана, а тогда был обычный берег. И на прорубь я ходила с двухлитровым бидончиком воды. А рядом, вмержшие в лед, стояли маленькие подводные лодки, на тросах. И вот в один из дней оттуда подходит ко мне матрос, молодой парнишка, и говорит: «Девочка, раньше ты с сестрой ходила, а теперь одна. Жива ли она?» Да, жива, отвечаю, дома они лежат. Он взял мой бидончик, довел меня до дома, через дорогу, и дал мне полшоколадки – от своего НЗ.

В феврале, в один из этих темных месяцев, была задержана выдача карточек на несколько дней. Это было страшно. Люди и так брали хлеб на день вперед – можно было. А тут еще и задержали. И мне пришлось самой стоять в очереди за карточками в исполкоме. Он помещался в доме, где теперь особняк Горчакова – на бывшей улице Скороходова. Очередь отстояла, выдали карточки, получила, пришла домой. Постепенно сестра встала, мама еще была очень слабая.

Весной умерла бабушка. За три дня до смерти она перестала брать хлеб, сказав маме: «Сашенька, у тебя две девочки, тебе надо жить, а я все равно умру». А ей было 57 лет. Мама отказывалась, плакала, но она категорически отказалась. 27 марта бабушки не стало. Сестра зашила ее тело в одеяло – тогда так делали. А

так как это было днем, а надо было оставить ее в доме до вечера, ее положили в другой комнате. И чтобы крысы не объели ее, поставили на лицо и руки тазы. Ночью был грохот страшный – крысы все сбросили. И когда утром сестра пошла туда, я услышала ее вскрик и кинулась за ней. И только я успела увидеть, что у бабушки все руки объедены, все лицо. Маму сестра туда не пустила. Этой девочке было 14 с половиной лет. Она всё взяла на себя, всё сделала заново. Погрузили мы бабушку на саночки и потащили в морг в Ботанический сад.

Тащили, а везде проталины, санки не идут, я плачу. В этот момент с Гренадерского моста подбежал к нам молодой человек, спрашивает, что случилось, чем помочь. А Лида говорит, что она (я) мне мешает только и не хочет уходить. И он взял саночки и потащил вместе с Лидией бабушку.

Очень хорошо прибавили продукты в апреле. Первого мая дали чай и даже бутылку водки. Конечно, зимой мы не учились, школы не работали. А потом нас, школьников, собрали и стали давать дополнительное питание. Давали соевое молоко – и не смогла я его принимать, отказывался организм. Столярный клей и жмыхи, отходы от хлопкового масла – могла, а это – нет.

В июле нам предложили эвакуироваться, потому что мы были уже балластом. Город избавлялся от нас, чтобы меньше продуктов потреблять.

30 июня мы выехали – мама, я, сестра. Мы с мамой не хотели ехать, но сестра очень настаивала, нервы сдавали.

Мы должны были плыть через Ладожское озеро, а до него – на поезде. Выдали нам паек, по буханке хлеба. Многие сразу им объедались и умирали, а наша мама была строгая, и все было хорошо.

Когда мы подъехали к озеру, на пароход грузили людей, но нам места не хватило. Мы должны были остаться на пристани до утра. Пароход сопровождали катерочки охраны, которые отстреливали немецкие самолеты. Матросики и говорят – давайте мы их заберем. А катерочек крошечный. Меня спустили вниз, а мама с Лидией остались наверху. Там были зенитные пулеметы. И когда переплывали середину Ладоги, налетели немецкие самолеты. Бомбили, наш катерок тоже отстреливался.

Я сидела внизу, видела только трассирующие пули. Немцы попали в большой пароход, он утонул, а людей расстреляли. Самолеты кружили до тех пор, пока не расстреляли всех. А наш катерок, такой юркий, доплыл до другого берега. Там нас встретили горячим питанием. Но, опять-таки, умирали сразу люди,

которые переели. Организм был настолько истощен – в тот год мы были как в Освенциме. Потом люди внешне выправились, но организм остался больной.

Довезли нас до Ярославля, но он был переполнен. Сутки мы просидели на берегу, там целая толпа беженцев. Потом подогнали пароход, именно пароход – с колесами, как в «Волге-Волге». Погрузили нас, но мама была интеллигентным человеком, и мы не попали – пароход ушел, а мы остались. Толпа. Кто куда. Карточек там не было – остался у нас сухой паек и все.

Они сами себя только прокармливали. Пошли искать пристанище. И в конечном счете мы оказались в очень знаменитом месте. Исторически мне повезло. Это село Языково – родовое поместье поэта Николая Михайловича Языкова, приятеля Пушкина. Я ходила по той самой дороге, по которой ехал Пушкин, когда собирал материалы для книги о Пугачевском бунте. В этом селе я прожила полтора года.

Учиться мне не пришлось, поскольку надо было добывать еду. Сестра умерла, 16 лет было. Всего этого не вынесла и умерла – лежит сейчас там. Мама, я думала, сойдет с ума. Прodelать такой путь и умереть. Как в истории про Таню Савичеву – но той повезло, потому что ее тетя была журналистом. А таких, как моя сестра, сотни лежат.

Пришлось мне работать, добывать хлеб в крестьянских хозяйствах. Денег там не было, работали за еду. Повезло мне еще и в том, что в 18 году сожгли барский дом, но сохранили библиотеку его. И этой библиотекой я пользовалась, образовывала себя за счет библиотеки Языкова.

Маме становилось все хуже. Надо было как-то возвращаться в Ленинград. Но как? Тогда нужен был пропуск, без него – никак. Мама уже ничего не могла. Я написала на мамину работу письмо, что ничего у нас тут нет и мы погибаем. Пришло письмо в ответ – оно до сих пор у меня есть – о том, что для того, чтобы получить пропуск, нужно множество документов, которых у нас не было. Я села и сказал маме – давай собираться, пойдем пешком в Ленинград, из Ульяновска. А до самого Ульяновска еще 70 км.

Так мы и пошли. Была весна. Ленинград только освободили в январе, и в апреле мы тронулись в обратный путь. Где-то работали. Пахать тогда надо было – лошадей не было, коровы – одна на десять дворов. Впрягались все колхозные женщины и тащили плуг. Получали за это картошку и молоко. Хлеб был на вес золота.

Так дошли мы до станции Чуфарово. Там нам люди объяснили, что подойдет состав, на который билетов нет, только по пропускам, в основном – военные едут, а еще – мешочники, спекулянты на подножках.

Подошел состав, все подножки заняты. Мама увидела стык между вагонов, свободную площадку – туда мы и пролезли, сели. Поезд тронулся, сидим довольные – едем, и не на подножке. Открывается дверь вагона, а там – милиционер. Оказалось, что мы сели на вагон, где милицейский патруль, – поэтому и свободно было. Все, нас забрали.

Доехали мы до Рузаевки, там нас высадили, привели в милицию. Таких там была толпа, и нас оттуда погнало. А так как станция узловая, составов там множество. Подошли к одному составу – там часовой рассказал, что везут они груз на восстановление Москвы. Мама его упростила посадить нас в этот вагон, где были котлы – огромные котлы, целый вагон. В этих котлах, почти без еды, мы ехали дня четыре. И доехали. Выгрузились на товарной станции Москвы.

Мама говорит: «Пойдем до какого-нибудь правительства – говорить, что мы блокадники и хотим домой». Нашли на улице Кирова, и сказали нам там, что, если сейчас же не уберемся, отправят нас обратно в Ульяновск, по этапу. «Кто вас звал? Сидите на месте». Мы ушли быстренько, пошли на Ленинградский вокзал. Там таких много, все обмениваются опытом, как добираться дальше. И нам подсказали, что идет электричка до Клина. Билеты были тогда очень дешевы, мы насобирали последние деньги и доехали до Клина, и всё. Ни денег больше никаких, ни еды.

Вышли и опять – опытом обмениваться. Узнали, что идет скорый на Ленинград с одной остановкой в Вышнем Волочке.

А есть-то надо – пошли мы в деревню. Мама не могла просить, и пошла я. В первом доме меня прогнали – таких ходит полно. Подошла к другой избе – то же самое. Из третьей вышла женщина, и я уже ничего не говорила, а она несет две картофелины и кружку молока.

Поели мы с мамой и пошли обратно. Пришли, легли на траву и ночью чуть не проспали – устали ведь, измучились. Это было уже начало мая.

Подошел скорый, а стоит он в Клину минуты две. Сунулись куда-то, а проводник выпихивает. Но показался офицер и втащил нас – поезд-то уже идет. Оказалось, мы опять сели не в тот вагон – в генеральский, где едет высший состав. Там красная дорожка, а мы ужас какие грязные. И этот офицер говорит

нам: «Давайте вот в этом уголке, где курят, садитесь и до Вышнего Волочка доедете».

В Волочке нас проводник вышвырнул. Там мы опять поговорили с кем-то, и рабочие позвали нас с собой до Окуловки. Но говорят: «В Окуловке не ходите на перрон, потому что это перед Ленинградом пропускной пункт – сразу заберут в милицию. Обходными путями там с кем-нибудь познакомитесь и узнаете, как попасть дальше».

Рабочие взяли нас в свой рабочий поезд и довезли до Окуловки. От Окуловки километров триста всего до Ленинграда – почти у дома. И конечно мы пошли на перрон – куда же еще.

Там нас сразу в милицию отправили, и опять – тот же разговор. Говорят ехать обратно. Какой у мамы был стресс. Она говорит: «Я согласна обратно ехать, но ее-то пустите. Там родственники, дом».

В этот момент входит огромный дядька и спрашивает, есть ли беспризорники. Там сидели еще два мальчишки, как и я лет 12-ти. И дядька говорит: «Мать-то я не могу взять, а ее возьму. В ремесленное поедешь?» Конечно, неважно куда, главное – в Ленинград. Сейчас-то я понимаю, что он и мать мог бы взять.

У него был целый состав, который специально шел и подбирал по дороге ребят, бежавших и беспризорников, – на восстановление Ленинграда.

Мама сказала: «Поезжай хоть ты, а я уж останусь». Таким путем я приехала в Ленинград.

Через неделю я стала у воспитателя проситься на Петроградскую. Поселили нас на Упраздненном переулке – теперь улица Володи Ермака, в общежитии. Там был всего один этаж нормальный, все остальное надо было приводить в порядок. Я все объяснила и говорю, что надо мне поехать, там у меня дом.

Смотрели на меня соседи, которые там остались и выжили, как на существо из того света – думали, что мы погибли по дороге. Я попросила передать маме, где я, если она доберется.

Через неделю снова отпросилась у воспитательницы, приехала, и мне сказали, что приходила мама, и что она у своей двоюродной сестры на улице Ленина. И когда приехала я снова, мама меня уже ждала. И мама, имея столько болезней, завербовалась в Окуловке на торфоразработки. Вот таким путем мы вернулись в Ленинград.

А дальше пошло как у всех. Поскольку я закончила только один класс, а вечерняя школа была только с четвертого, то пришлось мне сразу идти в четвертый. Тут-то мне и помогла библиотека Николая Михайловича Языкова.

Вечерняя школа, после ремесленного училища работа на Балтийском заводе и вечерний техникум. Вся интересная биография моя на этом закончилась. Замуж вышла, сын, теперь и внуку 31 год. А мне 80. И я только закончила общественную работу: ну все, 80 лет – хватит.

Федорченко Жанна Григорьевна
Нева была красная от крови

Жанна Федорченко встретила войну в Ленинграде. Ее семья отказалась от эвакуации и всю блокаду прожила в осажденном городе. Они жили в Комендантском доме Петропавловской крепости, в нем же встретили известие о прорыве блокады.

Мы – дети блокады. Мы не собирали снаряды, не сбрасывали с крыши зажигалок, не рыли траншеи. Но мы страдали. Детство наше было искорежено, испорчено. Блокадные дети – это взрослые.

Наша семья жила в Петропавловской крепости, в Комендантском доме. Начало экскурсионного осмотра – это была наша двухкомнатная квартира. Нас у мамы было пятеро – три девочки и два мальчика, и еще одна сестра родилась в 1943 году. Отец – кадровый военный. Его часть стояла на защите Ленинграда.

Местные власти заставляли маму, как многодетную, эвакуироваться. Эта проблема обсуждалась на семейном совете (мама, бабушка и мы, дети). Я помню, мама взяла нас, кто постарше (1938 г., 1937 г., 1934 г.), за руки и повела на пристань в Петропавловской крепости, откуда отправляли тральщиками многодетных в детские дома. Только нагруженные тральщики отходили от пристани, как пикировали немецкие самолеты и бомбили их. На наших глазах тонули, гибли люди, Нева была красная от крови. И мама сказала: «Нет, мы останемся в Ленинграде. Если суждено погибнуть, то погибнем вместе». Помню, проснулась ночью от скандала между отцом и матерью. Отца послали к семье, чтобы он заставил маму с нами эвакуироваться. Мама отказалась.

Начались наши мытарства. Нужно было зарегистрировать продуктовые карточки. Мама обошла все регистрационные пункты Ленинграда, но ей отказали. Многодетные должны эвакуироваться. Мы были в отчаянии. Мама от

нас ничего не скрывала. Вечером бабушка взяла наши карточки и пошла регистрировать свою. Видимо, регистратор устала (вошла пожилая женщина) и, не глядя, проштамповала все карточки. Так мы остались с мизерным пайком. Нам повезло...

Мама работала на кинобазе, там же, в Петропавловской крепости, главным бухгалтером. Пайка не хватало. Мама набирала продукты на неделю вперед. Неделю мы лежали голодные, нам не разрешалось вставать, чтобы не расходовать энергию.

Помню, как я встала, сделала несколько шагов по комнате и очнулась, когда бабушка, сама обессиленная, на коленях тащила меня на диван. За всю блокаду мама нас ни разу не водила в бомбоубежище. Если бомбежка заставала нас дома, мама садилась на стул посреди комнаты, маленького брала на руки, а мы стояли на коленях, уткнув головы ей в колени и замерев, пока не кончалась бомбежка.

Помню, как мама брала меня с собой, и мы шли на рынок, где можно было обменять вещи на продукты. Там было все, и мама меняла одежду... на полбуханки хлеба. Спекулянты наживались, они спекулировали не только хлебом, но и квартирами.

Когда разливалась Нева, у нас на кухне воды было по щиколотку. И когда не было у бабушки сил идти за водой на Неву, она собирала воду с пола на кухне, выползала на улицу, рвала траву, которая росла между асфальтом и домом, варила и вливала нам по ложке в рот.

Помню хлебный паек, который мама делила на маленькие кусочки вполовину спичечного коробка. И однажды мне не досталось и этой крохи. Я не плакала, не просила, а хлеба очень хотелось. Я взяла чайную алюминиевую ложку и пыталась жевать ее, представляя, что это хлеб. И мне показалось, что у этой ложки вкус хлеба.

Помню, как мы все были дома. Вдруг услышали выстрелы – не вой снарядов, не разрывы бомб, это уже было привычно, хоть и страшно, а выстрелы. Мама сказала: «Или наши прорвали кольцо блокады, или немцы вошли в город». Леденящий страх овладел мной. Мама сказала, чтобы мы сидели, а она выйдет – узнает, в чем дело. Мне казалось, что маму я больше не увижу. Но она вернулась со словами: «Пойдемте на улицу, наши прорвали блокаду».

Мы вышли. На улице было много народу, очень красиво, разноцветные огоньки взлетали вверх. Люди пели, танцевали, обнимали друг друга. Но радости я не

испытывала. Мне было страшно. Я не могла понять, как можно смеяться, когда стреляют. Вот так я узнала, что такое салют.

В 1947 году отца перевели в Севастополь, и мы уехали.

За все годы я впервые только в 1989 году смогла поехать в Ленинград, в отпуск. Я была там 20 дней в августе. Не могу описать, с каким трепетом я шла по мосту в Петропавловскую крепость, как я от волнения не могла стоять в очереди за билетами на экскурсию и решила, что хоть посмотрю на Комендантский домик. Когда я увидела его – трудно передать мое состояние. Я подошла, потрогала стену, подошла к двери, которую постоянно открывала в детстве. Она была закрыта, и я стала уходить, оглядываясь, но... дверь открылась, и вышла пожилая женщина. Она спросила: «Что вы хотите?» Я стала сбивчиво объяснять, что жила вот тут, в этой квартире. Она пригласила зайти. У меня подкашивались ноги. Там все переделано, сделали своды, перекроили... Но я все равно определила, где был коридор, кухня, комнаты. Служительница меня убеждала, что в Комендантском доме никто никогда не жил.

Она ошибалась...

Филиппова Лидия Николаевна

Смело патрулировала во время бомбежек одна

Родилась 2 февраля 1916 года. Когда началась война, Лидия Филиппова работала в номерном НИИ. Она готовила снаряды, отлавливала немецких агентов, вытаскивала людей из-под завалов, гасила зажигательные бомбы. Ее воспоминания – это лучшее свидетельство того, на какие свершения способен человек в самые драматичные моменты жизни.

Мне очень много лет, и я, вспоминая свою большую жизнь, удивляюсь, как много может выдержать человек и как много сил ему дано. Ленинградцы, пережившие ужас блокады, вызывают восхищение и гордость своей неистребимой любовью к Родине, к Отчизне. И я одна из них, частица непобедимой силы, имя которой – Ленинград.

Я расскажу о своем вкладе в дело защиты Ленинграда и о том времени блокады, которое я провела в своем дорогом городе.

В 1941 году я работала в номерном научно-исследовательском институте Наркомата обороны в г. Ленинграде. Была младшим научным сотрудником и возглавляла культурно-массовый сектор нашего профсоюза.

Руководство НИИ пошло навстречу молодежи, и были выделены деньги на организацию комсомольской дачи. Мы сняли дом в пригороде Ленинграда для того, чтобы можно было приезжать туда на выходные дни, отдыхать на природе, играть в волейбол и хорошо проводить отпускное время.

21 июня я с инициативной группой приехала на нашу дачу. Был чудесный солнечный день, все сияло и светилось радостью. Мы приготовили дом для отдыхающих. Ребята уехали в Ленинград, а я осталась ночевать, чтобы 22 июня встретить первый заезд.

Утром в воскресенье никто не приехал, я начала волноваться и поспешила на станцию. Там услышала о начале войны, но никто толком ничего не знал. Приехала в Ленинград. На вокзале люди стояли у репродукторов и слушали речь Молотова. Не заходя домой, отправилась в военкомат, где была огромная очередь, все просились на фронт. Мне объяснили, что, так как я работаю в номерном НИИ, то мобилизации не подлежу.

И начались военные ленинградские будни.

Наш НИИ имел большое военное значение, поэтому сразу же в начале войны был эвакуирован и продолжал работать в г. Куйбышеве. В Ленинграде остались те, кто не захотел покинуть любимый город.

Мы оставались на рабочих местах, охраняли и сохраняли институт. Часть работников принимала участие в изготовлении снарядов БТ-1. Интересно была организована цепочка по их изготовлению: ФЗУ, наши лаборатории, завод. В ФЗУ (фабрично-заводские училища) привозили болванки, которые оставались от эвакуированных заводов. Ребята подвергали их механической обработке. Затем их направляли к нам, где проводилась горячая обработка и дефектоскопия. Дефектоскопией занималась лаборатория, в которой я работала. Так как электроэнергия подавалась периодически, иногда ее совсем не было, приходилось дежурить на рабочих местах. После дефектоскопии снаряды отправляли на завод, где их доводили до боевой готовности. Когда подача электроэнергии прекратилась совсем, снаряды перестали изготавливать.

Мы находились на казарменном положении. В сентябре началась блокада.

Что сказать об этом времени?

Ленинград бомбили, в городе находились немецкие агенты. Для борьбы с ними были созданы отряды, костяк которых состоял из коммунистов и

комсомольцев. На вооружение были выданы пистолеты ТТ-1 и свистки. Я входила в такой отряд.

Наша задача была – вылавливать диверсантов и следить за светомаскировкой. Выходили на дежурство во время бомбежек. Каждому был выделен квартал, который он патрулировал. Если что-то случалось, мы должны были дать сигнал свистком, и к нам на помощь спешил старший отряда. Наш отряд контролировал 9-ю Советскую улицу.

Сейчас, вспоминая то время, удивляешься себе. Я, которая с детства боялась темноты, смело патрулировала во время бомбежек одна, в ночном городе, и не боялась. Потому что в нас был боевой патриотический дух, мы любили свой родной Ленинград, хотели жить в нем свободными и счастливыми и готовы были отдать за него свои жизни.

Немцы постоянно бомбили институт, и, когда было введено казарменное положение, сотрудники были разбиты на службы – медико-санитарную, связи, службу, которая следила за порядком во время бомбежек, разбирала завалы и т. д.

Я была заместителем начальника медико-санитарной службы, так как все медики были на фронте и в госпиталях, а я окончила в финскую кампанию полугодичные курсы РОККа (рабочее общество Красного Креста).

Свист снарядов, разрывы, крики, кровь. И, как ни странно, было совсем не страшно дежурить под бомбами, вытаскивать людей, перевязывать раненых. Гораздо страшнее было находиться в бомбоубежище, ощущать, как здание сотрясается от разрывов, и видеть, как тускло мерцают, качаются и мигают лампочки.

Пришли холода, продукты получали по продуктовым карточкам, а после того, как немцы разбомбили Бадаевские продуктовые склады, по карточкам стали выдавать, в зависимости от категории, по 250 или 125 г хлеба в день.

Так как я работала на военном объекте, то получала еще дрожжевой суп, которым делилась со своей сестрой Ирочкой. Она была студенткой и, когда их институт эвакуировали, тоже, как и я, осталась в Ленинграде.

Так мы и жили. Мерзли, голодали, дежурили, патрулировали, разбирали завалы после бомбежек. В домах было холодно, канализация не работала, трубы полопались от мороза. За водой ходили на Неву кто с чем – с чайником, кастрюльками.

У нас в институте от бомбежек стали погибать люди. Первыми погибли две телефонистки, бомба попала в их корпус. В наш корпус тоже попала бомба. 4-й этаж от сотрясения сдвинулся, но бомба не взорвалась. Когда ее начали обезвреживать, оказалось, что она начинена опилками. То есть у нас были друзья в Германии, которые не хотели этой войны.

Несмотря на все тяготы блокады, мы оставались людьми в самом высоком значении этого слова. Когда наша сотрудница потеряла карточку, мы по очереди, в течение месяца, отдавали ей ежедневно 120 г хлеба из своих 250, так как талоны выдавались на этот срок. Подруга моей сестры потеряла карточку, и Ирочка отдала ей свою, а мы с ней остались на моих 250 г хлеба.

Много моих друзей погибло от холода, голода, бомбежек и на фронте.

Тихо за рабочим столом умерла от голода наша лаборантка.

Лида Терентьева, одна из руководителей Дворца пионеров, внесшая большой вклад в его работу, умерла от голода.

Мои сокурсники:

Боря Шульман погиб под Кронштадтом в бою с немцами;

Коля Тюрин, сердечник, пошел в ополчение, служил в пехоте, погиб, защищая Ленинград; до сих пор у меня его фотография, на которой написано:

Ты замечтаешь о весне
И в суете житейской прозы
Украдкой вспомнишь обо мне.

Паша Попов погиб на Ленинградском фронте; есть фотография, где он веселый и озорной на студенческом балу в Мраморном зале Русского музея; *Лева Равдоникас* погиб под Ленинградом, когда пошел в разведку боем.

Жалко до боли их, погибших, – молодых, талантливых, любивших ту нашу счастливую мирную жизнь и отчаянно защищавших ее от немцев.

Прошло столько лет, но помню всех, и ничто не забыто.

Наш милый мирный зимний Ленинград. На деревьях кружевной узор, прекрасный город в снегу, и мы – молодые, радостные и, как пронзительно вдруг понимаешь, несказанно счастливые.

И Ленинград зимний в блокаде.

Город оцетинился орудиями, разрушенные дома, на скамейках в скверах – замерзшие люди, по улицам везут санки с мертвыми, мы роем в замерзшей земле окопы.

Очень тяжелым был декабрь 1941 года. Холода страшные – до –40 градусов, выходили из строя пекарни. Многие не получили даже своих 120 г хлеба. Люди умирали.

Зимой, когда замерзло Ладожское озеро, была открыта Дорога жизни. Стали тоненькой ниточкой поступать продукты. На заводах и у нас в институте были открыты пункты для особо истощенных, я входила в их число. В течение 10 дней нас кормили, давали суп и даже немного красного вина. Затем следующую партию, которую отбирали врачи. Но кусок не шел в горло. Супом мы не могли делиться с остальными, за этим строго следили, так мы на буржуйке сушили хлеб и передавали товарищам.

Было все. И боль утрат, и муки голода.

И был смех сквозь слезы. Да-да. Представьте себе, в том трагическом положении, в котором мы находились, мы смеялись. У нас находились силы, для того чтобы смеяться.

Помню, что кто-то принес кусочек дельфиньего мяса и выпрашивал у меня касторку. Аптекой заведовала я. И мы просто умирали от смеха, представляя эффект. Мясо, поджаренное на касторке.

А вот случай. Во время бомбежек мы гасили зажигательные бомбы. Для этого во дворе института были насыпаны кучи песка. Бросаемся к песку, а лопат нет. Что вы думаете? Сдираем каски и набираем ими песок. Каски, которые выданы нам для защиты. В горячке даже не думали об этом, но, когда бомбежка окончилась, буквально валялись на земле от хохота, глядя друг на друга.

Новый 1942 год встречали в бомбоубежище. Так как домой не ходили, то были все в повседневной одежде. Но мы, женщины, накрутили волосы, подгладились. Перед тем как войти в бомбоубежище, посмотрели друг на друга: бледные, немощные – и отлупили себя по щекам, чтобы появился румянец. К мужчинам

вышли красавицами. Они нам приготовили царский подарок: каждой по полконфетки.

Вот такой был у нас праздничный стол: по кусочку хлеба, по 20 г спирта и женщинам по полконфетки.

Смеялись, выпили за Победу, был патефон и 1 пластинка, на которой была песня «На позиции девушка провожала бойца». Танцевали, посидели около 2 часов. Немцы в ту ночь не бомбили, тоже отмечали Новый год.

Думаю, что осталась жива в те тяжелые дни потому, что находилась на казарменном положении и не надо было добираться из дома на работу. Немцы специально бомбили Ленинград в то время, когда люди шли на работу и возвращались домой. Многие погибали в эти часы. Мне нужно было добираться с Петроградской стороны до Смольненского района, считайте через весь город. Транспорта не было, и много драгоценных сил уходило на дорогу.

В апреле 1942 года силы стали покидать меня. После очередного дежурства на крыше, где мы гасили зажигательные бомбы, я очень простудилась, и врач сказал, что, если меня не эвакуируют, я погибну. Как раз в это время эвакуировали завод, где работал муж моей старшей сестры, Тони. Павел с моей младшей сестрой, Ирочкой, настояли на том, чтобы я уехала с ними. Я не хотела уезжать. Этот период как в тумане, я была очень плоха и часто теряла сознание. Павел нес меня на руках к машине, где уже были Тоня с детьми и Ира. Помню, что заехали за бабушкой. Она наотрез отказалась оставить Ленинград. После войны так и не нашли ее могилы, думаем, что она похоронена на Пискаревском кладбище в братской могиле.

Помню, что, когда ехали через Ладожское озеро, нас бомбили, и впереди под лед ушла машина с людьми.

Потом ничего не помню.

Эвакуация и все что дальше – другая жизнь.

А то героическое время – время блокады, приобщило нас, живых и мертвых, принявших неистовый удар немцев и выстоявших в этой яростной схватке, к самому прекрасному, что есть на свете, к тому, что называется – любовь к Отечеству.

Мы были патриотами!

И неважно, где сейчас находимся, в какой точке Земли живем, – мы все до единого – ленинградцы!

И для нас священным остается имя нашего любимого города – Ленинград!

И которого нет на карте Земли.

Фонова Нина Георгиевна
Выносила раненых после бомбежки

Нина Фонова родилась в 1917 году. Война началась, когда она училась на 4-м курсе института. Вместе с другими студентами копала противотанковые рвы в Ленинградской области, затем – выносила раненых после бомбежек. Все это время продолжала учиться – диплом получила в январе 1942 года. Спустя месяц была эвакуирована из блокадного Ленинграда.

На начало войны я – 24-летняя студентка IV курса ЛВПФЭИ (Ленинградского высшего педагогического финансово-экономического института). С начала войны в сопровождении преподавателей находилась в отряде студентов на трудовых работах по рытью противотанковых рвов в Ленинградской области (Луга, Батецкая и др.).

По прибытии в пункт назначения мы оказались в зоне налета фашистских самолетов. Здесь война страшнее, чем в Ленинграде. Населенные пункты разрушены, пустынные улицы, безлюдно. Запасов продовольствия у нас не было. Каким-то образом мы достали чечевицу и этим питались, если была возможность приготовить. В период работы в траншеях над нами летали «мессершмитты», обстреливали и сбрасывали листовки с призывами бросить работу.

По мере приближения фронта мы отходили к Ленинграду, иногда поездом, а больше пешком, с лопатами в руках, и опять рыли окопы, траншеи. Вернувшись в Ленинград, продолжали работать на окраине города вплоть до наступления морозов и снегопада. Нас одели в ватные куртки и штаны, которые мы не снимали ни днем ни ночью, так как в общежитии нашем на канале Грибоедова, 30/32, от взрывной волны вылетели окна. У окон мы поставили шкафы, оконные проемы завесили одеялами.

Наступили лютые морозы, голод, не стало воды. Я, как и другие студенты, состояла в группе самозащиты МПВО при институте, а приказом по институту зачислена в состав медико-санитарной команды для обслуживания территории,

отведенной институту, с которой после бомбежки и обстрелов мы выносили раненых, а с наступлением голода собирали на улицах трупы.

Однажды «мессершмитты» разбомбили Дом книги. Это было ужасное зрелище. Из подвалов и первых этажей, то есть из руин, мы вытаскивали пострадавших – раненых, а машины «скорой помощи» их увозили в лечебные заведения. Затем опять налет. Нам удалось укрыться в бомбоубежище под Казанским собором, а взвод противопожарной команды не вернулся... Мы не нашли даже останков наших студентов, даже одежды.

Несмотря на то что мы выполняли задания военного времени, учебный процесс в институте продолжался, и мы слушали лекции, сдавали экзамены, зачеты. А государственный экзамен сдавали в бомбоубежище (под зданием нашего института). 13 января 1942 года я получила диплом.

В связи с окончанием института я была отчислена из состава студентов, направлена на практическую работу вглубь страны и эвакуирована 2 – 3 февраля 1942 года. Через Ладожское озеро нас везли на грузовой машине, укрыв сверху одеялом. Посреди озера, рядом с нашей машиной, упал снаряд, мотор заглох. К счастью, шла встречная грузовая машина, в Ленинград, и шофер перенес нас в кузов своей машины и отвез на ст. Жихарево.

Там нас покормили, выдали хлеба и отправили в товарном вагоне через Вологду в Кольчугино Ивановской области. В холодном вагоне мы разместились прямо на полу. Так закончились мои блокадные дни в осажденном Ленинграде.

22 декабря 1942 года я была награждена медалью «За оборону Ленинграда», мне также был вручен знак «Житель блокадного Ленинграда». 6 мая 1945 года награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Филатов Валентин Викторович
Задержал ракетчика

Все началось с ордена, который вручили Валентину Викторовичу Филатову в 1998 году. Представлен к награде он был еще в 1942 году, а получил только спустя 57 лет.

Своего отца Валентин Викторович видел последний раз весной 1942 года в Ленинграде. Он только что вышел из окружения под Лугой и на четыре часа был отпущен домой. Принес свой паек, на который мать и Валентин смотрели как на чудо. Они уже давно голодали, и к приходу отца на кухне в

кастрюле варились кожаные ремни от конской сбруи: на улице бомба в ключья разнесла конную упряжку. Мяса Валентину не досталось, а вот кусок сбруи он принес домой. К вечеру отец ушел в свою часть и больше не вернулся. Через несколько месяцев семья получила похоронку.

Жили Филатовы на улице Тележной, родни было много. За одну зиму Валентин и его мать потеряли 12 родственников. Хоронили сами. Валентин впрягался в санки, мать подталкивала их сзади. Такое не забывается, остается в сердце на всю жизнь.

В ту зиму Валентин и заработал свой орден. Ночью, во время налета авиации, он вместе со взрослыми тушил зажигалки и, заметив, что из соседнего двора в небо взмыла ракета, выскочил на улицу, чтобы кого-то предупредить о диверсанте. Тут же наткнулся на патруль. Случилось так, что, убегая, «ракетчик» оказался рядом с Валентином, и тот бросился ему под ноги. Подоспевшие патрульные схватили диверсанта. Тогда-то и был Филатов представлен к награде, и не к какой-нибудь, а к ордену Красного Знамени. Уже через несколько лет он совершенно случайно узнал о судьбе того наградного листа. Кто-то из высших чиновников начертал на нем резолюцию: «Отказать в связи с несовершеннолетием». А спустя без малого шесть десятилетий в виде компенсации Валентину Викторовичу вручили орден Великой Отечественной войны второй степени.

После войны Филатов отслужил на Балтике. Успел поработать на знаменитом Кировском заводе. Женился. Супруга – Лариса Николаевна – тоже блокадница. В блокадные дни потеряла отца. Он погиб, как солдат, на своем посту – на одном из заводов, работавших для фронта.

В 1958 году Филатов оказался в Севастополе. Летом 2002 года его не стало.

Филиппов Юрий Владимирович **Сигналы тревоги**

Я родился в 1934 году, а в 1941 году как раз пошел в первый класс.

Всю блокаду я жил в Ленинграде. Мы проучились всего полтора месяца. Потом началась блокада, и мы перешли на домашний образ жизни. Большинство моих воспоминаний связано с очередями и постоянным ощущением ожидания. А ждали мы улучшения общего положения в городе и, конечно, еды, так как основным занятием было – стояние в очереди, в основном, за хлебом.

В 1941 году по Ивановской улице была проложена железная дорога, здесь разгружались поезда с боеприпасами, а по ночам привозили в госпиталь раненых. Железнодорожный состав с ними приходил каждую ночь, в основном со стрелки Московского вокзала.

Зима блокадная выдалась очень тяжелой. Главной задачей было – уберечь дом от зажигалок. Мы помогали на крышах дежурным. Это были взрослые женщины, а мы всегда чуть что подбегали, хватали, вынимали эти зажигалки из самых дальних углов, куда они могли попасть. Зажигалки эти свободно пробивали кровлю и падали на чердак, очень быстро разгораясь. Нужно было как можно быстрее схватить бутылку с зажигательной смесью и поместить ее в ящик с песком.

Хорошо помню сигналы тревоги, как только они начинали звучать, все разбежались по бомбоубежищам. На углу Бабушкина и Ивановской улицы располагался дом, в который попала полуторатонная фугасная бомба. Она пробила все шесть этажей здания и взорвалась на первом. Тогда погибло много людей. После этого случая мы перестали ходить в общежитие.

Филиппова Ираида Федоровна
Нас разыскал папа

Родилась в 1931 году.

Во время войны я жила в селе Большое Кузьмино на окраине Пушкина. Папу в первый же день призвали в армию. Пушкин заняли немцы, и мы с мамой, младшей сестрой, братом и односельчанами нашли убежище под церковью на кузьминском кладбище. Осенью 1941 года церковь разбомбили, и всех нас, оставшихся в живых, военные переправили в Ленинград. Зимой мой брат умер.

Весной 1942 года нас привезли на берег Ладожского озера для эвакуации. И здесь нас нашел папа. Он был на Ленинградском фронте и, когда была возможность, искал нас среди тех, кого перевозили на другой берег Ладоги. На озере лед таял, машины шли осторожно, поскольку была опасность провалиться, а сверху налетали вражеские самолеты. На другом берегу нас посадили в поезд. По пути в тыл мама умерла. Перед смертью она просила меня не терять сестренку Галю.

В Ярославле тех, у кого умерли родители, сняли с поезда. В 1944 году нас вновь разыскал папа, но 27 января 1945 года он погиб. Нас определили в интернат, а в

июне 1945 года мы вернулись в Ленинград. Я училась в ремесленном училище, а потом работала на музыкальной фабрике им. Луначарского. После войны я очень много болела, но меня спасли врачи.

Фатеева-Ефимова Нина Семеновна
Воспитательницы спасли нас своей любовью

Когда началась война, мне шел 6-й год, а моей старшей сестре Рае было 8 лет. Папа в первый же день ушел на фронт, мама работала на фанерном заводе. Нас с сестрой на целую неделю отводили в детский очаг. Летом и осенью было терпимо, но, когда пришла зима, стало голодно и холодно. Мама начала часто болеть. Мы с сестрой приносили для нее кусочки хлеба, пряча их в карманы. Письма от папы приходили редко, и мама очень плакала.

Вскоре за нами приехал дядя Сережа, муж нашей крестной, и перевез жить к себе на улицу Петропавловскую. Дядя работал хирургом, а крестная была дворником.

В январе 1942 года нас отдали в детский приемник-распределитель на улице Рубинштейна. Оттуда нас перевели в детский дом на Фонтанку. Началась бомбежка, дети плакали, звали мамочек... Но своей любовью нас спасали ласковые воспитательницы.

Детей эвакуировали в те места, куда война еще не добралась. Нас провожал дядя Сережа. На прощание он подарил мне куклу с закрывающимися глазами. Когда нас выстроили колонной, ко мне подбежала девочка, дочка повара, и отобрала мою куклу. Я очень плакала, мне в утешение дали нести в руках чайник. Нас везли на автобусах до самой Ладоги и высаживали на берегу, к которому подходили суда. Помню, когда отчалил очередной пароход, начался обстрел. В судно попал немецкий снаряд, и все, кто был на борту, погибли. Наш пароход должен был быть следующим. В итоге нас посадили в поезд, однако и его разбомбили немецкие самолеты.

В это время рядом проходил товарный поезд, перевозивший коров. Нас посадили туда и велели тихо сидеть на сене. Ехали мы очень долго. В итоге нас привезли в очень красивое село Шаранга. Все дети на тот момент были очень больными, но как-то существовали.

Помнится, когда наступали новогодние праздники, меня всегда наряжали в костюм Нового года, поскольку я была очень маленькой. В детском доме мы ходили на поля, собирали травы, грибы и ягоды. Однажды в лесу нашли большой мешок денег, и воспитательница сразу отнесла его в милицию.

В 1948 году пришло письмо от отца с вызовом в Ленинград. 24 марта 1948 года нас, 13 человек, одели, обули, посадили в сани и повезли на станцию. До станции мы ехали два дня. Там нас посадили в поезд, и мы поехали в Ленинград.

Папе было очень тяжело в городе, и мы с ним уехали в деревню к бабушке и дедушке. Но в 1949 году бабушка с дедушкой умерли. Из-за папиных загулов я все время оставалась одна, поэтому впоследствии стала жить у старшей сестры в Ленинграде.

У мамы было две сестры, они обе жили в Ленинграде. Но когда мы с сестрой их навестили, они сказали нам больше не приходить, так как нашей мамы давно уже нет. Вот так мы и вышли от них, расстроенные и поникшие. А я до сих пор храню список детей, которых помню из нашей группы в детском доме.

Франц Евгений Николаевич

Трудились все – от мала до велика

Мне, 10-летнему мальчику, пришлось испытать на себе всю тяжесть блокадной зимы 1941 – 42 годов в Ленинграде. В те трудные времена дети наравне со взрослыми переносили бомбежки, обстрелы, голод, холод, отсутствие света и воды. Ходили на ощупь, в кромешной тьме длинных коридоров и обледенелых лестничных клеток. Комната освещалась маленькой коптилкой. Даже малыши нормально переносили это трудное время – не плакали, не ныли от голода. Кажется, только глаза выдавали тяжесть переносимого. Передо мною был пример моей 5-летней сестры. В то время наша семья занимала одну из комнат на набережной реки Фонтанки. Стекла окон были выбиты и завешены одеялами и матрацами. В комнате была маленькая буржуйка, труба от нее выглядывала в окно, которое выходило в дальний двор с разрушенным домом.

Отец в тот период работал при штабе фронта на предприятии по ремонту автомашин. Два раза в месяц он приходил проведать нас и узнать, живы ли мы. На мне же в то время лежали обязанности по обеспечению топливом прожорливой буржуйки. Я добывал дрова и воду. Несмотря на то что река была сравнительно близко к дому, мне было невероятно трудно приносить воду. Я из последних сил пытался донести в темноте большой чайник – мой организм был истощен, плюс ко всему вся лестница и коридор были облиты и покрыты льдом. Но, возможно, этот труд способствовал тому, что я остался жив. В военные дни мне часто приходилось наблюдать гибель людей от бомбежек, артобстрелов, голода. В память навсегда врезались картины осажденного города. На Неве и в протоках стояли вмерзшие в лед военные корабли, улицы утопали в сугробах. По узким тропинкам около домов медленно брели люди, закутанные, казалось,

во весь свой гардероб. Иногда встречались машины с прицепами, доверху набитыми трупами. Вечером центр города оперативно очищали от умерших, но по утрам вновь на улицах встречались мертвые тела, засыпанные снегом, а также жители Ленинграда, везущие на санках и волокушах завернутые в одеяла и простыни трупы, дрова и воду. В городе были созданы приемные пункты, где принимали умерших людей, – их, как дрова, складывали штабелями, а потом отвозили в места захоронений.

В памяти остались и непрерывные бомбежки. Мы прятались в бомбоубежищах и слышали, как приближаются взрывы бомб. Дома трясло, они качались как на пружинах. Наше бомбоубежище на Садовой было устроено в полуподвальном помещении, где раньше находился магазинный склад. Мы, дети, наблюдали за светомаскировкой, крутили сирены домоуправления, выстраиваясь в очередь. Собирали пустые бутылки и складывали около ЖЭКа – оттуда они направлялись для заправки зажигательной смесью, чтобы подрывать фашистские танки. Старшие ребята во время воздушных налетов дежурили на крышах, боролись с зажигалками, следили за ракетчиками. Я собственными глазами видел первый массированный налет вражеской авиации на Ленинград 8 сентября 1941 года. На относительно небольшой высоте летела лавина немецких «Юнкерсов-88», как мне казалось, в направлении Дома Советов. С самолетов падали ящики с зажигательными бомбами, которые раскрывались в воздухе. Все небо было в разрывах от снарядов зениток, трассах зенитных пулеметов, но они все летели, проклятые. Затем город полыхал от пожаров. Ленинград бомбили методично, с упорством маньяков. Ночью держали в постоянном напряжении бомбежками, днем – артобстрелами. Отец в то время служил за Гатчиной. Он очень переживал за нас – думал, что трудно остаться живыми после таких налетов. Но ленинградцы выжили, выстояли, в том числе благодаря воинам противоздушной обороны.

В блокаду горожане употребляли в пищу все, что можно было жевать, – горчицу, столярный и обойный клей, дуранду, ремни, подошвы и многое другое. Кошек и собак уже не было. Я два раза ходил с бидончиком на производство отца. Он говорил, что в этот день хорошая раздатчица, уговаривал налить его порцию обеда в бидончик, а она боялась, поскольку это было строго запрещено. Дома мама разбавляла водой эту порцию папиной казарменной баланды несколько раз. Мы с мамой иногда ходили пешком за Володарский мост, обменивать у местного населения ценные вещи – сначала папино обручальное кольцо, потом – мамино, в третий раз она сняла с ушей красивые золотые сережки. Такса за каждую золотую вещь – один килограмм картошки и горсточка муки. До сих пор не могу понять, как нам удалось выжить без всяких запасов и при очень скромных добавках к блокадному пайку. **Иногда ходили**

слухи о фактах каннибализма, говорили, что в студнях, которые продавали на толкучках, попадались косточки от человеческих пальцев. Но эти преступления строго карались. Ленинградцы по-человечески достойно перенесли этот самый сложный период войны – массового каннибализма в городе не было. Также благодаря тому, что жители периодически очищали Ленинград от накопившегося за зиму снега, льда, отходов человеческой деятельности, удалось избежать и эпидемии.

5 апреля 1942 года наступил день эвакуации нашей семьи из Ленинграда. На руках были документы, хлебные карточки и небольшой запас еды на дорогу. В последнюю ночь нашей жизни в осажденном городе произошел страшнейший воздушный налет. Всю ночь мы просидели около буржуйки, съедая хлеб, поскольку боялись, что при попадании бомбы он пропадет. Взрывной волной из нашего окна выбило последнюю форточку. Утром пришла полторка и отвезла нас на Финляндский вокзал. Затем в поезде пригородного сообщения мы добрались до берега Ладожского озера. Во время пути в вагонах погибло много эвакуируемых. Мама еще на вокзале стала быстро опухать, отец разрезал до пят ее валенки, и она слегла. Эти симптомы были предвестниками голодной смерти, но маму все-таки удалось поставить на ноги.

На автомашине в открытом кузове мы пересекли Ладожское озеро, добрались по разбитым фронтовым дорогам до Волховстроя, а оттуда – до Тихвина. Все обочины железнодорожных путей были завалены разбитыми вагонами, а сосновый лес по ходу на восток не имел вершин – все они были срезаны огнем сражений. Спустя несколько лет я вновь встретился с этим пострадавшим от боев лесом. Казалось, что время вылечило его, но вблизи эти раны были еще хорошо видны.

В пути до города Красноярска мы провели месяц. Эвакуированные ленинградцы гибли и дальше, оставляя свой тяжкий блокадный след. Местные жители с большим сочувствием относились к нам, тогда вся страна знала о том, что пришлось пережить защитникам Ленинграда.

Мы определились в глубоком тылу страны. Все – от мала до велика – трудились, чтобы хоть чем-то помочь стране. Выручала черемша, грибы, ягоды, огород. Я устроился работать на прицепном зерновом комбайне штурвальным. Приходилось много работать в колхозах – лопатили хлеб в зернохранилищах от самовозгорания, заготавливали лес, занимались огородами, заготовкой кормов, обслуживали молотилки – словом, делали все необходимое в то трудное время.

Чичинадзе Наталья Иосифовна

Он не хотел отнимать у матери надежду

Капитан медицинской службы в отставке.

Родилась в 1917 году, а в 1939 году, после окончания Тбилисского медицинского института (лечебный факультет), была направлена по распределению на работу в Керчь. Там в 1940 году вышла замуж за офицера Боголюбова Г. К. и переехала с ним в Ленинград, по месту его службы. Работала врачом в больнице им. Софьи Перовской до конца марта 1942 года.

С первых дней войны в больницу стали поступать раненые с Ленинградского фронта, и врачи день и ночь боролись за их жизнь в тяжелейших условиях блокады города. Не хватало медикаментов, а главное, еды. Фашисты, по своей членоконенавистнической логике, в первую очередь разбомбили Бадаевские склады. Но, несмотря на это, город продолжал свою героическую оборону, снабжал фронт необходимым вооружением и возвращал в строй раненых бойцов.

Фашисты варварски разрушали город бомбежками и артобстрелами. Всем известны надписи: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Муж, воевавший на торпедном катере, был дважды ранен, но всякий раз возвращался в строй. Ненависть к врагу, убивавшему невинных женщин, детей и стариков, была огромной, поэтому раненые старались не задерживаться в госпиталях.

Зима 1941 – 1942 годов была очень суровая, не было возможности хоронить скончавшихся от ран бойцов и умерших от голода жителей города, и во дворе больницы стояли огромные штабеля из окоченевших трупов. Лишь весной 1942 года появилась возможность вывезти и похоронить их в братских могилах.

Как-то среди поступивших раненых оказался солдат-грузин. Наталью позвали к нему как землячку. Ему было 23 года, ранен он был в позвоночник, умирал, но был в сознании и все время повторял: «Не сообщайте маме!» Он не хотел отнимать у матери надежду и берег ее слезы.

Люди многих национальностей отдали жизни, защищая Ленинград, ибо ощущали себя представителями одной страны – Советского Союза.

В конце марта 1942 года, в состоянии крайнего истощения, Наталья была эвакуирована по льду Ладожского озера, по Дороге жизни, на возвращающемся из осажденного города бензовозе. Затем была работа врачом на Кавказе, а после освобождения Ленинграда – в той же больнице им. Софьи Перовской. В 1948

году муж был переведен служить в г. Феодосию. Там Наталья Иосифовна проработала 31 год в санатории «Восход», до выхода на пенсию в 1980 году.

Хамина Людмила Николаевна

Привыкла к артобстрелам и бомбежкам, голоду и холоду

Я родилась 11 июня 1935 года в Ленинграде. Моя детская память сохранила самые страшные моменты жизни в блокадном городе. Наверное, это потому, что мы были «маленькими взрослыми», жили с сознанием своей ответственности за происходящее, помогали семье и соседям как могли.

Привыкла к обстрелам и бомбежкам, к голоду и холоду. Пережила контузию, когда в квартиру при артобстреле влетел снаряд и, пробив стену, разорвался в соседнем флигеле дома. Я от взрывной волны тогда оглохла. Это было в начале войны, а потом мы (мама, я и младшая сестра) часто оставались в квартире и слушали, какие районы города бомбят сильнее. Боялись за отца, так как он находился на казарменном положении в Артиллерийском училище, и мы не знали, жив ли он.

Страшно было первый раз увидеть мертвое тело на лестничной клетке, когда надо было через него переступить, чтобы пойти на улицу и принести воды. Баррикады перегораживали улицу. Нам, детям, перелезть через ограждения было легче, чем взрослым. Воду брали в реке Пряжке, так как водопровод замерз. И везде лежали трупы – сандружинники не успевали их убирать. В Канонерском переулке трупы были сложены как дрова... Жуткая картина...

Помню весну 1942 года, когда появилась в скверике первая травка. Ее общипывали все, кто мог наклониться и не упасть. Если бы не отец, мы бы умерли от голода. В те редкие дни, когда он мог прийти к нам, то приносил свой сэкономленный паек. Помню, как мама делилась с соседями по квартире помидорным рассолом и всем, что было у нас, – варили столярный клей, хвою, картофельные очистки...

Дорога жизни через Ладогу вселила в нас надежду на спасение. Нас, детей, хотели эвакуировать с детским домом, так как мама не хотела уезжать. Она оттягивала отъезд до последней возможности, но пришлось подчиниться распоряжению...

Эвакуация запомнилась навсегда. Ладожское озеро, катер, где людей было взято на борт больше, чем положено. Мы с сестрой сидели на палубе под какой-то скамейкой. Самолеты немецкие летали совсем низко и обстреливали нас из

пушек. Чудом уцелел наш катер, хотя столбы воды от взрывов обливали людей. Страха я не помню.

А потом была долгая дорога в телячьих вагонах, в конце которой нас привезли в Сибирь, в Кемеровскую область. Сколько в нем ехало семей и людей, сказать не смогу, но вагоны были забиты битком. Спали в два яруса, бок о бок. Дистрофики с кровавыми поносами, полумертвецы. На каждой остановке дежурные станций и полустанков выносили мертвых, а живые ехали дальше. До станции Яя Анжеро-Судженского района мы ехали более месяца. По дороге мама на питание обменивала все, что можно было. Отец, инвалид II группы, по состоянию здоровья был эвакуирован вместе с семьей. Дорогу перенес очень тяжело, как и сам сибирский климат.

В Яе нас, ленинградцев, расселили в семьи местных жителей. Относились к нам по-разному. Обирали до последней тряпки. О блокаде Ленинграда люди знали мало, нас называли «выковыренными» и почему-то всех – «жидами».

Осенью 1943 года я пошла в школу. Весной 1943 года всем, кто хотел, дали делянку земли, и родители посадили на ней картофель и морковь. Следующая зима была уже легче. Хозяйка, у которой мы жили в комнате, была матерью двоих детей. Ее муж был на фронте, а с ней еще жила ее мать. Они вели хозяйство, огород, но с нами не делились ничем, даже подворовывали картофель у нас – подпол-то был общий.

1945 год вместе с Победой принес нам надежду на возвращение в родной город. В Ленинград можно было вернуться тем, кому прислали вызов. У нас там никого уже не было, но родители нашли выход. Им вызов прислала хозяйка дачи, где мы жили каждое лето до войны, – это Мельничный Ручей под Ленинградом. В начале июня 1945 года мы вернулись из Сибири в Ленинград – в родной город и в никуда, так как квартиру нашу уже заняли. Почти три года мы жили у чужих людей, а затем родители отремонтировали комнату в другом доме, и в сентябре 1947 года мы уже жили в своем доме.

Все тяготы отец не перенес, его сердце остановилось в ночь на Рождество 7 января 1948 года – ему только исполнилось 38 лет. Хоронили его в жуткий мороз на Красненьком кладбище.

Хамусова Галина Михайловна (Федорова)
Мама погибла от осколка снаряда

Я родилась в 1932 году и еще до войны окончила первый класс.

В 1941 году, когда были первые обстрелы, жили мы на улице Максима Горького, в Петроградском районе. Однажды мама вышла во двор, в нее отлетел осколок снаряда, от которого она и погибла.

Мой отец был летчиком и, когда началась война, тоже быстро погиб. Он похоронен в Выборге.

Я осталась с бабушкой одна, но вскоре и она умерла. Я попала в детский дом на Большом проспекте, а оттуда в марте 1942 года нас отвезли в Кострому, после чего в Козловы Горы, где мы находились до 1945 года. Там мы были с головой погружены в художественную самодеятельность. Большое спасибо нашему директору, который был невероятно музыкальным человеком. Мы даже выезжали на концерт в Ярославль.

В 1945 году я приехала в Ленинград и поступила в училище № 7 на Фонтанке.

Хорошенко Галина Александровна
Спасенная жизнь

В 13 лет награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Моя мама – Акк Зинаида Семеновна, родилась 15.10.1907 г. Проработала в общей сложности более 40 лет: сначала на заводе «Треугольник», а потом в поликлинике № 10 Красногвардейского района г. Ленинграда – медсестрой, позже – в женской консультации № 24 сестрой-акушеркой.

Ветеран труда, отличник здравоохранения, ударник коммунистического труда, имеет медаль «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и ряд других, а также не один десяток благодарностей и несколько почетных грамот. С первого и до последнего дня пережила блокаду Ленинграда.

Мама выросла в семье, где было четверо детей: она и три брата (все погибли в Великую Отечественную). Наверное, еще тогда, в детстве, были заложены все ее лучшие черты характера. Остались рано без отца, жилось тяжело, но мама всегда была верной помощницей своей семье. Братья, будучи уже взрослыми, всегда тянулись к ней, к ее человеческой теплоте. Очень дружны были все меж собой, заботились друг о друге. И когда грянула война, а с ней навалились трудности и лишения, мама стала требовательна к себе и очень чуткой к окружающим. Она очень стойко переносила все тяготы того времени.

Откуда только брались силы у этой на вид хрупкой маленькой женщины! Она работала медсестрой в кабинетах хирургии, терапии, ходила по вызовам, выполняла назначения врачей, в холод, в любую непогоду, темень...

Одновременно работала диспетчером ночной неотложной помощи. Домой приходила через день, падая с ног от усталости, но никогда не роптала.

В самое трудное для блокадников время не каждый мог разделить пайку хлеба на два раза и есть его частями, запивая кипятком. Или, если удавалось отоварить талоны по карточке и получить крупу, – разделить ее на порции (я хорошо помню эти чайные сервизные чашечки и в них – по чуточке крупы). Но это было единственным спасением – почти каждый день иметь горячую похлебку, хотя бы раз в сутки. Не каждый мог так поступать, многим не хватало силы воли!

Мы жили недалеко от маминой работы, и, когда перестал ходить транспорт, не стало света, воды, город замер – у нас в доме стали оставаться мамини сотрудницы, живущие в других районах города. У них просто не хватало сил добираться домой каждый день. Иногда они жили по несколько дней, а иногда и неделями. Позже, когда уже начали возвращаться из эвакуации знакомые, мама и тут была верна себе, она старалась помочь людям, делилась последним, всегда старалась поддержать. Кому-то давала что-то из посуды, домашней утвари, бытовых вещей. В общем, когда я вышла замуж, и надо было уезжать в Севастополь, оказалось, что многое из необходимого было отдано людям. Но мы никогда об этом не пожалели, просто вспоминали с легкой грустью и улыбкой.

Ну а один из ярких поступков мамы был такой.

В доме, где мы жили до войны (Республиканская улица), проживали семьи двух братьев Васильевых. Муж, жена и два сына – в одной, в другой – муж, жена, дочь и бабушка.

К сожалению, как и тысячи других ленинградцев, они один за другим уходили из жизни, ни моральных, ни физических сил не хватало: голод, дистрофия. Наступил день, когда из всех остался в живых только один – Валентин (подросток 1928 г. р.). **Он появился на пороге нашей квартиры и сказал: «Все умерли, я остался один». На какое-то мгновение мама замерла от его слов, а потом решительно сказала: «Проходи, будешь жить у нас, потом сходишь – принесешь свою одежду».**

Сказать было легко, а вот как дальше жить? Он прожил у нас долго, все это время мама решала вопросы его дальнейшего существования. Наконец ей удалось собрать нужные документы и оформить его в детское учреждение, а

позже он был эвакуирован. И самое трогательное было, когда в один из мирных дней, услышав звонок в дверь, мы увидели на пороге молодого человека – это был Валентин Николаевич Васильев. Мы в то время уже жили по другому адресу, он разыскал нас и пришел, чтобы поблагодарить за участие в его судьбе, за спасенную ему жизнь. Он вернулся в Ленинград, стал музыкантом и долгие годы проработал в оркестре народных инструментов при Ленинградском радиокомитете. Такое до сих пор вспоминать без слез невозможно.

У мамы и ноги отекали, и цинга начиналась, и сердце не всегда выдерживало в те годы, но она все равно была рядом, всегда жила для людей, близких и незнакомых, готовая поддержать каждого. Люди очень ее уважали, она была очень верным и надежным человеком, а в трудную минуту эти качества – бесценны!

В 1994 году ее не стало, и нам ее очень не хватает. Детям, внукам, правнукам.

P. S. За тушение зажигалок мама была награждена ценным подарком – гитарой, но она всегда говорила: «Как дурочка в ту пору шла с гитарой по Невскому проспекту».

О блокадных днях Ленинграда

В 1941 – 1942 годах я была дома, школа не работала. Сначала пытались заниматься в домашних условиях с учительницей, потом начались бомбежки, и занятия прекратились. В школу пошла в 1942 году. Зимой 1941 – 42 годов возила на саночках воду из Невы, пилила дрова – это была моя работа по дому. Ухаживала за бабушкой, но она умерла весной 1942 года, когда ей было 76 лет.

Сентябрь 1941 года. Воздушная тревога. Пережидаю ее в подъезде ближайшего дома. Летят самолеты, возгласы людей, спор: «Наши летят! Нет, немецкие!» – «Нет, наши!» Потом ясно вижу, как от самолета отделяются черные палочки и летят вниз (так виделось на расстоянии). И вдруг – ужасный гул, грохот взрыва, звон битого стекла окон, крики людей. Оказывается, сброшены бомбы в конце нашей улицы (Республиканской, М. Охта), где в здании школы находился госпиталь. Одна из бомб попала в середину здания. Незабываемый ужас первых месяцев войны! Люди, которые уже были ранены, были еще раз искалечены.

Грузовые машины шли потоком, раненых везли в поликлинику для оказания первой помощи. Страшная была картина, с которой потом еще много раз приходилось сталкиваться на протяжении всей блокады Ленинграда в самых разных ее проявлениях, но это было первое, детское, очень сильное впечатление, запомнившееся на всю жизнь.

1943 год. Группа школьников (с пятого по седьмой класс) школы № 145 Красногвардейского района Ленинграда работает в подсобном хозяйстве от завода № 371 (Металлический завод им. Сталина), во Всевожском районе, Большое Манушкино. В подсобное хозяйство нас послали, чтобы хоть как-то помочь рабочим завода продержаться. Они в этот момент, стоя у станков, выпускали военную продукцию для фронта, осуществляли ремонт техники. Мы выращивали овощи, проводили огородные работы (прополку, окучивание). Собирали лебеду и крапиву (из них варили рабочим щи). Норма была большая – 24 кг. Целый день в поисках зелени приходилось таскать за собой мешок. В любую погоду, невзирая ни на что, нормы выполняли и перевыполняли, зная, что за этим стоит.

Трудностей было много, но самое сложное – это то, что мы находились сравнительно недалеко от линии фронта; рядом располагались воинские части, аэродром, поэтому нам часто доставалось: обстрелы, бомбежки, воздушные бои.

Нам не разрешалось ходить в лес дальше 100 м (минирование, немецкая разведка). Не разрешалось ходить в столовую группами (столовая была на горке и хорошо просматривалась с передовой). Но, несмотря ни на что, мы жили и трудились, причем трудились добросовестно, ответственно, очень серьезно ко всему относясь. Работы продолжались до глубокой осени.

В 1943 и 1944 годах начали учиться – с октября месяца. Вспоминается такой момент. Стояли уже холода, а барак был без отопления. Чтобы как-то согреться, несколько девочек (мальчики жили в другой половине барака) передвинули свои кровати к другой стенке барака. Ночью был обстрел, снаряд упал совсем рядом, осколки полетели и упали в том месте, откуда были убраны кровати. Только благодаря счастливой случайности не было пострадавших!

В один из летних дней 1943 года наши войска шли в наступление, и всех волновало: как оно пройдет, кто продвинется с боями вперед, какая судьба постигнет нас, что нам грозит? Но, к счастью, все обошлось хорошо: наши продвинулись вперед, еще кусочек нашей Родины был освобожден, одержана победа. Ликование было всеобщее.

Но самым дорогим воспоминанием времен войны и ленинградской блокады для меня осталась память о маме. Уже почти 10 лет нет ее с нами, но последние 9 лет мы жили одной семьей. В 1985 году она переехала в Севастополь. Нас очень многое связывало, я ей очень благодарна. И прежде всего за то, что всю войну, всю ленинградскую блокаду, испытывая все тяготы, она была рядом.

Еще очень хочется вспомнить и сказать несколько слов о своих одноклассницах – Полозовой Лидии, Давыденко Нонне, Ане Фроловой, Зине Андреевой, Зине Бересток (фамилии девичьи). Да, нам не довелось непосредственно быть на фронте, в действующей армии, но мы в силу своих возможностей как могли помогали Родине, вносили вклад в Победу. Мы работали в 1943, 1944 и даже в 1945 году, ходили в госпиталь с концертами; числясь тимуровцами, помогали больным и старым людям. Временное школьное помещение тоже было на наших руках (пилили дрова, сгружали уголь, убирали классы).

Помнится и такое: учительница физкультуры Левицкая А. Ф. (муж и сын у нее были на фронте) потеряла продуктовую карточку на месяц. Узнали мы об этом случайно от соученицы Али Спирковой, мать которой была завучем школы. Сами голодные (питались в школьной столовой), все же нашли в себе силы и договорились: каждый день часть своего хлеба собирать и передавать учительнице. Она, конечно, долго отказывалась, не соглашалась, но мы все же ее упростили, убедили. И надо было видеть ее благодарные слезы. Мы долгие годы уже после войны встречались, переписывались, поздравления к праздникам приходили даже в Севастополь, но время неумолимо...

Хряпина Анна Федоровна

Так и не смогла доказать, что она – блокадница

История нечасто касалась моей жизни. Мне кажется, что я ещё очень мала и не так много сделала, чтобы быть частью истории. А вот мои родственники уже очень много могут рассказать о прошлом. В моей семье есть люди, которые пережили Вторую мировую войну. Но мне хочется рассказать о моей прабабушке, которая, по-моему, пережила тяжкие испытания.

Анна Федоровна Хряпина родилась в Ленинграде в 1922 году в большой семье, состоящей из отца, матери, двух сестёр и двух братьев. В 19 лет Анна Фёдоровна устроилась домработницей в богатую семью. Через несколько месяцев, 22 июня 1941 года, началась война. Братья ушли на фронт, а Анна и её младшая сестра Катя остались в Ленинграде. А 8 сентября город был замкнут в блокаде.

Семья Хряпиных не была в числе эвакуированных. Катя и Анна начали работать на заводе. Жили они в общежитии вместе с 15-ю девушками в одной комнате. Через некоторое время Ленинград одолел голод. Рабочим выдавали по 400 граммов хлеба. В то время как соседки при выдаче хлеба съедали всё за раз, Анна продуманно делила хлеб на несколько порций и оставляла его на время.

Шли дни, Анна и Катя работали, боролись с голодом, холодом, старались выжить. Девушки из комнаты начали умирать. Судьба так сложилась, что из 15 девушек остались только Анна и Катя. Через некоторое время умер их отец. Сёстры хотели хоронить отца, как полагается, в своём гробу, а не в общей яме. С трудом Анна и Катя нашли гроб, нашли место и похоронили со всеми почестями отца.

900 дней блокады шли к концу. В январе 1943 года сёстры были эвакуированы через Ладожское озеро и поселены в Алтайский край. При переезде Анна потеряла все документы и после войны так и не смогла доказать, что она блокадница.

Я думаю, эта история достойна того, чтобы её слышали мои дети и внуки и видели пример стойкого, сильного и храброго человека, как моя прабабушка. Но всё-таки история касается и меня. Ведь это мои корни, моя память, и я как носитель этой истории должна чтить и помнить своих предков.

Царев Владимир Иванович Собирали осколки как сувениры

Владимиру Ивановичу Цареву, ныне председателю совета алма-атинской городской организации блокадников Ленинграда, было 10 лет, когда началась блокада Ленинграда. Он жил тогда в городе Ораниенбауме, который тоже попал в кольцо осады. Семья спасалась водой из Финского залива и просоленными шкурами животных.

В сентябре месяце начались обстрелы, бомбежки, горели дома. Разбомбили продовольственные склады, так называемые Бадаевские, там было сосредоточено огромное количество продовольствия, и все оно сгорело. Немцы к этому времени старались взять Ленинград с ходу за сентябрь и сосредоточили рядом с городом огромное количество войск. Когда проходил Нюрнбергский процесс, выяснилось, что они даже продавали билеты на бал в честь победы над Ленинградом в ресторан «Астория» и приглашали на него своих высокопоставленных лиц. Но это не вышло. Весь народ хотел отстоять город. Очень много было добровольцев, люди толпились в военкоматах, чтобы записаться и идти воевать. Мы, пацаны, тоже хотели воевать. Некоторые из нас даже убегали из дому, садились в эти военные эшелоны какими-то там способами, их, конечно, потом вылавливали и отправляли домой. Так мы были воспитаны.

Было введено военное положение: комендантский час, когда можно было ходить только до восьми вечера, патрули, внутренние войска, ловили шпионов и так называемых ракетчиков, которые направляли ракеты на промышленные объекты. Рабочий день был увеличен до 12 часов, все трудоспособное мужское население ушло в армию. Был призван и мой отец, мы с матерью остались вдвоем. Было очень трудно, и постепенно положение ухудшалось, сокращался паек. В пригороде мы жили, можно сказать, хорошо, там можно было как-то просуществовать. Отключилась электроэнергия, отопление, канализация. Представьте себе, что значит в большом городе, таком как Ленинград, полностью отключить все коммунальные услуги! Ни воды, ни света, ни канализации!

Все трудоспособное население, в основном это были женщины, привлекали на рытье окопов, и мы с ними увязывались. Рвы были противотанковые, ставили специальные бетонные устройства, надолбы.

Осенью мы ходили с матерью на заброшенные поля, собирали мерзлую картошку, морковку, то, что осталось на полях. Уже фронт там был, солдаты не пускают, а женщины как-то их уговаривали. Получалось, что совсем рядом немцы, и мы тут ковыряемся. Стоят установки, пулеметы, орудия, а мы потихоньку между этих грядок выкапывали овощи. Как-то началась стрельба, мы в эти грядки залезли, потом кое-как оттуда вылезли. Это был сентябрь – октябрь, эта картошка тоже нас поддерживала в какой-то мере.

Наступила зима. Зима 1941 – 1942 годов была очень суровая, как нарочно, морозы доходили до 30 – 35 градусов, и люди в таких больших домах просто замерзали. К тому же еще голодали, паек уже с 20 ноября, как сейчас помню, стал, по указу военной комендатуры и военного совета, 125 грамм для иждивенцев и служащих, 250 грамм для рабочих и 200 грамм для детей. И мало того, хлеб этот был некачественный, с различными добавками – целлюлозой, с какими-то там опилками. Продукты, которые были положены по карточке, были не всегда, потому что подвоза не было, в магазин очередь приходилось занимать с утра, чтобы получить хотя бы что-то. Моя мать работала в порту, а мне поручали выкупать хлеб. Я сначала не понимал, по своему детскому сознанию, зачем выкупать хлеб, ведь он дома есть. Уже была блокада, мать приходила, спрашивала – ну ты выкупил хлеб, а я говорил – а зачем, мама, у нас же еще есть хлеб, зачем еще? Потом я уже понял, что если есть возможность, то надо выкупать хлеб каждый день.

Выживали в блокаду кто как мог, конечно. Единственная мысль с утра и до вечера, и даже во сне, была – как бы где-нибудь что-нибудь покушать. Конечно,

нас спасло то, что у нас было печное отопление и так называемая плита, длинная такая в виде печки, сейчас молодежь не знает о таких. На ней готовили, на этой же плите мы с мамой и спали. Бомбили здания, мы подбирали всякие щепочки и осколки, особенно зимой, везли на саночках, мать впереди, я сзади, вот так дрова заготовливали и топили. Подъели все, что было дома. Мой отец был строитель, у него была олифа, заготовки какие-то, клейстер, чтобы обои клеить. А он же на муке сделан, это все подъели. Всех кошек и собак, птиц, ничего не осталось, в округе вся живность исчезла. У нас во дворе была так называемая «Заготкожконтора», там был склад, куда привозили шкуры животных, баранов там, солили их и сохраняли. Когда началась война, эвакуация и неразбериха, конторы этой не стало, но сарай остался. Висел замок, хозяев уже не было, но было небольшое окошечко. Его разбили и, помню, нас, пацанов, туда на веревочке спускали. Мы оттуда вдвоем вытаскивали эти шкуры, как-нибудь заталкивали к этому окошку, а взрослые уже тянули. Везли домой, резали на кусочки и варили, долго-долго, чтобы эта кожа стала мягкой. После этого пропускали в мясорубку и смешивали этот бульон и то, что смолоты, получалось что-то вроде холодца. Вот это нас спасало, иначе бы мы, конечно, погибли.

Паек мне давали детский, до 12 лет я считался ребенком. Мы могли его сдать в столовую, это, конечно, одно название было, что столовая, сдаешь эту карточку и каждый день получаешь супчик – там какая-то крупа плавала, еще чего-то. И вот я с бидончиком ходил в эту столовую, там не ел, а ели дома вместе с матерью. И вот однажды пошел, и тут начался обстрел. У меня уже инстинкт появился, что, если обстрел начался, ищешь куда бы забраться. В канавку какую-то, за бугорок, куда-нибудь. Я вижу – канавка, лег и лежу, а надо мной как шарахнуло! Если бы я стоял, меня, конечно же, убило бы осколками. Надо мной пролетели, в каменной стене остались выбоины. Обстрел закончился, гляжу, вокруг меня осколки лежат, теплые еще. А мы их собирали как сувениры. Вот я их собрал, в карман и домой!

Все время были обстрелы. Сначала, когда объявляли воздушную тревогу, мы уходили в бомбоубежище. Потом люди стали до того истощены, что было безразлично, казалось, что лучше уж погибнуть. Мы жили на втором этаже и как-то спустились вниз, где собрались все соседи. И вдруг так шарахнуло, что нас завалило, весь второй этаж был разбит. Хорошо, что еще пожара не было, мы думали – все. Дверь не открыть, кругом темно, пыль какая-то, дышать нечем. Паника началась, конечно, все кричали. Нас нашли добровольные пожарные и пожилые военные, которых не брали на фронт, они обычно объезжали город. Они нас откопали, вытащили из этого подвала. Нас там, наверное, человек десять было, все соседи собрались, женщины, дети... Слава

Богу, нас откопали. Жить было негде, все разбито, начали ковырять развалины, искать, остались ли какие-то вещи. В конце концов, работали ЖЭКи, тогда они тоже были, председатель ЖЭКа пошла туда, видит, что так получилось, говорит, сейчас вам найдем жилье. Открыла нам какую-то комнату, сказала, что вот здесь живите, все ушли на фронт, здесь никого нет. Ну мы действительно смотрим, вся мебель, все есть. И так мы перебрались туда.

У немцев была такая карусель – один самолет идет, пикирует, потом следующий заходит. Они бросали зажигалки – это такая небольшая фосфорная бомба. Когда она попадает в дом, а дома были в основном деревянные – чердаки, стропила – бомба шипит, разбрасывает в разные стороны эти искры, и дом загорается. На дежурство на крышах привлекали молодежь, нас тоже. Стояла бочка с водой, клещи были, и вот обычно берешь ее, небольшой снаряд такой, раз клещами – и в бочку. А самое интересное было ночью, когда светили прожекторы, самолеты летают, их в перекресток возьмут, и наши зенитки начинают лупить в них. Смотришь – раз-раз-раз, и он пошел вниз, задымил.

Вначале мы, конечно, собирались, играли в войну. Немцами никто не хотел быть, колотили этих немцев. Решали по жребию – вот ты будешь Гитлером, ты Геббельсом, ты Герингом. В конце концов мы, конечно, побеждали и этих немцев лупили. Потом уже сил не было, сидели в основном дома, как-то помогали старшим, делали что могли. Помню, на моих глазах умирали многие мои школьные товарищи. Я еще как-то ходил, и вот они просят: «Вовка, дай кусочек хлеба!» А где я возьму? Я такой же, как они. Два или три друга умерли на моих глазах, им тоже было по 10 – 12 лет.

Самая трудная зима была с 1941 на 1942 год. Новый год, конечно, не справляли, многие в школу не ходили. Были учителя-энтузиасты, которые собирали учеников старших классов, в комнате посередине ставили круглую печурку-буржуйку из листового железа, трубу от нее выводили в окно и топили щепочками. Учителя вели историю, математику и так далее. И если учитель не приходил, мы знали – он или умер, или упал где-то. У детей потребности были меньше, а взрослому человеку тяжело приходилось. Женщины в блокаду были живучей, чем мужчины, мать высохла как щепка, ни груди, ничего, но какие-то внутренние возможности позволяли ей как-то держаться. А у мужиков внутренних запасов нет, так что они умирали быстрее.

Хоронить уже не хоронили, сил не было. Вот человек идет по дороге, упал, так и оставался. Некоторые везли на саночках, если есть возможность, а где похоронишь, земля мерзлая... Потом уже, весной, чтобы не было эпидемий,

привлекали ополчение, дружинников, они убирали тела и везли их на Пискаревское кладбище.

Зиму мы более-менее пережили, настала весна, стало немножко полегче. Появилась трава, лебеда, мы собирали ее, варили щи или мололи и делали что-то вроде котлет. Вторым подспорьем была рыба. Когда в Финский залив или в Неву попадал снаряд, рыбу глушило, и мы, пацаны, сачками вылавливали ее и несли домой. Это был деликатес, она иногда была, конечно, протухшая, по несколько дней там плавала, но это уже никого не волновало. Еще была рыбка-корюшка, у нее одна иголочка вверху и две внизу, так что ее никто из хищников не может съесть, и она размножается очень активно. Ее тоже ловили – берешь удочку, насаживаешь на крючок червяка или что попадет, и бросаешь. В марте – апреле у корюшки период нереста, она просто налетает на этот крючок, а ты в это время ее сачком – раз и в мешок! Потом эту корюшку мололи, в ней еще солитеры были, черви такие, но мы не обращали внимание, перемалывали, варили, и было более-менее подспорье.

В марте на пирсе ловили пацаны, истощенные такие, худые, скользко еще было, я с этим сачком потянулся и свалился в воду. Март месяц, только лед вскрылся, льдины плавали, да еще в одежде, думал – все. Ну хорошо моряки увидели, вытащили. Я бегом домой, разделся, на плиту на эту, мать пришла, ругается... Вот так и выживали. Мне спасла жизнь мать, она мне последний кусок отдавала, и мы вот так вот вдвоем выжили.

Как только Ладога очистилась ото льда, началась эвакуация. Поскольку мы жили в пригороде, нас повезли через Кронштадт, потом по железной дороге на Ладогу. Везли на барже, пришвартованной к катеру. Нас загнали в трюм, сказали не высовываться и не разговаривать, потому что немцы были уже рядом, в Петергофе. На ту сторону обычно везли ночью, нас перевезли потихоньку, слава Богу, никакого обстрела не было. На той стороне нас встретили, дали продукты, сварили, помню, сардельки какие-то, хлеб, кашу. Там были специальные эвакуопункты, где встречали блокадников. Некоторые объедались и умирали, заворот кишок был – хлеб свежий, только испеченный, кто-то додумался, люди хватали, ели, и некоторые умирали.

Потом нас отвезли через всю Россию в Новосибирскую область, в Купинский район, где мы жили до 1945 года. Эшелон состоял из «телятников», грузовых вагонов, внутри были двухъярусные нары, на них спали. На каждой станции старались подкормить, была горячая вода, эти эшелоны встречали. Но все равно люди были до того истощены, что многие умирали в пути.

Царева Валентина Ивановна
Мама накрыла нас брезентом

Валентине Ивановне Царевой в 1941 году было 8 лет, а троим ее братьям и сестрам и того меньше. Отец ушел на фронт, а она вместе с матерью собирала по Ленинграду обломки от разрушенных домов, чтобы было чем топить печку, искала, чем кормить младших. В сентябре 1942-го чудом выжившую семью эвакуировали на Большую землю.

В семье нас было четверо детей. Отец ушел на фронт, с нами осталась мама. Я была старшей, пришлось помогать маме, а самой младшей сестренке было три года. Когда начинались обстрелы, объявляли воздушную тревогу, и мы все бежали в бомбоубежище. Было очень трудно, я помогала, чем могла, стояла за хлебом в очереди... Чтобы прокормиться, собирали траву, кожи, делали из них студень или холодец. Отопления не было, канализации не было, не было электричества... Очереди приходилось выстаивать очень долго, вставали занимать очень рано. Бывало так, что кто-то получал хлеб, а другой его выхватывал и тут же запихивал в рот – все хотели есть. Когда делили хлеб, мама резала нам его по кусочкам, а крошечки мы собирали пальчиками – и в рот. Траву ели, мама жарила лепешки всякие на олифе.

Когда мы эвакуировались на барже, была сильная бомбежка. Мама нас всех накрыла каким-то брезентом, а бомбы летели только так, волны были огромные, фонтаны воды, мы все были мокрые. Но ей удалось довести в Башкирию нас всех, нас туда почему-то эвакуировали. Там мама работала в колхозе, я ей помогала. Потом она привезла всех нас обратно в Ленинград. Отец вернулся очень больной, раненый, недолго прожил и умер.

Цыганчикова (Лукинова) Галина Андреевна
Игрушки блокадного детства

Мне отчетливо запомнились бомбежки. Мы жили рядом с портом, на Обводном канале, 156, в коридоре общежития завода «Красный треугольник». Помимо нас там, в коридоре, жили еще 25 семей.

Как-то раз зимой в дом попала бомба. Мама, чтобы спасти мне жизнь, выкинула меня со второго этажа, потому что лестница была разрушена. После этого мы переехали жить в соседний корпус.

Во время авианалетов мы с мамой прятались в окопах, убежища у завода не было.

Помню, как ходили за лебедой, которая росла в саду возле дома. Есть было нечего, лебеда казалась вкусной.

Однажды мама оставила нас под присмотром соседки тети Кати, а сама пошла по делам. Когда она вернулась, то увидела, что я бегаю и плачу. Она спросила, где тетя Катя. «Она умерла», – сказала я в ответ. После этого мама возила нас через весь город на Лахтинскую улицу к крестной, чтобы хоть как-то уменьшить ужас от боли. В доме крестной мы жили по несколько дней, а затем возвращались на Обводный, чтобы убедиться, что с жильем все в порядке.

Зимой меня кутали в кроличью шубку, шапку и сверху повязывали большой шерстяной платок. Холод был страшный.

Из всех игрушек в моем блокадном детстве были газеты, ножницы и осколки от снарядов.

Чиликина Евгения Васильевна

С этого дня жизнь разделилась

Моя бабушка, Евгения Васильевна Чиликина, часто рассказывает мне о войне, блокаде, о жизни в детском доме. И, хотя ее рассказы почти всегда грустные, я очень люблю их слушать. Меня восхищает, с каким мужеством, честью и терпением люди переносили выпавшие на их доли испытания. Особенно нелегко приходилось детям, но и они старались не отставать от взрослых, помогать Родине всеми силами, оставаться хорошими людьми, несмотря ни на что. Очень жаль, что бабушка сама никогда не вела дневник и вообще ничего не записывала. У нее очень хорошая память, она до сих пор, сейчас ей 82 года, помнит в деталях множество историй из своего детства. Мне очень хочется поделиться с другими ее рассказами, прекрасными и одновременно тяжелыми и поучительными.

Моя бабушка родилась 25 марта 1929 года в Ленинграде. В 8 лет пошла в школу под № 27. 31 января 1939 года вся семья переехала в Гатчину, где бабушка вместе с сестрой училась в школе № 2. Она была пионером. С удовольствием выполняла общественное поручение – была санитаркой. Когда начинался урок, и ребята вбегали в класс, бабушка стояла у входа и проверяла чистые ли руки у одноклассников, грязнули отправлялись умываться. Зимой она очень любила кататься на санках и лыжах. Вспоминая все это, бабушка говорит: «Жизнь в Гатчине – это сказка...»

В июне 1941 года, когда бабушке Жене было 12 лет, их семья – папа, мама, Женя, ее старший брат Володя и сестра Катя, которая старше ее на 2 года, –

жили в Гатчине в доме № 55 на ул. Чкалова. Папа работал портным в Ленинграде, мама занималась домашним хозяйством, воспитывала троих детей. Тогда Женечка перешла в пятый класс. Почти целый год она прожила в блокадном Ленинграде, а остаток войны провела в детском доме в Горьковской области. Все, что случилось с бабушкой во время этих страшных дней блокады, я как будто пережила сама. В моем рассказе нет ничего вымышленного – только то, что было на самом деле. Я думаю, такие воспоминания были у тысяч детей, прошедших блокаду. Война, как огонь, как пожар, сжигающий все, к чему прикоснется, разрушила миллионы жизней, принесла с собой горе и слезы. Но, глядя на свою бабушку и других людей, переживших блокаду, слушая их воспоминания, я понимаю, что война в то же время закалила их, научила стойко переносить невзгоды и не отступать перед трудностями, не бросать в беде даже незнакомого человека, помогать и поддерживать других, любить и защищать Родину. Евгения Васильевна вспоминает: «...22 июня мы с Катей надели новые платья и собираемся в парк гулять. Сидим за столом, пьем кофе, и вдруг по радио объявляют, что началась война. Так страшно мне никогда еще не было. Я сказала: „Буду стоять у ворот и не пущу дядю, который принесет папе повестку на фронт“. Я очень испугалась, что мы останемся без него. С этого дня жизнь разделилась: „до войны“ и „война“. Через две недели папу забрали на фронт. Я не могу сдержать слез: „Папочка, милый, любимый папочка, поскорее разбей врага и возвращайся домой. Нам очень плохо без тебя...“ Как будто предчувствовала, что мы его больше никогда не увидим... Через несколько дней начались первые обстрелы. Я сидела во дворе и чистила песком наш старенький примус. Вдруг прямо над моей головой что-то просвистело, а уже через секунду раздался взрыв. От страха не понимая, что делаю, я побежала домой за своими вещами, вместо того чтобы спрятаться в укрытие. Теперь обстрелы стали все чаще и чаще. Я никак не могла (да и не хотела) понять, зачем люди убивают друг друга. Зачем хотят отнять наши жизни? Кому станет лучше от того, что не станет меня, моей семьи, моих друзей? Будь проклят этот изверг – фашист!..

Сначала они хотели ехать в эвакуацию. Мама целую ночь стояла за билетами в Липецкую область, где жили родственники. К утру пришла и говорит: „Нет, мы никуда не поедem. Вдруг папа вернется, а нас никого нет“. Но в Гатчине стало опасно, и тогда они пошли пешком в Ленинград, где, к счастью, их приютили знакомые – выделили комнату в своей квартире в доме № 23 на ул. Войтика (сейчас Витебская улица. В этом доме семья бабушки жила до переезда в Гатчину). Мама устроилась работать в ателье, где раньше работал папа. Она шила одежду для солдат. Вечером приносила работу домой. Дети помогали ей пришивать пуговицы и думали: „Может, именно эту куртку будет носить папа“, – поэтому в каждую пуговичку они вкладывали всю свою любовь и надежду.

8 сентября 1941 года была замечательная погода, светило солнышко, Женя с сестрой вылезли на крышу. И увидели, как горят Бадаевские склады. Тогда еще они не осознавали, насколько для города опасна эта потеря. Вскоре они это почувствовали – в городе исчезло продовольствие. В ноябре начался настоящий голод.

5 декабря 1941 года разбомбило дом напротив. „...Эта зима выдалась очень холодная. Я никак не могу согреться. Дома – мороз и лед. Я, Катя и мама спим втроем на одной кровати, не раздеваясь, – так теплее. Печки-буржуйки у нас нет, жжем все, что горит в плите. Так и обогреваемся. Холод и голод... Голод и холод... Но мы никогда не позволяем себе унывать. Мама даже запрещает нам плакать. Она всегда говорит, что слезами горю не поможешь, что нужно быть сильными и поддерживать друг друга“.

Володя работал на заводе им. Марти. На войну его не взяли, как он ни просился – не было 18 лет. Он очень часто не приходил домой ночевать – на заводе ел и спал – там теплее и не надо тратить силы на дорогу. И вдруг – пропал без вести... Так они остались втроем. Мама поменяла свой выходной костюм на 2 кг картофеля. Сначала они съели картошку, потом ели очистки – из них мама умудрялась делать лепешки. Еще у них был целый мешок сухариков, которые мама берегла для детей. Эти сухари стали спасением. „Я держу в руке этот сморщенный кусочек хлеба, хлеба, настоящего хлеба, а не того, что мы получаем по карточкам. На каждого выдают по 125 гр. хлеба. Тяжелого, липкого. Этот кусочек мы крошим в баночку, заливаем кипятком и пьем, снова заливаем кипятком и пьем...“ Мама, придя вечером домой, делила на две части свой кусочек хлеба и отдавала дочкам: „Я поела на работе. Ничего, ешьте...“ Если бы они знали, как закончится эта мамина доброта... Водопровод не работал, и заботой сестер было обеспечивать семью водой. Недалеко от площади Репина во льду пробил себе дорогу ручеек. Они ходили к нему за водой. Одна ложилась на живот и ковшиком зачерпывала воду, другая – выливали воду в ведро. Затем, с полным ведром на санках, они отправлялись домой. Две улицы и два двора... Часто по дороге ведро падало, и приходилось возвращаться и снова набирать воду. Это было тяжело, но даже интересно. Ведь девочки понимали, какое важное дело им доверили – без воды не проживешь.

Во время бомбежек, когда я была одна дома, я убегала к Сережке на первый этаж, и мы боялись вместе. С Сережей Антониковым, который был на год младше меня, мы дружили. Часто играли под столом в куклы, как подруги. Вместе сидеть и дрожать от страха на низенькой скамеечке за дровяной плитой было не так страшно.

Однажды утром в марте мы с Катей проснулись и заметили, что мама очень холодная и не просыпается, мы подумали, что она замерзла, накрыли ее одеялом и стали ждать. Но она все не согревалась и не просыпалась. И тогда Катя сказала мне: „Женя, мама умерла“. Это случилось 11 марта 1942 года. Маме было 39 лет».

После смерти мамы Женю направили в детский дом (очень страшно было расставаться с Катенькой, ее определили в училище – в детский дом она не годилась по возрасту), и вскоре детский дом эвакуировали в Горьковскую область. «Три года, с июня 1942 по май 1945 года, я провела в селе Поповка Горьковской области. Жили в старом заброшенном монастыре, сквозь штукатурку просвечивали лики святых. Там было хорошо. Это самое светлое время, не считая „до войны“, в моей жизни. Мы постоянно чувствовали заботу и внимание своих воспитателей. С удовольствием учились в школе. Работали в поле – убирали лен. Потом колхоз выделял нам льняного масла и ткань. Ставили спектакли. (Бабушка вспоминает постановку „Недоросль“, где она играла главную роль.) ...Одеты мы в простенькие невзрачные платица. Но нам хотелось чувствовать себя настоящими красавицами. Наша главная выдумщица Рита Ляхова вспомнила, что можно завивать волосы на бигуди. Тем же вечером мы накрутили прядки на бумажки, а проснувшись, не узнали себя. Все по очереди подбегали к зеркалу и любовались своими кудряшками. Правда, наше счастье длилось недолго. При входе в столовую нас всегда встречал директор детского дома. Он очень строгий, но справедливый. Тогда он не стал ругаться – наверное, понял, что мы не хотели нарушать правила. Просто наклонился ко мне и тихонько сказал, чтобы мы привели себя в порядок, а потом уже приходили на завтрак.

...Зима. Снег. Сидим на уроке, видим в окно – в поле садится самолет. Кончилось горючее. Мы высыпали на улицу и помогали толкать самолет в укрытие. Трое летчиков остались у нас до вечера. Мы им показали концерт и пригласили на ужин. А после Мара, наша пионервожатая, пошла гулять с одним летчиком, а мы давай подглядывать за ними!»

...В детском доме Женя узнала, что папа погиб. Ему, как и маме, было 39 лет. У Жени осталась одна Катя... ..А потом наступил День Победы! Мы победили! Вся наша большая страна: и солдаты на фронте, и женщины, дети-подростки, работавшие, как Катя, – бабушкина сестра, и днем и ночью на заводах, и ленинградцы – умирали, но не сдались врагу...

Жене – 16 лет. 9 мая 1945 года подняли ребят в детском доме еще до пяти часов утра. Собирались в город Горький в театр. Поезд очень рано, а до станции идти

пять километров. Привели себя в порядок, позавтракали, и вдруг вбегает Наталья Ивановна Малинина – воспитательница, и говорит, что война кончилась, что мы победили. Что тут началось! Все смеются, плачут, обнимаются. Женя сразу вспомнила маму и папу, и ей очень захотелось, чтобы они сейчас стояли и радовались вместе с ней. «Я увижу Катю, – подумала Женя, – найдем Володю и будем жить как раньше! Нет... не так как раньше – без мамы и папы...» Конечно, в театр они не поехали, а стали готовить праздничный вечер с песнями, плясками и вкусным ужином.

После окончания войны бабушка еще некоторое время была в детском доме, а 18 июня их увезли в Ленинград. Там она встретила сестру. Жила в общежитии № 106 на пр. Стачек. Ее определили в ремесленное училище № 2 при Кировском заводе, которое она успешно закончила в 1947 году. Брата Володю сестры так и не нашли. Он числится «пропавшим без вести». Всю жизнь, целых 38 лет, бабушка проработала на Кировском заводе. Ее судьба сложилась хорошо. Сейчас Евгении Васильевне 81 год, она живет на ул. Стойкости, мы часто ее навещаем. Она очень многогранный и эрудированный человек, знает и любит классическую музыку, не пропускает ни одного матча наших футболистов, особенно «болеет» за «Зенит», знает почти всех известных российских спортсменов, переживает за наших биатлонистов, хоккеистов, фигуристов. Интересуется историей, очень любит животных. Моей бабушке соответствует пословица «век живи – век учись...», ведь она постоянно пытается узнать что-нибудь новое и рассказать об этом близким людям. Вспомнит, например, какое-нибудь стихотворение и, пока не узнает его автора, – не уснет. Бабушка постоянно вспоминает дни войны со слезами на глазах, вспоминает ребят, переживших вместе с ней эти страшные дни: Васю Бетаки, Иру Бусарову, Люсю Мартынову, Нину Брилевич, Тамару Тараканову, Риту Ляхову, Валю Яблонскую, Витю Политыкина и других. Многие уже умерли, но на всю жизнь они сохранили дружбу и уважение друг к другу. Василий Бетаки стал известным поэтом-переводчиком. Сейчас живет во Франции. Бабушка награждена орденом Трудовой Славы III степени, памятным знаком «Ветеран труда», она – победитель социалистического соревнования, ударник коммунистического труда.

Мы можем плакать и соболезновать всем, потерявшим родных и близких, сочувствовать перенесшим блокаду. Но, по-моему, надо еще гордиться мужеством людей, сумевших выжить в этом ужасе, ведь каждая улыбка, каждый жест поддержки помогали бороться и приближали нашу Победу.

Воспоминание прислала Солдаева Наталия, ученица 8А класса 147 школы Санкт-Петербурга

Шалыт А. Я.

Получил диплом в самую страшную пору блокады

Кольцо блокады Ленинграда замкнулось 8 сентября 1941 года. Этот день стал для меня особенно памятным. Мы с группой ребят стояли возле урусовских домов недалеко от Пушкинского вокзала и разговаривали. Вдруг в небе послышался гул. Мы подняли головы и увидели армаду фашистских самолетов, которые следовали курсом на Ленинград. Так началась блокада.

Это был не просто массированный налет на город. Бомбы были сброшены на самые крупные Бадаевские продовольственные склады. Немцы были уверены, что теперь население блокированного города не выдержит. Резкое снижение норм продуктов питания приведет к голоду, плюс бомбежки и обстрелы – и люди потребуют от властей сдачи города.

Но не тут-то было. Моральный облик людей, их стойкость, мужество и героизм оказались выше коварных расчетов врага. Более того, от сильнейших морозов и непреклонного сопротивления защитников Ленинграда выдохлись сами захватчики. Жители же осажденного города, несмотря на голод, холод, на то, что смерть выкосила многие тысячи горожан, выстояли.

Страдания и бедствия ленинградцев не убили их интеллект. Многие находили в себе силы посещать Театр музкомедии – единственный, который действовал в то время. Работала Публичная библиотека. Пусть нерегулярно, но занятия шли и в консерватории.

В этот период небольшая группа выпускников нашего Государственного института журналистики, не призванных по состоянию здоровья в армию, должна была получать дипломы. Готовиться к защите нам пришлось голодными, в нетопленных квартирах, при коптилках. В зале Публички, где мы работали, тоже была нестерпимая стужа, но читателей приходило довольно много.

Помню заветный день 1 января 1942 года. Самая страшная пора блокады. Именно в этот январский день мне выпало получать диплом журналиста. Полчаса с опухшими от голода ногами, испытывая сильнейшее недомогание, я поднимался на 3-й этаж института. Там нас поздравили с успехом в преодолении невероятных трудностей и вручили дипломы. Мне удалось сохранить этот драгоценный документ по сей день. Тема диплома: «Тыл фашистской Германии, готовый в любую минуту взорваться».

Потом, когда болезнь отступила, и я достаточно окреп, меня призвали в армию. Я воевал на Калининском и Первом Прибалтийском фронтах. Дважды был ранен. Едва не потерял правую руку, что для журналиста особенно страшно.

За участие в боях награжден двумя орденами и многими медалями. Имею удостоверение блокадника. За многолетний труд в редакции газеты г. Пушкина и большой общественный вклад в его восстановление и развитие удостоен звания почетного гражданина г. Пушкина.

Швоев Илья Алексеевич

Обеспечил надежную охрану водопроводной станции

Непосредственно в боях за Ленинград Илье Алексеевичу участвовать не довелось. Но и на своем участке он внес определенный вклад в защиту города.

После окончания Высшей школы войск НКВД в Москве он был направлен на Ленинградский фронт в 1-ю стрелковую бригаду и назначен начальником 18-го гарнизона по охране особо важных промышленных объектов.

В частности, ему было поручено обеспечить надежную охрану центральной городской водопроводной станции, имевшей большое стратегическое значение. Для жителей близлежащих кварталов провели инструктаж: при появлении вблизи объекта незнакомых лиц немедленно сообщать охране. Всего по докладу постовых и граждан около объекта было задержано 18 неизвестных лиц, у семерых из них обнаружены ракеты, предназначенные для подачи сигналов. В те дни происходило немало случаев, когда при появлении вражеских самолетов ракетами указывались цели для бомбежки и обстрелов. Бдительность охранников была высоко оценена командованием.

После снятия блокады Швоев был направлен на 2-й Белорусский фронт, войну закончил в Берлине. Участвовал в обеспечении Потсдамской конференции глав великих держав.

Но самой дорогой наградой всю жизнь считал медаль «За оборону Ленинграда».

Швоева Мария Ивановна

Свою любовь встретила на базе

Когда началась война, я работала на базе № 4 «Заготзерно» всесоюзного значения. Немцы бомбили день и ночь. Организовали штаб, мы там находились на казарменном положении. Нам выдали противогазы. Начальник штаба организовал посты, у каждого из нас был свой пост по охране базы. А в

свободное от работы время мы ходили на стрельбище, учились стрелять, я стреляла отлично.

В скором времени опустели на базе наши склады. Старики-охранники от голода еле держались на ногах, а затем совсем слегли, лежали в бомбоубежище, а мы вместо них охраняли объект. Кроме стариков была военная охрана МВД, среди них был Илья Алексеевич – мой будущий муж.

Затем нам выдали карточки: рабочим – 200 граммов хлеба, служащим – 150 граммов, иждивенцам – 125 граммов, а вместо крупы давали чечевицу. За хлебом были большие очереди (хлеб долго не привозили), и голодные люди падали в обморок. Я и сама не раз падала в обморок – нас увозили на «скорой помощи» в госпиталь на Советскую. А жила я на площади Островского, д. 9, кв. 29.

Один раз в неделю разрешали поехать домой, чтобы выспаться. Дома мы от голода съели кошку, варили столярный клей, дедушкины ремни, клей казеиновый с отрубями. Дедушка умер от голода и 4 дня лежал в подъезде, а затем его увезли на Пискаревское кладбище на санках. Остальные члены нашей семьи эвакуировались, осталась я одна в четырех комнатах.

Наш дом стоял рядом с воинской частью, немцы часто бомбили, и от взрывов вся посуда падала и билась, летели стекла. А еще во время бомбежек мы тушили зажигалки, засыпали их песком, красили чердак огнеупорной известью и следили, чтобы постоянно на чердаке были песок и лопата.

Три раза у меня подростки вырывали из рук хлеб. На рынке батон стоил 500 рублей. Мы меняли на дуранду простыни, белье, все, что можно было. Покупали на рынке черный сахар, а женщина одна мне подсказала, что можно пойти и самой его выкопать, а не тратить деньги. И я ходила после бомбежки на Бадаевские склады, где сгорело продовольствие, и там копала ложкой сахар вперемешку с землей, ела его – он меня спас от голода. Когда замерзло Ладожское озеро, то в город стали поступать продукты.

В одну из бомбежек я стояла на посту, погода была снежная, и меня взрывной волной от упавшей неподалеку бомбы унесло по ту сторону забора, в воинскую часть. Нашли меня солдаты на третьей сутки и на «скорой помощи» увезли в госпиталь на Советскую. Я не помню, сколько я там пролежала, но когда очнулась, то увидела, что у меня стояли две системы. Я твердила врачам: «Уберите от меня все, ведь я должна идти на пост!»

А еще я однажды чуть не сгорела. Мы приехали с базы копать окопы под Пулково. Рядом в окопах были наши солдаты, начался обстрел. А мы в это время сели кучкой перекусить (у меня была чечевица), много было раненых. Я пощупала ноги – они вроде целы, ничего не болит – и побежала через окопы к сараю, куда нас привезли, мимо наших солдат. Они меня схватили и стали снимать с меня фуфайку, а я не давалась, но они насильно сняли верхнюю одежду. И вдруг вспыхнул огонь, и кофта сгорела – оказывается, что осколок попал в спину фуфайки, и она тлела. Мимо бежала женщина. Она накрыла мои плечи, и так мы с ней добежали до нашей машины.

Потом нас привезли обратно на базу – ее охранял мой будущий муж Илья Алексеевич со своей командой. Он очень честно и добросовестно выполнял свои служебные обязанности. Илья тоже голодал, не мог даже подняться на второй этаж, чтобы доложить, что выполнено задание, а кричал в окно о выполнении.

Мы с мужем зарегистрировали свой брак 11 января 1944 года. После войны его перевели служить в Германию, в г. Шверен, затем в Гёстрепф, Прюнау. Я родила двоих сыновей, но мне было очень трудно кормить детей грудью. Тогда командир части распорядился, чтобы нам привели корову, – стало хватать молока и детям, и нам.

Там же в 1948 году я поступила на курсы бухгалтеров, а после окончания работала счетоводом. А в 1949 году в связи с выездом в СССР мужа отправили учиться в г. Сортавалу на 2 года, а затем перевели в г. Томск. А потом уже мы переехали в Севастополь.

Шервуд Лев Яковлевич

Как мы с мамой спасали отчий дом

Родился в 1932 году, кандидат технических наук, изобретатель-разработчик уникальных приборов и устройств для регистрации землетрясений, электрических и магнитных полей.

Первая блокадная зима

Начало Великой Отечественной войны вместе с мамой и отчимом я застал в Ленинграде. Мне было 9 лет.

Проживали мы в коммунальной квартире вместе с интеллигентной татарской семьей Хаджи-Касумовых в доме на углу Мошкова (ныне Запорожского) пер. и ул. Халтурина (ныне Миллионной). Их семья состояла из бабушки, ее дочери,

имен которых я не помню, а также двоих детей: девочки Марианны лет 13 – 15 и мальчика Ненни 11 – 12 лет. С последним меня связывала большая дружба.

Ненни опекал меня, учил делать из жести консервных банок – самолеттики, из дерева – подводные лодки, которые за счет жестяных винта и рулей глубины могли двигаться и погружаться в воду. В то время с игрушками вообще было плохо, а подобные просто не выпускались промышленностью.

Хорошо помню воскресный солнечный день 22 июня 1941 года. Я собирался поехать к деду [\[2\]](#)²

Дед Льва Шервуда – известный скульптор Леонид Владимирович Шервуд. Автор памятника адмиралу Макарову в Кронштадте. Возглавлял ленинский план монументальной пропаганды. Главный реставратор Эрмитажа. Выполнил первый памятник монументальной пропаганды – памятник Радищеву. Л. В. Шервуд активно занимался педагогической деятельностью: с 1918 года преподавал в бывшей Академии художеств в Петрограде. В 1933 году выполнил знаменитого «Часового», ставшего каноническим образцом соцреалистической скульптуры. Похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища.

[\[Закреть\]](#) в Полустрово на автобусе № 2, который ходил тогда от Кировского завода до больницы Мечникова. Он останавливался напротив нашего дома, и мама уже два года позволяла мне самостоятельно ездить на нем. В этот день мама сходила в магазин и купила кое-каких продуктов, чтобы послать со мной, поэтому мой отъезд задержался до двенадцати часов.

И в это время, когда мы уже шли к автобусной остановке, из черных рупорообразных уличных громкоговорителей зазвучало выступление тогдашнего Председателя СОВНАРКОМа СССР В. М. Молотова, объявившего о вероломном нападении на нашу страну фашистской Германии и начале войны.

Мама изменилась в лице, а я стал ее успокаивать и говорить, что Красная армия скоро разобьет фашистов. Знал бы я тогда, насколько мальчишеским было мое заблуждение.

До начала июля город практически не бомбили.

Свято веря в пакт Молотова – Риббентроппа о ненападении, игнорируя многочисленные предупреждения нашей агентуры в Германии и других странах, а также наших зарубежных друзей, после почти двухнедельного молчания к стране, как побитая собака, обратился «отец народов» И. В. Сталин. Обратился с беспрецедентными до того словами «братья и сестры...», призвав к

«священной войне» против вероломно напавшей на СССР фашистской Германии. Он и его сатрапы проявили преступную близорукость, доверившись пакту Молотова – Риббентропа, игнорируя сообщения друзей о грядущем нападении фашистов на нашу страну.

Передаваемые ежедневно по радио сводки с фронтов были полуправдой. В них говорилось о том, что после тяжелых и продолжительных боев наши войска оставили тот или иной город и населенный пункт, при этом было уничтожено такое-то количество фашистов – однако наши потери явно занижались.

Впоследствии выяснилось, что из-за бездарно организованной обороны, физического уничтожения наиболее талантливого комсостава, отсутствия современного вооружения (и даже недостатка старого) потери Красной армии убитыми, ранеными и пленными только в первые месяцы войны составили более 5 миллионов человек! Таких потерь не было за всю историю войн человечества!

Понятно, укажи в сводках фактические потери нашей армии, паника была бы еще больше. В разговорах жителей, случайным свидетелем которых мне приходилось быть, панических и капитулянтских настроений я не ощущал. Относить это только к тому, что в условиях военного положения за подобные высказывания можно было попасть под трибунал, я бы тоже не стал.

Бомбардировки города немецкими самолетами начались по мере приближения врагов к нам. В первой половине июля они захватили практически всю Прибалтику с построенными как бы специально для них аэродромами – отсюда, ввиду географической близости, самолеты могли летать к Ленинграду по несколько раз в день. Противовоздушную оборону города организовать еще не успели, неким препятствием для немецких летчиков стали лишь белые ночи.

Наших самолетов-истребителей, которые могли бы сбивать вражеские бомбардировщики, в это время практически не было видно и слышно. Зато в Неву стали входить и становиться на якоря военные корабли, преимущественно эсминцы и сторожевики, имевшие на вооружении достаточно мощную противовоздушную артиллерию и спаренные или счетверенные пулеметы.

Наибольшее количество кораблей, в том числе и легендарная «Аврора», стояли между Дворцовым и Николаевским (тогда Лейтенанта Шмидта) мостами и за последним вблизи судостроительных заводов и Торгового порта. Там же стояли одни из наиболее мощных тогда кораблей Балтийского флота – линкор «Марат» и крейсер «Киров». Эта зона была фактически закрытой для гражданских лиц,

но мы, мальчишки, умудрялись разглядывать мачты и верхние части кораблей с середины Дворцового моста.

Выше по течению Невы между Дворцовым и Троицким мостами кораблей практически не было, зато на стрелке Васильевского острова и на пляже Петропавловской крепости защитники города установили зенитные батареи и прожектора, обложив их мешками с песком и закрыв маскировочными сетками.

На правом берегу Невы выше Троицкого моста зенитные батареи стояли на Петроградской стороне около Нахимовского училища, а также напротив них на Выборгской стороне около Военно-медицинской академии.

Еще выше по Неве за Литейным мостом на правом берегу батареи, если мне не изменяет память, стояли только перед Финляндским вокзалом, имеющим впоследствии крайне важное значение как железнодорожное начало Дороги жизни. Далее выше по течению правый берег для этих целей, очевидно, использовать было нельзя ввиду его оползневого характера, так как при артиллерийских залпах берег мог обваливаться.

Вероятно, по этой причине сразу после окончания Великой Отечественной войны с берега на промежутке между Арсенальной ул. и Пискаревским проспектом были сняты трамвайные пути, а сам он подвергся укреплению.

Кораблей на этих участках Невы я не видел – здесь у нее очень сильное течение и, судя по всему, дно, не подходящее для установки на якоря.

Как показало дальнейшее развитие событий, такое расположение точек противовоздушной обороны оказалось наиболее эффективным и помогло сохранить впоследствии от яростных многочисленных бомбежек исторический центр города.

И вот закончилось время тревожного ожидания и рухнула слабая надежда на то, что немцы не начнут бомбить город, поскольку Красная армия сумеет их остановить.

Однако прорыв немцами Лужского рубежа и участвовавшие полеты их самолетов-разведчиков, которые пытались сбить или отогнать зенитками, заставил защитников города принимать и другие оборонные меры.

В частности, было рекомендовано производить тщательное затемнение окон при включении в помещениях электрического освещения. Специальные патрули, которые ходили по улицам в вечернее и ночное время, следили за тем,

чтобы ни одна полоска или лучик света не проникали наружу. Советовали также заклеивать крест-накрест полосками бумаги стекла окон, чтобы при взрывах бомб, а впоследствии и снарядов они меньше разлетались на осколки и не так ранили людей.

Позолоченные купола и шпили, являющиеся прекрасными ориентирами для наводки при бомбежках и артобстрелах, чехлились или покрывались серой краской. Раньше времени были закрыты доски все скульптуры Летнего сада, Аничкова моста, памятники Петру Великому, Николаю Первому, Екатерине Великой, М. И. Кутузову и Барклаю де Толли.

И конечно, большое впечатление на всех, и на меня, производили появившиеся в городе аэростаты. По форме они напоминали дирижабли, которые уже не были редкостью до войны, но отличались от них значительно меньшими размерами и простотой. Военнослужащие ПВО, в основном молодые женщины в гимнастерках и пилотках, перемещали их вручную по улицам, держа за специальные поручни, расположенные по бокам.

Аэростаты в ночное время или в пасмурную погоду с низкой облачностью на привязи поднимали в воздух – они являлись заградительным средством от вражеских самолетов. Эффективность их, как показал опыт войны, была невысокой. Даже нам, мальчишкам, тогда было ясно, что выше их расположения (а у них были ограничения по высоте, связанные с длиной и прочностью веревок, за которые они, как воздушные змеи, крепились) немецкие самолеты могли летать безнаказанно.

Скорее всего, здесь расчет делался больше на психологический эффект. Более действенными, как показало дальнейшее, были зенитки. Их наводили тогда только вручную на самолеты при помощи звуколокаторов, принимающих посредством огромных рупоров шум от двигателей самолетов и указывающих направление на них. Как выяснилось впоследствии, англичане, которые первые испытали на себе массированные бомбардировки немцев еще в 1940 году, уже тогда использовали гораздо более эффективную радиолокацию, а наши специалисты в этой области или были расстреляны, или сидели в лагерях. И в этой области наша оборона оказалась непростительно оголена из-за безграмотной стратегии Сталина и его окружения. Тогда свидетельством нашего отставания вообще в области радиоэлектроники было почти полное отсутствие у населения ламповых гетеродинных радиоприемников, которые способны были принимать радиосигналы в диапазоне длинных, средних и коротких волн.

У многих, в том числе и в нашей семье, был допотопный, огромных размеров детекторный радиоприемник прямого усиления, принимающий крайне неустойчиво радиосигналы только в диапазоне длинных волн, причем слушать их можно было исключительно через наушники, которые теперь называются телефонами. И этот, так называемый радиоприемник родителям пришлось сдать органам, поскольку было такое распоряжение, а его нарушение грозило крупными неприятностями.

Сильное впечатление оказывали на нас располагающиеся преимущественно на грузовиках прожектора, способные после окончания белых ночей и наступления темноты нащупывать и высвечивать своими длинными лучами вражеские самолеты, которые, попав в их перекрестие, становились мишенями для зениток.

Первый раз мы спустились в бомбоубежище в августе 1941 года, когда начались регулярные ночные налеты фашистских бомбардировщиков.

О начале бомбардировки оповестил зловещий вой сирены из репродуктора, при этом диктор настоятельно рекомендовал гражданам спуститься в бомбоубежище. Однако в нашем, сравнительно небольшом, трехэтажном доме оно отсутствовало, и нам приходилось бегать в соседний, напротив нашего, дом по Мошкову переулку.

В тесном подвале, наспех переоборудованном в бомбоубежище, скапливалось много народу из этого и соседних домов. Мысль о том, что в случае попадания бомбы в этот дом мы окажемся погребенными под ним, естественно не вызывала у нас и у многих оптимизма. По этой причине, побывав там один или два раза, мы перестали туда ходить.

Вообще, со временем чувство страха при бомбардировках как-то притупилось, если не исчезло вовсе. Дальнейшее пребывание в блокадном городе показало, что человек ко всему может привыкнуть!

Мальчишеское любопытство, несмотря на предостережение матери и отчима, тянуло меня на крышу дома. **В это время немцы при бомбардировках начали часто применять небольшие по размеру, но начиненные термитом зажигательные бомбы. Их коварство состояло в том, что, даже не пробив крышу из-за малой массы, не более 10 кг, они, оставаясь на ней, легко прожигали кровельное железо и вызывали пожары в деревянных перекрытиях домов.** Для их своевременного сбрасывания с крыш и тушения из гражданских лиц были сформированы специальные бригады, оснащенные

брезентовыми рукавицами, совковыми лопатами, ломами, песком и иногда огнетушителями, которые были в дефиците.

Работа эта была весьма опасной из-за ежеминутной возможности сорваться с крыши, обжечься или попасть под осколки собственных зенитных снарядов. Бригады состояли из людей разных профессий, далеких от пожарных, возраст которых зачастую приближался к пенсионному. В составе одной из таких бригад состоял выдающийся композитор Д. Д. Шостакович, страдавший сильной близорукостью и мало приспособленный к такого рода деятельности интеллигент. Еще в начале блокады он был эвакуирован, кажется в Ташкент, где и написал свою знаменитую 7-ю (Ленинградскую) симфонию.

Несмотря на то что я боялся высоты, меня все же тянуло на чердак нашего дома, где находилось так называемое слуховое окно, через которое можно было вылезти на крышу или смотреть на небо во время налета.

И вот во время одного из налетов я смотрел на испещренное прожекторными лучами и эпизодически освещаемое взрывами зенитных снарядов ночное небо, как вдруг в перекрестье лучей появился силуэт немецкого самолета. Он пытался вырваться из этих объятий, осуществляя различные маневры, однако вскоре к двум лучам присоединились еще два, не давая самолету вырваться в темноту. Взрывы зенитных снарядов все больше приближались к самолету, как бы сжимая его в кольцо, и, наконец, я увидел на его месте вспышку, а через некоторое время купол раскрывшегося парашюта немецкого летчика. Во время спуска, пока я имел возможность это наблюдать, лучи прожекторов не отпускали его.

Другой раз мне довелось с того же места наблюдать уже картину воздушного боя между немецким и советским самолетами. Как и в первый раз, в перекрестье лучей прожекторов попал немецкий самолет, но вдруг в одном из лучей появился другой, который через мгновение врезался в хвост первого. После этого оба самолета хаотично стали падать на землю.

На следующий день по радио сообщили, что в небе над Ленинградом во время ночного воздушного боя, расстреляв все боеприпасы, советский летчик, фамилию которого я, к сожалению, не запомнил, таранил в хвост фашистский самолет, при этом оба летчика погибли. Одновременно диктор отмечал героизм летчика, который приумножил аналогичные подвиги других советских летчиков, и добавил, что в ленинградском небе это произошло впервые.

С наступлением темных ночей немцы для освещения предназначенных для бомбардировок объектов города использовали специальные средства. На

парашютах с самолетов сбрасывали устройства, начиненные пиропатронами, которые автоматически на определенной высоте взрывались, образуя большие, наподобие современных фейерверков, точечные источники мертвенно-белого света. Я бы сравнил его со светом от недавно появившихся у нас в продаже светодиодных фонариков.

Продолжительность свечения немецких пиропатронов была значительно больше, чем у фейерверков, что, очевидно, позволяло фашистским летчикам лучше рассматривать город сверху. В качестве явно психологического оружия при бомбежках немцы использовали звуковые приемы. Летящие самолеты, кроме естественного шума, создаваемого моторами, издавали жуткий вой, аналоги которому трудно было найти. Поначалу он, действительно, вызывал у некоторых людей панику, но в дальнейшем к этому также стали привыкать. Как потом выяснилось, чтобы добиться такого устрашающего звука, немцы подвешивали на выхлопные трубы двигателей самолетов выполненные из консервных банок специальные устройства. Даже нам, детям, тогда было известно, что если на продуваемом ветром чердаке положить порожнюю железную банку, сориентированную навстречу движению воздуха, то она создает подобные воющие звуки!

Помимо этого для наводки авиабомб немцы использовали специальных агентов, которые вблизи подлежащих бомбардировке объектов производили из ракетниц очереди, которые прозвали «зелеными цепочками». Несмотря на введенный в городе комендантский час, запрещающий гражданам без специальных пропусков появляться на улицах после 22 часов, то тут, то там над крышами домов взмывали в небо эти ракеты. Через слуховое окно на чердаке мне довелось несколько раз наблюдать их появление.

Одновременно с воздушными налетами немцы сбрасывали на город массу листовок, в которых призывали военнослужащих и жителей сдаться на милость победителей, утверждая, что сопротивление бесполезно, но тем, кто сохранит листовки и предъявит их немецкому командованию, сохранят жизнь. В свою очередь городские власти предупреждали, что хранение или передача немецких листовок другим лицам будет преследоваться по законам военного времени.

В августе 1941 года началась почти принудительная эвакуация жителей из города. Были предприняты попытки отправить в эвакуацию и нашу семью, но каким-то образом мама и отчим сумели этого избежать. В это же время собрался в эвакуацию академик С. И. Вавилов, известный физик-оптик, впоследствии президент АН СССР. Его супруга, двоюродная сестра моего отчима, обратилась к нему с просьбой на время их отсутствия переселиться в их квартиру,

находящуюся в академическом особняке возле университета на Васильевском острове. Основная их просьба при этом заключалась в том, чтобы по возможности сохранить огромную библиотеку, рукописи и другие ценные материалы, связанные с научной деятельностью академика, которые физически не представлялось возможным взять с собой.

Мама и отчим не могли отказать им в их просьбе, к тому же глупо было бы лишиться себя возможности пожить какое-то время в более комфортных условиях по сравнению с нашими.

Итак, забрав самые необходимые вещи, мы в день отъезда Вавиловых перебрались в их квартиру. Остальные вещи мы собирались перетащить постепенно. В первую же ночь после нашего переезда произошел массированный налет фашистской авиации на город, обошедший стороной эту часть Васильевского острова, а утром, когда мы пришли в нашу квартиру за вещами, то увидели страшную картину! Дверь в комнату, где мы проживали, была сорвана с петель, рамы с выбитыми стеклами валялись на полу, моя кушетка стояла дыбом, а вся комната покрыта стеклянными осколками, поваленными стульями и пр. Оказывается, в ту ночь во время налета вражеской авиации во дворе, куда выходило окно нашей комнаты, разорвалась попавшая туда бомба. Останься мы там – шансов выжить у нас бы не было. Наши соседи Хаджи-Касумовы при этом практически не пострадали, так как их окна выходили на улицу с противоположной стороны. Однако эта семья впоследствии не избежала трагической участи многих других ленинградцев – умереть от голода. Каким то чудом спаслась только Марианна, но дальнейшая ее судьба для нас осталась неизвестной.

В сентябре месяце, когда вражеские авианалеты стали практически регулярными, немцам удалось зажигательными бомбами поджечь основной источник продовольствия города – Бадаевские склады, находящиеся недалеко от Московского вокзала. Никогда не забуду выражения лиц людей, собравшихся на набережной, чтобы смотреть на эту жуткую картину. Большинство из них прекрасно понимало, чем чревата для ленинградцев гибель такого огромного количества продуктов ввиду сжимающегося кольца грядущей блокады.

К небу вздымались зловещие столбы смоляно-черного дыма, а ниже их колыхались темно-красные языки пламени. Зарево было видно хорошо с Университетской набережной. Необыкновенный цвет дыма и пламени, как говорили, был вызван горением сахара, круп и подсолнечного масла. Последствия этого пожара, а также сброшенных с вражеских самолетов пропагандистских листовок, да и просто распространяемых фашистскими

агентами слухов о грядущем голоде и скорой сдаче нашими войсками города не заставили себя ждать. С полок магазинов быстро исчезли практически все продукты питания.

Моя мама и отчим проявили полную нерасторопность в этом деле и не сумели сделать никаких запасов. Вскоре в Ленинграде была введена карточная система, но даже по карточкам нельзя было полностью отовариться. Был один эпизод, о котором мама рассказывала с чувством вины. Как-то раз, когда она находилась в квартире на Мошковом переулке, пришел ее младший брат Даниил, который служил в то время где-то на Ленинградском фронте. Он обещал нашим соседям, Хаджи-Касумовым, принести кое-какие продукты в обмен на переданную ему от них бутылку спирта, но обманул и больше не появился. В связи с предстоящей эвакуацией моей тети Норы мы с мамой пошли проститься с ней, ее мужем и детьми на Петроградскую сторону, где они жили в доме на углу Кронверкского пр. и Большой Пушкарской ул. Никогда не забуду, как их двухгодовалая дочка Оля плакала и просила: «Хеба, хеба!»

Попрощавшись, мы вышли на Большой проспект и пошли домой в сторону Тучкова моста по правой стороне. И вдруг начался артиллерийский обстрел, и снаряды начали разрываться совсем рядом. Мы с мамой перебежали на противоположную сторону, откуда, судя по всему, летели снаряды и где бы мы находились под защитой самих домов.

Однако, не чувствуя себя здесь в полной безопасности и боясь попасть под осколки снарядов при их разрывах, заскочили в старейшую на Петроградской стороне аптеку, находящуюся на Большом пр. вблизи Введенской ул. После окончания артобстрела мы почти бегом поспешили на Васильевский остров, но при этом очень боялись, как бы он не застал нас снова на Тучковом мосту, где от него невозможно было бы укрыться.

Уже тогда мы понимали, что мосты являлись для немцев наиболее важными объектами, которые следовало разрушить, чтобы парализовать жизнь Ленинграда.

После 8 сентября, когда фашисты замкнули кольцо блокады, артобстрелы города стали регулярными и на многих улицах появились написанные на стенах домов объявления «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!». В настоящее время единственное объявление такого рода в виде памятной доски осталось на Невском проспекте.

Кстати, по Невскому тогда еще ходили трамваи, один из них № 4, у которого, как и у других, было два кольца: одно из них на острове Голодай

(о. Декабристов), а другое – около Волкова кладбища. В связи с этим в блокаду бытовала пословица: «Живу, как трамвай четвертый номер: поголодаю-поголодаю, а затем на Волково кладбище!»

Вскоре трамвайное и троллейбусное движение в городе было прекращено – не хватало электроэнергии. Автобусное движение ввиду дефицита бензина остановилось еще раньше. Кроме того, было введено военное положение и запрещено массовое скопление людей в одном месте.

Почти поголовно рабочих и служащих переводили на казарменное положение, при котором они вынуждены были жить там, где работали, и только изредка могли наведываться к себе домой и навещать близких. Эта мера позволяла частично сохранять угасающие от голодного истощения силы, иметь более оперативную медицинскую помощь и, конечно, повысить производительность труда! В связи с этим улицы города даже в дневное время выглядели пустынными.

Трехкомнатная квартира Вавиловых располагалась на втором этаже левой половины особняка, вход в нее находился под аркой.

Несмотря на то что в этом доме, как и во многих других домах города, была собственная котельная, обеспечивающая водяным отоплением квартиры, она так и не начала работать с наступлением холодов. А последние не заставили себя ждать! И нам пришлось из жилого помещения перебраться на кухню.

Для обогрева помещения и приготовления пищи, если ее можно было так называть, родители где-то раздобыли сделанную из листового железа маленькую круглую печку, так называемую буржуйку. Как они говорили, у них уже был печальный опыт пользования буржуйками во время революции и Гражданской войны!

Круглую железную трубу, имеющую форму колена, предназначенную для вывода дыма из буржуйки, вывели наружу через форточку. Поначалу для топки удавалось использовать оставшиеся во дворе дрова, доски, щепки и другие деревянные обрезки, но вскоре, поскольку мы не были одиноки в такой ситуации, все они были сожжены. Топить мебелью, как это делали тогда многие, мы не решались не только потому, что она была старинной и добротной, но и потому, что ее явно не хватило бы надолго!

Спасение пришло неожиданно. Во дворе возле стены дома была обнаружена присыпанная снегом куча угля, которым мы стали топить буржуйку. Хотя процедура топки углем более сложна, во имя собственного спасения пришлось

освоить и ее. Дело в том, что для растопки в этом случае все равно необходимы дрова или керосин (можно и бензин), которые были в остром дефиците, поэтому приходилось все время поддерживать в топке огонь, как у первобытных людей. Кроме того, это позволяло не замерзнуть нам даже на кухне.

Выковыривать уголь из замороженной кучи, набирать его в ведро и приносить на кухню приходилось, в основном, мне даже в сорокаградусный мороз! Неудивительно, что при этом я отморозил себе ноги и руки, последствия чего ощущаю до сих пор.

Неменьшие проблемы были вызваны отсутствием водопроводной воды.

В связи с ранними морозами и отсутствием центрального отопления стали рваться трубы и поступление воды в квартиру прекратилось. Поначалу мы ходили за водой в Институт акушерства и гинекологии им. Отта, где водопровод еще работал, но это продолжалось недолго. После этого за водой мы ходили за полкилометра на Неву.

Воду носили в ведрах и бидонах сначала в руках, но впоследствии стали возить на детских саночках.

Пока Нева не успела у берега покрыться льдом, воду черпали ведрами прямо со скользких ступенек гранитной набережной с риском свалиться в реку, поскольку держаться там практически было не за что. Трудно передать ощущение ослабленного голодом человека, которому приходилось в руках нести наполненные водой ведра!

Когда Неву у берега сковало льдом, воду стали доставать из проруби, причем люди, как могли, старались не дать ей замерзнуть, раскалывали все время нарастающий лед, чем попало, а также накрывая прорубь сверху. Но пришло время, когда ходить на Неву нам стало невмочь. Слава Богу, что наступившая зима была не только морозной, но и снежной, причем снег был сравнительно чистый. Мы собирали его в ведра, а образовавшуюся при таянии воду использовали для питья, предварительно прокипятив на буржуйке, и мытья, а скорее обтирания при помощи намоченной в ней тряпочки лица и рук. Вода эта, естественно, была невкусной, но и она спасала нас от обезвоживания организма. Более вкусной она была, когда удавалось найти и отколоть куски льда и также растопить их. Однако эта работа с каждым днем становилась все труднее и труднее.

Когда немцы захватили большую часть левого берега Невы, вывели из строя 5-ю и 8-ю ТЭС, а также прервали поступление электроэнергии от Свирской и

Волховской ГЭС, наш и большинство других гражданских домов города остались без электрического освещения. И снова пригодился родительский опыт освещения (полученный во время Гражданской войны) – при помощи коптилки. Она представляла собой жестяную баночку со съемной крышкой, в центре которой вертикально к ней впаивалась трубочка. В нее просовывался фитиль, изготовленный, как правило, из скрученной тряпки или пучка ниток, один конец которых торчал сверху, а другой, более длинный, – снизу, и впитывал в себя керосин или масло, налитые в баночку. Верхний конец фитиля поджигался и тускло освещал небольшое пространство вокруг себя наподобие лампадки, но в отличие от нее источал малопрятный запах. При таком свете читать было практически невозможно, да и необходимость в чтении отпала – не до того!

Пищевой рацион к этому времени свелся до минимума. Весьма скудные запасы продуктов кончились, а по карточкам стали выдавать только по 125 граммов (осьмушке) хлеба. Этот, с позволения сказать, хлеб представлял собой ломтик, а скорее, брусочек вязкой коричнево-черной массы, из которой со всех сторон торчали какие-то волоски, похожие на опилки. По вкусу он почти не напоминал хлеб, но даже к нему, как к единственному средству выживания, выработалось благоговейное отношение.

Видели бы вы, с каким напряжением смотрели все мы, стоящие в очереди за хлебом, за действиями продавщицы, отрезающей от буханки эти мизерные кусочки и кладущей их на одну из тарелок рычажных весов, в то время как на второй уже лежали соответствующие весу гирьки.

Правильно взвешенным считался хлеб только тогда, когда клювики весов в результате долгожданного равновесия устанавливались друг против друга.

Как правило, достичь его удавалось при помощи так называемых довесков-кусочков этого хлеба, добавляемых к взвешиваемому куску. При тусклом освещении прилавка керосиновой лампой у недобросовестных продавцов появлялась возможность для обвешивания покупателей разными способами.

Самым распространенным являлся следующий: продавец незаметно пальцем левой руки отжимала книзу подвижную часть весов под тарелкой, на которую помещался взвешиваемый хлеб, как бы увеличивая его вес.

Другим способом был тот, когда у гири высверливались снизу отверстия, которые маскировались, благодаря чему ее вес значительно уменьшался, и вместо 125 граммов хлеба покупатель получал 90 – 100 граммов.

При обнаружении этого жульничества, продавцов сурово карали, однако случалось это редко.

Употребление такого хлеба вызывало запоры. Это усугублялось также тем, что в нашем пищевом рационе отсутствовала жидкая горячая пища: каши и супы. Одно время нас подкармливали в Институте и клинике Отта грудным молоком, не использованным роженицами в связи со смертью новорожденных, а также горчичным супом, в котором, кроме растворенной в кипятке сухой горчицы, больше ничего не было!

Даже в состоянии голода, когда я готов был, кажется, съесть все мало-мальски съедобное, один раз попробовав этого молока и супа, больше к ним не прикоснулся! Наверно, до конца жизни у меня в памяти останется сладковатый вкус чужого грудного молока и горчичного супа. Однако моя мама и отчим не пренебрегали ими, а также пробовали варить и есть суп из столярного клея! Наверно, поэтому моя мама (она дожила почти до 94 лет) всю оставшуюся жизнь страдала желудком и регулярно принимала лекарства.

Мой отчим, Михаил Вениаминович Хвостов, был профессиональным музыкантом: виолончелистом и дирижером.

К началу Великой Отечественной войны ему было около сорока.

В период «потепления» отношений с фашистской Германией в 1939 году, когда был заключен пакт Молотова – Риббентропа и отношения между нашими странами стали почти дружескими, он в составе делегации советских музыкантов посетил их страну.

Помню, что оттуда он вернулся полный впечатлений, граничивших с восторгом. Будучи большим поклонником немецкой классической музыки, он восхищался дирижерским и исполнительским искусством немцев, их высокой музыкальной культурой. Привез оттуда много нот инструментальной музыки: трио, квартетов и квинтетов, часть из которых сохранилась до сих пор. Кроме того, он купил там несколько костюмов, в том числе так необходимый музыканту фрак, плащ, шляпу и, конечно, репродукции портретов ряда немецких композиторов.

Привез он также книгу А. Гитлера «Майн Кампф» (Моя борьба), которая тогда не была под запретом в СССР. Он хвалил немецкий порядок, чистоту городских улиц, которые тогда мылись с мылом, трудолюбие и ответственность людей.

Когда началась война, он говорил моей маме, что с приходом немцев у нас, наконец, тоже установятся порядок и нормальная жизнь. Знал бы он, во что на

самом деле выльется их вторжение и как оно скажется на его собственной судьбе. Дело в том, что в сентябре 1941 году по городу уже были расклеены афиши, извещавшие о концерте в Большом зале филармонии симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета, который должен был исполнить под руководством дирижера Михаила Хвостова симфоническую поэму Н. А. Римского-Корсакова «Ша*ensored*еада».

К этому времени уже замкнулось кольцо блокады, начался голод, и филармония прекратила работу, однако расклеенные по городу афиши еще долго висели на специальных столбах цилиндрической формы. Только в августе 1942 года, впервые после перерыва, в уменьшенном составе, этот оркестр под руководством своего художественного руководителя Карла Ильича Элиасберга сумел исполнить в Большом зале филармонии знаменитую Седьмую (Ленинградскую) симфонию Д. Шостаковича.

Из нас троих мой отчим, которого я называл дядя Миша, с наступлением голода начал сдавать первым. Будучи высокого роста, но от природы худощавым, он, несмотря на то что занимался спортом: плавал на байдарках (тогда они не были разборными и делались из фанеры), летал на планерах, прыгал с парашютом и хорошо ходил на лыжах, дистрофией заболел раньше нас. К этому времени мы все переселились на кухню, где находилась печка-буржуйка, так как в остальных комнатах из-за отсутствия отопления жить было невозможно.

С каждым днем отчим слабел все больше и больше, вставая с постели только по мере необходимости. Поскольку водопроводной воды не было, пользоваться туалетом не представлялось возможным и для этих целей пришлось применить ведро, которое мы с мамой выносили по очереди во двор и тут же выливали. Ни о каком мытье, кроме обтирания лица и рук влажной тряпкой, слегка смоченной водой, не приходилось и думать!

В конце января 1942 года, после временного отсутствия выдачи хлеба по карточкам (говорили, что не работал хлебозавод), его норму увеличили до 250 граммов.

Хорошо помню это солнечное морозное утро, когда мы с отчимом, еле передвигая ноги, направились в ближайшую булочную, которая находилась тогда в Биржевом переулке. Как только мы спустились по лестнице и вышли из дома под арку, увидели слева во дворе веревочное ограждение с красными флажками и военных за ним. Увидев нас, они закричали, чтобы мы скорее проходили, так как во двор упала неразорвавшаяся бомба, которую старались обезвредить саперы.

Мы с отчимом, насколько позволили нам силы, постарались, не мешкая, покинуть арку и, свернув налево, медленно двинулись в сторону булочной. Через какое-то время, отоварившись хлебом, пошли обратно к дому. Когда до арки нам оставалось дойти метров тридцать, раздался оглушительный взрыв. Свернув в нее, мы увидели в глубине двора огромную воронку и сразу поняли, что это взорвалась авиабомба, которую саперы не смогли обезвредить.

Впоследствии мы узнали, что все они погибли. Полное состояние апатии не позволило нам в тот момент даже взглянуть в сторону образовавшейся воронки и полюбопытствовать, остался ли там кто-либо в живых? Двигало нами только желание скорей утолить чувство нестерпимого голода только что полученным после большого перерыва похожим на глину черным хлебом.

Тогда мы еще не знали, что при дистрофии, когда желудок человека сильно уменьшается в объеме и перестает переваривать пищу, нельзя сразу набрасываться на еду, так как может возникнуть заворот кишок. Мы с мамой, скорее инстинктивно, решили распределить хлеб на этот и последующие дни, но отчим решил утолить свой голод сразу. **На всю оставшуюся жизнь я запомнил жуткую картину нечеловеческих мучений умирающего на наших глазах человека, которому мы ничем не могли помочь!**

Он стал корчиться от невыносимых болей в желудке, вызванных, очевидно, страшным запором, но сдерживал стоны. Затем дядя Миша впал в полузабытье и стал напевать мелодии Баха, Моцарта, Шуберта. Этих композиторов он любил больше других, и их музыка, которая, очевидно, звучала в его душе, помогла ей уйти в лучший мир.

После этого у нас с мамой возникла проблема, что делать с покойником. Оставлять его на кухне, где мы жили в относительном тепле из-за наличия буржуйки, было нельзя, так как труп неизбежно стал бы разлагаться. Помощи нам ждать тогда было неоткуда. Необходимо было перетащить труп на первое время в соседствующую с кухней гостиную. Как это сделать двум дистрофикам-доходягам, как тогда нас называли?!

Мама вообще была миниатюрной женщиной, а тогда из-за голода и вовсе стала похожа на девочку-подростка, а я, десятилетний, – на пяти-шестилетнего мальчика. Постелив около кушетки, на которой он лежал, найденную в квартире дорожку-половик, мы, собрав все силы, сумели свалить на нее труп.

Только на следующий день мы с мамой, взявшись за концы половика, начали пытаться вытащить труп из кухни. Сейчас я уже не помню, сколько времени мы вытаскивали его за дверь, хотя старались сделать это побыстрее, чтобы не

выстудить кухню, ведь в прихожей в это время была практически уличная температура. Термометра у нас тогда не было, но снег и лед лежали на подоконнике в прихожей.

Далее необходимо было перетащить труп в столовую, в которой он мог бы лежать, не разлагаясь, достаточно долго, пока не удастся его отправить на кладбище. Самым сложным делом оказалось перетащить труп в столовую из прихожей, поскольку нужно было преодолеть две или три ступеньки вверх. Нам пришлось буквально перекачивать его со ступеньки на ступеньку, чтобы поднять в столовую и там оставить.

О том, чтобы лично сопровождать тело на кладбище, не могло быть и речи: нам с мамой даже до ближайшего, Смоленского, находившегося от нас в трех километрах, было бы не дойти! Убирали и увозили трупы с улиц, из подъездов и подворотен в то время специальные санитарные команды, но по квартирам они не ходили, и ждать их прихода было бессмысленно. Однако через несколько дней к нам поднялись и постучались в квартиру двое мужчин-дистрофиков, которые предложили за буханку хлеба забрать и отвезти тело Миши на Смоленское кладбище на санках. Помню, что мы могли им дать только полбуханки, но они согласились и на это.

Никогда не забуду стук обледеневшего тела о ступеньки, когда они его стаскивали вниз. У нас с мамой не было сил, чтобы проводить отчима в последний путь хотя бы до парадной! Кто знает, может быть, они бросили его на улице тут же, около дома, где он был подобран санитарями, свезен на кладбище и похоронен в братской могиле!

К сожалению, мне до сих пор неизвестно кладбище, где он мог быть похоронен! Как известно, самое массовое захоронение блокадников находится на Пискаревском мемориальном кладбище, где, по официальным данным, покоятся 500 тысяч жителей, а на самом деле около миллиона! Дело в том, что в советское время истинные цифры погибших за время блокады преднамеренно занижались. Судя по всему, основной причиной этого являлись недоброжелательное отношение московской власти к нашему городу (вспомним Ленинградское дело 1949 года с массовыми репрессиями), а также плохой учет количества погибших.

Кроме Пискаревского кладбища братские могилы, но не такие крупные, образовывались почти на всех других крупных кладбищах города, например Серафимовском, Волковском, Большеохтинском, Богословском и др. Что касается ближайшего к нам Смоленского кладбища, куда, по логике, должны были свезти Мишу, то там я братскую могилу не обнаружил.

Я с чувством глубокой благодарности вспоминаю своего первого отчима, талантливого музыканта, дирижера и педагога, с которым прожил всего пять лет, поскольку он на всю оставшуюся жизнь привил мне любовь к музыке, нашел во мне музыкальные способности и определил меня в музыкальную школу по классу скрипки.

Итак, мы с мамой остались совершенно одни! Никакой связи с родственниками, которые могли остаться в отчем доме в Полюстрове, у нас не было, так как ни телефон, ни транспорт в городе не работали, а пешком пройти это расстояние у нас не было сил.

Если раньше за хлебом в булочную мы ходили вдвоем с Мишей, то теперь это пришлось делать мне одному. Как-то, получив по трем карточкам, включая Мишину, сразу за несколько дней целую буханку хлеба, я засунул ее за пазуху пальтишка и направлялся в сторону дома. Вдруг **на меня налетел и толкнул в сугроб какой-то мужчина, при этом вырвав из-за пазухи долгожданную буханку. Я закричал и пытался отобрать ее, но силы были слишком неравные. Никогда не забуду его глаза – глаза голодного зверя, который готов был убить и растерзать меня из-за буханки.** Место, где это произошло, Биржевая линия, не было безлюдным, но никто за меня не вступился, да, судя по всему, и не смог бы при всем желании!

Для нас с мамой это оказалось серьезнейшим испытанием, так как в доме не оставалось ни корки хлеба и даже сварить было нечего!

До сих пор не могу понять, как нам удалось выжить? Видно, это было угодно Господу! Маме где-то удалось достать дуранды, которая представляла собой спрессованные жмыхи – корм для животных: коров и свиней. Вид и размер у них был как у плиток шоколада, только есть их, не размочив предварительно в воде, было невозможно, так как они были настолько твердыми, что можно было сломать зубы! Я еще как-то умудрялся понемногу откусывать от них маленькие кусочки: так хотелось есть, а мама не решалась!

До Нового 1942 года мы изредка общались с приходящими к нам Иваном Фоминым, впоследствии академиком архитектуры, и главным архитектором Ленинграда, известным уже тогда архитектором Виктором Твелькмейером, и другими интересными людьми, а после Нового года к нам изредка заходили живущие выше нас этажом жена и дочь известного уже тогда создателя телескопа-рефрактора академика МаксUTOва. Сейчас же к нам никто не заходил, и мы чувствовали себя одинокими и никому не нужными!

И вот как-то поздним вечером, когда мы с мамой уже собирались ложиться спать, во входную дверь квартиры кто-то робко постучал. Мы приоткрыли дверь. В темноте невозможно было увидеть, кто это, но по голосу мы узнали моего дядю, мамино родного брата Даниила. Конечно, мы пустили его в квартиру. Он был небрит, одет в светлый овчинный полушубок, на голове – шапка-ушанка, а на ногах – валенки с подшитыми подметками. За спиной у него находился сидор – так в то время назывался солдатский рюкзак, по сути своей сшитый из брезента мешок защитного цвета. Карманов у него не было, а сверху он завязывался узлом, образованным из пришитой снизу с двух сторон в виде кушака петли, используемой также в качестве лямок.

Естественно, что мы голодными глазами смотрели на его сидор, из которого он вытаскивал продукты. Они состояли из буханки хлеба довольно светлого цвета, в отличие от нашего, совершенно черного, и испеченного, судя по всему, из натуральной ржаной муки, банки свиной тушенки, банки с лярдом (свиным салом), небольшого, объемом с двухлитровый бидон матерчатого мешочка, наполненного зернами овса, и завернутого в газету кусочка колотого сахара. Такой сахар был для нас в то время настоящим лакомством!

Не будет преувеличением сказать, что для нас, долгое время не евших в день ничего, кроме осьмушки хлеба, а также изредка дуранды, эти продукты стали настоящей манной небесной! Наученные печальной участью Миши, мы с мамой не стали набрасываться на пищу и медленно, наслаждаясь, ели кусочки хлеба, намазанные сверху лярдом.

Отогревшись, Даниил рассказал нам о том, что сбежал с ладожского участка Дороги жизни, где служил шофером грузовика, перевозившего продукты с Большой земли для блокадного Ленинграда и боеприпасы из него обратно. Основной причиной своего побега Даниил назвал дизентерию, которой он якобы заболел.

Пребывание Даниила у нас, в малоквартирном доме, где все друг друга хорошо знали, было для мамы и меня смертельно опасным! За укрывательство дезертира в то время расстреливали на месте без суда и следствия, даже малолеток!

Даниил тоже стремился быстрее покинуть нашу квартиру. Для этого ему необходимы были новые документы и увольнительная, которые он просил принести маму. Идти за ними ей надо было практически на линию фронта, к больнице им. Фореля в Автово. Там служил офицером один из его приятелей, на помощь которого и рассчитывал Даниил. В качестве благодарности за эту

услугу мама должна была передать ему флягу со спиртом, который ценился тогда дороже золота.

Не знаю, что побудило маму согласиться тогда на многокилометровый и крайне опасный пеший поход, наверно сестринская любовь и жалость к младшему брату, а также опасения за нашу жизнь!

Рано утром следующего дня, когда было еще темно, но комендантский час закончился, мама, надев на спину Даниилов сидор, вышла из дома. Необходимо отметить, что та часть Васильевского острова, где мы тогда жили, в отличие от южной части города по другую сторону Невы, практически не бомбилась и не обстреливалась. Очевидно, это объяснялось отсутствием здесь военных объектов, кроме нескольких зенитных батарей на Стрелке около фондовой Биржи, где размещался Военно-морской музей. В то же время здесь находились многие исторические шедевры архитектуры, которые немцы-архитекторы наравне с итальянскими когда-то проектировали, а сейчас, очевидно, хотели сохранить, надеясь взять город. Маршрут же, по которому пришлось идти маме, начиная с Театральной площади в сторону Калинкина моста, вблизи которого находился Адмиралтейский завод, регулярно подвергался обстрелам и бомбежкам. Интенсивность их росла по мере приближения к Нарвским воротам и Кировскому заводу.

Мама около часа добиралась только до Театральной площади. На мосту Лейтенанта Шмидта, который тогда тщательно охранялся как стратегический объект, ее остановил патруль. У нее от страха подкосились ноги, когда ее спросили, куда она идет и что несет?

Она назвала какой-то адрес по улице Декабристов, где якобы жила ее сестра, и что в сидоре она несет ей теплые вещи, так как сестра замерзает от холода. Тогда от нее потребовали развязать сидор. Тут она решила, что это – конец, поскольку внутри шерстяной кофты, завернутой в тряпье, лежала наполненная спиртом фляга! Не будучи искренне верующей, хотя и крещеной, она шепотом обратилась к Богу с просьбой о спасении! И тут красноармеец, который прошупывал кофту с тряпками и, видно, не почувствовал в ней твердый корпус фляги, сказал маме, что она может идти дальше, посоветовав ей прятаться от обстрелов в подъездах домов.

Далее, пройдя Театральную площадь, мама вышла на пр. Римского-Корсакова и пошла в сторону Калинкина моста, однако через него перешла только тогда, когда убедилась в том, что на нем не было патруля. Этот участок пути был особенно охраняем, так как вблизи находился Адмиралтейский судостроительный завод, ныне Адмиралтейские верфи, где находились

недостроенные военно-морские суда, видные даже издали. Перейдя благополучно Калинин мост, мама не рискнула идти прямо, по кратчайшему пути, по проспекту Газа, ныне Старо-Петергофскому. Вместо этого она свернула налево по набережной Фонтанки, а затем дворами вышла на проспект Огородникова, ныне Рижский, а далее, также дворами, – к Обводному каналу.

Перебравшись по пешеходному мосту на другой берег канала, мама снова вышла на проспект Газа, а по нему пошла, а точнее, потащилась в сторону Нарвских ворот. Дойдя до них, она свернула на Промышленную улицу. Далее закоулками двигалась в сторону Кировского завода параллельно проспекту Стачек. Каким чудом ей удалось пройти мимо стратегически важного оборонного объекта – Кировского завода, не прекращающего выпускать вооружение, в том числе танки, всю блокаду, а отсюда усиленно охраняемого, она объяснить не смогла. Был бы на ее месте мужчина, его бы наверняка в прифронтной полосе неоднократно остановили бы и обыскали!

Мама смогла все-таки добраться до места назначения и передать какому-то Даниилову приятелю – офицеру воинской части – спирт и записку – очевидно, находилась под защитой своего ангела-хранителя. Там ей дали отогреться кружкой кипятка, угостили краюхой хлеба с лярдом и снабдили необходимыми Даниилу документами о якобы переводе его на финский фронт, который в то время был наиболее спокойным местом, поскольку военные действия там тогда практически не велись!

Пришла мама домой только вечером, чуть не опоздав к началу комендантского времени, когда ходить по городу строго запрещалось и ее могли задержать и продержать до утра патрули.

До сих пор не могу представить себе, как могла моя мама, женщина-дистрофик, за день преодолеть почти двадцать километров туда и обратно по засыпанному снегом городу, улицы которого практически не расчищались, не упасть и не замерзнуть! На следующее утро Даниил ушел, оставив нам матерчатый мешочек овса, который сумел несколько подкрепить наши слабеющие с каждым днем силы.

Использовали мы его следующим образом. Сначала овес вместе с шелухой промалывали через мясорубку, а затем через сито просеивали полученную при этом овсяную муку, отделяя ее от шелухи. Из нее мы варили кашу и кисель, а небольшую часть муки жарили, естественно без масла, на сковороде. Полученной при этом коричневой мукой посыпали кашу. Поскольку эта мука имела слегка сладковатый вкус, то создавалась иллюзия того, что мы едим овсяную кашу с сахаром. О настоящем сахаре в то время мы не могли даже

мечтать, поскольку он не фигурировал даже в талонах продовольственных иждивенческих карточек! Нам оставалось только руководствоваться бытующей тогда присказкой: «И мы с соседкой пробавлялись пустою кружкой кипятку!»

Не помню, сколько дней прошло после исчезновения Даниила, но вдруг к нам пришла мамина племянница, моя двоюродная сестра Вера. Она была одной из дочерей моей родной тети Лиды, рано ушедшей из жизни из-за туберкулеза.

Воспитанием и, отчасти, содержанием Веры и ее родной сестры Наташи после смерти Лиды вынуждена была заниматься моя мама, до тех пор, пока не вышла замуж за Михаила, моего отчима, и не покинула отчий дом.

Вера, которая не выглядела такой истощенной, как мы, рассказала нам о том, что после одновременной эвакуации деда, Наташи и тети Куси (Екатерины Леонидовны, дочери Владимира Шервуда) в доме осталась совершенно одна. Как рассказала Вера, помимо того, что ей просто страшно находиться в пустом доме, и сам дом в любой момент могут снести. Дело в том, что в блокадном городе стало катастрофически не хватать дров для топки печей в условиях необычайно крепких морозов, и после вырубки соснового леса, который находился на месте нынешнего Пионерского парка, начали, не спрашивая ни у кого согласия, сносить в наших краях деревянные заборы и дома. Такая же участь ждала и наш дом, поэтому мама согласилась туда вернуться. Дополнительным аргументом в пользу этого решения стало также то, что в городе остался племянник С. И. Вавилова, Евгений, изредка навещавший квартиру, который мог проследить за ее сохранностью.

И вот, собрав самый необходимый скарб, который мог поместиться на детских саночках, используемых нами для перевозки воды из Невы, мы втроем двинулись пешком к отчему дому. На полпути до отчего дома нам, обессиленным многочасовой ходьбой, необходимо было немного передохнуть.

Единственным местом, где мы могли посидеть, был зал ожидания Финляндского вокзала, вход в который неожиданно оказался открытым. Сам вокзал в то время, естественно, не работал, но от него в ночное время уходили по Дороге жизни эшелоны с эвакуируемыми на Большую землю ленинградцами.

В отличие от других вокзалов, построенных в Петербурге до революции, Финляндский тогда выглядел весьма непрезентабельно. Здание было двухэтажным, фрагмент стены сохранился до настоящего времени. Возле него хотели поставить броневик, якобы с которого В. И. Ленин призывал к революции, но потом передумали. Вместо него в сквере перед вокзалом, который называют теперь площадь Ленина, стоял уже его памятник, где вождь

на броневике символично указывает ладонью правой руки в сторону зловещего Большого дома, расположенного в начале Литейного проспекта.

Отдохнув немного, поскольку предстоял еще долгий десятикилометровый путь, мы двинулись дальше.

По мере удаления от центра города в сторону окраины, коей считался тогда район больницы имени Мечникова, вблизи которой на углу ныне не существующих Сазоновской и Ростиславской стоял наш дом, идти становилось все труднее и труднее! Это вызывалось не только все возрастающей усталостью, но и тем, что становилось все больше и больше нерасчищенного снега. По сути дела, идти зачастую приходилось по колеям, продавленным шинами грузовиков.

Пройдя по Кондратьевскому проспекту мимо заводов Свердлова, «Красный выборжец» и «Металлического», где еще были автомобильные колеи, мы, наконец, добрались до кинотеатра «Гигант». Площадь, где это здание стоит до сих пор, но переоборудовано в ночной клуб «Конти», называлась тогда Пятью Углами, по аналогии с площадью Пяти Углов на пересечении Загородного проспекта с улицами Разъезжей, Рубинштейна и Ломоносова.

Далее город как бы заканчивался и начинались пригороды с деревянными одно- и двухэтажными домами. Основная их масса располагалась вдоль Кондратьевского проспекта. Выйдя на улицу Замшина, мы значительно сократили наш путь.

Улицу Замшина, названную в честь известного врача, жившего еще до революции в этих краях, улицей можно было назвать весьма условно, так как она представляла собой обычную грунтовую проселочную дорогу, она проходила практически по ровному полю параллельно Кондратьевскому проспекту.

Справа и слева от нее на расстоянии нескольких сот метров располагались деревянные домишки, а поле, покрытое снегом, было усеяно бугорками, которые при ближайшем рассмотрении оказались замерзшими и оледеневшими трупами людей!

Дорога, по которой мы двигались в сторону проспекта Мечникова, была узкой, но довольно укатанной и плотной, что позволяло нам сносно передвигаться и тащить за собой саночки со скарбом. И вдруг мы увидели то, что ошеломило даже нас, много повидавших и переживших! Слева, прямо на обочине дороги, на ватнике лежала отрезанная, скорее всего отпиленная, человеческая нога! Через некоторое время на этой же стороне дороги мы увидели женский труп, у

которого была вырезана одна из ягодиц! Не вызывало сомнения, что в этих местах занимались людоедством!

Несмотря на страшную усталость, ноги сами понесли нас вперед. Даже нас, насмотревшихся на мертвых людей, ужаснули эти жуткие свидетельства людоедства!

Позже наш участковый милиционер Вепренцев доверительно сообщил маме, попросив не болтать об этом, что в одном из построенных перед самой войной кирпичных трехэтажных домов, ныне существующих, жил и работал истопник, а в подвале около котельной были обнаружены кости и черепа порядка сорока человек! В ходе следствия истопник признался, что продавал мясо и студень, полученные из тел этих несчастных! Когда мы проходили тогда по улице Замшина мимо этих домов, то, естественно, об этом не знали.

Тропинка вывела нас к проспекту Мечникова, перейдя который, по Ростиславской улице мы, наконец, добрались до калитки и ворот нашего дома! Ворота и забор, выходящие на Сазоновскую улицу, по которой числился дом под № 15, оказались целыми.

Забор, калитка и ворота были сплошными, сколоченными без щелей из почерневших от времени досок. Столбы, на которых держались калитка и ворота, были также обшиты подобными досками и выглядели как возвышающиеся над забором прямоугольные башни.

Отворив незапертую калитку, мы вошли на придомовую территорию и, пройдя мимо колодца, приблизились к дому.

Открыв ключом единственный врезной замок, мы открыли входную дверь и вошли вовнутрь.

Весна 1942 года. Полуостров. Отчий дом

Дедов дом, в котором мы оказались, представлял тогда двухэтажную бревенчатую пристройку к изначально построенной скульптурной мастерской.

Отдышавшись, мы с трудом открыли массивную, примерзшую калитку и по нечищенной тропинке прошли к дому. Дверь на крыльце даже не была заперта, а другая, ведущая в дом, оказалась на замке. Когда Вера открыла его и мы вошли в коридор, то на нас пахнуло промозглым холодом.

На втором этаже, куда вела деревянная лестница, была круглая печка, отапливающая обе комнаты, которые относительно быстро можно было прогреть.

Дрова, слава Богу, в доме оставались, поэтому, затопив печку, мы стали обживать наше новое (старое) пристанище. Вера занимала дедову комнату на первом этаже, которая не была смежной, но отапливалась общей со столовой круглой печкой. Я так подробно повествую об этом потому, что **обогрев помещений в условиях первой жуткой, морозной блокадной зимы являлся одним из основных условий для выживания!**

На первом этаже находилась кухня с плитой, которую нам также пришлось растопить, чтобы накипятить воды, с трудом набранной из колодца. Колодец был неглубоким, сильно замерзшим. Во льду было маленькое отверстие, через которое с трудом проходило ведро. Вытащить его, наполнив водой, нам удалось только совместными усилиями! Согревшись водой, вскипяченной в чайнике на плите (буржуйки в доме не было), в которую для иллюзии чайной заварки бросили корки хлеба, и съев немного дуранды, мы стали растапливать печки в комнатах, где собирались ночевать и жить (мы с мамой наверху, а Вера – внизу, в дедовой комнате).

Прогреть их в промерзшем двухэтажном доме с холодными, необогреваемыми коридором и лестницей сразу, естественно, не удалось, и, ложась спать, мы нацепили на себя все что можно!

Необходимо отметить, что деревянный дом являлся фактически пристройкой к ранее построенной каменной скульптурной мастерской моего деда Леонида Владимировича Шервуда, известного скульптора, профессора, заслуженного деятеля искусств РСФСР. Она была построена им в 1913 году на деньги, полученные за памятник адмиралу С. О. Макарову, установленному на Якорной площади в Кронштадте. При мастерской имелись две комнатухи, в которых, непонятно как, размещалась многочисленная семья!

В 1933 году, когда дед на конкурсе по случаю 15-летия РКК (Рабочекрестьянской Красной армии) получил первую премию за бронзовую скульптуру «Часовой», он решил на полученные деньги сделать деревянную пристройку к мастерской, представляющую фактически новый жилой дом. Дед привык все делать сам. Он задумал осуществить двухэтажную деревянную пристройку к мастерской, используя ее в качестве четвертой стены. Судя по всему, надежной связки между ними не было, так как весь коридор и лестница со всех сторон продувались морозным воздухом! При этом входные двери комнат совершенно не были утеплены! Отсюда понятно, что, несмотря на то что

печка была натоплена нами чуть ли не докрасна, заснуть мы с мамой смогли только лежа на одной кровати, крепко прижавшись друг к другу и накрывшись всем чем можно!

Утром мы смогли осмотреться и воочию убедиться в том, насколько запущен был оставленный дедом дом. По сравнению с вавиловской квартирой, где мы провели жуткую холодную зиму в ограниченном кухней пространстве, которое можно было худо-бедно прогреть буржуйкой, здесь обеспечить тепло стало значительно труднее. Угля не было, да и печка приспособлена только для топки дровами, которых в сарае оставалось немного, и таскать их приходилось на второй этаж.

Сейчас мне, пережившему и преодолевшему немислимые трудности первой блокадной зимы, кажется, что все это происходило не со мной, а в кошмарном сне! Однако мы с мамой, истощенные до предела, не могли расслабляться и начали обживать дом! Вера в это время дома почти не находилась. Она говорила, что встречается со своей подругой Шурой Якуниной и даже иногда у нее ночует.

Не прошло и недели, как однажды утром мы зашли к ней в комнату и там ее не обнаружили. Из оставленной на столе записки мы узнали, что Вера вместе со своей подругой Шурой Якуниной решили эвакуироваться. Мы с мамой поняли, что она позвала нас в отчий дом, чтобы не оставлять его пустым. С этого «памятного» дня мы с мамой стали жить одни в огромном дедовом доме!

По ночам нам было очень страшно, поскольку наружная дверь дома запиралась на один-единственный замок и задвижку, но в дом можно было проникнуть также через открытую веранду, куда выходила еще одна дверь, оснащенная щеколдой. О том, что она не была задвинута, мы узнали не сразу. В первую же ночь после Вериного бегства мы не могли сомкнуть глаз не столько от холода, сколько от того, что слышали, как внизу кто-то ходил! Дверь на лестницу из наших комнат не запиралась, открывать ее мы боялись и смогли только подпереть ее изнутри стулом!

Ни голод, ни холод не смогли подавить во мне чувство детского любопытства! В первые же дни я излазал в доме все, что можно. Наибольшее любопытство у меня, естественно, вызывала скульптурная мастерская. Вход в нее находился в самом конце коридора, справа перед выходом на веранду. Он закрывался тяжелой массивной дверью, сохранившейся еще с того времени, когда не было деревянной пристройки, жилого дома, и она была фактически входной.

Снаружи дверь также закрывалась на массивную задвижку, которая была отодвинута. С трудом открыв дверь, я с опаской вошел в мастерскую.

Сейчас трудно вспомнить, что вызвало у меня дрожь: жуткий промозглый холод в огромном, размером с трехэтажный дом, помещении, которое венчал стеклянный купол, полумрак или скульптурные фигуры, расположенные на деревянном круге и вокруг него.

Честно говоря, вся эта обстановка немного напоминало фрагмент кладбища, поскольку эти фигуры являлись по сути дела гипсовыми копиями в натуральную величину памятников и надгробий, ранее отлитых в бронзе. Покрашенные преимущественно в коричневый цвет, они при слабом дневном освещении через промерзшие стекла купола (окон в мастерской не было) производили зловещее впечатление.

С вершины купола свисали массивные цепи с блоком, при помощи которых дед поднимал скульптуры и перемещал в нужное место круга или вне его. Сам круг, имеющий чугунные колесики, по круглому рельсу можно было вращать вокруг своей оси, тем самым поворачивать скульптуры в сторону максимальной освещенности в процессе ваяния.

Сейчас этот круг с замерзшими и давно не смазанными колесиками повернуть не представлялось возможным.

Не могу не вспомнить с благодарностью о нашей соседке, жившей на противоположной стороне Сазоновской улицы. До войны мы ее прозвали «агрономшей» и недолго любили, а теперь она сама дала нам картофельных очистков, из которых мама сварила нечто наподобие супа, на некоторое время утолившего чувство голода! Звали ее Серафима Лукинук, у нее был хороший, ухоженный до войны огород, но мы, мальчишки, играя в распространенные тогда игры, в лапту, или в волейбол, часто невзначай закидывали к ней за забор мячи, а потом без разрешения лезли за ними, топча грядки. Тогда, естественно, мы, дети, не уважали чужой труд, как, впрочем, и многие взрослые!

Другая соседка, жившая в доме по Ростиславской улице, Елизавета Михайловна Киселева, тоже пригласила нас на обед, накормив супом из протертых овощей, который мы, заедая кусочком хлеба, с удовольствием съели. Впоследствии мы поняли, что ее гостеприимство не было случайным. От мамы она узнала о вавилонской квартире, в которой было много интересующих ее вещей: ковров, статуэток, сервизных тарелок, чашек, ножей и ложек. Несмотря на то что даже в тот момент дом ее представлял собой фактически антикварный магазин, жажда приобретения ею за бесценок новых вещей была огромной!

За время обеда она настойчиво выпытывала у мамы подробные сведения о ценных вещах, находившихся в квартире Вавиловых, за которые предлагала продукты. А они, судя по всему, у нее имелись, так как она в то время работала сестрой-хозяйкой больницы имени Мечникова. Мы с мамой впервые столкнулись с таким блокадным явлением, как стяжательство, оказывается, довольно распространенным. Мне до сих пор непонятно, как в то жуткое голодное время некоторые люди могли думать о наживе.

Отдельно от нее проживал ее муж Григорий Самуилович Киселев, бывший чекист. Судя по всему, у них с Елизаветой, как мы с мамой ее про себя называли, были непростые отношения, и жил он в бревенчатом домишке, типа бани, во дворе. Свело нас с ним происшествие, случившееся как-то ранним морозным утром.

Мы с мамой проснулись и вскочили с постелей, когда дом вдруг заходил ходуном, посыпались стекла и до нас докатился громкий звук мощного взрыва. Как мы впоследствии узнали, на станции Ржевка, вблизи Пороховых, где размещались подземные заводы и склады с боеприпасами, взорвался нагруженный боеприпасами эшелон! По прямой от него до нашего дома было около трех километров.

Единственным человеком, который мог и взялся в нашей округе заделать оставшиеся без стекол окна в наших жилых комнатах, был Григорий Самуилович! По просьбе мамы он довольно быстро дохромал до нашего дома и с трудом поднялся на второй этаж по крутой лестнице. Поначалу он велел нам поискать в доме фанеры, чтобы заложить ею окна, дабы не выстудить помещение, так как на улице был еще сильный мороз, несмотря на ясную солнечную погоду, а сам тем временем стал замерять рамы под новые стекла.

Тем временем мы нашли в дедовой мастерской несколько листов фанеры, которыми с помощью Самуилыча, как за глаза впоследствии его называли, закрыли окна, а также навесили на них одеяла. В этот же день Самуилыч вставил наружные стекла, оказав нам неоценимую услугу. Возник вопрос, как отблагодарить его? Мама решила подарить ему, заядлому курильщику, Мишину трубку, которую тот до войны привез из Германии. Мы с мамой точно помнили, что она лежала на столе на видном месте, но, когда ее хотели отдать Самуилычу, она исчезла! Видели бы вы, как покраснело невозмутимое лицо чекиста Самуилыча, когда мы при нем вдвоем с мамой тщетно искали трубку! Взамен ее маме пришлось дать Самуилычу что-то другое, но трубку эту я неоднократно видел у него впоследствии! Выходит, что он сам себя ею наградил! В любом случае, я до конца жизни буду благодарен ему, пожилому

инвалиду, за эту безотлагательную помощь, а также за то, что он являл собой пример настоящего мужика, умеющего все делать своими руками! За время довольно долгого общения с ним я многому научился у него, но и сам старался помогать ему, чем только мог.

Мы с мамой продолжали пользоваться не только своими, но и Мишиной карточками, однако еды явно не хватало, так как по ним практически выдавали только по 250 г хлеба. По этой причине мама решила пойти работать вольнонаемной санитаркой в сортировочный эвакогоспиталь (СЭГ2222), расположенный с начала войны на территории больницы имени Мечникова (ныне имеющей первоначальное имя Петра Великого).

В 1942 году он являлся главным госпиталем города, поскольку в него поступало наибольшее количество раненых с Ленинградского фронта. Если на южной части фронта, несмотря на массированные артиллерийские обстрелы города немцами с занятых ими Пулковских высот и Вороньей горы, было относительное затишье и окопная война, то на северо-востоке, в районе Шлиссельбурга и Невского пятачка, сражения не прекращались ни на один день!

Наибольшая близость госпиталя к линии фронта (около 40 километров), растянувшегося вдоль реки Невы от Шлиссельбурга до Невской Дубровки, а также его расположение прямо на Дороге жизни, делали его стратегическим военно-санитарным объектом блокадного города!

Построенная еще до 1917 года железнодорожная ветка вблизи больницы Петра Великого, соединявшая Финляндский вокзал со станцией Ладожское озеро и со станцией Невская Дубровка, предоставила прекрасную возможность доставлять раненых в вагонах прямо в госпиталь. Для этого непосредственно за больницей была построена железнодорожная платформа (рампа) к ответвлению от построенной тоже до революции железной дороги, соединявшей станцию Пискаревка с Финляндским мостом через реку Неву. По этой ветке, которая называлась Окружной, до 1917 года ходили пассажирские пригородные поезда от Финляндского вокзала до Московского. По ее пути были построены две типовые (как нынешняя Пискаревка) станции: Полюстрово (вблизи шоссе Революции) и Дача Долгорукова, на месте которой ныне расположен Ладожский вокзал.

В военном отношении месторасположение госпиталя оказалось почти идеальным. От восточной и южной линий фронта до него было около 30 – 40 километров, поэтому вражеских артобстрелов не было. Со стороны северо-западного Финского фронта, тянувшегося от Белоострова через Лемболово с

выходом на Ладожское озеро, расположенного от нас тоже на расстоянии более 30 километров, артобстрелы также не производились.

Не было также немецких авианалетов по разным причинам. Единственный раз, еще до нашего возвращения, преследуемый нашими истребителями немецкий бомбардировщик, летевший со стороны Финляндского вокзала в нашу сторону, хаотично сбросил несколько бомб. Две из них попали в дома по Ключевой и Брюсовской улицам (детский садик), последний был тогда уже эвакуирован, а другие две сброшены на питомник (ныне сквер А. Д. Сахарова) и в поле недалеко от указанного садика. Воронки от этих бомб еще долго напоминали нам о войне!

Кроме того, немцы за всю войну ни разу не бомбили наш микрорайон, так как в 9-м и 11-м павильонах больницы Мечникова (СЭГ2222) находились пленные раненые немецкие офицеры, содержание которых было значительно более комфортным, чем наших! В то время, когда в рацион наших раненых военнослужащих входили, в основном, только черный хлеб, каши и тушонки, немцам давали еще белый хлеб, ляд, свиное сало, чай с сахаром и компоты из сухофруктов! Медицинское обслуживание их тоже было особым! К каждому из старших немецких офицеров были прикреплены денщики из легкораненых немецких солдат и ефрейторов. Отчим говорил, что это делалось по приказу самого И. В. Сталина! И это в то время, когда фашисты хотели измором, бомбежками и обстрелами заставить город капитулировать, что вызывало у большинства из блокадников только лютую к ним ненависть!

В один из дней утром я пошел за хлебом в единственный в наших краях магазин, расположенный вблизи больницы Мечникова, справа от ее проходной. На подходе к моему дому по Сазоновской улице на меня вдруг сзади напал высокий мужчина, повалил в снег, вырвал авоську с буханкой хлеба и побежал в сторону больницы. Я вскочил, догнал его и пытался отобрать у него авоську, но силы были неравные, и он снова отшвырнул меня в снег. Со слезами на глазах я побрел домой.

Это был второй случай, когда у меня отобрали насущный хлеб. До какой степени голод доводил людей, если они среди белого дня шли на грабеж! В дальнейшем я никогда не носил хлеб в открытом виде, а всегда прятал его в сумке.

Между тем мама продолжала работать в госпитале, в 18-м павильоне санитаркой, зачастую в ночное время, когда чаще всего прибывали эшелоны с ранеными. Пока еще не растаял лед в верховьях Невы, не прекращались неоднократные попытки прорвать блокаду в районе Невского пятачка – с

огромными потерями. Кроме того, под интенсивными бомбежками усилилось движение грузовиков по ледовой трассе Дороги жизни Ладожского озера, откуда тоже поступало много раненых.

В один из вечеров к рампе госпиталя прибыли один за другим три эшелона с ранеными, и в 18-м павильоне, где работала санитаркой мама, персонал не успевал принимать и даже регистрировать раненых. В связи с этим мама попросила меня прийти и помочь в регистрации раненых.

В 1941 году я закончил первый класс и перешел во второй, поэтому читать и писать я уже умел. В процессе регистрации мне необходимо было переписывать основные данные раненых из их красноармейских книжек в истории болезней. Иногда разобрать написанное в книжках было трудно из-за грязи или крови, налипших на их страницах, – приходилось прибегать к помощи взрослых или пытаться самому рассмотреть написанное, приложив страницу книжки к стеклу, освещаемому с другой стороны лампой.

Наконец, когда основная масса раненых была принята и зарегистрирована, примерно около двух часов ночи, меня отправили домой. В это время вдруг начали стрелять зенитные орудия, установленные на бронепоезде, который практически постоянно стоял у ворот узловой железнодорожной больницы на путях, идущих от станции Пискаревка на ее территорию. Судя по всему, немецкие самолеты-разведчики, которые на большой высоте летали над нами, но не бомбили, а периодически разбрасывали листовки, похожие по размеру и цвету на партбилеты. Они призывали ленинградцев сдаваться на милость победителей, обещая нам за это всяческие блага! Большое их количество мы собирали и на нашем участке и, естественно, сразу их уничтожали! Последнее мы делали не столько из-за боязни репрессий со стороны НКВД и СМЕРШа, приказывавших их сдавать, сколько потому, что люто ненавидели немецко-фашистских захватчиков, которые обрекали нас на голод и смерть. И мы абсолютно не верили напечатанным в листовках их посулам!

Так вот, несмотря на продолжающуюся стрельбу зениток бронепоезда я, мечтая поскорей попасть домой, до которого было рукой подать, выбежал из проходной и устремился по направлению к дому. И вдруг впереди, на расстоянии буквально двух шагов от меня, упал размером с чайное блюдце осколок зенитного снаряда! От неминуемой смерти меня спасли меньше секунды! Однако в тот момент, забыв осторожность, я захотел взять осколок себе на память, но он оказался настолько горячим, что пришлось сразу отказаться от этой затеи. К тому же стрельба продолжалась, и у меня хватило разума вернуться под своды проходной, но через какое-то время голод и острое

желание добраться домой, поесть и лечь спать снова побудили меня рискнуть продолжить путь.

Как я уже писал выше, к мастерской со стороны хоздвора примыкал гараж, в который можно было попасть или из нее, или снаружи через ворота, замкнутые на наружный висячий замок. Так вот, как-то раз, когда я перестал испытывать чувство страха перед мастерской и гаражом, я зашел в него, чтобы взять там какой-то инструмент для работы в доме.

Первое, что я увидел, войдя в нее, это граната-лимонка, висевшая в качестве растяжки между внутренними петлями наружных ворот. Корпус гранаты был крепко привязан к одной петле, а ее чека – к другой. Стоило кому-то, открыв наружный висячий замок, отворить ворота и войти в гараж, взрыв гранаты был бы неизбежным!

То же самое произошло бы, если бы я попытался ее снять! Делать это я, естественно, не стал, а побежал сообщить об этом маме, которая в тот момент находилась дома. Во время ближайшего приезда Даниила мама выразила ему свое негодование, однако тот, без тени раскаяния, сказал, что повесил гранату, чтобы воры не смогли проникнуть в гараж. То, что во время взрыва могли быть уничтожены не только охраняемые мотоциклы, часть стены мастерской, но и люди, пускай даже воры, его нисколько не смутило! Однако впоследствии гранату он убрал.

Как только мы с мамой стали понемножку избавляться от дистрофии, я начал уходить все дальше и дальше от дома. Детское любопытство брало верх над моими слабыми физическими возможностями.

Я уже почти привык к шуму со стороны дорог, по которым эпизодически передвигались грузовики, к шуму и ощутимой тряске дома при прохождении по железной дороге мимо станции Пискаревка железнодорожных составов в любое время дня и ночи, но с разными интервалами. А тут мое внимание привлек непрерывный гул, напоминающий работу двигателей тракторов или танков, тоже со стороны железной дороги. Поскольку между нашим домом и железной дорогой расстояние не превышало двухсот метров, а пространство было открытое и земля крепкая, еще промерзшая, как-то утром я двинулся в сторону источника шума.

Когда я добрался до обрыва, за которым в котловане были проложены рельсы железной дороги, то убедился в том, что шум доносится не с нее, а со стороны Пискаревской дороги (по ней после войны был проложен нынешний проспект Непокоренных).

С трудом перебравшись через рельсы и по довольно крутому склону на другую сторону железной дороги, я по полю побрел в сторону источника шума. По мере приближения к нему я начал различать по другую сторону Пискаревской дороги непрерывно работающий экскаватор, ковш которого поднимал на поверхность и высыпал грунт из вырываемой им траншеи, а к краю вырытой ее части периодически подъезжали грузовики, наполненные обнаженными людскими трупами! Двое мужчин с помощью палок с крюками на их концах стаскивали трупы со стороны открытого борта прямо в траншею. При этом, будучи замороженными, мертвые тела издавали жуткий скрежет! Звук его до сих пор стоит в моих ушах! Естественно, в дальнейшем у меня больше не возникало желания туда ходить!

Не могу забыть и о том, что мне пришлось увидеть как-то между нашим домом и железной дорогой. До войны на этой территории, видно, собирались строить новую овощную базу, но не успели. Однако на этом месте остались траншеи, к этому времени слегка припорошенные снегом. На краю одной из них лежал раздетый труп мальчика примерно моего возраста, без глаз, очевидно выклеванных птицами. Даже на меня, уже видевшего много трупов, это произвело неизгладимое жуткое впечатление!

Я многому научился у чекиста Самуилыча и фактически выполнял все ремонтные работы по дому. Позже, когда я увлекся радиолобительством и переделал репарационный немецкий средне-длинноволновый радиоприемник для приема коротких волн, Самуилыч попросил меня собрать для него такой же. Мы поехали с ним на барахолку, находившуюся на месте нынешнего автовокзала, и купили там старый радиоприемник, тоже не имеющий коротковолнового диапазона.

Надо отметить, что тогда только на этом диапазоне можно было ловить зарубежные станции «Голос Америки» и «ВВС», которые вещали на СССР на русском языке и считались антисоветскими, но еще не глушились. Когда я пристроил к приемнику специальный блок для приема коротких волн, то восторгу Самуилыча не было предела! Он даже сделал для приемника новый футляр и каждый вечер слушал эти враждебные голоса «из-за бугра». До сих пор я не понимаю, почему бывший чекист с таким интересом слушал эти передачи.

В апреле 1942 года мама, работая в госпитале СЭГ2222, познакомилась с его начальником штаба Абрамом Соломоновичем Спиваком. Это был некрасивый человек небольшого роста, горбатенький, но с большими добрыми глазами и густой черной шевелюрой. Жил он прямо в своем кабинете, поскольку

находился на казарменном положении. Я одобрил мамино решение, чтобы Абрам Соломонович поселился у нас, так как чувствовал себя беззащитным, оставаясь один в пустом доме, когда она сутками работала санитаркой в 18-м павильоне госпиталя.

Будучи по званию капитаном медицинской службы, Абрам Соломонович имел в своем распоряжении табельное оружие – пистолет ТТ.

Оно пригодилось ему для устрашения каких-то людей, которые с ломами и топорами пришли к нашему дому, чтобы сломать его на дрова, при этом трясли ордером, якобы разрешающим им это сделать. Абрам Соломонович сказал, что как начальник штаба госпиталя он занимает этот дом и не допустит его слома. Однако сломщики уходить не собирались, и тогда он вытащил из кобуры пистолет и дважды выстрелил в воздух. Только после этого они бросились врассыпную и больше к нам не приходили. Таким образом, он спас от уничтожения наш дом и скульптурную мастерскую деда. Впоследствии Абрам Соломонович спас от слома еще несколько домов, принадлежавших нашим друзьям и знакомым.

Даже в то тяжелое и голодное время поговорка «Не хлебом единым жив человек» оказалась актуальной. Персоналу госпиталя, работавшему не щадя своих сил, нужна была отдушина. Для этого из персонала и легкораненых решено было организовать хор с солистами. Мама была до войны опытным пианистом-аккомпаниатором, поэтому Абрам Соломонович не нашел никого лучше нее. После этого санитаркой она уже не работала, а только числилась, так как в штате госпиталя такой должности, как пианист-аккомпаниатор, естественно, не было.

В то время в госпитале санитаром в звании рядового служил также Герман Андреевич Новиков, в мирное время работавший артистом в одном из ленинградских драматических театров. Его тоже решили привлечь для организации хора. Начальник госпиталя полковник Шнейдерман поддержал эту идею для того, чтобы поднять дух раненых и медперсонала.

Маму и Новикова освободили от их прямых обязанностей санитаров. Где-то раздобыли пианино, на котором играла мама, аккомпанируя хору, а Герман Андреевич дирижировал. Мама, конечно, втайне посмеивалась над тем, как он это делал, поскольку не имел музыкального образования, а до войны был комедийным артистом. **Несмотря на это, им удалось в короткое время организовать из медперсонала и легкораненых хор, подготовить солистов и достаточно регулярно давать концерты. Исполняли они преимущественно советские песни тех лет, среди которых были, в первую очередь,**

патриотические, но также и лирические. Трудно переоценить то благотворное воздействие, которое оказывали эти песни на раненых бойцов, поднимая их настроение и способствуя их скорейшему выздоровлению!

Никаких специальных распоряжений со стороны начальства госпиталя или 18-го павильона, где сначала санитаркой работала мама и где в то время часто бывал я, мне лично слышать не приходилось. Складывалось впечатление, что каждый хорошо знает свое дело и выполняет его с максимальной отдачей без всякого принуждения. Конечно, в павильоне были вывешены патриотические плакаты и портреты И. В. Сталина, но, судя по всему, не они вдохновляли медперсонал в его работе, а чувство долга и сострадание. Таких добрых и сочувствующих глаз у врачей и медсестер я в дальнейшем не много встречал за всю свою долгую жизнь!

С появлением в нашем доме Абрама Соломоновича ассортимент питания значительно расширился. В паек, который ему предназначался, входил белый хлеб, консервы, лярд, яичный порошок, колотый сахар, крупы, чай и сгущенное молоко без сахара. Часть этих продуктов поступала из США по линии ленд-лиза. К ним прежде всего относились лярд, сгущенное молоко, яичный порошок и консервы (свинная тушенка или мелкие сосиски). Ходили слухи, что в них находили червей и какие то странные добавки, явно не мясного происхождения, но нам, слава Богу, они ни разу не попадались.

В условиях, когда нам с мамой по карточкам полагалась в то время только увеличенная до 400 граммов пайка черного хлеба, эти продукты казались манной небесной. За пайком приходилось два раза в месяц ездить на центральный склад военторга, который находился тогда на улице Радищева. Иногда туда брали меня, чтобы помочь таскать продукты в кузов грузовика-полуторки.

Начало нашего маршрута приходилось на проспект Ленина (так тогда назывался нынешний Пискаревский). Как только грузовик, в кузове которого я сидел, свернул с улицы Куракина в сторону города, мы оказались в узком одностороннем туннеле, только что без крыши. По бокам его на всем протяжении проспекта высились снежные сугробы высотой порядка трех метров, которые образовались в результате расчистки проезжей части вручную. И это притом, что длина проспекта от больницы Мечникова до Невы составляет около трех километров.

Две встречные машины могли разъехаться только на нескольких перекрестках проспекта. К счастью, в силу прямолинейности проспекта он хорошо

просматривался на всем протяжении. И проблем разъехаться с другими машинами (их было крайне мало) у водителя нашего грузовика практически не было.

Когда мы въехали на Большеохтинский мост (ныне мост Петра Великого), я засмотрелся на Неву – уже начался ледоход. На некоторых льдинах плыли полувмерзшие в лед трупы красноармейцев, зачастую с оружием в руках! Это были жертвы кровопролитных боев в верховьях Невы в районе Шлиссельбурга при неоднократных попытках прорвать блокаду Ленинграда, тогда, к сожалению, неудачных! Поскольку снять этих несчастных со льдин, чтобы похоронить, видимо, не представлялось возможным, то их траурный путь заканчивался в Финском заливе! Забегая вперед, не могу не сказать, что весной 1943 года наблюдалось и вылавливалось необычно большое количество крупной корюшки, которая, как говорили, и питалась разложившимися трупами утопленников, то есть погибших бойцов!

Далее наш грузовик по немного расчищенным Суворовскому проспекту и Кирочной улице проехал до улицы Радищева и свернул на нее. Недалеко от угла с левой стороны и находился гарнизонный склад, на территорию которого мы проехали через охраняемые ворота. За время нашей поездки туда и обратно ни бомбежек, ни артиллерийских обстрелов не было. Очевидно, немцы из-за мощной противовоздушной обороны города опасались летать в дневное время, а артиллерийские снаряды просто не долетали сюда за дальностью расстояния.

Во время одной из последующих поездок за продовольственными пайками я вышел на улицу Радищева, ожидая нагруженную машину. И вдруг увидел, как прямо на меня по узкой улице на полной скорости несется грузовик, причем двигался он зигзагами. Не знаю как, но мне удалось от него увернуться практически из-под колес, а тот тут же врезался в стену ближайшего дома и остановился. Когда я, невредимый, пришел в себя от страха, то увидел, как из кабины вывалился вдрызг пьяный солдат-водитель!

Уже в то время во мне стал проявляться авантюризм, связанный с отсутствием боязни. Видимо, этим я был обязан не только своему юному возрасту, но и выработавшейся привычке к жутким условиям блокады.

Как я уже писал, в блокадном городе нередки были случаи людоедства. Однажды Абрам Соломонович рассказал о жутком случае, произошедшем в их госпитале. В морге больницы Мечникова, который также использовался и госпиталем, у некоторых трупов умерших от ран красноармейцев обнаружили отсутствие частей тела, явно кем-то вырезанных. Наиболее часто следы от вырезанных частей встречались на ляжках и ягодицах.

Под подозрение попадали санитары морга, которых необходимо было поймать с поличными. Поскольку занимались они этим делом ночью, чтобы избежать свидетелей, решено было секретно сформировать небольшое подразделение вооруженных военнослужащих из состава гарнизона госпиталя. Возглавить его пришлось Абраму Соломоновичу, как начальнику штаба и старшему по званию. Он рассказывал, что ему было не по себе: ведь он был капитаном медицинской службы и навыков прицельной стрельбы из револьвера у него не было. В то же время ожидать от людоедов, что они сдадутся без боя, не приходилось!

Та ночь выдалась лунной, а подходить к моргу нужно было незаметно, чтобы санитары через окна не увидели приближения военных. К счастью, дверь в морг оказалась не запертой, и они сумели тихо проникнуть во внутрь. Света в помещении не было, и его решили не включать, чтобы не стать мишенью для санитаров в случае, если те начнут отстреливаться.

Солдаты, которыми командовал Абрам Соломонович, в том числе и его вестовой Миша Топлишвили, посоветовали ему не лезть на рожон.

В помещении морга (оно до сих пор используется в больнице), как и сейчас, трупы лежали на двухъярусных стеллажах, только тогда они были переполнены.

Несмотря на все предосторожности, проникнуть в помещение незаметно и бесшумно не удалось, и санитары начали отстреливаться! Миша и солдаты почти силой заставили Абрама Соломоновича спрятаться за ближайший стеллаж, а сами стали стрелять в санитаров почти вслепую. Когда ответный огонь прекратился, военные, соблюдая предосторожность, подошли к тому месту, откуда велась стрельба. Один из санитаров, с перекошенным от злости лицом лежал убитый, другой сумел скрыться. Как рассказывал Абрам Соломонович, они совершили ошибку, не заблокировав выход из морга в систему туннелей, соединявших его с другими павильонами. Туннелем тогда практически не пользовались, но оттуда без особого труда можно было выбраться наружу и бежать.

Осенью 1942 года начала работать 146-я школа, построенная до войны и расположенная на проспекте Мечникова. Поскольку в 1941 году я закончил первый класс в школе на улице Халтурина (ныне снова Миллионная), я попытался закончить второй класс в 146-й школе, но у меня ничего не вышло, так как вследствие перенесенной дистрофии плохо соображал и память сильно ослабела, да и школьники уже прошли большую часть курса.

И мне пришлось снова идти в первый класс, как второгоднику, зато окончил я его на одни пятерки.

О второй половине 1942 года, как ни странно, у меня осталось немного воспоминаний. Благодаря тому, что маме каким-то чудом удалось достать семян и кое-что посадить в огороде, кроме военного пайка отчима, от которого нам, естественно, перепало, на столе появилась кое-какая зелень и даже немного картошки вдобавок к крапиве и щавелю. Последних, слава Богу, было предостаточно. Кроме того, на чудом сохранившихся после лютых морозов кустах красной и черной смородины, а также шиповника созрели ягоды, которые в какой-то мере восполнили нам нехватку витаминов. Естественно, зелень и картошка сами собой вырасти не могли – нужно было вскопать грядки! Разумеется, я не мог позволить, чтобы моя мама, хрупкая музыкантша, которая еще не оправилась от дистрофии, занималась этим делом, а Абрам Соломонович тем более.

Приходилось мне также регулярно таскать воду из колодца, отоваривать карточки в магазине, расположенном тогда около больницы имени Мечникова (сейчас там трамвайное кольцо), и делать многое другое. Еще до войны наш участок со всех сторон был огорожен забором, а со стороны Сазоновской улицы (сейчас она не существует) он был высоким и сплошным. С других сторон он был ниже и с прорезями между досками. К нашему возвращению забор уже начинали разбирать на дрова. Не имея опыта работы с пилой, молотком и топором, ведь мне тогда было всего 10 лет, пришлось осваивать профессию плотника и заделывать прорехи в заборе, используя имеющиеся у деда в запасе доски и гвозди.

Хорошо еще, в мастерской у деда и в гараже нашлись каким-то чудом сохранившиеся инструменты! Опыт обращения с инструментами я перенял также у соседа, Григория Самуиловича, который относился ко мне как к сыну. В летнее и осеннее время, когда участились дожди, мне пришлось также научиться латать крышу над нашими комнатами в местах протечки при помощи найденных в доме кусков толя. При этом из-за большой высоты и отсутствия соответствующей лестницы проникнуть на крышу можно было только через мастерскую. Там стояла у стенки и была сверху слегка закреплена под куполом деревянная лестница, при помощи которой через лаз можно было ползком проникнуть на чердак дома, а оттуда – на крышу. И это приходилось делать неоднократно, несмотря на мою боязнь высоты!

Летом 1942 года к больнице Мечникова снова пошли трамваи № 17 и 34, до войны ходившие до порта и на Охту соответственно. Если Охта практически не обстреливалась, то трамвай № 17 в центре города часто попадал под обстрелы! Однако никакой особой нужды ездить на нем туда у нас не было. Исключение составила поездка моей мамы, которая решила выписаться (речь шла о

прописке) из квартиры дома на углу Мошкова (ныне Запорожский переулок) и Миллионной улицы (ранее Халтурина). Квартира оказалась нежилой, так как татарская семья, о которой я писал, умерла от голода, мама и я хоть с осени 1941 года там и не жили, но оставались в ней прописанными. Управдом начал уговаривать маму не выписываться, поскольку теперь вся квартира принадлежала нам, однако мама не согласилась, ссылаясь на то, что ей тяжело добираться сюда для получения карточек, и она не может бросить дом и мастерскую отца, моего деда, которые еле отстояли от сноса! В дальнейшем, после окончания войны, мы ощутили на своей шкуре последствия от этого благородного шага!

Несмотря на то что в нашем доме была ванная, из-за отсутствия водопровода пользоваться ею было практически невозможно. Ближайшая баня, находившаяся около кинотеатра «Гигант», также не работала. Судя по всему, такая ситуация была практически по всему городу! Ленинград завшивел! В связи с этим руководство города организовало при банях так называемые санпропускники. Ближайший санпропускник находился в Охтинской бане на Среднеохтинском проспекте. Только благодаря тому, что пустили трамвай, нам с мамой удалось добраться до него и провести эту процедуру. Состояла она в том, что, раздевшись догола, мы сдавали всю одежду для санобработки горячим воздухом. Пока это происходило, мы должны были вымыться под душем с головы до ног, используя выданное для этого подобие мыла. Настоящее мыло в то время было большим дефицитом.

Что касается проспекта Мечникова, по которому до войны ходил автобус № 2, на котором тогда я ездил к деду, то этот автобус, естественно, теперь не ходил. Покрыт проспект был булыжником, представляющим собой круглый гранитный камень. Ходить по такой мостовой было крайне неудобно, а редко ездившие по ней машины, в основном грузовые, подпрыгивали, как на ухабах.

В связи с ранним наступлением зимы и в 1942 году проспекты Мечникова и Ленина покрылись снегом, который не таял вплоть до весны 1943 года. Покрытие булыжной мостовой стало сравнительно гладким, кроме того, накатанным шинами проезжающих машин (за исключением тех мест, где булыжники выступали слишком высоко). И вот по такой дороге мальчишки на коньках-снегурках катались, зацепившись сзади за борт грузовика при помощи крюка, сделанного из толстой, вроде арматурной, проволоки.

Подобные коньки, которые давно уже не выпускаются, в миниатюре представляют собой загнутые кверху полозья саней-розвальней, изображения которых можно найти лишь на старых рождественских открытках или картинах.

Я очень хотел покататься на таких коньках и стал искать их в нашем доме среди хлама, поиски увенчались успехом. Но просто найти их было мало. Закреплять их пришлось на валенках, поскольку специальной обуви у меня не было. Валенки удалось найти. Проблема теперь состояла в том, как снегурки покрепче прикрепить к ним. Понаблюдав за тем, как это делали пацаны, я не без труда сделал это при помощи веревки и палки: ну прямо по рецепту Ходжи Насреддина в известной довоенной детской книге!

Найти проволоку для крюка теперь уже не составляло трудности. Проблема состояла в том, чтобы по нечищенной, заснеженной Ростиславской улице, длиной около трехсот метров, добраться на коньках до проспекта Мечникова, а далее уже по нему – к углу с проспектом Ленина. Только там, на повороте, где грузовики неизбежно тормозили, можно было незаметно для шофера, зацепиться сзади крюком за его борт. Сейчас трудно вспомнить, сколько шишек я набил на лбу при резкой остановке грузовика, но это не останавливало меня! Однажды мне захотелось прокатиться также за трамваем, уже регулярно ходившим по проспекту Ленина. Между его остановками «Прспект Мечникова» и «Ключевая улица» было наибольшее расстояние, составлявшее около полутора километров. И вот как-то, зацепившись крюком за вторым, последним вагоном, я лихо покатыл за набирающим скорость трамваем, иногда подскакивая на бугорках, но удерживаясь на ногах. Однако этого мне показалось мало, и я решил выехать на встречные рельсы, но в это время навстречу нам мчался другой трамвай! До сих пор не знаю, как мне удалось увернуться, чтобы не оказаться под его колесами! С этого момента у меня, судя по всему, сработал инстинкт самосохранения и я не стал больше испытывать судьбу!

В это сверхтяжелое время, как ни странно, многие сохранили чувство юмора, что свидетельствовало о наличии у них силы духа. В обиходе ходили всякие шутки-прибаутки, например:

Ленинградская блокада, до чего ты довела!
Одинокая девчонка лейтенанта завела!
– Не за то тебя люблю, что погоны носишь,
А за то тебя люблю, что паёк приносишь!

Не могу не вспомнить, что в это время был полностью уничтожен до войны расположенный вдоль проспекта Мечникова лес. По рассказам мамы, он составлял часть огромного лесного массива, в котором сейчас расположен Ржевский полигон. В нем было много грибов и ягод, а также водились лисы,

волки и даже медведи. Видно, не даром вблизи станции Девяткино, находится фрагмент этого лесного массива, называемый Медвежьим Станом.

Как стало известно в настоящее время из официальных источников, в конце 1942 года было не меньше пяти неудачных попыток прорыва там блокады. Так вот, когда ветер дул с той стороны, до нашего дома доходили звуки артиллерийских выстрелов, разрывов снарядов и бомб. После этого, как правило по ночам, в сортировочный эвакогоспиталь СЭГ2222 приходили переполненные ранеными эшелоны, ну прямо как после увертюры к операм с трагическим сюжетом!

Во время прорыва блокады в январе 1943 года шум от взрывов бомб и снарядов был слышен на протяжении нескольких дней!

Вспоминается эпизод, который произошел со мной много позднее, когда я отправился в командировку на Чиркейскую ГЭС в Дагестан и в купе поезда Москва – Махачкала познакомился с участником боев на Невском пятачке, единственном крохотном участке на правом берегу Невы вблизи Шлиссельбурга, не занятом немцами. Мужчина пенсионного возраста с одутловатым неприятным лицом, как только тронулся поезд, достал бутылку водки, закуски и предложил мне разделить с ним трапезу. Честно говоря, я согласился на это без особого желания, но только после того, когда он узнал, что я блокадник, которого ему приходилось защищать, мне не удалось преодолеть его настойчивость. Естественно, поскольку я никогда не встречал раньше воинов этого героического и уникального плацдарма, не имеющего аналогов в истории, то затаив дыхание выслушал рассказ живого его защитника.

То, что он рассказал мне, сильно отличалось от той подконтрольной советской информации. Оказалось, что окопавшиеся там в траншеях и блиндажах при непрерывных обстрелах и бомбежках русские солдаты и офицеры зачастую неделями оставались без продовольствия. Оно или сбрасывалось с самолетов, зачастую попадая не к нашим, а к немцам или на интенсивно обстреливаемые ими участки на нашей территории. Переправа через Неву также регулярно бомбилась и обстреливалась врагом. После войны на месте Невского пятачка в земле было обнаружено рекордное количество неразорвавшихся снарядов и авиабомб, а также их осколков, достигавших 200 – 300 килограммов на 1 кубический метр.

Как рассказывал мой сосед по купе, это был сущий ад, пережить который удавалось далеко не всем, особенно в период двух крайне морозных зим! В этих условиях нередко были случаи вынужденного людоедства, поскольку доставка продуктов с Большой земли, то есть из Ленинграда, были нерегулярными и

прерывались на недели. В то же время убитых становилось все больше и больше, а хоронить их не хватало сил! Чтобы не умереть от голода, некоторые, в том числе и мой попутчик, вынуждены были отрезать от мягких частей трупов куски, варить или жарить их.

До сих пор я не знаю, осуждать ли мне его и других защитников Невского пятачка за вынужденный каннибализм. Понятно, что, умри они от голода, оборона Пятачка была бы ослаблена и немцы смогли его захватить, а может быть, затем форсировать в этом месте Неву и устремиться к Ленинграду!

В 1954 году мне впервые удалось на речном трамвайчике сплавить до Шлиссельбурга, занятого до прорыва блокады немцами, а заодно посетить с экскурсией находившийся напротив него на расстоянии около одного километра остров. На нем со времен шведской оккупации была расположена крепость, которую с трудом захвативший ее Петр Первый назвал Орешком! Хотя в дальнейшем она использовалась до Октябрьской революции в качестве тюрьмы, но полностью сохранила свою изначальную архитектуру. Толщина окружавшей крепость кирпичной стены достигала пяти метров. Даже стреляя прямой наводкой из орудий, немцы не могли пробить или разрушить её!

На протяжении 500 дней маленький гарнизон крепости, несмотря на обстрелы и бомбежки, не позволил немцам захватить ее! Бойцы крепости погибали или получали ранения не столько от осколков бомб и снарядов, сколько от осколков разбитых ими кирпичей. Захвати немцы Орешек, находившийся на расстоянии полукилометра от правого берега Невы, неизвестно, как бы дальше развивались события, возможно, немецкие войска могли форсировать в этом месте Неву. В связи с этим у меня до сих пор вызывает недоумение, почему Брестская крепость, которая была впоследствии сдана немцам, удостоилась звания Крепости-Героя, а наш Орешек, на который так и не ступила нога оккупантов, до сих пор не удостоился этого высокого и вполне заслуженного звания.

Неслучайно после прорыва блокады Ленинграда, семидесятилетнюю годовщину которого мы скромно отметили 18 января 2013 года, временный понтонный мост был сооружен именно в этом районе. Невозможно переоценить значение этого события для погибающего в когтях блокады нашего города. По проложенному по мосту железнодорожному полотну пошли поезда, которые за короткое время перевезли большие количества продовольствия городу. Вскоре увеличили норму хлеба по карточкам, по ним стали выдавать яичный порошок, свиное сало, американские консервированные сосиски, растительное масло. Это был не только глоток свежего воздуха, но реальная дополнительная пища для нас, дистрофиков!

Не могу не рассказать об одном событии почти детективного жанра, связанном с прорывом блокады. Дело в том, что в самом начале войны мой тесть, Алексей Николаевич Забалуев, всю свою семью, включавшую его мать, жену и двоих дочек пяти и двух лет от роду, отправил в эвакуацию в городок Саньково Калининской (ныне Тверской) области, на родину матери. Сам же вернулся в Ленинград, где работал сначала начальником цеха, а затем и директором одной из фабрик. Однако в Саньково вскоре умерла его престарелая мать, а жена в 1942 году была заключена в тюрьму по необоснованному обвинению в растрате в магазине, где работала продавщицей. По прямому указанию директора магазина она передала кому-то ящик водки, а когда пришли ревизоры, тот свалил всю вину на нее. В связи с этим дочери оказались без матери и остались на попечении дальней родственницы. К моменту прорыва блокады Ленинграда их уже собирались отдать в детдом. Когда же с Ленинградом после прорыва блокады было установлено временное железнодорожное сообщение с Большой землей, Алексей Николаевич, несмотря на казарменное положение, сумел каким-то образом съездить за дочерьми, а самое главное, незаметно провезти их в Ленинград!

Поскольку сам он был на казарменном положении и дочерей при себе держать не мог, то вынужден был свезти их в Парголово к свояченице Надежде, жене его родного брата Александра. Там они жили вплоть до полного освобождения Ленинграда от блокады. К этому же времени была реабилитирована и вернулась в город их мать, Клавдия Александровна, и семья вновь была восстановлена. Со старшей их дочерью, Кирой, ставшей впоследствии моей женой, мы прожили долгие сорок четыре года, вплоть до ее безвременной кончины!

В заключение я не могу не отметить важную роль, которую сыграл в безукоризненной работе сортировочного эвакогоспиталя СЭГ2222 его начальник штаба, капитан медицинской службы, мой отчим Спивак Абрам Соломонович! На его плечи легли такие заботы, с которыми далеко не каждый мог бы справиться. Не будучи партийным, он пользовался огромным авторитетом среди подчиненных, в основном военнослужащих, которые беспрекословно выполняли все его приказы. Не могу вспомнить, чтобы он когда-нибудь повышал голос на меня или мою маму! По своему статусу он никогда не вмешивался в процессы лечения раненых, но в то же время пользовался большим уважением со стороны врачей и профессоров в погонах, что я нередко мог наблюдать со стороны!

В период неоднократных попыток зимой 1942 года прорвать блокаду, а также в январе 1943 года, когда поток раненых из района Кировска и Шлиссельбурга достигал максимума, мой отчим фактически организовывал и лично

контролировал их выгрузку из приходящих преимущественно ночью эшелонов. Их количество часто достигало трех и более за ночь, так что все три платформы, или, как их называли, ramпы, были перегружены! Раненые в зависимости от формы и степени ранения распределялись им согласно рекомендациям врачей по павильонам больницы или госпиталя. В некоторых случаях, при отсутствии врачей, которых не хватало, решения ему приходилось принимать самому, поскольку промедление в таких случаях, как говорят, – смерти подобно! Не было проблем в госпитале, в решении которых не принимал бы участие начальник штаба капитан А. С. Спивак. Кстати, занимал он должность, по крайней мере, майора! Он иногда сетовал на то, что начальник госпиталя, полковник медицинской службы Шнейдерман, подавал на него министру обороны, главнокомандующему И. В. Сталину представление о награждении орденом Красной Звезды и присвоении очередного звания майора медицинской службы, но оно осталось без ответа.

Можно понять горечь обиды отчима на эту явную несправедливость! Это явилось одной из причин, почему, после того как в 1944 году Ленинград был полностью освобожден от блокады и госпиталю пришлось последовать за наступающей, преследующей немцев армией, Абрам Соломонович написал прошение об отставке по состоянию здоровья, которое было удовлетворено! После этого он стал работать заместителем начальника военно-медицинской кафедры Ленинградского санитарно-гигиенического института, а после ликвидации кафедры – до самой смерти в 1970 году, возглавлял ДОСААФ больницы им. И. И. Мечникова. Он ушел из жизни внезапно, собираясь утром 23 мая 1970 года на работу. Прощание с ним прошло в клубе больницы в 9-м павильоне при огромном скоплении народа, в полном соответствии с известной пословицей «На миру и смерть красна», не сдерживали слезы даже санитарки и медсестры! Для моей мамы и меня после совместного 28-летнего проживания с ним это была невосполнимая утрата! Будучи за это время фактически моим отцом, он не только содержал меня, но и поставил на ноги!

Похоронен Абрам Соломонович был на Богословском кладбище Ленинграда с воинскими почестями, соответствующими званию майора, которого так и не дождался!

Шматова Людмила Дмитриевна **Живая щука за золотое кольцо**

Я отдаю долг своей маме, Анне Алексеевне, которая в 1941 – 42 годах спасала жизнь не только мне, но и моему брату. Он умирал от голода, и мама на последние деньги на рынке, каким-то чудным образом, выменяла живую щуку на золотое кольцо.

Мы жили около Технологического института, а мама была донором, ей, соответственно, полагался обед, она съедала первое и выпивала чай или компот, а оставшееся второе, спрятав за спину, приносила нам и кормила. Однажды мама посадила нас на санки и повезла в Институт переливания крови, чтобы разделить с нами полагающийся ей комплект обеда, а когда мы вернулись обратно, нашего дома уже не было, в него попала бомба.

В июле 1942 года мы были эвакуированы в Тверскую область и об освобождении Ленинграда узнали, когда находились там. Обратно в Ленинград мы вернулись в 1945 году весной. Отцу тогда был выписан специальный пропуск на возврат в родной город.

Шейбак Валентина Степановна

Толпа, слезы, стоны

Для нынешнего поколения севастопольцев блокада Ленинграда – это лишь историческая веха, не более. Но для меня это неотъемлемая часть жизни. Я не была в блокированном городе, но жила в деревне Кобона – начальном этапе Дороги жизни с Большой земли в Ленинград. И хотя прошло уже много лет, выросли дети и внуки, но до сих пор я не могу вспоминать те годы без слез.

Я помню, как по хрупкому льду или по переправам в течение двух с половиной лет шли на Ленинград сотни машин с продуктами, боеприпасами, обратно – с умирающими голодными людьми. В нашем доме всегда были постояльцы из эвакуирующихся. Страшно худые, изможденные, не люди – тени. Недалеко находился раздаточный пункт пищи, возле него – всегда толпа, слезы, стоны.

Блокадникам выдавали порцию горячей еды, но многие не унимались, просили еще, еще. Не слушали медиков, убеждавших, что им нельзя наедаться, наедались и – умирали.

Все поезда шли только до Кобоны. Немцы знали об этом и старались разорвать эту тонкую ниточку, соединявшую блокадный Ленинград с Большой землей. Бомбежки были беспрестанные, но линию постоянно восстанавливали. Деревенька была практически полностью сожжена, а в ней находились и штаб, и склад продуктов, и два госпиталя, возле которых постоянно были машины с ранеными. Как мы все пережили? Как выжили? Каждый день шоферы знали, что подвергаются смертельной опасности: бомбежки, мог не выдержать лед, воронки... Но все равно шли в рейс.

Моя семья в конце концов тоже эвакуировалась.

Вдали от дома от дифтерии умерли бабушка и брат. У мамы отнялись руки, и я – шестилетняя девочка – стала главной опорой семьи. Все заболели тифом и были на волосок от смерти. Но спасла доброта людей. Соседи, «отрывая» от себя, подкармливали нас.

Удивительно, но наш дом, в который мы вернулись из эвакуации, уцелел, хотя и стоял пустой.

Прошли годы. Я вышла замуж и много лет назад вместе с мужем-военнослужащим приехала в Севастополь. Но та жизнь, на Ладоге, осталась самым кровоточащим и болезненным воспоминанием, не дающим покоя. Видимо, навсегда.

Шестаков Альберт Николаевич **Мама меня не узнала**

Альберт Шестаков встретил войну в Кишиневе, куда приехал вместе с семьей на лето в гости к отцу. Потом они долго добирались до Ленинграда, где их и застала блокада. После многих месяцев испытаний и лишений их семья эвакуировалась в Ивановскую область, а затем – в Архангельскую, где и жила вплоть до Победы.

До войны наша семья жила в г. Гатчине Ленинградской области. В 1940 году мой отец (кадровый военный) был переведен по службе в г. Кишинев. В конце мая 1941 года, когда я закончил второй класс, мы с мамой и сестренкой (1938 г. р.) приехали к отцу в гости.

Не помню, как мы жили в Кишиневе и чем занимались, но запомнилось, что у выхода из двора дома, где мы жили и где жили семьи командиров Красной армии, всегда дежурил милиционер.

В ночь на 22 июня 1941 года мы проснулись от грохота разрывов бомб и снарядов! Отца уже три дня не было дома. Со двора никого не выпускали. Я каким-то образом убежал и прибежал к отцу в штаб, куда он приводил меня раньше. Нашел его в кабинете. Он велел мне быстро бежать обратно, так как приедут машины за семьями и отвезут всех на вокзал: нам надо эвакуироваться! Это слово я услышал тогда впервые.

На вокзале у платформы стоял состав товарных вагонов. Уезжающие бросали туда вещи, сажали детей. Делалось это в несколько приемов, так как немцы бомбили вокзал налетами. Помню, как мама посадила нас с сестренкой в вагон,

а когда прибежала с чемоданом, ее не пускали к вагону. Поезд уже тронулся, и она, оттолкнув бойца, на ходу забралась к нам в вагон.

Целую неделю увозил нас поезд от войны и привез в Ижевск. Здесь нам выдали документы, и мы поехали в Гатчину, где жили до войны. Недалеко от Гатчины наш поезд разбомбили, и мы пешком добрались до окраины города. Здесь мама оставила нас у незнакомых людей, а сама пошла домой. Там должна была жить двадцатилетняя сестра отца, которая перед войной оканчивала курсы шоферов. Квартира оказалась закрытой. Ключей от квартиры у мамы не было. Соседи сказали, что тетю как водителя призвали в армию. Когда она будет дома, неизвестно.

Мы решили поехать в Ленинград. По дороге нас подобрала машина с бойцами Красной армии. В Ленинграде нас поместили в эвакуопункте на Лиговском проспекте в районе Московского вокзала.

Наверное, в конце июля нас попытались эвакуировать из города. Помню довоенный купейный вагон. На верхних полках лежали вещи: чемоданы, узлы – защита от возможных пуль и осколков, так как по дороге нас обстреливали немецкие истребители. Поезд вдруг остановился, и все бросились прочь из вагонов. Нас бомбили и обстреливали. А кругом ровная местность с низкорослым кустарником и высокой травой. Все старались спрятаться под кустиками. Я видел, как низко над нами пролетал истребитель и летчик в больших очках смотрел из кабины в нашу сторону. ЭТУ КАРТИНУ Я ЗАПОМНИЛ НА ВСЮ ЖИЗНЬ! Мы вернулись в вагон уже в сумерках. Одного пассажира не оказалось на месте. Он был хромой и ходил с очень красивой черной резной тростью, которую давал мне подержать... А теперь его не было, наверное убили! Ночью мы вернулись в Ленинград.

На этот раз нас поместили в эвакуопункт, который размещался в здании школы на углу улиц Большой и Малой Московской. Этот адрес я хорошо запомнил и первый раз после войны приезжал туда в 1952 году. Начались холода. Этот период запомнился мне частыми воздушными тревогами, бомбежками и нашими посещениями бомбоубежища. Ночь, взрывы, в подвале темно и тесно. Люди сидят вдоль стен на полу, который вздрагивает от взрывов! Мы с сестренкой прижимаемся друг к другу. Страшно!

Я не участвовал в тушении пожаров и зажигательных бомб. Меня просто мама не отпускала от себя. Потом мама стала работать санитаркой в госпитале, а сестру поместили в круглосуточный детский сад. Но однажды на работе с мамой от истощения случился приступ, и она больше не могла работать. Сестренка в детском садике отморозила ноги, после чего жила с

нами. Жили мы в маленькой комнате вместе с заведующей эвакуопунктом, и мама выполняла обязанности ее помощницы. Чем мы питались – я не помню. Запомнилась только маленькая зеленая кастрюлька (она и сейчас у нас хранится) с горячей водой, в которой плавают «лохмотья» от сваренного яйца. В комнате – буржуйка. Горячая! Прямо на ней жарятся кусочки картошки. Обгорают. А запах! Откуда она взялась? Ведь даже на детские карточки ничего не выдавали. Я в магазин за хлебом не ходил. Наверное, мне не доверяли карточки?

Здание эвакуопункта было двухэтажным. Часть людей (и мы тоже) жили на первом этаже, а часть – на втором. Там же была комната, которую превратили в «покойницкую»: туда складывали тела умерших. Замерзшие голые тела лежали до самого потолка. Навалом! Один раз видел, как эти замерзшие тела бойцы скатывали вниз по лестнице и затем грузили на машину. Не помню зачем, однажды я шел вечером по темному коридору второго этажа, выставив перед собой руки, вдруг споткнулся обо что-то и упал! Пощупал руками – человек. Голый, скорчившийся. Умер, и его соседи по комнате вытащили в коридор, забрав одежду, так как холод был страшный, а у людей в эвакуопункте из одежды было только то, что осталось от лета. Ведь люди волею судьбы оказались в эвакуопункте в летней одежде. Как и мы. Мама, правда, еще до холодов, два раза ездила в Гатчину, но дом оказался разбит. В развалинах она собрала кое-какую детскую одежду и кое-что из зимней, но это – крохи. Второй раз она уходила из города вместе с отступающими частями Красной армии. А жители эвакуопунктов были такими же бездомными, без своего жилья, без вещей, без родных и знакомых и никому не нужными... В том случае, с мертвым, я спустился на первый этаж, позвал маму, и мы вместе отнесли тело в «покойницкую», где посадили его на подоконник, так как поднять наверх у нас не было сил. Этот эпизод я не люблю вспоминать, но запомнил навсегда!

Еще помню случай, когда зимой, до Нового года, поздно вечером к нам постучалась женщина. Беременная. Начались роды. Ее как-то отгородили временной ширмой, и при свете коптилки заведующая эвакуопунктом принимала роды. Мама грела на буржуйке воду и помогала ей. А я все пытался заглянуть за ширму: интересно было увидеть, как рождаются дети!

Эвакуопункт... Этот период нашей жизни проходил как в тумане: все нечетко, как провал в памяти. Запомнилось, как в конце марта пришли в эвакуопункт машины (маленькие автобусы). Нас, дистрофиков, поместили в эти автобусы и по льду Ладожского озера ночью вывезли из Ленинграда. Как ехали, не помню. Вспоминается темнота, холод, иногда вспышки света. На другом берегу погрузили нас в пассажирские вагоны и привезли на станцию Вичуга

Ивановской области. По дороге поезд часто останавливался, и люди выползали из вагонов и прямо около них справляли нужду. Я был мальчишка застенчивый и стеснялся садиться рядом со взрослыми женщинами и однажды ушел подальше, а поезд тронулся! Я еле успел забраться в тамбур последней теплушки и так, раздетым, ехал до следующей остановки.

В Вичуге нас всех сразу развезли по больницам: детей – в детскую, а взрослых – в другую. Я с сестрой лежал в одной больнице, но в разных палатах. Сестре сделали операцию на больной, обмороженной ноге, и она очень болела, а я быстро пошел на поправку и, конечно, изменился внешне. Даже мама, когда выписалась из больницы и пришла проведать нас, встретив меня в коридоре, спросила: «Мальчик, ты не знаешь, в какой палате находится Алик Шестаков?»

Вскоре выписали из больницы и меня с сестрой и поселили в общежитии. Мы с мамой поправились, а сестра еще долго болела и умерла у меня на руках. Мама в это время хлопотала о поездке на родину отца, в Архангельскую область.

В мае 1942 года, после похорон сестры, мы уехали в Архангельскую область, где и жили до ноября 1945 года. Но это уже другие воспоминания...

Иногда мне кажется, что если бы я даже сейчас пожил в Ленинграде (Санкт-Петербурге), то сам походил бы по архивам и, наверное, отыскал бы кого-то, кто вместе с нами жил в эвакуационном пункте. Ведь наверняка где-то в архивах есть данные о проживающих в этих эвакуационных пунктах, о возможных запросах вроде моих, об их эвакуации, которая проводилась организованно, на государственном уровне!

Но... Годы... Теперь уже не дознаюсь!..

Шамраева (Андреева) Антонина Петровна
Заменила младшей сестре родителей

Прожила в городе все дни блокады. Потеряла от голода сначала папу – Андреева Петра Константиновича (01.02.1942 г.), который похоронен в братской могиле на Серафимовском кладбище, а затем и маму – Андрееву (Петрову) Евдокию Петровну (12.07.1942 г.), которая похоронена на Пискаревском кладбище в братской могиле. Заменила младшей сестре родителей. Пришлось оставить учёбу в Институте внешней торговли и даже отказаться от предложения наркома просвещения от эвакуации вместе с институтом и дальше продолжить обучение по ускоренной программе. Нужно было думать, как жить и воспитывать младшую сестру. Устроилась счетоводом в Промбанк, а затем работала по вольному найму в действующей воздушной

армии до конца войны. Сейчас маме исполнилось 89 лет. Она является участником войны и блокадником города Ленинграда. Имеет правительственные награды. Человек с большой буквы.

Шукалова Тамара Николаевна
Остаться в живых означало победить!

Житель блокадного Ленинграда. Жила по адресу: Ленинград, набережная реки Мойки, дом 10, квартира 17, – в «золотом треугольнике», как сейчас говорят, а тогда – в бомбовом эпицентре, в артснарядовом аду.

Я была почти храбра, я укрощала блокаду булатной сталью, как танки, катюши, самолеты-авиакобры. Я не терзала маму и не просила хлеба. И даже Пулковская высота, Воронья гора не была для меня пугалом. После обстрела с Вороньей горы мы вместе с подругой собирали осколки на Дворцовой площади. А туда нос нельзя было показывать, не то что собирать осколки. Мое эхо из тех далеких дней, долети до всех; человечество, не допусти того, что пережили мы. Я пишу только для того, чтобы не было войны. Хочется, конечно, в прошлое без страха заглянуть, но разве может ленинградка та забыть ту адовую жуть? Девочка из булатной стали, войну я встретила под Ленинградом. Дача. Станция Всеволожская, жаркое лето, рожь, пшеница в рост. Приближался сенокос, поспевала земляника. У соседей кричал патефон: «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой, крутится, вертится, хочет упасть...» На мне был сарафан из ситца, голубой, как небо. Где-то пела птичка, рядом спела черная смородина, голубился цветочек льна, синел василек, цвел куст красных роз, и летало множество стрекоз. Бог грозы Перун, должно быть, подумывал: «Надо бы полить картошку». На ладошку села божья коровка, на нос – махаон, зеленый кузнечик прыгал в танце, как кенгуру. Он еще не знал, что уже шла война. Вдруг в небе появился самолет с немецкой свастикой. Он летел так низко, что мне показалось, что немецкий ас смотрит прямо на нас. А мы были лишь вдвоем: мой дед и я, тоненькая ручка – дедушкина внучка. Мы считали черные закорючки, прикрыв глаза от солнца. Их было много. Они держали курс на Ленинград. На мою улицу Мойку, на мой Летний сад. Мы еще не знали, что немцы уже бомбили города, что скоро будет оборона Ленинграда. Дед держал меня за ручку, и булатная сталь потекла с потоком крови от деда к внучке. Началась блокада, все суровее сдвигались мои брови, в моих сосудах осталась только сталь булатная, она у нас в роду. Мой дядя майор Владимир Семенишин, летчик бомбовой авиации, стал Героем Советского Союза. Его брат Константин Семенишин защищал Ленинград, штурмовал Берлин. Моя мама Олимпиада Семенишина строила самолеты в блокадном Ленинграде. У врага

было задание стереть город с лица земли. Но Геринги не учли, что за город сражались Шукаловы, Семенишины: Владимир, Надежда, Константин, Григорий, Олимпиада и маленькая Тамара...

Моя молитва

Моя молитва: не нужна уж больше миру жуть. Мой город, моя улица, мой дом, мой двор, мои сверстники. Мойка – улочка моя! Сколько связано с тобой! Птицы, птицы, вам вслед хочу кричать: здесь осталась та печаль, здесь остался след тех военных лет...

Театральный ансамбль, лебединая песня Росси, а в 41-м мы входили в блокадную осень. Как же так – начался артобстрелов такт, падали скошенные бомбовым огнем дома, слезами падала с искалеченных деревьев листва. **Немецкая авиация неистово бомбила город. Одна из бомб упала и на мой дом. Бом – нет дома, нет мостовой. Бомба вывернула булыжники Петровской эпохи, на этом месте зияла воронка, после реставрации новые булыжники положили по-новому. Виден раствор, раньше его не было.** В 1944-м победный фейерверк салютовал над Невой! Но остался след войны на улице моей, на Мойке, самой моей родной улице. Птицы, птицы, я вам расскажу, как до войны мы играли в русскую лапту. Играли взахлеб, играли до розовых щек, до мокрых волос на лбу. Порой счастливой были залиты дворы-колодцы. А потом, потом на фронт ушли ребята-добровольцы. Из глаз, от слез слипшихся, скатилась слеза по тем дворам, по тем погибшим. Город потерял миллион – это на века стон. Птицы, птицы, вы испейте водицы той, наполненной счастливой порой. Этим обретете силу и расскажете всему миру, что, в довоенных дворах играя, не ведали дети страха. До надрыва сердце чтоб болело, чтоб стонала ваша грудь, громко прокричите: «Не нужна уж больше миру жуть!»

Дедушка Григорий

Мы не падали духом никогда. Даже штабеля-колодцы из трупов не свели нас с ума. ...По улочкам моим родным теперь одна хожу... Ноги в подкос, в глазах много слез, сердце стучит в надрыв. Я слышу артснарядов взрывы. Бомб, летящих на меня, свист. Мое сердце стучит сильнее нужного, оно той войной натружено. Оно дрожит, оно в прошлое бежит. Оно бедное, оно бледное. Оно просто упало к ногам тротуара моей Мойки, как когда-то упала бомба на мой дом. Не стучи, мое сердце, сильней. Ну не делай же мою застаревшую боль больней... Потом оно, как Медный всадник, вздыбь... ...На детских саночках

длинный и легкий такой дед мой лежит родной. Он лежит и почему-то молчит. Простыня белая еще сильнее лицо бледнит. Он умирал гордо! Не просил ни воды, ни хлеба... Он так и не узнал, что его младший сын стал героем неба. Санок полозья скрипят, до кладбища путь долог. Тетя держит санок поводок. Вот ступила моя детская ножка на землю ту, где белый снег падает в тишину. Вокруг штабеля, штабеля одни. Ни венка, ни цветка, ни причитания. Вот рядом и наша колодцем поленница. Скоро ее заполнят доверху дедом моим и дедом чужим. Ну сколько же надо тонн жил? Ну зачем же в моем городе в сорок первом и сорок втором людей погиб миллион? всю жизнь мою в сердце моем блокадный стон похорон. Блокадный, детских ножек моих марш похорон.

Кошачья лапка

Подруги мои милые, Камилла, Мила, Ада, ваши дни уже были сочтены. Мы еще не знали, что попали в ад. Продуктовые склады имени Бадаева сгорели, и мы почернели вместе с ними. В дело пошло молоко из сои, чердачные кошки, сапожный клей (его мама меняла на вещи). Летом в скверах появлялись лебеда и почки, из них пекли лепешечки. Я выжила. Мы жили на Мойке, на пятом этаже, в доме с парадным и черным ходом. В доме на чердаке жили чердачные кошки. Мы их съели, мне говорили, что варят кролика. Уже ни кошечек, ни пшена, от студня из клея болела печень, перед глазами от голода кружат мушки, сидишь и ждешь, что ровно в семь прилетит и начнет бомбить фашистский шмель. В один из таких вечеров к нам пришла тетя Катя, Екатерина Петровна Балакирева, двоюродная мамина сестра. Она открыла свою дамскую сумочку и достала оттуда... кошачью лапку. Тетя Катя была как в бреду, показывая нам эту лапку, она победно сказала: «Выживу! Не пропаду!» А есть-то в лапке было нечего: коготки да шерсть. Дед пошел проводить тетю Катю до двери, закричал: «Вернись! Пропадешь!» Но она ушла в ночь под свист летящих бомб. И ведь они все выжили: и она, и ее дочь Тата, и ее мама. Для них не пришлось долбить лопатой мерзлую землю.

...Снаряды и осколки влетали к нам в окна. Падающие бомбы рушили соседние здания, а мы оставались дома – на жилах, на характере. Сейчас даже от воспоминаний мне хочется упасть в обморок, а тогда мы сидели и слушали ужасающий свист падающих бомб. Как броней каждый раз прикрывало слово «Мимо!». Свистов я тогда не считала, особенно много бомб падало на 7 ноября. Они приземлялись почти у нашего порога. «Мимо!» – шептала мама, эти слова спасали и отвлекали меня. Снова свист и снова шепот: «Мимо!»

Подарок на день рождения

Минула голодная зима 1942 года. Не знаю, как мы пережили ее – совсем без продуктов и даже без чая. 2 апреля мы отмечали мой день рождения.

В этот день мама накрыла стол и положила на него два кусочка хлеба, таких маленьких и тоненьких, что хоть прожектором освещай. Мама решилась на невозможное, пододвинула свой хлебушек ко мне и празднично сказала: «Это – тебе... Сегодня тебе полагается подарок». У нее не дрогнула рука, не скатилась слеза по впалой щеке, ее большие зеленые глаза улыбались мне. Где-то рядом разорвался снаряд. Я передвинула хлеб назад и сказала: «Апрелей в мирные годы будет много, а ты у меня одна... Точка». Вскоре маму положили в стационар с диагнозом «истощение». Я осталась одна.

...К булочной бежала Шукалова Тамара и крепче крепкого сжимала в своем кулачке хлебные карточки. Но булок не было ни той, ни другой зимой. С крошечкой хлеба она возвращалась домой. Опять бежала по лестнице винтовой на пятый свой, откуда был виден Исаакий и Петропавловки шпиль, – с ними она жила. **Хлебные карточки нельзя было терять. Это значило – жизнь потерять, то есть с голоду умереть. Ленинградцы не сдаются. Люди умирали семьями, если теряли хлебные карточки. Поэтому мама всегда говорила: «Береги их пуще глаз! А хлеб дели на три». И я проявляла характер – делила сто граммов хлеба на три части. Потому что остаться в живых означало победить.** Это было дело чести – доказать немцам, что мы не сдадимся ни при каких обстоятельствах. История мировых войн человечества не знала примера, равного блокаде Ленинграда. Однажды ночью, не умолкая, загудели тяжелые орудия батарей Ораниенбаума, фортов Кронштадта, Красной Горки, Серой Лошади, кораблей Балтийского флота. В районе Ропши соединились 2-я и 42-я армии. Мне больше не снились салюты и фейерверки. Сейчас орудия салютуют наяву. В моем городе по весне цветут липы и каштаны, а я в Норильске вспоминаю, что говорила мне мама: «Мы – Шукаловы, мы – Семенишины, Тамары, Олимпиады, Константины и Гриши, мы сталью вышиты...»

Улица

Мойка, липы, каштаны, сирень. Я из жуткого прошлого, я ваша трагедийная тень. Мой Ленинград и война, улочки мои и дома, моя Моечка и моя Нева... Я знаю, что вы не забыли меня. Свое прошлое, как драгоценность, храню и тебе, Ленинград, безграничное мужество, безграничную стойкость ленинградцев в наследство дарю. Я не ношу свою награду – знак «Жителю блокадного Ленинграда». Когда я сжимаю ее в своем кулачке, как те хлебные карточки, – хлебной крошечкой слеза по щеке... У меня нет ничего дороже.

Шарова Маргарита Федоровна
Я первый раз увидела, как мама плачет

Шарова Маргарита Федоровна – руководитель Музея боевой славы центра образования № 1485 Западного округа г. Москвы

Я была еще совсем ребенком, когда началась война. Перед блокадой моя мама, будучи директором школы, поехала в детский лагерь вместе со школьниками и взяла меня с собой. Оказалось, что мы двигаемся навстречу фашистам. Связь с Ленинградом резко прервалась. Нас нагоняли родители школьников, чтобы забрать своих детей. Они рассказывали, что ситуация уже очень тяжелая – фашисты совсем близко. Мама приняла решение возвращаться в Ленинград. Мы двинулись обратно. Было очень страшно – за одну ночь нас бомбили 7 раз. Каждый раз мы выбегали из поезда и прятались под вагоны. Воздушные бои шли прямо над нашими головами – я хорошо запомнила гул самолетов, взрывы бомб... Не знаю, как мы уцелели, наверное, чудом.

Мы прибыли в Ленинград, но уже не в мирный – фашисты готовились сомкнуть кольцо блокады. Отец был на фронте. В почтовом ящике мы нашли от него пакет – там были документы. Он просил нас срочно эвакуироваться из Ленинграда. Но мы не успели оформить документы, чтобы уехать, – кольцо блокады сомкнулось.

Во время блокады помню, как мы ходили с мамой за водой на Неву. На обратном пути мама упала, вода разлилась. Мама заплакала. Я первый раз увидела, как она плачет.

Помню, как лежала в комнате, а надо мной абажур ходил ходуном. Я закричала: «Мама, останови абажур! Он сейчас упадет на меня!» Оказывается, это голова у меня кружилась от голода.

Помню, как мы прятались в бомбоубежище, проводили там ночи.

После блокады я для себя твердо решила, что стану историком и буду заниматься Великой Отечественной войной. Я выполнила это обещание.

Щененович Вадим Сергеевич
Работали без выходных

В 1941 году я закончил 5 классов школы. Война застала меня на даче в Сиверской. Как сейчас помню: был солнечный день, мы купались и загорали на

речке. Вдруг с горы услышали крики людей: «Германия напала! Война!»
Поначалу я, как и все дети, был убежден, что на границе немцев быстро разобьют и война закончится. Но жизнь распорядилась иначе.

Станцию Сиверская бомбили в начале июля. Наш дом находился напротив больницы, мы видели, как на лошадях и машинах привозили раненых. Тогда я впервые стал свидетелем жертв войны. Вскоре родители приехали за нами, и мы с большим трудом выехали в Ленинград. В городе уже шла эвакуация, мама собрала большой мешок с вещами, чтобы отправить меня со школой в тыл. Утром пришел отец с работы и заявил: «Отправлять сына из Ленинграда не будем!» Так я остался в городе.

Первая бомбежка застала меня в кинотеатре «Искра» на Суворовском проспекте. Бомбы попали в большой дом госпиталя. Тогда я окончательно понял, что война – не кино.

В нашем доме располагался штаб противовоздушной обороны нашего квартала. Дети, которые не уехали из города, таскали на чердаки домов песок и воду, а во время воздушных тревог дежурили там. Жить становилось все тяжелее и тяжелее. Наступили холода и голод. В нашей квартире проживали 12 человек. В ноябре 1941-го слегла мама, потихоньку угасали соседи, и нас осталось четверо. Мама надевала на меня все, даже свою беличью шубу, сверху платок. В таком виде я ходил в магазин выкупать хлеб, за водой и искать какие-нибудь палочки, чтобы кипятить в самоваре воду и варить на печурке еду.

Но самое страшное было впереди. Маму отвезли в больницу, я пошел сказать об этом отцу. Он не ел масло, собирал его в стакан и попросил передать стакан маме.

В конце марта 1942-го я совсем обессилел, и меня вместе с отцом отправили в больницу на Кировских островах. Когда наступила весна, я записался в школу, собирался идти в 6-й класс, но учиться не пришлось, я все время думал о еде, был скован, разучился даже говорить. Отец умер.

После смерти отца я поступил в ремесленное училище при заводе имени Ленина, там началась моя трудовая жизнь. Там я начал постепенно приходить в себя от потрясений, от голодной, холодной и страшной зимы. Правда, сытым я себя еще долго не мог почувствовать. Зато ко мне вернулась нормальная речь, я мог уже редко, но улыбнуться.

В августе и сентябре 1942 года мы работали без выходных – разбирали деревянные дома, дрова отдавали в квартиры для печурок. Через год, 25

сентября 1943 года, в ремесленном училище меня наградили медалью «За оборону Ленинграда». Я был токарем, мастер назначил меня своим помощником. В то время в цехе было много девушек и женщин, им было необходимо помогать – установить резец, отрегулировать работу станка. На заводе им. Ленина я проработал до конца войны, а потом перешел на завод им. Воскова.

Юрченко Елена Матвеевна
Я ничем не могла им помочь!

Елене Юрченко было 16 лет, когда началась война. Она жила в осажденном Ленинграде вплоть до весны 1942 года, когда ее эвакуировали из города в Кизляр. Победу Елена встретила в Ченстохове (Польша).

4 июня 1941 года мне исполнилось 16 лет. Я уже почти год работала на государственной ситценабивной фабрике на Васильевском острове...

Весь июль и август мы рыли окопы и противотанковые рвы, чтобы танки немцев не прорвались в город.

Помню, как в сентябре небо было озарено ярко-малиновым светом. Взрослые сказали, что немцы разбомбили и подожгли Бадаевские продовольственные склады.

В октябре в столовой нам еще давали по тарелке супа с хряпой: в поле срезали капусту, и оставались кочерыжки с корневищем, все это рубили и заправляли отрубями. Но скоро и его не стало.

Шел ноябрь. Умирили не только люди. Остановились, замерли предприятия. Представьте себе: огромная территория Ленинграда, и единственный вид транспорта, что видела я, – уныло бредущий человек, который вез сани, а на них – зашитый в простыню мертвец.

Суточная норма питания – 125 г хлеба. И так изо дня в день, из месяца в месяц.

На улице 30 градусов мороза.

Я выходила в магазин, чтобы получить свой паек хлеба, найти какую-нибудь щепку подтопить буржуйку и набрать воды в люке большого дома (водопровод заледенел). По утрам там всегда стояла небольшая очередь. Метрах в пяти от

очереди на снегу лежала женщина с раскинутыми руками. Она лежала там пять дней.

А еще врезались в память последние дни – перед тем как я эвакуировалась из Ленинграда 30 марта 1942 года.

29 марта. Большой проспект Васильевского острова. Вечерело. Передо мной шла молодая женщина, а навстречу ей маленький мальчик. Он тихо и горько плакал. Женщина склонилась над ним. Он сказал, что у него умерла мама и он боится идти домой.

Утро 30 марта. Зашла в студенческое общежитие навестить перед отъездом сотрудницу. Толкнула дверь. Она обо что-то ударилась. В приоткрытую дверь увидела зашитый в простыню труп.

Открыла другую дверь и остановилась на пороге. Передо мной стояла двуспальная кровать. Аня смотрела на меня, с края кровати лежал ее брат лет семи. Он вылез из-под одеяла, попил воды, что стояла на буржуйке, и опять нырнул под одеяло. А между ними лежала их мама. У нее запали глаза, руки лежали поверх одеяла, пальцы были скрючены. Она была мертва. Я долго стояла молча, потом ушла. Я ничем не могла им помочь. По дороге в общежитие не встретила ни одной живой души.

Ботинки, что дали при выписке из детдома, порвались, когда рыла окопы, и я встретила этот зимний ад в туфельках и резиновых ботах. Носки и варежки в детском доме нам и в мирное время не давали, а купить на половину ученической ставки я ничего не могла.

В четыре часа грузовая машина повезла нас через Ладогу. Потом в теплушках везли нас ровно месяц и привезли на Северный Кавказ, в город Кизляр. Только проложили железнодорожную линию Кизляр – Астрахань. Она имела большое стратегическое значение: по ней везли нефть на Сталинград. Шел 1943 год. Жила в землянке. Работала диспетчером воинских перевозок.

Победу встретила в г. Ченстохове, Польша. Железнодорожники шли вслед за фронтом: подвозили танки и другую боевую технику, а вывозили раненых. А в сентябре – побывала в Германии. Странное чувство – к моральному удовлетворению от Победы примешивалась горечь от понимания – какой ценой она достигнута.

Якобсон Эдуард Станиславович
Память о моих близких

«Человеку не дано помнить всё, но есть такие события, которые забыть невозможно. Чем больше они отдаляются, тем чаще они дают о себе знать. Прошло уже семьдесят лет, и у меня появилась возможность не держать эту память при себе, а поделиться с читающими эти строки...»

«...Говорят, что о трагедии Ленинграда помнит „каждый его камень“. Но вот люди не все помнят, а есть и такие, которые и не знают. А ведь для того, чтобы помнили и знали, нужно всего несколько слов без излишнего пафоса и без напоминания о том, кто финансировал установку этого камня с начертанием этих слов на нем (здесь я имею в виду камень и надпись на нём, предлагавшиеся мной).

Когда я прохожу по теперешнему Александровскому парку мимо Мюзик-холла и зоопарка и вижу между ними на аллеях, поблизости от памятного мне места, гуляющих и развлекающихся жизнерадостных людей, я рад за них, но где-то из глубины подсознания у меня выплывает чувство, что они топчут память о моих близких – Толика, бабушки, отца и многих тех, кого уже давно нет с нами и могилы которых неизвестны. Если бы на этом месте был скромный памятный знак, то такое мое чувство, думаю, стало бы проходить.

Прошлым жить нельзя, но если мы говорим и считаем, что „Никто не забыт, и ничто не забыто“, то об этом, видимо, нужно деликатно напоминать потомкам, ведь скоро придет время, что тех, кто ЗНАЕТ и ПОМНИТ, уже не будет».

Яржевская Надежда Михайловна
Самое страшное ругательство

У нас была очень добрая и дружная семья, мы жили на Петроградской стороне.

В 1942 году меня не взяли в школу из-за дистрофии. После выписки из больницы меня направили в детский приемник на Кировском проспекте, а оттуда уже в 41-й детский дом.

Нам сказали, что если у кого-то из нас есть ключи от дома, то нам следует сходить туда, забрать игрушки и другие вещи, представляющие для нас ценность. Мы последовали совету наших воспитателей, сходили домой, и каждый принес свою любимую игрушку и еще кое-какие вещи. В детдоме мы спали вдвоем на кровати: во-первых, потому, что так было теплее, а во-вторых, нам банально не хватало места.

Помню, что самым страшным ругательством в детском доме было «дистрофик несчастный». Когда мы слегка окрепли, в детском доме нас стали учить ходить с винтовкой. Мы не стреляли, а только знали, как это делать.

У одного из наших сверстников на балконе лежало много булыжников. Когда ему задали резонный вопрос, зачем ему столько, мальчик ответил, что если немцы войдут, то он таким образом будет обороняться и убивать их. Вот какое отношение к городу было даже у самых маленьких его жителей.

Как-то управдом поручил нам собирать бутылки. Вначале мы не поняли, зачем это надо. Но нам объяснили, что бутылки будут наполнять зажигательной смесью, и тогда их можно будет кидать под танки. Бутылок в городе было мало, и это было целым делом разыскать бутылку, да еще с узким горлышком. Вторым заданием управдома было носить на чердак песок. Мы его таскали даже в носках, поскольку тогда был дефицит тары. Еще мы носили на чердак воду.

Я помню, как горели так называемые «американские горы» около зоопарка. В них попали зажигательные бомбы, и они вспыхнули в секунду. Когда «горы» горели, было светло как днем.

Мучением для нас было ходить за водой. Сначала мы пытались растапливать снег, но он был очень грязный.

В конце мая мы поехали с мамой на трамвае в больницу. Подняться на подножку нам казалось чем-то невозможным. Было невероятно тяжело поднять ноги на такую высоту. Но мы как-то справились.

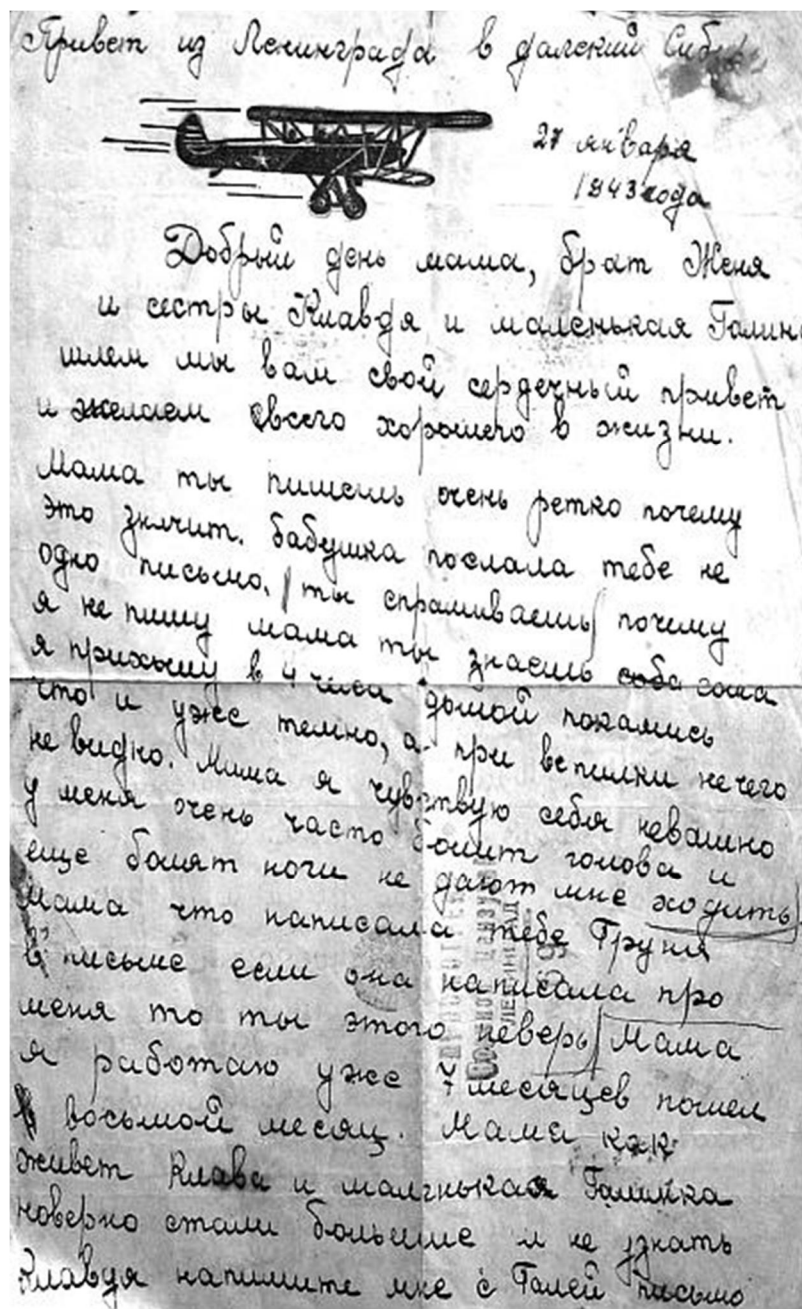
Помню, что было очень страшно, когда фашисты сбрасывали пустые, просверленные бочки. Они летели с ужасным визгом, это было даже страшнее, чем когда летели бомбы.

Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» продолжает собирать воспоминания защитников и жителей блокадного Ленинграда. Старт «Народной книге памяти» был дан в день 70-й годовщины начала блокады Ленинграда, завершение проекта планировалось в юбилейную дату снятия блокады. Но по непрекращающемуся потоку писем с воспоминаниями мы поняли: проект необходимо продолжать. Для нас ценно каждое воспоминание, ведь цель проекта – оживить историю блокадного Ленинграда, показав ее через призму частной жизни. По объективным причинам в печатную версию книги вошли не все воспоминания. Истории, поступившие в редакцию, публикуются в

электронной «Народной книге памяти» на специально созданном сайте www.blokade.net.

Ждем истории жителей блокадного Ленинграда по почтовому адресу: 107076, Москва, ул. Краснобогатырская, 44, с пометкой «Народная книга памяти», по электронному адресу: mir24@mirtv.ru

Также, чтобы отправить воспоминание, вы можете воспользоваться формой на сайте www.blokade.net



3 = Октябрь 1941.

Милая Дзюна!

7/11

Мы получили ваши письма, твоё и мамин Зою, которые вы отправили 15 сентября. Теперь мы все про вас знаем. Мама очень рада, что у тебя дела идут хорошо. Ваше питание конечно лучше нашего. Да, ты одна получаешь хлеба столько же, сколько мы с мамой вместе. Только Люся, как рабочий, получает 400 гр. хлеба, мы же с мамой по 200 гр. Белого хлеба, булок, не кушаем, не даём только немскому детям. Общай никаких карт, карточек не пробовай, мы забыли её вконец. Хотелось купить, но видимо придётся не купить. По возможности обращай внимание слишком близко стоять у нашего города. Они рвутся к

12 Октября 1941 г.

Здравствуй Дзюна!

Поздравляю тебя и маму Зою с праздником Октябрьской Социалистической Революции. Желаю встретить этот великий день с хорошими отметками по всем твоим предметам, наукам и впредь идти ровной прогрессивной тропой. Чем ты вас угощай, будешь к празднику? Маме вот выдают по 100 грамм шоколада, не считая 250 грамм конфет. Остатки продают выдают по пресекшим нормам. Мама приезжала на два дня и опять уехала



Такими же
были в войну
Добрая 1941г.

Из письма мамы от 2 сентября 1943 г.
Содержание письма относится
к этой фотографии.

Хорошо, что Ты на поуренные Делами, поупасишь
молоко и фрукты, - я постараюсь Тебе еще при-
слать немного смолы. От деди веди есть и
что его освободили. У меня фотопластинки и
ничего никакби най, попроси прислать тебе
можешь быть у нее есть какой нибудь, а я маме
печенки за эти годы. Дорогая Вильгельма, я
недавно получила замечательное письмо:
в феврале 1941 года мама мамочка послала
мне письмо из Лен-да на Команду, где я
тогда был, в этом письме была вложена
моя записка, где Ты пишешь что учишь
во втором классе, о Иринеке своей соседке
день пельни и кроме того была вложена
фотография, где вы сидите в лесу, и я
что прислала вам тетя Шура, у Тебя был
магнитофон с янтарем, и мамочка писала
что какие вы все стали большие, и
для письма меня не застало на Команде.
Случилось два половинки года и теперь
идти до меня. Какие вы там красивые
и большие, а теперь выросли еще больше
и я с удовольствием смогу по вашей
картинке, на моих любимых ребятишках.
А с какими наслаждением я посмотрю на
танец на вас мои дорогие детки,
как мы будем хорошо жить вместе
и любить друг друга, дружно и весело!



Письмо из блокадного
Ленинграда от Жанны
Васовой, нашей
соседки.

Жанна Васова.
Снимок довоенный.

16 мая 1943 года Ленинград.

Дорогая Вика, подумываю тебе с мамой и описать тебе все, что случилось и описать тебе светом радуюсь. Я 2^{ое} письмо тебе писала 7^{ое} писем и буду расписывать. От ~~друзей~~ Валин-твилас ~~друзей~~ получила письмо в котором она пишет, что Динку посыл окончили в этом году. Вика писала друг в друга. Вика, написали прислали мне три и как ты там живешь. Я тебе уже писала одно письмо, но ответа не получила. Вика еще тебе что-нибудь пишу, то напиши в письме. Вика сосуда, Александры Силкина, суверна. У нас уже распустились в Ленинграде деревья и занимаюсь собой не хочется. Вика я была так рада когда от тебе получила письмо, писала мне письмо, а то я не от кого не получила письмо. Девочки с которыми я училась

Письма блокады

Добрый день



Квабг

ам с

сера

нише

бабуш

. / тн

мамо

в 4 ч

ш

а а

ш

ш

ог

я ке нишу

я мухосви



Жиронкина Кира Владимировна





Фото прислала Луговая Ольга Сергеевна



Фото передано Дорожко (Грибовой) Татьяной Павловной



Батова Зинаида Ивановна



Севастьянов Степан Захарович



Васильев Валентин Леонидович



Новикова (Рогоцкая) Мария Максимовна

Аттестат на продовольствие № 622

Форма № 45

Эвакуационный № 2764
(наименование части)

подполковника Назарова Валентина Степановича
(должность, звание, фамилия, имя и отчество)

Удостоверен при части 2764 по карте 19/12-42 пайка:

- 1. Продовольствием в натуре по „19“ марта 1942 г. (включительно) 19/12-42
- 2. Сахаром по „19“ марта 1942 г. (включительно) Хлеб 600г
- 3. Мыльными дозольствами по „1“ апреля 1942 г. (включительно) Сахар 200
- 4. Продовольства-путев. деньгами на путь следования до
из выезда _____ руб. _____ коп. в сутки на _____ дней, в сумме _____ руб. _____ коп.
по _____ 1942 г. (исключительно).

5. Продовольствием в натуре на путь следования на _____ дней.

6. Денежной компенс. взамен натуралн. продовольств пайка по „____“ _____ 1942 г.
в размере _____ руб. _____ коп. в месяц.

7. Продовольств. и мыльным дозольств. удовлетворился за плату, бесплатно (внужающе задржки).

8. Исполнение дозольств с 20 марта 1942 г. 2764 (№ приказа по части об исключении с дозольств)

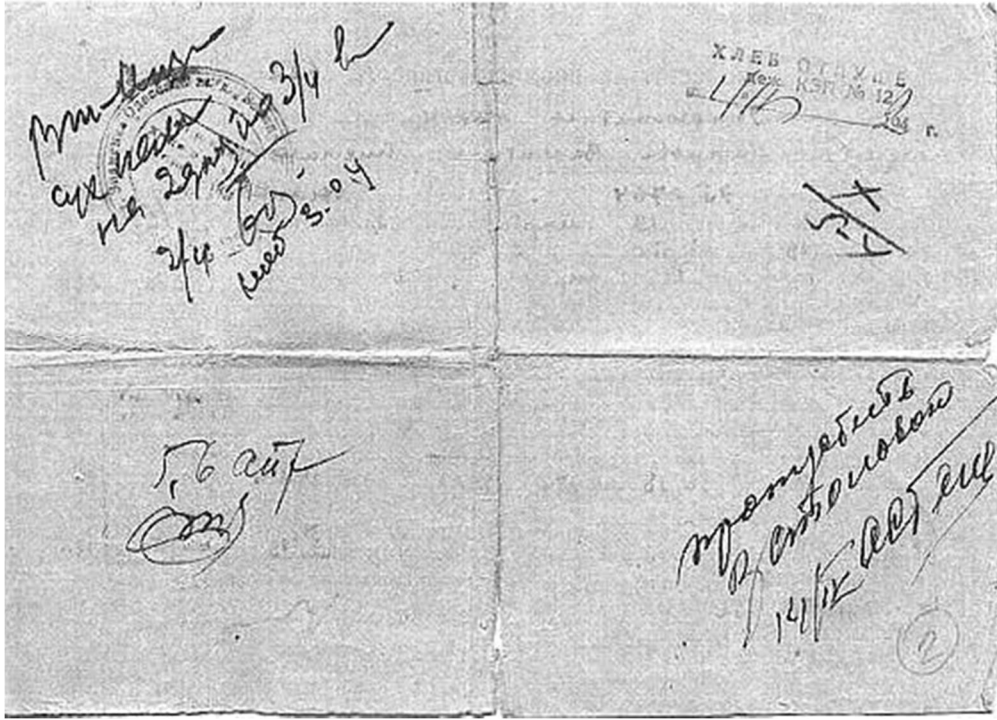
9. _____ (№ приказа по части о зачислении на дозольство)

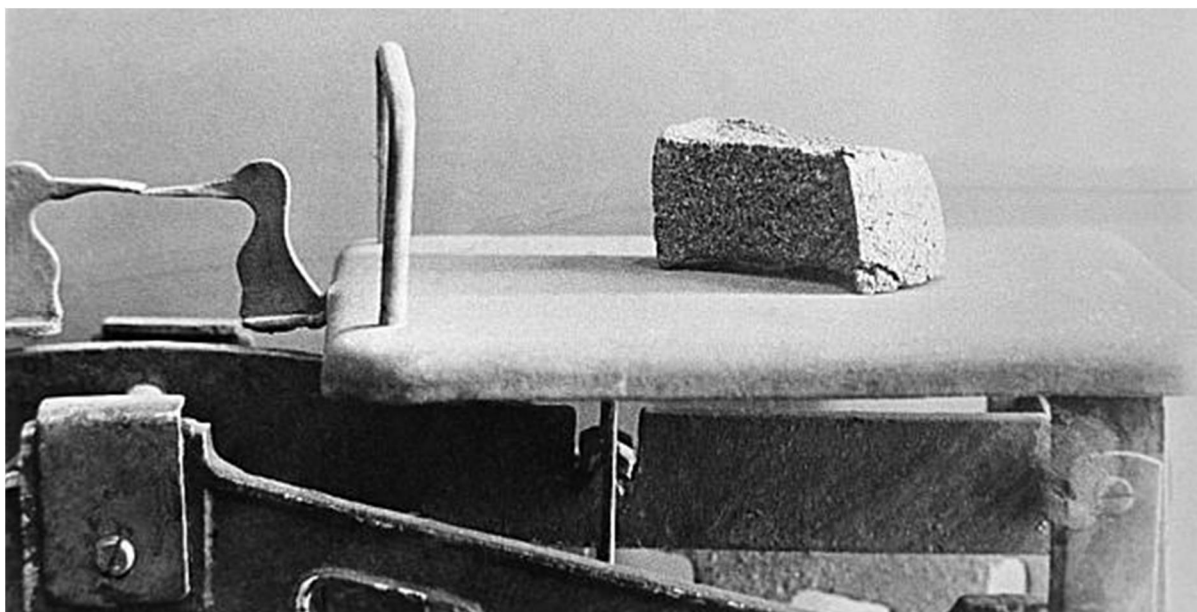
10. _____ (№ приказа по части о зачислении на дозольство)

Начальник продовольственного снабжения *Исмаилов*
1942 г. Деятельность



7





На весах 125 граммов хлеба – установленная норма для служащих, иждивенцев, детей в блокадном ноябре 1941 года. Репродукция Николая Адамовича. Фотохроника ТАСС

НОРМА ВЪДАЧИ			
ХЛЕБА			
на Декабрь			
Работники - ИТР	Служащие	Иждивенцы	Дети
250г	125г	125г	125г

В голодном декабре 1941 года рабочие и ИТР (инженерно-технические работники) получали по 250 граммов хлеба, служащие, дети и иждивенцы по 125 граммов

ЛЕНИНГРАД **С**

КАРТОЧКА

на МЯСО и МЯСОПРОДУКТЫ

М. П. **на НОЯБРЬ 1941 г.**

Фамилия *Добинский*

Имя, отчество *Александр Иванович*

Карточка при утере не возобновляется

Адресовать	12 НОЯБРЬ	11 НОЯБРЬ	10 НОЯБРЬ	9 НОЯБРЬ
	одназначити	десять	десять	десять

НОЯБРЬ **НОЯБРЬ**

10 **9**

десять

ЛЕНИНГРАД **И**

КАРТОЧКА

НА

МАСЛО животное и растительное

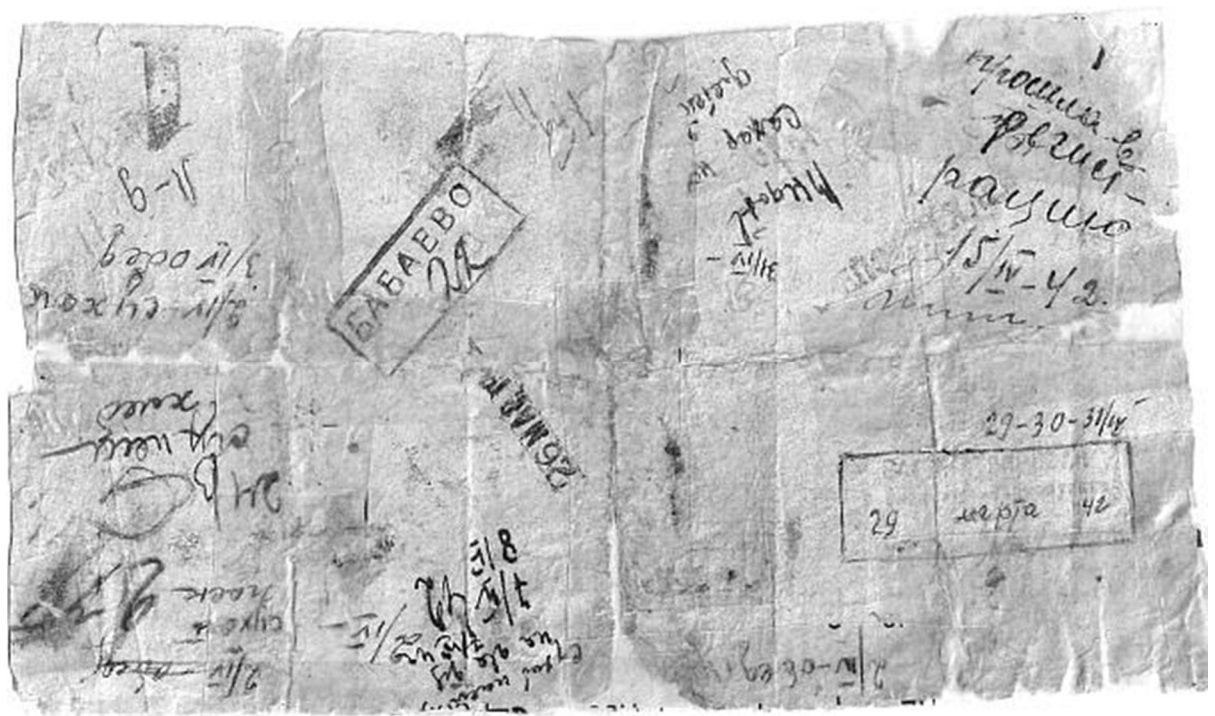
САХАР и кондитерские изделия

на НОЯБРЬ 1941 г.

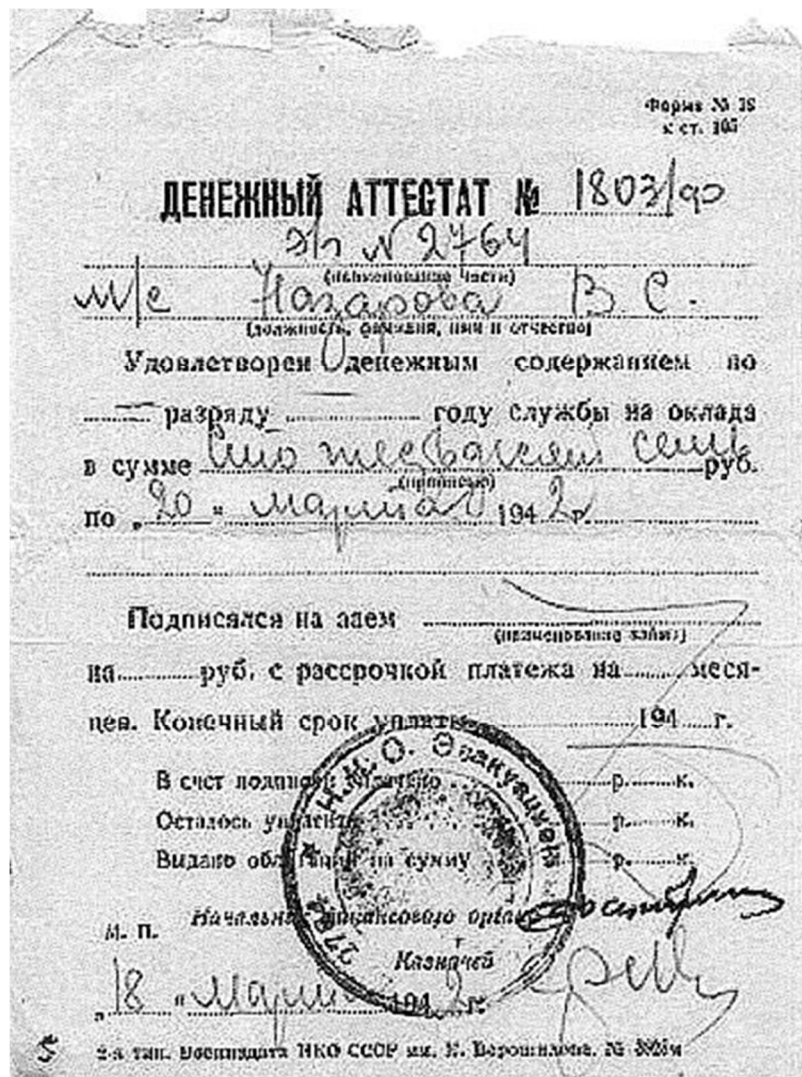
Фамилия *Дерягина*

Имя, отчество *Анна Александровна*

При утере карточка не возобновляется



Блокадный Ленинград. Зима 1942 года. Остановилась городская электростанция. Вышли из строя водопровод, транспорт. Репродукция ИТАР-ТАСС



И. С. Ф. С. Р.
Кузнецкий
 РАЙОННЫЙ СОВЕТ
 ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
 г. Ленинград

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
 РАЙОННАЯ ЗАВОДЧИЦКАЯ
 19/III 1542
 20/IV 10

М. П.

УДОСТОВЕРЕНИЕ
 Предъявитель настоящего удостоверения
 гр. **Мазеров Валентина Степановна**
 с членами семьи

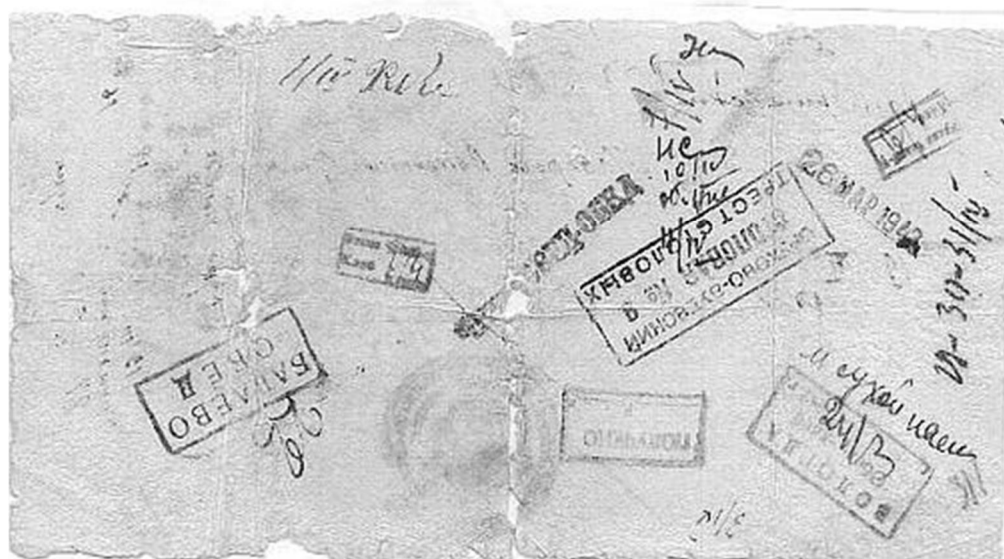
- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

эвакуированы в Ленинград.
 Председатель заводской комиссии

ПОСЛЕДНИЙ РАЙОН № 2
 Количество адресов: **один адрес**
 № п. п. Председателя: **Кузнецкий**

Исторический район № 18
 Дата выдачи: **19/III** Выход №
 Выход: **Кузнецкий** Район отправления
 Номер № **84** Количество адресов
 № п. п. Председателя: **один**

М 13072. Форм. № 1. Изд. Введенского, Санкт-Петербург, 1947



ПОВЕСТКА

Куда: Стр. Песочное улица

дом № 70 кв. № обш. 86

Кому: Назарки
Васильев (имя) Степанович (отч.)

Тип. им. Урицкого, * Зак. 4202

4

Военно-учетный стол при 16-м Отделении милиции города Ленинграда предлагает Вам явиться 7 октября 1941 г. к 9 часам в Клуб 3-де 189
Пр. Пролетарской Победы д. № 65

имея при себе паспорт, военный билет.

ЯВНА СТРОГО ОБЯЗАТЕЛЬНА

Начальник Военно-учетного стола

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОСЛЕ 5-го СЕНТЯБРЯ 1944 г.
 Без пропуска удержив. милиции на въезд по состоянию

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
 ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Ленинград, Соловский Тол. 529-15

№ 44/2959 14. Октября 1945 г.

Начальнику Областного Управления Милиции
 Восточно-Казахстанской области

Копия: Назаровой Валерии Степановне

Исполком Ленинградского городского Совета депутатов тру-
 дящихся разрешает въезд в гор. Ленинград Назаровой
 Валерии Степановне и просит выдать
 ему пропуск.

Председатель Исполкома Ленгорсовета *Горин* (Полков)

Ил 1185-7, СТ УИИ-А Зк. 201.

Истор. архив. Ленинград. документы в Ленинград.

Разрешение № 118

Разрешаю военн.обязанному тов. Назаровой
 Валерии Ст. 1921. * года рождения,
 состав. ДИЕ. ВУС № 1220 выезд к новому месту
 жительства г. Ленинград

со снятием с военного учета.

Удский Райвоенком *Мамин*

№ 5. сентября 1945 г. *Власов*


10

ШТАМП
 М. П. И. М. И. Н. К. О. Т. Р. Е. С. Т. Р. И.
 У П Р А В Л Е Н И Е
 Р Е Ч И - И С П О Л Н И Т Е Л Ь
 П Р И М Е Р
 С О У Б О Р О Т
 С О У Б О Р О Т
 С О У Б О Р О Т

ПРОПУСК Форма № 1
 302007

(Действителен при предъявлении паспорта)
 Разрешается гр. Новаросе Валентин
 фамилия, имя
Степанович
 отчество, год рождения
 работающему Челюбаков
 в качестве _____
 в'езд и временное проживание в с.р. Ленинград
через Моонки (указать точно название города, села,
 деревни, название и состав какой республики, края, области, этот пункт ввозит
 сроком по 30 октября 1957
 дата и месяц пишется полностью без сокращ.
 для поездки на рыб
п.р.п. а 56322. В.п.р.
 (указать кем и когда выдан)

Место для фотокарточки (используется при отсутствии на паспорте фотокарточки)
 ПОДПИСЬ ВЛАДЕЛЬЦА КАРТОЧКИ
 ПЕЧАТЬ




П РА В И Л А

1. Лицо, получившее пропуск на въезд в запретную пограничную зону или пограничную полосу и находящее по каким либо причинам внеюк, обязано, в городах — в течение двух суток, в сельских местностях — трех суток, вернуть пропуск органу РК милиции, его выдавшему.
2. Лица, получившие пропуск на въезд в запретную пограничную зону или пограничную полосу, обязаны, не позднее 24 часов с момента прибытия в пункт, указанный в пропуске, явиться для регистрации пропуска и прописки паспорта в ближайший орган РК милиции, а при выезде явиться в этот же орган для отетки о выезде.
3. Если в пункте пребывания лица, получившего пропуск, нет органа РК милиции, пропуск представляется для регистрации, а паспорт для прописки в этот же срок представляется сельсовету по территории.
4. По возвращении к месту постоянного жительства, пропуск подается немедленно возвращению органу РК милиции, его выдавшему.
5. Лицо прибывшее в запретную пограничную зону и пограничную полосу, несет право проживания только в том населенном пункте запретной зоны (полосы), который указан в пропуске.
 Проживание в других населенных пунктах запретной пограничной зоны или пограничной полосы, а равно передвижение в них может производиться только с разрешением органа РК милиции по месту регистрации пропуска.
6. При вынужденной остановке в пути следования в населенном пункте, находящемся в запретную пограничную зону или пограничную полосу и во возможности продолжить свой путь по иезависимости от лица, получившего пропуск, обстоятельства, оно должно немедленно предъявить свой пропуск органу РК милиции, а при отсутствии его, представителю сельского совета для производства отчета о причине прибытия, причинах остановки и времени выезда.
7. Лицо, утратившее пропуск на въезд в запретную пограничную зону или пограничную полосу, обязано подать об этом письменное заявление органу РК милиции по месту утраты пропуска с указанием обстоятельств утраты.
7. Лицо, идущее в запретную пограничную зону и пограничную полосу без разрешения органа РК милиции переданное свой пропуск другому лицу, а равно уклонившееся от регистрации выданного пропуска, — подлежит ответственности по закону от 7 сентября 1957 года (С. З. 1957 года № 59 ст. 251).



На Ладоге в дни войны. Доставка грузов в осажденный Ленинград. Репродукция Николая Науменкова / Фотохроника ТАСС


 Name: Деревянке 191
 Имя: Деревянке

2. Vornamen: Войс
 Имя: Горше Генрихович

3. Geburtstag: 9. VII - 1922
 День рождения

4. Geburtsort: Stadt Keningrad
 Место рождения: гор Ленинград

5. Lager: 54 - Рай. Ораниенбург
 Лагерь: сс - Лан. Ораниенбург

5a. Im Lager eingeliefert am: 19. X - 1941
 Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: Soldat
 Чин: рядовой

7. Truppenteil: 94/01 Tank Reg.
 Военная часть: танков. полк

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
 Номер военнопленного в германском лагере: 9224

9. Vorname des Vaters: Nikolai
Имя отца

Николай

10. Name der Mutter: Sinaida
Имя матери

Зинаида

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: Mutter
Адрес ближайших родственников

г.р. Ленинград 113, Кузьмовск.
ул. 19, Зинаида Семеновна

Уезд. Б.Т. 42

12. Beruf:

Профессия

Арbeits

Работи

13. Wann und wo gefangen: 3. VII - 1941

Когда и где попал в плен

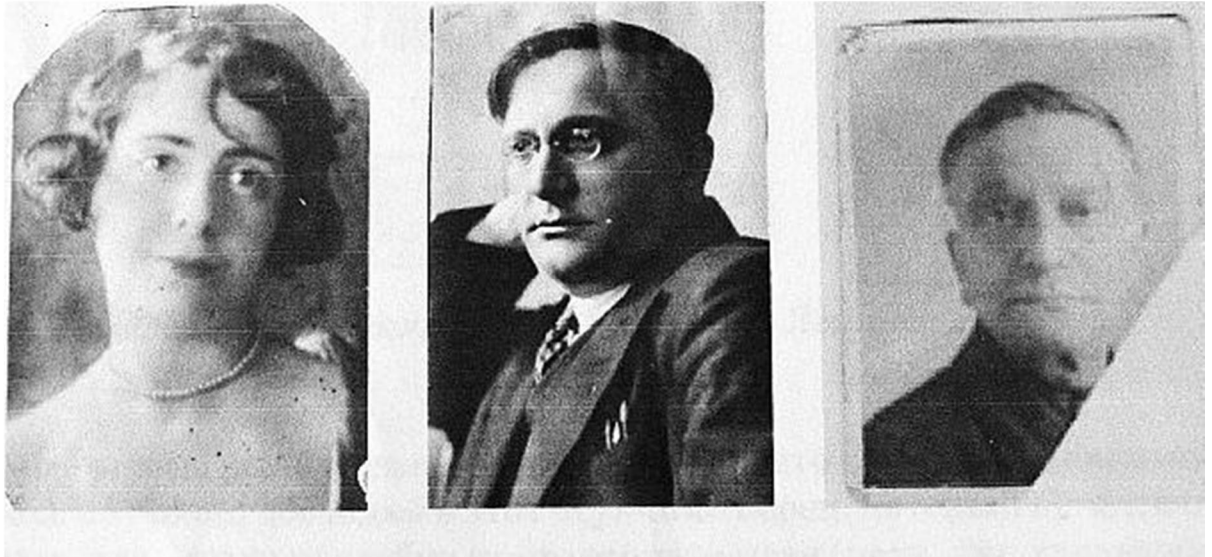
14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Teils:
Matrikel-Nr.

Номер в собственной части

Омел



Сидякина Эльза Филипповна и ее отец, ушедший на фронт в июле 1941 года



Мама и папа до войны, папа во время блокады

Фото от Светлосановой Изабеллы Аркадьевны

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 1843г. ШОФЕР ТРЕТЬЕГО КЛАССА

Личная подпись водителя: *Александр*

Подпись: *Александр*

Фамилия: *Полторацкая*

Имя: *Александр*

Отчество: *Александрович*

К. № 733862

Стаж с: *2 мая 1942*

имеет право управления автомобилями, кроме автобусов коммунального пользования машин скорой медицинской помощи и пожарных.

С правом управления газогенераторными автомобилями

Председатель Квалификационной комиссии: *Александр*

М. П. 21 VII 1942 (дата выдачи)

Выдано *Александров*

Квалификационной комиссией Госавтоинспекции Управления Р.-К. Милиции

В. А. Александров

на основании протокола № *68013*

от *20* II 1942 г. ш. 3

Учили. Мособлгорлита № В-12-5591-14. Москва. Гостизн. 1940



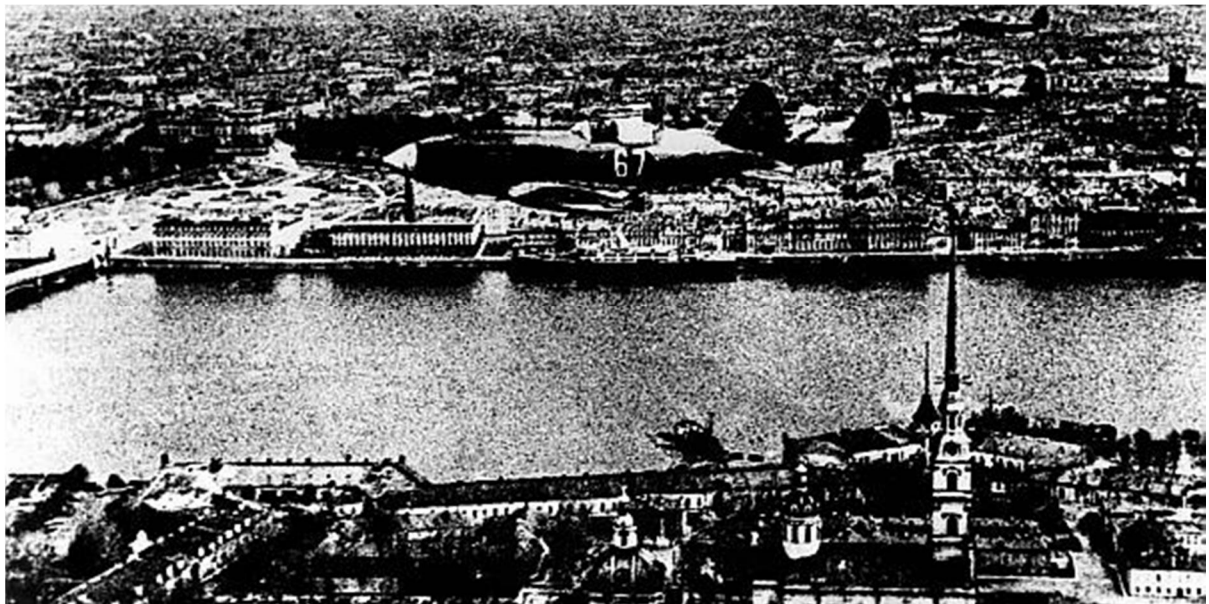
Фото от Межерицкой Татьяны Мордуховны



Фото от Межерицкой Татьяны Мордуховны



Зима 1942 года. Ленинград в блокаде. Жители города расчищают снег на Невском проспекте. Фото Г. Чертова, 1942 год. Репродукция фотохроники ТАСС



Блокадный Ленинград. Советские истребители защищали небо осажденного города. Снимок В. Тарасевича. Репродукция ИТАР-ТАСС



Аэростаты воздушного заграждения на Исаакиевской площади. Репродукция фотохроники ИТАР-ТАСС



Ленинград в дни блокады. Ребята из детских яслей № 237 на прогулке.
Репродукция ИТАР-ТАСС



Побережье Ладожского озера. В ожидании переправы на Большую Землю. 1941
год. Репродукция ИТАР-ТАСС



Любу́тин Макси́м Архи́пович (справа)



Сепселева (Хмаренкова) Вера Макаровна



Лебедева Мария Васильевна (слева)



Коршунов Константин Алексеевич





Прислала Никитина Галина Борисовна



Фото от Катудиной Валентины Сергеевны

Стран, соединитесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№20292717 *

Фамилия _____
Имя и отчество _____
Год рождения _____
Время вступления в ВЛКС _____
Наименование организации,
выдавшей билет _____
Место для
фотокарточки _____
личная подпись
Секретарь
Райкома _____
19__ года

Уплата членских взносов за 19__ г.

Месяц	Месяч- ный за- работок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь	10р	10р	
Февраль	7р	10р	
Март	10р	10р	
Апрель	20р	10р	Иванов
Май	20р	10р	Иванов
Июнь	20	10	Иванов
Июль	20	10	Иванов
Август	20	10	Иванов
Сентябрь	20	10	Иванов
Октябрь	20	10	Иванов
Ноябрь	20	10	
Декабрь	20	20	



Ленинград. Артобстрел Невского проспекта в дни войны (1941 – 1942 гг.).
Репродукция Валерия Христофорова / Фотохроника ТАСС



Аничков мост во время артобстрела. Репродукция ИТАР-ТАСС



Снаряды рвались на Невском. Фото Д. Трахтенберга. Репродукция ИТАР-ТАСС



Фото от Трибунской Галины Андреевны



Ленинградские дети. Фото Б. Кудоярова, 1942 год. Репродукция ИТАР-ТАСС



Письмо к маме
Сентябрь. 1941 год.
Дорогие папа и мама! Наш
родной Ленинград не будет
отданы нас погрузим на
проклятому врагу и
мы ленинградцы де-
лаем все, чтобы этого
не случилось. Не будет



вашей жизни! А вот ты - вздох! Твердо верить что
тут - улицы Ленинграда! и на нашей стороне бу-
дет. Если погибну - не надо дать светлый прощание
слез - война. Вам до победы. Правда говорит
рогие не придется краснеть, что кто пришел на
сметь за своего сына. Русь с мечем - от ме-
стойко буду выполнять чья и погибнет. Исто-
свой долг до последнего ризя поучаствует это.

Крепко-крепко це-
лую и обнимаю вас
дорогие папа и ма-
ма. И чтобы не слу-
чилось держитесь
стойко. Ведь мы -
Ленинградцы.
Ваш сын - Л. Анякин.

Если погибну, то
прошу передать
моим родителям
по адресу:
город Ленинград
Октябрьский рай-
он, ул. Декабри-
стов. Дом №
квартира №
Ананину
Кобляку Андрею

1941



Ленинград. Вид на Социалистическую улицу в дни обороны города



После бомбежки жители покидают дома, разрушенные фашистскими бомбами. Фото Б. Кудоярова. Репродукция фотохроники ТАСС



Лев Шервуд до войны



Лев Шервуд с дедом Л. В. Шервудом (сидят слева)



Шервуд Ирина Леонидовна



Спивак Абрам Соломонович (начальник штаба эвакогоспиталя)



Дом скульптора Л. В. Шервуда до войны



Форма № 17

ЭВАКОГОСПИТАЛЬ № 2764

АРМАТУРНАЯ КАРТОЧКА № *209*

НА ПРЕДМЕТЫ ВЕЩЕВОГО СНАБЖЕНИЯ

с/б
Колесов *13 5*

Справки:
 Проведено записки в системе учета № _____ от _____
 Проведено исключ. из списков учета № _____ от _____

Наименование предметов	Колич.	Время выдачи	Время сдачи	Примечание
Фуражка				
Пилотка				
Шинель				
Куртка зимняя				
Рубашка суконная				
Рубашка летняя				
Шарф, суконный				
Шарф, летний				
Рубашка пар.				
Кальсоны				
Подолетница				

М 79/84 Таб. «Истор», зак. 2220 с

Наименование предметов	Колич.	Время выдачи	Время сдачи	Примечание
Носки, платок				
Портянки летние				
Сандали зимние				
Сандали летние				
Ботинки				
Обмотки				
Рубашка теплая				
Кальсоны тепл.				
Термопиджаки теплые				
Телогрейка				
Ремни, кожаные				
Подарочные				
Мелкие вещицы				

с/б *13* *Колесов*



Историческая справка: ЭВАКОГОСПИТАЛЬ № 2764
 ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛИЦИЯ
Назаров

Арматурная карточка



Трое мужчин хоронят умерших в дни блокады. Волково кладбище. Репродукция фотохроники ТАСС



Фото от Погумирской Евгении Ивановны



Ленинград в блокаде в феврале 1942 года. Объявления об обмене вещей на продукты. Репродукция ИТАР-ТАСС



Во время артобстрела опасность поджидала людей на улицах осажденного города. Надпись на стене дома, предупреждающая об опасности, больше не нужна.

Репродукция ИТАР-ТАСС



Ленинград. Весна 1943 года. Ленинградцы убирают лед у театра драмы им. А. С. Пушкина. Репродукция фотохроники ТАСС



Ленинградская область. Колпино. Проспект Ленина после боев и артобстрелов.
Репродукция фотохроники ТАСС



Ленинград. Школьники развешивают плакаты на улице. Репродукция
фотохроники ИТАР-ТАСС



Пулковские высоты (2013 г.). В сентябре 1941 года здесь было остановлено наступление фашистских войск. Стабилизировавшаяся (до января 1944 г.) линия фронта прошла у подножия Пулковских высот



Терещенко Валентина Ниловна



Моисеенко Татьяна Аркадьевна



Чаепитие в Московской организации ветеранов-блокадников